

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Библиотека
ФАКУЛЬТЕТА
ПОЛИТОЛОГИИ
МГУ

РУССКАЯ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

1850–1860-е
ГОДЫ

ХРЕСТОМАТИЯ

БИБЛИОТЕКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ

**БИБЛИОТЕКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук ШУТОВ А. Ю. (председатель),
д-р полит. наук ШИРИНЯНЦ А. А. (заместитель председателя),
канд. филос. наук ОСАДЧЕНКО З. Н. (ответственный секретарь),
канд. ист. наук АНДЕРСОН К. М., д-р полит. наук АХРЕМЕНКО А. С.,
канд. полит. наук ДЕМИН И. Ю., канд. филос. наук ДЕМЧУК А. Л.,
канд. ист. наук ЕВГЕНЬЕВА Т. В., д-р филос. наук КОВАЛЕНКО В. И.,
д-р филос. наук КУДРЯШОВА М. С.,
д-р полит. наук, академик РАН ПИВОВАРОВ Ю. С.,
д-р филос. наук ЦЫГАНКОВ П. А.,
канд. полит. наук ЧИХАРЕВ И. А., д-р филос. наук ШЕСТОПАЛ Е. Б.,
д-р полит. наук ЯКУНИН В. И.

МОСКВА, 2012

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

РУССКАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

1850–1860-е ГОДЫ

ХРЕСТОМАТИЯ

Под редакцией А. А. Ширинянца

Допущено

УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов Московского государственного университета, имеющего право разрабатывать образовательные программы на основе самостоятельно установленных образовательных стандартов и требований

Издательство Московского университета

2012

Транснефть

Издание осуществлено при поддержке
Открытого акционерного общества
«АК «Транснефть»»

УДК 32(091)(419)
ББК 66.1(2)5
Р88

Печатается по решению
Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы:
Р88 Хрестоматия / Сост: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. тек-
стов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. —
М.: Издательство Московского университета, 2012. — 896 с. —
(Библиотека факультета политологии МГУ).
ISBN 978-5-211-06410-2

В хрестоматию, составленную в соответствии с программой учебного курса «История социально-политических учений России», читаемого на факультете политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, вошли произведения К.С. Аксакова, А.И. Герцена, К.Д. Кавелина, Н.П. Огарева, Д.И. Писарева, Ю.Ф. Самарина, Н.Г. Чернышевского. Издание снабжено комментариями.

Для студентов гуманитарных факультетов университетов, а также всех, кто интересуется историей русской социально-политической мысли.

Ключевые слова: история социально-политических учений, Россия, 50–60-е годы XIX века; русская социально-политическая мысль.

УДК 32(091)(419)
ББК 66.1(2)5

Russian Social and Political Thought. 1850–1860's: Reader //
Comp. by Demin I.Yu., Shirinyants A.A.; texts prep. by Myri-
kova A.V., Repieva A.M.; ed. by Shirinyants A.A. — Moscow:
Moscow University Press, 2012. — 896 p.

The reader is compiled in accordance with the “*History of social and political Russian studies*” course taught at the faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University. It contains the works by Aksakov K.S., Herzen A.I., Kavelin K.D., Ogarev N.P., Pisarev D.I., Samarin Yu.F., Chernyshevsky N.G. This edition is supplied with comments.

The book is intended for students of humanities as well as anyone interested in the history of the Russian social and political thought.

Keywords: history of social and political studies, Russia, 1850–1860's; Russian social and political thought.

ISBN 978-5-211-06410-2

© Факультет политологии МГУ
имени М.В. Ломоносова, 2012
© Издательство Московского университета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Аксаков Константин Сергеевич

Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. 54

Дополнение к записке «О внутреннем состоянии России», представленной государю императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым 77

Замечания на новое административное устройство крестьян в России . . . 83

Комментарии 129

Самарин Юрий Федорович

На чем основана и чем определяется верховная власть в России 146

О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе. . . 162

По поводу толков о конституции 254

Комментарии 259

Кавелин Константин Дмитриевич

Записка об освобождении крестьян в России 284

Мысли об уничтожении крепостного состояния в России 353

Взгляд на русскую сельскую общину. 365

О нигилизме и мерах, против него необходимых 391

Комментарии 404

Герцен Александр Иванович

Россия. 421

Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле 453

Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону 480

Еще вариация на старую тему (Письмо к...) 508

Русские немцы и немецкие русские 520

Порядок торжествует! 544

Комментарии 573

Огарев Николай Платонович

Русские вопросы. Крестьянская община 617

Частные письма об общем вопросе. 646

Комментарии 670

Чернышевский Николай Гаврилович

Критика философских предубеждений против общинного владения . . .	678
Суеверие и правило логики	716
Письма без адреса	744
<i>Комментарии</i>	772

Писарев Дмитрий Иванович

Схоластика XIX века	783
«Глупая книжонка Шедо-Ферроти...»	818
Реалисты	825
<i>Комментарии</i>	880

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая «Хрестоматия» входит в университетскую серию книг «Библиотека факультета политологии»* и ориентируется на программу учебного курса «История социально-политических учений России», преподавание которого началось на философском факультете в 2004 г. и продолжается на новом факультете политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Органической частью этого фундаментального курса** является история социально-политической мысли России 1850–1860 гг. — времени подготовки и осуществления «Великих реформ», изменивших страну, когда были высказаны замечательные идеи, намечены важнейшие проблемы общественно-политического характера, на долгие годы определившие направленность русской социально-политической мысли. В этом отношении мыслителями, творчество которых заслуживает первоочередного внимания, в то время были К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, К.Д. Кавелин, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев.

Этот небольшой перечень открывают имена К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, выступавших с позиций славянофильства — идейного течения, важное место в котором заняло политическое учение о государстве и власти в его отношении к народу (Земле, общине, обществу), о русском самодержавии как народной монархии.

В разгар Крымской войны 18 февраля 1855 г. скоропостижно скончался император Николай I. На следующий день вышел Манифест «О вступлении на престол Государя Императора Александра Николаевича», в котором прозвучали фразы о «священном обете иметь всегда единою целию благоденствие Отечества нашего» и желании «утвердить Россию на высшей ступени могущества и славы».

* Русская социально-политическая мысль. XI—XVII вв.: Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, А.С. Ермолина В.С. Зубова; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011; Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянец; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011.

** Курс читается студентам в течение четырех учебных семестров и охватывает десять столетий развития русской социально-политической мысли — от древности до первой половины XX в.

Этот документ произвел благоприятное впечатление на русское общество, породив надежды на потепление политического климата. Как это часто бывает, с воцарением нового самодержца, у многих интеллигентов-патриотов появилось желание воздействовать на правительство, не имеющее, по их мнению, ясного представления о перспективах развития страны, о направлении, стратегии и тактике движения вперед. Не стали исключением и славянофилы, задумавшие весной 1855 г. «пробудить внимание и поставить вопросы» в своем коллективном обращении к правительству, — Ю.Ф. Самарин брался за обзор государственной службы вообще, В.А. Черкасский — положения казенных крестьян, А.И. Кошелев — финансов и откупов, И.С. Аксаков — судопроизводства и судопроизводства. Поскольку К.С. Аксаков не состоял на государственной службе и к тому же был «невозможен в приложении практическом», в этот проект он вовлечен не был. Из-за этого у К.С. Аксакова возникли разногласия с Ю.Ф. Самариным.

Волею судеб начинания Ю.Ф. Самарина и И.С. Аксакова так и остались начинаниями, а обиженный К.С. Аксаков в марте 1855 г. очень подробно изложил свои мысли в адресованной (и, в конце концов, врученной) новому императору записке «О внутреннем состоянии России», ставшей, по выражению Н.И. Цимбаева, «единственным памятником славянофильским надеждам “завоевать Россию”»*. Эта записка, которую некоторые исследователи считают политическим манифестом не только самого К.С. Аксакова, осуществившего «общую концептуализацию политологии славянофильства» (выражение А.Ф. Замалеева), является важнейшим документом социально-политического творчества русского мыслителя**.

Дело в том, что историко-политологическая и в целом социально-политическая концепция К.С. Аксакова в деталях была разработана к началу 1850-х гг. Однако именно в записке «О внутреннем состоянии России» разрозненные элементы концепции, идеи,

* Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 194. Как отмечает Н.И. Цимбаев, Александр II прочел записку и «с удовольствием отметил те места, где шла речь о «неполитическом характере» интересов русского народа». (Там же. С. 195.)

** Записка «О внутреннем состоянии России» увидела свет только через 25 лет после ее написания — 9 мая 1881 г. И.С. Аксаков опубликовал ее первую часть в № 26 московской газеты «Русь», сопроводив пояснением, где указал цели своей публикации: «выяснить, наконец, общие основы русской народной политической мысли», давая, таким образом, повод утверждать, что эта записка является программным документом славянофильского кружка.

высказанные им ранее в разных работах, были приведены в определенную систему, и потому она заслуживает особого внимания. Записка состоит из небольшой преамбулы и 12 отличающихся по объему разделов, содержание которых характеризует как сам строй и стиль мышления К.С. Аксакова, так и содержательную сторону его концепции.

К.С. Аксаков прибавил к записке «Дополнение», в котором дал вытекающий из нее «сосредоточенный вывод» числом в пятнадцать пунктов и два примечания (о пользе свободы слова и о важности нравственной свободы человека в быту). В «Дополнении» он еще раз коротко сформулировал две практические меры, которые, по его мнению, позволят достичь желаемого восстановления древнего союза правительства с народом, государства с землею, на прочном основании истинных коренных русских начал: «Полная свобода слова устного, письменного и печатного — всегда и постоянно; и *Земский Собор*, — в тех случаях, когда правительство захочет спросить мнения страны»^{*}.

Записка эта, как и многие начинания славянофилов, осталась без последствий.

Позже К.С. Аксаков предпринял опыт неформального участия в подготовке важнейшего события России XIX в. — освобождения крестьян от крепостной зависимости. Речь идет о его замечаниях на восемь докладов Административного отделения Редакционных Комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости^{**}. Критически осмысливая содержание этих документов, К.С. Аксаков формулирует собственную конструктивную программу, которая продолжала начатое в его записке «О внутреннем состоянии России» (1855).

«Народ есть лицо самобытное, самоопределяющееся»^{***}, — не устает повторять К.С. Аксаков. И потому: «Всякое искажение, в народ вошедшее, не должно быть уничтожаемо внешним образом, по указу, а должно быть выброшено вон, внутренним процессом, вследствие нравственного подвига, вследствие свободного сознания и искреннего убеждения»^{****}, — предостерегает он реформато-

^{*} Константин Аксаков. Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России, представленной Государю Императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым // Русь. М., 1881. № 28. Политическое обозрение. С. 13.

^{**} Аксаковские заметки были изданы уже после смерти мыслителя. См.: Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг: У Франца Вагнера, 1861.

^{***} Там же. С. 17.

^{****} Там же. С. 84–85.

ров. Главным принципом административных реформ в области крестьянского хозяйства должно стать обращение к естественным исторически выработанным основаниям и традициям крестьянской жизни: «Готовясь рассуждать о предстоящем устройстве Русского народа, надо было начать с того, чтоб изучить это устройство во всех возможных подробностях, как в историческом, так и в современном, местном отношении. Тысячелетний опыт народа что-нибудь да значит. Исторические изыскания здесь необходимы... Надобно было, если уж не советоваться, то хотя снять мерку с того, кому собираешься сшить платье; надобно кроить платье по народу, а не народ по платью, хотя для него, но от него вдали и не по нему сшитое»*.

Опираясь на собственный исследовательский опыт изучения истории естественного хода, кругообращения народной жизни, К.С. Аксаков предлагает оставить или восстановить естественное для Русской земли «соединение оконченных в себе кругов, смыкающихся друг с другом и восходящих от самых малых до самых широких размеров»**. При этом, как подчеркивает К.С. Аксаков: «Правительство не должно входить в частный мир так же, как не должно входить и в дом крестьянина, и так же, как и в доме крестьянина не должно в нем распоряжаться. Чем меньше будет точек соприкосновения у Правительства с народом и у народа с Правительством, тем лучше»***.

К.С. Аксаков разделяет институты общего и частного крестьянских миров. Общий Мир К.С. Аксаков предлагает назвать «округой». Окружной Мир включает не менее 150 дворов и имеет определенные полномочия. Во-первых, он решает все внутренние дела и вопросы окружного Мира (например, о построении приходской церкви); во-вторых, берет на себя все соприкосновения с правительством, и как следствие, в-третьих, обязательно выбирает необходимых должностных лиц. Определяя формулу взаимоотношений этого мира и правительства, К.С. Аксаков пишет: «Правительство предъявляет: *что*. Народу представляется: *как*. — За чертою же этого *общего* мира, народ живет и управляется совершенно по-своему — конечно сумеет управиться: ибо самый Мир — есть его создание»****. Таким образом, К.С. Аксаков считает необходимой систему, в которой Власть в лице правительства признает Мир как сообщество русского народа в целом, и на разумной, нрав-

* Там же. С. 18–19.

** Там же. С. 21.

*** Там же. С. 25–26.

**** Там же. С. 36.

ственной, освященной традициями основе взаимодействует с Миров окружным, состоящим из самоуправляющихся частных миров (дворов, крестьянских семей).

Чуть раньше появления аксаковской «Записки...», во время Крымской войны, попытку аргументированного изложения славянофильского представления о русском самодержавии как надсословной, народной монархии, ограниченной православными и народными, а не формально-юридическими началами предпринял друг и сподвижник К.С. Аксакова — Ю.Ф. Самарин. Безымянная рукопись, названная позже публикатором «На чем основана и чем определяется верховная власть в России», до сих пор поражает читателя глубоким проникновением в существо политических вопросов.

Критика Ю.Ф. Самариным поисков «всесовершенной и безусловно применимой формы правления», бездумного заимствования чужих образцов, высказанные им идеи «народности» правительства и конфессиональной определенности, лежащей в основе союза правительства и народа, — все это актуально и в наши дни. В качестве иллюстрации приведем лишь один фрагмент самаринского текста: «Представим себе третий случай. В государстве христианском, где-нибудь на краю земли, живут мусульмане. Правительство, исповедует веру Христову, любит, чтобы его прославляли на всех языках, и с одинаковым благоволением принимает молитвы о его благоденствии, где бы они ни читались: в церквях, в костелах, в синагогах или в мечетях. Мусульмане не только свободно отправляют свое богослужение, но даже пользуются покровительством власти; им строят мечети, воспитывают для них мулл, издают для них Коран; чего им больше? Они довольны и при всяком случае рассыпаются в изъявлениях своей преданности. Наступает время доказать ее на деле. Загорается война, война за спасение православных от ига мусульман. Что сделают мусульманские подданные православного правительства? Чью сторону они примут? Памятуя неоднократные доказательства заботливости о их благе, станут ли они под знамя креста, в ряды того правительства, которому клялись в усердии, или не увлечет ли их в противоположную сторону блеснувший перед их глазами полумесяц? Сочувствуя правительству во всем, кроме веры правительства, будут ли они надежными слугами, когда дело дойдет до борьбы веры правительственной с их верою?»*

* Самарин Ю.Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // 1840–1876: Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. М., 1997. С. 60.

Идея народной монархии стала стимулом активнейшего участия Ю.Ф. Самарина в деле по подготовке и исполнению освобождения многомиллионного крепостного крестьянства, а также отправной точкой критики конституционных поправок определенной части «либеральствующего» дворянства, терявшего в связи с отменой крепостного права часть своих привилегий.

Из большого количества документов (составивших три тома сочинений Ю.Ф. Самарина*) наиболее значимым представляется объемная записка «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», подготовленная Ю.Ф. Самариним еще до официального «старта» эмансипационной кампании по отмене крепостного права в России**. Записка была начата Ю.Ф. Самариним в 1853 г., окончена в начале 1854 г., переработана и пущена в обращение в рукописном виде в 1856 г., т.е. за год до первых из целой серии Высочайших рескриптов «об улучшении быта помещичьих крестьян» — рескрипта Александра II от 20 ноября 1857 г. Виленскому, Гродненскому и Ковенскому военному генерал-губернатору В.И. Назимову об учреждении из числа местных помещиков трех губернских комитетов и одной «общей комиссии в г. Вильне» для подготовки местных проектов крестьянской реформы и аналогичного рескрипта петербургскому генерал-губернатору графу П.Н. Игнатьеву от 5 декабря 1857 г.*** публикация которых в официальной прессе в декабре 1857 г. обозначила начало крестьянской реформы в России.

Ю.Ф. Самарин прямо указывает на то, что его записка «посвящена исключительно *переходным мерам* от настоящего положе-

* Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 2: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. М., 1878; т. 3: Крестьянское дело с 20 ноября 1857 года по июнь 1859 года. М., 1885; т. 4: Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1864 года. М., 1911.

** Из тех работ Самарина, созданных уже после старта кампании, принято отмечать опубликованную во 2-й книге журнала «Сельское благоустройство» за 1858 г. его статью «О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном», которую некоторые историки называют «проектом Самарина» в ряду «Помещичьих проектов отмены крепостного права» (Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М.: Изд-во Московского университета, 1994. С. 475–476). Однако содержание этой статьи, как и позиция Самарина по крестьянскому вопросу, во многом определились во время работы над первым документом такого рода — запиской «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», — который мы и публикуем.

*** В течение 1858 г. подобные рескрипты были даны и остальным губернаторам, и в том же году в 46 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, были учреждены губернские «комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян».

ния крепостного сословия к гражданской свободе. Назначение их тройкое: 1. Положить предел естественному развитию крепостного права. 2. Открыть исход из него отдельным личностям, поднимающимся выше уровня крепостного сословия. 3. Облегчить и поощрить добровольные сделки»*. В ней последовательно рассмотрены влияние крепостного права на общественную нравственность, политическое благоустройство, народное хозяйство; взаимные отношения помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам; отношение правительства к крепостному праву; различные виды крепостных отношений. Предлагаются «меры отрицательные» против дальнейшего развития крепостного права (запрещение переводить из крестьян в дворовые для домашних услуг; запрещение целые селения переводить с оброка на барщину; воспрещение дробления имений ниже положенной меры) и «меры положительные» к установлению новых, правомерных отношений для целых обществ (добровольные сделки между помещиками и крестьянами; разрешение приобретения населенных имений капиталистам, не принадлежащим к потомственному дворянству; разрешение крестьянам занимать деньги для выкупа себя с землею; разрешение увольнять в звание вольных хлебопашцев и обязанных крестьян по духовным завещаниям) и для освобождения частных лиц (обязательный выкуп). «С выплатою помещикам полного вознаграждения, — считает Ю.Ф. Самарин, — упразднится всякое с их стороны право как на землю, состоящую у крестьян во владении, так и на их труд. Крестьяне, вполне отрешенные от помещика в хозяйственном и в юридическом отношении, поступят в прямую зависимость от правительства, как состояние свободное, но отвечающее за казенный долг, лежащий на его земле.

Тогда получат окончательную юридическую организацию сельские общества; устроится мирское управление с административными разделениями на приходы, округа, волости; устроятся судебные инстанции, школы; издадутся особые уставы.

Наконец, после погашения казенного долга, бывшие помещичьи крестьяне станут к правительству в отношении свободного сельского сословия, владеющего своею землею на праве полной собственности»**.

* Самарин Ю.Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе // Сочинения. Т. 2: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года / Издание Д. Самарина. М.: типография А.И. Мамонтова и К°, 1878. С. 133–134.

** Там же. С. 135.

Таким образом, Ю.Ф. Самарин в своей записке предлагал поэтапный переход «из крепостного состояния к гражданской свободе», т.е. в «правомерные отношения», начиная от добровольных сделок помещиков и крестьян и «усовершенствования» указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, через повсеместный переход к обязательным отношениям, к выкупу надельной земли у помещиков и превращению ее в полную собственность крестьянского мира как окончательной цели отмены крепостного права.

Завершает «самаринский» блок «Хрестоматии» его работа «По поводу толков о конституции» (1862). Этот текст представляет собой черновой проект заявления, которое славянофилы собирались поместить в газете «День» как протест против предполагавшегося адреса московского дворянства о даровании конституции, т.е. фактически о смене формы правления в России. Конституционные поползновения новоявленных дворянских «прогрессистов» не были бы возможны, если бы в общественном сознании не сформировался некий социально-психологический «комплекс либерала» — когда все стремились быть или хотя бы выглядеть «прогрессистами», а слово «либерал» приобрело особый оттенок, стало знаком, обозначающим принадлежность человека к фрондирующей части общества, т.е. к избранным борцам «за прогресс и цивилизацию» ставшим «общественной силой». Об этой «общественной силе», пред которою трусили, за которою, как водится, ухаживали даже многие представители власти того времени, жаждавшие популярности — сопричисления к лику «либералов», Ю.Ф. Самарин, по мнению И.С. Аксакова, высказался верно и пророчески, назвав эту «общественную силу» силой умерщвляющей, а не дающей жизнь*.

И.С. Аксаков, опубликовавший статью Ю.Ф. Самарина в газете «Русь» в 1881 г. и сопроводивший ее своими замечаниями, указал на актуальность самаринских размышлений: «Хотя заявление Самарина написано двадцать лет тому назад, однако же, к сожалению, мало того — к истинному ужасу — оно кажется, за исключением некоторых частных, написанным как бы вчера!»**

Действительно, многие мысли Ю.Ф. Самарина и в наши дни звучат современно. Достаточно, например, указать на его рассуждения по поводу централизации: «где конституционная форма

* См.: Аксаков И.С. О статье Ю.Ф. Самарина по поводу толков о конституции в 1862 году // Русь. 1881. № 29. 30 мая. С. 2.

** Там же. С. 4.

возникает не как самородный плод свободного развития народной жизни, а заимствуется извне, как готовая форма, как покррой платья, — там прямое и неизбежное ее последствие: усиление централизации, не только административной, — в области правительственной, но и умственной — в развитии народного просвещения. Одна точка, один город делается самодержавным властелином целой земли»*. Как во времена Ю.Ф. Самарина, так и сейчас, «к этому средоточию политического движения» — в столицу государства «устремляются массы народа, капиталов, способностей, привлеченных заманчивой деятельностью на видном поприще». В результате ослабевают остальные части государства, выступающие по отношению к столице уже в роли заштатной периферии. С течением времени эта централизация «усиливается поневоле, вследствие постепенного истощения всего организма, как единственное средство восполнить пустоту и мертвенность в его оконечностях»**. Вполне в духе концепции Государства и Земли К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарин приходит к выводу о том, что централизация чревата серьезными проблемами — «государство потребляет больше, чем вырабатывает земля, и мало-помалу заедает землю»***.

Выступая против «лжепрогресса», «лжепросвещения», «лжекультуры», считая либеральные толки о перемене формы правления пустой болтовней, чуждой не только правды, но и искренности, Ю.Ф. Самарин более всего опасался «дожить до лжесвободы и лжеконституции». Чтобы этого избежать, считал он, «нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т.д., и т.д.»****. На наш взгляд, подобные программные требования (конечно же, после небольшой редакции) вполне уместно смотрелись бы и в документах многих современных политических партий России.

* Самарин Ю.Ф. По поводу толков о конституции // 1840—1876: Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. С. 97.

** Там же. С. 98.

*** Там же. С. 97.

**** Там же. С. 98.

* * *

Исследователи либерализма (В.В. Шелохаев и др.) убедительно доказали, что в России начиная с середины XIX в. оформилось своеобразное либеральное течение социально-политической мысли, концептуальной основой которого были синтез или противоречивое сочетание целого комплекса идей, идущих от Гегеля, Шеллинга, Канта и др., что идейные корни русского либерализма в основном те же, что у их европейских современников — Мишле, Ранке, Токвиля и др., а потому все это в целом свидетельствует об общей принадлежности русского либерализма к европейской традиции. Специфика русского либерализма в том, что русские либералы-интеллектуалы (сначала в одиночку, а затем небольшими группами), заимствуя западные идеи, пытались насадить их «сверху» в традиционную и малоподготовленную к восприятию среду, стремились использовать творческий потенциал самодержавного режима.

Родоначальником концептуального либерализма в России можно считать К.Д. Кавелина. Его русские предшественники — либералы-западники, наподобие Н.В. Станкевича, представляли собой кружковых мыслителей, слабо воздействовавших на общественную идейно-политическую атмосферу. Главные теоретические интересы К.Д. Кавелина лежали в области русской историографии. Понимание им русского исторического процесса оказало определенное влияние на разработку основных принципов либеральной политики, которые были изложены, в частности, в «Записке об освобождении крестьян в России» (1855), о которой пойдет речь ниже. В одной из своих центральных работ «Взгляд на юридический быт древней России» он выражает несогласие с позицией другого «западника» — П.Я. Чаадаева относительно того, что «застывшие формы» древнерусского быта определили способность Руси к изменению в будущем. Отвергая взгляд на Россию как на «традиционное общество» (в современной терминологии), он выдвигает принципиальное положение о том, что «наша история представляет постепенное изменение форм, а не повторение их». Это положение и легло в основу либеральной политики, которую разделял К.Д. Кавелин: постепенное изменение форм русской политической жизни, не идущее в ущерб ее государственным устоям. Именно К.Д. Кавелин стал автором проекта освобождения крестьян от крепостной зависимости, главные принци-

пы которого легли в основание правительственной программы реформ 1860-х гг.*

Одним из оснований крепостного права служил принцип принадлежности лиц податных состояний или помещикам-дворянам, или учреждениям и ведомствам. Этот принцип, как и крепостничество в целом, являлся источником социальных, экономических и нравственных «язв», мешающих развитию России — такова центральная идея рукописной «Записки об освобождении крестьян в России», пущенной в оборот К.Д. Кавелиным в конце 1855 г. В 1857 г. она была опубликована в издававшемся А.И. Герценом сборнике «Голоса из России», а в 1858 г. Н.Г. Чернышевским в журнале «Современник».

К.Д. Кавелин различает в России два вида крепостного права: государственное и частное. По его подсчетам, государственному крепостному праву «подлежат более 4.000,000 душ обоего пола», а «частному крепостному праву подлежат более 21.500,000 душ обоего пола, а именно крепостных помещичьих крестьян 20.589,178, дворовых людей — 1.035,924.

Следовательно, всего государственному и частному крепостному праву подлежат у нас 25.498,930 душ обоего пола, тогда общее народонаселение империи, за исключением Финляндии, Царства Польского, Американских владений и Закавказского края, составляет, по официальным сведениям, 56.313,323 души**.

К.Д. Кавелин прежде всего предлагал осуществить меры для разрешения вопроса о государственном крепостном праве, затем решить вопрос о помещичьем крепостном праве.

Определяя шесть первоочередных мер, касающихся казенной промышленности и казенных крестьян, а также организации армии и военного дела, К.Д. Кавелин выступает, во-первых, за то, чтобы продать или отдать в частные руки «все правительственные промышленные заведения», использующие подневольный труд, а приписанным к ним мастерам и рабочим «предоставить избрать род жизни по своему усмотрению». Продажа или отдача в аренду государственных предприятий с его точки зрения может стать основным источником финансирования реформ. Во-вторых,

* Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Vol. I. 1855 до 1858. Берлин, 1860. С. 233.

** Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян в России // Собр. соч. К.Д. Кавелина: В 14 т. Т. 2: Публицистика: [рассуждения, статьи и заметки К.Д. Кавелина] / С портр. авт., вступ. ст. В.Д. Спасовича и примеч. проф. Д.А. Корсакова. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Стлб. 14.

К.Д. Кавелин считает необходимым «всех крестьян, приписанных к каким бы то ни было ведомствам, заводам, фабрикам, заведениям и т. п., подчинить одному управлению и закону с свободным сельским населением империи вообще»*. В-третьих, в военной сфере К.Д. Кавелин требует упразднить институт кантонистов**; в-четвертых и в-пятых, запретить использовать труд военнотружеников ни в какой службе, кроме «собственно военной, в самом строгом значении этого слова», а «все не военные должности и службы... замещать вольнонаемными, служащими по желанию и за условленную плату»***. В-шестых, К.Д. Кавелин предлагает изменить воинскую повинность — сократить срок службы до семи лет; ввести обязательность военной службы для представителей всех сословий, достигших 18 лет. После семи лет службы предполагается чистая отставка и возвращение в свое сословие; жена и дети солдата на время службы не должны попадать в зависимость от военного начальства, их социальный статус не меняется. Что же касается самих рекрут — то, как считает К.Д. Кавелин, было бы полезно на первый год службы оставлять рекрута как можно ближе к родине; прежде чем отправлять в бой, обучать его минимум два года; ввести институт сверхсрочников — служащих за материальное вознаграждение и т.д.****

Всесторонне аргументировав преимущества «вольного труда», рассмотрев пагубность помещичьего крепостного права в экономическом, нравственном и политическом отношениях, К.Д. Кавелин определяет «главные основания» освобождения помещичьих крепостных крестьян:

«1) крепостных следовало бы освободить вполне совершенно, изпод зависимости от их господ;

2) их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею, и

3) освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев»*****.

Говоря о «средствах» и «условиях» такого освобождения, К.Д. Кавелин специально останавливается на вопросе определения размера земельного надела крестьян и вознаграждения помещиков. Из разных вариантов освобождения: а) со всею землею, принадлежащею к имению, в котором они поселены; б) с определенным

* Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян в России. Стлб. 19.

** Там же. Стлб. 20.

*** Там же. Стлб. 20–21.

**** Там же. Стлб. 22.

***** Там же. Стлб. 43.

большим или меньшим количеством десятин на тягло или на душу, смотря по местности; и в) с тою лишь землею, которая находится в действительном владении и пользовании помещичьих крепостных»), предпочтительным ему представляется самый очевидный — оставить земледельцам те участки, которые находились на тот период в их действительном владении и пользовании*, а сразу и в полном размере выплачиваемый при этом выкуп помещикам включить плату не только за землю, но и за самих крестьян. Эти же вопросы он осветил в записке, написанной в 1857 г. по просьбе великого князя Константина Николаевича, только что назначенного членом секретного Комитета по крестьянскому делу**.

Условиями осуществления реформы, по К.Д. Кавелину, должны стать: предварительное широкое публичное обсуждение проекта; гласность всего хода реформы; строжайшая справедливость, правосудие и добросовестность***.

Таким образом, предложенный К.Д. Кавелиным проект отмены крепостного права включал два принципиальных положения: крестьяне должны получить свободу со всем принадлежащим им имуществом и с землей, которой они пользовались; помещики получают вознаграждение за землю и личность крестьянина, так как крепостные — такая же их собственность, как и земля. Крепостные отношения должны были быть отменены путем постепенных реформ сверху, ибо «мирные... успехи везде вернее и прочнее развития сомнительным и тяжким путем переворотов и смертельных опытов»****.

Именно эти основные положения кавелинской программы — необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости и передачи им в собственность их наделной земли за выкуп при посредничестве государства, при соблюдении максимальной осторожности и постепенности — легли в основу правительственной реформы 1861 г.

Во второй части записки К.Д. Кавелин предпринял разбор мнений своих оппонентов в вопросе освобождения крестьян и дал очень ясную, по профессорски точную формулировку концепции русской политической системы, в которой центральное место занимает царь — посредник между народными массами и просвещенным дворянством: «Русский царь — не дворянин, не купец, не

* Там же. Стлб. 44 и др.

** *Кавелин К.Д.* Мысли об уничтожении крепостного состояния в России // Собр. соч. К.Д. Кавелина: В 14 т. Т. 2: Публицистика... Стлб. 92, 101.

*** *Кавелин К.Д.* Записка об освобождении крестьян в России. Стлб. 51.

**** Там же. Стлб. 54.

военный, не крестьянин; он выше всех сословий и в то же время всем им близок. Сила вешей, нередко вопреки личным наклонностям, стремлениям и понятиям, непременно делает русского царя посредником, верховным третейским судьей общественных интересов, справедливым мерилom притязаний всех классов и сословий»*.

Здесь же он дал оригинальную трактовку бюрократии и предложил свое видение сути местного управления. «Бюрократия, — как считает К.Д. Кавелин, — есть необходимый плод взаимной вражды и недоверия сословий и общественных интересов, не умеющих или не желающих придти к какому-нибудь соглашению»**. На таком же недоверии основано и местное управление, в организации которого необходимо усилить сословное и выборное начала: «сословные дела вверить заведыванию выборных из самих сословий, а общие земские дела — учреждениям, образованным частью из чиновников, частью из выборных», предоставив играть в местном управлении главенствующую роль дворянству, а не бюрократии, а также «подчинить местное управление, в некоторой мере, контролю публичности и гласности, и суду, совершенно независимому от административных учреждений»***.

Освобождение крестьян и реформа местного управления, по убеждению К.Д. Кавелина, позволят преодолеть недоверие сословий, вражду и внутреннюю разорванность русского народа, потому что, во-первых, «и дворянин, и крестьянин, сделавшись землевладельцами, придут в нормальное отношение, будут иметь одни общие интересы, одни выгоды, одни стремления и цели», и, во-вторых, народ найдет в дворянстве «своего естественного, достойного доверия представителя»****.

В статье «Взгляд на русскую сельскую общину», опубликованной в 1859 г. в первом номере «журнала критики, современной истории и литературы» «Атеней», К.Д. Кавелин выступил защитником «общинного нашего землевладения», как уникального средства от пауперизации сельского населения, и предложил преобразование общины в рамках многоукладного сельского хозяйства с различными формами собственности на землю (государственной, личной и общинной). Различая две стороны общины — административную и хозяйственную, К.Д. Кавелин считал необходимым существенно ограничить административные функции

* Там же. Стлб. 68.

** Там же. Стлб. 68–69.

*** Там же. Стлб. 69–70.

**** Там же. Стлб. 72.

общины (надзор над каждым из своих членов, ответственность за сбор податей и отправлением рекрутской повинности, которые, в принципе, должны измениться с изменением государственной финансовой системы) и, поддержав поземельную функцию, превратить последнюю в систему пожизненной аренды крестьянами участков, выделенных из общинной земли. Такая система личной пожизненной поземельной аренды (но не «личной», частной собственности!), обеспечивающая уравнительное землепользование, по его мнению, защитит страну от язвы пролетариата и социальных потрясений*.

К.Д. Кавелин — либеральный западник в 1840–1850-е гг., в 1860-е гг. несколько меняет приоритеты. Ярким примером такой эволюции является его замечательная по своему взвешенному тону записка о нигилизме, переданная в мае 1866 г. императору Александру II.

Рассуждая о политической оппозиции, К.Д. Кавелин указывает на то, что и радикальная нигилистическая оппозиция молодого поколения, и так называемая консервативная оппозиция старшего поколения, как и любые крайности сходятся: «Общею почвою, на которой сходятся эти крайности, служит оппозиция против правительства**», при этом внутренняя связь этих противоположных на первый взгляд течений обнаруживается в том, что без оппозиции «отцов» невозможна была бы оппозиция «детей». Именно консервативная оппозиция порождает нигилизм, так как «она готовила умы молодого поколения к неуважению правительства, она учила их не доверять его действиям, извращать его намерения***».

Совершенно справедливо он отмечает то, что одними полицейскими мерами с этим злом не справиться никогда: «Нигилизм есть идея, есть учение философское, переходящее в своего рода религию (вера в отсутствие бога, души и нравственного закона); это есть учение, имеющее уже своих пророков и жаждущее иметь своих мучеников****». С ним можно бороться лишь мерами, направленными на умственную среду, в которой расцветает это зло — духовные и светские учебные заведения и в целом образованное общество. Прежде всего, считает К.Д. Кавелин: «Нужно, чтобы священник вышел из того уничиженного положения, в ко-

* Кавелин К.Д. Взгляд на русскую сельскую общину // Собр. соч. К.Д. Кавелина: В 14 т. Т. 2: Публицистика... Стлб. 162–194.

** Цит. по: Зайончковский П.А. Записка К.Д. Кавелина по нигилизму // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. V. С. 333–334.

*** Там же. С. 334.

**** Там же. С. 331.

торое он теперь поставлен в русском обществе, нужно чтобы его стали уважать и доверять ему. Это может наступить лишь тогда, когда будет устранена кастическая замкнутость духовенства; когда обеспечено будет его материальное существование и когда приходское духовенство получит самоуправление, гарантирующее его от произвола архиерейской власти»*. Затем нужно не ограничивать средние и высшие учебные заведения, не затруднять доступ к ним, а «по возможности возвышать уровень образования и распространять серьезное знание»**.

Такая позиция К.Д. Кавелина перекликается с мнением многих русских консерваторов, в частности, М.П. Погодина, считавшего нигилистов — «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и недоучек-дилетантов» — невеждами, забывшими Бога и собирающимися «строить новое общество... на крови и в грязи», и предлагавшего не наказывать, а воспитывать и обучать этих людей***.

* * *

Одним из пророков русского нигилизма и в целом революционизма можно считать А.И. Герцена — диссидента, объявленного на родине «вечным изгнанником», ставшим на Западе первооткрывателем особенного мира, «не европейского, не азиатского» — мира России, мира славянского, «с *своим* естественным бытом, с *своим* физиологическим характером»****, мира «варваров, чующих агонию, возвещающих старому миру «*memento mori*», предлагающих ему убицу, если он не желает покончить с собой»*****.

Изначально российский революционизм возникает как часть общеевропейского радикального диссидентства, вдохновлявшегося идеями Великой Французской революции. Уже первые его проявления, связанные с деятельностью декабристов, имели глубокие общеевропейские корни (прусский *Tugendbund*, революции в Греции, Испании, Италии и др.). Так же, как и повсюду в Европе, идеология русского революционизма включала в качестве обязательных составных частей: социализм, ориентацию

* Цит. по: *Зайончковский П.А.* Записка К.Д. Кавелина по нигилизму. С. 333.

** Там же. С. 335.

*** См.: *Погодин М.П.* Простая речь о мудреных вещах. Отдел III. М., 1873. С. 19, 135.

**** *Герцен А.И.* Еще вариация на старую тему (Письмо к....) // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII. Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 429.

***** *Герцен А.И.* Старый мир и Россия. Письма к В. Лингону // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII. Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 177.

на науку и идею прогресса (М.В. Буташевич-Петрашевский и радикальная часть его кружка, шестидесятники, революционные народники, марксисты). Однако уже феномен «русского социализма», восходящий к А.И. Герцену, демонстрирует явные следы «хранительного» влияния на революционаризм. Идея общинного социализма, вопреки принятым в советское время оценкам, сформировалась у А.И. Герцена отнюдь не только в результате сочетания переосмысленной немецкой философии и французского социализма (вкуче с разочарованием в социалистической перспективе Запада в результате известной «духовной драмы», отраженной в работе «С того берега»). По большому счету герценовский «русский социализм» был прямой реминисценцией общинной славянофильской публицистики. Таким образом, правильнее говорить о том, что «русский социализм» был «рожден дважды» — впервые в рамках «хранительного» славянофильского, по своей сути христианско-социалистического проекта, а затем уже в герценовском, «скептически-революционаристском» варианте. Либеральный консерватизм славянофилов со свойственной ему ретроспективной ориентацией сошелся здесь, совместился с выраженной В.Г. Белинским и поддержанной М.В. Буташевичем-Петрашевским, Н.П. Огаревым, молодым Ф.М. Достоевским и др. установкой на необходимость радикальных общественных перемен. Характерно, что ставший впоследствии консерватором Ф.М. Достоевский будет развивать в «Дневнике писателя», явно в пику А.И. Герцену, именно «первоначальное», христианско-социалистическое истолкование «русского социализма» (вплоть до использования того же термина, хотя и в принципиально отличном от герценовского смысле).

Идеей «особости» России недавний московский западник, а теперь русский изгнанник-диссидент, А.И. Герцен проникся после европейских потрясений 1848–1849 гг. Поселившись в Швейцарии, он попытался разобраться в том, чем Россия отличается от Европы, и разъяснить эти отличия русофобствующим западным интеллигентам*. Первой такой работой, адресованной европейскому читателю, стало его письмо 1849 г. “La Russia” («Россия»). Оно было одновременно опубликовано на трех языках — немецком (в первой, вышедшей на западе книге А.И. Герцена «С того

* В основе русофобии западных публицистов, отмечал А.И. Герцен, несокрушимое упрямство, «которое им дает ненависть к России и невежество» (*Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле // Собр. соч.: В 30 т. Т. VII: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 179).*

берега»), французском (в газете Ж.П. Прудона “Voix du Peuple”, организованной благодаря финансовой поддержке А.И. Герцена) и итальянском (в газете Дж. Мадзини “Italia del Popolo”).

Именно здесь А.И. Герцен обозначил начала теории русского социализма, которую затем развивал на протяжении многих лет. «Особость» России, по А.И. Герцену, обуславливает крестьянская община* и внутренняя, не вполне сознающая себя, чудодейственная сила русского народа — «вера в себя»**. Исходя из этого А.И. Герцен прямо заявляет, что он не видит «причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития»***. Здесь же он апеллирует к среднему дворянству, значительная часть которого — интеллигентное образованное меньшинство, «прошедшее через западную цивилизацию», — оторвано и от народа, и от правительства («народ видит в них немцев, правительство — французов»); именно в нем, — считает А.И. Герцен, — таится зародыш и умственный центр грядущей революции****.

Следующее свое письмо «Русский народ и социализм» А.И. Герцен адресовал французскому историку и публицисту Ж. Мишле, опубликовавшему в августе — сентябре 1851 г. в отделе фельетонов газеты “L’Avènement du Peuple” работу «Польша и Россия. Легенда о Костюшко», в которой русский народ был представлен в карикатурном виде.

Говоря о судьбах славянских народов, о свободной славянской федерации, А.И. Герцен «императорскому панславизму» противопоставляет революционный панславизм. Видя в России «зерно кристаллизации», центр, «к которому тяготеет стремящийся к един-

* К крестьянской общине А.И. Герцен относил не только «сельскую общину», но и «рабочие артели; это нечто вроде русской подвижной общины» (Герцен А.И. Россия // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847—1851 / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 202. Много лет спустя, разъясняя суть социального вопроса, А.И. Герцен писал: «Права лица и мысли остаются приобретением мифическим, книжным, великим как догмат, ничтожным как приложение. Между ними и их осуществлением, как непреходимая пропасть, бедность и невежество. Личности мало прав, ей надобно обеспечение и воспитание, чтобы воспользоваться ими. Человек, не имеющий собственности, безличен. Право на ее приобретение несостоятельно. Одна артель может выручить неимущего. Артель основана на круговой поруке, на пожертвовании части личности для общего дела» (Герцен А.И. Порядок торжествует! // Собр. соч.: В 30 т. Т. XIX: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866—1867 годов / Под ред. Ю.Г. Оксмана, Л.М. Долотовой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 185).

** Герцен А.И. Россия. С. 199—200.

*** Там же. С. 205.

**** Там же. С. 215.

ству славянский мир»*, он развивает тему великого будущего России и русского народа. Право на надежду развития славянского мира, указывает А.И. Герцен, дает русская сельская община, общинная собственность, русский «сельский коммунизм»**. Начало социальной революции, провозглашение сельского коммунизма*** в России А.И. Герцен связывает с освобождением крепостного крестьянства с землей****. Идея освобождения крестьян с землей, т.е. частичного отчуждения дворянской собственности, для него была принципиальной*****. Отметая беспочвенные обвинения Ж. Мишле в адрес «безнравственного» русского крестьянства («лут» и «кродут»), он обращает внимание оппонента на то, что «у русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко народная; немного, что известно ему из евангелия, поддерживает ее; явная несправедливость помещиков привязывает его еще более к его правам и общинному устройству»*****. «Человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции работник»*****, — вполне в народническом духе заявляет А.И. Герцен.

Тему будущности России А.И. Герцен поднимает и в письмах английскому поэту и публицисту, деятелю чартистского движения У. Дж. Линтону «Старый мир и Россия», в 1854 г. опубликованных на английском языке в журнале последнего “The English Republic”, а затем, почти сразу же вышедших дважды и на французском языке.

Развивая мысль о том, что работник, вдохновленный «воинствующим социализмом», станет могильщиком выполнившего свое назначение европейского мира — мира германо-романских народов, которому на смену идут Америка («продолжение европейского развития») и Славянский мир («Странный мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии»)*****, А.И. Герцен дает замечательную формулировку «русского вопроса», отражающую его представления о «миссии» России в мире: «... если революцион-

* Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле. С. 316.

** Там же. С. 317, 325, 326.

*** Под таким «коммунизмом» А.И. Герцен, вслед за Ж. Мишле, подразумевает общество, основанное «на постоянном разделе земли по числу работающих и на отсутствии личного владения землею» (см.: Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. С. 172).

**** См.: Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле. С. 325.

***** См.: Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. С. 195.

***** Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле. С. 332.

***** Там же. С. 326.

***** Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. С. 169.

ный социализм не в состоянии будет dokonать вырождающийся общественный строй, его dokonает Россия»*.

Подчеркивая анархистские элементы в менталитете славянских народов («не любят идею государства, ни идею централизации», «ненавидят солдатчину, полицию»), А.И. Герцен противопоставляет будущей федеративной «национальной форме» славянской государственности — ненациональный, антирусский «петербургский режим»**.

Концептуальной в социально-политической теории А.И. Герцена стала мысль о «немецком правительстве», которое делает «все что хочет» с немым и бесправным русским народом. Так, отмечая космополитический характер «европейского государства», созданного в России Петром I, А.И. Герцен обращает внимание на то, что в Петербурге правит «почти чужестранное правительство», а дипломатически завоеванный немцами русский народ держится в стороне: «Немецкие завоевания — надобно им отдать справедливость — величайшие и самые бескровные в мире. Немцы не довольствуются родством с Англией и Америкой (*Stammverwandt!****), в их руках, сверх того, вся Россия, покоренная рыцарями остзейских губерний, голштейн-готторпской фамилией, тучами генералов, дипломатов, шпионов и прочих сановников немецкого происхождения.

Действительно, петербургское правительство не национально»****.

Усиливая эмоциональный нажим, А.И. Герцен рисует апокалиптическую картинку российского самодержавного спрута, опутавшего своими щупальцами дряхлеющую Европу: «Повсюду, вплоть до высших дипломатических сфер, есть изменники, продающие свою страну Николаю.

Николаю служат не только банкиры и журналисты, но и первые министры, королевские братья, царствующая родня»*****.

А.И. Герцен выделяет две характерные черты политического режима императора Николая I — деспотизм и бюрократизм. Нельзя не привести блестящую герценовскую инвективу против деспотизма: «Деспотизм вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. Нет ничего более развешающего, разлагающего, тлетворного, чем деспотизм. Случается иногда, что юные народы в поисках общественного устройства начинают с деспотизма, про-

* Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. С. 177.

** Там же. С. 185.

*** Племенное родство (нем.).

**** Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. С. 184.

***** Там же. С. 178.

ходят через него, пользуются им как суровой школой; но чаще под игом деспотизма изнемогают народы, впавшие в детство»*. Бюрократия же — это машина, автоматически действующая организация, противостоящая народу: «В монархическом государстве, если король убит, монархия остается. У нас, если император убит, остается дисциплина, остается бюрократический порядок...

Можно завтра прогнать Николая, посадить вместо него Орлова или кого угодно — ничто не сдвинется с места. Дела будут производиться с тою же точностью, машина по-прежнему будет работать — переписывать, извещать, отвечать; машинисты по-прежнему будут красть и показывать рвение**.

Однако деспотический, бюрократический петербургский режим императора Николая I всего лишь «переходная форма», которая будет сменена в результате социальной революции, основной вопрос которой: «Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government, на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли...»***.

В письмах к Линтону А.И. Герцен опять задается вопросом, впервые поставленным в работе «Россия»: должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития? И решительно отрицает необходимость подобных повторений: «Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершены и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, *майорат* человечества»****.

Одной из важнейших тем политической публицистики А.И. Герцена в течение многих лет была проблема соотношения России, Западной Европы и Америки. Катастрофически разлагающемуся европейскому буржуазному обществу он противопоставляет «деятельные края» — Америку и Россию, к которым потенциально может присоединиться «разве еще начинающаяся *Австралия*»****. В статье-письме к И.С. Тургеневу «Еще вариация на старую тему», опубликованной в 1857 г. в альманахе «Полярная звезда», А.И. Герцен оценивает исторические возможности этих стран с точки зрения двух факторов: способа государственного строительства и спо-

* Там же. С. 181.

** Там же. С. 191.

*** Там же. С. 189–190.

**** Там же. С. 186.

***** Герцен А.И. Еще вариация на старую тему (Письмо к ...). С. 427.

собности к социализму. Если «Соединенные Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собою все; каждый шаг, приобретенный ими, — шаг, потерянный индейцами», то «Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на своей собственной земле... Россия понимает кругом, как вода, обходит племена со всех сторон, потом накрывает их однообразным льдом самодержавия — и под ним делает из калмыков — солдат, из поклонников далай-ламы — защитников православия, из немцев — *отчаянных* русских патриотов*». Если в Соединенных Штатах чрезвычайно развит «дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща... но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость»**, то в России есть готовый социалистический элемент — сельская крестьянская община***. Эти два обстоятельства позволяют А.И. Герцену с упованием смотреть «на наш родной Восток» — Россию, «внутри радуясь», что он русский... Спустя десять лет А.И. Герцен опять вернется к этому вопросу, несколько расширяя перечень цивилизационных отличий России: «Между Европой и Азией развивается страна на иных основаниях. Она выросла колонизацией, захватывая в свою жизнь всякую всячину, она окрестилась без католицизма, она сложилась в государство без римского права и сохраняя как народную особенность свою оригинальное понятие об *отношении человека к земле*.

Оно состоит в том, что будто бы всякий работающий на этой земле *имеет на нее право, как на орудие работы*. Это сразу ставит Россию на социальную почву, и притом на чрезвычайно новую»****.

В серии статей «Русские немцы и немецкие русские», опубликованных в «Колоколе» в 1859 г., полемизируя с «правоверными западниками», А.И. Герцен продолжает развивать теорию рус-

* Герцен А.И. Еще вариация на старую тему (Письмо к ...). С. 428. Интересно, что Н.П. Огарев, единомышленник А.И. Герцена, считал несколько иначе. Различия Америки и России от европейской цивилизации, — писал он, — обусловлены тем, что «обе страны, в сущности, представляют — не начало *захвата*, а начало *заселения*» (Огарев Н. Частные письма об общем вопросе. Письмо первое // Колокол. Лист 211, 1 Января 1866. С. 1727).

** Герцен А.И. Еще вариация на старую тему (Письмо к ...). С. 429.

*** Там же. С. 431.

**** Герцен А.И. Порядок торжествует! // Собр. соч.: В 30 т. Т. XIX: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866–1867 годов / Под ред. Ю.Г. Оксмана, Л.М. Долотовой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 186.

ского социализма, подчеркивает значимость вопроса об освобождении крестьян с землею, об общинном владении в России.

В частности, А.И. Герцен указывает на то, что буржуазный мир Запада исчерпал себя, дошел до своего предела, его разделяет непреодолимая стена: «Труд с одной стороны, капитал с другой, работа с одной стороны, машина с другой, голод с одной стороны, штыки с другой»*. Более того, «односторонне развитая муниципальная жизнь Европы сделала страшный разрыв между сельскими и городскими жителями... Между селом и городом — века; иные понятия, другая религия, другие нравы, часто другой язык»**. Поэтому «Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи *несравненно выше* политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, современному пониманию» — т.е. социализму***.

Считая, что либерализм — этот «экзотический цветок», развившийся в городской цивилизации, — не может укорениться на русской почве, что образованное русское меньшинство, быстро пронесясь «как порожняя телега... подпрыгивая на тех кочках, на которых предшественники ломали себе шею»****, догнало западное движение, пережило «в идее, в меньшинстве мыслящих людей, в литературе, на Исаакиевской площади, в казематах» западную историю, А.И. Герцен призывает «становиться на свои ноги и не твердить больше чужих задов»*****.

«Перед *социальным* вопросом начинается наше равенство с Европой, или, лучше, это действительная точка пересечения двух путей; встретившись, каждый пойдет своей дорогой»*****, — заявляет А.И. Герцен. Путь России — развитие трех элементов традиционного русского крестьянского мира: права каждого на землю, общинного владения ею и мирского управления. «Сверх признания права каждого на землю, — отмечает он, — в народном быте нашем есть другое начало, необходимо пополняющее первое, без которого оно никогда не имело бы своего полного развития. Это начало состоит в том, что земля, на пользование которой каждый имеет право, с тем вместе не принадлежит *никому лично и потомственно*.

* Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Собр. соч.: В 30 т. Т. XIV. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов / Под ред. Ю.Г. Окмана. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 179.

** Там же. С. 173.

*** Там же. С. 175.

**** Там же. С. 179.

***** Там же. С. 171–172.

***** Там же. С. 179.

Далее *право на землю и общинное владение* ею предполагают сильное *мирское устройство* как родоначальную базу всего государственного здания, долженствующего развиваться на этих началах*.

Вывод А.И. Герцена однозначен: «На этих началах, и *только на них*, может развиваться будущая Русь**».

В связи с этим А.И. Герцен формулирует два вопроса, над которыми «стоит подумать читателям»: «Есть ли личное, наследственное, неограниченное владение землею *единственно возможное* для развития личной свободы — и в таком случае как спасти большинство населения, не имеющего собственности, от рабства собственников и капиталистов?»

Есть ли, с другой стороны, поглощение лица в общине *необходимое, неминуемое* последствие общинного землевладения, или оно относится к неразвитому состоянию народа вообще, и в таком случае как соединить полное, правомерное развитие лица с общинным устройством?***

Классическое определение русского социализма А.И. Герцен дал в статье рубежа 1866—1867 г. «Порядок торжествует!»: «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»****.

Соратником А.И. Герцена, его другом и единомышленником был Н.П. Огарев. Он явился не только истолкователем и пропагандистом герценовских идей, но и внес свой вклад в развитие теории русского социализма. В своей публицистике Н.П. Огарев затрагивал огромное количество так называемых вопросов русской жизни, главными из которых стали вопросы освобождения крестьян и определение роли русской сельской общины в дальнейшем развитии страны. «Как ни трудны, не только разрешение, но и самая постановка вопросов — а все же отказаться от этой работы, по мере сил, нет ни права, ни охоты», — писал он в 1866 г.*****

Из цикла статей Н.П. Огарева «Русские вопросы» (1856—1858), посвященного условиям и методам ликвидации крепостного права

* Там же. С. 182.

** Там же. С. 183.

*** Там же. С. 189.

**** Герцен А.И. Порядок торжествует! С. 193.

***** Огарев Н. Частные письма об общем вопросе. Письмо первое // Колокол. Лист 211, 1 Января 1866. С. 1725.

в России, особый интерес вызывает статья «Крестьянская община», вышедшая в «Колоколе» двумя частями 1 и 15 февраля 1858 г.

Исходя из того, что без «самостоятельности лица» «нет ни человеческого достоинства, ни разумной общественности», Н.П. Огарев пытается разрешить дилемму, связанную с частной собственностью на землю, якобы порождающей свободу личности в Европе и Америке и коллективизмом общинного землевладения и землепользования, якобы подавляющим самостоятельность личности в России. В результате он приходит к выводу о том, что: во-первых, частная собственность на Западе не всегда ведет к свободе (рабовладение в Южных штатах Америки, и пр.); во-вторых, в России свободу личности подавляют крепостное право и административный произвол, а не общинные начала жизни. «Не уничтожать следует нам начало общинной собственности, — заявляет Н.П. Огарев, — а дать ему развиваться. Лучше устроить так, чтобы не было ни единого человека в России, который бы не имел своего земельного участка в общине, чем искать для России других форм землевладения, в глазах наших осуждаемых историко-экономическим опытом»*. Такому гармоничному развитию общинного начала в России должно предшествовать решение трех «животрепещущих вопросов»: уничтожение помещичьего (крепостного) права; уничтожение чиновничества и преобразование управления и судопроизводства; распространение в народе образования**.

Общинное начало отождествлялось Н.П. Огаревым с социализмом. «Я не думаю, — писал он, — чтоб слово: социальное — можно было по-русски перевести иначе, как общинное»***. В цикле статей «Частные письма об общем вопросе» (1866–1867) он попытался определить особенности русского социализма и задачи «русской перестройки».

Социалистическая мысль «о владении и труде сообща и разделе доходов соответственно нуждам каждого — также естественна», — считает Н.П. Огарев, — как и либеральная мысль «о владении в раздел (особо, лично), о труде в раздел, об отдельном пользовании с труда и владения. Осуществление той или другой мысли является смотря по обстоятельствам»****. Актуальность социалистической

* Огарев В. [Огарев Н.П.]. Русские вопросы. Крестьянская община (Продолжение) // Колокол, прибавочные листы к Полярной Звезде. Лист 9. 15 Февраля. 1858. С. 73.

** Там же.

*** Огарев Н. Частные письма об общем вопросе. Письмо первое // Колокол. Лист 211. 1 Января. 1866. С. 1725, прим.

**** Там же. С. 1725.

мысли об обобществлении, по Н.П. Огареву, обуславливается следующим обстоятельством. В социально-экономическом смысле «ценность» равна «труду и вещи», вернее, владению, т.е. обладанию вещью. Поэтому «человек должен пользоваться вещью, к которой прилагает свой труд, владеть вещью в силу, т.е. по мере своего труда. Для того, чтоб *каждый* человек мог пользоваться вещью по мере своего труда, частная собственность должна перейти, *ликвидироваться* в собственность общественную, которая одна способна дать пользование каждому». Такое обобществление собственности может и должно начаться с поземельной собственности*. В буржуазном обществе «большинство, т.е. народ остается без *владения*. Капитал составляется из вытягивания от захвата и от бездомства — в средние руки. Труд и владение, т.е. два элемента ценности — в разных руках, и потому, не смотря на все развитие промышленности, выросшей из поземельного (сельского) владения в фабричную (городскую) промышленность, ценность является фальшивою, ложною»**.

«Общественная жизнь, — отмечает Н.П. Огарев, — слагается из элементов прошедшего (традиции) и новых потребностей, следственно идет путем постоянной реформы... новому устройству приходится перерабатывать именно данный исторический материал, а не иной: чем больше в этом материале элементов, подходящих к новому пониманию, тем легче прививается к жизни новое устройство; чем больше сила традиции преобладает над силой новых потребностей — тем невозможнее новому устройству привиться к жизни»***. Такой новой потребностью становится потребность в поземельном равенстве, которая находит свое теоретическое обоснование в социализме, а практическое основание — в русской поземельной (сельской) общине.

Конкретизируя задачи русской общественной «перестройки», т.е. реформы, Н.П. Огарев указывает на то, что такая перестройка требует равно ликвидации и местной и казенной поземельной собственности в собственность общественную, которая в своей полной законченности может быть только суммой общинных владений****.

* См.: *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо между четвертым и пятым // Колокол. Лист 237. 15 Марта. 1867. С. 1937.

** *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо первое // Колокол. Лист 211. 1 Января. 1866. С. 1725–1726.

*** *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо второе // Колокол. Лист 216. 15 Марта. 1866. С. 1766.

**** См.: *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо между четвертым и пятым // Колокол. Лист 237. 15 Марта. 1867. С. 1937, 1938.

Н.П. Огареву «больно и страшно» за «подражательность европейскому обычаю», которая присуща в равной степени русским монархистам, либералам, социалистам. Особый страх его вызывает пролетарский социализм: «Я боюсь встретить в наших социалистах — выставление вперед исключительно городского образованного пролетариата и приведение его *центр* всех социальных стремлений, в особого рода сословие»*. Место образованного городского пролетариата, образованного меньшинства — в русской деревне, где оно должно примкнуть к сельскому строю, стоящему на общинном владении земель, пропагандой развить и усовершенствовать его, а затем распространить социальные и экономические принципы общины на ремесленно-фабричную и торговую сферы. Такая социалистическая пропаганда «соединения труда и владения, организации села и промышленной артели, обмена и торговли, — полагает Н.П. Огарев, — не может встретить препятствия в общественном смысле крестьянства». А само соединение труда и владения, организации села и промышленной артели, обмена и торговли «должно стать основанием всего развития русского переобразования»**.

* * *

Авторитетным защитником русской сельской общины и общинного владения землей выступил Н.Г. Чернышевский, ставший наряду с А.И. Герценом родоначальником русского социализма.

В своих многочисленных работах 1857–1861 гг., посвященных крестьянскому вопросу и критике философских, экономических, юридических предубеждений против общинного владения, Н.Г. Чернышевский проводил идею освобождения крестьян с землей без выкупа или с минимальным выкупом, вел полемику с противниками крестьянской общины, сформулировал «закон вечной смены форм», доказывающий возможность перехода России с помощью института крестьянской общины к социализму, минуя капитализм и «пролетариатство». Выступая против «личной» (т.е. частной) поземельной собственности, Чернышевский защищал не столько русскую сельскую общину как бытовое явление, созданное жизнью, сколько абстрактную «коммуну» как основу будущего коллективистского общества.

* Огарев Н. Частные письма об общем вопросе. Письмо третье // Колокол. Лист 220. 15 Мая. 1866. С. 1801.

** Огарев Н. Частные письма об общем вопросе. Окончание четвертого письма // Колокол. Лист 225. 1 Августа. 1866. С. 1840.

Так, в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения», опубликованной в журнале «Современник» в 1858 г., опираясь на философские теории Шеллинга и Гегеля, приводя многие «геологическо-физиологические» примеры диалектического развития форм, начиная с зарождения самой планеты Земля, а также многочисленные примеры из других «сфер бытия», Н.Г. Чернышевский формулирует «всеобщий закон»:

«1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом.

2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»*.

Н.Г. Чернышевский доказывает, что общинное владение не является «первобытной», «низшей» формой, вытесненной «высшей» формой — частной поземельной собственностью, что не обязательно уничтожать эту «устаревшую» форму, чтобы развиваться, идти вперед. Согласно выведенному им всеобщему закону, гласящему, что «конец развития по форме является возвращением к его началу», России не нужно проходить через период частной поземельной собственности, которая представляется средним звеном. Развив общинное владение в высшую форму поземельных отношений, она может миновать средний капиталистический период развития**.

В статье «Суеверие и правила логики», опубликованной в журнале «Современник» в 1859 г., Н.Г. Чернышевский дает развернутую характеристику крепостного права, благодаря которому «русский народ жил, или, лучше сказать, прозябал или дремал в тяжелой летаргии, немногим отличающейся от расположения духа, владычествующего над азиатцами»***; рассматривает причины, сдерживающие развитие сельского хозяйства в России: «...отсутствие умственного развития в народе, упадок его энергии, крепостное состояние, недостаток оборотного капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояние путей сообщения,

* Чернышевский Н.Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Полн. собр. соч.: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.]. Т. V: Статьи 1858–1859 / Подготовка тома и текстол. коммент Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 389.

** Там же. С. 364, 377 и др.

*** Чернышевский Н.Г. Суеверие и правила логики // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. V: Статьи 1858–1859. С. 694.

слабое развитие городов, незначительная степень населенности»^{*}; показывает связь произвола и азиатчины с крепостным правом, которое обязано «продолжительностью своего существования только дурному управлению»^{**}.

Исследуя причины, сдерживающие развитие сельского хозяйства в России, Н.Г. Чернышевский подвергает резкой критике либеральную «гипотезу о вредном влиянии общинного владения на земледелие в России». Образчиком желчной иронии, практически всегда переходящей у Н.Г. Чернышевского-публициста в сарказм, может служить следующий пассаж: «Говорить о вредном влиянии общинного владения на земледелие в России значит приписывать цвету волос или величине усов неподвижность человека, у которого поражены параличом руки и ноги. Нас так восхищает гипотеза о вредном влиянии общинного владения, что мы предложим ряд вопросов, которые все могут быть разрешены посредством вредного влияния общинного владения с таким же успехом, как и вопрос о слабом развитии нашего земледелия.

Почему наши города так плохо развивались до сих пор? Общинное владение мешало их развитию, препятствуя купцам развивать свои дела покупкой земель у крестьян. Почему неизмеримые леса наших северных губерний гниют на корню, между тем как средняя и южная Россия нуждается в лесе? Общинное землевладение останавливает поток колонизации, который без него устремился бы в благодатную Олонецкую губернию и пустил бы в торговлю ее леса. Почему ярославские мужики имеют рыжие бороды? Причиной тому должно считаться общинное владение, препятствующее ярославцам походить на французов, имеющих бороды темного цвета. Почему русские экономисты отсталой школы не в состоянии понимать самых простых и ясных фактов? Причиной тому должно считаться общинное владение, задерживающее успехи русских людей как в отношении материальном, так и в отношении умственном»^{***}.

Особое место в трудах Н.Г. Чернышевского занимала тема произвола власти, «дурного управления», которые являются, по его мнению, «единственным источником народной бедности»^{****}. Русские проблемы на протяжении всей истории — это главным образом проблемы преодоления произвола в отношениях между

^{*} Там же. С. 696.

^{**} Там же. С. 708.

^{***} Там же. С. 697.

^{****} Там же. С. 704.

людьми. Без преодоления произвола не могло быть законности, духовной независимости, свободы и прав человека, не говоря уже о раскрепощении личности. Большинству россиян, вследствие нищеты, своеволия государства, бесправия, в гражданском смысле веками недоставало глубокого чувства своей самостоятельности и ответственности. Понимание свободы как морального долга (а не просто воли), осознание своих прав и прав других слишком долго находились в зачаточном состоянии. На протяжении веков русской истории человек массы колебался между рабской привычкой к повиновению и анархическим бунтом. Не случайно борьба за свободу в России, как она развивалась в XIX в., была делом меньшинства, а не народного порыва. Как отмечал Н.Г. Чернышевский в статье «Апология сумасшедшего» (1860): «... основное наше понятие, упорнейшее наше предание — то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения; на сознательное действие, на самопроизвольную готовность и способность других мы не надеемся, мы не хотим вести дела этим способом; первое условие успеха даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему. Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый. Но если каждый из нас Батый, то что же происходит с обществом, состоящим из Батыев»*.

В работе «Суеверие и правило логики» Н.Г. Чернышевский, подразумевая русское самодержавие, говорит об «азиатстве» — таком порядке дел, «при котором не существует никакой законности, не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность». Главная черта этого порядка — самодурство, господство насилия: «Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшими все, что только ему угодно, а так как у него нет человеческих понятий, то руководится он в своих действиях только прихотями добрыми или дурными», а единственным способом не быть раздавленным от руки сильнейшего становятся угодливость, уступчивость, раболепство**. Здесь же Н.Г. Чернышевский рассматривает такое

* *Чернышевский Н.Г.* Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. VII: Статьи и рецензии. 1860–1861 / Под общ. ред. В.Я. Кирполина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского [и др.] / Подготовка текста Н.М. Чернышевской и С.С. Бошевского. Текстол. и библиогр. коммент. Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 616.

** См.: *Чернышевский Н.Г.* Суеверие и правила логики. С. 700.

явление, как взяточничество, и находит, что оно порождается не личными дурными качествами чиновников, а российской бюрократической системой: «... взяточничество является только уже результатом предшествующей ему необходимости нарушать закон по беззащитности исполнителей закона перед сильнейшими и безответственности перед обществом». Чтобы восстановить законность в сфере управления, считает Н.Г. Чернышевский, нужно изменить отношение должностной деятельности к общественному мнению: «... надобно сделать, чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярскою тайною, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло бы высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица»*.

Именно «азиатство» российской бюрократической системы обусловило провальные, по мнению Н.Г. Чернышевского, результаты крестьянской реформы 1861 г., когда «освобождаемые крестьяне должны платить помещику: 1 руб. 10 коп. вместо каждого рубля, который платили ему при прежнем крепостном праве»**. В «Письмах без адреса», написанных к годовщине обнародования законодательного акта, оформившего отмену крепостного права в России, — «Положений» 19 февраля 1861 г., Н.Г. Чернышевский дает критическую характеристику бюрократического порядка, при котором «совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело». Люди при таком порядке «действуют как машины, у которых нет своего мнения, они ведут дело по случайным намекам и догадкам о том, как думает про это дело то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этим делом»***. Они «начинают тем, что видят надобность чего-нибудь существенного и великого, стремятся к нему и успевают сделать лишь нечто очень маловажное и вовсе не существенное, а только формальное»****. Сила бюрократического порядка такова, что ему не может противостоять никто, даже человек, стоящий во главе всего управления: «Вы хотите только спросить, — ваш вопрос принимают за решение; вы хотите посоветоваться — ваши слова принимают за приказание; вы ищите опоры, — все, до чего вы касаетесь,

* Там же. С. 705.

** *Чернышевский Н.Г. Письма без адреса // Соч.: В 2 т. Т. 2 / АН СССР. Ин-т философии; редкол.: М.Б. Митин (пред.); ред. изд. И.К. Пантин; сост. и авт. примеч. Л.В. Поляков. М., 1987. С. 365.*

*** Там же. С. 357.

**** Там же. С. 361.

гнется перед вами. Так уже заведено в бюрократическом порядке, и ничего иного не добьетесь вы от него»*.

Рассматривая ход реформы и оценивая роль общественных сил, участвовавших в отмене крепостного права, Н.Г. Чернышевский выделяет четыре главных элемента. Это «власть, дотоле имевшая бюрократический характер; просвещенные люди всех сословий, находившие нужным уничтожение крепостного права; помещики, желавшие отсрочить это дело из опасения за свои денежные интересы, и наконец, крепостные крестьяне, тяготившиеся этим правом. В стороне от этих четырех элементов находилась вся остальная половина населения — государственные крестьяне, мещане, купцы, духовенство, то большинство беспоместных чиновников, которое не получало больших выгод от бюрократического порядка**». Логика развития процесса, по Н.Г. Чернышевскому, следующая. Начало его связано с политическими проблемами (Крымская война и др.), обнаружившими «для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны»***. Это позволило либеральной «партии» просвещенных людей, требовавших уничтожения крепостного права, навязать власти программу реформ, которая и стала бюрократически осуществляться последней, причем не в пользу крестьянства, а в пользу дворянства. Как результат — повсюду произошли кровавые столкновения между крепостными крестьянами и властью, старавшейся силой провести свои решения. Но, несмотря на все внушения и меры усмирения, крепостные крестьяне остались в уверенности, что надобно ждать им другой, настоящей воли****. Сочувствие к крестьянам пробудило политическое сознание всех других сословий, которые стали желать не просто изменения решения частного вопроса о крепостном праве, но общих перемен в государстве: «Все они чувствовали обременение от произвольной администрации, от неудовлетворительности судебного устройства и от многосложной формалистичности законов»*****. Вслед за К.Д. Кавелиным, полагавшим, что народ найдет в дворянстве своего достойного представителя, Н.Г. Чернышевский указывает на то, что дворянство уже стало представителем стремления к реформам, нужным для всех сословий: «В мыслях о реформе общего законодательства, об основании администрации и суда на новых началах, о свободе

* Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. С. 362.

** Там же. С. 346.

*** Там же. С. 343.

**** Там же. С. 348, 349.

***** Там же. С. 350.

слова дворянство только является представителем всех других сословий, и представителем их выступило оно даже не потому, чтобы в нем сильнее были эти желания, чем в других сословиях, а единственно потому, что оно одно имеет при нынешнем порядке организацию, дающую возможность выражать желания»^{*}.

Такое положение дел, как считает Н.Г. Чернышевский, чревато новыми смутами и крестьянской революцией — «развязкой», от которой «трепещут» все лица и общественные слои, отдельные от народа. Парадоксально, но ожидающий народной революции «революционер-демократ» Н.Г. Чернышевский, «изменяя своему убеждению и своему народу» (по собственному признанию), прямо заявляет, что ему, как и правительству, революция... не нужна. Ее необходимо предотвратить, так как всем хорошо понятно, что невежественный народ, исполненный «грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек», не пощадит людей, носящих немецкое платье, «не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию»^{**}. Поэтому, как следует из контекста статьи, единственный выход для власти — принять меры по пересмотру вопроса о крепостном праве, а также осуществить реформы в области законодательства, государственного администрирования, организации суда и реализации свободы слова.

* * *

В свое время либерал Б.Н. Чичерин, подводя итоги XIX столетия, пришел, в частности, к выводу о том, что русский радикализм основан на нигилизме и социалистических фантазиях. Чем менее практическая жизнь дает простора для деятельности, — формулирует он мысль, посещавшую головы многих интеллектуалов от А.И. Герцена до В.И. Ленина, — тем более люди способны увлекаться теоретическими построениями. Чем более мысль стеснена, тем более в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению. В реакционные годы «русскому человеку нечего более делать, как фантазировать». С точки зрения Б.Н. Чичерина, социализм есть бессмысленное отрицание всего существующего общественного строя во имя фантастического будущего. А «вожди» радикалов, такие, например, как Н.Г. Чернышевский, — хватавшиеся за вершков журналисты, подобные мухам, гадающим на картину великого художника. Следы мух смываются легко, тогда как социалистиче-

^{*} Там же.

^{**} Там же. С. 340, 341.

ская пропаганда отравила и продолжает травить многих. Русский нигилист — это сумасшедший, проявляющий «изумительную хитрость в достижении своих бессмысленных целей», так как весь свой ум и всю свою волю направляет на то, чтобы сбить Россию с правильного пути, водворить в ней полный хаос и вызвать самую суровую реакцию. Но, — парадоксальный вывод мудрого человека, — как не бессмысленны бывают волнения и цели недоучившего юношества, все же они выше и благороднее той тупой покорности, с которой масса русского общества переносит тяготеющий над нею произвол...*

Действительно, специфической чертой русского радикализма был нигилизм**, породивший особую революционаристскую субкультуру с ее прагматическим культом утилитарной рациональности, отрицанием общепринятых норм морали, разрывом с традиционной системой ценностей образования, воспитания.

Феномен русского революционного нигилизма, неизменно отождествляемый в сознании современного человека с «писаревщиной» и «базаровщиной», представляет собой значительно более сложное и противоречивое социально-историческое явление, чем принято считать. Да и сам Д.И. Писарев, чьи воззрения упрощенно ассоциируются только с «нигилизмом», фигура в истории русской социально-политической мысли значительно более глубокая.

М.Н. Катков, а затем и И.С. Тургенев в своем романе «Отцы и дети» (1862) первыми применили слово «нигилизм» к общественному унастроению и некоторым сторонам идеологии и поведения значительной части русской молодежи конца 50–60-х гг. XIX в. — так называемых шестидесятников, представителем которых и был Базаров — тургеневский «нигилист». Действия Базарова определялись правилом — делать то, что в данное время полезно. «В теперешнее время, — говорил он, — полезнее всего отрицание — мы отрицаем». На замечание, что «надо же и строить», Базаров от-

* См.: Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. 4-е изд. Берлин, 1901. С. 17, 19, 26–27.

** Русский нигилизм — это исторически возникший и приобретший наибольшее влияние в среде российской разночинной интеллигенции середины XIX в. тип (стиль) негативного мироощущения, ориентированного на критическое переосмысление и — в результате этого — на радикальное отрицание любых культурных, социальных, нравственных и эстетических норм, препятствующих, согласно его установкам, прогрессивному развитию российского общества в целом и всех его членов в отдельности. Это придало русскому нигилизму черты революционности и социального экстремизма.

вечал: «Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить»*. Устами Аркадия Кирсанова И.С. Тургенев определил нигилиста как человека, «который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип»**. По свидетельству Н.Н. Страхова, «из всего, что есть в романе Тургенева, слово «нигилист» имело самый громадный успех. Оно было принято беспрекословно и противниками и приверженцами того, что им обозначается»***. Начиная с М.Н. Каткова и отчасти И.С. Тургенева, изобразившего под именем «нигилистов» «людей, составлявших лагерь революционной демократии»****, в либеральной и консервативной печати нигилизм неизменно выступал как сущностная черта всякого представителя русского радикализма.

Идеологическая картина России второй половины XIX в. — пример самых разнообразных проявлений нигилизма. Нигилистические установки выражены в творчестве не только Д.И. Писарева, но и Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, П.Н. Ткачева, представителей народничества, публицистов «Русского слова», «Современника», эмигрантских печатных изданий и многих др. Одним словом, нигилистическое сознание в той или иной мере было присуще всей так называемой революционно-демократической традиции и нередко полностью с ней отождествлялось. Так, например, А.И. Герцен (это видно по тону статьи 1864 г. «Новая фаза в русской литературе») вначале критически относился к термину «нигилизм» как характеристике «нового поколения». «Московским доктринерам, — писал он, — надоело называть своих противников материалистами, они изобрели термин нигилист... Но говорить о нигилизме молодых людей, пламенных и преданных, лишь прикличивающихся отчаявшимися скептиками, — это грубая ошибка»****. Позже А.И. Герцен прямо заявлял, что нигилизм — это то наследство, которое поколение 1840–1850-х гг. завещало идущим ему на смену «шестидесятникам». Существенно то, что он вел речь об идеях «социально-политического» нигилизма. Самой идее нигилизма придавался прогрессивный, ценност-

* Тургенев И.С. Отцы и дети // Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1954. С. 213–214.

** Там же. С. 186.

*** Страхов Н.Н. «Слово и дело» (1863, янв.) // Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб., 1890. С. 203.

**** Козьмин Б.П. Два слова о слове «нигилизм» // Козьмин Б.Н. Литература и история. М., 1982. С. 220.

***** Герцен А.И. Новая фаза в русской литературе // Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 годов / Под ред. Ю.Г. Оксмана, В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 263.

ный характер — это отрицание крепостного рабства, отстаивание независимости индивида, вера в светлое будущее, «страстное желание участвовать в нем» и т.д. Эти черты революционного нигилизма, полагал А.И. Герцен, получены современным поколением от декабристов, и уже В.Г. Белинский имел право на этот титул. В этом смысле и М.А. Бакунин был «вполне нигилист», когда осудил французских революционеров за умеренность, и петрашевцы, стремившиеся низвергнуть «все божеские и человеческие законы», «разрушить основы общества», и, следуя логике основоположника русского социализма, сам А.И. Герцен.

Что касается Д.И. Писарева и его соратников по журналу «Русское слово», обычно не называвших себя «нигилистами», то для них был характерен эпатажирующий читателя стиль, когда «смелость» выражений подчас заслоняла содержание. Вряд ли могли оставить кого-либо равнодушным эскапады против, например, пушкинского «Евгения Онегина» или же «лириков» — «жрецов чистого искусства», которые благодаря фантазии Д.И. Писарева оказывались «мелкими пташками в великой семье паразитов», «мошками» да «букашками»...^{*} С этой точки зрения и А.С. Пушкин оказывался просто «козявкой». Обыватели были в восторге. В обиходе многое неустройство и зло российской жизни стали относить на счет «нигилистов». Яркий пример, — история петербургских пожаров 1862 г. Как когда-то в Риме (64 г. н.э.) в пожарах обвинили христиан, в России в поджогах обвинили... нигилистов. Характерный эпизод приводит И.С. Тургенев: «... когда я вернулся в Петербург, в самый день известных пожаров Апраксинского двора, — слово “нигилист” уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мной на Невском, было: “Посмотрите, что ваши нигилисты делают! Жгут Петербург!”»^{**}. А Ф.М. Достоевский со слезами на глазах умолял Н.Г. Чернышевского, — по его мнению, идейного «отца» нигилистов — прекратить диверсионные акты^{***}. Писаревский эпатаж сыграл свою роль в том, что в устах обывателей и околоказенной печати слово «нигилист» сделалось синони-

^{*} *Писарев Д.И.* Цветы невинного юмора // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 5: Статьи. 1863–1864 (январь–март) / Отв. ред. А.С. Курилов. М.: Наука, 2002. С. 332–333; *Он же.* Пушкин и Белинский // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 7: Статьи. 1863 (январь–август) / Отв. ред. А.С. Курилов. М.: Наука, 2003. С. 206 и др.

^{**} *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания... Ч. По поводу «Отцов и детей» // Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1956. С. 347.

^{***} См.: *Чернышевский Н.Г.* Мои свидания с Ф.М. Достоевским // Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 5–6.

мом слов «преступник», «бунтовщик», а сам «нигилизм» ассоциировался с чем-то «ужасным».

С трактовкой «нигилизма» и «нигилистов» как понятий, обозначающих те группы и социальные слои российского общества, которые выступили с резким отрицанием традиционной идеологии, морали и норм жизненного поведения, были согласны далеко не все. И если молодежь, увлекаясь публицистами из «Русского слова» — Д.И. Писаревым, В.А. Зайцевым, Н.В. Соколовым и др., с гордым вызовом отождествляла себя с литературным образом Базарова*, то сотрудники «Современника» увидели в главном герое «Отцов и детей» карикатуру на «нового человека»**. В начале XX в. историк В.Я. Богучарский отмечал: «“Современник” верил в глубокие творческие силы народа, “Русское Слово” решительно в них не верило и все свои упования возлагало на накопление в обществе, воспитанных на естествознании, критически мыслящих личностей, которые своим влиянием и примером пересоздадут мало-помалу всю общественную среду»***.

Нужно отметить, что Д.И. Писарев в своей публицистике практически не затрагивал крестьянского вопроса, однако его эмоционально насыщенные литературно-критические и прочие статьи сделали, может быть, больше, чем глубоко продуманные проекты освобождения крепостного крестьянства К.Д. Кавелина или Ю.Ф. Самарина, — они подготовили почву для изменения психологии и сознания самой активной части молодежи, которая демонстративно дистанцировалась от мира своих «отцов». В среде нового поколения «детей» стяжательство, барство, карьеризм, стремление к чинам, должностям, высоким окладам и казенным квартирам осуждалось безоговорочно. При этом радикальному отрицанию подвергались и внешние признаки быта «отцов» —

* Как писал еще А.И. Герцен, в тургеневском герое Д.И. Писарев «узнал себя и своих» (*Герцен А.И. Еще раз Базаров // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XX. Кн. I: Публицистические и художественные произведения 1867–1869 годов / Под ред. З.В. Смирновой, И.Г. Птушкиной. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 334*).

** Надо отметить, что это обстоятельство, по свидетельству П.А. Кропоткина, «сильно огорчало Тургенева», который «без всякого сомнения, любил умственный облик Базарова» и не имел в мыслях намерения написать «карикатуру». В «Записках революционера» Кропоткин приводит следующие слова Тургенева, характеризующие отношение автора к своему герою: «...я любил его, сильно любил!.. Вот приедем домой, я покажу вам дневник, где записал, как я плакал, когда закончил повесть смертью Базарова» (*Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 389*).

*** *Богучарский В. Очерки из истории русской журналистики XIX века // Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 353.*

«воров, стяжателей, тиранов и эксплуататоров»*. Эти изменения русские исследователи нигилизма Н.А. Бердяев и С.Л. Франк характеризовали как повсеместное, подчас даже нарочитое, опрощение, переходящее в аскетизм. В своих воспоминаниях А.М. Скабичевский с тонким сарказмом описал стремление нигилистов 1860-х гг. обособиться от «сонмищ» пошляков и филистеров — т.е. «чужих». «Как во всякой секте, люди, принадлежащие к ней, одни лишь считались верными, избранниками, солью земли. Все же прочее человечество считалось сонмищем нечестивых пошляков и презренных филистеров»**. Такой нигилизм часто перерастал в «революционное нетерпение», терроризм и бунтарство, в разрушение всех религиозных, государственных, культурных устоев.

«Нигилистические» статьи Д.И. Писарева были адресованы прежде всего разночинству и студенческой молодежи, или, как он их называл, «среднему сословию», тем, кто не принадлежит аристократии и простому народу.

Высшие слои среднего сословия (те, кто «наполняет собою университеты, держит в руках литературу и журналистику, ездит за границу с ученою целью»), по Д.И. Писареву, выражают собою национальное самосознание***. Все остальные, «гуманизированные общечеловеческими идеями», могут стать посредниками «между передовыми деятелями русской мысли и нашими младшими братьями-мужиками»****.

* *Водовозова Е.М.* На заре жизни: В 2 т. Т. 2: На заре жизни; Мемуарные очерки и портреты. М., 1987. С. 166–173, 197–198, 205–207 и др.

** *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 250. «... Желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность новых людей, и, таким образом, появились те пресловутые нигилистические костюмы, в которых щеголяла молодежь в течение 1860-х и 1870-х годов. Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы и космы сзади до плеч, синие очки, фра-дьявольские шляпы и конфедератки, — боже, в каком поэтическом ореоле рисовалось все это в те времена и как заставляло биться молодые сердца, причем следует принять в соображение, что все это носилось не из одних только рациональных соображений и не ради одного желания опроститься, а демонстративно, чтобы открыто выставить свою принадлежность к сонму избранных. Я помню, с каким шиком и смаком две барышни уписывали ржавую селедку и тухлую ветчину из мелочной лавочки, и я убежден, что никакие тонкие яства в родительском доме не доставляли им такого наслаждения, как этот плебейский завтрак на студенческой мансарде». (Там же.)

*** См.: *Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2: Статьи и рецензии. 1860–1861 (январь–май) / Отв. ред. А.И. Володин. М.: Наука, 2000. С. 258.

**** Там же. С. 254.

Д.И. Писарева часто называют «народником до народничества»*. Действительно, в ряде его статей вполне отчетливо звучит мысль, ставшая затем основополагающей в народничестве эпохи «хождения в народ», — мысль о необходимости нести знания в народ и исключительной роли в этом процессе разночинной интеллигенции — «людей нового типа», «деятелей прогресса». Еще одна идея, высказанная Д.И. Писаревым в статье «Схоластика XIX века», готовила почву для «действенного народничества» — речь идет о разобщенности «множества отдельных кружков» и в целом русского общества, которая, как считает Д.И. Писарев, с одной стороны, мешает «единству гражданского действия», но, с другой — развивает «личную оригинальность и самостоятельность»**.

Основу миросозерцания «новых людей», которое проповедовал Д.И. Писарев, составили: *уважение личности* («“Уважайте в себе и в других человеческую личность”, — что может быть проще этого правила»***), *«разумный эгоизм»* («Старайтесь жить полной жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности в угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и, живя таким образом, не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите»****), *скептицизм* («Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума»*****) и «современный, здоровый и свежий» *материализм* («полнейший материализм: я знаю только то, что вижу или вообще в чем могу убедиться свидетельством моих чувств»*****, привьется к русскому уму прочно и легко*****). Если в области науки и нравственности лозунгом такого миросозерцания, подвергающего сомнению любые авторитеты, должен был стать призыв: «... что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»*****, то политический лозунг, сформулированный Д.И. Писаревым, в мягкой форме звучит так: «... да падут во имя разума дряхлый деспо-

* Федоркин Н.С. Утопический социализм идеологов революционного народничества. М., 1984.

** Писарев Д.И. Схоластика XIX века. С. 261–262.

*** Там же. С. 263.

**** Там же. С. 271.

***** Там же. С. 269.

***** Там же. С. 273.

***** Там же. С. 269.

***** Там же. С. 284.

тизм, дряхлая религия, дряхлые стропила современной официальной нравственности»*.

Пропагандируя силу знания и науки, призывая интеллигентную молодежь учить уму-разуму «младших братьев-мужиков», «русский просветитель» Д.И. Писарев** смещает акценты в сторону материальной стороны жизни и подчас явно демонстрирует скептицизм в отношении правительственных программ просвещения народа. Прежде чем организовывать «книжное учение» народа, считает он, народ нужно накормить, удовлетворить его материальные потребности: «Когда человек голоден — прежде всего накормите его; когда у человека спина болит от побоев — позаботьтесь прежде всего о том, чтобы вылечить его и обеспечить его от подобных пассажей на будущее время; когда человек изнурен непосильною работою — дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страдание личности, а потом учить ее и развивать, или, даже лучше всего, предоставить это дело на благоусмотрение каждого отдельного лица, давая средства желающим и снимая путы с связанных»***. Будущность народа — в руках представителей науки, способных разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда. «Судьба народа решается не в народных школах, а в университетах», заявляет Д.И. Писарев в статье «Реалисты»****. Сформулированный здесь же парадокс — «мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны»***** — универсален в приложении к любому обществу. Однако писаревское объяснение выхода из этого заколдованного

* Писарев Д.И. «Глупая книжонка Шедо-Ферроти...» // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 4: Статьи и рецензии. 1862 (январь—июнь). М.: Наука, 2001. С. 273. Жесткая формулировка звучит иначе: «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла...

На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать.

Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть...

То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (там же. С. 274).

** «Просветителем» Д.И. Писарева считает В.Ф. Пустарнаков (Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2007. С. 422).

*** Писарев Д.И. Схоластика XIX века. С. 300..

**** Писарев Д.И. Реалисты // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 6: Статьи. 1864 (апрель—декабрь). М.: Наука, 2003. С. 341.

***** Там же. С. 224.

круга вполне оригинально. Прорвать этот круг можно двумя способами: «сверху» и «снизу». В первом случае возможно действием законодательной власти «увеличить количество продуктов, остающихся в руках производителя, — значит уменьшить его нищету и дать ему средства к дальнейшему развитию»* (к этой цели, как отметил Д.И. Писарев, были направлены «законодательные распоряжения правительства по крестьянскому вопросу»); во втором случае можно воздействием лучших представителей науки «живыми идеями» на непродвинувших потребителей, привлечь их к полезному и увлекательному труду и в конечном счете преодолеть разрыв между умственным и физическим трудом. Такое движение «снизу», основанное на убеждении и добровольном участии, организовать значительно проще, чем провести принудительные реформы сверху. Именно представители науки, люди «нового типа» становятся главными деятелями прогресса, избавляющими общество от бедности и глупости.

Что касается исторического оправдания феномена русского нигилизма, то оно связано с тем, что Д.И. Писареву и «шестидесятникам» было присуще чувство, что именно они являются носителями новых устоев; это не вполне осознанный, не имеющий точных образов и определений, импульс к новому, порыв к будущему. И само отсутствие позитивной формы, четко сформулированной и обоснованной программы практической деятельности отчасти и компенсировалось в глазах наиболее активной части образованной молодежи масштабами разворачиваемой ею тематики социально-психологического негативизма; оно было незаметно на фоне бескомпромиссной критики, отрицания и борьбы с прошлым. По замечанию В.О. Ключевского, «русская история опять разделилась на две неравные половины периода, дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допетровскую и петровскую»**. Более того, дореформенный период отрицался при этом столь яростно и беспощадно, подвергался столь разрушительной критике, что в сознании молодого поколения полностью заслонялся актуальностью и злобой настоящего дня, темами текущей борьбы, тем самым, теряя всякую свою ценность. Как писал П.А. Кропоткин в предисловии к первому русскому изданию «Записок революционера», «крепостное право и крепостные нравы — с тех пор как пронесли над нами шестидесятые годы и прошла

* Там же. С. 225.

** Ключевский В.О. Русская историография. 1861–1893 гг. // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 553.

полосою очистительная критика нигилизма — как будто отошли куда-то очень далеко в бледную туманную перспективу времен»*.

Этот нигилистический менталитет позволил следующему поколению 1870-х гг. просто проигнорировать отжившие, с их точки зрения, традиции и нормы социального творчества, сосредоточиться на современности, уделить все свое внимание проблемам настоящего и направить все свои усилия на созидание будущего. При этом «очистительное» значение в истории России нигилистов-«шестидесятников» выразилось не только в том, что они, сокрушив авторитеты, подготовили почву для дальнейшего развития отечественной радикальной социально-политической мысли, заложенные ими в сознание образованной молодежи экстремизм и пафос отрицания по-прежнему продолжали играть не последнюю роль в идеологии и практике русского революционного движения 1870–1880-х гг. По словам того же П.А. Кропоткина, «нигилизм... наложил у нас свою печать на всю жизнь интеллигентного класса, и эта печать не скоро изгладится»**.

* * *

Составляя перечень произведений русских мыслителей для включения в «Хрестоматию», мы выбирали из них самые главные, на наш взгляд, и, памятуя о важности контекста, старались сохранить целостность публикуемых работ, обойтись без «купирования», допуская изъятия авторского текста лишь в крайних и необходимых случаях.

Значительно облегчил наш труд выход в свет фундаментальной 117-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (М., 2010), материалы которой были использованы при подготовке текстов к печати. При составлении примечаний мы воспользовались также энциклопедиями, словарями и справочниками проекта «Рубрикон», справочными материалами Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (ФЭБ), ресурсами интернет-портала электронных публикаций Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, электронными научными изданиями (ЭНИ) кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, электронной факсимильной библиотекой проекта «Руниверс», материалами образовательного портала «Слово» и др., а также комментариями

* *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 3.

** Там же. С. 266.

и примечаниями к различным изданиям произведений русских мыслителей: *К.С. Аксакова* — А.В. Мыриковой, А.А. Ширинянца; *Ю.Ф. Самарина* — Т.А. Медовичевой, Д.Ф. Самарина, П.И. Талерова; *К.Д. Кавелина* — Р.А. Арсланова, В.К. Кантора, Д.А. Корсакова, О.Е. Майоровой; *А.И. Герцена* — Г.Я. Антоновой, И.М. Белявской, В.Г. Березиной, И.А. Винниковой, Л.Я. Гинзбург, В.К. Кантора, Ю.В. Ковалева, Л.Р. Ланского, Я.Е. Эльсберга; *Н.Г. Чернышевского* — В.В. Блохина, К.Н. Журавлева, И.В. Кондакова, В.И. Приленского, Н.М. Чернышевской; *Д.И. Писарева* — И.В. Кондакова, В.И. Щербакова, Ю.С. Сорокина.

Значительную работу по подготовке текстов к публикации сделали А.В. Мырикова и А.М. Репьева, которым составители выражают искреннюю благодарность.

Издание не состоялось бы без поддержки президента Открытого акционерного общества «Акционерная компания по транспорту нефти «Транснефть»» Николая Петровича Токарева и внимания к нашему проекту руководства факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова — декана Андрея Юрьевича Шутова, а также Константина Валерьевича Коваленко и Льва Михайловича Петросяна.

А.А. Шириняни, д-р., полит. наук, профессор,
И.Ю. Демин, канд. полит. наук, доцент

Аксаков Константин Сергеевич — публицист, поэт и драматург, историк и филолог, идеолог славянофильства

Родился 29 марта 1817 г. в с. Ново-Аксаково Оренбургской губернии в семье писателя С.Т. Аксакова. Первые девять лет своей жизни провел в отцовском имении. Получив хорошее домашнее образование, летом 1832 г. успешно сдал экзамены в Московский университет и был зачислен на словесное отделение, которое окончил в 1835 г. Несколько лет работал над магистерской диссертацией «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», которая была готова в 1845 г., в конце 1846 г. издана отдельной книгой и 6 марта 1847 г. успешно защищена Аксаковым в ходе публичного диспута. Так как в Московском университете вакансий не было, молодому ученому предложили место в Киевском университете. Но, несмотря на огромное желание заниматься наукой и преподаванием, Аксаков предпочел Киеву Москву, а профессиональным занятиям наукой — литературную деятельность.

С 1835 г. публиковался в русских газетах и журналах («Телескоп» и литературное приложение к журналу «Телескоп» «Молва», «Отечественные записки» и «Московский наблюдатель», «Москвитянин» и «Русская беседа», «Молва» и др.). Участвовал в выпуске славянофильских сборников «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год», «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», «Московский сборник» (1852). Издавал и редактировал газету «Молва» (апрель–декабрь 1857).

Многое из того, что написал Аксаков в это время благодаря неустанному «попечительству» цензуры, так и осталось в рукописях, и было опубликовано после его смерти.

Семь лет (1832–1839) Аксаков входил в кружок Н.В. Станкевича, который положил начало движению «западников». По возвращении из заграничного путешествия (1839) сблизился с И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым и Ю.Ф. Самариным, с которыми образовал кружок «славянофилов». В конце 1840-х — начале 1850-х гг. разработал концепцию «Земли» и «Государства», согласно которой самобытность России, ее отличие от Запада предопределило единство православной веры и монархического правления. В систематическом виде концепция была изложена в записке «О внутреннем состоянии России», подготовленной Аксаковым для императора Александра II в 1855 г. В 1859 г. Аксаков принял неформальное участие в подготовке важнейшего события России XIX в. — освобождения крестьян от крепостной зависимости. В последнем случае речь идет о его замечаниях на восемь докладов Административного отделения Редакционных Комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Критически осмысливая содержание этих документов, Аксаков сформулировал собственную конструктивную программу, которая продолжала начатое в его записке «О внутреннем состоянии России».

Аксаков не сумел окончить своих размышлений по крестьянскому вопросу. Он тяжело заболел, осенью 1860 г. вынужден был, бросив все дела, выехать на лечение за границу, попал на греческий остров Закинф (Занте), входящий в состав Ионической республики, где в ночь с 6 на 7 декабря неожиданно умер. Был похоронен на кладбище Симонова монастыря в Москве, после разорения которого в 1930 г. его прах перенесли на Новодевичье кладбище.

СОЧИНЕНИЯ

Аксаков К.С. Государство и народ / Сост. и коммент. А.В. Белова, предисл. А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Аксаков К.С. Литературная критика / Вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1981.

Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995.

Русская социально-политическая мысль XI — начала XX века: К.С. Аксаков / Сост. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательский дом «Социально-политическая мысль», 2011.

ЛИТЕРАТУРА

Славянофильство: pro et contra: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2006.

Шириняни А.А. Константин Сергеевич Аксаков // Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

ЗАПИСКА К.С. АКСАКОВА
«О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ»,
ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ II в 1855 г.¹

Для того чтобы говорить о внутреннем состоянии страны, от которого зависит и внешнее, надо прежде всего узнать и определить ее общие народные основания, которые отражаются в каждой частности, дробятся и отзываются в каждом отдельном лице, считающем эту страну отечеством. Отсюда уже легче будет определить общественные недостатки и пороки, которые происходят большею частью от непонимания общих народных оснований, или от ложного их применения, или от неправильного проявления.

I

Русский народ есть народ не государственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного востолубия. Самым первым доказательством тому служит начало нашей истории: добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов, Рюрика с братьями. Еще сильнейшим доказательством служит тому Россия 1612 года, когда не было царя, когда все государственное устройство лежало вокруг разбитое вдребезги, и когда победоносный народ стоял, еще вооруженный, в умилении торжества над врагами, освободив свою Москву: что сделал этот могучий народ, побежденный при царе и боярах, победивший без царя и бояря, с стольником князем Пожарским², да

мясником Козьмою Мининым³ во главе, выбранными им же? Что сделал он? Как некогда в 862 году, так в 1612 году народ призвал государственную власть, избрал царя⁴ и поручил ему неограниченно судьбу свою, мирно сложив оружие и разошедшись по домам. Эти два доказательства так ярки, что прибавлять к ним, кажется, ничего не нужно. Но если мы посмотрим на всю русскую историю, то убедимся еще более в истине сказанного. В русской истории нет ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав. Сам Новгород, раз признав над собою власть царя Московского, уже не восставал против него в пользу своего прежнего устройства. В Русской истории встречаются восстания за законную власть против беззаконной; законность иногда понимается ошибочно, но, тем не менее, такие восстания свидетельствуют о духе законности в Русском народе. Нет ни одной попытки народной принять какое-нибудь участие в правлении. Были жалкие аристократические попытки в этом роде еще при Иоанне IV и при Михаиле Федоровиче⁵, но слабые и незаметные. Потом была явная попытка при Анне⁶. Но ни одна такая попытка не нашла сочувствия в народе и исчезла быстро и без следа.

Таковы показания, почерпаемые в истории. От истории перейдем к современному состоянию. Кто слышал, чтобы простой народ в России бунтовал или замышлял против царя? Никто, конечно, ибо этого не было и не бывает. Самым лучшим доказательством может здесь служить раскол⁷; известно, что он гнездится в простом народе, между крестьянами, мещанами, купцами. Раскол составляет в России огромную силу, многочислен, богат и распространен по всему краю. И между тем раскол никогда не принимал и не принимает политического значения, а, казалось бы, это очень легко могло быть. В Англии, например, это бы так и было. Было бы и в России, если б был в ней хотя малейший элемент политический. Но политического элемента в русском народе нет, и раскол русский только страдательно противится, хотя в энергии у раскольников нет недостатка. Русские раскольники скрываются, бегут, готовы идти на мученичество, но никогда не принимают политического значения. Но правительственные меры удерживали и удерживают порядок в России, а дух народный не хочет нарушать его; без этого обстоятельства не помогли бы никакие стеснительные меры, а скорее послужили бы поводом к нарушению порядка. Залог тишины в России и безопасности для правительственной власти — в духе народном. Будь это хоть немного иначе, давно бы в России была конституция: случаев и возможностей история рус-

ская и внутреннее состояние России давали к тому довольно; но Русский народ государствовать не хочет.

Эта особенность духа Русского народа несомненна. Одни могут огорчаться и называть это духом рабства, другие — радоваться и называть это духом законного порядка, но и те и другие ошибаются, ибо судят так о России по западным взглядам либерализма и консерватизма. Трудно понять Россию, не отрешившись от западных понятий, на основании которых все мы хотим видеть в каждой стране — и поэтому в России — или революционный или консервативный элементы; но и тот и другой суть точки зрения нам чуждые; и тот и другой суть противоположные стороны политического духа; ни того ни другого нет в Русском народе, ибо в нем нет самого духа политического. Как бы ни объясняли отсутствие политического духа и проистекающую отсюда неограниченность правительственной власти в России, — мы оставляем пока все такие толки в стороне. Довольно для нас уже того, что *так* понимает дело, того требует Россия.

Для того чтобы Россия исполнила свое назначение, нужно, чтобы она поступала не по чуждым ей теориям, заемным или доморощенным теориям, часто обращаемым историей в смех, а по своим собственным понятиям и требованиям. Быть может, Россия пристыдит теоретиков и явит такую сторону величия, какой никто и не ожидал.

Мудрость правительства состоит в том, чтобы способствовать всеми мерами стране, им управляемой, достигнуть своего назначения и совершить свое благое дело на земле; состоит в том, чтобы понять дух народный, который должен быть постоянным путеводителем правительства. От непонимания потребностей духа народного и от препятствия этим потребностям, происходят или внутренние волнения, или медленное изнурение и расстройство сил народных и государственных.

Итак, первый явственный до очевидности вывод из истории и свойства русского народа есть тот, что это народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного.

Не странно ли после этого, что правительство в России берет постоянно какие-то меры против возможности революции, опасается какого-то политического восстания, которое прежде всего

противно существу Русского народа! Все такие опасения, как в правительстве, так и в обществе, происходят от того, что не знают России и короче знакомы с историей Западно-Европейской, чем с русской; а потому видят в России Западные призраки, которых в ней и быть не может. Такие меры предосторожности со стороны нашего правительства, — меры не нужные, не имеющие никакого основания, — непременно вредны, как лекарство, даваемое здоровому, не нуждающемуся в нем человеку. Если они и не производят того, против чего без нужды принимаются, то они разрушают доверенность между правительством и народом; а это одно — вред великий, и вред напрасный, ибо Русский народ, по существу своему, никогда не посягнет на власть правительственную.

II

Но чего же хочет Русский народ для себя? Какая же основа, цель, забота его народной жизни, если нет в нем вовсе политического элемента, столь деятельного у других народов? Чего хотел наш народ, когда добровольно призывал Варяжских князей «княжить и владеть им»? Что хотел он оставить для себя?

Он хотел оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, — жизнь мирную духа.

Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства. Отделив от себя правление государственное, народ Русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью. Не желая *править*, народ наш желает *жить*, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, — народной жизни внутри себя. Как единый, может быть, на земле народ христианский (в истинном смысле слова), он помнит слова Христа: *воздайте кесарева кесареви, а Божия Богови*; и другие слова Христа: *Царство Мое несть от мира сего*⁸; и потому, представив государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя иной путь, — путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: *Царство Божие внутрь вас есть*⁹. Вот причина его беспримерного повиновения власти, вот причина совершенной безопасности Русского правительства, вот *Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России»...* причина невозможности

никакой революции в Русском народе, вот причина тишины внутри России.

Это не значит, что русский народ состоит из праведников. Люди Русского народа грешны, ибо человек грешен. Но основания Русского народа истинны, но верования его святы, но путь его прав. Всякий христианин грешен, как человек, но путь его, как христианина, прав.

Это не значит также, что правительство, власть от мира сего, заграждает, по свойству своему, путь христианский тем лицам, на которых возлежит правительственная власть. Подвиг человека и христианина возможен для каждого лица правительственного, как для человека и христианина. Подвиг общественный для правительства заключается в том, что оно обеспечивает для народа нравственную жизнь и блюдет его духовную свободу от всяких нарушений. Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение и воссылается общественная молитва, — стоит на страже и устраняет всякое враждебное нарушение от этого молитвенного подвига. Но сравнение это еще недостаточно полно, ибо правительство отделяется от общественной, не правительственной, жизни, — как *устройство*: всякое же отдельное правительственное лицо может, как *человек*, принимать участие в народной, не государственной жизни.

Итак, Русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе *жизнь*, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть: общество христианское.

Хотя слова эти не требуют доказательств, — ибо здесь достаточно одного пристального взгляда на Русскую историю и на современный Русский народ, — однако можно указать на некоторые, особенно яркие выдающиеся черты. — Такою чертою может служить древнее разделение всей России, в понимании Русского человека, на *государство* и *землю* (правительство и народ), — и отсюда явившееся выражение: *государево* и *земское дело*. Под *государевым делом* разумелось все дело *управления* государственного, и внешнего и внутреннего, — и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы. Государева служба доселе значит в народе: служба военная. Под *государевым делом* разумелось, одним словом, все правительство, все государство. Под *земским делом* разумелся весь быт народный, вся *жизнь* народа, куда относится, кроме духовной, общественной его жизни и материальное его благосостояние: земледелие, промышленность, тор-

говля. Поэтому людьми *государевыми* или *служилыми* назывались все те, которые служат в государственной службе, а людьми *земскими* — все те, которые в государственной службе не служат и составляют ядро государства: крестьяне, мещане (посадские), купцы. Замечательно, что и служилые и земские люди имели свои официальные наименования: служилые люди, в просьбах государю, напр., назывались его *холопами*, от первого боярина до последнего стрельца. Земские люди назывались его *сиротами*; так писались они в своих просьбах государю. Именования эти вполне выражали значение и того и другого отдела или класса. Слово *холоп* получило у нас теперь унижительное и почти бранное значение, но первоначально оно значило не более, как слуга; холоп государев значило: слуга государев. Итак, весьма понятно, что служилые люди назывались слугами государевыми, слугами начальника государства, к кругу деятельности которого они принадлежали. Что же значило слово *сирота*? Сирота, на русском языке, не значит orphan, ибо часто о родителях, лишившихся детей, говорят, что они осиротели. Следовательно, сиротством выражается беспомощное состояние; сирота есть беспомощный, нуждающийся в опоре, в защите. Понятно отсюда, почему земские люди называются сиротами. Земля нуждается в защите государства, и, называя его своим защитником, называет себя нуждающимся в защите или его сиротою. Так, в 1612 году, когда еще не вступал на престол Михаил Федорович, когда государство еще не было восстановлено, земля называла себя *сирою, безгосударною* и скорбела о том.

Так же, как доказательство тех же основ Русского народа, можно привести мнение поляков, современников 1612 года. Они с удивлением говорят, что Русский народ только и толкует, что о вере, а не о политических условиях.

III

Итак, земля Русская поручила свою защиту государству, в лице государя, да под сенью его проживет она тихое и благоденственное житие. Отделив себя от государства, как защищаемое от защищающегося, народ, или земля, не хочет переходить рубежа, им же положенного, и желает, для себя, не правления, но жизни, разумеется, человеческой, разумной: что может быть истиннее, мудрее таких отношений! Как высоко призвание государства, стремящегося обеспечить народу жизнь человеческую, мирное и безмятежное житие, вытекающее из нравственной свободы, преуспеяние в христианском совершенствовании и разработку всех талантов,

данных от Бога! Как высоко стоит откинувший от себя всякое честолюбие, всякое стремление к власти мира сего, и желающий не политической свободы, а свободы жизни духовной и мирного благосостояния! Такой взгляд есть залог мира и тишины, и таков взгляд России, и только России. Все иные народы стремятся к народовластию.

IV

Кроме того, что такое устройство согласно с духом России, — следовательно, уже по одному этому для нее необходимо, — утвердительно можно сказать, что такое устройство само по себе есть единое истинное устройство на земле. Великий вопрос государственно-народный лучше решен быть не может, как решил Русский народ. Призвание человека есть нравственное приближение к Богу, к Спасителю своему; закон человека — внутри его самого; этот закон — полная любовь к Богу и ближнему. Если бы таковы были люди, если бы они были святы, то тогда не нужно было бы государства, тогда было бы уже Царствие Божие на земле. Но люди не таковы, и, сверх того, не таковы в разной степени; закон внутренний для них недостаточен и недостаточен опять в разной степени. Разбойник, не имеющий в душе внутреннего закона и не сдерживаемый законом внешним, может убить честного, добродетельного человека и творить всякое зло. Итак, ради слабости и греховности людской необходим закон внешний, необходимо государство, — власть от мира сего. Но призвание человека остается все то же, нравственное, внутреннее: государство служит к тому только пособием. Чем же должно быть государство в понятии народа, который нравственное стремление ставит выше всего, который стремится к свободе духа, свободе Христовой, — одним словом, чем должно быть государство в понятии народа, в истинном смысле христианского? *Защитою*, а отнюдь не целью властолюбивых желаний.

Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает свободой политической, внешней, свободу духа, внутреннюю. Государствование становится тогда целью для народа, и исчезает высшая цель: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвиг жизни. Правительством народ быть не должен. Если народ — государь, народ — правительство, тогда нет народа.

С другой стороны, если государство в понятии народа — защита, а не цель желаний, то и государство само должно быть этою

защитою для народа, оберегать свободу его жизни, да на просторе развиваются в нем все духовные его силы под хранительную сенью государства.

V

Государственная власть при таких началах, при невмешательстве в нее народа, должна быть неограниченная. Какую же именно форму должно иметь такое неограниченное правительство? Ответ не труден: форму монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая, допускает участие народа, одна более, другая менее, и неперемнное ограничение государственной власти, следовательно, не соответствует ни требованию невмешательства народа в правительственную власть ни требованию неограниченности правительства. Очевидно, что смешанная конституция¹⁰, вроде английской, точно так же не соответствует тем требованиям. Если бы даже выбраны были, как некогда в Афинах, десять архонтов¹¹, и им предоставлена была бы полная власть, то и здесь, составляя совет, они не могли бы представить вполне неограниченной власти, они образовали бы правительственное общество, следовательно, форму *народной* жизни, и вышло бы, что огромное народное общество управляется обществом же, только в малом виде. Но общество подлежит своим законам жизни, и лишь жизнь может вносить в него свободное единство; общество же правительственное такого единства иметь не может: единство это сейчас изменяется от правительственного значения, становится или невозможным или принудительным. Очевидно, что общество правительством быть не может.

Вне народа, вне общественной жизни, может быть только *лицо* (individu¹²). Одно только лицо может быть неограниченным правительством, только лицо освобождает народ от всякого вмешательства в правительство. Поэтому здесь необходим государь, монарх. Только власть монарха есть власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавиться от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский.

Сей взгляд Русского человека есть взгляд человека *свободного*. Признавая государственную неограниченную власть, он удерживает за собою совершенную независимость духа, совести, мысли.

Слыша в себе эту независимость нравственную, Русский человек, по справедливости, не есть раб, а человек свободный. Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся в открыто возвещаемом мнении. Только при такой полной свободе может быть народ полезен правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенном отрешении народа от государственной власти, только при неограниченной монархии, вполне предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, может на земле существовать свобода истинная народа, та, наконец, свобода, которую даровал нам Искупитель наш:

идеже дух Господень, ту свобода.

VI

Считая правительство благодетельною, нужною для себя властью, неограниченною никакими условиями, признавая его не насильственно, а добровольно и сознательно, Русский народ считает правительство, по словам Спасителя, властью от мира сего: только царство Христово не от мира сего. Воздаёт Русский народ кесарева кесареви, а Божия — Богови. Правительство, как человеческое устройство мира сего, не признает он за совершенство. Поэтому Русский народ не воздаёт царю божеской почести, из царя не творит себе идола и неповинен в идолопоклонстве власти, в котором теперь хочет сделать повинным непомерная лесть, явившаяся в России вместе с Западным влиянием. Эта лесть употребляет самые священные титула — достояние Божие — на прославление и возвеличивание царской власти, для народа, понимающего святыню в настоящем значении! Так, например, Ломоносов в одной своей оде говорит о Петре: *он Бог, он Бог твой был Россия; он члены взял в тебе плотские, сошел к тебе от горних мест*¹³; а у раскольников эти самые слова Ломоносова приводятся против православия, как обвинение¹⁴. Несмотря на эту лесть, сильно умножающуюся, Русский народ (в массе) не изменяет своего истинного воззрения на правительство. Это воззрение, обеспечивая, с одной стороны, верную, непремennую покорность народа правительству, с другой стороны, обнажает правительство от того чрезмерного, иногда нечестивого блеска, которым позволяет оно льстецам окружать себя, от того священного сияния, которое присваивается ему даже в христианском мире, так что название государя: *земной Бог*, хотя не вошло в титул, однако допускается, как толкование власти цар-

ской. Христианство повелевает повиноваться властям предержавшим и тем утверждает их; но оно не дает власти того чрезмерного священного значения, которое возникло впоследствии. Это понимает Русский народ и согласно с тем смотрит и на власть правительственную, как бы ни старалась лесть уверять и подданных и государя, что Русские видят в царе земного Бога. Русский народ знает, что *несть власть аще не от Бога*¹⁵. Как христианин молится за нее, повинуется ей, чтит царя, но не боготворит. Только поэтому и повиновение и почитание власти в нем прочно, и революция в нем невозможна.

VII

Таков трезвый взгляд Русского народа на правительство. Но посмотрите на Запад. Народы, оставив там внутренний путь веры и духа, увлеклись тщеславными побуждениями народного властолюбия, поверили в возможность правительственного совершенства, наделали республик, настроили конституций всех родов, развили в себе и тщеславие власти мира сего, и обеднели душою, утратили веру и, несмотря на мнимое совершенство своего политического устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному падению, то страшным потрясением каждую минуту.

VIII

Нам ясно теперь, какое значение имеет в России правительство и какой народ. Другими словами, нам ясно, что Россия представляет в себе две стороны: государство и землю. Правительство и народ, или государство и земля, хотя ясно разграничены в России, тем не менее, если не смешиваются, то соприкасаются. Какое же взаимное их отношение? Прежде всего, народ не вмешивается в правительство, в порядок управления; государство не вмешивается в жизнь и в быт народа, не заставляет народ жить насильственно, по сделанным от государства правилам: странно было бы, если б государство требовало от народа, чтоб он вставал в 7 часов, обедал в 2 и тому подобное; не менее странно, если б оно требовало, чтоб народ так причесывал свои волосы, или носил бы такую одежду. Итак, первое отношение между правительством и народом есть отношение *взаимного невмешательства*. Но такое отношение (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношением положительным между государством и землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охранение жизни народа, есть внешнее его

обеспечение, доставление ему всех способов и средств, да процветает его благосостояние, да выразит он все свое значение и исполнит свое нравственное призвание на земле. Администрация, судопроизводство, законодательство, — все это, понятное в пределах *чисто-государственных*, принадлежит неотъемлемо к области правительства. Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства. Поняв это добросовестно, правительство никогда не посягнет на самостоятельность народной жизни и народного духа. Положительная обязанность народа относительно государства есть исполнение государственных требований, доставление ему сил для приведения в действие государственных намерений, снабжение государства деньгами и людьми, если они нужны. Такое отношение народа к государству есть только прямое необходимое следствие признания государства: это отношение подчиненное, а не самостоятельное; при таком отношении *народ сам* государству еще *не виден*. Какое же *самостоятельное* отношение не политического народа к государству? Где государство, так сказать, *видит народ самый*? Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*. В общественном или народном мнении нет политического элемента, нет другой силы, кроме нравственной, следовательно, нет и принудительного свойства, противоположного нравственной силе. В общественном мнении (разумеется, выражающем себя гласно) видит государство, чего желает страна, как понимает она свое значение, какие ее нравственные требования, и чем, следовательно, должно руководиться государство, ибо цель его — способствовать стране исполнить свое призвание. Охранение свободы общественного мнения, как нравственной деятельности страны, есть таким образом одно из обязанностей государства. В важных случаях государственной и земской жизни для правительства бывает нужно самому вызывать мнение страны, но только *мнение*, которое (разумеется) правительство свободно принять и не принять. *Общественное мнение* — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству, и вот та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством.

Мудрые цари наши это понимали: да будет им вечная за то благодать! Они знали, что при искреннем и разумном желании счастья и блага стране, нужно знать и в известных случаях вызывать ее мнение. И потому цари наши часто созывали Земские Соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства

и земли. Цари наши, хорошо понимая Россию, нимало не затруднялись созывать такие соборы. Правительство знало, что оно чрез то не теряет и не стесняет никаких прав своих, а народ знал, что он через то никаких прав ни приобретает, ни распространяет. Связь между правительством и народом не только от того не колебалась, но еще теснее скреплялась. Это были дружественные, полные доверенности отношения правительства и народа.

На Земские Соборы созывались не одни земские люди, но и служилые или государевы: бояре, окольниковичие, стольники, дворяне и пр.; но созывались они здесь в своем земском значении, в качестве народа, на совет. На Земском Соборе присутствовало и духовенство, необходимое для общей полноты земли русской. Таким образом на этот собор собиралась как бы вся Россия, и собранная вся, получала она в этот час основное свое значение, *земли*, от чего и собор назывался *Земским*.

Стоит только обратить внимание на эти достопамятные соборы, на ответы выборных, на них присутствовавших: тогда смысл этих соборов, смысл *только мнения*, очевиден. Все ответы начинаются в таком роде: «Как поступить в этом случае, это зависит от тебя, государь. *Делай*, как тебе угодно, а наша *мысль* такова». Итак, действие — право государево, мнение — право страны. Для возможно полного благоденствия нужно, чтоб и та и другая сторона пользовалась своим правом: чтоб земля не стесняла *действий* государя, чтобы государь не стеснял *мнения* земли.

Так как Россия по призыву своего государя сходилась на эти соборы не из тщеславного желания говорить речи вроде парламентских, не из властолюбия народного, одним словом, не по охоте своей, то она нередко считала такие соборы тяжелым долгом и собиралась на них не всегда скоро; по крайней мере, в грамотах встречаются понуждения в отдаленные города — Пермь или Вятку — о скорейшей присылке выборных для того, что «из-за них стоит государево и земское дело». Но, кроме этих соборов, основатели русского могущества, незабвенные цари наши, везде, где только можно, спрашивали народного мнения. В Москве поднялся хлеб в цене, и царь Алексей Михайлович созывает на Красную площадь купцов посоветоваться с ними о том, как помочь делу¹⁶. Общественное мнение вызывается правительством при всяком удобном случае: нужно написать устав о *станичной* или *полевой* воинской службе, и повелевается боярину посоветоваться о том со всем *станичным* войском; выходит постановление правительства, и поручается боярину узнать, как говорит о том народ. Наши цари давали ход общественному голосу и между крестьянами, поручая им вы-

бирать судей, делая повальный обыск, имевший при царях огромное значение, позволяя, кроме выбранных судей, выборным от народа *присутствовать* на судах, и, наконец, давая простор крестьянской сходке во всех внутренних распорядках крестьян.

Так поступая, цари наши передали императорам Россию, освобожденную от ига татар¹⁷, присоединившую к себе три царства¹⁸, перенесшую со славою годину в 1612 году, возвратившую к себе Малороссию¹⁹, написавшую Уложение²⁰, уничтожившую местничество, которое мешало правительственным распоряжениям, возродившуюся к новой силе и свободную от всяких элементов внутреннего разрушения, крепкую, сильную. Без сомнения, никто не усомнится в неограниченности власти царей наших, ни в совершенном отсутствии революционности в древней России. Многого еще не могли успеть сделать наши цари: надо было долго укреплять Россию после страшных бедствий. Неторопливо, постепенно и прочно совершали мудрые государи свой подвиг, не сходя с Русских начал, не изменяя Русского пути. Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ Русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть Русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а еще менее от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно. Царь Алексей Михайлович усилил дипломатические сношения с Европейскими державами, выписал иностранные журналы; при нем построен был первый русский корабль «Орел»²¹; его бояре были уже люди образованные; просвещение тихо и мирно начинало распространяться. Царь Феодор Алексеевич положил в Москве начало высшему училищу или университету, хотя под другим названием, а именно: он завел Славяно-Греко-Латинскую академию, устав которой был написан знаменитым Симеоном Полоцким²².

IX

Теперь должно сказать о той эпохе, когда со стороны правительства, а не народа, были нарушены начала гражданского устройства России, когда был оставлен русский путь. Последний царь Феодор Алексеевич созывал в короткое царствование свое два собора: собор одних служилых людей, об местничестве, как деле, касавшемся только людей служилых, а не земли, и Собор Земский для уравнивания податей и службе по всей России²³. Во время

этого второго собора царь Феодор Алексеевич умер. Известно, что, по желанию царя, меньшей брат его, Петр, был выбран на царство. Вероятно, этот же Земский Собор, находившийся в то время в Москве, утвердил Петра царем, согласно желанию Феодора Алексеевича. Как бы то ни было, только этот Земский Собор распускается от имени Петра, тогда еще малолетнего, но через несколько лет Петр начал и сам действовать.

У меня нет намерения входить в историю Петровского переворота; нет намерения восставать на величие Петра, величайшего из великих людей. Но переворот Петра, несмотря на весь внешний блеск свой, свидетельствует, какое глубокое внутреннее зло производит величайший гений, как скоро он действует одиноко, отделяется от народа и смотрит на него, как архитектор на кирпичи. При Петре началось то зло, которое есть зло и нашего времени. Как всякое неизлеченное зло, оно усилилось с течением времени и составляет опасную коренную язву нашей России. Я должен определить это зло.

Если народ не посягает на государство, то и государство не должно посягать на народ. Только тогда союз их прочен и благодатен. На Западе идет эта постоянная вражда и тяжба между государством и народом, не понимающими своих отношений. В России этой вражды и тяжбы не было. Народ и правительство, не смешиваясь, жили в благоденственном союзе; бедствия были или внешние, или происходили от несовершенства природы человеческой, а не от ложного пути, не от смешения понятий. Русский народ так и остался верен своему взгляду и не посягнул на государство; но государство, в лице Петра, посягнуло на народ, вторгнулось в его жизнь, в его быт, изменяло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло, через полицию, на ассамблеи; ссылало в Сибирь даже портных, шивших русское платье. Служилые люди, соединенные прежде в своем частном, не государственном значении, с землею единством понятий, образа жизни, обычаев и одежды, всего более подверглись насильственным требованиям Петра, именно, со стороны жизненной, нравственной, и переворот осуществился в них во всей силе. Хотя те же требования от правительства простирались и на все сословия, даже на крестьян, но не столь настойчиво, и впоследствии оставлено было намерение, уже высказанное, чтоб ни один крестьянин не смел въезжать в город с бороδοю: за бороду стали, вместо того, брать пошлину. Наконец, земским людям оставлена была возможность ходить и жить по-прежнему; но положение их в России совершенно изменилось. Произошел общественный разрыв. Слу-

жилые люди, или верхние классы, оторвались от русских начал, понятий, обычаев, и вместе от русского народа, — зажили, оделись, заговорили по-иностранному. Москва стала не угодна государю, и он перенес столицу на край России, в новый, построенный им город, Санкт-Петербург, которому он дал и название немецкое. В Петербурге около государя образовалось целое пришлое население новообразованных русских, — чиновников, лишенных даже почвы народной, ибо туземное население Петербурга — иностранное.

Так совершился разрыв царя с народом, так разрушился этот древний союз земли и государства; так вместо прежнего союза образовалось *иго* государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванной, а государство — завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле!

Новообразованные Русские, увлеченные частью насилием, частью соблазном на иностранный путь, скоро сжились с своим положением, ибо вольность заемных нравов, тщеславие, блеск света, наконец, новые права дворянские сильно льстили страстям и слабости человеческой. Презрение к России и к Русскому народу скоро стало как бы принадлежностью образованного русского человека, целью которого было подражание Западной Европе. В то же время новообразованные Русские, подпав государственному гнету даже с своей жизненной, с нравственной стороны и став в новое, в рабское отношение к власти, ощутили в себе политическое властолюбие. В классах, оторванных от народного быта, преимущественно в дворянстве, сейчас обнаружилось стремление к государственной власти; пошли революционные попытки и, чего не бывало прежде, престол российский стал беззаконным игрищем партий. Беззаконно вошла на престол Екатерина I²⁴, беззаконно призвана была Анна, причем аристократия задумала было и конституцию, но конституция, к счастью, не состоялась. С помощью солдат вошла на престол Елизавета²⁵. Нужно ли говорить о низложении Петра III²⁶? Наконец, как плод нерусских начал, внесенных Петром, явилось восстание 14 декабря²⁷, — восстание верхнего, оторванного от народа класса, ибо солдаты, как известно, были обмануты.

Так действовало верхнее сословие, отказавшееся от русских начал. Как же действовал народ, не изменивший русским началам: купцы, мещане и в особенности крестьяне, которые более всех остались верны русскому быту и духу?

Народ все это время, как и следовало ожидать, был спокоен. Это спокойствие не лучшее ли доказательство, как противна всякая революция русскому духу? Восставали дворяне, но когда восставал крестьянин против государя? Восставала бритая борода и немецкий костюм, но когда же восставала русская борода и кафтан?

Стрелецкие бунты при Петре²⁸ составляют явление особое; это было, скорее, буйство, чем бунт; к тому же стрельцы не нашли себе опоры в народе; напротив, войско, набранное из народа (из даточных²⁹), ревностно стало против стрельцов и разбило их. Чтобы привлечь на свою сторону холопов, стрельцы изорвали кабальные записи³⁰ и разбросали по улицам, но и холопы объявили, что они не хотят такой свободы, и пошли на стрельцов. Итак, самовольное стрелецкое буйство оскорбляло прежде всего народ, и он не только стрельцов не поддерживал, но даже был против них. В позднейшее время можно, правда, указать на одно страшное восстание, но чье имя было обманчивым знаменем этого восстания? Имя государя Петра III, имя законного государя³¹. Ужели и это не убедит в совершенной антиреволюционности Русского народа, — истинной опоры престола?

Да! Пока Русский народ остается русским, до тех пор тишина внутренняя и безопасность правительства обеспечены. Но петровская система и вместе иностранный дух, с нею нераздельный, продолжают действовать, и мы видели, какое действие производят они в той массе русских людей, которую увлекли. Мы видели, как с чувством рабским, которое порождает власть правительственная, входящая в самую жизнь человека, как с этим рабским чувством соединяется чувство бунтовщика, ибо раб не видит рубежа между собою и правительством, который видит человек свободный, живущий внутренней самостоятельной жизнью; раб видит только одну разницу между собою и правительством: он угнетен, а правительство угнетает; низкая подлость всякую минуту готова перейти в наглую дерзость; рабы сегодня — бунтовщики завтра; из цепей рабства куются беспощадные ножи бунта. Русский народ, простой народ собственно, держится своих древних начал и противится доселе и рабскому чувству и иностранному влиянию верхнего класса. Но Петровская система продолжается уже полтора столетия; она начинает, наконец, проникать и в народ свою, по-видимому, пустою, но вредною стороною. Уже и в некоторых селах бросают русскую одежду, уже и крестьяне начинают говорить о моде, а вместе с этими пустыми, по-видимому, делами входит чуждый образ жизни, чуждые понятия, и шатаются исподволь русские начала.

Как скоро правительство отнимает постоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставит, наконец, искать свободы внешней, политической. Чем долее будет продолжаться Петровская правительственная система, — хотя по наружности и не столь резкая, как при нем, — система столь противоположная Русскому народу, вторгающаяся в общественную свободу жизни, стесняющая свободу духа, мысли, мнения и делающая из подданного раба: тем более будут входить в Россию чуждые начала; тем более людей будет отставать от народной русской почвы, тем более будут колебаться основы Русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию, когда она перестанет быть Россией. Да, опасность для России одна: *если она перестанет быть Россией*, — к чему ведет ее постоянная теперешняя Петровская правительственная система. Дай же Бог, чтобы этого не было.

Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением; он внес в ее жизнь семена разрушения, вражды. Да и все внешние славные дела совершил он и преемники его — силами той России, которая возрастала и окрепла на древней почве, на других началах. Доселе солдаты наши берутся из народа, доселе еще не вовсе исчезли русские начала и в преобразованных русских людях, подверженных иностранному влиянию. Итак, Петровское государство побеждает с силами еще до-Петровской России; но силы эти слабеют, ибо Петровское влияние растет в народе, несмотря на то, что правительство стало говорить о русской национальности и даже требовать ее. Но для того, чтобы благое слово обратилось в благое дело, нужно понять дух России и стать на русские начала, отвергнутые со времени Петра. Внешнее величие России, при императорах, точно блестяще, но внешнее величие тогда прочно, когда истекает из внутреннего. Нужно, чтоб источник был не засорен и не оскудевал. — Да и какой внешний блеск может вознаградить за внутреннее благо, за внутреннюю стройность? Какое внешнее непрочное величие и внешняя ненадежная сила могут сравниться с внутренним прочным величием, с внутреннею надежною силою? Внешняя сила может существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла. Если внутренность дерева вся истлела, то наружная кора, как бы ни была крепка и толста, не устоит, и при первом ветре дерево рухнет ко всеобщему изумлению. Россия держится долго потому, что еще не исчезла ее внутренняя долговечная сила, постоянно ослабляемая

и уничтожаемая; потому, что еще не исчезла в ней до-Петровская Россия. Итак, внутреннее величие — вот что должно быть первою главною целью народа и, конечно, правительства.

Х

Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнения народа, но всякий частный человек опасается говорить свое мнение. Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт; просьбы, подписанные многими или несколькими лицами, у нас теперь не допускаются, тогда как в древней России они-то и были уважены. Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их не дружественны. И на этом-то внутреннем разладе, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лесть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь. Один писатель выразился в «Ведомостях» подобными словами: «Детская больница была освящена по обряду православной Церкви; в другой раз была освящена посещением государя императора». Принято выражение, что «государь *изволил* приобщаться Святым Таин», тогда как христианин иначе сказать не может, что он *сподобился* или *удостоился*. — Скажут, это некоторые случаи; нет, таков у нас всеобщий дух отношений к правительству. Это только легкие примеры поклонения земной власти; этих примеров имеется слишком довольно и в словах и в делах; их исчисление составило бы целую книгу. При потере взаимной искренности и доверенности все обняла ложь, везде обман. Правительство не может, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж — страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди: нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде

честные люди — тоже воры: исключений немного. Это сделалось уже не личным грехом, а общественным; здесь является безнравственность самого положения общественного, целого внутреннего устройства.

XI

Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнения, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаний в России нет. Гнет всякого мнения, всякого проявления мысли дошел до того, что иные представители власти государственной запрещают изъявлять мнение, даже благоприятное правительству, ибо запрещают всякое мнение. Они не позволяют даже хвалить распоряжения начальства, утверждая, что до одобрения подчиненных начальству дела нет, что подчиненные не должны сметь рассуждать и даже находить хорошим то или другое в своем правительстве или начальстве. К чему же ведет такая система? К полному безучастию, к полному уничтожению всякого человеческого чувства в человеке; от человека не требуют даже того, чтоб он имел хорошие мысли, а чтоб он не имел никаких мыслей. Эта система, если могла успеть, то обратила бы человека в животное, которое повинуется не рассуждая и не по убеждению! Но если бы люди могли быть доведены до такого состояния, то неужели найдется правительство, которое предположит себе такую цель? — Тогда в человеке погиб бы человек: из чего же живет человек на земле, как не из того, чтобы быть человеком, в возможно полном, возможно высшем смысле? Да и к тому же люди, у которых отнято человеческого достоинство, не спасут правительства. В минуты великих испытаний понадобятся люди, в настоящем смысле; а где оно тогда возьмет людей, где возьмет оно сочувствия, от которого отучило, дарований, одушевления, духа, наконец?..

Но доведение людей до животного состояния не может быть сознательною целью правительства. Да и дойти до состояния животных люди не могут; но в них может быть уничтожено человеческое достоинство, может отупеть ум, огрубеть чувство, — и, следовательно, человек приблизится к скоту. К тому ведет, по крайней мере, система угнетения в человеке самобытности жизни общественной, мысли, слова. Такая система, пагубно действуя на ум, на дарования, на все нравственные силы, на нравственное достоинство человека, порождает внутреннее неудовольствие и уныние. Та же угнетательная правительственная система из государя делает

идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы. «Моя совесть», скажет человек. «Нет у тебя совести, — возражают ему, — как смеешь ты иметь свою совесть? Твоя совесть — государь, о котором ты и рассуждать не должен». — «Мое отечество», скажет человек. «Это не твое дело, — говорят ему, — что касается России — до тебя, без дозволения, не касается, твое отечество — государь, которого ты и любить свободно не смеешь, а которому ты должен быть рабски предан». — «Моя вера», скажет человек. «Государь есть глава Церкви, — ответят ему (вопреки православному учению, по которому глава Церкви — Христос). — Твоя вера — государь». «Мой Бог», скажет, наконец, человек. «Бог твой — государь; он есть земной Бог!».

И государь является какою-то неведомою силою, ибо об ней и говорить и рассуждать нельзя и которая между тем вытесняет все нравственные силы. Лишенный нравственных сил, человек становится бездушен и, с инстинктивною хитростью, где может, грабит, ворует, плурует.

Эта система не всегда обнаруживается ярко и откровенно; но внутренний смысл ее, но дух ее таков и нисколько не преувеличен.

Велика внутренняя порча России, порча, которую лезть старается скрыть от взоров государя; сильно отчуждение правительства и народа друг от друга, которое также скрывают громкие слова рабской лести. Вторжение правительственной власти в общественную жизнь продолжается; народ заражается более и более, и общественное развращение усиливается в разных своих проявлениях, из которых взяточничество и служебное воровство стало почти всеобщим и как бы делом признанным. Тайное неудовольствие всех сословий растет..

ХII

И отчего все это? — Все это даром! Все это от непонимания народа, от нарушения правительством того необходимого разграничения между ним и народом, при котором только и возможен крепкий, благодатный союз с обеих сторон. Все это может поправиться легко, по крайней мере, в существенных отношениях.

Прямое целение на современное зло, возникшее в России, — это *понять Россию* и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом. Прямое целение против болезни, порождаемой противоестественным для России образом действий, — это оставить противоестественный образ действий и возвратиться к образу действий, согласному с понятиями, с существом России.

Как скоро правительство поймет Россию, так оно поймет, что всякое побуждение к государственной власти противно духу Русского народа; что страх какой-нибудь революции в России есть страх, не имеющий ни малейшего основания и что множество шпионов распространяют около себя только безнравственность; что правительство неограниченно и безопасно именно по убеждению Русского народа. Народ желает для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмешиваясь в государственную власть, он желает, чтоб государство не вмешивалось в самостоятельную жизнь быта его и духа, в которую вмешивалось и которую гнело правительство полтора ста лет, доходя до мелочей, даже до одежды. Нужно, чтобы правительство поняло вновь свои коренные отношения к народу, древние отношения государства и земли, и восстановило их. Ничего более не нужно. Так как эти отношения нарушены только со стороны правительства, вторгнувшегося в народ, то оно может это нарушение отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни с каким насильственным действием. Стоит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. Тогда возобновится сам собою полный доверенности и искренний союз между государством и народом. Наконец, в довершение этого союза надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях.

Я сказал, что правительству следует иногда самому вызывать мнение страны. Значит ли это, что нужно созвать Земский Собор?

Нет. Созвать в настоящее время Земский Собор было бы делом бесполезным. Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними. Дворяне полтора ста лет как уже отделились от основ народных и смотрят на крестьян, большей частью, или с гордым презрением, или как на источник своих доходов. Купцы, с одной стороны, подражают дворянам и, подобно им, увлекаются Западом, — с другой стороны, держатся какой-то своей, ими самими установленной старины, которая носит жилет сверх русской рубахи, и при русских сапогах — галстук и длиннополый сюртук; такая одежда служит символом их понятий, представляющих подобную же смесь. Мещане составляют бледное подобие купцов; это самый жалкий класс во всей России и притом самый разнохарактерный. Крестьяне, давно удаленные от всякого соприкосно-

вения с историей, участвуют в ней лишь податями и рекрутами: они одни преимущественно сохранили основы русского быта в его чистоте; но что могли бы сказать они, так долго молчавшие? На Земском Соборе должен быть голос всей Русской земли, а сословия дать теперь такого голоса не могут.

Итак, в настоящую минуту Земский Собор бесполезен и созывать его теперь не нужно. В настоящее время возможно и было бы истинно полезно, если б правительство созывало отдельные собрания сословий в известных случаях, по какому-нибудь вопросу, касающемуся отдельно того или другого сословия; например, собрание выборных от купечества по вопросу о торговле. Надобно, чтобы правительство созывало такие собрания нарочно с этой целью, предлагая тот или другой вопрос на обсуждение. Существующие собрания дворянства, купечества и мещанства получили уже особенный свой смысл в полуторастолетний период, — и мнение не привыкло быть на них правдивым и откровенным; оно не будет, может быть, таким даже и тогда, если бы правительство вздумало на них предложить какой-нибудь вопрос на рассуждение. Поэтому, думаю я, лучше собирать нарочные собрания того или другого сословия, когда представится вопрос, на который правительство сочтет нужным спросить мнения сословия. Такие собрания, как и Земские Соборы (когда Земские Соборы станут возможны), не должны быть обязанностью для правительства и не должны быть периодичны. Правительство созывает соборы и требует мнения, когда вздумает.

В настоящее время Земский Собор может быть для правительства заменен до некоторой степени общественным мнением. В настоящее время, в общественном мнении может правительство почерпать те нужные для него указания и сведения, которые яснее способен изложить Земский Собор, когда он будет возможен.

Давая свободу жизни и свободу духа стране, правительство дает свободу общественному мнению. Как же может выразиться общественная мысль? Словом устным и письменным. Следовательно, необходимо снять гнет с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысли и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу.

Человек создан от Бога существом разумным и говорящим. Деятельность разумной мысли, духовная свобода есть призвание человека. Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому — свобода слова, вот неотъемлемое право человека.

В настоящее время слово, этот единственный орган земли, находится под тяжким гнетом. Наибольший гнет тяготеет над словом письменным (я разумею и печатное слово). Понятно, что при такой системе цензура³² должна была дойти до невероятных несообразностей. И точно, многочисленные примеры таких несообразностей известны всем. Надобно, чтоб этот тяжкий гнет, лежащий на слове, был снят.

Разумеется ли под этим уничтожение цензуры? Нет. Цензура должна остаться, чтоб охранять личность человека. Но цензура должна быть как можно более свободна относительно мысли и всякого мнения, как скоро оно не касается личности. Я не вхожу в обозначение пределов этой свободы, но скажу только, что чем шире будут они, тем лучше. Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространить вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их, уничтожат вред и тем доставят новое торжество и новую силу правде. Истина, действующая свободно, всегда довольно сильна, чтоб защитить себя и разбить в прах всякую ложь. А если истина не в силах сама защитить себя, то ее ничто защитить не может. Но не верить в победоносную силу истины, значило бы не верить в истину. Это безбожие своего рода, ибо Бог есть истина.

Со временем должна быть полная свобода слова и устного и письменного, когда будет понятно, что свобода слова неразрывно соединена с неограниченной монархией, есть ее верная опора, ручательство за порядок и тишину, и необходимая принадлежность нравственного улучшения людей и человеческого достоинства.

Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. Я не предлагаю здесь о том своих мыслей, ибо это не было моей целью при сочинении этой записки. Я указываю здесь на самые основы внутреннего состояния России, на то, что составляет главный вопрос и имеет важнейшее общее действие на всю Россию. Скажу только, что истинные отношения, в которые станет государство к земле, что общественное мнение, которому дается ход, оживя весь организм России, подействует целительно и на эти язвы; в особенности же на взяточничество, для которого так страшна гласность общественного мнения. Сверх того, общественное мнение может указать на средства против зол народных и государственных, как и против всяких зол.

Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землею, на прочном основании истинных коренных русских начал.

Правительству — неограниченная свобода *правления*, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода *жизни* и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству* — право *действия* и, следовательно, закона; *народу* — право *мнения* и, следовательно, слова.

Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!

**ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАПИСКЕ «О ВНУТРЕННЕМ
СОСТОЯНИИ РОССИИ»,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ II КОНСТАНТИНОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ
АКСАКОВЫМ³³**

В «Записке о внутреннем состоянии России», я указал на *основные начала русские*, на то, что эти начала были *нарушены*, — вследствие чего и произошло великое зло, — и наконец на то, что эти начала *должны быть восстановлены*, — для исцеления от этого великого зла и для блага России.

Но, скажут, кроме общих начал, нужно их применение в жизни, нужна *практическая* сторона дела.

Цель этого дополнения к «Записке» сказать о том, какого рода практические указания возможны в настоящую минуту.

На это дает ответ самая «Записка», если извлечь из нее основной смысл.

Христианину, имеющему веру истинную, истинные общие начала христианские, — можно указать на те или другие его действия, несогласные с его собственною верою, можно дать частные *практические* (чтоб употребить любимое многими слово) советы, и этого будет довольно.

Но что я скажу ренегату, отступившему от истинной веры? Одно: обратись к истинной вере, начни вновь исповедывать истину. Это первый и единственно-возможный совет для ренегата. — Ужели упрекнут, что в этом совете нет практической стороны? Между тем в нем лежит высший смысл жизни. Жизнь не называется же практикой, но что же существеннее и действительнее жизни? Она источник всего и объемлет собою все.

Россия в таком точно положении как ренегат: она отступила от основных истинных русских начал. Ей, как ренегату, один совет: обратись вновь к русским началам. Вот первый и единственно-существенный совет для России; ибо при удержании теперешней

системы — никакое улучшение, никакая польза и никакие советы невозможны.

Ужели упрекнул опять, что в этом совете нет практической стороны? Но опять в нем лежит высший смысл жизни. Страна, народ движется нравственною силою, верует, молится, слабеет и крепнет в вере, падает и возвышается духом, следовательно *живет*, и следовательно вопрос *жизни* есть для народа первый всеобъемлющий вопрос.

Если же под практическою стороною разуметь осуществление чего бы то ни было на деле, то этот жизненный совет: *обратиться к истинным русским началам* — имеет, бесспорно, свою практическую сторону, и эта практическая сторона должна быть указать.

Итак, дело в том теперь, какие же основные истинные русские начала? Об этом говорит моя «Записка о внутреннем состоянии России». Но «Записке» недостает сосредоточенного вывода, извлеченного из общих указаний и необходимого для надлежащей ясности и для ощутительного показания действительного, жизненного и в этом смысле практического их значения.

Вот этот вывод, оправдание которого находится в самой «Записке о внутреннем состоянии России»³⁴:

I. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя, и государствовать не хочет.

II. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамен того, Русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, без вмешательства в нее народа, — может быть только неограниченная монархия.

V. На основании таких начал зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что самостоятельно может и должен предлагать безвластный народ полновластному правительству, — это *мнение* (следовательно, сила чисто нравственная), мнение, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинные начала могут быть нарушены и с той и с другой стороны.

VII. При нарушении их со стороны народа, при ограничении власти правительства, следовательно, при вмешательстве народа в правительство, — не может быть нравственной свободы народной. Вмешиваясь в правительство, народ прибегает к внешней

принудительной силе, изменяет своему пути внутренней духовной свободы и силы — и непременно портится нравственно.

VIII. При нарушении этих начал со стороны правительства, при стеснении правительством в народе свободы нравственной, свободы жизни и духа, — неограниченная монархия обращается в деспотизм, в правительство безнравственное, гнетущее все правительственные силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русского гражданского устройства не были нарушены в России со стороны народа (ибо это его коренные народные начала); — но были нарушены со стороны правительства. То есть правительство вмешалось в нравственную свободу народа, стеснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло таким образом в душевредный деспотизм, гнетущий духовный мир и человеческое достоинство народа и, наконец, обозначившийся упадком нравственных сил в России и общественным развращением. Впереди же этот деспотизм угрожает или совершенным расслаблением и падением России, на радость врагов ее, или же искажением русских начал в самом народе, который, не находя свободы нравственной, захочет, наконец, свободы политической, прибегнет к революции и оставит свой истинный путь. — И тот и другой исход ужасны, ибо и тот и другой гибельны: один в материальном и нравственном, другой в одном нравственном отношении.

X. Итак, нарушение, со стороны правительств, русского гражданского устройства, похищение у народа нравственной его свободы, одним словом: отступление правительства от истинных русских начал, — вот источник всякого зла в России.

XI. Поправление дела, очевидно, зависит от правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнет на Россию; оно должно снять этот гнет. Правительство отступило от истинных начал русского гражданского устройства; оно должно воротиться к этим началам, а именно:

Правительству — неограниченная власть государственная; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству — право действия и следовательно закона; народу — право мнения и следовательно слова.

Вот единственный, существенно жизненный совет для России в настоящее время.

XIII. Но как же его привести в исполнение?

Ответ на это находится в самом указании общих начал. Дух живет и выражается в слове. Свобода духовная или нравственная народа есть *свобода слова*.

XIV. Итак, *свобода слова*: вот что нужно России, вот прямое приложение общего начала к делу, до того с ним нераздельное, что свобода слова есть и начало (принцип), и явление (факт).

XV. Но и не удовлетворяясь тем, что свобода слова, а поэтому и общественное мнение, существует, правительство чувствует иногда нужду само вызывать общественное мнение. Каким образом может правительство вызвать это мнение?

Древняя Русь указывает нам и на дело самое, и на способ. Цари наши вызывали, в важных случаях, общественное мнение всей России и созывали для того *Земские Соборы*, на которых были выборные от всех сословий, и со всех концов России. Такой Земский Собор имеет значение *только мнения, которое* государь может принять и не принять.

Итак, из всего сказанного в моей «Записке» и объясненного в этом «Дополнении» вытекает ясное, определенное, прилагаемое к делу и, в этом смысле, *практическое указание*: что нужно для внутреннего состояния России, от которого зависит и внешнее ее состояние.

Именно:

Полная *свобода слова* устного, письменного и печатного — всегда и постоянно; и *Земский Собор*, — в тех случаях, когда правительство захочет спросить мнения страны.

Внутренний общий союз жизни, — сказал я в своей «Записке», — до того ослабел в России, сословия в ней до того отделились друг от друга, вследствие полуторастолетней деспотической системы правительства, что Земский Собор, в настоящую минуту, не мог бы принести своей пользы. Я говорю: в *настоящую минуту*, то есть, немедленно. Земский Собор непременно полезен для государства и земли, и нужно пройти некоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрым указанием древней Руси и созвать Земский Собор.

Открыто возвещаемое общественное мнение, — вот чем в настоящую минуту может быть заменен для правительства Земский Собор; но для того необходима свобода слова, которая даст правительству возможность созвать вскоре, с полною пользою для себя и народа, Земский Собор.

В «Записке» своей признал я нужным некоторый переход к полной свободе слова, — переход через наибольшее смягчение цензуры относительно всякой мысли и всякого мнения, и чрез удержание цензуры покуда, как ограждения личности. Переход этот должен быть непродолжителен и привести к полной свободе слова.

В «Записке» своей я показываю неосновательность страха тех, которые боятся свободы слова. Этот страх есть неверие в истину, в ее победоносную силу, есть безбожие своего рода, ибо Бог есть истина. Христианская проповедь имела против себя всю свободу языческого слова, и победила. Ужели мы, неверной, малодушной душой, смутимся за Божью истину (ибо нет другой)? Не знаем ли мы, что Господь наш с нами до скончания века?

При нравственной свободе и нераздельной с ней свободе слова, только и возможна неограниченная благодетельная монархия; без нее, — она губительный, душевредный и недолговечный деспотизм, конец которого — или падение государства, или революция. Свобода слова есть верная опора неограниченной монархии: без нее — она (монархия) непрочна.

Времена и события мчатся с необычайной быстротой. Настала строгая минута для России. России нужна правда. Медлить некогда. — Не обинуясь, скажу я, что, по моему мнению, свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор.

Итак, еще раз:

Свобода слова — необходима.

Земский Собор — нужен и полезен.

Вот практический вывод моей «Записки о внутреннем состоянии России» и «Дополнения» к ней.

Считаю должным еще прибавить два примечания.

1. Какую же пользу принесет свобода слова, спросят, быть может, некоторые. Это объяснить, кажется, не трудно.

Откуда происходят внутренний разврат, взяточничество, грабительство и ложь, переполнившие Россию? От общего унижения нравственного. Следовательно, надобно нравственно возвысить Россию. Как же возвысить нравственно? Признать и уважать в человеке человека; а это иначе быть не может, как тогда, когда признают за человеком право слова, свободного слова, неразлучного с нравственной, духовной свободой, которая есть неотъемлемая принадлежность высокого духовного существа человеческого. В самом деле, как иначе избавиться от взяточничества и других неправд? Вы устраните одних взяточников: на место их явятся другие, еще хуже, порождаемые непрерывно испорченной нравственной почвой, образующиеся из унижения человеческого достоинства. Одно средство против этого зла: возвысить нравственно человека; а без свободы слова это невозможно. Итак, свобода

слова, уже сама по себе, непременно возвысит нравственно человека. Конечно, воры всегда будут встречаться; но это уже будет частный, личный грех; тогда как теперь взяточничество и другие подобные гнусные дела — грех общественный. Кроме того, когда по всей России грянет один общий открытый голос на взятки и грабеж, когда вся Россия укажет всенародно на пиявиц, сосущих ее лучшую кровь, тогда поневоле придут в ужас самые отчаянные воры и взяточники. Правда любит день и свет, а неправда ночь и темноту. Стеснение общественного слова распространяло в России столь благоприятную для неправды ночь. Со свободой слова взойдет день, которого так боится неправда; свет вдруг озарит безбожные дела в обществе на показ всему миру; им негде будет укрыться, и они должны будут бежать из общества. К тому же станет видно и для правительства, праведный гром которого грянет верно. — Наконец, при свободе слова, общественное мнение укажет на многие полезные меры, на многих достойных людей, равно как на многие ошибки и на многих людей недостойных.

2. Нравственная свобода человека, признанная правительством в свободе слова, будет, само собою разумеется, признана им и в других, хотя бы мелких, ее проявлениях в жизни. Одно из таких проявлений, например, есть частная (партикулярная) одежда. Я разумею здесь не одно платье, но способ носить волосы, бороду, одним словом, я разумею здесь *костюм* (наряд) человека. Частная одежда есть прямое проявление жизни, быта, вкуса и государственного в себе не имеет. Но доселе так еще стеснена свобода жизни, что даже одежда частного человека подлежит у нас запрещению.

Одежда не важна сама по себе, но как скоро правительство даже вмешивается в одежду народа, то одежда, именно по своей незначительности, становится тогда важным указателем, до какой степени стеснена свобода жизни в народе. Доселе русский дворянин, даже вне службы, не может носить русской одежды. С некоторых дворян русских, надевших было русскую одежду, взята через полицию подписка: *бороды не носить*, отчего они и принуждены были снять русское платье, ибо борода есть часть русского наряда³⁵. — Итак, даже в этом пустом проявлении жизни, в одежде, правительство наше продолжает стеснять свободу жизни, свободу вкуса, свободу народного чувства, — одним словом нравственную.

Говорю с совершенной откровенностью свои мысли как в «Записке», так и в «Дополнении», — и исполняю тем долг свой к Отечеству и Государю.

ЗАМЕЧАНИЯ НА НОВОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯН В РОССИИ³⁶

Собираясь писать разбор положений Редакционных Комиссий, и изложить собственные наши взгляды на дело, мы считаем нужным предпослать нашей работе следующие основания.

Речь идет об устройстве народа в административном, хозяйственном и юридическом отношениях.

Такова задача. Отсюда возникают вопросы:

1) Должно ли, при устройстве народа принимать в расчет народ самый? — Должно ли поискать: не сделал ли он сам чего-нибудь для себя в этом отношении?

Если же так, то отсюда вытекает другой вопрос:

2) Создал ли что-нибудь Русский народ сам для своего устройства?

На первый вопрос отвечаем, что народ не есть безразличная масса, или тесто, для того, чтобы лепить из него какие угодно фигуры, ни *tabula rasa*, на которой члены Комиссии могут писать какие угодно свои административные, хозяйственные и юридические соображения. — Нет, народ есть собрание людей, есть человеческий союз, основанный на единстве происхождения, единстве языка, обычая и верования (или начала нравственного), союз, поэтому не только кровный, но и духовный, имеющий свою историю, свой ход, свое постепенное раскрытие начал и оснований. Народ есть лицо самобытное, самоопределяющееся и самоуправляющееся.

В таком случае

1) При устройстве народа, необходимо принимать во внимание народ самый.

Поэтому, обстоятельством первой важности является, прежде всего, дух народа, и все то, что сам народ создал для своего устройства.

На второй вопрос отвечаем также утвердительно.

Русский народ прожил на памяти истории тысячю лет, и древнее устройство свое, им созданное, свой мир, со всеми его оттенками, умел в пределах крестьянства (которое не без основания зовется собственно народом), — сберечь и пронести сквозь все искушения и соблазны до наших дней, когда передовое сознание Европы доходит — как до идеального совершенства, существующего лишь в мечтании — до того, что у нашего народа, есть действительность, факт; когда, с другой стороны, в самой России

пробудилось самостоятельное мышление и обратилось к Русским началам и самобытным явлениям, которые доселе крепки в Русском народе.

Итак,

2) Русский народ создал себе свое самобытное устройство и при том более сделал здесь, чем какой-либо другой народ, и в административном, и в юридическом, и в хозяйственном отношениях.

Следовательно, готовясь рассуждать о предстоящем устройстве Русского народа, надо было начать с того, чтоб изучить это устройство во всех возможных подробностях, как в историческом, так и в современном, местном отношении. Тысячелетний опыт народа что-нибудь да значит. Исторические изыскания здесь необходимы. Не следовало никак довольствоваться соображениями одних дворянских комитетов; но непременно изучить устройство, выработанное самим народом. Одним словом надобно было, если уж не советоваться, то хотя снять мерку с того, кому собираешься сшить платье; надобно было кроить платье по народу, а не народ по платью, хотя для него, но от него вдали и не по нем шитому.

Отсюда видно, что самая точка отправления при наших занятиях — совершенно иная, чем точка отправления при занятиях Комиссии.

1-й Доклад Административного Отделения

(Высоч. Утвержд. Положение о крест., вышедш. из креп. зависим. Общее Положение, Раздел II, главы 1 и 2)

Административное Отделение в 1-м Докладе своем рассматривает пять вопросов. Последуем за ним.

Первый вопрос, который задает оно, есть тот: Следует ли разграничить круг действий сельского общества от круга действий поземельной общины³⁷. Административное отделение решает, что *следует*, и не только даже тогда «когда сельское общество составится из нескольких поземельных общин», но даже и тогда «когда сельское общество совпадает с поземельною общиною». — Конечно (говорит Административное Отделение), один и тот же мир будет решать (во втором случае) и те и другие дела; но прибавляет оно: исполнительная власть, т.е. главные должностные лица по сельскому обществу и поземельной общине должны быть различные, как представители совершенно отдельный интересов». — В этих словах видим страх внешнего беспорядка и требование того

административного внешнего, форменного порядка, под сенью которого благоденствует и преуспевает беспорядок внутренний. Впрочем Административное Отделение допускает возможность некоторых необходимых исключений.

Самое разделение это по нашему мнению ошибочно, и совсем не нужно. Надо обратиться к народу самому и посмотреть, как это дело является у него.

В народе найдем самое естественное основание; именно: *о каком бы то ни было деле, судят те, или лучше, то общество, до которого это дело касается.* Таким образом, могут быть дела, касающиеся до деревни одной (и одною деревнею обсуждаются), могут быть дела, касающиеся до нескольких деревень, могут быть дела, касающиеся до села с окружными деревнями. И так здесь весь вопрос является в *объеме мира.* Конечно, если не встречается здесь известного предела, то этот *объем мира*, с одной стороны, сжимаясь до деревни, до выселка, до починка, — с другой стороны будет расширяться на всю Русь. Таким образом, является множество кругов, совершенно самостоятельных и удовлетворительных для себя каждый, которые, начиная от самых малых, восходят, смыкаясь между собою вместе, до самых широких. Подобная градация видна в Русской Истории. — Например: улица в Новгороде имела свой мир, свою сходку, свое вече; Конец в Новгороде — свое вече; Софийская сторона и Торговая сторона, каждая — свое вече. Весь Новгород — свое вече. Наконец, в одном случае, в Новгород приходят Псков и Ладога и соединяются на одно общее великое Вече. — Русская земля таким образом представляет соединение, оконченных в себе кругов, смыкающихся друг с другом и восходящих от самых малых до самых широких размеров. В сущности, оно так и должно быть. Но здесь сами собою образуются более постоянные круги, или миры, на которых задерживается и останавливается это постепенное расширение. Здесь являются более прочные центры кругов, к которым тянут другие меньшие центры. Крепостное состояние, в эти полтора ста лет, придавило разлив и мерное расходящееся движение и кругообращение народной жизни. — Крупные, прочные центры были устранены. В настоящую минуту, при образовании самобытного народного устройства настоит надобность в таких прочных центрах. — Как определить эти центры? Самое лучшее было бы предоставить определиться им самим в народе, освобожденном и вновь получившем простор и кругообращение народной жизни. — Но, скажут, это потребовало бы времени, и потому произвело бы замедление в Государственных отправлениях, произвело бы беспорядок и пр. — Положим. —

В таком случае надобно, назначив только общую приблизительную норму такого круга, при осуществлении его в частности, руководствоваться местными условиями и указаниями. — Впрочем здесь самое обозначение такого круга есть вопрос второстепенный, в том смысле, что этот обозначенный большой или общий мир не будет (само собою разумеется) стеснять малых или частных миров, в нем заключающихся.

Теперь спрашивается: к чему гг. Администраторы требуют здесь отделения поземельной общины от сельского общества? Это решительно понять трудно. Не разумеют ли они под поземельною общиною просто деревню? Нет; дальнейшие слова их прямо опровергают такое толкование. Само собою разумеется, что поземельный вопрос, как вопрос всей (той или другой) деревни, решается самою деревнею. Если это дело будет касаться до двух деревень, то две деревни будут толковать об этом. — Да и не только один поземельный вопрос может рассматриваться целою деревнею. Может возникнуть вопрос в одной деревне, положим, о том, чтобы часовню построить, чтоб колодезь вырыть, чтоб избы подалее раздвинуть одна от другой, и т.д., и т.д. — Для этого нечего спрашивать Общего мира; для этого совершенно довольно мира той деревни, до которой это дело относится. Таким образом мы не видим надобности отделять собственно *поземельной общины от сельского общества*, как выражается на своем Русском языке Комиссия; это отделение — дело совершенно праздное; поземельность — это только один из вопросов Частного мира, и не должна являться чем-то из ряда вон выходящим. Какой бы то ни было вопрос, поземельный ли, или другой, возникающие в частном мире, — частный мир решает этот вопрос сам собою, совершенно свободно. Здесь речь — об *объеме мира*. Мы согласны, что должно определить *общий мир*, но сей мир однако, являясь в известных только случаях, нисколько не мешает, в его объеме заключающимся, *частным мирам*, которые могут быть вполне и совершенно самостоятельны. Это отношение очень естественно. Следовательно остается — собственно не определить и назначить, — а только привести к сознанию и записать: что составляет предмет Общего мира, и за тем предоставить каждому частному миру быть судьбою в деле, до него касающемся.

Разделение же поземельной общины от сельского общества в тех случаях, когда сельское общество с поземельною общиною совпадает, — просто непонятно³⁸. И почему главные должности должны быть тут различны? Это уже просто *Sehnsucht*³⁹ административной души! Да и какие должностные лица могут быть в по-

земельной общине? Но об этом поговорим при решении второго вопроса.

Общее Присутствие сделало изменение по первому вопросу. А именно: *поземельную общину назвало оно мирским обществом, а сельское общество — волостью. Мирское общество!* — Что за Петербургский язык!.. Но теперь речь не о слоге.

Итак, по первому вопросу: следует ли разграничить круг действий сельского общества от круга действий поземельной общины, — мы полагаем.

1) Не следует. — Такое разграничение бесполезно, излишне и даже вредно, как лишняя рубрика или графа в народной жизни.

2) Вместо этого следует только определить объем (известного) *Общего мира* и круг его действий, предоставив частным мирам, в нем заключающимся, распоряжаться каждому совершенно свободно в делах, до него касающихся, и устроить свои отношения, как между собою, так и к миру Общему.

Определять объем частного мира не следует; нет на то ни малейшего основания. Объем частного мира может быть какой угодно, даже самый малый. Вообще ни поземельной общины, ни деревни, одним словом: никакого частного мира определять и даже касаться не нужно. Возьмем, для ясности, в пример, хотя большое село, состоящее из нескольких улиц. Правительство не стало бы в селе, состоящем из нескольких улиц, определять порядок дел для каждой улицы отдельно (а у каждой улица может быть свой общественный вопрос), но имело бы дело со всем селом. До вопросов той или другой улицы ему дела нет: ему дело до всего села. Точно так же Правительству дело только до *Общего мира*, через который передает оно свои требования народу (в известной окружности) и получает от народа исполнение этих требований. Следует определить (известный) *Общий мир*, и только; а о частных мирах и не беспокоиться. Правительство не должно входить в частный мир также, как не должно входить и в дом крестьянина, и также, как и в доме крестьянина, не должно в нем распоряжаться⁴⁰. Чем меньше будет точек соприкосновения у Правительства с народом и у народа с Правительством, тем лучше. Дело скорее избежит тогда подробностей, которые только спутывают, мешают, утомляют и дробят силы народные.

Мы говорим: *общий мир, частный мир*, выражая этими словами значение того и другого и взаимное их отношение; но мы вовсе не думаем вносить этих слов в номенклатуру официальную. Деревня, или какой бы то ни было частный мир, не нуждается в названии, и поэтому нет надобности: ни в «Поземельной Общине» Админи-

стративного Отделения, ни в «Мирском Обществе» Общего Присутствия. Но Общий мир, как соприкасающийся стороною своею с областью Государства, с областью правды внешней, нуждается в названии, оставаясь в сущности тем же общим миром. Название для Общего мира можно принять то, на которое напало как то Общее Присутствие; но название это имеет уже свою и притом худую известность; оно сопряжено с дурными воспоминаниями, именно о Министерстве Государственных Имуществ; а потому надобно выбрать другое⁴¹. Наиболее соответственным кажется нам название — не: округ, — а: округа.

Второй вопрос, который рассматривает Административное Отделение, есть: *какие предметы входят в круг действий поземельной общины и сельского общества.*

Административное Отделение перечисляет, что обслуживает и решает поземельная община. — Оказывается, что все это решает Мир на сходе, и что должностным лицам — здесь и места нет. — В самом деле.

- 1) Прием и увольнение членов Общины —
Решает Мир.
- 2) Выбор в общинные (?) должности —
Решает Мир.
- 3) Раздел, передел и вообще распределение полей и угодий, отведенных миру —
Решает Мир.
- 4) Внутреннюю между членами общины раскладку как государственных податей и земских (денежных и натуральных) повинностей, так и повинностей за пользование землею —
Решает Мир.
- 5) Установленное соглашение с помещиком о приобретении миром в собственность поземельного надела —
Решает Мир.
- 6) Разверстку между членами общины, следующей помещику, выкупной суммы —
Решает Мир.
- 7) Прочие дела, касающиеся интересов общины —
Решает Мир.

Замечательно, что во всех этих перечисленных случаях, где конечно являются интересы общины, — нет места для должностных лиц, о которых так хлопочет Административное Отделение, даже и в случае совпадения «Поземельной общины» с «Сельским Обществом». Здесь не упомянуто (и вероятно не стоило упоминать) ни об одном случае, где бы понадобилось лицо должностное.

Нам могут сказать, что староста и в деревне необходим. Необходим, — так будет; а хлопотать об нем, или назначать, — не следует; это уже дает сей час лживый тон. Обратите явление естественное, возникающее само собою, — в *учреждение*, в внешнее постановление, — и вы исказите его. Хотя, что же вы сделали? Вы ничего не изменили. Вы только *приказали быть* тому, что, и без того, *само собою бывает*. — Но в этом то вся и сила. — Поэтому мы и желаем, чтобы Правительство, зная *окрúгу*, мир общий, прикасаясь с ним через должностные лица, вовсе не знало миров частных, и даже не касалось устройства самого общего мира⁴². — Правительство предъявляет только свои требования миру, и он их исполняет своим порядком.

Далее, Административное Отделение говорит, какие дела подлежат сельскому обществу; определение это, приблизительно, довольно верно.

Мы могли бы заключить, что здесь есть попытка определить мир просто деревенский, частный, — и мир общий (сельский). Если б это было и так, то дурно уже то, что мир деревенский определяется, и что назначается, о чем ему рассуждать. Но вспомним, что Административное Отделение предполагает возможность совпадения сельского общества и поземельной общины, и в тоже время разделения их: тогда отношение частного мира к общему миру — сюда никак не подходит. Произойдет непременно существенная разница: как скоро община поземельная совпадает с сельским обществом, или как скоро она не совпадает. Эта разница, кажется, не замечена Административным Отделением. Вообразим Сельское общество, в котором несколько деревень на общинном пользовании землею, — и следовательно составляют поземельные общины, а остальные деревни не имеют этого общинного пользования: что же будут эти остальные деревни, (к которым нельзя будет применить названия поземельной общины), и могут ли они так же, как поземельные общины, заниматься своими частными делами? Общее Присутствие допускает оба пользования землею, и личное и частное; но в то же время признает, что его мирское общество (или поземельная община Отделения) может состоять из нескольких деревень; так что вопрос о самостоятельности деревни остается тот же нерешенный*. — Наконец, как

* Быть может сюда относятся слова Адм. Отделения, которое говорит: «Отношения сельского общества, как к лицам, владеющим в пределах одного личного (необщинного) поземельною собственностью, так и вообще к сельским обывателям, не составляющим поземельной общины, должны быть определены особыми правилами». — Но что это за правила? — Во всяком случае, значение деревни, частного мира, — самостоятельное значение, — упущено Комиссией из виду.

согласить следующие обстоятельства? Поземельная община решает и обсуживает прием и увольнение членов общины: это не представляет затруднений, когда поземельная община совпадает с сельским обществом; а если не совпадает, если сельское общество состоит из нескольких поземельных общин, тогда дело, на основании положения самого Административного Отделения, представит необходимо затруднения; ибо: Административное Отделение говорит, что Сельскому обществу подлежат «дела, касающиеся личного состава общества» (см. стр. 10. — *Здесь и далее прим. К.С. Аксакова*). «Прием и увольнение членов общины» (см. стр. 9) — входящей, во всяком случае, в составе сельского общества касается, полагаем «личного состава общества». — А между тем: «прием и увольнение членов общины» — предоставлен поземельной общине, а «дела, касающиеся личного состава общества» — сельскому обществу. Это — противоречие, неизбежное во всех тех случаях, когда поземельная община и сельское общество не совпадают. Противоречие это еще усиливается признанием в то же время за поземельною общиною совершенной самостоятельности и независимости в действиях, по всем предметам, предоставляемым ее решению.

Находя крайне сбивчивым объяснение Комиссии по второму вопросу, и вовсе не признавая разделения на поземельную общину и сельское общество, — мы, с своей стороны, вместо того, полагаем *определить* круг действия *только одного Общего мира* или *Округи*. Причем отрицательно определится и круг действия Частного мира (деревни, села, починка — как случится), которому предоставляется полная свобода. — Итак:

Всякий частный мир (всякая деревня и даже село, входящее в объем волости), решает совершенно свободно все то, что касается до частного мира (деревни, села, и пр.), без всякого, какого либо, или чьего либо вмешательства.

Общий мир или Окружный

1) решает то, что касается до всего окружного мира (построение приходской церкви, например, содержание причта, и пр.).

2) берет на себя все соприкосновения с Правительством.

3) выбирает на общей сходке необходимые должностные лица.

Примечание. Даже и здесь эти постановления — излишни. — Миру предписывать их нечего; это сделается естественно. Одно, что может требовать Правительство: это, чтоб были в Общем мире или *Округе* должностные лица, нужные для сношения его с народом, выбранные Общим миром или округою.

Конечно, на общем окружном мире, согласно и с Административным Отделением, полагается разверстка податей и повинностей между деревнями, а внутреннюю разверстку берут на себя деревни, частные миры.

Административное Отделение решает третий вопрос: *какие будут взаимные отношения поземельной общины и сельского общества?*

Административное Отделение говорит здесь о независимости поземельной общины, причем впадает в противоречие, на которое мы уже указали. Оно говорит также, что полицейская власть должна принадлежать исключительно сельскому управлению, к чему Общее Присутствие прибавляет, что полицейская власть должна иметь в мирских обществах (поземельных общинах) представителей, выбранных из их среды.

Взаимные отношения далеко не полно и неясно здесь обозначены, принимая точку зрения комиссии. Мы же, касательно взаимного отношения частных миров и Общего мира, — находим:

Каждый частный Мир, относительно его самого, будет в его частных делах, пользоваться тою же самою властью, тут же и полицейскою, какую пользуется и Общий Мир.

Причем следует заметить:

Что деревня, или частный Мир, может выбирать или не выбирать себе старосты. Что должностные лица здесь не обязательны, но и не запретны⁴³. Что полицейское внутреннее взыскание (положим, ежели бы деревенский Мир постановил пожертвовать на колодезь, по 10 к. с тягла), само собою разумеется, будет производиться, или выборными лицами от Мира, или самим Миром: одним словом, это предоставляется деревне, — или частному Миру, — которая сама распорядится, как знает, и не допустит у себя произвола того или другого лица. — Между тем в селе, — или Общем мире, — которому подлежат все соприкосновения с Правительством, должностные лица, по этому самому, обязательны, ибо чрез них и совершается это соприкосновение.

Административное Отделение решает четвертый вопрос: Должно ли образование сельских обществ быть различно по окончательном устройстве крестьян и в период переходного состояния? — решает таким образом: что устройство сельского общества должно получить немедленно полное развитие, а управление поземельною общиною должно быть различно, смотря по отношению к эпохе их окончательного освобождения, и изменяться в течение срочно-обязанного положения.

Нам же кажется:

Разумеется, управление поземельною общиною будет само собою различно, смотря по положению, в котором будет община находиться, смотря так сказать, по предмету управления. — Но это различие — только по предмету управления. — Но это различие — только по предмету управления. — Самой же общине должна быть немедленно предоставлена вся та свобода, какую предполагается предоставить впоследствии. — Если же здесь подразумевается большее или меньшее тяготение помещичьей власти и постепенное ослабление этого тяготения, — то это же должно быть принято в расчет и при сельском обществе (Округе), в особенности, когда сельское общество с поземельною общиною совпадает и будет иметь одного помещика. Во всяком случае, тяготение этой власти помещичьей, все-таки есть гнет чисто внешний, посторонний, и самого устройства и духа его не изменяет, и изменять не должен.

И так мы находим, что, как общему Миру, так и частному, немедленно должна быть предоставлена вся свобода и самостоятельность, какие им предоставить хотят и какие им подобают⁴⁴.

Административное Отделение задает себе пятый вопрос: Должны ли сельские общества быть подчинены дальнейшей крестьянской административной инстанции, то есть, Окружному управлению.

Вопрос этот решает Административное Отделение отрицательно, и мы с ним совершенно согласны. Заметим только, что здесь происходит сбивчивость в названиях: именно: в названии *Волостного управления*. — То самое, что Административное Отделение называет Сельским обществом, а Общее Присутствие — Волостью, — мы называем *Округою*.

Мы подробно разобрали 1й Доклад Административного Отделения; считаем не лишним присовокупить общее заключение.

Полнейшее невмешательство Правительства в устройство народа, — и назначение только (*относительно*) общих центров и, при них, округ. Такой общий центр служит передаточным местом между Правительством и народом; через такой общий центр оно сносится с народом, предъявляет народу свои требования (то, в чем оно нуждается: деньги, рекруты, подводы и прочие повинности), — а от народа получает исполнение этих требований. Правительство предъявляет: *что*. Народу предоставляется: *как* — За чертою же этого *общего* мира, народ живет и управляется совершенно по-своему — конечно, сумеет управиться: ибо и самый Мир — есть его создание.

2-й Доклад Административного Отделения (Общее положение, Раздел II, гл. 1-ая)

Мы прежде всего должны здесь сделать упрек Административному Отделению в неточном, нелогическом разделении вопросов или, в неточном их понимании.

В первом вопросе Административное Отделение говорит: *какие обстоятельства должны быть приняты в соображение при определении размера Сельских обществ?* А во втором оно говорит: *Следует ли в составляемом общем положении определить нормальный размер сельских обществ?* Эти два вопроса — один вопрос, и их разделение — только сбивает. Что это один вопрос — можно видеть из того, как отвечает на них, — на свои собственные вопросы, — Административное Отделение. — По первому вопросу Административное Отделение говорит *об обстоятельствах*, а по второму — *об основаниях*. Не все ли это равно? Нам скажут, что нет, что обстоятельства и основания — не одно и то же. — Если и так, то не в понятии Административного Отделения, которое, вздумав различить их, — тут же само смешивает. Именно: по первому вопросу, говоря об обстоятельствах, Административное Отделение принимает число душ и расстояние, а по второму, говоря об основаниях, оно принимает — также число душ и расстояние (заменяя его словом: протяжение). И так, в рассмотрении первого вопроса, число душ и расстояние есть *обстоятельство*; а в рассмотрении второго вопроса, число душ и расстояние есть *основание*. Логика не совсем в порядке.

Находя, что в различении *обстоятельства* от основания, здесь нет надобности, и признавая оба вопроса за один вопрос, мы отвечаем на оба вместе. Именно: *на каком основании определяется местность и объем округа (или волости)?*

Из решения Административного Отделения выходит, что оно берет общим основанием определенные нормы числа душ и географического протяжения сельского общества⁴⁵. Сверх того, признавая великую важность прихода, Административное Отделение считает нужным держаться разделения на приходы, — где только возможно.

Наше мнение:

Мы думаем (как сказали мы в первой записке нашей), что всего лучше предоставить центрам и округам образоваться и определиться самим в народе. Но так как это скоро сделаться не может, а такие центры и округа необходимы, то Правительство может наметить их, — но лишь *наметить*, и при том только на первую пору,

только временно, предоставляя самой жизни выразиться свободно: утвердить или отвергнуть. Удовлетворяя необходимой потребности настоящей минуты такое намечиванье должно, таким образом, давать жизни полную возможность самой выработать настоящее устройство и округи.

Но и при этом первом намечиваньи должно:

1) Руководствоваться указаниями, идущими от народа, должно советоваться с народом;

2) В тех же случаях, где эти указания почему-нибудь неясны, неопределенны, недостаточны, можно принять, опять для настоящего только времени, на первую только эту пору, — как общую норму: Приход, — там, где это не будет против желания народа.

При этом, для прихода, как соответственного размеру округи, может быть принято в расчет число, — но не душ, как думает Административное отделение, — а дворов. Такой счет (по дворам) — народный счет. Счет же по душам у нас был введен, сперва Татарскими Ханами, а потом Петербургскими Императорами, и именно первым Императором Петром Великим. Это счет татаро — Западный. Эпоха Великих князей, также как и эпоха царей (*Русские Государственные эпохи*) — его не знают. — Разумеется число дворов не может быть принято за решительное руководство, но только к соображению, при других данных. Мы думаем, что достаточно принять только одно *наименьшее* (*minimum*) число дворов для прихода, как соответственного округе (приходов *слишком больших* по числу прихожан — у нас нет — и полагаем это наименьшее: 150 дворов, но никак не безусловно*. Принятие *наименьшего* только облегчает и упрощает дело. В таких случаях, где в приходе нет этого числа дворов, приход соединяется с соседним приходом, для составления округи. — Расстояние — важное условие; оно должно быть тоже принимаемо к соображению. Разумеется, слишком огромный, по пространству, приход не может удобно соответствовать округе. Но заметим при этом, что так же или еще более не удобно и трудно может он соответствовать сам себе. — Огромное расстояние мешает исполнению церковных треб и общественной молитве прихожан. — А дело веры важнее дел мирских. — Поэтому выскажем здесь, кстати, наше мнение о неперемнной необходимости строить церкви и образовывать новые приходы, в случае огромности расстояния: не худо даже положить для прихода известное расстояние от церкви.

* Например, может быть случай, что 100 и меньше дворов находятся вместе, как на острове, окруженные пустым пространством, так что верст на 20 нет других крестьян. Тогда и это не большое число дворов может составить округу. — *Здесь и далее звездочкой отмечены примечания авторов публикуемых произведений.*

Наибольшее (maximum) расстояние для округи положить следует приблизительно: около 15—20 верст от центра; для прихода наибольшее расстояние должно быть менее: верст 10—15. Пусть Правительство озаботиться в таком случае само постройкою церквей — там, где пространство огромно, делая на то добровольные сборы. Деньги найдутся; но должно озаботиться указанием местностей, где необходимы церкви, и объявить об этом во всеобщее сведение Православного народа. В тех случаях, где приход не соответствует почему-нибудь округе, почему-нибудь неудобен, — приход может, мы думаем, быть изменяем, округляем; ибо это и без того часто делается; примеров много.

Но повторяем: самое распределение округ считаем мы *временным намечиванием*, при котором всего важнее, и потому ставятся впереди, — народные указания. За сим, норма, принимаемая нами: *приход*, не признается нами за безусловную, даже при намечивании. — Приход (при известных условиях числа дворов и протяжения), как норма для округи, имеет место только тогда, когда не встречает несогласия со стороны крестьян⁴⁶.

За тем, к остальным соображениям 2-го Доклада Административного Отделения прибавим следующее.

Административное Отделение говорит о неизбежной чрезмерности в иных местах по причине смежности имений помещичьих с именьями казенными. Прибавим, что эта чрезполосность вероятно исчезнет; так как вероятно все крестьянство со временем, и даже скоро, будет, составлять в сущности одно сословие, — конечно не имеющее своего министерства, как нет министерства для дворянства, купечества, мещанства. Мы бы предложили, чтобы и теперь, смежные казенные крестьяне, в некоторых отношениях уже составляли с освобождающимися крестьянами — один общий мирской союз. — Из Русской Истории видим мы, что иногда составляли округу, или в известных случаях вместе соединялись и действовали, села казенные, государевы, помещичьи, монастырские и пр. — Но такое явление едва ли может быть понято и принято нашею современною Администрацією; она, вероятно, найдет здесь беспорядок: ибо это явление живое; а жизнь не вмещается в ее понятия. Советуем ей быть последовательнее и откровеннее и прямо сказать, что *жизнь есть беспорядок*.

Административное Отделение предлагает вопрос: *следует ли допускать разделение одного значительного имени, состоящего из нескольких деревень, на несколько обществ?* И отвечает, что следует, «если имение по числу душ и протяжению превосходит предположенные нормальные размеры».

Возможность разделения значительного (одновотчинного) имения (а не селения) быть может, искусственно соединенного в одно целое помещичьею властью, — мы вполне допускаем, — но только возможность. А образование этого имения (как предполагает Административное Отделение), по численной отвлеченной мерке, и пришиванье обрезков к другим кускам, или сшиванье из обрезков особого куска — признать мы не можем; ибо здесь видим кройку народа по отвлеченной мерке⁴⁷. Приход, принимаемый нами в известных пределах и под условиями, указанными выше — и непременно с согласия народа — может, как норма живая, легко разрешить возникающие затруднения. Прихода, *слишком* большого, мы не предполагаем; а малые приходы, без всяких выкроек, целиком соединяются друг с другом. В случае же огромности расстояния строится церковь и образуется приход, чем самое отделение одной части от другой получает жизнь и причину, как в глазах народа, так и на самом деле.

3-й Доклад Административного Отделения

Мы сказали, что должна быть предоставлена жизни самой возможность утвердить и обозначить прочно центры и округа, а вместе, следовательно, возможность изменять, теперь лишь намечаемые, очерки округ. — Эта возможность дается, в 3-м Докладе Административного Отделения, предоставлением крестьянам права бессрочного ходатайства об изменении округ и окружных центров⁴⁸. — Мы совершенно с этим согласны.

В этом докладе своем Административное Отделение решает, между прочим, следующие вопросы (мы изменяем порядок вопросов, который у Административного Отделения не последователен).

Вопрос второй: *какие условия должно принимать за основание при назначении мест для пребывания общественных управлений?* то есть, окружных центров? — Этот вопрос тесно связан с вопросом об определении округ. — Он, по нашему мнению, решается совершенно на тех же основаниях, на которых и определение округ, и которые показали мы в записке на Доклад 2-й.

Вопрос первый: *Кто должен участвовать в первоначальном распределении крестьян на сельские общества и в назначении мест пребывания общественных управлений,* то есть в определении округ и окружных центров? Этот вопрос решает Административное От-

деление тем, что всё это должна производить уездная комиссия, составленная из уездного предводителя, уездного исправника и третьего лица, назначенного от Начальника Губернии из числа местных помещиков⁴⁹.

Нам кажется, что уездной комиссии вовсе не нужно. При вышеозначенных основаниях и указаниях в этом деле уездной комиссии часто и делать будет нечего. — Пусть Правительство, через агента своего, осведомляется о желании и мнении крестьян, и о прочих вышесказанных условиях. — Таким агентом весьма может быть чиновник, назначаемый от Начальника Губернии и получивший достаточное объяснение своего поручения, который может даже и сзывать выборных из деревень, в случае, если разрозненные указания крестьян по деревням противоречивы.

4-ый и 5-ый Доклады Административного Отделения

(Высоч. утв. Положение о крестьян. вышедш. из креп. зависим. Общ. Полож. Разд. II, гл. 1, 2 и 3.)

4-ый и 5-ый Доклады Административного Отделения должны рассматриваться вместе. В 4-м Докладе, предмет которого: *Общий состав общественного сельского управления*, говорится об оном слишком вообще. Но в 5-м Докладе, предмет которого: *сельские сходы, состав их, предметы ведомства и порядок решения на них дел*, говорится обо всем этом даже слишком подробно.

Прежде всего, надобно заметить, что, по мнению Административного Отделения, так называемое мирское общество (или частный Мир) подлежит формулированию, равно как и волость за единственную крестьянскую единицу, то зачем мешаться в мирское общество, в деревню?⁵⁰ Достаточно было бы знать одну волость, или, как мы называем, округу. Точно так же, как Правительство не будет мешаться в дела улиц большого селения, — так точно нечего ему мешаться ни в один частный Мир. Будет с него и округи.

Административное Отделение хвалится, что оно избежало двух инстанций и признает инстанцию одну: волостную. Не совсем так. Мирское общество, подчиненное своим старостам, которые подчинены в свою очередь волостному старшине, представляет, хоть в некотором отношении, первую инстанцию⁵¹. Так что, в сущности, выходит все то же. Новым воздухом не повеяло.

Административное Отделение в 4-м Докладе говорит, что: «Волостное управление или управа есть совещательное, при волостном старшине, учреждение, состоящее из всех мирских старост. Старшина обязан советоваться с ними во всех делах, не требующих крайней и немедленной спешности»⁵².

Странное значение мирских старост. Они должны, стало быть, или постоянно находиться в округе (волости), т.е. в главном окружном селении, где находится старшина, или всякий раз туда созываться. Надобность в них может там настоять беспрестанная, и они могут быть, таким образом, удалены от своих деревень или Миров. Составляя часть *волостного* правления, Мирской староста получает таким образом официальное значение, которое непременно должно отражаться и на отношении его к частному Миру, где он староста. Если уже нужно для старшины иметь совесть, то лучше уже выбрать особых для того крестьян, которые бы жили с ним в одном селе, или по крайней мере недалеко⁵³.

Но это мимоходом. 4-ый Доклад есть только начальный общий очерк. Совсем другое 5-ый Доклад. Он длинен и подробен. После подробного и потом сжатого (а потому двойного) изложения мнений Комитетов, после такого же двойного изложения постановлений Министерства Государственных Имуществ, — Административное Отделение излагает свои собственные мысли, и излагает иное уже решительно вдвойне, так что выходит совершенное повторение одного и того же: просим сличить стр. 39 и стр. 52. — Между тем в докладе не принято в соображение именно то, что должно было бы необходимо быть принято, именно: *Устройство мирское в оброчных помещичьих имениях*, преимущественно в имениях больших и находящихся в губерниях отдаленных, в таких имениях особенно, которые платят свой оброк, не только без недоимки, но постоянно в срок, не опаздывая ни одной минутой: а таких имений не мало. Думаем, что не худо было бы взглянуть Комиссии: как умеет управляться народ точно сам собою. Быть может, она увидала бы, что ей надо поучиться у народа, а не его учить. Такая справка была бы самым существенным и важным делом; но именно это-то и не сделано.

Административное Отделение посвятило целый большой доклад сельским сходам и подробному их определению. Здесь оно наложило руку на Мир, на душу Русского народа. Но страннее всего то, что оно, сковывая и спутывая Мир и даже извращая всю его природу и все его существо, наивно уверяет, что оно дает какое-то самоуправление. Хорошо самоуправление! Оно напоминает знаменитое газетное изречение: *«привязан на полной свободе»*.

Но про Мир, обработанный Административным Отделением, нельзя даже и этого сказать; это выражение является крайне либеральным в сравнении со скованным по рукам и ногам, изломанным, изуродованным, обезображенным Миром⁵⁴.

5-й Доклад разобрали мы критически довольно подробно в письме к N.N⁵⁵. Поэтому нам почти что остается только прямо представить свои положительные мысли.

Всякий частный Мир, как уже нами было сказано, управляется сам собою. Собирается на сходы, выбирает старосту, совершенно по своему произволу. До его устройства никому дела нет, кроме его самого. Частный Мир будет действовать по обычаю; у него будут и общие сходки и суд стариков и староста — не беспокойтесь: все это будет *само-собою*; но ничего этого *назначать* здесь не следует.

Округа, общий Мир, соприкасается с Правительством, и поэтому, определяется тою стороною, которою соприкасается.

Таким образом:

Правительство признает Мир и соприкасается с Миром (окружным). Следовательно: *прежде всего оно должно быть уверено, что оно точно имеет дело с Миром*. Мир представляется Миром только на сходе. Действия и решения Мира на сходе суть истинные решения и действия Мира.

Отсюда, относительно самого Правительства, вытекает (в данных случаях) необходимость

1) **Окружного мирского схода.**

Но самый сход определяется извне, ограничиваться и подчиняться правилам — не должен: именно для того, чтоб это был истинный, настоящий, натуральный так сказать, а не поддельный сход, и чтоб решение Мира было точно решение Мира. Вся цена решения пропадет, как скоро пропадет самобытность, а следовательно и правда схода. *Мир должен быть Миром*: это главное начало, *conditio sine qua non*⁵⁶. Если нужно для законности действий, чтоб это были действия Мира, то какие же это будут действия Мира — когда это будут действия Мира скованного, невольного, подчиненного разным, извне наложенным, рамкам? Нет, где есть Мир — там должен оставаться он Миром, самоустраивающимся, самобытным, настоящим народным. А народу Мир необходим.

Из соприкосновения с Правительством вытекает необходимость Мира, необходимость Мирского схода: и отвечая на эту необходимость, Мир явится, Мир соберется на сход, но оставаясь вполне самобытным Миром, собираясь, решая и действуя по своему Мирскому обычаю совершенно свободно.

Считаем нужным обратить внимание на общее значение, на *идею* Мира.

Надобно прежде всего помнить, что Мир по существу своему есть самозаконное, верховное явление народа, вполне удовлетворяющее всем требованиям законности, общественной правды, общественного суда, одним словом, общественной воли. Мир, как явление высшее, соединяет в себе все власти: ибо он есть источник всякой власти. — Но Миру быть собранному постоянно — невозможно: с одной стороны, такой торжественный строй не может быть непрестанен; с другой — жизнь со всеми ее трудами, переходами и разнообразием, была бы в таком случае невозможна. Самая торжественность эта — торжественность постоянного собора — мешала бы жить. И так, — Мир — расходится, поставив на время своего отсутствия, отдельные власти (административную и судебную) вверенные тем или другим, от него назначаемым, лицам. Но верховность Мира остается за ним, и всякий раз когда Мир собирается в собор (на сход), верховность его является с ним вместе, и все власти и лица, власть имущие, в нем исчезают. Таково *народное* значение Мира, и таково оно в Русских деревнях, уцелевших, конечно, от государственной регламентации. А об изуродованном общественном явлении, с разными правилами и формами для собрания, с большинством голосов, с президентом в два голоса⁵⁷, — об этой пародии, об этом ругательстве над народом и над его Миром — лучше и не говорить. Чтобы увидеть ближе значение Мира, повторяем, лучше обратиться к оброчным именьям помещичьим, особенно к таким, в которых помещики не бывают. Впрочем к чести помещиков должно сказать, что нередко и там, где помещики бывают, и даже в имениях барщинских, — вы можете найти этот народный Русский Мир, очень хорошо сознающий себя, свою силу и свое значение, — свою верховность.

Определив таким образом значение Мира вообще, обратимся к округе.

Скажем наперед, что в округе сам собою собирается Мир, когда сочтет это нужным. Все вопросы (касающиеся Мира) могут быть предметом рассуждения и решения Мира: их и определять ему странно. Но мы говорим не об этих сходах Мирских, до которых никому и дела быть не должно, о сходах, когда Мир собирается для себя; но о сходах по делам, так сказать, внешним, о сходах, когда Мир собирается, так сказать, не для себя или не только для себя. Об них мы можем говорить. Мы уже сказали, что, разумеется, и здесь, как и всегда, самый сход мирской совершается и дей-

ствуует, вполне *своим* обычаем, и самый Мир остается тем же, т.е. Миром. Иначе бы и решения его не имели цены, были бы не настоящие, поддельные, ложные.

Мы сказали, что относительно самого Правительства, Мирской Окружной сход необходим, прежде всего, для того, чтобы заверить Правительство, что оно именно с Миром имеет дело.

И так по делам, соприкасающимся с Правительством, собирается Окружной Мирской сход. Но это еще не все. Правительство, не участвуя на сходах (ибо это чуждые для него сферы) и не удовлетворяясь простым извещением, что так решил Мир — может требовать удостоверения, что это *точно* воля Мира. Вообще можно принять за правило, что там где народ соприкасается с Правительством и вообще с областию постороннюю, на границе, так сказать, Мира, когда дело становится не только его делом, — там Правительство и вообще всякое постороннее общество и даже лицо (имеющее дело в Миром) может требовать удостоверения, что дело решил *точно* Мир и именно *так* решил. И Миру в таких случаях — в делах *пограничных*, так сказать, когда он хочет дать такое удостоверение, необходимо исполнить это требование, как скоро оно есть и удостоверять, что это *он именно и именно так* решил: для себя же самого в таком удостоверении он не нуждается. Это удостоверение дается или выборными от Мира в делах не важных, или же в делах более важных, грамотою за руками, которая может оканчиваться формулой, употреблявшейся в древней Руси. Там после подписей грамотных крестьян (если такие есть) говорится: «и во всех крестьян место по их велению, такой-то руку приложил».

Мир не постоянно в сборе и не может быть в сборе постоянно. Между тем требования Правительства могут всегда возникнуть. Для сношения Правительства с Окружным Миром, необходимо постоянное лицо, к которому всегда бы могло обратиться Правительство, через которое передавало бы оно Миру свои требования и получало бы от Мира исполнение своих требований. Лицо это должно быть, само собою разумеется, выборное от мира. Оно может быть названо: Голова, Старшина, Окружной Староста — название не составляет важности. По нашему мнению лучше было бы удержать название: *Окружной Староста*. Эпитет: *окружный* не даст смешать его с другими старостами. В употреблении вероятно будет только «окружный».

И так в Округе, стороною к Правительству, кроме Мирского окружного схода должен быть:

2) *Окружной Староста.*

Самое название его, столь известное, не нуждается в объяснении и показывает его значение, которое имеет он — (не во время собрания Мирского схода, конечно). Грамота за руками о выборе Окружного Старосты посылается к Начальнику Губернии, дабы он известился и уверился, что такой-то выбран в должность *Окружного Старосты*. Окружной Староста составляет то передаточное лицо, через которое Правительство сообщается с Округом. Дело Окружного Старосты есть преимущественно дело сношений с Правительством: принятие от него требований, передача их народу, приведение их в исполнение и передача исполнения Правительству. За сим в остальном дело старосты определяется обычаем (как, например, и дело всякого деревенского Старосты). Староста без всяких на то указаний и постановлений, будет по обычаю иметь большую власть — административную и вместе полицейскую: ему даст ее сам Мир, не нуждаясь в указании.

Кроме административной власти, в Округе необходима и власть судебная. Она, как и другие власти, заключается в Мире, в котором сосредотачиваются все власти. Но нельзя же (как было замечено) Миру постоянно не расходиться или непрестанно собираться, чтобы производить суд. Поэтому он передает свою судебную власть доверенным от него лицам. В древней России в крестьянстве мы видим таких *излюбленных судей*. В наше время в имениях помещичьих они нередко встречаются: это обыкновенно суд стариков или же иногда просто выбранных на то крестьян. На таких *старцев* указывает нам и русская история. Эти старики кроме суда составляют даже иногда в делах не важных, больше как совет для старосты, подручную, легко собираемую, временную сходку, малую сходку, так сказать, которая исчезает и поглощается, как скоро собирается Великая Сходка — весь Мир. Так водится в Русском народе, и так, без всякого сомнения, будет само собою почти в каждой деревне или в каждом Частном Мире: для чего не нужно давать ни указаний, ни определений. Во многих селениях найдете и общую мирскую сходку и сход (собственно судебный) стариков.

Прибавим здесь важное основание, смысл которого было бы объяснять долго, именно: что, так как, по существу, нравственно-миру Мира, ему принадлежит собственно суд, а не наказание, то: или суд его даже вовсе не касается важных преступлений, влекущих за собою наказания тяжкие; или же оставаясь судом, касаясь самых дел, не столь важных, Мир в большей части случаев передает исполнение наказания Государственной власти. Такого рода

случаи могут быть и в Частном Мире, который обращается тогда к посредству того проводника, через который сносятся народ с Правительством, то есть к Округе. Так как Округа соприкасается с Правительством, то во всех тех случаях, когда наказание по суду находится за пределами Мира, в области Государственной — судить, потому самому, не деревенский, а окружной суд и передает подсудимого Правительству. Таким образом, окружной суд, как действие, соприкасающееся с Правительством, является обязательным.

И так рядом с Мирским Окружным сходом, Окружным Старостою, является и

3) Окружной Суд.

Окружной суд есть всегда суд в тех случаях, где наказание за вину находится вне пределов Мира. Сверх того, Окружной Суд судит всех крестьян во всех тех случаях, когда захотят они к нему прибегнуть, кроме только того случая, когда обе стороны захотят судиться судом третейским, или предложат дело свое на обсуждение своей Мирской сходки с ее согласия.

Окружной Суд, как обязательное явление, может до известной степени быть определен. Судьи Окружного суда, — разумеется, выборные. Правительство должно получить удостоверение в выборе судей, как лиц обязательных Округе — так же, как в выборе Окружного Старосты. — Число судей в древней Руси бывало разное, вероятно, по объему самой окружности, где действовал суд. Но так как объем, нами назначаемый, — не велик, то мы возьмем то число, которое сюда наиболее подходит. Возьмем число: три, которое встречается в иных уставных грамотах. Должны быть выбраны двое судей, с которыми Окружной Староста судит суд втроем. Кроме того, на суде сидят еще двое выборных, два *судные мужа* (как говорилось в старину) — свидетели суда, которые не судят, но присутствуют на суде и представляют взор и слух общины. Разумеется, об них тоже доставляются Правительству выборные списки за руками.

Таким образом, Окружной Суд состоит из Старосты, двух Судей и двух Судных мужей. Судные мужи являются свидетелями суда и представляют глаз и ухо Мира. Они подписываются — как скоро решение суда составляется на бумаге — как свидетели, что суд именно был таков.

Если Мир должен давать, в известных случаях, удостоверение в своем решении, должен писать грамоты за руками, то здесь является необходимое посредствующее лицо, которое бы писало грамоты и приговоры мирского схода, было бы *пером Мира*. Так

как Мир имеет такое важное верховное значение, то уже и тот, кто *пишет* приговоры Мира в тех случаях, когда Мир хочет удостоверить, что это точно его приговор, — тот получает отсюда и сам важное значение, и уже не должен быть всякий, кто попадется. — Тот, кто пишет грамоты и приговоры Мирского схода, которые потом утверждаются Миром и служат удостоверением, документом, что это точно его приговоры, — является уже по значению своему и по участию в составлении удостоверительной грамоты — лицом, прежде всего, выборным и при том обязательным. Такое лицо встречается в древней России, в селениях не только государственных, но и помещичьих. Оно носило в древности название Земского Дьяка или Дьячка. В помещичьих имениях и доселе осталось название *Земской**. Мы думаем, что может быть возобновлено название: *Земской Дьяк*, или введено название *Земской писец* (но не писарь, дабы избежать воспоминания о Министерстве Государственных Имуществ). В народе же будет употребляться, как и теперь употребляется, просто название: *Земской*. Земской Дьяк не только пишет, но, разумеется, и скрепляет Мирские грамоты. Грамоты же Окружного Суда скрепляются подписями Старосты, Судей и Судных мужей. — О Земском Дьяке посылается Правительству также выборный список за руками.

Так как Окружной Староста беспрестанно приходит в соприкосновение с крестьянами, должен звать их в суд, сообщать им приказания, и так как не самому же Старосте бегать за ними, — то здесь также является необходимое посредствующее лицо между Окружным Старостою и Окружными крестьянами, лицо, которое ставит крестьян на суд к известному сроку, сообщает решения Окружного Суда и также распоряжения Старосты (когда Староста является лицом обязательным), служит, короче сказать, передаточным лицом, или проводником от Окружного Суда и Окружного Старосты к крестьянам. Это лицо доверенное, и так как дела Окружного Суда и Окружного Старосты соприкасаются с областью Правительства, то и это лицо становится также, прежде всего, выборным, и притом обязательным. Оно может быть названо: *рассыльный*; или же лучше, при нем может быть удержано древнее его наименование: *доводчик*, наименование вполне понятное и

* Название, указывающее на Земского Дьяка, и в свою очередь подтверждающее, что Земские Дьяки были в помещичьих имениях в до-Петровские времена, и что, следовательно, помещичьи крестьяне не были в рабстве, которое после Петра было на них наложено. Теперь Земской просто значит писарь или конторщик, назначаемый помещиком.

совершенно выражающее его значение. Об нем тоже посылается Правительству выборный список за руками.

И так при Мирском Окружном сходе при Окружном Старосте и Окружном Суде являются:

4) Посредствующие лица: Земский *Дьяк и Доводчик*. Вот и все.

Главные результаты нами сказанного суть следующие:

1) Народный Мир и в существе и в существовании своем совершенно свободен и вне всяких определений. Собирается, когда хочет, где хочет, как хочет, рассуждает, о чем хочет.

2) Мир определяется *только в точках соприкосновения с Правительством*. Но и здесь он а) не изменяет существа своего: действуя, собираясь и решая совершенно по-своему, и б) только удостоверяя Правительство грамотою за руками, что это точно его мирское решение^{*58}.

Примечание: Частный Мир также может иметь соприкосновение, хотя и не с Правительством, но с внешней стороною; также могут у него быть дела *пограничные*. В таких случаях он, также как и Окружной Мир, заверяет грамотою (буде хочет лицо постороннее и сам Мир на то согласен), что таково есть его решение или мнение. Например, в случае увольнения крестьянина в пределах Округи, в случае одобрения и пр. Увольняясь и выходя совсем из Округи, крестьянин, разумеется, получает уже и увольнение от Округи, следовательно, от Окружного Мира.

Окончательный вывод

Итак, Общий Мир или Округа, с которыми соприкасается Правительство, становится — лицом к нему, — вследствие этого с ним соприкосновения необходимо в определенные обязательные отношения.

Обязательный состав Округи следующий:

1) *Мирской Окружной сход*.

Выбранные им

2) *Окружной Староста*

* Административное отделение обсуждает в 5 Докладе своем и определяет предметы, которых обсуждать и определять нечего, и которые должны быть вполне предоставлены самому Миру. Именно.

1) *Состав сельских и волостных сходов?* (Зависит вполне от Мира).

2) *Предметы ведомства?* (Все!) и *круг действий их?* (Круг самого Мира).

3) *Время и порядок созвания сходов?* (Зависит от Мира).

4) *Место собрания означенных сходов?* (Зависит от Мира).

5) *Условия состоятельности сходов и порядок разрешения на них дел?* (Зависит вполне от Мира).

6) *Форма и утверждение приговоров на сходах?* (Как хочет Мир. В случае соприкосновения с Правительством для удостоверения — грамота за руками).

3) *Окружной Суд*

4) *Земской Дьяк* (или Земской писец), *Доводчик*.

Окружной Мир является Миром свободным, собирающимся, решающим, действующим вполне по своему обычаю. Его соприкосновение с Правительством обозначается на нем необходимо и законно только следующим:

1) Мир сам по себе *может* собираться, когда хочет; но по отношению к Правительству, он *должен* собираться, для известных, нужных Правительству целей, для удовлетворения известным Правительственным требованиям: или постоянным (выбор обязательных лиц в Округе, подати, повинности и пр.), или случайным (в военное время подводы, земляная работа и пр.).

2) Мир должен дать удостоверение, что это *точно его* решение, и что решение его *точно таково*.

Вот и все. Очевидно, что это ни на волос не касается самого *Мира*. Он является вполне самозаконным. Одним словом: Мир остается Миром.

Это необходимо.

6-й Доклад Административного Отделения

(Высоч. утв. Полож. о крестьян., вышедш. из креп. зависим.
Общ. Полож. Разд. II, главы 1, 2, 3, 4)

В 6-ом Докладе своем, Административное Отделение говорит о «сельских должностных лицах», разумея под этим как должностные лица «Волости», так и «Мирского Общества». Административное Отделение задает себе четыре вопроса, именно:

А) Из каких должностных лиц составляется крестьянское управление?

На этот первый вопрос Административное Отделение отвечает не совсем определенно. Оно обращает внимание особенно на то, какие должности должны быть по выбору, какие по найму, а потом «полагает, что только старшины, старосты и сборщики податей по свойству возлагаемых на них обязанностей, должны быть избираемым обществом⁵⁹, и что затем все другие должности как то: магазинных смотрителей, полесовщиков, рассыльных, писарей и пр. могут отправляться и по выборам, и по найму, смотря по желанию общества⁶⁰.

Здесь Адм. Отделение не говорит прямо и определенно: какие же должностные лица необходимы; это тем менее ясно, что оно

выражается: и пр. — На заданный вопрос нет прямого ответа. Если Админ. Отдел. думает, что признание необходимости тех ли, других ли должностных лиц — зависит от общества, то в таком случае это падало бы и на старшин, и на старость: а этого, конечно, Адм. Отдел. не хочет. Таким образом, читатель сам должен догадываться: какие должности необходимы, какие нет.

Впрочем, из решения дальнейших вопросов это приблизительно видно.

За сим, прибавя, что должно предоставить усмотрению общества соединять несколько должностей в одном и том же лице, Административное Отделение задает себе второй вопрос:

Б) Обязанности должностных лиц.

Здесь Адм. Отдел. Исчисляет подробно обязанности Волостного Старшины и Сельского или Мирского Старосты. Для Волостного Старшины — 19 пунктов, для Сельского — 20⁶¹. Исчисление — это самый ошибочный прием. Когда начинаешь исчислять обязанности, вытекающие из общего значения, никогда их не исчислишь *вполне*. К 20 пунктам можно прибавить еще 20 и т.д. — Следует посмотреть, как делается в помещичьих оброчных деревнях, где крестьяне сами выбирают себе старосту. Разве там определяются и исчисляются обязанности старосты? — Нисколько. — Между тем и сам староста, и крестьяне очень хорошо знают обязанности старосты; знают их *вполне*, и вовсе не нуждаются в исчислении обязанностей по пунктам. Мало того, именно при таком подробном исчислении и может возникнуть спор об обязанностях Старосты, можно доказывать, что такое-то его действие не подходит под пункт, и потому незаконно: тогда как оно может быть по существу совершенно законно, но только не указано. Вы внесете, положим, новый пункт: 21-й. Вслед за тем может явиться опять совершенно подобное обстоятельство. Вы внесете пункт 22-й и т.д. — Но вы их не исчерпаете, и всегда останется их еще бесконечное множество: ибо — сказали мы — как скоро вы станете *исчислять* обязанности, вы их никогда не *исчислите*.

И так мы думаем, что такого рода исчисление обязанностей совершенно не достигает цели, бесполезно и даже вредно, внося узкую форменность, всегда более тесную, чем жизнь, форменность, которой никогда не хватит на жизнь с ее бесконечными случайностями и которая может только давить и спутывать жизнь и сверх того затемнять ясность сознания, приурочивая все понимание к графам, к букве. По нашему мнению, должно откинуть всякое исчисление (оно и не исчислимо), а определить только общее значение, существо дела: тогда вы можете найти для дела

полное удовлетворительное определение. В иных же случаях, даже и этого не нужно; а надо предоставить это молчаливому пониманию и соглашению народному.

За сим Адм. Отдел. задает третий вопрос:

В) Порядок выбора, утверждения и удаления должностных лиц.

Относительно условий избрания в должности Адм. Отд. полагает несколько правил, именно: 1) чтобы в должности по выборам избирались два лица, одно для отправления должности, другое для временного заступления его места в известных случаях. 2) Избираются не моложе 25 лет. В должности выборные — преимущественно из домохозяев. 3) Воспрещается избирать лица, наказанные телесно или оставленные в подозрении. 4) Избранный не имеет права отказываться кроме известных случаев. 5) Должностные лица приводят к присяге на верность службы⁶².

Все эти пять условий — совершенно лишнее и вовсе не нужное стеснение; все это — не что иное, как вторжение (без всякого на то основания и права) Государственной, мертвящей формы в живую и свободную область Мира. — Начнем с первого условия. — Правительству нужно, чтоб было выборное должностное лицо, к которому оно могло бы относиться — и оно будет. Правительство может требовать, *чтоб было* такое лицо, а кто оно: Сидор или Карп, и как оно замещается: дублетом своим или другой выбирается на его место, — до этого Правительству дела никакого нет. Может быть, иные крестьяне сделают именно так, т.е. выберут запасного старосту; а другие, может быть, сделают иначе: это должно быть совершенно предоставлено на их крестьянское благоусмотрение.

Второе условие также совершенно лишнее. К чему тут года? Если уже весь Мир, где есть и седые бороды, признал такого-то человека достойным — какие тут года? — Это уж, следовательно, человек возрастной. Такой человек, хотя бы он был и 18-ти лет, старше годами всего, избравшего его Мира. — Право, нам кажется, что при назначении этих условий, руководилось Отделение отчасти привычкою администрировать, отчасти бессознательным чувством смущения, что определять ему приходится мало.

Третье условие также мы считаем не только лишним, но незаконным, но безнравственным! Доверие Мира, общее мнение крестьян должно быть поставлено выше всего, должно быть поставлено выше случайностей суда. Человек может быть несправедливо наказан телесно, несправедливо оставлен в подозрении, и притом, быть может, совершенно вопреки мнению своей деревни, села или округа. — Как же после того запретить крестьянам выразить свое собственное мнение и выбрать этого человека, ко-

того они считают достойным выбора? Напротив: чего лучше дать возможность выразиться общественному мнению и оправдать и оправить несправедливо, по общему мнению, оскорбленного человека? Это было бы прекрасное явление. — Если же телесное наказание, в понятии г.г. Администраторов, считается таким позором, который не исчезает даже тогда, когда окажется, что наказанный невинен, — то телесное наказание вовсе не может быть допущено ни в каком случае.

Итак, эти условия (под №3) при избрании должностных лиц — условия совершенно несправедливые. Не говоря об их неправде, в них нет и никакой надобности. Основание здесь может быть одно: Общее доверие Мира.

Примечание: Скажут: здесь может явиться злоупотребление этого основание. Но нет той истины, к которой не привязывается злоупотребление. Не отказываться же ради этого от истины. — Что нам за дело до того, *как* образовалось решение Мира. Это его дело*. Предоставьте ему самому очищать себя нравственно, если бы могла случиться такая надобность. Мир сам это может сделать; но никакое правительственное распоряжение этого сделать не может, и только породить новую неправду. Поря понять это, и положить пределы слишком ревностной Государственной распорядительности и вмешательству в жизнь. — Здесь при выборах, повторяем, основание может быть одно: доверие Мира; а до случайностей, могущих сюда примешаться, — дела быть никому постороннему не должно: это дело самого Мира.

Четвертое условие — опять лишнее. Как можно так насильственно связывать личную свободу? — На сей раз вступимся и за личность (конечно, не как за принцип: личность, *как принцип*, есть самое злое зло и самый развратный разврат в мире). К чему внешним образом принуждать отдельное лицо непременно согласиться на выборную должность? К чему это вводить, как правило, как закон? — Предоставьте здесь все нравственному влиянию людей друг на друга, или нравственному влиянию Мира на человека. Дело обделается путем живым, а не *правилом с исключениями*.

Наконец, пятое условие — опять лишнее. Присяга, как обещание клятвенное, переходит в область установлений, в область Государственную, и не имеет смысла в области земской.

* Мы знаем, как образуется решение Мира с Правительственными указаниями, по данным от Правительства формам и под его попечительством! Произнесите только имя Министерства Государственных Имуществ — и ничего уже прибавлять не нужно.

Примечание. Впрочем, в древней России и, конечно, и теперь в простом народе — целование креста не имеет (часто, по крайней мере) значения клятвы. — Это не обязательство; это есть только торжественное уверение в искренности своих намерений и побуждений. Здесь есть весьма важная разница. Например: *целую крест, что я тебя люблю.* — Есть здесь какое-нибудь обещание: Очевидно, обещания здесь никакого нет. Это торжественное уверение, или даже только торжественное объявление моей любви. — В этом смысле и духе, то есть как торжественное уверение в искренности, в правде моей настоящей воли, — между Русскими Князьями нередко заключался мир с целованием креста, то есть с торжественным уверением, что мир заключается искренно, от всей души, с полным желанием заключить и даже хранить мир. Но обещания тут опять никакого нет. Таким образом, много клятвopеступлений в Истории древней России теряют свое значение клятвopеступлений. Переменялись обстоятельства, переменялось мнение в взгляд, и Русский человек, перестав быть внутренне тем, чем был, или приняв иное убеждение, никогда не связывал себя не только прежним торжественным уверением в искренности прежних своих намерений, теперь изменившихся; но даже и внешним, уже теперь неискренним, неправдивым обязательством. Разумеется, тут весь вопрос во внутренней добросовестности, в том, чтоб речь шла точно об убеждении, а не о прихотях, не о страстях и прочих подобных двигателях, — чтобы убеждение точно добросовестно заменилось иным убеждением. Весь вопрос здесь внутренний, следовательно, опять вопрос в свободной воле человека. Вопрос поставлен высоко, и из области обязательств, ручательств и клятв перенесен в свободу духа, к высшей добросовестности.

Говоря об *утверждении и увольнении сельских должностных лиц*, Адм. Отдел. напоминает о выборе большинством двух третей голосов; но в то же время считает нужным, чтобы избранное лицо вступало в должность по распоряжению того лица, которому это будет предоставлено положением⁶³.

К чему это? Мы совершенно не согласны. Мы думаем, что все право выбранного (всем Миром) лица заключается в избрании, и что Правительством лишь извещается и удостоверяется в избрании такого-то лица грамотою за руками. Избранное лицо немедленно по выборе вступает в исправление своей должности. — Нет надобности разными формами и возможностями *личного* пристрастия и расчета задерживать дело.

Относительно отрешения должностных лиц Адм. Отделение выражается не ясно (что с ним нередко бывает). Оно отнимает у Мира право отрешать им же выбранные лица и говорит, что «полагает предоставить право удалять должностное лицо от занимаемой им должности не иначе, как тому лицу, которое обязано будет удостоверяться в законности выборов и вводить избранное лицо в должность».

Кажется, ясно? — Назначается лицо, *вне Мира стоящее*, которое может, по своему усмотрению, отрешать *выбранные Миром* должностные лица.

Далее: «Затем предоставляется этому же лицу право, когда оно найдет нужным, удалить какое-либо лицо от занимаемой им должности, предлагать об этом Мирскому или Волостному сходу, и, в случае несогласия их, временно устранять должностное лицо от занимаемой им должности, но с тем однако, что бы в тоже время предавать оное суду»⁶⁴.

Как понимать здесь слово *право*? — Есть ли здесь обязанность для выше означенного лица обращаться (когда оно захочет удалить кого от должности) к Мирскому или Волостному сходу?⁶⁵ — Но в таком случае это противоречит вышесказанному, что это лицо может удалять кого и когда хочет. Да и выражение: *предоставляется право*, — на сей раз показывать произвольное отношение, а не обязанность. Если это не обязанность, а произвольное отношение, если означенное лицо может по своему желанию обращаться и не обращаться к сходу, тогда вся важность этого обстоятельства пропадает, ибо сомнительно, что бы означенная загадочная личность обратилась к сходам по вопросу об удалении от должности, когда может не обращаться, а удалить просто; да еще когда с этим обращением связаны такие важные условия, а именно: устранение должностного лица от должности, *только временное*, и предание устраняемого лица суду. А при не обращении к сходам (как надо заключить из слов Адм. Отдел.) ничего этого не бывает, условий этих не полагается, и означенная личность без всяких хлопот и условий просто удаляет окончательно должностное лицо от занимаемой им должности.

Странное противоречие, или неясность, или еще более странное постановление! — Как же однако после всех этих правил и условий говорить о самоуправлении?

Мы думаем, что точно так же, как Мир выбирает, так он и отрешает. Одно вытекает необходимо из другого. *Как доверие Мира становится избираемые лица на известные места, так недоверие Мира, eo ipso*⁶⁶, *сводит эти лица с этих мест.*

Итак, мы думаем. Что решительно Миру должно быть предоставлено отрешать все им избранные лица и об избрании новых уведомлять и удостоверять Правительство.

Все это решительно дело Мира.

Наконец, Адм. Отделение задает себе четвертый вопрос:

Г) Срок службы должностных лиц, жалование им и преимущество, и ответственность их во время службы.

Адм. Отд. для обязательной службы должностных лиц назначает срок службы трехлетний, а сборщику податей — годичный⁶⁷.

Нам кажется, что подобное назначение сроков есть совершенно ненужное и излишнее вмешательство Правительства в дела Мира. Какая надобность Правительству в том или другом сроке службы? Правительство может требовать одного: чтобы было известное обязательное должностное лицо, лицо, с которым бы оно могло сношаться, и только. — Есть такое должностное лицо? — Есть. — И довольно, и больше ничего не нужно для Правительства. — А сколько именно служит это лицо, много ли, мало ли: до этого ему никакого дела быть не должно. Это дело Мира; пусть распоряжается здесь совершенно свободно сам Мир. —

Быть может, Мир в иных местностях и положит срок, а в других местностях и не положит срока. Мы думаем, что второе будет встречаться чаще, то есть не назначение срока. Срок в таком случае будет зависеть от согласия Мира и самого должностного лица на продолжение службы. Во всяком случае, разумеется, Мир может сменить выбранное им должностное лицо, когда хочет.

Итак, мы думаем, что Правительству никакого срока службы должностных лиц постановлять не следует. Следует предоставить это самому Миру.

Далее Адм. Отдел. говорит о жаловании и преимуществах, предоставляемых сельским должностным лицам во время службы.

Касательно жалования, Адм. Отделение решает, что необходимо предоставить обществу самому назначить вознаграждение должностному лицу⁶⁸. Это справедливо (что мы и спешим заявить). Прибавим: это вознаграждение должно быть совершенно свободно, т.е. до такой степени, что даже может оно быть, может и не быть. Это предоставить надо самим крестьянам, свободному соглашению Мира с выборным лицом.

Преимущества разделяет Адм. Отд. на материальные и личные. Первые предоставляет оно усмотрению Общества, с чем мы совершенно согласны. Вторые же, личные, Адм. Отд. определяет, именно:

1) Волостной Старшины, сельский староста, сборщик податей и смотритель хлебных магазинов во все продолжение службы извлекаются от телесного наказания⁶⁹.

Не можем согласиться. Как скоро телесное наказание существует, то на каком основании может произойти подобное исключение? Телесное наказание — или позор, или не позор. Если телесное наказание — позорно, то за что же этому позорному наказанию будут подвергаться все крестьяне, за исключением четырех привилегированных счастливых? Это вопиющая несправедливость. Если эти четверо — достойные люди, то ведь не они одни достойные люди в деревне, или селе, или округе. Да и это основание сюда не идет: если преступление одно, то и наказание одно, без всяких привилегированных исключений. Позорность телесному наказанию придают именно эти-то привилегированные исключения. Если же телесное наказание ничего в себе позорного не имеет, то на каком основании здесь исключены тогда четверо должностных лиц? Телесное наказание должностным лицам разве оно боли не причиняет?.. Исключение очевидно, во всяком случае, здесь неуместное. — А это то самое исключение и придает позорность телесному наказанию.

Телесное наказание тогда именно становится безнравственным и тогда собственно становится позорным, когда от него одни избавлены, одни не избавлены. В особенности, когда избавлены целые сословия. Что же это такое (по понятию законников) для одних при тех же преступлениях, — стыдно, а для других — не стыдно? Или (если кто не хочет видеть здесь стыда) для одних больно слишком, а для других не больно, или больно в меру? Что же это за наказание такое, столь оскорбляющее чести и достоинства других? Здесь скрыта та мысль, что по закону не предполагается ни чести, ни достоинства в сословиях, подвергнутых телесному наказанию, если же это не так: то они наказываются несравненно тяжелее за одну и ту же вину. Не есть ли это возмутительнейшая несправедливость!

Выскажем, кстати, наше мнение о телесном наказании. Прежде всего, как уже сказали мы, телесное наказание — если существует — должно существовать для всех, не допуская никаких исключений, никаких привилегированных сословий и лиц. Здесь лежит вся безнравственность и отсюда рождается позор телесного наказания. О телесном наказании как о вопросе можно рассуждать только тогда, когда оно не имеет при себе этих гнусных исключений. Одним словом: телесное наказание или может быть допущено для всех, или вовсе не может быть допущено. При крайней мере

только при этих условиях можно рассуждать о телесном наказании. Предполагая телесное наказание в этих условиях, скажем о нем свое мнение. Телесное наказание есть возведение побоев в закон, есть узаконение грубой силы. Побои, равно как и драка, и всякое (прямое) проявление грубой силы могут быть признаны в мире как случайность; такой взгляд отнимает у них общее значение безнравственное; в том смысл, что осуждает их. Но побои, возведенные *в закон*, становятся, — будучи признаны в общем их значении, — явлением положительно безнравственным, ибо этот взгляд их оправдывает и утверждает; здесь уже слышится, чувствуется принцип. — Вот почему телесное наказание, по нашему мнению, есть явление безнравственное. Оно, хотя, конечно не в той мере, может быть поставлено на одну доску со смертной казнью, которая есть узаконение убийства и вместе торжество грубой силы над казимым, равно как телесное наказание есть узаконение побоев и опять торжества грубой силы на биемым. — Сюда же принадлежит большинство и меньшинство, как узаконение драки с непременною победой грубой силы; разница в том, что дело до настоящей драки не доходит, что грубая сила, уже цивилизованная, понята здесь отвлеченно и изображается числительностью, счетом голосов. — Тем не менее, это все та же грубая сила. Прибавим сюда весьма важное обстоятельство. Именно: древняя Русь не знала телесного наказания. В ней грубая сила являлась как случайность; но никогда как закон. — Телесное наказание — это подарок татарский*. Считаю однако здесь нужным прибавить не-

* Нам могут сказать, что пеня (штраф) есть точно так же узаконенный грабег, как телесное наказание — узаконенные побои. Не можем согласиться. Пеня сама по себе — действие самое — не есть проявление грубой силы. — Грубая сила может предполагаться при ней как средство, как случайность. — Нам кажется, что в настоящем случае при рассуждении о наказании вопрос состоит в том: как относится грубая сила к наказанию. Допускает ли наказание грубую силу как средство, следовательно, как случайную, лишь вызываемую обстоятельствами, или же наказание есть просто прямое проявление грубой силы? Грубая сила как средство может привязаться к самому не грубому, не материальному наказанию. Например: простое удаление человека из общества не имеет ни малейшего следа грубой силы. Но человек из общества не идет: приходится его вытолкать. — Привязываясь иногда к самым духовным и чистым действиям, грубая сила остается средством, случайностью, и как средство и случайность — существа дела, само себе взятого, не изменяется. — Когда же наказание есть *прямое* проявление грубой силы, тогда она составляет его неотъемлемую принадлежность. — Насильственность и добровольность при том и другом роде наказаний — суть случайности; не изменяют дела, но еще более объясняют его. *Насильственная* пеня имеет при себе грубую силу, как средство, как случайность, которая может быть и не быть. *Добровольная* пеня, являясь в своем настоящем виде (как исполнение мною признаваемого, ободряемого даже мной, полагаемого закона), без внешней

сколько слов. — Мы полагаем необходимым уничтожить телесное наказание в Государственных законах и, разумеется, в помещичьем праве (принадлежащем тоже к Государству). Государство есть собрание учреждений и институтов, извне налагаемых. Если оно и отражает нравственную жизнь общества, то само по себе нравственной жизни не имеет. Как закон постановляется внешним образом, так внешним образом и отменяется. — Но народ не есть учреждение; народ, общество — есть существо нравственное, имеющее нравственную жизнь. В нем все явления суть плод нравственной его жизни. — Внешнее постановление не должно сюда вмешиваться, а должно предоставить ходу и преуспеянию самой жизни: оставить одно и выбрать другое. Всякое искажение, в народ вошедшие, не должно быть уничтожаемо внешним образом, по указу, а должно быть выброшено вон внутренним процессом, вследствие нравственного народного подвига, вследствие свободного сознания и искреннего убеждения. В обществе, в народе уничтожать *постановлением* телесное наказание было бы такая же неправда и насилие, как и *введение телесного наказания*. Это должно быть представлено самому обществу, самому Миру. — Преждевременное, насильственное, внешнее уничтожение даже безнравственного явления (*в обществе*, просим не забыть, в земле, *а не в Государстве*) бывает вредно, ибо не дает общественной жизни свободно и внутренне возвыситься до той нравственной высоты, чтоб сбросить это явление сознательно и по убеждению. Уничтоженное насильственно, оно оставит в обществе еще свои корни, которые тем опаснее, чем неприметнее, и будут давать свои отпрыски под разными видами, даже иногда в чем-нибудь другом.

Итак, везде, где в народе самом существует в употреблении телесное наказание, уничтожать оное не следует, а следует это

примеси не имеет в себе и признака грубой силы. — *Насильственное* телесное наказание слишком ярко носит печать грубой силы; о нем говорить нечего. *Добровольное* телесное наказание, как бы ни было добровольно, есть тоже прямое проявление грубой силы, носит на себе печать ее; очевидно, что в телесном наказании грубая сила не средство, но существо наказания. — Это, может быть, еще заметнее становится при добровольности. Добровольно принимаемые побои, или телесное наказание, *все* остаются прямым проявлением грубой силы, хотя бы принимались они не только добровольно, но с восторгом; точно так же как добровольно принимаемое убийство, или смертная казнь, *все* остается самым высшим конечным проявлением грубой силы, хотя бы принимались не только добровольно, но с восторгом — как, например, у морельщиков. Повторяем — здесь весь вопрос в том, *как* является грубая сила в наказании: примешивается ли как средство, следовательно, случайно, — или выражается как прямое проявление, следовательно, неотъемлемо. Во втором случае наказание (*учреждение законное*) как возводящее проявление грубой силы в законе, считаем мы безнравственным.

предоставить самому народу. Насильственное уничтожение телесного наказания в народе было бы (как сказали мы) тот же деспотизм и непременно приносило бы вред. — Мы объяснили это в наших предыдущих словах⁷⁰.

Далее Админ. Отдел. определяет прочие личные преимущества, именно:

2) *Они (вышеозначенные четверо) освобождаются также от всех натуральных повинностей.*

3) *Волостной Староста и Сельский староста вместе с семействами освобождаются на время службы от рекрутской повинности.*

4) *Волостной Староста и Сельский староста по беспорочном прослужении (!) двух трехлетий (!) освобождаются лично от рекрутской повинности навсегда⁷¹.*

Здесь два вопроса. Первый: *чей* чиновник, *чье* должностное лицо Волостной (окружной) Староста или другие выборные от крестьян? — Правительства или крестьян? Ответ не труден. Очевидно, что Окружной Староста лицо не Правительственное и не Правительством назначенное, а народное и от народа выбранное. — Теперь другой вопрос: натуральные повинности, а также рекрутская повинность на ком лежат: на Правительстве (т.е. на всем Правительственном составе, на Правительственных лицах) или на крестьянах? Ответ прямой, на крестьянах. Какой же след тут вмешиваться Правительству и распоряжаться крестьянскими тягостями в пользу лица, крестьянами выбранного? Это не его дело, а дело крестьянского Мира. Это должно быть решительно предоставлено свободному соглашению самого Мира с выбираемыми им должностными лицами. — И не беспокойтесь: согласятся и устроят свое дело лучше, чем кто-нибудь посторонний.

Наконец, Админ. Отдел. говорит об ответственности должностных лиц; оно разделяет проступки и преступления по должности и вне должности, причем говорится справедливо, что проступки и преступления вне должности судятся на основании общих законов. — Проступки и преступления по должности, как нарушение возложенной должностной обязанности разделяется Адм. Отд. по отношению 1) к Правительству, 2) К Обществу, 3) к Помещикам и др. частным лицам. Оно говорит, что в первом случае делаются заявления «Против Мирского и Волостного лица Волостному Старшине, а против него тому лицу или учреждению, которое будет указано Положением⁷².

Мы полагаем: 1) правительство имеет сношение (см. замечания на доклад 5-ый) только с одним обязательным должностным лицом, именно: с Окружным Старостою. — Следовательно, Пра-

вительственным лицам заявлять свое неудовольствие Окружному Старосте, даже не на кого. 2) Неудовольствие же на Окружного Старосту Правительственное лицо заявляет Миру, как выбравшему и поставившему Старосту. — Надобно понимать, что Староста не есть представитель Мира, а есть выбранное от Мира передаточное лицо между Правительством и Миром, имеющее, как обыкновенно, данную от Мира административную власть. Таким образом, при винах по должности странно было бы делать из старосты самостоятельное лицо и на него обрушивать обвинение. Следует обращаться к самому Миру, со всей Округе: ей заявить свое неудовольствие на Старосту и с нее требовать исправления вины, вознаграждения и т.п.; ей же грозить и взысканием. — А это будет уже дело Округи, Окружного Мира: сменить ли Старосту, подвергнуть ли его наказанию, и т.п.

И вообще в подобных случаях следует обращаться *не к выбранному лицу, а к выбравшему Миру*. Надо помнить, что избравшие, что Мир — выше им избранного. Такое обращение (не к выбранному лицу, а к выбравшему Миру) поставит выбранное лицо в надлежащее отношение, не даст ему лишней самостоятельности, поставит, с другой стороны, Мир на надлежащую высоту, и в то же время отлично устроит взаимные отношения Мира и избираемого им лица. Не Правительство, не посторонняя власть, а Мир спросит с избранного им Старосты — спросит строго и дельно, ибо не захочет отвечать за вину Старосты, как скоро она есть. Таким образом, никто кроме Мира не касается лица, Миром избранного: как этому и подобает быть. — В важных случаях неисполнения Правительственных требований, пусть Правительство, обращаясь прямо к Округе, пошлет хоть экзекуцию; но пусть не обращается с разными взысканиями к Старосте, предоставляя самому Миру разделаться с ним. Поверьте, Мир (кроме разве самых редких, необыкновенных случаев) не доведет до таких строгих Правительственных мер — как скоро Миру будет предоставлена подобающая ему свобода, предоставлено самому иметь дело с выбранным им Старостою.

О проступках и преступлениях по отношению к Обществу, т.е. к Миру самому не стоит и говорить, ибо это должно решаться самим Миром.

О проступках и преступлениях должностных лиц по отношению к помещикам и другим частным лицам мы скажем, что помещик и другие частные лица должны обращаться тоже к самому Миру; причем: если требование помещика (или другого частного лица) облечено в законную форму, тогда он может найти поддержку

в Правительственной власти⁷³. Как же скоро Мир и помещик (или другое лицо) отнеслись друг к другу неопределенно, без всякого на Государство опирающегося обеспечения — так сказать, частным образом, — тогда предоставляется помещику и обращаться к Миру частным образом. Тогда все дело будет зависеть от добровольного решения Мира.

7-ой Доклад Административного Отделения

(Высоч. утв. 19 Февр. 1861 г. Полож. о крест., вышедш. из креп. завис.: Общ. Полож. Разд. II, гл. 3. Отдел. 3 и 4)

В 7-ом Докладе своем Административное Отделение говорит о Сельской расправе или управе и о крестьянском Суде.

Прежде всего, скажем, что самое слово: *расправа и управа* в собственных постановлениях Административного Отделения не встречается. Оно употребляет вместо этого *Волостное Правление*⁷⁴.

Слово же *Расправа* употребляется в Министерстве Государственных имуществ; но в смысле Суда. Слово: *Расправа* встречается также в проектах Комитетов в смешанном значении: административном и судебном. — Впрочем, это замечание не важное, а приводится нами только потому, что может показаться странным, что в заглавии употреблено слово, не встречающееся в самом тексте.

Административное Отделение, говоря сперва о Волостном Правлении, ссылается на прежние свои доклады, по которым Волостное Правление состоит из Старост мирских обществ, Старост, образующих совещательное учреждение при Волостном старшине (при разборе прежних докладов мы высказали об этом свое мнение). Ныне Административное Отделение, которое «еще более убеждается в выгодах сохранения за Волостным Правлением характера исключительно почти (хорошо это: *исключительно почти*) совещательного учреждения» — ограничивает эту совещательность тремя случаями: 1) делами денежными, 2) продажей с публичного торга, 3) определением и увольнением должностных лиц по найму⁷⁵. — Сверх того, Административное отделение придумало допустить в Волостное Правление Мирских сборщиков податей.

Мы уже высказали наше мнение в разборе прежних докладов Административного Отделения. Считаю излишним приводить здесь наши слова. Повторяем здесь только вкратце, что: Мирских Старост учреждать обязательно — вовсе не нужно; что вообще до Мирских или до сельских и до деревенских обществ, то есть

до частных Миров — Правительству нет никакого дела; что поэтому Мирских Старост учреждать обязательно — вовсе нет надобности; что управление крестьянами предоставляется самим (которые *сами*, если захотят, выберут себе Старост в деревнях; как, вероятно, и будет); что Правительство знает только Округу (или волость), в которую опять-таки оно не мешается; — знает по тем только делам, по которым Округа соприкасается с Правительством; на этой-то точке соприкосновения находится выборное от Округи лицо: Окружной Староста, который передает требования Правительства — Миру, а исполнение требований от Мира передает Правительству. — За сим все распорядки, управление, устройство — все предоставляется самому народу. Подробнее об этом смотри наши записки на предыдущие Доклады Административного Отделения. — Напрасно только путая крестьян разными учреждениями, Административное Отделение, самодовольно поглядывая на пройденный им путь и продолжая им идти, — говорит в этом докладе с какой-то наивною хвастливостью: сколько оно обеспечивает крестьян от единоличного (как выражается оно на своем Петербургском языке) произвола.

Обращаясь к крестьянскому суду, Административное Отделение говорит весьма неясно и темно, упоминает о народном обычае, о внушении крестьянам сознания (это тоже хорошо: *внушить сознание!*) важности для них этого учреждения (суда), только хорошенько неизвестно, какого: состоящего ли из выборных или просто из волостного схода (смотри стр. 33—34).

Административное Отделение не говорит прямо; но, кажется, оно предоставляет право крестьянского суда — составу Волостного Схода, или иначе выборным, сход волостной составляющим, которые судят в известном числе (от 6 до 12), по очереди. — Так прямо это не высказано; но о том, несомненно, можно догадываться из «соображений» Административного Отделения. — «Заключение» должно бы пояснить, но ничего не объясняет, а только сбивает. Административное отделение говорит (в «Заключении» своем, стр. 43):

«Суд в пределах волости отправляется выборными крестьянами, имеющими право на участие в волостном сходе». Как поймет эти слова всякий Русский? Очень просто, не иначе, как так: суд отправляется крестьянами, выбранными для отправления суда, каковые крестьяне имеют право быть и на Волостном сходе. Вот прямой смысл фразы; но тогда выходит, что крестьяне прямо специально для суда избираются (из таких, которые имеют право быть выбраны и на Волостной сход). — То ли хотело сказать Адми-

нистративное Отделение? Кажется, нет. Оно говорит об очереди; а при специально выбранных для суда крестьянах очередь не имеет места. — Впрочем, можно очередь понять в том смысле, что нынче выберут одних, а завтра — других; — но говорится об очереди *установленной*. Итак, здесь нет специально для суда выбранных крестьян*. Опять, все же мы не знаем: что эта очередь — установлена ли между выборными людьми, составляющими Волостной сход, или между всеми, имеющими право на участие в Волостном сходе (как выражается Административное отделение)? — Есть, впрочем одна фраза, по которой можно основательно догадаться, что здесь разумеется состав Волостного схода, именно: «...число Волостных выборных будет всегда, в каждой, даже наименьшей волости, так велико, что этим выборным никогда нельзя будет превратиться в постоянных и исключительных должностных судей или сельских чиновников; напротив, всегда откроется возможность учредить между ними очередь с целью постоянного же видоизменения личного состава суда. С этим требованием должно быть согласовано и самое число Волостных выборных, нужное для состоятельности Волостного суда» (стр. 34). «*Волостные выборные*» — то есть составляющие Волостной сход; благодаря этому выражению мы пришли к заключению, которое высказали выше, то есть что Административное Отделение предоставляет Суд крестьянский — выборным, составляющим Волостной сход, которые судят в известном числе и по очереди⁷⁶.

Не без труда, как могут это видеть, досталось нам приобретение мнения Административного Отделения о том, что такое крестьянский суд.

Мы не согласны с Административным Отделением касательно очередного Суда. Очередь нарушает закон справедливости, вводит неровность и пристрастие, — если не личное, то пристрастие, так сказать, судьбы. Нельзя предположить, чтоб все сменяющиеся Судьи были совершенно одинаковы и умом, и справедливостью. И так суд — правда и разум Суда — предоставляется случайности. Нельзя будет сказать (употребляем выражение царя Алексея Михайловича), что «Суд творится всем ровен». Сегодня на очереди в Суд Максим и Антон, люди честные и умные, а завтра — Андрей и Петр, люди и плутоватые, и с придурью; Карпу — счастье: его дело судится сегодня; а Мартыну — несчастье: его дело идет завтра.

* Нельзя предположить, чтобы выбиралось большое количество, большой запас людей специально для суда, так, чтоб из них могла составить очередь. Об этом, вероятно, должно бы было быть сказано яснее, да и количество, хотя приблизительно, должно было бы быть определено.

В этом одном уже прямая несправедливость. — А вот другое обстоятельство. Выбрали, положим, таких Судей, что лучше желать нечего; все хотели бы их удержать в судьях — да нельзя: очередь; надо хороших сменить, а поплоше посадить... Для какой же цели очередь? Вы боитесь, что они будут чиновники. — Как скоро вы отымете (как вы это делаете) у Мира самостоятельность, самоуправство и свободу, как скоро вы самый родник засорите: тогда — как хотите, сменяйте людей и чередуйте — все будут чиновники, не будет свободного Суда. А если вы за Миром оставите всю его самостоятельность, самоуправство и свободу, тогда — не беспокойтесь — чиновников не будет. — Определяя лишь те пункты, где Правительство соприкасается с народом, мы определили, в таких случаях, только *Окружной Суд*. — Как, кого выбирать — предоставляется народу, которому предоставляется также сменить Судью, когда хочет. Самое устройство Суда предоставляется народу. Правительству нужно, что был Суд; а как он составлен (хотя бы по очереди) — ему до этого дела нет. Но Мир сам никогда не прибегает к очереди в Суде; ибо хочет, что Суд был всем людям ровен, всем людям одинаков (чего с очередью достигнуть нельзя). — А не хорош Судья — Мир лучше Судью просто сменит.

Прежде чем идти далее, укажем на некоторые подробности:

С какою-то важностью Административное Отделение говорит: «с целью по возможности обеспечить Суду крестьянскому независимость от всякого внешнего влияния, должно, по мнению Отделения, быть постановлено, что никто, даже и сам волостной Старшина и Старосты (каково же: сам волостной Старшина и Старосты!) не должны вмешиваться в оный и принимать в нем участие»⁷⁷.

Что же тут особенного? Известное дело: судит тот, кому дано право, кому предоставлено судить; судит Судья, а кто не Судья — тот не судит. Ведь это все равно, что с важностью объявить: мы назначили Судей и постановили, что судья Судьи, а не Судьи — не судят. — Нам скажут: а вмешательство? Но кто же решится допустить вмешательство по праву в Суд — лицу, к Суду не принадлежащему: об этом и говорить много нечего. А вмешательство по злоупотреблению — как вы предупредите? Злоупотребление под правило не подведешь.

Делопроизводство крестьянского Суда и Волостного Правления «должно (рисует себе картину Административное Отделение), по мере возможности, отличаться быстротою, краткостью и отсутствием излишней письменности. В заведенную на этот предмет (чтоб отличаться быстротою, краткостью и отсутствием излишней

письменности?) при Волостном Правлении книгу должны быть вносимы в самой сокращенной форме одни лишь результаты такого делопроизводства и Суда». Здесь уже больше наставление о быстроте Суда и пр., ибо книга все-таки заведена⁷⁸.

По делам уголовно-полицейским, Административное Отделение принимает положение министерства Государственных Имуществ⁷⁹. По делам же гражданским оно, даже с некоторым жаром, говорит о крестьянском домашнем разбирательстве, основанном на местных обычаях. — Уничтоживши самостоятельность Мира, сковав его по рукам и по ногам, оно предоставляет ему самоуправление и собственный суд на основании местных обычаев. Невольно вспоминаешь басню о разбойнике, который отнял в лесу у проходившего крестьянина корову и подоюник, и когда крестьянин стал горько упрекать его, то разбойник, сжалившись, говорит великодушно: «возьми себе назад подоюник»*.

Далее Административное Отделение говорит, что и Мирские, и Волостные должностные лица должны подлежать, во всяком случае, крестьянскому Суду, если сумма начета или взыскания будет превышать триста руб. сер. (предел, положенный для Волостного Суда), или мера наказания будет превышать меру, предоставленную ему законом. — Вслед за этим Административное Отделение говорит (стр. 38): «за сим даже в этих пределах Волостному крестьянскому Суду каждой волости может, кажется, быть предоставлено право Суда над одними лишь должностными лицами Мирских

* Хотя в положении о местных обычаях ничего не говорится, но действительно для решения дел тяжбных (которые Вол. Суд решит окончательно ценою до ста рублей) не наложено на суд никаких форм. Напротив того, Вол Суд решит окончательно споры и тяжбы *без ограничения цены иска*, которые обе тяжущиеся стороны предоставят решению Вол. Суда (ст. 98). Вместо разбирательства в Вол. Суде крестьяне имеют право во всем тяжбным спорам и искам «обращаться по взаимному согласию к третейскому по совести Суду, *не стесняясь никакими формами*» (ст. 99). Все это, конечно, очень хорошо, но подрывая жизнь народного обычая и живую силу нравственной стихии его быта (введением большинства, Старшин присягающих, формулированием *Мира*), Положение создает уже целую среду, неблагоприятную для свободной деятельности народного духа. Вспомним, что и Петр I, переломив весь строй Русской жизни и водворив Немецкое судоустройство, издал свой знаменитый указ «о Суде по форме», которым предоставлялась право желающим обращаться к древнему обычаю судоворения и пр.; но он остался почти мертвоею обузою. — В этом смысле слова К.С. Аксакова нам кажутся вполне справедливыми и многозначительными. Важен целый дух учреждения, а не те или другие «либеральные» параграфы. Такого либерализма найдется много и в своде Законов, и в учреждении Министерства Госуд. Имуществ, но сам учреждение, как исчадие либеральствующего бюрократизма, есть мертвящий удар, нанесенный жизни народной.

обществ...» Выходит противоречие, но вслед за тем идут и другие ограничения, по которым и Мирские должностные лица не всегда могут быть судимы Волостным Судом. Есть изъятие даже и для гражданских дел (см. следующие строки стр. 38 и стр. 39), но как же сказано: «должны подлежать *во всяком случае* Суду крестьянскому?» Быть может, Административное Отделение разрешает это противоречие следующим постановлением. — Предлагается устроить еще особенный крестьянский Суд при лице Мирowego Судьи, составленный по очереди из выборных крестьян от различных волостей. — И так здесь будут призваны крестьяне с разных сторон из волостей, не имеющих никакой общей связи ни между собою, ни с волостью подсудимой. Для самой волости — это дело свое. Никакой посторонний Суд других волостей тут немыслим. Волость объявляет выбранное (не забудьте) в силе же ее доверия лицо — теперь лишенным доверия: чего же больше? Суд кончен. Нет, это слишком просто и прямо: вместо этого надобно позвать сюда людей, которым это дело чуждо, которым нет никакого следа, ни права вмешиваться *во внутренние дела посторонней им общины*. Эти пришлые, может быть, оправдают Старосту (или кого другого из выборных должностных лиц), оставят его в должности — и объявят его, следовательно, имеющим доверие общины (им чуждой), тогда как он этого доверия не имеет, и утвердят его таким образом в несуществующем доверии общины. Другая форма того же Суда, представляющаяся Административному Отделению, — именно: перенесение дела мировым Судьею на разбирательство которого-нибудь из ближних соседственных Волостных Судов крестьянских — в таком же роде, как и первая, и сказать о ней можно то же самое. Это все та же логика, разумность и справедливость⁸⁰.

Далее. Административное Отделение допускает, что крестьянскому Суду (Волостному той же волости или Волостному Суду другой волости, или крестьянскому Суду, состоящему при Мировом Суде) может быть приносима в некоторых чрезвычайных случаях жалоба отдельного крестьянина на злоупотребления и несправедливые притеснения Мира. Первое предположение, что можно жаловаться на Мир (заметьте: на Мир) крестьянскому Суду той же волости, есть уже такая полнейшая нелепость, которая и в докладах Комиссии не часто встречается. — Что ж такое крестьянский Волостной Суд, как не лицо, избранное Миром? Как же будет оно судить Мир? — Первое слово судное, им произнесенное, есть отречение то Мира, и, следовательно, есть самоуничтожение: ибо он (выборный Суд) доверием Мира только и крепок. Отрекаясь от Мира, он уничтожает весь смысл и причину, и разум своего суще-

ствования. Такое предположение Административного Отделения, то есть о возможности всему Миру (Миру — а не деревне — это разница) быть подчиненным Суду нескольких крестьян, от него же когда-то выбранных, — есть просто *contradictio in adjecto*^{81*}. *Мир* (той ли, другой ли, какой бы то ни было местности) *есть лицо верховное*. Таков он по существу, по самой идее своей. Мир есть высший Суд: он лишь *заменяется временно* выборным Судом. А когда сам он на лицо, то никакого другого Суда и быть не может, и помыслить нельзя.

Итак, оставляем первое предположение в стороне и будем говорить только о двух других предположениях Административного Отделения, то есть о Волостном Суде другой волости и о крестьянском Суде, состоящем при Мировом Суде. Административное Отделение думает, что предоставив постороннему крестьянскому Суду судить Мир, оно избегло вмешательства внешней гражданской власти и не подчинило одного Мира другому. Ошибается. Крестьянский суд, составленный в волости посторонней, отдельной, не связанной никаким общинным союзом с волостью подсудимой — есть такой же внешний суд и такое же вмешательство внешней, и даже скажу, гражданской — ибо принудительной — власти, несмотря на то, что эта власть облечена в крестьянский образ, в зипун и с бородой. Можно власть и по-крестьянски нарядить, можно и крестьянина испортить в чиновники. — Далее, Мир, допустим, вы не подчиняете другому Миру, но Мир вы подчиняете крестьянскому же Суду, — *крестьянскому*; вы упираете на это слово, — следовательно, *по вашему убеждению и намерению*, вы подчиняете Мир той же среде, в которой он находится, той же силе, которой он есть одно из проявлений — следовательно, если не прямо Миру, то тому же мирскому крестьянскому элементу. — И так ничего вы не избежали: ни гражданской внешней власти, маскированной крестьянской наружностью (*Суд крестьянский*), ни высшей инстанции Мирской, замаскированной наружностью гражданской (*крестьянский Суд*). — Вот если бы Волости (а не Миру, заметьте: ибо Мир, по идее своей, никому не подсуден) пришла фантазия быть судимой и она выбрала бы в Судьи хоть

* Миру может придти почему-нибудь фантазия, в деле для него самого не ясном, выбрать третью и предоставить на его суд дело. Но это возможность только тогда, когда *сам Мир так хочет*. Да и здесь судится дело, а не Мир, заметьте. Как же скоро собственного побуждения на то со стороны Мира нет, так опять суд над Миром, которому Мир обязан подчиняться, — есть вопиющая нелепость, логическое и нравственное общественное безобразие.

волость соседнюю, или хоть кого бы ни было; тогда другое дело; тогда это было бы добровольно и не принудительно, тогда это был бы Суд *третейский*; а это изменяет все дело. — Но оставим в стороне фантазии, предоставим их Административному Отделению и обратимся к делу. — Жаловаться на Мир — отдельный крестьянин (к этому же Миру принадлежащий*) не может. Такая жалоба не может быть допущена. Крестьянин сам есть живая часть этого Мира. Находясь в нем, он признаем его окончательную волю, его полновластное значение. — Вы можете допустить свободный выход отдельного лица из Мира: но пока оно в Мире — Мир для него есть окончательный, никому не подлежащий Суд, и приговор его есть неумолимая истина. — Мир, по существу своему, есть собор, власть верховная, над которой нет Суда. — Вы можете *насильственно* нарушить его решение, изменить, отбросить, но только насильственно; а судить его законно, по праву вы не можете. Таков смысл, такового существа Мира: иначе он — не Мир. Народ хорошо знает значение Мира и, выражая это значение, говорит: «Мира никто не судит: Мир судит — только Бог»⁸².

Сколько хлопот, сколько трудов своему мышлению задало Административное Отделение, — и из чего? — совершенно понапрасну. — Впрочем, нельзя сказать: *понапрасну*. Труды Административного Отделения, к сожалению, не напрасны: они лягут принудительным законом на бедный Русский народ, — и потому они *вредны*.

Мы высказали наше мнение в записках на предыдущие Доклады, в особенности на 4-ый и 5-ый Доклад. Повторим его вкратце.

В жизнь народа, в его внутреннее устройство и распорядок, также и в суд его вмешиваться никому не следует. Как он будет судить: выборными ли судьями, стариками ли, — это как он хочет; до этого никому дела быть не должно.

В тех случаях, когда наказание за преступление выходит из пределов крестьянского Мира и переходит в область Государственную, — следовательно, опять в случае столкновения с Государством, — учреждается *Окружной Суд*; ибо Государство, принимая на себя исполнение приговора общины, должно быть обеспечено, что это точно воля Мира; и так требовать, что бы весь окружной Мир судил всякий раз эти вины и преступления, было бы для Мира отяготительно, то и устраивается в Округе (согласно с древними уставными грамотами) выборный от Мира же Окружной

* Жалоба крестьянина постороннего, в состав этого Мира не входящего, не принадлежит к этому Миру, есть уже жалоба — не на Мир — а на деревню такую-то, на такую-то Волость и проч.

Суд, состояний из Окружного Старосты и двух Судей и двух судебных мужей, — о чем было уже говорено подробно.

Вот и все.

Доклад Административного Отделения № 8

(Высоч. утв. 19 Фев. 1861 г. Положение о крест. вышед. из креп. завис. Об. Полож. Разд. II, гл. 6-ая)

Перед нами 8 доклад Админ. Отд. — Отношения помещиков к сельским обществам — вопрос чрезвычайно важный.

Административное Отделение начинает, как обыкновенно, с мнений Комитетов, приводит мнения Губернаторов и пр. и пр., и наконец, доходит до своих *Соображений*.

В этих своих Соображениях Административное Отделение на своем Петербургском языке, ломая и съедая слова, а иногда произнося слова вовсе ненужные, высказывает, однако, как кажется, мысль хорошую, именно: что помещик не может быть начальником крестьянского общества и не должен иметь права вмешательства в общественные дела. Это совершенно справедливо*. Мысль эта, конечно, обставлена такими выражениями, как «столкновение между следами прошедшего и *предвестными* признаками будущего», выражениями, как: выполнение только буквы программы... при отыскивании исхода *в области развития* (как тут попала *область развития!*) «без путеводных указаний, предположения Комитетов могли бы только случайно сойтись с предначертаниями Правительства». Хорошо также следующее выражение. Вот оно целиком:

«К этим убеждениям Административное Отделение пришло после тщательного изучения представленных проектов и *по сознанию о том*, что Губернский Комитеты находились в затруднительном положении, в круге, начертанном еще *до возбуждения вопроса о выкупе крестьянами поземельных угодий*».

Хорошо здесь: *по сознанию*. Административное Отделение любит слог высокий и очень любит слово: *сознание*. Предмет сознания на сей раз для него был, что Губернские Комитеты находились

* Впрочем, при рассмотрении Проекта Положения в Госуд. Совете эта часть подверглась изменению. Именно в ст. 148 и 149 Раз. II-го Общ. Пол. Сказано, что «помещик есть Попечитель сельского общества» и «имеет право надзора за охранением общественного порядка».

в затруднительном положении. Работать тут сознанию. Конечно, особенно, было не над чем. Но Административное Отделение постоянно, кажется, воображает себя в области развития. Не хотело ли Административное Отделение сказать, что оно не создало, а создалось?

Впрочем, как бы то ни было, хотя и в нестройной куче слов, высказывается добрая, впрочем, отрицательно добрая, мысль. Мысль эту Административное Отделение высказывает не точно, не ясно, не ощутительно. — В окончании своих соображений оно приходит к трем положениям. Вот его слова:

1) «Упрочить за крестьянскими обществами независимое распоряжение внутренними делами своими, сохранив за ними неприкосновенным право иметь начальниками людей, из среды своей избираемых. В этом упрочении самостоятельности и силы сельских учреждений заключается, в случае выкупа с содействием казны, гарантия и для Правительства в исправном поступлении тех платежей, в которых оно примет на себя поручительство перед помещиками».

2) «Указать на сохранение за помещиком тех прав, которые могут служить к ограждению его землевладельческих интересов и споспешествовать свободе его действий в полезном для общества направлении».

И 3) «Представить крестьянину возможность находить в помещике, когда сей последний изъявит на то свое согласие, защиту от возможных притеснений».

Здесь важнее всего положение 1-ое. Мы бы желали понять оно как полное устранение помещика от вмешательства в дела крестьянские. — Но сказано это, по обычаю, не ясно, не точно. Можно усомниться.

И в самом деле, в своих заключениях Административное Отделение вдруг принимает несколько пунктов, которые ясно показывают, что он, помещик, не устранен от вмешательства в крестьянские дела — и связывает их ход и быт крестьянский, становясь каким-то надзирателем, нравственным наставником крестьян. Вот эти места:

5) «Ни один крестьянин не может, даже и по Мирскому приговору, быть назначен местным учреждением к отдаче в рекруты между наборами или к удалению из имения без предварительного истребования отзыва о том самого владельца»⁸³.

Вот уж помещик может если не помешать, то затруднять действие крестьян, желающих удалить из среды себя какого-нибудь негодяя.

8) «Помещик по делам, касающимся сельского благоустройства и порядка, делает старосте напоминания, указывая ему на статью Сельского Устава, которой он должен руководствоваться. Если Староста допустит беспорядки, утаит или оставит без преследования преступление и не будет обращаться должного внимания на замечания помещика, то сей последний обращается, по своему усмотрению, или к волостному Старшине, или к тому местному учреждению или лицу, которое указано будет Положением, а они немедленно выполняют все законные его требования»*.

По этому пункту помещик становится, как сказали мы, каким-то деревенским надзирателем и наставником, и сверх того ему открывается обширное поле для придирок и кляуз.

Наконец, 12) «Помещику принадлежит (но не вменяется в обязанность) попечительство над школами, богадельнями, больницами и прочими благотворительными заведениями, состоящими в сельских обществах, водворенных в его имении»⁸⁴.

Это значит, что помещик может и не брать этого попечительства, но когда захочет, то это попечительство ему принадлежит. — Здесь опять вмешательство помещика: он может путаться, таким образом, в общественные крестьянские дела, а, следовательно, и путать их.

Все эти соприкосновения, допускаемые Административным Отделением, всякое признание вмешательства помещичьего в дела и быт крестьянский, никуда не годятся.

Итак, Административное Отделение признает, кажется, начало, невмешательства помещичьего, но тут же ограничивает это начало разными условиями, и, следовательно, признает не совсем.

Но как бы то ни было, Административное Отделение, хотя неясно, неточно, неопределенно, хотя с разными ограничениями, но признает начало невмешательства помещика в общественные дела крестьянские. Такого признания, конечно, недостаточно, и мы им довольны быть не можем⁸⁵.

Теперь предложим наше собственное мнение о будущем отношении помещика к крестьянами, как мы оное понимаем...⁸⁶

* В ст. 153 Об. Пол. Разд. II сказано, что в случае злоупотреблений и неисправного исполнения своей должности Старостою, «помещик имеет право требовать смены его; для сего он обращается к Мировому Посреднику, который» и проч.

Комментарии

¹ ЗАПISКА К.С. АКСАКОВА
«О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ»,
ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ II в 1855 г.

Записка, написанная в 1855 г., предназначалась для нового российского императора Александра II. Впервые была опубликована в 1881 г. И.С. Аксаковым в разделе «Политическое обозрение» газеты «Русь» (Первые 8 частей «Записки» в № 26. С. 11–15; части «Записки» с 9 по 12 в № 27. С. 17–20).

Печатается по: *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мыркова, Е.Б. Фурсова]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 227–251.

² *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578–1642) — князь. В 1598 г. стряпчий и член Земского собора, с 1602 г. стольник, с 1613 г. боярин. В 1608–1610 гг. сторонник Василия Шуйского в его борьбе с Лжедмитрием II. С 1610 г. воевода в Зарайске. Участник Первого ополчения 1611 г. С октября один из руководителей Второго ополчения 1611–1612 гг. и Земского правительства. В 1615 г. руководил боевыми действиями против польских интервентов, в 1618 г. участвовал в отражении похода войска польского королевича Владислава к Москве. В 1617–1640 гг. возглавлял ряд приказов, участвовал в переговорах с английскими, польскими и крымскими послами, был воеводой в Новгороде (1628–1630).

³ *Минин* Кузьма (Козьма) Минич (?–1616) — нижегородский посадский человек. Был «говядарем», т.е. мясником и считался очень авторитетным человеком в Нижнем Новгороде. С сентября 1611 г. — земский староста. Инициатор и один из руководителей Второго ополчения 1611–1612 гг., соратник князя Д.М. Пожарского. В сражениях за Москву против польского гарнизона проявил личную храбрость. В 1612–1613 гг. вместе с князем Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским — член земского правительства («Совета всей земли»), где занимался финансово-хозяйственными вопросами. После избрания в 1613 г. царем Михаила Романова Минин получил чин думного дворянина и вотчину в селе Богородском под Нижним Новгородом с девятью деревнями «в род неподвижно», вошел в состав Боярской думы.

⁴ Избрание на царство первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича состоялось 21 февраля 1613 г.

⁵ *Михаил Федорович Романов* (1596–1645) — царь (1613–1645), основатель династии Романовых. Избран Земским собором на царство в 16 лет. В первые годы правления Михаила Федоровича (1613–1619) реальная власть находилась у его матери и Салтыковых, в 1619–1633 гг. фактическим правителем государства был его отец — патриарх Филарет, носивший титул «Великого Государя». В 1625 г. Михаил Федорович принял титул «Самодержца Всероссийского». При двоевластии государственные грамоты писались от имени Государя Царя и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

⁶ *Анна Иоанновна* (1693–1740) — российская императрица с 1730 г. Дочь царя Ивана V Алексеевича и П.Ф. Салтыковой, племянница Петра I. После смерти императора Петра II Верховный тайный совет 19 января 1730 г. принял решение пригласить Анну Иоанновну на престол при условии подписания ею «пунктов» (так называемых кондиций), ограничивающих самодержавную власть. 28 января 1730 г. в Митаве Анна Иоанновна подписала «пункты», которые были оглашены

в Кремлевском дворце 2 февраля 1730 г. на собрании высших военных, гражданских и придворных чинов. 15 февраля Анна Иоанновна прибыла в Москву, где 25 февраля в Кремлевском дворце приняла представителей оппозиции Верховному тайному совету (А.М. Черкасский, В.Н. Татищев, А.Д. Кантемир и др.), вручивших ей челобитную от дворянства о восстановлении самодержавной власти, и разорвала «кондиции».

⁷ Раскол — отделение от Русской Православной Церкви части верующих, не признавших церковные реформы 1653–1656 гг. патриарха Никона (1605–1681).

⁸ Библ. «...Царство Мое не от мира сего» (Иоан. 18: 36).

⁹ Библ. «...Царствие Божие внутрь вас есть» (Лук. 17: 21).

¹⁰ В науке права «смешанная» конституция или конституция смешанного типа — означает частично писаную конституцию, включающую парламентские законы, судебные прецеденты, обычаи и доктринальные толкования, которые определяют порядок формирования и полномочия органов государства, принципы взаимоотношений государственных органов между собой, а также государственных органов и граждан. Однако К.С. Аксаков имеет в виду прежде всего принцип смешанного правления, утвердившийся в Англии, когда три возможных «чистых» формы политического управления — монархия (власть одного), аристократия (власть немногих), демократия (власть большинства) — были «смешаны» в треугольнике палата общин — палата лордов — монархия, с тем чтобы представлять и уравнивать разные социальные интересы и слои.

¹¹ Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах. В Афинах около середины VII в. до н.э. коллегия архонтов состояла из девяти лиц. В V в. до н.э. утратили свое значение.

¹² Individu — субъект (*фр.*).

¹³ Строки из произведения Ломоносова «Ода на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Федоровича» (1743).

¹⁴ Так, например, в тексте первой трети XIX в. «Собрание от святого писания об антихристе» о Петре I сказано: «...таким же лжехристос, восходя на себя славу Сына Божия превысочайшую, именовася Петр Первый, и прочие по нем тако же именуются. И паки именовася Божеством России, яко же свидетельствует книжка “Кабинет Петра”, лист 2: “Он Бог твой, о Россия! Он члены взял в тебе плотския, сошед к тебе от горних мест”; ибо он древний змий, Сатана, прелестник, свержен бысть за свою гордыню от горних Ангельских чинов, сошед по числу своему ббб, взяв члены себе плотския, яко же Св. пишут Ефрем и Ипполит: “Родится сосуд скверный от жены, и Сатана в него вселится, и начнет творити волею своею»» (URL: [http://www.staropomog.ru/posl.vrem\(5\)/sobranie_svpisaniya.html](http://www.staropomog.ru/posl.vrem(5)/sobranie_svpisaniya.html)).

¹⁵ Библ. «...ибо нет власти не от Бога» (Рим. 13: 1).

¹⁶ В 1660 г. царь Алексей Михайлович собрал «гостей» и высшие слои московского купечества по вопросу о борьбе с хлебной дороговизной.

¹⁷ Иго было окончательно свергнуто в 1480 г. после отказа великого князя московского Ивана III Васильевича платить Орде ежегодную дань (1476) и вызванного этим неудачного похода на Русь хана Большой Орды Ахмата («Стояние на р. Угре» 1480 г.).

¹⁸ Имеется в виду присоединение при Иване IV Грозном (1530–1584) Казанского, Астраханского и Сибирского царств.

¹⁹ Малороссия — название в официальных документах восточной части Украины, расположенной на левом берегу Днепра; вошла в состав Русского государства после Переяславской Рады 1654 г.; статус окончательно был закреплен договором о вечном мире 1686 г. между Россией и Польшей. Правобережная Украина была присоединена к России в 1793 г.

²⁰ Соборное Уложение 1649 г. — первый в русской истории печатный свод законов Русского государства, принятый на Земском соборе, созванном 16 июля 1648 г., и действовавший вплоть до 1832 г. Не имел аналогов в европейской практике своего времени.

²¹ «Орел» — первый русский двухпалубный военный корабль, был построен в 1669 г. на верфи, расположенной в селе Дединово на левом берегу р. Оки при впадении в нее Москвы-реки.

²² *Симеон Полоцкий* (в миру Петровский-Ситнианович Самуил Емельянович) (1628–1680) — церковный деятель, богослов и писатель. Учился в Киево-Могилянской коллегии, принял монашеский постриг с именем Симеона. Преподавал в братской школе в Полоцке, где познакомился с Алексеем Михайловичем при посещении царем этого города в 1656 г.

По прибытии в Москву (1666) жил в Заиконоспасском монастыре, обучая там государевых подьячих. С 1667 г. занимался воспитанием царских детей. В этом же году по его инициативе в Москве было основано первое в России всесловное высшее учебное заведение под названием «Эллино-греческие школы» (на основе Типографской школы в Заиконоспасском монастыре). Полоцкому же приписывается авторство первоначального проекта Устава («Привилеи») академии, представленного на утверждение Федора Алексеевича в 1682 г. учеником и преемником Полоцкого Сильвестром Медведевым.

²³ В 1681–1682 гг. собраны были выборные от служилых людей, которым было предложено обсудить новый воинский устав; на этом собрании была проведена отмена местничества; тогда же выборные от тяглых людей обсуждали вопросы податного обложения.

²⁴ *Екатерина I Алексеевна* (Марта Скавронская) (1684–1727) — императрица с 1725 г., вторая жена Петра I, мать императрицы Елизаветы Петровны. Возведена на престол гвардией во главе с А.Д. Меншиковым, который стал фактическим правителем государства.

²⁵ *Елизавета Петровна* (1709–1761) — российская императрица с 1741 г. Вступила на престол в результате дворцового переворота, с помощью гвардии свергнув и заточив в крепость малолетнего Ивана VI Антоновича.

²⁶ *Петр III Федорович* (1728–1762) — российский император в 1761–1762 гг., был свергнут с престола женой — будущей императрицей Екатериной II, опиравшейся на гвардию, Г.Г. и А.Г. Орловых и др.

²⁷ Имеется в виду восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге.

²⁸ Речь идет о Московском восстании 1682 г. (по имени князя И.А. Хованского, руководителя стрелецкого движения, начальника Стрелецкого приказа, восстание получило название «Хованщина», в нем участвовали стрельцы и старообрядцы) и Стрелецком восстании 1698 г. (когда около четырех тысяч московских стрельцов сместили своих начальников и отправились к Москве, где установили связь с царевой Софьей Алексеевной, готовившей дворцовый переворот, однако были разбиты под Новоиерусалимским монастырем 18 июня; в течение года было казнено 1182 стрельца и сослан 601, а следствие и казни продолжались до 1707 г.).

²⁹ Даточные (даточные люди) лица из тяглого населения в России XV–XVII вв., отданные на пожизненную военную службу, поставка которых наряду с городовым, острожным и ямским делом была одной из наиболее тяжелых личных повинностей, ложившихся на крестьянские и посадские общины.

³⁰ Кабальные записи — записи, закрепляющие состояние кабального холопства. Кабальные холопы — в Русском государстве XV — начала XVIII в. — бывшие свободные люди, ставшие временными холопами до отработки взятого в долг денежного займа.

³¹ Имеются в виду события «пугачевщины» — крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством донского казака Емельяна Ивановича Пугачева (1740 или 1742–1775), который выдавал себя за императора Петра III.

³² Цензура (*лат. censura*) — система государственного надзора (обычно в виде предварительного просмотра) за содержанием печатных изданий, театральных постановок и т.п. — в России возникла в начале XVIII в. Делилась на общую (внутреннюю и иностранную) и ведомственную (духовная, военная, театральная и др.). Традиционно цензура вверялась Министерству народного просвещения, а руководило ее деятельностью Главное управление цензуры. «В помощь ему и для высшего руководства цензоров» утверждался Верховный цензурный комитет, состоявший из министров народного просвещения, внутренних и иностранных дел, местные цензурные комитеты — в Москве, Дерпте и Вильно. Право на цензуру, кроме того, оставалось за духовным ведомством, академией и университетами, некоторыми административными, центральными и местными учреждениями (к 1860-м гг. насчитывалось 22 специальные цензуры). Деятельность этих учреждений в 1804–1865 гг. регулировалась цензурными уставами. Так, наиболее развернутый цензурный устав 1826 г. трактовал принципиальные задачи цензуры следующим образом: цензура должна контролировать три сферы общественно-политической и культурной жизни общества: 1) права и внутреннюю безопасность; 2) направление общественного мнения согласно с настоящими обстоятельствами и видами правительства; 3) науку и воспитание юношества; цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы «произведениям словесности, наук и искусства при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление».

³³ ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАПИСКЕ

«О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II КОНСТАНТИНОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ АКСАКОВЫМ

Впервые: *Аксаков Константин*. Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России, представленной Государю Императору Александру II Константином Сергеевичем Аксаковым // Русь. М. 1881. № 28. Политическое обозрение. С. 12–14.

Печатается по: *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мыркова, Е.Б. Фурсова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 252–258.

³⁴ В перепечатке аксаковской работы, которую осуществил Н.Л. Бродский ([Аксаков К.С.] Дополнение к «Записке» // Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы / Сост. Н.Л. Бродский (Историко-литературная библиотека. Выпуск V). М., 1910. С. 97–102), начало текста, названное составителем «небольшим предисловием», отсутствует.

³⁵ Таковая подписка взята была с Хомякова. Отец автора «Записки», больной старик, почти не выезжавший из дому и отпустивший себе бороду, также был обязан подпиской у себя на дому: «бороду сбрить и впредь оную не отпускать». — *Прим. И.С. Аксакова.*

³⁶ ЗАМЕЧАНИЯ НА НОВОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ
УСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯН В РОССИИ

Впервые: *Аксаков К.С.* Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг: У Франца Вагнера, 1861. С. 16–115.

Печатается по: *Русская социально-политическая мысль XI – начала XX века. К.С. Аксаков: Учебное пособие / Под общ. ред. А.А. Ширинянца; сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянца, А.В. Мыркова. М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2011. С. 145–183.*

Лейпцигская публикация рукописи Аксакова была предварена следующим предисловием издателей: «Хотя замечания покойного К.С. Аксакова писаны были еще в 1859 году, до обнародования ныне действующего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, Высочайше утвержденного 19 Февраля 1861 г.; однако они оттого нисколько не теряют современного значения, во-первых потому, что разбираемые им статьи проекта редакционных Комиссий вошли, почти вполне, в Положение и получили принудительную силу закона; во-вторых потому, что заключают в себе положительное, так сказать догматическое изложение общих коренных начал Русской народной жизни, которая постоянно и во всем, большею частью несознательно, а иногда и умышленно, насилуются Петербургскою Бюрократией. — Читатель увидит, какою пламенною любовью к народу, какою неутомимою ревностью в охранении прав народной самобытности от всякого правительственного посягательства, какими возвышенными нравственными стремлениями — был постоянно воодушевлен, так рано похищенный смертью, автор этих замечаний. Мы вполне убеждены, что обнародование мыслей К.С. Аксакова, ревностного поборника освобождения крестьян, о современном новом административном их устройстве — полезно и для правительства и для общества и для самого народа, — но к несчастью благонамеренность правительства еще не простирается до решимости дать свободу Русскому печатному слову, еще не в состоянии уразуметь своих истинных пользы выгод. Между тем время не ждет; доброе слово, сказанное во время и кстати, вдвое сильнее и вернее достигает цели, а потому, как это ни неприятно семейству автора, мы решились напечатать рукопись за границей. — Скажем несколько слов о происхождении самого труда.

В октябре 1857 года последовали первые Высочайшие рескрипты дворянству — об учреждении Губернских Комитетов для составления проектов об освобождении крестьян из крепостной зависимости. При этом указаны были некоторые главные начала, обязательные для составителей проектов. К этому времени относится, помещаемое нами в челе книги, письмо К.С. Аксакова к Хомякову. — В 1859 году учреждены были в Петербурге под председательством генерала Ростовцева, Редакционные Комиссии — с целью рассмотреть проекты Губернских Комитетов и составить один общий окончательный проект. Эти Комиссии разделялись на разные Отделения: административное, хозяйственное, юридическое и проч. Каждое Отделение выработывало проект по своей части и составляло “Доклады”, которые потом обсуждались в Общем Присутствии Комиссий. Эти доклады и журналы Общего Присутствия печатались, и хотя не были пускаемы в продажу, однако были довольно распространены в публике. Впрочем, были приняты строгие меры, чтобы охранить их от печатной литературной критики, и в литературе всякие толки по крестьянскому вопросу поневоле вскоре замолкли.

Кроме членов-чиновников, в Редакционные Комиссии были приглашены Члены-эксперты из неслужащих помещиков. К одному из них относится другое письмо, нами помещаемое. Затем К.С. Аксаков приступил к подробному рассмотрению докладов Административного Отделения Редакционных Комиссий и со-

общал свои замечания знакомым в Москве и Петербурге. Некоторыми, впрочем очень немногими, из его указаний Члены Ред. Комиссий воспользовались при окончательной редакции или “кодификации” своего проекта, но вообще говоря — замечания К.С. Аксакова могут в равной силе относиться к ныне действующему положению. Мы старались как можно тщательнее привести в соответствие: замечания автора и статьи Высоч. Утв. Положения. — Против каждого пункта “доклада” разбираемого автором, сделаны ссылки на параграфы положения, и большая часть из них приведена в подлинник.

Болезнь, а потом и кончина не дали довершить К.С. Аксакову свой полезный труд. Он остановился на 8-м Докладе. Впрочем, рассмотренные им Доклады обнимают собою почти все ныне действующее Законоположение об административном устройстве крестьян, и основная мысль самого автора высказана довольно полно и ясно.

Мы надеемся, что ни Правительство, ни бывшие члены Редакционных Комиссий, если только они истинно любят правду и желают блага России и Русскому народу, не посетуют на нас за обнаружение этих замечаний» (Предисловие // Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861. С. 5—8).

Текст аксаковских «Замечаний...» предваряла также публикация писем К.С. Аксакова к А.С. Хомякову (1857) и к Н.Н. (1859).

³⁷ Редакционная Комиссия впоследствии изменила свое мнение и в ныне действующем положении разделения между поземельной общиной и сельским обществом уже не находится, а каждое селение признано за нераздельную хозяйственную и административную единицу. Но так как самая точка отправления составителей Положения, против которой восстает К.С. Аксаков, осталась та же, то, поправив одну ошибку, они впали в другую, т.е. лишили деревенский мир той свободы, которую предоставляли прежде поземельной общине, и подчинили сполна регламентации как административную единицу (Общ. Полож. Разд. II, гл. 1 и 2). — *Здесь и далее примечания лейпцигских издателей.*

³⁸ Разделение, признаваемое и в этом случае, показывает, что под поземельной общиной не разумеется деревня, ибо если поземельная община может совпадать с размером сельского общества, то может тогда состоять из нескольких деревень, имеющих общий поземельный надел. Как же будет относиться к этой поземельной общине одна из деревень, ее составляющих? Как зависимая часть к целому, конечно. В таком случае это стесняет самостоятельность деревни и ясно показывает, что деревня и поземельная община — не одно и то же.

³⁹ *Sehnsucht* (нем.) — страстное желание, стремление.

⁴⁰ Напротив того, в «Положении» частный или сельский мир (сход) регламентирован до малейших подробностей. Предметы его ведения определены в числе 18 пунктов, ни более ни менее (Общ. Полож. Разд. II, глава 2, § 51).

⁴¹ В «Положении» приняты названия: *Сельский Сход и Волостной Сход.*

⁴² Напротив того в “Положении” сказано, что сельский сход может совещаться и постановлять приговоры только по предметам, исчисленным в § 51; в противном случае приговор почитается ничтожным, а лица, участвовавшие в составлении оного или в самовольном созвании схода, подвергаются взысканию (Общ. Полож. § 51, прим. 3). На этом основании и приговоры о воздержании от вина в подрыв винным откупщикам не должны иметь места, ибо не подходят ни под один пункт предметов совещания, исчисленных в § 51! Известно, что мерами Правительства в 1859 и 60-х годах все попытки крестьян к искоренению пьянства были уничтожены в самом начале, под предлогом, что сельским обществам (казенных крестьян) не предоставлено права составлять об этом приговоры и созывать сходы.

⁴³ Напротив того, по «Положению» не только не предоставлено этого права сельскому обществу, но и определено: какие лица могут и какие не могут быть избираемы.

⁴⁴ Этой свободы не предоставляется по «Положению». Во все время существования срочно-обязанных отношений, т.е. до тех пор, пока крестьяне не выкупятся, староста, избранный миром, может быть по требованию помещика сменен мировым посредником; приговор мирской может быть помещиком остановлен в исполнении, и т.д. (Общ. Полож., § 153 и 160).

⁴⁵ Общ. Полож. Разд. II, гл. 1, § 43. «Для волости полагается наименьшее число жителей около трех сот ревизских м.п. душ, а наибольшее около двух тысяч. Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около двенадцати *верст*». Допускаются отступления, с разрешения Начальника Губернии.

⁴⁶ Общ. Полож. Разд. II, гл. 1, § 44. «При образовании волостей принимается в соображение нынешнее разделение на приходы, т.е. из каждого прихода образуется волость, если только приход соответствует условиям в 43 ст. постановленным. При малочисленности прихода соединяются в одну волость два или несколько приходов, но при сем приходы не раздробляются». Отступления допускаются с разрешения Начальника Губернии. — Из этого видно, что мысль о непременном делении волостей по приходам была отвергнута самой Комиссией при окончательной редакции «Положения».

⁴⁷ Это мнение Администр. Отделения совершенно изменено в «Положении», именно в § 45 (Разд. II, гл. 1) мы читаем: «Значительное селение, хотя бы оно превышало высший размер числа душ, назначенный для волости, и состояло из нескольких приходов и нескольких сельских обществ, составляет, во всяком случае, одну волость». — Здесь встречается уже другая крайность: не предполагается даже и возможность разделения, допускаемой автором «Замечаний» в случае, если селение искусственно соединено в одно целое помещичьей властью.

⁴⁸ Об этом праве в ныне действующем «Положении» не упоминается.

⁴⁹ Указ Прав. Сенату 19 Февр. 1861 г. п. 6. — Предположение Адм. Отд. получило силу закона и приведено было в исполнение.

⁵⁰ Мы уже видели, что на основании «Положения» учреждаются «Сельские Общества» и «Волости». В § 40 сказано: «Сельское Общество составляет из крестьян, водворенных на земле одного помещика: оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, и пр. Таким образом, Сельское Общество есть Частный Мир, а Волость — Общий Мир».

⁵¹ Общ. Полож. Разд. II, гл. 3, § 81: «Волостной Старшина отвечает за сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости. В этом отношении ему вполне подчиняются сельские старосты». § 82: «Ведомству волостного старшины подлежат сельские общества, к составу волости принадлежащие, и, вообще лица, состоящие в ведении сельского управления тех обществ». — § 84: «Волостной старшина обязан... (пункт 5) наблюдать за сельскими старостами».

⁵² Общ. Полож. Разд. II, гл. 3 § 87: «Волостное Правление восставляется из старшины, всех сельских старост или помощников старшины, и из сборщиков податей, где они есть».

⁵³ Согласно с замечанием К.С. Аксакова, в Общем Положении, против доклада Адм. Отд. сделано следующее добавление, — именно в примечании к § 87 (см. предшествующую выноску): «Предоставляется волостному сходу по собственному его усмотрению избирать для присутствия в волостном правлении одного или двух особых заседателей, если сход найдет это необходимым, с тем, чтобы сии заседатели могли заменить в правлении Сельских старост».

⁵⁴ См. Общ. Полож. Раздела II Главу 27, Отд. I о сельских сходах; Главы 3, Отд. I о волостных сходах и весь этот раздел.

⁵⁵ В письме своему товарищу Ю.Ф. Самарину, который в июне—июле 1859 г. активно участвовал в работе Редакционных комиссий, Аксаков писал: «Я прочел доклад Административного Отделения N. 5, — и пришел в ужас (см. ниже Замечания на доклад Адм. Отд. № 5. Проект Адм. Отд. в этом докладе, вошел за немногими изменениями в Высоч. утв. 19 Февр. 1861 года Полож. о крест. вышедш. из креп. зависимости. — *Прим. изд.*). Дух жизни Русского народа преследуется в последнем его убежище от Государства. — Когда разнеслась весть об эмансипации, я писал к Хомякову, что кому принесет она положительную пользу, так это помещикам; за них можно было положительно радоваться и поздравлять их с избавлением от безобразного и безнравственного их права; но что касается до крестьян, то здесь надежда на лучшее казалась мне не вполне верною. — Помещичья власть — в некоторой части имений барщинских и в имениях чисто-оброчных вообще — служила для крестьянина как бы стеклянным колпаком, избавляющим их от Государственной регламентации, от *наружного административного благоустройства*. Под защитою этих стеклянных колпаков жила жизнь нашего народа во всей самобытности своих начал, при отсутствии той чуждой нашему духу *определенности*, которая равняется *ограниченности* и уродует живое, изнутри образующее себя, начало. Здесь-то (в оброчных имениях Ярославской, Вологодской губернии, например), являлся мир не Киселевский, не устроенный каким-нибудь господином, ничего не разумеющий в Русской жизни, мир сам себя составляющий, сам себя определяющий, с своим единогласием и с своею окончательною верховностью. Когда же эмансипациею вместе с уничтожением благо противного помещичьего права, будут разбиты и эти, по местам встречающиеся, крышки, под которыми спасалось начало Русской жизни, Русской общины (не Киселевской), — я боялся, чтобы государственность учреждений не легла всем гнетом на бедных крестьян. Но вот вызваны были в Петербург вы и Н. Вы заседаете в Административном Отделении. Можно было думать, что Русской народ в вас найдет хотя какую-нибудь защиту. — Явился доклад Административного Отделения N. 5: о *сходах*, подписанный вами (см. Общ. Пол. Разд II., Гл. 2, отд. I-ое о сельских сходах. И Гл. 3., отд. I, о волостных сходах. — *Прим. изд.*). Что же видим мы в этом докладе?

Ни более, ни менее, как совершенное нарушение всей сущности Русского общинного начала, полнейшее истязание мира, уничтожение всей самобытной общественной свободы Русского народа и предоставление ему, на чужой образец составленного, подобия *гражданских* общественных прав. Самостоятельность, жизнь, принцип — все выкидывается вон — и что же остается? — Чисто механическое, совершенно бесполезное существование уже не общества, а известного множества людей.

Вы предоставляете себе определить: когда *Мир* есть *Мир*. (Общ. Пол. Разд. II., ст. 52: “решения сельских сходов признаются законными тогда только, когда на сходах были сельский староста или заступающий его место и *не менее половины всех крестьян*, имеющих право участвовать в сходах, и когда они относятся до предметов, исчисленных в 51 статье”, — Прим. 3 к ст. 51: “Сельский сход *может* (?) совещаться и постановлять приговоры *только* по предметам, в этой статье исчисленным”. В противном случае приговор уничтожается, и “лица, участвовавшие в составлении одного или в *самовольном* (?) созвании схода” подвергаются наказанию. Сельский сход созывается старостою, мировым посредником, или помещиком (ст. 49). — Такая же регламентация узаконена и для волостного схода с тою разницею, что для действительности решений волостного схода нужно “не менее двух третей крестьян *имеющих голос на сходе*”. Волостной сход составляется

из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, по одному от 10 дворов (ст. 71, 79).

В ст. 53 сказано: “За каждым крестьянином, который участвует в сходе, считается *один голос*”. Какое неожиданное открытие для крестьян! И в то же время это формулирование существующего живого обычая — посягая на свободу Мира, дает место лжи и неправде. (Напр. человек глухой, безнравственный, по Положению, имея право голоса, может перетянуть число голосов на сторону неправильного решения; между тем в настоящем живом “мире” — такой человек, хотя бы и явился на сходку и участвовал в ней, не имел бы влияния на решение дела: голос его не уважается. — *Прим. изд.*) Первый *pop sens* и первая дерзость против народа. — Когда Мир признает себя миром, тогда он и Мир. Другого определения тут быть не может. Вы говорите: но в таком случае несколько лиц могли бы решить дело всего общества. — Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Поверьте, уж оно само позаботится, чтоб несколько человек не решали за него дел. Хорош Мир, когда не сам себя признает и определяет. Предоставьте что-нибудь человеку самому. Ведь вы не со скотами имеете дело, а напротив с народом, который в общественном деле смыслит гораздо больше вас, членов благородного дворянского собрания с правом голоса и шара на знаменитых дворянских выборах. — Пожалуй, Перовский дошел же до того в образцовых селах, что даже расставил в избе крестьянина всю его утварь; так что ведро должно стоять на этой, а ухват на этой стороне: за не соблюдение благодетельного порядка — палка.

Но далее: посягнувши на самостоятельность самого мира, вы посягаете на самостоятельность его решения. Вы осмеливаетесь определять ему, что такое есть его собственное решение, осмеливаетесь наступить на то начало, которое составляет самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласие. Вы вводите большинство, ту дикую, материальную силу, которая, большею частью из чувства рабского подобострастия перед Европою, не признается нами за такую, — большинство, столь противное духу Русской земли (Вероятно вследствие замечаний К.С. Аксакова, Редак. Комиссия, при окончательной Редакции положения, допустила некоторое изменение, именно в ст. 53 положения сказано: “Все дела на сельском сходе решаются: или с общего согласия, или большинством голосов. За каждым крестьянином, который участвует в сходе, считается один голос”. Ст. 54: Для решения некоторых дел (исчисленных в 5 пунктах) требуется не менее двух третей голосов. Впрочем, не смотря на выражение, допущенное в 53 статье (или с общего согласия), в статье 55 сказано категорически: “Прочие дела” (за исключением исчисленных в 54 ст. и требующих согласия двух третей голосов) решаются на сходах по приговору тех крестьян, на стороне которых по счету окажется хотя бы одним голосом более половины всех участвующих в сходе; если же сход разделится на две половины, равные по числу голосов, то большинство считается на той стороне, с которою согласится староста. — Нет сомнения, что когда мировому посреднику, помещику, или старосте понадобится согласие схода на какое-нибудь неправое решение, то они будут всегда прибегать к решению не по общему согласию, а по количественному расчету голосов: отдельные личности можно всегда запугать или подкупить. (Следовательно, здесь само правительство навязывает народу возможность лжи под личиною формальной правды. — *Прим. изд.*)

— Запустив руку прямо в душу Русского человека, вы идете еще далее. Вы говорите, что на мирской сходке первое лицо — староста. *Когда Мир собран, то первое лицо здесь одно: Мир*, а другого нет и быть не может. Какой тут староста на миру! Мир разошелся — староста опять явился. Хорош Мир на котором есть начальник, или по крайней мере первое лицо и распорядитель вы говорите: “первое место на сходах и охранение на них должного порядка принадлежит старосте”. (Точно те же выражения вошли в ныне действующее Высоч. Утв. Положение.

См. об. Пол. Разд. II, § 48. — *Прим. изд.*) Итак, староста будет распоряжаться совещанием. Широкое поприще открывается старосте через *охранение должного порядка!* Мало ли что может показаться ему нарушением порядка! — Мир под предводительством, под руководством старосты — Жалкой мир! И даже, в случае равенства голосов, на чьей половине голос старосты, та и права! — Что же это за мир? Да такого рода Мир можно найти в любом клубе, и в Английском, и в дворянском. — И все это извращение мира, все это нравственно-общественное обезображение делается ведь насильственно. Не та же ли это все Петрова палка, за которую взялись в сою очередь и вы? Это гораздо похуже насильственного брития бороды, к которому был так пристрастен Августейший цирюльник Отечества.

Таким образом, вы уничтожаете, убиваете нашу Русскую свободу, нашу общину, наш Мир, обращая его в какое-то жалкое подобие Дворянских выборов. Я уже не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобы крестьяне в нетрезвом виде на сход не допускались. (Это отменено и в Положении о недопущении пьяных не упоминается. — *Прим. изд.*) Предоставьте самому миру: кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основания, есть свой, тысячелетний обычай. Он допустит и не допустит, кого хочет; иного пьяного он прогонит, а иного пьяного, который скажет дело, выслушает. — Какая надобность тут еще соваться? И стоило ли бы кажется и говорить об этом? — Нет, элемент полицейской благопристойности так силен видно в администраторах, что они никак не могли при сей верной okazji не проявить его.

Вы скажете: “но как однако же узнать, что это решил точно *Мир*, и что он именно *так* решил?” Спрашивается: кому нужно узнать? Если самому миру, так он всего короче это знает; или, лучше, ему и узнавать нечего: *он* ли решил или нет; и *как* решил? А если Правительству нужно узнать, *по тем только делам, разумеется, в которых с Правительством соприкасается крестьянство* (например: кого отдать в рекруты), — для этого довольно выборных от крестьян, которые и заверят, что это решение мира. Если же (чего быть не может) кто бы нибудь из крестьян назвались выборными или сообщили бы небывалое решение мира, то потом пришлось бы этим крестьянам сильно поплатиться перед Миром. Но это случай, просто невозможный. Впрочем для большего удостоверения или для того, чтобы иметь у себя документ, Правительство может получать грамоту от мира за руками: вот все, чего может оно хотеть, — но не более. — Это делалось и в старину; в таких грамотах встречается и формула: “во всех крестьян место, по их велению, такой-то руку приложил” — Грамоты за руками встречаются в древней Руси во многих случаях: напр. При выборах в целовальники, в старосты и в Цари. — Да и чего вы боитесь? — Успокойтесь. Давно стоит *Мир*; у нас бывали самозванные Цари, а самозванца-мира не бывало.

Когда оставляет вас дух Русского народа, тогда вас оставляет и язык его. Что за смысл в выражениях: *Мирской сход* (Вследствие этих замечаний название Мирской сход переименован в Положении в Сельский. — *Прим. изд.*), *Волостной сход*? Почему Мир есть только сельское явление? Хотели ли вы сказать, что в волости собирается не Мир? — Нет, из ваших слов видно, что вы этого сказать не хотели. Какая путаница в понятиях происходит при таком употреблении слов. Вдруг Мир будет только в селе, а в волости Мира не будет. — Разве Мир значит только село? Уже говорили бы вы: *Сельский сход, Волостной сход*. — По понятиям Русского духа и языка, Мир может быть и вся Русь, Мир может быть и губерния, и волость, и деревня. Мир есть собрание народное большей или меньшей местности; Мир есть народ, как одно мыслящее, говорящее и действующее целое. Царь Алексей Михайлович, въезжая в Москву, *весь Мир* спрашивал о здоровьи. Говоря о совещании всенародном, бывшем о Царе Василии, Гермоген выражается: *весь Мир*. А по вашему не так: по вашему уже это было бы не Мир, а *Городской сход*.

Больно и отвратительно было мне читать 5. N. Доклада Административного отделения Редакционной Комиссии. И добро бы это были все Петербурцы, или Западники; а то тут — вы. К чему же было все дело наше, все изучение Русских начал, быта Древней Руси, крестьянского устройства? Неужели плод всего этого — несколько пустых фраз о самоуправлении общественном, о возможно большем устранении влияния администрации на мирские дела, — пустых фраз, повторяю: ибо тут же делается совсем другое.

— Вы подняли руку на народ: злое дело, худое дело! Вы посягнули на душу народа: это уже настоящее душегубство. Остается утешаться тем, что не всегда же Русская история будет сочиняться в Петербурге и что вам, господа, совершить душегубства над Русским народом — на деле не удастся.

Задумайтесь хоть на одну минуту...

Вы распинаете теперь Русской народ...

В моем письме секретов нет; можете показать мое письмо вашим товарищам и кому угодно. 1859» (Аксаков К.С. Письмо к Н.Н. // Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг: У Франца Вагнера, 1861. С. 7—16. В скобках даны примечания лейпцигских издателей).

⁵⁶ *conditio sine qua non* — неперемнное условие (лат.).

⁵⁷ Общ. Полож. Разд. II, § 55.

⁵⁸ Общего Положения Разд. II § 47, 51, 49, 51, 54, 55, 56, 57, 71, 76, 78, 79, 80. Вся проектированная Редакционной Комиссией регламентация *Мира*, Сельского и Волостного, вполне удержана в ныне действующем Положении и получила силу принудительного закона.

⁵⁹ Ныне действующего Общего Положения Разд. II, §111: «Из должностей крестьянского управления, одни замещаются *по выбору*, а другие по усмотрению общества, могут быть замещаемы или *по выбору*, или *по найму*». § 112: «*По выбору* замещаются следующие должности: 1) волостного старшины; 2) сельских старост; 3) помощников старшины; 4) сборщиков податей и заседателей волостных правлений, в тех обществах и волостях, которые признают нужным иметь особых сборщиков и заседателей; и 5) судей волостных судов».

⁶⁰ Почти те же выражения удержаны в § 113 Разд. II Общ. Положения.

⁶¹ В действующем Положении (см. Общ. Полож. Разд. II, § 58, 59, 60, 61, 63, 65) обязанности Сельского Старосты исчисляются в двух статьях в числе 16 пунктов, да потом еще в 4 статьях; обязанности Волостного Старшины исчисляются по пунктам в § 83 и 84 (в числе 18) и еще в § 85.

⁶² Ныне действующего Положения Разд. II (Общ. Пол.), § 118: «в должности волостного старшины, помощников его и сельских старост избирается по два лица, с тем, что одно из них назначается для отправления должности, а другое для временного заступления его места «и пр. § 114». В должности замещаемые по выбору не могут быть избираемы: 1) лицо моложе 25 лет; 2) люди, телесно наказанные по суду или оставленные судом в подозрении, а также состоящие под судом и следствием и заведомо развратного поведения. Причем волости старшина, очередные судьи, сельск. староста и сборщ. податей выбираются преимущественно из домохозяев. «§ 116»: с должностью волостн. старшины не допускается ни под каким предлогом соединение в одном лице других должностей «§119»: избранный обществом в какую-либо должность не имеет права от нее отказываться, за исключение некоторых случаев. §120: «Волостной Старшина утверждается в должности Мировым Посредником и приводится им к присяге на верность службе». По первоначальному проекту Редакционной Комиссии сельский староста также приводился к присяге.

⁶³ На основании Положения это правило принято только относительно волостного старшины. Прочие лица вступают в отправление должности немедленно по избрании (Там же § 120 и 121).

⁶⁴ Это воззрение выразилось в ныне действующем Положении следующим образом: §122: «Волостные Старшины, Сельск. Старосты и помощн. старшины, в случае неисправного отправления ими должностей или замеченных с их стороны злоупотреблений, окончательно удаляются от должности не иначе, как по постановлению уездн. Миров. съезда. Постановления съезда представляются на утверждение Начальн. Губернии. По причинам особенно уважительным Мировой Посредник может впредь до получения разрешения Мирowego съезда временно удалять означенных лиц от должности. Он может также своею властью сменить старосту и назначить нового, если помещик будет требовать этого, на основании 153 ст. сего Положения. Определение и увольнение всех прочих, непоименованных в сей статье должностных лиц предоставляется самому сходу: “В статье 153 сказано, что Миров. Посредник, удостоверясь в справедливости требований помещика, сменяет прежнего старосту и назначает нового по своему усмотрению, на все время, остающееся до истечения срока службы сменяемого. Впрочем, избрание нового старшины может, с согласия помещика и до истечения сего срока, быть предоставлено самим крестьянам”. § 129: “За преступления по должности все должностные лица волостн. и сельского управления судятся в уездн. суде, а предаются суду Миров. Посредником или непосредственно, или по решению Миров. Съезда”».

⁶⁵ Нисколько. Ни сельский, ни волостной сход об этом не спрашиваются.

⁶⁶ “*Eo ipso*” (лат.) само собой, безусловно.

⁶⁷ Так и по ныне действующему Положению: Общ. Пол. Разд. II, § 117.

⁶⁸ Так и по ныне действующему Положению. Общ. Пол. Разд. II, § 123.

⁶⁹ То же самое и по ныне действующему Положению с присоединением к означенным лицам помощников волостного старшины, Заседателей Волостн. Правления и Судей Волостн. Суда. См. Общ. Пол. Разд. II, § 124 и 2.

⁷⁰ На основании «Положения» вообще права судить и наказывать ни Сельскому, ни Волостному Сходу не предоставлено, по крайней мере, в исчислении предметов их ведения о том не упоминается (Общ. Пол. Разд. II, § 51 и 78), кроме приговоров об удалении из общества вредных и порочных членов. Право подвергать телесному наказанию не свыше двадцати ударов предоставлено Волостному Суду и Мировому Посреднику (Общ. Пол. Разд. II, § 102 и Полож. о Губ. и Уездн. По крестьянским делам учрежд. Ст. 32), причем назначено, кто подлежит и кто не подлежит телесному наказанию. Таким образом, уничтожая свободный обычай, государство здесь сам узаконивает и навязывает народу телесное наказание! Если число ударов рассматривать со стороны боли, которой правительство желает подвергнуть виновного (это *высшая* мера наказания, предоставленная Волост. Судам и Посредникам), то 20 ударов розгами этой цели не достигают; следовательно, правительство умышленно употребляет это как средство *позора* и в том случае поступает вдвойне безразлично.

⁷¹ «Все назначаемые по выбору должностные лица на время их службы увольняются лично от всяких натуральных повинностей, которые за них принимает на себя Общество» (Общ. Полож. Разд. II, § 124 п. 1). «Волостной старшина на время службы освобождается с семейством от рекрутской повинности» (§ 124 п. 3). «Волостной старшины, беспорочно прослуживший два трехлетия, освобождается лично навсегда от исполнения рекрутской повинности, а по истечении трехлетней *беспорочной* службы старшины льгота сия распространяется по его выбору на одного из его сыновей или родственников, или воспитанников» (§ 124 п. 4).

⁷² Вот в каком виде мнение Редакционной Комиссии выразилось в ныне действующем Положении: волостные старшины, помощники их и сельские старосты за *маловажные проступки по должности*, подвергаются взысканиям по распоряжению Мирowego Посредника. «Все начальствующие лица требования свои

о взысканиях с волостного старшины и сельского старосты, *по делам их ведомств*, заявляють мировому посреднику, который, по удостоверении в справедливости требования, делает, смотря по обстоятельствам дела, надлежащее по сему предмету распоряжение» (Общ. Полож. Раздел. II, ст. 124). «За важные проступки и преступления должностные лица предаются суду». Все прочие должностные лица за маловажные проступки по службе подвергаются взысканиям: сельские по распоряжению старосты, а волостные — Волостного Старшины». О более важных взысканиях сельский староста через волостного старшину, а старшина прямо от себя представляют мировому посреднику. «Жалобы от Обществ и крестьян на должностных лиц приносятся Мир. Посреднику. Жалобы на Сельских должностных лиц он рассматривает и решает сам, а на Волостных передает Уездн. Мир. Съезду». «Жалобы от всех прочих частных лиц, к крестьянскому обществу не принадлежащих, подаются по желанию их либо Волост. Суду, либо Мировом Посреднику, либо в общие Судебные места». «За преступления по должности все должностные лица волостн. и сельск. управления судятся в Уездном суде, а предаются суду Мировым Посредником: или непосредственно, или по решению Миров. Съезда» (Общ. Полож. Разд. II § 125, 126, 127, 128, 129).

⁷³ Посредником между помещиком и крестьянами по Положению служит мировой посредник. См. также Общ. Полож. Раздел. II, гл. 6 «о вотчинной полиции и попечительстве помещиков в сельских обществах временнообязанных крестьян».

⁷⁴ Это слово удержано и в Положении. См. Общ. Полож. Разд. II, гл. 3, Отд. 3: «О Волостном правлении». В ст. 87 сказано: «Волостное правление составляется из старшины, всех сельских старост или помощников старшины, и из сборщиков податей там, где есть особые сборщики». *Примечание.* «Предоставляется Волост. Сходу, по собственному его усмотрению, избирать для присутствия в Вол. Правл. одного или двух особых заседателей, если сход найдет это необходимым, с тем, чтобы сии заседатели могли заменять в Правлении сельских Старост.»

⁷⁵ Общ. Пол. Разд. II, ст. 89: «Решению Правления единогласно или по большинству голосов наличных членов подлежат только следующие дела: 1) производство из волостных сумм всякого рода денежных расходов, утвержденных уже Вол. Сходом; 2) продажа частного крестьянского имущества по взысканиям казны, помещика или частного лица, кроме тех случаев, которые по закону возлагаются на общую полицию и 3) определение и увольнение волостн. должностных лиц, служащих по найму. Волостн. Старшина по всем другим делам его ведомства только советуется с Правлением, но распоряжается по своему усмотрению, под личною своею ответственностью».

⁷⁶ Вся эта путаница и неясность разрешилась, наконец, следующими статьями Законоположения: ст. 95: «Для составления Волостного Суда избирается ежегодно Волостным Сходом от *четырёх до двадцати очередных Судей*. Определение числа сих выборных и установление между ними очереди предоставляется сходу на следующих основаниях: 1) присутствие Суда должно состоять не мене, как их трех Судей; 2) Судьи могут быть избраны или для бессменного, в течение целого года, отправления своей должности, или для отправления оной по очереди, заранее определенной сходом; 3) в последнем случае из избранных в числе от 4 до 12 Судей должны выбывать в назначенные сроки (как, напр., через два, четыре или шесть месяцев) не более половины, а затем выбывшие замещаются другими избранными Судьями по очереди». Ст. 94 Вол. Суд собирается через каждые две недели, в случае нужды созывается старшиной и чаще.

⁷⁷ Общ. Полож. Разд. II, ст. 1003: «Волостн. Старшина и Староста не должны вмешиваться в производство Суда и не присутствовать при обсуждении дел».

⁷⁸ Общ. Полож. Разд. II в ст. 90 сказано, что «дела в Вол. Правления производятся *словесно*. В заведенную при Вол. Правлении книгу приказов вписываются

«приказания Старшины и решения Правления». Вслед за тем в ст. 91 читаем: «При Волостн. Правлении кроме книги, упомянутой в 90 статье, ведутся: 1) книга приговоров Волостного схода; 2) книга решений волостных и трет. Судов (ст. 100, 107 и 109) и 3) книга сделок и договоров». На основании 100 ст. решение третейского Суда (к которому крестьяне могут прибегать по взаимному согласию) считается вошедшим окончательно в законную силу со времени внесения в эту книгу». По ст. 107 решения Вол. Суда по делам тяжёлым и условия мировой сделки (если дело кончилось миром) записываются в книгу при Вол. Правлении «с означением имен истца и ответчика». По ст. 108 «по рассмотрении Вол. Судом проступка, подлежащего его обуждению, вписываются в упомянутую книгу: имя виновного, самая вина его и мера наложенного на него взыскания».

⁷⁹ Так и по Положению. См. Прим. 1 к ст. 102 Общ. Пол. Разд. II. Впрочем прибавлено: «впредь до издания Общего сельского судебного Устава».

⁸⁰ Все это совершенно изменено в Положении, и не только не предоставлено права Сельскому Обществу или Волости *судить* избранные ими должностные лица, но Мир *лишен права даже сменять или отрешать от должности Старосту или Старшину!* Ст. 122 Общ. Пол. Разд. II. Это уже совершенное искажение принципа Мира. На основ. 127 ст. жалобы от обществ и от крестьян на сельских и волостных должностных лиц приносятся Мировому Посреднику, которому дано право подвергать их разным взысканиям, а за преступления по должности предавать их суду *в уездном Суде*, или непосредственно, или по решению *Мирового Съезда* (ст. 129). По 14 ст. Полож. о Губ. и Уездн. По крест. делам учрежд. Мировой Посредник на первые три года избирается из дворян начальником Губерний. Как будет производиться это избрание впоследствии — неизвестно. Справедливость требует заметить, что в проекте Редакц. Ком. Мировой Посредник должен избираться из дворян крестьянами. Но Главн. Крест. Комит. не согласился на эту меру.

⁸¹ *Lam.* “*contradictio in adjecto*” — противоречие в определении.

⁸² На основании Положения никакого крестьянского Суда при Мировом Посреднике не существует. Он судит одним своим лицом, а в некоторых случаях передает дело на решение Уездного Мирового Съезда, составленного из Мировых Посредников. — В ст. 80 Общ. Полож. Разд. II мы читаем: «Жалобы на решение волостного схода приносятся Мировому Посреднику для передачи на разрешение Мирового Съезда». О жалобах на сельский Мир нет нигде ни слова; значит, на сельский Мир жаловаться нельзя. На каком же основании допускаются жалобы на волостной Мир? Разве тут не то же начало *Мира*? Разве не понимают законодатели, что, допустив право жалобы на Волостной Сход, они тем самым подрывают значение, авторитет Мирского решения? Крестьяне будут уже совершенно иначе относиться к тому Миру, который подлежит внешнему суду. Эта статья, разрушая цельность Волостного Мира, составляемого из частных Миров, помешает последним слиться в один общий Мир. Зачем же было тогда хлопотать об учреждении волостного Мира?

⁸³ Эта статья вошла и в ныне действующее Положение. См. Общ. Полож. ст. 157, Разд. II.

⁸⁴ Это не вошло в Положение. Впрочем, он назван «Попечителем», и по ст. 156-й ему предоставлены *в тех случаях, когда он признает полезным*, ходатайство и заступничество за крестьян.

⁸⁵ Кроме вышеозначенных случаев, в «Положении» находим еще следующие статьи, дающие помещику *право и повод вмешательства в крестьянские дела*. В ст. 150 исчисляются шесть пунктов, по которым Сельский Староста обязан безотлагательно исполнять требования помещика (о прекращении буйства, или насилия, или *явного нарушения обществ. порядка* (последние слова дают широкий

простор вмешательству!) об оказании помощи в случае грабежа, разбоя и пр., о предохранении помещика и его имущества от пожара, повальной болезни и пр., о надзоре за подозрительными лицами и о задержании беглых и пр.). По ст. 158 (Общ. Полож. Разд. II) помещику в продолжение первых девяти лет предоставлено предлагать обществу об исключении крестьянина, по мнению помещика, вредного, и о предоставлении его в распоряжение правительства. Это право может подать повод к великим злоупотреблениям, тем более что в таких случаях закон требует от крестьян не единогласия, а согласия двух третей голосов. — Ст. 159. Помещику, если он пожелает, сообщаются все Мирские приговоры, и если (ст. 160) он усмотрит в приговоре распоряжение, противное постановлениям, или *«вредное для благосостояния сельского общества»* (? Кажется, об этом лучше всего может судить само общество!) или же нарушающее права помещицы, то, *приостанавливая* исполнение такого приговора, доводит о сем до сведения Мирowego Посредника».

⁸⁶ В этом месте рукопись прерывается.

Самарин Юрий Федорович — государственный и общественный деятель, философ и публицист, один из лидеров славянофильства

Родился 21 апреля 1819 г. в Санкт-Петербурге в родовитой дворянской семье, близкой царствующему дому. Восприемниками его от купели (крестными родителями) стали вдовствующая императрица Мария Федоровна и ее сын император Александр I.

Под руководством отца и домашних учителей (А. Пако, Н.И. Надеждина и др.) получил хорошее классическое образование, в 1815 г. поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета, которое окончил с отличием в 1839 г. В 1840 г. выдержал магистерский экзамен, в 1843 г. подготовил и в 1844 г. в ходе публичного диспута блестяще защитил магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники».

С 1844 по 1853 г. Самарин находился на государственной службе в Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел в Санкт-Петербурге, Риге, Симбирске и Киеве. В 1853 г. вышел в отставку, управлял имениями своего отца в Самарской и Симбирской губерниях. В конце 1858 г. поступил членом от правительства в Самарский губернский комитет, затем в 1859 г. — в Редакционные комиссии по крестьянскому делу для подготовки правительственного проекта отмены крепостного права. В 1861–1864 гг. занимался проведением крестьянской реформы в Самарской губернии и Царстве Польском. С 1866 г. и до самой смерти Самарин был гласным губернского земского собрания и московской

городской думы, председательствовал в думской комиссии о пользах и нуждах общественных.

Идейные основы славянофильского учения Самарин воспринял от К.С. Аксакова и А.С. Хомякова. Печатался в журналах и газетах («Москвитянин», «Сельское благоустройство», «Русская беседа», «День» и др.), издавал научные и публицистические труды («Общественное устройство г. Риги», 1852; «Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии», 1858; «Иезуиты и их отношение к России», 1865; «Окраины России», 1867–1876; и др.). С 1853 г. активно занимался крестьянским вопросом. В записке «О крепостном состоянии и переходе от него к гражданской свободе» (1853–1856), которая была использована при составлении государственного проекта освобождения крестьян, Самарин впервые в славянофильской публицистике высказал идею об историческом праве крестьян на землю. Принципом развития поземельных отношений в России он считал право владения крестьян землей и право собственности на эту землю помещиков, примирение же интересов этих двух сословий видел в процессе постепенного выкупа крестьянами части земли. Здесь же Самарин выступил в защиту общинной формы поземельной собственности как наиболее приемлемой для России. При этом он был противником конституционализма и требований созыва земской думы с преобладанием в ней дворянства. Такое «представительство», по мнению Самарина, вместо стабилизации положения в стране привело бы к взрыву крестьянского недовольства. Критика Самарина основывалась на славянофильской концепции «народного самодержавия», которая изложена им в рукописи «На чем основана и чем определяется верховная власть в России» (1853–1856) и проекте заявления «По поводу толков о конституции» (1862). В своем социально-политическом творчестве Самарин предстает защитником национального начала, самобытного пути развития России, сильной централизованной государственности и свободной православной церкви.

Самарин скоропостижно скончался в Берлине 19 марта 1876 г. и был похоронен в московском Свято-Даниловом монастыре. В 1931 г. памятник на его могиле разрушили, а кладбище уничтожили.

СОЧИНЕНИЯ

Самарин Ю.Ф. Избранные произведения / Сост. и авт. вступ. ст. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.

Самарин Ю.Ф. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Самарин Ю.Ф. Православие и народность / Сост., предисл. и коммент. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

1840–1876: Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. и авт. вступ. ст. Т.А. Медовичева. М.: ТЕРРА, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

Китаев В.А. Славянофилы накануне отмены крепостного права. Горький, 1981.

Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. 2-е изд. Paris, 1978.

Славянофильство: pro et contra: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2006.

Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М., 2007.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

НА ЧЕМ ОСНОВАНА И ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ¹

В инструкции, недавно изданной для образования воспитанниц женских учебных заведений, преподавателям вменяется в обязанность внушать, «что всемирная история именно служит доказательством необходимости монархического правления, к которому, после продолжительных смут и беспорядков, всегда возвращались народы»².

В речи, недавно произнесенной за каким-то торжественным столом, лондонский лорд-мэр³ выразил свое убеждение, что последствием настоящей войны Западных держав с Россией будет повсеместное введение в Европе английской конституции, вне которой не может процветать просвещение.

Если бы можно было вызвать на взаимное объяснение составителя инструкции и лорда-мэра, вероятно, обнаружилось бы некоторое разномыслие в их понятиях о том, что доказывает история и какая форма правления должна осчастливить человечество; но не разномыслие в этом случае заслуживает внимания, а, напротив, то, в чем сходится составитель инструкции с лордом-мэром. Оба убеждены в существовании единой, всесовершенной формы правления, формы, к которой все народы должны стремиться и вне которой нет спасения ни для одного из них; оба искали ее и оба нашли.

Вот в каком отношении мы позволили себе сблизить составителя инструкции с лордом-мэром.

Какая форма правления есть лучшая? Этот вопрос очень похож на следующий: по какой мерке всего лучше кроить платье? Задайте этот вопрос портному. Он вам ответит, что такой мерки нет и быть не может, а нужно кроить по росту и складу того, на кого шьется платье. Нетрудно применить тот же самый ответ к лорд-мэру и к составителю инструкции. Если бы первый мог отрешиться от своих национальных предубеждений, он убедился бы, что английская конституция как нельзя лучше облекает весь организм Англии именно потому, что она не с чужого плеча на нее наброшена, а ею самую построена по ее собственному вкусу, по ее потребностям и средствам. Он уразумел бы, что самая естественность и законность постепенного образования этой конституции из местных условий Англии представляет сильнейшее возражение против мечты о повсеместной ее применимости. В другой части света федеративно-республиканское устройство Соединенных Штатов может быть в той же степени прилично организму Северной Америки, и, вопреки любимой мысли составителя инструкции, трудно бы было отыскать в Соединенных Штатах признаки стремления к монархической форме.

«Но, — скажет, вероятно, составитель инструкции, — мы не знаем, что ожидает Соединенные Штаты, что будет с ними впоследствии, когда окончится борьба человека с природою и сменится борьбою страстей, интересов и мнений». На будущее ссылаться трудно, а между тем послушайте, что говорят республиканцы во Франции: «Конечно, двукратная попытка основать во Франции республиканское правление не удалась; Франция отдалась в кабалу, но подождем конца. Нравы изменятся, исчезнут предрассудки, проникнет просвещение в народные массы, и тогда столь же несообразною будет казаться монархия, сколь теперь невозможною кажется республика»⁴. Кто же прав? Составитель инструкции, называя республику отрицанием монархии, оправдывает ниспровержение республики как возврат к монархии. Республиканец, называя монархию отрицанием республики, приветствует ниспровержение престола как возврат к республике и выводит из одних и тех же фактов прямо противоположный вывод. «История, по его убеждению, именно доказывает необходимость республиканского начала, которое, несмотря на все усилия царственных династий подавить его в самом зародыше, вопреки гонениям и коалициям всякого рода, все-таки постепенно развивается, более и более ограничивая монархическую власть, по временам проступает наружу, берет свое и со временем возьмет окончательно и навсегда».

Мы приводим эти слова, разумеется, не как верный вывод из всемирной истории, а единственно в доказательство, как легко и вместе бесполезно превращать всемирную историю в предисловие к какой бы то ни было форме правления.

Доискиваться единой, всесовершенной и безусловно применимой формы правления — такое же заблуждение в области политики, какое в области политической экономии — стремление к изобретению непреложного мерил ценности. Достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием. Чем свободнее форма облекает содержание, чем вернее проявляет собою сущность его, тем лучше форма и тем она прочнее.

Применение этой истины, очевидной до пошлости, к настоящему вопросу приведет нас к следующему убеждению. Всякий народ представляет собою не безобразный материал, из которого можно вылепить любую фигуру: козла, вола или Геркулеса, а нравственно-живое существо, так же своеобразно определенное, как и отдельная человеческая личность. Совокупность способностей, свойств и сил, данных народу от природы и движимых в известном направлении его верованиями, убеждениями и потребностями — жизнь народная в широком значении слова, — вот что соответствует содержанию. Правительство есть одна из форм, служащих выражением народной жизни. Чем полнее и вернее оно выражает жизнь народную, тем более между правительством и народом точек соприкосновения, тем теснее их взаимная связь, тем живее их сочувствие, тем крепче и безопаснее правительство внутри, тем большими силами оно располагает в столкновениях внешних. Это также ясно, но и ясное, как скоро доходит дело до приложения, часто расплывается в тумане, а потому некоторые пояснения кажутся нам не лишними.

Представим себе правительство, ограничивающее свое призвание обязанностями страхового учреждения, заведенного для улучшения вещественного благосостояния и комфорта. Его дело — пешись о том, чтобы дороги были гладки и безопасны, чтобы никто произвольно не мешал другому в его занятиях, не стеснял свободы промыслов и торговли, особенно не дотрагивался бы до чужой собственности. Такое правительство связано с народом единственно потребностью материальных благ; насколько дорожит ими народ, настолько дорожит он и правительством, но не более. Всеми прочими своими потребностями и стремлениями он не соприкасается с ним, и потому правительство вправе ожидать от каждого своего подданного такого содействия, какое может получить страховая компания от своего акционера, т.е. до известной

суммы пожертвований, представляющих в точности количество выгод, какое он надеется получить от компании. Но при этих условиях требовать, чтобы народ для спасения правительства принес в жертву свои материальные выгоды, тогда как он относится к правительству единственно в качестве производителя и потребителя, очевидно, правительство не вправе, не может. Материальные интересы представляют ли прочное основание для правительства? Думаем вообще, что нет, и присовокупляем, что чем богаче народная жизнь внутренним содержанием, чем более народ дорожит своею верою, своею национальностью, своим историческим призванием, тем менее он будет способен привязаться к воображаемому нами теперь правительству. Северная Америка до настоящего времени, можно сказать, занята обстройкою и обзаведением своего хозяйства; ее удовлетворяет правительство, служащее материальным целям. Во Франции такому правительству было бы трудно удержаться, потому что жизнь народная гораздо сложнее и разностороннее. Поэтому правительство Людовика Филиппа, искавшего себе опоры в возбуждении материальных интересов, исчезло без следа в 24 часа⁵. Те, которые держались за него ради обеспечения своего вещественного благосостояния, разочли, что опасности меньше — посторониться и дать место грозе, чем встретить ее грудью.

Предположим, что правительство, управляя нацией или совокупностью наций, не признает на себе никакого национального характера. Оно не считает себя ни славянским, ни немецким, ни итальянским, а просто только правительством, отвлекая себя от всякого племенного определения. Подданные такого государства, как итальянцы, чехи, немцы, не существуют для правительства; очевидно, и правительство перестало бы существовать для них, если бы оно задумало предприятие во имя национальности. Освободив себя от всякого национального определения, правительство лишает себя возможности располагать теми силами, какие почерпает народ в любви к родной земле, в сочувствии к своим одноплеменникам. Пусть бы еще так, если б можно было обойтись без этих сил; но дело в том, что всякое пробуждение национального чувства для такого правительства не только бесполезно, но непременно губительно. Безличность правительства в отношении к национальностям может выражаться двояким образом: полным к ним равнодушием или равным благоволением ко всем. В последнем случае правительство, смотря по тому, с кем оно имеет дело, меняет свой костюм, свой язык, даже выражение своего лица. Как провинный актер, оно явится на сцене в белом австрийском мундире,

потом, переодевшись за кулисами, предстанет в виде венгерского гусара, даже, если нужда потребует, в свитке и кожаных пахляка-галочанина. Но подобная роль редко может быть выдержана до конца, потому что нельзя угодить ею всей публике. Каждое появление на сцену неминуемо вызывает одновременно рукоплескания и свистки, и наконец зрители могут догадаться, что только тот способен принимать на себя всевозможные роли, для кого вся жизнь есть только роль. Еще недавно венгерцы в порыве усердия к своему королю так неосторожно прижали его к своей груди, что едва не задушили в своих верноподданнических объятиях в то время еще не вполне сложившегося австрийского императора⁶. Впрочем, и самый здоровый организм, переходя поочередно из объятий одной нации в объятия другой, может измяться.

Представим себе третий случай. В государстве христианском, где-нибудь на краю земли, живут мусульмане. Правительство, исповедуя веру Христову, любит, чтобы его прославляли на всех языках, и с одинаковым благоволением принимает молитвы о его благоденствии, где бы они ни читались: в церквях, в костелах, в синагогах или в мечетях. Мусульмане не только свободно отправляют свое богослужение, но даже пользуются покровительством власти; им строят мечети, воспитывают для них мулл, издают для них Коран; чего им больше? Они довольны и при всяком случае рассыпаются в изъявлениях своей преданности. Наступает время доказать ее на деле. Загорается война, война за спасение православных от ига мусульман. Что сделают мусульманские подданные православного правительства? Чью сторону они примут? Памятуя неоднократные доказательства заботливости о их благе, станут ли они под знамя креста, в ряды того правительства, которому клялись в усердии, или не увлечет ли их в противоположную сторону блеснувший перед их глазами полумесяц? Сочувствуя правительству во всем, кроме веры правительства, будут ли они надежными слугами, когда дело дойдет до борьбы веры правительственной с их верою?

Сила и крепость правительства зависят всегда и везде от любви подданных; но любовь целого народа к власти, как и всякое явление разумной человеческой любви, предполагает общее, связующее начало. Народ сочувствует правительству, человек сочувствует другому за что-нибудь или в чем-нибудь. Это что-нибудь, это третье, общее между ними и их связующее начало, будет ли это родство, как в семейном союзе, тождество интересов, как в торговой компании, единство веры, как в церкви, есть основание и оправдание союза, основание, говорим мы, ибо на нем стоят обе стороны;

основание, то есть та часть здания, которая может существовать независимо от ярусов, на ней воздвигнутых, но без которой они существовать не могут.

Оправдание, сказали мы, полагая разницу между случайным сближением или насильственным совокуплением и делом воли человеческой, свободной и проникнутой сознанием. Чем основание шире, тем крепче союз, чем более обе стороны уважают его неприкосновенность, тем союз надежнее. Из этого следует, что отношение правительства к основным началам его союза с подданными есть отношение подчиненности, иначе — отношение служебное. «Как, — скажут нам, — да этим вы лишаете правительство его самостоятельности, вы полагаете пределы его действиям, вы ограничиваете его. Намекая на обязанности правительства, вы этим самым допускаете возможность поверки его действий, общественного суда над ним, тогда как сама верховная власть есть совесть общественная; что если совесть личная — для внутренних побуждений человека и неизобличенных его деяний, то власть верховная — для явных, исследимых его действий. И та, и другая суть равно орудия Провидения». Иными словами: нельзя подводить действия правительства под категории добра и зла, пользы и вреда, ибо воля правительства сама есть безусловное мерило.

Если б этот образ мыслей выражен был частным человеком, конечно, можно бы было оставить его в стороне, но он имеет за себя авторитет, обязывающий нас вникнуть в него внимательно и выяснить, что под ним кроется. Вопрос сам по себе так важен, что было бы грешно говорить о нем иначе, как с полною откровенностью и без всяких недомолвок. Наше правительство самодержавно и полновластно, но оно само называет себя правительством православным и русским. Может ли правительство переменить народную веру, закрыть церкви и обратить их в костелы или кирки⁷? Может ли правительство отменить официальное употребление русского языка и заменить его французским? Может ли оно ввести Россию в состав Германского союза и подчинить ее действия решениям Франкфуртского сейма⁸? «К чему такие вопросы? — говорите вы. — Это все несбыточно и невозможно». Пусть так; я мог бы выставить целый ряд предположений менее диких, но в сущности равно противных интересам правительства, духу церкви и народной чести; но я довольствуюсь вашим ответом и считаю себя вправе вывести из него, что наше правительство не полновластно. Оно не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть

для них правительством. Почему же не сказать, что правительство служит православной церкви и России, что вера и народность лежит в основании союза России с правительством, что именно потому и только потому правительство стоит так твердо как в отношении к самой России, так и в отношении к другим державам? Заметим здесь раз навсегда, что отношение верховной власти к народу может быть выражено по пунктам, в форме конституции или хартии, и может быть заключено в глубине живого народного сознания. В этом — вся разница, разница существенная, огромная, указывающая на отличительный признак русского народа или настоящей эпохи исторического его существования в сравнении с другими народами и эпохами. Но русский человек, хотя он и не домогается юридического, формального ограничения верховной власти, может быть, так же ясно сознает ее назначение, ее естественные пределы, как и англичанин, вычитавший все это в своей конституции, ибо кто признает определенное назначение власти, тот полагает тем самым ее пределы.

Кому же может прийти в голову предполагать, кто осмелится требовать, чтобы русские встречали с одинаковым чувством меры правительства, направленные к пользе церкви и к возвеличению России, и меры, вредные для церкви и унижительные для России, вроде тех, которые приводились в исполнение или подготавливались во времена Иоанна IV, Бирона и Петра III⁹? Принудить к покорности, страхом восполнить недостаток сочувствия, воспретить всякое проявление общественного суда, привить к детям язву официальной лжи и заглушить в них всякую искренность, к стыду человечества, можно, хотя не надолго. Но для того, чтобы суд общественный упразднить, нужно сперва вырвать с корнем из сердца народа его веру и любовь к родине, иными словами: разрушить то, на чем стоит правительство.

Другие говорят: «Идея верховной власти не требует никакой посторонней опоры; ее основание — в ней самой; по отношению к ней не должно быть ни русских, ни татар, ни немцев, ни православных, ни католиков, ни мусульман, есть только верноподданные, и в этом определении сливаются, исчезают все вероисповедания и народности». Что ж такое эта голая, эта обнаженная от всякого характеризующего ее определения идея власти? Вы отняли у нее ее основу, ее назначение, ее пределы; затем осталось одно — идея силы. Власть, как вы ее понимаете, есть просто сила, ее отношение к подданным не может быть названо иначе, как насилие. Ищите ее олицетворение не в Иоанне III, а в Чингисхане, не в Михаиле Романове, а в Тушинском воре¹⁰, не в императоре Алек-

сандре в Москве, а в Наполеоне в Вильне. Понятна возможность подданничества отвлеченной власти, но где же место для верности? Можно ли назвать верным того, кто кланяется сильнейшему? «Нет, — говорят нам, — не всякая сила есть власть; власть как принадлежность правительства есть власть *законная*, и только такой власти обязаны подданные покоряться не только за страх, но и за совесть». Итак, мы получили ближайшее определение власти, с тем вместе мы подчинили ее условию законности. Это условие само по себе чисто формальное; оно не определяет ни назначения власти, ни обязанностей, ни пределов ее. Законная власть может быть употреблена и направлена так же, как и всякая другая власть, может служить орудием угнетения и зла; но все же, говорят нам, она законна и потому священна. Что же такое законность? Какими признаками отличается государь законный от незаконного? Законным должно почитать того, кому достался престол по праву наследства. А давно ли так?..

Царь Иоанн III, недовольный своим сыном, торжественно венчал и помазал на царство своего внука Димитрия, потом, недовольный Димитрием, он запретил поминать его в церковных молитвах и объявил наследником престола своего сына Василия¹¹. Понятие первого из русских самодержцев о престолонаследии выражено им как нельзя яснее в ответе псковичам: «Чи не волен я во своем внуке и в своих детях? Ибо, кому хочу, тому дам княжество»¹². Понятие Петра I о том же предмете, изложенное по его заказу в особом трактате (Правда воли монаршей)¹³, в сущности, совершенно одинаково с Иоанновым, но гораздо знаменательнее по строгой догматической форме, в которую оно облечено.

В Именном указе 17 <22> года, <5 февраля>, который назван Вечным уставом о наследстве престола Империи Российской, со свойственною Петру I суровою прямою о праве первородства сказано буквально: «Сей недобрый обычай не знаю, чего для так был затвержен», а в конце: «За благо рассудили мы сей Устав учинить, дабы сие было всегда в воли правительствующего государя, кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить... того ради повелеваем, дабы все наши верные подданные, духовные и мирские без изъятия, сей наш Устав пред Богом и Его Евангелием утвердили на таком основании, что всяк, кто сему будет противен, или инако как толковать станет, то, за изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет»¹⁴. Слышите ли, господа защитники права первородства: смертная казнь и церковная клятва! Впрочем, не пугайтесь. Со времен Иоанна III, по высочайшим повелениям

и именным указам, послушное духовенство столько раз налагало и снимало церковных клятв, столько приняло присяг перед честным крестом и святым евангелием и столько их нарушило, что к какой бы мысли или партии вы ни пристали, вы неминуемо подпадете какой-нибудь анафеме.

В приведенной выписке выражена основная тема Вечного устава, подробное же ее развитие, составляющее целую теорию, изложено в «Правде воли монаршей». Там, между прочим, возбужден вопрос: что делать народу, когда государь умрет, не назначив по себе ни на словах, ни на письме наследника, и разрешается следующим образом: «Должен народ всякими правильными догадками испытывать, какова была или быти могла воля государева и которого бы из сынов своих нарекал он наследником, если бы о том дело было»¹⁵. Таков Вечный устав престолонаследия, изданный верховною властью и утвержденный присягою духовных и мирских чинов, под страхом смертной казни и церковной клятвы. Этот Устав — самое резкое, самое прямое отрицание всякого понятия о законности. Нельзя не заметить, что явная несовместность притязания на вечность с ничем не ограниченным произволом выразилась в следующих словах того же Устава: «Власть высочайшая, величеством нарицаемая, законам от человек, аще и добрым, яко к общей пользе служащим, не подлежит; и тако всяк самодержавный государь человеческого закона хранить не должен, колми же паче за преступление закона человеческого не судим есть»¹⁶. Можно ли было яснее приговорить к смерти Вечный устав?

После Петра I вступила на престол Екатерина не по праву рождения и не по завещанию, ибо Петр I не назначил по себе преемника, но, говоря языком Феофана Прокоповича, *вследствие догадки*, более или менее правильной, князя Меншикова, «понеже в 1724 была удостоена своим супругом короною и помазанием», как значится в Манифесте 1725 года, января 28 (№ 4643), изданном от «Сената обще с Синодом и генералитетом»¹⁷.

В силу Вечного устава, при ней перепечатанного вторым изданием, Екатерина I завещала престол Петру II, «как ближайшему по себе сукцессору»¹⁸, но, не довольствуясь тем, она определила и дальнейший порядок престолонаследия, в случае бездетной кончины Петра II, «в линиях цесаревны Анны, по ней Елизаветы и, наконец, великой княжны Наталии», сестры Петра II, с тем, во-первых, «чтобы мужеский пол всегда имел преимущество перед женским» и, во-вторых, «чтобы никто никогда российским престолом владеть не мог, который не греческого закона или кто уже другую корону имеет» (1727, мая 7, № 5070)¹⁹.

Отсюда видно, что Екатерина I, распоряжаясь престолом в силу Вечного устава петровского, самым завещанием своим изменила и нарушила его. Изменила постановлением трех условий, о которых Петр I ничего не ведал; нарушила, ибо на несколько поколений вперед связала самодержавную волю своих преемников в свободном выборе наследников. Кажется, что сама Екатерина сознавала за собою эту непоследовательность и, мало надеясь на прочность своих распоряжений, последнею статьею завещания определила «римского цесаря гарантии на сие искать»²⁰.

Таким образом, желание придать самодержавному произволу прочность законного порядка вынудило необходимое призвание посторонней высшей власти, и римский император²¹ сделался как бы опекуном над Россиею, блюстителем в ней законного порядка.

Петр II вступил на престол в силу Вечного устава, по завещанию Екатерины, и ни о каких других правах на престол в Манифесте, от его лица изданном (1727, мая 7, № 5070), не упомянуто.

По кончине Петра II и после неудачной попытки Долгоруких в пользу обрученной невесты покойного императора²² вступила на престол Анна Иоанновна не в силу Вечного устава Петра I, равно как и не по завещанию, а, как сказано в манифесте 1730 г., февраля 4-го (№ 5499), по избранию, общим же на то согласием всего российского народа²³. Известно, впрочем, что это избрание было делом Верховного совета, который, за прекращением мужской линии, обратился к женской от Иоанна Алексеевича, как старшего сына Алексея Михайловича, и устранил старшую сестру Анны Иоанновны герцогиню Мекленбургскую, как состоящую замужем за иностранным принцем²⁴. Сообразно с условиями, предложенными Анне Иоанновне партией, ее избравшею, условиями, двукратно ею подписанными, была составлена форма клятвенного обещания в верности подданства, по которой učinена присяга в Москве духовными и светскими чинами, и начали присягать в других городах. Потом, по просьбе другой, несравненно многочисленнейшей, партии, императрица изорвала условия, ею подписанные, и соизволила воспринять самодержавство, как издревле прародители ее имели (Манифест 28 февраля 1730 г., № 5509)²⁵; и тогда же приказала отобрать клятвенное обещание, по которому ее подданные в первый раз присягнули, велели составить новую форму и всех привести вторично к присяге (Манифест 28 февраля, № 5509). Анна Иоанновна была избрана в два приема: раз — на ограниченное владычество, и другой — на самодержавство. В 1731 году она заставила еще раз присягнуть в верности подданства не только себе, но, ссылаясь на свои особенные попечения о подданных

и на Устав Петра I, еще и наследникам ее, которые, по изволению и самодержавной ее власти, определены и впредь определяемы и к восприятию самодержавного престола удостоены будут (Манифест 1731 г., декабря 17, № 5909)²⁶. Выбор ее пал на новорожденного сына ее племянницы, принца Иоанна Антоновича Брауншвейг-Люксембургского, о чем объявлено Манифестом 5 октября 1740 г. (не вошедшим в Полное собрание законов)²⁷, и тогда же приведены к присяге нареченному наследнику все без изъятия, в том числе его родители и Елизавета Петровна. Следуя примеру Екатерины I, Анна Иоанновна определила в том же акте и дальнейший порядок престолонаследия, в случае бездетной кончины Иоанна Антоновича, назначив по нем братьев его, имеющих родиться, по старшинству. Сверх того, особым завещанием, коим назначен регентом герцог Бирон, она предоставляла ему вместе с Кабинетом, Синодом, Сенатом и генералитетом избрать императора, если бы Иоанн Антонович и его братья умерли, не оставив по себе потомства²⁸. Очевидно, что все сии распоряжения совершенно отменяли завещание Екатерины I, но оправдывались Вечным уставом Петра I, кроме, впрочем, статей, связывавших волю ближайших наследников престола. Иоанна Антоновича провозгласили императором и ему присягнули так же, как и его предшественникам.

Первым нарушением завещания Анны Иоанновны было свержение Бирона и провозглашение матери его (т.е. Иоанна Антоновича — *ред.*), принцессы Анны, регентшею с титулом великой княгини²⁹. При этом случае вторично присягнули малолетнему Иоанну. Другое нарушение, подготовленное Остерманом, Головкиным, Минихом и другими, хотя и не исполнившееся, замечательно как свидетельство о том, как в то время понимали законность. Намерение их было — распространить право на престол, в случае смерти сыновей в<еликой> к<нягини> Анны, на ее дочерей и, наконец, и на мать их, если бы все ее дети при ней скончались, не оставив потомства. Составитель этого проекта, Остерман, подрывал силу завещания Анны Иоанновны, доказывая, что узаконение о наследстве по духовной не подлежит (то есть, что в духовной нельзя определять порядка престолонаследия; иными словами, воля умершего государя не может стеснять воли живого), но что узаконение о наследстве зависит всегда от воли самодержавного (при его жизни), и потому советовал регентше, не теряя времени, обнародовать изготовленный им манифест и утвердить

* См., между прочим, манифест об Остермане, Головкине, Минихе.

это распоряжение, по здешнему обыкновению, как от духовных, так и от светских чинов подписанными присягами. Впрочем, Остерман предлагал два способа исполнения: либо властью, то есть указом, или прощением от народа³⁰.

Все сии построения были разрушены в царствование Елизаветы. В первом ее Манифесте 25 ноября 1741 года^{**} мы читаем: «...все наши, как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо лейб-гвардии наши полки всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы, для пресечения всех тех происшедших и впредь опасаемых беспокойств и не порядков, яко по крови ближняя, отеческий наш престол всемилостивейше воспрять соизволили, и по тому нашему законному праву, по близости крови к самодержавным нашим вседражайшим родителям, государю императору Петру Великому и государыне императрице Екатерине Алексеевне, и по их всеподданнейшему наших верных единогласному прошению, тот наш отеческий всероссийский престол всемилостивейше воспрять соизволили...»³¹.

Итак, императрица Елизавета воцарилась *по прошению подданных*, вызванному их убеждением в *необходимости положить конец не порядкам*, и *по праву кровного родства*, то есть по тому обычаю, который в Вечном уставе петровском провозглашен злым, и в прямое нарушение воли Анны Иоанновны об избрании наследников.

В другом Манифесте, от 28 ноября^{***}³², подробнее изъяснены все обстоятельства, оправдывающие ее воцарение, с особенным ударением на завещание Екатерины I и с совершенным умолчанием о Вечном уставе. Названы незаконными переходы верховной власти от Петра II к Анне Иоанновне, а от Анны — к Иоанну Антоновичу (будто бы никакой уже ко всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права не имеющего). В особенную вину вменяется регентше Анне и приписывается Остерману и Головкину сочинение *отменного о наследии нашей империи определения*, к конечному отрешению ее, Елизаветы Петровны, от ее *законного и по правам всего света к тому же и по крови* надлежащего наследия, но вовсе не объяснено, что подразумевалось под этим *определением*, *под законными правами всего света*, но по какому закону считалось в порядке престолонаследия кровное род-

* Хотя эти сведения извлечены из приговора над Остерманом, явно пристрастного против него, но участие его в составлении упомянутых проектов никем из современников оспорено не было, и взгляд на престолонаследие, ему приписываемый в обвинительном акте, ничем не заподозривается.

** 1741 г., 25 ноября, № 8473.

*** 1741 г., 28 ноября, № 8476.

ство. Очевидно, всего этого и нельзя было объяснить при совершенном отсутствии всякого понятия о законности.

Как бы то ни было, все присягнули Елизавете Петровне, а за законные права несчастного Иоанна Антоновича только один человек заступился 20 лет спустя и к вящему ниспровержению идеи законности сложил голову на позорной плахе. Это был известный Мирович³³. Остерман, Миних и их приверженцы отданы были под суд. Они, утвердившие своими подписями и клятвенными обещаниями завещание Екатерины I, нарушили его возведением на престол императрицы Анны, затем, на основании завещания последней, устранив Елизавету Петровну и присягнув Иоанну Антоновичу, они признали и это завещание ничтожным и предложили изменить его. Приговор о ссылке их в заточение за нарушение законного порядка и преступление клятвы подписала через три месяца по вступлении своем на престол императрица Елизавета. Она, выведившая свои права из завещания Екатерины I и нарушившая совершенно равносильное и позднейшее завещание императрицы Анны; Елизавета, которая, присягнув в числе других Иоанну Антоновичу, только что низвергла его с престола, и, объявив торжественно в своем манифесте, что отошлет его с родителями в Германию, всех их заключила навсегда в тюрьму, присяжные листы на верность подданству принцу Иоанну Елизавета повелела сжечь; указом 1742 г. октября 18 (№ 8641)³⁴ она велела перелить монеты, отобрать книги, ему посвященные или с заглавным листом за его именем. В конце манифеста о наказании Остермана, Миниха и прочих сказано, что он обнародован, дабы все верные наши подданные, смотря на то, признавали, что Бог клятв-вопреступников не терпит!³⁵

Еще при жизни своей императрица Елизавета определила по себе преемником владетельного герцога Шлезвиг-Голштинского, яко по крови к ней ближайшего, вопреки условию, постановленному Екатериною в завещании, на которое опиралась Елизавета. В клятвенном обещании, по которому тогда же присягнули Петру Федоровичу как наследнику престола, ни словом не упомянуто о его правах по родству, а сказано только, что присягающий признает его наследником престола ради того, что он императрицею утвержден и объявлен³⁶. Это, однако же, не помешало новым интригам Бестужева-Рюмина, который, как кажется, задумал возве-

* 5 июня 1762 года в Шлиссельбурге.

** 1742 г., января 22, № 8506.

*** 1742 г., ноября 7, № 8658.

сти на престол, помимо Петра, сына его Павла под регентством Екатерины, может быть, не без ведома последней³⁷.

В форме клятвенного обещания, изданной Петром III при вступлении его на престол, сказано: «Клянуся верным быть своему истинному и природному великому государю и по нем, по самодержавной его величества императорской власти и по высочайшей его воле избираемым и определяемым наследником»³⁸. Следовательно, основное положение Вечного устава было во всей силе. Итак, Петру III вся Россия (кроме пашенных людей, от которых даже и не требовали клятвенных обещаний) присягала двукратно: раз — как наследнику престола, другой — как императору.

Известно, какою катастрофою окончилось его царствование.

Манифесты о вступлении на престол императрицы Екатерины II и о коронации ее³⁹ заслуживают особенного внимания. Без всяких притязаний на законность императрица прямо указывает, во-первых, на потрясение православной веры и угрожавшую опасность переменею древнего в России православия и принятием иноверного закона; во-вторых, на посрамление военной славы России, отданной в порабощение ее злодеям; в-третьих, на ниспровержение внутренних порядков, составляющих целость отечества; наконец, явное желание подданных.

О кончине Петра III России было объявлено⁴⁰, но это не мешало приведению к присяге всякого звания людей, кроме пашенных, не выключая даже малолетних⁴¹. В клятвенном обещании в первый раз обычные выражения об избрании наследников были выпущены, и на ектениях⁴² началось в одно время возгласение имен императрицы Екатерины и наследника престола Павла Петровича⁴³.

Таков был, начиная с Петра I, которого царствование резким рубежом отделяет старую Россию от новой, порядок престолонаследия, если можно употребить здесь слово «порядок». Разумеется, нет такого гражданского устройства, которое бы не могло хоть изредка быть потрясено торжеством силы над правом, но в нашей истории поражает не нарушение формальной законности, даже не малое к ней уважение, а совершенное и, может быть, единственное в мире отсутствие всякого о ней понятия. Да и могло ли оно развиваться, когда основным положением служил Вечный устав

* 1761 г., декабря 25, № 11391.

** 1762 г., июня 28, № 11582; июля 3, № 11598.

*** Манифест 7 июля 1762 г. (№ 11599).

**** 1762 г., июля 3, № 11591.

***** 1762 г., июля 2, № 11588.

Петра I, то есть безграничный произвол государя в избрании себе наследника, выведенный со всею логическою строгостью из самого существа самодержавия, как его понимал Петр I. Не было понятия о законности у самих государей, ибо, как видно из официальных манифестов, все могло служить оправданием притязаний на престол: и кровное родство, и завешание на несколько поколений вперед, определяющее порядок престолонаследия, и, наконец, предполагаемое желание подданных. Не было понятия о законности в духовенстве, которое услужливо отбирало присяги и, связав совесть подданных клятвенным обещанием перед Крестом и Евангелием, на другой день с равным усердием

перед тем же Крестом и Евангелием благословляло на преступление клятвы. Не было его в служилом сословии, в Верховном совете, в Сенате, в генералитете, ни в гвардии, ибо на деле интриги этого сословия пролагали путь к престолу и низводили с него. Наконец, менее всего существовало это понятие в народе, от лица которого, но без его участия и ведома, подавались прошения; народа, который стоял в стороне, все видел и на все смотрел равнодушно. То же равнодушие к формальной законности находим мы и в памяти потомства. Какие права на престол имела Елизавета при живом Иоанне, Екатерина при живом ее муже и при взрослом сыне? Между тем именно эти два самые незаконные царствования потомство поминает добром. Россия знает, что с именем Елизаветы связано прекращение смертной казни, восстановление национальной чести и прекращение, хотя временное, наглого владычества чужезмцев. Россия помнит, на какую высоту Екатерина подняла знамя двуглавого орла; Россия сочувствует и теперь широким размерам ее политики; Россия никогда не забудет, что никто не верил так твердо, как она, в могущество русского духа, никто не умел пробудить и оценить по достоинству такое множество великих дарований. Вот чем приобретается у нас сочувствие подданных, и вот чем определяются их отношения к государям.

Но если недостаточно свидетельства истории для вразумления в той несомненной истине, что не формальная законность служит у нас основанием верховной власти, то нетрудно прийти к тому же убеждению и другим путем. Не было у нас законности; но этого мало; ее не может быть. Законность значитсообразность с законом. Закон же при самодержавной власти, как понимал и утвердил ее Петр I, есть выражение воли государя, ничем не ограниченной, и потому самому отнюдь и не связывающей волю его преемника; другого источника законодательной власти, другого рода законов, более обязательных, мы не знаем (см. Свод зак<онов>, т. 1,

ст. 27—56; Полн<ое> собр<ание> зак<онов>, 1797 г., апр<еля> 5)⁴³. Для подданных не потому обязательна воля государя, что она законна, а потому закон обязателен, что он есть воля государя. Это относится совершенно в равной степени к Вечному уставу Петра I и к акту императора Павла I о престолонаследии^{**}. Как мог быть отменен этот Устав последующим актом, так и статьи 3—34 т. 1 «Свода законов» могут быть отменены в том же «Своде» указом, даже просто выпущены при новом издании «Свода» по вновь избретенной системе обнаружения новых законов. Если независимо от самодержавной воли нельзя себе представить ничего законного, ибо в ней и более ни в чем мерило и гарантия законности, то, очевидно, что представитель верховной власти мог бы один свидетельствовать о законности своих прав, но по слову Спасителя: <...>⁴⁴.

Итак, понятие о какой бы то ни было обязательной законности, по праву ли наследства или по праву избрания, у нас не выдерживает внимательной проверки; это такая же мечта, как <...>⁴⁵; оно не вытекает из нашей истории и не мирится с существом самодержавия, а потому, читая в наставлении для преподавания наук в военно-учебных заведениях, «что в продолжение тысячи лет в России, от самого основания Руси, власть русского государя — по праву призвания, а переход этой власти — по праву наследства», мы ничем иным себе не можем объяснить этого положения, как прибегнув к другому наставлению той же инструкции: «В истории каждого народа должен быть сделан самый строгий выбор событий»⁴⁶. Но выбор событий не есть история, и наставления, почерпнутые из выбора, исчезнут скоро, когда внимательное изучение фактов и размышление приведут к убеждению, что посылками для вывода наставлений служил односторонний выбор и что самый вывод заключает в себе понятия несовместные. Первое условие для прочного образования есть правдивость наставников.

Повторим все сказанное. Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность; такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему у нас оно так сильно. За что дорожит Россия правитель-

* Названия: «основные, коренные, фундаментальные» выражают важность содержания закона, ничего не прибавляя к их обязательной силе в отношении к верховной власти.

** Акт о престолонаследии 5 апр<еля> 1797 г., № 17910.

ством, чем правительство сильно, тем самым определяется его историческое призвание, характер его действий, пределы его власти; пределы, полагаемые не хартиєю, не буквою конституции, но самым существом его, которое глубоко и живо сознается духом народным. Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню, оторвать корень правительства от корня народного и пересадить его на другую, искусственно созданную почву, — об этом могут помышлять только или враги правительства и России, или те близорукие друзья его, для которых наше прошедшее непонятно, настоящее мертво, а будущее страшно.

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ И О ПЕРЕХОДЕ ИЗ НЕГО К ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЕ⁴⁷

С самого начала Восточной войны⁴⁸, когда еще никто не мог предвидеть ее несчастного исхода, громадные приготовления наших врагов озабочивали людей, понимавших положение России гораздо менее, чем наше внутреннее неустройство.

События оправдали их опасения. Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием. Это убеждение, видимо проникающее всюду и вытесняющее чувство незаконного самодовольствия, так еще недавно туманившее нам глаза, досталось нам дорогою ценою; но мы готовы принять его, как достойное вознаграждение за все наши жертвы и уступки.

Мы слишком долго, слишком исключительно жили для Европы, для внешней славы и внешнего блеска и, за свое пренебрежение к России, мы поплатились утратою именно того, чему мы поклонялись, — утратою нашего политического и военного первенства.

Теперь, когда Европа приветствует мир, как давно желанный отдых, нам предстоит воротить упущенное. С прекращением военных подвигов, перед нами открывается обширное поприще для трудов мирных, но требующих не менее мужества, настойчивости и самоотвержения. Мы должны обратиться на себя самих, исследовать коренные причины нашей слабости, выслушать правдивое выражение наших внутренних потребностей и посвятить все наше внимание и все средства их удовлетворению.

Не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме Европейских держав; ибо внешняя сила и политическое значение государ-

ства зависит не от родственных связей с царствующими династиями, не от ловкости дипломатов, не от количества серебра и золота, хранящегося под замком в государственной казне, даже не от численности армии, но более всего от цельности и крепости общественного организма. Чем бы ни болела земля: усыплением мысли, застоём производительных сил, разобшением правительства с народом, разъединением сословий, порабощением одного из них другому — всякий подобный недуг, отнимая возможность у правительства располагать всеми подвластными ему средствами и, в случае опасности, прибегать без страха к подъёму народной силы, воздействует неизбежно на общий ход военных и политических дел.

Эта истина, под тяжкими ударами судьбы, постепенно проникает в общественное сознание, и оттого в минуты, подобные настоящей, охотнее, чем в спокойное время, выслушивается горькая правда, совесть общественная говорить громче, большее отзываются старые, запущенные недуги и, казалось бы, в той же мере должна возрастать решимость на всякую жертву для коренного исцеления^{*49}.

Во главе современных, домашних вопросов, которыми мы должны заняться, стоит, как угроза для будущего и как препятствие в настоящем для всякого существенного улучшения в чем бы то ни было, — вопрос о крепостном состоянии. С какого бы конца ни началось наше внутреннее обновление, мы встретимся с ним неизбежно. Мы не можем миновать его и не должны уклоняться от его разрешения; ибо нравственные и вещественные потребности целых сословий, возникающие естественно, исторически-законно из данного положения, подлежат разумному направлению правительств только до известной поры. Можно их признать, обдумать и проложить путь к их удовлетворению; можно также противопоставить им упорное отрицание и заглушить их.

* Пример подобной благородной решимости подала Пруссия после поражения под Иеною и Тильзитского мира. Разбитая и униженная, она приступила к внутреннему своему обновлению в самое то время, когда Французские гарнизоны занимали ее крепости, а государственные доходы поглощались военными контрибуциями. Тогда были задуманы и начаты все коренные преобразования в ее общественной организации. Сюда относятся: упразднение барщины, крепостного состояния, отвод земель поселянам, упразднение местных и сословных привилегий, стеснявших свободу торговли и промыслов, устройство областной администрации, военных сил и народных училищ. Благодаря великим государственным деятелям, в ту пору явившимся, Штейну, Гарденбергу и продолжателям их трудов, единодушному содействию целого общества и благородной любви Фридриха Вильгельма к правде и свободе, униженная Пруссия быстро поднялась и не только воротила утраченное, но стала выше прежнего.

В первом случае, преобразование совершается в общественном сознании прежде, чем на практике, и потому существующий порядок вещей, раздвигаясь постепенно, дает место образующимся новым явлениям; во втором, сдавленные потребности, встречая на всех точках систематический отпор, по-видимому, исчезают, но это обман: они только уходят вглубь. Лишенные гласного проявления, удаленные от света, они созревают в тишине и мраке и там перерождаются в темные страсти, неразумные, как стихийные силы, и также неодолимые. Наконец, по поводу ли общего бедствия, голода, пожаров, повальной болезни, или распущенного, неведомо когда и кем, вздорного слуха, или сумасбродной выходки отважного бродяги, они прорываются неожиданно, достигнув до той роковой поры своего развития, когда уже никакая человеческая сила не может ни сдержать, ни направить их стремления. Остается одна материальная с ними борьба, потрясающая надолго все основы общества, каков бы ни был ее исход. Вот чему учит нас пример других народов и наша собственная историческая опытность.

Вопрос о крепостном праве находится еще в первой поре своего развития; но дальнейший ход его зависит от того, в какое отношение к нему станет в настоящую минуту правительство и общество. Если мы не хотим осудить себя на роль безгласных жертв в грядущей развязке, то пора повернуться к нему лицом, назвать его по имени и решиться, наконец, произнести во всеулышание то, что уже давно лежит у всех на сердце, как опасение или надежда, как разумное убеждение или как темная забота, неотвязчиво нас преследующая.

В полной уверенности, что вопрос о крепостном праве развился до полной зрелости; что разрешение его требует не только твердой воли со стороны правительства, но, сверх того и по преимуществу, ясного сознания и чистосердечного содействия со стороны сословия, наиболее заинтересованного в мирном его разрешении; с единственной целью вызвать к спокойному и добросовестному обсуждению всех его сторон, составлена настоящая записка. Пишущий эти строки желал бы избежать раздражительных сторон вопроса; он обязывается не останавливаться на случайных злоупотреблениях, в которых выражаются личные пороки и страсти; но вместе с тем, будучи сам помещиком, он вменяет себе в долг картину зла, истекающего из существующих законов, из действий правительства, из бытовых отношений, веками выработанных, выставить со всевозможной ясностью и ничего не смягчая; ибо, в настоящем деле, резкость выражения и строгость осуждения, даже при ошибочном воззрении, гораздо извинительнее натянутых оправданий и умышленных недомолвок.

Влияние крепостного права на общественную нравственность

Еще недавно, лет двадцать тому назад, правительство и общество признавали крепостное право за несомненное зло. Против этого никто не возражал, никто за него не заступался и спорили только о том: наступило ли время упразднить его, каким путем из него выйти, чем заменить существующий порядок. Прискорбно сознаться, что теперь уже не то. Правительство приняло крепостное право под свое особенное покровительство: оно изъято безусловно из круга тех вопросов, о которых позволено рассуждать печатно; самые отдаленные намеки на вредные его стороны преследуются цензурою с беспощадною строгостью; наконец, в нашей литературе и в изданиях казенных стали появляться апологии крепостного права, выведенные не из юридических или административных соображений, но из общих, религиозно-нравственных начал, — апологии самого существа крепостного права^{*50}.

На чем же помирилось общественное мнение, какими доводами или опытами оно переубедилось, из каких общих понятий истекает современное его воззрение? На все эти вопросы трудно отвечать. Воззрение, теперь господствующее в официальном мире, не поддается строгому разбору по самой его неопределенности. На нем лежит какой-то идиллический оттенок. Оно не вникает в предмет, в действительные отношения крестьян к помещикам, но восхищается ими, или точнее, восхищается какими-то идеальными, им же самим созданными призраками. Полнейшее выражение его заключается в риторической фигуре уподобления помещика отцу семейства, а крепостных людей его детям. Так теперь принято, и эта фигура в последнее время имела такой успех, так часто повторялась, что для многих она получила значение неопровержимого доказательства, полного ответа, разрешающего все недоумения разума и совести.

В чем же заключается сходство? Хотим ли мы сказать, что крестьяне связаны с помещиком узами кровного родства? Или мы

* Особенно замечательно в этом отношении одно место в наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений, изданном в 1852 году. В пользу крепостного права приведены тексты из Священного Писания — единственный, доселе небывалый пример в нашей литературе. В немногих словах, совет, предлагаемый автором инструкции воспитанницам, может быть выражен следующим образом: берегите крепостное право, как учреждение божественное, как Божью заповедь, употребляйте его как власть родительскую над детьми. Не прямой ли из этого вывод что правительство, упразднив это право в Остзейском крае и в Польше, нарушило Божью заповедь?

хотим себя уверить, что до XVII века наш народ находился в состоянии жалкого сиротства, и что Борис Годунов не крестьян прикрепил к помещикам, а помещиков прикрепил к крестьянам в качестве опекунов? Или не думаем ли мы, что как, по слову Апостола, не чада должны приобретать имение для родителей, а родители для своих чад*, так и у нас, не крестьяне работают на господ, а господа работают на крепостных своих людей, в надежде сделать их равными себе и передать им со временем свое состояние, свое образование и вообще все, чем дорожат сами?..

Если ни в природных, ни в исторических, ни в хозяйственных отношениях нет сходства, то в чем же искать его, как не единственно в юридической неопределенности власти родительской и власти помещичьей, в беззащитности детей и в беззащитности крестьян? Закон не вмешивается в отношения родителей к детям; он не считает нужным вооружать последних оборонительными орудиями против естественной, притом известным возрастом ограниченной власти первых. Таким же образом, или сходно с тем, поступает закон и в отношении к крепостному сословию. Вот единственная точка соприкосновения обеих властей. Но разве в этой юридической неопределенности, в этом полновластии с одной стороны, и в этой беззащитности с другой, заключается сущность союза родителей с детьми? Неужели тот, кому дано безотчетно располагать судьбою ближнего, через это одно становится для него отцом?

Совестно было бы занимать читателей разрешением этих вопросов. Сами защитники так называемых патриархальных отношений крестьян к помещикам никогда не выдерживают своей темы и беспрестанно сбиваются на понятия, идущие с нею в разрез: «К чему вмешательство закона и права, к чему вводить юридические формальности и тонкости в такую область, где все проникнуто взаимною любовью и доверием?» — Это мы слышим беспрестанно, пока идет дело о полицейской власти помещика; а вот, что говорится крестьянам, когда коснется дело до собственности: «Знайте, земля моя, не ваша; мое добро для вас чужое; я вам отвел участок из моей земли; так подавайте оброк или ступайте на барщину». Странно, с какою быстротою чадолубивый отец превращается в ревнивого собственника, дети в фермеров, семейные отношения в торговую сделку! Гораздо последовательнее крестьяне. С чужого голоса научились и они повторять: «Вы

* Второе Посл. к Коринф. гл. 12. ст. 14.

наши отцы, мы ваши дети», и прибавляют про себя: «Мы все твои, а все твое наше»⁵¹.

Пора бы убедиться в логике народного инстинкта и уразуметь, что отсутствие гарантий против произвола помещика находит себе казнь в отсутствии надлежащего основания и твердых границ для собственности вотчинника.

Помещик провозглашает себя отцом своих крепостных людей, и правительство утверждает его в этом звании; но этого мало. Осуществление семейных отношений требует еще одного условия, а именно, чтобы те, на долю которых выпал жребий оставаться по гроб детьми, признали добровольно указанного им господина за своего отца. Предположив, что помещик с своей стороны способен принять и выполнить достойно свою роль, спросим себя: каково внутреннее отношение к нему его крепостных людей? Та ли с их стороны безотчетная привязанность к нему, всецелая доверенность, простота и непринужденность отношений, которыми держится союз родителей с детьми, без которых неограниченность и неопределенность родительской власти превратилась бы в невыносимую тягость? Не задумается над разрешением этого вопроса тот, кто имел случай читать следственные допросы по делам о неповиновении крестьян или кто, живя в деревнях, прислушался к народной молве и приучил свое ухо различать правдивое выражение мыслей простых людей от их официальных речей; ибо и крестьяне имеют свой особенный официальный язык для обращения с своим помещиком, язык подобный тому, какой употребляем мы, обращаясь к правительству.

Оставляя даже в стороне личные наблюдения, как предмет спорный, можно указать на документальные, бесспорные и всем доступные свидетельства. Пусть переберут наши законодательные памятники со времен Уложения⁵². О каком настроении духа в крепостном сословии красноречиво свидетельствует целый ряд манифестов, указов и циркуляров, повелевающих крестьянам безропотно повиноваться их господам и не давать веры слухам о вольности? Отчего подобными актами открывались все новые царствования?

* Во всеподданнейшем донесении Смоленского предводителя от лица дворянства, 1849 года, по возбужденному вопросу о добровольных сделках с крестьянами, мы читаем следующее: «Крестьяне издавна составили себе убеждение, обратившееся с течением времени в твердую уверенность, что земля, на которой они живут и которою только пользуются, если не собственность их, то, по крайней мере, общая с помещиком». Это убеждение, конечно, не нравится помещикам; но что может возразить против него тот, кто сам себя называет отцом, крестьян своими детьми, и на этом основании противится всякой попытке ограничить его произвол установлением правомерных отношений?

Отчего в последнее время усилено наблюдение за поведением крепостных людей? Что значат периодические движения масс в разных губерниях и эти неопределенные, глухие молвы о скорой свободе, всегда где-нибудь доносящиеся? Отчего с каждым годом возрастают опасения помещиков, а вместе с страхом и раздражительность? Где ж тут признаки сыновней преданности, привязанности и доверия?...

Могут возразить и действительно возражают, что народ не понимает своего блага, по грубости своей не ценит отеческой заботливости помещиков, по легковерию увлекается злонамеренными внушениями — пусть так! Мы никого не обвиняем и не оправдываем, а стараемся только уяснить себе характер существующих отношений. Они представляются в следующем виде: помещик пользуется почти неограниченной и безотчетною властью отца в семействе; крестьяне же видят в нем не отца, а природного врага своего и рвутся от него на волю.

Прямое и косвенное влияние этих отношений на помещиков, вооруженных крепостным правом, на крестьян, связанных им, на чиновников, охраняющих его, налагает свое клеймо на нравственную физиономию каждого из этих сословий. Начнем с помещиков.

Мысль и воля человека испытывает на себе постоянное давление общественного мнения, действующее на все его нравственное существо точно так же, как давление атмосферы действует на его физический организм. Оно не изменяет внутренних его свойств, не искореняет страстей и порочных наклонностей, но сдерживает их проявление. Наоборот, как в безвоздушном пространстве всякое тело раздувается и выходит из своих законных пределов, так точно, при известных условиях, страсти, увлечения, прихоти, даже, по существу своему, невинные странности характера — разрастаются на свободе, достигают до уродливых размеров и порождают иногда изумительные явления дикого разврата или безумной жестокости. Взгляните на образованного Европейца у себя на родине, там, где общественное мнение, им уважаемое, поддерживает его и не дает упасть ниже условного нравственного уровня, и вспомните, что позволяет себе тот же Европейец в отдаленных колониях Америки и Индии. Одинаковой опасности подвергается и помещик в кругу своих крепостных людей. Как полновластный господин, он действует на них всею тяжестью своей личности и не испытывает на себе их нравственного воздействия; ему нет отпора в равномерных правах людей, его окружающих. Их отношения, законом определенные, не могут измениться, хотя бы он лишился

их уважения и сделался для них предметом негодования или презрения. Их нравственный суд над ним до него не восходит*.

Но этого мало. Навык к самовластию и самоугождению развивается не только вследствие отсутствия внешнего противодействия, но еще в особенности потому, что со стороны своего окружения из крепостных людей, помещик ежечасно подвергается искушению дать полную волю своему произволу. Ему предстоит борьба с собою и, сверх того, борьба с его подчиненными. Трудно ему заранее заключить свою волю в пределы и не переступить их; но еще гораздо труднее заставить крестьян и дворовых, ближайших исполнителей его распоряжений, признать эти пределы и уважить их; ибо, где все зависит от прихоти одного человека, естественно должно всего опасаться, но за то можно и всего добиваться. — «Захочет барин, чего не сделает!» и в этом убеждении, на долголетнем опыте основанном, люди, которых участь отдана в его руки, со всех сторон осаждают его самыми бессовестными требованиями и обидными для других домогательствами**53.

* Положив себе за правило не останавливаться на злоупотреблениях, имеющих характер случайный, как бы часто они не повторялись, мы указываем здесь только на общие условия, вызывающие их. Не выходя из круга своих личных наблюдений, читатель, если он жывал в деревнях или следил за ходом уголовных дел, легко подведет примеры под эту статью.

** Например, крестьянин требует, чтобы, во имя своего полновластия, помещик приказал другому крестьянину выдать свою дочь за его сына и, если помещик откажется подбирать женихов к невестам, вся деревня заропщет (смотри об этом статью помещика Титова в № 4 Земледельческого Журнала за 1836 год).

Второй пример: несколько лет тому назад, в одном оброчном имении, крестьянин, занимавшийся выделкою разных вещей из меди для Московских купцов, настоятельно упрашивал своего господина, чтобы для поправления его дел, приходивших в расстройство, запрещено было прочим крестьянам, одной с ним вочины, занимавшимся тем же ремеслом, принимать в Москве заказы из первых рук, а велено бы им было работать всем на него, просителя, по той цене, какую он назначит. На все доказательства несправедливости его требования, он отвечал «отец ты наш, на все твоя воля: как велишь, так тому и быть».

Третий пример: в некоторых имениях, зажиточные крестьяне откупаются от поставок рекрутов натурою денежными взносами. Деньги идут в господскую кассу, а на место откупившегося, исправляет повинность семья, стоящая под ним на очереди. Значит: помещик продал одного из своих детей другому. На этот источник доходов помещики были наведены богачами из крестьян.

Четвертый пример: также по настоятельным требованиям крестьян, ввелся и поддерживается доселе обычай, при разбирательстве жалоб, в случае недостатка доказательств против обвиненного, *допрашивать розгами*. Есть имения, в которых он до того укоренился, что отступление от него подателем жалобы принимается за явное пристрастие со стороны помещика или его поверенного к обвиняемому. Многие говорят: «все это в наших нравах; такова натура Русского мужика; он это все любит». Действительно любит, так же как мы любим давать взятки, чтобы спасти законную собственность от грабежа и, привыкнув к этому, начинаем несправедливый иск в надежде успеть взятками.

Таким образом, при малейшем послаблении (а кто за себя поручится, что воля его, утомленная борьбою, подчас не изнеможет), самый добросовестный помещик неприметно выходит из границ, им самим для себя очерченных. При первой встрече с крепостными людьми своими, он сталкивается с отвердевшим понятием о его полновласти, о том, что может себе позволить помещик и чего можно от него ожидать. Как далеко оно расходится с тем идеальным понятием, которое сложилось в голове самого помещика, еще не выезжавшего из города и в тишине лелеявшего благие намерения! Что же выйдет из этого столкновения? Станет ли твердости у помещика на первых же порах ответить решительным: не могу или не хочу? Выдержит ли он недоумение обманутых ожиданий, молчаливое, но очень понятное сострадание его ближайших подчиненных к его неопытности? Не побоится ли он молвы, которая мигом разнесется о его слабости, о его неумении взяться за дело, — молвы, которая немедленно подстрекнет к разным шалостям, воровствам и беспорядкам? Вероятнее всего, так обыкновенно и бывает, что, не желая уронить себя и остаться непонятым, а может быть, из ложного снисхождения к понятиям его окружающих, он подчинится им, отложив на время свои благие намерения. Но этот шаг решителен. Одно послабление влечет за собою другое, и, через год, на просьбу прикащика: «уж прикажите, сударь, по старому», помещик отвечает, махнув рукою. И вот уж он вполне помещик и с каждым днем глубже и глубже втягивается во все права и принадлежности звания, которыми еще недавно возмущалась его совесть. Кто не видал этому примеров?

Обратимся к народу. Народ покоряется помещичьей власти как тяжелой необходимостью, как насилию, как некогда покорялась Россия владычеству Монголов, в чаянии будущего избавления. Но на сколько покорность *за совесть* возвышает нравственность человека, на столько же, при невозможности явной борьбы, унижает ее покорность *за один страх*. В этом отношении, коренное понятие народа, отвергающего про себя законность помещичьей власти, конечно, противоречит Своду Законов; мы и не беремся оправдывать его, но указываем на то, что есть, что всем известно и чего никто не решается сказать. Отношения крепостных людей к их помещикам развивают в первых притворство, обман и лесть. Оттого крестьяне, почти во всех обстоятельствах жизни, обращаются к своему помещику темными сторонами своего характера. Умный крестьянин в присутствии своего господина притворяется дураком, правдивый бессовестно лжет ему прямо в глаза, честный обкрадывает его, и все трое называют его своим отцом.

Взгляд народа на крепостное право, хотя и глубоко в нем затаенный, хорошо известен как помещикам, так и правительству. Помещики боятся за себя, блюстители благочиния боятся за общественный порядок и под влиянием этого двойного страха производятся и решаются дела о неповиновении крестьян и злоупотреблениях помещичьей власти. Для предупреждения самых злоупотреблений правительство не предоставило себе почти никаких средств^{*}; они постепенно накапливаются, никому неизвестные, разумеется, кроме тех, которые от них терпят, не имея права жаловаться, — накапливаются до тех пор, пока переполнится мера Русского долготерпения. Обыкновенно, с этой только минуты вступается в дело местное начальство.

Всем известно, что наше законодательство стремится довести производство следствий и применение наказаний до безошибочной точности алгебраической выкладки; но, как бы близко оно ни подошло к своей цели, участие в уголовном делопроизводстве живой личности следователя и судьи не могло быть вполне устранено, а живая личность более или менее поддается влиянию живой современности. При обсуждении данного случая к строгим требованиям закона примешивается мысль о том, какими общими последствиями может отозваться на практике то или другое решение, и вот почему обыкновенно случается, что приговор над уличенным помещиком смягчается боязнью ослабить или уронить в его лице значение помещика, а виновные крестьяне казняются не столько в меру их вины, сколько в меру возбужденных опасений, казняются не за одно совершенное ими преступление, а

^{*} Доказательством может служить страшное дело крестьян помещика N. в Ставропольской губернии. Доведенные до отчаяния своим господином, который разорял их систематически, насилывал их жен и дочерей, крестьяне, наконец, отложились от него, в полном сознании ожидавшей их участи. По приказанию губернатора, по безоружной толпе, стоявшей густою массою у церкви, сделано было три выстрела картечью. Произведенное исследование обнаружило, что губернатор был вынужден прибегнуть к этому средству, потому что, несмотря на все убеждения и угрозы, крестьяне оставались непреклонными, и губернатор был оправдан; но правы ли были местные власти, все вообще, в глазах которых крестьяне доведены были N. до такого состояния, что самая насильственная смерть была ими принята, как избавление от жесточайшей участи? Этот вопрос даже не был возбужден. Еще недавно, убийство X., который в самом Петербурге, в глазах явной и тайной полиции, мучил свою прислугу и, наконец, поплатился жизнью за долговременную безнаказанность, еще яснее засвидетельствовало всю недействительность предупредительного надзора, со стороны правительства, для ограждения крепостных людей от злоупотреблений помещичьей власти.

в назидательный страх другим*. Таким образом, коренная неправда основных отношений влечет за собою целый ряд частных несправедливостей со стороны самого правительства, невольно потворствующего неправде.

Влияние крепостного права на политическое благоустройство

Во всей Европе существовало крепостное право до известной поры и в некоторых землях до весьма недавней; но, может быть, нигде оно не было так исторически беззаконно, как у нас, а потому так вредно и опасно в политическом отношении. В тех землях, где государственный организм сложился из разнородных начал, успевших отвердеть в своей исключительности задолго до их совокупления под одную верховною властью; где каждое сословие, развившись в разобщении с другими, внесло в государственный союз выработанный свод исключительных прав, притязаний и предрассудков; где самая верховная власть поочередно подчинялась и служила односторонним видам враждующих между собою племен, сословий и политических партий — там, порабощение одного класса народонаселения другому, при всей безнравственности подобного явления, по крайней мере, не было лишено исторического оправдания, как неизбежный вывод из основных посылок, как недуг, но недуг прирожденный самому организму. Не

* Например, *пассивное сопротивление* или *неповиновение* превращается в *восстание*, а преступление, учиненное против помещика, как *частного лица*, рассматривается как оскорбление *правительственной власти*. Подобного рода натяжкам, клонящимся к усугублению наказаний, заслуженных крепостными людьми, весьма трудно положить предел по следующей причине. Всякий чиновник, как *представитель власти правительством установленной*, относится к своим подчиненным единственно в сфере его служебной деятельности; вне этой сферы он относится к ним как *частное лицо*; как чиновник, он требует исполнения обязанностей, законом определенных; но он не в праве, во имя своей власти, требовать личных себе услуг. Дело служебное и дело частное здесь ясно различаются. Помещик возведен также на степень *власти правительством установленной*: он судит, рядит и наказывает; сверх того, в *качестве же помещика*, он выгоняет своих крестьян на свои поля, сажает своего крепостного кучера на козлы своей кареты, заставляет своего камердинера чистить свои сапоги. При этих отношениях, есть ли какая-нибудь возможность разобрать, в каких случаях слушание против помещика, или оскорбление ему нанесенное, относится к его личности, и, в каких случаях оно восходит до представителя правительством установленной власти? По крайней мере, в нашем законодательстве не было даже ни одной попытки подвести отношения владельцев к их крепостным людям под эти две категории, и оттого *всякое* слушание, *всякое* оскорбление рассматривается, как преступление против власти или как *бунт*. Справедливо ли это?

так было в России: у нас государство сложилось из цельного вещества дружным усилием всей земли и, как в старину, так и до настоящей минуты, все сословия его поддерживают. Оттого, всякий Русский, как бы далеко он ни стоял от престола, видит в Русском Царе самого себя; тогда как, например, во Франции крестьянин не мог не чуждаться короля, называвшего себя, как Франциск, первым дворянином Франции, или, как Людовик Филипп — королем-мещанином⁵⁴. Если таково происхождение и таков характер Русского государства, то почему же не все сословия в равной степени пользуются его покровительством? Почему 22 миллиона подданных, платящих государственных подати, служащих государственную службу, поставлены вне закона, вне прямого отношения к верховной власти, числясь в государстве только по ревизским спискам⁵⁵, как мертвая принадлежность другого сословия? Для оправдания этой несправедливости, иногда прибегают к предположению какой-то сделки, в силу которой правительство, вооружив помещиков крепостным правом, в тоже время возложило на них ответственность за поселян, обязанность их опекать, кормить в неурожайные годы, обстраивать и защищать от всяких обид*. Но это толкование, не выдерживающее самой поверхностной критики, как объяснение происхождения помещичьей власти и, очевидно, придуманное в новейшее время для ее оправдания, когда, развившись до последних своих пределов, оно начало клониться к упадку, еще положительнее самого крепостного права противоречит понятию Русской земли о назначении верховной власти. Хотя бы даже подобною сделкою могло быть облегчено

* Так в «Земледельческом Журнале» (1821 г. № IV) мы находим следующее определение помещика: «Помещиком я разумею *наследственного чиновника*, которому верховная власть, дав землю для населения, вверила чрез то и попечение о людях населенных. Он есть природный покровитель сих людей, местный их судья, ходатай за них, попечитель о неимущих и сиротах, наставник в благом, наблюдатель за благоустройством и правами». В записке 1849 г. против указа о обязанных поселянах, Смоленский губернский предводитель выразил ту же мысль еще определительнее: «В нашем обширном отечестве, более десятка миллионов народонаселения управляется своими помещиками под руководством законов. *Правительство не имеет с ними никаких прямых отношений*. Помещики стоят лицом к государству и отвечают ему за целость миллионов народа. В лице их заключается власть и административная, и полицейская, и судебная... Исполнение всех этих обязанностей помещиками, соединенное с ответственностью и ручательством их имуществ, *не стоит ничего ни правительству, ни народу (!)*». Откровенность, с которою защитник крепостного права выразил свое убеждение, что правительство, избегая собственных хлопот и денежных расходов, предпочитает отдачу помещикам в откупное содержание суда и расправы над одиннадцатью миллионами своих подданных, заслуживает полного уважения; но странно, что правительство не отреклось от приписанных ему видов.

тяжелое бремя государственного управления, Россия никогда не поверит, чтобы правительство могло решиться отдать сознательно часть своих подданных в откупное содержание. Государственная власть, со всеми ее обязанностями, со всею ее нравственную ответственностью перед целою землею, не подлежит ни отчуждению, ни разделу. В убеждении Русского человека, беспрепятственное, прямое, никем не прерванное отношение каждого сословия к верховной власти, поставленной над всеми сословиями и равно близкой ко всем, так же существенно необходимо для здоровья государственного организма, как свободное обращение крови во всех жилах человеческого тела. Чем по природе своей однороднее и цельнее этот организм, тем живее сочувствие целого с каждою из частей, и оттого онемение одного члена, наглухо перехваченного мертвым узлом крепостного права, отзывается болезненным расслаблением или судорогами во всем государственном составе.

Крепостное сословие, хотя, конечно, не сознает отчетливо, за то живо ощущает историческую незаконность своего обидного положения и по естественному порядку вещей ставить его в вину дворянству. Дворянство разлучило простой народ с Царем. Ставши поперек между ними, оно заслоняет народ от Царя и не допускает до него народных жалоб и надежд. Оно же скрывает от народа светлый образ Царя и оттого слово последнего или не доходит до простых людей, или доходит искаженным. Но народ любит Царя и рвется к нему, и Царь с своей высоты с любовью смотрит на народ, издавна замышляя его избавление. Когда-нибудь они откликнутся и через головы дворян протянут руки друг другу^{*56}.

* Тем, кому этот очерк политического воззрения крепостного состояния на современность покажется натянутым, мы советуем, при удобном случае, разузнать, какими словами рассказывается в народе история Пугачева, или, после любого значительного бунта против помещика, расспросить, как судят другие крестьяне, непричастные к бунту, о действиях их соседей. К сожалению, большинство помещиков и людей служащих на все явления, раскрывающие перед ними общее настроение крепостного сословия, смотрят слишком поверхностно, приписывая особенную важность случайным поводам к беспорядкам и принимая последствия за причины. С этой точки зрения прибегают обыкновенно к предположению злонамеренных подстрекательств. Бесспорно, попадаются и подстрекатели, хотя далеко не так часто, как думают помещики; но ошибка в том, что самое периодическое появление разглашателей ложных слухов вызывается общими ожиданиями и надеждами, постоянно бродящими в народе. Совершенно сходное явление представляют у нас самозванцы. Действующими лицами являются: Гришка Отрепьев, Пугачев, Кондратий Селифанов; но если бы не возмущался народных слух мольбою о царевубийствах, то никто бы из них не увлек за собою толпы, никому бы и в голову не пришло выдать себя за царя. Можно устраивать коренные *причины* беспорядков и должно об этом заботиться; но надеяться, не касаясь причин, предупредить *поводы* к беспорядкам, было бы безумием: ибо все на свете может

Таковы представления и постепенно зреющие надежды 11-ти миллионов людей. Что же помешает им перейти в дело?

Конечно, нам ответят: строгое наблюдение и предупредительные меры правительства. Но, к несчастью, не одни помещики, живущие в деревнях, а все дворяне, в том числе и служащие, всё сословие чиновников, от станowego пристава до полного генерала, не выключая духовенства, все правительственные лица, наполняющие промежуток между простым крестьянином и Царем, в глазах народа заподозрены. Когда через их посредство доходит до него Высочайшая воля, не согласная с тайными его ожиданиями, народ не верит посредникам. В его понятиях Царь и правительство никогда не сливаются. Объявляется ли отыскивающим свободы Высочайшая резолюция о неправомерности их иска, крестьянам чудится подлог или обман; доходит ли до них манифест, между печатных строк они читают обещание желанной свободы^{*57}.

послужить поводом. При современном настроении крепостного сословия, пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни, приезд Государя в Москву (как это было в 1843 году), всякое происшествие, почему либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе; ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания. Все это возможно в каждую минуту, и никакая полиция, разумеется добросовестная, не поручилась бы за один день спокойствия.

Последние призывы в морское и сухопутное ополчение бесспорно были составлены со всевозможною ясностью и осторожностью. Видно, что пером сочинявшего их правило не столько желание поднять дух народный, сколько боязнь беспорядков и сопряженных с ними хлопот. Все, что можно было придумать для предупреждения неосновательных толков, которых опасались, было употреблено в дело, и, несмотря на все это, опасения до некоторой степени оправдались. Известно, что в некоторых уездах Тверской губернии крестьяне поднялись массами без позволения помещиков, так что полиция должна была прибегнуть к валовому сечению для охлаждения их усердия. В Тамбовской и Рязанской губерниях, несмотря на толкования и увещания, крестьяне собирались толпами и уходили из деревень. В Киевской — помещичьи крестьяне объявили, что они идут за Царя поголовно, а панам своим отслужили. За излишнее усердие по ним дали несколько выстрелов.

Вот еще пример: в Тамбовской губернии, в 1847 году, при продаже с публичного торга имения князя Голицына, крестьянам было предложено откупиться и вместе с тем ясно объявлено, чтоб они не ожидали и не просили никакого от казны пособия. Вопреки этому, они отправили от себя депутата в Петербург, где он лично утруждал покойного Государя просьбою о переводе на них казенного долга. При обратном препровождении этого депутата в Тамбов, сообщена была Высочайшая воля, чтобы, по водворении просителя на месте жительства, сам вице-губернатор растолковал прочим крестьянам точный смысл указа 8 Ноября. После продолжительных объяснений, потребовали от крестьян подписки в том, что они прослушали и поняли указ вполне; но здесь обнаружилась во всей силе та недоверчивость, о которую так часто разбиваются все меры и средства правительства. Крестьяне долго отказывались дать подписку, боясь чрез это преградить себе пути

Такова сила исторического убеждения или предчувствия. О чем бы ни заговорило правительство во всеуслышание, как бы ясно оно ни выражалось, слова его возбуждают всякий раз одни и те же сокровенный надежды или непобедимое сомнение в их подлинности.

Никакой закон, ни даже словесные убеждения от имени Государя, хотя бы их передавали жандармские офицеры, флигель- и генерал-адъютанты, не примирят народа с крепостным правом и не искоренят в нем твердой уверенности, что Царь давно замышляет даровать ему желанную вольность.

Да и разумно ли с нашей стороны желать, чтобы народ разочаровался? Страшно теперь, когда он *надеется*; менее ли будет страшно, когда в нем заморят надежду и он *отчаётся*?

Недоверчивость крепостного сословия к правительству у нас обыкновенно приводится в доказательство невежества крестьян и совершенного в них отсутствия всякого понятия о законности. Доказательство неопровержимо. Наш простой народ не знает ни Свода Законов, ни форм делопроизводства, ни отношений властей

к дальнейшим ходатайствам. На уверения, что самому Государю их домогательства неуютны, они возражали: для чего не прислали указа прямо к ним, для чего распечатали не при них и т.п. Наконец, подписку отобрали, всё, по-видимому, кончилось; но через несколько дней узнали, что те же крестьяне тайно наводили справки о том, не вышло ли чего-нибудь на просьбу, поданную ими Государю. Этот случай вполне характеризуем отношении крепостного сословия к правительству по всем гражданским делам об отыскивающих свободы или по жалобам на помещиков.

В 1853 году, крестьяне N... (о которых было упомянуто выше), получив отказ в их иске во всех инстанциях, отложились от своего владельца и на все убеждения духовенства и местных властей отвечали, что они ожидают резолюции на просьбу, посланную ими в собственные руки Государя-Наследника. Их, наконец, разуварили картечью и пулями.

Неоднократное повторение подобных случаев не могло укрыться от внимания властей, находящихся в прямых отношениях к владельческому крестьянам. Смоленский губернский предводитель в записке, уже цитированной нами, в которой он старался представить в выгоднейшем свете отношения крепостных людей к помещикам, писал, однако же, следующее: «Всегда достаточно было распоряжений правительства к подавлению опасного духа и водворению спокойствия в народе, *при всем том, что народ бессознательно подозревает, что эти распоряжения не происходят от воли Царя.* Там же, где выражалась ясно положительная и непременная воля Государя, народ с благоговением принимал ее; так, например, в прошедшем году (1848) всенародное объявление циркуляров о Высочайшей воле, чтобы крепостные люди повиновались законной власти своих помещиков, водворило совершенное спокойствие». — Ошибочность последнего удостоверения губернского предводителя ясно обнаружена позднейшими происшествиями. Два года спустя, в 1851 году, вот что писал начальник той же Смоленской губернии: «*Недоверие к лицам, служащим по выборам дворянства, и еще меньшее доверие к полициям* вынуждает крестьян Смоленской губернии обращаться с жалобами на своих господ в С.-Петербург к самому Государю Императору».

и учреждений между собою и к верховной власти; но именно по этой причине, действие правительства на массу ни на чем ином основано быть не может, как на личном доверии к исполнителям царской воли. Когда и этот единственный рычаг вываливается из рук правительства, когда толпа встречает его чиновников с убеждением, что ее обманывают, других средств не остается, как только штыки и картечь. Опасное средство!

Итак, триста тысяч помещиков, не без основания встревоженных ожиданием страшного переворота; одиннадцать миллионов крепостных людей, твердо уверенных в существовании глухого, давнишнего заговора дворянства против Царя и народа, и в то же время считающих себя за одно с Царем в оборонительном заговоре против их общего врага, дворянства; законы, в которых народ не признает подлинного выражения царской воли; правительство, заподозренное народом в предательстве и не внушающее ему никакого доверия, — вот чем мы обязаны крепостному праву в отношении политическом.

Может ли считать себя безопасным внутри и благоустроенным государство, под которое подведен этот страшный подкоп? Может ли оно свободно и бестрепетно двигать всеми в нем заключенными силами?

Влияние крепостного права на народное хозяйство

Обратимся теперь к экономической стороне вопроса. Всякая промышленность, в том числе и земледельческая, требует совокупного участия трех условий: материала, данного природою, капитала и труда; но капитал есть ничто иное, как сбереженный плод предшествовавших человеческих усилий, и потому от степени напряжения и производительности народного труда зависит, главным образом, успех во всех отраслях народного хозяйства. Тысячи внешних, второстепенных обстоятельств могут иметь влияние на человеческий труд, то возбуждая его, то ослабляя; но основной закон его развития остается постоянно и везде неизменным: производительность труда находится в прямом отношении к свободе трудящегося. Чем менее он стеснен в выборе занятия, в распоряжении своим временем и своими силами, тем успешнее его труд; наоборот, производительность труда постепенно упадет по мере ограничения свободы трудящегося. Оттого всех хуже работает невольник, для которого нет иных понуждений, кроме страха; несколько лучше невольника, но гораздо хуже вольнонаемного, работает барщинник; а поденщик в свою очередь далеко

уступает наемнику на урочном положении^{*58}. Этот общий закон, давно признанный за одно из немногих бесспорных положений политической экономии, вполне применяется к современному состоянию земледелия в России. Первое побуждение, заставляющее человека напрягать силы для тяжелого механического труда,

* См. Stuart Mill (Principes d'économie politique т. I, гл. 5, § 2), Roscher (Grundlagen etc. § 39) и вообще всех известных экономистов. К тому же заключению, путем наблюдения, пришли издавна просвещеннейшие из наших помещиков. В Земледельч. Журн. 1834 г., № 17, мы читаем: «Оброчник имеет гораздо более возможности развертывать свои способности, чем барщинник; ибо он улучшает свое состояние на том пути, куда его влечет склонность. Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственной своей воле, а не по направлению другого, он более пользуется опытом, более исправляет собственный свои ошибки и следовательно несравненно более научается мыслить, чем тот, который все делает механически по наряду другого». В № 3 того же журнала за 1835 г. «Крестьянское правило в барщинских работах: чем меньше и хуже, тем лучше». — В статье Вилькина 1843 года: «Кто из помещиков, лично занимавшихся своим хозяйством и обрабатывающих землю издельными крестьянами, не знает, по собственному опыту, как медленно и небрежно исполняются наши барщинские работы, если нет за ними внимательного и строгого присмотра. Сколько обманутых и неудавшихся расчетов просто оттого, что вообще па барщине выгоды крестьян диаметрально противоположны выгодам помещика!» — Псковский помещик Волков выразил ту же мысль в следующих словах: «Труд не должен быть принудительным, если желают, чтобы человек работал с высшею степенью физических и умственных своих способностей... Смело можно сказать, что в хорошо управляемых барщинах, три четверти барщинников отвечают за себя и за других, т. е. что работы утяжеляются по крайней мере на четвертую долю времени. Когда бы эту потерю исчислить по всем именьям, то, я думаю, результат оказался бы государственной важности» (Земледельч. Журнал 1852 года, № 1). Другой помещик, Лодзьенский, идет еще далее и утверждает, что в барщине всегда пропадает работы на половину (Земледельч. журнал 1853 года, № 1).

Убеждение в негодности и непроизводительности вынужденного труда, постепенно распространяясь в кругу просвещенных и добросовестных помещиков, заставило искать средств заменить или ослабить принудительный надзор в распоряжении крестьянскими работниками, не отрекаясь от права на самый труд. Это было бесспорно значительный шаг вперед, хотя в пределах крепостного права задача сама по себе не разрешима; ибо можно ли устранить принуждение в производстве принудительных работ? Отсюда родились попытки подвести крестьянские повинности под определенное, урочное положение. Несколько таких положений, особенно замечательных как доказательство пробудившейся потребности, самими помещиками ощущаемой, выдти из области неограниченного произвола, было напечатано в Журнале Сельского Хозяйства 1852 и 1853 годов. В том же издании (1852 года, № 2), в прекрасной статье Кошелева, очень ясно доказана, с одной стороны, невозможность строгого применения урочного положения к полевым работам, с другой, опасность этой системы собственно в нашем хозяйстве, где уроки определяются не по вольному ряду, а по усмотрению владельца, и при неограниченном праве взыскания за неисполнение с безответных крепостных людей, опасность облекать произвол в формальную законность. Указание на эту важную, совершенно новую и далеко не исчерпанную тему заслуживает великой благодарности автору статьи.

есть, конечно, нужда, боязнь остаться без куска хлеба. Второе, высшее, к нему присоединяющееся, это твердая уверенность, что нажитое честным трудом пойдет в пользу трудившегося; иными словами: доверенность к законам, охраняющим собственность. Почти не нужно доказывать, что первое из этих побуждений значительно ослабляется, а второе совершенно подрывается крепостным правом. Обязательная ответственность помещика за каждого из его крестьян, застраховывая последнего от нищеты и голода, слагает с него часть его личной ответственности за самого себя. Право на постороннюю помощь, это единственное, за то неотъемлемое право, присвоенное всякому крепостному человеку по его состоянию, уравнивая разорившегося от стечения несчастных обстоятельств труженника с туземцем, естественно поощряет беспечность.

В этом давно убедились наши помещики, и хозяйственная литература наша исполнена жалоб на эту тему*.

С другой стороны, собственность крестьянина, все, что зарабатывается им в дни свободные от барщины, не только не ограждается формальным законом от насильственного посягательства со стороны помещика, но даже в обычае, который во многих случаях у нас строже и нравственнее закона, понятия о крестьянской собственности так шатки, так неопределенны и произвольны, что уверенность в спокойном обладании нажитым имуществом крепостному сословию в массе решительно недоступна**⁵⁹.

* Смоленский губернский предводитель в своей записке говорит: «Теперь крестьяне в неурожайные годы в житнице владельца находят необходимое продовольствие и семена, и оттого многие *сделались беспечны и небрегут собственным своим хозяйством*. Помещики обязаны весьма часто делать пожертвования для крестьян беспечных и ленивых». Вот отзывы известных сельских хозяев. Бунина: «Крестьяне всегда ожидают от нас помощи и, к сожалению, мало думают о наших способах». — Позднина: «Беспечность, столь замечательная в издельных крестьянах и происходящая единственно оттого, что они в нуждах своих почти безвозмездно получают пособия от помещика, при оброчном состоянии крестьян, если не совсем уничтожается, то по крайней мере ослабляется тем, что как бы в поощрение трудолюбию, при оброке бывает менее дурных примеров, при которых помещик вынужденным находится делать пособие своим крестьянам». В другом месте, говоря об издельных крестьянах, тот же писатель утверждает, «что не в полной мере делаемое от помещика крестьянам пособие (как в 1834 году), производит в них негодование и что нельзя помещикам ожидать рассудительности и благодарности от необразованных крестьян своих». (Землед. Журнал 1834 г. №18; 1836 г. № 27; 1845 г. № 11).

** Оставляя в стороне грубые злоупотребления, мы утверждаем, что на каждом шагу встречаются обычные посягательства на собственность крестьян, никого не оскорбляющие, бессознательные, иногда даже невольные. Например: соглашаясь дать крестьянину своему отпускную, помещик назначает ему выкуп не по соразмерности с оброком, от него получаемым, но единственно по состоянию выкупающегося, действительному или предполагаемому; оттого он требует и получает

Итак, ослабление главных пружин народной производительности — вот прямое последствие настоящего положения рабочего крепостного сословия. Выражая этими словами вывод из неопровержимых фактов и из отзывов Русских хозяев, нельзя не вспом-

с него в десятеро более, чем с другого. Между тем, отпуская на волю крестьянина среднего состояния и богача, владелец в обоих случаях теряет одно и то же: оброк, которым тягла облагаются поровну, или барщину, исправляемую в одинаковой мере по числу тягол. Оба крестьянина также приобретают одно и то же: право располагать собою; но один платит против другого тройную и четверную цену потому только, что он богат, иными словами, потому что дольше, успешнее, усерднее другого трудился. Итак, помещик облагает огромным налогом свободный труд крестьянина и, пользуясь случаем, *берет много единственно на том основании, что есть с чего взять.* Точно таким же образом поступает удельное ведомство и казна в имениях коннозаводских, взыскивая с увольняемых для записки в купечество по 1300 р. сер. с души, а для записки в мещанство по 600 р. Каким именем назвать такой поступок?

Вот другой случай, вовсе нередкий: помещик, снисходя к просьбе зажиточного крестьянина, позволяет ему откупиться от рекрутства. Деньги получает помещик, крестьянин сходит с очереди, а поставка рекрута падает на ближайшее семейство. Еще чаще бывает, что крестьянин нанимает рекрута на стороне, разумеется на свои деньги, и, сдавши его, приносит помещику квитанцию, а сам по прежнему продолжает платить оброк или ходить на барщину.

Третий пример: крестьянин покупает в городе дом на свои деньги, но на имя своего господина, что и теперь продолжается, хотя по закону крепостные люди могут приобретать недвижимую собственность на свое имя. Помещик разоряется, и по взысканиям, на него предъявленным, все имение его, в том числе и дом, принадлежащей его крестьянину, поступает в продажу; крестьянин впадает в нищету, увлеченный своим господином, без всякого дурного намерения со стороны последнего. Возможность подобных явлений, не говоря уже о насильственном посягательстве на собственность, объясняет достаточно почему крепостные люди почти повсеместно так тщательно скрывают свое состояние. Эта боязливая заботливость выражается в различных формах. В местах, отдаленных от промышленных центров, существует постоянное обыкновение прятать монету в кувшинах, зарывать их в землю или навоз, затыкать ассигнации в щели и т.п. Кто знает, на какую сумму через это выходит из оборота мелких капиталов. Некоторые помещики, по возможности строго уважавшие крестьянскую собственность, пытались для пользы самих же крестьян убедить их не держать денег у себя, а отдавать их на сбережение в господскую контору с правом обратного получения при первом требовании; но, за двумя или тремя исключениями, эти попытки не имели успеха. Причина весьма понятна: личная доверенность к человеку редко бывает в состоянии пересилить привычку, укоренившуюся от недовверчивости к целому порядку установившихся и законом освященных отношений. Несмотря на все это, много добросовестных людей еще придерживается у нас того мнения, будто бы отсутствие законного разграничения между собственностью помещика и собственностью крестьянина заменяется и вознаграждается тождеством их интересов. Чтобы понять всю ошибочность этого мнения, достаточно припомнить, как часто мы видим разоренных крестьян за богатыми помещиками, и спросить себя: часто ли попадают богатые крестьяне за обедневшими помещиками? Помещик может получать большие выгоды и не делится ими с крестьянами, в потерях же его значительная часть падает всегда на их долю. И это называется тождеством выгод!

нить живой полемики, возгоревшейся во Франции в 1848 году, когда после Февральской революции, торжествующие социалисты, захватив верховную власть, приступили к приложению своей теории организации труда⁶⁰. Все серьезные возражения, против них предъявленные, сводились к следующим двум: «принимая на себя удовлетворение нуждам каждого, вы дадите премию тунеядству; подрывая право собственности, вы запугаете капиталы: ныне находящиеся в обращении скроются, а накопления новых остановятся». Нам, конечно, были совершенно чужды вопросы и страсти, в то время волновавшие Францию; но мы следили с напряженным участием за борьбою партий, и с свойственною нам горячностью к чужому делу, мы рукоплескали издали мужественным противникам в то время торжествовавшей школы и не находили слов для осуждения социалистов. Напрасно! Если бы мы взглянули на вопрос хладнокровнее и глубже, мы бы вероятно заметили, что возражения, под которыми похоронена была теория организации труда, падали во всей силе и на крепостное право. Не нам, единственным во всей Европе представителям этого права, поднимать камень на социалистов. Мы с ними стоим на одной доске, ибо всякий труд невольный есть труд, искусственно организованный. Вся разница в том, что социалисты надеялись связать его добровольным согласием масс, а мы довольствуемся их вынужденною покорностью^{*61}.

Кроме механического труда, о котором мы говорили доселе, или так называемой черной работы, всякое промышленное предприятие требует участия задумывающей мысли и исполняющей воли.

Представителем этих высших способностей в деле сельской промышленности является у нас один помещик, в этом отношении занимающий место западного фермера или заводчика (в об-

* Для избежания всякого недоразумения, считаем не лишним заметить, что мы не думаем простираť сравнения на *политический* характер социальных школ современной Франции. Впрочем, этот характер, в высшей степени революционный, вовсе не составляет принадлежности самой теории; Людовик Наполеон, самодержавно правящий судьбою Франции, мог бы сделаться социалистом и применить политико-экономические начала этой теории без баррикад, без народных собраний и зажигательных воззваний. Сами социалисты, по крайней мере многие из них, склоняются в пользу формы правления неограниченной, в ком бы верховная власть ни сосредоточивалась. Но мы привыкли представлять себе всякого социалиста каким-то пугалом в усах, длинной бороде, с зверским взглядом и в лохмотьях. Таким он мог являться вследствие внешних обстоятельств, но самое учение вовсе не требует этой трагической обстановки. Не переставая быть ложным и вредным, оно очень легко может облечься в общую одежду консерватрства самого непреклонного, а в этой форме, к сожалению, мы не узнаем его.

ширном смысле entrepreneur⁶²). Но крепостное право ставит первого в исключительное положение, которому подобного не представляет ни одна промышленность, основанная на вольном труде. Из этого положения вытекают значительные выгоды для частных лиц и огромные потери для народного хозяйства. Фермер держит столько батраков, сколько ему потребно по объему его хозяйства; сумма рабочих сил, приводимых им в действие, в точности соответствует его оборотному капиталу, и оттого всякое новое предприятие или расширение старого, требуя прибавочных сил, неминуемо вовлекает его в новые расходы. Все усилия фермера, естественно, устремляются к тому, чтобы заменить по возможности дорогой труд бесплатным участием неодушевленных сил природы (огня, воды, паров) и усовершенствованием способов производства работа довести производительность их до высшей степени. Наоборот, наш Русский помещик обязан по закону содержать всех приписанных к его земле крепостных людей, хотя бы он и не находит в них пользы; за то, располагая их обязательным трудом, он не нуждается в собственном оборотном капитале; он властен направлять рабочие силы, состоящие в безотчетном его распоряжении до последних пределов физической возможности, не опасаясь остаться без рабочих, хотя бы требования его превышали в несколько крат стоимость отведенных крестьянам угодий. При этих условиях, истекающих из порядка вещей освященного законом, Русскому помещику легко получить с населенного имения доход, конечно, незначительный по сравнению с богатством природных средств, за то не налагая на себя тяжкого бремени личных хлопот и трудов. А многие ли захотят трудиться, не ощущая нужды, когда можно целый век прожить без труда? К чему бы, например, изобретать или заводить машины, жертвовать значительные суммы в видах постоянного сбережения времени и труда, когда труд и время не представляют для Русского помещика определенной ценности?*

* В одной из своих статей о нашем сельском хозяйстве, Вилькинс рассказывает следующее: одному помещику предлагали завести у себя молотильную машину; но, отдавая ей полную справедливость, он отвечал, что считает ее для себя негодною. «Это почему?» спросил хозяин с удивлением. «Да как же, батюшка, был ответ, если бы я завел у себя молотильню, так что же бы стали делать у меня бабы-то целую зиму?» (Журн. Сельск. Хозяйства 1845 г., № 9). Почти теми же словами повторено это возражение Безобразовым в 1853 году в его «Взгляде Русского помещика на сельское управление и хозяйство». На практике это равнодушие является у нас господствующим. Вспомним, как медленно распространяются у нас изобретенные в других землях машины и усовершенствованные способы производства работ по части земледелия, как мало мы изобрели сами, как часто мы не находим ни молотилки, ни веялки, ни сеялки в имениях таких владельцев,

Нужно ли усилить доход, есть и на то сподручные средства: прибавить по полдесятине господской запашки на тягло⁶³, накинуть подводу, сделать сверх-очередный наряд или увеличить урок. Что может быть проще и дешевле?*

В общем ходе промышленности бескорыстная любовь к улучшениям и охота к труду не может заменить живого ощущения нужды. Она-то пробуждает в массах дремлющие способности ума и воли, изощряет изобретательность и порождает предприимчивость. Где нет этого могучего двигателя или где он ослаблен, спокойствие и удобства, достающиеся вуделнемногим, сопровождаются всеобщим, безотрадным застоєм. Нельзя не сознаться, что таков отличительный характер нашего сельского хозяйства в сравнении с прочими отраслями нашей собственной промышленности, фабричной и заводской**⁶⁴.

Выгодность или невыгодность всякого предприятия обнаруживается строгою отчетностью. Отчетность требует подведения всех без изъятия расходов производства к одному общему знаменателю ценности; а ценность всякого предмета, выражая отношение запроса к предложению, устанавливается при условии полной свободы договаривающихся сторон. Русская поговорка: «цену Бог строит», выражает не только факт, но основной экономический

у которых через два, три года обновляется в домах вся мебель. Можно сказать, что усовершенствование сельского хозяйства в России пока еще дело охотников, любителей, к которому масса помещиков равнодушна именно потому, что не видит в нем ни нужды, ни денежного расчета.

* Все это истекает не из нашего характера, а из нашего положения. То же было и в других землях при порядке вещей, у нас существующем. Вот что писал в 1835 году опытный Немецкий хозяин: «Стоит только обратиться за тридцать лет назад, чтобы увидеть как далеко отставала тогда Пруссия от теперешней степени просвещения, особливо в классе земледельцев и вообще сельских жителей. Крестьяне оценивались только по мере телесных сил своих и по степени покорности, а это давало повод владельцам обижать их всячески. Тот, кто умел делать больше прижимок земледельцу и требовать от него большей работы, тот почитался лучшим экономом. Все хозяйственные занятия шли точно так же, как при отцах наших и дедах, без малейшей перемены или улучшения. В то время почли бы сумашедшим того, кто бы поверил, что в большом имении можно довольствоваться наемными людьми» (Земл. Журн. 1836 г., № 5).

** Стараюсь во всех случаях подкреплять наши выводы отзывами людей, наблюдавших современный порядок вовсе не с тем, чтобы искать в нем улик против крепостного права, мы укажем на сочинение известного хозяина Мейера «О системе полеводства в степных губерниях». Жалкое состояние хлебопашества у таких помещиков, которые с успехом ведут другого рода предприятия по откупам, подрядам и фабрикам, он объясняет именно тем, что на эти последние предприятия не жалеют не только денег, но и личных хлопот. Ясно, что только при существующем отношении крестьян к помещикам, хозяйство последних может идти кое-как, принося доход, без употребления на него капитала и заботливости.

закон. Где нарушена эта свобода каким бы то ни было предустановленным отношением, как, например, безусловною подчиненностью одного лица другому, там не может быть ни верности в определении ценности, ни полноты в отчетности, ни надежной проверки промышленных предприятий, ни обнаружения сделанных в нем ошибок. Утверждая, что масса обязательного труда, заменяющая весь оборотный капитал в помещичьем хозяйстве, представляет собою действительный расход, но расход неопределимой ценности, мы должны оговориться. Оценив землю, отданную крестьянам, положив в счет несколько процентов на разные пособия в случае пожаров, падежей, неурожаев, на уплату податей и т.д., каждый помещик может, хотя приблизительно, исчислить, во что обязательный труд его крепостных людей *ему обходится*^{*}; но цифра, выведенная этим путем, не имеет ничего общего с действительною ценностью труда^{**}. По той же причине и доход, получаемый помещиком от земледелия или другой отрасли хозяйства, далеко не есть еще доказательство выгодности предприятия^{***}.

* Как предлагает Кикин в своих замечаниях на статью Вилькинса в Земл. Журн. 1834 г., № 3.

** Почти все помещики наши убеждены в том, что заведение хлебопашества на коммерческом основании, (кроме некоторых местностей, не требующих удобрения и необыкновенно щедро вознаграждающих самый ничтожный труд), при вольном найме рабочих, было бы убыточно; в этом убеждении (за справедливость которого мы не ручаемся), ясно выражается сознание, что рабочие силы обходятся им дешевле действительной их стоимости. Афросимов, в своем «Опыте оценки работ в дворянских поместьях», исчисляет, что в Мценском уезде, у тяглица, при трехдневной барщине и при обыкновенном наделе землею, остается 41 руб. чистого и верного дохода, а у годового батрака 77 руб. с большим риском. К этому он прибавляет: «Не предположили бы из этого расчета, что я нахожу выгоднее отдавать всю землю в взимы и не иметь крестьян. Эта мысль была бы самая ошибочная!.. Мы не можем с выгодною ни в наймы отдавать наших земель, ни обрабатывать их наемными... в обоих случаях лишились бы своего состояния». Не ясное ли доказательство, что представленная оценка произвольна и что в сумму помещичьего дохода входит процент с капитала, называемая крепостным правом?».

*** Вилькинс, в своих примечаниях на Векерлина, говорит: «Мы стараемся только учитывать необходимые для нас денежные доходы, не обращая внимания на то, что получение их сопряжено больше или меньше с существенными издержками, которые не заметны для нас потому, что мы не платим за них чистыми деньгами... Крестьянам своим за работу мы денег не платим, а частые неурожаи приписываем воле Божией». (Земл. Журн. 1844 года, № 12).

Тот же автор, в своем образцовом исследовании о сельском хозяйстве в губерниях, лежащих на Север от Москвы, доказывает, что две трети возделываемой в них земли не обеспечивают насущного пропитания обрабатывающих ее крестьян. Очевидно, что такое предприятие не принадлежит к разряду производительных, тогда как помещики могут получать от него доход, как бы скудны ни были урожаи на их полях. Сколько подобных предприятий истари заведено и продолжается в пространной России единственно потому, что есть рабочие, прикрепленные к земле, которых можно, не тратя ни копейки, употреблять как и на что вздумается!

Наши мыслящие хозяева давно сознали эту существенную разницу, долго старались определить себе *действительную ценность труда* и отношение ее к цене, в которую обходится помещикам *обязательный труд*; но безуспешно. Живая, назидательная полемика, возникшая из столкновения разных мнений об этом предмете, оставила по себе только один, впрочем, очень важный результат. Доказана неразрешимость возбужденной задачи по недостатку данных, которых и быть не может, где нарушена свобода труда, где цену труда не Бог строит, а устанавливает человеческий произвол^{*65}.

* Некоторые хозяева выводят оценку труда из ценности произведений, представляя произвольно термины вопроса. Стоимость произведений или цена, в которую обходится хлеб производителю, складывается из совокупности расходов производства, в том числе и заделной платы; не оценив предварительно работы, нельзя определить во что обошлось произведение. Что же касается до цены, по которой оно продается на рынке, то, очевидно, что она зависит от естественного плодородия почвы, от урожая, запроса и многих причин, не имеющих прямого влияния на ценность труда.

Вилькинс, глубже и добросовестнее всех рассмотревший вопрос, различает внутреннюю ценность труда (*valeur intrinseque*) от номинальной цены или платы за работу. Первая, признаваемая им за нормальную, соответствует, по его мнению, стоимости продовольствия, иными словами: равняется удовлетворенно жизненных потребностей и более ничему. Вторая, случайная, зависит от многих побочных обстоятельств. Нормальную цену Вилькинс принимает за основание всех расчетов для определения во что обходится самому производителю возделывание сельских продуктов, и затем, переходя к оценке барщины, он говорит: «Если крестьянину в собственном его хозяйстве день стоит 18 фунтов муки (здесь подразумевается продовольствие работника, его семейства и содержание лошади, переложенное на муку), то можно ли найти какой-нибудь достаточный повод к предположению, чтоб этот же самый рабочий день стоил дороже или дешевле на барщине?» Против этого можно возразить: 1) Тээр, у которого Вилькинс заимствовал свою систему, ограничивает ее применение двумя условиями, предполагая, что цена труда соразмеряется ценности продовольствия *в землях, достаточно населенных* и при *обыкновенном порядке вещей*; ни то, ни другое условие к нам не применяется. 2) Кроме насущного пропитания, есть множество других потребностей, частью по существу своему необходимым, частью сделавшихся таковыми. Все они входят в понятие, какое составляет себе каждый человек о своем содержании. Весьма трудно оценить их по одиночке, еще труднее отделить в них существенное от произвольного. 3) Хлеб, сукно, сахар, все вообще произведения человеческого труда из рук производителя переходят в чужие руки вследствие мены или торга; продавец сбывает их единственно потому, что покупатель ценит их свыше внутренней их стоимости, дороже той цены, в которую они обошлись производителю; труд есть тот же товар, и потому помещик, располагающий рабочими силами крестьянина, не может принять за основание своих расчетов ту цену, в которую сам крестьянин оценивает свою работу. 4) Наконец, если под нормальной ценностью труда подразумевать *количество съестных припасов*, потребное на пропитание работника, то слово ценность употреблено неправильно и введенная норма, одинаковая для Калифорнии, где в два месяца чернорабочий наживает капитал, и для Ирландии, откуда ежегодно выходят толпы переселенцев, не находящихся себе насущного пропитания, не может принести нам никакой

Практические последствия этой неопределенности могут быть весьма различны, в иных случаях, содержание крестьян может обходиться помещику дороже стоимости их труда; в других, угождая, предоставленные крестьянам в пользование, могут не стоить и половины отработываемой ими барщины или оброка, которым они обложены; но с точки зрения народного хозяйства гораздо важнее и вреднее этих частных несправедливостей самая их неуловимость; ошибки везде неизбежны, но строгая отчетность, где она возможна, немедленно обнаруживает их, наводя в тоже время на средства к их исправлению; при недостатке же отчетности, ошиб-

пользы в наших хозяйственных расчетах. Если же к понятию о *количестве*, мы присоединим понятие о *ценности*, то мы впадем в систему оценки труда по его произведениям, систему, отвергаемую Вилькиным на том основании, что мука, крупа, сено суть произведения предшествовавшего труда, а ценность произведений, по его же словам, зависит от многих случайных обстоятельств, не имеющих прямого влияния на ценность труда.

Волков, в своих замечаниях на статью Вилькина, и Калачев, в описании с. Вески, Владимирской губернии, предлагают оценивать труд izdelного крестьянина по оброку, какой он мог бы уплачивать; но им справедливо возражает Вилькин, что нет ничего произвольнее, непостоянное и изменчивее наших оброков.

Н.Н. Муравьев и за ним многие другие определяют ценность обязательного труда крепостных людей по средней плате наемному работнику. Нет сомнения, что этот способ оценки, сам по себе, самый правильный и рациональный, но, к несчастью, нельзя извлечь из него никакой надежной данной для руководства на практике; ибо сравнение обязательного труда с вольным предполагает существование вольного труда, как товара, *постоянно требуемого и постоянно предлагаемого*. У нас же, количество вольнонаемного труда, употребляемого в сельском хозяйстве, так ничтожно по отношению к массе обязательного труда, что плата батраку составляет как бы исключение из общего правила, по которому нет возможности составить себе даже приблизительное понятие о том, во что бы обошелся вольный труд, если бы помещики не имели в своем безотчетном распоряжении барщины, а крестьяне могли бы свободно располагать своим временем и своими силами. Вилькин, совершенно неправый в опровержении этой системы оценки вообще, совершенно прав в доказательствах ее неприменимости к современной России. Но от него ускользнуло еще следующее обстоятельство: значительная часть наших вольнонаемных батраков принадлежит к числу крепостных людей, отпущенных на оброк, и потому в плату, ими запрашиваемую, входит, сверх расходов на их содержание, сверх вознаграждения за труд, сумма на покрытие оброка, иными словами: процент, нарастающий на капитал, называемый крепостным правом; из чего следует, что это право при теперешних обстоятельствах *служит регулятором и для вольного найма*.

Наконец, Позднин, опровергнув очень основательно все исчисленные системы оценки обязательного труда, приходит к убеждению в невозможности удовлетворительного разрешения задачи и говорит: «Разбирая беспристрастно труды многих, занимавшихся определением ценности работ земледельца, вижу, что эти господа добиваются золота алхимиков». В этих словах гораздо больше правды, чем сколько предполагал сам автор. См. перевод Тэера, примечания Муравьева, Земледельч. Журн. 1844 г. № 10, 1845 г. № 7 и 9, 1847 г. № 6, 1853 г. № 6, Земледельч. Газеты 1839 г. № 4.

ки плодятся до бесконечности и, повторяясь много лет сряду в одних и тех же формах, вовлекают целое государство в неисчислимую потерю сил и времени.

При тесной связи экономических условий сельского хозяйства у нас в России с юридическими отношениями дворянского сословия к крепостному, всякая перемена к лучшему или худшему в системе помещичьего хозяйства должна, естественно, отзываться более или менее крутым переломом не только в хозяйстве, но и в целом быту поселян. Последовательность этих явлений представляет много поучительного и указывает нам какую будущность готовит крепостному сословию развитие рационального хозяйства, основанного на крепостном праве.

Лет 70 тому назад, владельцы значительных имений мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком*, собирая сверх того натурою разные припасы для своих домашних потребностей. Они управляли своими вотчинами издали, поверхностно, сильно налегая на свою дворню и оставляя в покое крестьян. Только в случае неисправности в платежах или важных беспорядков, принимались были в отношении к последним единовременные меры строгости. Лучше ли, хуже ли, чем теперь, жили в то время крестьяне — об этом судят различно; но то несомненно, что они жили *своим умом* и, отдавая помещику часть произведений своего труда, *располагали свободно всем своим временем и всеми своими рабочими силами*.

Этот порядок вещей изменился постепенно от совокупного действия многих причин. Имения быстро дробились, и с каждым новым разделом средства владельцев уменьшались, а потребности их как существенные, так и искусственные, порожденные непомерным развитием роскоши, не только не ограничивались, но возрастали в изумительной прогрессии. Между тем крестьяне, обедневшие во многих местах от истощения земель, от ряда неурожайных годов, от прекращения некоторых промыслов, отчасти от той же прихотливой роскоши, которая и их коснулась, не только не выносили увеличения оброков, но даже в платеже прежних денежных повинностей становились неисправными. Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими

* Из этого должно исключить отдаленные от центра степные области, как, например, Заволжский и Новороссийский край; они населены в недавнее время переводом крестьян из внутренних губерний. Самое их население было спекуляциею помещиков, и крестьяне с минуты их водворения посажены на барщину. Оброчная система в этих краях существует почти исключительно в казенных и удельных имениях.

делами, увеличить свои доходы, обеспечить на будущее время верное их поступление и, для достижения этих целей, естественно избрали самое сподручное и дешевое средство: заведение барщины. *Крестьяне все еще оставались полными хозяевами в своих домашних занятиях и в своем быту, но половину их времени и рабочих сил помещики взяли в свое распоряжение**.

Принявшись за дело, к которому не могли их приготовить ни государственная служба, ни жизнь в столицах, имея перед глазами блистательные успехи земледелия в Англии и Германии, наши хозяева, на этом поприще, как и на всех других, увлеклись слепым подражанием западным образцам. Начались толки о введении высоких пород рогатого скота, улучшенных орудий и многопольной системы; за толками последовали опыты. Эти опыты, по большей части неудачные и возбуждавшие недоверчивость к выводам науки вообще, принесли, однакоже, ту великую пользу, что самые неудачи навели на исследование отличительных особенностей нашего сельского хозяйства, препятствующих применению иностранных теорий. Можно сказать, что только с этой минуты, когда возник вопрос о коренных условиях земледельческой промышленности в России сравнительно с Западною Европою, наука сельского хозяйства прочно водворилась на нашей почве и вступила в период самостоятельная своего развития.

Над этим вопросом трудились многие; но Вилькинсу⁶⁶, литературная деятельность которого доселе еще не оценена по достоинству, первому удалось взять в руки тот узел, которого не могли оцупать другие. Мы не можем отказать себе в удовольствии привести следующее место из его сочинений, содержащее в себе полнейший вывод из всего им написанного: «В чужих краях успешный ход сельского хозяйства преимущественно зависит от употребления наличного капитала, а у нас в России хозяйство помещика вполне и непосредственно зависит от частного хозяйства крестьян его. Но как это частное хозяйство в свою очередь зависит от многих совокупно-действующих физических и нравственных условий, которые, однако же, все вместе не могут заменить очень простого условия, денег, то эта цепь зависимостей была и будет камнем преткновения для дальнейших успехов дворянского хозяйства до тех пор, пока быт и земледелие самих крестьян не придут в известную степень улучшения».

* О переводе с оброка на барщину в губерниях средней полосы, см. Землед. Журн. 1821 г., № 11, «Послание Калужского помещика»; 1834 г., № 17 «О неумеренных запашниках»; 1852 г. № 2, «Хозяйственный обзор Нижегородского уезда», Бобарькина.

Весьма близко к той же мысли подошли Н.Н. Муравьев⁶⁷ в его примечаниях к Тэру, Майер и другие наши писатели. По мере ее распространения, вопросы о почве, удобрении, севооборотах и способах производства полевых работ постепенно уступали место выдвинутому на первый план вопросу: *об управлении крестьянами, как рабочим механизмом, заменяющим у нас оборотный капитал**. На этом, естественно, должно было сосредоточиться внимание просвещенных хозяев, ибо им предстояло избрать одно из двух: *остаться навсегда, во всех своих распоряжениях, в полной зависимости от крестьян, или же, наоборот: привести хозяйство крестьян в полную зависимость от господского, обеспечив их безбедное существование, взяв их в вечную опеку и преобразовав их домашний быт на новый лад, придуманный помещиком в видах наивыгоднейшей для него организации их труда.*

Практика взялась за выполнение второй половины программы. Можно ли за это винить помещиков? Не ясно ли, что с их стороны не было свободно-обдуманного выбора, а было *вынужденное следование* той системе, которая вытекает из порядка вещей, основанного на крепостном праве? Несколько указаний пояснят нашу мысль.

Каждому помещику известно по опыту, что он отвечает первый за беспечность его крестьян. Ошибки и упущения в их домашнем хозяйстве вовлекают его неожиданно в безвозвратные расходы и тем расстраивают надолго самые обдуманные его расчеты. Как же не подумать об ограждении и себя и крестьян от губительных последствий их беззаботности?

Придуманы разные средства, неизвестные нашим дедам. Некоторые благоразумные хозяева после уборки хлеба отбирают у крестьян из собственного их урожая семена на будущий год и держат этот запас под господским замком. Польза очевидна: крестьяне не останутся без семян, а помещику не придется ссужать их из своего амбара**.

Другие, для предупреждения мотовства и безрассудных издержек, к которым склонны крестьяне, безусловно запрещают им, без разрешения конторы, занимать деньги и продавать что бы то ни было из своего имущества; отпуская крестьян на заработки, помещики сами назначают им куда идти, условливаются за них с подрядчиками, принимают от последних заработанные деньги, ведут им расход, уплачивают из них крестьянские долги и выдают

* В 1835 г. секретарь Общества Сельского Хозяйства писал: «Многие помещики жалуются, что опытность хозяина должна состоять теперь более в умении управлять самими крестьянами, нежели их работами».

** Земледел. Журн. 1834 года, № 20 и 1846 года, № 1.

им на руки остатки не вдруг, а по частям и то лишь на определенные расходы*.

Для предупреждения безрассудных браков и обеспечения призрания вновь образующихся семейств, в нескольких благоустроенных имениях постановлено не выдавать крестьянину дозволения на женитьбу прежде, чем он обучится в совершенстве какому-нибудь мастерству и докажет свое умение, исполнив на господском дворе заданный ему управный урок.

Есть имения, в которых пошли далее и где, для предупреждения размножения бесполезной дворни, принято за правило всеми мерами затруднять вступление в брак молодых людей этого звания.

Сам Вилькинс, доказав негодность барщинских работ при раздроблении действующих сил и обременительность надзора над каждым работником порознь, предлагаешь коренное преобразование в домашнем быту поселян — *учреждение, так называемых, сводных семейств*. Ссылаясь на удачный опыт, произведенный в Рязанской губернии, он советует всем соединять в одно хозяйство по несколько тягловых, женатых работников, не менее 4-х. Сведенные семьи должны жить в одном дворе, иметь один стол, скот, орудия, запасы; словом, вся движимость должна быть у них общая. Над каждым таковым хозяйством *помещик назначает начальника*, который *полновластно* распоряжается всеми рабочими силами сводного хозяйства как на барщине, *так и у себя дома*, отвечает за успешность работ, за нравственность своих подчиненных *и, наконец, распоряжается их детьми как своими собственными***.

* Земледел. Журн. 1849 года, № 25 и 1848 года, № 2.

** Вилькинс говорит: «Владелец должен заранее приготовиться к тому, что мушкетеры его не с большою охотою примут это нововведение. И не мудрено: сколько частных самолюбий будет страдать оттого, что их отдадут в опеку в то время, как они привыкли уже к мысли “я сам себе большой”, сколько личных гордостей возмутится оттого, что в делах и поступках они должны будут отдавать отчет такому же своему брату крестьянину, а этот, в свою очередь, избран будучи хозяином и предвидя себе лишние хлопоты и заботы, употребит все старание, чтобы как-нибудь избавиться от неожиданной почести. Здесь-то именно помещику представится случай показать с непоколебимою твердостью, что постоянное следование принятому плану может очень скоро уладить все дело». См. Земледел. Журн. 1843 года, № 18. Нет, не с частными самолюбиями и не с личною гордостью пришло бы помещику иметь дело, но с врожденным всякому человеку сознанием его личной самостоятельности в пределах его хозяйства и его семьи. Прикованный к одному месту крепостным правом, лишенный прав гражданских, крестьянин, возвращаясь с барщины, входит в свою избу, садится за свой стол с своею семьею и, по крайней мере, в этом тесном и бедном мире ощущает себя человеком, а не бездушною рабочею сплюю. И это ощущение, эту искру человечности автор, глубже всех изучивший условия и требования помещичьего хозяйства, советует задуть поскорее, без чего дело не пойдет на лад! А что бы подумали помещики, если бы правительство, убедившись в их неумении распоряжаться хозяйством и воспитывать детей, решилось отдать их в опеку чиновникам от короны и учредить сводные вотчины? Как бы назвали они непоколебимую твердость правительства в осуществлении этого предприятия?

Дикая мысль! подумают многие из читателей, и стоит ли останавливаться на случайном заблуждении умного человека... Но дело в том, что иногда самые натянутые предположения, если только они истекают из живого ощущения неудобства и тягости данного положения, к немалому изумлению нашему сбываются на практике. Мы сейчас представим тому доказательство. В статье о возможности рационального хозяйства в России, тот же Вилькинс доказывает очень строгим и добросовестным расчетом, что для помещика выгоднее держать крестьян на барщине, чем на оброке, а было бы еще выгоднее взять их на свое содержание, завести собственную упряжь и орудия, и *целый год заставляя крестьян работать, разумеется, не платя им ничего за труды*; но этот вывод, при всей его верности в хозяйственном отношении, самому Вилькинсу показался страшным, и он окончил свою статью, выразив убеждение, что редкий помещик согласится добровольно приступить к такой системе хозяйства. Эта статья была писана в 1833 году; с тех пор, как верность его экономического вывода, так и ошибочность его личного убеждения, доказана фактически *постепенным* размножением месячников. Это название, как известно, присвоено у нас особому виду крепостных людей: крестьянам по занятиям и образу жизни, но переведенным на положение дворовых. Не имея ни собственных изб, ни земли, ни хозяйства, они получают от своего помещика помещение, обыкновенно в нарочно выстроенных флигелях или казармах, по несколько семейств в одной избе, получают определенное продовольствие, одежду, и за то круглый год работают на него целою семьею. Месячники, кажется, прежде всего появились в Белоруссии и Малороссии; теперь же они попадают в во многих губерниях, даже в многоземельных, как например, в Оренбургской и Симбирской, притом всегда в самых мелких поместьях. Судя по слухам (которыми мы поневоле должны руководствоваться за неимением твердых статистических данных), где быстрее дробятся имения, там наиболее размножаются месячники. Тесное соотношение этих двух явлений заслуживает внимания. Конечно, коренная причина зла заключается не в самом дроблении имений; но это обстоятельство усиливает и доводит до крайних пределов губительное действие тех общих условий, о которых мы говорили выше, а именно: права безотчетного распоряжения рабочими силами крестьян и ответственности помещика за всех числящихся за ним людей.

Несоразмерность потребностей как существенных, так и искусственных, с средствами к их удовлетворению в домашнем быту дворянского сословия составляет к несчастью не исключение

из обыкновенная порядка, а общее правило. Об этом много было рассуждаемо печатно с разных точек зрения. Понятно, что чем быстрее имения дробятся на мелкие участки, тем ощутительнее становится эта несоразмерность; ибо потребности, привычки, понятия не могут со дня на день изменяться и ограничиваться так круто и быстро, как оскудевают источники доходов при каждом новом разделе. Чем же восполнить недостаток рук, как не перебором дней, увеличением уроков и учащением чрезвычайных нарядов? Разумеется, подобные вымогательства ведут к неминуемому разорению крестьян, а затем и помещика; но это последствия отдаленные, а мы обыкновенно живем со дня на день и мало помышляем о будущем. Впрочем, мы не думаем утверждать, чтобы так было *во всех* мелких помещичьих хозяйствах; еще менее решились бы мы сказать, что этого *не бывает в больших имениях*; но ежедневный опыт убеждает, что в общей массе *дробление имений ниже известной точки неразлучно с упадком благосостояния крестьян*.

Вторая указанная выше причина еще важнее потому именно, что она действует почти независимо от характера владельца. В известном отношении, на помещика должно смотреть, как на лицо, несущее на себе обязанности страхового учреждения; всякая же страховка, полезная и выгодная при обширном круге действий, в малых размерах ведет к банкротству. Если, по скудости получаемых с имения доходов, выручка от каждого года в том же году расходуетя, не оставляя по себе запасов на черный день, откуда возьмет помещик средства на поддержание крестьян в голодные годы или после пожаров, падежей и других несчастий? Необходимость чрезвычайного пособия одной деревне, вынужденная непредвидимым бедствием или, что также случается нередко, беспечностью крестьян, может временно расстроить владельца нескольких сот душ в трех или четырех деревнях, но не истощить его; ибо редко придется ему выручать из беды всех без изъятия крестьян его. При двадцати же и менее душах, очень нередко приходится выручать всех, именно в те годы, когда доходы безусловно прекращаются. Сознывая над собою эту вечно-угрожающую ему опасность, мелкопоместный владелец, естественно прежде богатого своего соседа, приступит к решительным мерам для предупреждения, по мере возможности, страшных для него неожиданностей. Он был бы не в силах поднять упавших крестьян, и потому он решается держать их постоянно на помочах, иными словами, *он делается за них хозяином в их собственном хозяйстве, а крестьяне становятся простыми исполнителями его распоряжений*. Отсюда один шаг до введения сводных семейств, или до перевода крестьян на положение месяч-

ников. Повторим еще раз: этот последний класс в общей массе крепостного сословия теперь еще незначителен по своей численности, но он обращает на себя внимание по самой недавности его происхождения, *как класс новейшего образования*. В его лице перед нами является *последнее произведение крепостного права* и грозный намек на дальнейший путь его развития.

Теперь соберем в немногих словах результат всего предыдущего о неизбежном направлении рационального хозяйства, начавшегося на почве крепостного права. Воззрение на крестьян, как на рабочую силу, заменяющую оборотный капитал, и сознание ответственности помещика (не формальной, перед правительством, а действительной, денежной) за принадлежащих ему людей ведут к учреждению над ними предупредительной опеки. Опека, единожды допущенная, естественно распространяется; польза ее очевидна, а вред ускользает от глаз. Она проникает постепенно глубже и глубже в домашнее хозяйство крестьянина, связывая его по рукам и по ногам. На этом скате нет средств удержаться; ибо, с одной стороны, любовь к порядку и благоустройству побуждает идти далее; с другой, по мере ограничения личной ответственности крестьянина за самого себя, он действительно утрачивает постепенно способность жить своим умом. Мало-помалу личность его, как хозяина и семьянина, теряет вместе с естественными своими правами природные свои способности, *низводится на степень какой-то бездушной, рабочей единицы и поглощается в механизме помещичьего хозяйства*.

Мы не спорим, что и в этом есть своего рода порядок, но не тот, который сам собою образуется при свободном развитии человеческой природы, а весьма близко подходящий к тому, о котором мечтали Западные организаторы труда и прочие исправители законов, предустановленных Творцом.

Рассмотрев крепостное право с точек зрения нравственной, политической и хозяйственной, мы не сказали ничего нового. Мы представили только свод суждений просвещенных помещиков и вывод из самых простых, большею частью ими же сделанных наблюдений. Это дает нам право надеяться, что если не все, то по крайней мере многое из сказанного принято будет без противоречия со стороны беспристрастных читателей. Но, рядом с сознанием безнравственности крепостного права, его опасности и вредных его последствий в экономическом отношении, распространяется в нашем обществе мнение, что гнет его сам собою слабеет, что положение крепостного сословия ежедневно улучшается, а из этого заключают, что нет никакой нужды ускорять законодательными

распоряжениями переход от современного состояния к лучшему, совершающийся естественным и мирным путем. В этом мнении есть много правды, но еще более неправды. Постараемся указать ту и другую, рассмотрев отношения помещиков к крестьянам в их современном движении.

К чему ведет современное движение в отношениях:

1-х помещиков к крестьянам

Если мы сравним личное обращение владельцев с их крепостными людьми в настоящее время с тем, что дошло до нас по преданию от конца прошлого века и начала нынешнего, то мы, конечно, убедимся, что примеры бесчеловечных истязаний и проявления дикого, бесцельного произвола стали гораздо реже. Грубость и суровость в обращении постепенно исчезают*, уступая неотразимому влиянию лучшей системы воспитания. Это великий успех, признак всеобщего смягчения нравов; но он сопровождается несомненным ослаблением помещичьей власти.

Поколение помещиков, слепо и всецело веровавших в нравственную законность крепостного права, которых мысль о его упразднении никогда не тревожила, постепенно вымирает. Их дети, воспитанные в иных понятиях, вступают в родительское наследство, не будучи в состоянии усвоить себе ни образа мыслей, ни образа действий своих отцов. Для них же становится вопросом то, чем пользовались беззаботно их предшественники. Привыкнув с ранних лет смотреть иными глазами на свои отношения к крепостным людям, усомнившись не только в нравственной законности, но вместе с тем и в самой прочности крепостного права, упраздненного во всей Европе, они должны так или иначе разрешить себе этот вопрос, принять сознательно на свою душу ответственность за свое право или отречься от него; но решительному выбору предшествует колебание между двумя противоположными крайностями, одинаково вредными: натянутою строгостью и неуместным послаблением. В том и в другом случае власть, утра-

* Далеко, впрочем, не так быстро, как думают или уверяют те, которым хотелось бы доказать, что все идет к лучшему само собою. Собственно для их вразумления мы припомним недавнее убийство N... в Петербурге и еще следующий случай. В одном городе полиция открыла помещицу, которая выписывала из деревни крепостных девок, воспитывала их у себя и снабжала ими непотребный дом, ею же содержимый. Состарившихся она отсылала в деревню, а на выбылые места подготавливала новых.

тившая веру в себя, подорванная сомнением, ускользает из рук молодых помещиков, а вместе с властью они теряют и самую возможность принести ту долю относительной пользы, за которую, быть может, поминают добром их предков. Добрые помещики в старом смысле становятся с каждым днем реже и невозможнее. Это также успех, как признак быстрого падения крепостного права; но пока мы живем под всеми его условиями — это зло, и зло современное, которому суждено с каждым днем усиливаться, пока мы не вступим на другую дорогу.

Обратимся к экономической стороне вопроса. Несомненно, что многие помещики заботятся о введении в своем хозяйстве порядка, отчетности и небывалой прежде формальной законности — это успех. С тем вместе, под влиянием условий, о которых говорено было выше, рабочие силы, состоящие в распоряжении помещиков, напрягаются до нельзя, повинности крестьян, особенно подводная*, в имениях издельных⁶⁸, увеличиваются и взыскиваются, хотя правильнее прежнего, но за то строже; крестьянские поля уменьшаются до последней возможности и лучшие земли отходят от них под господскую пашню**. Во многих губерниях, не только хлебородной, но даже северной полосы, как, например, в Нижегородской, Псковской и других, оброчное положение заменяется барщиною, или заводятся господские запашки при оброке, тогда как о переводе с барщины на оброк в помещичьих имениях почти нигде не слышно***.

Это последнее обстоятельство чрезвычайно важно и заслуживает особенного внимания в следующих отношениях. Во-первых,

* По справкам, наведенным в различных имениях Московской, Тульской и Рязанской губерний, оказывалось почти постоянно, особенно если в течении последних 60 лет имение несколько раз дробилось или переходило из рук в руки, что, где с тягла ставилась прежде одна подвода, там теперь ставят две, три, а иногда и более.

** Особенно при размежеваниях часто происходят невыгодные для крестьян обмены; нередко даже отрезаются от них земли к господским полям, без всякого вознаграждения.

*** Нельзя не пожалеть, что правительство, требующее от губернских властей разных ведомств множество статистических сведений, из коих очень многие по существу своему бесполезны или, по дознанной их недостоверности, вовсе негодны к употреблению, не собирает сведений через посредство дворянских предводителей о числе имений и душ, ежегодно переводимых с оброка на барщину и обратно по каждой губернии. Приведение в известность этих чисел не встретило бы никакого препятствия, потребовало бы незначительного труда и дало бы правительству драгоценную данную для разрешения вопроса: к чему ведет естественное развитие сельского хозяйства в помещичьих имениях, к постепенному ли облегчению тягости крепостного права или к ее усугублению? Не может быть, чтобы правительство не сознавало надобности в уяснении этого вопроса.

оброк выражает повинность крестьян с такою определительностью, до которой никогда не может быть доведена барщина. От множества условий, видоизменяющих ход полевых работ, расчеты в рабочих днях часто сбиваются, и законная норма нарушается, разумеется, в пользу власть имущих и в ущерб крестьянам. Во-вторых, самая легкая барщина для крестьян тягостнее умеренного оброка, потому что наряд в работу на помещика крайне стесняет их в употреблении рабочих сил и в домашних занятиях. Отсюда огромная трата времени и труда, бесплодная для помещика, убыточная для крестьян*. В-третьих, наряд и надзор за рабочими на барщине сопряжен с ежедневными, раздражительными столкновениями и неизбежными несправедливостями. Барщина требует расправы на скорую руку: учащаются наказания за невыход на работу под пустыми предлогами, за нерадение, неисправность орудий, леность и ослушание; наказания, для разборчивого применения коих не достает ни досуга, ни терпения**. Между работниками и должностными крестьянами, как-то: десятскими, нарядчиками, старостами, которых определяет от себя помещик, в случае надлежащего с их стороны усердия, возникает вражда, нарушающая согласие в сельской общине, и при раскладке тягол или податей, особенно же при назначении рекрутских очередей, мирская сходка мстит немилосердно строгим и честным блюстителям помещичьих выгод. В случае же понаровки⁶⁹ со стороны последних к их родным и приятелям, рождается негодование и зависть. Все это зло смягчается до некоторой степени присутствием в деревне смыслящего дело помещика; но много ли у нас таких помещиков, которые бы могли и хотели постоянно жить в своих деревнях, вникать во все подробности управления и заниматься разбором мелочных, утомительных жалоб; не говоря уже о том, что постоянный личный надзор становится для помещика физически невозможным, если он владеет несколькими вотчинами, разбросан-

* Если предположить, что крестьянин на барщине в течение дня исполнит работы на 20 коп., то можно смело класть, что тот же крестьянин, проработав этот день у себя в поле, в огороде или на каком-либо промысле, заработал бы 30 коп. Итак, 10 коп. пропадают даром. Их теряет крестьянин, а помещик не получает. В применении к женской работе, это еще ощутительнее.

** Чтобы в этом удостовериться, достаточно сравнить конторские штрафные книги в нескольких хорошо устроенных имениях оброчных и в таковых же имениях, состоящих на барщине. В оброчных мы находили числительное отношение наказанных в течение года к народонаселению как 1 или 2:100; в издельных, как 4, 5, 6 и более к 100.

ными в разных губерниях. В-четвертых, при барщине, помещик далеко запускает свою руку в семейный быт крестьян и втягивается, почти невольно, в стеснительное для них вмешательство во все мелочные подробности домашнего их хозяйства. Все сказанное нами выше о быстром распространении предупредительного опекания главнейшим образом относится к имениям издельным. В оброчных, помещику нет дела до того, чем и как промышляют его крестьяне, только бы к назначенному сроку исправно вносился оброк; но где помещик распоряжается сам их рабочими силами, он подвергается прямому ущербу, если крестьянин, променяв земледелие на другой, более выгодный промысел, уменьшит число своих лошадей, или не исправит к рабочей поре своих орудий, или овдовеет тягловый хозяин, или засидится в девках крестьянская дочь. Многие думают, что недремлющий надзор помещика за крестьянами в их домашних распоряжениях приносит им пользу, приучая их к труду, бережливости и порядку; в доказательство приводят некоторые имения, отличающиеся внешним благоустройством и такие, которые исправились с учреждения барщины. Это мнение, особенно в последнее время, так укоренилось, что теперь уже начинают называть благоустроенным то имение, в котором крестьянин не смеет ступить шагу без разрешения конторы. Неоспоримо, что разорившийся от беспечности поселянин, у которого отбита охота к труду — и Бог знает чего он не вынесет прежде, чем у него опустятся руки — также как и расточитель помещик или заматавшийся купец, по всей справедливости и с пользою для них, могут быть подвергнуты опеке; но этим отнюдь не оправдывается систематическое применение к целому сословию той же исправительной меры в виде предупредительной. Мы даже готовы допустить, что постоянная угроза со стороны помещика способна до некоторой степени поддержать деятельность в крестьянах и возбудить к труду; но какую же цену, не говорим денежную, а нравственную, имеет труд, которого пружина не в доброй воле трудящегося, а в чужой руке, выводящей его на работу, в палке или розге, поднятой над ним? «Крестьянин, говорят нам, не упустит благоприятного времени, не погонится за неверным барышом, не разорится необдуманным оборотом»; пусть так! За то подобное воспитание не только не приготовит его к переходу в свободное состояние, а, напротив, приучит его жить по указке; ум его отупеет, воля утратит упругость и, по выходе из опеки, он растеряется и опустится. Одно это неизмеримое зло, по нашему убеж-

дению, перевешивает все утешительные явления в современном развитии отношений дворянства к крепостному сословию*.

* Губительное влияние барщины на крестьян печатно признано многими просвещенными помещиками. Калужский помещик, в статье посвященной развитию невыгодных сторон оброчной системы, говорит: «Неоспоримо, что положение крестьян на умеренном оброке есть самое, способное для них» (Земледел. Журн. 1821 г., № 6).

И.Л. в том же издании (1834 г. № 17) пишет: «Без сомнения, что в голодные годы и в несколько последующих за оными лет, несостоятельность оброчников принудила взять их на барщину и для того увеличить господские запашки; но после, когда крестьяне поправляются, следовало бы непременно обращать их опять, сколько возможно более, на оброк... Вместо того, чтобы заводить запашки, несообразные с рабочими силами имения, лучше отпустить большую часть крестьян на половинный против хорошего хозяйства оброк; по крайней мере будет та выгода, что хозяин отдохнет от горестей и хлопот и приобретет более времени на размышление, а мужики разбогатеют; ибо несомненно, что крестьяне, особенно при благоразумном и мужественном управлении, на оброке поправляются, а на барщине редко, и то разве с пожертвованиями от помещика... умножение барщины противодействует образованию мыслящих помощников, необходимых для помещика... Оброчник приметно изобильнее живет, бывает крепче здоровьем, веселее, живее и умнее нежели барщинник, разумеется, если тот и другой был лет десять или более в своем состоянии. Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственной своей воле, а не по направлению другого, оброчник более пользуется опытом, более исправляет собственные свои ошибки и, следовательно, несравненно более научается мыслить, нежели тот человек, который все делает механически по наряду другого... Есть и бывали помещики, которые предоставляли иногда крестьянам своим свободу избирать оброк или барщину, и, где хоть несколько этого придерживались, там состояние крестьян поправлялось. Желательно, чтобы сие установилось между нами постоянным правилом. Если бы оно было поощряемо, то, вероятно, не менее бы, если не более, принесло пользы, чем поощрение каждой отрасли промышленности отдельно».

Позднин, в статье об оброчных работниках, говорит: «Рассматривая оброчное и издельное положение крестьян в отношении непринужденности труда и необходимости его направления, нельзя не убедиться, что оброк в обоих случаях удовлетворительнее барщины... Беспечность, столь замечательная в издельных крестьянах и происходящая единственно оттого, что они в нуждах своих почти безвозмездно получают пособие от помещика, при оброчном положении крестьян, если не совсем уничтожается, то по крайней мере ослабляется».

Нижегородский помещик Бобарыкин (Земледел. Журн. 1848 г. № 11) в следующих словах изображает влияние перевода на барщину: «Большая часть примеров заведения в наших местах, в оброчных имениях, запашек на положении обыкновенной барщины оказались с дурными последствиями. По прошествии двух—трех лет барщины, жители самых зажиточных деревень упали духом, бедняли и начинали терпеть нужду не столько от действительной бедности, сколько от уныния». Этот отзыв тем более замечателен, что автор сам в оброчном своем имении завел запашку и советует другим сделать тоже.

Пример обратного, то есть быстрого улучшения быта крестьян, при переводе с барщины на оброк, представляют наши Югозападные губернии. В прежнее время, казенные имения в Киевской, Подольской и Вольнской губерниях отдавались в арендное содержание частным лицам, и крестьяне, работая на них, также как и в помещичьих имениях, находились в самом жалком состоянии. Не более 10-ти лет тому назад они были переведены на денежный оброк и, несмотря на то,

2-х крестьян к помещикам

Параллельно с изменением системы помещичьего управления изменяется и взгляд крестьян на помещиков. Прежняя безропотная покорность крепостных людей, доходившая иногда до изумительного самозабвения, слабеет с каждым поколением, не смотря на то, что суровость и жестокость в личном обращении с ними еще быстрее смягчается. «*Народ стал сильно портиться*», слышим мы беспрестанно из уст старых помещиков и прикащиков. Это значит, что теперь уже редко проходят безнаказанно такие злоупотребления, против которых лет 50 тому назад никто бы не стал и роптать, и очень часто распоряжения вовсе не жестокие и не противные законам, но стеснительные или придирчивые, встречают прямое сопротивление. Не ясное ли доказательство, что крепостное право отживает свой век, становится в тягость и что терпение народное истощается?*

Итак, в развитии взаимных отношений крепостного сословия к помещикам усматриваются одновременно два противоположные стремления, как бы две струи. С одной стороны, *крепостное право, как право лица на другое лицо, подрывается* смягчением нра-

что по-видимому они не были к тому приготовлены, последствия этой благодетельной (бесспорно одной из счастливейших прошлого царствования) меры превзошли самые смелые ожидания. По отзыву местных жителей, близко знакомых с положением того края, имевших ежедневные сношения с казенными крестьянами в то время, как они исправляли барщину на посессоров, и после их перевода на оброк, их быт в хозяйственном и нравственном отношении так быстро изменился к лучшему, что, по прошествии трех или четырех лет, трудно было их узнать. К тому же заключению приводит сравнение казенных крестьян с помещичьими в общей массе, по всей России. Превосходство первых над вторыми, несомненное для всякого беспристрастного наблюдателя и выражающееся *обыкновенно в материальном их состоянии и всегда в их нравственной физиономии*, не смотря на вопиющие злоупотребления и дороговизну казенного управления, объясняется главным образом отсутствием барщины и полною свободою в выборе занятий. Впрочем, лучшие судьи в этом деле сами крестьяне; а кому неизвестно, что перевод с барщины на оброк везде принимается за благодеяние, а перевод с оброка на издолье почитается бедствием, которое может сравниться только с продажей на своз в дальние, незнакомые места.

* В какой числительности возрастают ежегодно уголовные дела о неповиновении крестьян, возмущениях, убийствах и покушениях на жизнь помещиков и управляющих — это может быть в точности известно только тем, кому доступны официальные статистические материалы; но несомненно, что число их увеличивается и что многие дела этого рода, как напр., неудавшиеся покушения, поджоги и др. заглушаются на местах и до высшего правительства не доходят. По частным, но достоверным сведениям, в последние годы в некоторых подмосковных губерниях, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своих помещиков *телесным исправительным наказаниям*, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый верный признак падения нравственного авторитета помещичьей власти.

вов и еще более бессвязным, но тем не менее многозначительным ропотом крестьян; с другой, *систематически исчерпываются применения крепостного права к хозяйственным целям. Личный, бесцельный произвол убывает; постоянное, отчетливое давление на народ усиливается.*

Из этих двух стремлений одному призвано дать решительный перевес правительству и тем подготовить развязку мирную или трагическую.

Отношение правительства к крепостному праву

Как же относится правительство к настоящему вопросу? Чего оно хочет? Запереться вместе с помещиками в крепостном праве, как в осажденном городе, держаться в нем до последней возможности и, по мере усиления натиска, изобретать новые оборонительные средства, снабжать защитников новым оружием, или, приучив их заранее к мысли, что в настоящей позиции нельзя удержаться, проложить из нее верный исход, прежде чем она будет занята с бою?

Станным покажется, что в таком деле взгляд и намерения правительства могут быть предметом вопроса; но эта странность подтверждается на каждом шагу. Самое робкое слово, замолвленное в пользу освобождения крестьян, подвергает того, кто произнес его, двойной общественной опале: с одной стороны его клеймят, как человека, правительством подкупленного и угождением прокладывающего себе дорогу; с другой — на него указывают, как на врага правительства и порядка.

И действительно, припомнив законодательные акты и административные распоряжения последних двадцати лет, имеющие отношения к крепостному праву, мы в них откроем немало поводов усомниться и спросить себя: чего же от нас требуют и в какую сторону должны мы идти?

В 1842 году, Апреля 2, вышел указ о обязанных поселянах⁷⁰. Основная мысль его была верна и, несмотря на незрелость и неполноту поспешной ее обработки, как первый приступ к делу, указ 2 Апреля имел несомненное достоинство. Правительство ничего не предписывало, не требовало ни от кого немедленного исполнения; оно ограничивалось указанием новой дороги, предоставляя доброй воле каждого воспользоваться открытым исходом. Успех в этом деле зависел главнейшим образом от того, какое впечатление указ 2 Апреля произведет на помещиков, убедятся ли они в необходимости добровольным ограничением своего произвола предупредить более решительные меры со стороны правительства

и превозможет ли это убеждение над привычкою к старому порядку вещей. К сожалению, само правительство подало повод усомниться не только в твердости дальнейших его намерений, но даже в искренности желания его путем добровольных сделок облегчить переход от крепостной зависимости к гражданской свободе. На другой же день после обнародования указа 2 Апреля вышел памятный всем циркуляр Министра Внутренних Дел, в котором с особенным ударением упоминалось *только* о неприкосновенности прав землевладельцев и давалось удостоверение, что те помещики, которые не захотят войти в соглашение с своими крестьянами, удержат во всей целости прежнюю власть над ними. Итак, правительство приглашало помещиков испытать новый порядок вещей, всегда сопряженный с риском, и в тоже время, как будто для отклонения их от этого, ручалось им за прочность старого. Очень естественно, что действие указа было ослаблено действием циркуляра.

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы мысль о добровольных сделках не нашла отголоска в обществе. Кроме двух известных положений князя Воронцова и князя Витгенштейна, утвержденных законодательным порядком, представлено было в Министерство Внутренних Дел другими лицами несколько проектов соглашений с крестьянами, может быть неполных, недостаточных, не во всем согласных с указом 2 Апреля, тем не менее стоивших поощрения; но им не было дано надлежащего хода⁷¹. В журнале, издававшемся в Москве, появилась статья об основаниях, на которых, по мнению автора, могли состояться сделки с крестьянами; на нее вышло возражение, потом ответ. Редакция получила еще несколько статей о том же предмете, писанных с разных точек зрения. Все это указывало на возбужденное участие к вопросу и предвещало интересную полемику. Если бы правительство дозволило общественному мнению свободное выражение, разумеется, в строгих пределах цензурного устава, то оно, без сомнения, убедилось бы в необходимости разъяснить темные стороны положения 2-го Апреля и дополнить слишком ощутительные в нем пробелы, а между тем публика постепенно бы свыклась с мыслью о необходимости тем или другим путем сделать шаг вперед. Но вместо этого по цензурному управлению вышло предписание не допускать к печати никаких статей об указе 2 Апреля. Правительству, по-видимому, не нравились общественные толки, к которым он подал повод (как будто бы вековой порядок вещей мог измениться, не возбуждая толков), и правительство их пресекало; но вместе с тем оно уничтожило все значение и все возможные последствия изданного им закона; говоря точнее, оно придало ему *значение промаха*, неудач-

ной попытки, за которую последовал *попятный шаг*. «Правительство вздумало поднять вопрос о крепостном праве, но оно одумалось в пору и бросило свое намерение», так рассуждали помещики и, по-видимому, не без основания.

В этом смысле указ о обязанных поселянах был, можно сказать, осужден окончательно общественным мнением и равнодушием к нему самого правительства, когда, по истечении шести лет, совершенно неожиданно, предводителю и всему дворянству Смоленской губернии поручено было лично покойным Государем представить свое мнение о постепенном переводе крестьян из состояния крепостных в обязанные⁷². Предложенный вопрос обсуждался *келейно* между предводителями, депутатами и теми из дворян, которых они рассудили спросить, а результатом их совещаний были две довольно известные записки, из коих одна подана от лица предводителей и депутатов, а другая от лица одного губернского предводителя, хотя она также была одобрена прочими чинами дворянского представительства. Государь требовал соображений о *средствах* к приведению в исполнение указа 2 Апреля; вместо того дворянство представило ряд *возражений* против этого указа, в которых исчерпаны были все избитые доводы и общие места в пользу крепостного права, а в заключение, не без искусства, употреблено было самое действительное средство, нередко оставившее правительство в лучших его начинаниях, а именно: возбуждение ложного страха. Нового, чего бы правительство еще не имело в виду, оно не могло найти в представленных ему возражениях, и если бы существовало твердое намерение идти к осуществлению предположенной цели, то, конечно, записки Смоленских дворян не могли бы произвести перемены в образе мыслей правительства. Но они возымели полный успех, в смысле их составителей. Дело, начатое случайно, как будто для очистки совести, во второй раз было отложено в сторону, и благородное Смоленское дворянство, изъявив своему предводителю горячую признательность за его заступничество, получило как бы новое удостоверение, что вопрос о крепостном праве, по крайней мере надолго, останется без движения*.

* Хотя мы убеждены, что число помещиков, сознающих необходимость, тем или другим способом, развязаться с крепостным правом гораздо значительнее, чем обыкновенно думают, однакоже, в общей массе дворянского сословия, этот образ мыслей составляет исключение; предводители же и другие представители дворянства, избираемые, по самому своему положению, естественно высказывают несколько отсталое воззрение большинства и действуют как адвокаты помещиков. Поэтому, с одной стороны, нельзя было и ожидать иного отзыва на предложенный Смоленским предводителям вопрос; с другой же, ошибочно бы было по этому отзыву судить об образе мыслей всех дворян и отказываться от всякой

В 1845 году, при введении в действие Уложения о наказаниях⁷³, усмотрена была необходимость точнее определить, в каких пределах принадлежит помещику право суда и расправы над крепостными его людьми. Изданные для разрешения этого важного вопроса постановления, размещенные в продолжениях к Своду Законов, обращают на себя особенное внимание, как доказательство отсутствия всякого определенного воззрения на предмет. Св. Зак. т. XIV устав. о предупред. и пресечен. преступлений, ст. 338-ю предоставлялось помещикам право отсылать их крепостных людей в смирительные и рабочие дома или в арестанские роты гражданского ведомства на *срок, самим владельцем определенный*⁷⁴. Это право могло подавать повод к злоупотреблениям, тем более предосудительным, что само правительство в этих случаях являлось слепым орудием помещичьего произвола, и потому Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета, 21 Января 1846 года, оно было ограничено, как значится в статье 335 Св. Зак. по продолж. VI, трехмесячным сроком для смирительных и рабочих домов, а для арестантских рот гражданского ведомства шестимесячным; но замечательно, что в той же статье, тем же законом, по-видимому направленным к ограничению безотчетного произвола в определении наказаний, предоставлено право каждому помещику у себя в имении завести *сельскую тюрьму* и содержать в ней крепостных его людей до 3-х месяцев, сообразно с правилами, вообще для тюремного заключения постановленными, следовательно, по силе 87 ст. устава о содержащихся под стражею, с правом *заковывать в кандалы*.

По закону (ст. 342 и 343 устав, о предупред. и пресечен. преступл.), всякий помещик может представить своего крепостного человека к удалению из вотчины в Губернское Правление, которое, не входя ни в какое разыскание о причинах негодования помещика, обращает представленного им человека в военную службу или отправляет его в Сибирь на поселение^{**75}; но 345-ю ст. того же

надежды на искреннее содействие частных лиц в разрешении трудного вопроса о крепостном праве. Достоинство и могущество мысли измеряется не числом ее последователей в данную минуту.

* В издании Св. Зак. 1842 года под этою статьею сделана ссылка на Полн. Собр. Зак. 1811 г. Июля (24707). Сим именным указом действительно предоставляется помещикам право по их желанно отсылать крепостных людей в исправительные заведения, *но не иначе, как по объявлении ими (помещиками) причин*. Это последнее условие, важность которого очевидна, при составлении извлечений из источника, пропущено.

** Замечательно, что это право именным указом 1811 г. Июля 5 (24707) было формально отменено и постановлено, что ссылке в Сибирь подвергаются крестьяне токмо за преступления важные, отнесенные ко второй степени, что в решении дел сего рода над преступниками действует один закон, и *никакое желание*

тома, это право было ограничено между прочими условиями запрещением ссылать в Сибирь людей старше пятидесяти лет. В той же самой статье, по продолж. VII (в силу Высоч. утвержд. мнения Государст. Совета 1846 г. Июня 24, № 20158), *это ограничение упразднено*, и положено только требовать, сверх определенного денежного взноса, удостоверения, что представляемый к отсылке в Сибирь был уже отдаваем в исправительные заведения. Наконец, примечанием к ст. 346 того же тома по продолжению X (основанному на Высоч. утвержд. мнений Государ. Совета 1847 г. Декабря 8, № 21768) даровано помещикам право удалять навсегда из имения и *несовершеннолетних крепостных людей* порочного поведения *от 8 до 17 летнего возраста*, отдавая их на общем основании в распоряжение Губернских Правлений, между тем как из указанной выше 345 ст. и многих других ясно видно, что само правительство рассматривает удаление из места жительства как крайнюю меру наказания, справедливую только в применении к лицам неисправимым, над которыми уже испытаны и оказались тщетными другие меры.

Итак, со времени издания Уложения о наказаниях, которого целью было, как значится в именном указе 15-го Августа 1845 года, устранить, по возможности, всякий в произнесении приговоров произвол и подчинить обвиняемых одному прямому действию закона, безотчетная власть помещиков в присуждении их крепостных людей к уголовным и исправительным наказаниям *была расширена* дарованием права ссылать в Сибирь стариков и несовершеннолетних и заводить в имениях сельские тюрьмы. Трудно постигнуть, с какою целью, из каких видов допущено это отступление от общего стремления нашего законодательства со времен Екатерины II-ой; но должно сказать к чести помещиков, что практика далеко отстала от закона. Совесть в этом случае действительно за одно с благоразумием. Помещик, который бы вздумал завести у себя тюрьму, забирать в кандалы и ссылать детей, рисковал бы произвести в своем имении возмущение, а по силе 288 ст. Уложения, возмущение против помещиков или управляющих и против волостных и общественных управлений почитается восстанием *против правительственных установлений*. Здесь, кажется, в первый раз уравниена в нашем законодательстве безотчетная власть частного лица, владельца поселенного имения, с правительствен-

или нежелание помещика тут несовместно. Потом, в 1812 году, безотчетное право ссылки в Сибирь было восстановлено в пользу начальства удельного ведомства, а затем и в пользу помещиков. Какая шаткость! См. Полное Собрание Законов 1822 г. Марта 3-го (28954), 1827 г. Августа 30 (1339) 1828 г. Июня 22 (2107).

ными учреждениями, действующими на основании законов и подлежащими ответственности перед высшими инстанциями по жалобам от их подчиненных.

В 1848 году, Марта 3, издан указ, дозволяющий крепостным людям приобретать недвижимую собственность⁷⁶. Мысль была прекрасна, но в редакции она подверглась таким искажениям и ограничениям, что действие ее на практике оказалось совершенно ничтожным. Для приобретения недвижимой собственности, крестьянин обязан сперва испросить на то дозволение у своего помещика, в чем последний может и отказать, не подвергаясь никакой ответственности. Даровано право, и тем же законом употребление его подчинено неограниченному произволу. С одной стороны, это открывает повод к вымогательствам; с другой — усиливает недоверчивость крестьян. «Что, если я обнаружу свое состояние, тщательно скрываемое от помещика, и не получу от него просимого дозволения», — думает зажиточный крестьянин и, не дойдя до господского двора, с половины дороги поворачивает назад. К несчастью, бывали примеры, что помещики употребляли, как средство узнать состояние богатых крестьян, обещание свободы за выкуп, входили с ними в сделки и, разведав, что нужно, не выполняли своих обещаний. Далее, испросив у своего помещика дозволение воспользоваться правом, дарованным правительством, и приобретя недвижимую собственность, крепостной человек все-таки не делается полным ее хозяином: ибо помещик может в последствии запретить ему отчуждение его собственности, иными словами, ограничить действием своего произвола право, им же признанное; может лишить его возможности защищать эту собственность от неправильных притязаний, ибо по ст. 1029 т. IX Св. Зак., остающейся во всей силе, крепостной человек не иначе может начать иск, как с дозволения своего владельца⁷⁷; наконец, если бы сам помещик вздумал отобрать у своего крестьянина приобретенную последним недвижимую собственность*, то и тогда крестьянин не нашел бы нигде законной защиты; ибо в подобных случаях, по силе ст. 947 и 4 п. ст. 950 того же тома, также ни в чем не измененных, закон вовсе не предоставляет крепостному человеку права иска на его владельца⁷⁸. Если бы судить о намерениях правительства единственно по соображению всего вышеизложенного, то позволительно бы было задать себе вопрос, какую цель имели составители закона: расширить ли тесный круг прав крепостного сословия, или навести помещиков на новый, еще неис-

* Известно, что подобное посягание со стороны помещика на собственность крестьян подало повод к изданию закона 3 Марта 1848 года.

черпанный повод к вымогательствам? Само собою разумеется, что добросовестный взгляд откроет доброе, хотя и недостигнутое намерение; а в оговорках и ограничениях, которыми парализован рассматриваемый нами указ, он узнает, с сожалением, признаки того недостатка последовательной решимости, которым отличаются все действия правительства по вопросу о крепостном праве.

В 1847 году, указом 8 Ноября⁷⁹, предоставлено право крестьянам выкупаться вместе с землею при продаже имений с публичных торгов. Как известно, очень немногие сельские общества были в состоянии им воспользоваться, по неимению средств в короткий, 30-дневный срок собрать нужную для выкупа сумму; за то, во многих возбуждены были желания воспользоваться этим заманчивым правом и надежды на помощь от правительства. Между тем, применение закона 8 Ноября, поспешно составленного и несоглашенного с условиями публичных продаж, подало повод к разным недоразумениям и встретило множество препятствий. Повсеместные о том представления указали на необходимость подвергнуть его пересмотру. Представлялось два способа к устранению встреченных неудобств: вовсе отменить закон 8 Ноября или развить его, *придумав средства к облегчению выкупа*. Правительство предпочло первый способ: оно лишило крестьян дарованного им права, но не имело мужества сделать это открыто и явно. Закон 8 Ноября не был отменен установленным порядком, а втихомолку исключен при издании новых правил об оценке и продаже имуществ.

Этою канцелярскою проделкою были устранены канцелярские затруднения; но что же подумал народ? Чтобы понять, какое действие должно было произвести на него это беспримерное распоряжение, достаточно вспомнить, что из всех законодательных мер правительства, в последнее время обнародованных, указ о выкупе быстрее других распространился в крепостном сословии и много пробудил неосуществившихся надежд. Сперва крестьяне ожидали, что правительство, даровав им заманчивое право, конечно, облегчит и способы к выкупу; потом они долго не хотели верить, чтобы самый вызов к выкупу был отменен; во многих местах, для убеждения их в непоследовательности правительства, вынуждены были прибегать к мерам крайней строгости. За то, для защитников крепостного права это новое проявление несостоятельности нашего законодательства послужило поводом к новому торжеству.

Приведенные примеры, кажется, достаточно подтверждают сказанное выше. Гражданские и хозяйственные отношения, осно-

ванные на крепостном праве, сами собою клонятся к упадку; перед нами открывается загадочная будущность, а правительство как будто *не поспекает за естественным ходом вещей*. Бравшись несколько раз за вопрос, по-видимому для очистки своей совести, оно не овладело им, не заявило твердого взгляда и решительной воли. Вместо постепенного приближения к осуществлению глубоко-обдуманного плана, мы видим в его действиях какое-то колебание в разные стороны, ряд недосказанных желаний и быстро-прерванных попыток, а со стороны общества ряд *периодически-возникавших тревог*, за которыми всякий раз водворялось бесплодное усыпление.

Иначе и быть не могло; ибо, по сложности и глубине вопроса, разрешение его не могло быть делом внезапного, счастливого вдохновения: оно требует многих *приготовительных работ и гласного обсуждения*. Нужно изучить его в прошедшем и настоящем, в России и за границею, с точки зрения нравственной, политической и хозяйственной. Пусть же каждый, кому дана возможность и охота заниматься им, несет свои наблюдения и советы, не увлекаясь надеждою изобрести безукоризненный проект, но и не обрекая себя на молчание, не ограничиваясь одною критикою того, что предложено другими, из мелочного опасения публично подвергнуться уличению в ошибке. В твердой уверенности, что всякое высказанное заблуждение гораздо менее вредно всеобщего молчания, приступим и мы ко второй, труднейшей половине этой записки, к рассмотрению вопроса: какими мерами проложить исход из крепостного состояния к гражданской свободе.

Различные виды крепостных отношений

Точкою отправления всех предположений об устройстве в будущем крепостного сословия должно служить его современное положение в том виде, в каком оно является нам в действительности.

Под общим юридическим понятием крепостного сословия выработались, как известно, самые разнообразныя отношения крепостных людей к их владельцам, представляющая собою различные степени личной зависимости.

Выше всех стоят крестьяне *оброчные*, ежегодно очищающие свои повинности денежными взносами и совершенно свободные, как в выборе занятий, так и в употреблении своего времени и рабочих сил.

Ниже оброчных стоят *издельные* крестьяне, отрабатывающие на помещика барщину и пользующиеся от него угодьями. В этом разряде, обнимающем собою значительное большинство крепост-

ного сословия, встречаются самые противоположные крайности, от постепенно-возрастающего довольства и соответственного развития умственных способностей до ужасающей нищеты, отупения и бесчувственности. Большая часть условий, определяющих степень благосостояния издельных крестьян, зависит не от них, а от свойства местности и личности их владельцев; следовательно, *их собственное, самостоятельное участие в устройстве их быта весьма ограничено*; не менее того, издельный крестьянин имеет свой дом, свою скотину, свою запашку и если в его распоряжении оставляется свободного времени несколько более, чем сколько необходимо нужно на его пропитание, то, при счастливых обстоятельствах и напряженном трудолюбии, он может даже улучшить свое состояние и смотреть вперед не без надежды.

На низшей степени стоят крепостные люди, *не имеющие своего собственного хозяйства*. К этому разряду относятся *дворовые люди*, состоящие у своих помещиков в домашнем услужении*, *и месячники*. Определяя место дворовым ниже издельных крестьян, мы этим вовсе не хотим сказать, чтобы их положение в вещественном или нравственном отношении было *всегда и безусловно* хуже положения барщинников; но они находятся в непосредственной и притом исключительной зависимости от личности их владельца. У помещика достаточного, справедливого и хорошего хозяина, дворовые люди живут в довольстве и ведут себя честно, состоя каждый при определенном занятии. У помещика бедного, беспорядочного, преданного разврату и мотовству, они голодают, пробиваясь со дня на день, и заражаются всеми пороками своего господина. Оторванные от твердых преданий и обычаев сельской жизни, образуясь в наружном виде и в нравственном отношении по образу и подобию своих господ, живым примером и под прямым влиянием на них последних, дворовые люди вообще гораздо легче и скорее усваивают себе дурное, чем доброе, и в свою очередь передают это дурное крестьянам. Дворовый, обращенный лицом к помещику — один из последних типов крепостной зависимости; тот же дворовый, обращенный лицом к крестьянину, представляет собою какое-то грубое отражение самых безнравственных сторон и возмутительных явлений помещичьей власти.

Месячники стоят еще ниже дворовых, на самом рубеже между крепостным состоянием и рабством; ибо дворовые, хотя более месячников, подвержены личному произволу своего господина и

* Само собою разумеется, что мы не включаем сюда дворовых, ходящих по папорту и платящих своему господину оброк; ибо они подходят под первый разряд оброчных крестьян, занимающихся промыслами и ремеслами.

всякой нравственной порче, имеют более случаев и способов выслужиться, перейти от низшей должности на высшую и даже выпросить себе или детям отпускную. Одна эта надежда много значит, и она поддерживается в сословии дворовых частыми примерами и законодательными распоряжениями, облегчающими увольнение отдельных лиц и целых семейств из этого звания. Всеми исчисленными выгодами не пользуется месячник. Ему нет исхода из его положения и, кроме скудно обеспеченного содержания и вечного труда на другого до истощения сил, будущность ничего ему не представляет.

Все исчисленные нами формы крепостной зависимости встречаются в современной России одна рядом с другою; но одни распространяются, другие беднеют содержанием и постепенно исчезают. Под влиянием общих нравственных и экономических условий, нами указанных, масса крепостного сословия *движется последовательно* по одному направлению и, должно сознаться, что это движение совершается *не снизу вверх*, по лестнице, ведущей *от рабства к свободе*, а *сверху вниз* по ступеням этой лестницы. Судя по печатным отчетам и отзывам опытных хозяев, в северной и средней полосах России оброчное положение постепенно исчезает, и число крестьян, переводимых ежегодно с оброка на барщину, несомненно превышает число издельных, отпускаемых на оброк. Самостоятельность издельного крестьянина в его собственном хозяйстве постепенно стесняется, и через это подготавливается, хотя медленно и к счастью далеко еще не повсеместно, переход с трехдневной барщины на положение месячников. Что касается до дворовых, то можно допустить, что обычай брать во двор из крестьян довольно быстро выводится и, что большая часть ежегодно выдаваемых отпускных достается дворовым, а не крестьянам; но из этого еще нельзя заключить, чтобы числительное отношение между ними изменялось в пользу вторых. Напротив, по справкам, частным образом наведенным в разных имениях, оказывалось постоянно, что *дворовые* гораздо *быстрее размножаются, чем крестьяне*. Этот факт, кажется, объясняется двумя причинами. Во-первых, по общепринятому обычаю, дворовые не входят в рекрутские очереди; эту повинность очищают за них крестьяне; из дворовых же отдаются в военную службу только штрафные; во-вторых, дворовые не изнуряются тяжелыми работами, их жены не жнут и не молотят, и оттого смертность между ними, как от обыкновенных, так и от повальных болезней, никогда не бывает так значительна, как между издельными крестьянами. Класс непроизводительный плодится на счет производителей.

Если раз правительство утвердится в намерении постепенно и со всеми предосторожностями вести крепостное сословие от настоящего его положения к гражданской свободе, то ему нельзя будет оставаться равнодушным к таким явлениям, в которых выражается прогрессивное развитие крепостного права и усугубление гнета, тяготеющего над крестьянами. Оно захочет *остановить совершающийся теперь невозбранно переход из высшего состояния в низшее* и прежде всего примет меры для удержания существующего теперь порядка; ибо в противном случае все последующие законодательные распоряжения встретили бы противное течение, через что действие их было бы ослаблено.

Меры отрицательные или предупредительные против дальнейшего развития крепостного права

Из этого вытекает необходимость некоторых *ограничений* или *мер воспретительных*, которыми дополнится ряд законов, равноременно изданных*, очевидно, с целью положить пределы дальнейшему развитию помещичьего права. Не отступая от этого воззрения, но применяя общее направление законодательства к современным обстоятельствам, казалось бы возможным принять к рассмотрению следующие предположения:

I. Запрещение переводить из крестьян в дворовые для домашних услуг

Запретить на будущее время безусловно брать крестьян во двор *для домашних услуг* и вообще перечислять по ревизским сказкам из крестьян в дворовые люди.

При составлении этого закона, понятие домашних услуг требует ближайшего определения. Не должно стеснять помещиков в праве отдавать крестьян на обучение мастерствам и определять их к должностям, требующих постоянных занятий в самих имениях, как-то: назначать из них прикащиков, бурмистров, старост, смотрителей при заводах, столяров, бочарей, огородников и проч.; ибо все таковые должности необходимы при помещичьем хозяйстве, а для замещения их вольнонаемными не нашлось бы теперь ни людей, ни денежных средств у многих помещиков. Впрочем, и

* Мы относим сюда запрещение отдаваться в крепостное владение, прекращение жалования людей, невозстановление ни в каком случае крепостного состояния единожды, хотя бы и неправильно, прекратившегося, запрещение лицам, не владеющим населенным имением, приобретать крепостных людей без земли и многие подобные постановления.

крестьяне, определяемые к безочередным должностям, хотя бы даже они жили на господском дворе, не должны быть перечисляемы в разряд дворовых по ревизским сказкам, потому что перечисление само по себе вредно. Оно разрывает нравственную и бытовую связь перечисляемого с сельским обществом, из которого он вышел, изменяет навсегда их взаимные отношения, вселяет в первого убеждение, что, ставши выше крестьян, приобретает через это право жить на их счет, как это действительно и бывает в большей части имений, где крестьяне платят за дворовых подати и ставят рекрутов*.

II. Запрещение целые селения переводить с оброка на барщину

В имениях, ныне состоящих на оброке, запретить перевод крестьян на барщину целыми селениями, оставляя помещику право переводить на изделье в сложности не более десятой части наличных тягол.

Целью закона должно быть: прекратить перевод на барщину, как спекуляцию, предпринимаемую помещиком в видах увеличения его доходов на счет благосостояния крестьян, не лишая при этом помещика самого действительного из всех принудительных средств против неисправных оброчников. Это средство необходимо особенно в тех имениях, где каждое тягло само за себя отвечает, без круговой поруки целого общества.

III. Воспрещение дробления имений ниже положенной меры

Положить предел дроблению дворянских населенных имений установлением нормы, ниже которой имение не может подлежать ни разделу, ни отчуждению какой-либо из оного части.

Вопрос об установлении так называемых, миноратов⁸⁰, кажется, не раз уже возникал у нас по поводу разных законодательных предположений, но едва ли он был рассмотрен, по отношению его к современному развитию крепостного права, как мера *неотлагательная для предупреждения быстрого упадка не дворянскою сословия*, которому открыты все пути к ходатайству о своих нуждах, *а помещичьих крестьян, о которых обязано заботиться правительство*. К сожалению, этот вопрос, сам по себе трудный, еще усложнялся тем, что к нему постоянно прицепляли разные другие законодательные предположения, хотя и не лишённые с ними связи, но отнюдь не до такой степени тесной, чтобы нельзя было отделить

* Перевод из крестьян в дворовые и теперь не допускается в учрежденных в Польше майоратах по Положению, вошедшему в Св. Зак. Т. IX, Продол. I, прилож. к ст. 913, § 22, и в Западных Губерниях, со введения инвентарных правил.

первого от вторых. У нас же, вплетение в возбужденный вопрос посторонних и заведомо-неразрешимых задач — самое верное средство заглушить начатое дело.

Рассматривая вопрос с указанной точки зрения, то есть как меру, предназначенную для ограждения хозяйственной самостоятельности помещичьих крестьян, мы приходим к убеждению, что предел дроблению должно определить *числом ревизских душ*, приняв за неделимое такое число, при котором бы могло идти помещичье хозяйство на барщине с некоторою выгодою для помещика и без отягощения крестьян. При 75 ревизских душах можно иметь круглым счетом до 30 рабочих тягол, а на тягло нельзя полагать господской запашки в северных от Москвы губерниях более $1\frac{1}{2}$ казенных десятин в поле, а в средних и степных более 2 десятин. Потому при 75 душах помещик может обрабатывать от 45 до 60 десятин в поле*.

В меньших размерах едва ли помещичье хозяйство издельное может давать надежные, неслучайные выгоды, которыми бы могли покрываться неизбежные убытки и чрезвычайные пожертвования со стороны помещика, отвечающего за благосостояние своих крестьян.

Населенное имение, признанное неделимым по закону, должно быть рассматриваемо как всякая иная недвижимая собственность, *по существу своему не подлежащая дроблению*, и нет необходимости в издании особых правил для определения порядка наследования в населенных неделимых имениях. Когда достается нескольким наследникам фабрика, завод или дом, им предоставляется полная свобода удержать доставшееся им недвижимое имущество в общем и нераздельном владении, продать его и разделить между собою выручку или уступить его одному из наследников, условившись с ним на счет вознаграждения прочих. Те же способы взаимного соглашения должны быть открыты наследникам по неделимому имению, и законодательной власти нет надобности стеснять свободу их выбора или придумывать для них зараннее обязательные формы справедливого соглашения.

Изяснив перед сим, что отсутствие законного предела дробления населенных имений вредно не само по себе, а при двух условиях: при неопределенности повинностей и ответственности владельца за крестьян, мы полагаем, что, с устранением этих условий, и самое дробление могло бы быть допускаемо без вреда; а по-

* При ближайшем рассмотрении этого предположения, может быть, окажется нужным разделить Россию на несколько полос и для каждой установить особый предел дробления, сообразно с условиями местного хозяйства.

тому казалось бы возможным к предлагаемой мере присовокупить постановление, которым бы разрешалось делить имения в 75 и менее душ, если каждый из наследников представит на утверждение правительства вместе с просьбою о разделе проект добровольно-принятого крестьянами договора, составленный на основаниях, ниже сего изложенных.

Удержание крепостного права в настоящих его пределах составляет только первую половину задачи; вторая и важнейшая заключается в изыскании мер положительных, в открытии исходного пути из теперешнего порядка вещей в правомерные гражданские отношения.

Меры положительные к установлению новых, правомерных отношений

Все системы, примененные за границею и у нас одновременно предложенные для достижения этой цели, делятся на два разряда: некоторые ведут к освобождению отдельных личностей, другие к освобождению целых селений или обществ. Нет сомнения, что каждая из упомянутых систем имеет свои выгоды и свои неудобства; о сравнительном их достоинстве много и долго спорили в других государствах, и отголоски этого спора остались не без влияния на общественное мнение в России. Всякий, обращающий внимание на наши толки об упразднении крепостного права, часто слышал повторение доводов и опровержений, придуманных последователями той или другой системы в Западной Европе, и, вероятно, замечал, что столкновение этих двух противоположных воззрений, заимствованных целиком из иностранных литератур, ни на шаг не подвигает к разрешению наш домашний вопрос.

Не оттого ли, что мы ошибаемся, воображая себе, что мы властны *выбрать* из двух систем ту, которая покажется нам лучшею; тогда как нам предстоит *не выбрать, а узнать, чего требует порядок вещей, у нас сложившийся* и заключающий в себе зародыш всего будущего развития?

Необходимость двоякого рода мер: для целых обществ и для частных лиц

Главную массу крепостного сословия в России составляют поляне, живущие в деревнях, занимающиеся одним хлебопашеством, или хлебопашеством в связи с другими промыслами, и владеющие совокупно, целыми обществами, отведенною им землею.

В этом совокупном владении землею заключается коренная, ничем незаменимая основа нашего сельского общинного устройства. Каждая наша деревня глубоко сознает себя чем-то по природе своей единым, цельным и живым; это сознание проявляется во всех ее действиях и находит полнейшее выражение в многозначительном слове *мир*.

Многие из наших писателей, посвятившие себя изучению Русской народности в ее историческом прошлом и в нестареющих явлениях настоящего, дорожат нашею сельскою общиною, как твердым материалом, из которого сложилось Русское государство, и предугадывают в ней самую жизнь подготовленное разрешение на общественные вопросы, неразрешимые для Западной Европы. Напротив, другие смотрят на нашу сельскую общину, как на первоначальную, грубейшую форму общественной организации, в скором времени долженствующую раздробиться на единицы, и как на главное препятствие к улучшениям в системе сельского хозяйства и юридического устройства сельского сословия. Нисколько не разделяя последнего взгляда и вполне сочувствуя первому, мы однако же не намерены вдаваться в рассмотрение этого вопроса, очень важного по себе, но от разрешения которого мы не ожидаем значительных практических результатов. Пусть наука, при своих теперешних данных, оправдывает или осуждает сельско-общинное устройство; на практике оно представляется не вопросом, а живую существенностью. Позволительно думать, что язык Немецкий богаче, а Итальянский звучнее Русского, тем не менее мы останемся при своем языке. Подобно языку, общинное устройство наших сел принадлежит к числу тех коренных, самородных начал нашей Русской народности, с которыми может не сходиться частное воззрение, воспитанное в другом порядке явлений, но для правительства они составляют не предмет спора, а неопровержимые данные, которых законодательная власть не должна колебать, если она дорожит крепостью государственного организма.

Естественно и свободно сложилась наша сельская община; также свободно и естественно отрешаются от нее беспрестанно отдельные личности и примыкают к другим состояниям.

Рядом с крестьянами, земледельцами, мы встречаем у себя несколько разрядов крепостных людей, по свойству их занятий и образу жизни не имеющих с первыми никаких общих интересов и связанных с ними единственно общею зависимостью от одного владельца и круговою порукою по исправлению государственных повинностей. Таковы дворовые, крестьяне, владеющие в городах собственными домами, содержатели постоянных дворов, фабрич-

ных заведений, торгующие по гильдейским свидетельствам, занимающиеся подрядами и поставками. Судьба всех таковых личностей так резко отделяется на практике от участи сельских обществ, что, с переменою отношений первых к их владельцам, нет ни малейшего повода опасаться расстройств в организации тех селений, из которых они вышли и с которыми они остаются связанными только по ревизским сказкам.

Имея все это в виду, нельзя не придти к заключению, что было бы несправедливо удерживать в крепостной зависимости торгующего крестьянина, стоящего значительно выше уровня крепостного сословия, единственно потому, что путь к освобождению, доступный ему лично, не доступен сельскому обществу, к которому он приписан, и что в той же мере несправедливо бы было требовать, чтобы сельское общество не иначе могло перейти в свободное состояние, как раздробившись, утратив свою цельность, перестав быть обществом. Итак, практика не позволяет нам принять исключительно ни ту, ни другую систему; мы должны воспользоваться обеими и *открыть двоякий исход: для целых обществ и для отдельных лиц.*

О сельских обществах. Невыгоды введения принудительных отношений законодательным порядком

Обращаясь сперва к сельским обществам, мы усматриваем только два способа заменить теперешний порядок правомерными отношениями. Может правительство, без участия помещиков и крестьян, принять на себя определение их взаимных отношений и составленное таким образом положение ввести в действие, не спрашивая согласия ни тех, ни других; могут также эти отношения определиться с обоюдного согласия помещиков и крестьян, в виде добровольной между ними сделки с утверждения законодательной власти.

Первый из этих способов обращает на себя особенное внимание, как система, правительством избранная для Западного края России и им уже примененная в форме, так называемых, *инвентарных правил.*

Эти правила, одинаковые для всех имений, вместе с *инвентарем* (или статистическою описью каждого имения) заключают в себе определение взаимных прав и обязанностей землевладельца к поселянам. По содержанию, это контракт в полном смысле слова, но контракт, составленный не сторонами, обязанными исполнять его, а тою властью, которая по отношению ко всем дру-

гим видам частных условий, договоров и сделок ограничивается одним утверждением, засвидетельствованием и восстановлением их законной силы в случае нарушения.

Это контракт, но *которому не достает только одного: добровольного согласия связанных им сторон*, не достает именно того условия, на котором основывается внутренняя законность и прочность всякого договора. Важность этого обстоятельства вполне обнаруживается в особенном характере всех последующих отношений при переходе закона в практику. Помещики не могут быть довольны инвентарями: им кажется, что у них отобрано слишком много прав и доходов; крестьяне бесспорно сознают с признательностью сделанные им льготы, но и они недовольны: им кажется, что им уступлено мало, и они ожидают большего. Недавние происшествия в Киевской губернии по поводу созыва ополчения⁸¹ доказали это до очевидности. Весьма может быть, что и помещики и крестьяне в сущности неправы; но хотя бы и так, несомненно, что противоположность интересов, *непримиренных, а только взаимно-ограниченных*, открывает обширное поприще ухищрениям, уловкам, обидам всякого рода. Как бы ясно и определительно ни были составлены правила, в поводах к превратным толкованиям, придирам, вымогательствам, обоюдным жалобам, недостатка не встретится, и возгорится глухая, междоусобная война. Для поддержания отношений, правительством установленных без участия сторон, естественно потребуется неусыпное за ними наблюдение и прямое, почти ежедневное с его стороны вмешательство через посредство местных полицейских чиновников, — вмешательство для последних обременительное, усеянное соблазнами и крайне-раздражительное как для помещиков, так и для поселян.

Может быть, нам возразят, что в какой бы форме ни установились законные между ними отношения, каким бы способом ни было ограничено полновластие помещиков, во всяком случае, с прекращением теперешнего их произвола, все недоразумения, вопросы и жалобы, возникающие между ними и поселянами, должны будут неминуемо восходить к правительству. Это очевидно. Восстановление законных отношений в случае их нарушения и взыскание с виновного принадлежит правительству, никому другому, и в этих пределах его участие, вызванное обращением к нему одной из сторон, не только неизбежно, оно благотельно. Не менее того, всякое нарушение взаимных обязанностей, даже при существовании всех средств к легкому, скорому и дешевому его прекращению, само по себе *есть уже зло, и потому, чем чаще*

оно повторяется, чем больше поводов к его развитию представляет какой-либо порядок вещей, тем он хуже.

Исчисленные неудобства должны усугубиться, если правительство, определив законодательным порядком отношения землевладельцев к крестьянам, не откроет последним никаких законных путей для самостоятельного ограждения предоставленных им прав. В таком случае оно будет в необходимости принять на себя не одно разбирательство жалоб, ему приносимых, *но самое изыскание поводов к справедливым жалобам*, иными словами: прямое и постоянное опекание безгласной стороны, — дело для правительства нелегкое, а для народа тяжелое.

Вся сила в том, что в области гражданских отношений, порядку вещей, введенному в силу предписания начальства, подчиняются более или менее охотно; *добровольная же сделка*, предложенная самими сторонами и утвержденная правительством, *связывает совесть, возбуждая сознание гражданской свободы и нравственного долга*. В этом сознании лежит самая существенная гарантия всякого договора, которой полицейское опекание, хотя бы совершенно беспристрастное и бескорыстное, уже потому заменить не может, что беспрестанное вмешательство посторонней власти препятствует установлению согласия, без которого мы не можем себе представить правильного развития сельской жизни.

Собственно по этой причине, не касаясь других неудобств, многими встречаемых в применении подробностей инвентарного положения, притом рассматривая эту систему единственно по отношению к Велико-российским губерниям, мы не желали бы видеть ее распространения. Ограничиваясь этим общим выводом, мы оставляем в стороне частный вопрос о том, в какой мере она была необходима для Западного края России, т.е. именно для той местности, для которой она придумана и где введена или вводится.

Всякому, даже не бывавшему в том крае, но знающему историю Русской земли, должно быть понятно, что отношения помещиков — Поляков и Латинцев к Православным Малороссиянам и Белорусцам, отношения, носящие на себе внутренние и внешние признаки векового, систематического угнетения, должны существенно разниться с бытовыми отношениями тех же сословий в Велико-российских областях. Весьма может быть, что в Западном крае правительство не только не предвидело, *но даже не желало взаимною соглашением* и вынуждено было *из политических видов* предпочесть такую меру, которая, разлучив навсегда и глубже прежнего крестьян с помещиками, давала бы возможность местной власти принять первых в свое непосредственное ведение и устранить вся-

кое на них влияние со стороны вторых. Едва ли нужно присовокуплять, что никакие подобные соображения не могут иметь места в применении к Великороссийским губерниям.

Итак, рассматривая инвентарную систему *в ее общности*, мы пришли к убеждению, что ее должно отвергнуть. Это откровенное осуждение, думаем мы, оправдывается вышеизложенными соображениями; тем не менее, в настоящую минуту пишущему эти строки тяжело произнести его именно потому, что против инвентарного положения раздается много голосов, порицающих в нем ограничение помещичьего произвола, то самое, что в нем есть доброго, за что составителя этого положения и теперь поминают добром миллионы людей. К этим голосам, торжественно возвещающим неприкосновенность крепостного права (как будто бы от них зависело остановить историю и оживить издыхающее), не хочется и не должно приставать; и потому, во избежание всякого недоразумения, мы также откровенно прибавим, что если бы Провидению угодно было казнить Россию, поразив наше правительство неисцельным ослеплением, а наше дворянство безнадежным упрямством и если бы затем нам предстояло одно из двух: оставить неприкосновенным крепостное право или ввести повсеместно инвентари, то, из двух зол избирая меньшее, мы, не задумываясь, предпочли бы последнее. Но, к счастью, неизбежность подобного выбора еще далека от нас, и потому мы можем надеяться, что правительство, не испытав предварительно других способов, не прибегнет к мере, которая сделалась бы необходимостью только в случае исчезновения всякой надежды на свободное соглашение.

Добровольные сделки между помещиками и крестьянами. Излишества и недостатки указа о обязанных поселянах

Возражения, нами приведенные против определения отношений крестьян к помещикам порядком законодательным, содержат в себе указания на иной путь, к той же цели ведущий. Мы разумеем добровольные сделки между крестьянами и помещиками. Этот путь открыло правительство в 1846 году изданием указа о обязанных поселянах⁸²; но, к сожалению, сделав первый шаг, оно не пошло далее и не только не поощрило сделок, даже не устранило самых существенных препятствий к их заключению. На эти препятствия, указанные общественным мнением, следует теперь обратить внимание.

Во-первых, желательно, чтобы договаривающимся сторонам, т.е. помещикам и крестьянам, предоставлен был возможный про-

стор и устранены были все излишние ограничения, встречаемые в положении 2 Апреля 1842 года. Так, например, статью 908⁸³ определено, что рекрутская повинность в селениях обязанных крестьян отправляется однообразно по очередному порядку, в уставе рекрутском установленном⁸⁴, но здесь не принято во внимание, что в помещичьих имениях издревле введены различные системы учета очередей. В иных, очередь или место, занимаемое семейством в рекрутском круге, определяется старшинством отдачи и составом семейства, т.е. числом тягол; этот способ близко подходит к рекрутскому уставу. В других, особенно в оброчных селениях, установлено определенное число рекрутских частей, по накоплении коих семейство сдает рекрута. Части или доли насчитываются различными способами, иногда довольно сложными, но хорошо известными всем крестьянам. Есть имения, в которых, по обычаю, исстари заведенному между крестьянами, рекрутские доли переводятся на деньги и с согласия мирской сходки сдаются одним семейством другому. Наконец, каков бы ни был порядок в разрешении частных случаев, мирские сходки иногда отступают от общего правила по врожденному Русскому человеку убеждению, что правда не должна быть приносима в жертву законности. Вообще, мы не видим основания думать, чтобы очередной порядок, в уставе рекрутском изложенный (с тех пор замененный в казенных имениях еще худшим, — жеребьевым) был уравнильнее и удобнее систем, издавна существующих во многих наших имениях и к которым крестьяне привыкли. Известно, как неохотно они подчиняются каким бы то ни было переменам, даже к лучшему, в отправлении этой повинности, самой для них тягостной, переменам, неминуемо влекущим за собою несправедливости и ущербы для многих семейств; а потому и не должно, когда нет на то необходимости, обязывать ко введению очередного порядка, в Своде Законов помещенного*. В противном же случае можно предвидеть, что со стороны крестьян это обстоятельство возбудит много сомнений, возражений и споров и что заключение сделки с помещиком, если с нею будет сопряжено введение нового порядка учета рекрутских очередей, встретит особенные затруднения.

Статьею 909⁸⁵ определено, что запасы народного продовольствия и пособия в пожарных случаях учреждаются на счет собственных средств обязанных крестьян *под наблюдением помещиков или под наблюдением и при содействии правительства*. Все это глухо

* По крайней мере, трудно помириться с мыслью об однообразном и безусловно-обязательном порядке до тех пор, пока рекрутская повинность лежит на *обществах*, исправляется *обществами* за круговую порукою всех членов оногo.

и может быть стеснительно. Существует немало имений, в которых помещики не только наблюдают, но *участвуют* в составлении хлебных запасов, в мерах для предупреждения пожаров, в пособиях погоревшим. Например, во многих местах помещики отвели из своей земли особые участки под мирские запашки для обеспечения продовольствия крестьян. Там, где крестьяне не имеют собственного леса, где лес редок и дорог, где на случай пожара или необходимых починок берегутся заповедные участки, помещик, если захочет войти в соглашение с крестьянами, неминуемо услышит вопрос: «А на случай пожара или какой беды леску на обстройку выдавать будете?» Едва ли они удовлетворятся уверением, что пособие устроится на их счет при одном наблюдении со стороны помещика или при содействии правительства. Несколько лет тому назад, в одном имении учреждено взаимное страхование от пожаров. Основной капитал пожертвован владельцем (это более, чем наблюдение) и увеличивается ежегодным сбором со всех строений крестьянских и господских, по оценке, производимой самими крестьянами. Все подобные учреждения, не подходящие прямо под статью 909, скрепляют связь между помещиками и поселянами, которой отнюдь не должно ослаблять. В них заключается, конечно, очень еще слабый начаток взаимного соглашения их интересов, развитие и распространение которого на все вообще хозяйственные их отношения заслуживает поощрения.

Но самое стеснительное условие, заключающееся в указе о обязанных крестьянах, условие, которому во многом следует приписать его неуспех, содержится в ст. 911 и 912⁸⁶, определяющих отношение имений, населенных обязанными крестьянами, к нашим кредитным установлениям. Во-первых, заключение условий с крестьянами в заложенных имениях (то есть, почти во всех помещичьих имениях), также как и изменение условий с обоюдного согласия сторон, допускается не иначе, как с дозволения кредитного учреждения, которое может и не дать его. Обязанное исключительно заботиться о предупреждении всякого возможного упадка ценности принятого им залога, оно всегда найдет гораздо более уважительных поводов к отказу, чем к изъявлению своего согласия; а закон в этом не только не ограничивает его свободы, даже не определяет, какими соображениями оно обязано руководствоваться в своем решении. Во-вторых, относительно порядка учинения вновь займов под залог имений, переведенных на новое положение, указом 2-го Апреля 1842 года было обещано издание особых правил. Это обещание выполнено только в 1846 году изданием закона, помещенного в VII продолж. XI т. Св. Зак., ст. 304

и 321 и прилож. к 304⁸⁷, но выполнено так, что вместо этих правил можно бы было ограничиться простым упразднением права пользоваться ссудами. Это ясно до очевидности. Когда представляется в залог имение, управляемое на неограниченном помещичьем праве, то ссуда выдается без всякого затруднения по разряду губернии, числу душ и количеству земли; если же испрашивается ссуда под залог имения, населенного обязанными крестьянами, то кредитное установление входит в исчисление чистого дохода, получаемого владельцем* и выдает ссуду в 10 раз превышающую этот доход, с тем, однакоже, чтобы ссуда, *несмотря на исчисленный доход, ни в каком случае не превышала размера, по классам губерний определенного в ст. 347—349 уст. кред.*⁸⁸ с прибавлением добавочных 10 руб. сер. на душу, если, впрочем, имение соответствует условиям, изложенным в ст. 1202—1211. Итак, владелец имения, заключивший сделку с крестьянами и отказавшийся добровольно от своего полномочия, подвергаясь особым затруднениям и проволочкам, которых не испытывает помещик, владеющий имением на неограниченном крепостном праве, *рискует* очень часто *не получить полной ссуды* по разряду губерний, *но ни в каком случае, как бы его имение ни было доходно и прочно устроено, не может даже надеяться получить более этой ссуды.* Ясно, что исчисление дохода придумано единственно в ущерб владельцу для уменьшения ссуды. спрашивается: можно ли было ожидать успеха от указа 2 Апреля, когда изданием упомянутых правил правительство не только не поощряло к заключению сделок, но, напротив, вернейшим путем как будто отводило помещиков от этой мысли, ясно выражая, что кто последует его призыву, тот в его глазах потеряет право на кредит?

Содержа в себе излишние определения, без нужды ограничивающие свободу или выгоды договаривающихся сторон, указ о обязанных поселянах в тоже время представляет значительные погрешности и не дает ответов на существенные вопросы.

Во-первых, хотя с утверждением договора между помещиком и обществом крестьян, последние через это самое возводятся на степень юридической правомерной личности и становятся в пря-

* А как исчислить его? Это один из самых сложных и трудных вопросов хозяйственной администрации. В землях, где исстари существует земский кредит на самых твердых и разумных основаниях (например, в Пруссии, где свойство местности и разные особенности общественного быта не представляют тех огромных препятствий, с которыми пришлось бы оценщикам иметь дело у нас) для разрешения его написаны фолианты, и все-таки он не разрешен, все-таки продолжают над ним трудиться. А у нас... кажется, и не подозревали, что тут есть над чем задуматься!

мое отношение к правительству, однако, этому обществу не дано ни юридической организации, ни законного представительства, через которое бы оно могло, в случае нужды, сноситься с властями и действовать для защиты прав, за ним утвержденных. В статье 910⁸⁹ говорится только об учреждении вотчинного (или мызного) управления, органа и орудия распоряжений вотчинника, следовательно одной стороны, и совершенно умалчивается об организации другой, то есть общества крестьян.

Во-вторых, не определены с надлежащею точностию отношения крестьян, вступивших в права обязанных, к судебной-полицейской власти помещиков. Статья 910, к этому предмету относящаяся, измененная в продолж. VI к Св. Зак.⁹⁰, предоставляет помещику *первоначальный* разбор взаимных между крестьянами тяжб и споров, право суда по проступкам и преступлениям, за которые виновные не подлежат лишению всех прав состояния, и право применять наказания, предоставленные всем помещикам вообще (в том числе находятся палки и тюрьмы с кандалами), с тем лишь ограничением, что отдача в смирительные, рабочие дома и в арестантские роты гражданского ведомства, а равно удаление из вотчины неисправимых, определяется мирскими обществами с утверждения помещика. Но если последнему принадлежит только первоначальный разбор тяжб и споров, то кем и каким порядком будет производиться *последующий разбор*? Может ли обязанный крестьянин, не испрашивая на то разрешения от владельца вотчины, начать иск в присутственном месте против другого обязанного крестьянина, к той же вотчине приписанного или против постороннего человека? Может ли он приобретать и отчуждать недвижимую собственность на том же основании, как и лица свободных состояний, или он подлежит в этом отношении тем же, с правом собственности несовместным ограничениям, как и крепостные люди?

В-третьих, не определено кем и каким порядком будут рассматриваться споры между вотчинником и обязанными поселянами, возникающие из их обоюдных обязательств, изложенных в условиях. В ст. 906⁹¹ упоминается только о мерах для *понуждения крестьян* к исполнению обязанностей, ими нарушенных, причем предполагается с их стороны прямое, произвольное и бесспорное неисполнение, а не *возбужденный гражданский вопрос* о существовании их обязанностей, требующий разрешения. К тому же, говорится единственно о понуждении крестьян, и ни единым словом не упоминается о *понуждении помещика*. В случае нарушения договора

с его стороны, могут ли крестьяне на него жаловаться? Кто понесет жалобу от имени общества крестьян и будет за них ходатаем? Кто примет ее к рассмотрению, и каким порядком будет производиться дело? Наконец, не говоря о гражданском иске против владельца от лица целого общества, в праве ли обязанный крестьянин подать на него жалобу от своего лица? Все сии вопросы не находят разрешения в положении 2 Апреля, между тем как именно эта юридическая сторона отношений крестьян к вотчинникам не может быть предоставлена исключительно частному между ними соглашению и, по крайней мере, в главных чертах должна быть определена правительством. Необходимо нужно, чтобы как вотчинники, так и крестьяне знали твердо, какая будет поставлена над ними ближайшая власть, при каких условиях эта власть будет вступаться в их взаимные отношения, какие представятся им средства и законные пути для ограждения их интересов и прав, ибо нельзя ожидать, чтобы первые, т.е. помещики, решились выйти из старой, глубокой колеи, не видя перед собою новой дороги, ни даже, чтобы крестьяне уразумели серьезное значение своего нового положения до тех пор, пока оно не будет заранее совершенно ясно обрисовано правительством.

При составлении дополнительных статей к положению 2 Апреля, с целью восполнить указанный недостаток, нужно принять в соображение следующие обстоятельства. Заключение сделок предоставляется добровольному желанию каждого, и в первые годы, конечно, очень и очень немногие помещики будут в состоянии, или захотят подвергнуться риску, сопряженному с отречением от их полновластия; для немногих же имений нельзя создавать полной и сложной организации; потому на первое время необходимо придумать порядок управления, *сколь возможно простой и немногосложный*. Впоследствии, когда число имений, переведенных на новое положение, увеличится, этот порядок должен будет измениться и уступить место иному с учреждением нескольких инстанций, с новым административным делением на округа или приходы, с изданием полицейского и судебного устава для сельских обществ; следовательно, организация, нужная для настоящей минуты, *как мера переходная*, должна, с одной стороны, *близко подходить к существующим теперь отношениям*; с другой, не должна связывать будущего развития, но, напротив, *иметь в себе способность удобно и легко измениться и перейти на степень высшей организации*, без всякой ломки или потрясения.

Просим читателей иметь в виду, что в нижеследующих положениях, мы старались определить главные черты такого переходного порядка, который бы в настоящую минуту облегчил заключение сделок, отнюдь не выдавая его за проект окончательной организации сельских обществ^{*92}.

Предполагаемые дополнения и изменения

Каждое имение по утверждению добровольной сделки между крестьянами и вотчинником рассматривается в административном отношении как целое, как единица. Юридическая организация его слагается из крестьян, вотчинника и посредника между ними.

Крестьяне образуют одно или несколько мирских обществ, смотря по обширности и населенности имения.

Каждое мирское общество ведает совершенно самостоятельно свои общественные дела, частные, взаимные отношения своих членов в судебно-полицейском отношении, наконец, относится к местным правительственным учреждениям по делам казенного управления и для защиты своих собственных прав и интересов.

* Этот последний вопрос, которого самое возбуждение было бы преждевременно по важности своей, едва ли имеет равный себе; и прежде, чем приступить к его разрешению, нам еще предстоит исполнить несколько предварительных работ, о которых пора бы теперь подумать: *работу историческую*, разумея под этим возможно полное воспроизведение судьбы наших сельских обществ с XVI столетия до настоящего времени; *работу статистическую*: подробное описание административного устройства сельских обществ в имениях казенных, удельных и помещичьих, оброчных и издельных в разных полосах России. Для выполнения этой задачи, независимо от сведений, которые могут быть получены канцелярским путем, необходимо произвести на местах самое добросовестное и подробное исследование в роде Английских парламентских *Inquiry*, поставив за правило ничего не скрывать, и с полною откровенностью обнаружить все усмотренные недостатки. Наконец, *для справки* изучить разные виды сельских общественных организаций в наших областях, на особых правах состоящих в Остзейском крае, в Финляндии, в Царстве Польском, и в Западной Европе, особенно в тех землях, где, как в Пруссии и большей части Германии, упразднение крепостного права совершилось недавно, мерами правительства, без насильственных потрясений и революций.

Эта программа, мы знаем наперед, заставит многих улыбнуться. «К чему, думают так называемые практические люди, столько хлопот, когда можно все дело покончить на бумаге, не выходя из покойной директорской комнаты? Да и где у нас люди способные к такой работе?» На это мы отвечаем, что когда же ни будь в отвлеченный мир бумаг, номеров и разграфленных ведомостей прорвется существенность и правда; мы с нею должны столкнуться неизбежно; так не лучше ли исподволь открыть ей вход? Что же касается до недостатка людей и непривычки, то характер исполнительных работ зависит главнейшим образом от характера требований высших начальств. Чиновник, которому поручается исследовать какой-нибудь предмет, отправляется, зная наперед, что начальству нужна вовсе не правда, подчас горькая и хлопотливая, а гладкий отчет, и он сочиняет отчет, подгоняет цифры, смягчает и скоблит, чтоб было гладко. Потребуйте правды, и она явится, хотя, разумеется, не вдруг, потому что мы отучили ее показываться.

Общество действует двояким образом: непосредственно, как мирская сходка или собрание домохозяев, и посредственно — через постоянных своих представителей.

Ведению мирской сходки принадлежит выбор представителей общества (старост и старшин), замещение общественных должностей (церковного и магазинного старост, сборщика податей, ключника, сотского, лесника, если крестьянам отведен лес); по общественному хозяйству: установление правил и порядков для всех крестьян обязательных, например, накладка и скидка тягол, разделение полей, лугов и всяких угодий; назначение ссуд и всяких расходов из мирской суммы и мирских хлебных запасов (не казенных, а общественных); раскладка оброка, податей и всяких повинностей, денежных и натуральных, как в пользу вотчинника, так и казенных; определение рекрутских очередей, составление приговоров о назначении рекрутов; разрешение разделов; разбор важных проступков и определение наказаний, превышающих власть старосты и старшин, как-то: продажа имущества неисправного плательщика для пополнения недоимок и отдача его в заработки, отдача в рекруты в зачет будущих наборов или без зачета и представление порочных крестьян, негодных в военную службу, к удалению из вотчины.

Сходки бывают общие от всех деревень, входящих в состав имения, и частные, по деревням, срочные и чрезвычайные. Общая должна быть, по крайней мере, один раз в году. Чрезвычайную сходку во всякое время могут созвать старосты и старшины, или вотчинник, или уездный предводитель.

Власть сходки ограничивается по части хозяйственной обязанностью не нарушать условий, заключенных с вотчинником^{*}; в судебно-полицейском отношении власть сходки не распространяется на крестьян, дворовых и вольных людей, занимающих должности по назначению самого вотчинника и заведующих его хозяйством. Приговоры мирской сходки над ними получают силу лишь с утверждения помещика. Всякий приговор мирской сходки об отдаче крестьянина в рекруты или об удалении из имения требует также утверждения помещика. Разногласие между вотчинником и сходкою по всем сим делам решается как будет указано ниже.

Представители обществ, старосты и старшины, выбираются в определенном числе и на определенный срок. Они вступают

^{*} Например, в них может быть договорено, что крестьяне обязаны обрабатывать свою землю с двумя парами, или часть своих полей запускать, по снятии нескольких хлебов, в залежь, на известное число лет, производить рубку в общественном лесу не иначе, как с ведома вотчинника и тому подобное.

в должность, не требуя утверждения от помещика, который не в праве их устранить. Помещик и местная полиция только уведомляются об избранных лицах.

К обязанностям и правам старост и старшин принадлежат: исполнительные распоряжения по всем постановлениям мирского общества, попечение о всех отраслях общественного хозяйства, сношение с местными властями по исправлению государственных повинностей, как-то: сдача рекрутов, поставка подвод, рабочих для починки дорог, взнос податей, понудительные меры к исполнению обязанностей общества в отношении к владельцу, ходатайство по всем делам общества, суд и расправа над крестьянами. В этом последнем отношении их власть, так же как и власть сходки, не распространяется на людей, состоящих в услужении у вотчинника, в определении наказаний они ограничиваются нарядом в мирскую работу, денежными штрафами до определенной в добровольной сделке суммы*, телесными наказаниями до 40 розог.

Каждому крестьянину предоставляются следующие личные права: право приобретения и отчуждения недвижимой собственности; право жалобы и иска на всякого постороннего человека, не приписанного к вотчине, общим порядком, в надлежащих присутственных местах, и не сменяясь предварительным испрошением на то согласия от вотчинника; право жалобы на самого вотчинника, порядком ниже указанным; право откупиться от исправления постоянной барщины или вспомогательных работ уплатою за каждый год вперед денежного оброка, определенного с обоюдного согласия в сделке; право выкупиться на волю по таксе, установленной правительством**.

Вотчинник независимо от мирской сходки, старосты и старшин удерживает за собою судебную-полицейскую власть над крестьянами в той степени, в какой она необходима: во-первых, для ограждения его от убытков в случае нерадивого исполнения кем-либо из крестьян возложенных на них обязанностей или прямого с их стороны уклонения от этих обязанностей; во-вторых, для соблюдения полицейского порядка и благоустройства в вотчине.

Наказания, которых применение помещик предоставит себе, должны быть определены в добровольной сделке с обоюдного согласия, но ни в каком случае не могут превышать меры, указанной ст. 971 т. IX по прод. IV⁹³. Из наказаний, в этой статье исчисленных, уничтожаются навсегда палки и сельские тюрьмы с кандала-

* Высшая степень денежного наказания должна быть соразмерна с состоянием крестьян и потому не может быть одинакова для всех имений

** О последних двух правилах будет говорено ниже

ми. Взамен их могут быть допущены денежные штрафы в пользу вотчинника, в виде вознаграждения за причиненные ему убытки, и в пользу мирской суммы за проступки, не сопряженные с ущербом для вотчинника. Высшая мера денежного штрафа должна быть в договоре определена. Сверх сего вотчинник удерживает право представлять правительству, для отдачи в рекруты в зачет будущих наборов или для удаления навсегда из имения, несостоятельных плательщиков или крестьян неисправимых, даже без мирского о том приговора. В таком случае вотчинник должен предварительно о том отнестись к уездному предводителю дворянства, уведомив его письменно о причинах, вынуждающих его прибегнуть к этой крайней мере наказания. Требование вотчинника приводится в исполнение не иначе, как с утверждения предводителя, об обязанностях которого по таким делам будет говорено ниже.

Судебно-полицейская власть вотчинника вовсе не распространяется на мирского старосту и старшин, к которым он относится как к лицам свободная состояния, с которыми бы он был связан взаимным обязательством.

Власть, предоставленная вотчиннику в тех же пределах, может быть передана им лицу, управляющему его имением по законной доверенности.

Вотчинник, или заступающий его место, обязан записывать в шнуровую книгу, за казенною печатью ему выданную, все наказания, им присуждаемые, с обозначением проступка, времени учинения оного, свидетелей, доказательств и лиц, употребленных для наказания.

Посредничество между вотчинником и крестьянами, заключившими между собою договор, возлагается на дворянского предводителя того уезда, в котором имение находится. В имениях самих уездных предводителей эта обязанность возлагается на губернского предводителя. Непосредственному ведению предводителя подлежат все споры между вотчинником и крестьянами и жалобы, с той или другой стороны подаваемые. Смотря по важности дела, оно получает окончательное решение от предводителя, или им же переносится для дальнейшего производства в надлежащие инстанции*.

Возникающие между вотчинником и крестьянами дела могут быть тройкого рода:

споры о значении и силе заключенного между ними договора;

* Само собою разумеется, что участие предводителя ни в чем не ограничивает действий местных полицейских властей и вовсе не относится к дедам, по существу своему подлежащим их непосредственному ведению.

жалобы на неисполнение или нарушение условий со стороны вотчинника, целого общества или частных лиц, членов этого общества;

жалобы на обиды и притеснения, претерпеваемые от вотчинника, как от лица, облеченного судебной-полицейскою властью. Жалобы от вотчинника на оскорбление или непослушание со стороны крестьян.

По делам первого рода предводитель обязан всеми мерами склонять спорящие стороны к соглашению, и если это ему удастся, то, заключив письменный протокол, утвержденный подписом вотчинника и представителей мирского общества, предводитель препровождает его к начальнику губернии на окончательное утверждение, как дополнительный или пояснительный акт к прежде утвержденному договору. Если же ему не удастся закончить спор обоюдным соглашением, то он обращает дело в судебное место, где оно производится общим порядком, установленным для спорных дел, возникающих из договоров и обязательств, при чем ходатайство за крестьян возлагается на стряпчих и прокуроров.

По делам второго и третьего рода предводитель оказывает правой стороне удовлетворение, присуждая виновную ко взысканию и наказанию. Взыскание с помещика в пользу целого мирского общества или частных лиц, членов этого общества, может состоять в денежном штрафе до определенной суммы, или в уступке крестьянам известного количества хлеба, сена, дров или, наконец, в единовременном освобождении их от какой-либо повинности, в пользу вотчинника исправляемой, с тем, чтобы взыскания двух последних родов не превышали, по существующим местным ценам, высшей меры денежного штрафа. Виновных крестьян предводитель может присудить к вознаграждению деньгами до 10 р. сер., к продаже части их имущества, к исправлению, в течение известного срока, работ в пользу владельца сверх определенных добровольною сделкою, к телесному наказанию до 40 розог; наконец, по просьбе помещика, он разрешает представлять к отдаче в рекруты или к удалению из вотчины крестьян порочного поведения и неисправных в исполнении их обязанностей. По таковым представлениям, с обозначением причины требования помещика и с удостоверением предводителя в его справедливости, делается немедленное исполнение, без всякого дальнейшего разбирательства.

Все решения предводителя по взаимным жалобам между вотчинником и крестьянами приводятся им в исполнение в случае нужды через посредство местной полиции. Если бы со стороны целого общества крестьян он встретил прямое сопротивление или

уклонение от исполнения его распоряжений, то он обращается к губернскому начальству, которое обязывается оказать ему полное содействие для восстановления порядка всеми теми мерами, какими оно располагает теперь для восстановления власти помещика над крепостными его людьми.

Решения предводителя не подлежат апелляции, распоряжения его не могут быть обжалованы кроме случаев превышения власти, а именно: окончательного решения возникшего спора, если не последовало взаимного соглашения сторон; присуждения штрафа или наказания сверх определенной меры; или принятия к своему рассмотрению дела, не подлежащего его ведению.

Для выслушания и разбора жалоб предводитель обязан непременно один раз в году, в срок заранее им назначенный и по возможности не в рабочую пору, объехать все имения вверенного ему уезда, в которых между вотчинниками и крестьянами заключены взаимные договоры. В случаях особенно-важных и не терпящих отлагательства, он обязан посещать их и в другое время.

22. Всем своим действиям по исчисленным обязанностям предводитель ведет особый журнал по установленной форме и к концу года сообщает его начальнику губернии к сведению.

Считаем не излишним к некоторым из предложенных параграфов сделать пояснительные замечания.

На § 3. Отделение дел мирских от управления вотчинника не есть нововведение. Оно понятно каждому крестьянину и существует во многих оброчных имениях. Возможность применения его даже в имениях издельных доказана многолетним опытом в имении А.И. Кошелева⁹⁴ из 5500 душ Сапожковского уезда, Рязанской губернии.

На § 5 и 9. Разграничение круга действия мирской сходки с кругом действия выборных от общества, старост и старшин, взято также из обычая, существующего в благоустроенных помещичьих имениях, управляемых на основании твердых правил, и где крестьяне пользуются некоторою самостоятельностью. На практике мирская сходка представляет собою законодательную и высшую распорядительную власть, редко, и то в крайних случаях, принимая к рассмотрению дела судные; суд и расправа или власть исполнительная есть дело не мирской, а старшинской сходки, т.е. опытейших, самых надежных, лучших людей. Само собою разумеется, что, говоря это, мы невольно облакаем в резкий и определенный очерк то, что на практике представляется только как довольно смутный образ; но это неизбежно как скоро живой народный обычай переносится в область юридических формул.

На § 10. Оценка всех натуральных повинностей, в пользу вотчинника исправляемых крестьянами^{*95}, с предоставлением каждому крестьянину или тяглу очищать их денежным взносом, не может стеснить вотчинников; ибо нет сомнения, что эта оценка в большей части сделок будет высока; при всем том, она откроет новый путь к переходу с барщины на оброк и послужит со временем важною данною для определения вознаграждения вотчинникам, когда наступит время приступить к обязательному переложению натуральных повинностей на денежные.

На § 11 и 12. Судебно-полицейская власть, в известных пределах и на первое время, должна оставаться в руках вотчинника, потому что в некоторых случаях власть выборных от общества была бы недостаточна. Ежедневный опыт доказывает, что крестьяне, строгие и справедливые в разбирательстве проступков, содержащих в себе нарушение нравственного закона, или сопряженных с прямым ущербом для другого лица, смотрят снисходительно и равнодушно на беспорядки и неисправности, от которых иногда страдает целое общество. Например, несоблюдение самых простых предупредительных мер от пожаров или распространения скотских падежей обыкновенно оставляется ими без взыскания, и бедствие, от которого можно бы было легко уберечься, приписывается неизбежной случайности. Причина этого равнодушия, может быть, заключается отчасти в дознанной недействительности или непрактичности многих из предупредительных распоряжений, одновременно придуманных как правительством, так и помещиками; но мы не имеем нужды приискивать объяснений и в настоящем случае ограничиваемся указанием на понятия, господствующие в крестьянском сословии, как на факт, знакомый всем помещикам. Кроме того, самостоятельная власть помещика должна быть удержана для противодействия вредному влиянию отдельных лиц из крестьян на целое общество. Крестьянин тайно, но с ведома всех продающий вино в селении, где нет кабака, крестьянин, занимающийся деланием фальшивых билетов и паспортов или укрывающий беглых, но не уличенный в том, промышляя развитием в простом народе господствующих пороков, пьянства, склонности к бродяжничеству и тому подобных, может долго развращать и разорять целое селение, посреди которого живет, не возбуждая ни общего негодования с его стороны, ни кара-

* По крестьянскому уложению, введенному в Лифляндии с 1849 года, помещение переводной таксы (сапон) для обращения барщины в денежный оброк составляет непременное условие всякого контракта, заключаемого на 12 лет. См. 188 и 190.

тельных мер. Можно утвердительно сказать, что в редких случаях удалось бы помещику склонить мирское общество к составлению приговора об удалении таких людей из вотчины, как того требует положение о обязанных поселянах (примеч. к ст. 910 т. IX Св. Зак. по прод. VI)⁹⁶.

Нередко также случается, что так называемые колдуны или просто буяны приобретают над целым селением тягостную для него, но безропотно переносимую власть и покоряют своему влиянию все общество, возбуждая в нем страх, а иногда и безотчетное уважение к их смелости. Подобные характеры могут далеко увлечь за собою массы, легко, почти безвинно им подчиняющаяся, и для обуздания их нужна власть, этому влиянию неподдающаяся. Наконец, право подвергать исправительным наказаниям и представлять, с утверждения предводителя, к удалению из вотчины необходимо для вотчинника, по крайней мере, на первое время, и особенно в тех имениях, где оброк уплачивается каждым тяглом за себя, без круговой поруки целого общества, как самая действительная гарантия против убытков, проистекающих от неисправности крестьян. По положению о обязанных крестьянах, в случае неисправности в платеже оброка или в исполнении натуральных повинностей, для возмещения убытков вотчинника, конфискуется часть крестьянского движимого имущества, впрочем, не касаясь необходимого для уплаты податей, для продовольствия, для посева, равно как орудий и рабочего скота. Спрашивается: что же за всем этим подвергнется конфискации? Оброчных же неисправных крестьян дозволяется временно обращать на запашку или другую работу с разрешения губернатора и под наблюдением предводителя⁹⁷. Но сколько есть местностей, где хлебопашество совершенно безвыгодно, а для употребления с пользою рабочих на другое занятие нужно израсходовать значительные капиталы на заведения, чего никто не решится сделать, имея в виду лишь временное распоряжение рабочими.

Право удаления из вотчины *при теперешних обстоятельствах* кажется нам незаменимою для вотчинников гарантиєю, без которой трудно будет победить их недоверчивость к крестьянам и опасения сделаться жертвою их неисправности.

На § 16. Предлагая возложить посредничество между вотчинником и крестьянами на одного предводителя дворянства, без участия крестьян и коронных чиновников, следовательно, на представителя и ходатая сословия вотчинников, мы видим ясно край-

⁹⁶ См. Св. Зак. т. IX, ст. 904 по прод. X.

нюю недостаточность и односторонность подобного посредничества. Строгая справедливость требовала бы совокупного участия представителей от обеих сторон, заключивших между собою условие, или одного лица, вовсе не причастного ни к той, ни к другой; но вопрос не в том, чего бы можно желать, а в том, *что при теперешних обстоятельствах, в настоящее время, может быть сделано.* С этой точки зрения мы указали на одного предводителя, потому что ни на кого более обязанность посредничества возложена быть не может. Допущение к совокупному с ним участию депутатов от крестьян*, или коронных чиновников кажется нам и затруднительным и бесполезным по следующим причинам.

Расстояние между предводителем и крестьянином, полагаемое степенью их образования и вековыми отношениями крепостного права, так огромно, что разве только на бумаге можно соединить их вместе, на равных правах для отправления какой-либо общественной должности. На деле же влияние предводителя оттеснило бы так далеко представителя поселян, что участие последнего чисто формальное, т.е. *ложное*, не представило бы ни тени действительного противодействия односторонности суждений в пользу вотчинников. Чтобы в этом убедиться, достаточно справиться, какую роль играли заседатели от поселян в уездных судах со введения в действие наших уездных учреждений по настоящее время, или депутаты от податных сословий в заседаниях комитета о земских повинностях со времени введения нового о них устава. Место тех и других в сенях, а порог присутствия переступается ими только для подачи или принятия пакетов и приложения печатей. Такова общая судьба преждевременно даруемых прав, — прав, изобретаемых досужим законодателем для мнимого удовлетворения еще не возникавших потребностей, тогда как другие, существенные, первоначальные нужды тех же сословий остаются в неизвестности или пренебрежении. Что же касается до коронных чиновников, то мы не видим повода ожидать от них большого знания дела или большого беспристрастия, чем от предводителей. Всякий, близко знакомый с нашим уездным управлением, с понятиями и нравами наших уездных казенных чиновников, согласится, что, будучи поставлены между вотчинниками и крестьянами, они в общей массе не устоят против влияния первых, перейдут на их сторону или, яснее, отдадутся им в откупное содержание. Итак, если в настоящее время недостает необходимых стихий в Русском обществе для об-

* Как, например, в приходских судах в Лифляндии, составляющих высшую инстанцию над волостным (крестьянским судом) и мызным (вотчинным) управлением.

разования действительного, а не формального, противодействия односторонности сословных представителей вотчинников, то остается предоставить им одним все обязанности, все нрава и вместе ни с кем нераздельную, всецелую нравственную ответственность перед правительством и обществом.

Мы думаем, что даже в предложенной нами крайне недостаточной форме, учреждение посредничества между вотчинником и крестьянами принесло бы огромную нравственную пользу. Оно послужило бы сильною уздой для разных злоупотреблений, которым наиболее благоприятствует теперь их безгласность. Оно неприметно перенесло бы взаимные отношения вотчинников к крестьянам из царства произвола в область законности; воспитало бы в тех и других понятие о праве и правде; наконец, открывая ход справедливым жалобам, оно предупредило бы, действительнее мер самой беспощадной строгости, самоуправства, беспорядки и частные восстания, порождаемые безнадежною тоскою, грозным отчаянием и долго-сдержанным негодованием.

Изложенные в предшествовавших статьях главные основания юридических отношений крестьян и вотчинников, заключивших между собою сделку, представляют, кажется нам, такое ограждение интересов обеих сторон, *какое только может быть устроено теперь, для переходной эпохи от крепостного права к гражданской свободе*; но мы так далеки от всякого пристрастия к нашему проекту, что не решились бы даже подать голос в пользу немедленного введения его в действие, если бы можно было предвидеть такую возможность. Мы выразили бы только следующее желание: чтобы в Журнале Министерства Внутренних Дел⁹⁸ предложен был, в виде темы, вопрос о юридических отношениях вотчинников к крестьянам по утверждению между ними договора; чтобы страницы этого журнала были открыты для помещения всех дельных ответов, возражений и замечаний на статьи об этом предмете; чтобы составлен был общий свод всем поданным мнениям и затем проект положения; наконец, чтобы этот проект, в свою очередь, подвергнут был рассмотрению представителей дворянства и лиц, избранных правительством, прежде внесения его на окончательное рассмотрение в высшее совещательное собрание по законодательным делам.

Как ни далеко расходится этот путь с пробитою тропию нашей бюрократической рутины, но он гораздо прямее и надежнее и практичнее ее; более того, — он один ведет к плодотворному разрешению общественных вопросов, надолго определяющих судьбу целых обществ.

Сверх юридической стороны отношений крестьян к помещикам, правительству предстоит еще определить заранее те вопросы, которые касаются не одних только частных выгод договаривающихся между собою сторон, но и правительственных или казенных интересов. Сюда относятся вопросы: об уплате податей, исправлении рекрутской и других общественных повинностей, народном продовольствии и о залоге имений.

1) Уплату податей и вообще денежных повинностей могут принять на себя крестьяне без всякой ответственности за них со стороны помещика; может, наоборот, помещик принять на себя уплату этих повинностей, совершенно освободив от оных крестьян; наконец, может случиться, что помещик часть денежных повинностей (до известной суммы) примет на себя, а остальная часть останется на ответственности крестьян. Избрание того или другого способа правительство может вполне предоставить обоюдному соглашению сторон. Если примет на себя ответственность помещик, то все имущество его, все повинности денежные или натуральные, исправляемые на него крестьянами, будут служить обеспечением для казны. В случае неисправности в платежах правительство взыщет недоимку с движимого имущества помещика, или наложит запрещение на следующий с крестьян оброк, или, устранив помещика, назначит опекуна, который, заступая место владельца, будет управлять имением и получать доходы до восполнения недоимки, отнюдь не отступая от условий утвержденной сделки. Если ответственность примет на себя сельское общество, то местное начальство, не отдавая имения в опекуновское управление (ибо это значило бы подвергать помещика взысканию за чужую вину), примет меры, дабы в селении, допустившем недоимку, немедленно был составлен и приведен в исполнение мирской приговор о взыскании оной продажей движимого или недвижимого имущества, принадлежащего в собственность неисправным плательщикам, а в случае их несостоятельности, об обращении взыскания недоимки на старосту или старшин, допустивших оную. Казенные недоимки должны взыскиваться строго и скоро не столько ради обеспечения казенного интереса, сколько для пользы самих крестьян; ибо излишние снисхождения, льготы и проволочки только поощряют беспечность неисправных плательщиков, ведут к быстрому наращению недоимки и окончательному обременению общества неоплатным долгом. Поэтому постановить правилом: чтобы недоимка взыскивалась конфискацией имущества немедленно по истечении года, как бы незначительна она ни была и не переводя ее с году на год; чтобы продаже мог

быть подвергнуть, в случае необходимости, даже рабочий скот неисправного крестьянина или старосты и старшин в том уважении, что предоставленная последним власть вполне достаточна для предупреждения неисправностей в казенных платежах. Само собою разумеется, что если бы общество испытало бедствие, как-то: пожар, скотский падеж, неурожай, то правительство не отказало бы ему в льготах и рассрочках, которыми пользуются в подобных случаях все состояния. Вообще нет поводов опасаться неисправности в платеже податей от обязанных крестьян; даже более чем вероятно, что подати стали бы поступать исправнее, чем теперь, когда они проходят через руки помещиков и нередко в них задерживаются*; впрочем, если бы правительство признало необходимым особенное обеспечение, то оно могло бы потребовать, чтобы сельское общество, до утверждения сделки, внесло следующий с него за полугодие окладной сбор вперед не в зачет будущих платежей, а в виде обеспечения.

2) Поставка рекрутов должна лежать на крестьянах, без всякого участия вотчинника, и потому в каждой сделке должно быть положительно и ясно выговорено, что сельское общество принимает всю ответственность в исправлении этой повинности на себя. Учет очередей и назначение рекрутов предполагается предоставить свободному усмотрению каждого общества; правительству нет надобности поверять его приговоры или распоряжения его представителей; жалоб от частных лиц на неправильную их отдачу оно не должно принимать, ибо справедливость достаточно обеспечивается предложенною выше организацией мирского общества, но, для предупреждения неисправности, постановить правилом, что общество двукратно, в два набора сряду к назначенному сроку не выставившее полного числа рекрутов, обязывается выставить еще одного штрафного рекрута сверх комплекта.

Исправление всех натуральных повинностей каждое сельское общество обязано также принять на себя без участия помещика. Понудительные меры, в случае неисправности применяемые ко всем свободным состояниям, без всякого затруднения могут быть применены и к обязанным поселянам.

Народное продовольствие обеспечивается общественными запасными магазинами. Постановить правилом, чтобы до утверждения сделки в нем находилось на лицо полное количество хлеба по числу душ. Ответственность за целостное его сбережение и правильность расходов в случае разрешения ссуд должна лежать

* Известно, что собственно по этой причине Белоруссия и Литовская губернии обременены неоплатною недоимкою.

на обществе без участия помещика. Просьбы о выдаче ссуд должны быть подаваемы старостою и старшинами.

При составлении положения о обязанных поселянах, кажется, допущены были преувеличенные опасения за прочность кредитных учреждений, принимающих в залог имущества, и вследствие этого установлены правила, которых влияние подробно рассмотрено нами выше. Самое заключение договоров поставлено было в прямую зависимость от произвола кредитных учреждений, а законом 1846 года владельцы имений, переведенных на положение обязанных, только что не лишены безусловно возможности закладывать их вновь. Почти в одно время с изданием этого закона, правительство в трех западных губерниях (Киевской, Подольской и Волынской) ввело в действие инвентарные правила, которыми мужская барщина была убавлена почти на половину, а женская — на две трети. Конечно, это была и в финансовом отношении мера смелая; между тем, никаких особенных правил о выдаче ссуд под залог имений, состоящих в тех губерниях, издано не было; имущества закладываются, помещики уплачиваются проценты по-прежнему, на, общем основании. Мало того, правительство даже не сочло нужным о введении инвентарных правил сообщить кредитным учреждениям к сведению и соображению. Если можно было все это сделать, не опасаясь подорвать наш земский кредит (и последствия доказали, что он нисколько не потерпел), то почему бы казалось опасным дозволить заключение сделок, не спрашивая согласия кредитных учреждений, и закладывать вновь по прежней оценке на общем основании те имущества, в которых взаимные обязанности владельцев и крестьян определяются не законодательною властью, а добровольным соглашением? Очевидно, что эта вторая система гораздо вернее первой предохранит от чрезмерного ущерба выгоды владельца, с которыми в этом случае совпадают интересы и кредитных учреждений. Во всяком случае ответственность перед ними, как по прежним займам, так и по новым, должна лежать на помещиках исключительно.

Правительство, сказали мы, в дополнение к положению о обязанных поселянах, должно определить заранее главные основания, так сказать, очертить *кадр* юридических отношений крестьян к помещикам и разрешить вопросы, сопряженные с казенным интересом; затем все остальные хозяйственные условия, касающиеся до надела землею и угодиями, до числа рабочих дней, способа производства работ, количества оброка и т.п., следует предоставить обоюдному соглашению договаривающихся сторон, в том убеждении, что выгоды их ограждаются их собственною о себе забот-

ливостью гораздо действительнее, чем контролем чиновников. Полным доказательством безобидности сделки должна служить ее *добровольность*, и потому, при рассмотрении поступающих на его утверждение проектов договоров, правительству остается, во-первых: удостовериться, не содержится ли в них условий, противных законам; во-вторых, ясно ли определено в них на ком будет лежать ответственность по исправлению государственных повинностей и платежу податей; наконец, что всего важнее и труднее, спросом на месте удостовериться, действительно ли крестьяне добровольно заключили с вотчинником представленную сделку и обязались исполнением условий в ней изложенных. Само собою разумеется, что производство подобного удостоверения потребует не только добросовестности и осторожности, условий необходимых для каждого следователя, но сверх того близкого знакомства с хозяйственным бытом, с понятиями и языком наших крестьян. Подобное поручение не может быть возлагаемо без разбора на ближайших к месту коронных чиновников. Особенно на первых порах, нужно будет командировать на место самых надежных чиновников из числа состоящих в распоряжении Министерства Внутренних Дел, снабдив их глубоко-обдуманною инструкциею. Командируемый чиновник должен производить удостоверение вместе с уездным предводителем, так как впоследствии, по утверждении сделки, обязанность пояснять ее в случае недоразумения и наблюдать за ее исполнением будет лежать на последнем.

Дополнив, исправив и изменив в некоторых статьях на основании изложенных предположений, закон о обязанных поселянах, необходимо издать его вновь, под другим названием и при особом указе.

Поводом к этому может служить неясность и неполнота единственного у нас закона, в котором упоминается о хозяйственных обязанностях крестьян к помещикам, — закона о трехдневной барщине (Т. IX. ст. 96». П. С. 3. 1797 г. Апр. 5, № 17.909)⁹⁹. В нем даже не сказано, с кого помещик может требовать трехдневных работ, с души или с тягла; а при этой неопределенности, другое требование того же закона, чтобы губернские начальства через посредство местной полиции имели строжайшее за сим наблюдение, становится неисполнимым и тщетным. Правительство, из долголетнего опыта убеждаясь в необходимости более точного установления отношений крестьян к помещикам и зная, что на практике повинности первых соразмеряются, хотя приблизительно, с предоставленными им выгодами и потому не могут быть установлены по однообразной норме, *предоставляет самим поме-*

щикам, по соглашению с крестьянами, определить их взаимные обязанности на таких основаниях, которые, будучи добровольно приняты обеими сторонами, тем самым представляли бы ручательство в их безобидности, практической пользе и точном с обеих сторон исполнении, не требуя непосредственного вмешательства законодательной власти, ни постоянного наблюдения со стороны местной полиции. Облегчив все средства к заключению сделок, устранив встречавшиеся доселе препятствия, не стесняя свободы договаривающихся сторон в определении условий, себе же предоставляя одно их утверждение, правительство, для скрепления связи между вотчинниками и крестьянами, желает, *чтобы вторые получили из рук первых, как добровольный дар, а не как вынужденную уступку, твердое обеспечение своего благосостояния — лучшее из всех поощрений к труду.*

Указ, на эту тему написанный, должен содержать в себе ясное выражение убеждения верховной власти в настоятельной необходимости упразднить произвол крепостного права и намек на введение обязательного положения (инвентарей) как меру вынужденную, в случае, если бы этот призыв не нашел отголоска; ибо до тех пор, пока взгляд правительства на вопрос о крепостном праве не будет заявлен во всеуслышание, пока его намерения и выгоды для большинства будут предметом сомнения, пока ожесточенные противники всяких мер к облегчению положения крепостного сословия будут иметь право выдавать себя за политических консерваторов, — до тех пор, нет сомнения, никто из помещиков не тронется.

На первый случай, мы полагали бы в указе, при котором должно явиться исправленное издание положения о обязанных поселениях, ограничиться обращением к тем помещикам, у которых крестьяне состоят на барщине, не упоминая вовсе об имениях оброчных*.

Такое изъятие, может быть, побудило бы многих перевести у себя крестьян на оброк, а это был бы огромный успех.

Мысль о переходе из крепостного права в правомерные отношения путем добровольного соглашения, сама по себе так заманчива, что, конечно, никто ее не отвергнет. Все желали бы подобного исхода; но, к несчастью, возбуждая полнейшее сочувствие, он в тоже время встречает в правительстве и в публике почти непобедимое сомнение в его возможности. «Бесплодная мечта!» подумают читатели, и вслед затем выскажется тьма возражений про-

* Как это было сделано при издании инвентарных правил для губерний Киевской, Подольской и Волынской.

тив осуществимости предложенной меры. На самые вероятные и серьезные из них мы должны для полноты изложения заранее дать ответ.

Многие скажут: «Если указ 2 Апреля 1842 года, открывавший ход добровольным сделкам, остался без последствий, то какой же повод ожидать, что в настоящее время вторичный вызов будет иметь успех?» Отвечаем: неудача указа 2 Апреля произошла от его неполноты, от невыгодного положения, в которое правительство поставило в отношении к кредитным учреждениям владельцев имений, от всеобщей боязни вмешательства полиции в разбирательство споров с крестьянами, от страха лишиться всякой надежной гарантии вместе с правом удалять из имения несостоятельных плательщиков. К этим *основательным опасениям* примешалось множество *недоразумений* и превратных толкований. Правительство же не только ничего не сделало для устранения этих препятствий и поощрения к заключению договоров, но, напротив, запретив печатные рассуждения о способах исполнения им самим предложенной меры, подало повод к возникновению и быстрому распространению убеждения, что оно раскаивается в своей попытке и что взгляд его на сущность вопроса изменился. При подобных условиях, нельзя относить неуспеха указа 2 Апреля к основной его мысли. Предлагая обратиться вторично на тот же путь, мы в тоже время считаем необходимым заявить решительную волю правительства устранить изложенные выше препятствия и употребить, как понудительное средство, страх введения инвентарей. Тогда и действие на общество будет иное, и слово в 1842 году, проскользнувшее без следа, теперь принесет плод.

«Но как же ожидать свободного обсуждения условий сделки и добровольного соглашения между помещиком, вооруженным всеми принудительными средствами крепостного нрава, и беззащитными крестьянами?» Отвечаем: есть имения, конечно, немногие, в которых это возможно. Мы видим ежедневно примеры, что помещики на мирских сходках предлагают на обсуждение крестьян разные хозяйственные вопросы, касающиеся их обоюдных выгод, например, каким способом удобнее для обеих сторон исправлять ту или другую повинность, в какое время, при каких пособиях, чем вознаграждать за прибавку работ, что взять в замен сделанной льготы и т.п. Случается также, что помещики, нанимая собственных своих крестьян, например, для поставки подвод сверх очередных, торгуются в одно время и с ними и с сторонними извозчиками и подряжают первых совершенно на таких же условиях, как и вторых. В подобных случаях крестьяне, убедившись, что помещик

хотя и крепко стоит за свое, но в то же время ищет и их пользы и добросовестно исполняет данное слово, очень охотно впадают в обсуждение его предположений, опровергают их, предлагают взамен свои, и если, наконец, сделка между ними состоится, то положенное с общего согласия обыкновенно гораздо строже исполняется крестьянами, чем все приказания помещика. Это предполагает близкое между ними знакомство, непринужденное обращение, доверенность со стороны помещика к крестьянам и доверенность крестьян к помещику. Мы знаем, что эти условия встречаются весьма редко, тем не менее они встречаются. Откройте путь, немногие им воспользуются; но пример этих немногих бесконечно важен.

«Нет ли повода опасаться, что крестьяне, более или менее отягченные барщиною и обрадованные теми небольшими льготами, какие предложит им помещик, поспешат принять на себя обязанности слишком для них тягостные и несоразмерные с их средствами; говоря общее, будут ли крестьяне в состоянии, при заключении сделок, соблюсти свои собственные выгоды на будущее время?» В этом, кажется, заключается самое, по-видимому, сильное возражение, заслуживающее внимания. Мы думаем, что сделки будут именно для крестьян выгодны и основываем свое убеждение на следующем. Во-первых, крепостные крестьяне переносят терпеливо свое настоящее положение *единственно потому, что их поддерживает постоянное ожидание лучшей будущности*; эта надежда, при всей ее неопределенности, так в них укоренена, и они так сильно дорожат ею, что никогда не согласятся отказаться от нее легко и променять ее на ничтожное облегчение в настоящем. Много, почти все, может вынудить у них помещик; но не добьется он того, чтобы перед лицом посланного от правительства они объявили, что остаются довольными и не требуют большего, если действительно сделка, им предложенная, не будет для них выгодна. Со стороны крестьян можно скорее ожидать излишней требовательности, чем поспешной уступчивости. Во-вторых, прежде всех войдут в соглашения с крестьянами немногие нравственно образованные и достаточные помещики, имеющие всю возможность пожертвовать частью своих доходов в настоящем для предупреждения неминуемого кризиса в будущем. У таких помещиков крестьяне и теперь не испытывают ни нужды, ни систематического притеснения, и потому, находясь сравнительно с другими в завидном положении, они, конечно, променяют его *только на лучшее*. Таким образом, первые сделки заключатся на условиях для крестьян выгодных и послужат нормою для последующих. Трудно будет

сделать начало и уверить крестьян в ненарушимости сделки со стороны вотчинника. Это дело времени. Затем, пример одного или двух помещиков увлечет за собою других, а крестьяне, зная на каких условиях договаривались их соседи, конечно, не захотят принять менее выгодных. Если в одном имении вотчинник отдаст на тягло 8 десятин, положив оброка 20 руб. сер., то рядом с ним живущие крестьяне не дадут того же оброка от 6 десятин, разве бы помещик предоставил им иные выгоды в замен недостающей земли.

«Но если дать полную волю договаривающимся сторонам, то случайные обстоятельства, как, например, личный характер помещика, его денежные расчеты, большая или меньшая створчивость крестьян, отзовутся в характере сделок, произведут между ними резкую неуравнительность и подадут справедливый повод крестьянам одного имения считать себя обиженными против их соседей». На это возражение отчасти служит уже ответом сказанное выше. Разнообразие и разнохарактерность сделок не только не исключает уравнительности, а напротив, спасает ее. В каждой местности из толков и споров между владельцами и крестьянами выработаются некоторые общие нормы, которыми определятся пределы условий. Напротив, всякое общее положение, составленное правительством, чем оно будет однообразнее, тем на деле окажется менее уравнительным. Доказательством могут служить инвентарные правила. По одному из первых §§, полное тягло везде отрабатывает в неделю 3 дня конных мужских и 1 день женский, а полутягло только два дня мужских; между тем на полное тягло в одном имении отводится в поле 3 десяти, в другом — две, в третьем — $1\frac{1}{2}$. Очевидно, что уравнительность нарушается одинаковостью повинностей, при неравенстве выгод. Этого коренного недостатка не одних только инвентарей, но всякого общего положения, законодательным порядком, сверху введенного в практику, нельзя ничем иным устранить, как только оценив земли, все угодия и соразмерив с их стоимостью повинности или оброк; иными словами: *полным кадастром и особым положением для каждого имения*, чего не только исполнить, даже задумать мы не можем при теперешних средствах^{*100}. Кажется, что к этой неразрешимой задаче приведет всякий иной путь, кроме добровольного соглашения.

* В Лифляндии имения обмежеваны, народонаселение распространено довольно уравнительно, сельское хозяйство стоит на гораздо высшей степени развития, чем у нас, и при всем том правительство и там не решилось приступить к кадастру, когда эта мера была предложена: так мало оно видело надежды на успех.

Наконец, могут подумать, что предлагаемый нами способ уже потому не надежен, что успех его слишком много зависит от нравственных условий, от обоюдной добросовестности крестьян и помещиков, а более всего от благоразумной уступчивости последних. — Но в праве ли Русское правительство отчаиваться в существовании именно этих условий? Один только раз, сколько нам известно, а именно при учреждении полубовного размежевания и посредников, оно, не видя другого исхода, решилось доверить соглашения противоположных интересов здравому смыслу и сговорчивости сторон и, конечно, правительство в том не раскаялось.

Повторяем еще раз: защищая возможность добровольных сделок, мы имеем в виду *немногих и лучших из сословия помещного дворянства*. Отзовутся ли они на призыв, пойдут ли они во главе других к указанному исходу, — это, конечно, вопрос; *но правительство обязано открыть исход*: ибо все затрудняющее теперь заключение сделок лежит на нем, как тяжелый упрек. Оно должно его снять с себя.

Нет сомнения, что заключение сделок встретит главное препятствие в укоренившейся привычке к самовластию. Подчинить свою волю обязательным ограничениям там, где действовал доселе один произвол, такой перелом труден для каждого, а в известных летах, при твердо установившемся образе мыслей, когда навык берет уже решительный перевес над волею и разумом, он становится почти невозможным. К тому же, чтобы склонить крестьян к заключению договора, всякий помещик должен будет сделать им льготы, пожертвовать в их пользу некоторую долю своих доходов и, сообразно с этим, изменить систему собственного хозяйства. Наконец, запрещение перевода с оброка на барщину, полагая преграду всеобщему стремлению, отнимет возможность на будущее время прибегать к самому легкому и, к несчастью, самому употребительному между помещиками способу увеличивать свои доходы. Совокупность этих обстоятельств, очень вероятно, удержит многих помещиков и уронит, хотя на время, ценность населенных дворянских имений. Каковы бы, впрочем, ни были меры, придуманные для постепенного упразднения крепостного права, они неизбежно приведут к тому же неблагоприятному результату. Нельзя вполне устранить его, но можно и должно ему противодействовать*. В этих видах, для облегчения добровольных сделок, было бы полезно принять следующие меры.

* В доказательство этой возможности мы приведем пример губерний Киевской, Подольской и Вольнской. Инвентарные правила, уменьшив значительно сумму обязательных крестьянских работ, которыми располагали помещики, а

Разрешение приобретения населенных имений капиталистам, не принадлежащим к потомственному дворянству

Разрешить личным дворянам, почетным гражданам и купцам первых двух гильдий приобретать дворянские населенные имения с тем, чтобы вместе с прошением о совершении акта на переход имения к новому владельцу, представлен был на утверждение правительства проект добровольной сделки с крестьянами. От этой меры должна последовать тройная польза. Недвижимые населенные имения, сделавшись доступными всем капиталистам, возвысятся в цене, и те из помещиков, которые не захотят отказаться от некоторых из принадлежностей крепостного права, найдут случай продать свои вотчины по выгодной цене; купцы, почетные граждане, личные дворяне, воспитанные вне круга помещичьих понятий и привычек, войдут в соглашение с крестьянами легко, не нуждаясь в насилении своей природы, и тем положат основание новому порядку вещей. Сельское хозяйство, пребывающее в безотрадном застое по недостатку оборотных капиталов, предприимчивости и настойчивости, быстро двинется вперед от прилива капиталов, ныне отвлекаемых в предприятия, сопряженные с гораздо большим риском, или требующие искусственного поощрения на счет массы потребителей. Исчисленные выгоды так очевидны, что уже не раз возникала мысль о приведении в исполнение предполагаемой нами меры; но, сколько нам известно, правительство никогда не подвергало ее серьезному обсуждению, из какого-то странного опасения оскорбить дворянство нарушением его привилегий. Но, во-первых, с точки зрения права, не владение населенным имением, а владение на неограниченном крепостном праве составляет незавидную привилегию потомственного дворянства; с ограничением помещичьего самовластия, каким бы то ни было путем, и самая эта привилегия естественно упраздняется. Во-вторых, ограничение в праве приобретения недвижимых населенных имений могло иметь историческое значение в то время,

чаще самих помещиков арендаторы имений, по-видимому, должны были в той же мере убавить доходы вотчинников. Но к изумлению, арендная плата не упала, а напротив, возвысилась. Главная причина этого замечательного явления заключается в том, что почти одновременно с введением инвентарных правил, правительство перевело на оброк казенных крестьян и прекратило отдачу в арендное содержание своих собственных населенных имений. Все арендаторы, прежде содержавшие казенные имения, обратились к дворянским. Запрос усилился, и арендная плата поддержалась. Этому содействовали и другие причины, но главная и существенная заключается в благоразумной предусмотрительности правительства.

когда с этого рода собственностью были неразлучно связаны служебные обязанности; теперь же, наоборот, служба сделалась обязательною для дворян личных и потомственных граждан, перестав быть обязательною для дворян потомственных. В-третьих, если дворянство отказалось от средневекового понятия, по которому казалось несовместным с достоинством благородного вести торговлю, учреждать фабрики, то едва ли оно изобретет разумное основание держаться так крепко за другое столь же исключительное и устарелое понятие, составляющее как бы вторую половину первого, по которому считалось несовместным с купеческим званием владеть населенным имением. Наконец, можно возражать против предложенной меры, но не как против оскорбительной новизны, не с точки зрения права; ибо вопрос о праве в существе, уже давно разрешен правительством, чему доказательством служит целая глава в IX томе Св. Законов о обязанных крестьянах, водворенных на землях купеческих¹⁰¹. Мы предлагаем не новизну, а дальнейшее применение признанного принципа.

Разрешение крестьянам занимать деньги для выкупа себя с землею

С изданием XIV продолжения к Св. Законов¹⁰², крепостные крестьяне, как сказано было выше, лишились права выкупаться с землею при продаже имений с публичных торгов. По дознанным неудобствам закона 1848 года нельзя желать его восстановления в первобытном виде; но он мог бы быть заменен другим. Не право выкупа дорого для крестьян, а облегчение приобретения способов к выкупу. Нашлись бы помещики, согласные отпустить своих крестьян с землею за умеренный выкуп; может быть, и крестьяне в нередких случаях нашли бы у кого занять денег с тем, чтобы расплатиться впоследствии, отдав заимодавцу часть земли или леса, или другим каким-либо способом, но по существующим законам подобного рода условие между капиталистом и крепостными людьми не может быть облечено в законную форму. Следовало бы эту невозможность устранить и разрешить целым селениям крепостных крестьян, с согласия их помещиков, совершать законным порядком займы у частных лиц для выкупа себя с землею. Способы и сроки уплаты занятых сумм должны быть со всею точностью определены в акте, заключенном с заимодавцем и иметь для крестьян столь же полную обязательную силу, как и добровольные сделки, заключенные с вотчинником. Эти способы могут

состоять в денежных взносах, рассроченных с обоюдного согласия, в уступке заимодавцу в полную собственность леса, хозяйственного заведения, в имении находящегося, или части земли, с тем, однако, ограничением, чтобы сверх уступаемого количества земли, оставалось в имении не менее 2-х* с половиною десятин на душу, или, наконец, в предоставлении всего имения во владение заимодавцу (если он принадлежит по состоянию своему к дворянству потомственному или личному, почетному гражданству или купечеству двух первых гильдий) на определенный срок, с обязанностью уплачивать ему оброк или исправлять на него подробно-исчисленные работы. В последнем случае, как заимодавец вступает на время в права владельца населенным имением, заключившего с крестьянами добровольную сделку, то условие с выкупающимися крестьянами должно подлежать рассмотрению и утверждению правительства порядком, установленным для добровольных сделок. Положение о вольных хлебопашцах (неизвестно почему переименованных** в государственных безоброчных крестьян) допускает тройкое их отношение к владельцу; между прочим по ст. 769 т. IX Св. Зак. крепостные крестьяне могут быть увольняемы в это звание с добровольным принятием на себя срочных, определенных обязанностей к владельцу, до окончательной с ним расплаты¹⁰³. Почему бы не позволять им поступать добровольно в такие же отношения к заимодавцу, ссужающему их деньгами на выкуп?

Разрешение увольнять в звание вольных хлебопашцев и обязанных крестьян по духовным завещаниям

Издrevле существовал у нас обычай увольнять холопов по духовным завещаниям. Это считалось делом богоугодным, драгоценное указание на темное сознание несовместности христиан-

* Мы предлагаем уменьшить законом установленное *minimum* земли (4 1/2 десятины), потому что в это количество включена и запашка господская. Следовательно, где нет барщины, 2 1/2 десят. должны вернее обеспечить продовольствие крестьян, чем 4 1/2 там, где половина полей обрабатывается на помещика.

** Не стоило бы и упоминать об этом переименовании, если бы в нем не выражалось общее воззрение, в последнее время господствовавшее. Недвижимое имение называется казенным или государственным имуществом, потому что казна признает за собою право полной собственности на землю, за которую крестьяне обязаны платить оброк, к которой они прикреплены; но какое же особенное право имеет казна на поселян, живущих на своей земле? Нам не приходит в голову называть духовенство государственным духовенством, мещан — государственными мещанами, купцов — государственными или казенными купцами; почему же поселяне должны непременно числиться за кем-нибудь, если не за помещиком, так за казною?

ского начала братского общения с правом располагать ближним как собственностью. Этот благодетельный обычай, уцелевший и до новейших времен, сам собою начинал применяться к положению о вольных хлебопашцах, вскоре по его издании. Мы имеем на то довольно доказательства. В 1804 году на рассмотрение правительства поступили от двух помещиков прошения о дозволении им крепостных их людей, приписанных к родовым имениям, отпустить в свободные хлебопашцы по смерти просителей с тем, чтобы в продолжение их жизни крестьяне оставались по прежнему им крепкими. Государственный Совет отказал им на том основании, что таковой отпуск был бы отпуском по завещанию, а по закону *родовым* имением по завещанию запрещено располагать^{*104}.

В том же году запрещение отпустить в вольные хлебопашцы было распространено и на *благоприобретенные имения*, неизвестно по каким причинам^{**}, и подтверждено в 1818 году решением по делу Пасевьевой^{***} и в 1831 году в самой общей и строгой форме^{****105}.

Все это ясно доказывает, что многие помещики в разные времена изъявляли желание по смерти своей освободить крестьян и, что правительство не только не воспользовалось этим стремлением, но как будто выискивало предлоги для того, чтобы заглушить его. Действительно, ничто не запрещает помещику продать или промотать свое родовое имение, не оставив ни копейки своим наследникам; еще свободнее распоряжается он благоприобретенным; но как скоро дело доходит до освобождения крестьян с зем-

* Замечательно между прочим, что, кроме этого соображения, Государственный Совет принял во внимание с одной стороны, что помещик, не отступая от буквы закона, может заключить с крестьянами сделку при жизни своей с тем, чтобы они до самой смерти его отбывали на него обыкновенные повинности, при чем их взаимные отношения *могут оставаться совершенно неизменными*; с другой стороны, отзыв министра коммерции, что ходатайство просителей собственно потому уважено быть не может, что до их смерти состояние крестьян *ни в чем бы не переменилось*. П. С. Зак. 1804 г. № 21562

** Об этом запрещении мы знаем только из Высочайше утвержденного мнения по делу Пасевьевой, в коем значится: «В положении Государ. Совета 1804 г. Декабря 15 и записке 1805 г. Января 25, Высочайшего утверждения удостоенных, постановлено: по завещаниям сделок, предположенных помещиками на увольнение родовых и *приобретенных крестьян* в свободные земледельцы по смерти их, не утверждать». Ни положения 1804 г. 15 Декаб., ни записки 1805 г. Янв. 15 в Полном Собрании Законов мы не находим. Необъясненным при этом остается, почему, если вопрос был уже разрешен положением 15 Декаб. 1804 г., Государственный Совет, в том же году, разбирая упомянутые выше просьбы двух помещиков, в мнении своем, которое утверждено четырьмя днями позднее, руководствовался общими соображениями, а не сослался просто на предшествовавшее ясное решение вопроса?

*** Пол. Собр. Зак. 1818 г., № 27.470.

**** Там же 1831 г., № 4.846.

лею, его свобода немедленно встречает ограничения. Мудрено ли, что при таком порядке вещей мы не подвигаемся вперед, и одни ли помещики в этом виноваты? Законы, стесняющие распоряжения родовыми именными по завещаниям, сами по себе требуют пересмотра по многим причинам. Это уцелевший остаток давно исчезнувших понятий и обычаев; но, не выжидая этого, следовало бы теперь же отменить ст. 773 т. IX Св. Зак.¹⁰⁶ и дозволить отпуск в свободные хлебопашцы, или в обязанные крестьяне по завещаниям, по крайней мере и только на первый случай, в имениях благоприобретенных, с тем, однако же, чтобы положение, изложенное в завещании, не прежде входило в силу, как по изъявлении крестьянами их согласия, в случае, если оно не было надлежащим образом ими объявлено при самом составлении завещания.

Меры для освобождения частных лиц. Обязательный выкуп

Мы сказали выше, что, принимая меры для облегчения перевода целых сельских обществ из крепостного состояния, необходимо также открыть путь к личному освобождению, которым бы могли во всякое время пользоваться крепостные люди, по своим денежным средствам и по своему образованию стоящие выше уровня своего сословия. Этот путь должен быть открыт для всех, но не с тою целью, чтобы всякий зажиточный пахарь мог оторваться от общества, к которому он приписан, и бросить земледелие. От законодателя зависит расширить его, на сколько нужно для освобождения значительных капиталов, таящихся или глохнущих под страхом помещичьего произвола. Мы предложили бы постановить, что всякий крепостной человек может приобрести отпускную, не спрашивая согласия помещика, но уплатив за себя определенный законом выкуп. При этом нужно принять в соображение, что с увольнением крестьянина или дворового, не внесенного по этому званию в ревизию, теряет не один помещик, но и общество, к которому приписан увольняемый, обязанное до новой переписи платить за него подати и исправлять рекрутскую повинность, а потому справедливость требует двойного вознаграждения, помещику и обществу. Мы предложили бы следующую таксу:

Каждый взрослый работник от 18 до 50 лет, женатый и неженатый, вносит за себя выкупа 350 р. сер.*

* Предполагая, что работник женат и несет полное тягло, и рассчитывая по 4%, 350 р. сер. дадут ежегодного оброка 14 р. сер. Эта сумма, конечно, ниже среднего оброка; но за то, во-первых, с помещика слагается обязанность кормить в неурожайные годы откупившегося, покупать для него рабочий скот, платить за него подати и проч. Во-вторых, в полном распоряжении помещика остается вся земля, нарезанная на уволенное тягло, и со временем ее примет другой работник;

От 16 до 18 лет — 100 р. сер.

Старики от 50 до 60 лет — тоже.

Помещик вправе требовать, чтобы его крепостной человек, желающий получить свободу, выкупил вместе с собою неженатых сыновей своих и стариков свыше 50 л. до 60-ти, в одном с ним доме живущих.

Жена при муже, мать при сыне, незамужняя дочь при отце или незамужняя сестра при брате, несовершеннолетние дети обоего пола ниже 16 лет, равно как и старики свыше 60 лет, увольняются бесплатно.

Из следующего помещику вознаграждения, если имение заложено, исключается сумма следующая кредитному учреждению.

Сверх выкупа, составляющего вознаграждение для помещика, выкупающийся обязан внести в казну за себя и за всех, с ним вместе получающих свободу и записанных в ревизию под одним №, такую сумму, которая равнялась бы ежегодному окладному сбору с каждой души, помноженному на столько раз, сколько со дня получения отпускной до новой переписи пройдет годов. Для учинения подобного расчета, правительство по примерному соображению определит единойжды навсегда, какой срок должно считать от последней переписи до будущей.

По внесении этой суммы, а равно выкупа, получающий свободу вместе с прочими ревизскими душами, отходящими от помещика, исключается из ревизских списков по тому имению, к которому они приписаны, и как с помещика, так и с общества слагается всякая за них ответственность по платежу податей, прочих казенных и земских сборов и исправлению рекрутской повинности^{*107}.

в-третьих, сумма, полученная за выкуп, представляет тягло не умирающее и приносящее постоянный доход.

* Мы не усматриваем возможности вознаграждения для правительства, за исключение со счетов по рекрутской повинности, без отягощения податных обществ; но и потеря была бы не весьма значительна и притом только временная: ибо, по истечении льготных годов, большая часть из выкупившихся припишется к податным сословиям и подпадет вновь этой повинности. К тому же исключение из ревизии со дня полного увольнения уже введено законом для дворовых людей (т. IX пр. 1 к ст. 1059 по прод. IV и пр. 5 по пр. VI). Остается только желать, чтобы тоже правило было распространено и на крестьян. Наконец, если бы порядок пополнения армии наборами представил этому непреодолимые затруднения, то, кажется, можно было бы, для откупающихся на волю и вообще для всех получающих отпускные сократить число льготных годов. До сих пор во всех законах наших правительство руководствовалось почти исключительно заботливостью об участи лиц, отходящих от помещиков в свободное состояние. Эта заботливость похвальна и заслуживает полного сочувствия; но не должно забывать, что свобода сама по себе есть уже великое благо, и потому справедливость требует, чтобы выгоды, дарованные тем, кому это благо достается в удел, не обращались в ущерб остающихся в прежнем состоянии.

Исчислив законодательные меры, посредством которых мы полагали бы возможным проложить безопасный исход из крепостного в свободное состояние, мы позволим себе в заключение для читателей, сознающих неминуемость этого порядка тем или другим путем, сказать несколько слов о том, какое участие в разрешении занимающего нас вопроса принадлежит законодательной власти и в чем ему могут содействовать частные лица.

Допущение гласного обсуждения вопроса

Если упразднение крепостного права должно совершиться постепенно, без гибельных потрясений, без разорения для помещиков и без водворения глухой, междоусобной войны между вотчинниками и поселянами, то необходимо, чтобы заодно с правительством работало общественное мнение. Одними указами не пересоздать бытовых отношений двух сословий. Нельзя, довольствуясь одним безмолвным послушанием, пренебрегать теми нравственными преградами желанному преобразованию, которые противопоставляют ему закоренелые предрассудки, привычки, обратившиеся в убеждения, превратное понимание вопросов и более всего неопределенные опасения за будущее, питаемые таинственностью, ничего доброго не предвещающею, которою облечены все действия правительства, касающиеся до крепостного права**. Нельзя не ведать общественного мнения, ни упразднить его. Это сила, сила, которой предназначено расти и множиться, и кто не хочет искать ее союза, тому предстоит нескончаемая с нею война. Ближайшие к нам времена, не говоря об отдаленных Екатерины II, которую конечно, никто не упрекнет в слабости, представляют нам утешительные результаты свободного содействия мерам правительства от целых сословий и частных лиц.

Известно всем, что недавно издано несколько коренных постановлений для устройства и обеспечения свободных, сельских обывателей, водворенных на помещичьих землях в Остзейских губерниях. Каждому из этих постановлений предшествовали основательные обсуждения в приуготовительном комитете, составленном частью из лиц, самим правительством назначенных, частью из депутатов от местного дворянства. В комитете определялись только основные начала будущего законоположения, а разработка

** Достаточно вспомнить, что инвентарные правила, введением которых вся Россия была встревожена, этот органический закон, определяющий отношения крестьян к их помещикам во всех Западных губерниях, не были установленным порядком обнародованы, не вошли в Свод Законов и составляют секрет. Сколько неосновательных опасений возникло единственно из этой секретности!

их поручалась на местах представителям дворянства, иногда при содействии коронных чиновников. Составленный таким образом проект подвергался внимательному обсуждению в собрании дворянства. Здесь он выдерживал строгую критику, разумеется, не выходящую из пределов утвержденных начал. Наконец, одобренный дворянством устав восходил на утверждение законодательной власти и предварительно рассматривался вновь в особом комитете. Вообще, по всем законодательным дедам, относившимся до устройства сельского сословия в Балтийских губерниях, правительство возбуждало вопросы, направляло их и разбирало представленные на его утверждение проекты; многое в них было изменено и исправлено, но все, что получило законную силу, было заимствовано из предположений целых сословий и частных лиц. Обсуждение мер к устройству сельского сословия в собраниях и комитетах сопровождалось печатанием в местных журналах ученых исследований, исторических статей, хозяйственных наблюдений и разных отзывов о всех спорных вопросах. Таким образом, составилась богатый отдел местной литературы, в котором все воззрения нашли достойное выражение. Доводы, предубеждения, опасения и неудовольствия противников введенных улучшений высказались открыто и истощились; но в каждую эпоху, заодно с правительством, действовала партия людей просвещенных и подвижимых искренним убеждением, усилиями которых очищались пути для законодательных мер^{*108}. Так было в трех Балтийских гу-

* История упразднения крепостного права в Лифляндии особенно поучительна для нас в том отношении, что мы в ней видим примеры того, что может сделать в самое короткое время искреннее убеждение, высказывающееся свободно, и с какою быстротою воспитывается и яснее общественное мнение при условии гласности. Известный писатель доктор Меркель, сын Лифляндского пастора, с раннего детства напитавшийся чувством скорбного сострадания к участи крепостных Латышей и бескорыстного негодования к их угнетателям, издал за границу книжку, небольшую, но писанную с одушевлением, в которой он изобразил в живых чертах бедственную участь крепостного сословия в Остзейском крае. Эта книжка произвела сильнейшее впечатление и, разумеется, доставила автору множество врагов и почетное гонение. Рассказывают, что из Лифляндии отправлено было несколько агентов, чтобы скупить и уничтожить издание, которое теперь составляет библиографическую редкость. Со всех сторон от дворян и пасторов посыпалась на автора брань, клеветы, обвинения и печатные возражения. Завязалась страшная полемика, и Меркель по характеру ее с грустью убедился, что возврат на родину для него навсегда закрыт. Между тем в то самое время, как он блуждал за границу, молодые Лифляндские дворяне, сыновья тамошних помещиков, обучавшиеся в Германских университетах, навещали его тайком и выражали ему свое горячее сочувствие. В числе их был один, который впоследствии, дослужившись до высших должностей, принял живое участие в составлении положения об освобождении крестьян в своей родине. Другие из самой Лифляндии вступили с Меркелем в тайную переписку, посылали ему оправдания,

берниях, и мы никак не видим, почему бы одни Остзейские дворяне могли казаться достойными содействовать правительству в тех же пределах. Напротив, мы убеждены, что и у нас здравые понятия о крепостном праве скорее бы привились и встретили бы гораздо более сочувствия, чем обыкновенно думают. Противники всех и всяких нововведений в теперешних отношениях крестьян к помещикам бесспорно еще составляют большинство, но сила правды и просвещения была бы не на их стороне. Многие устарелые понятия и предрассудки, если бы только была им дана возможность выразиться и через это открыто подвергнуться критике, тем самым были бы побеждены и навсегда осуждены на безмолвие. Мало-помалу умолкли бы голоса защитников крепостного права в самом существе его, вопрос из области отвлеченных понятий перенесся бы в область практики, и стали бы толковать только о том, чем заменить существующий порядок вещей, каким путем из него выйти. Гласность принесла бы огромную пользу даже в самых тесных пределах. Если бы дозволено было печатать статьи об отношениях крестьян к помещикам, хотя бы в одних изданиях хозяйственных обществ, например, в Трудах Вольного Экономического, в Записках Московского и Лебедянского¹⁰⁹ и в других специальных журналах, читаемых исключительно помещиками, можно поручиться, что в короткое время набралось бы много интересных сведений, в которых мы нуждаемся, дельных советов и указаний, которых иным путем никогда не соберет правительство¹¹⁰.

отчеты, просили у него советов. Книга о Латышпах издана в самом конце прошлого столетия, а в 1804 г. сделан первый шаг к упразднению крепостного права в Лифляндии и Меркель мог без самохвальства сказать в своих записках, что и его скромная литературная деятельность участвовала в облегчении участи целого сословия. Еще разительнее пример другого, благородного поборника той же мысли. Когда, на Лифляндском ландтаге, ландрат Шульц Фон-Ашераден первый решился предложить собранию освободить крестьян, дворяне поднялись с своих мест, схватили его и на руках понесли к окну с тем, чтобы выбросить его на улицу; несколько лет спустя, то же дворянство само отказалось от крепостного права, поручило тому же Шульцу Фон-Ашерадену составить новое положение и теперь чит его память признательным воспоминанием.

* Читатели, вероятно, не сделают настоящей записке упрека в излишнем пристрастии к крепостному праву. Между тем в ней нет почти ни одного суждения, которое бы не было извлечено из печатных отзывов помещиков. Мы испестирили ее выписками, именно для того, чтобы можно было по ним составить себе понятие о том, сколько бы высказалось чистосердечных признаний при большей свободе. Правда, что все эти выписки заимствованы из *старых журналов*. Но если теперь не пишут об этих предметах, то не потому, чтобы перестали об них думать, а потому что с 1848 г., благодаря строгости цензуры, наша печатная литература перестала служить выражением общественного мнения.

Необходимость живого примера сверху

Но еще убедительнее слов действует живой пример. Кому же подать его? Не от мелкопоместного владельца, безвыездно проживающего в глуши, с трудом перебивающегося с году на год и удаленного от средоточия правительства и просвещения, в праве мы ожидать пожертвований и ясного разума требований ближайшей будущности. Во главе Русских помещиков стоят владельцы удельных имений; около них высшие места на службе и передовые ряды в обществе занимают также помещики, более чем обеспеченные в денежном отношении и по своему положению призванные прочим указать путь. На них устремлены взоры всего сословия; ибо на них непосредственно, *а через них на всех помещиков может действовать верховная власть не одними указами, требующими от всех равного повиновения, но прямыми внушениями, сообразными с средствами каждого.* Строгим исполнением писанных законов мы вообще похвалиться не можем; за то у нас слово Государя всесильно, и личный его образ мыслей, его особенное внимание на что либо обращенное, его желания и даже вкусы в предметах существенных, как и в мелочах, дает тон и направление целым поколениям. Грустно бы было подумать, что при таких нравственных средствах, какими более не владеет верховная власть ни в одной земле, кроме России, нельзя склонить к добровольной уступке (необходимой для отклонения грозящего переворота) то сословие, которое так недавно и так красноречиво изъявляло в своих адресах готовность для блага родины отдать последнюю каплю крови и последний рубль!...

Взгляд на дальнейший ход освобождения и устройства крепостного сословия

Настоящая записка посвящена исключительно *переходным мерам* от настоящего положения крепостного сословия к гражданской свободе.

Назначение их тройкое:

Положить предел естественному развитию крепостного права.

Открыть исход из него отдельным личностям, поднимающимся выше уровня крепостного сословия.

Облегчить и поощрить добровольные сделки.

Предположив, что указанные цели будут достигнуты, мы обязаны показать в главных чертах, каким путем законодательство поведет дальнейшее развитие сословия помещичьих крестьян к окончательному его устройству.

Через несколько лет по издании нового положения о добровольных сделках, когда в удельных имениях ныне существующие *принудительные* отношения начальства к крестьянам заменятся *свободными договорами*, когда в разных губерниях просвещеннейшие из помещиков сделают то же в своих имениях, правительство назначит для заключения добровольных сделок *последний срок*, предупредив, что, по истечении его, оно установит законодательным порядком обязанности и повинности крестьян во всех тех имениях, в которых владельцы сами не договорятся с сельскими обществами.

Составление обязательных положений поручится особым комиссиям, по одной для каждой или для нескольких губерний; имея уже перед собою несколько добровольных сделок, введенных в действие, *комиссии найдут в них самое надежное и ничем незаменимое руководство*: во-первых, потому, что в подобных сделках отразится все разнообразие существующих местных условий, которых не было бы никакой возможности привести в известность заранее; во-вторых, потому, что добровольность договоров, заключенных без принуждения, послужит ручательством за практическую применимость и обоюдную безобидность содержащихся в них условий. Приноравливаясь к ним, комиссии в скором времени окончат свое дело, и тогда *как выгоды, предоставленные крестьянам, так и их обязанности к помещикам повсеместно определятся*.

Этим закончится первый и бесспорно самый трудный период в разрешении занимающего нас вопроса.

Затем, когда в сельском сословии несколько укоренится понятие о его обязанностях, когда разовьются применения вольного труда к различным отраслям помещичьего хозяйства и когда, по естественному ходу дел, *возвысится ценность земли*, правительство приступит к *оценке всех предварительно уже определенных повинностей крестьян*. Оно оценит не землю, состоящую в их владении, а повинности, исправляемые крестьянами в пользу помещиков, и, приняв выведенную ценность за средний процент между низким (казенным) и высшим торговым того времени, *выведет капитальную стоимость упомянутых повинностей и сумму вознаграждения, следующую помещикам за их упразднение*.

Само собою разумеется, что выкуп крестьянских повинностей и выдача помещикам вознаграждения, с зачетом или без зачета банкового долга, совершится не иначе как посредством займа внутреннего или внешнего, по которому уплата процентов с погашением падет на крестьян. Подобная операция увенчалась полнейшим успехом в Пруссии и сама по себе не представляет ничего

невозможного; но входить теперь в подробности ее исполнения, не зная наперед, в каком положении будут находиться в то время, когда она совершится, государственные финансы, было бы неуместно.

С выплатою помещикам полного вознаграждения *упразднится всякое с их стороны право как на землю, состоящую у крестьян во владении, так и на их труд*. Крестьяне, вполне отрешенные от помещика в хозяйственном и в юридическом отношении, поступят в прямую зависимость от правительства, *как состояние свободное, но отвечающее за казенные долг, лежащий на его земле*.

Тогда получат окончательную юридическую организацию сельские общества; устроится мирское управление с административными разделениями на приходы, округа, волости; устроятся судебные инстанции, школы; издадутся особые уставы.

Наконец, *после погашения казенного долга*, бывшие помещичьи крестьяне станут к правительству в отношении *свободного сельского сословия, владеющего своею землею на праве полной собственности*.

Останется определить *отношение частных лиц, членов сельских обществ, к этим обществам, определить условия свободного перехода с места на место*, и этим завершится ряд законодательных мер, направленных к достижению конечной цели, завещанной нам нашим прошедшим. Тогда, *и только тогда*, упразднится последний след крепостного права, и вместе с тем вполне оправдается его глубокое историческое значение.

ПО ПОВОДУ ТОЛКОВ О КОНСТИТУЦИИ¹¹¹

Носится слух, что в Москве готовится какой-то адрес к подписанию с требованием конституции. Я, разумеется, отказываюсь этому верить и всем говорю, что это вздор, неправда. Но в наше время столько случается невозможного и бессмысленного, что, пожалуй, чего доброго, и на эту тему разыграют какую-нибудь дурацкую пародию. Если это правда, то я предлагаю подписать и пустить в ход нечто вроде следующего. Как ни ничтожны два, три голоса в массе голосов, поднявших современную разноголосицу, как ни несомненно, что эти одинокие голоса будут заглушены криком, топаньем, свистом и всеми орудиями убеждения современных прогрессистов¹¹², однако в настоящую минуту молчать грешно. Мы настолько устарели в своих понятиях, что для нас свист — не опровержение, рукоплескание — не доказательство, а

успех — не мерило убеждений. Без всякой надежды на успех, мы просто считаем долгом совести гласно и без всяких недомолвок высказать то, что мы думаем по поводу современных толков об ограничении самодержавия в России.

Мы не признаем выработанной западной схоластикой и нашим духовенством повторяемой с чужого голоса теории *de jure divino*¹¹³. Утверждать, что в силу Божественного закона верховная государственная власть принадлежит какой бы то ни было династии по праву, ей *прирожденному*, что целый народ отдан Богом в крепостную собственность одному лицу или роду, мы считаем богохульством. Закон Божественный благословляет власть государственную вообще и вменяет каждому лицу <в обязанность> покоряться ей, потому что государственный строй (*тот или другой*) как существенное условие общежития служит к достижению предназначенных человечеству целей. В этом смысле: «Несть власть, аще не от Бога»¹¹⁴. Но что такое *власть* и что признавать властью? Этого вопроса церковь не решает. Он до нее не касается. Спаситель и апостолы создали церковь и дали человечеству учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций. Выработать себе государственную форму, монархическую, ограниченную или неограниченную, аристократическую или республиканскую — это дело самого народа. Каждый народ создает себе *власть* по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает значение власти, *обязательной* для каждого лица, к тому народу принадлежащего.

Высказав в этом отношении наше убеждение и устранив недоумение, которое могло бы легко возникнуть из всего последующего, мы приступаем к современному вопросу и высказываем прямо, что всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время, в России, мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа. Невозможным мы назвали это дело потому, что в земле Русской нет такой силы, на которую бы можно было опереться для ограничения другой силы — самодержавия. До какой бы степени помешательства ни дошли в настоящую минуту разгоряченные умы, нельзя считать казенных учебных заведений, университетов и литературных кружков того или другого цвета, — силою. Положим, все они могут сделать много зла, нагнав на Русскую землю тучу диких понятий, извратив общественный смысл, сбив с исторического пути и сделав негодными для жизни несколько поколений; но все это — проявления силы чисто *отрицательной*, а не творческой и не зиждущей. Яд есть

тоже сила, но сила умерщвляющая, а не дающая жизнь. У нас есть одна сила историческая, положительная, это — народ, и другая сила — самодержавный царь. Последний есть также сила положительная, историческая, но только вследствие того, что ее выдвинула из себя народная сила, и что эта последняя сила признает в царе свое олицетворение, свой внешний образ. Пока этими двумя условиями обладает самодержавие, оно законно и несокруσιμο. Не дай Бог дожить до испытания его силы на какой-нибудь площади против какой бы то ни было горстки недовольных; но пора заранее отдать себе отчет в последствиях схватки, на которую вызывают его задорные люди. Пусть соединяются в одну кучу несколько сот студентов и воспитанников военно-учебных заведений, пусть пристанет к ним дюжина дворян, еще не успевших помириться с мыслью об утрате крепостного права, пусть к ним примкнет десяток свистунов-газетчиков, да еще человек пять, сбившихся с круга и до костей зараженных мещан и дворовых людей; одним словом: пусть все, что желает падения самодержавия, обступит Зимний дворец... Если вызванный криком царь приподнимется и через головы этой горстки людей только подмигнет народу, и если народ поймет, что царя обижают, то что произойдет тогда? Скажет ли он: «Поделом ему», — или двинется к нему стеной на выручку? Тем, для которых разрешение этого вопроса сомнительно, мы советуем обратиться за справкой к мировым посредникам¹¹⁵, которые в продолжение шести месяцев толкаются в народе и более, чем кто-либо, выслушивают правдивые выражения его неудовольствий и надежд. Они скажут в один голос, что сочувствие народа электрическим током тянет прямо к царю, через все посредствующие сословия, учреждения, общественные слои, не оставиваясь на пути своем ни на чем и ни на ком; что вся эта посредствующая среда в глазах народа существует только как препятствие к его соединению с царем, и что между ними давно заключен невысказанный, а подразумеваемый и всеми понимаемый союз для взаимной защиты.

Если, чего не дай Бог, им доведется встретиться в общем противодействии кому-нибудь, то не произойдет ли с этим что-нибудь то же самое, чему подвергается жиденькая лодочка, попавшая между двух валов, идущих друг другу навстречу? Есть еще предположение: «Может быть, когда раздастся на площади крик и зазвонят разбитые окна, Зимний дворец оробеет и поддастся на сделку; может быть, удастся в минуту страха исторгнуть какую-нибудь уступку; или, если уж народ не способен воспламениться за прогресс, за цивилизацию и за тех, кто считает себя передовою дру-

жиною, то нельзя ли чем-нибудь другим подогреть его, хоть, например, обещать ему, что не будет рекрутства, что податям конец и т.п.?» Иными словами: можно обойтись без народа и можно обмануть народ. Но и эти два средства испробованы. Анна Иоанновна подписала подвернутую ей конституцию и на другой день изорвала ее в клочки, а люди, в то время стоявшие за конституцию, были покрупнее нынешних; закал был надежнее. Это они доказали в ссылке¹¹⁶. Был и другой пример: 14 декабря, *обманом*, вывели на Дворцовую площадь два гвардейских полка¹¹⁷. Что ж из этого вышло? К тому же не надобно забывать одного: нынче на русском престоле сидит Александр II, который известен народу не по одним манифестам о ревизиях и рекрутских наборах¹¹⁸. Он известен как *освободитель крестьян*¹¹⁹. Народ на обман не поддастся. Итак, ограничение самодержавия — дело невозможное. Кроме того, мы сказали, что если б оно и было возможно, то мы сочли бы его бедственным и вот почему. Все современные недуги Русской земли сводятся к одному: наш государственный строй нам не по силам и не по возрасту; государство потребляет больше, чем вырабатывает земля, и мало-помалу заедает землю. Против этого зла конституционная форма правления не только не принесла бы врачевания, а наоборот, усилила бы недуг. Мы знаем по опыту, что где конституционная форма возникает не как самородный плод свободного развития народной жизни, а заимствуется извне, как готовая форма, как покрой платья, — там прямое и неизбежное ее последствие: усиление централизации, не только административной, — в области правительственной, но и умственной — в развитии народного просвещения. Одна точка, один город делается самодержавным властелином целой земли. Туда, к этому средоточию политического движения, устремляются массы народа, капиталов, способностей, привлеченных заманчивой деятельностью на видном поприще; а между тем областная жизнь замирает, самодеятельность оскудевает, и мало-помалу все подпадает общей зависимости от направления, данного свыше. Первоначально централизация устанавливается вследствие этого сильного прилива народных сил к одному средоточию; потом она усиливается поневоле, вследствие постепенного истощения всего организма, как единственное средство восполнить пустоту и мертвенность в его оконечностях. Петербург, центр самодержавия, тяжел для России; Петербург, центр конституционного правительства, задавил бы ее окончательно.

Далее, первое условие правильного исторического развития есть искренность и правдивость. Под этим мы разумеем согласие

того, что проявляется словом, делом, учреждением, обычаем, с тем, что есть, что составляет сущность народной жизни. Всякая конституционная форма правления основана на праве большинства, признанном как факт законного преобладания несомненной силы над слабостью и предполагаемой разумности, — над частными увлечениями и интересами. Но если бы название и права большинства присвоило себе меньшинство, то очевидно, что вся конституционная обстановка превратилась бы в возмутительную ложь. Таков бы был у нас характер ограниченной монархии; ибо какую бы ни придумали для нее форму, вся масса народная осталась бы вне ее, как материал, как орудие или как мертвое вещество. Что народ не может быть ни непосредственно, ни посредственно действующим лицом в какой бы то ни было конституционной форме правления — это, кажется, очевидно. Во-первых, народ не желает конституции, потому что он верит добрым намерениям самодержавного царя и не верит решительно никому из тех сословий и кружков, в пользу которых могла бы быть ограничена самодержавная власть; во-вторых, народ безграмотный, народ, разобщенный с другими сословиями, народ, реформами Петра¹²⁰ выброшенный из колеи исторического развития, не способен, не может принять участия в движении государственных учреждений. Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман. Довольно с нас лжепрогресса, лжепросвещения, лжекультуры; не дай нам Бог дожить до лжесвободы и лжеконституции. Последняя ложь была бы горше первых. Теперь едва ли нужно объяснять, почему всякую попытку изменить форму правления у нас в настоящую минуту мы назвали преступлением против народа. Кто предъявляет подобные требования, воображая себе, что он говорит за народ и от его лица, о том мы можем только жалеть. Кто знает не хочет того, что думает и чувствует народ, кто сознательно пренебрегает им и от своего лица заносит руку на то, что создано народом и чем народ дорожит, — тот самозванец.

Мы твердо убеждены, что все современные толки о перемене формы правления не что иное, как пустая болтовня, чуждая не только правды, но даже искренности. России нужно не то. После освобождения крестьян, которое могло быть исполнено успешно и мирно только самодержавной властью, нам нужны: веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все зараженные соки, отравляющие

нашу литературу, и через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия. Нам нужны: упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, свободный доступ к просвещению, ограничение непроизводительных расходов, сокращение придворных штатов и т.д., и т.д. И все это не только возможно без ограничения самодержавия, но скорее и легче совершится при самодержавной воле, чуждой страха и подозрительности, понимающей свою несокрушимую силу и потому внимательной к свободному выражению народной мысли и народных потребностей.

Комментарии

¹ НА ЧЕМ ОСНОВАНА И ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ

Статья написана в 1853–1856 гг. и не предназначалась для печати. В подлиннике рукопись не имеет заглавия. Настоящее заглавие дал Д.Ф. Самарин при подготовке одиннадцатого, неvyšшедшего тома «Собрания сочинений» своего старшего брата.

Впервые опубликована: 1840–1876: Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. М.: ТЕРРА, 1997. С. 58–68. Печатается по данному изданию. В комментариях использованы примечания Т.А. Медовичевой.

² Самарин цитирует брошюру: *Ольденбургский П.Г.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 18.

³ Речь идет о Чаллисе (Challis) Томасе (1794–1874) — предпринимателе, депутате парламента от Либеральной партии Великобритании и лорд-мэре Лондона в 1852–1853 гг.

⁴ Здесь, вероятно, цитируется современная Самарину политическая брошюра, название которой установить не удалось.

⁵ Французский король Людовик-Филипп был свергнут с престола во время Февральской буржуазной революции 1848 г.

⁶ Речь идет об австрийском императоре Франце Иосифе I (1830–1916), вступившем на престол в разгар венгерского восстания 1848–1849 гг., которое было подавлено лишь благодаря русской армии.

⁷ Кирка — протестантская, лютеранская церковь.

⁸ Германский союз был образован по решению Венского конгресса 1815 г. Он являлся международным соединением немецких независимых государств и вольных городов и предназначался для защиты неприкосновенности их владений. Органом союзной власти было общегерманское национальное собрание (парламент, сейм). На волне революционных событий 1848 г. 31 марта во Франкфурте-на-Майне собрался Предпарламент, представлявший формально все германские государства (но состоявший преимущественно из делегатов южногерманских государств). Он принял решение о проведении выборов во всегерманское Национальное собрание, которое («Франкфуртский сейм») открылось во Франкфурте 18 мая 1848 г. Перед депутатами стояли две задачи: положить конец политической раздробленности страны и выработать формы государственного устройства но-

вой Германии. По обоим вопросам возникли серьезные разногласия. Одни хотели включить в состав объединенной Германии Австрию (с обширными негерманскими территориями), другие — исключить ее и тем самым закрепить ведущую роль Пруссии. Одни настаивали на демократической республике, другие — на консервативной монархии. В это время австрийское правительство сделало шаг, который должен был бы разрешить все сомнения. Министерство князя Шварценберга (Schwarzenberg) Феликса (1800—1852), даровало 7 марта 1849 г. всей Австрии общую конституцию, в которой это государство с включением в него Венгрии и Италии именовалось нераздельной конституционной монархией. В итоге стало ясно, что Австрия не заинтересована во вхождении в чисто германское государство; в результате пропрусским элементам удалось завоевать ведущие позиции в парламенте. 28 марта 1849 г. Франкфуртский сейм (парламент) принял имперскую конституцию, прусский король Фридрих Вильгельм IV был избран императором; он должен был править страной совместно с демократически избранным парламентом — рейхстагом.

⁹ Имеется в виду деспотическое правление Иоанна IV Васильевича Грозного (1530—1584), великого князя с 1533, первого русского царя (с 1547); Бирона Эрнста Иоганна (1690—1772), графа, герцога Курляндского (с 1737), фаворита императрицы Анны Ивановны, в 1730—1740 гг. фактически правившего Россией; Петра III Федоровича (Карла Петра Ульриха, сына голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и дочери императора Петра I Анны Петровны), бывшего российским императором в 1861—1862 гг.

¹⁰ Тушинский вор — прозвище, данное Лжедмитрию II — самозванцу, выдававшему себя за сына Иоанна IV, по названию его резиденции в 1608—1610 гг. села Тушино.

¹¹ Речь идет о событиях, произошедших после смерти в 1840 г. наследника Иоанна III — Иоанна Молодого. Претендентами на престол оказались сын Иоанна Молодого и внук Иоанна III — Дмитрий и сын самого Иоанна III от брака с Софьей Палеолог — Василий, которых поддерживали разные дворцовые партии. После того, как в декабре 1847 г. был раскрыт заговор против Дмитрия, Иоанн III арестовал сына и в феврале 1848 г. венчал на царство Дмитрия, а уже в апреле 1502 г. посадил внука под стражу, а Василия объявил наследником престола.

¹² Самарин цитирует отрывок из Псковской летописи (год 1499) по кн.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. 2-е изд. СПб., 1819. Т. 6. С. 99.

¹³ Речь идет о сочинении сподвижника Петра I, проповедника и государственного деятеля Феофана Прокоповича (1681—1736) «Правда воли монаршей» (1722), в котором получила обоснование идеология абсолютизма в России. Творчество Прокоповича была посвящена магистерская диссертация Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (диссертация была защищена в Московском университете в 1844 г., часть ее под названием «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» была опубликована).

¹⁴ Самарин цитирует «Устав о наследии престола» от 5 февраля 1722 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3993. С. 495—496).

¹⁵ Цит. по: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 4870. С. 626.

¹⁶ Цит. по: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3993. С. 496.

¹⁷ Самарин не совсем точно цитирует Манифест от Синода обще с Сенатом и Генералитетом «О кончине Императора Петра I и о вступлении на Престол Императрицы Екатерины I» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 4643. С. 410).

¹⁸ Сукцессор (от *лат.* "successor") — преемник.

¹⁹ Самарин неточно цитирует манифест «О кончине Императрицы Екатерины I и о восшествии на престол Императора Петра II. С приложением формы присяги и духовного завещания, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 5070. С. 788–791).

²⁰ Цит. по: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 5007. С. 790.

²¹ Под «римским императором» здесь имеется в виду император Священной Римской империи германской нации, каковым в 1711–1740 гг. являлся Карл VI Габсбург (1685–1740).

²² Речь идет о заседании Верховного тайного совета 19 января 1730 г., на котором один из князей Долгоруких, отец второй невесты Петра II, заявил о праве его дочери на престол.

²³ Имеется в виду Манифест от имени Верховного Тайного Совета «О кончине Императора Петра Второго, и о восприятии Российского Престола Государынею Царевною, Анною Иоанновною» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8. № 5499. С. 246–247).

²⁴ Подробнее об этом см.: *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989. С. 275–277.

²⁵ Манифест «О вступлении на Российский Престол Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны, о восприятии Самодержавия и об учинении вновь присяги. С приложением Формы клятвенного обещания» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8. № 5509. С. 253).

²⁶ Манифест «Об учинении присяги в верности Наследнику Всероссийского престола, который от Ее Императорского Величества будет назначен» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8. № 5909. С. 601–603).

²⁷ В Полном Собрании законов Российской империи этого Указа нет. Бирон был назначен регентом 16 октября 1740 г.

²⁸ Под «манифестом об Остермане, Головкине, Минихе» Самарин имеет в виду Манифест «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону» от 28 ноября 1741 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8476. С. 542–544).

²⁹ Речь идет об Анне Леопольдовне принцессе Брауншвейг-Люнебургской (1718–1746), которая «правила» Российской империей при Иване VI Антоновиче с 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.

³⁰ Самарин не совсем точно передает содержание Манифеста «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону» от 28 ноября 1741 г., где от лица Елизаветы Петровны перечисляются происки Остермана и Головкина, сочинивших «отменное о наследствии Нашей Империи определение», которому противопоставляется «всеподданнейшее к Нам всех наших верноподданных, а наипаче и особливо Лейб-Гвардии наших полков прошение» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8476. С. 543).

³¹ Манифест «О вступлении на всероссийский престол государыни императрицы Елисаветы Петровны и об учинении присяги» от 25 ноября 1741 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8473. С. 537).

³² Речь идет о Манифесте «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону» от 28 ноября 1741 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8476. С. 542–544).

³³ Имеется в виду неудачная попытка подпоручика Смоленского пехотного полка В.Я. Мировича (1740–1764) освободить из Шлиссельбургской крепости бывшего императора Иоанна VI Антоновича в ночь с 4 на 5 июля 1764 г. В издании 1997 г. ошибочно указано 5 июня и даны неверные инициалы Мировича (1840–1876: Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. М.: изд-во «Терра», 1997. С. 65, 244 прим.). Караульный офицер Мирович склонил часть солдат к освобождению «секретного узника», однако руководство гарнизонной команды, выполняя предписание Екатерины II на случай подобных «нелеп», убили узника, а сам Мирович по приговору Сената был казнен 15 сентября 1764 г.

³⁴ Речь идет об именном Указе Сенату «О сожжении присяжных листов на верность подданства Принцу Иоанну» от 18 октября 1742 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8641. С. 697).

³⁵ Самарин ссылается на Манифест «Об отмене смертной казни приговоренным к оной Генеральным Судом Государственным преступникам Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву. С приложением выписки из сентенции Генерального Суда о прочих прикосновенных к сему делу преступниках» от 22 января 1742 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8506. С. 575).

³⁶ Имеется в виду Манифест «О назначении его Королевского Высочества Петра, Владетельного Герцога Шлезвиг-Голштинского, наследником Престола Российского Государства, с титулом Императорского Высочества. С приложением формы клятвенного обещания в верности назначенному от Ее Императорского Величества наследнику Всероссийского Престола» от 7 ноября 1742 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8658. С. 712–713).

³⁷ Из «Записок» Екатерины II («Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907) и других источников не следует, что идея возведения на престол вместо Петра III Павла под регентством Екатерины принадлежала канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину. Вместе с тем известно, что Бестужев-Рюмин предлагал Екатерине, еще при жизни Елизаветы I план провозглашения ее соправительницей Петра III (см. об этом: *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989. С. 344; Т. 5. С. 23).

³⁸ Самарин не совсем точно цитирует документ: «Форма клятвенного обещания» от 25 декабря 1761 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 15. № 11391. С. 875).

³⁹ Речь идет о Манифестах «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II, с приложением присяги на верность подданства» от 28 июня 1762 г. и «О коронации Императрицы Екатерины Второй» от 3 июля 1762 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. № 11582. С. 3–4; № 11598. С. 12–13).

⁴⁰ Речь идет о Манифесте «О кончине Императора Петра III» от 7 июля 1762 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. № 11599. С. 13).

⁴¹ Самарин имеет в виду Указ «Сенатский, в следствие Манифеста о вступлении Императрицы Екатерины II на Престол» — «О приведении всех подданных к присяге» от 3 июля 1762 г. (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. № 11 591. С. 7–9).

⁴² Ектения (греч.) — молитвенное прошение о нуждах общества и Церкви, о духовной и светской власти, содержащее в том числе заздравное моление о государе и царствующем доме.

⁴³Здесь даны отсылки на статьи основных государственных законов «Свода законов Российской империи» (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. Т. I. СПб., 1832)

и на Акт Павла I о престолонаследии (Акт, Высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на Престол Успенского Собора // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 24. № 17 910. С. 587–589).

⁴⁴ Далее в автографе текст обрывается (*прим. публикатора*).

⁴⁵ Далее в автографе текст обрывается (*прим. публикатора*).

⁴⁶ Самарин цитирует брошюру: *Ростовцев Я.И.* Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1849. С. 101, 111.

⁴⁷ О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ И О ПЕРЕХОДЕ ИЗ НЕГО К ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЕ

Записка была начата Самариным в 1853 г., вскоре после выхода в отставку, и окончена в начале 1854 г. Замысел ее сводился к поиску решения «вопроса о крепостном состоянии»: «Мы должны, — писал он в 1853 г. из деревни К.С. Аксакову, — свое дело сделать, т.е. освободить груд». Осенью 1856 г. Самарин переработал записку и пустил ее в обращение в рукописном виде (см.: [Самарин Д.Ф.] От издателя // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 2: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года / Изд. Д. Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1878. С. VI–VII).

Впервые опубликована: *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 2: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года / Издание Д. Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1878. С. 17–136. Печатается по данному изданию.

Издатель сочинений Ю.Ф. Самарина — Д.Ф. Самарин в примечании к публикации записки своего старшего брата «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе» писал: «Из писем Ю.Ф. Самарина видно, что он работал года два или три над этою запискою, излагающею первоначальные его мысли об упразднении крепостного права, и переделывал ее несколько раз. В Апреле 1854 года он писал К.С. Аксакову: “На днях я окончил довольно пространную записку о крепостном праве и о разных мерах, по моему мнению, облегчающих исход из него. Теперь я ее переписываю, дополняя, потом подвергну ее строгому разбору в нашем кругу и, наконец, пушу в ход”. Без малого через два года после того, 12 Января 1856 года, служа в ополчении, Ю.Ф. писал из Съзрани К.С. Аксакову: “При всем том, проводя все утра на учениях, вникая по вечерам в тайны ротных построений я успел здесь окончить совершенно-переделанную мною записку, которую я вам читал в деревне. Я вижу, что она стала полнее и лучше, и меня в особенности радует то, что я обработал ее в то время, когда имел благовидный предлог бросить все занятия, кроме служебных”. Наконец, в октябре 1856 года, он писал из Самарской деревни своей: “Записка моя пошла в ход и имеет большой успех”. Значит, она была совершенно закончена и отправлена в Петербург осенью 1856 года, за год до первого Высочайшего рескрипта об улучшении быта помещичьих крестьян, последовавшего 20 Ноября 1857 года. Одновременно с запискою Самарина ходили по рукам проекты упразднения крепостного права, составленные К.Д. Кавелиным, кн. В.А. Черкасским, А.И. Кошелевым, Позеном и др.» (*Самарин Ю.Ф.* О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе // Сочинения. Т. 2: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года / Издание Д. Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1878. С. 17, прим.).

В примечании Д.Ф. Самарина упомянут «первый Высочайший рескрипт об улучшении быта помещичьих крестьян» — Рескрипт (букв. “письменный ответ”) (*лат.*) — имеющее силу закона предписание императора официальному лицу)

от 20 ноября 1857 г. императора Александра II Виленскому, Гродненскому и Ковенскому военному генерал-губернатору В.И. Назимову об учреждении из числа местных помещиков трех губернских комитетов и одной «общей комиссии в г. Вильне» для подготовки местных проектов крестьянской реформы, который был опубликован в декабре 1857 ознаменовал начало публичной подготовки крестьянской реформы. 5 декабря 1857 г. последовал аналогичный рескрипт петербургскому генерал-губернатору графу П.Н. Игнатьеву. В течение 1858 г. подобные рескрипты были даны и остальным губернаторам, и в том же году в 46 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, были учреждены губернские «комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян». В основу рескрипта Назимову были положены следующие принципы: освобождение крестьян, выкуп ими усадеб в течение 10—15 лет, сохранение крестьянских наделов за повинности. Рескриптом предполагалось, что: «1. Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей пред правительством и помещиком, количество земли, за которое они или платят оброк, или отбывают работу помещику. 2. Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция, и 3. При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов» (Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М.: Изд-во Московского университета, 1994. С. 86).

Под «ходившими по рукам проектами упразднения крепостного права, составленными К.Д. Кавелиным, кн. В.А. Черкасским, А.И. Кошелевым, Позеном и др.» имеются в виду: «Записка об освобождении крестьян в России» (1855) Кавелина Константина Дмитриевича (1818—1885); записки «О лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния» (1857) князя Черкасского Владимира Александровича (1824—1878); «О мерах освобождения крепостных крестьян» (1856) Позена Михаила Павловича (1798—1871), а также проект Кошелева Александра Ивановича (1806—1883), который составили четыре связанные внутренней логикой записки 1856—1857 гг. — «О необходимости немедленного уничтожения крепостного состояния», «О различных способах освобождения крестьян», «Предполагаемые меры к освобождению крестьян», «Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей».

⁴⁸ Восточная война или Крымская война — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Была объявлена России 4 октября 1853 года Турцией, а за ней Великобританией и Францией, после отказа императора Николая I вывести войска из оккупированных княжеств Молдавии и Валахии. Закончилась подписанием 18 марта 1856 года в Париже унизительного для России мирного договора. По Парижскому трактату Черное море объявлялось нейтральным, в связи с чем Россия лишалась права иметь там военный флот. Россия также отказывалась от укрепления Аландских островов в Балтийском море; соглашалась на свободу судоходства по Дунаю; отказывалась от протектората над Валахией, Молдавией и Сербией и от части южной Бессарабии; уступала Молдавии свои владения в устьях Дуная и часть Южной Бессарабии, возвращала занятый у Турции город Карс (в обмен на Севастополь и другие крымские города). А самое главное, Крымская война, уничтожив гегемонию России в европейских делах, полностью изменила систему международной политики, покоившуюся на Венских трактатах 1815 г.

⁴⁹ В примечании Ю.Ф. Самарин приводит пример «Пруссии после поражения под Йеною и Тильзитского мира». Здесь речь идет о событиях так называемой войны четвертой коалиции России, Пруссии, Англии против наполеоновской Франции в 1806–1807 гг. и последующих реформах в Пруссии. 14 октября 1806 г. под Йеной и одновременно под Ауэрштедтом произошли сражения, в которых Наполеон I Бонапарт разгромил прусскую армию. 25 июня 1807 г. в г.Тильзит был заключен мирный договор, по которому Пруссия лишилась более половины своих владений. В этой ситуации король Пруссии Фридрих Вильгельм III (1770–1840) начал реформирование страны. В 1807–1808 гг. барон Штейн (Stein) Генрих Фридрих Карл (1757–1831), возглавлявший правительство, сумел провести важнейшие политические, экономические и финансовые реформы, главной из которых стала отмена крепостного права. Эдикт 1807 г. провозглашал отмену личной зависимости крестьян, а также предусматривал возможность отчуждения земли по желанию собственника, что позволяло приобретать землю бюргерам и крестьянам. В ноябре 1808 г. была проведена муниципальная реформа, вводившая самоуправление в городах. Тогда же была проведена и административная реформа, устранившая абсолютистский порядок управления в учреждениях и позволившая создать ряд новых министерств (военное, внутренних и иностранных дел, юстиции и финансов). Реформы Штейна продолжил князь Гарденберг (Hardenberg) Карл Август (1750–1822) — канцлер Пруссии с 1810 по 1822 г., в частности, по принятому в 1811 г. Эдикту о «регулировании» крестьянам был разрешен выкуп повинностей, связанных с пользованием помещичьей землей и установлены условия такого выкупа.

⁵⁰ В примечании Самарин приводит в пример брошюру: *Ольденбургский П.Г.* Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852.

⁵¹ В примечании Самарин ссылается на «всеподданнейшее донесение Смоленского предводителя от лица дворянства, 1849 года». Здесь имеется в виду «Записка по вопросу о переходе крестьян крепостных в обязанные» смоленского губернского предводителя дворянства князя Друцкого-Соколинского Михаила Васильевича (1804–?), представленная им Николаю I в феврале 1849 года, а также «Особое приложение к представленному в собственные руки его величества мнению об обязанных крестьянах», в котором прямо было заявлено, что «В России рабства нет» (*Майнов В.Н.* Смоленские дворяне и обязанные крестьяне // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1873. Т. VIII. С. 931). Публикацию записки Друцкого-Соколинского и приложения к ней см.: Там же. С. 915–939.

⁵² Со времен Уложения — имеется в виду «Свод всех законов» или «Соборное уложение царя Алексея Михайловича» — кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором 1648–1649 гг. в царствование Алексея Михайловича (1629–1676) Романова, русского царя с 1645 г. Уложение завершило процесс законодательного оформления крепостного права в России.

⁵³ В качестве источника Самарин использовал в основном статьи печатного органа одной из первых в России общественных организаций, учрежденной для усовершенствования сельского хозяйства — Московского Императорского общества сельского хозяйства, который в 1821–1841 гг. выходил под названием «Земледельческий Журнал, издаваемый Императорским московским обществом сельского хозяйства», а в 1841–1859 гг. — «Журнал сельского хозяйства и овцеводства, издаваемый от Императорского московского общества сельского хозяйства». В этих периодических изданиях помещались статьи как ученых, так и «практических хозяев» — помещиков, управляющими имениями и др. В частности, Самарин ссылается на труды Афросимова, Бобарькина, Бунина, Вилькинса, Волкова, Кикина, Кошелева, Лодыженского, Муравьева, Позднина, Титова, Шульца и др.

⁵⁴ Имеются в виду: Франциск I (François I) (1494–1547) — французский король с 1515 г., из династии Валуа. «Король-дворянин», как он сам себя называл, обладал рыцарской любезностью, отвагой и непомерным честолюбием, покровительствовал искусствам и наукам, был воплощением духа Возрождения; последний монарх Франции, носивший титул короля — Луи-Филипп I (Louis-Philippe I) (1773–1850) — король Франции в 1830–1848 гг., представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов. По конституции титуловался «король француз», в народе же получил прозвище «король — гражданин» и вполне соответствовал идеалу короля буржуазии, девизом его правления были знаменитые слова: “enrichissez-vous!” (обогащайтесь!).

⁵⁵ Ревизские списки или Ревизские сказки — списки лиц податного состояния к которому относились крестьяне, мещане, посадские, ремесленники и цеховые, платившие подушную подать, подвергавшиеся телесным наказаниям, выполнявшие рекрутскую и другие натуральные повинности. Такие ревизские сказки составлялись при ревизиях — переписях населения Российской империи в XVIII — первой половине XIX в., проводившихся с целью подушного налогообложения на основе новой учетной единицы — мужских душ вместо «тяглового двора», использовавшегося на Руси в XVI–XVII вв. Они представляли собой поименные списки населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи. Всего было проведено десять ревизий — в 1719, 1742, 1762, 1782, 1796, 1811, 1815, 1836, 1850, 1858 гг. В промежутках между ревизиями ревизские сказки уточнялись. Производилась фиксация наличия или отсутствия лица на момент текущего учета, причем в случае отсутствия фиксировалась причина (умер, в бегах, отселен, в солдатах и т.п.). Все уточнения ревизских сказок относились к последующему году, поэтому каждая «ревизская душа» считалась наличной до следующей ревизии даже в случае смерти человека, что позволяло государству, с одной стороны, повышать собираемость подушного налога, а с другой — создавало условия для злоупотреблений. Согласно переписи населения 1857–1859 гг., в крепостной зависимости находилось 23,1 млн человек (обоих полов) из 62,5 млн человек, населявших Российскую империю.

⁵⁶ В примечании Самарин упоминает о самозванцах — людях, выдававших себя за русских «царей». Григорий Отрепьев (мирское имя и отчество — Юрий Богданович, «полуимя» — Гришка Отрепьев) — монах-расстрига, беглый дьяк Чудова монастыря (в московском Кремле). По официальной версии именно он был Лжедмитрием I, занимавшим царский престол России с 1 июня 1605 по 17 мая 1606 г. — самозванцем, выдававшим себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV Грозного — царевича Дмитрия. Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России, назвался Петром Федоровичем — императором Петром III (Петр Федорович, имя при рождении Карл Питер Ульрих Гольштейн-Готторпский (1728–1762) — российский император в 1761–1762 гг., убитый в результате дворцового переворота). За «Петра III», отца императора Павла I выдавал себя и основатель секты скопцов, крестьянин Селифанов — Селиванов Кондратий Иванович (?–1832).

⁵⁷ В примечании речь идет о призыве в морское и сухопутное ополчение — резерв действующей армии — во время Крымской войны 1853–1856 гг. 2 апреля 1854 г. состоялся первый призыв на военно-морскую службу морского ополчения из числа добровольцев по Петербургской, Новгородской, Тверской и Олонекской губерниям. Произведенная запись значительно превысила намеченное число призыва, дав со дня его начала и по 22 мая 7132 человека, выразивших желание вступить в морское ополчение. 25 октября 1854 года император Николай I повелел сформировать на время войны из крестьян императорских уделов Новгород-

ской, Архангельской и Вологодской губерний Стрелковый полк императорской фамилии. Сформирован полк был 21 июля 1855 г. Кроме того, высочайшими указами в 1854 и 1855 гг. были сформированы девять поселенных финских батальонов. С 1855 г. в различных губерниях империи формировались Губернские комитеты дружины государственного подвижного ополчения из крепостных крестьян и других податных сословий. Дружинами каждой губернии руководил начальник губернского ополчения на правах начальника дивизии. Всего было сформировано 236 дружин, существовавших до 1856 г. Общее количество ополченцев составило до 240 тыс. человек.

«Указ 8 ноября» — имеется в виду именной Указ, данный Сенату 8 ноября 1847 г. «О предоставлении крестьянам имений, продающихся с публичных торгов за долги, права выкупать себя с землею», по которому крестьяне могли «выкупиться вместе с землей посредством взноса состоявшейся на торгах цены или при неявке покупателей полной оценочной суммы; если же оценка не достигает суммы долга, лежащего на имении, то крестьяне обязаны принять на себя уплату всего этого долга». Срок выкупа остался прежним — 30 дней. Производить выкуп должны были «крестьяне всего имения или, если оно продается участками, крестьяне всего участка». При этом крестьяне поступали в разряд государственных и несли все соответствующие подати и повинности. Однако в сущности их статус был ближе к статусу свободных хлебопашцев, нежели государственных крестьян: то же право собственности на земли и угодья и, следовательно, освобождение от платы оброка, отразившееся в самом названии выкупившихся крестьян — «безоброчные»; то же право отчуждения земли в посторонние руки. Последнее, правда, было ограничено рядом условий: отчуждение «не иначе как по мирским приговорам и с утверждения министерства государственных имуществ, с оставлением при этом всегда неотделимою принадлежностью имения по 2 десятины на ревизскую душу, причем на эту последнюю землю не должны падать никакие долги крестьян» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. Отделение первое. 1847. № 21689. СПб., 1848. С. 841—842).

⁵⁸ Самарин ссылается здесь на французское издание первого тома труда английского философа и экономиста Милля (Mill) Джона Стюарта (1806—1873) «Основания политической экономии» — «Основания политической экономии и некоторые приложения ее к социальной философии» (*Principes d'économie politique, avec quelques-unes de leurs applications à l'économie sociale. Tom premier. Paris, 1854*) и на первый том труда «Система народного хозяйства» немецкого экономиста Рошера (Roscher) Вильгельма Георга Фридриха (1817—1894) — «Основания национальной экономии» (*Roscher W. Grundlagen der Nationalökonomie. Stuttgart und Tübingen, 1854*).

⁵⁹ В примечании Самарин упоминает «удельное ведомство» — государственное учреждение Российской империи, управлявшее имуществом императорской семьи.

⁶⁰ Речь идет о событиях во Франции, где в феврале 1848 г. в результате революции от престола отрекся Луи-Филипп I и была провозглашена Вторая республика, во временное правительство которой вошли и социалисты — Луи Блан, Александр Мартен Альбер. Одной из мер нового правительства стало открытие в крупных городах Национальных мастерских для безработных, где более 100 тыс. работников получали гарантированную плату. Однако уже 21 июня по инициативе правительства Учредительное собрание распустило Национальные мастерские, расходы на которые стали непосильными для казны. В Париже началось восстание, подавленное генералом Л.-Э. Кавеньяком, затем в декабре 1848 г. состоялись всенародные выборы, на которых президентом был избран племянник Наполеона Бонапарта Луи Наполеон Бонапарт.

⁶¹ В примечании Самарин в контексте развития социальной теории упоминает Людовика Наполеона. Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), президент Французской республики с 1848 по 1852 г., император Франции Наполеон III Бонапарт в 1852–1870 гг. издал в 1839 г. в Лондоне трактат «Наполеоновские идеи» (Louis-Napoléon Bonaparte. Des idées Napoléoniennes. Londres, 1939), где представил теорию бонапартизма — синтез порядка и революции, социализма и экономического процветания, либерализма и сильной власти, а в 1844 г. в Париже брошюру против пауперизма (*Louis-Napoléon Bonaparte. Extinction du paupérisme, ou Projet d'organisation agricole pour l'amélioration du sort des travailleurs.* Paris, 1844).

⁶² Entrepreneur — предприниматель (фр.).

⁶³ Термином «тягло» в дореформенной России XIX в. обозначались: 1) крестьянская семья, принимавшаяся за рабочую единицу в помещицком хозяйстве при развратке барщины, оброка и государственного обложения; 2) крепостная повинность — барщина, оброк, взимавшиеся с такой единицы, а также 3) участок земли, обрабатываемый такой единицей.

⁶⁴ В примечании Самарин ссылается на сочинение «известного хозяина Мейера» — русского агронома немецкого происхождения, пионера лесоводства в России Майера Франца Христиановича (1783–1860).

⁶⁵ В примечании Самарин вслед за Вилькинсоном употребляет термин “valeur intrinseque”, букв. «действительная стоимость» (фр.) в смысле «внутренняя ценность» труда.

⁶⁶ Вилькинс Иван Яковлевич (?–1852) — тверской помещик, ученый-агроном, автор различных пособий и руководств для сельских хозяев, множества статей, а также переводов на русский язык работ зарубежных ученых-аграриев Альбрехта Даниеля Тэера, Августа фон Векерлина, и др. Для Самарина он являлся наиболее авторитетным экспертом в области организации крестьянского труда в России о чем свидетельствует то, что в тексте самой записки и в примечаниях к ней имя Вилькинсона встречается 16 раз.

⁶⁷ Муравьев Николай Николаевич (1768–1840) — генерал-майор, математик, военный педагог — основатель Московского учебного заведения для колонновожатых; один из создателей Московского общества сельского хозяйства, автор сочинения «Наставление о приведении в порядок управления скотными дворами» (М., 1830), а также примечаний к русскому изданию фундаментального труда немецкого ученого, агронома, почвовед Тэера (Thaer) Альбрехта Даниеля (1752–1828) «Основания рационального сельского хозяйства» (*Ther A. Основания рационального сельского хозяйства: В 5 ч. / С прим. Н.Н. Муравьева и Е. Крюда; пер. С.А. Маслова; Изд. А. Ширяева. М.: Тип. ун-та, 1830–1835*), на которые ссылается Самарин.

⁶⁸ Изделье — работа на помещика; барщина.

⁶⁹ Понаровка — поблажка, потворство.

⁷⁰ Имеется в виду именной Указ Сенату «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» от 2 апреля 1842 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII: Отделение первое. 1842. № 15462. СПб., 1843. С. 261–262).

⁷¹ Указ от 2 апреля 1842 г. «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» от 2 апреля 1842 г. был реализован лишь 5-ю помещиками, уволившими в обязанных 26 937 крепостных. В их число входил князь Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) первым уволивший в обязанные крестьяне крепостных Му-

ринского имени в С-Петербургской губернии в количестве 492 ревизских душ в июне 1843 г. По предложенному договору крестьянам впредь позволялось жениться и выходить замуж без разрешения хозяина, а также владеть движимым и недвижимым имуществом. Их нельзя было принудительно переводить в дворовые (крепостные). Они получали право при определенных условиях переходить с одного надела на другой и даже менять сословие. Налоги оставались прежними, а земельные наделы сокращались более чем в 3 раза (с 4,5 до 1,4 десятины на человека). Кроме того, крестьяне теряли помощь хозяина в случае пожара или неурожая. Тем не менее крестьяне подписали договор, и он был Высочайше утвержден императором в конце июня 1843 г. Вторым помещиком, осуществившим перевод крепостных крестьян в обязанные, стал князь стал Людвиг Леон (Лев Петрович) Витгенштейн (1799—1866), который в январе 1848 г. перевел в обязанные 662 крепостных мужского пола Дружносельской вотчины С-Петербургской губернии. Не считая этих двух утвержденных, прошения и проекты условий перевода крепостных в обязанных крестьян в 1842—1846 гг. были поданы 16 помещиками, представившими к переводу в общей сложности свыше 13,5 тыс. крестьян. Но они не были реализованы либо из-за отказа крестьян, которых не удовлетворяли условия увольнения в обязанные, либо — правительства, объясняющего возврат дела несоответствием некоторых проектов условий перевода статьям указа от 2 апреля 1842 года.

⁷² Речь идет о событии декабря 1847 г., когда император Николай I пригласил депутатов смоленского дворянства в Санкт-Петербург и выразил желание, чтобы дворяне Смоленской губернии перевели своих крепостных в разряд обязанных. «Я буду говорить с вами не как государь, а как первый дворянин империи, — произнес между прочим Николай Павлович в своей речи депутатам. — Земли принадлежат нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели ее нашей кровью, пролитой за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиной, что у нас нет торговли, промышленности». Отпуская депутатов, государь поручил держать сказанное им в секрете, но «побудить смоленское дворянство к совещаниям о мерах, как приступить к делу» (цит. по: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: В 2 т. Т. 1. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908. С. 118; см. также: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: Т. 2.: Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1888. С. 163).

⁷³ Имеется в виду первый российский полноценный уголовный кодекс — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Высочайше утвержденный императором Николаем I 15 августа 1845 г. и введенный в действие с 1 мая 1846 г.

⁷⁴ Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. XIV. Ч. 4: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1842. В примечании Самарин ссылается также на Именную указ от 5 июля 1811 г. «О разделении всех преступлений на три степени» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXXI: 1810—1811. №24 707. СПб., 1830. С. 943).

⁷⁵ Самарин ссылается на Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 3 марта 1822 г. «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь, на поселение» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXXVIII: 1822—1823. № 28954. СПб., 1830. С. 99—101); Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 30 августа 1827 г. «О по-

мещичьих людях, ссылаемых, по воле их помещиков, в Сибирь на поселение» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. 1827. № 1339. СПб., 1830. С. 748—749); Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 22 июня 1828 г. «О распределении людей, представляемых помещиками за дурное поведение, в распоряжение Правительства для удаления, и о возвращении по желанию помещика в их владение» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III: 1828. № 2107. СПб., 1830. С. 636—637).

⁷⁶ Имеется в виду Высочайший Указ «О предоставлении крестьянам помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимые имущества» от 3 марта 1848 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXIII: Отделение первое. № 22 042. 1848. СПб., 1849. С. 157—158).

⁷⁷ Ст. 1029 «Обязанности владельцев ходатайствовать и отвечать за крепостных его людей, в определенных законом случаях» гласила: «За крепостных людей во всех гражданских делах право искать и отвечать предоставляется самим помещикам; но с дозволения сих последних, крепостные люди могут быть на суде и сами за себя» (Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9. Кн. I: О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных. Отделение третье: О пространстве власти владельца над крепостными его людьми, и образе ее действия. СПб., 1842. С. 196).

⁷⁸ Пункт 4 статьи 947 (а не 950 как указано во втором томе сочинений Самарина) гласит: «Подлежат общей подсудности и пользуются защитой, в случае неправильного присвоения движимого имущества, не от помещика, но от лица постороннего», а в статье 950, состоящей из одного пункта, говорится о том, что «если крепостной человек, отложась от должного помещику своему послушания, подаст на него недозволенную жалобу, и в особенности, если откажется подать таковую непосредственно Императорскому Величеству: то как челобитник, так и сочинитель жалобы предаются суду и наказываются по все строгости законов» (Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9. Кн. I.: О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных. Отделение третье: О пространстве власти владельца над крепостными его людьми, и образе ее действия. СПб., 1842. С. 179—180).

⁷⁹ Имеется в виду именной Указ, данный Сенату 8 ноября 1847 г. «О предоставлении крестьянам именованных, продающихся с публичных торгов за долги, права выкупать себя с землею» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII: Отделение первое. 1847. № 21 689. СПб., 1848. С. 841—842).

⁸⁰ Минорат — система наследования имущества младшим в семье.

⁸¹ Самарин имеет в виду события так называемой «киевской казатчины», когда после Манифеста 29 января 1855 г. о наборе ратников в «подвижное сухопутное ополчение» среди крестьян распространился слух о том, что запись в ополчение (в казаки) освободит их от крепостной зависимости и они, требуя поголовной записи в казаки, прекратили выполнение барщинных работ. Волнения охватили 9 из 12 уездов Киевской губернии и были прекращены военной силой.

⁸² Видимо, здесь опечатка. Указ «о обязанных поселянах» вышел не в 1846 г., а 2 апреля 1842 г. Что же касается 1846 г., то по этому вопросу в Полном собрании законов Российской империи имеется лишь Выписка из Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «О дополнительных условиях, кои могут быть помещены в договоры, заключаемые помещиками с крестьянами, при увольнении их в обязанные» от 10 июня 1846 г. (Дополнение ко второму Полному собранию законов Российской империи. Часть вторая. СПб., 1855. № 20 116а. С. 21—22).

⁸³ Самарин ссылается на статью «Законов о состояниях», относящуюся к главе пятой «Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих», раздела IV «О сельских обывателях» (Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: О сельских обывателях. Глава пятая: Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих. № 908. СПб., 1842. С. 171). Это так называемое четвертое «главное правило», «разъяснялось» именным Указом Сенату от 2 апреля 1842 г. «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII. Отделение первое. 1842. № 15462. СПб., 1843. С. 261).

⁸⁴ Имеется в виду «Высочайше утвержденный Устав Рекрутский» от 28 июня 1831 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI: Отделение первое. 1831. № 4677. СПб., 1832. С. 501–657).

⁸⁵ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: О сельских обывателях. Глава пятая: Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих. № 909. СПб., 1842. С. 171. По сути, статья, которую излагает Самарин, совпадает с пятым «главным правилом», установленным именным Указом Сенату «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII: Отделение первое. 1842. № 15 462. СПб., 1843. С. 261).

⁸⁶ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: О сельских обывателях. Глава пятая: Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих № 911–912. СПб., 1842. С. 172. Здесь имеются в виду седьмое и восьмое «главные правила», установленные именным Указом Сенату «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII: Отделение первое. 1842. № 15 462. СПб., 1843. С. 261–262).

⁸⁷ О производстве из кредитных установлений ссуд под имения, обязанными крестьянами населенные, наблюдаются правила, при сем приложенные // Продолжение Свода Законов Российской Империи, издания 1842 года. VII. С 1 Января по 30 Июня 1846 года, ст. 304. СПб., 1846. С. 15.

Государственный совет в январе 1846 года одобрил правила о выдаче ссуд из кредитных установлений под залог имений, населенных обязанными крестьянами. Утвержденные 21 февраля 1846 года эти правила предоставляли помещикам право оставлять имения, крестьяне которых переводились в обязанные, в залог кредитных установлений и закладывать вновь имения, переведенные уже на положение обязанных. (Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, опубликованное 21 февраля, О производстве ссуд из кредитных учреждений под имения, обязанными крестьянами населенные // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXI: Отделение первое. 1846. № 19 641. СПб., 1847. С. 178–181).

⁸⁸ Имеется в виду Устав кредитный (Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный Т. II. Ч. 1: Учреждения и уставы государственных кредитных установлений. СПб., 1842).

⁸⁹ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: О сельских обывателях. Глава пятая: Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих. № 910. СПб., 1842. С. 171. Имеется в виду шестое «главное правило», установленное именным Указом Сенату «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII: Отделение первое. 1842. № 15 462. СПб., 1843. С. 261–262).

⁹⁰ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: О сельских обывателях. Глава пятая: Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих. № 910. СПб., 1842. С. 171.

⁹¹ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: О сельских обывателях. Глава пятая: Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих. № 906. СПб., 1842. С. 171. Самарин цитирует второе «главное правило», установленное именным Указом Сенату «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII: Отделение первое. 1842. № 15 462. СПб., 1843. С. 261).

⁹² Inquiry — парламентское расследование (англ.).

⁹³ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV: Отделение первое. № 971. СПб., 1842. С. 185.

⁹⁴ Кошелев Александр Иванович (1806–1883) — славянофил, публицист и общественный деятель. Приобретя обремененное долгами имение (с. Песочня, Сапожковский уезд Рязанской губернии), переселившись туда, Кошелев благодаря грамотному управлению (ввел мирское управление: мир выбирал старосту, которому вместе с миром был предоставлен суд, а также раскладка податей), а также участию в винных откупах с 1838 г. сумел сколотить состояние и стал одним из крупнейших землевладельцев губернии. Ю.Ф. Самарин в начале 1850-х гг. неоднократно бывал в сапожковском имении и обсуждал с А.И. Кошелевым, князем В.А. Черкасским и другие вопросы, связанные с освобождением крепостных крестьян.

⁹⁵ Сапоп — годичная налоговая норма, исчисляемая в натуре (лат.).

⁹⁶ Самарин ссылается на примечание к статье 910 главы пятой «Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих» Свода Законов о состоянии по 6-му Продолжению: «910. — Помещики учреждают в селениях обязанных крестьян вотчинное управление и имеют высшее наблюдение за сельскою в них полициею... За преступления и проступки обязательные крестьяне, подлежащие, на основании сей статьи, суду и расправе помещиков и управляющих имениями их, виновные могут быть подвергаемы наказаниям, которые определены ниже сего в статьях 974 и 972, с тем лишь различием, что отдача в смирительные и рабочие дома [так в тексте] или в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, а равно и удаление из общества неисправимых и вредных обязательных крестьян чрез отдачу в рекруты без очереди или представление в распоряжение Губернского Правления, определяется мирским приговором с утверждения самого помещика, или такого управляющего, который имеет особое для сего уполномочие» (Продолжение Свода Законов Российской империи, издания 1842 года. VI. С 1 января по 31 декабря 1845 года. СПб.: тип. Второго отделения с. е. и. в. канцелярии).

рии, 1846. — Статьи к Девятому тому Свода. [Разд. паг.]. [К ст.] 910. С. 21, прим.). — *Прим. П. И. Талерова.*

⁹⁷ В примечании Самарин ссылается на примечание к ст. 904 главы пятой «Об обязанных крестьянах, водворенных на землях помещичьих» Свода Законов о состоянии по 10-му Продолжению: «904. — Владельцы населенных имений, при увольнении крестьян их в обязанные, для обеспечения себя в исправном со стороны их выполнении договоров, могут в договоры сии включать условия: а) о тех имениях, где крестьяне остаются на запашке и повинность их заключается в рабочих днях, всякий убыток, причиненный помещику слушанием одного или нескольких человек против нарядов вотчинного управления, владелец может отыскивать или непосредственно с самих виновных, ли ответственность за то возложить, по добровольному с крестьянами соглашению, на всё мирское общество. При слушании же целого селения или самой большей части оно, независимо от наказания за сие по закону, для возмещения последовавшего владельцу ущерба, обращать в пользу его, по распоряжению Уездного Предводителя Дворянства и при содействии земской полиции, все произведения и движимое имущество виновных в неповиновении крестьян, за исключением лишь того, что необходимо нужно на уплату податей, на продовольствие, посев, и орудий и скота для сельских работ; б) в имении, где обязанные крестьяне состоят на оброке, в случае неисправного платежа оного, на указанном в предшедшем пункте основании, также всего принадлежащего неисправным плательщикам движимого имущества, которое не составляет решительной в сельском быту необходимости, а при недостаточности такого средства, обращать виновных, с разрешения Начальника Губернии и под наблюдением Уездного Предводителя Дворянства, временно на запашку или другие, по указанию помещика, в самом имении работы, впредь до исправления» (Продолжение Свода Законов Российской империи, издания 1842 года. X. С 1 июля по 31 декабря 1847 года. СПб.: Тип. Второго отделения с. е. и. в. канцелярии, 1848. Статьи к Девятому тому Свода. [Разд. паг.]. [К ст.] 904. С. 14, прим.). — *Прим. П. И. Талерова.*

⁹⁸ Журнал Министерства Внутренних Дел — периодическое издание Министерства внутренних дел Российской Империи. Издавался в Санкт-Петербурге ежемесячно в 1829—1861 гг. В нем публиковались официальные документы, а также статистические данные, статьи различного характера о хозяйственной жизни и быте населения различных регионов страны.

⁹⁹ Имеется в виду Манифест императора Павла I от 5 апреля 1797 г. «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении их к работе в дни воскресные» (Полное собрание законов Российской империи к 1649 года. Собрание первое. Т. XXIV: С 6 ноября 1796 по 1798. № 17 909. СПб., 1830. С. 587).

¹⁰⁰ В примечании Самарин говорит о кадастре — реестре достоверных сведений о природном, хозяйственном и правовом положении земель, составленном официальным органом или учреждением.

¹⁰¹ Самарин ссылается на главу Свода законов о состояниях «Об обязанных поселянах, водворенных на землях купеческих» (Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Законы о состояниях. Раздел IV. О сельских обывателях. Отделение десятое. СПб., 1842. С. 168—169).

¹⁰² Видимо, Самарин имеет в виду: Продолжение Свода Законов Российской Империи издания 1842 года. XIV. 1849 года. СПб., 1850.

¹⁰³ Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Кн. 1. Отделение четвертое. О свободных хлебопашках. № 769. СПб., 1842. С. 150.

¹⁰⁴ Высочайше утвержденное положение Государственного Совета от 19 декабря 1804 г. «О неувольнении родовых крестьян, по завещанию, в свободные хлебопашщцы» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXVIII: 1804—1805. № 21562. СПб., 1830. С. 748—749).

¹⁰⁵ Самарин имеет в виду Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета по делу Пасевьевой от 12 августа 1818 г. «О недействительности завещательного распоряжения об увольнении крестьян, если оно при жизни завещателя не было утверждено законным порядком» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXXV: 1818. № 27 470. СПб., 1830. С. 439—442) и Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 октября 1831 г. «О запрещении утверждать акты, относящиеся до увольнения крепостных людей с землею, когда оные составлены не по правилам, для свободных хлебопашщцев изданным» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI: 1831. Отделение второе. № 4846. СПб., 1832. С. 104).

¹⁰⁶ Статья 773 запрещала «увольнять крестьян в свободные хлебопашщцы по духовным завещаниям помещиков, хотя бы сии крестьяне принадлежали к благоприобретенному их имению» (Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 9. Кн. 1. Отделение четвертое: О свободных хлебопашцах. № 773. СПб., 1842. С. 150).

¹⁰⁷ Самарин ссылается на примечания к ст. 1059 главы шестой «О людях крепостного состояния» Свода Законов о состояниях по 4-му и 6-му Продолжениям (Примечание [1] / Статьи к Девятому тому Свода [законов о состояниях] // Продолжение Свода Законов Российской империи. IV. СПб., 1844. С. 257—259; Примеч[ание] (по Прод. IV), п. 5 / Статьи к Девятому тому Свода [законов о состояниях] // Продолжение Свода Законов Российской империи. VI. СПб., 1846. С. 24). — *Прим. П.И. Талерова.*

¹⁰⁸ В примечании Самарин пишет о Меркеле (Merkel) Гоглибе (1769—1850) — публицисте немецкого происхождения, сыне лифляндского пастора, борце за освобождение латышей от крепостной зависимости, авторе сочинения «Латыши, особенно в Лифляндии, в конце философского столетия» (*Merkel G. Die Letten, vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts.* Leipzig: bey Heinrich Gräff, 1797), в котором в самых черных тонах описывалась жизнь лифляндского крестьянства, обличались зверства помещиков-немцев, содержался призыв к правительству России вмешаться в лифляндские дела и облегчить жизнь народа. Книга Меркеля вызвала бурю возмущения среди помещиков Лифляндии, и Меркель вынужден был на десять лет оставить свою родину. Самарин упоминает также лифляндского помещика, барона Шульца фон Ашерадена Карла Фридриха (1720—1782), который в 1764 г. на принадлежащих ему землях добровольно снял крепостное право — ввел для крестьян фиксированные нормы барщины и оброка, предоставил им право собственности на движимое имущество и условное право наследования своих дворов. С 1759 г. он был лифляндским ландратом, членом коллегии, руководившей Лифляндской губернией в перерывах между ландтагами (ландтаг — высший орган местного самоуправления, который собирался раз в три года и обсуждал все вопросы, касающиеся губернии, избирал чиновников местного самоуправления, суда и полиции, принимал постановления, имевшие силу закона для местного населения). Самарин описывает случай, произошедший на ландтаге 1765 г., после которого Шульц фон Ашераден сложил с себя обязанности ландрата.

¹⁰⁹ Самарин имеет в виду общественные российские организации и их печатные органы — Императорское Вольное экономическое общество и периодическое издание «Труды Императорского Вольного Экономического Общества» с прибавлением «Экономические Записки» (СПб.), Императорское московское

общество сельского хозяйства и ежемесячный «Журнал сельского хозяйства и овцеводства» (М.), Лебедянский общество сельского хозяйства и ежегодные «Записки Лебедянского общества сельского хозяйства» (М.).

¹¹⁰ Сразу же после начала европейских революционных событий по распоряжению Николая I в качестве контрмеры против их влияния на Россию был создан особый, секретный так называемый бутурлинский Комитет 2 апреля 1848 г. для высшего, «в нравственном и политическом отношении», надзора за духом и направлением книгопечатания, который стал главным цензурным учреждением и просуществовал до 1855 г. Период с 1848 по 1855 г. называют «эпоху цензурного террора» — именно тогда цензура стала не только предварительной, но еще и «карательной», рассматривавшей сочинения уже после напечатания, было запрещено пропускать в печать «всякие, хотя бы и косвенные, порицания действий или распоряжений правительств и установлений властей, к какой бы степени сии последние ни принадлежали», «разбор и порицание существующего законодательства», «критики, как бы благонамеренны они ни были, на иностранные книги и сочинения, запрещенные и потому не должны быть известными», «рассуждения, могущие поколебать верования читателей в непреложность церковных преданий», статьи о представительных собраниях второстепенных европейских государств, об их конституциях, выборах, утвержденных законах, о депутатах, о народной воле, о требованиях и нуждах рабочих классов, о беспорядках, производимых иногда своеволиями студентов, статьи за университеты и против них, о подании голосов солдатами, статьи и исследования по истории смут и народных восстаний и т.д. Цензура не пропускала в свет произведения, «могущие дать повод к ослаблению понятий о подчиненности или могущие возбуждать неприязнь и завистливое чувство одних сословий против других». 14 мая 1848 г. вышло высочайшее повеление, по которому цензоры секретно должны были представлять в III отделение запрещаемые ими сочинения, обнаруживающие в писателе особенно вредное в политическом или в нравственном отношении направление. III же отделение, смотря по обстоятельствам, должно будет принять меры «к предупреждению вреда, могущего происходить от такого писателя, или учреждало за ним наблюдение». Все это и привело по верному замечанию Самарина к тому, что в России «печатная литература перестала служить выражением общественного мнения».

¹¹¹ ПО ПОВОДУ ТОЛКОВ О КОНСТИТУЦИИ

Впервые: Русь. 1881. № 29. 30 мая. Разд. IV. С. 13–14. Печатается по: 1840–1876: Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. М.: ТЕРРА, 1997. С. 96–98.

«Заглавие произвольно придумано публикатором И.С. Аксаковым. <...> Статья написана в форме письма И.С. Аксакову в конце 1861 или начале 1862 г., в Самаре. В исторической литературе ее принято датировать 1862 г. (*Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1974. С. 174). В редакционной статье И. Аксаков отмечал, что статья Самарина представляет собой черновой проект заявления, который славянофилы собирались поместить в газете «День» как протест против предполагавшегося адреса московского дворянства (в начале 1862 г.) о даровании конституции. Статья не была тогда напечатана, так как адрес не состоялся, хотя конституционные требования выдвигались на дворянских собраниях в начале 1860-х годов. Подробнее о дворянском конституционном движении после отмены крепостного права см.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 61–68. Статья Самарина — начало его теоретической борьбы с дворянским конституционализмом, в которой ему вместе

с И. Аксаковым принадлежала ведущая роль. Вместе с тем в ней получили подтверждение взгляды на самодержавие и его роль в общественной жизни России, изложенные в дореформенный период в статьях <На чем основана и чем определяется верховная власть в России>, «Чему должны мы научиться?» (Медовичева Т.А. Комментарии // 1840–1876: Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. М., 1997. С. 248).

Как отмечает А.В. Репников: «Проводя на страницах газеты “Русь” линию, направленную на созыв Земского собора, И.С. Аксаков одновременно стремился отвести от славянофилов обвинения в подрыве самодержавно-монархического строя, призвав на помощь авторитет своих умерших единомышленников. Он опубликовал статью Ю.Ф. Самарина “По поводу толков о конституции” (1862 год) и записку К.С. Аксакова “О внутреннем состоянии России” (1855 год), которые были призваны уравновесить друг друга — аксаковская призывала к созыву Земского собора, а самаринская была направлена против конституционализма» (Русские консерваторы о природе и сущности самодержавного государства и власти. URL:http://www.perspektivy.info/history/russkie_konservatory_o_prirode_i_suschnosti_samoderzhavnogo_gosudarstva_i_vlasti_2008-10-27-11-52.htm). Издатель статьи Самарина И.С. Аксаков предварил публикацию следующими замечаниями: «Вот и еще замогильный голос, так вовремя, в назидание нам звучащий, — голос, которому во дни оны и нельзя было раздаться во всеуслышание, как будто сама судьба задерживала его до настоящей нашей поры, когда он именно нужен и нужней чем в ту пору, — когда, кажется, самый общественный слух, благодаря вразумлению событий, приобрел большую чуткость и восприимчивость ко всякому трезвому и строгому слову правды. Мы говорим про помещенную ниже, в этом же N, статью покойного Юрия Федоровича Самарина, друга и сподвижника К.С. Аксакова, к “Записке” которого, уже знакомой читателям, эта статья служит как бы дополнением. Никто, конечно, не упрекнет Самарина (которого как гражданского деятеля, так единодушно почитло после его кончины русское общество без различия направлений и партий) в избытке идеализма, — в чем привыкли винить его друга, — и потому единство выводов, к каковым они пришли оба, отправившись от разных точек зрения, представляется тем более замечательным и, думаем мы, убедительным. Это, впрочем, не статья, а черновой проект заявления, которое, по мнению Юрия Федоровича, было бы полезно пустить в обращение (за подписью его и некоторых единомышленников), как протест против предполагавшегося адреса или ходатайства о даровании “конституции”. Адрес, впрочем, не состоялся, а потому не было и надобности в подобном протесте; печатной же полемики о таком предмете в то время и не допускалось. Все это происходило в самом начале 1862 или в самом конце 1861 г., стало быть, вскоре после великого законодательного акта 19 февраля, когда Самарин — один из главных участников в приговорительных работах, которых этот акт был завершением, — находился, в звании члена губернского по крестьянским делам присутствия, в Самаре.

Как ни странно кажется это конституционное попользование именно в ту историческую минуту, когда самодержавная русская власть явила себя поистине вполне достойною своего призвания, когда было до очевидности ясно, что колоссальный социальный переворот — освобождение от крепостной зависимости и наделение землею 20 миллионов русских людей и только благодаря ей мог совершиться путем мирным и спокойным, а не революционным, — однако ж этого факта отрицать нельзя. С одной стороны, в понятиях некоторых, не мирившихся с утратою крепостного права, уничтожение этой привилегии как бы упраздняло вместе с тем их солидарность с правительством, ограждавшим до сих пор их землевладельческие преимущества. Поколебленное социальное положение и материальные жертвы, принесенные ими на пользу всего государства, открывали,

казалось им, вполне законный простор их политическому властолюбию и аристократическим вождениям. С другой — параллельно с великой работой освобождения, подготовительной и исполнительной, поглощавшей, по-видимому, внимание всего русского общества, — параллельно с нею, не принимая в ней ровнехонько никакого участия, шла неустанная пропаганда отвлеченного радикализма. Основоположники современного нигилизма занимали почти господствующее положение в тогдашней литературе и, несмотря на цензуру, с замечательным искусством вели широкую проповедь революционно-социалистического свойства, которая, не имея никакой реальной исторической для себя почвы, сеяла только отвлеченность и пустоту, — умственное и нравственное расщепление, плоды которого не замедлили сказаться, — сказываются и ныне. Им — этим “деятелям”, этим кумирам и учителям молодежи — не было никакого дела ни до той тяжелой задачи, разрешением которой болела Россия, — то есть эмансипации крестьян, ни до действительных нужд народных, ни до тех великих, благих реформ, которые виднелись в перспективе и действительно были исполнены, — которые нуждались в молодых тружениках, но к которым эти проповедники не призывали, не направляли своих молодых адептов, толкая их лишь в озлобленное отрицание.

В оправдание этих сеятелей зла начала 60-х годов можно сказать только, что сами они были продуктом предшествовавшего царствования, — не тем протестом здоровых сил организма, которые освобождают его из-под власти недуга, а явлением самого недуга, его уродливым, злокачественным порождением. Не они и не их последователи вынесли на своих плечах реформы Александра II, а большею частью люди вроде Самарина, который на пятом десятке лет не побрезгал кропотливым скромным трудом и пошел в чернорабочие, — вместе с тою, сравнительно малочисленною фалангою молодых, которая убереглась от влияния петербургской журналистики и удалилась в провинцию на должности мировых посредников. Верно, пророчески выразился 20 лет тому назад в своем проекте заявления Самарин о той “общественной силе”, пред которою трусили, за которою, как водится, ухаживали даже многие представители власти того времени, жаждавшие популярности — сопричисления к лику “либералов”. До какой бы степени помешательства ни дошли в настоящую минуту разгоряченные умы, говорит он, нельзя считать казенных учебных заведений и “литературных кружков того или другого цвета — силою. Положим, все они могут сделать много зла, нагнав на русскую землю тучу диких понятий, извратив общественный смысл, сбив с исторического пути и сделав негодными для жизни несколько поколений” (сбылась, к несчастью, печальная правда этих слов!), — “но все это проявление силы чисто отрицательной, а не творческой и не зиждущей. Яд есть тоже сила, но сила умерщвляющая, а не дающая жизнь”. К этим строкам можно прибавить лишь одно замечание, что Самарин, хотя и уподобил деятельность тогдашних некоторых проповедников действию яда, но все-таки, очевидно, не предполагал возможности отравы в таком широком объеме и в такой сильной степени, как это обнаружено новейшими нашими событиями.

Но радикалы того времени, как и радикалы нашей позднейшей поры, в сущности о конституции мало заботились, хотя мирились и с мыслью о конституции, как с средством ослабления власти и поводом к внутренней смуте. Сочувствие к конституции, — явно или тайно выражаемое, смотря по общественному положению, — было тем звеном, которое соединяло тогдашних людей “прогресса”, людей “благоразумного”, “умеренного либерализма”, большую часть из бюрократической рати, с одной стороны, с радикалами, с другой — с партией, восчувствовавшей в себе политическое властолюбие вслед за утратою известных привилегий. Не питая, конечно, лично никакой симпатии к революционным тенденциям, эта партия, “умеренные” бюрократы-либералы и иные, важничав-

шие “разумным прогрессом” люди, — думали воспользоваться радикализмом как пугалом и в видах предотвращения от сей опасности — предложить власти компромисс вроде какой-то конституции, формы которой они, впрочем, и сами себе не выяснили (да никем не выяснена она и до сих пор). Радикалы, как сказано, с своей стороны не были врагами этого компромисса. Будущий историк немало подивится тому, что одновременно с совершением великого, всемирно-исторического труда, который, казалось, должен бы приковать к себе все внимание, притянуть к себе все умственные и духовные силы России, — в ту самую пору, как в уездах кипела живая, честная практическая работа, — в столицах происходило такое коллобродство мыслей и чувств, такая антипатриотическая, антинациональная, “либеральная” свистопляска (слово, тогда же изобретенное), которая уподобляла общество чуть не дому умалишенных. В это самое время подготавливались в Петербурге, с помощью Сераковских, огрызок и одурченных русских “либералов”, польский мятеж... Мы помним также, как внезапно прибыл в Москву из-за границы и явился к нам с горячею рекомендацією одного из наших талантливых художников, добродушнейшего из русских, но отличавшегося органическим отсутствием всякого политического смысла, — юный иностранец чуть ли не польского происхождения, некто Артур Бенни, с заготовленным проектом адреса от русских к Государю. Рекомендовалась, разумеется, конституция! Этот непрощеный, а может быть даже и прощенный аттестовавшими его русскими, радетель о России предполагал собрать для своего адреса “по крайней мере сорок тысяч подписей”...

Так как мы уже в принципе не могли допустить никакого иностранного вмешательства в русское дело, то наше свидание с г. Бенни было коротко, и мы с тех пор его не видали; знаем только, что он был радушно принят в некоторых кругах, но адрес его, конечно, потерпел полнейшее *fiasco*. Мы упоминаем об этом эпизоде, как о характеристическом признаке времени, как о свидетельстве — до чего доходила не столько дерзость, сколько наивность, и не юноши Бенни только, но и русских, с ним нянчившихся: многозначительная, красноречивая, поистине варварская, — и в конце концов все-таки преступная наивность, заслуживающая историко-психологического исследования!

Так как посылать адрес русскому царю от публики было неудобно, — притом же адрес, хотя бы и был подписан всеми, приписавшими себя к “прогрессу”, или к “интеллигенции”, как выражаются в наши дни, однако не представил бы не только сорока тысяч, но и четырехсот подписей (ибо состоящим на государственной службе подписываться было бы прямо невыгодно), то и возникла агитация о сочинении адреса от какой-нибудь организованной корпорации или сословия. Имелся в виду съезд дворян на выборы, в первый раз после издания манифеста 19 февраля 1861 г. Но от слов перейти к делу — шаг великий, да и политический такт дворянства не допустил его на сей раз до такой грубой политической ошибки... Через год вспыхнуло польское восстание, подготовленное отчасти самими нашими, обмороченными “либералами” и рассчитывавшее на содействие поляками же взлелеянной русской революционной партии. Расчеты оказались ошибочными, потому что, когда из области внутренней глухой борьбы, из недр внутреннего общественного духовного брожения, вопрос выплыл наружу, в форме, доступной общенародному пониманию, то есть когда дело коснулось внешней чести, достоинства и целостности государства, — пробудились исторические инстинкты, и дух народный воспрянул во всей силе, а отрицательно-либеральные, разлагающие силы присмирели на время, в ожидании благоприятной поры. (Она и наступила, вслед за минованием опасности.)

В этот-то промежуток времени, между освобождением крестьян и польским восстанием, когда слухи о готовившемся конституционном адресе дошли до Са-

мары, Ю.Ф. Самарин и прислал к нам (мы тогда приступили к изданию “Дня”), на наше распоряжение, напечатанный в этом № проект заявления. Так как заявление имело характер гражданского действия, протеста, вынужденного гражданским же действием противоположного направления, то в такого рода действиях, по нашему соображению, и не представлялось уже достаточного основания, как скоро мысль об адресе была оставлена: мы признали более приличным ограничиться чисто литературного, хотя несколько и отвлеченно борьбою с принципами, разъедавшими русское общество, и вызовом к жизни, по мере возможности, положительных стремлений и сил.

В то время отсутствие свободы печатного слова, — той доли свободы, которою мы теперь пользуемся, — являлось одним из самых крепких оплотов отрицательного и западно-либерального направления. Защитникам русского исторического и народного принципа приходилось сдерживать свои нападения, с одной стороны, для того, чтоб, по недосказанности, избежать смешения с толпою подлых человекоугодников, с другой — для того, чтоб не подать противникам дешевого способа уклоняться от спора, с видом лежачего или жертвы, которая будто бы имела нечего сказать ниспровергающее и неопровержимое, но осуждена на молчание. Этим, в высшей степени выгодным положением наши противники и пользовались, ловко проводя между строк свои теории, приучив публику понимать их по одному неувидимому для цензуры намеку, — и в то же время преграждая возможность всякого честного возражения — обвинением противника в “доносе”: средство не совсем добросовестное, но достигавшее цели. В то время события еще не ставили вопроса об упомянутом историческом принципе так резко и повелительно, как в наши дни, когда самое благо нашей страны требует, чтоб каждый исповедал прямо и открыто свои убеждения, заявил себя по ту или по другую сторону; когда имеется возможность спора почти без недомолвок и нет опасности, по недосказанности, подать повод к оскорбительным недоразумениям. Конечно, никто теперь не дерзнет причислить К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина к сонму льстецов и человекоугодников. Но в то время, когда Самарин писал этот проект публичного заявления, такое заявление представлялось делом своего рода гражданского мужества и вело прямо к утрате “популярности” в среде большинства русского общества. Этим и объясняются следующие строки Самарина: “Как ни ничтожны два—три голоса в массе голосов, поднявших современную разногласицу, как ни несомненно, что эти одинокие голоса будут заглушены криком, топаньем, свистом и всеми орудиями убеждения современных прогрессистов (современных “либералов”, можно бы сказать теперь), однако в наступающую минуту молчать грешно. Мы настолько устарели в своих понятиях, что для нас свист не опровержение, рукоплескание не доказательство, а успех не мерило убеждения. Без всякой надежды на успех, мы просто считаем долгом совести, гласно и без всяких недомолвок, высказать то, что мы думаем по поводу современных толков об ограничении самодержавия в России”.

Хотя заявление Самарина написано двадцать лет тому назад, однако же, к сожалению, мало того — к истинному ужасу — оно кажется, за исключением некоторых частности, написанным как бы вчера! Мы говорим “к ужасу” потому, что этим доказывается, как мало подвинулось русское общественное сознание в эти двадцать лет, как, напротив, только усиливался и рос указанный Самариным недуг... Конечно, внешней опасности сойти с исторического национального пути России не грозит, как не грозило и тогда, — а теперь, можно думать, грозит и еще менее после того, как недуг объявился воочию таким страшным пароксизмом, как событие 1 марта. Можно даже уповать, что этот пароксизм — в то же время и благодетельный кризис, но слишком предаваться такому упованию было бы еще рано. Несомненно одно, что власть, в союзе с народом, — вполне могуществен-

ная для предотвращения всякой внешней опасности, — в то же время своими внешними средствами не может спасти общество без него самого, без усилия его собственной воли, от нравственных, духовных зол, его развещающих. Та отрицательная сила, о которой пишет Самарин, — разве она не продолжает, как и в 1862 г., “нагонять на русскую землю тучу диких понятий, извращать общественный смысл, сбивать с исторической колеи и делать негодными для жизни целые поколения”?! Нельзя внешними средствами велеть отрицательной силе — стать положительной, или перестать быть и творить, раз уж она завелась. Для этого необходимы внутреннее перевоспитание самого общества и тот, в нем самом, избыток начал положительных, который бы и помимо власти, свободно, органически удерживал в пределах развитие отрицательного начала... К этому и должны быть направлены усилия всех честных, любящих родную землю людей. Но многое, конечно, может и власть, движимая духом любви и истины. Признавая, вместе с Самариным, что верховная власть и народ представляют, пока, у нас единственные исторические положительные силы, мы думаем однако, что первая, со времен Петра, была сама не свободна от ржавчины отрицания, — отрицания не каких-либо высших отвлеченных, но исторических, жизненных, народных начал. От этой-то ржавчины и необходимо ей вполне избавиться, чтоб стать снова и вполне — силою творческою и зиждущею. Нужно, чтоб освежился союз царя с народом новым, теснейшим сближением; нужно, чтоб земля не чувствовала себя сирью, отчужденною, отдаленною, как прежде, — чтоб черствое слово петровской немецкой команды сменилось словом — властным вполне, но однако ж родным, внятным, любовным, — чтоб не холодом веяло от власти, но чтоб власть светила, живила и грела, являя себе везде, всюду, деятельно и благотворно, — чтоб неправдою наконец стала скорбная народная поговорка “До царя далеко”!..» (*Аксаков И.С.* О статье Ю.Ф. Самарина по поводу толков о конституции в 1862 году // *Русь*. 1881. № 29. 30 мая. С. 2–4).

¹¹² Под «прогрессистами» Самарин подразумевает представителей дворянского конституционализма, обнаруживших в начале 1860-х годов с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений в пользу сравнительно небольшой общественной группы — поместного дворянства (*прим. Т.А. Медовичевой*).

¹¹³ *De jure divino* — букв. «по божественному праву» (*лат.*) — теория Божественного права, согласно которой монарх является наместником бога на земле, осуществляет волю Господа и соответственно не подчиняется иной власти, кроме божественной. Поэтому ни законодательная власть, ни суды, ни подданные не имеют права ограничивать осуществление королем его полномочий — любой бунт, любая попытка свержения монарха с престола или ограничения его прав, расценивалась как преступление не перед человеком, а перед богом, попытка поправить волю божью, т.е. как ересь.

¹¹⁴ Слова Апостола Павла из послания римлянам: «Несть бо власть, аще не от Бога» (Рим. 13,1).

¹¹⁵ Мировой посредник — судебно-административная должность, утвержденная «Положениями» 19 февраля 1861. В ведении мировых посредников, назначавшихся из числа поместных дворян, находились земельные отношения между крестьянами и помещиками, включая рассмотрение жалоб крестьян на помещиков и разрешение споров между ними, образование органов крестьянского самоуправления, надзор за его деятельностью и т.д.

¹¹⁶ Анна Иоанновна (1693–1740) — дочь царя Иоанна V, племянница императора Петра I, герцогиня курляндская, российская императрица в 1730–1740-х гг. Была приглашена из Курляндии на российский престол Верховным тайным советом (в состав совета входили князя Долгоруковы, князя Голицыны, А.И. Остер-

ман, граф Г.И. Головкин) при условии подписания «Кондиций» (соглашений), ограничивающих ее власть (без Верховного тайного совета она не могла объявлять войну или заключать мир, вводить новые подати и налоги, расходовать казну по своему усмотрению, производить в чины выше полковника, жаловать вотчины, без суда лишать дворянина жизни и имущества, вступать в брак, назначать наследника престола). 28 января 1730 г. Анна Иоанновна в Митаве подписала «Кондиции», а уже 25 февраля под давлением представителей дворянства и гвардии, а также при поддержке Остермана и Головкина, публично их разорвала, став, таким образом, полной самодержицей. Манифестом от 4 марта 1730 Верховный Тайный Совет был упразднен, Остерман, ставший графом, и Головкин заняли государственные посты, а Долгоруковы и Голицыны были репрессированы. Репрессии пережил лишь Василий Владимирович Долгоруков, при Елизавете Петровне возвращенный из ссылки и назначенный главой военной коллегии.

¹¹⁷ Имеются в виду события 14 декабря 1825 г., когда 30 офицеров — члены тайного заговорщического общества — в ситуации междоусерствия и смены власти (после смерти императора Александра I население 27 ноября было приведено к присяге его брату — Константину Павловичу, который престол не принял. После официального отречения Константина Павловича на 14 декабря была назначена вторая присяга — «переприсяга» другому его брату — Николаю Павловичу, которую заговорщики объявили солдатам незаконной, так как Константин Павлович, якобы не отрекшись от престола) вывели на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга более 3000 человек (солдат лейб-гвардии Московского полка, лейб-гвардии Гренадерского полка и матросов Гвардейского экипажа) и попытались осуществить государственный переворот.

¹¹⁸ Имеются в виду манифесты императора Александра II от 26 августа 1856 г. «О Всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю Коронавания Его Императорского Величества», которым, в частности, была назначена очередная, десятая по счету ревизия — перепись населения Российской империи, проведенная в 1857 г. и от 3 октября 1855 г. «О производстве в 1855 году общего в Государстве рекрутского набора», которым был отменен порядок частных наборов (когда набор шел один год по западной полосе России, другой — по восточной) в российскую армию.

¹¹⁹ Император Александр II удостоился особого эпитета Освободитель в связи с отменой крепостного права по Манифесту от 19 февраля 1861 г. «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта».

¹²⁰ Имеются в виду изменившие Россию преобразования в государственной и общественной жизни, осуществленные в период правления Петра I (1672–1725) — последнего царя (с 1682 года) и первого императора всероссийского (с 1721 г.).

Кавелин Константин Дмитриевич — правове́д, историк, философ, публицист, родоначальник русского либерализма

Родился 4 ноября 1818 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1835 г. поступил на философский факультет, но в ноябре того же года перешел на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1839 г., получив золотую медаль за сочинение «О римском владении» (опубл. в 1841). В 1841 г. сдал магистерский экзамен и в 1844 г. защитил диссертацию на степень магистра гражданского права «Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях», после чего был назначен адъюнктом по кафедре истории русского законодательства в Московском университете. В 1848 г. К.Д. Кавелин вышел в вынужденную отставку и переехал в Санкт-Петербург. В 1848–1850 гг. служил в Министерстве внутренних дел редактором, в 1850 г. был переведен на должность начальника учебного отделения в Штаб военно-учебных заведений, а в 1853 г. назначен начальником отделения в Канцелярию комитета министров. В 1857 г. Кавелин был приглашен на кафедру гражданского права в Санкт-Петербургский университет ординарным профессором и одновременно получил поручение преподавать правоведение и русскую историю наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу (умер в 1865 г.). В 1858 г. Кавелину пришлось оставить придворную службу, а в 1861 г., в знак протеста против действий администрации во время студенческих волнений, покинуть и университет. В 1862–1864 гг. он находился в заграничной командировке, по возвращении из которой поступил на службу юрисконсультантом в Министерство финансов. В 1878 г. занял должность профессора кафедры гражданского права в Военно-юридической академии.

В студенческие годы К.Д. Кавелин был близок славянофилам, в 1840-е — сначала участвовал в литературно-западническом кружке В.Г. Белинского, затем в кружке московских западников, близко сошелся с А.И. Герценом и Т.Н. Грановским. В конце 1840 — начале 1850-х гг. в Санкт-Петербурге организовал собственный либеральный кружок, сблизился с братьями Н.А. и Д.А. Милютиными, К.К. Протом и др., получил доступ ко двору великой княгини Елены Павловны. В это же время он стал членом Императорского Русского Географического и Вольного экономического обществ. Был секретарем, а в 1882—1884 гг. и президентом последнего.

Кавелин-ученый является автором большого количества исследований в области права, истории, философии и психологии. Его перу принадлежат социально-политические труды, в том числе один из первых проектов отмены крепостного права, предусматривавший освобождение крестьян с землей за выкуп в пользу помещиков при содействии государства («Записка об освобождении крестьян в России», 1855; «Мысли об уничтожении крепостного состояния в России», 1857). В 1850—1860-е гг. Кавелин выступил защитником общинного землевладения («Взгляд на русскую сельскую общину», 1859) и самодержавной власти («О нигилизме и мерах против него необходимых», 1866 и др.).

Многие годы Кавелин сотрудничал с различными органами печати, публиковался в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Атеней», «Русская мысль», «Журнал гражданского и уголовного права», в газетах «Санкт-Петербургские Ведомости», «Неделя», «Новости», «Северный Вестник», «Порядок» и др. В 1861 г. предпринял издание еженедельной газеты «Век». До конца жизни был одним из ведущих публицистов возобновленного в 1866 г. журнала «Вестник Европы».

В своем творчестве Кавелин предстает одним из основателей национальной формы либерализма — консервативного либерализма, соединяющего идею свободы личности с апологией сильной государственной власти.

Умер К.Д. Кавелин 3 мая 1885 г. в Санкт-Петербурге, похоронен на Волковом кладбище.

СОЧИНЕНИЯ

Кавелин К.Д. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Р.А. Арсланов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост. и вступ. статья В.К. Кантора. Подг. текста и прим. В.К. Кантора и О. Е. Майоровой. М.: изд-во «Правда», 1989.

Кавелин К. Д. Русский национальный интерес. М., 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Алафаев А.А., Секиринский С.С. Константин Дмитриевич Кавелин // Российские либералы. М., 2001.

Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.

Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004.

Китаев В.А. К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.

Пивоваров Ю.С. Очерки истории общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997.

Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1994.

Ширинянец А.А. Русский либерализм // Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? М., 2011.

ЗАПИСКА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Многие убеждены, что Россия по своим естественным условиям — одна из самых богатых стран в мире, а между тем едва ли можно найти другое государство, где бы благосостояние было на такой низкой ступени, где бы меньше было капиталов в обращении и бедность была так равномерно распространена между всеми классами народа.

Пока внешнее спокойствие и политическое могущество нас ослепляли, мы мало обращали внимания на это явление, но теперь, когда неудачи войны заставляют нас напрягать все наши силы, недостаток материальных средств невольно бросается в глаза и поставяет в обязанность каждого русского серьезно думать о причинах такого состояния и о средствах изменить его к лучшему.

Причин нашей бедности очень и очень много, как-то: ошибочная система управления; отсутствие строгого правосудия и правильного кредита; целый кодекс стеснительных для промышленности и торговли правил, вследствие которых ни та, ни другая не могут свободно развернуться, как в других странах; губительное начало хозяйственных заготовлений и хозяйственного управления вообще, имеющее в нашей государственной администрации, к несчастью, такое обширное применение; глубокое невежество всех классов народа, не исключая и высших, из которых большею частью пополняются ряды чиновников и правительственных лиц.

Все эти причины действуют более или менее губительно. Но ни одна не проникает так глубоко в народную жизнь, ни одна так не поражает промышленной деятельности народа в самом ее зародыше, ни одна так не убивает всякий нравственный и материальный успех в России, как *крепостное право*, которым опутана целая половина сельского народонаселения империи.

I.

Двадцать пять с половиною миллионов жителей мужеского и женского пола в нашем отечестве лишены самых первых, самых скромных зачатков гражданской свободы, — права по своему усмотрению заниматься тем или другим промыслом и произвольно отлучаться из своего места жительства; вопреки всякому здравому смыслу, они лишены самого действительного побуждения к занятию промыслами — права требовать плату или вознаграждение за свой труд, чего он действительно стоит.

Не одни помещичьи крепостные поставлены в это положение. Нет, несколько сословий или, правильнее, званий, по имени свободных, не знают всех или большей части этих прав и могут быть, по всей справедливости, названы крепостными государства или правительства. Так противоестественно устроен наш гражданский быт, несмотря на то, что мы учимся вот уже слишком полтораста лет у других народов, обогнавших нас целыми веками на пути гражданского развития и преуспеяния.

Исчислим в должной постепенности сословия или звания, на которых более или менее тяготеет государственное крепостное право.

Во-первых, сюда принадлежат крестьяне, по названию вольные, но приписанные к разным ведомствам, к казенным и посессионным фабрикам и заводам², к корабельным лесам, к благотворительным заведениям, к почтовому управлению (ямщики), к конюшням и пр³. Такие крестьяне несут в пользу государства известные натуральные повинности и находятся под управлением того ведомства, к которому приписаны. Стало быть, род их занятий определяется начальством, а не доброю их волею. Притом чиновники, пользуясь огромными правами, предоставленными у нас всякому начальству, не забывают себя, управляя подчиненными им крестьянами.

За ними следуют крестьяне *удельные* и *дворцовые*, состоящие под управлением департамента уделов⁴. По названию и они вольные, но стоит поближе взглянуть в многосложный порядок управления ими, чтоб удостовериться, что они мало чем отличаются от крепостных помещичьих. Весьма значительная плата установлена для выкупа крестьян из удельного ведомства; притом выкупаться можно только в купцы, и то не иначе как с согласия удельного ведомства; земли, приобретаемые удельными крестьянами в частную собственность, записываются и числятся вместе с удельными землями; мирская запашка составляет для этих крестьян

ян весьма тяжелую и обременительную натуральную повинность, полезную теперь исключительно для одних чиновников, потому что запасные магазины по удельному ведомству⁵ уже давным-давно наполнены. Все эти обстоятельства, вместе с излишним, мелочным вмешательством удельного управления во все малейшие подробности крестьянского быта, показывают, что первые зачатки гражданской свободы также не существуют для них, как и для многих званий в России.

Многие думают, что удельные крестьяне зажиточнее государственных. Это очень может быть и даже весьма естественно. Вспомним, что еще недавно бедные и разоренные удельные крестьяне были переданы в ведомство министерства государственных имуществ, а зажиточные и богатые государственные крестьяне во всей Симбирской губ., взамен их, обращены в удельное ведомство. Водворить такими способами цветущее хозяйство между удельными крестьянами — если оно и действительно таково — весьма не трудно.

Гораздо более названных двух видов стеснены и лишены гражданских прав различного наименования военные поселяне⁶. Нельзя без содрогания вспомнить, как образовались наши военные поселения: простых мужиков в один прекрасный день вдруг обстригли, обрили, одели по военному и во всех подробностях домашнего и общественного быта подчинили военной дисциплине, военному начальству и военному суду! Страшный формализм, тупое, мелочное, несносное фельдфебельское педантство и казарменный наружный порядок и чистота, в применении к хозяйственным и административным делам, были бы смешны, если бы не были так притеснительны. Военные поселяне — это крепостные, военного ведомства. Вдобавок, их положение; бедственное и в материальном, и в нравственном отношении, никому, кроме чиновников и начальников, не приносит пользы: войско от него не выигрывает, а правительство положительно теряет, потому что обязано содержать многосложное и многочисленное управление, издержки на которое ничем не окупаются.

Восходя постепенно выше и выше по этой горестной лестнице, мы встречаем, после военных поселян, многочисленный класс мастеровых людей⁷ всякого рода, приписанных к казенным заводам, фабрикам и даже к небольшим заведениям и мастерским, как-то: к типографиям, лабораториям, чертежным и пр. Сюда относятся: тульские оружейники, мастеровые на горных заводах, наборщики и печатники московской университетской типографии и т.п. Этим мастеровым или вовсе не назначена задельная

плата⁸, или назначена самая ничтожная*, а выход из сословия запрещен. Звание рабочего и мастера наследственно и наследственно обрекает их государственному крепостному праву. При этом мастеровые на горных заводах подчинены управлению, дисциплине и суду военному. Так государство присваивает себе, почти без вознаграждения, труд вольных людей, нарушая тем самым основные понятия о справедливости, самые бесспорные гражданские права, и вдобавок само терпит от того большие убытки.

Далее мы должны назвать — как ни больно это русскому сердцу — многочисленную категорию тех, которые поступают в службу по рекрутским наборам. Ежегодно, в мирное время, государство вырывает из среды земледельческих и промышленных классов огромные массы людей, составляющие цвет народонаселения, из которых самая ничтожная часть возвращается назад. Трудно представить себе что либо несправедливее, тягостнее для народа, разорительнее для государства и противнее здравому смыслу — нашего устава о рекрутской повинности. Срок службы полагается 25-летний. Такая долгая служба перестает уже быть повинностью, а становится просто обращением в крепостное состояние государству, тем более, что дети, внуки, правнуки и отдаленнейшее потомство сданных в рекруты тоже обязаны служить государству. Правда, блаженные памяти государь император Николай Павлович облегчил судьбу находящихся в строевой службе, установив для них бессрочные отпуска⁹ после 15, 12 и даже 10-летней службы; но бессрочно-отпускные стеснены столькими мелочными, педантическими требованиями, смотрами, явками, для которых, как будто нарочно, выбрана самая рабочая пора, что им невозможно свободно, без помехи, заняться каким бы то ни было постоянным промыслом до получения чистой отставки; нестроевые же обязаны отслужить в действительной службе полный срок и бессрочным отпуском не пользуются.

Впрочем, тягостная обязанность прослужить почти всю жизнь солдатом есть еще наименьшее из зол нашей рекрутской повинности. Гибельная сторона ее, противная всякой справедливости, всякому разумному понятию, заключается в том, что рекрутский набор доставляет у нас государству не одних строевых солдат, обязанных нести военную службу, но также тысячи мастеровых и рабочих всякого рода, даже простых сторожей на крепостном праве, т.е. с правом заставлять их работать, без всякого или почти без

* На Златоустовских горных заводах мастеровой получает в месяц 1 р. сер. жалованья и обязан работать 16 часов в сутки, имея в году один свободный месяц.

всякого вознаграждения, за черствый кусок хлеба, за самое скудное содержание. Ежегодно тысячи людей отрываются от промыслов, от занятий, от сколько-нибудь независимой жизни, чтобы потерять, почти навсегда, всякую тень гражданских прав и гражданской свободы. Эти тысячи людей распределяются в денщики, в мастеровые на заводах и фабриках, в рабочие батальоны и роты, в писаря, в казенные типографии, в служительские команды, в множество рабочих должностей, которые не представляют и тени военного назначения. Они тоже остаются казенными крепостными наследственно.

Судьба солдатских детей, кантонисто¹⁰, самая жалкая и горестная. Трикраты счастливы они, если им доведется остаться до 17-ти или 20-ти лет где-нибудь в деревне и поступить на службу или в распоряжение начальства не с первой юности: по крайней мере они успеют сложиться физически. Но горе кантонистам, с детства поступающим в кантонистские школы и в разные выучки! Отданные в руки чиновников, они умирают толпами, а те из них, которые выдержат школу лишений и дурного обращения, созданную корыстолюбием, равнодушием или невежеством их начальства, возрастают без всякого нравственного образования, большею частью без всякого понятия о семействе и собственности, и выходят в жизнь безнравственными людьми, закаленными на всякое зло и достаточно обученными только для того, чтобы быть величайшими плутами и негодьями. После выучки (которую ни под каким видом нельзя назвать воспитанием) они распределяются в разные должности, мастерства, в технические заведения, в военные писаря, получая казенный паек, одежду и квартиру и самое ничтожное жалованье, и завися вполне, безотчетно, от своего начальства, которое нередко вгоняет их в гроб и работой, и неумеренными наказаниями. Дать военному писарю 300—400 розог — дело самое обыкновенное! Таким образом кантонист, поступивший на службу в какую бы то ни было нестроевую должность, есть вещь пишущая или работающая. Положение его безвыходно, безотраднo. Довольно сказать, что на капсюльное заведение, где постоянное обращение с ртутью убивает человека в 5, а по большей части в 8 лет¹¹, рабочие не нанимаются, а берутся из кантонистов! Нанимающийся, по крайней мере, идет на смерть добровольно, может хоть своему семейству выговорить какие-нибудь выгоды, а тут правительство осуждает людей на смерть — даром! Что мудреного, после всего сказанного, если из кантонистов почти всегда выходят самые отъявленные и бессовестные негодяи? Те из них, кои выдержат чистилище, т.е. лет 12 или 20 чуть-чуть не каторжной

службы, становятся классными чиновниками и поступают в разные мелкие должности, иные из них дослуживаются и до чинов покрупнее. Нетрудно себе представить, какие понятия и какую нравственность они приносят с собою в государственную службу.

Говорят, что правительство намерено уничтожить звание кантонистов. Дай Бог, чтобы это была правда! Дай Бог, чтобы скорей исчезло это уродливое, противоестественное учреждение!

Таковы главные виды государственного крепостного права. Ему подлежат более 4 000,000 душ обоего пола, не считая в том числе поступивших в этот разряд из разных званий по рекрутским наборам и солдатских детей*.

Частное крепостное право, конечно, не хуже государственно-го, особливо в сравнении с поступающими в государственное крепостное состояние по наборам и из солдатских детей; но справедливость требует сказать, что оно и не лучше. Одно стоит другого.

* Сюда принадлежит по 9-й народной переписи:

	Мужско- го пола	Женско- го пола
Крестьяне, состоящие под управлением департамента уделов и удельные, а также ведомств: кабинета его величества и дворцового:	852,144	946,564
Приписанных к государственным конским заводам	91,290	86,766
Принадлежащих общественным заведениям	12,342	17,379
Принадлежащих и магисторского ведомств	15,303	16,595
Архиерейских и монастырских служителей	5,091	—
Приписанных к казенным горным и прочим заводам и фабрикам	209,222	225,829
Мастеровых, приписанных к дворцам	748	982
Мастеровых, приписанных к горным и винокуренным заводам и соляным промыслам и фабрикам	137,408	106,980
Тульских оружейников	9,061	9,682,
Охтенских и Адмиралтейских поселян Черноморского флота	8,507	8,563
Лоцманов	1,557	—
Лесных сторожей	920	649
Лашманов	115,981	—
Ямщиков	26,320	31,933
Регулярного военного поселения	320,941	308,261
Соляных возчиков при Эльтонском озере	426	258
	2,004,772	2,049,925
		1,051,697

В личном отношении положение помещичьих крепостных может быть и стало теперь несколько легче против прежнего, благодаря времени, успехам образования и строгим мерам, принятым в царствование императора Николая I, но то же самое образование, которое несколько смягчило варварское обращение помещиков с крепостными, научило их смотреть на последних как на капитал, из которого надобно извлекать как можно более дохода. Очень многие помещики поняли, что невыгодно терзать и забивать крепостных, что лучше пользоваться ими, как подобает умным и расчетливым хозяевам. А как меры правительства полагают предел жестокости, а не корыстолюбию владельцев, то в материальном отношении состояние крепостных весьма значительно ухудшилось против прежнего: их повинности, оброки и другие обязанности к владельцам в последние 10, 20 лет удвоились и утроились; особенно нагло увеличена цифра крестьянских повинностей вокруг столиц и преимущественно около Петербурга, где вместе с оброком, весьма значительным, обыкновенно отбываются крестьянами и разные работы. Оброки с крепостных, отпущенных по паспортам, у которых нет ни земли, ни тягла в господском имении, — безобразны. Один помещик, проживающий в Петербурге, берет с своих крестьян, торгующих по свидетельствам, ежегодно по 450 р. сер. с каждого; а сколько таких владельцев, которые берут с своих крестьян в год до 60 р. сер. оброка. Такая повинность не имеет даже того, весьма любимого помещиками, оправдания, что она будто бы взимается за землю, которою пользуются крестьяне; ибо оброк с крепостных, живущих по паспортам, есть налог на труд, личная подать, часто до того неумеренная, что лишает крепостного всякой энергии, всякой охоты заняться чем бы то ни было. Один маляр, проживавший в Петербурге и плативший с братом своим в год 400 руб. асс. оброку, жаловался на свою судьбу и на крепостную зависимость. Ему заметили: «зато семья твоя не замерзнет, когда у тебя сгорит изба, барин построит новую». — «Это так, отвечал маляр, да я плачу барину по 200 р. вот уже десять лет, а это — 2,000 руб.; — останься эти деньги у меня в кармане, я бы четыре избы на них построил».

Есть примеры еще более горестные. В 1842 году, у одного из известных кондитеров на Невском проспекте служил лакеем один крепостной человек. Хозяин заведения был им во всех отношениях отлично доволен, но, несмотря на то, должен был заменить его другим, потому только, что за взносом оброка из жалованья бедняк не имел довольно денег, чтоб одеться порядочно, как требова-

лось в кондитерской. На его место поступил вольный, а он — что с ним случилось? Спился ли он с горя или попал в солдаты, или другая горькая постигла его судьба?

Положение крепостных, служащих барину лицом и работою, еще печальнее. Оброчный может, по крайней мере, употребить себя, как ему удобнее и лучше, по своему усмотрению; служащий лицом не пользуется даже и этим сомнительным преимуществом. Труд обязательный, без вознаграждения или с самым ничтожным вознаграждением, и при том не добровольно избранный по наклонности, а по принужденно — вот существо крепостного права в экономическом отношении. Сколько от того пропадает без пользы сил, погибает и замирает способностей и талантов! На барщине человек работает, по крайней мере, вдвое хуже, чем у себя дома и на своем поле. Поразительным этому доказательством служит то, что у крепостного мужика с батраком различный бывает договор, смотря по тому, нанимается ли батрак ходить на барскую работу вместо мужика или работать у последнего в доме и на его поле. В первом случае батрак идет за меньшую плату, а во втором — за большую. А какова крепостная домашняя прислуга, — лучше всего доказывается тем, что множество помещиков предпочитают наемную, и в больших домах такая прислуга вошла в обычай.

Частному крепостному праву подлежат более 21 500,000 душ обоего пола, а именно крепостных помещичьих крестьян 20 589,178, дворовых людей — 1 035,924.

Следовательно, всего государственному и частному крепостному праву подлежат у нас 25 498,930 душ обоего пола, тогда общее народонаселение империи, за исключением Финляндии, Царства Польского, Американских владений и Закавказского края, составляет, по официальным сведениям, 56 313, 323 души.

II.

Государственное крепостное право возникло у нас во времена невежества и варварства, а теперь распространилось и поддерживается вследствие совершенно ошибочных понятий о пользах и выгодах государства и вследствие противного здравому смыслу устройства военной повинности в России.

В наше время всеми признано за несомненную истину, что правительству не след заниматься никаким промыслом, никаким изделием, никаким заготовлением хозяйственным образом, потому что подобные операции, в последнем итоге, всегда, непременно

но, приносят правительству, а след. и государству, не прибыль, а убыток. Наш государственный совет давно уже высказывает эту мысль при всяком удобном случае и требует ее приложения к нашему внутреннему управлению в обширных размерах, — но все понапрасну. Наконец, теперешние, чрезвычайные военные обстоятельства, уяснившие для всех то, что до того времени понимали лишь немногие, окончательно доказали всю справедливость этого просвещенного требования; наши ружья, орудия, военные и артиллерийские снаряды, заготовленные на казенных заводах, во многих случаях оказывались дурного качества и не выдерживали сравнения с иностранными. Люди специальные, близко знакомые с делом, утверждают, что одно только и есть средство сравняться в этом отношении с иностранными государствами — заказывать снаряды и оружие частным фабрикантам и заводчикам. Совершенно то же самое должно сказать и о всех прочих казенных заводах, фабриках и промышленных заведениях: они существуют в убыток правительству, обыкновенно крайне стеснительны для частной промышленности, а между тем мало-помалу приходят в упадок.

Горное дело, с такими невероятными трудами и усилиями насажденное и развитое у нас Петром Великим, падает с каждым годом: действие многих казенных горных заводов прекращается под тем предлогом, что выручка не покрывает издержек производства. Может быть, оно и действительно так, но от чего? Объяснения должно искать в казенном управлении, которое всегда и везде оказывалось совершенно неудовлетворительным. В этом смысле можно безошибочно сказать, что передача сибирских рудников из ведомства кабинета в министерство финансов и из министерства финансов в ведомство кабинета, конечно, не поможет горю.

Когда есть очевидные, поразительные доказательства тому, что при казенном управлении никакая отрасль промышленности хорошо идти не может, когда постоянно, по всякому малейшему поводу, об этом напоминает государственный совет, — от чего же держится и более чем когда-нибудь процветает эта убыточная для правительства, гибельная для промышленных сил государства и в высшей степени притеснительная для целого народа система? От того, что она поддерживается и защищается перед правительством целыми легионами совсем ненужных чиновников, которые, сверх жалованья, находят свои выгоды в управлении казенными заводами, фабриками и другими промышленными заведениями и потому отстаивают настоящий порядок дел всеми возможными средствами; правительство же почему-то не понимает, до какой

степени вредна и гибельна эта система во всех отношениях. Доказательства сказанному можно видеть во всех тех делах (конечно, давным-давно сданных в архив), в которых шла речь о закрытии или продаже какого бы то ни было казенного промышленного заведения.

Есть и другая истина, тоже признанная в наше время за неподверженную никакому сомнению, — что вольная работа по договору во всех отношениях лучше подневольной и даровой. В простом народе, который сам работает обоими способами, эта истина давно уже известна; в его устах выражения: «казенная» и «барщинная» работа, исполняемые поневоле и даром, означают плохую, ленивую работу.

Нынешняя война, вместе с большими бедствиями принесшая нам столько пользы, и в этом отношении многим открыла глаза¹². Говорят, что летом 1855 года его императорское высочество генерал-адмирал¹³ имел случай лично убедиться в преимуществе вольной работы, по поводу постройки разного рода судов для Балтийского моря: работа производилась лучше и скорее вольнонаемными, чем морским рабочим экипажем и казенными мастеровыми. Впрочем, еще задолго до войны, у многих помещиков-фабрикантов и заводчиков крепостные их крестьяне уже работали (и теперь работают) на их фабриках и заводах по вольному договору и за вольную, договорную плату; даже есть примеры, что только этим способом и можно было поправить и поднять фабрики, первоначально основанные на крепостном праве.

Если, следовательно, вольный труд выгоднее подневольного и для правительства, и для частных владельцев, то о пользе свободной работы в сравнении с крепостною для государства и говорить нечего! Вольный наем передает в массы народа много денег; деньги эти, проходя чрез тысячи рук, распространяют довольство, а довольство есть самый надежный и обильный источник государственных доходов. При довольстве и подати поступают сполна, и доход от пошлин возрастает, потому что чем больше проживает народ, тем больше он платит пошлин. Прибавим к этому, что вольная работа по найму идет гораздо скорее, чем подневольная, потому что каждый хочет заработать как можно больше. Совсем другие последствия для государства от крепостного, невольного труда, без платы или с малой платой: такой труд держит массы рабочих в нищете, и они оттого почти ничего не покупают, ничего не проживают и, стало быть, не доставляют или почти не доставляют казне дохода. Да и работает человек вяло, неохотно, зная,

что от труда ему ничего не прибудет и быт его не улучшится. Самое даже желание улучшить положение свое в нем мало-помалу угасает. Нравственное и физическое бездействие и дремота постепенно овладевают массами и делают невозможным всякий успех, всякое развитие... До такого усыпления уже дошло сельское народонаселение в Белоруссии. Все знают, каково это состояние для государства и выгодно ли оно для правительства.

Все здесь нами сказанное не удивит никого новизною. Отчего же число казенных подневольных работников не только не уменьшается, а напротив, с каждым годом растет? Частью от того, что и изложенные нами простые истины понимают далеко не все, даже и из высших правительственных лиц, — так низок у нас уровень образования в кругах административных, — частью же потому, что если подневольный труд не выгоден для правительства и бедствен для государства, то он, в замен того, очень полезен для чиновников, заправляющих казенными работами и рабочими, а классы и лица, заинтересованные в том, чтоб этот порядок дел изменился, не имеют никакого голоса.

Наконец, война, потрясшая многие из наших закоснелых предрассудков, осязательным образом опровергла и господствовавшие доселе в России воззрения на военное образование солдата, — воззрения, на которых, казалось, незыблемо основан наш давно устаревший рекрутский устав. Обучение рекрута, направленное почти исключительно на маршировку и выправку, а не на действительное знание службы и умение владеть оружием, было одною из главных причин, почему у нас удержан такой продолжительный срок отправления обязательной рекрутской повинности, ибо в самом деле не малого времени нужно было, чтоб сделать ловкого солдата из неуклюжего и косолапого мужика; это же было и одною из главных причин, почему значительное сокращение срока военной службы почиталось у нас записными знатоками военного ремесла решительно невозможным, а без такого сокращения нельзя было и помышлять о преобразовании нашего рекрутского устава, потому что все основные положения его и правила были неизбежным последствием долговременного срока обязательной военной службы. Если человек должен быть солдатом в течение почти всей своей жизни, то уже этим самым условливается, что нельзя призвать всех к военной службе, что она есть самая тяжкая повинность, от которой привилегированные сословия избавляются, что рекрут совсем оставляет прежнее свое звание и переходит в полную, безраздельную зависимость от военного

управления, что по правам и льготам как сам солдат, так и жена его и дети становятся в исключительное положение и берутся под особенное покровительство государства, службе которому он посвятил все свои силы и время. Но теперь, когда все усилия направлены к тому, чтоб по возможности очистить рекрутскую школу от мелочей и педантизма, как можно более упростить ее и приспособить к действительным потребностям военного звания, — теперь приспело, кажется, время и наступила возможность серьезно подумать о совершенном изменении гражданского положения солдата и из казенного крепостного в течение всей почти жизни обратить его в подданного и гражданина, обязанного пред государством лишь несколькими годами военной службы.

Из всего сказанного следует, что для упразднения в России государственного крепостного права должно принять следующие меры:

Во 1-х, все правительственные промышленные заведения, какие бы они ни были, а именно: заводы (в том числе и горные), фабрики, мануфактуры, мастерские всякого рода, типографии, литографии и т.п., без всякого изъятия, или продать в частные руки (лицам или компаниям русским и иностранным), или же, если покупателей не найдется, — отдать тоже в частные руки, в арендное содержание, а приписанным к ним мастерским и рабочим предоставить избрать род жизни по своему усмотрению.

Во 2-х, всех крестьян, приписанных к каким бы то ни было ведомствам, заводам, фабрикам, заведениям и т.п., подчинить одному управлению и закону с свободным сельским населением империи вообще, уволив от всех особенных натуральных и денежных повинностей, которыми они ныне обложены в пользу своих ведомств.

Эти две меры, предоставляя приписным гражданские права, которых они теперь, весьма несправедливо, более или менее лишены, имели бы еще и то благодетельное последствие, что бесчисленное множество штатов, управлений, ведомств и должностей могли бы быть упразднены*. Не забудем также, что по окончании нынешней войны правительству понадобятся огромные капиталы для восстановления разрушенного и истребленного войною, для

* Упразднение мест и должностей не только может, но и непременно должно происходить без лишения занимающих их чиновников куска хлеба. Способные и годные могут быть мало-помалу переведены в другие должности, а прочие, особливо не имеющие никакого состояния, должны быть оставлены при том содержании, которое получали, без всякого уменьшения, до смерти или поступления в другие должности. Такою мерою правительство более выиграет, чем сбережением денег с осуждением множества людей на горе и нищету.

развития и усиления того, что оказалось в прежнем виде слабым и недостаточным, для пособия целым краям империи, более или менее пострадавшим от военных действий, но в особенности, чтобы поддержать государственный кредит. Откуда взять на все это капиталы? Создать их возвышением существующих налогов и установлением новых — невозможно, особливо тотчас же после войны и больших пожертвований, уже понесенных всеми классами народа. Сделать новые займы, внешние или внутренние, — слишком обременительно для государства и в настоящем, и в будущем. Продажа и отдача в аренду промышленных казенных заведений была бы едва ли не одною из действительных мер, чтобы выйти правительству из теперешнего затруднительная положения, потому что, будучи вернейшим средством к развитию у нас промышленности, представляя впереди существенное сокращение государственных расходов чрез постепенное уменьшение должностей и штатов, она в то же время доставила бы в руки правительства разом значительные капиталы и тем дала бы средства для покрытия неотлагательнейших издержек. Горные заводы, теперь закрытые, потому что казне невыгодно управлять ими посредством чиновников, пошли бы с торгов за выгодные цены; то же можно сказать о продаже или передаче в частные руки с.-петербургско-московской железной дороги, и т.д.

В 3-х, заведение кантонистов совершенно упразднить, предоставля солдатским детям право оставаться в том звании, к которому принадлежали их отцы до поступления в рекруты, или же приписаться к другому званию на общем основании.

В 4-х, постановить основным законом империи, не терпящим ни малейшего изъятия, что поступающий на службу по рекрутским наборам ни под каким видом и предлогом не может быть употреблен ни в какую службу, исключая собственно военной, в самом строгом значении этого слова, т.е. такой службы, которая прямо и непосредственно относится к военному ремеслу, а не числится военной по одному мундиру и произвольно данному названию.

В 5-х, все не военные должности и службы, наполняемые ныне, совершенно неправильно, людьми, сданными в рекруты или кантонистами и солдатскими детьми, — сторожей, рассыльных, швейцаров, писарей, фельдшеров, кондукторов, денщиков, мастеровых, служителей, рабочих и т.п. в полках, заведениях всякого рода, штабах, ведомствах, мастерских и вообще где бы то ни было и каковы бы ни были должности, если только они не военные в самом бесспорном смысле слова, — замещать вольнонаемными,

служащими по желанию и за условленную плату. Подобная мера, по необходимости, заставит серьезно подумать об упразднении тысячи должностей, которые существуют теперь только потому, что, по-видимому, дешево обходятся правительству или, правильнее, ведомствам.

В 6-х, собственно военную или рекрутскую повинность устроить на следующих основаниях:

а) Срок службы установить семилетний. Через это: 1) поступающий в военную службу не был бы, как теперь, отрезанным ломтем для общества и семьи и мог бы большую часть своей жизни принадлежать к своему званию и заниматься своим промыслом; 2) народонаселение сохранилось бы лучше и могло бы беспрепятственно умножаться, что по малонаселенности империи имело бы самые благодетельные последствия. Мы не Европа. У нас еще места много и очень много нужно рук и голов; 3) большая часть рекрут, сохраняя и по вступлении в военную службу живую связь с своей семьей и своим родным краем, в надежде скоро возвратиться, не теряли бы, как теперь, гражданских привычек, и старались бы помнить свое ремесло, зная, что оно скоро опять понадобится; 4) рекрут не терял бы, как теперь, гражданских прав в своем краю и семье, не становился бы круглым бобылем, и, след.; 5) шел бы на службу охотнее, а с тем вместе меньше было бы побегов и военных дезертиров.

б) Обязать к военной службе все звания и состояния без исключения, начиная с 18-летнего возраста, уволив от этой обязанности только негодных для военной службы по причинам физическим, также учащихся и готовящихся к некоторым должностям и занятиям, состоящим под особым покровительством, как-то: к духовному сану, в медики, художники, ученые и проч. Вместе с тем предоставить всякому право нанимать вместо себя в службу другого, не обязанного более службой. Дворянам и окончившим курс в разных заведениях предоставить служить с правами, им теперь предоставленными. Через это: 1) в распоряжении правительства было бы постоянно значительное число войска; 2) каждый, отслужив свой срок лет 25-ти от роду, был бы уже совершенно свободен и мог бы устроить свою судьбу и образ жизни по своему ближайшему усмотрению — важное условие для промышленных классов народа, живущих трудом, а не процентами с капитала.

в) После семилетней службы дается чистая отставка. Отслуживший свой срок возвращается в свое сословие или приписывается к другому и совершенно, во всех отношениях, выходит из зависимости от военного начальства.

г) В течение всей службы солдата, жена его и дети не поступают в зависимость от военного начальства и остаются под защитой и покровительством общих земских законов в прежнем звании или переходят в другое*.

Вот главные начала, при помощи которых государственное крепостное право может быть упразднено. Этого настоятельно требуют и благо государства, и выгоды народа, и польза правительства. Стоит только пожелать, и к совершению такого, во всех отношениях, благодетельного преобразования не будет никакого препятствия. Возражать будут только заинтересованные в сохранении этого права ведомства и управления, для которых оно так прибыльно. Они всегда сильно вопиют против каждой подобной меры. Давно ли тому назад раздавались громкие сетования против правительства за обращение в казаки крестьян, приписанных к нерчинским заводам¹⁴. А почему? Потому что для местного горного начальства такое распоряжение было куда как неприятно. Приведем другой пример, еще более разительный. Государственный совет обратил просвещенное внимание свое на необходимость закрыть по возможности все казенные винокуренные заводы, на которых курение вина обходится дороже, чем на частных заводах. Казалось, что могло быть справедливее и разумнее такого требования? Но казенные винокуренные заводы управляются чиновниками, и чиновники грудью стали отстаивать их существование, в чем отчасти и успели, под самыми странными предлогами, напр., что будто бы некуда будет ссылать в работу некоторые разряды преступников!

* Дальнейшие подробности устройства военной части сюда не относятся. Мимоходом заметим только, что для уменьшения смертности в войсках, происходящей, между прочим, от слишком внезапного изменения всего образа жизни и всех условий быта рекрута, начиная с климата и местности, к которым он привык с детства (некоторые полагают, что от одной тоски по родине умирает, по крайней мере, $\frac{1}{3}$ рекрут), — было бы полезно на первый год службы оставлять рекрута как можно ближе к родине, напр., в том же уезде, и не слишком изнурять и ослаблять его ученьями; на второй год, когда он к новому положению несколько попривыкнет, зачислить его уже в губернский гарнизонный батальон, а с третьего года обратить в действительную службу, куда потребуется. За неявку на службу, когда наступит законный возраст, или за побег со службы увеличивать обязательный срок ее. Если государству нужно солдат больше обыкновенного числа или если получающего отставку почему либо считается полезным удержать в службе, то предлагать выслуживающим срок прибавку содержания или другие тому подобные выгоды и преимущества. Кроме того, конечно, многие солдаты, не имеющие ни собственности, ни родных, ни промысла, также многие любители военного дела, будут добровольно оставаться в службе и сверх срока. Для этого, конечно, необходимо, чтобы военное начальство в умственном и нравственном отношении стояло хотя несколько выше теперешнего уровня. И это дело не невозможное. Будем надеяться, что все изменится к лучшему.

III.

Гораздо сложнее и труднее для разрешения вопрос о помещичьем крепостном праве, которое тяготеет более чем над 20 миллионами душ, и имеет на целый государственный организм самое решительное и глубокое влияние.

Крепостное право владельцев возникло у нас частью вследствие настоятельной государственной потребности дать прочную оседлость сельскому народонаселению, частью исторгнуто у московских царей в бедственное время шаткости нашей государственной власти, когда она вынуждена была льстить и потворствовать знатным, богатым и сильным, забыв настоящее святое свое призвание покровительствовать незнатным, бедным и слабым. Отсутствие всяких идей о справедливости и праве и бессмысленное варварство выработали из неопределенной зависимости крестьян от землевладельцев, в течение XVII века, полное личное рабство, и в этом виде крепостное помещичье право завещано XVIII веку.

Прошло целое столетие, и это право мало изменилось. Петр Великий, пересоздавший условия нашей внешней и внутренней жизни, не способствовал развитию крепостного права, как думают многие, но ничего не сделал, чтоб уничтожить или, по крайней мере, преобразовать его. Преемники Петра и не помышляли о крепостном праве. Впервые на него обращено внимание в великий екатерининский век: не только императрица, но и очень многие из тогдашних владельцев смотрели на крепостное право глазами энциклопедистов¹⁵. Говорят, что в комиссию для составления нового уложения¹⁶ было представлено много мнений, сильно и решительно осуждавших это право. Но все тогдашние возражения против него, будучи отголоском филантропических¹⁷ и философских идей века, лишь поверхностно коснулись этого нрава, и поверхностный взгляд той эпохи отразился и на законодательстве великой государыни: против дальнейшего распространения личного рабства, конечно, были приняты некоторые действительные меры, но зато множество казенных крестьян навсегда перешло, вместе с казенными землями, в помещичье владение.

Необходимость упразднить крепостное право впервые представилась ясно и отчетливо европейски просвещенному уму императора Александра I. Следы этой мысли всюду проглядывают в законодательстве его времени. Дальнейшему распространению крепостного права поставлены решительные преграды и круг действий его стеснен. Видно намерение по возможности уничтожить

личное рабство, а крепостную зависимость истолковать в смысле прикрепления к земле. Наконец, против жестокого обращения владельцев приняты энергические меры. Этот взгляд и это направление не изменились и после, несмотря на решительный переворот в общем ходе русского законодательства с венского конгресса¹⁸ и на постепенное замирание того же времени либеральных начал в нашей администрации. В этом отношении царствования императоров Александра I и Николая¹⁹, столь различные во многом, замечательно сходны между собой. Покойный государь, будучи вообще далеко от либеральных идей Александра I, в то же время гораздо настойчивее и решительнее своего предшественника подготовлял постепенное упразднение крепостного права, — очевидное, поразительное доказательство того, что вопрос поднят не случайно, не по прихоти, но вследствие побудительных причин величайшей важности.

Бросим беглый взгляд на эти причины.

В *экономическом* или хозяйственном отношении крепостное право приводит все государство в ненормальное состояние и рождает искусственные явления в народном хозяйстве, болезненно отзывающиеся в целом государственном организме. Как в теле от неправильного обращения крови обнаруживаются самые разнообразные припадки и болезни, так и в государстве — от крепостного права.

Не упоминая уже о последствиях несвободной и даровой работы, о которых мы сказали выше, заметим только, что при такой работе, исполняемой лениво и неохотно, по крайней мере вдвое хуже вольной, весьма значительный процент рабочих сил всего крепостного населения России утрачивается без всякой пользы как для помещиков, так и для крепостных, и след. и вообще для государства. По самому умеренному исчислению, потерю эту должно оценить ежегодно по крайней мере в 96 ½ миллионов руб. сер.*

* Этот расчет основан на следующем: по 9-й народной переписи крепостных помещичьих крестьян (в том числе и однодворческих) числилось в России 10,080,407 душ муж. пола и 10,508,771 душа женск. пола. Положим (хотя это на деле и не так), что целая их половина — старики, старухи и дети — вовсе не употребляются в работу, что из остальных затем (5040,203 душ муж. пола и 5254,198 женск.) половина же, т.е. 2520,102 мужчины и 2627,198 женщин находятся на оброке и пользуются своим временем самым производительным образом, и только другая половина песет в пользу владельцев личную повинность работою, другими словами находится на пашне или в издельи; наконец, положим, что последние строго по закону работают на своих владельцев не более трех дней в неделю (что тоже совсем иначе бывает в действительности): так как всеми почти хозяевами принято, что помещичьи крестьяне могут давать владельцу, без большого обременения, 140 рабочих дней в году, то и выйдет, что общее число рабочих дней,

В помещичьем крепостном праве заключается если не единственная, то бесспорно одна из главнейших причин неправильно распределения сельского народонаселения в империи и искусственного направления его промышленной деятельности. Крепостной не всегда поселен там, где ему удобнее и лучше, и не всегда ведет именно тот образ жизни, который по местным условиям края был бы и для всего государства производительнее, и для него самого выгоднее. Многие местности империи содержат, сравнительно, слишком частое население; другие, напротив, страдают отсутствием рабочих; там появляется бедность от недостатка земли, здесь остаются без употребления и без пользы пространства, самые благоприятные для сельской промышленности. А отчего это? Оттого, что помещичье право приковывает крепостных к той или другой местности случайно и не дает огромным массам сельского народонаселения расселиться правильным образом. Но этого мало: весьма нередко, среди народонаселения, занятого отхожими промыслами, у которого земледелие остается на руках одних лишь стариков, женщин и детей, — совсем не кстати и неуместно лежит помещичье село или деревня на издольи или на пашне. Как это делается? Владельцы при направлении промышленной деятельности своих крепостных не всегда соображаются с местными условиями края, а весьма часто только с собственными, нередко невежественными, случайными и для них самих убыточными понятиями о вещах. Так, напр., многие владельцы уверены, что они сохраняют нравственность своих крестьян, запрещая им отхожие промыслы; другие в убеждении, что Россия должна быть государством земледельческим, а отнюдь не фабричным и заводским, сажают своих крепостных на тягло и пашню, вопреки самым несомненным указаниям местных условий; наконец, очень, очень многие, даже наибольшая часть по-

отбываемых крепостными в пользу владельцев, простирается до 352 814,140 дней мужских и 367 807,508 женских. Дворовых по 9-й народной переписи числилось 521,939 душ муж. пола и 513,985 жен. пола. Применяв и к ним предыдущие расчеты, найдем, что из них взрослых, способных к работе и службе, 260,969 мужчин и 256,992 женщин. Если из них тоже половина, т.е. 130,484 души муж. и 128,496 жен. пола ходят по оброку, а прочие служат и работают своим господам не более 280 дней в году, т.е. исключая воскресенья и праздники, то повинность дворовых составит ежегодно 36 535,520 дней мужских и 35 978,880 дней женских. Таким образом, если крепостная работа только вдвое хуже вольной, то и в таком случае для народной промышленности и производительности теряется ежегодно по крайней мере 389 349,660 дней мужских и 403 786,400 дней женских. Оценив каждый мужской рабочий день в 14 $\frac{1}{2}$ коп., а женский — в 10 коп. сер., найдем, что ежегодно теряется на мужских рабочих днях до 56 455,700 рублей, а на женских — до 40 378,640 рублей, всего до 96 834,340 руб.

мещиков, поступают так потому, что представляют себе крепостную деревню не иначе, как населенную крестьянами пашущими, косящими, жнущими и молотящими на своего барина, а другие, не имея иного источника дохода, кроме крепостной деревни, поселяются в ней на житье и сажают своих крестьян на пашню, чтоб иметь чем существовать и кормиться. Рядом с этим большинством попадаются, конечно, и такие владельцы, которые выгоняют на заработки народонаселение мало подвижное, по преимуществу земледельческое.

Политико-экономические результаты такого порядка вещей весьма бедственны для целого государства. Огромное большинство помещиков старается производить как можно больше всякого рода хлеба, не справляясь и даже не думая о том, стоит ли заниматься земледелием, и не было ли выгоднее обратиться к другим промыслам. Помещики не думают об этом потому, что пользуются трудом своих крепостных даром, а вследствие этого рассчитывают свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговым ценам на хлеб, а не принимают, да и не могут принимать в расчет — сколько они издержали на получение своего дохода. С первого взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тем в нем именно и заключается главнейшая причина постепенного и повсеместного обеднения наших помещиков и крестьян. Не имея возможности рассчитать во сколько ему самому обошлось производство хлеба, помещик не в состоянии определить и низшей, наименьшей цены, ниже которой нельзя ему продать хлеба, не потерпев убытка, и потому наибольшая часть помещиков соотносится только с торговыми ценами и с своими потребностями. Выжидать хороших цен на хлеб в состоянии лишь очень немногие владельцы; а большинство, имея крайнюю нужду в деньгах, готово отдать свой хлеб по существующим ценам. Кто же устанавливает торговые цены на хлеб? Торговцы, хлебные барышники и скупщики, которые руководствуются при этом одними своими, конечно, совершенно безобидными для себя соображениями, и по стачке между собою умышленно поддерживают самые низкие цены на местах закупки, пока весь хлеб ими не скуплен. Если б от этого терпели одни владельцы, то и тогда вред был бы очень велик и важен, но, к довершению несчастья, от такого порядка дел несут чувствительные убытки не одни помещики, но вместе с ними и крестьяне. Первые, по крайней мере, столько же поставляют хлеба на рынки, сколько и крестьяне, если не более. Роняя его цену, частью по неведению, частью по необходимости, они сбивают ее и с крестьянского хлеба. Таким образом выходит, что владельцы

не только пользуются половиною крестьянского труда даром, но даже и остальную половину делают гораздо менее производительною посредством искусственной дешевизны хлеба, чем бы она могла быть, если бы не существовало крепостного права*. След., давлением на хлебные цены крепостное помещичье право поражает всех, кто в России живет и кормится от земли. Каждый год это давление становится все пагубнее; потому необходимость изворачиваться из нужды с каждым годом делается для владельцев и для крестьян настоятельнее, так как расходы растут, а доходы уменьшаются, след., зависимость производителей от хлебных торговцев и рыночных хлебных цен становится все безусловнее. Конечные последствия этого хода дел в весьма непродолжительном времени будут заключаться в совершенном обеднении и владельцев, и крестьян; а возрастающее, соответственно тому, уменьшение государственных доходов поставит и правительство в самое трудное положение. Приближение этого состояния мы уже начинаем мало-помалу ощущать. Не дай Бог, чтобы последние результаты его когда-нибудь успели обнаружиться!

Наконец, осуждая на даровой труд огромные массы людей, владельческое крепостное право делает вольнонаемных менее нужными и тем сбивает цены на труд вообще. От этого не только терпят низшие классы, но и само правительство, потому что чем меньше кто зарабатывает, тем он беднее, тем меньше проживает и, след., тем меньше платит податей и пошлин.

В нравственном отношении влияние крепостного права столько же пагубно, если не более. Почти безусловная зависимость одного лица от другого в сфере гражданской есть всегда, без ис-

* Многие приписывают дешевизну хлеба в России не крепостному праву, а отсутствию путей сообщения, которые уравнили бы цены на хлеб в разных местностях империи. Сильное влияние этой причины, конечно, отрицать нельзя, но все же она не главная, а второстепенная. В целой империи всегда есть большой избыток хлеба, и местные неурожаи не истощили бы его никогда, если бы и был удобный подвоз хлеба из губерний, им избыточных, в места, терпящие в нем недостаток. Пути сообщения облегчили и усилили бы сбыт нашего хлеба даже и на заграничные рынки, но и то не постоянно, а от времени до времени, именно при более или менее общих и сильных неурожаих в западной Европе. За всеми этими расходами все же оставались бы в России огромные запасы хлеба, которые, при удобных путях сообщения, никогда не дали бы ценам на хлеб возвыситься, а напротив, скорее понижали бы их все более и более. Чтобы поднять в России цены на хлеб и тем возвысить благосостояние владельцев и крестьян, нужны две вещи: хоть какая-нибудь соразмерность производства хлеба с потребностью в нем и свободное установление на хлебном рынке того *minimum*, ниже которого цены на хлеб упасть не могут. Оба эти требования в равной степени совершенно невыполнимы, пока существует у нас крепостное право.

ключения, источник необузданного произвола и притеснений с одной стороны, и раболепства, лжи и обмана — с другой. Насилие и хитрость соответствуют друг другу и потому всегда идут рядом, поддерживая и развивая себя взаимно. Конечно, люди, мыслящие, одаренные благородным сердцем, воспитавшие в себе возвышенные понятия о вещах, более или менее счастливо избегают тех крайностей, в которые неудержимо влечет помещичье крепостное право; но число этих избранных очень невелико; большинство даже образованных и просвещенных владельцев не в силах, если бы и хотело, непрерывно вести упорную борьбу с страстями своими и всю жизнь их сдерживать, но, напротив, легко отдается их влечению. А что сказать о помещиках необразованных, которых так много? К стыду нашему должно сознаться, что они своею необузданностью представляют горестные образцы того, как низко может упасть человек, когда разум и сердце, а за недостатком их закон и общество, не сдерживают грубых его порывов. Архивы судебных и полицейских мест содержат в себе обильные материалы для страшной летописи человеческого унижения вследствие невежества и рабства. Они так многочисленны, так всем известны, что горько и больно русскому сердцу вспоминать их...

Всякий владелец, конечно, испытал на себе и знает, как самые благие намерения в отношении к крепостным, как самое человеколюбивое к ним расположение мало-помалу уступают место равнодушию, досаде, строгости, суровости, ожесточению и наконец тиранству. Рабство, несправедливо, незаслуженно тяготеющее на крепостных, развило в них, в высокой степени, хитрость, лукавство и злонамеренность, или по крайней мере равнодушие к господам. Каков бы ни был барин, они непременно, прежде всего, всячески стараются обмануть его, и чем он добрее и снисходительнее, тем они больше его обманывают. Вина всего этого, очевидно, в крепостном праве. А между тем, при всем доброжелательстве, помещик теряет, наконец, терпение; неблагодарность крепостных его невольно раздражает, и вот он начинает все строже и строже с них взыскивать за их дурные чувства и приучается мало-помалу их презирать и ненавидеть. Последствия таких чувств в отношении к лицам, с которыми можно делать почти все, что угодно, угадать не трудно. Вот истинный источник жестокого обращения с крепостными. Несмотря на все строгие меры правил, оно никогда не прекратится, потому что естественно и необходимо вытекает из крепостного права.

Рядом с этими печальными явлениями развиваются и другие. Вследствие крепостного права владелец с детства приобретает

привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное течение мыслей невольно приводит его к убеждению, что так как крепостные его должны на него работать даром, то он может, не обременяя себя излишними заботами и хлопотами, поручить хозяйство и дела свои управляющему, бурмистру или старосте, а сам — веселиться, жить в столице, в чужих краях, или где бы то ни было, для удовольствия собственной своей особы, удовлетворяя одним своим прихотям и более не думая ни о чем. Кому не приятен досуг и кому не тяжек труд, особливо у нас, где потребность труда еще не обратилась во вторую природу! Многие помещики думают также: зачем учиться, когда есть имение, которое доставляет порядочный доход, а след., и связи, и знакомства, и все, что нужно? Эти естественные, почти невольные рассуждения, особливо в очень молодых летах, делают большинство помещиков с детства праздными и равнодушными к своему образованию и развивают в них привычку жить трудами чужих рук. Так мало-помалу из них выходят тунеядцы, которые, лишившись, обыкновенно по своей же вине, своего состояния, считают государство обязанным снабжать их всем, что им нужно, давать им средства не только на необходимое, но даже на прихоти. Что такие притязания, при отсутствии заслуг, подкрепляются раболепством и низостью, — разумеется само собою.

Подобно господам рассуждают и крепостные — особенно крестьяне, сидящие на господской пашне, и дворовые люди. Они охотно предаются лени и тунеядству, в той мысли, что, если у них не достанет хлеба, падет скот, сгорит изба, то барин обязан им дать все это; мысль, в основании своем справедливая, но к которой всегда примешивается злорадное чувство, что господин, который пользуется их трудами и работой даром, сам будет нести и убытки за эту неправду.

Так, крепостное право есть неиссякаемый источник насилий, безнравственности, невежества, праздности, тунеядства и всех проистекающих, отсюда пороков и даже преступлений. Все общественные и частные отношения заражены у нас влиянием крепостного права: у наших чиновников нет чувства права и справедливости, потому что они большею частью из господ; у нас нет честности в гражданских сделках, потому что вследствие крепостного права два главных сословия в России, владельцы и крепостные, с малолетства привыкают к обманам и не считают своих слов и обещаний обязательными; у нас существует немало бесполезных должностей и мест, только для того, чтоб пристроить разорившихся маменькиных сынков, имеющих связи; у нас нет порядочной до-

машней прислуги, даже наемной, потому что ряды ее наполняются крепостными, бывшими или настоящими, уже развращенными рабством: у нас нет надежных второстепенных органов промышленности и гражданских сделок конторщиков, приказчиков, стряпчих, поверенных и т.п., потому что и эти звания наполняются или из бедного дворянства, или из вольноотпущенных.

Дети господ и крепостных с колыбели подпадают под горестное влияние этого несчастного права и чрез всю жизнь несут на себе неизгладимую печать людей, несправедливо господствующих или несправедливо зависимых.

Наконец, крепостное право не только разоряет и развращает государство, но оно грозит ему бедами и великими опасностями и в *политическом* отношении. С тех пор, как крепостное право водворилось на русской почве, несколько раз государство стояло, благодаря ему, на краю гибели. Оно было одною из главных причин наших несчастий в начале XVII века; бунты Стеньки Разина, Пугачева и других менее известных, героев и атаманов буйной вольницы, — все эти разрушительные элементы восставали и поднимались из мутных источников крепостного права; из того же источника возникли гайдамаки²⁰; огромные толпы, чуть-чуть не полчища разбойников, опустошавшие Россию в XVII, XVIII и даже в начале XIX века, вербовали своих сподвижников преимущественно из крепостных. Теперь, когда нравы несколько смягчились, изменились и формы восстаний крепостных людей, удержав, однако, тот же опасный для государства политический характер. Нет такого нелепого слуха, нет такого неправдоподобия повода, который бы не служил для крепостных достаточным предлогом для предъявления старинных притязаний на освобождение. Зловещим предзнаменованием служит при этом то обстоятельство, что полумирные восстания крепостных постепенно принимают все более и более обширные размеры. Вспомним движение огромных масс людей (до 30-ти тысяч) из могилевской и витебской губерний по одному слуху, что правительство дает свободу тем, которые будут работать в течение известного времени на с.-петербургско-московской железной дороге²¹; вспомним другое движение огромных масс народа из саратовской, симбирской и сопредельных губерний в какую-то обетованную страну в Киргизской степи, где будто бы раздаются земли даром; вспомним подобные же движения масс во многих центральных губерниях по случаю издания манифеста о морском ополчении и наконец недавние волнения киевской, воронежской и других губерниях по случаю ополчения государственного²². Все это может убедить даже

самых близоруких и ослепленных, что народ сильно тяготеет к крепостной зависимости, и при неблагоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться пожар, которого последствия трудно предвидеть.

Впрочем, это только одна сторона политической опасности, которую нам грозит крепостное право; есть другая, с первого взгляда менее заметная, но в существе не менее действительная. Крепостное право есть камень преткновения для всякого успеха и развития в России. Владельцы, почти исключительно составляющие наше правительство, боясь, что освобождение крепостных почти неизбежно повлечет за собой насильственный переворот, что польются потоки крови и что во всяком случае помещики должны будут, с упразднением крепостного права, понести более или менее значительные материальные потери, — вместо того, чтобы понять необходимость нечувствительным образом подготавливать это неизбежное преобразование постепенными законодательными и административными мерами, предпочитают стоять за крепостное право грудью, до последней крайности, и не позволять до него прикоснуться. Оттого, неблагоприятно слагая с себя всякую ответственность за разные ошибочные распоряжения, угодливо и раболепно скрывая перед лицом монарха всю опасность в настоящем и будущем различных законодательных мер, внушаемых нередко минутными и случайными впечатлениями, владельцы, как один человек, сопротивляются не только всякой, даже малейшей попытке смягчить крепостное право, но восстают даже против всякого намека, словесного или письменного, о ненормальности этого права. Как ни был решителен и настойчив в своих велениях покойный государь, но и он не мог сломить тайного и явного сопротивления владельческой партии и, говорят, унес с собою в могилу убеждение, что в будущем крепостное право готовит России великое горе.

Отстаивая это право так последовательно, во всех малейших подробностях, дворянство вместе с тем по необходимости упорно отвергает и всевозможные другие внутренние преобразования, своевременность и даже настоятельность которых сознают единогласно и правительство, и народ. Нельзя отрицать, что, действуя так, дворянство поступает очень последовательно, ибо все сколько-нибудь значительные внутренние преобразования в России, без изъятия, так неразрывно связаны с упразднением крепостного права, что одно невозможно без другого, а потому очень естественно, сопротивляясь одному, сопротивляться и другому. Так, напр., преобразование рекрутского устава невозможно, по-

тому что оно повело бы к уничтожению крепостного права; невозможно изменить теперешнюю податную систему, потому что корень ее в том же праве; нельзя по той же самой причине ввести другую, более разумную, паспортную систему; невозможно распространение просвещения на низшие классы народа, преобразование судоустройства и судопроизводства, уголовного и гражданского, полиции и вообще администрации и теперешней цензуры, убийственной для науки и изящной литературы, — потому что все эти преобразования прямо или косвенно повели бы к ослаблению крепостного права, а этого-то ни под каким видом и не хотят владельцы. Вот почему Россия осуждена окаменеть, существовать в теперешнем виде, не подвигаясь на шаг вперед. И ничто не в силах изменить этого положения, пока крепостное право будет составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордиев узел, к которому сходятся все наши общественные язвы. Самые благонамеренные усилия государей и отдельных лиц, правительственных и не правительственных, поправить наше теперешнее внутреннее положение, действительно требующее безотлагательного и решительного улучшения, останутся тщетными, не принесут никакой пользы, пока существует у нас крепостное право.

Таковы главные последствия этого права. То, что некоторые приводят в его пользу, едва заслуживает упоминания.

«Крепостные, — говорят некоторые, — еще не созрели для свободы». Но государственные крестьяне разве более развиты? Однако они пользуются же гражданскими правами.

«Помещики, — думают другие, — суть лучшие полицеймейстеры²³, которые притом ничего не стоят правительству». Но кто же видал, спросим мы, чтобы в благоустроенном государстве полиция имела у себя почти в безусловном подданстве подведомственных ей людей? Притом казне эти, так называемые, полицеймейстеры обходятся, конечно, дешево, но государству — очень дорого. В этом, надеемся, никто не сомневается.

«Помещики в России суть главные поставщики хлеба на рынки, — говорят третьи, — а с упразднением крепостного права кто будет производить хлеб в таком огромном количестве?» Против этого заметим, что если даже теперь, в губерниях наиболее хлебородных, разного звания люди, в том числе и купцы, находят выгодным для себя покупать или снимать землю, обрабатывать ее наймом и полученный с нее хлеб продавать, то мы не видим причины, почему бы того же самого не могли делать и владельцы, после упразднения крепостного права. Прибавим к этому, что и теперь

крестьяне крепостные и не крепостные поставляют на рынки огромные массы хлеба, и их хлеб нередко бывает даже лучшего качества, чем господский. Почему бы все это изменилось с освобождением крепостных? Мы не видим причины.

«Аристократия падет в России с освобождением крестьян», — восклицают четвертые. Но какая причина пасть дворянству (которое здесь, очевидно, разумеется под словом — аристократия), когда крестьяне будут свободны? Нет ни одного государства в целой Европе, где бы ни было высшего сословия, наследственного или не наследственного, а крепостных в Европе нигде уже нет. Почему же этому быть иначе у нас, чем в других странах? Не понимаем.

Самый сильный и, по мнению владельцев, самый неопровержимый довод против освобождения крепостных заключается в том, что будто бы это право лежит в основании нашего государственного права, и будто бы в России государь такой же помещик над империей, как дворянин над своим имением; «следовательно, — заключают владельцы, — уничтожение помещичьей власти необходимо повлечет за собою уничтожение неограниченной монархической власти в России». Этот довод заставляет призадуматься многих — даже само правительство. Но справедлив ли он? Какой человек с здравым смыслом сравнит и поставит под один уровень государственное право и частное, государственную власть и вотчинную собственность, теперешнюю русскую державу и частное имение, теперешнего русского государя и хозяина или владельца? Одно простое чувство истины, без образования и науки, отвергает такое недостойное уподобление. Ссылаемся на наш простой народ, который приписывает царю все добродетели, все достоинства, все милости и все хорошие правительственные меры, а все постигающие его несправедливости и притеснения — владельцам и чиновникам. Этим, хотя и бессознательно, выражается в основании своем весьма верное различие государственного права от гражданского, государственной власти — от помещичьей. То же самое подтверждает и история: власть русских государей все росла и укреплялась, а по мере ее усиления — власть вельмож и знатных людей падала. Поэтому было бы очень ошибочно полагать силу власти русского императора и нашего теперешнего государственного порядка в интересах исключительно одного дворянства. Она неизмеримо выше всех вообще сословных интересов, и до тех пор останется незыблемою и недосыгаемою, пока не унизит себя сама исключительным, пристрастным предпочтением пользы одного класса выгодам и преимуществам всех прочих.

Весьма понятно старание владельцев уверить верховную власть, что сохранение помещичьего крепостного нрава самым неразрывным образом связано с целостью и неприкосновенностью русского престола; но было бы совершенно непонятно, если бы верховная власть убедилась в этом, ибо все наши исторические предания единогласно свидетельствуют, что русский царь и русский дворянин — совсем не одно и то же.

После всего сказанного легко понять, почему помещичье крепостное право обратило на себя особенное внимание императоров Александра I и Николая; они не могли не знать, что мысль об упразднении этого права не есть одна лишь мечта праздного ума, воспитанного на иностранных книгах и на пустых возгласах, но что, напротив того, она вытекает из действительных и существенных потребностей России, удовлетворение которых не может и не должно быть отлагаемо в слишком долгий ящик; ибо иначе искусственное и напряженное состояние государства, становясь с минуты на минуту более и более неисправимым, может привести, наконец, к внезапному перевороту, который вовлечет в общую гибель и слабые зачатки гражданственности и просвещения, с такими трудами и жертвованиями насажденные Петром Великим и его преемниками, — и дворянство, и власть, и самую политическую независимость России. Оттого оба государя, в течение целого полувека, ревностно и неутомимо противодействовали помещичьему крепостному праву.

IV.

Почему усилия императоров Александра I и Николая не увенчались успехом и крепостное право существует у нас (1855 г.) почти в прежнем своем виде, с самыми лишь поверхностными и незначительными смягчениями?

Причин этому очень много.

Вопрос о крепостном праве не был достаточно зрело обсужден самим правительством; цель стремлений последнего не была определена совершенно ясно; наконец, правительство, по-видимому, не знало средств, ведущих к цели ближайшим и вернейшим путем, или по крайней мере не хотело к ним прибегнуть.

Думали одними полицейскими мерами поставить преграду произволу и злоупотреблениям помещиков. Такие меры, конечно, были полезны, даже совершенно необходимы, только, к сожалению, слишком односторонни и недостаточны. В самом деле, как оградить крепостного от злоупотреблений помещичьей власти,

когда он не имеет права жаловаться, и притом власти полицейская, судебная и административная находятся почти исключительно в руках одних помещиков? Сверх того, полицейские ограждения крепостных от владельцев по существу своему слишком близко касаются имущественных прав последних. Отсюда и вытекало само собою, что полицейские меры ограждения или оставляли неприкосновенными гражданские права владельцев, но зато не улучшали положения крепостных, или же они нарушали, без всякого вознаграждения, материальные интересы помещиков, их право собственности, на которое посягает одна лишь революция, но до которого правильная государственная власть касаться не должна и не может; а между тем нет никакого сомнения в том, что в материальной, экономической стороне крепостного нрава, лежит все зло и весь вопрос; без нее девять десятых помещиков не стояли бы так упорно за это право.

Страшились, подобно дворянству, вопроса о крепостном праве, и потому брались за него нерешительно, даже робко, всячески скрывали настоящие свои виды и вообще действовали в величайшей тайне. Такие приемы, как и следовало ожидать, привели к результатам противоположным тем, к которым стремились. Никто не знал, чего хочет правительство, но все видели, что оно что-то замышляет, и каждый толковал эти намерения по своему крайнему разумению. Стали ходить самые невероятные и нелепые слухи и предположения, а правительство молчало или, когда вынуждаемо было высказаться, торжественно отрекалось от всяких видов на изменение или отмену крепостного права и тем повергало и владельцев, и крепостных в самое тревожное недоумение. Дворянство не знало, что и думать; волнение в умах было большое.

Не знаем и не придумаем, что могло внушить такой таинственный образ действий в вопросе, которого мирное разрешение может зависеть единственно от совершенно гласного и положительного объявления правительством своих целей, намерений и требований, и от такого же гласного обсуждения владельцами и не владельцами способов привести эти требования в исполнение. Как бы то ни было, но дворянство напугано таинственностью и неизвестностью, а еще более всегдашним приемом нашей администрации — внезапно издать для повсеместного, однообразного выполнения в целой России одну какую-нибудь меру, придуманную в канцеляриях, без всякого соображения, а может быть и знания местных условий краев, где она должна применяться. Так как притом в вопросе о крепостном праве затрагиваются материальные интересы величайшей важности, а для многих помещиков с крепостным

правом связан вопрос о куске хлеба их самих и их семейств, — то дворянство всеми силами стало сопротивляться всякой попытке изменить или упразднить это право, и к несчастью в том успело. Последняя, самая неудачная, попытка снова поднять этот вопрос была сделана министерством внутренних дел в самые последние годы царствования императора Николая I²⁴. В ней ошибочные приемы нашей администрации повторились с большою силою, чем когда либо, и существенно повредили делу освобождения крепостных, придав как бы справедливое основание упорному сопротивлению владельцев и выказав слабость администрации, неумение ее вести к разрешению великие государственные вопросы.

Заметим в заключение, что само правительство как будто нарочно отнимало у себя способы достигнуть предположенной цели. Вопрос о крепостном праве есть важнейший, существеннейший из всех наших внутренних вопросов. Поэтому, принимаясь за его разрешение, правительству следовало сосредоточить на нем все силы, обставить его самыми благоприятными условиями, воспользоваться всем, что могло вести к предположенной цели. К сожалению, ничего этого сделано не было. В государственном совете никто в этом вопросе не поддерживал видов правительства. Министры своими распоряжениями противодействовали им всеми силами; гласные совещания дворян об освобождении крепостных были запрещены и, несмотря на ходатайства о разрешении таких совещаний, они остались недозволенными; далее запрещено было обсуждать печатно, в политическом отношении совершенно безвредную, а для разрешения вопроса весьма существенную, экономическую сторону крепостного права, — именно о преимуществе вольного труда над крепостным в государственном, частном, сельскохозяйственном и других отношениях. Таким образом, правительство хотело невозможного: оно хотело произвести важнейшую в России реформу секретно, не приготовив общественного мнения, не опираясь на разумное убеждение, не ознакомив с главной мыслью задуманного преобразования того класса, которого материальные интересы затрагивались самым чувствительным образом. От того успех и не увенчал благонамеренных и благодетельных усилий покойного императора. Крепостное право продолжает у нас существовать и до сих пор (1855 г.), с каждым днем делая внутреннее положение наше все более и более затруднительным, шатким, опасным и безысходным. Каждый день более и более уносит надежду на возможность мирного разрешения этого вопроса и приближает нас к страшной катастрофе, слабые образ-

чки которой в Галиции, в тарновском округе²⁵, еще так недавно привели всю Европу в смятение и ужас...

Но несмотря ни на что, истина и время берут свое. Есть верные признаки, что теперь наше провинциальное дворянство начинает просвещеннее и разумнее смотреть на крепостное право и на необходимость преобразования его, чем центральная администрация. Это и понятно. Губернское дворянство хорошо знает свои имения и своих крепостных; оно видит Россию хотя и не всю, но зато лицом к лицу; наконец оно ближе понимает свои пользы, свое положение и опасности, ожидающие нас впереди.

V.

Мирное благодетельное для России разрешение вопроса о крепостном помещичьем праве сделается возможным лишь с той минуты, когда все стороны этого вопроса будут приняты в соображение, все связанные с ним интересы, государственные и частные — взвешены и уважены, и когда, на основании предварительного, зрелого обсуждения, составится подробный, обстоятельный план упразднения крепостного состояния, который правительство примет себе в неперемнное руководство во всех своих распоряжениях.

Представим здесь опыт такого плана, конечно, в самых лишь общих чертах.

Вопрос об упразднении помещичьего крепостного права включает в себе два следующие: на каких началах или основаниях должно у нас совершиться освобождение помещичьих крепостных? И какие суть лучшие средства или способы освобождения?

§ 1. *Главные начала или основания*, на которых надлежало бы совершиться освобождению помещичьих крепостных, могут быть определены лишь по рассмотрении всех интересов, которые сходятся в крепостном праве и в нем связаны как бы в один узел. Эти интересы суть: *частные* — владельцев и их крепостных, — и *общественные* или — *правильнее* — *государственные*.

Интерес владельцев в крепостном праве очевиден: они защищают в нем свое имущество, дошедшее к ним законным порядком, и потому во всяком случае составляющее их неотъемлемую гражданскую собственность. Этого их права добросовестно отрицать нельзя: все исторические доводы и юридические тонкости, приводимые в опровержение помещичьей власти, как гражданского права, не колебля ее ни мало, только запутывают и затемняют вопрос.

Столько же очевиден и интерес *крепостных*. Он заключается в полном личном освобождении их от владельцев с удержанием той земли, которою владеют и пользуются для себя, избы, в которой живут, и всего движимого и недвижимого имущества, которое приобрели собственными трудами или наследовали от отцов своих.

Наконец, интересы государства совершенно совпадают с пользами владельцев и крепостных. По изложенным выше причинам, для государства необходимо, чтобы крепостное право прекратилось в России, но так однако, чтобы при этом права и интересы обеих сторон — помещиков и крепостных — были вполне сохранены и уважены.

Необходимость последнего условия очевидна даже при самом поверхностном взгляде.

Государство не может ни желать, ни допустить освобождения крестьян без вознаграждения владельцев, и на это имеет самые основательные причины. Освобождение крестьян без вознаграждения помещиков, во-первых, было бы весьма опасным примером нарушения нрава собственности, которого никакое правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях; во 2-х, оно внезапно повергло бы в бедность многочисленный класс образованных и зажиточных потребителей в России, что, по крайней мере сначала, могло бы во многих отношениях иметь неблагоприятные последствия для всего государства; в 3-х, владельцы тех имений, где обработка земли наймом больше будет стоить, чем приносимый ею доход, с освобождением крепостных совсем лишатся дохода от этих имений. Не получив вознаграждения, многие из них на первый раз, а иные может быть и навсегда, были бы осуждены на самое бедственное существование, или даже остались бы на руках у правительства, которое через это было бы вовлечено в чрезвычайно обременительные издержки и пожертвования.

По соображениям столько же важным и настоятельным, правительство вынуждено также обратить все свое внимание и на возможно большее личное и вещественное обеспечение крестьян при освобождении их от власти помещиков. Так, в видах общественной тишины и порядка, правительство не может допустить сохранения хотя бы тени зависимости бывших крепостных от их бывших помещиков; иначе беспрестанные столкновения между теми и другими, неудовольствия, бесконечные тяжбы и несправедливые взаимные претензии размножились и продолжались бы вечно, а на беспристрастное разбирательство и решение процессов между помещиками и их прежними крепостными долго еще

нельзя рассчитывать, потому что много пройдет времени после освобождения, а судебная и полицейская власти все еще будут находиться по преимуществу в руках дворянства и землевладельцев. Равным образом, правительство ни под каким видом не может согласиться на увольнение крепостных без земли, потому что чрез это сельское население было бы поставлено, если не по праву, то на самом деле, в слишком большую материальную зависимость от владельцев, или даже, наскучив этою зависимостью, потеряло бы мало-помалу оседлость, для водворения которой в низших сословиях столько принесено жертв, столько сделано усилий, — и стало бы, по-прежнему, перекочевывать из одного края России в другой, к явной опасности для государства во всех отношениях.

Некоторые думают, что у нас есть достаточно казенных земель для поселения на них всех помещичьих крепостных после их освобождения. Отсюда заключают, что следовало бы освободить крепостных лично, без земли. Но возможность осуществления такой мысли неправдоподобна по недостатку земли; даже не желательно, чтоб эта мысль могла осуществиться. Водворение вновь двадцати одного миллиона людей на государственных землях и на счет государственной казны — план слишком уродливый, чтобы можно было на нем остановиться. Какой человек с здравым смыслом станет серьезно доказывать возможность нового переселения народов, с покрытием потребных на то издержек из сумм государственного казначейства?

Из всего сказанного следует, что освобождение помещичьих крепостных могло бы совершиться на следующих главных основаниях:

крепостных следовало бы освободить вполне совершенно, из-под зависимости от их господ;

их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею, и

освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев.

Принять эти начала за основания при разрешении вопроса о помещичьем крепостном праве велит и строгая справедливость, и государственная польза, которые здесь, как всегда и во всем, совпадают в своих требованиях.

§ 2. Что касается до *средств* или *способов* приведения этих основных начал в исполнение, то в этом отношении представляются следующие соображения:

1) *количество земли*, с которым помещичьих крепостных следовало бы освободить, может быть определено различно. Их можно

выкупить: а) со всею землею, принадлежащею к имению, в котором они поселены; б) с определенным большим или меньшим количеством десятин на тягло или на душу, смотря по местности, и в) с тою лишь землею, которая находится в действительном владении и пользовании помещичьих крепостных.

Первый способ — выкуп со всею землею, принадлежащею к имению — весьма неудобен. Он потребовал бы огромных капиталов, и не только не принес бы пользы, но, напротив, имел бы вредные последствия. В имениях многоземельных и даже большей части издельных, вообще, для крестьян было бы слишком много всей земли, принадлежащей к имению; следовательно, она перешла бы в казенное заведывание и чрез это, как вообще при казенном управлении, стала бы давать гораздо меньше дохода. В то же время, чрез это почти исчезла бы в России частная поземельная собственность, а с нею и все ее благодетельные последствия для промышленности и сельского хозяйства; ибо опытом дознано, что частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и больших хозяйств суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности.

Второй способ — выкуп определенного количества десятин земли на тягло или на душу — почти совершенно невозможно привести в исполнение. В самом деле, как назначить количество десятин, подлежащих в каждом имении выкупу, так чтоб было безобидно и для владельцев, и для крепостных? Подобное назначение потребовало бы многолетних, невероятных трудов, огромных издержек, подало бы повод тысячам произвольных действий, злоупотреблений и столкновений, которых невозможно было бы ни открыть, ни преследовать, по громадности и сложности операций; наконец, — что может быть всего важнее — такая мера породила бы большую шаткость и неопределенность поземельного владения во все время, пока продолжалось бы освобождение крестьян.

Затем, остается последний способ — выкупить только ту землю, которая находится в действительном владении и пользовании крепостных. Этот способ бесспорно лучший и удовлетворяет всем требованиям, сохраняя и утверждая, без всяких изменений, поземельное владение, установившееся издавна и к которому привыкли и помещики, и крепостные; кроме того, такой способ и не требует никаких особенных издержек, и не может возродить больших недоразумений и неизвестности прав*.

* Разрешение некоторых частных случаев, сомнений и вопросов понадобится, конечно, и при этом способе. Так, напр., может случиться, что владелец, желая уменьшить количество отходящей от него с крепостными земли, в ожидании вы-

Некоторые предлагают выкупить помещичьих крепостных с тем лишь количеством земли, какое нужно для удержания их оседлыми на теперешнем их месте жительства, но которого было бы совершенно недостаточно для прокормления их с семействами. Цель та, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьян к их родине, земле и двору, побудить их поневоле нанимать землю у соседних землевладельцев. Такая система выкупа, в губерниях почти исключительно земледельческих, могла бы, может быть, действительно принести пользу владельцам, доставя им, и то вероятно только сначала, выгодных арендаторов и дешевых рабочих. Но правительство может ли согласиться на такую коварную меру? Конечно, нет! Ему не должно смотреть на государственные вопросы, ослепляясь выгодами одних помещиков. В данном же случае выиграли бы — и то не наверное — они одни, а государство и крепостные непременно бы потеряли, ибо владельцы получили бы возможность, к крайнему стеснению бывших их крепостных, поднять наемную плату за свои земли или же умалять плату рабочим и батракам. Последствием этого было бы одно из двух: или бывшие крепостные впали бы в крайнюю нищету и обратились в бездомников и бобылей, — нечто в роде сельских пролетариев, которых у нас покуда, слава Богу, очень мало, — или они стали бы толпами выселяться в другие губернии и края империи. В том и другом случае правительство, поддерживая быт выкупленных крепостных на местах, или способствуя их переселению, было бы вовлечено в несравненно большие издержки, чем выкупив их с самого начала со всею землею, которую они теперь действительно владеют*.

купа, отнимет у них большую или меньшую часть земли, которою они до того времени действительно владели и пользовались. Возможность таких случаев требует гораздо точного определения, что должно разуметь под выражением: «земли, находящиеся в действительном владении и пользовании крепостных». Далее: необходимо будет определить количество земли, подлежащей выкупу в южной и юго-восточной России, где существует залежное хозяйство и нет у крепостных постоянного землевладения в одних местах. Необходимо также будет решить весьма важный вопрос: не должно ли, или, напротив, следует, и в таком случае на каких именно основаниях следует выкупать у владельцев уголья — сенокосы, леса, выгоны, водопой и т.п. Очевидно, однако, что разрешение этих и других подобных вопросов представит несравненно менее затруднений, чем приведение в исполнение двух первых способов.

* О том, на каких основаниях освобожденные крепостные могли бы впредь владеть выкупленною землею, здесь говорить не место. Заметим мимоходом, что все юридические обычаи собственно великорусов и белорусов указывают на общинную, а не личную наследственную поземельную собственность, и мы пока не видим достаточной причины посягать на эти обычаи, заключающие в себе, по-видимому, плодотворное начало устройства у нас поземельных прав на новых началах, которые теперь можно лишь смутно предугадывать. Во всяком случае,

2) Вознаграждение помещиков за отходящих из их владения крепостных с землею тоже может быть произведено различным образом, а именно: а) вознаграждение может быть выдано за одну лишь землю, с освобождением крепостных даром, или же за землю, и за крепостных; б) мерилom вознаграждения могут быть приняты или цены, по каким-нибудь соображениям установленные правительством и уменьшенные против действительности, или же существующие на местах, во время выкупа, средние цены, как населенных имений вообще, так и земли, и душ в отдельности; наконец, в) самый порядок вознаграждения помещиков может быть установлен различный. Так, правительство может признать более удобным производить владельцам выплату следующей за их имение суммы постепенно на основании банковых правил, определяя ежегодный платеж предполагаемым или действительно вычисленным средним доходом с выкупленных имений, или же процентами с выкупной суммы, назначив величину процентов применительно к правилам наших кредитных установлений, или же согласно с законами гражданскими и торговым уставом о займах между частными лицами и ссудах коммерческих. Но точно так же правительство может всю следующую за выкупные имения сумму выплатить владельцам за один раз.

Подробное рассмотрение всех этих способов вознаграждения помещиков приводит к заключению: 1) что выплата им денег за одну землю, не принимая в расчет крепостных людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. Несправедлива — потому что крепостные составляют такую же собственность владельцев, как и земля; неуравнительна — потому что только в некоторых губерниях, преимущественно густонаселенных и земледельческих, земля имеет большую ценность, а крепостные почти никакой, или весьма малую; в других же губерниях, преимущественно промышленных, или хотя и земледельческих, но мало населенных, владельцы получают доход не от земли, а от крепостных; 2) что допущение при выкупе крепостных каких бы то ни было особых расчетов (как, напр., оценки теряемой крепостной работы и т.п.), с целью по возможности уменьшить следующее владельцам вознаграждение, подало бы только повод к самым несправедливым и произвольным действиям и, не сокращая существенно расходов

совершенно было бы необходимо, по мере выкупа крестьян с землею, запретить им продажу и залог выкупленных земель под каким бы то видом и предлогом ни было, по крайней мере на 50 лет, ибо иначе эти земли могли бы быть скуплены у крестьян, на первых же порах, прежними их владельцами и другими за бесценок, как отчасти и случилось в Пруссии.

на выкуп крепостных, только стеснило и раздражило бы владельцев и надолго затянуло бы ход дела; 3) что по тем же самым причинам было бы неудобно назначить владельцам вознаграждение по расчету дохода, которого они с выкупом крепостных лишаются, потому что у нас невозможно определить даже приблизительно средний доход от наибольшей части помещичьих имений; 4) что хотя выкупом крепостных, на основании банковских правил, справедливость не была бы нарушена, однако на развитие промышленности в России такого рода выкуп имел бы, по крайней мере на первых порах, много лет сряду неблагоприятное влияние. Освобождение крепостных, как уже выше замечено, потребует немедленного поставления наших помещичьих хозяйств на коммерческую ногу, а это можно сделать не иначе, как с помощью более или менее значительных единовременных чрезвычайных издержек, которые понадобятся почти в ту же самую минуту, когда совершится освобождение. При всеобщей бедности и разорении нашего дворянства, ему не откуда взять капиталов, необходимых для покрытия таких чрезвычайных издержек. Поэтому, если вся выкупная сумма не будет уплачена владельцам, при самом освобождении их крестьян, сельское хозяйство в России понесет весьма чувствительный вред, от которого не скоро оправится, а это в свою очередь будет иметь неблагоприятное влияние на все государство.

Итак, владельцев следует вознаградить за выкупаемых у них крепостных самым простым и самым справедливым образом: оценить крепостных с следующею им землею, по существующим на месте ценам, как можно добросовестнее, как можно ближе к истине, и затем выдавать всю выкупную сумму сполна, при самом отчуждении крепостных из частного владения. Только такой способ выкупа, не внося в важное государственное дело освобождения никаких искусственных и произвольных условий, напротив, принимая за исходную точку существующий ныне порядок дел, в состоянии приготовить преобразование сельскохозяйственного быта России легко, почти незаметно; ибо только при помощи такого способа, примиряющего пользы всех, новое начнет заступать место старого без перерыва и с необходимою постепенностью.

Многие думают, что операцию выкупа крепостных следовало бы произвести одновременно с ликвидациею долгов, лежащих на дворянских имениях по ссудам из кредитных установлений. Зачет сделанных ссуд — так думают они — значительно уменьшит выкупную сумму, которая будет причитаться помещикам. Мы, со своей стороны, полагаем, что слияние этих двух операций отняло бы у помещиков средства, необходимые для немедленного устрой-

ства их хозяйств согласно с новыми экономическими условиями, и уменьшило бы массу денег, которая бы без того поступила в обращение. Оба эти последствия без сомнения, имели бы на внутренний быт государства такое неблагоприятное влияние, что с ним не может идти в сравнение неудобство внутреннего или внешнего долга, сделанного для выкупа крепостных и равняющегося предполагаемой к зачету сумме. Такой зачет следовало бы допустить в той только части долга кредитным установлениям, которая недостаточно бы обеспечивалась остающеюся за владельцами после выкупа частью их имений.

3) Для определения количества земли, которое действительно находится во владении крепостных и подлежит выкупу, и для назначения суммы, следующей владельцу за выкупаемое имение, следовало бы учредить по уездам оценочные комиссии, составленные на половину по выбору из местных владельцев, на половину по назначению правительства из не владельцев, однако, коротко знакомых с местным бытом и условиями края. Если владелец и крепостные с приговором комиссии по означенным двум предметам согласятся, то он получает законную силу; в противном же случае поступает на окончательную ревизию губернской оценочной комиссии, составленной на изложенных выше основаниях из владельцев и не владельцев. Кроме того, надлежало бы учредить особливую центральную комиссию для руководства оценочных комиссий в их действиях, для разрешения их вопросов, сомнений и всех тех частных случаев, кои возбуждают споры и недоразумения по недостаточности или неясности правил, данных в руководство оценочным комиссиям.

4) Собственно финансовая операция по выкупу крепостных могла бы быть возложена на нарочно для того учрежденный банк, на следующих основаниях: а) по постановлениям оценочных комиссий, вошедшим в законную силу, выкуп крепостных совершается или ими самими, — взносом выкупной суммы сполна, или только частью, или же банком — посредством выплаты владельцу всей суммы, или только той ее части, которая не дознесена крепостными; б) банк делает уплаты особливыми билетами, которые всюду принимаются наравне с билетами прочих кредитных установлений и обеспечиваются правительством звонкой монетой, не менее, как в шестой части их нарицательной цены; в) выплаченная владельцам из банка сумма зачисляется долгом на выкупленном имении, с уплатою в 37-летний или другой, более продолжительный срок, по равной части ежегодно; процентов же на выкупленных крепостных начислять: с капитала обеспечения — по 5% еже-

годно; со всего же выкупного капитала, выплаченного владельцам, не более, как сколько нужно для покрытия всех издержек выкупной операции, а по выплате бывшими крепостными $\frac{5}{6}$ частей выкупного капитала оплачивать процентами уже не весь капитал обеспечения, а только ту его часть, которая обеспечивает остающийся непогашенным выкупной капитал, рубль за рубль; г) по мере уплаты выкупленными крепостными лежащего на них выкупного долга, выпущенные банком билеты надлежит извлекать из обращения^{*26}; и д) по совершенном погашении бывшими крепостными выплаченного за них помещикам выкупного капитала, владеемую ими выкупленную землю обратить в полную их собственность, на правах государственных крестьян, водворенных на собственных землях.

5) Так как выкуп крепостных предполагается производить по существующим на местах ценам, без всякого их уменьшения, то перевод всякого рода долгов, казенных, банковых и частных, сделанных самими владельцами под залог населенных их имений, на выкупленных у них крестьян ни в каком случае допускать не должно. Вследствие этого, означенные долги обеспечатся тою только частью имений, которая останется собственностью владельцев и, согласно с этим, права кредиторов на следующую владельцам выкупную сумму будут определяться действующими законами, без всякого изменения. Только по ссудам из кредитных установлений

* Из сельскохозяйственной статистики смоленской губернии, изданной Я. Соловьевым (Москва, 1855 г.), видно, что в этой губернии общее число крепостных составляет 378,038 м. пола душ: при среднем наделе на душу по 13 десят. земли, средняя цена каждой души есть 117 руб. Положим, что в действительном владении крепостных находится целая половина общего количества земли, какое приходится на душу (что невероятно, ибо в том же числе положены и господские усадьбы, сенокосы, леса и т.п.); так как средняя цена незаселенной десятины в губернии есть $5\frac{1}{2}$ руб., то при выкупе помещичьих крепостных смоленской губ. пришлось бы заплатить владельцу за каждую выкупаемую душу, средним числом, 117 руб. — ($6\frac{1}{2}$ десят. \times $5\frac{1}{2}$ руб. = 35 р. 75 коп.) = 81 руб. 25 коп. След. на выкуп в смоленской губ. всего крепостного населения потребовался бы капитал в 30 715,587 руб. 50 коп., и фонд обеспечения в 5119,264 руб. 58 $\frac{1}{2}$ коп. Если крепостные будут платить ежегодно не более $\frac{1}{2}$ % на выкупной капитал, то это составит в первый год слишком 153,500 руб. дохода, который хотя в каждый следующий затем год и будет уменьшаться на 4,151 руб., но все же образует сумму, с избытком достаточную на покрытие издержек всей выкупной операции, не только по одной, но и по нескольким, и даже по многим губерниям. С причислением этого $\frac{1}{2}$ % и 5% на капитал обеспечения, ежегодный платеж каждой выкупленной души на погашение долга, при разложении выкупного капитала лишь на 37 лет, составит в первые 30 лет только от 2 р. 89 к. до 2 р. 55 к., — а после того и эта сама по себе незначительная плата еще более будет понижаться. Не должно при этом забывать, что смоленская губ. по количеству крепостного населения занимает, вместе с тульской, первое место в целой империи.

должно бы допустить льготу, о которой упомянуто выше (во 2-м пункте в конце).

б) Для успеха дела совершенно необходимы были бы: а) предварительное опубликование целого плана освобождения крепостных во всеобщее известие, с предоставлением права обсуждать его во всех отношениях и во всех подробностях, хотя бы в одном только повременном издании, назначенном для того самим правительством и под его непосредственным надзором. Такое рассмотрение проекта частными лицами дало бы правительству возможность, при окончательном издании закона о выкупе крепостных, исправить вкравшиеся в проект недостатки, неточности и ошибки; б) возможная гласность хода всей операции, начиная с первого закона о приступлении к выкупу, и оканчивая последним взносом выкупленными следующей с них в банк суммы; наконец, в) строжайшая справедливость, правосудие и добросовестность как при определении и выплате выкупных сумм, так и при назначении количества выкупаемой земли.

VI.

Вот в общих чертах план упразднения помещичьего крепостного права. Так как в этом праве сходятся интересы и владельцев, и крепостных, и государства, то каждый из этих трех элементов принял бы деятельное участие и в разрешении задачи; дворянство — подвергаясь внезапному переходу к совершенно новому порядку хозяйства, польза которого для всего владельческого сословия в массе не подлежит сомнению, но который в применении к тому или другому лицу может вести к большим убыткам и даже к совершенному расстройству; крепостные — выплачивая полное вознаграждение владельцам; правительство — обеспечивая всю операцию своим кредитом и звонкою монетою.

Скажут: план этот невыполним; выкуп всех крепостных в целой империи потребует огромного количества серебра и золота, которого правительство не имеет и долго еще не будет иметь в своем распоряжении совершенно свободным.

Но необходимо ли, полезно ли, даже благоразумно ли начать вдруг, разом, выкуп крепостных на всем пространстве государства? Мы, со своей стороны, думаем, что подобной меры нельзя ни предлагать; ни даже желать.

Как бы ни был строго и глубоко обдуман план упразднения помещичьего крепостного права, в нем непременно останется многое недоговоренным и недодуманным, пока он не пройдет чрез

поверку практики и применения. Опыт осуществления всякого такого плана, хотя бы в самых малых размерах, во всех отношениях совершенно необходим.

Опыт придаст самому правительству твердость и уверенность в стремлении к предположенной цели освобождения крепостных.

Опыт раскроет глаза и дворянству; он убедит его на деле, лучше всяких уверений, в непрременном, непреклонном намерении правительства решить вопрос о помещичьем крепостном праве, сохраняя однако в совершенной целости и неприкосновенности гражданские права и материальные интересы дворянства; он успокоит владельцев и на счет благодетельных последствий освобождения, которые не замедлят тотчас же обнаружиться возвышением цены на землю, на труд, и увеличением материального благосостояния в местности, очищенной от крепостного права.

Наконец, опыт будет полезен и благодетелен и для самих крепостных; теперешним неопределенным и потому часто диким мечтаниям их о вольности, принимающим иногда разрушительный характер, он даст тело и практическое направление, указав законную цель, законные пути и способы.

Итак, с какой стороны ни взглянуть, предварительный местный опыт освобождения крепостных на основании зрело обдуманного плана необходим. Он послужит введением к всеобщему упразднению крепостного права в целой России и будет существенно тому способствовать. Владельцы, убедясь, что освобождение неминуемо, и что оно совершается добросовестно и благонамеренно, поспешат предупредить принужденный выкуп добровольными сделками со своими крепостными, и таким образом, пока в одной местности крепостные будут освобождаемы по распоряжению правительства, во всех других общественное мнение не только будет уже совершенно приготовлено к начатию повсеместного выкупа, но и многое будет уже заранее сделано в этом смысле.

Какой же край избрать для первого опыта? Всего лучше западную Россию.

Во-первых, в ней помещики разного племени и большею частью разной веры с крепостными; во-вторых, в некоторых западных губерниях крепостное право успело уже принести все свои горькие плоды, во всех отношениях; в третьих, выкуп крепостных, пустив в оборот большие капиталы, оживил бы промышленную деятельность этого чуть ли не самого бедного края в целой империи; наконец, в-четвертых, эта мера подняла и возвысила бы там значение и роль русского элемента, ибо могущественнейший рычаг для обрусения западных губерний — не насильственное введение рус-

ского языка и русского управления, не стеснение инородцев и иноверцев, а освобождение тамошних русских из крепостной зависимости от поляков.

Но скажут: и выкуп крепостных вдруг в 9-ти губерниях западной России также опасен, дорого обойдется; — словом, тоже неудобен и даже невозможен.

Положим, что так. В таком случае следует начать выкуп хоть с одной какой-нибудь губернии по западной нашей границе. На это денежных средств всегда достанет: малейшее облегчение внутренней нашей промышленности, хоть одна какая-нибудь благоразумная мера по министерству финансов, напр., отмена теперешних стеснительных законов о золотопромышленности, уменьшивших ежегодную добычу золота в Сибири, в течение 5-ти лет, на 500 пудов, — и явится фонд на выкуп крепостных не в одной, а в нескольких губерниях.

Против этого многие возразят: невозможно выкупить крепостных в одной губернии, не выкупая в то же время в других, ибо это подняло бы бунты, которые могут охватить всю Россию и привести к общему перевороту.

Возражение очень близорукое. Те, которые так думают, конечно, не станут отрицать, что довольно трудно предположить внезапное восстание всех крепостных не только в целой России, но даже и в целой какой-нибудь губернии; что против частных бунтов, если б они с началом выкупа местами и усилились, можно принимать полицейские и военные меры, которые помешают им распространяться далее; что, следовательно, обеспечить внутреннее спокойствие империи на то время, пока продолжается постепенное упразднение крепостного права, так или иначе, еще возможно. Но подумали ли они о том, что при крепостном праве положение с каждым годом будет становиться опаснее и несправимее, что если это право останется в теперешнем своем виде, то несколько десятков лет позднее оно взорвет на воздух все государство? Малодушная мысль *argès nous le déluge*²⁷ не может быть девизом правительства: как кормчий, оно должно видеть впереди, выбирая и рассчитывая свои меры не по одной настоящей минуте, но и по ближайшему будущему времени.

Притом опасностью грозит, конечно, не надежда, а безнадежность крепостных когда-нибудь получить свободу. Такая безнадежность начинает уже в них там и сям проглядывать; они, к несчастью, начинают нападать на опасную, по своим последствиям, мысль: будто бы правительство держит сторону господ, будто бы

оно не хочет подумать о защите и покровительстве крепостных от произвола и угнетения помещиков. Конечно, мысль эта далеко еще не овладела массами; горе, если она найдет веру у большинства! А теперешнее невмешательство правительства в отношения владельцев и крепостных может и должно питать ее во всех концах России. Что же? Лучше будет такое несчастное заблуждение, чем вера, что вот-де царь и над нами сжалился и нас сделает вольными: сегодня там, а завтра и до нас очередь дойдет?

Кто знает Россию, кто понимает ее великое призвание, тот не сомневается, что ей прежде всего необходимы мирные успехи, которые, впрочем, не только у нас, но и везде вернее и прочнее развития сомнительным и тяжким путем переворотов и смертельных опытов; а несомненный залог мирных успехов в России есть твердая вера народа в царя. Чтобы поддержать эту-то веру и необходимо, прежде и больше всего, освобождение крепостных, и без отлагательства! Да не обольщает себя никто в этом отношении; пройдет еще немного времени, и даже этого средства будет уже недостаточно.

К несчастью, с некоторого времени все понятия у нас как будто извратились; нерешительность, отсутствие определенных идей и стремлений, даже робость правительства выдаются у нас за высокую политическую осторожность, чуть-чуть не за альфу и омегу всякой государственной мудрости. Как несогласно это с уроками русской истории! Кто решится сказать, что Петр I, что Екатерина II были неосторожны и неблагоприятны, что им не доставало государственной мудрости? Великие дела этих двух царствований громко говорят за себя. И что же? Оба отличались большою твердостью и решимостью; Петр, конечно, более гениальною, Екатерина — более хитрою и умною. Петр воевал в одно и то же время с сильнейшим внешним и с сильнейшим внутренним врагами; тех и других он как будто нарочно вызывал на бой и громил беспощадно. То же в существе, хотя и в других формах, делала Екатерина. Но с венского конгресса²⁸ у нас как будто исчезло и самое предание об этой спасительной решимости. Во всех важных внутренних вопросах правительство, при кажущейся энергии, действует вяло и неопределенно.

От этой добровольной искусственной дремоты, овладевшей только вследствие ошибочного взгляда, пора встрепенуться, особливо в отношении к крепостному вопросу. Правительству стоит только решиться овладеть этим вопросом и повести его к развязке, — и весь народ пойдет по указанному пути с доверием и любовью.

VII.

Начав выкуп крепостных в одной местности, следовало бы, в то же время, содействовать к упразднению крепостного права и во всех прочих *разными косвенными мерами и полумерами*, которые, не касаясь существа этого права, подготовили и значительно облегчили бы выполнение изложенного плана выкупа, в обширных размерах, во всей России. Указания на такие меры и полумеры содержатся в нашем законодательстве и наших нравах; стоит только развить их в правительственные распоряжения.

Император Александр I старался *количественно* уменьшить число крепостных и *качественно* придать крепостному праву значение не непосредственной личной зависимости крепостных от господ, а зависимости, как бы происходящей вследствие того, что земля принадлежит помещикам, а крепостные крепки земле. В обоих этих направлениях очень многое остается еще сделать административным и законодательным порядком.

Владельцы из различных побуждений нередко сами желают предоставить свободу своим крепостным на различных условиях, а крепостные, со своей стороны, тоже готовы откупиться; тем и другим надлежало бы всячески содействовать.

Огромное большинство помещиков, даже при сердечной доброте и благонамеренности, не знают и не понимают вопроса об освобождении; им и в мысль не приходит, что с упразднением крепостного права они сами во всех отношениях выиграют; следовало бы употребить все меры, чтобы дворянство и чиновники имели возможность сами убедиться в пользе и даже необходимости освобождения крепостных, и содействовали в этом отношении видам правительства не нехотя, а добровольно и сознательно.

Согласно со сказанным, можно бы принять в отношении к освобождению крепостных следующие косвенные меры:

I. Продолжая деятельность императоров Александра I и Николая, издать ряд постановлений, которые, не касаясь существа крепостного права, ограничили бы, однако, его дальнейшее географическое распространение, положили бы предел размножению лиц, которые этим правом пользуются, и наконец, способствовали бы уменьшению количества помещичьих населенных имений. Таким образом: 1) *для прекращения дальнейшего географического распространения крепостного права*: а) запретить основание, где бы то ни было, новых поселений на крепостном праве; б) запретить переселение крепостных из одного имения в другое на том же крепостном праве; 2) *для уменьшения числа* лиц, имеющих право приобретать крепостных и владеть ими: а) лицам, вновь получающим права потомственного дворянства, не предоставлять права

владеть крепостными; б) помещикам, имеющим лишь дальних родственников (напр., в 8-й степени или и далее), позволять продажу их населенных имений не иначе, как с предоставлением крепостным права выкупиться с землею (см. ниже); и в) наследование в населенных имениях после дальних родственников в определенной степени допускать не иначе, как с освобождением крепостных, приписанных к тем имениям по ревизии, и притом с тою землею, которою они действительно владели и пользовались при жизни умерших их владельцев. Такое правило не было бы несправедливо, потому что тесные родственные связи между далекими родственниками теперь почти не существуют более; имения достаются по наследству от дальних родственников большею частью неожиданно и как бы от совершенно посторонних лиц. Поэтому, в некоторых законодательствах возникал даже вопрос: не следует ли вовсе прекратить право наследования в слишком далеких степенях родства. И 3) *для уменьшения количества населенных помещичьих имений*: а) предоставить всем свободным состояниям в России право приобретать населенные имения, но с освобождением, притом, приписанных к ним крепостных, с владеемою ими землею, как сказано выше; б) при продаже населенных имений с публичного торга за долги кредитным установлениям предоставлять крепостным, приписанным к тем имениям, право выкупиться самим и с землею, которая находится в их действительном владении и пользовании; или же правительству выкупать их, на основании изложенных выше правил освобождения помещичьих крестьян. На такие имения могла бы быть перечислена известная часть долга кредитным установлениям; количество следующей им земли — определено посредством особой оценочной комиссии, а выкупная сумма — или тою же комиссиею, или по расчету на основании цены, предложенной за имение на торгах и переторжке*; в) выкупать

* В 1846 году крепостным предоставлено было право, при продаже с публичных торгов имений, к которым они приписаны, выкупаться на волю; но оно не привело к ожидаемым результатам, потому что крепостным вменено в обязанность вносить последне состоявшуюся высшую цену на торгах за все вообще имение и притом на взнос денег дан самый незначительный срок. По первому из этих условий, на крепостных возлагалась тяжелая обязанность платить очень значительную сумму, и взамен приобрести гораздо больше земли и угодьев, чем сколько им действительно нужно; по второму же от них требовалась уплата всех денег в такой короткий срок, в какой иной и капиталист не успел бы изворотиться. Наконец, даже и это тяжелое и сомнительное право отнято у крепостных, под тем предлогом, будто бы оно производит частые волнения между крестьянами, не имеющими средств им воспользоваться. Но, во-первых, волнения эти были так редки, и те, которые происходили, были так незначительны, что они ни в каком случае не должны были служить основанием к отнятию права, еще так недавно пред тем дарованного крепостным по милости государя; при том, если закон был недостаточен, то следовало его исправить, а не вовсе отменить.

крепостных с землею на изложенных выше основаниях у всех помещиков, владеющих менее чем 30-ю душами, при переходе этих душ из одних рук в другие по наследству, завещанию, продаже или другим образом. Через это мало-помалу стали бы уменьшаться и исчезать мелкопоместные владения, вредные во всех отношениях; г) на тех же основаниях выкупать имения разнопоместные, при переходе их каким бы то ни было образом от одного помещика к другому.

II. Надлежало бы всячески содействовать добровольным сделкам между владельцами и их крепостными о выпуске последних на волю с землею и без земли. О способах достигнуть этой цели заметим следующее: а) отпущение на волю крепостных с незапамятных времен считалось у наших предков одним из самых обыкновенных и как бы обязательных подвигов благотворительности и благочестия; не было предсмертного словесного распоряжения владельца, которым бы не увольнялись крепостные. Этот исполненный любви и христианского милосердия обычай следовало бы не только поддерживать, но и всячески развивать между владельцами. Всего ближе это могло бы сделаться при содействии и помощи духовенства, которое, конечно, с радостью воспользовалось бы случаем принять деятельное, согласное с духом евангелия и с святым пастырским призванием, участие в решении этого государственного вопроса первостепенной важности. Невозможно исчислить, какое огромное и благодетельное влияние на успехи освобождения крепостных могли бы иметь увещания владельцев и владелиц, со стороны духовенства, отпускать больше людей на волю или вовсе без выкупа, или хотя и с выкупом, но на условиях как можно более умеренных, как можно менее тягостных для крепостных. Само собою разумеется, что эта цель едва ли была бы достигнута формальным предложением святейшему синоду и синодскими циркулярами всему православному духовенству. Только убеждение рождает убеждение и все его благие последствия. Надобно стараться, чтобы достойнейшие, наиболее почитаемые, любимые и влиятельные члены духовенства вошли по сердечному убеждению в виды правительства и ради общего блага, ради общей пользы гражданской и христианской, добровольно захотели действовать в этом смысле: тогда они будут знать, как и к кому отнестись, кому из епархиального духовенства что и как предписать и внушить; словом, собственное убеждение и любовь укажут им пути и способы действия, которые недоступны для циркулярных предписаний; б) следовало бы подвергнуть самому внимательному пересмотру и существенно упростить все без изъятия

действующие ныне постановления об отпуске на волю крепостных как с землею, так и без земли, ибо, напр., освобождение крепостных с землею в настоящее время обставлено столькими формальностями, многосложными, придиричвыми и бесконечными, что трудно решить — хочет ли законодательство способствовать или противодействовать упразднению крепостного права; в) следовало бы также организовать правильным образом и по возможности в обширных размерах выдачу ссуд тем крепостным деревням, селам и т.п. и даже отдельным лицам, на увольнение которых помещики изъявляют согласие, под условием взноса известной суммы денег. Потребность этой меры очевидна: часто бывает, что крепостные имеют случай выкупиться с землею, на довольно выгодных условиях, и даже деньги у них есть, да не сполна вся требуемая сумма, и из-за этого дело расходуется. Что касается до выкупа из крепостного состояния отдельных лиц, то в больших центрах, напр., в Москве и Петербурге, он совершается так часто, что давно уже вошел в разряд юридических сделок самых обыкновенных. Происходит это таким образом: крепостные, не имея денег для выкупа, приискивают себе кредитора, который вносит за них всю сумму, а они ее потом у него отслуживают. Такой выкуп, в мнении простого народа, есть дело благочестивое, более угодное Богу, чем обыкновенная ссуда. Если б был учрежден банк или отделение банка для выдачи ссуд на выкуп, на известных условиях, согласованных с потребностями, способами и нуждами простого народа, то нет сомнения, что при не очень значительном оборотном капитале он оказал бы самую существенную услугу делу освобождения и незаметно доставил бы волю тысячам людей и множеству сел и деревень. И г) надлежало бы содействовать всеми возможными средствами образованию капиталов для выкупа крепостных с землею и без земли. Такими средствами могли бы служить открытие подписок, постоянных и временных, в целой России, сборы в церквях, разыгрывание лотерей. Следовало бы не только дозволить, но поощрять составление обществ, по образцу благотворительных, с целью выкупа крепостных; эти общества могли бы принимать участие и в составлении договоров или условий между господами и их крепостными о выкупе и т.п. Многие найдут, может быть, все эти способы неприличными или, как у нас говорят, неблаговидными; но с этим мнением нельзя согласиться. Если не считается неприличною подписка на выкуп пленных, на вспоможение раненым, на покупку им не только пищи, белья, платья, но даже лекарств, корпии и разных целебных и прохладительных снадобьев, если никому не приходило еще в голову

считать неблагоприятными пожертвования деньгами и вещами в пользу бедных, вдов и сирот, на выкуп должников из тюрьмы, на содержание бедного духовенства, церквей, в пользу войск, даже на покрытие военных издержек, то нет причины почему бы неприлично или неблагоприятно было собирать пожертвования на упразднение крепостного нрава, которое в государственном смысле хуже бедности, сиротства, болезни, ран, тюрьмы, плена, и гораздо вреднее и опаснее войны.

III. Выше было замечено, что император Александр I старался поставить в крепостном праве на первый план не личность крепостных, а землю, недвижимую собственность, и к ней так сказать, приурочить повинности и обязанности крепостных к владельцам; мысль глубокая, которая давно преобразовала бы у нас крепостное право, если бы она, как многое другое хорошее в нашем законодательстве, не была впоследствии забыта. Начать теперь развивать эту мысль во всех ее подробностях едва ли было бы полезно, потому что большая часть мер, из нее вытекающих, коснулась бы самого существа крепостного права, а всякая попытка определить отношение между крепостными и их владельцами, при теперешней низкой степени образования в России, при отсутствии правосудия и неустройстве местной администрации и полиции, вместо того, чтоб оградить крепостных, повела бы только, как показал опыт, к усилению взаимного неудовольствия и раздражения господ и крепостных и к бесчисленным новым, разорительным процессам. Поэтому было бы осторожнее, даже, может быть, справедливее и во всяком случае полезнее, имея целью выкуп и окончательное, полное освобождение крепостных, ограничиться, при осуществлении означенной выше мысли, теми только мерами, которые, подготавливая повсеместное освобождение, в то же время не нарушали бы материальных интересов владельцев. В этих видах можно было бы: а) выкупить всех однодворческих крестьян²⁹ без земли; — по 9-й народной переписи их числилось не более 6,347 душ муж. пола; б) окончательно запретить, под каким бы то ни было предлогом, владеть крепостными без земли. Подобное запрещение существует уже и теперь, но оно обставлено столькими оговорками, изъятиями и тому подобными сбивчивостями, что даже до сих пор есть какие-то, законом дозволенные, способы владеть крепостными, не приписанными к земле. И в) окончательно запретить продажу и отчуждение крепостных без земли, под каким бы то предлогом ни было, потому что такие продажи подают повод к самым вопиющим злоупотреб-

лениям, напр., по отправлению рекрутской повинности, и обращают крепостных в личных рабов*.

IV. Наконец, для того, чтоб иметь возможность приступить к повсеместному освобождению помещичьих крепостных в целой империи, надлежало бы собрать предварительно все статистические данные, необходимые для составления проекта выкупной операции, подготовить достаточное число благонамеренных, бескорыстных и просвещенных чиновников, хорошо знакомых с юридическою и экономическою стороною крепостного права, и расположить в пользу освобождения общественное мнение. Для достижения всех этих целей, прежде всего необходима гласность, само собою разумеется, в известных пределах. Нет сомнения, что лишь только крепостное право и способы его упразднения сделаются предметом подробного рассмотрения и обсуждения в печати, и начнется обмен мыслей об этом предмете, — общественное мнение, под влиянием рассуждений и прений, скоро сложится, будут собраны о крепостном праве весьма подробные и основательные сведения и данные, и образуются люди и чиновники, какие нужны для успеха дела, — словом, все необходимые орудия для упразднения крепостного права создадутся сами собою и станут в распоряжение правительства, а ему останется только пользоваться ими. Согласно с этим, надлежало бы принять следующие меры: 1) для собрания статистических сведений: а) по каждому уезду, в котором есть крепостные, собрать за несколько последних лет точные и полные данные о том: аа) сколько в нем находится всего крепостного населения; бб) поскольку десятин земли приходится на каждую крепостную душу; вв) сколько из них находится в действительном пользовании крепостных и, следовательно, будет подлежать выкупу; гг) какая средняя цена десятины земли удобной — пахотной, луговой, покрытой лесом и проч., и неудобной; дд) какая цена одной ревизской души без земли; ее) какая средняя цена одной ревизской души в общем составе населенного имения, и жж) сколько в уезде оброчных и издельных имений, сколько в тех и других особливо ревизских душ и какое в них распределение земли между владельцами и крепостными; б) все эти данные собирать не чрез местное начальство, которое, в большей

* Вот два случая из тысячи: семья крепостных людей покупается с тою единственно целью, чтобы сдать в рекруты всех членов, годных к военной службе; после того старики, женщины и дети перепродаются снова прежнему их владельцу, по предварительному об этом условию. Или: крестьянами богатейшего владельца покупается на его имя целая деревенька, и все годное в ней для военной службы сдается в рекруты; остаются одни старые, малые и женщины. Так обходится закон, запрещающий разрознивать членов семейств при продаже.

части требуемых от него статистических сведений, почти всегда выставляет цифры наобум, чтобы лишь очистить бумагу, — а посредством частных лиц, вызывая их к тому назначением, за отличные труды, наград, медалей, премий и т.п., открывая им все нужные для их работы официальные источники и оказывая всевозможное содействие. Подобные труды могли бы с большим успехом быть предлагаемы, в виде задач, сельскохозяйственными обществами, императорским русским географическим, академиею наук, начальством межевого ведомства и проч. Все сведения, собираемые таким образом и частными лицами от себя, — печатать не только с дозволением подвергать их строгой поверке, но с вызовом к тому всех желающих и знакомых с делом, и с этою целью премии, награды, медали и проч. за лучшие сборники сведений такого рода присуждать не прежде, как по строгой их проверке особыми специальными комиссиями, которым вменить в обязанность принять в самое тщательное соображение и разные отзывы, сделавшиеся им известными путем обнародования или другими способами;

2) в видах приготовления общественного мнения к упразднению крепостного права следовало бы: а) не только разрешить владельцам совещаться между собою об удобнейших способах освобождения крепостных, преимущественно в той местности, где находятся их имения, но и поощрять их к тому; б) приглашать и поощрять к тому же все существующие в России сельскохозяйственные общества, к занятиям которых этот вопрос непосредственно относится; в) предложить профессорам политической экономии и статистики во всех высших учебных заведениях подробно излагать и объяснять на лекциях пользу и выгоду освобождения крепостных в промышленном и хозяйственном отношениях; выполнить эту задачу им будет тем легче, что наука давно уже признала это положение за истину неопровержимую, не подлежащую никакому сомнению; г) дозволить печатно рассуждать о труде добровольном и принужденном или обязательном, с вознаграждением и без вознаграждения, и о пользе и вреде того и другого вида для государства, общества и частных лиц, в хозяйственном и материальном отношениях. Подобные рассуждения, не касаясь вопроса с его щекотливой, нравственной и политической стороны, принесли бы особливо при полемике и ту еще неисчислимую пользу, что в весьма короткое время в нашем обществе сложились бы здравые и ясные политико-экономические и финансовые понятия, отсутствие которых теперь так ощутительно и такие вредные имеет последствия.

Едва ли нужно оговаривать, что направление общественного мнения к известной желаемой правительством цели и возбужде-

ние частной деятельности в известном направлении может быть достигнуто не циркулярными предписаниями, не приказами к точному и буквальному исполнению, а лишь словесными предложениями, указаниями, частными сообщениями, в которых просвечивало бы с большою или меньшею очевидностью неперменное намерение правительства освободить крестьян с владеемою ими землею, но с полным за то вознаграждением владельцев. Убеждение, что таковы цели правительства, успокоило бы умы, примирило бы всех с предполагаемым преобразованием и внушило бы высокое понятие об энергии, прозорливости и справедливости правительства. А такого расположения умов только и нужно, чтобы Россия легко, мирно, без потрясения, освободилась от тяжкого бремени крепостного права.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ³⁰

Мысль упразднить помещичье крепостное право выкупом владельческих крестьян со всею землею, которую они на себя обрабатывают, вызвала много возражений. Благодаря им, самый предмет, столь важный, столь, можно сказать, неисчерпаемый, более и более уясняется с различных сторон.

Признавая в полной мере, что всякое замечание и возражение, каково бы ни было, впрочем, его достоинство, указывает или на недостаточную разработку предмета, или, по крайней мере, на более или менее существенные недостатки редакции, мы считаем себя обязанными, для пользы самого дела, со всевозможным вниманием разобрать все без изъятия возражения, которые нам удалось слышать против мысли об освобождении крепостных вообще и в особенности против предложенного нами способа выкупа.

Остановимся сперва на возражениях и замечаниях более общих, имеющих особенную важность, и перейдем потом к подробностям и частностям.

I.

Многие решительно восстают против обращения помещичьих крепостных, после их выкупа, в государственные крестьяне, водворенные на собственных землях, и остаются в убеждении, что после освобождения крепостных дворянство в России никак сохраниться не может.

Об этом рассуждают обыкновенно таким образом:

По освобождении, так или иначе, крепостных людей, какое будет их законное положение? Конечно, многие помещичьи имения,

действительно, представляют печальные доказательства непопулярности беспечности и преступного равнодушия владельцев к благу их крепостных; но, к счастью, число их, с успехами просвещения, видимо уменьшается, а взамен того сколько же есть таких имений, в коих благоустройство, зажиточность крестьян и образцовый во всем порядок на деле доказывают государственную и административную пользу помещичьей власти. Чем же можно заменить эту власть? На кого перенести с владельцев бесчисленные заботы по внутреннему устройству бывших крепостных общин и попечительство над крестьянами? С другой стороны, дворянство теперь — первое сословие в империи и пользуется привилегиями, которые обеспечивают за ним, частью по праву, но еще более на самом деле, известное и притом довольно значительное влияние на общественную и государственную жизнь России. С той минуты, как помещичьи крестьяне будут освобождены и сами станут землевладельцами, дворянство неминуемо потеряет это важное первенствующее значение, потому что не будет уже ни малейшего основания оставлять за ним те привилегии, которыми оно теперь исключительно пользуется. Потеряв всякое отличие от прочих сословий, оно смешается с ними и по малочисленности своей затеряется в их массе. Может ли дворянство желать такого преобразования? Но, оставляя в стороне дворянство, — можно ли желать его для государства и для России? Если бы такое преобразование действительно состоялось, то нет сомнения, что грубое невежественное большинство заглушило бы в управлении и общежитии просвещенное меньшинство; нравы стали бы еще грубее, чем теперь, как во всех обществах, где аристократические элементы стоят на втором плане. Азиатская основа нашего народного характера опять стала бы преобладать, как было до Петра Великого, ибо она сдерживается единственно благодаря тому, что во главе народа и управления стоит меньшинство, принявшее европейское влияние и нравы. Итак, сохранение теперешнего положения и роли дворянства в России есть дело государственной важности, а это невозможно без сохранения крепостного права.

Таковы возражения против упразднения крепостного права, которые слышатся отовсюду, не только от решительных противников этой меры, но даже и от тех, которые признают крепостное право несправедливым и во многих отношениях вредным для России.

В основании всех изложенных выше рассуждений лежит, во-первых, недоверие к нашей администрации, — особливо к ведомству государственных имуществ, во-вторых, убеждение в том, что значение и влияние должны принадлежать в России не массам, а

просвещенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянством.

С тем и другим нельзя не согласиться вполне. Местное наше управление крайне притеснительно, алчно, невежественно и незаконно. За весьма редкими, случайными исключениями местные органы администрации и правосудия едва ли не составляют худшей, вреднейшей части народонаселения. Мы не станем также защищать местного управления государственных имуществ, хотя, признаемся, и не видим причины, почему бы ему именно принадлежало в этом отношении печальное преимущество перед прочими ведомствами. Наконец, нельзя не разделять убеждения, что значение и влияние должны принадлежать не толпе, а образованнейшему и зажиточнейшему сословию. Если это справедливо для всех стран в мире, то тем более в применении к России, где просвещение так мало развито в большинстве народа.

Но именно для преобразования местной администрации, для поставления дворянства в то положение, какое ему приличествует, совершенно необходимо уничтожить крепостное право. Последнее породило и питает неудовольствие к дворянству в крепостных и недоверие к нему правительства. Внутренний разлад между органическими стихиями России, вытекаая из крепостного права, с его существованием будет сохраняться, с усилением его усилится, с упразднением исчезнет, — разумеется, если последнее совершится безобидно для простого народа.

Справедливость этой мысли подтверждают и история, и ежедневный опыт.

Что есть администрация? Орудие, посредством которого верховная власть уравнивает различные общественные элементы, приходящие между собою в столкновение или в соперничество. Богатые, знатные, родовитые, сильные, просвещенные, умные имеют огромные преимущества перед бедными, незнатными, безродными, слабыми, непросвещенными, посредственными или глупыми, и образуют высший слой человеческих обществ. Необходимое неравенство людей, — составляющее, вопреки всем теориям, закон естественный, — повело бы к чрезмерному преобладанию меньшей части общества над большинством, если бы не было верховной власти, которой призвание — служить между ними посредником, охранять и защищать низшие классы, во всех отношениях нуждающиеся в опоре и покровительстве.

В древней России крестьянин называл себя царским сиротою, выражая тем глубокое, вполне верное, представление русского народа о верховной власти и ее значении, и вся наша внутренняя

история, от первой страницы до последней, есть не что иное, как развитие и применение этого основного воззрения. Не дав у себя развиться, по примеру других славянских племен, феодальным и олигархическим зачаткам, русский народ создал власть, какой не видал еще дотоле мир, и об нее разбились все беды, сгубившие другие славянские народы. Зорко сторожили мы у себя за неприкосновенностью верховной власти, поддерживали ее всеми, силами в шаткие времена и восстанавливали, когда неблагоприятное правителей низводило ее с ее несокрушимого подножия.

Русский царь — не дворянин, не купец, не военный, не крестьянин; он выше всех сословий и в то же время всем им близок. Сила вещей, нередко вопреки личным наклонностям, стремлениям и понятиям, непременно делает русского царя посредником, верховным третейским судьей общественных интересов, справедливым мерилom притязаний всех классов и сословий. Строго, даже сурово и временами жестоко, сдерживали наши древние самодержцы высшее сословие, когда оно чрезмерно налегало на простой народ. Защищая слабого против сильного, они должны были, мало-помалу, создать себе покорное и надежное орудие своего призвания, чуждое интересов обеих соперничающих сторон. Таким орудием является, почти тотчас же после возникновения самодержавия, сословие дьяков и подьячих, зародыш и первообраз звания чиновников. Это сословие вербовалось из людей темных, но более или менее грамотных и деловых, не принадлежавших ни к какому званию, или покинувших свое звание и потому чуждых всяким общественным и сословным интересам. Степень образованности, бескорыстия и добросовестности этого класса зависит от степени общего народного образования и нравственности. Но как в полуварварских, так и в высоко просвещенных государствах, характер, значение и общественное положение этого класса остаются те же, пока не изменятся самые отношения между сословиями или общественными интересами. Русская пословица: «поссорь Бог народ, накорми воевод» навсегда останется и в буквальном, и в переносном смысле истиною для всех в мире народов. Напрасно многие думают, что бюрократическое управление посредством чиновников может быть введено или уничтожено по произволу, напрасно приписывают они вред, происходящий от бюрократической системы, эгоистическим, себялюбивым видам правительства. Бюрократия есть необходимый плод взаимной вражды и недоверия сословий и общественных интересов, не умеющих или не желающих придти к какому-нибудь соглашению. Говорят, что бюрократия порождена недоверием правительства к народу. Но так ли это?

Порядок вещей, при котором низшие слои общества, по необразованности, отсутствию общественного духа и своему положению, совершенно подчинены влиянию высшего сословия, а последнее всеми силами стремится исключительно, эгоистически воспользоваться этим влиянием в свою только пользу, едва ли и заслуживает доверия. Народ, как целое, тут ни причем. Всякому правительству, конечно, во всех отношениях было бы удобнее управлять народом посредством высшего класса, который, по своему положению между верховною властью и низшими слоями общества, мог бы служить наилучшим представителем всенародных польз и ходатаем за них. Но ненормальное отношение высших классов к низшим вынуждает правительство питать к первым некоторое недоверие и только отчасти, с важными ограничениями, предоставлять им участие в делах общественных.

Эти выводы вполне подтверждаются у нас на деле. Наше местное управление, вызывающее такие громкие, такие единодушные жалобы всей России, всех сословий, можно сказать, основано на недоверии. Им только и объясняется глубокая тайна, окружающая не только правительственные распоряжения, но и просительские дела; чрезмерное, губительное сосредоточение в центральных государственных установлениях бесчисленного множества ничтожнейших дел и бумаг, которым следовало бы оканчиваться в местах уездного управления, и уже ни в каком случае не восходить далее губернских инстанций; чрезвычайное развитие в местном управлении начала бюрократического, чиновного, при заметном ослаблении начала сословного и выборного. Отсюда прямо или косвенно проистекают все коренные недостатки теперешней нашей системы управления, для устранения которых одно только и есть действительное, вполне надежное средство: все дела местного интереса и управления, не имеющие общей государственной важности, или даже не касающиеся в одно и то же время нескольких местностей, предоставить окончательному решению местных учреждений; для этого сословные дела вверить заведыванию выборных из самих сословий, а общие земские дела — учреждениям, образованным частью из чиновников, частью из выборных, но не безгласных, как теперь, а поставленных в совершенно независимое положение от исполнительных властей; затем, для устранения злоупотреблений, обыкновенных спутников секретного делопроизводства, административного произвола, безответственности и безнаказанности, подчинить местное управление, в некоторой мере, контролю публичности и гласности, и суду, совершенно независимому от административных учреждений.

Все это очень хорошо известно правительству. Оно слышит горькие жалобы народа, но вместо того, чтоб приступить к действительным мерам, польза которых уже изведена на деле, ограничивается одними пальятивными³¹ полумерами. Отчего это происходит? Кто осмелится сказать, что правительство не желает добра и пользы? Нет! Вглядываясь глубже в сущность вопроса, нельзя не угадать скрытой причины, которая одна удерживает правительство на пути благодетельных преобразований нашего местного управления. Не трудно доказать, что если привести в исполнение все изложенные выше меры, то дворянство, класс самый просвещенный, самый зажиточный, самый сильный по своему положению и связям, получит решительное влияние на губернское и уездное управление; в этом сословии разовьется сословный дух, который будет иметь большой вес в целой народной жизни. Не будь дворянство поставлено чрез крепостное право в ложные, ненормальные отношения к половине сельского народонаселения империи, правительству оставалось бы только с радостью воспользоваться случаем в одно и то же время и облегчить государство от тяжкого бремени дурного местного управления, и действовать на непросвещенные массы чрез лучших, достойнейших представителей народа. Недоверие — эта язва и частной и общественной жизни — скоро заменилось бы доверием и любовью. Но крепостное право поставляет этому непреодолимую преграду. Пока оно существует, правительство не может не изменить священнейшим своим обязанностям, своему прошедшему, своим преданиям, ограничив чиновников дворянством и тем отняв у себя, хоть на время, а может быть и навсегда, всякие способы ограждать низшие сословия от произвола высших. Только благодаря тому, что у нашей верховной власти весы еще не выпали из рук, нас не постигла судьба Польши. Для знающих русскую историю это уже давно неоспоримая истина.

Скажем к чести всего русского народа, не различая сословий и классов, что он глубоко носит в себе убеждение в этой истине, хотя, разумеется, не все одинаково отчетливо и ясно ее понимают. Скольکو в течение нашей истории было самых, казалось, благоприятных минут для вовлечения верховной власти в исключительные интересы дворянства. Даже бывали неоднократные попытки в этом роде, и удачные, но здравый политический смысл русского народа, в конце концов, всегда торжествовал над этими минутными уклонениями. Само дворянство не раз первое восставало против попыток такого рода.

Теперь ряды чиновников наполнены дворянами. Сколько есть примеров, что дворянин, горько сетовавший на порядок дел, осуждающий дворянство на бездеятельнейшую роль в местном управлении, вступив после того в государственную службу и заняв влиятельную должность в администрации, совершенно входил в виды правительства и с убеждением становился органом системы, которую порицал так решительно. Напрасно стали бы мы объяснять все такие случаи одним искательством, тщеславием, неблагородною лестью. Такова сила вещей, таков, к счастью, закон русской жизни, покоряющий себе все! Он изменится с той лишь минуты, когда крепостной получит свободу с землею, обеспечивающею его и его семейство; ибо только в таком случае оба, и дворянин, и крестьянин, сделавшись землевладельцами, придут в нормальное отношение, будут иметь одни общие интересы, одни выгоды, одни стремления и цели. Тогда и дворянство перестанет опасаться необходимых и полезных преобразований, и правительство перестанет не доверять дворянству за его отношения к простому народу, и последний увидит в дворянстве своего естественного, достойного доверия представителя, потому что, имея одни и те же интересы с простым народом, дворянство будет иметь все способы защищать их для себя и вместе для черни. Весь народ сольется в единое целое, в котором будут различия, будут высшие и низшие классы, но не будет вражды и внутренней разорванности.

В заключение сделаем еще одно замечание. Многие думают, что должно освободить крепостных вовсе без земли, или с одною усадьбою, или с одною десятиною пахотной земли. Для обеспечения крестьян предлагают, в замен поземельной собственности, учредить для них вечную или продолжительную аренду в помещичьих землях, а управление крестьянскими общинамиверить владельцам дворянских имений, но с разными ограничениями, посредством выборных из крестьян. Подобных комбинаций предлагается множество, с разными вариациями, но все имеют одну цель: удержать за дворянством всю или почти всю землю и чрез это поставить от него в хозяйственную и политическую зависимость крестьянина. Думают, что если так было и есть в большей части Европы, то почему же не быть тому точно также и у нас? Мы, с своей стороны, совершенно не разделяем этого мнения. Дворянство, которое с первого взгляда должно чрез это выиграть, всего более потеряет, ибо если теперь, когда владелец, по закону и по необходимости, еще заботится о крепостных, последние сильно тяготятся своим положением, то что будет, когда такие заботы с него снимутся, и в то же время крестьянин останется на деле

в большей или меньшей зависимости от бывшего своего помещика. Теперешнее неудовольствие между дворянством и крепостными обратится в явную и открытую вражду, которой, конечно, никто не пожелает ни для России, ни в особенности для дворянства. Наш крестьянин — не латыш и не эстонец, не покоренное племя, а подданный великой державы, которую сам создал и поддерживает. И он это очень хорошо понимает! Нет, для счастья России во сто крат лучше предоставить вопрос о крепостном праве судьбе, даже решению слепого случая, чем решить его так неосновательно, близоруко, неестественно, противно русской истории, русскому духу, будущности России! Для нашего крестьянина прикрепление к земле началось в то самое время, когда Европа уже стояла на пути к упразднению крепостного права; мы знаем по примеру Европы ближайшие и отдаленные горестные последствия освобождения крестьян без земли. Воспользуемся же этим опытом, чтобы решить вопрос об аристократии и демократии иначе, правильнее, чем он решен в большей части европейских государств. Горе нам, если мы не воспользуемся их уроками! Пусть высочайшая справедливость, беспристрастие, общая государственная и народная польза руководят нас при упразднении крепостных отношений; ибо только под одним этим условием Россия получит несокрушимую прочность и то внутреннее единство, при котором невозможны будут междоусобия, терзающие Европу. Вместо того, чтоб поправить старую ошибку, как она теперь делает, постараемся ее совсем не делать. *А коренная ошибка есть освобождение крестьян без земли или не со всюю землею, ими владеемою, как требует справедливость.*

Предмет этот так важен, что мы считаем необходимым рассмотреть его впоследствии в особой статье.

II.

Почти все убеждены в том, что выкуп крепостных по частям или по губерниям подал бы повод к важным беспорядкам и потому крайне опасен. Думают, что необходимо произвести его разом в целой империи, а для этого потребовалась бы огромная сумма денег. О выпуске на эту сумму банковых билетов, как предполагается в проекте, по отзывам людей специальных, нельзя и думать, потому, что вследствие такой операции число кредитных знаков, обращающихся в империи, далеко превзошло бы действительную в них потребность, и непременно следствием этого было бы банкротство, которого не отвратит капитал обеспечения в 6-ую часть выкупной суммы.

Может быть, опасения эти и не оправдались бы на деле, но если все так думают, то такое общее убеждение уже само по себе делает изложенный в проекте способ выкупа невыполнимым.

В замен его люди специальные и практические предлагают выпустить на всю выкупную сумму 4-процентные облигации, в виде бессрочного долга, конечно, с удержанием за государством права выкупить эти облигации впоследствии, когда признает это нужным, по курсу. Нет никакой надобности принуждать владельцев принимать эти облигации в уплату за их имения: облигации могут быть распроданы в России и за границей, помещикам же должно быть предоставлено на волю получать уплату облигациями или деньгами. Такая операция, по мнению тех же специальных людей, не представляет никакой опасности и никакого риска.

Для обсуждения этого предположения вот некоторые числовые данные:

Если положим, что за каждую выкупаемую ревизскую мужского пола душу, с предположенным в проекте количеством земли, придется выплатить владельцам по средней оценке от 105 до 150 руб. сер., то с каждой из этих душ пришлось бы ежегодно взимать выкупного платежа от 4 р. 20 к. до 6 рублей.

Этот расчет требует некоторых пояснений.

1. При назначении 105–150 руб. основанием служили следующие соображения:

а) В землевладельческих губерниях средней полосы России, имеющих относительно частое народонаселение, как-то: тамбовской, рязанской, орловской, тульской, курской — имения оцениваются не по числу душ, а по количеству земли; наделение землею крестьян по 6-ти десятин на тягло считается роскошным; если в имении число тягол составляет половину числа ревизских душ, то такое отношение считается особенно благоприятным; наконец, средняя цена земли в названных губерниях составляет от 35 до 50 руб. сер. за десятину.

б) В многоземельных и мало населенных губерниях южной и юго-восточной части империи земля хотя несравненно дешевле, чем в центральной России, но зато там, вследствие залежной системы³², ее дается крестьянам несравненно больше; и

в) Что касается до оброчных имений промышленных губерний — ярославской, костромской, нижегородской и проч., то здесь средний оброк с тягла можно положить примерно в 20 руб. А как здесь еще чаще, чем в губерниях землевладельческих, число тягол только вдвое менее числа душ, то подушный оброк господину составит 10 руб. сер., т.е. от 6% до 7% с капитала в 150 руб., как обыкновенно

и оцениется средний доход с оброчных и даже с земледельческих имений, кои почему-либо не поставлены в особенно выгодные или особенно невыгодные условия.

2. Некоторые думают, что было бы несправедливо выплатить владельцам сполна, по оценке, всю выкупную сумму за отходящую от них часть имения и крестьян, потому что на владельцах лежат обязанности в отношении к крепостным, которые требуют денежных расходов и которые с освобождением перенесутся на самих крестьян. За это справедливость требует сделать соразмерный вычет из следующего владельцам вознаграждения.

Против этого должно заметить, что если бы вознаграждение владельцев предполагалось произвести по расчету чистого и валового дохода от имений и по оценке повинностей, работ и служб крепостных в пользу помещиков, то, конечно, вычеты или удержания из выкупной платы были бы справедливы и естественны. Но такая оценка и такие расчеты совершенно невозможны и практически невыполнимы, по отсутствию правильного хозяйства и счетоводства в большей части помещичьих хозяйств, по неопределенности повинностей, работ и служб крепостных в пользу владельцев и совершенному отсутствию всякого законоположения об этом предмете, по неразвитию промышленности, вследствие чего во многих местностях невозможно определить, даже приблизительно, цены на разные работы, по недостатку просвещенной, хорошо устроенной, местной администрации, на которую бы можно было возложить важную, многосложную, деликатную и трудную задачу точного вычисления следующего владельцу каждого имения вознаграждения. По всем этим причинам должно произвести оценку имений по существующим на месте ценам, которая гораздо проще и выполнимее, чем изложенные дробные расчеты, а при такой оценке нет причины делать вычеты из выкупной суммы, потому что местные цены на имения не могли составиться без соображения разных по ним расходов.

Многие думают, что всего правильнее было бы начать с повсеместного введения в России предложенных в записке косвенных мер освобождения, так как для их осуществления не может представиться никакого затруднения. Эти меры в течение нескольких лет сильно уменьшили бы число крепостных, и тогда уже можно было бы, без опасения, приступить к вынудительному выкупу имений, остающихся крепостными, тем более, что он не потребовал бы такого огромного внутреннего или внешнего займа, как с самого начала.

Мнение это весьма основательно. Против него можно привести разве только опасение, что, при действии одних косвенных мер, дело освобождения затянется на слишком долгий срок. Но если иначе никак невозможно, то пусть же лучше упразднение крепостного права подвигается вперед медленно, чем не двигается вовсе, как теперь.

III.

Владельцы населенных издельных или барщинных имений в губерниях земледельческих, как средней полосы, так в особенности малороссийских, убеждены, что в случае выкупа крестьян со всею землею, которую они на себя обрабатывают, последние до такой степени были бы обеспечены в способах существования, что, по свойственной земледельческому населению привычке довольствоваться малым и по врожденной жителям южных краев лени и беспечности, они долго и не подумали бы наниматься в работники у бывших своих помещиков или нанимать у них землю, а стали бы довольствоваться тою землею, которая останется их собственностью; помещики же, от совершенного недостатка в рабочих и в арендаторах, были бы поставлены, по крайней мере сначала, на довольно продолжительное время, в самое затруднительное положение, а менее достаточные успели бы, между тем, совершенно разориться.

Этого возражения нельзя не признать вполне справедливым и заслуживающим уважения. Но сохранение за крестьянами всей земли, которою они теперь на себя владеют, мы считаем, по изложенным в проекте и в настоящей записке основаниям, до такой степени во всех отношениях существенно важным условием освобождения, что для устранения некоторых, хотя и вредных, но во всяком случае временных, его последствий, по нашему убеждению, невозможно пожертвовать главным основным началом и оставить крестьян без земли, или же с количеством земли для них недостаточным. При том же можно, кажется, пособить делу разными косвенными временными же мерами, а именно: обязать выкупленных крепостных на известный срок отбывать, в пользу бывших их владельцев, известные, законом определенные, работы повинности и службы в известном, законом же определенном, количестве и за денежную плату со стороны помещиков, по установленной законом таксе. Эта мера не только обеспечила бы владельцам нужные для их хозяйств рабочие силы, но дала бы и самим крестьянам надежное средство аккуратно и сполна выплачивать

ежегодный выкупной сбор. Можно было бы даже, для совершенного обеспечения этих платежей, постановить правилом, что заработанный крестьянами у их бывших помещиков деньги вносятся последними от себя в уплату следующего с крестьян ежегодного выкупного сбора, и только излишек выдается крестьянам на руки. Но для пользы, как владельцев, так и самих крестьян, необходимо при определении работ и служб принять за правило, чтобы: 1) число работников и работниц было назначено с общины, а не с дома или тягла; 2) крестьянам предоставлено было право, вместо себя, посылать на работу наемных людей; 3) никакие другие обязанности, кроме прямо относящихся к земледелию, на крестьян возлагаемы не были; 4) эти обязанности или повинности были ограничены самою неизбежною потребностью владельца без малейшего излишества; 5) помещику предоставлено было право не пользоваться рабочими, если в них не нуждается, и в таком случае и не платить им узаконенной платы; 6) работы были определены с возможною точностью и возможным соблюдением пользы крестьян; так, например, чтобы владелец не имел права переносить рабочих дней из одной недели в другую, заменять одну работу другою по произволу, требовать конного рабочего вместо пешего, работника вместо работницы, увеличивать урок или число рабочих часов в рабочем дне и т. под.; 7) урочные положения были составлены по каждому роду работ, применяясь к местным обычаям и условиям.

IV.

Кроме изложенных главных возражений на проект сделаны еще некоторые другие, не столь существенно важные, замечания, на которые, однако, мы тоже считаем обязанностью отвечать, по крайнему разумению.

1. На каком основании следует произвести освобождение дворовых? О дворовых не сказано в проекте особливо, потому что ониразумеются вообще под крепостными, приписанными к имениям, и нет основания отделять дворовых от крестьян, ибо есть дворовые, несущие тягло, и есть крестьяне, служащие помещикам лично и не имеющие тяглового поземельного участка. Таким образом, различие их несущественно, и почти невозможно провести между этими двумя разрядами крепостных точной разграничительной черты. Притом же это и совершенно не нужно. Сколько есть и теперь приписанных к деревням и селам крестьян, которые не имеют в них поземельного владения, а между тем числятся по приписке при своих крестьянских общинах и несут с ними подати

и повинности! В таком же точно положении могут находиться и дворовые после освобождения. Там, где ценность имений определяется ценностью земли, с переложением податей и повинностей на землю, распределяются по владению и ежегодные выкупные платежи, и тогда на приписанных к выкупленным имениям дворовых, не имеющих тягловых участков, останутся только личные повинности, как-то: рекрутская, по выборам в разные должности и по сословным или мирским складкам и т.п. Если же им почему-либо окажется неудобным принадлежать к выкупленным сельским обществам, то они припишутся к тому или другому городу, смотря по удобству. В тех же местностях, где ценность имения определяется не только ценностью земли, но и стоимостью труда, на выкупленных дворовых должна быть зачислена определенная, по расчету, часть выкупной суммы, и проценты с нее взыскиваться с них в виде поголовной подати, к какому бы состоянию выкупленный дворовый впоследствии ни приписался. Так как эта часть не может быть значительна, то можно будет даже, для упрощения расчетов, взыскать ее с выкупленных дворовых в течение нескольких лет, уравнив их, во взносе всей выкупной суммы, в платежах с теми званиями, к которым они припишутся. Наконец, что касается до круглых бобылей и бездомников³³ из дворовых, которые по старости, болезням или по недостатку умственных способностей не могут кормиться сами собою, а также малолетних и сирот, то все они поступят по выкупе на попечение сельских обществ, к которым приписаны, как поступают теперь подобные лица из крестьянского звания на попечение мира.

На каком основании должна быть произведена раскладка ежегодных выкупных платежей между выкупленными крепостными?

Самый нормальный, самый правильный способ раскладки, конечно, был бы по поземельному владению и промыслам, уравнинный если не в целой империи, то по крайней мере по каждой губернии. Но такая раскладка предполагает оценку земли и промыслов, которая потребовала бы много труда и времени. Поэтому, чтоб не замедлить и не усложнить дела освобождения, едва ли не было бы полезнее на первый раз зачислить долгом на каждом выкупленном имении сполна всю заплаченную за него владельцу выкупную сумму, которая и распределится между приписанными к тому имению, подобно прочим податям и повинностям. Затем, тотчас же по освобождении целого какого-нибудь уезда, может быть немедленно произведено уравнивание выкупных платежей между всеми выкупленными имениями того уезда, а с уничтоже-

нием крепостного права в целой губернии — между всеми выкупленными именными той губернии.

Многие думают, что следовало бы предоставить крепостным право выкупаться без земли, за определенную законом цену, даже без согласия владельцев.

Об освобождении крепостных без земли подробно говорено нами и при изложении плана выкупа, и в настоящей записке. Прибавим, что дозволение крепостным выкупаться без земли, лишив владельческие имения самых богатых, самых промышленных крестьян, обратило бы лучшее сельское народонаселение в неоседлых бездомников. Не думаем, чтоб правительство, в общих государственных видах, могло согласиться на подобную меру, которая, вдобавок, более других поставила бы крепостных еще более в ложные и щекотливые отношения к владельцам, чем теперь. Если подобную меру допустить возможно, то только разве в отношении к дворовым, не имеющим тяглогового участка и не занимающимся сельскими промыслами. Но и в таком случае нужно приступить к делу весьма осторожно и обдуманно, потому что, как выше замечено, между сословием крестьян и дворовых резкой разграничительной черты уже нет.

4. Некоторые утверждают, что нет надобности выдавать владельцу всю выкупную сумму сразу, а можно ее выплатить в несколько сроков, потому что поставление помещичьих хозяйств, после освобождения крепостных, на новую ногу очень больших издержек не потребует, а между тем большинство дворянства избежит опасности, к крайнему своему разорению, растратить всю полученную им выкупную сумму непроизводительно, и чрез это прийти в безвыходное положение.

Постепенная выплата помещикам выкупной суммы, конечно, чрезвычайно упростила и облегчила бы выкупную операцию; но обязать их довольствоваться посрочным получением капитальной суммы, без их на то согласия, едва ли было бы справедливо и полезно для государства. Имена оброчные, малоземельные будут подлежать выкупу в полном составе, так что их владельцам придется или купить другие земли, или обратиться к какой-нибудь отрасли обрабатывающей промышленности. В том и другом случае им понадобятся капиталы, более или менее значительные, и в выплате их немедленно по цене освобождаемого имения правительство, по справедливости, отказать не может, не поставляя самого себя в необходимость принять на свое попечение всех дворян, разорившихся от получения разом следующей им за имения суммы. То же самое должно сказать и обо всех мелкопоместных

владельцах, которым будут причитаться суммы столь незначительные, что при рассрочке они станут совершенно ничтожны и послужат разве только для кратковременного пропитания получателей.

Многие предлагают выдавать помещикам проценты за недоплаченную им часть выкупных денег; но эта мера, по изложенным причинам, не могла бы заменить получения капитальной суммы, и притом какой назначить процент? Четыре — было бы ниже того, что дает имение, а больше — было бы тяжело для крестьян или для государства. О замечании же, что дворяне могут воспользоваться выплаченными им суммами не так, как следует добропорядочным хозяевам, мы, право, не знаем, что и сказать. Оно похоже на то, как если бы правительству рекомендовали приставить к каждому купцу по чиновнику, для наблюдения за тем, чтобы он правильно вел свои коммерческие обороты и конторские книги, ибо купец может же иногда повести дурно свои дела и промотаться или обанкротиться. Конечно, будут помещики, которые после выкупа разорятся. Но разве нет таких и теперь? По аналогии следовало бы уже отныне запретить выдавать им деньги под залог имений. Все подобные опасения, вытекающие из совершенно ошибочного взгляда на святой долг правительства заботиться о благе своих подданных, к счастью, не имеют основания. Большинство дворянства давно уже принялось за ум и понемногу распутывает гордые узлы³⁴, завещанные ему более беспечною, менее предусмотрительною эпохою. И это направление усиливается, а не ослабляется. Беззаботных людей стало в России очень мало. Это племя теперь почти переводится.

5. Многие предвидят затруднения при уступке крестьянам владеемой ими ныне помещичьей земли в том, что в некоторых имениях крестьянское и помещичье поля не отведены к одним местам, а лежат черзполосно. Пока все имение принадлежит одному владельцу, это не представляет никаких неудобств; но когда крестьяне в границах теперешних своих полей станут самостоятельными землевладельцами, положение изменится. Между бывшим помещиком и его бывшими крепостными начнутся непрерывные столкновения, тяжбы и ссоры, словом, обнаружатся все бедственные последствия черзполосицы.

В отношении ко многим имениям замечание это вполне справедливо, хотя нельзя утверждать, что все имения более или менее находятся в таком положении. Поэтому крайне было бы ошибочно, в предвидении означенных затруднений, поручить оценочным комиссиям по выкупу крестьян во всех выкупаемых имениях произвестить черзполосное размежевание между помещиками и крестья-

нами; ибо чрез это крайне усложнилось и замедлилось бы исполнение главнейших обязанностей комиссии по отводу земель и оценке выкупаемых имений. И так, всего правильнее было бы, кажется, дать этим комиссиям право производить чересполосное размежевание в тех только случаях, когда оставление чересполосного владения в выкупаемых имениях было бы, по особенно важным причинам, совершенно невозможно, наприм.: если бы владелец или крестьяне, оставаясь в настоящих границах землевладения, были отрезаны от воды или не имели проезда на пастбища, пашни, луга и т.п. Там же, где нет такой крайней необходимости изменить порядок землевладения, лучше, кажется, предоставить уничтожение чересполосности обыкновенному ходу этих дел, чтоб не отвлекать оценочных комиссий от отвода земель и оценки имений.

6. Многие думают так: если принять за правило, что помещичьи крестьяне должны быть выкуплены со всею землею, которою владеют, то все почти оброчные имения вышли бы из частного владения в полном составе, и владельцам ничего бы в них не осталось. Но чрез это в очень многих случаях были бы нарушены заветные, фамильные воспоминания и предания, связующие старинные дворянские семейства с их родовыми вотчинами, и при том, вследствие такой системы выкупа, во многих губерниях дворянство исчезло бы совсем.

Против этого заметим, что все важные государственные преобразования всегда имеют, при существенно хороших сторонах, и некоторые свои неудобства. Фамильные воспоминания, конечно, заслуживают всякого уважения; но нельзя же жертвовать для них общими государственными и народными пользами. С другой стороны, должно заметить, что в большей части оброчных имений владельцы сами не живут, а следовательно и воспоминания, связующие эти имения с их родовыми владельцами, приходят в упадок и забвение. С точки же зрения государственной и экономической пользы и справедливости — выкупа оброчных имений в полном их составе никак нельзя отвергать. Оброчные имения преобладают преимущественно в губерниях малоземельных и промышленных, где сословие больших зажиточных землевладельцев в действительности не существует, потому что там большая часть помещичьих имений суть оброчные, в которых всею землею и угодьями владеют крестьяне, а имений барщинных или издельных очень мало. Притом же у нас есть целые края, даже не промышленные, а земледельческие, где дворянства нет вовсе, и, однако, отсюда не происходит никакого неудобства ни для государства,

ни для управления; ни для самой страны. Заметим, что в промышленном, неземледельческом крае влияние и значение естественно принадлежат богатым промышленникам, а не большим землевладельцам. Следовательно, и в этом случае выкуп всей земли, владеемой крестьянами, будет иметь наилучшие последствия, водворяя нормальные отношения там, где крепостное право рождает теперь искусственные явления в области хозяйства и промышленности, а владельцы ничего от того не теряют, потому что получают полное вознаграждение за все свое имение.

7. В изложении проекта, в выноске, по поводу вопроса, с каким количеством земли должны быть, выкуплены крепостные, замечено, между прочим, что для южных и юго-восточных губерний, где существует система залежей и обрабатываемая пашня меняется, нельзя определить по владению ту землю, которая подлежит вместе с крестьянами выкупу, а надобно назначить законом ее количество. Против этого замечают, что для определения этого количества не трудно постановить общее правило. В каждом имении известно сколько земли дается на каждое тягло под ежегодную распашку, сколько лет такая или другая земля может быть сряду обрабатываема и потом должна быть оставляема в залежи. По одним этим данным можно совершенно точно определить, сколько земли должно быть выкуплено в данном имении; для этого надо разделить число лет, в продолжение которых земля должна быть в залежи, на число лет, в продолжение которых можно сряду возделывать одну и ту же пашню; потом прибавить к частному числу единицу и сумму помножить на число десятин, какое ежегодно дается под запашку каждого тягла; наконец, это произведение следует помножить на число тягол в имении; последний результат и определит с точностью количество пашенной земли, подлежащей выкупу в имении южного и юго-восточного края. Таким образом, положим, напр., что в данной местности земля пашется сряду 4 года и отдыхает в залежи 12, — ежегодная запашка каждого тягла = 5 дес., а число тягол в имении = 50, найдем, что в том имении будет подлежать выкупу $(\frac{12}{4} + 1) \times 5 \times 50 = 1000$ десятин, т.е. по 20 дес. на тягло или по 10 дес. на душу; ежегодная запашка составит 250 десятин; от оставления в залежь первых 250 дес., прочие 750 дес., разделенные на три участка, по 250 дес. каждый, будут возделываться по 4 года, вследствие чего к первому возвратятся опять ровно через 12 лет.

Это правило для расчета количества десятин земли, подлежащей выкупу в южных и юго-восточных губерниях, вполне справедли-

во, и им должно бы воспользоваться при составлении инструкции для оценочных комиссий.

8. Многие думают, что совершенно необходимо дать оценочным комиссиям в руководство какие-нибудь положительные основания для произведения оценки выкупаемым имениям; иначе произволу членов комиссий и проискам неблагонамеренных владельцев откроется слишком большой простор. Полагают, что таким основанием могли бы служить, для каждой местности, средние цены, выведенные из купчих крепостей, совершенных между частными лицами в течение последних 10-ти лет, но отнюдь не из аукционных продаж. Полагают, что разница выведенных из крепостей средних цен против действительных, если бы и оказалась, была бы самая ничтожная.

Опасение, выражаемое этим мнением, конечно, очень основательно и справедливо. Но мера, предлагаемая для ограничения произвола оценщиков, встретила бы единогласные и справедливые возражения и жалобы со стороны помещиков. Цены населенных имений никогда не означаются в крепостных актах свыше установленных законом наименьших цен, по расчету которых взимаются гербовые и крепостные пошлины; в действительности же они всегда, постоянно, гораздо выше их. Следовательно, принять за основание цены, показанные в купчих, значило бы уменьшить против действительности следующее владельцам вознаграждение за крестьян и за землю, вопреки справедливости и в ущерб владельцам. Конечно, во всех отношениях было бы весьма желательно найти какое-нибудь постоянное мерило оценки, для ограждения интересов тех, которые сами почему-либо не могут отстаивать свои права и пользы. Но, к сожалению, мы ничего в этом роде не знаем и не придумаем. Самым надежным ручательством все-таки остается выбор в оценочные комиссии честных и знающих людей, хотя бы даже одного председателя или прокурора. Мы не хотим верить, чтоб в целой империи нельзя было приискать каких-нибудь четырехсот или пятисот совершенно честных и порядочных чиновников, особливо назначив им порядочное содержание. Если в то же время объяснить выкупаемым крестьянам, что земля по выкупе будет принадлежать им на правах собственности, что они сами будут ее оплачивать, и что, след., им самим будет выгодно не дать переценить ее, чтобы не платить лишнего, то, без сомнения, крестьяне сами будут наилучшими блюстителями своих выгод. Кто не видал и не знает, по собственному опыту, как хорошо наш крестьянин понимает свое положение и свои выгоды. Особливо это выказывается при полюбовных чересполосных раз-

межеваниях. Владелец никогда не сумеет так основательно и твердо отстаивать крестьянского поля в своих поместьях, как сами крестьяне, и кто заботится о том, чтобы сохранить это поле без уменьшения в качестве или количестве, тому стоит только поручить это самим крестьянам.

Желание найти основание оценки имеет, кроме изложенной стороны, еще и другую. Оно предполагает, что для каждого уезда (так как оценочные комиссии должны быть учреждены по уездам) будут постановлены одни общие, нормальные цены, и по ним будет делаться расчет выкупной суммы, следующей владельцам населенных имений, посредством умножения этих цен на число ревизских душ или десятин земли, подлежащих выкупу. Не спорим, что под такую гуртовую или валовую оценку действительно подойдет самое значительное число выкупаемых имений, но зато в некоторых и даже во многих случаях такая оценка была бы не-правильна.

Кто не знает, что, смотря по местоположению, удобству для сбыта произведений, промыслам и достатку крестьян, цена имений колеблется между суммами, очень далеко отстоящими одна от другой. Конечно, при низких средних ценах крестьяне этих имений чрез гуртовую оценку значительно бы выиграли; но зато многие землевладельцы значительно бы потеряли и потеряли бы незаслуженно. Поэтому мы думаем, что оценку имений, находящихся в исключительном положении, справедливо было бы производить особливо, назначая по ним особливую выкупную сумму, большую или меньшую против средней, не стесняясь последнею.

9. Очень многие находят, что способ выкупа и расчеты по уплате крестьянами капитального долга и процентов изложены в проекте сбивчиво и непонятно.

Хотя пояснение этого способа, собственно говоря, уже излишне после того, как мы предлагаем в настоящей записке другую более удобоприменимую систему выкупа, однако, так как мнения об этом могут быть различны, то мы поставляем себе в обязанность изложить, для желающих, предложенный в прежней записке способ выкупа наглядно, примерами.

Положим, что в имении, подлежащем выкупу, считается 100 душ, и каждая из них оценена, с выкупаемою землею, в 125 р. сер., так что следовало бы уплатить владельцу за имение 12,500 р. сер. По предположенной первоначально выкупной операции, изложенной в проекте, банк выплачивает эту сумму владельцу билетами, обеспечивая ее металлическим фондом в $\frac{1}{6}$ ее часть, а именно

2,083 $\frac{1}{3}$ руб. Если выкуп билетов разложить на 37 лет, то крестьянам означенного имения пришлось бы выплачивать ежегодно:

$\frac{1}{37}$ часть всей выкупной цены. (почти) 338 р.

$\frac{1}{2}\%$ со всей выкупной цены на покрытие издержек выкупной операции 62, 50 к.

5% с капитала обеспечения, так как последний был бы занят под эти проценты. . . (почти) 104, 50 к.

Всего 505 р. 00 к.

что составит несколько более 5 р. сер. с души.

Эти платежи уменьшались бы с каждым годом, сначала только вследствие того, что по мере выкупа капитальной суммы ежегодный полупроцентный сбор постоянно бы уменьшался, и так продолжалось бы до выкупа $\frac{5}{6}$ частей всей выкупной суммы, когда металлический фонд обеспечивал бы, наконец, эту сумму не в $\frac{1}{6}$ часть, а уже рубль за рубль. С этой минуты ежегодные взносы стали бы еще быстрее уменьшаться, потому что не только цифра полупроцентного сбора продолжала бы по-прежнему ежегодно упадать, но сверх того и сумма 5-процентного сбора за капитал обеспечения стала бы тоже постепенно уменьшаться, так что с той минуты, когда выкупная сумма стала бы меньше капитала обеспечения, справедливость требовала бы взимать пятипроцентный сбор не со всего капитала обеспечения, а только с той его части, которая обеспечивает недоплаченную выкупную сумму рубль за рубль. Таким образом, когда последняя будет составлять 2,083 $\frac{1}{3}$ р. сер., т.е. сравняется с капиталом обеспечения, пятипроцентный сбор будет еще такой же, как с самого начала; но когда первая станет меньше второго, например, не свыше 1,500 р., то было бы несправедливо продолжать взимать пятипроцентный сбор по-прежнему, со всего фонда обеспечения, а пришлось бы ограничиться взиманием его только с 1,500 р. сер., обеспечивающих выкупную сумму рубль за рубль.

По поводу этой системы выкупа некоторые замечают, что если уже держаться в точности принятого начала, то капитал обеспечения мог бы также уменьшаться постепенно, по мере уплаты выкупной суммы, так чтобы он всегда составлял не более $\frac{1}{6}$ части последней. Поэтому, начав выкуп имений не всех в один год, а разложив эту операцию на несколько лет, можно было бы удольствоваться фондом обеспечения гораздо меньше $\frac{1}{6}$ части всей выкупной суммы. Соразмерно с тем уменьшился бы и процент.

Но такое ежегодное изменение платежей было бы в практике весьма неудобно, а потому можно было бы сделать расчет на подобие того, как рассчитываются проценты с погашением капитала, т.е. положив постоянную цифру процентов, но меньшую, чем вышеприведенная. На это есть свои правила и теория.

Замечание это вполне заслуживает внимательного обсуждения*.

МЫСЛИ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ В РОССИИ³⁵

В последнее время вопрос об освобождении крепостных сделал большие успехи в общественном мнении. Все теперь согласны уже в том, что разрешить его следует и пора. К сожалению, в правительственных сферах остается еще убеждение, что это невозможно. Обыкновенно говорят так: самое разумное, естественное и справедливое было бы выкупить у владельцев крестьян с землею, которою они пользуются, по беспристрастной оценке, и тем совершенно развязать оба сословия, так чтобы всякие между ними взаимные претензии и столкновения кончились. Но как этого достигнуть? Сами собою крепостные выкупиться не в состоянии, правительство тоже не имеет для того средств, а оставить владельцев без вознаграждения невозможно. Стало быть, надобно все оставить в теперешнем положении, пока не наступят более благоприятные обстоятельства.

Но на такие обстоятельства нельзя рассчитывать ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем. Пока крепостное право существует, правительство никогда не будет в состоянии располагать огромными капиталами, необходимыми для выкупа всех крепостных; никогда у последних не будет достаточно средств, чтобы выкупиться самим. Судя по этому, России, значит, суждено навсегда остаться при крепостном праве?

К счастью, на деле бывает совсем иначе. Ни один сколько-нибудь важный вопрос не решился вдруг; все подготовлялось исподволь и рядом переходных мер приводилось к окончательной развязке. Мудрость состоит в правильном уразумении к чему

* Кроме исчисленных замечаний сделано было еще то, что нигде прямо не высказано, хотя и разумеется само собою, — что по освобождении крепостных все обязанности в отношении к ним их бывших владельцев, а также всякая ответственность владельцев за бывших крепостных перед правительством, совершенно прекращаются. С благодарностью упоминаем здесь и об этом замечании вместе с прочими.

должно идти, в выборе наилучших средств и в таком искусном их сочетании, чтобы из него необходимо вытекало разрешение задачи. Ряд таких переходных мер, конечно, можно придумать и для упразднения крепостного права, при всех очевидных трудностях, которыми это дело обставлено.

Здесь предлагаются некоторые об этом мысли.

Вопрос о крепостном праве особенно труден у нас по своей сложности. Теперешнее сословие крепостных образовалось из двух различных классов народа: *рабов* или *холопей* и *крестьян*. Первые искони не имели никаких прав и принадлежали своим господам наподобие вещей; крестьяне же, почти исключительно земледельцы, извека пользовались гражданской свободой и всеми сопряженными с нею правами.

В XVI веке крестьяне, по уважениям³⁶ государственным, прикреплены к земле. В течение XVII века множество их роздано, вместе с землею, на которой сидели, в частное владение, *на поместном праве*³⁷. Отсюда, строго говоря, могла произойти для поселян лишь *некоторая* зависимость от владельцев, обязанность работать на них в известной мере, но с сохранением личной свободы*. Но в отдаленные грубые времена, когда это происходило, вышло совсем иначе. С крестьянами, прикрепленными к земле владельцы, стали мало-помалу обращаться как с рабами и холопами, так что все права, принадлежавшие над последними господам, перешли, наконец, и на крестьян. Должно при этом заметить, что как холопы не были обязаны повинностями государству, вследствие чего много крестьян перешло в это звание к ущербу государства, то в царствование Петра Великого оба сословия, на деле уже не различавшиеся между собою, ревизиею слиты в одно; а в первой половине XVIII века многочисленные поместные земли, принадлежавшие государству, утверждены, со всеми поселенными на них крестьянами, за владельцами их, в полную собственность. — В этом последнем виде крепостное право чрезвычайно распространилось у нас в XVIII веке новыми многочисленными раздачами казенных сел и деревень частным лицам.

Из сказанного следует, что для правильной оценки крепостного права и способов его упразднения необходимо различать в нем два элемента: 1) первоначальную *зависимость* крестьянина от вла-

* Различные юридические акты начала XVIII века, как, например, вводные и послушные грамоты, свидетельствуют, что и действительно в это время крестьяне не находились еще в безусловном распоряжении владельцев.

дельца, обязанность нести и отправлять в пользу последнего известные повинности, и 2) полное безусловное *рабство*, исключаящее всякие права, которому крестьяне подпали мало-помалу в течение XVII века, отнюдь не по закону, а по грубости нравов, неопределенности законодательства и злоупотреблениям.

Такое же крепостное право, какое у нас теперь, существовало некогда в целой Европе; но там очень рано была различена зависимость от рабства, и последнее отменено, с удержанием лишь первой, которая прекратилась не ранее XVIII и XIX века. Таким разделением вопроса решение его было существенно облегчено, тем более, что между упразднением *рабства* и упразднением *зависимости* прошли века.

У нас дело представляется совсем иначе. Мы вдвинулись в условия европейской жизни всего полтора столетия, и вследствие того по необходимости развиваемся с удвоенною скоростью. Вопросы, решение которых в Европе разделено столетиями, следуют у нас одни за другими с неимоверною быстротою, или даже совпадают и требуют совокупного разрешения. В таком положении находится теперь и вопрос о крепостном праве. При современном порядке дел у нас и в Европе, зависимость и повинности крестьян в отношении к владельцам не могут быть более терпимы; а у нас между тем крепостное право служит основанием не только зависимости, но и рабства, не только обязанностей и повинностей, но полного отсутствия прав и унижения человека на степень вещи. Надобно наперед возратить крепостному личные его права, и затем приступить к отмене его зависимости, обязанностей и повинностей.

Восстановление личных прав крепостных

Первоначальное значение крепостного права состояло, как выше сказано, в обязанности отправлять на владельца разные службы и повинности. О потере крепостными гражданских прав и свободы не было и речи. Но мало-помалу они утратили и то и другое, и обратились в рабов. Подобно рабам, они потеряли право жаловаться на господ и судиться с ними, а с тем вместе право иметь свою собственность без воли владельца, отыскивать свое право даже на постороннем, вступать по своему усмотрению в брак; владельцы же, напротив, присвоили себе право безусловно и безвозмездно располагать не только трудом и работами крепостных, но и самую их личность: право их продавать, переселять, ссылать, отдавать во всякое время, без очереди, в военную службу,

подвергать наказаниям без суда, по своему произволу. Нет права, которого бы владелец не имел, прямо или косвенно, над крепостным.

Лишь в XIX веке сделаны в этом отношении некоторые ограничения, впрочем легкие, поверхностные, вынужденные человеколюбием и состраданием и оставившие в сущности неприкосновенным произвол владельцев над личностью и имуществом крепостных.

Эти чрезмерные, нечеловеческие права могут быть упразднены немедленно, одним почерком пера, без вознаграждения владельцев, тем более, что от этого собственность ни малейше не была бы нарушена и что эти права нравственно, и даже материально, больше вредят помещикам, чем приносят им пользы. Одна обязанность отправлять на владельца, *в известных пределах, земледельческие работы и повинности* или платить *известный оброк* должна быть удержана; безусловное же право над личностью и имуществом крепостных следует отменить, как противоестественный нарост, никогда законом прямо не освященный, противный справедливости и несовместный с требованиями века.

В этом смысле весьма желательно, чтобы действующее ныне законодательство о крепостном состоянии было немедленно подвергнуто самому тщательному пересмотру и все носящее печать *личного рабства* было из него решительно исключено. Это было бы вместе первым твердым и решительным шагом вперед на пути к упразднению крепостного права.

Упразднение крепостной зависимости и крепостных повинностей

За приведением крепостного права в его законные и справедливые границы могло бы непосредственно следовать его постепенное упразднение.

Самые разумные, справедливые, с государственною и частною пользою согласные начала упразднения крепостного права, как сказано выше, были бы:

Прекращение всякой личной и имущественной зависимости крепостных от их владельцев;

Предоставление им всей земли, находящейся в их пользовании;

Полное вознаграждение владельцев, за потери и убытки, которыми они должны будут подвергнуться вследствие освобождения.

Упразднение крепостного права на этих началах совершенно бы удовлетворило стремление крепостных к свободе; сохранило

бы в неприкосновенности оседлость половины сельского нашего народонаселения, а с тем вместе и внутреннее спокойствие, так как другая половина — государственные крестьяне — имеет уже свое устройство и права, в главных основаниях вполне соответствующие потребностям.

К сожалению, непосредственное применение этих начал по причинам, уже приведенным, теперь невозможно. Поэтому к их осуществлению должно стремиться постепенно, с помощью переходных мер.

На этом пути предстоит пройти несколько ступеней.

После пересмотра законодательства о крепостном праве, самая первая, ближайшая и вообще во всех отношениях самая благонадёжная переходная мера — это добровольные сделки и соглашения владельцев с их крепостными. Как ни прост кажется с первого взгляда этот способ, но и он без откровенного и решительного содействия правительства также невыполним, как и все прочие.

Для заключения добровольных сделок между владельцами и их крепостными существуют теперь две нормы: закон 1805 года об увольнении в свободные хлебопашцы и закон 1842 года об увольнении в обязанные поселяне; но обе эти нормы обставлены столькими бесполезными формальностями, что, вместо поощрения сделок, они их только стесняют, даже делают почти невозможными. Итак, самая настоятельная потребность заключается в подробном пересмотре обоих законов и в исключении из них всего того, что без всякой нужды стесняет добровольные контракты владельцев с крепостными.

Одной этой меры для успеха дела, однако, недостаточно. Надобно, чтобы правительство, положительно, в публичном акте, заявило свое расположение к делу освобождения крепостных и тем вывело общественное мнение из того тревожного недоумения, в каком оно теперь находится.

Положительного выражения мыслей правительства об этом предмете особенно не желают и боятся противники освобождения, справедливо предвидя, что подобное действие было бы обязательно, и что после него не только нельзя было бы идти назад, но нельзя было бы даже остановиться на полдороге. Под влиянием этого опасения защитники крепостного права стараются поддерживать мысль, что необходимым последствием первого решительного шага на пути к освобождению неизбежно будет повсеместный бунт крестьян, истребление помещиков и кровавое ниспровержение существующего порядка дел в России.

Подобные опасения были бы справедливы, если бы правительство неблагоразумно провозгласило свободу крестьян, или возбудило их воображение и ожидания какими-нибудь неосторожными воззваниями. Но подобной меры, конечно, никто не посоветует правительству, да никто и не ожидает. Пересмотр указов 1805 и 1842 годов, о необходимости которого сказано выше, послужит самым благовидным предлогом и удобным случаем для правительства, чтобы поднять в законодательном порядке вопрос о крепостном праве. Обнародуя сделанные в этих указах, вследствие пересмотра, упрощения и улучшения, правительство может совершенно кстати выразить, что многие помещики желают заключить сделки с своими крестьянами, но встречают затруднения в законе; что правительство, «желая всячески содействовать таким добровольным сделкам», признало нужным упростить и усовершенствовать законы по этому предмету; и так как отныне сделки эти станут несравненно легче и удобоисполнимее, то правительство надеется, что в течение не слишком продолжительного срока, например, пяти или шести лет, дворянство не замедлит воспользоваться этим открываемым для него удобством придти с крестьянами к окончательному соглашению о будущих их обязанностях и повинностях. По этому поводу полезно бы было простым, вразумительным для крестьян, образом выразить, что право собственности владельцев над именными признается по прежнему ненарушимым, что всякие попытки крепостных силою освободиться от отправления обязанностей в отношении к владельцам будут строго преследуемы и наказаны; что крестьяне, которые не станут выполнять принятых на себя по условию в отношении к владельцам обязанностей, будут немедленно возвращаемы снова в крепостное состояние. Таким образом, делу освобождения в самом начале будет дан тот характер и то значение, который оно иметь может и должно, именно: характер не политический, а частный, гражданский, договорный, даже по преимуществу торговый. Такой взгляд будет всего ближе и к понятиям крестьян; ибо, будучи одарены здравым смыслом в высокой степени, чем отличается наш народ, они очень хорошо понимают, что если им нужно освободиться от крепостного права, то и господам нельзя же остаться не при чем. Мысль о выкупе из крепостного состояния близка и с руки народу, бродит в нем теперь, и потому закон, в изложенном выше смысле, был бы как нельзя более своевременен и пришелся бы по народным понятиям. Едва ли нужно прибавлять, что такой важный по своему значению акт должен быть написан весьма ясно, просто, а не канцелярским слогом, мало понятным даже для лю-

дей грамотных и которой подает повод к самым нелепым слухам и плачевным недоразумениям. Наконец, подобно тому, как делалось в славные царствования Петра Великого и Екатерины II, должно объяснять народу волю правительства, а не ограничиваться изданием одних исполнительных пунктов, которых цель и намерение всегда могут быть истолкованы различно. Чтоб приглашение владельцев к заключению сделок с крепостными не осталось на словах и на бумаге, а имело последствия, необходимы, вместе с описанными уже, следующие еще меры:

Во-первых. Гражданским губернаторам и предводителям дворянства надлежало бы сообщить в секретных циркулярах, для объявления дворянам, именем Государя, о твердом намерении правительства упразднить крепостное право; о том, что срок заключения добровольных условий об освобождении назначен с тою целью, чтобы желающие и расположенные к делу могли устроить свои отношения с крестьянами, соображаясь с своими пользами и даже удобствами; по истечении же срока, правительство найдется вынужденным освободить крестьян административным порядком; при чем, разумеется, многие частности, желательные для владельцев, по необходимости легко могут быть оставлены без внимания. Словом, так или иначе, но в секретных циркулярах надлежит решительно и прямо выразить дворянству виды и намерения правительства относительно крепостного права, потому что его сословие может просвещеннее понять виды правительства и, по своему положению, должно их знать не из слухов, а официальным образом.

Во-вторых. Для рассмотрения и утверждения заключаемых между владельцами и крепостными добровольных условий надлежит учредить особые комиссии из местных владельцев населенных имений, ученых агрономов и коронных чиновников³⁸, под председательством, или, по крайней мере, при содействии, в качестве прокурора, нарочно для того избранного правительством доверенного лица. Желательно, чтобы такие комиссии были учреждены во всех губерниях, где находится более или менее значительное число крепостных имений; но если бы это встретило затруднение, то в начале можно было бы ограничиться образованием одной комиссии в каждой полосе или части империи, отличающейся от соседних особенными условиями хозяйства, характером сельского народонаселения или другими характеристическими особенностями.

Для руководства комиссиям в их действиях должны быть даны подробные инструкции, содержащие те основные начала, которыми правительство намерено следовать в деле освобождения, и те

временные отступления от этих начал, которые могут быть допущены по невозможности непосредственно привести последние в исполнение.

В числе главных начал надлежит упомянуть:

а) чтобы крестьяне были наделяемы землею не менее того количества, каким действительно пользуются. При сомнении, что владелец, как теперь нередко случается, с намерением уменьшил крестьянское поле, чтобы оставить во владении крестьян как можно менее земли, допускать поверку землевладения за последние 10 лет и уговаривать владельцев наделять крестьян высшим количеством земли, каким они в течении этого времени действительно пользовались; б) чтобы из контрактов были устранены все условия, чрезмерно для крестьян стеснительные или даже вовсе невыполнимые, на которые они могут согласиться в надежде как-нибудь их обойти, или вследствие чрезмерного желания, так или иначе, выйти из крепостного состояния; в) чтоб между увольняемыми крестьянами непременно было введено общинное устройство и управление, составляющее в России твердый оплот против пролетариата³⁹ и самый могущественный орган правительства, чего, к сожалению, многие помещики у нас еще не понимают, г) чтоб на все то время, пока крестьяне, по свойству заключенного с ними контракта, будут находиться в какой бы то ни было зависимости от помещика, были определены контрактом и меры для ограждения их от притеснений, именно указаны учреждения, которым они могут жаловаться на своих помещиков, равно как и помещики на бывших своих крестьян; порядок принесения теми и другими жалоб; лица или установления, обязанные защищать крестьян в исках или тяжбах с владельцами; но вместе с тем должно быть оговорено, что в таком случае, когда в уезде число освобожденных таким образом крепостных увеличится, правительство оставляет за собою право, в замен этих частных мер ограждения по каждому имению отдельно, ввести особливые, общие по уезду, суды для разбора споров между владельцами и крестьянами, до полного и совершенного выкупа последних; д) чтобы контракты заключались не бессрочно, а на определенный срок, хотя бы и продолжительный, после которого крестьяне удержали бы в своей собственности всю полученную от владельца землю, а крепостная зависимость их от последнего вполне и совершенно бы прекратилась.

В подробностях применения этих и тому подобных начал, комиссиям должно быть предоставлено действовать, соображаясь с местными обстоятельствами по своему усмотрению. Добросовестное пользование этим правом всегда будет зависеть от личного со-

става комиссии, а не от инструкции, которая может только указать что надлежит делать, а не предупредить злоупотребления. Однако, и в этом отношении можно указать комиссиям, в виде руководства, на некоторые начала, напр., на разрешение владельцам, в губерниях и имениях земледельческих, удерживать, на некоторое время, повинности крестьян натурою, а тем более постепенный выкуп земли работами. Сверх того, комиссиям должно быть предоставлено право, при крайней затруднительности, а тем более в случае совершенной невозможности для крестьян, откупаться от владельца собственными средствами, делать постановления о выдаче им ссуд из кредитных установлений⁴⁰, об этом сказано будет ниже, и т.д.

Инструкции комиссиям должны быть секретные, чтобы не возбудить излишних притязаний крестьян. Вместе с тем, весьма желательно, чтобы самые комиссии, подобно тому, как было в Пруссии⁴¹, не зависели от обыкновенных правительственных лиц и учреждений, которые могли бы только стеснить их деятельность, а были бы исключительно подчинены одному лицу, облеченному доверием Государя, всегда имеющему к нему доступ и непосредственный доклад. Что такое лицо должно быть искренно, честно, без задних мыслей, предано делу освобождения — разумеется само собою и не требует пояснения;

и, в-третьих, надлежит разрешить кредитным установлениям помогать выкупающимся крестьянам ссудами, но с известными ограничениями и условиями, и не иначе, как по постановлениям комиссий.

Многие считают участие наших кредитных установлений в деле освобождения, при теперешнем положении государственных финансов, невозможным.

Но едва ли это мнение справедливо. Если при теперешнем финансовом нашем положении кредитные установления не отказывают в ссудах помещикам, под залог их имений, по свидетельству гражданских палат⁴², то какая может быть основательная причина отказывать в ссудах или в переводе долга крестьянам тех же самых имений, по приговорам комиссии?

Надобно только, чтобы размеры ссуд не превосходили теперешних, а постановить это правилом не трудно. Единственное, но совершенно необходимое, преобразование при распространении кредита на выкупающихся крестьян будет заключаться в переложении ссуд с душ на землю; ибо, по действующим ныне правилам, ссуды выдаются под залог имений, в коих приходится на душу не менее 4 с половиною десят. земли, считая в том числе и господ-

скую и крестьянскую; одна же крестьянская земля, с которою крепостные будут выкупаться, очень редко достигает этой цифры и потому, в большей части случаев, не будет подходить под банковые правила. Но простое переложение ссуд с душ на землю, по каждому имению отдельно, без изменения самых оснований ссуд, не может, кажется, представить ни малейших затруднений*.

Ссуды крестьянам на выкуп или перевод на них банкового долга следует производить не иначе, как по особым по каждому имению постановлениям комиссий; о последнем надлежит вменить в обязанность входить в самое внимательное и подробное рассмотрение состояния и способов крестьян, для удостоверения в том, могут ли они бездоимочно⁴³ вносить проценты и погашение. При самых высших условиях теперешних займов по 80 руб. сер. на душу — на 33-хлетних правилах, т.е. с уплатою 5 с половиною процентов, ежегодный взнос с души не превзошел бы 4 р. 40 к., т.е. составил бы 13 р. 20 к. с тягла, при расчете же 5% на 28-тилетний срок, предположив, что правительство откажется в пользу выкупающихся крестьян от прибыльного процента, ежегодный взнос с души, даже при высшем размере ссуд (80 руб.), не превзойдет 4 руб., а при наименьшем (50 руб.) составит только 2 р. 50 к. с души.

По незначительности банковых платежей и по особенной важности в этом деле бездоимочного их взноса крестьянами, надлежало бы постановить, на случай их неисправности, строгие меры и применять их без послабления. Так можно, например, установить отдачу неисправных крестьян в отработку помещикам, от которых они откупаются; можно, когда это не влечет за собою ущерба для владельца, переселять неисправных в другие губернии и края, а землю продавать с публичного торга, в удовлетворение кредитного постановления. При всей видимой жестокости таких правил, они будут редко применяемы, когда крестьяне увидят и убедятся, что никакого снисхождения им оказано не будет.

В этом, как и во всех других подобных случаях, два—три примера спасительной и своевременной строгости произведут свое действие и избавят правительство от необходимости дальнейших крутых мер.

* Если бы правительство признало возможным отказаться от прибыльного процента с имений, выкупающихся на волю, то при предполагаемом перечислении долга с душ на землю милостию этою воспользовались бы не только крестьяне, но и владельцы, что послужило бы важным поощрением для заключения ими добровольных сделок с крестьянам.

Распоряжение о выдаче крестьянам ссуд на выкуп должно быть сделано секретно и держимо в тайне от крестьян; ибо в этом деле кредит, особливо с начала, может играть лишь вспомогательную роль. Пусть он является в виде милости правительства, а не общего правила; иначе возродятся притязания на ссуды не только со стороны бедных и беспомощных крестьян, но даже со стороны богатых, имеющих полную возможность выкупиться своими средствами, без посторонней помощи; ибо в глубине души крестьяне питают надежду, что их выкупит из крепости царь своими деньгами.

Поэтому они, конечно, подчинятся выкупным платежам, понимая их справедливость и необходимость в отношении к помещикам, но подчинятся неохотно и при всяком удобном случае будут накапливать на себя недоимку, в ожидании, что авось де царь ее сложит или за них заплатит. Такие мысли опасно поддерживать в 25-ти миллионах крепостного народонаселения. Напротив, надобно со всею строгостию и настойчивостью, для их же счастья, проводить мысль, что они могут стать свободны лишь вследствие собственных усилий и жертв; правительство же только облегчает им пути к тому, не принимая на себя выкупа. Таким только образом освобождение крепостных будет вместе и их воспитанием к гражданской жизни.

Совокупное действие всех изложенных мер привело бы к важным нравственным и положительным результатам.

В нравственном отношении дело освобождения крепостных получило бы, в глазах владельцев и вообще просвещенных классов, право гражданства между другими вопросами, которого, к сожалению, до сих пор еще не имеет.

Уже это одно обстоятельство ободрило бы желающих освобождения, уменьшило бы нравственное влияние его противников, и дало бы общественному мнению направление, которого оно, по общему сознанию всех, иметь не может и не будет иметь, пока правительство не примет инициативы в этом деле, — не скажет своего решительного слова.

В глазах низших классов упразднение крепостного права получит размеры гражданского договора, и общие, неопределенные, а потому и опасные ожидания и напряжение умов исчезнут: добудь денег, выкупись и будешь свободен, — вот мысль, которую как раз поймет наш умный, сметливый простой народ, от природы одаренный промышленным смыслом.

Результаты положительные были бы не менее благоприятны. Все помещики, искренно расположенные к делу освобождения, пошли бы вперед по открытому пути и дали бы своим крестьянам возможность выкупиться; за ними последовали бы полурасположенные и колеблющиеся, а потом и равнодушные к делу, под влиянием дружного напора в одном направлении, действий правительства, примера благонамеренных владельцев и опасения подвергнуться потерям, при очевидной непрочности крепостных отношений, и предстоявшего, по истечении срока, понудительного освобождения.

Но если бы даже число добровольных условий с крепостными и не было значительно, все же важный шаг был бы сделан; мысль, намерение, цель получили бы практическое применение; существовали бы образцы; совещания помещиков и переговоры их с крестьянами уяснили бы до очевидности, как должно приступить к делу; взаимные отношения и выгоды владельцев и крестьян, на случай освобождения, совершенно бы определились; наконец, обнаружение заключенных договоров, печатное обсуждение выгод и невыгод увольнения на тех или других условиях, ознакомили бы массу помещиков с лучшими способами освобождения, применительно к разным местностям, и низвели бы это дело до размеров самого обыкновенного житейского и гражданского условия, — к чему именно и должны быть направлены все усилия правительства.

Если бы дело освобождения, с помощью добровольных контрактов, в продолжение назначенного срока, значительно подвинулось вперед, то по миновании его можно было бы, смотря по обстоятельствам, дать другой дополнительный срок, короче первого, например, на два или на три года, и затем, по истечении его, приступить уже к понудительному освобождению. Эта третья, окончательная, фаза освобождения была бы уже предварительными добровольными сделками существенно облегчена. Все стороны вопроса бывшими примерами были бы совершенно выяснены для правительства; выкупного капитала потребовалось бы, за происшедшими увольнениями, гораздо менее, так что не представлялось бы уже опасения выпустить, для выкупа крепостных, облигаций или вообще предпринять какую-нибудь общую финансовую операцию, основанную на кредите. Комиссии, учрежденные первоначально для рассмотрения и утверждения добровольных условий владельцев с крестьянами, успели бы уже

приобрести достаточный навык и опытность и могли бы с пользою быть употреблены для начертания, по каждому имению, оставшемуся на крепостном положении, проекта обязательного или понудительного договора об освобождении.

Итак, это великое дело совершилось бы для блага России и для славы царствования!

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ⁴⁴

Русская сельская община, как все предметы, до которых не касалась наука, подаст повод к бесконечным недоразумениям. Попробуйте о ней поспорить с кем бы то ни было, и вы увидите, что каждый соединяет с нею свое особое понятие. Оно и не может быть иначе. Община — явление живое, действительное и оттого весьма сложное; она органически связана со всеми сторонами нашей народной жизни, находится под их влиянием и сама на них влияет. Естественно, что каждый смотрит на общину с своей точки зрения, подводит ее под общие свои понятия о народной жизни вообще и нашей в особенности. А кто может похвалиться, что понял ее вполне, проник все тайники ее в прошедшем и настоящем, и с уверенностью может указать хотя главные ее направления в будущем? Оттого каждый видит в русской сельской общине одну какую-нибудь сторону и потому, порицая или защищая ее, относительно прав; не прав же потому, что или вовсе не замечает, или не довольно взвешивает другие стороны того же явления.

Первый, самый обильный источник недоразумений относительно русской сельской общины — это смешение общины административной с поземельною. Находят, что община поглощает индивидуальность, не даст почти никакого простора личности и гражданской самостоятельности членам общины и тем парализует их силы, существенно мешая вместе с тем развитию нравственных и экономических сил всего государства. Упрек справедлив, но к кому он относится? Очевидно к общине административной. Подать лежит не на земле, а на душе; рекрутскую повинность отправляет не всякий за себя, а несколько лиц из числа тысячи ревизских душ. Все повинности натуральные, подати, сборы, самый поземельный оброк⁴⁵ расчисляются по числу душ. При таком личном характере податей и повинностей ответственность за исправное отправление их со стороны общины неизбежна. Государству невозможно иметь дело непосредственно с каждым из податных людей в отдельности, и оно поручает это общинам, возлагает на них

надзор над каждым из своих членов и ответственность за них. Для этого общины снабжены большою принудительною властью относительно каждого из своих членов. Кто приписан по уплате податей и повинностей к общине, тот не может выйти из нее без ее согласия, не может отлучаться из нее без ее позволения; не платит он податей — община его наказывает, потому что за него отвечает перед правительством; а если он так замотался, что и платить не может, — община или ставит его в рекруты вместо исправных хозяев, или совсем от него отказывается и отдает его в распоряжение правительства. Такая круговая ответственность всех за одного тяжела для первых, тяжела и для последнего, потому что на практике стеснительна для правых и виноватых. Три четверти возражений против общины направлены с этой стороны, но относятся не ко всем сторонам ее, а только к одной, административной. Часть этого различия бесспорно принадлежит, если не ошибаемся, «Сельскому Благоустройству»⁴⁶, в особенности почтенному редактору его, г. Кошелеву⁴⁷. Везде и при всяком случае он указывает на различие и, отстаивая общину поземельную, постоянно напоминает, что не к ней относятся возражения, вызываемые против общины ее теперешним административным устройством. Действительно, последнее зависит от общей финансовой системы, существующей у нас с Петра Великого, и с изменением ее может измениться административным или законодательным порядком, не касаясь поземельного устройства.

Обратимся теперь к поземельной общине.

Владение землею миром, как называйся наша сельская община, чрезвычайно оригинально. Так как самый способ этого владения не всем одинаково известен и тем затемняются расхождения об этом предмете, то я считаю необходимым представить его, насколько сам знаю. Те, которым он больше и лучше известен, потрудятся исправить мои ошибки и оговорить невольные и неизбежные недомолвки. По крайней мере, всякий, прочитав следующие строки, будет точным образом знать, что я разумею под общинным владением и на каких фактах основаны все дальнейшие выводы: а это первое условие всяких рассуждений и споров.

Русская сельская община, поселена ли она на своей земле или из казенной, или хоть на помещичьей — если только последняя предоставлена в полное ее пользование, как, например, в оброчных имениях⁴⁸, — дает каждому из своих членов равное участие в мирских землях и угодьях. Временная отлучка, хотя и продолжительная, не лишает члена общины права на такое участие, особливо когда в селе остается семья отлучившегося. На таком положении

остаются членами общин тысячи торгующих по свидетельствам крестьян⁴⁹, живущих в городах, имеющих там торги и промыслы; их семьи остаются очень часто в деревнях и живут там своими хозяйствами на полном крестьянском участке. Но если крестьянин совсем покинет свое общество, переселится в другое или переедет на постоянное жилье в город, и после него никого не останется в этом обществе, то он лишается участия в мирских землях и угодьях, без всякого вознаграждения: участок его оставляется им безвозмездно в распоряжение мира, исключая движимости, которая остается его собственностью, и принадлежавших ему жилых и других строений, которые он может вывезти с собою, продать, уступить односельчанину, но не может ни к каком случае ни продать ни уступить постороннему, ни оставить за собой, на прежнем своем участке. В отношении к государственным крестьянам этот народный обычай закреплен законом, с необходимою оговоркою, что избою и другими строениями оставляющий общину крестьянин не может распорядиться как полною собственностью, если они построены из казенного леса.

Итак, в мирских землях и угодьях имеет часть только член мирского общества, пока остается его членом, т.е. пока имеет в нем оседлость; получает он ее безвозмездно, не платя за нее ничего вперед: он имеет право на часть, равную со всеми прочими членами того же общества, хотя и может, если сам захочет, взять, меньшую часть, чем другие. Конечно, взятие участка, равного со всеми, бывает обязательно там, где земледелие не составляет главного промысла жителей, а раскладка податей и повинностей производится по земле; но такой случай составляет изъятие из общего правила, и притом изъятие, вытекающее не из самого общинного владения, а из финансового характера, сообщенного нашим общинам законодательством. Наконец, оставляя свое общество и перенося оседлость в другое место, крестьянин лишается всякого права на часть в земле и угодьях, и лишается безвозмездно, не в праве даже оставить своего бывшего жилья за собою, ни строений, потому что они на мирской земле, в которой у него нет более части: последняя поступает в распоряжение мира; выбывающий член общины не может по своей воле сдать ее другому крестьянину, посадить его вместо себя, войти с ним об этом в сделку, потому что земляной пай не принадлежит ему более с тех пор, как он перестал быть членом общества. Не знаю, встречаются ли случаи, чтобы крестьянин, надолго отлучаясь из общества, но продолжая в нем числиться, отдал свой пай другому крестьянину внаем на время отлучки. Быть может, что такие сделки и бывают, но они противны основ-

ным правилам мирского владения, по которому всякий может пользоваться своею частью, но не может уступать ее другому от себя, по частному условию.

Как же пользуются члены общины мирскими землями и угодьями? Способ пользования весьма различен, смотря по землям и угодьям. В исключительном, постоянном пользовании находится усадьба; лес состоит в общем пользовании всех членов общины, по мере надобности; также и выгон⁵⁰, если по местным обычаям выгоны не прирезаны к усадьбам; луга и сенокосы тоже, смотря по местным обычаям, или разделяются на участки ежегодно перед косью, по числу земляных частей, и тогда каждый косит и убирает свой участок особливо на себя; или же сено косится и ставится в копны всем миром, и затем уже делится на равные части, тоже по числу земляных частей. Мне не встречалось видеть, чтобы сенокосные и луговые места делились на постоянные участки, но очень может быть, что есть в иных местностях и этот обычай. Наконец, при повсеместной почти у нас трехпольной системе хозяйства⁵¹ полевая мирская земля делится на три поля: озимое, яровое и пар. Последний служит пастбищем для скота всей общины, который пасется вместе; каждое из остальных двух полей — озимое и яровое — разделяется или по числу душ, или по числу тягол⁵² на равные части. Эти части редко отводятся к одним местам. Качество и плодородие почвы, местоположение пашни: на ровном месте, на низком или высоком, на косогоре, вблизи или вдали от села или деревни и т.д. — все это принимается крестьянами в самое внимательное соображение при наделе участков. Оттого каждое поле разбивается сначала на клинья, и каждый клин, для безошибочной уравнительности участков, делится на столько жеребьев, сколько всего следует быть поземельных участков. Затем крестьяне мечут жребий всем миром, и кому в каком поле и клину какой жребий достанется, тот им и владеет. По жеребью же распределяются ежегодно и луговые участки, где в обычае отводить их участками. При разделе лугов и сенокосов обращается такое же внимание на свойство местности, качество и количество травы и т.п. Впрочем, членам общины не запрещается меняться жеребьями, доставшимися им в поле или сенокосе, и уступать их друг другу по добровольным сделкам. Такие сделки действительно на все время их отвода.

Итак, только такими угодьями, каковы лес, выгон пастбище крестьяне имеют сообща, усадьбами же и полевой землей каждый член общины владеет или пользуется про себя, от прочих

членов мира. Такое отдельное пользование применяется местами даже к сенокосам и выгонам, о чем уже было сказано выше.

Сроки пользования одними и теми же земляными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по местности, обстоятельствам и обычаям. В одних местах передел производится ежегодно; у государственных крестьян законом определено переделывать землю не иначе как с наступлением новой ревизии: здесь за начало принят не тягловый, а душевой надел; наконец, есть сельские общества, в которых поземельные участки никогда не переделываются и остаются неизменными. Подобное устройство землевладения я видел в помещичьих имениях, и, сколько знаю, оно устанавливалось по настоянию владельцев, а не крестьянского общества, но потом вошло в обычай, за который крестьяне крепко держатся, по причинам, которые представлю ниже. Между этими тремя главными видами срочного и бессрочного общинного землевладения есть множество оттенков: так, например, в некоторых местах передел бывает не ежегодно и не вследствие новой ревизии, а с принятием в общество или выбытием из него членов и т.п.

Вот главнейшие из известных мне фактов общинного землевладения.

Возражения против него идут преимущественно от сельских хозяев и экономистов. Разверстка поземельных жеребьев, говорят они, подает повод к чрезмерной их дробности, так что по иной полосе и соха с трудом пройдет. Переделы земли, особливо когда они часто возобновляются, отнимают у крестьянина всякую охоту унавоживать и улучшать землю, потому что она может достаться другому. Правда, есть у нас земли, которые теперь пока не удобряются и по качеству и положению своему совершенно однообразны. В таких местностях при отводе жеребьев нет чересполосицы⁵³, и вопрос о том, где пахать в нынешнем году, где в будущем, не представляет никакой важности. Но это — хозяйство первобытное, младенческое, и рано или поздно оно должно уступить место улучшенным способам земледелия. Положим, что время это не скоро наступит; но все же когда-нибудь оно наступит. Там, где потребность более тщательной обработки земли уже чувствуется, хорошие хозяева-крестьяне уже тяготеют теперешней системой разверстки и надела⁵⁴, и она остается лишь по настоянию большинства, которое, частью по привычке и по нелюбви к нововведениям, а частью и из ошибочного расчета, упорно держится старины. Большинству, конечно, выгодно вводить в общий передел земли, унавоженные хорошими хозяевами, и получать частичку в них даром, что при жеребьевом наделе⁵⁵ легко может случиться

и часто случается. Таким образом, ленивый или по крайней мере посредственный хозяин получает при переделе, без всякого вознаграждения, часть в земле удобренной, а последний взамен ее — пустую землю, теряя свою хорошую. Но какой же конечный результат такого порядка? Хороший хозяин, не имея понуждения трудиться и унавоживать свою полосу, не прилагает к ней рук и хозяйничает подобно большинству, отчего крестьянское мирское хозяйство не может выбиться из заведенной колеи и подняться над уровнем жалкой посредственности.

Что это коренное неудобство теперешнего порядка общинного землевладения необходимо устранить, в том все согласны. Но как устранить? Здесь-то и расходятся мнения. Одни отвергают самое начало общинного землевладения и требуют совершенной его отмены, с разными вариациями насчет того, когда и как этому совершиться. Они считают общинное землевладение неисправимым и требуют замены его лично наследственной поземельной собственностью, которая одна, по их мнению, вполне может соответствовать предстоящей гражданской самостоятельности и правам крестьянского сословия. Другие смотрят на дело совсем иначе. По мнению их, переделы и чересполосицы не суть неизбежные, существенные принадлежности общинного землевладения, и потому последнее, несмотря на их отмену, легко может быть сохранено. Переделы, чересполосицы вытекают из теперешнего способа пользования общинными землями, который следует изменить; но общинное землевладение удержать необходимо. Мнение это высказано в этой форме г. Самариным⁵⁶ и потом неоднократно высказывалось г. Кошелевым в «Сельском Благоустройстве». Неотъемлемая и великая заслуга этих писателей состоит, бесспорно, в том, что они ознакомили публику с сущностью и формами общинного землевладения, уяснили фактическую его сторону и выставили на вид странные и даже забавные недоразумения относительно этой, столь повсеместной и общепринятой между нашими крестьянами, формы пользования общественной землей.

Различение способа пользования общинною землей от общинного землепользования не удовлетворило многих. Какой может оно иметь смысл? Если изменить теперешний способ пользования общинною землей, чем же станет само общинное землевладение? Должно же оно, в той или другой форме, перейти в личную собственность!

С этим мнением я никак не могу согласиться. Сделав это различие, уступив передел общинных земель и в то же время крепко отстаивая общинное землевладение, гг. Самарин и Кошелев, как

мне кажется, доказали глубокое знание дела и верное прозрение в великую роль, которую, по-видимому, суждено играть общинному землевладению в устройстве и судьбах нашего землевладельческого сословия. Я позволю себе изложить здесь те мысли, которые сложились в моей голове после долгих размышлений о наших общинах.

От переделов мирской земли, рано или поздно, придется отказаться совсем: это бесспорно. Вместе с тем, или последовательно, придется отказаться и от начала, из которого переделы происходят, именно от наделения каждого из членов общины равным земляным паем; ибо при постоянных, непеределываемых участках и с увеличением народонаселения это станет решительно невозможно.

Но и за этими важными переменами общинное землевладение сохранит еще много особенностей, одному ему свойственных. Юридически оно определяется следующими положениями:

1) член общины не имеет права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владения и пользования. Потому он не может отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не может его закладывать; дети и родственники не наследуют его по смерти крестьянина; наконец, отведенный обществом земляной пай не может быть продан в удовлетворение долгов и взысканий, лежащих на владеющем им члене общины, какие бы они ни были;

2) владение и пользование общинною землей неразрывно связано с постоянною оседлостью в общине. Владеть и пользоваться общинною землей может лишь сам член общины непосредственно или его семейство; поэтому нельзя владеть общинными земляными паями в одно и то же время в нескольких общинах, а можно только в одной; нельзя владеть и одной и той же общине двумя или более паями, если есть члены общины, не наделенные землей и желающие получить пай на свою долю, но нет свободных паев; нельзя сдавать, уступать, дарить и вообще отчуждать каким бы то ни было образом, при жизни или на случай смерти, владение и пользование общинным участком посредством частной сделки не только члену другой общины, но даже члену той самой, к которой принадлежит владелец;

и 3) владение и пользование общинною землей соединено с отправлением известных податей и повинностей и есть пожизненное; но если после умершего владельца остались малолетние сироты или взрослый сын, не имеющий своего земляного пая, то они имеют предпочтительно перед всеми прочими соискателями право удержать за собой отцовский пай. Общинные участки отво-

дятся безденежно, т.е. без требования залога, поручительства или задатка в обеспечение исправного отправления податей и повинностей. По смыслу общинных учреждений, каждый волен во всякое время отказаться от своего участка, отбыв соединенные с его владением подати и повинности. Он вправе распорядиться своею движимостью и строениями как хочет, но не имеет никакого права на вознаграждение за сделанные им в своем паю хозяйственные улучшения. Оставляя совсем общину, он обязан свезти или продать свои строения; но от усмотрения общины зависит позволить ему жить в ней, не владея земляным паем, и в таком случае жилое строение и усадьба остаются за ним. Наконец, поземельный участок отнимается у владельца, если он неисправно платит подати и повинности, и все другие меры взыскания окажутся безуспешными или невозможными.

Все эти положения существуют в действительности и частью держатся обычаем, частью перешли в закон. Рассматривая их поодиночке, можно подметить сходство их то с тою, то с другою формой землевладения, выработанными римским правом и законодательствами новых христианских народов; но взятые в совокупности, они представляют особый гражданский институт, не похожий на все известные доселе и всего менее на личную собственность. Как же после этого не сказать, что общинное землевладение может сохраниться, несмотря на прекращение переделов, устранение чересполосицы и отмену права каждого из членов общины на равный надел землею!

Но всего любопытнее и поразительнее то, что общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времен, уделом безличных масс, не представляет, за устранением названных выше несущественных его принадлежностей, *ни одного* положения, которое бы не подходило под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе.

Многие найдут это мнение или ложным, или, по крайней мере, преувеличенным; а между тем, это истина неоспоримая.

Говорят: безвозмездный отвод земляного пая есть благодеяние, которое не подходит ни под какие юридические правила и возможно лишь до тех пор, пока есть довольно земли для такого рода благотворений. Увеличится народонаселение, вздорожает земля, и тогда оно по необходимости прекратится. Придется и с этим распорядиться, как с переделом участков и равным наделом землею всех членов общины.

Это замечание основано на очевидном недоразумении. Нельзя называть благодеянием или благотворением отвод земли, с обязанностью платить за то подати и отправлять повинности. Правда, исправное отправление их ничем не обеспечивается. Но разве это благотворение? Это кредит, к развитию которого стремятся все законодательства в мире, видя в нем один из могущественнейших двигателей промышленности и благосостояния. И надобно сказать, что кредит, оказываемый владельцу общинной земли, далеко еще не такой рискованный, какие встречаются в Европе, где считать умеют.

Скажут: чем оправдать правило, что за участок, оставляемый членом общины, последняя не дает ему никакого вознаграждения? Какая же тут справедливость! Крестьянин владел участком, может быть, несколько поколений сряду, улучшил, удобрил его, положил в него труд и капитал — и все это он должен оставить даром, безвозмездно! Это, очевидно, отнимает у него всякое поощрение улучшать свое хозяйство и заставляет хозяйничать кое-как, спустя рукава, жить со дня на день,

Кажется, будто это действительно так; а взгляните поближе: на деле оказывается совсем другое.

Все знают, что такое договор об отдаче земли в содержание из выстройки: хозяин предоставляет свой участок другому лицу с условием, чтоб он выстроил на нем такое-то строение; по истечении определенного числа лет участок возвращается в полное распоряжение и собственность хозяина, и вместе с ним поступает в его собственность безвозмездно и поставленное на нем строение. Что мы тут видим? Наниматель участка положил на него труд и капитал и оставляет их по истечении срока, хозяину, без всякого вознаграждения. Мне возразят: зато наниматель и не платит в таком случае хозяину наемных или арендных денег. Действительно, иногда не платит, но иногда платит, смотря по обстоятельствам и условию. Примеров подобных сделок множество. Таковы: отдача земли по берегу реки, из выстройки мельницы, даже завода; отдача в содержание фабрики, требующей капитальных исправлений. В огромных размерах те же начала лежат в основании условий правительства с частными лицами и компаниями о постройке железных дорог, которые, по истечении известного срока, обращаются в собственность государства безвозмездно. Но оставим эти примеры, возьмем отдачу внаем и аренду земель — формы договоров, имеющих некоторые общие черты с раздачею участков из общинных земель. Ни в римском, ни в германском, ни во французском праве нет правила, чтоб арендатор или нани-

матель земли имел право на какое-нибудь вознаграждение за произведенное им улучшение почвы и усиление ее производительности. (Не говорю о строениях: они и на основании общинного владения считаются личной собственностью крестьянина.) Кодекс Наполеона выражается об этом очень категорически (С. art. 599): “l’usufruitier ne peut, à la cessation de l’usufruit, réclamer aucune indemnité pour les améliorations qu’il prétendrait avoir faites, encore que la valeur de la chose en fût augmentée”⁵⁷ Правда, Ф. Вальтер, в сочинении своем “System des gemeinen deutschen Privatrechts“, 1855, стр. 580⁵⁸, называет, в числе прочих, особенную форму поземельных отношений между владельцами и крестьянами в Германии, именно временный колонат (Colonat-recht auf Zeit), в силу которого собственность на землю принадлежит господину, а временное пользование и право собственности на сделанные в ней улучшения (Besserungen) крестьянину. Однако из описания этой формы землевладения видно, что господин обязан вознаградить крестьянина, когда отказывает ему или его наследнику в пользовании землею. Но чтоб он был к тому обязан, когда крестьянин добровольно отказывается от участка, этого не сказано и ни из чего заключить нельзя. Мне, пожалуй укажут на целое учение о Meliorationen, об accessions об impensae и expensae»⁵⁹, т.е. об улучшениях, сделанных в вещи, издержках, употребленных на нее или по поводу ее, за которые хозяин обязан дать содержателю или владельцу вознаграждение. Но когда существует эта обязанность? Тогда лишь, когда хозяин возвращает вещь из чужого владения или пользования, законного или незаконного, добросовестного или недобросовестного, особливо же когда он разрывает договор о пользовании землею, что в некоторых случаях допускается; но никогда не применяется это правило к случаям добровольного отказа арендатора или нанимателя от взятого им в содержание участка.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смысл. Когда я спокойно владею или пользуюсь землею в качестве арендатора на более или менее продолжительный срок, я могу, соображаясь с этим сроком, найти для себя выгодным, в течение первых лет арендного содержания, не только не получать никакого дохода от заарендованной земли, но даже положить в нее труд и капитал, ибо рассчитываю в остальные годы арендного срока воротить все издержки и сверх того получить барыш. Если посреди этой моей операции, когда сделаны затраты, а выручка еще впереди, у меня вдруг отнимут аренду, понятно, что мне по всей справедливости следует вознаграждение, потому что я

улучшил землю, увеличил ее капитальную ценность, сделал ее способною дать больший доход, в чистый себе убыток. А если я владел землею не в качестве арендатора, а в качестве собственника, тем более следует, потому что я мог рассчитывать свои хозяйственные обороты на весьма длинный, даже на неопределенный срок. Но если я, срочный или бессрочный арендатор, владел своим участком спокойно, без помехи, и сам, по своим расчетам, оставляю землю, дело представляется уже совсем в другом виде. При верном расчете я успел воротить все мои издержки на улучшение земли и получил сверх того прибыль; неверен был мой расчет — никто, как я сам, и не виноват в том. Итак, хозяин, получая свою землю улучшенною, конечно, в выигрыше, но и я, если вел умно свои дела, не в проигрыше. За что же вознаграждать меня? А за ошибки, промахи, неудачи никого не вознаграждают. Это также общее правило. Наконец, заставить хозяина вознаграждать арендатора за сделанные им улучшения было бы во многих случаях явною несправедливостью. Арендатор может иногда сделать такие улучшения, что у хозяина земли и состояния не хватит заплатить за них. Что ж тогда делать?

После всего сказанного, едва ли стоит опровергать мысль, будто бы безвозмездное возвращение хозяину улучшенной арендатором земли отнимет у последнего побуждение и охоту заняться хозяйством на снятом участке как следует. Если он займется им, то уж конечно не ввиду вознаграждения со стороны хозяина, а ввиду тех выгод, которые сам надеется извлечь из аренды при помощи сделанных им улучшений. В самом деле, крайне слабоумен должен быть арендатор, который согласится лучше довольствоваться ничтожным доходом от аренды, чтобы только хозяину не достались даром сделанные им улучшения. Большинство рассуждает так: лишь бы мне побольше извлечь выгод, а получил я их — какое мне дело, что другому стало от этого хуже или лучше?

Итак, правило общинного владения, наиболее кажущееся несправедливым, оправдывается всеми положительными законодательствами и выходит, на поверку, весьма разумным.

Далее некоторые найдут, может быть, странным запрещение члену общины сдавать свой земляной пай кому-нибудь другому по частной сделке или частному распоряжению. Но запрещение субаренды⁶⁰ не то ли же самое? А оно очень известно в положительных законодательствах и нисколько не считается необыкновенным или чрезвычайным. То же должно сказать и о том, что пользование общинными паями не наследуется: ведь и пожизненная аренда тоже не переходит по наследству.

Особенность общинного землевладения действительно составляют: запрещение владеть паями в разных общинах; право владеть постоянно одним лишь паем; нераздельность права владеть паем с прочною оседлостью там, где пай отведен; наконец, привилегия сирот и безземельного сына преимущественно перед другими владеть отцовским паем. На первые три условия указывают как на ограничения в экономическом и гражданском отношениях. Но это несправедливо. Они были бы ограничениями, и ограничениями весьма стеснительными, если бы никакой другой земли, кроме общинной, не было, и если бы взятие общинного участка было обязательно. Но когда рядом с общинною землей существует поземельная личная собственность, когда всякий может покупать или иначе приобретать землю и располагать ею по произволу, когда, наконец, каждый волен брать или не брать поземельный пай в общинной земле, какое же это ограничение или стеснение? Это ни более, ни менее как простое условие, обязательное лишь для того, кто добровольно захочет владеть общинным поземельным участком; тот же, для кого это условие покажется стеснительным, постарается устроить иначе. Очень стеснительно домовладение в городе, потому что оно обставлено разными ограничительными условиями, необходимыми там, где здания теснятся между собою; еще более стеснительны для лица условия домашней или частной службы, начиная от домашних секретарей и гувернеров и оканчивая самыми низшими служительскими должностями и чернорабочими: однако никто не называет их несправедливыми и стеснительными именно потому, что от доброй воли каждого зависит иметь дом в городе или не иметь, вступить в частную службу или не вступать.

Рассмотрение юридических оснований общинного землевладения даст нам возможность глубже вникнуть в сущность этого любопытного учреждения и беспристрастно оценить неизмеримо важную роль, которую оно, по всем видимостям, призвано играть в будущих судьбах России. С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов, с постепенным прекращением переделов общинной земли и прав каждого члена общины на получение из нее участка наравне со всеми прочими, владение и пользование общинными землями перейдет мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое, при известных условиях, может быть и наследственным. Но эта система аренд будет иметь свое особое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые, по самому свойству личной

собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, в промышленные спекуляции. Маленькая ферма, владение которой обусловлено разными исчисленными выше ограничениями, не сподручна ни богатому капиталисту, ни предприимчивому человеку, ни зажиточному собственнику, ни тому, кто, не имея ни способностей, ни охоты к сельским промыслам и занятиям, обеспечивает свою жизнь и кормит свое семейство занятиями и промыслами городскими или какими-нибудь другими. Такую ферму возьмет небогатый крестьянин, который, не мечтая о больших прибытках, думает об завтрашнем лишь дне и рад, когда к концу годы свел концы с концами; ее возьмет и не крестьянин, человек, которому некуда деваться, но у которого есть семья, и он бы рад трудиться, да не везет ему в городе, ее возьмет иной предприимчивый и оборотливый человек из простонародия, который и свой капитал имел, да разорился на неудачной спекуляции; у этого и надежда будет впереди; авось опять справлюсь, сколочу капиталец и опять пушу его в оборот; ее возьмут и бедный сирота, и вдова с детьми, и все люди, которых природа не наделила ни особенным талантом, ни широким полетом, ни жадной деятельности, богатств, приобретений славы, отличий — словом, люди, по выражению народа, смиренные, которые составляют большинство в человеческих обществах, работают, трудятся и хотят иметь свой угол и свой кусок хлеба. Для таких людей подобная ферма, несмотря на ограничительные условия, соединенные с владением ею, — сущий клад. Чтобы получить ее, не надо никаких издержек: первое обзаведение потребует небольших средств, которые легче добыть, чем, например, на покупку земли; ферма даст чем заплатить арендную плату и прокормиться с семьей, небогато, но хоть как-нибудь; никто не отымет земли, не прогонит с нее, пока человек исправен: владей хоть до смерти! Жenu с детьми никто не потревожит и после смерти: если же судьба улыбнулась, завелись деньги, вышел какой-нибудь благоприятный случай, можно во всякое время и бросить ферму, купить свою землю, пойти в торг, взяться за какой-нибудь промысел и распротиться с арендой. В устройстве общественной экономии и быта я не могу представить себе ничего рациональнее системы таких небольших ферм. Существовая о бок с личной поземельною собственностью, она служит верным, единственно возможным убежищем для народных масс от монополии землевладельцев и капиталистов. Система мелкой, личной, поземельной собственности, в которую многие предлагают обратить общинное землевладение, не может идти в этом

отношении ни в какое сравнение с системой мелких аренд. Это вытекает само собою из самого свойства личной собственности.

Все знают, какое огромное развитие промышленности и духу предприимчивости дает начало личной собственности. Оно создало те чудеса индустрии, которыми так справедливо гордится Европа и Северо-Американские Штаты. Оно — живая сила, поддерживающая современные образованные общества в вечном движении толкающая их беспрестанно вперед на пути всяких преуспеваний. Но давно уже, рядом с этими благодетельными и блистательными действиями личной собственности, история отметила и теневую ее сторону. Где только личная собственность господствует исключительно там рано или поздно, непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги против которых доселе оставались бессильными все средства, — недуги которые развиваются неудержимо, питаются и поддерживаясь сами собою. Оба явления не случайно совпадают с исключительным господством личной собственности и между собою, но состоят в теснейшей связи. Личная собственность, исключительная по своей природе, стремится к непрерывному расширению и увеличению; стяжание есть ее лозунг и знамя. Таким образом, в личной собственности лежит причина и источник столкновения и борьбы материальных интересов, которая ниспровергает все административные стеснения и препоны и, наконец вырвавшись на свободу, не знает границ. Если бы все люди были равных способностей, талантов, знаний, в особенности если бы они выходили на такую борьбу равно хорошо вооруженные и не имели никаких неотложных насущных потребностей, конкуренция материальных интересов только оживляла бы промышленное развитие и деятельность, не производя общего зла и бедствий; но в том-то и беда, что бойцы не равны, средства нападения и обороны у них неодинаковы, а между тем, есть материальные потребности общие для всех и без удовлетворения которых обойтись невозможно. При таких условиях окончательный исход борьбы несомненен: рано или поздно собственность сосредоточивается в немногих руках и даст им безграничную материальную власть над не имеющими собственности. Мелкие собственники не могут держаться и постепенно переходят в работников. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон — личная выгода. Создается гнет нестерпимый и тем более ненавистный, что не

оправдывается никакою разумною необходимостью и требованием общественного блага.

Такой порядок действует губительно на народные массы и в материальном, и в нравственном отношениях. Они тупеют от нищеты, голода, чрезмерного труда и безвыходного положения; озлобление и отчаяние овладевают ими. Кто может примириться с мыслью, что общежитие существует не на благо человека, а на беду его и несчастье? И массы этим не примиряются, а привыкают ненавидеть общественные учреждения, под которыми живут. Все то, что составляет физиологическое, неизбежное условие всякой общественной жизни: власть, имущественное неравенство, личная собственность, личная самостоятельность и развитие — представляются им орудиями угнетения, своекорыстными выдумками притеснителей — собственников. Открывается широкое поле для всякого рода идеалов социального блаженства, которые тем краше и недействительнее, чем ужаснее повседневная жизнь. Народные массы, глубоко оскорбленные, жадно поются ими и в справедливом негодовании начинают требовать невозможного и неосуществимого. Возникает другого рода борьба — борьба масс народных с обществом, страшная и разрушительная. Общество с ужасом начинает замечать внутри себя эти элементы ежеминутно грозящие гибелью, и не вникая сначала в органические причины зла, старается пособить ему косвенными мерами. Частная благотворительность, разумеется, оказывается недостаточною; на чрезвычайное зло нужны и чрезвычайные меры. И вот благотворительность организуется в тысячах учреждений. Для извлечения масс из той бездны зол и несчастий, в которую ввергла их необузданная борьба интересов, расточается столько же ума, изобретательности, гениальности, творятся такие же сверхъестественные усилия, какие потребовались для приведения низших классов, конечно, бессознательно, в такое положение. Сколько самоотвержения, великодушия, человеколюбия и высокой христианской любви выказали и выказывают при этом общества! Это торжественная *culpa mea*⁶¹ современного просвещенного человечества, но бессильная перед роковыми законами, лежащими в основании теперешней общественности, бессильная потому, что самое начало социальной анархии продолжает в ней действовать и служить неиссякаемым источником глубоких общественных язв. Социальные теории, надеющиеся воссоздать общественный мир и равновесие сил и в то же сохранять исключительное господство начала личной собственности⁶², доказывают только, что корень зла не поняты; те же, которые отрицают вовсе это начало, осуждают

общество на вечную регламентацию, апатию и бездеятельность. Указывают на ассоциацию как на панацею против такой безурядицы. Эта мера хорошая, бесспорно, но, по самому свойству своему, она не может быть учреждением всеобщим; успех ее зависит от тысячи случайностей, в том числе от собственности, капитала. В этом смысле и ассоциация — мера паллиативная, как благотворительные общества и учреждения, как такса в пользу бедных, как огромные публичные работы, и не врачует болезни в самом корне.

Доискиваясь до источников разнообразных явлений общественной жизни, люди в наше время более и более приходят к убеждению, что все эти явления друг другом обуславливаются, тесно связаны между собою и представляют вместе одно органическое целое, покоящееся на таком же равновесии всех отправлений, как вообще всякий организм, какой бы он ни был. Лишь только одна из функций берет верх над другими, начнет развиваться на счет других, равновесие нарушается, и общественное тело приходит в болезненное состояние. Эти общественные болезни весьма разнообразны и сложны. Усиливаясь сначала незаметно, они наконец, если будут запущены, обращаются в хронические, ничем не излечимые, поражают весь организм и ускоряют его смерть. Мало того: каждый общественный организм, подобно физическому, имеет свои привычки, свои предрасположения к той или другой болезни; он может привыкнуть к известному ненормальному состоянию до того, что оно кажется нормальным и здоровым; при помощи разных паллиативов он может некоторое время обольщать себя насчет своего здоровья, пока наконец сильнейшие припадки скрытой болезни вдруг не раскроют ему глаз и не обнаружат, иногда слишком поздно, опасного состояния.

Социальная анархия, т. е. ничем не умеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно, разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддерживает и развивает жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывают на правильную администрацию, суд, на паллиативные средства, о которых говорено выше. Но это заблуждение! Ни администрация, ни суд не могут устоять против социальной анархии, по той простой причине, что они соответствуют совершенно другим функциям общественной жизни. Суд существует на вора, разбойника, обидчика, убийцу; полиция, в обширнейшем значении этого слова, тоже относится к поверхности общественных явлений, когда они уже заявили себя или грозят заявить в том или другом факте. Борьба капиталов,

собственности, совершающаяся в условиях закона и без нарушения общественного порядка, ускользает и от суда, и от администрации. Ее нельзя поймать и остановить ни в каком ошутительном явлении без нарушения законов и самой справедливости. Ей может противодействовать только начало, вполне ей соответствующее. Одно лишь развитие кредита убивает ростовщичество, а не законы о росте; обильный подвоз хлеба понижает цены на него и прекращает дороговизну, а не хлебные таксы и не запретительные меры.

Применим все сказанное к землевладению. Земля, к несчастью, не безгранична; количество ее определено. Предоставьте ее всю в частную собственность, сколько бы ее ни было, и она тотчас же делается предметом своего рода ажиотажа и коммерческой конкуренции. Ее начнут скупать и перепродавать с барышом. Делом этим займутся сильные капиталисты и промышленные компании; цена ее будет подыматься, и с увеличением народонаселения масса землевладельцев, за самыми малыми исключениями, обратится в батраков и бездомников, на полной милости земледельцев, которые будут иметь все средства заставить их служить себе и работать на самых для себя выгодных, а для них тяжелых и обидных условиях. Таков закон социальной анархии и личной собственности в применении к земле; он дробит последнюю на мельчайшие участки и неудержимо направляет их в руки немногих богатейших собственников, которые и ставят потом массам арендную и заработную плату, какую хотят. Возражения на этот непреложный закон развитая социальной анархии, подтверждаемый всеми наблюдениями, невольно вызывают улыбку.

Стоит ли говорить об этом в России? — скажут нам. — У нас земли не оберешься! Слава Богу, есть где расселяться еще в продолжении тысячи лет! А в Америке, в Азии незаселенных и способных к заселению земель еще бездна! Колонизация, конкуренция городских промыслов, требующих множества рук, конкуренция земледельческих произведений других стран будет всегда парализовать монополию землевладельцев на арендные цены и определение заработной платы.

Таковыми-то рассуждениями успокоиваются люди насчет беды, которая ходит кругом их. Присмотритесь пристальнее: разрешают ли эти соображения вопрос хоть сколько-нибудь? Положим, земли у нас теперь еще довольно; но ведь когда-нибудь ее будет мало? Дожил же Китай до того, что народонаселение переполняет его огромные пространства. Сегодня, завтра, послезавтра, да разве этим можно решить вопрос об органических законах обществен-

ной жизни? Допустим, что и колонизация, и конкуренция других стран действительно могут смягчить действия зла; но ведь это только временно. Если конкуренция производителей всех стран устанавливает постоянные отношения между последними и делает их как бы членами одного и того же промышленного мира, то ведь и поземельные собственники всех стран не замедлят заметить соединяющие их общие личные выгоды, на какой бы точке земного шара они ни находились, как одинаково понимают эти выгоды банкиры и большие капиталисты. Говорить о всемогуществе конкуренции к излечению социальных зол, происходящих от монополии, значит не видеть последнего члена посылки и остановиться на одном из средних. Нетрудно представить себе, что наступит время, когда в индустриальном и промышленном отношении весь мир будет составлять одно целое, управляемое одними экономическими законами. Что же! Лучше будет положение масс от всемирной монополии землевладения и поможет против нее всемирная конкуренция?

Нет, не количественное, а качественное врачевание социального недуга может положить ему конец; и не количественная, а качественная оценка раскрывает его глубокий внутренний смысл. Личная собственность, как и личное начало, есть начало движения, прогресса, развития; но оно становится началом гибели и разрушения, разъедает общественный организм, когда в крайних своих последствиях не будет умеряемо и уравновешено другим организующим началом землевладения. Такое начало я вижу в нашем общинном владении, приведенном к его юридическим началам и приспособленном к более развитой и граждански самостоятельной личности. Существовая для народных масс, будучи устроено по их нуждам, не представляя никакой возможности для спекуляции и потому несколько не будучи привлекательно для людей зажиточных, богатых, предприимчивых, не довольствующихся малым и скромным существованием, общинное владение будет служить надежным убежищем для людей неимущих от случайности спекуляций, от монопольного повышения цен на земли и понижения цен на земледельческий труд. В этом затишье будут вырастить посреди прочного семейного быта, живительного труда, под соломенной, но все же своею крышей, питаемые хоть черным и черствым, но все же каким-нибудь и притом своим куском хлеба, здоровые, свободные земледельческие и сельско-промышленные поколения; отсюда будут выделяться элементы, способные не потеряться в водовороте и случайностях промышленной игры, уступая место тем, которые без такого пристанища были бы осуждены

на безысходное горе, отчаяние и преступления. Общинное владение предназначено быть великим хранилищем народных сил, из которого они будут непрерывно бить живую струей и в котором будут беспрестанно обновляться для новой плодотворной деятельности. При существовании такой среды, нейтрализующей горькие и разрушительные последствия азартном промышленной борьбы, общественный организм останется в нормальном состоянии, и то, что без нее ведет каждое общество, рано или поздно, к социальному перевороту и разрушению, то при существовании ее сделается признаком жизни и здоровья — тем же, что обращение крови и соков во всяком органическом теле.

Мне скажут: ведь это утопия! Но отчего же утопия? — спросил бы я, — когда то, что я говорю, уже существует у нас в действительности, хотя, конечно, в зародыше, в неразвитом виде. Эта утопия — факт осязаемый, не подлежащий ни малейшему сомнению. Не с большим ли правом можно считать утопией надежду восстановить равновесие общественных сил, нарушенное исключительным господством личной собственности, посредством ассоциаций, конкуренции, целой системы общественной благотворительности, сияющейся обнять все неимущие и голодные массы? Ведь эта способы врачевания, сколько мне известно, пока еще нигде и никогда не привели к желаемому результату, не умирили вражды, не восстановили гармонии общественных сил.

Многие думают и так: матерьяльное обеспечение масс отнимает у них всякое побуждение к деятельности, к улучшению своего быта и тем осуждает их надолго, если не навсегда, на беспробудный сон. Мы и теперь наклонны к умственной дремоте; что же с нами будет, когда нужда не будет нас толкать к деятельности? Некоторые простирают заслуживающую, конечно, всякого уважения ревность к возбуждению промышленной деятельности в нашем народе до того, что серьезно предлагают при предстоящем преобразовании быта помещичьих крестьян не наделять их вовсе землею ни в пользование, ни в собственность, и предоставить им входить с землевладельцами в полюбовные сделки. Это средство должно заставить нашего крестьянина стряхнуть с себя вековечную лень, встрепенуться и приняться живо и бойко за работу. Оно, может быть, и так: промышленная деятельность закипит, но при этом кипятке только часть сельского населения успеет кое-как устроиться, остальная же погибнет в злой доле, станет бродяжничать, пойдет на разбой, переполнит города на укомплектование жалкого городского пролетариата, станет круглым бездомником, как везде было, где крестьянина освобождали без земли и оседлости.

Когда же, наконец, Боже мой, кончатся вечные недоразумения, метающие людям понимать друг друга? Все мы, от первого до последнего, желаем развития промышленной деятельности и неразлучного с ним материального благосостояния и довольства. Но чтобы возбудить в человеке деятельность, не сбивайте его с ног и, главное, с толку, и из боязни промышленного застоя не вгоняйте его в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающей, а не поддерживающей силы. Высокое промышленное развитие, когда оно совершается правильно, идет об руку с развитием умственным и нравственным, рождающим потребности и нужды, неизвестные народу в колыбели. В сытом и физически обеспеченном человеке они скорее и прочнее развиваются, чем в том, которого гнетут нужда и голод. Устраняйте только препятствия, искусственно замедляющие естественный рост народа, а остальное предоставьте лежащим в нем живым силам. Искусственные приемы хороши как временные средства против местных патологических явлений и невозможны или убийственны, когда направлены против всей экономии общественного организма.

Гораздо серьезнее возражение такого рода: если участки в общинном землевладении будут оставаться без передела, то с увеличением народонаселения должно же наступить время, когда множество людей останутся без арендных участков? Итак, общинное владение только временно устранит зло безземельности и бездомности масс, а потом оно разовьется своим порядком, как и везде.

Это, конечно, справедливо. Но ни я, никто другой, говоря об общественной экономии, конечно, и не думал приискать такие условия, которые бы водворили рай на земле, без следа искоренили бы бедность и нищету. Какое бы ни завелось между людьми идеальное правосудие и административный порядок, преступления и проступки никогда не переведутся, процессы никогда не прекратятся, полиция и администрация никогда не останутся без дела. Весь вопрос только в том, в каких отношениях, в какой пропорции будут находиться между собою нарушение прав и правосудие, беспорядки и устройство. Не в том сила, чтобы каждый без изъятия имел свой верный кусок хлеба, свой кров, свой достаток, а в том, чтобы бездомовье и нищета не стали общим правилом для массы народа. В каждом здоровом организме есть во всякое время возможность болезней, но если нет повода, нет благоприятствующих обстоятельств, эта возможность и остается до времени возможностью; а представится случай, причина — возможность переходит в действительность, появляется болезнь, развивающаяся

последовательно и правильно, по свойственным ей законам. Бездомность, необеспеченность быта пока она не охватила огромной массы людей, есть такое же печальное явление общественной жизни, как и многие другие, но не есть еще признак органического расстройтва. Против них разные паллиативные меры имеют настоящее свое употребление и оказывают действие. Но когда в это положение придут большие массы или, что еще хуже, большинство народонаселения, тогда-то опасность становится велика, и тут паллиативы ничего не помогут: очевидно, общественный организм страждет, и нужны сильные, радикальные лекарства, успех которых всегда сомнителен.

Я думаю, что при существовании общинного землевладения, разумеется, в надлежащей пропорции с личной поземельною собственностью, опасного для общественной экономии перевеса людей бездомных никогда быть не может, как бы народонаселение ни увеличивалось, которого теперь едва достаточно для прокормления четырех человек, с умножением народонаселения и необходимым, вследствие того, улучшением сельского хозяйства, будет кормить восемь десятъ, двадцать человек. К средствам, извлекаемым непосредственно из земли, придут на помощь другие промыслы, всегдашние спутники густого сельского населения и более развитого общественного быта, а это в свою очередь еще значительно увеличит число людей, оседлых на одном участке.

Замечу еще одно, весьма важное обстоятельство: если вокруг густых масс оседлого и домовитого сельского народонаселения обрастут многочисленные слои бездомных людей, в этом еще нет большой беды. Беда, когда в быту, в привычках, в убеждениях массы большого населения исчезнет понятие о домовитости, о ничем не тревожимой оседлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масса народа глубоко пустила корни в землю, создается крепкий быт и крепкие нравы, которые сообщаются и остальному народонаселению, каково бы оно ни было. А в нравах вся сила народа; в них тот гений его, который на деле исправляет недостатки законов и учреждений и спасает общество в години великих бедствий. Везде, где сельские массы домовиты и прочно оседлы, они являются самым охранительным общественным элементом, о который сокрушаются все невзгоды, внешние и внутренние. Отвоевывая мало-помалу из-под сельского класса почву, к которой оно прирастает по своему положению, исключительная личная ответственность поражает нравы и крепость народную, устойчивость масс в самом их источнике.

Но, спросят меня, в какой же именно пропорции должны быть распределены в каждом общественном организме общинное владение и личная собственность? На это я не могу отвечать. Задача эта может быть решена лишь опытом, мудростью правительств и наукой, которая, сказать мимоходом, пока еще мало о ней заботилась. Эту задачу едва ли и можно решить одною формулой. Смотря по местности, по главным промыслам и занятиям жителей, по национальным особенностям, она, вероятно, получит несколько различных решений; легко может быть, что решение будет зависеть даже от степени развития народа, от его исторического возраста и степени возмужалости. А пока ничего не сделано для решения этого вопроса, пока он даже и не поставлен, трудно согласиться с теми, которые так горячо напаивают на продаже государственных земель в частные руки, ожидая от этого чрезвычайной пользы для общественного и экономического развития. Мне кажется, что с этим делом вовсе не следует слишком спешить. Государственные земли могут еще понадобиться под общинные земли или для промена на общинные же земли, состоящие в частной собственности. Во всяком случае, лучше сперва осмотреться хорошенько... Велико счастье того государства, у которого много таких земель; но рассчитывая на это богатство, не думать о будущем не следует.

Наконец, под умеряющим влиянием общинного землевладения личная поземельная собственность будет заселяться на условиях гораздо выгоднейших для массы, чем при исключительном господстве личной собственности; а раз заселенная густо она, по естественному ходу дел, получит значение общественное, как город, фабрика, завод и т.п. Таким образом то, чего нельзя достигнуть никакими законодательными мерами, то под влиянием общинного землевладения устроится и введется само собою, без нарушения чьих-либо прав и без всякой регламентации, стесняющей свободные сделки и бойкий размах промышленных предприятий.

Многие рассуждают так, если общинное землевладение должно служить к обеспечению быта масс, то средство это при постепенном вздорожании земель обойдется несравненно дороже, чем все возможные таксы для бедных и общественные благотворительные учреждения, вместе взятые. Стало быть, это просто не расчет — мера в финансовом и экономическом отношении неправильная и убыточная.

Мне кажется, что сравнивать обеспечение для массы земледельцев оседлости и пользования землею с общественной благотворительностью, в каких бы то ни было видах, значит не понимать вопроса. Сохранение за сельским населением возможности

трудиться для себя есть мера общественной организации, которая уравнивает экономические силы; все же прочие формы попечения о народе клонятся лишь к ближайшему, непосредственному смягчению и отвращению зла, уже произведенного социальной анархией. Отношение их — такое же в общественной экономии, какое в медицине между гигиеною и терапией. И система мелких аренд, и такса для бедных равно имеют предметом пользу народных масс, преимущественно беднейшие классы; но только это одно и есть у них общее: во всем прочем они совершенно различны. Если оценивать сравнительную их выгоду по тому только, которая из них дешевле, то, идя логически, надобно признать, что выгоднее жить в сырой и зловонной комнате и есть несвежую пищу, потому что лечение происходящих оттого болезней (если только оно возможно!) обойдется дешевле, чем прожить всю жизнь в сухой квартире с хорошим воздухом и питаться здоровою пищею. Подобные выводы и расчеты свидетельствуют только о глубоком, коренном извращении всех понятий. Общественная благотворительность отучает людей стоять на своих ногах и, напротив, приучает высматривать хлеб из чужих рук; этим она унижает и развращает их, развивает в них праздность и тунеядство, а вместе требовательность и претензии, ничем не оправдываемые. Новые поколения, рожденные и воспитанные в такой среде, всасывают в себя с молоком матери эту нравственную порчу. Хороши выйдут из них граждане! Иные действия имеет отвод земель в пользование. Земляной участок — это одно лишь условие, возможность, которая приносит что-нибудь тогда только, когда оплодотворяется трудом. Стало быть, чтоб им воспользоваться, надобно непременно и во что бы то ни стало трудиться. От степени труда зависит и мера вознаграждения, которое может расти и умножаться; это не то, что благотворение, которое по необходимости скудно измерено и определено и только утоляет на время голод. Владелец участка может, трудясь усердно, поправить свои дела, жить в довольстве, даже разбогатеть и стать собственником-капиталистом, потому что участок дает ему точку опоры с чего подняться. И он трудится. Все нравственные его силы употребляются в дело. В этой здоровой атмосфере труда, оседлости, семейственности рождается и воспитывается доброе, трудолюбивое племя. Наконец, отвод земляных участков уже потому не имеет ничего общего с благотворительностью, что последняя оказывается безвозмездно и есть чистый расход, убыток, тогда как за арендные участки земледельцы вносят арендную плату, которая, при процветании сельского хозяйства и благосостояния масс,

с возрастанием цен на произведения и земли, может быть периодически, постепенно, возвышаема, не обращаясь в спекуляцию и аферу, рассчитанную на зависимое положение земледельческих классов, потому что правительство не торгаш и не спекулянт. Повторяю: обеспечение землевладения за сельскими массами есть мера социальной экономии и общественного благоустройства, а отнюдь не мера благотворительности. Филантропические идиллии не имеют с нею ничего общего. Ограждение низших слоев общества от монополии частной собственности посредством общинного владения есть государственный институт, подобно администрации, правосудию, а не чрезвычайная мера, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами.

Наконец, мне возразят: пользование общинными участками очень стеснительно; в них нельзя учреждать субаренд, нельзя владеть постоянно двумя арендными участками и т.д. Возможно ли, чтоб эти ограничения на деле соблюдались? Их, наверное, будут обходить, владеть несколькими участками под чужими именами, сдавать эти участки другим под разными благовидными предложениями, так что в действительности эта система не осуществится или осуществится лишь отчасти.

Едва ли. С увеличением народонаселения строгое исполнение этой системы будет охраняться бдительным надзором самих заинтересованных, т.е. тех, которые желают получить такие участки для себя. Они тотчас же разубаюют, кто и как владеет арендой и имеет ли на то право, и в своих собственных интересах будут разоблачать нарушения закона. Стало быть, слишком часто они повторяться не могут, но что все-таки они встречаться будут, в этом нет сомнения. Их нельзя будет вполне искоренить; нельзя ведь совершенно искоренить и тайной продажи контрабандных и неоплаченных акцизом⁶³ товаров, нельзя совершенно искоренить злоупотреблений, убийств и других преступлений, однако таможенная, акцизная система и юстиция существуют же и оказывают свое действие?

Таковы основания, которые побуждают меня смотреть на общинное землевладение как на один из важнейших и существеннейших элементов в теперешнем и будущем устройстве земледельческого класса в России.

Самые снисходительные из читателей найдут, может быть, что если и принять изложенные выше начала, то все же непонятно, что они могут иметь общего с общинным и мирским устройством? Да и к чему оно? Если мир не может переделывать участков и раздавать их по своему благоусмотрению, то не проще и не вернее ли

учредить особое казенное управление, которому и дать в руководство, к непременному исполнению, правила о раздаче мелких ферм. И с этим никак нельзя согласиться. Никакое казенное управление в мире, как бы оно совершенно ни было, не в состоянии так беспристрастно и справедливо применять систему арендных участков к данным частным случаям, приспособить топографическое очертание этих участков к данной местности, к ближайшим потребностям и целой мирской общины и каждого из ее членов, как именно та община, которая поселена на этих участках. Она место более всего заинтересована в точном исполнении правил арендной системы, потому что большинство претендентов на свободные арендные участки будет преимущественно нарождаться из нее же самой и принадлежать к ней. Сверх того, особое казенное управление стоило бы государству больших издержек, тогда как главные его обязанности — распределение участков и сбор с фермеров арендных платежей — могут производиться, как и теперь производятся, мирскими обществами без всяких издержек со стороны правительства. Поэтому нельзя не отдать преимущества управлению арендными участками посредством общин над управлением их посредством коронных чиновников⁶⁴, а если случатся претензии, недоразумения и злоупотребления, то их разберет суд обыкновенным порядком.

В Европе, где земледельческие классы освобождены от землевладельцев с столькими пожертвованиями, с пролитием крови, исключительное господство личной собственности водворяет малопомалу их зависимость снова. Вот многознаменательные об этом слова того же Ф. Вальтера. Я нарочно выписываю их буквально:

Nachdem durch die neuere und neueste Gesetzgebung in Preussen der gutsherrliche bäuerliche Verband aufgelöst, die Mittelzustände erblicher Nutzungsverhältnisse in das volle Eigentum des Bauern umgewandelt, die bisherigen Leistungen zwar als Reallasten beibehalten, deren Ablösung aber angebahnt und durch die Rentenbanken erleichtert ist: so wird es, wenn dieses vollständig ausgeführt sein wird, nur noch eine doppelte Klasse von Bauerngütern geben: Güter, die im unbelasteten Eigentum des Bauern stehen, und gewöhnliche Pachtgüter. Es fällt dadurch das Bauernrecht unter das gemeine Recht. Dasselbe ist der Gang und die Richtung der Gesetzgebung auch in ändern Ländern. Ob die dadurch für den Bauern bezweckten Vortheile, bei fortgesetzten Theilungen des Bodens, bei der daraus entstehenden Verarmung, und bei der Leichtigkeit hypothekarischer Anleihen sich auf die Länge werden halten können, ist sehr zweifelhaft. Wahrscheinlich wird, bei der zunehmenden Macht des Geldes, das Grundeigentum immer mehr an

die Reichen fallen, und, wie das Beispiel von Oberitalien in der Nähe der Städte zeigt, die Nachkommen sich glücklich schätzen, als Pächter auf der Scholle zu sitzen, welche ihre Vorfahren als Eigenthümer gebaut haben. Es werden sich zwischen dem Herrn und dem Pächter, der die Aufkündigung fürchtet, tatsächlich neue Bande der Abhängigkeit bilden; allein ohne den Geist des Wohlwollens und der gegenseitig; Zuneigung, der ehemals diese Institutionen belebte und dem Herrn nicht blos Rechte gab, sondern auch Pflichten auferlegte. Es wird vielleicht dem Boden durch die stärker angespannte Kraft des Pachten ein größerer Ertrag abgewonnen werden; allein dieser Gewinn wird nicht, wie sonst beiden unveränderlich festgesetzten Leistungen, seinem Fleisse zu Gute kommen, da der Herr den Pachtzins des gebesserten Gutes nach Ablauf der Pachtzins steigern kann. Es wird vielleicht die Gesetzgebung diesem wucherlichen Geiste eine Schranke entgegenzustellen suchen. Allein mit der dadurch nöthig werdenden Beschränkung der Freiheit des Pächters Hand in Hand gehen, und so können doch wieder in irgend einer Form organisierte persönliche Abhängigkeitsverhältnisse, wie das Colonnat des sinkenden römischen Reiches, geschaffen werden müssen. Falsch ist, dass man dem Prinzip der unbedingten Theilbarkeit des Bodens das Erbpachtverhältnis und ähnliche Mittelzustände zum Opfer gebracht hat, Diese Formen waren wohlthätig, weil sie die Erhaltung des Hofes schützen und dem Bauern billige Bedingungen, Sicherheit der Existenz für sich und seine Kinder, und dadurch den Antrieb zum Fleisse und zur Besserung der Kultur gewährten. Die Folgen der verkehrten Richtung wurden auch bereits in dem reissenden Verfall des Bauernstandes, in der Kläglichkeit seiner Existenz und in dem Anwachs des ländlichen Proletariates sichtbar. Hin und wieder denkt man auch schon mit der Theilbarkeit einzulenken. Will man erbliche Nutzungsverhältnisse festhalten oder herstellen, so wird es zur Vereinfachung am gerathensten sein, alle Formen der Art durch die Gesetzgebung in der Erbpacht oder Emphyteuse nach ihrem echten Sinne zu verschmelzen und die Theorie vom getheilten Eigenthum über Bord zu werfen⁶⁵ (стр. 587 и 588).

В выноске к этому месту Вальтер приводит слова Нибура⁶⁶ в том же смысле:

Mit ganz untadelhaften Absichten und wirklich in der Meinung, dem Bauer wohl zu thun, richtet man den ganzen Bauernstand zu Grunde durch die ihm gegebene Berechtigung zu verkaufen, zu zerstückeln und zu verpfänden: und so geht es in allen Dingen. Die allerplattesten Meinungen sind allgemein herrschend geworden; und mögen Ministerien oder Stände darüber zu entscheiden haben, so bekommt man dieselben Resultate. Die Leute thun es nicht aus Bösem: aber alle deutsche Staa-

ten, die nicht ganz stationär sind, geben, nach den Ausdruck eines ausgezeichneten Mannes, mit ihrer Gesetzgebung dahin, unsere Nation dahin zu bringen, wo die Italiener sind: in den Städten Pfuscher und Krämer, auf dem Lande zeitpachtendes oder lagelöhnendes Lumpengesindel⁶⁷ (там же).

Все эти бедствия отстраняются просто, естественно, сохранением нашего землевладения, с теми лишь необходимыми коррективами, на которые указывает местами самый опыт, самая жизнь. Можно ли после этого сочувствовать тем, даже умеренным противникам общинного землевладения, которые не рекомендуя насильственных мер для его отмены, не без удовольствия ожидают того времени, когда оно постепенно и естественно перейдет в частную собственность. Нет, тысячу раз нет! История, народные инстинкты и разные благоприятные обстоятельства хранили, к счастью, это учреждение до той минуты, когда Россия из полупатриархального быта переходит в быт гражданский, промышленный и коммерческий. Дорожите, как зеницу ока этим неразвитым еще, но драгоценнейшим залогом правильной социальной организации. Беритесь за него с крайнею осторожностью и не спешите преобразовать, пока не изучите все его стороны не вникнете глубоко в его сокровенный смысл. Если где местами смысл народный ослабел и не дорожит более этою своею святыней и верным оплотом против будущих бед, поддержите его, закрепите законом на вечные времена. Мало-помалу оно перейдет в личную пожизненную поземельную аренду, но храни нас Боже, чтоб оно перешло в личную собственность.

О НИГИЛИЗМЕ И МЕРАХ, ПРОТИВ НЕГО НЕОБХОДИМЫХ⁶⁸

Десятилетие царствования Вашего императорского величества составляет бесспорно самую счастливую и благодетельную эпоху в истории России XIX века. По громадности совершенных или предпринятых Вашим величеством преобразований и значению их для будущего развития нашего отечества, царствование государя освободителя не имеет себе подобного со времени Петра и, становясь наряду с эпохою великого обновителя России, отличается от нее лишь тем духом Христианской любви и уважения к достоинству человека и к потребностям народа, которым проникнуты настоящие реформы.

Сопровождающий благодеяния внутренних преобразований успех в делах внешних, бескровное торжество над европейскою коалицией по польскому вопросу, покорение Кавказа, приобретение обширных и столь важных в будущем областей на востоке, все это показывает, что над Россиею, со вступлением на престол вашего императорского величества, взошла счастливая звезда.

Темную сторону настоящей эпохи, имеющей столь много светлых сторон, составляет тот дух материализма и отрицания, который сделался известен под именем «нигилизма»⁶⁹ и недавно проявился, во всем ужасе своем, потрясающим событием⁷⁰.

Необходимо ближе изучить корень этого зла и определить, в каких оно находится отношениях к другим общественным явлениям нашего времени, дабы судить о мерах, коими следует бороться с этою умственною заразою.

Прежде всего очевидно, что нигилизм не имеет ничего общего с простым народом русским и с элементами его общественной жизни. Все, даже самые крайние уклонения и заблуждения в среде русского крестьянства проявлялись в форме верования религиозного (раскольничьи секты) или превратно понятого чувства преданности к царской власти. Атеизм и отрицание монархической власти, лежащие в основе современного нигилизма, не имеют ничего общего с русским народом и диаметрально противоположны всем его стремлениям; оттого-то и все попытки герценовской партии войти в связь с раскольниками имели такую полную неудачу.

Нигилизм пришел к нам с запада и потому принадлежит исключительно той среде, которая находится в отчуждении от народа и принимает в себя все отражения западных идей, т.е. лицам высших сословий и частью разночинцам. Родоначальником своим нигилисты признают главу так называемого западного направления в литературе нашей, Белинского⁷¹. Как учение теоретическое, нигилизм перешел в Россию, в сороковых годах, из Германии и был лишь подражанием атеистическим и материалистическим теориям Фейербаха⁷², Макса Штирнера⁷³ и др., развивавшимся в немецкой литературе преимущественно до 1848 года. Если эти теории, которые до сих пор питаются у нас сочинениями своих немецких родоначальников и не произвели в России ни одного самостоятельного мыслителя, — если эти теории не исчезли здесь перед здравым смыслом и строгою наукой, как они исчезают в Германии, то следует приписать это явление преимущественно тем самым мерам, которыми в 1849 году правительство полагало противодействовать означенным вредным стремлениям: ограничение приема в университеты, кроме раздражения в массе моло-

дежи, жаждавшей образования и которую правительство лишало к тому средств, произвело то, что множество молодых людей устремилось в единственный доступный факультет медицинский, и здесь они, не имея никакого призвания к медицинской специальности, приобретали только односторонний материалистический взгляд. Вместе с тем излишняя строгость полицейских мер имела последствием образование русской эмиграции, которая естественно сделалась руководительницею молодого поколения, выносившего из тогдашних учебных заведений семена материализма и вражды к правительству. Тогдашняя цензура, не допускавшая никакого суждения о вопросах религии, философии и государственного устройства, лишала людей мыслящих возможности опровергать ложные идеи, овладевавшие молодежью; вызывала к жизни целую рукописную литературу, ускользавшую и от закона и от критики, и таким образом содействовала только пагубному влиянию, которое имели в то время на умы молодого поколения все появлявшиеся в заграничной печати самые посредственные и нелепые статьи.

Заимствованный в начале сороковых годов из Германии, взрощенный ложно-консервативными мерами 1849 года, нигилизм есть произведение прошлой эпохи. В последнее время эта язва только выказалась явственнее в обществе и литературе, так же как и все, что до того таилось в русской жизни. Что прежде оставалось в рукописях, жадно читаемых и переписываемых, то теперь выступило печатно; что жило прежде только в идеях молодежи, то стало теперь испытываться на деле, посредством устройства разных так называемых коммун. Но было бы совершенно ошибочно думать, что эта свобода, которую нынешнее царствование даровало всем общественным силам России и которою нигилизм воспользовался наравне со всеми прочими явлениями общественной жизни нашей, — что эта свобода содействовала развитию и усилению нигилистической заразы. Напротив, факты доказывают, что нигилизм внедрился в России и заразил молодое поколение в эпоху самого тяжелого надзора и гнета между 1849 и 1855 годами. Сравним громадность общественного влияния на всю Россию, какое имел Герцен и его «Колокол»⁷⁴ в первые годы настоящего царствования, с нынешним их ничтожеством; вспомним обаяние, какое окружало, еще так недавно, в обществе нашем и даже между людьми умеренными и вполне преданными правительству представителей нигилистического учения; вспомним время, когда (все тобольское общество, и во главе его председатель губернского правления, начальник жандармов и директор училищ делали ова-

ции Михайлову⁷⁵; когда ни полицейское начальство, ни цензура III отделения, ни цензура гражданская не отважились воспрепятствовать изданию писанного Чернышевским в крепости романа «Что делать?»⁷⁶, ставшего заветною книгою нигилистов, и когда все читавшее в России с жадностью поглощало это бездарное и пошлое сочинение; сравним тогдашнее время с нынешним, и мы убедимся, что расширение свободы в России не только не вело к развитию нигилизма, а напротив, все более и более подрывало его значение и силу.

Первым, решительным ударом влиянию Герцена и нигилистических теорий на большинство публики была крестьянская реформа 1861 года, противопоставив туманным фразам и бредням о правах народа на землю и о мнимом коммунистическом направлении русских крестьян, серьезное, практическое, для всех сторон безобидное разрешение вопроса о поземельных правах земледельческого класса и его общественном самоуправлении. Вторым ударом нигилизму было восстановление прав русской народности в Западном крае и обязательный там выкуп⁷⁷, ибо это заставляло нигилистическую партию, которую предания лондонской эмиграции и дух оппозиции к правительству неразрывно связывали с интересами польского шляхетства, высказываться в польском деле прямо против прав народа: оттого-то замечают, что отправившись на службу в Польшу или Западный край, молодые люди, имевшие дома оттенок нигилистических теорий, немедленно освобождались от своих заблуждений. Открытие земских учреждений, доставляя русскому обществу серьезное практическое дело, вело также к упадку нигилизма; наконец последним и самым решительным для него ударом было уничтожение предварительной цензуры⁷⁸, отнявшее у нигилизма предлог скрывать пустоту и безобразия своих теорий под разными недомолвками и намеками и давшее благоразумным органам печати возможность вести с ним открытую полемику. Таким образом, каждая из этих благодетельных мер была шагом к поражению нигилизма, и лучшим тому доказательством может служить сравнение того шаткого состояния, в каком находилось русское общество в 1861 и 1862 годах, во время прокламаций и студенческих манифестаций, с настроением, какое обнаружило оно при известии о событии 4 апреля 1866 г.⁷⁹

Страшное это событие обратило всеобщее внимание на таившееся в русском обществе зло нигилизма, и само общество вызывает правительство к искоренению недуга. Какие же меры могут вести к этой цели?

Меры полицейские совершенно необходимы; но очевидно, что правительство не может ими ограничиться, ни даже поставить их на первый план в борьбе с нигилизмом, потому что полицейскими мерами удалось бы разве только предупредить или пресечь внешние, так сказать, проявления нигилистических теорий, как, напр., устройство каких-нибудь коммунистических общежитий, издание прокламаций, распространение печатаемых за границею изданий и наконец политические заговоры. Но все это оставило бы самый источник зла нетронутым, а если бы правительство, не ограничивая полицейских мер преследованием внешних, осязательных, подлежащих действию законов, проявлений нигилизма, захотело вести против самой идеи его борьбу полицейскими средствами, стеснением свободы в жизни общественной и в печати, то подобная реакция, как и в 1849 году, повела бы только к усилению нигилизма и всех вообще враждебных правительству элементов.

Нигилизм есть идея, есть учение философское, переходящее в своего рода религию (вера в отсутствие бога, души и нравственного закона); это есть учение, имеющее уже своих пророков и жаждущее иметь своих мучеников. Потому, предоставляя полиции преграждать путь к наружному оказательству и публичной пропаганде нигилизма, так же как и к преступным замыслам фанатиков этого учения, нельзя однако терять из виду, что нигилизм лишь в весьма редких, исключительных случаях обнаруживается непосредственно такого рода явлениями; в большинстве же случаев учение это остается в области теории, отражающейся в убеждениях и нравственных понятиях, но неуловимой внешними средствами; следовательно, против него могут быть направлены с успехом только такие меры, которые были бы способны воздействовать на самую умственную среду, где нигилистическое учение находит себе пищу.

Среда эта — с одной стороны, духовное сословие и преимущественно семинарии, с другой стороны, дворянство и светские учебные заведения. Что касается до простого народа, то он, благодарение богу, совершенно чужд этой заразы, и потому нет никакой надобности изменять нынешних, столь счастливых, исполненных взаимного доверия, отношений между правительством и крестьянским сословием. Единственная здравая политика в этом отношении состояла бы в поддержании этих отношений, стяжавших Вашему императорскому величеству, с бессмертною славою освободителя, беспредельную преданность русского народа. Следуя неуклонно в крестьянском деле благодетельному пути, с которого не могли удалить правительство ни козни аристократической

партии, ни затеи псевдо-либеральной дворянской оппозиции, ни революционные движения 1862 и 1863 годов, надлежало бы только обратить более внимания на улучшение крестьянских школ, дабы нигилистическая пропаганда не могла проникнуть туда посредством недоучившихся семинаристов и злонамеренных учебников.

Духовное сословие имеет в отношении к нигилизму двоякое значение: значение положительное тем, что семинарии служат едва ли не главными рассадниками нигилистов; отрицательное тем, что духовенство наше не в силах умственным и нравственным своим влиянием противодействовать распространению атеистических и материалистических понятий в молодом поколении.

Известно, что из семинарий вышли корифеи, учителя нашего нигилизма, Чернышевский, Добролюбов⁸⁰ и важнейшие из второстепенных его проповедников, что семинарии составляют главные его исходные точки. Чем другим объяснить это, как не печальным состоянием семинарий наших? Господствующая в них схоластика, ведущая свое начало от малороссийских школ XVII века, устроенных по образцу иезуитских коллегий⁸¹; безжалостный гнет монашеской дисциплины над воспитанниками, вот главные источники зла в семинариях, вот причины, почему почти лишь одни посредственные дарования и робкие характеры подчиняются семинарской науке и идут в духовное звание; в натурах же более способных и энергических зарождаются чувства негодования и протеста, которые и приводят семинариста к прямому отрицанию всего, чему его учат, т.е. к нигилизму. История внутреннего развития Чернышевского и других, ими самими засвидетельствованная, положительно доказывает это. Могут возразить, что и в прежнее время семинарии были не лучше нынешних, и что они однако не порождали нигилистов; но не следует забывать, что тогда и потребности общества были ниже, что не ощущался повсеместно тот запрос умственной самостоятельности и уважения к личности, отрицание коих в направлении семинарского образования и в личном обращении многих из монашествующих лиц, начальников семинарий, ведут даровитейших из их воспитанников к протесту. Поэтому немедленное и коренное улучшение семинарий, с устройством преподавания в них на началах истинного православного просвещения, чуждого схоластики, и с устранением из управления ими монашеского деспотизма, было бы самым действительным и радикальным средством для поражения нигилизма в самом его источнике.

В духовное звание, как замечено выше, выходят в настоящее время почти только личности бездарные или посредственные из

семинаристов. Улучшение семинарий поведет неминуемо к устранению этого страшного вреда для церкви и общества. Но кроме того, необходимо, чтобы приняты были другие решительные меры, которые возвратили бы духовенству влияние на умы молодого поколения. Само собою разумеется, этого нельзя достигнуть никакими внешними, насильственными так сказать, распоряжениями, в роде требования аккуратного посещения уроков закона божия, предъявления свидетельств о бытности у исповеди и причастия⁸² и другими подобными средствами, несостоятельность которых слишком ясно обнаружена опытом. Нужно, чтобы священник вышел из того уничиженного положения, в которое он теперь поставлен в русском обществе, нужно чтобы его стали уважать и доверять ему. Это может наступить лишь тогда, когда будет устранена кастическая замкнутость духовенства; когда обеспечено будет его материальное существование и когда приходское духовенство получит самоуправление, гарантирующее его от произвола архиерейской власти. Подробности всех этих мер потребовали бы особого рассуждения, и потому здесь невозможно входить в них; но нет никакого сомнения, что только при этих условиях слово христианской проповеди приобретет у нас возможность с успехом противодействовать растлевающим учениям безбожия и материализма.

Переходя к дворянскому сословию, нельзя прежде всего не заметить, что большинство нигилистов принадлежит само к дворянству в его молодом поколении. Этой крайней социалистической партии обыкновенно противопоставляют партию аристократическую, ультраконсервативную, бывших защитников крепостного права, или безземельного освобождения крестьян, которые в настоящее время всех громче кричат против нигилизма, обвиняя правительство в том, что оно будто своими либеральными, так называемыми демократическими реформами, произвело это зло. Несмотря на то, именно между этими двумя, на вид крайне противоположными сторонами в дворянстве нашем существует внутренняя связь. Здесь, как везде в истории и в жизни, *les extrêmes se touchent*⁸³. Общею почвою, на которой сходятся эти крайности, служит оппозиция против правительства, неудовольствие совершенными и совершаемыми реформами, и наконец, сочувствие полякам и их стремлениям (хотя впрочем в последнее время замечается в аристократической партии желание загладить невыгодное впечатление, произведенное прежним слишком резким заступничеством за поляков). Сколько мы знаем таких семейств в дворянстве нашем, где отец, ярый консерватор, вопиет против

правительства за то, что оно дало крестьянам часть земли и умерило их повинность, а сын негодуёт на то же правительство, зачем оно не отдало крестьянам всей земли, зачем оставило на них часть повинностей! Очевидно, что крепостническая оппозиция в одной части дворянства должна была породить нигилизм в другой, ибо оппозиция эта готовила умы молодого поколения к неуважению правительства, она учила их не доверять его действиям, извращать его намерения. Вступая с такою закваскою в училище, молодой человек, естественно, становится легкою добычею для нигилистической пропаганды: стоит только уму, пропитанному толками дворянской оппозиции, воспринять столь заманчивые для юношей фразы либерализма, отрицания авторитетов и т.д., и первый шаг к обращению в нигилизм уже сделан.

Итак, правительство имеет перед собою в дворянском классе две разнородные, хотя тесно связанные между собою, оппозиционные партии: оппозицию, преимущественно принадлежащую молодому поколению, с нигилистическим характером; и оппозицию старческую (хотя и в ее рядах попадаются некоторые молодые люди), ультраконсервативную, аристократическую.

Первой из них главною опорою, главным центром пропаганды служат казенные учебные заведения. Потому только улучшением училищ можно положить преграду этой пропаганде. В настоящее время слышны голоса, утверждающие, что надобно не развивать и улучшать средние и высшие учебные заведения, а напротив, ограничивать их и затруднять к ним доступ; раздаются фразы о вреде так называемого умственного пролетариата. Ничего не может быть опаснее и превратнее подобного взгляда. Невозможно приискать такую комбинацию, при которой в университеты и академии попадали бы только люди зажиточные, а бедные были бы из них исключены. Напротив, между бедняками дворянского и чиновнического происхождения естественно должно проявляться большее стремление учиться, нежели между богатыми молодыми людьми, ибо для первых образование есть единственное средство обеспечить свою будущность. Закрыв или затруднив бедному юношеству доступ в университеты и другие высшие учебные заведения, правительство возбудило бы вновь, как в 1849—1855 годах, во всей этой массе молодых людей и в их семействах величайшее неудовольствие и заставило бы тысячи юношей оставаться при поверхностном полубразовании, составляющем самую удобную почву для материализма и революционных страстей.

Напротив, необходимо по возможности возвышать уровень образования и распространять серьезное знание. Между нашими

нигилистами не было до сих пор ни одного человека с серьезным научным образованием. В пример достаточно привести Чернышевского, который считается корифеем учености между нигилистами, и который печатно утверждал, что сталь происходит от окисления железа. Наши учебные заведения страждут вообще излишеством преподаваемых предметов, невольным порождающим поверхностность знания, поощрением фразерства в преподавании словесности и недостатком серьезных занятий теми основными предметами, на которых зиждется наша образованность. Исправить в смысле серьезного классического образования курсы наших гимназий; сосредоточить, в университетах, занятия студентов на меньшем числе избираемых каждым наук; устранить учебники, составленные в духе материализма; наконец, очистить, постепенно и повсеместно, личный состав преподавателей: вот в чем заключалось бы надежнейшее средство против нигилистической пропаганды.

Что касается до другой стороны дела, т.е. до оппозиции в смысле дворянского консерватизма, столь вредно отражающейся в умах молодого поколения, то с нею правительство может бороться только пассивным сопротивлением. Лучшая политика в этом отношении заключалась бы в том, чтобы выказывать доверие к дворянству, не придавая серьезного значения его оппозиционным выходкам, не имеющим никакого отголоска в народе и потому безопасным для правительства, но вместе с тем не делать никаких уступок своекорыстным дворянским домогательствам, под какою бы личиною, аристократическою и консервативною, или либеральною и конституционною, они ни скрывались.

В настоящую минуту эти домогательства, пользуясь впечатлением события 4-го апреля, вновь усиливаются и метят, кажется, прямо на то, чтобы остановить правительство на пути реформ и разделать, насколько возможно, то, что сделано с 19 февраля 1861 года. Это все та же старческая интрига, которая с 1857 года употребляла всевозможные козни, всевозможные способы устрашения для того, чтобы сохранить крепостное право, систему откупов и т.д. В настоящее время способом устрашения принят тот *mot d'ordre*⁸⁴, раздающийся одинаково и в аристократических салонах Петербурга и в органах польской революционной печати, будто нигилизм есть произведение либеральных реформ самого правительства и будто правительство, для своего спасения, должно остановиться на пути реформ и повернуть назад. Это значит то же самое, как если бы современники Петра Великого стали утверждать, что анархические страсти стрельцов, проявившиеся

в покушениях на жизнь государя⁸⁵, были последствием предпринятых им преобразований. Нет! Стрельцы буйствовали уже прежде, нежели Петр Великий выступил на поприще реформ; и если что-нибудь вызывало, воспламеняло их анархические страсти, то это был постоянный ропот и оппозиция тогдашней консервативной, боярской партии, противившейся преобразованиям великого монарха. Относительно нигилизма уже было замечено, что он укоренился и развился в сороковых годах, т.е. гораздо прежде начала современных реформ, в эпоху самой сильной реакции, и что он в значительной степени обязан своим распространением в молодом поколении дворянскому ропоту и крикам оппозиции против правительства за крестьянскую реформу.

В настоящее время было бы опаснее, чем когда-либо, поддаться этому ропоту, сделать уступку аристократической оппозиции. Когда весь народ русский, от мала до велика, поражен известием, что на царя преступную руку поднимал переодетый дворянин, а крестьянин, тут стоявший, спас жизнь своему и всенародному освободителю; когда всеми этими миллионами умов такое событие не могло быть понято иначе, как в смысле прямого знамения, проявленного божиим промыслом: в такое время даже незначительное наклонение весов правительства в пользу исключительных интересов дворянства и в ущерб крестьян могло бы вызвать взрыв народных страстей, удерживаемых ныне лишь доверием к царю и его правительству.

При этом нельзя упускать из виду, что крестьянская реформа далеко еще не приведена к окончанию. Не только половина крестьянского населения России, крестьяне государственные, ждут еще исполнения указа 5 марта 1861 года, обещающего им улучшение их быта⁸⁶; но и в отношении к бывшим крепостным осталось еще 4 года до истечения определенного Положением девятилетнего периода обязательного пользования наделом за установленные повинности. До этого срока невозможно считать взаимные отношения между помещиками и крестьянами окончательно развязанными, и было бы не только противно основной мысли закона 19 февраля, но и крайне неосторожно приступать ранее сего срока к упразднению особых по крестьянским делам учреждений и к передаче крестьянских дел в общие судебные и административные места. В этих местах возникающие из срочно-обязательных отношений крестьян к помещикам споры и недоразумения не могли бы уже решаться в том примирительном, основанном на нравственной справедливости, духе, которым обязаны руководствоваться учреждения, созданные законом 19 февраля; общие

судебные и административные инстанции дали бы делам этим формально-юридическое и канцелярское направление, причем сторона крестьян оказывалась бы, разумеется, всегда неправою, и такой поворот, который крестьяне стали бы объяснять себе не иначе, как кознями помещиков мог бы сделаться причиною самых гибельных потрясений в государстве.

Очевидно, что по крестьянскому делу невозможна никакая уступка домогательствам дворянской партии. Остается другая сторона ее домогательств: вопрос о правах политических. Но в этом отношении следует прежде всего уяснить: для кого требуются дворянскою партией политические права?

Дворянство наше есть сословие многочисленное, обнимающее около миллиона душ; дворянские права одинаковы и для богача-аристократа, и для массы голодной молодежи, ищущей мест в канцеляриях или пробавляющейся писанием журнальных статей с обличительным оттенком. Неужели помышляют о том, чтобы наделить этот миллион душ какими-нибудь особыми политическими правами, которых не имело бы земство? Но это значило бы переделать Россию в шляхетскую республику какую была старая Польша⁸⁷, где дворянство, столь же многочисленное, как в России, добыв себе от королей исключительные политические права и присвоив себе таким образом часть верховной власти, прежде принадлежавшей исключительно королям, вскоре довело правительство до совершенного бессилия, лишило простой народ всех гарантий закона и внутреннею своею неурядицею повлекло государство к падению.

Конечно, никто даже из самых рьяных поборников дворянской грамоты нашей⁸⁸ не пожелает для России повторения истории старой Польши, этого дворянского рая, как ее в то время называли. Поэтому люди, мечтающие о возможности исключительных политических прав для дворянства, придают своим притязаниям вид заботливости в пользу крупного землевладельца. Земские учреждения наши с полным беспристрастием уравнивали представительство трех родов поземельной собственности в России: собственности общинной или крестьянской; личной мелкой собственности и наконец собственности более крупной, превышающей норму от 200 до 800 десятин, смотря по губерниям. В применении своем на практике Положение 1-го января 1864 года⁸⁹ дало в большей части губерний и уездов перевес, часто весьма значительный, поместному дворянству над прочими сословиями. Но поборники дворянских интересов не довольствуются этим и требуют в пользу этих интересов коренного отступления от выборного

начала, на котором основано все положение о земских учреждениях; они требуют допущения крупных землевладельцев, по праву, а не по избранию, в земские собрания и управы. Эта мера, кажущаяся на вид весьма незначительною и невинною, имела бы однако самую существенную важность, ибо она заключала бы в себе признание нового политического начала в России, именно принципа политической власти, принадлежащей лицу не по службе его, коронной или общественной, а по праву частной собственности; другими словами, это была бы уступка доли самодержавной власти в пользу некоторых привилегированных лиц, введение в России принципа западной аристократии. Само собою разумеется, что за первую уступкою в этом направлении должны бы были последовать и другие, потому что крупные землевладельцы, получив столь важное в принципе своем политическое право, очевидно, не долго могли бы довольствоваться применением его в одной только ограниченной сфере хозяйственных дел, предоставленных земским собраниям и управам, и стали бы домогаться приложения того же начала и к другим, более важным отраслям управления. Правительство было бы принуждено или вступить с ними в борьбу и для пресечения зла уничтожить только что дарованную привилегию, что было бы конечно сопряжено с большими неудобствами; или же, если бы оно согласилось идти далее по новому пути, то вскоре Россия получила бы правление аристократическое или олигархическое. Излишним было бы доказывать историческими фактами, что аристократия не имеет никаких основ в России, что все те фамилии, из которых думают образовывать в настоящее время политически-самостоятельную аристократию, обязаны своим значением или родству с венценосцами (как Рюриковичи, Гедиминовичи⁹⁰ и т.д.), или государственной службе, и что эта мнимая аристократия никогда не имела и тени политической самостоятельности в отношении к правительству, как аристократия на Западе. Известно при том, до какой степени западный аристократический элемент был всегда разрушителен для славянских государств, так что не только в Польше, но и в Сербии и Чехии возвышение аристократии на счет верховной власти повлекло за собою вскоре и самое падение этих государств. Подобно тому и история России показывает, что всякий раз, когда усиливалось боярство и захватывало в свои руки власть, как-то в малолетство Иоанна IV, в эпоху самозванцев и при первых преемниках Петра Великого⁹¹, государство повергалось в смуту и приходило в глубокое расстройство. Еще губительнее были бы последствия подобного политического возвышения у нас аристократии

в настоящее время, когда даже знатнейшие дворянские фамилии потеряли всякое действительное влияние на народ. При том и в самом дворянстве уже сильна либеральная партия, не только питающая отвращение к олигархическим стремлениям прежних крепостников, но желающая совершенного упразднения исключительных привилегий. Партия эта, доселе поддерживавшая правительство в его начинаниях и преимущественно содействовавшая успешному исполнению великой крестьянской реформы, обратилась бы неминуемо в оппозицию, если бы правительство, перешло на сторону олигархических стремлений. При воцарении императрицы Анны Иоанновны само дворянство восстало против олигархии, пытавшейся ограничить в свою пользу самодержавную власть, и низвергнуло эту крамольную партию⁹². С того времени прошло более ста лет, и в эти сто лет не только усилились либеральные стремления в среде дворянства, но вырос и народ русский, ныне свободный и уже призванный к участию в общественных делах. Кто знает, если бы в наше время могла вновь проявиться какая-нибудь олигархическая попытка, ограничилось ли бы дело одним сопротивлением большинства дворян, как это случилось при Анне Иоанновне, и не подняла ли бы такая попытка народную массу?

В сжатых словах выводы наши заключались бы в следующем:

Нигилизм обязан своим укоренением и развитием преимущественно репрессивным мерам, действовавшим в 1849—1855 гг.

Дух оппозиции и порицания правительства, проявляемый ультра-консерваторами по поводу освобождения крестьян и других реформ, обращается также в пользу нигилизма, ибо он приготавливает умы молодежи к восприятию всякой враждебной правительству и существующему порядку пропаганды.

Полицейские меры могут остановить или пресечь только внешние проявления нигилизма, но недостаточны для существенного противодействия его влиянию и распространению. Для такого противодействия необходимы главным образом следующие средства: 1) коренное преобразование семинарий, с устранением из них схоластики в преподавании и монашеского деспотизма в управлении; 2) улучшение положения духовенства и, главное, приходского, т.е. как материальное его обеспечение, так в особенности, дарование ему большей самостоятельности и устранение его кастического характера; 3) улучшение светских казенных учебных заведений, посредством устранения многопредметности и

усиления классического образования в гимназиях и сосредоточения в высших училищах молодых людей на серьезном изучении меньшего числа наук.

В отношении дворянской оппозиции действовать в смысле долготерпения, выказывая дворянству доверие и не придавая особенного значения епо оппозиционным выходкам; но необходимо избегать всякой действительной уступки этой оппозиции, следуя неуклонно избранному Вашим императорским величеством пути благодетельных преобразований и одинакового беспристрастия ко всем сословиям русского народа.

Комментарии

¹ ЗАПИСКА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

Записка, написанная К.Д. Кавелиным в 1855 г., была известна по неполным и неточным рукописным спискам и по извлечению из нее, помимо желания автора, сделанному и напечатанному в журнале «Современник» (1858 г., т. LXVIII) (см.: [От редакции] // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Год семнадцатый. 1886. Т. XLIX. Январь–февраль–март. 1886. СПб.: тип. В.С. Балашова. С. 132). Впервые полностью опубликована Д.А. Корсаковым в журнале «Русская старина» в 1886 г. (см.: Константин Дмитриевич Кавелин. Записка об освобождении крестьян в России 1855 г., часть первая // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Год семнадцатый. 1886. Т. XLIX. Январь–февраль–март. СПб.: тип. В.С. Балашова, 1886. С. 133–180 [гл. I–III]; 293–320 [гл. IV–VII]; Константин Дмитриевич Кавелин. Записка об освобождении крестьян в России 1855 г., часть вторая // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Год семнадцатый. 1886. Т. L. Май. СПб.: тип. В.С. Балашова, 1886. С. 287–310).

Печатается по: *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. 2: Публицистика. I. Крестьянский вопрос, дворянство и землевладение. — II. Сельский быт и самоуправление. — III. Общественные направления и политические вопросы. — IV. Воспоминания и разные статьи / Вступ. ст. В.А. Спасовича, прим. Д.А. Корсакова. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Стлб. 5–88.

² Посессионные фабрики и заводы — здесь, частные предприятия, обычно в горной, металлургической, суконной и полотняной промышленности России XVIII–XIX вв., обслуживавшиеся трудом подневольных работников и получившие от казны деньги, землю, лес, рудники и пр., основанные на посессионном праве (от лат. *possessio* — владение), т.е. на условном владении людьми или землями, которых нельзя было отчуждать от данного предприятия.

³ Речь идет о посессионных крестьянах, в число которых в XIX в. помимо собственно крестьян, прикрепленных к посессионным фабрикам и заводам, вошли так называемые неперменные работники, заменившие собой «приписных крестьян» — государственных, дворцовых и экономических крестьян, обязанных вместо уплаты подушной и оброчной податей работать на казенных или частных заводах и фабриках.

⁴ Удельные — крестьяне, проживавшие на удельных землях и принадлежавшие императорской семье, дворцовые — крестьяне, принадлежавшие лично царю

и членам царской фамилии, управление которыми осуществляло государственное учреждение империи — Удельное ведомство, центральным органом которого был Департамент уделов (1797—1892), а местными — удельные конторы (1808—1892).

⁵ Запасные магазины — хлебные хранилища, созданные по Указу императора Петра I «Об учинении особого начальства по экономии, для наблюдения за хлебными запасами, о заведении магазинов, о солении рыбы и о китовом промысле» от 20 января 1723 г. «дабы в неурожайные годы народ голоду не терпел» (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Первое собрание. Т. VII. 1723—1727. СПб., 1830. № 4420. С. 205). По законодательному акту императора Павла I «Учреждение об Императорской Фамилии» от 5 апреля 1797 г. такие хранилища «для предотвращения могущаго случиться от недорода хлеба недостатка» стали организовывать в поселениях удельных крестьян, а с 1799 г. также в казенных и владельческих селениях (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Первое собрание. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. СПб., 1830. № 17906; и др.).

⁶ Военные поселяне — солдаты и крестьяне, в 1810—1857 гг. водворенные на казенных землях в рамках программы создания военных поселений, сочетавшие военную службу с занятием производительным трудом, прежде всего сельскохозяйственным.

⁷ В дореформенной России существовала сословная категория «мастеровые и работные люди», включавшая, например, казенных мастеровых; крепостных на заводском праве, купленные заводладельцами-недворянами; вечнотданных, сверстаных с крепостными; крепостных, купленных заводчиками на праве дворянства и др. Казенные мастеровые с 1806 г. были освобождены от государственных податей и повинностей, имели статус, близкий к статусу нижних военных чинов-рекрутов. В случае уголовных преступлений подлежали военному суду. После 35-летнего срока обязательной службы имели право на отставку и пенсию. Получали бесплатный провиант, земельный и сенокосный участки. Остальные группы мастеровых имели статус, близкий к статусу крепостных крестьян. Мастеровые обычно выполняли квалифицированную работу, работные люди — неквалифицированную. Некоторая их часть занималась кустарными промыслами, торговлей, земледелием, предпринимательством.

⁸ Задельная плата — поштучная (по количеству сработанных единиц продукта) денежная оплата наемного труда.

⁹ Бессрочный отпуск, или, по сути, увольнение в запас, практиковался в русской армии с 1834 г. (для флота с 1836 г.).

¹⁰ Солдатские дети — дети солдат из крепостных крестьян, имевшие статус лично свободных людей; кантонисты (нем. "Kantonis" — военнообязанный) — в России в 1805—1856 гг. солдатские сыновья, приписанные со дня рождения к армии. Эти дети готовились к несению солдатской службы в особой низшей военной школе.

¹¹ В начале XIX в. во многих странах произошло перевооружение армий капсюльными ружьями вместо кремневых. 17 августа 1843 г. приказом Военного ведомства было основано первое в России капсюльное заведение по производству устройств для воспламенения порохового заряда в огнестрельном оружии. Устройства эти снаряжались ударным (капсюльным) составом, преимущественно гремучей ртутью — ртутной солью гремучей кислоты, которая очень токсична и опасна в изготовлении.

¹² Имеется в виду Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг.

¹³ Имеется в виду Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, второй сын императора Николая I, с 1855 г. — управляющий флотом и морским ведомством на правах министра.

¹⁴ В 1851 г. горнозаводские крестьяне в количестве 28 992 человек мужского пола и государственные крестьяне в количестве 823 человек мужского пола, приписанные к Нерчинским заводам, были обращены в казаков и включены в состав Забайкальского казачьего войска.

¹⁵ Энциклопедисты — французские философы, ученые, деятели искусства и литераторы XVIII в., участвовавшие в создании «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751—1780), одного из важнейших трудов эпохи Просвещения. Соединенные общим стремлением к распространению знаний, которое, как они верили, освободит человечество от предрассудков и тирании, они, в частности, развивали идеи о равенстве политических прав, основанном на природном равенстве всех людей перед разумом, об исконной свободе каждого гражданина.

¹⁶ Речь идет о «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения», созданной из представителей разных сословий русского общества по Именному Указу, данному Сенату 14 декабря 1766 г. императрицей Екатериной II. Одной из задач Комиссии было «выслушать нужды и недостатки каждого места», поэтому выбранные депутаты снабжались особыми наказами: дворянские депутаты имели 165 таких наказов, городские — 210, крестьянские, включая казаков и иноверцев, — 1066 наказов.

¹⁷ Филантропический — имеющий отношение к благотворительности; в более широком смысле человеколюбивый.

¹⁸ Венский конгресс — общеевропейская конференция, проходившая в Вене в 1814—1815 гг., в ходе которой была определена новая расстановка сил в Европе, сложившаяся после победы над Наполеоном, и обозначена ведущая роль «великих европейских держав» — России, Австрии и Великобритании в международных отношениях.

¹⁹ Имеются в виду российские императоры Александр I Павлович (1777—1825), правивший с 1801 г., и его младший брат и преемник Николай I Павлович (1796—1855), правивший Россией с 1825 г.

²⁰ Гайдамаки — букв. «грабители» (*тур.*); в XVIII в. так называли казаков — повстанцев, участников борьбы против поляков на Правобережной Украине.

²¹ Речь идет о волнении крестьян в Витебской губернии в 1847 г. Здесь в ряде уездов пошли толки о существовании царского указа о «крестьянской воле», который якобы скрывается помещиками, и что правительство пообещало освободить от крепостной зависимости крестьян, которые проработают три года на строительстве Петербург-Московской железной дороги (с 1843 г. основную рабочую силу составляли нанятые подрядчиками крепостные и государственные крестьяне). Тысячи крестьян, распродав имущество, устремились в Петербург, вступая по пути в вооруженные стычки с брошенными на их задержание войсками. Особенно крупных размеров движение достигло в Дриссенском уезде Витебской губернии, где вооруженные крестьяне покушались на жизнь помещиков. С помощью большого количества регулярных войск властям удалось вернуть десятки тысяч беженцев.

²² Имеется в виду призыв в морское и сухопутное ополчение — резерв действующей армии во время Крымской войны 1853—1856 гг., породивший слухи об освобождении от крепостной зависимости всех крестьян, записавшихся в ополчение.

²³ Полицеймейстер — начальник городской полиции.

²⁴ Речь идет о попытке императора Николая I ввести в практику положения Манифеста от 5 апреля 1797 г. императора Павла I «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные», который много лет не выполнялся. С этой целью Министерство внутрен-

них дел 24 октября 1853 г. направило местным властям секретный циркуляр, предписывавший предводителям дворянства принять меры к обязательному исполнению закона, по которому помещики не имели права применять на своей земле крестьянский труд чаще чем три раза в неделю, и привлекать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни (Циркуляр министра внутренних дел Д.Г. Бибикова губернским предводителям дворянства от 24 октября 1853 года о необходимости соблюдения помещиками закона о трехдневной барщине // Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.: Сборник документов / Под ред. д.и.н., проф. С.Б. Окуня. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 386). Однако секретный и ограниченный характер циркуляра Бибикова изначально обрек на провал его реализацию.

²⁵ Скорее всего, речь идет о «Галицийской резне» — крестьянском восстании в западных областях Галиции во второй половине февраля и марте 1846 г., которое приняло характер погромов местной шляхты, знати и правительственных чиновников.

²⁶ Кавелин ссылается на фундаментальный труд российского экономиста и статистика Якова Александровича Соловьева (1820—1876) — сотрудника министерства государственных имуществ (см.: *Соловьев Я.А.* Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губернии. М.: в типографии Александра Семена, 1855).

²⁷ *Après nous le déluge* — после нас хоть потоп (*фр.*).

²⁸ То есть с 1815 г.

²⁹ Однодворческие крестьяне — или однодворцы, категория сельских жителей (из числа потомков бывших служилых людей, обедневших шляхтичей и других), занимавших фактически положение государственных крестьян и владевших небольшим (в один двор) земельным участком.

³⁰ Перед этим на рукописи сделана надпись карандашом: «Следующее написано несколько позднее; кажется, в том же 1855 году. К. Кавелин». — *Прим. Д.А. Корсакова.*

³¹ Пальятивные (от *фр.* “*palliatif*” от *лат.* “*pallium*” — покрывало, плащ) — здесь неисчерпывающие, временные решения; полумеры, не обеспечивающие полного, коренного решения поставленной задачи.

³² Залежная система земледелия — примитивная система сельского хозяйства, при которой выпаханное и засоренное поле оставляли без обработки свыше 15 лет. Плодородие почвы восстанавливалось под воздействием естественной растительности, без участия человека. При этом урожайность из года в год снижалась. Была характерна для раннего периода развития земледелия в степных районах, где было много свободных земель.

³³ Бобыль — одинокий крестьянин-бедняк, обычно безземельный; бездомник — тот, у кого нет своего дома, пристанища.

³⁴ Гордиевы узлы — трудно разрешимое, запутанное дело.

³⁵ МЫСЛИ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ В РОССИИ

Записка написана в сентябре—октябре 1857 г. по просьбе великого князя Константина Николаевича. Впервые опубликована: *Кавелин К.Д.* Мысли об уничтожении крепостного состояния в России // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1887 г. Январь—февраль—март. Т. 53. СПб., 1887. С. 451—463. Текст печатается по первому изданию.

Биограф и публикатор трудов Кавелина — русский историк, профессор Казанского университета Дмитрий Александрович Корсаков (1843—1919) — в обширной

статье, предваряющей текст работ мыслителя, помещенных им в 53 томе журнала «Русская старина» за 1887 г., писал, в частности, следующее: «В январе 1857 года был образован в Петербурге т. наз. секретный комитет по крестьянскому делу, под личным председательством Государя Александра Николаевича, но лица, вошедшие в его состав, за весьма малыми исключениями, не были расположены к освобождению крестьян... Император Александр II, крайне недовольный бездействием секретного комитета и желавший как можно скорее двинуть вперед дело «улучшения быта» крепостных крестьян, в конце июля 1857 года назначил членом комитета великого князя Константина Николаевича, который и принялся за дело весьма энергично.

В заседании 18 августа 1857 года, комитет постановил: улучшение быта помещичьих крестьян произвести с должною осторожностью и постепенностью, в три периода: первый посвятить на собрание необходимых для дела данных, чрез министра внутренних дел, не назначая ему, впрочем, никакого срока. В течение этого же первого периода издать указ о дозволении дворянам отпускать крестьян их на волю целыми селениями на разных условиях, независимо от правил для свободных хлебопашцев (1803 г.) и обязанных крестьян (1842 г.) по добровольному взаимному соглашению с утверждения правительства, для чего подготовить проекты условий и представить в государственный совет проект смягчения некоторых помещичьих прав. Во второй период составить, на основании собранных министром внутренних дел сведений, проект положения о помещичьих крестьянах. Третий период должен был заключаться в окончательном устройстве крестьян. В резолюции на журнале секретного комитета, 18 августа 1857 года, Государь Александр II, между прочим, написал: «Да поможет нам Бог повести это важное дело с должною осторожностью к желаемой цели». По вопросам о взаимных соглашениях между помещиками и крестьянами и об ограничении помещичьих прав были составлены следующие 14 вопросов:

I. Можно ли дозволить крепостным людям вступать в браки без согласия помещика?

II. Можно ли дать помещичьим крестьянам право приобретать собственность без согласия помещика?

III. Можно ли ограничить права помещиков относительно разбора споров и жалоб между их крестьянами?

IV. В какой мере можно ограничить права помещиков относительно наказания крестьян?

V. Должно ли лишить помещиков права переселять крестьян в Сибирь?

VI. Следует ли ограничить права помещиков относительно отдачи крестьян в рекруты?

VII. Должно ли лишить помещиков права вмешиваться в отправление крестьянами повинностей и податей?

VIII. Какие принять меры для более точного определения повинностей крепостных крестьян их помещиком?

IX. Можно ли допустить жалобы крепостных крестьян на их помещиков?

X. Можно ли дать помещичьим крестьянам право выкупаться на волю за особую определенную цену?

XI. Какие меры должно принять ныне же для уменьшения числа дворовых людей?

XII. Какие принять меры для большого успеха в заключении взаимных соглашений между помещиками и крестьянами?

XIII. Независимо от всех изложенных выше мер не следует ли принять ныне же еще некоторые меры для облегчения как крепостного состояния, так и взаимных соглашений между помещиками и крестьянами?

XIV. Каким порядком приступить к исполнению тех облегчительных мер, кои комитетом будут окончательно избраны и Его Императорским Величеством утверждены?

Вопросы эти были разсланы как к членам комитета, так и к некоторым лицам, известным своим сочувствием делу освобождения крестьян. В числе весьма немногих лиц из этой последней категории получил их и К.Д. Кавелин, только что возвратившийся в то время из за границы и собиравшийся начать преподавание покойному Государю Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу и чтение лекций в петербургском университете. В конце августа 1857 года Кавелин прибыл в Петербург, а 5 сентября получил следующее письмо, с надписью: «весьма секретно», от А.В. Головкина, близко стоявшего в то время к великому князю Константину Николаевичу (Александр Васильевич Головин (1821—1886) — статс-секретарь, министр народного просвещения (1861—1866), в 1850—1859 гг. был секретарем Великого князя. — *Ред.*): «По приказанию Великого Князя посылаю вам, почтеннейший Константин Дмитриевич, вопросы, предложенные комитетом о крестьянах своим членам с тем, чтоб они доставили свои мнения к 1 октября. Великий князь просит вас потрудиться сообщить его высочеству ваши по ним соображения, за что будет особенно вам признателен. Преданный вам Головин».

Соображения свои Кавелин изложил в особой записке, печатаемой ниже. Записка эта отвечает главным образом на I, II, V и VI из присланных Константину Дмитриевичу вопросов. Ответы на некоторые вопросы он не успел за недостатком времени обработать должным образом. В бумагах Кавелина сохранился небольшой лоскуток, на котором частью чернилами, частью карандашом, набросаны следующие замечания, очевидно, относящиеся к XIII вопросу и касающиеся ограничения помещичьих прав.

«Запретить брать во двор и в личную службу. — Ограничить подводную повинность. — Выкупить приписанных к домам. — Выкупить с публичного торга мелкопоместных. — Уничтожить приписку воспитанников в крепостное состояние воспитателями (Св. Закон., т. IX, изд. 1857 г., статья 997, пункт 3-й: «Потомственное крепостное состояние лица устанавливается, между прочим, причислением к крепостному семейству приемыша, не помнящего родства, для призрения его и воспитания». Статья 1015 того же тома и издания: «Подкидыши и не помнящие родства, если, быв приняты в младенчестве их ниже десяти лет, лицом, имеющим по своему званию право владеть крепостными людьми, будут им воспитаны и обучены, то по желанию воспитателя записываются за ним в числе его крепостных». — *Прим. Д.А. Корсакова*). Если велено всех приписывать к населенным имениям, то запретить держать крестьян без земли, в застойной, на положении дворовых».

К назначенному великим князем Константином Николаевичем сроку Кавелин не успел составить свою записку. Отправляя ее А.В. Головнину, 5-го октября 1857 г., Кавелин написал ему следующее письмо:

«М. г. Александр Васильевич! Посылая вам записку, составленную вследствие лестного поручения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича, покорнейше прошу вас повергнуть перед Его Высочеством изъявление глубочайшей моей благодарности за доверие и честь, которых я удостоился, и вместе испросить мне милостивое извинение Великого Князя за представление этой работы пятью днями позже назначенного срока. Важность дела, краткость времени, совершенное отсутствие досуга, вследствие срочных занятий с Государем Наследником и приготовлений к университетским лекциям, наконец, недостаток в предварительных трудах, даже в сносном сборнике мате-

риалов — вот что было причиной замедления. Этими же причинами объясняется и недостаточность моего труда, которую живо сознаю и чувствую»...

9-го января 1858 года А.В. Головинин писал Кавелину: «Почтеннейший Константин Дмитриевич, Великий князь обратил особенное внимание на вашу записку, которая совершенно согласна с его взглядом, и вручил экземпляр Императрице для передачи потом Государю, а затем, не называя вас, послал копии князю Орлову, Чевкину, Норову и Тимашеву. Преданный вам А. Головинин» (*Корсаков Д.А. Константин Дмитриевич Кавелин // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1887 г. Январь—февраль—март. Т. 53. СПб., 1887. С. 440—443, 445.*)

³⁶ Уважение — законодательный акт.

³⁷ Поместное право — передача участков государственной или церковной земли в личное владение служивому человеку как вознаграждение за службу и как средство для службы. Такой условный, личный и временный по характеру (в отличие от вотчинного владения) «порядок служилого, т.е. обязанного ратной службой, землевладения, установившийся в Московском государстве XV и XVI вв.» (В.О. Ключевский), в XVII в. оформился в преимущественное право военно-служилого дворянства владеть государственными землями с «сидящими» на них крепостными крестьянами, которое в 1785 г. было закреплено «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», освободившей дворян от обязательной службы.

³⁸ Коронные чиновники — чиновники, назначаемые на места из центра и подчиненные только центральному правительству.

³⁹ Пролетариат — люди, не имеющие собственности, живущие тем, что зарабатывают, продавая свой труд.

⁴⁰ Кредитные установления — кредитные учреждения (банки, ссудные казны, ссудные казны и т.д.).

⁴¹ Имеется в виду опыт князя Гарденберга (Hardenberg) Карла Августа (1750—1822) — государственного канцлера Пруссии в 1810—1822 гг., который для обсуждения и редакции проектов, предложенных в ходе реформы по отмене «наследственного подданства» (т.е. крепостного права), решил созвать не представителей страны, выбранных населением, а собрание нотаблей — знатных и авторитетных людей, назначенных правительством.

⁴² Имеются в виду самостоятельные судебные учреждения в России — палаты гражданского суда, ведавшие в то время и нотариальными делами.

⁴³ Бездоимочно — все сполна, без всякой недоимки

⁴⁴ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ

Впервые опубликовано в: «Атеней», журнал критики, современной истории и литературы. М.: в типографии Эрнеста Барфхнехта и К°, 1859. № 2. С. 165—196.

Печатается по: *Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2: Публицистика. I. Крестьянский вопрос, дворянство и землевладение. — II. Сельский быт и самоуправление. — III. Общественные направления и политические вопросы. — IV. Воспоминания и разные статьи / Вступ. ст. В.А. Спасовича, прим. Д.А. Корсакова. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Стлб. 162—194.*

При составлении Комментария использованы примечания к статье Кавелина В.К. Кантора и О.Е. Майоровой (*Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост. и вступ. ст. В.К. Кантора; подготовка текста и примечания В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. М.: изд-во «Правда», 1989. С. 555—564*), а также Р.А. Арсланова (*Кавелин К.Д. Избранное / Сост., автор*

вступ. ст., коммент. Р.А. Арсланов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 541–544).

⁴⁵ Поземельный оброк — продуктовые или денежные платежи, выплачивавшиеся зависимыми крестьянами землевладельцам (помещикам или государству) в качестве продуктовой (натуральный оброк) или денежной (денежный оброк) земельной ренты.

⁴⁶ «Сельское Благоустройство» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве в 1858–1859 гг., под редакцией А.И. Кошелева.

⁴⁷ Славянофил Кошелев Александр Иванович (1806–1883) выступил против отстаиваемой западниками трактовки общины как административной единицы, созданной государством с фискальными целями и не имеющей глубоких корней в русской истории. Начало полемике положила статья западника Чичерина Бориса Николаевича (1828–1904) «Обзор исторического развития сельской общины в России», вошедшая в его книгу «Областные учреждения России в XVII в.» (1856).

⁴⁸ С середины XVIII в. в условиях начавшегося разложения крепостничества и складывания рыночных отношений помещикам нечерноземной зоны было выгоднее переводить своих крестьян на денежный оброк.

⁴⁹ Крестьянин-отходник, получивший свидетельство, дающее ему право торговать или наниматься на работу за пределами имения.

⁵⁰ Выгон — участок земли, используемый для пастбы скота.

⁵¹ Трехпольная система хозяйства — система севооборота с делением пашни на три поля, каждое из которых засевается сначала озимыми, затем яровыми, а на третий год остается под паром.

⁵² Тягло — система денежных и натуральных государственных повинностей крестьян. Термин «тягло» после введения подушной подати был заменен словом «подать», но употреблялся для обозначения условной единицы обложения в XVIII–XIX вв.

⁵³ Чересполосица — поземельное владение, при котором земельные участки одного хозяйства раздроблены, расположены вразброс, отдельными полосами, попеременно с чужими земельными участками и не представляют хозяйственного целого.

⁵⁴ Система разверстки и надела — распределение земли между крестьянскими хозяйствами в русской общине, которое производилось по ревизским или наличным душам, либо по числу рабочих рук в хозяйстве, либо по едокам. Вопрос о подворной земельной нарезке решали сельские сходы.

⁵⁵ Жеребьевый надел — распределение по жребию наделов пахотной общинной земли, передаваемой в индивидуальное пользование.

⁵⁶ Кавелин имеет в виду статью Ю.Ф. Самарина «О поземельном общинном владении» (Сельское благоустройство. Отдел Русской Беседы. 1858. Книга 1-я). «Я прихожу к убеждению, — писал, в частности, Самарин, — что в понятиях наших крестьян, в настоящее время, неудобство переделов значительно перевешивается выгодами пропорционального наделения землею, и потому мы не вправе и не должны потрясать обычая, которым дорожит народ» (Самарин Ю.Ф. О поземельном общинном владении // Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 3: Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 года. М., 1885. С. 18).

⁵⁷ Кавелин цитирует статью 599 Кодекса Наполеона: «Пользующийся чужой собственностью не может по истечении срока найма требовать какого бы то ни было возмещения за те улучшения данной собственности, которые, по его утверждению, были им сделаны, хотя бы даже стоимость вещи от этого возросла» (Code Napoleon. Paris, 1807. P. 157. — Пер. В.А. Мильчиной).

⁵⁸ Кавелин ссылается на труд немецкого юриста Вальтера (Walther) Фердинанда (1794—1879) «Система общего немецкого права» (System des gemeinen deutschen Privatrechts von Ferdinand Valter. Bonn: bei Adolph Marcus, 1855).

⁵⁹ Meliorationen (нем.) — мелиорация; “accession” (фр.) — присоединение; *impensae* (лат.) — расход, издержка; *expensae* (лат.) — затраты, расход.

⁶⁰ Субаренда — передача арендатором части арендованного имущества в аренду третьему лицу.

⁶¹ “*Culpa mea*” (лат.) — моя вина.

⁶² Имеются в виду теории И.В. Вернадского, И.К. Бабста, Б.Н. Чичерин и других либеральных западников, выступавших против общины.

⁶³ Акциз — вид косвенного налога на предметы массового потребления.

⁶⁴ Имеются в виду государственные чиновники.

⁶⁵ После того, как новым и новейшим прусским законодательством распущены крестьянские общины, промежуточные отношения наследственного землепользования преобразованы в полную собственность крестьянина, подати хотя и по-прежнему сохранены в качестве реальных обязательств, однако начинают упраздняться и облегчаются процентными банками, впредь — когда все эти меры будут до конца претворены в жизнь — останется лишь два разряда крестьянских земельных владений: владения, находящиеся в полной собственности крестьянина и не обремененные обязательствами, и обычно арендуемые владения. Вследствие этого крестьянское право подпадает под действие обычного права. Таковы ход и направление законодательства также и других стран. Весьма сомнительно, что надолго сохранятся преследуемые всеми этими мерами преимущества для крестьян — в условиях продолжающегося раздробления земельных участков, вызываемого этим обеднения и незатрудненного получения залоговых ссуд. Вероятно, по мере того как власть денег будет возрастать, земельная собственность будет все более переходить в руки богачей, и, как показывает пример Северной Италии с ее земельными владениями, находящимися вблизи городов, потомки крестьянина будут почитать себя счастливыми, если в качестве арендаторов будут сидеть на той самой земле, которую возделывали их предки, владевшие ею как собственностью. Фактически сложатся новые формы зависимости арендатора, опасаящегося расторжения договора, от землевладельца; однако при этом исчезнет прежний дух благожелательности и взаимной симпатии, который в прежние времена выдыхал жизнь в учреждение аренды и давал землевладельцу не только права, но и связывал его обязательствами. По всей видимости, будет так, что арендатор, напрягая все свои силы, сумеет получить большой урожай; однако полученный им доход не вознаградит его за труды, как это бывает тогда, когда норма податей остается неизменной; ведь землевладелец вправе повысить арендный процент после окончания срока аренды. Вероятно, законодательство будет искать способы ограничить дух ростовщичества. Однако тогда, вместе с ограничением свободы землевладельца, по справедливости воспоследует и ограничение свободы арендатора, так что так или иначе необходимо будут созданы тем или иным способом организованные отношения личной зависимости, подобно колонату в Римской империи времен ее упадка. Неверно приносить в жертву принципу безусловной делимости земельных владений наследственные отношения арендного землепользования и тому подобные промежуточные состояния. Подобные формы были благодетельны, ибо способствовали сохранению крестьянского двора, предоставляли крестьянину землю на справедливых условиях, обеспечивали существование его и его детей, а тем самым поощряли трудолюбие и повышали культуру обработки земли. Последствия движения в противоположном направлении уже стали зримы — это катастрофическое падение крестьянского сословия, нищета крестьян, рост деревенского пролетариата. В разных местах уже делаются

попытки смягчить принцип делимости. Если только мы хотим сохранить или восстановить наследственные отношения землепользования, то самым полезным было бы в законодательном порядке слить подобные формы наследственной аренды (эмфитезы) в подлинном их разумении и выкинуть за борт теорию дробимой земельной собственности» (*System des gemeinen deutschen Privatrechts von Ferdinand Valter*. Bonn: bei Adolph Marcus, 1855. С. 587–588. — Пер. Ал. В. Михайлова).

⁶⁶ Нибур (Neibuhr) Бартольд Георг (1776–1831) — немецкий историк.

⁶⁷ «С намерениями безукоризненными и с желанием облагодетельствовать крестьянина все крестьянское сословие губят предоставлением ему права продавать, дробить и отдавать в залог свои земли, — так это и происходит во всем. Самые плоские взгляды стали всеобщими, возобладали, и кто бы ни решал, министерства или сословия, результат всегда сдан. Ни в чем нет дурного умысла, и, однако, как выразился один замечательный человек, все немецкие государства (за вычетом тех, что совершенно неподвижны) вознамерились своим законодательством довести нацию до состояния итальянцев: в городах лавочки и шарлатаны, на селе оборванцы-поденщики и оборванцы-арендаторы» (*System des gemeinen deutschen Privatrechts von Ferdinand Valter*. Bonn: bei Adolph Marcus, 1855. 588 прим. — Пер. Ал. В. Михайлова).

⁶⁸ О НИГИЛИЗМЕ И МЕРАХ, ПРОТИВ НЕГО НЕОБХОДИМЫХ

Записка была написана К.Д. Кавелиным в первой половине мая 1866 г. и 20 мая 1866 г. передана императору Александру II.

Опубликована впервые П.А. Зайончковским в 1950 г. в журнале «Исторический архив» (Т. V. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 326–341). Печатается по данному изданию.

⁶⁹ Нигилизм (от *лат.* “*nihil*” — ничто, ничего) — негативное умонастроение, выражающее полное отрицание всего общепризнанного, исходящее из уверенности в абсолютной ложности отрицаемого.

⁷⁰ Речь идет о первом покушении на жизнь императора Александра II. Происходивший из мелкопоместных дворян Саратовской губернии бывший студент, выгнанный из Казанского и Московского университетов, и участник революционных кружков — Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) 4 апреля 1866 г. у ворот Летнего сада стрелял в Александра II, но промахнулся. По официальной версии в последний момент его ударил по руке костромской крестьянин Осип Иванович Комиссаров (1838–1892). Впоследствии крестьянин Комиссаров был удостоен потомственного дворянства, а дворянин Каракозов — повешен.

⁷¹ Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) — литературный критик, публицист, один из представителей социально-политического течения западничества. Начав с «абстрактного героизма» и апологии монархии, через увлечение гегельянством и «примирение с действительностью», в 1840-е гг. он обратился к немецкому и французскому радикализму, став материалистом, атеистом, социалистом.

⁷² Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас (1804–1872) — немецкий философ, материалист и атеист. Фейербахианство проникло в Россию в конце 1830 — начале 1840-х гг. Особое впечатление на мыслящих людей «сороковых годов» произвела его книга «Сущность христианства» (1841). Запрещенные к изданию в России сочинения Фейербаха были известны по немецким оригиналам и изложениям русских авторов и к 1850-м гг. стали теоретической модой.

⁷³ Штирнер (Stirner) Макс (псевд.; настоящее имя и фамилия — Каспар Шмидт, Schmidt) (1806–1856) — немецкий философ-младогегельянец, идеолог

индивидуалистического анархизма, автор книги «Единственный и его собственность» (1845), в которой обосновал эгоистическую форму индивидуалистического анархизма, поддерживающую право индивида делать именно то, что ему нравится, — не обращая внимания на бога, государственные законы или моральные нормы.

⁷⁴ Речь идет о русской бесцензурной газете «Колокол», которую в 1857–1867 гг. издавали в эмиграции Александр Иванович Герцен и Николай Платонович Огарев. За десять лет существования газеты было выпущено около полумиллиона экземпляров; во времена наибольшей популярности издания тираж номера доходил до 2500–3000 экз., а с повторными тиражами до 4500–5000, что сделалось соизмеримым с тиражами наиболее крупных легальных российских газет (10–12 тыс. экземпляров) того времени. Как известно, «Колокол» регулярно читал даже император Александр II. Однако после начала реформ в России и особенно ввиду поддержки издателями польского восстания 1862–1863 гг. газета стала терять читателей, а после покушения на императора в 1866 г., когда практически перестала поступать корреспонденция из России, влияние «Колокола» свелось к нулю, и в 1867 г. он прекратил существование.

⁷⁵ В конце 1861 г. за революционную деятельность в Восточную Сибирь был выслан поэт-революционер, публицист и переводчик Михаил Илларионович Михайлов (1826–1865). Путь его, как и многих других, традиционно пролегал через Тобольск, где в то время находился приказ «О ссыльных» (единственное учреждение такого типа), занимавшийся распределением ссыльных по региону. Встречен Михайлов был в Тобольске как герой. В тюремном замке «новичка» навещали местные чиновники высокого ранга: вице-губернатор М.Г. Соколов, прокурор Н.А. Жемчужников, полицмейстер К.Д. Кувичинский, военный врач Е.Н. Анучин. Сам Михайлов не только принимал гостей, но и делал визиты в городе (более десяти раз). В его честь давались обеды. Женщины приносили ему цветы в камеру. После 28 дней пребывания в Тобольске Михайлова отправили дальше в Иркутск. Спустя некоторое время по доносу адъютанта жандармского штаб-офицера поручика А.В. Ланского началось дело о «сочувствии и послаблениях» государственному преступнику М.И. Михайлову. Расследование, к которому было привлечено 17 человек, проводилось комиссией из столицы под руководством генерал-майора И.Г. Сколдова. В результате проверки были сняты со своих должностей губернатор А.В. Виноградский, М.Г. Соколов, В.А. Масалов, К.Я. фон Колен, Н.А. Жемчужников, К.Д. Кувичинский. Наказание в той или иной форме понесли и другие «за превышение и бездеятельность власти» (см.: *Филатов Сергей. В Сибирь в оковах // Тобольская правда. 17.11.2011. URL: <http://tyumedia.ru/68717.html>*).

⁷⁶ Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» был написан им в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости в период с 4 декабря 1862 г. по 14 апреля 1863 г. С января 1863 г. рукопись частями передавалась в следственную комиссию по делу Чернышевского (последняя часть была передана 6 апреля). Комиссия, а вслед за ней и цензоры увидели в романе лишь любовную линию и дали разрешение к печати. Оплотность цензуры вскоре была замечена, ответственного цензора В.Н. Бекетова отстранили от должности. Однако роман уже был опубликован в журнале «Современник» (1863, № 3–5). Несмотря на то что номера «Современника», в которых печатался роман «Что делать?», оказались под запретом, текст его в рукописных копиях разошелся по стране и вызвал массу подражаний.

⁷⁷ По «Положению о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости, и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий» от 19 февраля 1861 г. помещик был обязан предоставить крестьянам на выкуп только усадьбу, полевой же

надел выкупался крестьянами либо по добровольному соглашению с помещиком, либо по его одностороннему требованию. Сущность выкупной операции заключалась в том, что крестьяне получали от государства выкупную ссуду, выплачиваемую одновременно помещику, которую они должны были погасить в течение 49,5 лет по 6% ежегодно. До выкупа крестьяне, оставаясь лично свободными, продолжали расплачиваться за пользование помещичьей землей через барщину и оброк (так называемые Временнообязанные крестьяне). Наибольшее число временнообязанных крестьян оставалось в тех местностях, где помещику казалось невыгодным требовать выкуп или согласиться на выкупную сделку при условиях, желательных для крестьян. Поэтому правительством был введен обязательный выкуп. Если по всей стране обязательный выкуп устанавливался законом 1881 г., то в девяти Западных губерниях (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской) обязательный выкуп был введен Именными указами 1863 года: от 1 марта «О мерах к облегчению и ускорению прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временнообязанными крестьянами, посредством выкупа сими последними земель их надела с содействием Правительства, по губерниям Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской, а также в Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком уездах Витебской губернии», от 30 июля «О мерах к ускорению в губерниях Киевской, Подольской и Волынской прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временно-обязанными крестьянами посредством выкупа сими последними земель их надела, по распоряжению Правительства» и от 2 ноября «Об ускорении прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временно-обязанными крестьянами, произведением выкупа сими последними земельного надела во всех тех сельских обществах временно-обязанных крестьян губерний Могилевской и уездов: Витебского, Велижского, Городецкого, Лепельского, Невельского, Полоцкого, Себежского и Сурожского Витебской губернии, которые еще не воспользовались выкупом угодий».

⁷⁸ Именной указ императора Александра II, данный Сенату «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г., постановлял: «I. Освобождаются от предварительной цензуры: а) в обеих столицах: 1) все выходящие донные в свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание; 2) все оригинальные сочинения объемом не менее 10-ти печатных листов и 3) все переводы, объемом не менее 20-ти печатных листов; б) повсеместно: 1) все издания правительственные; 2) все издания академий, университетов и ученых обществ и установлений; 3) все издания на древних классических языках и переводы с сих языков; 4) чертежи, планы и карты» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXX: Отделение первое. 1865. № 41 988. СПб., 1867. С. 396). Детальные правила о цензуре и печати регламентировало Высочайше утвержденное 6 апреля 1865 г. мнение Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXX: Отделение первое. 1865. № 41 990. СПб., 1867. С. 397–406), получившее название «Временные правила о печати» 1865 г. В частности, по этим правилам освобождение газет и журналов от предварительной цензуры происходило при внесении ими залога от 2,5 до 5 тыс. рублей. Вся книжная продукция меньше 10 печатных листов, так называемая народная литература, а также духовная и иностранная литература, изобразительная продукция подвергались предварительной цензуре.

⁷⁹ Неудавшееся покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. произвело на русское общество огромное впечатление. Для петербуржцев, для жите-

лей всей России случившееся было настоящим потрясением, ведь впервые в российской истории кто-то осмелился стрелять в царя! Событие это вызвало всеобщее негодование, а чудесное спасение «Царя — Освободителя» — всеобщее ликование (4-е апреля 1866 г.: Полный сборник известий, адресов, телеграмм и стихотворений по случаю чудесного спасения жизни государя императора Александра II (Выпуск первый). СПб.: в типографии В. Спиридонова, 1866).

⁸⁰ Чернышевский Николай Гаврилович и Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) родились в семьях священников и учились в духовных семинариях — первый в 1842—1846 гг. в Саратовской, а второй в 1848—1853 гг. в Нижегородской.

⁸¹ Для первых школ, образованных в XVII в. при Андреевском, Чудовом и Заиконоспасском монастырях в Москве, были взяты в качестве образца латинизированные программы литовских и малороссийских православных школ. Вследствии на базе школ, в которых преподавались грамматика, пиитика, риторика, логика и физика на латинском и греческом языках, была создана Славяно-греко-латинская академия с схоластическим направлением преподавания (в основе схоластики лежала система формальных логических аргументов для теоретического обоснования догматов христианского вероучения). Что касается иезуитских коллегий — закрытых католических средних учебных заведений, основанных на обучении схоластике и диалектике (искусству спора), то иезуитам удалось организовать свою небольшую школу в Москве, куда принимались дети из княжеских и дворянских семей, вплоть до царского дома, в 1684 г. Однако уже в 1689 г. эта школа была закрыта.

⁸² Для всех подданных Российской империи православного вероисповедания обязательны были регулярная исповедь перед приходским священником и причащение святых тайн. Исповедь и причащение желательно было посещать четыре раза в год, в четыре многодневных поста, особенно людям преклонного возраста и особо благочестивым. Необходимым же и обязательным минимумом церковь признавала пребывание у исповеди и причастия один раз в течение года. Это требование было закреплено законодательно, а его неисполнение считалось преступлением, и соответствующие статьи содержались в Своде законов Российской империи (Устав Предупреждения Преступлений // Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. СПб., 1857. Т. 14. Ст. 23, 25, 27. Устав о благоустройстве в казенных селениях // Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. СПб., 1857. Т. 12. Ст. 215). Свидетельство об исполнении долга исповеди и святого причастия обязательно требовалось при поступлении на государственную службу, производстве в следующий чин, при заключении брака, получении заграничного паспорта и т.д.

⁸³ *Les extrêmes se touchent* — крайности сходятся (*фр.*)

⁸⁴ *Mot d'ordre* — лозунг (*фр.*).

⁸⁵ Стрельцы, в XVI — начале XVIII в. составлявшие постоянное войско, вооруженное огнестрельным оружием, были активными участниками политических событий начала правления Петра I. В результате стрельцкого бунта 1682 г. его соправителем стал сводный брат Иван, а фактической правительницей — сестра Софья. В августе 1689 г. по Москве распространился слух, что царь Петр ночью решил занять своими «потешными» полками Кремль, убить царевну и брата царя Ивана и взять власть в свои руки. Тогда фаворит царевны Софьи Алексеевны и глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый (?—1689) собрал стрельцкие полки, чтобы идти «великим собранием» на село Преображенское, где находился Петр, и побить всех его сторонников за их намерение убить царевну Софью. Но среди стрельцов были сторонники и Петра, которые снарядили двух единомышленников и послали их с вестью в Преображенское. После донесения Петр с не-

большой свитой в тревоге поскакал в Троице-Сергиев монастырь. Следствием пережитых ужасов стрелецких выступлений была болезнь Петра: при сильном волнении у него начинались конвульсивные движения лица. Еще один бунт стрельцов, намеревавшихся вернуть на престол царевну Софью, находившуюся в заточении в Новодевичьем монастыре, случился в 1698 г. В результате было казнено около 2000 стрельцов, 601 человек бит кнутом, клеймен и сослан, а 1965 — разосланы по городам и монастырям, начата ликвидация стрелецкого войска.

⁸⁶ Имеется в виду Именной указ, данный Министру Государственных Имуществ 5 марта 1861 г. «О составлении предположений касательно применения главных начал Положений о крестьянах, водворенных на помещичьих землях, к крестьянам государственным и вообще водворенным на землях казенных, и о предоставлении им ныне же некоторых облегчений» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI: Отделение первое. 1861. № 36 713. СПб., 1863. С. 436).

⁸⁷ Шляхта (*польск.* “Szlachta” либо от *древневерхнемецкого* “slahtha” — род, либо *нем.* “Schlacht” — сражение) в Польше, Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой и Царстве Польском — наименование светской знати, которое соответствовало дворянству, составлявшей до 30% населения Речи Посполитой (1569—1795). После получения Кошицкого привилея (1374), Краковского привилея (1433) Церкевицкого привилея, позже подтвержденного Нешавским статутом (1454), Пиотрковского привилея (1496), закрепивших и расширивших шляхетские права, в 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции, начинавшейся словами: «Никаких нововведений» (*Nihil novi*). По этой конституции новые законы могли издаваться лишь с согласия обеих палат вального (общего) сейма, который стал высшим законодательным органом, ограничивающим королевскую власть. Нижняя палата вального сейма — посольская изба — состояла из представителей шляхты (земских послов), избираемых на местных шляхетских сеймиках. Верхнюю палату составлял сенат. С течением времени в сейме все большую роль стала играть посольская изба. От участия в сейме были совершенно устранены не только крестьянство, но и города. Конституция Польского государства, оформившаяся в 1569—1573 гг., укрепила политические позиции шляхты. Одним из основных принципов шляхетской конституции являлось утверждение принципа выборности польских королей. Когда в 1572 г. умер последний король из династии Ягеллонов — Сигизмунд II Август, то шляхта, возглавляемая Яном Замойским, добилась права участия в выборах нового короля и выступила во время предвыборной борьбы как решающая политическая сила. Избранный королем Польши французский принц Генрих Валуа (1573—1574) принял ряд предложенных ему условий, известных как «Генриховы артикулы». Артикулы подтверждали принцип свободной элекции (избрания) королей. Король был обязан регулярно каждые два года созывать сейм. Без согласия сейма король не мог ни объявлять войну, ни заключать мир, ни созывать «посполитое рушение» (всеобщее шляхетское ополчение). При короле состояла постоянная сенатская рада (совет). Отказ короля от исполнения своих обязательств освобождал шляхту от повиновения ему. В сейме решения могли приниматься лишь при наличии единогласия всей посольской избы, представлявшей шляхту. Любой депутат нижней палаты мог воспрепятствовать принятию решения, хотя бы за него голосовали все остальные депутаты. Это был так называемый принцип *liberum veto*. Шляхетские депутаты сейма — земские послы — в свою очередь должны были строго придерживаться инструкций, выработанных для них местными сеймиками. Таким образом Польша фактически была превращена в шляхетскую республику (*rzeczpospolita szlachecka*). Частые срывы сеймов, являвшиеся результатом отсутствия единогласия, привели впоследствии, во второй половине XVII в., к тому, что реальная власть в пределах

отдельных частей государства сосредоточилась в местных сеймиках, в которых преобладало влияние богатых и сильных магнатов, — носителей феодальной анархии в стране (История цивилизаций. Образование Речи Посполитой. URL: <http://www.historycivilizations.ru/newtime/01/18.htm>).

⁸⁸ Имеется в виду жалованная грамота, освободившая дворян от обязательной службы — «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», подписанная императрицей Екатериной II 21 апреля 1785 г.

⁸⁹ Имеется в виду «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Отделение первое. Т. XXXIX: 1864. № 40457. СПб., 1867. С. 1–10).

⁹⁰ Рюриковичи — династия русских князей, в том числе великих князей киевских, владимирских, московских и русских царей (кон. IX—XVI вв.), считавшихся потомками легендарного варяга Рюрика; Гедиминовичи — потомки великого князя литовского Гедимина (ок. 1275–1341), управлявшие Великим княжеством Литовским и Польским королевством с XIV в. до 1572 г. На Руси — княжеская ветвь, вторая по знатности после Рюриковичей.

⁹¹ Кавелин имеет в виду начало царствования Иоанна IV (1530–1584) Грозного, великого князя московского и Всея Руси с 1533 г., первого русского царя с 1547 г., ставшего править самостоятельно с 1560 г.; эпоху Смутного времени с 1598 по 1613 г.; эпоху временщиков с 1725 по 1741 г., т.е. периоды в истории России, когда власть в стране лишь номинально принадлежала царю или возникало бесцарствие, а фактически правили или различные группировки знати, или самозванцы, или регенты, или фавориты.

⁹² Имеются в виду события 25 февраля 1730 г., когда Анна Иоанновна, незадолго до этого приглашенная членами Верховного тайного совета на российский престол и подписавшая предложенные ей верховниками «Кондиции», ограничивавшие самодержавие, в Кремлевском дворце приняла представителей оппозиции Верховному тайному совету (А.М. Черкасский, В.Н. Татишев, А.Д. Кантемир и др. — всего по разным сведениям от 150 до 800 гвардейских офицеров и дворян), вручивших ей челобитную, а затем адрес от дворянства, в котором просили императрицу принять «самодержавство», благорассудно править государством в правосудии и в облегчении податей, уничтожить Верховный совет и возвысить значение Сената, и т.д. Поддерживаемая гвардией и дворянством Анна Иоанновна разорвала «Кондиции» и распустила Совет, став самодержавной правительницей.

Герцен Александр Иванович — политический деятель, писатель, философ и публицист, основоположник теории русского социализма

Внебрачный сын отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка, богатого русского барина И.А. Яковлева и шестнадцатилетней немки Луизы Гаг, родился в Москве 25 марта 1812 г. Официально находясь в семье на положении воспитанника, получил фамилию, придуманную отцом: Герцен — «сын сердца» (от нем. “Herz”).

В начале 1820-х гг. Герцен близко сошелся с Н.П. Огаревым, который стал его другом и соратником на всю жизнь. В 1829 г. Герцен поступил на отделение физических и математических наук Московского университета, которое в 1833 г. окончил с отличием и с серебряной медалью за сочинение «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». В 1834 г. Герцен вместе с Огаревым был арестован и в 1835 г. отправлен в ссылку (Пермь, Вятка, Владимир). В 1840 г. вернулся в Москву, затем переехал в Санкт-Петербург, поступил на службу в канцелярию Министерства внутренних дел в чине коллежского ассессора, дающего право на потомственное дворянство. В июле 1841 г. за резкий отзыв в частном письме о полиции был выслан в Новгород, где служил в губернском правлении. Выйдя в отставку в 1842 г. в чине надворного советника и поселившись в Москве, сблизился с Т.Н. Грановским и другими западниками, принял участие в полемике со славянофилами.

После смерти отца (1846), став наследником значительного состояния, Герцен в 1847 г. уехал с семьей за границу, а в 1849 г. решил там остаться. Принял участие в революционных событиях в Риме, Неаполе (1848) и Париже (1848–1849). В результате объяснения с русским консулом в Ницце и отказа

ехать в Россию (1850) был лишен всех прав состояния и объявлен «вечным изгнанником». В 1851 г. натурализовался во Фрибургском кантоне Швейцарии, записавшись со всей семьей в число местных крестьян. Пережив трагическую гибель матери, сына (1851) и смерть жены (1852), переехал в Лондон, где основал «Вольную русскую типографию» (1853).

В сотрудничестве с Огаревым (с 1856 г.) Герцен издавал литературный и общественно-политический альманах «Полярная звезда» (первые семь книг вышли в Лондоне в 1855–1862 гг., последняя восьмая, датированная 1869 г. — в Женеве в 1868 г.) и «прибавочные листы» к нему — газету «Колокол» (245 номеров на русском языке вышли в Лондоне в 1857–1865 гг. и Женеве в 1865–1867 гг., там же в 1868 г. вышли 15 номеров на французском языке) с приложениями «Под суд» (1859–1862) и «Общее вече» (1862–1864), сборники «Голоса из России» (1856–1860), «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне» (1859, 1861), «Русская потаенная литература XIX столетия...» (1861), «Записки декабристов» (1862, 1863) и многое др.

Дебют самого Герцена в печати состоялся в 1829 г., с 1836 г. он стал публиковаться под псевдонимом Искандер, в 1842–1847 гг. выступил с целым рядом публицистических, философских и художественных произведений. В эмиграции Герцен занимался в основном политической публицистикой. Вершиной его литературного творчества стали мемуары «Былое и думы», над которыми Герцен работал 16 лет (1852–1868). В ряде работ 1849 — конца 1860-х гг. («Россия», 1849; «О развитии революционных идей в России», 1850; «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле», 1851; «Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону», 1854; «Порядок торжествует!», 1867; и др.) Герцен сформулировал главные положения теории «русского», отличного от западного, социализма, в основе которой идея некапиталистического развития общества на основе крестьянской общины, с ее коллективистскими уравнительными принципами землепользования, землевладения и мирского самоуправления.

Отстаивая в своих бесцензурных изданиях освобождение крестьян с землей при сохранении общинного землевладения, свободу печати, преобразование суда и отмену телесных наказаний в России, Герцен во второй половине 1850 — начале 1860-х гг. стал выразителем общенациональных стремлений и оказывал значительное влияние на русские внутривнутриполитические дела. Своей публицистической и издательской деятельностью он также содействовал преодолению русофобии, свойственной европейцам, стремился к тому, чтобы западноевропейское общество получило аутентичное представление о России и русском народе.

Герцен скончался в Париже 9 января 1870 г. и был похоронен на кладбище Пер-Лашез, затем в том же году его прах перевезли в Ниццу на кладбище Замковой горы.

СОЧИНЕНИЯ

Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. / Редколл. В.П. Волгин (гл. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.

Герцен А.И. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст., коммент. В. К. Кантор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Герцен А.И. О социализме: избранное / Вступ. ст. В.П. Волгина; отв. ред. З.В. Смирнова. М.: Наука, 1974.

ЛИТЕРАТУРА

Желвакова И.А. Герцен. М., 2010.

Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 21. Декабрь 1911 — июль 1912. М., 1968.

Малия М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812—1855. М., 2010.

Пирумова Н.М. Александр Герцен: Революционер, мыслитель, человек. М., 1989.

Пирумова Н.М. «Русский социализм» А.И. Герцена // Революционеры и либералы России. М., 1990.

РОССИЯ¹

Г. Г-гу²

<I>

Дорогой друг. Вам хотелось ознакомиться с моими русскими размышлениями об истории современных событий: вот они. Охотно посылаю их вам. Ничего нового вы в них не найдете. Это все те же предметы, о которых мы с вами так часто и с такой грустью беседовали, что трудно было бы к ним что-либо прибавить. Тело ваше, правда, еще привязано к этому косному и дряхлому миру, в котором вы живете, но душа ваша уже покинула его, чтоб осмотреться и сосредоточиться. Вы достигли, таким образом, той же точки, что и я, удалившийся от мира несовершенного, еще погруженного в детский сон и себя не осознавшего.

Вам было тесно среди почернелых стен, потрескавшихся от времени и грозящих повсюду обвалом; я, со своей стороны, задыхался в жаркой и сырой атмосфере среди известковых испарений неоконченного здания: ни в больнице, ни в детском приюте жить невозможно. Выйдя с двух противоположных концов, мы встретились в одной и той же точке. Чужие в своем отечестве, мы нашли общую почву на чужой земле. Моя задача, надобно сознаться, была менее тягостна, чем ваша. Мне, сыну другого мира, легко было избавиться от прошлого, о котором я знал лишь понаслышке и которого не познал личным опытом.

Положение русских в этом отношении весьма замечательно. В нравственном смысле мы более свободны, чем европейцы, и это не только потому, что мы избавлены от великих испытаний, через которые проходит развитие Запада, но и потому, что у нас нет прошлого, которое бы нас себе подчиняло. История наша бедна, и первым условием нашей новой жизни было полное ее отрицание. От прошлого у нас сохранились лишь народный быт, народный характер, кристаллизация государства, — все же прочее является элементом будущего. Изречение Гёте об Америке очень хорошо приложимо к России:

«В твоём существовании, полном соков и жизни, ты не смущаешься ни бесполезными воспоминаниями, ни напрасными спорами»³.

Я явился в Европу как чужестранец; вы же сами сделали себя чужестранцем. Только один раз, и на несколько мгновений, мы почувствовали себя дома: то было весной 1848 года⁴. Но как дорого заплатили мы за этот сон, когда, пробудившись, увидели себя на краю бездны, на склоне которой находится старая Европа, ныне бессильная, бездеятельная и вконец разбитая параличом. Мы с ужасом видим, как Россия готовится подтолкнуть еще ближе к гибели истощенные государства Запада, подобные слепому нищему, которого ведет к пропасти злой умысел ребенка.

Мы не стремились создавать себе иллюзии. С печалью в душе, готовые, впрочем, ко всему, мы до конца изучили это ужасающее положение. Несколько беглых наблюдений из этого ряда занимавших нас в последнее время мыслей примешивалось к нашим беседам и придавало им некоторое очарование в ваших глазах; этого очарования в них не найдут другие, в особенности те, кто оказался вместе с нами на краю той же бездны. Человек вообще не любит истины; когда ж она противоречит его желаниям, когда она рассеивает самые дорогие его мечты, когда достигнуть ее он может лишь ценой своих надежд и иллюзий, он проникается тогда ненавистью к ней, словно она — всему причиной.

Наши друзья так неосновательны в своих надеждах; они так легко принимают совершившееся! Охваченные яростью против реакции, они смотрят на нее как на нечто случайное и проходящее; по их мнению, это легко излечимая болезнь, не имеющая ни глубокого смысла, ни разросшихся корней. Немногие из них согласны признать, что реакция сильна потому, что революция оказалась слабой. Политические демократы испугались демократов социалистических, и революция, предоставленная самой себе, потерпела крушение.

Всякая надежда на спокойное и мирное развитие в его поступательном движении исчезла, все мосты для перехода разрушились. Либо Европа падет под страшными ударами социализма, расшатанная, сорванная им со своих оснований, как некогда Рим пал под напором христианства; либо Европа, такая, как она есть, со своей рутиной вместо идей, со своей дряхлостью вместо энергии, победит социализм и, подобно второй Византии, погрузится в продолжительную апатию, уступив другим народам, другим странам прогресс, будущее, жизнь. Третий исход, если б он только оказался возможен, — это хаос всемирной борьбы без победы с чьей-либо стороны, смута восстания и всеобщего брожения, которая привела бы к деспотизму, к террору, к истреблению.

В этом нет ничего невозможного; мы на пороге эпохи слез и страданий, воя и скрежета зубовного; мы видели, как обрисовался ее характер с той и другой стороны. Стоит только вспомнить Июньское восстание и какими средствами оно было подавлено⁵. С тех пор партии еще более ожесточились, теперь уже не щадят ничего, и третье сословие, которое в течение целых столетий затрачивало столько труда и усилий, чтобы добиться некоторых прав и некоторой свободы, готово всем пожертвовать снова.

Оно видит, что не может удержаться даже на законной почве какого-нибудь Полиньяка или Гизо⁶, и сознательно возвращается ко временам Варфоломеевской ночи, Тридцатилетней войны и Нантского эдикта⁷, за которыми виднеются варварство, разорение, новые скопления народов и слабые зачатки грядущего мира. Исторический зародыш развивается и растет медленно; ему потребовалось пять столетий мрака, чтобы хоть сколько-нибудь устроить христианский мир после того, как целых пять столетий было занято агонией мира римского.

Как тяжела наша эпоха! Все вокруг нас разлагается; все колеблется в неопределенности и бесплодности; самые мрачные предчувствия осуществляются с ужасающей быстротой. Не прошло и полугода с тех пор, как я написал свой третий диалог⁸. Тогда мы еще спрашивали себя, есть ли для нас какое-нибудь дело или нет; теперь этот вопрос уже не ставится, ибо мы начинаем сомневаться даже в самой жизни... Франция сделалась Австрией Запада, она погрязает в позоре и низости. Прусская сабля приостанавливает последние трепетания германского движения; Венгрия истекает кровью под усиленными ударами топора своего императорского палача⁹; Швейцария ожидает всеобщей войны; христианский Рим гибнет с величием и достоинством древнего языческого Рима, оставляя вечное клеймо на челе этой страны, которую, недавно

еще, так горячо любили народы. Свободомыслящий человек, отказывающийся склониться перед силой, не находит более во всей Европе другого убежища, кроме палубы корабля, отплывающего в Америку.

«Если Франция падет, — сказал один из наших друзей, — то надобно будет объявить все человечество в опасности». И это, быть может, верно, если под человечеством мы разумеем только германо-романскую Европу. Но почему же следует понимать именно так? Уж не заколоться ли нам, подобно римлянам, кинжалом, подражая Катону¹⁰, из-за того, что Рим гибнет, а мы ничего не видим или не хотим видеть вне Рима, из-за того, что мы считаем варварским все, не являющееся Римом? Разве все, что находится вне нашего мира, излишне и совершенно ни к чему не пригодно?

Первый римлянин, чей наблюдательный взор проник тьму времен, поняв, что мир, к которому он принадлежит, должен погибнуть, — почувствовал, что душа его подавлена печалью, и с отчаянья или, быть может, потому, что он стоял выше других, бросил взгляд за пределы национального горизонта, и усталый взор его остановился на варварах. Он написал свою книгу «О нравах германцев»¹¹; и он был прав, ибо будущее принадлежало им.

Я ничего не пророчу, но я и не думаю также, что судьбы человечества и его будущее привязаны, пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна, я говорю о Северо-Американских Штатах. Другую же, полную сил, но вместе и дикости, — знают мало или плохо.

Вся Европа на все лады, в парламентах и в клубах, на улицах и в газетах, повторяла вопль берлинского крикуна: «Они идут, русские! вот они! вот они!»¹² И, в самом деле, они не только идут, но уже пришли, благодаря Габсбургскому дому; быть может, они скоро продвинутся еще далее, благодаря дому Гогенцоллернов¹³.

Никто однако не знает, что же собой представляют эти русские, эти варвары, эти казаки, что собой представляет этот народ, мужественную юность которого Европа имела возможность оценить в бою, из коего он вышел победителем¹⁴. Чего хочет этот народ, что несет он с собой? Кто хоть что-либо знает о нем? Цезарь знал галлов¹⁵ лучше, чем Европа знает русских. Пока Западная Европа имела веру в себя, пока будущее представлялось ей лишь продолжением ее развития, она не могла заниматься Восточной Европой; теперь же положение вещей сильно изменилось.

Это высокомерное невежество Европе более не к лицу; оно теперь являлось бы не сознанием превосходства, а смешной претензией какого-нибудь кастильского гидальго¹⁶ в сапогах без подметок и дырявом плаще. Опасность нынешнего положения не может быть скрыта. Упрекайте русских сколько вам вздумается за то, что они рабы, — в свою очередь они вас спрашивают: «А вы, разве вы свободны?» Они могут даже прибавить, что без раскрепощения России Европе никогда не суждено быть свободной. Вот почему, я думаю, небесполезно было бы немножко ознакомиться с этой страной.

Я готов вам сообщить то, что мне известно о России. Уже давно задумал я этот труд, и, поскольку нам так щедро предоставили время для чтения и письма, я вскоре исполню свое намерение¹⁷. Эта работа мне тем более по сердцу, что она дает мне возможность засвидетельствовать России и Европе свою благодарность. В труде этом не должно будет искать ни апофеоза, ни анафемы. Я выскажу правду, всю правду, насколько я ее понимаю и знаю, без умолчаний, без предвзятой цели. Мне дела нет до того, каким образом исказят мои слова и какое из них сделают применение. Я питаю слишком мало уважения к партиям, чтобы лгать в пользу той или другой.

В книгах о России недостатка нет; большую часть из них однако составляют политические памфлеты; они писались не с намерением лучше ознакомить с предметом, они служили лишь делу либеральной пропаганды то в России, то в Европе. Картиной русского деспотизма старались напугать и просветить последнюю. Именно так, чтобы внушить отвращение к пьянству, выводили в Спарте напоказ подвыпивших илотов¹⁸.

Этим памфлетам и разоблачениям русское правительство противопоставило полуофициальную литературу, которой поручено было восхвалять его и лгать в его пользу. С одной стороны, это некий орган буржуазной республики; он невежественно, но с наилучшими в мире намерениями и из патриотизма представляет русских как народ Калибанов¹⁹, коснеющих в грязи и пьянстве, с узкими сплюснутыми лбами, препятствующими развитию их умственных способностей, и не имеющих других страстей, кроме тех, которые вызываются пьяным буйством.

С другой стороны, одна немецкая газета, оплачиваемая австрийским двором, печатает письма о России²⁰, в которых превозносятся все мерзости русской политики и где русское правительство изображается как правительство в высшей степени могущественное и народное. Эти преувеличения переходят в десяток других газет

и служат основой для суждений, выносимых впоследствии об этой стране.

По правде говоря, восемнадцатый век уделял России более глубокое и более серьезное внимание, чем девятнадцатый, — быть может, потому, что он менее опасался этой державы. Тогда люди проявляли подлинный интерес к изучению нового государства, явившегося внезапно перед Европой в лице царя-плотника и потребовавшего своей доли в науке и европейской политике.

Петр I, в своем грубом унтер-офицерском мундире, со всей энергией своего дикого нрава, смело взялся за управление в ущерб расслабленной аристократии. Он был так наивно груб, так полон будущего, что мыслители того времени принялись жадно изучать его самого и его народ. Они хотели понять, каким образом это государство развилось незаметно, совсем иными путями, чем остальные европейские государства; они хотели углубиться в начала, из которых сложилась могучая организация этого народа.

Такие люди, как Мюллер, Шлёцер, Эверс, Левек²¹, посвятили часть своей жизни изучению истории России в качестве историков с применением тех же научных приемов, какие в области физической применяли к ней Паллас и Гмелин²². Философы и публицисты, со своей стороны, с любопытством вглядывались в современную историю этой страны, в редкий пример правительства, которое, будучи деспотическим и революционным одновременно, управляло своим народом, а не тащилось за ним.

Они видели, что престол, утвержденный Петром I, имел мало сходства с феодальными и традиционными престолами Европы; упорные попытки Екатерины II перенести в русское законодательство принципы Монтескье и Беккариа, изгнанные почти повсюду в Европе, ее переписка с Вольтером, ее связи с Дидро²³ еще более подкрепляли в их глазах реальность этого редкого явления.

Оба раздела Польши²⁴ явились первым бесчестием, запятнавшим Россию. Европа не поняла всего значения этого события, ибо она была тогда погружена в другие заботы. Она присутствовала, вытянувшею и едва дыша, при великих событиях, которыми уже давала о себе знать Французская революция. Российская императрица бросилась в этот водоворот и предложила свою помощь зашатавшемуся миру. Поход Суворова в Швейцарию и Италию²⁵ был совершенно лишен смысла и лишь восстановил общественное мнение против России.

Сумасбродная эпоха нелепых войн, которую французы еще до сих пор называют периодом своей славы, завершилась их нашествием на Россию; то было заблуждением гения, так же как и еги-

петский поход²⁶. Бонапарту вздумалось показать себя миру стоящим на груде трупов. Славу пирамид он захотел приумножить славой Москвы и Кремля. На этот раз его постигла неудача; он поднял против себя весь народ, который решительно схватился за оружие, прошел по его пятам через всю Европу и взял Париж²⁷.

Судьба этой части мира несколько месяцев находилась в руках императора Александра, но он не сумел воспользоваться ни своей победой, ни своим положением; он поставил Россию под одно знамя с Австрией²⁸, как будто между этой прогнившей и умирающей империей и юным государством, только что появившимся во всем своем великолепии, было что-нибудь общее, как будто самый деятельный представитель славянского мира мог иметь те же интересы, что и самый яростный притеснитель славян.

Этим чудовишным союзом с европейской реакцией Россия, незадолго до того возвеличенная своими победами, унизилась в глазах всех мыслящих людей. Они печально покачали головой, увидев, как страна эта, впервые проявившая свою силу, предлагает сразу же руку и помощь всему ретроградному и консервативному, и притом вопреки своим собственным интересам.

Не хватало лишь яростной борьбы Польши, чтобы решительно поднять все народы против России. Когда благородные и несчастные обломки польской революции²⁹, скитаясь по всей Европе, распространили там весть об ужасных жестокостях победителей, со всех сторон, на всех европейских языках раздалось громовое проклятие России. Гнев народов был справедлив...

Краснея за нашу слабость и немощь, мы понимали, что наше правительство только что совершило нашими руками, и сердца наши истекали кровью от страданий, и глаза наливались горькими слезами.

Всякий раз, встречая поляка, мы не имели мужества поднять на него глаза. И все же я не знаю, справедливо ли обвинять целый народ, справедливо ли вычеркивать один народ из семьи остальных народов и считать его ответственным за то, что совершило его правительство.

Разве Австрия и Пруссия не оказали тут помощи? Разве Франция, вероломная дружба которой причинила Польше столько же зла, сколько открытая ненависть других народов, разве она в то же время всеми средствами не вымаливала благосклонности петербургского двора; разве Германия не заняла уже тогда добровольно по отношению к России того положения, в котором теперь вынужденно находятся Молдавия и Валахия³⁰; не управлялась ли она

тогда, как и теперь, русскими поверенными в делах и тем царским проконсулом³¹, который носит титул короля Пруссии³²?

Одна лишь Англия благородно держится в духе дружественной независимости; но Англия также ничего не сделала для поляков; быть может, она думала о собственной вине по отношению к Ирландии³³? Русское правительство не заслуживает вследствие этого меньшей ненависти и упреков; я хотел бы только обрушить ненависть эту и на все другие правительства, ибо их не следует отделять одно от другого; это только вариации одной и той же темы.

Последние события научили нас многому; *порядок*, восстановленный в Польше³⁴, и взятие Варшавы отодвинуты на задний план с тех пор как *порядок* царит в Париже³⁵ и взят Рим³⁶; с тех пор, как прусский принц ежедневно руководит новыми расстрелами³⁷ и старая Австрия, стоя в крови по колена, пытается омолодить ею свои парализованные члены³⁸.

Прошло уже то время, когда надобно было привлекать внимание к России и казакам. Пророчество Наполеона потеряло свой смысл: быть может, возможно, являясь одновременно и республиканцем и казаком. Однако есть вещь явно невозможная — это быть республиканцем и бонапартистом. Слава молодым полякам! Они, оскорбленные, ограбленные, они, лишенные русским правительством отечества и имущества, — они первые протянули руку русскому народу; они отделили дело народа от дела его правительства. Если поляки сумели обуздать свою справедливую ненависть к нам, то другие народы также сумеют обуздать свой панический страх.

Вернемся, однако, к сочинениям о России. За последние годы появились только две значительные работы: путешествие Кюстина (1842)³⁹ и путешествие Гакстгаузена (1847)⁴⁰. Сочинение Кюстина перебывало во всех руках, оно выдержало пять изданий; книга Гакстгаузена, напротив, очень мало известна, потому что посвящена специальному предмету. Оба эти произведения особенно замечательны не своей противоположностью, но тем, что они изображают две стороны, из которых действительно слагается русская

* Разумеется, мы не касаемся здесь статей о России, опубликованных то здесь, то там в разных газетах. За исключением указанных нами выше работ, мы не знаем ничего представляющего нечто целое, единое. Встречаются, конечно, великолепные наблюдения в «Зоологическом путешествии» Блазиуса, в «Картинах русской литературы» Кёнига. Можно отметить некоторые места в холодных компиляциях Шницлера, не свободных от официального влияния... Но всякие тайны, секреты, мемуары дипломатов и пр. отнюдь не принадлежат к области серьезной литературы. — Книга Гакстгаузена появилась на немецком и французском языках.

жизнь. Кюстин и Гакстаузен отличаются друг от друга в своих сочинениях, потому что говорят о разных вещах. Каждый из них охватывает особую сферу, но противоречия между ними нет. Это все равно, как если б один описывал климат Архангельска, а другой — Одессы: оба они остаются в пределах России.

Кюстин, по легкомыслию, впал в большие ошибки; из страсти к фразе он допустил огромные преувеличения — как в хвале, так и в осуждении, но все же он хороший и добросовестный наблюдатель. Он с самого же начала отдается первому впечатлению и никогда не исправляет раз вынесенного суждения. Вот почему его книга кишит противоречиями; но сами эти противоречия, несколько не скрывая правды от внимательного читателя, показывают ему ее с разных сторон. Легитимист и иезуит⁴¹, он приехал в Россию, преисполненный глубокого уважения к монархическим установлениям, покинул же он ее, проклиная самодержавие, так же как и зараженную атмосферу, которой оно окружено.

Путешествие это, как мы видим, оказалось полезным для Кюстина.

По приезде в Россию он сам стоит не больше тех придворных, в которых мечет стрелы своей сатиры, — если только не вменить ему в заслугу то, что он добровольно взял на себя роль, которую те выполняли по обязанности.

Не думаю, чтобы какой бы то ни было придворный с такой аффектацией подчеркивал каждое слово, каждый жест императрицы, говорил бы о кабинете и туалете императрицы, об *остроумии* и *любезности* императрицы; никто не повторял так часто императору, что он более велик, чем его народ (Кюстин знал тогда русский народ только по петербургским извозчикам); более велик, чем Петр I; что Европа не отдает ему должного; что он — великий поэт и что его поэтические творения трогают до слез.

Оказавшись в придворном кругу, Кюстин уже его не покидает; он не выходит из передних и удивляется, что видит там только лакеев; за сведениями он обращается к придворным. Они же знают, что он писатель, бояться его болтовни и обманывают его. Кюстин возмущен; он сердится и относит все на счет русского народа. Он едет в Москву, он едет в Нижний Новгород; но всюду он в Петербурге; всюду петербургская атмосфера окружает его и придает всему виденному им однообразную окраску.

Только на почтовых станциях он бросает беглые взгляды на жизнь народа; он делает великолепные замечания, он предсказывает этому народу великое будущее; он не может налюбоваться красотой и проворством крестьян, он говорит, что чувствует себя

гораздо свободнее в Москве, что воздух там не так давит и что люди там более довольны.

Он говорит это — и продолжает свой путь, нисколько не затрудняя себя приведением в согласие этих своих замечаний с прежними, нисколько не удивляясь тому, что находит у одного и того же народа качества совершенно противоположные, — он добавляет: «Россия страстно любит рабство». А в другом месте: «Этот народ так величав, что даже в своих пороках он полон силы и грации».

Кюстин не только пренебрег образом жизни русского народа (от которого всегда держался в отдалении), но он также не узнал ничего о мире литературном и научном, ему гораздо более близком; умственное движение России было ему известно столь же мало, как его придворным друзьям, не подозревавшим даже, что существуют русские книги и люди, которые их читают; и только случайно, в связи с дуэлью, услышал он разговоры о Пушкине.

«Поэт без инициативы», — отзываясь о нем почтенный маркиз и, забывая, что говорит не о французах, добавляет: «Русские вообще не способны ясно понимать что-либо глубокое и философское». Можно ли после этого удивляться тому, что Кюстин кончает свою книгу точно так же, как начал ее, — утверждением, что двор — это всё в России?

Откровенно говоря, он прав по отношению к тому миру, который избрал центром своей деятельности и который он сам так превосходно называет миром фасадов. Спору нет, его вина, что он не захотел ничего увидеть позади этих фасадов, и его можно было бы с некоторым правом упрекнуть за это, ибо он сто раз повторяет в своей книге, что у России великое будущее; что чем более он эту страну узнает, тем сильнее трепещет за Европу; что видит в ней все усиливающуюся мощь, враждебно надвигающуюся на ту часть света, которая с каждым днем все более слабеет.

Мы были бы, конечно, вправе, — вследствие именно этих предсказаний, — потребовать от него несколько более углубленного изучения этого народа; однако следует сознаться, что если он пренебрег двумя третями русской жизни, то отлично понял ее последнюю треть и мастерски зарисовал ее во многих местах. Что бы ни говорил об этом самовластие петербургского двора, оно должно признать, что портрет поразительно похож в своих главных чертах.

Кюстин чувствовал сам, что он изучил только правительственную Россию, Россию петербургскую. Эпиграфом он берет следующее место из библии: «Якоже владыка града, тако и вси живущии в нем»⁴². Но эти слова не подходят к России настоящего периода.

Пророк мог говорить это о евреях своего времени, как в наши дни каждый может сказать это об Англии. Россия еще не сформировалась. Петербургский период был необходимой для своего времени революцией, однако необходимость ее для нашего времени значительно уменьшилась.

<II>

Ничто не может быть противоположней блестящему и легкомысленному маркизу Кюстину, чем флегматичный вестфальский агроном, барон Гакстаузен, консерватор, эрудит старого закала и благосклоннейший в мире наблюдатель. Гакстаузен явился в Россию с целью, которая до него никого еще туда не привлекала. Он хотел основательно изучить нравы русских крестьян. После продолжительного изучения сельского хозяйства в Германии он случайно наткнулся на отдельные обломки сельских общинных учреждений у славян; это его тем более изумило, что он нашел их совершенно противоположными всем другим учреждениям подобного рода.

Открытие это настолько поразило его, что он приехал в Россию изучать сельские общины на месте. Наученный с детства, что всякая власть — от бога, привыкший с самых юных лет почитать все правительства, Гакстаузен, сохранивший политические воззрения времен Пуффендорфа и Гуго Гроция⁴³, не мог не восхищаться петербургским двором. Он чувствовал себя подавленным этой державой, имеющей для своей защиты шестьсот тысяч солдат и протяженность в девять тысяч верст для своих ссыльных. Пораженный и уничтоженный ужасающими размерами этого самодержавного государства, он, к счастью, вскоре покинул Петербург, пожил некоторое время в Москве и исчез на целый год.

Год этот Гакстаузен употребил на глубокое изучение сельской общины в России. Результат его изысканий не совсем походил на результат, полученный Кюстином. В самом деле, по его словам, сельская община составляет в России всё. В ней, по мнению барона, ключ к прошлому России и зародыш ее будущего, животворящая монада русского государства. «Каждая сельская община, — говорит он, — представляет собой в России маленькую республику, которая самостоятельно управляет своими внутренними делами, не знает ни личной земельной собственности, ни пролетариата и уже давно довела до степени совершившегося факта часть социалистических утопий; иначе жить здесь не умеют; иначе никогда даже здесь и не жили».

Я полностью разделяю мнение Гакстгаузена, но думаю, что сельская община — еще не всё в России. Гакстгаузен действительно уловил животворящий принцип русского народа; но по своей врожденной склонности ко всему патриархальному и вследствие полного отсутствия критического дара он не заметил, что именно отрицательная сторона общинной жизни и вызвала петербургскую реакцию. Если бы в общине не было полного поглощения личности, то самодержавие, о котором с таким справедливым ужасом говорит Кюстин, не могло б образоваться.

Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами, и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала; я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум и который, на императорский приказ образоваться, ответил через сто лет громадным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе, о той вере в себя, которая волнует нашу грудь. Эта сила, независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддержала его несокрушимую веру в себя. Для какой цели?.. Это-то нам и покажет время.

«Русские сельские общины и республика, славянские деревни и социальные установления». Эти слова, таким образом сгруппированные, без сомнения, звучат весьма странно для слуха читателей Гакстгаузена. Многие, я уверен в этом, спросят, находился ли вестфальский агроном в здравом уме. И однако Гакстгаузен совершенно прав: социальное устройство сельских общин в России — истина, столь же великая, как и могущественная славянская организация политической системы. Это странно!.. Но разве еще не более странно, что рядом с европейскими рубежами в течение тысячелетия жил народ, насчитывающий теперь пятьдесят миллионов душ, и что в середине девятнадцатого века его образ жизни является для Европы неслыханной новостью?

Русская сельская община существует с незапамятного времени, и довольно схожие формы ее можно найти у всех славянских племен. Там, где ее нет, — она пала под германским влиянием. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; го-

сударству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел.

Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса⁴⁴: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины; эта земля предоставлена ему в пожизненное владение; он не может да и не имеет надобности передавать ее по наследству. Его сын, едва он достигает совершеннолетия, приобретает право, даже при жизни своего отца, потребовать от общины земельный надел. Если у отца много детей — тем лучше, ибо они получают от общины соответственно больший участок земли; по смерти же каждого из членов семьи земля опять переходит к общине.

Часто случается, что глубокие старики возвращают свою землю и тем самым приобретают право не платить податей. Крестьянин, покидающий на время свою общину, не теряет вследствие этого прав на землю; ее можно отнять у него лишь в случае изгнания, и подобная мера может быть применена только при единодушном решении мирского схода. К этому средству однако община прибегает лишь в исключительных случаях. Наконец, крестьянин еще тогда теряет это право, когда по собственному желанию он выходит из общины. В этом случае ему разрешается только взять с собой свое движимое имущество: лишь в редких случаях позволяют ему располагать своим домом или перенести его. Вследствие этого сельский пролетариат в России невозможен.

Каждый из владеющих землею в общине, то есть каждый совершеннолетний и обложенный податью, имеет голос в делах общины. Староста и его помощники избираются миром. Также поступают при решении тяжбы между разными общинами, при разделе земли и раскладке податей*.

Староста обладает большой властью в отношении каждого члена в отдельности, но не над всей общиной; если община хоть сколько-нибудь единодушна, она может очень легко уравновесить власть старосты, принудить его даже отказаться от своей должно-

* Ибо обложению подлежит главным образом земля, а не человек. Правительство ведет счет только по числу душ; община пополняет недоимки в сборе податей по душам при помощи особой раскладки и принимает за податную единицу деятельного работника, т. е. работника, имеющего в своем пользовании землю.

сти, если он не хочет подчиняться ее воле. Крут его деятельности ограничивается, впрочем, исключительно административной областью; все вопросы, выходящие за пределы чисто полицейского характера, разрешаются либо в соответствии с действующими обычаями, либо советом стариков, либо, наконец, мирским сходом. Гакстгаузен допустил здесь большую ошибку, утверждая, что староста деспотически управляет общиной. Он может управлять деспотически только в том случае, если вся община стоит за него.

Эта ошибка привела Гакстгаузена к тому, что он увидел в старосте общины подобие императорской власти. Императорская власть, следствие московской централизации и петербургской реформы, не имеет противовеса, власть же старосты, как и в домосковский период, находится в зависимости от общины.

Необходимо еще принять во внимание, что всякий русский, если он не горожанин и не дворянин, обязан быть приписан к общине и что число городских жителей, по отношению к сельскому населению, чрезвычайно ограничено. Большинство городских работников принадлежит к бедным сельским общинам, особенно к тем, у которых мало земли; но, как уже было сказано, они не утрачивают своих прав в общине; поэтому фабриканты бывают вынуждены платить работникам несколько более того, что тем могли бы приносить полевые работы.

Зачастую эти работники прибывают в города лишь на зиму, другие же остаются там годами; они объединяются в большие работнические артели; это нечто вроде русской подвижной общины. Они переходят из города в город (все ремесла свободны в России), и число их часто достигает нескольких сотен, иногда даже тысячи; таковы, например, артели плотников и каменщиков в Петербурге и в Москве и ямщиков на больших дорогах. Заработком их ведают выборные, и он распределяется с общего согласия.

Прибавьте к этому, что треть крестьянства принадлежит дворянам. Помещичьи права — позорный бич, тяготеющий над частью русского народа, — тем более позорный, что они совершенно не узаконены и являются лишь следствием безнравственного соглашения с правительством, которое не только мирится со злоупотреблениями, но покровительствует им силой своих штыков. Однако это положение, несмотря на наглый произвол дворян-помещиков, не оказывает большого влияния на общину.

Помещик может ограничить своих крестьян минимальным количеством земли; он может выбрать для себя лучший участок; он может увеличить свои земельные владения и тем самым труд крестьянина; он может прибавить оброк, но он не вправе отказать

крестьянину в достаточном земельном наделе, и если уж земля принадлежит общине, то она полностью остается в ее ведении, на тех же основаниях, что и свободная земля; помещик никогда не вмешивается в ее дела; были, впрочем, помещики, хотевшие ввести европейскую систему парцеллярного раздела земель⁴⁵ и частную собственность.

Эти попытки исходили по большей части от дворян прибалтийских губерний; но все они проваливались и обыкновенно заканчивались убийством помещиков или поджогом их замков, — ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест*. Иностранцы переселенцы, напротив, часто принимали русские общинные установления. Уничтожить сельскую общину в России невозможно, если только правительство не решится сослать или казнить несколько миллионов человек.

Ужасная история с введением военных поселений показала, каков бывает русский крестьянин, когда на него нападают в его последнем укреплении⁴⁶. Либерал Александр брал деревни приступом; ожесточение крестьян достигло ярости, исполненной трагизма: они умерщвляли своих детей, чтоб избавить их от нелепых учреждений, навязываемых им штыками и картечью. Правительство, разъяренное таким сопротивлением, подвергалось преследованиям этих героических людей; оно засекало их до смерти шпицрутенами, но, несмотря на все эти жестокости и ужасы, оно ничего не смогло добиться. Кровавый бунт в Старой Руссе в 1831 году показал, как трудно поддается укрощению этот несчастный народ⁴⁷. Подавив этот бунт, правительство вынуждено было уступить необходимости и удовлетвориться словом, не будучи в силах добиться дела.

Вот по какой причине революция, произведенная Петром I, была столь равнодушно принята крестьянами и встретила так мало сопротивления: она прошла над их головами. Правительство начало принимать общие меры по отношению к крестьянам лишь с 1838 года, когда оно основало министерство государственных имуществ⁴⁸. То была неплохая мысль — слегка встряхнуть общину, ибо деревенская жизнь, как всякий коммунизм, полностью поглощала личность.

* Из документов, публикуемых министерством внутренних дел, видно, что ежегодно, еще до последней революции 1848 г., от 60 до 70 помещиков оказывались убитыми своими крестьянами. Не является ли это постоянным протестом против незаконной власти этих помещиков?

Человек, привыкший во всем полагаться на общину, погибает, едва лишь отделится от нее; он слабеет, он не находит в себе ни силы, ни побуждений к деятельности: при малейшей опасности он спешит укрыться под защиту этой матери, которая держит, таким образом, своих детей в состоянии постоянного несовершеннолетия и требует от них пассивного послушания. В общине слишком мало движения; она не получает извне никакого толчка, который побуждал бы ее к развитию, — в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение; предоставленная человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот.

Общинное устройство усыпляло русский народ, и сон этот становился с каждым днем все более глубоким, пока, наконец, Петр I грубо не разбудил часть нации. Он искусственно вызвал нечто вроде борьбы и антагонизма, и именно в этом-то и заключалось провиденциальное⁴⁹ назначение петербургского периода.

С течением времени этот антагонизм стал чем-то естественным. Какое счастье, что мы так мало спали; едва пробудившись, мы оказались лицом к лицу с Европой, и с самого начала наш естественный, полудикий образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германо-романского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, — для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, — мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину⁵⁰, шли навстречу христианству.

Утверждают, что все дикие народы начинали с подобной же общины; что она достигла у германцев полного развития, но что всюду она вынуждена была исчезнуть с началом цивилизации. Из этого заключили, что та же участь ожидает русскую общину; но я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого.

Германская община пала, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным. Почему же Россия должна лишиться теперь своей сельской общины, если она сумела сберечь ее в продолжение всего

своего политического развития, если она сохранила ее нетронутой под тягостным ярмом московского *царизма*, так же как под самодержавием — в европейском духе — императоров?

Ей гораздо легче отделаться от администрации, насильственно насажденной и совершенно не имеющей корней в народе, чем отказать от общины; но утверждают, что вследствие постоянного раздела земель общинная жизнь найдет свой естественный предел в приросте населения. Как ни серьезно на первый взгляд это возражение, чтоб его опровергнуть, достаточно указать, что России хватит земли еще на целое столетие и что через сто лет жгучий вопрос о владении и собственности будет так или иначе разрешен. Более того. Освобождение помещичьих имений, возможность перехода из перенаселенной местности в малонаселенную, представляет также огромные ресурсы.

Многие, и среди них Гакстгаузен, утверждают, что, вследствие этой неустойчивости во владении землею, обработка почвы несколько не совершенствуется; временный владелец земли, в погоне за одной лишь выгодой, которую он из нее извлекает, мало о ней заботится и не вкладывает в нее свой капитал; вполне возможно, что это так. Но агрономы-любители забывают, что улучшение земледелия при западной системе владения оставляет большую часть населения без куска хлеба, и я не думаю, чтобы растущее обогащение нескольких фермеров и развитие земледелия как искусства могли бы рассматриваться даже самой агрономией как достаточное возмещение за отчаянное положение, в котором находится изголодавшийся пролетариат.

Дух общинного строя уже давно проник во все области народной жизни в России. Каждый город, на свой лад, представлял собой общину; в нем собирались общие сходы, решавшие большинством голосов очередные вопросы; меньшинство либо соглашалось с большинством, либо, не подчиняясь, вступало с ним в борьбу; зачастую оно покидало город; бывали даже случаи, когда оно совершенно истреблялось.

В этом непреклонном меньшинстве можно распознать гордое вето польских магнатов⁵¹. Княжеская власть, при наличии судилищ, составленных из выборных судей, творивших правосудие устно и по внутреннему убеждению перед лицом свободных сходов в городах, и к тому же лишённая постоянной армии, не могла укрепляться; это станет особенно понятным, если не упускать из виду, насколько ограничены жизненные потребности у народа, целиком занятого земледелием. Московская централизация положила конец этому порядку вещей; Москва явилась для России первым Петер-

бургом. Московские великие князья, отбросив этот титул, чтобы принять титул царя всея Руси, стремились к совсем иного рода власти, чем та, которой пользовались их предшественники.

Пример увлекает их: они явились свидетелями могущества греческих императоров в Византии и могущества монгольских ханов из главной орды Тамерлана⁵², известной под именем *Золотой орды*. И действительно, власть царей в своем развитии приняла двойной характер обеих этих держав. С каждым шагом московских царей на пути деспотизма власть народа все уменьшалась. Жизнь сжималась и обеднялась все более и более во всех своих проявлениях; одна лишь сельская община продолжала сохраняться в своей скромной сфере.

Роковой характер эпохи, последовавшей за царствованием Петра, обнаружился лишь тогда, когда московские цари осуществили свою централизацию; ибо ее значительность заключалась лишь в том, что она составила из разрозненных частей княжеского федерализма, из людей одной расы, связанных узами крови, одно могучее целое; идти однако далее она не могла, ибо, в сущности, она не знала точно, почему и с какой целью она объединяла эти разобщенные части. Именно в этом и проявилась вся ничтожность внутренней идеи московского периода: он сам не знал, куда приведет его политическая централизация.

Пока имелись вне страны такие поводы для деятельности, как борьба с татарами, литовцами и поляками, таившиеся в ней силы находили возможность проявляться и распространяться; когда же народ после междуцарствия 1612 года, во время которого он обнаружил поразительную энергию⁵³, снова впал в состояние покоя, правительство окостенело в вялости восточного формализма.

Государство, еще полное юности и мощи, покрылось, как стоячая вода, зеленоватой пеной; время первых Романовых было преждевременной старостью, так глубоко погруженной в сон, что народ не в состоянии был тогда оправиться от прежних потрясений. Царская Россия, как и сельская община, совершенно лишена была какой бы то ни было закваски, каких бы то ни было дрожжей; не было ни беспокойного меньшинства, ни движущего начала. Эта закваска, эти дрожжи, эта мятежная личность явилась, и явилась на троне.

Петр I сделал бесконечно много добра и зла России; но особенной благодарности от русских он заслуживает за толчок, который дал всей стране, за движение, которое он сообщил нации и которое с тех пор не замедлялось. Петр I понял скрытую силу своего народа, так же как и препятствие, мешавшее развитию этой

силы; с энергией революционера и упрямством самодержца он решил окончательно порвать с прошедшим: с нравами, обычаями, законодательством, — одним словом, со всем прежним политическим организмом.

Достойно сожаления, что Петр I не имел перед глазами иного идеала, кроме европейского режима. Он не видел, что то, чем он восхищался в европейской цивилизации, ни в какой мере не было связано с политическими формами того времени, но, скорее, держалось вопреки им; он не видел, что сами эти формы были не чем иным, как следствием двух уже прошедших миров, и что они, как и московское византийство, были отмечены печатью смерти.

Политические формы семнадцатого столетия были последним словом монархической централизации, последним следствием Вестфальского мира⁵⁴. То было время дипломатии, канцелярии и казарменного режима, начало того холодного деспотизма, эгоистические повадки которого не могли быть облагорожены даже гением Фридриха II⁵⁵, прототипа всех капралов — маленьких и больших.

Эти политические формы сами только и ждали, чтоб исчезнуть, своего Петра I — Французскую революцию. Освободившись от традиций, победитель последней из них, Петр I пользовался полной свободой. Но душе его не доставало гения и творческой мощи: он был поработан Западом и стал копировать его. Ненавидя все относящееся к старой России, хорошее и дурное, он подражал всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была в высшей степени противна духу русского народа.

Его задача сделалась вследствие этого еще трудней, и притом без всякой пользы для дела. В силу пророческого инстинкта он любил Россию будущего; он лелеял мечту о могущественной русской монархии, но совершенно не считался с народом. Возмущенный всеобщим застоєм и апатией, он захотел обновить кровь в жилах России и, чтобы произвести это переливание, взял кровь уже старую и испорченную. Кроме того, при всем своем темпераменте революционера, Петр I все же всегда оставался самодержцем. Он страстно любил Голландию и воспроизводил свой милый Амстердам на берегах Невы, однако он заимствовал лишь весьма немногие из свободных нидерландских установлений. Он не только не ограничил царскую власть, но еще более усилил ее, предоставив ей все средства европейского абсолютизма и сокрушая все преграды, воздвигнутые ранее нравами и обычаями.

Становясь под знамена цивилизации, Петр I в то же время заимствовал у отвергаемого им прошлого кнут и Сибирь, чтобы подавлять всякую оппозицию, всякое смелое слово, всякое свободное действие.

Представьте себе теперь союз московского *царизма* с режимом немецких канцелярий, с инквизиционным процессом, заимствованным из прусского военного кодекса⁵⁶, и вы поймете, почему императорская власть в России оставила далеко позади деспотизм Рима и Византии.

Сельская Россия, всему внешне подчиняясь, на самом деле ничего не приняла из этих преобразований. Петр I чувствовал это пассивное сопротивление; он не любил русского крестьянина и ничего не понимал в его образе жизни. С преступным легкомыслием усилил он права дворянства и стянул еще туже цепь крепостного права; он первый попытался упорядочить эти нелепые установления; упорядочить значило в то же время признать их и подвести под них законное основание. С той поры русский крестьянин еще более, чем когда-либо, замкнулся в своей общине и если удалялся от нее, то бросал вокруг себя недоверчивые взгляды и многократно осенял себя крестным знаменем. Он перестал понимать правительство; он увидел в полицейском офицере и в судье — врага; он увидел в помещике грубую силу, с которой ничего не мог поделаться.

С той поры он стал видеть в каждом приговоренном только *несчастного* — единственное слово, которым обозначается всякий осужденный в этой стране, где словно никого не осталось, кроме жертв и палачей; стал лгать под присягою и все отрицать, когда его допрашивал человек в мундире, казавшийся ему представителем немецкого правительства. Протекшие сто пятьдесят лет, несколько не примилив крестьянина с новым порядком вещей, еще более отдалили его от правительства. Пусть мы воспитаны были в духе петровских реформ; пусть мы впитали с молоком матери европейскую цивилизацию; пусть старость Европы была нам привита таким образом, что ее судьбы сделались нашими судьбами, — в добрый час! Однако с русским крестьянином дело обстоит совсем иначе.

Он многое перенес, многое выстрадал, он сильно страдает и теперь, но он остался самим собой. Замкнутый в своей маленькой общине, оторванный от собратьев, рассеянных на огромных пространствах страны, он тем не менее нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средство сохранить себя; он низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая

его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой силой, такой ловкостью, таким умом и красотой, что возбудил в этом отношении изумление Кюстина и Гакстаузена.

<III>

Все путешественники отдают должное русским крестьянам, но они кричат об их бесстыдном плутовстве, религиозном фанатизме, идолопоклонстве перед императорским тронem.

Я думаю, что кое-какие из этих недостатков и в самом деле можно найти в русском народе, в частности я основываюсь на том, что недостатки эти присущи всем европейским народам. Они тесно связаны с нашей цивилизацией, с невежеством масс и с их нищетой. Европейские государства похожи на полированный мрамор, они блестят только на поверхности, а в глубине своей и в целом они грубы.

Я понимаю, что можно обвинять цивилизацию, современные общественные формы, все народы вместе, но считаю бесполезной жестокостью нападать на один из этих народов и осуждать в нем пороки всех остальных; это, впрочем, узость ума, которая позволительна одним лишь евреям, — считать свою нацию избранным народом. В этом отношении последние политические события должны были послужить нам отличным уроком; не обвиняли ли недавно почти все писатели в тех же недостатках римлян и венцев, прибавляя к этому даже упреки в трусости?

Октябрьская революция⁵⁷ и римский триумvirат⁵⁸ реабилитировали репутацию этих городов. Но это еще не все. Совершенно верно, что русский крестьянин при каждой возможности обманывает помещика и чиновника, которые, в свою очередь, не обманывают крестьянина только потому, что им проще грабить его. Обмануть своих врагов в подобных случаях значит проявить ум. Наоборот, в отношениях между собой русские крестьяне проявляют исключительную честность и порядочность. Доказательством служит то, что они никогда не заключают между собой письменных условий. Землю делят в общинах, а деньги — в рабочих артелях. На протяжении десяти с лишним лет это едва ли вызывает два-три судебных процесса.

Русский народ религиозен, потому что народ при современных политических условиях не может оставаться без религии. Просвещенное сознание — следствие прогресса; истина и мысль до сих пор существуют лишь для немногих. Народу же религия заменяет все, она отвечает на все его эстетические и философские вопросы,

возникающие в человеческой душе на всех ступенях развития. Фантастическая поэзия религии служит отдохновением после прозаических земледельческих работ и сенокоса. Русский крестьянин суеверен, но равнодушен к религии, которая для него, впрочем, является непроницаемой тайной. Он для очистки совести точно соблюдает все внешние обряды культа; он идет в воскресенье к обедне, чтобы шесть дней больше не думать о церкви. Священников он презирает как тунеядцев, как людей алчных, живущих на его счет. Героем всех народных непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дякон или их жены.

Множество пословиц свидетельствует о безразличии русских к религии: «Гром не грянет — мужик не перекрестится», «На бога надейся, да сам не плошай». Кюстин рассказывает, что один ямщик, шутя защищавший свою склонность к мелким кражам, говорил: «С этим уж человек родится, и если Христос не воровал — то только потому, что ему мешали раны на руках». Все это показывает, что у этого народа мы не найдем ни бешеного фанатизма, встречающегося у бельгийцев и в Люцерне, ни той суровой, холодной и безнадежной веры, которую видим мы в Женеве и в Англии, как и вообще у народов, долго находившихся под влиянием иезуитов и кальвинистов⁵⁹.

В прямом смысле слова религиозны одни лишь раскольники⁶⁰. Причина этого заключается не только в национальном характере, но и в самой религии. Греческая церковь никогда не отличалась чрезмерной склонностью к пропаганде и экспансии; она была более верна евангельскому учению, нежели католицизм, жизнь ее вследствие этого менее распространялась вширь; созревая на прогнившей почве Византии, она сосредоточилась в монастырских кельях и преимущественно занялась богословскими спорами и вопросами теории; поработанная светской властью, она отстранялась, в России еще более, чем в Византийской империи, от интересов политики. Начиная с десятого века и до Петра I известен лишь один народный проповедник, да и того патриарх принудил замолчать⁶¹.

Я считаю большим счастьем для русского народа — народа очень впечатлительного и кроткого от природы, — что он не был развращен католицизмом. Тем самым он избежал другой беды. Католицизм, как некоторые злокачественные недуги, может быть излечен лишь при помощи ядов; он роковым образом влечет за собой протестантизм, который затем только и освобождает умы с одной стороны, чтоб еще сильнее сковать их с другой. Наконец,

Россия, не принадлежа к великому единству западной церкви, не имеет надобности вмешиваться в историю Европы.

Я не замечал также в русском народе, чтоб он отличался особенной преданностью престолу и готовностью жертвовать собой для него. Действительно, русский крестьянин видит в императоре защитника от своих непосредственных врагов, он рассматривает его как наивысшее олицетворение справедливости и верит в его божественное право, как верят в него более или менее все монархические народы Европы. Но это почитание не выражается в каких-либо действиях, и его привязанность к императору не превратит его ни в вандейца⁶², ни в испанского карлиста⁶³; это почитание не доходит до той трогательной любви, которая недавно еще не позволяла некоему народу без слез на глазах говорить о своих князьях.

Следует также признать, что русский народ охладел в своей любви к трону, с тех пор как, по милости европейской бюрократии, он отвернулся от правительства. Династическое движение, подобное тому, какое вспыхнуло, например, в пользу Лжедмитрия⁶⁴, в настоящее время совершенно невозможно. Со времени Петра I народ не принимал никакого участия ни в одном из петербургских переворотов. Несколько претендентов, кучка интриганов и преторианцев⁶⁵ с 1725 по 1762 год передавали из рук в руки императорский трон⁶⁶. Народ бесстрастно молчал, не беспокоясь о том, признает ли камарилья⁶⁷ императорами и Романовыми — принцессу Брауншвейгскую или Курляндскую, герцога Голштинского или его жену из рода Ангальт-Цербстского⁶⁸; все они были ему неизвестны и — более того — они были немцы.

Восстание Пугачева⁶⁹ имело совсем иной смысл: то была последняя попытка, отчаянное усилие казака и крепостного освободиться от жестокого ярма, тягость которого с каждым днем становилась все более ощутимой. Имя Петра III явилось лишь предлогом; одно это имя никак не могло бы поднять несколько губерний. В последний раз политический интерес воодушевил русский народ в 1812 году⁷⁰. Народ этот убежден, что у себя на родине он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого русского крестьянина, в этом его политическая религия. Когда он увидел, что чужеземец появился как неприятель на его земле, он забросил соху и схватился за ружье. Умирая на поле битвы «за белого царя и пресвятую богородицу», как он говорил, он умирал на самом деле за неприкосновенность русской земли.

Класс, с которым русский народ находится в непосредственных сношениях, — это провинциальное дворянство и сословие

чиновников, которые составляют низшую ступень цивилизованной России. Чиновники, глубоко развращенные запретом всякого рода гласности, представляют собой самый раблепный класс в России; его судьба целиком во власти правительства. Провинциальное дворянство, со своей стороны, не менее развращенное своим правом эксплуатировать крестьян, все же более независимо и, стало быть, несколько самостоятельней, чем чиновничество. Немного жизни сохранилось еще в губернских дворянских собраниях; дворянство обыкновенно составляет оппозицию губернаторам и их чиновникам; средств для этого у него достаточно.

Екатерина II продолжила систему Петра I; она еще приумножила и утвердила права дворянства; в то же время она ввергла в крепостное состояние миллионы крестьян и оплачивала крестьянскими общинами свои ночи Клеопатры⁷¹. Дворянство каждой губернии имеет право созывать свои особые собрания, избирать своих предводителей и, что еще важнее, — судей двух первых инстанций, председателей этих судов и всех чиновников административного и полицейского управления уездами.

Правда, и другие классы населения частично пользуются подобными правами, но большинство этих прав остается за дворянством, если не считать городских управлений и городского голову, которые избираются купцами и мещанами города. Правительство посылает в каждую губернию губернатора, административный и финансовый совет, в каждый город — городничего и в каждый суд — прокурора. Дворянство имеет право контролировать губернатора во всех денежных делах; каждый дворянин может быть, без всяких ограничений, выбран в своей губернии судьей, председателем и предводителем. К этому сводятся все свободные установления.

Если мы перейдем от провинциальных установлений к установлениям государственным, то с каждым шагом, по мере того как мы будем подниматься по иерархической лестнице, все более и более будут стираться и права человека и участие управляемых в управлении. Петербургская централизация, как снеговая вершина горы, все подавляет своим леденящим и единообразным грузом; чем более к ней приближаешься, тем менее обнаруживаешь следов жизни и независимости. Сенат, Государственный совет, министры — не более как покорные орудия; высшие сановники — не более как писцы, сбирь⁷², словом, — телеграфные рычаги, при помощи которых петербургский Зимний дворец объявляет стране свою волю.

Русское дворянское звание в том виде, в каком оно существует со времен Петра I, является скорее наградой за оказанные услуги, чем самостоятельно существующей кастой; дворянское звание, по закону, даже утрачивается, если в семье два поколения подряд не вступали на государственную службу⁷³. Пути, ведущие к дворянскому званию, открыты со всех сторон. Пять лет тому назад были установлены в этом отношении некоторые ограничения, но они относятся к числу тех мер, которые бесследно исчезают на другой же день после императорского указа⁷⁴.

Петр I при всем своем могуществе не смог бы ничего совершить, если б он не встретил уже целую толпу недовольных; эти недовольные пришли ему на помощь; именно из них и из тех, кто служил новому правительству, и образовалась европеизированная Россия. Петр I возвел эту часть нации в дворянство, чтобы противопоставить ее необразованной России. Но помимо того, что этот класс, несмотря на силу и власть, не создал никакой аристократии, он еще поглотил некогда могущественную аристократию старинного дворянства, бояр и князей*. Новое дворянство, беспрестанно вербуемое из всех других классов, приобрело аристократический характер только по отношению к крестьянину, до тех пор пока он оставался крестьянином, т. е. по отношению той части народа, которая также была поставлена правительством вне закона.

Вероятно, в первое время после реформы все эти грузные и грубые бояре, в своих пудреных париках и шелковых чулках, сильно смахивали на тех отаитских щеголей⁷⁵, которые гордо расхаживают в красных английских мундирах с эполетами, но без штанов и рубашки. Однако благодаря нашей восприимчивости высшая знать вскоре усвоила манеры и язык версальских придворных⁷⁶. Восприняв изящество манер и нравов европейской аристократии, она не совсем утратила свои собственные, и поэтому ее образ жизни, при Екатерине II, представлял собой своеобразную смесь дикой распущенности и придворного лоска, аристократической спеси и полувосточной покорности. Эти нравы были тем не менее скорее оригинальны и угловаты, чем карикатурны; в них совершенно не было того пошлого и безвкусного тона, которым всегда отличалась аристократия немецкая.

Между высшей знатью, живущей почти исключительно в Петербурге, и *благородным пролетариатом* чиновников и безземельных дворян существует густой слой среднего дворянства, нравственным центром которого является Москва. Если оставить

* Право первородства совершенно неизвестно в России.

в стороне общую развращенность этого класса, то следует признать, что именно в нем таится зародыш и умственный центр грядущей революции. Положение образованного меньшинства этого сословия (это меньшинство довольно значительно) полно трагизма: оно оторвано от народа, потому что в течение нескольких поколений его предки были связаны с цивилизующим правительством, и оторвано от правительства, потому что само это меньшинство цивилизовалось. Народ видит в них немцев, правительство — французов.

В этом сословии, так нелепо поставленном между цивилизацией и правом плантатора, между ярмом неограниченной власти и помещичьими правами над крестьянами, в этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной службы, — кипит множество страстей и сил, которые, именно вследствие отсутствия выхода, бродят, растут и часто вырываются на свет в виде какой-либо блестящей, эксцентричной личности.

Из этого именно сословия исходит все литературное движение, именно из него вышел Пушкин, этот наиболее совершенный представитель широты и богатства русской природы; именно в нем зародилось и выросло 26 декабря 1825 года⁷⁷, эта *indulgentia plenaria*⁷⁸ всей касты, ее расчет за целый век.

Десять лет каторжных работ, двадцать пять лет ссылки не смогли сломить и согнуть этих героических людей, которые с горстью солдат вышли на Исаакиевскую площадь, чтобы бросить перчатку императорской власти и всенародно произнести слова, которые до сих пор и даже теперь еще передаются от одного к другому в рядах нового поколения.

Восстание 1825 года заключило собой первую эпоху петербургского периода. Вопрос был разрешен. Образованный класс, тот класс народа, который остается верным толчку, данному Петром I, доказал тогда своей деятельной ненавистью к деспотизму, что он догнал своих западных братьев. Они оказались в полном единении чувств и взглядов с Риго, гонфалоньерами и карбонариями⁷⁹. Ужас правительства был тем более велик, что оно обнаружило, с одной стороны, что все элементы дворянства и военной иерархии замешаны в заговоре, и что, с другой стороны, оно осознало отсутствие всякой реальной связи между собой и древним народом, оставшимся русским.

26 декабря вскрыло все, что было искусственного, хрупкого и преходящего в петербургском империализме⁸⁰. Революция была близка к успешному осуществлению... Что произошло бы в случае

успеха? Трудно сказать; но каков бы ни был результат, можно смело утверждать, что народ и дворянство спокойно приняли бы *совершившийся факт*.

Это-то и было с ужасом понято правительством. Преисполненное недоверия к дворянству, оно вздумало сделаться национальным и добилось лишь того, что стало врагом всякой цивилизации. Национальная жилка в нем совершенно отсутствовала. Правительство с самого начала проявило себя мрачным и недоверчивым; целый корпус тайной полиции, вновь учрежденный⁸¹, окружил трон. Затем правительство отказалось от принципов Петра I, развивавшихся в течение столетия. Последовал непрерывный ряд ударов по всякой свободе, всякой умственной деятельности; террор распространялся с каждым днем все более и более. Не решались что-либо печатать; не решались писать письма; доходили до того, что боялись рот открыть не только на людях, но и в собственной комнате, — все онемело.

Образованные люди почувствовали тогда, со своей стороны, что под ногами у них не родная земля; они поняли всю свою слабость, и отчаяние охватило их. Пряча в глубине души слезы и скорбь, они рассеялись по своим деревням и по всем большим дорогам Европы. Петербург, по примеру правительства, приобрел совсем иной характер; то был город в состоянии непрерывной осады⁸². Общество широкими шагами отступало назад. Аристократические чувства человеческого достоинства, которые в царствование Александра завоевали себе значительное место, были настолько оттеснены, что стало возможным введение закона о заграничных паспортах⁸³, сделались возможными нравы, о которых рассказал вам Кюстин.

Но внутренняя работа продолжалась, тем более деятельная в своих глубинах, что она не находила никакой возможности проявить себя на поверхности. Время от времени раздавались голоса, заставлявшие трепетать все фибры человеческой души: то был крик скорби, стон негодования, песнь отчаяния, и к этому крику, к этому стону, к этой песне примешивалась грустная весть о судьбе, которую навлек на себя какой-нибудь смельчак, вынужденный отправиться в изгнание на Кавказ или в Сибирь. Так, через десять лет после 26 декабря, один мыслитель бросил в мир несколько листков, которые повсюду, где только есть читатели в России, вызвали потрясение, подобное электрическому удару⁸⁴.

Это сочинение было спокойным и беззлобным упреком; оно напоминало бесстрастное исследование положения русских, но то был взгляд разгневанного человека, глубоко оскорбленного

в самых благородных своих чувствах. Строгий и холодный, он требует у России отчета за все страдания, которые она готовит мыслящему человеку, и, разобрав их все, он с ужасом отворачивается, он проклинает Россию в ее прошедшем, он презирает ее настоящее и предсказывает лишь несчастье в будущем. Таких голосов не слышно было во время блестящей эпохи несколько экзотического либерализма Александра, — они не раздавались даже в стихах Пушкина; чтоб исторгнуть их из человеческой груди, надобен был нестерпимый груз десятилетнего террора: нам надобно было увидеть гибель всех наших друзей, славу осады Варшавы и усмирение Польши.

Чаадаев во многом был неправ, но жалоба его была законна, и голос его заставил выслушать ужасную истину. Именно этим объясняется его громадный отзвук. В ту эпоху все сколько-нибудь значительное в литературе принимает новый характер. Покончено с подражанием французам и немцам, мысль сосредоточивается и ожесточается; более горькое отчаяние и более горькая ирония над собственной судьбой прорывается повсюду как в стихах Лермонтова, так и в издевательском смехе Гоголя⁸⁵, — смехе, за которым, по выражению автора, таятся слезы.

Если начала новой жизни и движения оставались тогда разобращенными; если они не достигли того единства, которое царило до 26 декабря, то это прежде всего означает, что самые основные вопросы сделались гораздо более сложными и глубокими. Все серьезные люди поняли, что нельзя более тащиться на буксире у Европы, что в России есть нечто особое, свойственное ей одной, нечто такое, что необходимо изучить и понять в ее прошедшем и настоящем.

Одни во всем, что свойственно России, не видели ничего враждебного или неприятного для европейских установлений; наоборот, они предвидели время, когда Россия, пройдя через петербургский период, и Европа, пройдя через конституционализм, встретятся друг с другом. Иные, наоборот; обвиняя во всей тяжести настоящего положения антинациональный характер правительства, смешали в общей ненависти все, что связано с Западом.

Петербург научил этих людей презирать всякую цивилизацию, всякий прогресс; они хотели вернуться к узким формам допетровского времени, в которых русская жизнь снова оказалась бы почти задушенной. К счастью, путь, ведущий к старой России, уже давно зарос густым лесом, и ни славянофилам⁸⁶, ни правительству вырубить его не удастся.

Борьба этих партий в течение десяти лет придавала новую жизнь литературе; у журналов заметно увеличилось число подписчиков, и на лекциях по истории скамьи Московского университета ломились от наплыва слушателей⁸⁷. Не забудьте, что вследствие крайней бедности органами общественного мнения, литературные и научные вопросы превратились в арену для политических партий. Таково было положение вещей, когда вспыхнула Февральская революция⁸⁸.

Правительство, вначале ошеломленное, ничего не предпринимало, но когда оно убедилось в смиренном и приниженном поведении скромной республики, оно быстро пришло в себя. Русское правительство открыто объявило, что оно рассматривает себя как поборника монархического принципа, и, предвидя солидарность цивилизации с революцией (по примеру французского Национального собрания), оно не скрывало, что готово всем пожертвовать во имя *порядка*. Русское правительство с еще большей энергией, чем это Собрание, с циничной дерзостью двинулось на уничтожение цивилизации и прогресса.

К чему же все это приведет?.. В России — возможно, к уничтожению всех цивилизующих элементов. Ужасный результат! Но Россия от этого не погибнет. Вполне возможно даже, что этот результат послужит народу сигналом пробуждения, и тогда наступит новая эра для справедливости и народных прав.

Тем временем правительство словно забыло, что оно рождено в Петербурге, что оно — правительство цивилизованной России, что и оно связано залогами, данными им европейской цивилизации, и что несмотря на принятую теперь правительством личину православия и народности, русский крестьянин продолжает по-прежнему считать его немецким.

Судьба петербургского трона — подивитесь этой великолепной иронии! — связана с цивилизацией; уничтожая ее, он низвергнется в ужасную бездну; если же он позволит ей расти, то провалится в другую бездну. Возможно, впрочем, что Россия, вследствие невыносимого гнета, распадется на множество частей; возможно также, что она просто ринется вперед и, полная нетерпения, страхнет со своей могучей спины неловких всадников. Все это принадлежит будущему, а я не мастер в искусстве прорицания.

После всего, что я сказал, невольно задаешься вопросом — какую же идею, какую мысль вносит русский народ в историю? До сих пор мы видим только, что он представляет лишь самого себя, — это обыкновенно является свидетельством незрелости.

Какую идею вносит ребенок в семью? Ничего, кроме дарований, склонностей, возможности развития. Что же касается того, существует ли эта возможность, крепки ли мышцы ребенка и насколько ей соответствуют его способности, — то это вопросы, подлежащие нашему рассмотрению. Вот почему я и настаиваю теперь более, чем когда-либо, на необходимости изучения России.

Перед лицом Европы, силы которой за долгую жизнь истощились в борьбе, выступает народ, едва только начинающий жить и который, под внешней жесткой корой царизма и империализма, вырос и развился, подобно кристаллам, нарастающим под геодом⁸⁹; кора московского царизма отпала, как только она сделалась бесполезной; кора же империализма еще слабее прилегает к дереву.

Действительно, до сих пор русский народ совершенно не занимался вопросом о правительстве; вера его была верой ребенка, покорность его — совершенно пассивной. Он сохранил лишь одну крепость, оставшуюся неприступной в веках, — свою земельную общину, и в силу этого он находится ближе к социальной революции, чем к революции политической. Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; он появляется, гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате. Его прошлое было скудно, его настоящее — чудовишно; конечно, все это не создает еще никаких прав.

Множество народов сошло с исторической сцены, не изведав всей полноты жизни, но у них не было таких колоссальных притязаний на будущее, как у России. Вы знаете это. В истории нельзя сказать: *tarde venientibus ossa*⁹⁰, наоборот, им-то предназначены лучшие плоды, если только они способны ими питаться. В этом-то и заключается главный вопрос.

Сила русского народа признана всей Европой уж вследствие одного только страха, который он ей внушает; он показал в петербургский период, к чему он способен, он много сделал — и это несмотря на цепи, которыми были отягощены его руки. Это странно и тем не менее верно — как верно и то, что другие народы, бедно одаренные, провели целые века в совершенном бездействии, хоть и наслаждаясь полной свободой. Справедливость не принадлежит к числу важнейших достоинств истории; справедливость слишком мудра и слишком прозаична, тогда как жизнь в своем развитии, напротив, своенравна и полна поэзии. С точки зрения истории справедливость воздается тому, кто ее не заслужил; заслуга, впрочем, находит вознаграждение в самой себе...

Вот, дорогой друг, все, что я хотел вам сказать на сей раз. Я вполне мог бы на этом закончить, но мне пришла только что в голову странная мысль: вероятно, найдется множество добрых людей, несколько тугих на ухо, которые увидят в моем письме исключительный патриотизм, предпочтение, оказываемое России, и которые воскликнут по этому поводу, что у них составилось об этой стране совсем иное представление.

Да, я люблю Россию.

Вообще, я считаю невозможным или бесполезным писать о предмете, к которому не испытываешь ни любви, ни ненависти. Но моя любовь — не животное чувство привычки; это не тот природный инстинкт, который превратили в добродетель патриотизма; я люблю Россию потому, что я ее знаю, сознательно, разумно. Есть также многое в России, что я безмерно ненавижу, всей силой первой ненависти. Я не скрываю ни того, ни другого.

В Европе совсем не знают России; в России очень плохо знают Европу. Было время, когда, близ Уральских гор, я создавал себе о Европе фантастическое представление; я верил в Европу и особенно во Францию. Я воспользовался первой же минутой свободы, чтобы приехать в Париж.

То было еще до Февральской революции. Я разглядел вещи несколько ближе и покраснел за свои прежние представления. Теперь я раздражен несправедливостью бесчувственных публицистов, которые признают существование царизма только под 59-м градусом северной широты⁹¹. С какой стати эти две мерки? Поносите сколько вам вздумается и осыпайте упреками петербургское самодержавие и постоянную нашу безропотность; но поносите повсюду и умеете распознавать деспотизм, в какой бы он форме ни проявлялся: носит ли он название президента республики, Временного правительства или Национального собрания.

Какой позор — в 1849 году, — утратив все, на что надеялись, все, что приобрели, близ трупов падших и расстрелянных, близ тех, кого заковали в цепи и сослали, при виде этих несчастных, гонимых из страны в страну, которым оказывают гостеприимство, как евреям в средние века, которым бросают, как собакам, кусок хлеба, чтобы заставить их затем продолжать свой путь, — какой позор, повторяю я, в 1849 году останавливаться на узком воззрении либерального конституционализма, этой платонической и бесплодной любви к политике!

Оптический обман, при помощи которого рабству придавали видимость свободы, рассеялся; маски спали, мы в точности теперь

знаем цену республиканской свободы во Франции и конституционной свободы в Германии; мы видим теперь (а если не видим этого, то в этом наша вина), что все существующие правительства, начиная от скромнейшего швейцарского кантона до самодержца всея Руси, — это лишь вариации одной и той же темы.

«Свободой должно пожертвовать во имя порядка, личностью — во имя общества, так, чем сильнее правительство, тем лучше».

Скажу еще раз: если ужасно жить в России, то столь же ужасно жить и в Европе. Отчего же покинул я Россию? Чтоб ответить на этот вопрос, я переведу вам несколько слов из моего прощального письма к друзьям⁹²:

«Не ошибитесь! Не радость, не рассеяние, не отдых, ни даже личную безопасность нашел я здесь, да и не знаю, кто может находить теперь в Европе радость и отдых. Грустью дышит каждое слово моих писем. Жизнь здесь очень тяжела.

Я ни во что не верю здесь, кроме как в движение; и не жалею здесь никого, кроме жертв; не люблю здесь никого, кроме тех, которых преследуют; никого не уважаю, кроме тех, кого казнят, и однако остаюсь. Я остаюсь страдать вдвойне — страдать от нашего горя и от горя, которое нахожу здесь, погибнуть, может быть, при всеобщем разгроме. Я остаюсь, потому что борьба здесь открытая, потому что она здесь гласная.

Горе побежденному здесь! Но он не погибает, прежде чем вымолвил слово, прежде чем испытал свои силы в бою, и именно за этот голос, за эту открытую борьбу, за эту гласность я остаюсь здесь».

Вот что я писал 1 марта 1849 года. Дела с того времени сильно изменились. Привилегия быть выслушанным и открыто сражаться уменьшается с каждым днем; Европа с каждым днем становится все более похожей на Петербург; есть даже страны, более похожие на Петербург, чем сама Россия. Венгры знают это, — венгры, искавшие в безумии отчаяния защиты под русскими знаменами...

Если же и здесь дойдут до того, что заткнут нам рот и не позволят даже проклинать во всеуслышание наших угнетателей, то я уеду в Америку. Я — человек и пожертвую всем ради человеческого достоинства и свободы слова.

Вероятно, вы последуете туда за мною?..

Лондон⁹³, 25 августа 1849 г.⁹⁴

РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ⁹⁵Письмо к И. Мишле⁹⁶

Милостивый государь,

Вы стоите слишком высоко в мнении всех мыслящих людей, каждое слово, вытекающее из вашего благородного пера, принимается европейскою демократиею с слишком полным и заслуженным доверием, чтобы в деле, касающемся самых глубоких моих убеждений, мне было возможно молчать и оставить без ответа характеристику русского народа, помещенную вами в вашей легенде о Костюшке⁹⁷.

Этот ответ необходим и по другой причине; пора показать Европе, что, говоря о России, говорят не об отсутствующем, не о безответном, не о глухонемом.

Мы, оставившие Россию только для того, чтобы свободное русское слово раздалось, наконец, в Европе, — мы тут налицо и считаем долгом подать свой голос, когда человек, вооруженный огромным и заслуженным авторитетом, утверждает, что «Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла».

Если вы разумеете Россию официальную, царство-фасад, византийско-немецкое правительство, то вам и книги в руки. Мы соглашаемся вперед со всем, что вы нам скажете. Не нам тут играть роль заступника. У русского правительства так много агентов в прессе, что в красноречивых апологиях его действий никогда не будет недостатка.

Но не об одном официальном обществе идет речь в нашем труде; вы затрагиваете вопрос более глубокий; вы говорите о самом народе.

Бедный русский народ! Некому возвысить голос в его защиту! Посудите сами, могу ли я, по совести, молчать.

Русский народ, милостивый государь, жив, здоров и даже не стар, — напротив того, очень молод. Умирают люди и в молодости, это бывает, но это не нормально.

Прошлое русского народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Он *не верит* в свое настоящее положение, он имеет дерзость тем более ожидать от времени, чем менее оно дало ему до сих пор.

* В фельетоне журнала «L'Événement» от 28 августа до 15 сентября 1851. После этого легенда о Костюшке вошла в особо изданный том сочинений Мишле под заглавием «Демократических легенд».

Самый трудный для русского народа период приближается к концу. Его ожидает страшная борьба; к ней готовятся его враги.

Великий вопрос: *to be or not to be*⁹⁸ — скоро будет решен для России. Но грешно перед борьбою отчаиваться в успехе.

Русский вопрос принимает огромные страшные размеры; он сильно озабочивает все партии; но мне кажется, что слишком много занимаются Россией императорскою, Россией официальной и слишком мало Россией народной, Россией безгласной.

Даже смотря на Россию только с правительственной точки зрения, не думаете ли вы, что не мешало бы познакомиться поближе с этим неудобным соседом, который дает чувствовать себя во всей Европе, — тут штыками, там шпионами? Русское правительство простирается до Средиземного моря своим покровительством Оттоманской Порте, до Рейна своим покровительством немецким своякам и дядям, до Атлантического океана своим покровительством *порядку* во Франции⁹⁹.

Не мешало бы, говорю я, оценить по достоинству этого всемирного покровителя, исследовать, не имеет ли это странное государство другого призвания, кроме отвратительной роли, принятой петербургским правительством, — роли преграды, беспрестанно вырастающей на пути человечества.

Европа приближается к страшному катаклизму. Средневековый мир рушится. Мир феодальный кончается. Политические и религиозные революции изнемогают под бременем своего бессилия; они совершили великие дела, но не исполнили своей задачи. Они разрушили веру в престол и в алтарь, не осуществили свободу; они зажгли в сердцах желания, которых они не в силах исполнить. Парламентаризм, протестантизм — все это были лишь отсрочки, временное спасение, бессильные оплоты против смерти и возрождения. Их время минуло. С 1848 года стали понимать, что ни окостенелое римское право, ни хитрая казуистика, ни тощая деистическая философия, ни бесплодный религиозный рационализм не в силах отодвинуть совершение судеб общества.

Гроза приближается, этого отвергать невозможно. В этом соглашаются люди революции и люди реакции. У всех закружилась голова; тяжелый, жизненный вопрос лежит у всех на сердце и сдавливает дыхание. С возрастающим беспокойством все задают себе вопрос, достанет ли силы на возрождение старой Европе, этому дряхлому Протею¹⁰⁰, этому разрушающемуся организму? Со страхом ждут ответа, и это ожидание ужасно.

Действительно, вопрос страшный!

Сможет ли старая Европа обновить свою остывающую кровь и броситься стремглав в это необозримое будущее, куда увлекает ее необоримая сила, к которому она несется без оглядки, к которому путь идет, может быть, через развалины отцовского дома, через обломки минувших цивилизаций, через погрязшие богатства новейшего образования?

С обеих сторон верно поняли всю важность настоящей минуты. Европа погружена в глухой, душный мрак накануне решительной битвы. Это не жизнь, а тяжкое, тревожное томление. Ни законности, ни правды, ни даже личины свободы; везде неограниченное господство светской инквизиции; вместо законного порядка — осадное положение. Один нравственный двигатель управляет всем — страх, и его достаточно. Все вопросы отступают на второй план перед всепоглощающим интересом реакции. Правительства, по-видимому самые враждебные, сливаются в единую, вселенскую полицию. Русский император, не скрывая своей ненависти к французам, награждает парижского префекта полиции; король неаполитанский жалует орден президенту республики. Берлинский король, надев русский мундир, спешит в Варшаву обнимать своего врага, императора австрийского, в благодатном присутствии Николая¹⁰¹, в то время как он, отщепенец от единой спасающей церкви, предлагает свою помощь римскому владыке. Среди этих сатурналий¹⁰², среди этого шабаша¹⁰³ реакции, ничто не охраняет более личности от произвола. Даже те гарантии, которые существуют в неразвитых обществах, в Китае, в Персии, не уважаются более в столицах так называемого образованного мира.

Едва веришь глазам. Неужели это та самая Европа, которую мы когда-то знали и любили?

Право, если бы не было свободной и гордой Англии, «этого алмаза, оправленного в серебро морей», как называет ее Шекспир¹⁰⁴, если бы Швейцария, как Петр, убоявшись кесаря, отреклась от своего начала¹⁰⁵, если бы Пизомонт¹⁰⁶, эта уцелевшая ветка Италии, это последнее убежище свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Апеннины, если бы и они увлеклись примером соседей, если бы и эти три страны заразились мертвящим духом, веющим из Парижа и Вены, — можно было бы подумать, что консерваторам уже удалось довести старый мир до конечного разложения, что во Франции и Германии уже наступили времена варварства.

Среди этого хаоса, среди этого предсмертного томления и мучительного возрождения, среди этого мира, распадающегося в прах вокруг колыбели, взоры невольно обращаются к востоку.

Там, как темная гора, вырезающаяся из-за тумана, виднеется враждебное, грозное царство; порою кажется, оно идет, как лавина, на Европу, что оно, как нетерпеливый наследник, готово ускорить ее медленную смерть.

Это царство, совершенно неизвестное двести лет тому назад, явилось вдруг, без всяких прав, без всякого приглашения, грубо и громко заговорило в совете европейских держав и потребовало себе доли в добыче, собранной без его содействия.

Никто не посмел восстать против его притязаний на вмешательство во все дела Европы.

Карл XII попытался, но его до тех пор непобедимый меч сломался; Фридрих II захотел воспротивиться посягательствам петербургского двора; Кёнигсберг и Берлин сделались добычею северного врага¹⁰⁷. Наполеон проник с полумиллионом войска в самое сердце исполина и уехал один украдкою, в первых попавшихся пошевнях¹⁰⁸. Европа с удивлением смотрела на бегство Наполеона, на несущиеся за ним в погоню тучи казаков, на русские войска, идущие в Париж и подающие по пороге немцам милостыню — их национальной независимости. С тех пор Россия налегла, как вампир, на судьбу Европы и стережет ошибки царей и народов. Вчера она чуть не раздавила Австрию, помогая ей против Венгрии, завтра она провозгласит Бранденбург русскою губерниею, чтобы успокоить берлинского короля.

Вероятно ли, что накануне борьбы об этом бойце ничего не знают? А между тем он уже стоит, грозный, в полном вооружении, готовый переступить границу по первому зову реакции. И при всем том едва знают его оружие, цвет его знамени и довольствуются его официальными речами и неопределенными разногласными расказами о нем.

Иные говорят только о всемогуществе царя, о правительственном произволе, о рабском духе подданных; другие утверждают, напротив, что петербургский империализм не народен, что народ, раздавленный двойным деспотизмом правительства и помещиков, несет ярмо, но не мирится с ним, что он не уничтожен, а только несчастен, и в то же время говорят, что этот самый народ придает единство и силу колоссальному царству, которое давит его. Иные прибавляют, что русский народ — *презренный сброд* пьяниц и плутов; другие же уверяют, что Россия населена способною и богато одаренною порою людей.

Мне кажется, есть что-то трагическое в старческой рассеянности, с которою старый мир спутывает все сведения об своем противнике.

В этом сбросе противуречащих мнений проглядывает столько бессмысленных повторений, такая печальная поверхностность, такая закоснелость в предрассудках, что мы поневоле обращаемся за сравнением к временам падения Рима.

Тогда, также накануне переворота, накануне победы варваров, провозглашали вечность Рима, бессильное безумие назареев¹⁰⁹ и ничтожность движения, начинавшегося в варварском мире.

Вам принадлежит великая заслуга: вы первый во Франции заговорили о русском народе, вы невзначай коснулись самого сердца, самого источника жизни. Истина сейчас бы обнаружилась вашему взору, если б в минуту гнева вы не отдернула протянутой руки, если б вы не отвернулись от источника, потому что он оказался мутным.

Я с глубоким прискорбием прочел ваши озлобленные слова. Печальный, с тоскою в сердце, я, признаюсь, напрасно искал в них историка, философа и прежде всего любящего человека, которого мы все знаем и любим. Спешу оговориться; я вполне понял причину вашего негодования: в вас заговорила симпатия к несчастной Польше. Мы также глубоко испытываем это чувство к нашим братьям-полякам, и у нас это чувство — не только жалость, а также стыд и угрызение совести. Любовь к Польше! Мы все ее любим, но разве с этим чувством необходимо сопрягать ненависть к другому народу, столь же несчастному, — народу, который принужден был своими связанными руками помогать злодействам свирепого правительства? Будем великодушны, не забудем, что на наших глазах народ, вооруженный всеми трофеями недавней революции, согласился на восстановление варшавского порядка в Риме¹¹⁰; а сегодня... взгляните сами, что происходит вокруг вас... а ведь мы не говорим еще, чтобы французы *перестали быть людьми*.

Пора забыть эту несчастную борьбу между братьями. Между нами нет победителя. Польша и Россия подавлены общим врагом. Жертвы, мученики — и те отворачиваются от прошлого, равно печального для них и для нас. Ссылаюсь, как вы, на вашего друга, на великого поэта Мицкевича¹¹¹.

Не говорите о мнениях польского певца, что «это милосердие, святое заблуждение». Нет, это плоды долгой и добросовестной думы, глубокого понимания судеб славянского мира. Прощение врагов — прекрасный подвиг; но есть подвиг еще более прекрасный, еще больше человеческий: это понимание врагов, потому что понимание — разом прощение, оправдание, примирение!

Славянский мир стремится к единству; это стремление обнаружилось тотчас после наполеоновского периода. Мысль о славян-

ской федерации уже зарождалась в революционных планах Пестеля и Муравьева¹¹². Многие поляки участвовали в тогдашнем русском заговоре.

Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года¹¹³, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы; мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам¹¹⁴. Сочувствие к полякам подвергало нас жестоким наказаниям; поневоле надобно было скрывать его в сердце и молчать.

Очень может быть, что во время войны 1830 года в Польше преобладало чувство исключительной национальности и весьма понятной вражды. Но с тех пор деятельность Мицкевича, исторические и филологические труды многих славян, более глубокое знание европейских народов, купленное тяжелою ценою изгнания, дали мыслям совсем другое направление. Поляки почувствовали, что борьба идет не между русским народом и ими, они поняли, что им впредь можно сражаться не иначе, как ЗА ИХ И НАШУ СВОБОДУ, как было написано на их революционном знамени.

Конарский, измученный и застреленный Николаем в Вильне¹¹⁵, призывал к восстанию русских и поляков, без различия племени. Россия отблагодарила его одною из тех едва известных трагедий, которыми окончивается у нас всякое героическое проявление воли под давлением немецких ботфортов.

Армейский офицер Короваев решился спасти Конарского¹¹⁶. День его дежурства приближался; все было приготовлено для бегства, когда предательство одного из товарищей польского мученика разрушило его планы. Молодого человека арестовали, отправили в Сибирь, и с тех пор об нем не было никогда слухов.

Я провел пять лет в ссылке в отдаленных губерниях империи; много встречал я там ссыльных поляков. Почти в каждом уездном городе живет либо целое семейство, либо один из несчастных воинов независимости. Я охотно сослался бы на их свидетельство; конечно, они не могут пожаловаться на недостаток симпатии со стороны местных жителей. Разумеется, тут речь идет не о полиции и не о высшей военной иерархии. Они нигде не отличаются любовью к свободе, тем паче в России. Я мог бы сослаться также на польских студентов, посылаемых ежегодно в русские университеты для удаления от родных влияний; пусть они расскажут, как принимали их русские товарищи. Они расставались с нами со слезами на глазах.

Вы помните, что в 1847 году в Париже, когда польские эмигранты праздновали годовщину своей революции, на трибуне явился русский, чтобы просить о дружбе и о забвении прошлого. Это был наш несчастный друг Бакунин¹¹⁷... Впрочем, чтоб не ссылаться на соотечественников, выбираю между теми, которых считают нашими врагами, человека, которого вы сами назвали в вашей легенде о Костюшке. Обратитесь за сведениями об этом предмете к одному из старейшин польской демократии, к Бернацкому¹¹⁸, одному из министров революционной Польши; я смело ссылаюсь на него, — долгое горе, конечно, могло бы ожесточить его против всего русского. Я убежден, что он подтвердит все сказанное мною.

Солидарность, связывающая Россию и Польшу между собою и со всем славянским миром, не может быть отвергнута; она очевидна. Еще более: вне России нет будущности для славянского мира; без России он не разовьется, он расплывается и будет поглощен германским элементом; он делается австрийским и теряет свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнению, его судьба, его назначение.

Следуя за постепенным развитием вашей мысли, я должен вам признаться, что мне невозможно согласиться с вашим взглядом, по которому вся Европа представляет одну личность, в которой каждая народность играет роль необходимого органа.

Мне кажется, что все германо-романские народности необходимы в европейском мире, потому что они существуют, но что трудно было бы доказать, что они существуют в нем вследствие какой-нибудь необходимости. Уже Аристотель отличал предсуществующую необходимость от необходимости, вносимой в последствии фактов¹¹⁹. Природа покоряется необходимости совершившихся событий, но колебание между разобранными возможностями очень велико. На том же основании славянский мир может предъявлять свои права на единство, тем более, что он состоит из единого племени.

Централизация противна славянскому духу; федерализация гораздо свойственнее его характеру. Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование. На его прошлое можно смотреть только как на рост, на приготовление, на очищение. Исторические государственные формы, в которых жили славяне, не соответствовали внутренней национальной потребности их, потребности неопределенной, инстинктивной, если хотите, но тем самым заявляющей необыкновенную жизненность и мно-

го обещающей в будущем. Славяне до сих пор во всех фазах своей истории обнаруживали странное полувнимание — даже удивительную симпатию. Так Россия перешла из язычества в христианство без потрясений, без возмущений, единственно из покорности великому князю Владимиру, из подражания Киеву. Старых идолов без сожаления бросили в Волхов и покорились новому богу, как новому идолу.

Восемьсот лет спустя часть России точно так же покорилась выписной из-за границы цивилизации.

Славянский мир похож на женщину, никогда не любившую и по этому самому, по-видимому, не принимающую никакого участия во всем происходящем вокруг нее. Она везде не нужна, всем чужая. Но за будущее отвечать нельзя; она еще молода, и уже странное томление овладело ее сердцем и заставляет его биться скорее.

Что касается до богатства народного духа, то нам достаточно указать на поляков, единственный славянский народ, который бывал разом и силен и свободен.

Славянский мир, в сущности, не так разнороден, как кажется. Под внешним слоем рыцарской, либеральной и католической Польши, императорской, порабощенной, византийской России, под демократическим правлением сербского воеводы, под бюрократическим ярмом, которым Австрия подавляет Иллирию, Далмацию и Банат¹²⁰, под патриархальной властью Османлисов¹²¹ и под благословением черногорского владыки¹²² живет народ, физиологически и этнографически тождественный.

Большая часть этих славянских племен почти никогда не подвергалась порабощению вследствие завоевания. Зависимость, в которой так часто находились они, большею частию выражалась только в признании чужого владычества и во взносе дани. Таков, например, был характер монгольского владычества в России. Таким образом, славяне сквозь длинный ряд столетий сохранили свою национальность, свои нравы, свой язык.

По всему вышесказанному не имеем ли мы право считать Россию зерном кристаллизации, тем центром, к которому тяготеет стремящийся к единству славянский мир, и это тем более, что Россия покуда единственная часть великого племени, сложившаяся в сильное и независимое государство?

Ответ на этот вопрос был бы совершенно ясен, если бы петербургское правительство сколько-нибудь догадывалось бы о своем национальном призвании, если б этот тупой и мертвящий деспотизм мог ужиться с какою-нибудь человеческою мыслью. Но при настоящем положении дел какой добросовестный человек решится

предложить западным славянам соединение с империею, находящеюся постоянно в осадном положении, — империею, где скипетр превратился в заколачивающую насмерть палку?

Императорский панславизм, восхваляемый от времени до времени людьми купленными или заблуждающимися, разумеется, не имеет ничего общего с союзом, основанным на началах свободы.

Здесь логика необходимо приводит нас к вопросу первостепенной важности.

Предположив, что славянский мир может надеяться в будущем на более полное развитие, нельзя не спросить, который из элементов, выразившихся в его зародышном состоянии, дает ему право на такую надежду? Если славяне считают, что их время пришло, то этот элемент должен соответствовать революционной идее в Европе.

Вы указали на этот элемент, вы коснулись его, но он ускользнул от вас, потому что благородное сострадание к Польше отвлекло ваше внимание.

Вы говорите, что «основание жизни русского народа есть коммунизм», вы утверждаете, что «его сила лежит в аграрном законе, в постоянном дележе земли».

Какое страшное *Мане-фекел*¹²³ вылетело из ваших уст!.. Коммунизм в основании! Сила, основанная на разделе земель! И вы не испугались ваших собственных слов?

Не следовало ли тут остановиться, подумать, углубиться в этот вопрос, оставить его не прежде, чем убедившись, мечта это или истина?

Разве в XIX столетии есть какой-нибудь серьезный интерес, лежащий вне вопроса о коммунизме, вне вопроса о разделе земель?

Увлеченный вашим негодованием, вы продолжаете: «У них (у русских) недостает существенного признака человечности — нравственного чутья, чувства добра и зла. Истина и правда не имеют для них смысла; заговорите о них — они молчат, улыбаются и не знают, что значат эти слова». Кто же те русские, с которыми вы говорили? Какие понятия о правде и истине оказались для них недоступными? Этот вопрос не лишний. В наше глубоко революционное время слова *правда* и *истина* утратили свое абсолютное, тождественное для всех значение.

Истина и правда старой Европы в глазах Европы рождающейся — *неправда и ложь*.

Народы — произведения природы; история — прогрессивное продолжение животного развития. Прилагая наш нравственный масштаб к природе, мы далеко не уйдем. Ей дела нет ни до нашей

хулы, ни до нашего одобрения. Для нее не существуют приговоры и Монтионовские премии¹²⁴. Она не подпадает под этические категории, созданные нашим личным произволом. Мне кажется, что народ нельзя назвать ни дурным, ни хорошим. В народе всегда выражается истина. Жизнь народа не может быть ложью. Природа производит лишь то, что осуществимо при данных условиях: она увлекает вперед все существующее своим творческим брожением, своею неутомимой жадной осуществлению, этою жадной, общей всему живущему.

Есть народы, жившие жизнью доисторической; другие — живущие жизнью внеисторической; но, раз вступивши в широкий поток единой и нераздельной истории, они принадлежат *человечеству*, и, с другой стороны, им принадлежит все прошлое человечества. В истории, т.е. в деятельной и прогрессивной части человечества, мало-помалу сглаживается аристократия лицевого угла, цвета кожи и других различий. То, что не очеловечилось, не может вступить в историю; поэтому нет народа, взошедшего в историю, которого можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных.

Нет человека довольно смелого или довольно неблагодарного, чтобы отвергать огромное значение Франции в судьбах европейского мира; но позвольте мне откровенно признаться, что я не могу согласиться с вашим мнением, по которому участие Франции — условие *sine qua non*¹²⁵ дальнейшего хода истории.

Природа никогда не кладет весь свой капитал на одну карту. Рим, вечный город, имевший не меньше прав на всемирную гегемонию, пошатнулся, разрушился, исчез, и безжалостное человечество шагнуло вперед через его могилу.

С другой стороны, трудно было бы, не считая природу за осуществленное безумие, видеть лишь отверженное племя, лишь громадную ложь, лишь случайный сбор существ человеческих только по порокам — в народе, разраставшемся в течение десяти столетий, упорно хранившем свою национальность, сплотившемся в огромное государство, вмешивающемся в историю гораздо более, может быть, чем бы следовало.

И все это тем труднее принять, что занимающий нас народ, даже по словам его врагов, нисколько не находится в застое. Это вовсе не племя, дошедшее до общественных форм, приблизительно соответствующих его желаниям, и уснувшее в них, как китайцы, еще менее народ, переживший себя и угасающий в старческой немощи, как индусы. Напротив того, Россия государство совершенно новое — неконченное здание, где все еще пахнет свежей из-

вестью, где все работает и вырабатывается, где ничто еще не достигло цели, где все изменяется, — часто к худшему, но все-таки изменяется. Одним словом, это народ, по вашему мнению, имеющий основным началом коммунизм, сильный разделом земель...

В чем, наконец, упрекаете вы русский народ? В чем состоит сущность вашего обвинения?

«Русский, — говорите вы, — лжет и крадет; постоянно крадет, постоянно лжет, и это совершенно невинно; это в его природе».

Я не останавливаюсь на чрезмерном обобщении вашего приговора, но обращаюсь к вам с простым вопросом: кого обманывает, кого обкрадывает русский человек? Кого, как не помещика, не чиновника, не управляющего, не полицейского, одним словом, заклятых врагов крестьянина, которых он считает за басурманов, за отступников, за полунемцев? Лишенный всякой возможности защиты, он хитрит с своими мучителями, он их обманывает и в этом совершенно прав. Хитрость, милостивый государь, по словам великого мыслителя*, — ирония грубой власти.

Русский крестьянин, при своем отвращении от личной поземленной собственности, так верно подмеченном вами, при своей беззаботной и ленивой природе, мало-помалу и незаметно запутался в сети немецкой бюрократии и помещичьей власти. Он подвергся этому унижающему злу с страдательною покорностью, но он не поверил ни правам помещика, ни правде судов, ни законности исполнительной власти. Вот уже почти двести лет, как все его существование стало глухою, отрицательною оппозициею против существующего порядка вещей. Он покоряется притеснению, он терпит, но не причастен ничему, что происходит вне сельской общины.

Имя царя еще возбуждает в народе суеверное сочувствие; не перед царем Николаем благоговееет народ, но перед отвлеченной идеею, перед мифом; в народном воображении царь представляется грозным мстителем, осуществлением правды, земным провидением.

После царя одно духовенство могло бы иметь влияние на православную Россию. Оно одно представляет в правительственных сферах старую Русь; духовенство не бреет бороды и тем самым осталось на стороне народа. Народ с доверием слушает монахов. Но монахи и высшее духовенство, исключительно занятые жизнью загробной, нимало не заботятся об народе. Попы же утратили всякое влияние вследствие жадности, пьянства и близких сношений с полицией. И здесь народ уважает идею, но не личности.

* Гегель, в посмертных сочинениях.

Что до раскольников, то они ненавидят и лицо и идею, и попа и царя.

Кроме царя и духовенства, все элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянин находится, в буквальном смысле слова, вне закона. Суд ему не заступник, и все его участие в существующем порядке дел ограничивается двойным налогом, тяготеющим на нем и который он взносит трудом и кровью. Отверженный всеми, он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб, и что задача правительства и помещиков состоит в том, как бы вымучить из него побольше труда, побольше рекрут, побольше денег. Понявши это и одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем. Иначе и быть не может: если б он говорил правду, он тем самым признавал бы над собою их власть; если б он их не обкрадывал (заметьте, что со стороны крестьянина считают покражею утайку части произведений собственного труда), он тем самым признавал бы законность их требований, права помещиков и справедливость судей.

Надобно видеть русского крестьянина перед судом, чтобы вполне понять его положение; надобно видеть его убитое лицо, его пугливый, испытующий взор, чтобы понять, что это военнопленный перед военным советом, путник перед шайкою разбойников. С первого взгляда заметно, что жертва не имеет ни малейшего доверия к этим враждебным, безжалостным, ненасытным грабителям, которые допрашивают, терзают и обируют его. Он знает, что если у него есть деньги, то он будет прав, если нет — виноват.

Русский народ говорит своим старым языком; судьи и подьячие пишут новым бюрократическим языком, уродливым и едва понятным, — они наполняют целые in-folio¹²⁶ грамматическими необразностями и скороговоркой отчитывают крестьянину эту чепуху. Понимай как знаешь и выпутывайся как умеешь. Крестьянин видит, к чему это клонится, и держит себя осторожно. Он не скажет лишнего слова, он скрывает свою тревогу и стоит молча, прикидываясь дураком.

Крестьянин, оправданный судом, плетется домой такой же печальный, как после приговора. В обоих случаях решение кажется ему делом произвола или случайности.

Таким образом, когда его призывают в свидетели, он упорно отзывается неведением, даже против самой неопровержимой очевидности. Приговор суда не марает человека в глазах русского народа. Ссылные, каторжные слывут у него *несчастливыми*.

Жизнь русского народа до сих пор ограничивалась общиной; только в отношении к общине и ее членам признает он за собою права и обязанности. Вне общины все ему кажется основанным на насилии. Роковая сторона его характера состоит в том, что он покоряется этому насилию, а не в том, что он отрицает его по своему и старается оградить себя хитростью. Ложь перед судьей, поставленным незаконною властью, гораздо откровеннее, чем лицемерное уважение к присяжным, подтасованным купленным префектом. Народ уважает только те установления, в которых отразились присущие ему понятия о законе и праве.

Есть факт, несомненный для всякого, кто близко познакомится с русским народом. Крестьяне редко обманывают друг друга; между ними господствует почти неограниченное доверие, они не знают контрактов и письменных условий. Вопросы о размежевании полос по необходимости бывают очень сложны при беспрепятственных разделах земель по числу тягол; между тем дело обходится без жалоб и процессов. Помещики и правительство жадно ищут случая для вмешательства; но этот случай не представляется. Мелкие несогласия повергаются на суд старикам или миру, и их решение беспрекословно принимается всеми. Точно так же в артелях. Артели состояются часто из нескольких сотен работников, соединяющихся на определенное время, например — на год. По прошествии года работники делят между собою заработки по трудам каждого и по общему соглашению. Полиция никогда не имеет удовольствия вмешиваться в их счета. Почти всегда артель отвечает за каждого из артельщиков.

Еще теснее становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники. От времени до времени правительство устраивает дикий набег на какую-нибудь раскольничью деревню. Крестьян сажают в тюрьму, ссылают, все это без всякого плана, без последовательности, без всякого повода и нужды, единственно для того чтобы удовлетворить требованиям духовенства и дать занятие полиции. При этих-то охотах по раскольникам обнаруживается вновь характер русских крестьян — солидарность, связывающая их между собою. Тогда-то надобно видеть, как они успевают обманывать полицию, спасать своих братьев, скрывать священные книги и сосуды, как они претерпевают, не проговариваясь, самые ужасные муки. Пусть укажут мне хоть один случай, в котором бы раскольничья община была выдана крестьянином, хотя бы и православным?

Это свойство русского характера делает полицейские следствия чрезвычайно затруднительными. Нельзя этому не порадоваться

от души. У русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко народная; немногое, что известно ему из евангелия, поддерживает ее; явная несправедливость помещиков привлекает его еще более к его правам и к общинному устройству*¹²⁷.

Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожила до *развития социализма в Европе*.

Это обстоятельство бесконечно важно для России.

Русское самодержавие вступает в новый фазис. Выросшее из антинациональной революции¹²⁸, оно исполнило свое назначение; оно осуществило громадную империю, грозное войско, пра-

* Крестьянская община, принадлежавшая кн. Козловскому, откупилась на волю. Землю разделили между крестьянами сообразно суммам, внесенным каждым из них в складчину для выкупа. Это распоряжение, по-видимому, было самое естественное и справедливое. Однакож крестьяне нашли его столь неудобным и не согласным с их обычаями, что они решились распределить между собою всю сумму выкупа, как бы долг, лежащий на общине, и разделить земли по принятому обыкновению. Этот факт приводится г. Гакстгаузеном. Автор сам посещал упомянутую деревню.

Г-н Тенгоборский говорит в книге, недавно вышедшей в Париже и посвященной императору Николаю, что эта система раздела земель кажется ему неблагоприятною для земледелия (как будто ее цель — успехи земледелия!), но, впрочем, прибавляет: «Трудно устранить эти неудобства, потому что эта система делений связана с устройством наших общин, до которого коснуться было бы опасно: оно построено на ее основной мысли об единстве общины и о праве каждого члена на часть общинного владения, соразмерную его силам, поэтому оно поддерживает общинный дух, этот надежный оплот общественного порядка. Оно в то же время самая лучшая защита против распространения пролетариата и коммунистических идей». (Понятно, что для народа, обладающего на деле владением обща, коммунистические идеи не представляют никакой опасности.) «В высшей степени замечателен здравый смысл, с которым крестьяне устраняют, где это нужно, неудобства своей системы; легкость, с которою они соглашаются между собою в вознаграждении неровностей, лежащих в достоинствах почвы, и доверие, с которым каждый покоряется определениям старшин общины. — Можно было бы подумать, что беспрестанные дележи подают повод к беспрестанным спорам, а между тем вмешательство властей становится нужным лишь в очень редких случаях. Этот факт, весьма странный сам по себе, объясняется только тем, что эта система при всех своих неудобствах так срослась с нравами и понятиями народа, что эти неудобства переносятся безропотно».

«Насколько, — говорит тот же автор, — идея общины природна русскому народу и осуществляется во всех проявлениях его жизни, настолько противен его нравам корпорационный муниципальный дух, воплотившийся в западном мещанстве» (Тенгоборский, «О производительных силах России», Т. I).

вительственную централизацию. Лишенное действительных корней, лишенное преданий, оно обречено на бездействие; правда, оно возложило было на себя новую задачу — внести в Россию западную цивилизацию, и оно до некоторой степени успевало в этом, пока еще играло роль просвещенного правительства.

Эта роль теперь оставлена им.

Правительство, распавшееся с народом во имя цивилизации, не замедлило отречься от образования во имя самодержавия.

Оно отреклось от цивилизации, как скоро сквозь ее стремления стал проглядывать трехцветный призрак либерализма; оно попыталось вернуться к национальности, к народу. Это было невозможно. Народ и правительство не имели ничего общего между собою; первый отвык от последнего, а правительству чудился в глубине масс новый призрак, еще более страшный призрак — *красного* петуха. Конечно, либерализм был менее опасен, чем новая пугачевщина, но страх и отвращение от либеральных идей стали так сильны, что правительство не могло более примириться с цивилизацией.

С тех пор единственной целью царизма остался царизм. Он властвует, чтоб властвовать. Громадные силы употребляются на взаимное уничтожение, на сохранение искусственного покоя. Но самодержавие для самодержавия напоследок становится невозможным; это слишком нелепо, слишком бесплодно. Оно почувствовало это и стало искать занятия в Европе. Деятельность русской дипломатии неутомима; повсюду сыплются ноты, советы, угрозы, обещания, снуют агенты и шпионы. Император считает себя естественным покровителем немецких принцев; он вмешивается во все мелкие интриги мелких германских дворов; он решает все споры; то побранит одного, то наградит другого великой княжной. Но этого недостаточно для его деятельности. Он принимает на себя обязанность первого жандарма вселенной¹²⁹, он опора всех реакций, всех гонений. Он играет роль представителя монархического начала в Европе, позволяет себе аристократические замашки, словно он Бурбон или Плантагенет, словно его царедворцы — Глостеры или Монморанси¹³⁰.

К сожалению, нет ничего общего между феодальным монархизмом с его определенным началом, с его прошлым, с его социальной и религиозной идеею, и наполеоновским деспотизмом петербургского царя, имеющим за себя лишь печальную историческую необходимость, переходящую пользу, не опирающимся ни на каком нравственном начале.

И Зимний дворец, как вершина горы под конец осени, покрывается все более и более снегом и льдом. Жизненные соки, искусственно поднятые до этих правительственных вершин, мало-помалу застывают; остается одна материальная сила и твердость скалы, еще выдерживающей напор революционных волн.

Николай, окруженный генералами, министрами, бюрократами, старается забыть свое одиночество, но становится час от часу мрачнее, печальнее, тревожнее. Он видит, что его не любят; он замечает мертвое молчание, царствующее вокруг него, по явственно доносящему гулу далекой бури, которая как будто к нему приближается. Царь хочет забыться. Он громко провозгласил, что его цель — увеличение императорской власти.

Это признание — не новость; вот уже двадцать лет, как он без устали, без отдыха трудится для этой единственной цели; для нее он не пожалел ни слез, ни крови своих подданных.

Все ему удалось; он раздавил польскую народность. В России он подавил либерализм.

Чего, в самом деле, еще хочется ему? отчего он так мрачен?

Император чувствует, что Польша еще не умерла. На место либерализма, который он гнал с ожесточением совершенно напрасным, потому что этот экзотический цветок не может укорениться на русской почве, встает другой вопрос, грозный, как громовая туча.

Народ начинает роптать под игом помещиков; беспрестанно вспыхивают местные восстания; вы сами приводите тому страшный пример¹³¹.

Партия движения, прогресса требует освобождения крестьян; она готова принести в жертву свои права. Царь колеблется и мешает; он хочет освобождения и препятствует ему.

Он понял, что освобождение крестьян сопряжено с освобождением земли; что освобождение земли, в свою очередь, — начало социальной революции, провозглашение сельского коммунизма. Обойти вопрос об освобождении невозможно — отодвинуть его решение до следующего царствования, конечно, легче, но это малодушно, и, в сущности, это только несколько часов, потерянных на скверной почтовой станции без лошадей...

Из всего этого вы видите, какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политически движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания.

Европа,— я это сказал в другом месте¹³², — не разрешила антиномии между личностью и государством, но она поставила себе задачей это разрешение. Россия также не нашла этого решения. Перед этим вопросом начинается наше равенство.

Европа, на первом шагу к социальной революции, встречается с этим народом, который представляет ей осуществление, полудикое, неустроенное,— но все-таки осуществление постоянного дележа земель между земледельцами. И заметьте, что этот великий пример дает нам не образованная Россия, но сам народ, его жизненный процесс. Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы не больше, как средство, как закваска, как посредники между русским народом и революционной Европой. Человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции работник.

Но если так, не имеет ли русский народ некоторое право на снисхождение с вашей стороны, милостивый государь?

Бедный крестьянин! На него обрушиваются все возможные несправедливости. Император преследует его рекрутскими наборами, помещик крадет у него труд, чиновник — последний рубль. Крестьянин молчит, терпит, но не отчаивается, у него остается община. Вырвут ли из нее член, община сдвигается еще теснее; кажется, эта участь достойна сожаления; а между тем она никого не трогает. Вместо того, чтобы заступаться за крестьянина, его обвиняют.

Вы не оставляете ему даже последнего убежища, где он еще чувствует себя человеком, где он любит и не боится; вы говорите: «Его община — не община, его семейство — не семейство, его жена — не жена: прежде чем ему, она принадлежит помещику; его дети — не его дети; кто знает, кто их отец?»

Так вы подвергаете этот несчастный народ не научному разбору, но презрению других народов, которые с доверием внимают вашим легендам.

Я считаю долгом сказать несколько слов по этому поводу.

Семейный быт у всех славян чрезвычайно сильно развит: это, может быть, единственный консервативный элемент их характера, предел их отрицанья.

Сельская семья неохотно дробится; нередко три, четыре поколения проживают под одним кровом, вокруг патриархально властвующего деда. Женщина, обыкновенно угнетенная, как это бывает везде в земледельческом сословии, пользуется уважением и почетом, когда она вдова старшего в роде.

Нередко вся семья управляется седею бабушкой... Можно ли же сказать, что семья в России не существует?

Перейдем к отношениям помещика к крепостному семейству.

Но для большей ясности отличим норму от злоупотреблений, права от преступлений.

*Jus primaе noctis*¹³³ никогда не существовало в России.

Помещик не может законно требовать нарушения супружеской верности. Если б закон исполнялся в России, изнасилование крепостной женщины наказывалось бы точно так же, как если бы она была вольная, т. е. каторжную работою или ссылкой в Сибирь с лишением всех прав. Таков закон, обратимся к фактам.

Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительством помещикам, им очень легко насиловать дочерей и жен своих крепостных. Притеснениями и наказаниями помещик всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будут предоставлять ему дочерей и жен, точно так же, как тот достойный французский дворянин в «Записках Пёшо»¹³⁴, который в XVIII столетии просил, как об особенной милости, о помешении своей дочери в *Parcs aux cerfs*¹³⁵.

Не удивительно также, что честные отцы и мужья не находят суда на помещика благодаря прекрасному судебному устройству в России; они большею частью находятся в положении того господина Тьерселен, у которого Берье¹³⁶ украл по поручению Людовика XV, одиннадцатилетнюю дочь¹³⁷. Все эти грязные гадости возможны: стоит только вспомнить грубые и развращенные нравы части русского дворянства, чтобы в этом убедиться. Но что касается до крестьян, то они далеко не равнодушно переносят разврат своих господ.

Позвольте мне привести этому доказательство.

Половина из помещиков, убиваемых своими крепостными (по статистическим данным, их число простирается от шестидесяти до семидесяти в год), погибает вследствие своих эротических подвигов. Процессы по таким поводам редки; крестьянин знает, что суды не уважат его жалоб; но у него есть топор; он им владеет мастерски и знает это тоже.

Ограничиваюсь этими намеками о крестьянах и прошу вас выслушать еще несколько слов о России образованной.

Вы смотрите так же не снисходительно на умственное движение России, как и на народный характер; одним почерком пера вы вычеркиваете все труды, совершенные до сих пор нашими скованными руками.

Одно из лиц Шекспира, не зная, чем унижить презренного противника, говорит ему: «Я сомневаюсь даже в твоём существовании!» Вы пошли далее, для вас несомненно, что русская литература не существует.

Привожу ваши собственные слова:

«Мы не станем придавать важности опытам тех немногих умных людей, которые вздумали упражняться в русском языке и обманывать Европу бледным призраком будто бы русской литературы. Если б не мое глубокое уважение к Мицкевичу и к его заблуждениям святого, я бы, право, обвинил его за снисхождение (можно даже сказать за милость), с которою он говорит об этой шутке».

Я напрасно доискиваюсь, милостивый государь, причин этого презрения, с которым вы встречаете первый болезненный крик народа, проснувшегося в тюрьме, этот стон, сдавленный рукою тюремщика.

Отчего не захотели вы прислушаться к потрясающим звукам нашей грустной поэзии, к нашим напевам, в которых слышатся рыдания? Что скрыло от вашего взора наш судорожный смех, эту беспрестанную иронию, под которой скрывается глубоко измученное сердце, которая, в сущности, — лишь роковое признание нашего бессилия?

О как я хотел бы достойным образом перевести вам несколько стихотворений Пушкина и Лермонтова, несколько песен Кольцова¹³⁸! Вы бы тогда нам тотчас протянули дружескую руку, вы бы первый попросили нас забыть сказанное вами!

После крестьянского коммунизма ничего так глубоко не характеризует Россию, ничто не предвещает ей столь великой будущности, как ее литературное движение.

Между крестьянином и литературою подымается чудовище официальной России — «Россия-ложь, Россия-холера», как вы ее назвали.

Эта Россия начинается с императора и идет от жандарма до жандарма, от чиновника до чиновника, до последнего полицейского в самом отдаленном закоулке империи. Каждая ступень этой лестницы приобретает, как в дантовских *bolgi*¹³⁹, новую силу зла, новую степень разврата и жестокости. Это живая пирамида из преступлений, злоупотреблений, подкупов, полицейских, негодяев, немецких бездушных администраторов, вечно голодных; невеж-судей, вечно пьяных; аристократов, вечно подлых: все это связано сообществом грабительства и добычи и опирается на шестьсот тысяч органических машин с штыками.

Крестьянин никогда не марается об этот мир правительственного цинизма; он терпит его существование — в этом его единственная вина.

Стан, враждебный России официальной, состоит из горсти людей, на все готовых, протестующих против нее, борющихся с нею, обличающих, подкапывающих ее. Этих одиноких бойцов от времени до времени запирают в казематы, терзают, ссылают в Сибирь, но их место не долго остается пустым; новые борцы выступают вперед; это наше предание, наш майорат.

Страшные последствия человеческой речи в России по необходимости придают ей особенную силу. С любовью и благоговением прислушиваются к вольному слову, потому что у нас его произносят только те, у которых есть что сказать. Не вдруг решаешься передавать свои мысли печати, когда в конце каждой страницы мерещится жандарм, тройка, кибитка и в перспективе Тобольск или Иркутск.

В последней моей брошюре* я достаточно говорил об русской литературе; ограничусь здесь некоторыми общими замечаниями.

Грусть, скептицизм, ирония — вот три главные струны русской лиры.

Когда Пушкин начинает одно из своих лучших творений этими страшными словами:

Все говорят — нет правды на земле...
Но правды нет — и выше!
Мне это ясно, как простая гамма¹⁴⁰... —

не сжимается ли у вас сердце, не угадываете ли вы, сквозь это видимое спокойствие, разбитое существование человека, уже при-
выкшего к страданию?

Лермонтов, в своем глубоком отвращении к окружавшему его обществу, обращается на тридцатом году к своим современникам со своим страшным

Печально я гляжу на наше поколение:
Его грядущее иль пусто, иль темно¹⁴¹.

Я знаю только одного современного поэта, с такою же мощью затрагивающего мрачные струны души человеческой. Это также поэт, родившийся в рабстве и умерший прежде возрождения отечества. Это певец смерти, Леопарди¹⁴², которому мир казался громадным союзом преступников, безжалостно преследующих горсть праведных безумцев.

* Du développement des idées révolutionnaires en Russie".

Россия имеет только одного живописца, приобретшего общую известность,— Брюллова. Что же изображает его лучшее произведение, доставившее ему славу в Италии?¹⁴³

Взгляните на это странное произведение. На огромном полотне теснятся в беспорядке испуганные группы; они напрасно ищут спасения. Они погибнут от землетрясения, вулканического извержения, среди целой бури катаклизмов. Их уничтожает дикая, бессмысленная, беспощадная сила, против которой всякое сопротивление невозможно. Это вдохновения, навеянные петербургскою атмосферою.

Русский роман обращается исключительно в области патологической анатомии; в нем постоянное указание на грызущее нас зло, постоянное, безжалостное, самобытное. Здесь не услышите голоса с неба, возвещающего Фаусту прощение юной грешнице¹⁴⁴,— здесь возвышают голос только сомнение и проклятие. А между тем, если для России есть спасение, она будет спасена именно этим глубоким сознанием нашего положения, правдивостию, с которою она обнаруживает это положение перед всеми.

Тот, кто смело признается в своих недостатках, чувствует, что в нем есть нечто сохранившееся среди отступлений и падений; он знает, что может искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сделаться из «Сарданапала-гуляки — Сарданапалом-героем»¹⁴⁵.

Русский народ не читает. Вы знаете, что также Вольтера и Данте читали не поселяне, а дворяне и часть среднего сословия. В России образованная часть среднего сословия примыкает к дворянству, которое состоит из всего того, что перестало быть народом. Существует даже дворянский пролетариат, сливающийся с народом, и пролетариат вольноотпущенный, поднимающийся к дворянству. Эта флуктуация¹⁴⁶, это беспрестанное обновление придает русскому дворянству характер, которого вы не найдете в привилегированных классах отсталой Европы. Одним словом, вся история России со времен Петра I есть только история дворянства и влияний просвещения на него. Прибавлю, что русское дворянство числом равняется избирателям во Франции по закону 31 мая¹⁴⁷.

В продолжение XVIII века новорусская литература вырабатывала тот звучный, богатый язык, которым мы обладаем теперь,— язык гибкий и могучий, способный выражать и самые отвлеченные идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французского остроумия. Эта литература, возникшая по гениальному мановению Петра I, имела, это правда, характер правитель-

ственный, но тогда знамя правительства был прогресс, почти революция.

До 1789 года императорский трон самодовольно драпировался в величественные складки просвещения и философии. Екатерина II заслуживала, чтобы ее обманывали картонными деревьями и дворцами из раскрашенных досок¹⁴⁸... Никто, как она, не умел ослеплять зрителей величественной обстановкой. В Эрмитаже только и слышно было, что о Вольтере, о Монтескье, о Беккарии. Вам известен, милостивый государь, оборот медали.

Однакож среди триумфального хора придворных песнопений уже звучала одна странная, неожиданная нота. Это был звук той скептической, грозно насмешливой струны, перед которым должны были скоро умолкнуть все прочие, искусственные напевы.

Настоящий характер русской мысли, поэтической и спекулятивной, развивается в полной силе по восшествии на престол Николая. Отличительная черта этого направления — трагическое освобождение совести, безжалостное отрицание, горькая ирония, мучительное углубление в самого себя. Иногда все это разражается безумным смехом, но в этом смехе нет ничего веселого.

Брошенный в гнетущую среду, вооруженный ясным взглядом и неподкупной логикой, русский быстро освобождается от веры и от нравов своих отцов.

Мыслящий русский — самый независимый человек в свете. Что может его остановить? Уважение к прошлому?.. Но что служит исходной точкой новой истории России, если не отрицание народности и предания?

Или, может быть, предание петербургского периода? Это предание не обязывает нас ни к чему; этот «пятый акт кровавой драмы, происходящий в публичном доме»*, напротив, развязывает нас окончательно.

С другой стороны, прошлое западных народов служит нам научением, и только; мы нисколько не считаем себя душеприказчиками их исторических завещаний.

Мы разделяем ваши сомнения, но ваша вера не согревает нас. Мы разделяем вашу ненависть, но не понимаем вашей привязанности к завещанному предками; мы слишком угнетены, слишком несчастны, чтобы довольствоваться полусвободой. Вас связывают скрупулы¹⁴⁹, вас удерживают задние мысли. У нас нет ни задних мыслей, ни скрупулов; у нас только недостает силы...

* По прекрасному выражению одного из сотрудников журнала "Il Progresso" в номере от 1 августа, в статье о России.

Вот откуда в нас эта ирония, эта тоска, которая нас точит, поводит нас до бешенства, толкает нас вперед, пока добьемся мы Сибири, истязания, ссылки, преждевременной смерти. Мы жертвуем собою без всякой надежды; от желчи; от скуки... В нашей жизни в самом деле есть что-то безумное — но нет ничего пошлого, ничего косного, ничего мещанского.

Не обвиняйте нас в безнравственности, потому что мы не уважаем того, что вы уважаете. Можно ли упрекать найденыша за то, что он не уважает своих родителей? Мы независимы, потому что начинаем жизнь сызнова. У нас нет ничего законного, кроме нашего организма, нашей народности; это наша сущность, наша плоть и кровь, но отнюдь не связывающий авторитет. Мы независимы, потому что ничего не имеем. Нам почти нечего любить. Все наши воспоминания исполнены горечи и злобы. Образование, науку подали нам на конце кнута.

Какое же нам дело до ваших заветных обязанностей, нам, младшим братьям, лишенным наследства? И можем ли мы по совести довольствоваться вашею изношенной нравственностью, не христианскою и не человеческою, существующею только в риторических упражнениях и в прокурорских докладах! Какое уважение может внушать нам ваша римско-варварская законность, это глухое, неуклюжее здание без света и воздуха, подновленное в средние века, подбеленное вольноотпущенным мещанством? Согласен, что дневной разбой в русских судах еще хуже, но из этого не следует, что у вас есть справедливость в законах и судах.

Различие между вашими законами и нашими указами заключается только в заглавной формуле. Указы начинаются подавляющей истиною: «Царь соизволил повелеть»; ваши законы начинаются возмутительною ложью — ироническим злоупотреблением имени французского народа и словами «свобода, братство и равенство». Николаевский свод рассчитан против подданных и в пользу самодержавия. Наполеоновский свод имеет решительно тот же характер. На нас лежит слишком много цепей, чтобы мы добровольно надели на себя еще новых. В этом отношении мы стоим совершенно наряду с нашими крестьянами. Мы покоряемся грубой силе. Мы рабы, потому что не имеем возможности освободиться; но мы не принимаем ничего от наших врагов.

Россия никогда не будет протестантскою.

Россия никогда не будет *juste-milieu*¹⁵⁰.

Россия никогда не сделает революции с целью отделаться от царя Николая и заменить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими.

Мы, может быть, требуем слишком много и ничего не достигнем. Может быть, так, но мы все-таки не отчаиваемся; прежде 1848 года России не должно, невозможно было вступать в революционное поприще, ей следовало доучиться, и теперь она доучилась. Сам царь это замечает и свирепствует против университетов, против идей, против науки¹⁵¹; он старается отрезать Россию от Европы, убить просвещение. Он делает свое дело.

Успеет ли он в нем?

Я уже сказал это прежде. Не следует слепо верить в будущее; каждый зародыш имеет право на развитие, но не каждый развивается. Будущее России зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы. Кто может предсказать судьбу славянского мира в случае, если реакция и абсолютизм окончательно победят революцию в Европе?

Быть может, он погибнет?

Но в таком случае погибнет и Европа...

И история перенесется в Америку...

Написавши предыдущее, я получил последние два фельетона вашей легенды. Прочитавши их, первым моим движением было бросить в огонь написанное мною. Ваше теплое благородное сердце не дождалось, чтобы кто-нибудь другой поднял голос в пользу непризнанного русского народа. Ваша любящая душа взяла верх над принятой вами ролью *неумолимого* судьи, мстителя за измученный польский народ. Вы впали противоречие, но такие противоречия благородны.

Перечитывая мое письмо, я однако подумал, что вы можете найти в нем новые взгляды на Россию и на славянский мир; и я решился послать его вам. Я вполне надеюсь, что вы простите те места, где я увлекся своею скифскою горячностью. Кровь варваров недаром течет в моих жилах. Мне так хотелось изменить ваше мнение о русском народе; мне было так грустно, так тяжело видеть, что вы против нас, что не мог скрыть своей горести, своего волнения — и дал волю перу. Но теперь я вижу, что вы в нас не отчаиваетесь, что под грубым армяком русского крестьянина вы узнали человека, я это вижу и, в свою очередь, признаю вам, что вполне понимаю то впечатление, которое должно производить одно имя России на всякого свободного человека. Мы часто сами проклинаем наше несчастное отечество. Вы это знаете, вы сами говорите, что все, что вы сказали о нравственном ничтожестве России, — слабо в сравнении с тем, что говорят сами русские.

Но и для нас проходит время надгробных речей по России, и мы говорим с вами: «В этой мысли таится искра жизни». Вы угадали

ее, эту искру, силою вашей любви; но мы, мы ее видим, мы ее чувствуем. Эту искру не потушат ни потоки крови, ни сибирские льды, ни духота рудников и тюрем. Пусть разгорается она под золою! Холодное, мертвящее дуновение, которым веет от Европы, может ее погасить.

Для нас час действия еще не настал; Франция еще по справедливости гордится своим передовым положением. Ей до 1852 года принадлежит трудное право. Европа, без сомнения, прежде нас достигнет гроба или новой жизни. День действия, может быть, еще далеко для нас; день сознания, мысли, слова уже пришел. Довольно жили мы во сне и молчании; пора нам рассказывать, что нам снилось, до чего мы додумались.

И в самом деле, кто виноват в том, что надобно было дожидаться до 1847 года, чтобы «немец (Гакстаузен) открыл, как вы выражаетесь, народную Россию, столь же неизвестную до него как Америка до Колумба»?

Виноваты, конечно, мы — мы, бедные, немые, с нашим, малодушным, с нашею боязливою речью, с нашим запуганным воображением. Мы даже за границу боимся признаваться в ненависти, с которою мы смотрим на наши оковы. Каторжники от рождения, обреченные влачить до смерти ядро, прикованное к нашим ногам, мы обижаемся, когда об нас говорят как о добровольных рабах, как о мерзлых неграх, а между тем мы не протестуем открыто.

Следует ли смиренно покориться этим нареканиям, или решиться остановить их, возвысив голос для свободной русской речи? Лучше погибнуть подозреваемыми в человеческом достоинстве, чем жить с позорным знаком рабства на лбу, чем слушать, как нас обвиняют в добровольном порабощении.

К несчастью, в России свободная речь удивляет, пугает. Я попытался приподнять только край тяжелой завесы, скрывающей нас от Европы, я указал только на теоретические стремления, на отдаленные надежды, на органические элементы будущего развития; а между тем моя книга, о которой вы выразились так лестно, произвела в России неблагоприятное впечатление. Дружеские голоса, уважаемые мною, порицают ее¹⁵². В ней видят обвинение на Россию! Обвинение! в чем же? В наших страданиях, в наших бедствиях, в нашем желании вырваться из этого ненавистного состояния... Бедные, дорогие друзья, простите мне это преступление; я снова выпадаю в него.

Тяжко, ужасно ярмо долгого рабства, без борьбы, без близкой надежды! Оно напоследок подавляет самое благородное, самое

сильное сердце. Где герой, которого наконец не сломила бы усталость, который не предпочел бы на старости лет покой вечной тревоге бесплодных усилий?

Нет, я не умолкну! Мое слово отомстит за эти несчастные существования, разбитые русским самовластьем, доводящим людей до нравственного уничтожения, до духовной смерти.

Мы обязаны говорить; без этого никто не узнает, сколько прекрасного и высокого эти страдальцы навсегда замыкают в груди своей, и оно гибнет с ними в снегах Сибири, где даже на их могиле не начертится их *преступное* имя, которое их друзья будут хранить в сердце своем, не смея произносить его.

Едва мы открыли рот, едва пролепетали два-три слова о наших желаниях, о наших надеждах, и уже хотят его зажать, хотят заглушить в колыбели наше свободное слово! Это невозможно.

Для мысли настает время зрелости, в которое ее не могут более сковать ни цензурные меры, ни осторожность. Тут пропаганда делается страстью; можно ли довольствоваться шептанием на ухо, когда сон так глубок, что едва ли рассеешь набатом?

От восстания стрельцов до заговора 14 декабря в России не было серьезного политического движения. Причина тому понятна: в народе не было ясно определившихся стремлений к независимости. Во многом он соглашался с правительством, во многом правительство опережало народ. Одни крестьяне, не причастные к выгодам императорским, более чем когда-нибудь угнетенные, попытались восстать. Россия, от Урала до Пензы и Казани, на три месяца подпала власти Пугачева. Императорское войско было отражено, разбито казаками, и генерал Бибииков, посланный из Петербурга, чтобы принять команду войска, писал, если я не ошибаюсь, из Нижнего: «Дела идут очень плохо; более всего надобно бояться не вооруженных полчищ бунтовщиков, а духа народного, который опасен, очень опасен»¹⁵³.

После неслыханных усилий восстание наконец было подавлено. Народ впал в оцепенение, умолк и покорился...

Между тем дворянство развивалось, образование начинало оплодотворять умы, и, как живое доказательство этой политической зрелости нравственного развития, необходимо выражающейся в деятельности, явились эти дивные личности, эти герои, как вы справедливо называете их, которые «одни, в самой пасти дракона отважились на смелый удар 14 декабря».

Их поражение, террор нынешнего царствования подавили всякую мысль об успехе, всякую преждевременную попытку. Возникли другие вопросы; никто не хотел более рисковать жизнью в надежде

на конституцию; было слишком ясно, что хартия, завоеванная в Петербурге, разбилась бы о вероломство царя: участь польской конституции была перед глазами¹⁵⁴.

В продолжение десяти лет умственная деятельность не могла обнаружиться ни одним словом, и томительная тоска дошла до того, что «отдавали жизнь за счастье быть свободным одно мгновенье» и высказать вслух хоть часть своей мысли.

Иные отказались от своих богатств с тою ветреною беззаботностью, которая встречается лишь у нас да у поляков, и отправились на чужбину искать себе рассеяния; другие не способные переносить духоту петербургского воздуха закопали себя в деревнях. Молодежь вдалась кто в панславизм, кто в немецкую философию, кто в историю или в политическую экономию; одним словом, никто из тех русских, которые были призваны к умственной деятельности, не мог, не захотел покориться застою.

История Петрашевского, приговоренного к вечной каторге, и его друзей¹⁵⁵, сосланных в 1849 году за то, что они в двух шагах от Зимнего дворца образовали несколько политических обществ, не доказывает ли достаточно, по безумной неосторожности, по очевидной невозможности успеха, что время размышлений прошло, что волнения в душе не сдержишь, что верная гибель стала казаться легче, чем немая страдательная покорность петербургскому порядку?

Очень распространенная в России сказка гласит, что царь, подозревая жену в неверности, запер ее с сыном в бочку, потом велел засмолить бочку и бросить в море.

Много лет плавала бочка по морю.

Между тем царевич рос не по дням, а по часам и уже стал упираться ногами и головой в донья бочки. С каждым днем становилось ему теснее да теснее. Однажды сказал он матери:

Государыня-матушка, позволь протянуться вволюшку.

Светик мой царевич, — отвечала мать, — не протягивайся. Бочка лопнет, и ты утонешь в соленой воде.

Царевич смолк и, подумавши, сказал:

— Протянусь, матушка; лучше раз протянуться вволюшку да умереть.

В этой сказке, милостивый государь, вся наша история.

Горе России, если в ней переведутся смелые люди, рискующие всем, чтобы хоть раз протянуться вволюшку.

Но этого бояться нечего...

Невольно приходит мне при этих словах на мысль М. Бакунин¹⁵⁶. Бакунин дал Европе образчик вольного русского человека.

Я был глубоко тронут прекрасными словами, с которыми вы обращаетесь к нему. К несчастью, эти слова до него не дойдут.

Международное преступление совершилось, Саксония выдала свою жертву Австрии, Австрия — Николаю. Он в Шлиссельбурге¹⁵⁷, в этой крепости зловещей памяти, где некогда держался взаперти, как дикий зверь, Иван Антонович, внук царя Алексея, убитый Екатериною II, этою женщиною, которая, еще покрытая кровью мужа, приказала сперва заколоть узника, а потом казнить несчастного офицера, исполнившего это приказание¹⁵⁸.

В сыром каземате, у ледяных вод Ладожского озера, нет места ни для мечтаний, ни для надежды!

Пусть же он спокойно заснет последним сном, мученик, преданный двумя правительствами, у которых на пальцах осталась его кровь...

Слава имени его и мщение!.. Но где же мститель?.. И мы также погибнем на полпути, как он; но тогда вашим строгим и величавым голосом скажите еще раз нашим детям, что за ними остается долг...

Останавливаюсь на воспоминании об Бакунине и жму вам крепко руку, и за него и за себя.

Ницца, 22 сентября 1851

СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ¹⁵⁹

Письма к В. Линтону¹⁶⁰

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Любезный Линтон!

«Какова, по вашему мнению, будущность России?»

Всякий раз, когда мне приходится отвечать на *подобный вопрос*, я в свою очередь отвечаю на него *вопросом*. А именно: Способна ли Европа к социальному возрождению или нет? Вопрос этот очень важен. Ибо если русскому *народу* предстоит только одна будущность, то Российской империи предстоят, возможно, две будущности. Это зависит от Европы. Какая из них осуществится?

Мне кажется, что роль *теперешней* Европы кончена; после 1848 года она разлагается с невероятной быстротой.

Слова эти пугают, и их оспаривают, не отдавая себе в том отчета. Разумеется, не *народы* погибнут, — погибнут *государства*, погибнут учреждения, римские, христианские, феодальные и умерен-

но-парламентарные, монархические или республиканские — все равно.

Европа должна преобразоваться, распасться, чтоб войти в новые сочетания. Подобным образом римский мир преобразовался в христианскую Европу. Он перестал быть самим собой; в состав нового мира он вошел только как один из его элементов, наиболее деятельных.

До сих пор европейский мир лишь частично видоизменялся; основы современного государства оставались неизменными. Частично улучшая, продолжали строить на том же фундаменте. Такова была реформа Лютера¹⁶¹, такова была революция 1789 года¹⁶². Иной будет социальная революция.

Мы исчерпали возможность всяческих подправок; ветхие формы готовы взорваться от каждого движения. *Наша* революционная мысль несовместна с существующим порядком вещей.

Государство, основанное на римской идее поглощения личности обществом, на освящении собственности, случайной и исключительной, на религии, провозглашающей самый крайний дуализм (даже в революционной формуле «бог и народ»¹⁶³), — такое государство не может оставить будущему ничего, кроме своего трупа, своих химических элементов, освобожденных смертью.

Социализм — это отрицание всего того, что политическая республика сохранила от старого общества. Социализм — это религия человека, религия земная, безнебесная, общество без правительства, свершение христианства и осуществление революции.

Христианство превратило раба в сына человеческого; революция превратила отпущенника в гражданина; социализм хочет из него сделать *человека* (ибо город должен зависеть от человека, а не человек от города). Христианство указывает сынам человеческим на сына божия как на идеал; социализм идет дальше, он объявляет сына *совершеннолетним*... И человек хочет быть более чем сыном божием — он хочет быть *самим собою*.

Все отношения общества к личностям и отдельных личностей между собой должны быть совершенно изменены. И тут встает вопрос: хватит ли у германо-романских народов сил, чтобы подвергнуться этому метампсихозу¹⁶⁴, и в состоянии ли они подвергнуться ему теперь?

Идея социальной революции — идея европейская. Из этого не следует, что именно западные народы более способны ее осуществить.

Христианство было только *распято* в Иерусалиме.

Социальная идея может быть завещанием, последней волей, пределом западного мира. Она может быть и торжественным вступлением в новое существование, приобретением тоги совершеннолетия¹⁶⁵.

Европа слишком богата, чтобы все поставить на карту; Европе есть что хранить; верхи европейского общества слишком цивилизованны, низы — слишком далеки от цивилизации, чтобы она могла очертя голову броситься в столь глубокий переворот.

Республиканцы и монархисты, деисты¹⁶⁶ и иезуиты, буржуа и крестьяне... в Европе все это — консерваторы; только работники — революционеры.

Работник может спасти старый мир от большого позора и больших бедствий. Но спасенный им старый мир не переживет и одного дня, потому что тогда водворится *воинствующий* социализм и вопрос будет решен положительно.

Но и работник может быть побежден, как это было в Июньские дни¹⁶⁷. Расправа будет еще свирепее, еще страшнее. Тогда гибель старого мира придет иным путем и социальная идея может осуществиться в других странах.

Взгляните, например, на эти две огромные равнины, которые соприкасаются затылками, обогнув Европу. Зачем они так пространны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности, к расширению? Эти два мира, столь противоположные и все же в чем-то схожие, — это Соединенные Штаты и Россия. Никто не сомневается, что Америка — продолжение европейского развития и *не более* как его продолжение. Лишенная всякой инициативы, всякой изобретательности, Америка готова принять у себя Европу, осуществить социальные идеи, но она не станет низвергать древнее здание... не покинет свои плодородные поля.

Можно ли сказать то же о славянском мире? Что представляет собой славянский мир? Чего хочет этот *немой* мир, который прошел сквозь века, от переселения народов до наших дней, сохраняя вечное а *parte*¹⁶⁸, сомкнув уста?

Станный мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии.

Европа предпринимает крестовые походы, славяне остаются на месте.

Европа создает феодализм, большие города, законодательство, основанное на римском праве, на германских обычаях; цивилизованная Европа становится протестантской, либеральной, парламентарной, революционной. У славян нет ни больших городов, ни аристократии; им незнакомо римское право, они не знают раз-

личия между крестьянами и горожанами; они предпочитают сельскую жизнь и сохраняют свои установления, общинные, демократические, коммунистические и патриархальные.

Час этих народов словно еще не пробил, они все в ожидании чего-то, их теперешнее *statu quo*¹⁶⁹ является только временным.

Много раз славяне начинали складываться в сильные государства; их попытки имеют успех, развиваются (как, например, Сербия при Душане¹⁷⁰)... и потом терпят неудачу, без всякой видимой причины.

Населяя пространства от берегов Волги и Эльбы до Адриатического моря и Архипелага¹⁷¹, славяне не сумели даже объединиться для защиты своих границ. Часть их уступает натиску немцев, другая — турок, третья была поработана дикими ордами, ринувшимися на Паннонию¹⁷². Значительная часть России долгое время томилась под монгольским игом.

Одна лишь Польша была независима и сильна... но это потому, что она была менее славянской, чем другие; она была *католическою*. А католицизм противоположен славянскому духу. Славяне, как вам известно, первые начали великую борьбу с папством и впоследствии придали этой борьбе характер глубоко социальный (табориты¹⁷³). Усмиренная и возвращенная католицизму, Богемия¹⁷⁴ перестала существовать...

Итак, Польша сохранила независимость, нарушив национальное единство и сблизившись с западными государствами.

Другие славяне, оставшиеся независимыми, были далеки от того, чтобы образовать организованные государства; в их общественной жизни было нечто колеблющееся, неопределенное, нерегламентированное, *анархическое* (как выразились бы здешние друзья порядка). Нет ничего более сообразного со славянским характером, чем положение Украины или Малороссии со времен Киевского периода до Петра I. Это была казачья и земледельческая республика с военным устройством, на основах демократических и коммунистических. Республика без централизации, без сильного правительства, управляемая обычаями, не подчинявшаяся ни московскому царю, ни королю польскому. В этой первобытной республике не было и следа аристократии; всякий совершеннолетний человек был деятельным гражданином; все должности, от десятника до гетмана, были выборными. Заметьте, республика эта просуществовала с XIII века до XVIII, беспрестанно обороняясь от великороссов, поляков, литовцев, турок и крымских татар. На Украине, как у черногорцев и даже у сербов, иллирийцев и далма-

тов, славянский дух обнаружил отчасти свои стремления, но не создал политической формы.

Однако надо было подвергнуться *муштре сильного государства*, надо было объединиться, централизоваться, покинуть беспечную казачью жизнь, пробудиться от вечного сна общинной жизни.

Около XIV столетия в России образуется средоточие, к которому тяготеют, вокруг которого кристаллизуются разнородные части государства, это средоточие — Москва. Став центральным городом России, она становится столицей *православного* славянства.

Именно в Москве сложилось византийское и восточное самовластие царей, Москва уничтожила остатки народных вольностей. Все было принесено в жертву идее *государства*; ради нее все было обезличено, все подавлено. Свергнув монгольское иго, продолжая вести кровавые войны с ливонцами¹⁷⁵, видя вооружающуюся Польшу, народ как будто чувствовал, что для спасения своей национальной независимости и своей будущности он вынужден отречься от всех человеческих прав.

Новгород, великий и вольный город, был живым укором городу-высочке, городу царей; Москва с кровожадной жестокостью и без малейших угрызений совести раздавила соперника¹⁷⁶.

Когда вся Россия была у ее ног, Москва очутилась лицом к лицу с Варшавой.

Борьба двух этих соперниц была продолжительной и завершилась лишь в другую эпоху. На короткое время Польша взяла верх. Москва уступила, Владислав, сын польского короля Сигизмунда, был провозглашен царем всея Руси¹⁷⁷. Дом Рюрика и Владимира Мономаха¹⁷⁸ угас, правительства не было, польские военачальники и казаки гетманы правили в Москве.

Тогда весь народ поднялся по зову нижегородского мясника Минина¹⁷⁹, и Польша принуждена была покинуть Москву и русскую землю.

Москва, завершив свое дело — *спайку* отдельных частей государства, останавливается. Она не знает, куда употребить ею вызванные и оставшиеся в бездействии силы. Выход нашелся скоро. Там, где много сил, всегда найдется выход.

Петр I сделал из *русского государства государство европейское*.

Легкость, с которою часть нации применилась к европейским нравам и отреклась от своих обычаев, — наглядное доказательство того, что московское государство никогда не являлось подлинным выражением народной жизни, но было лишь переходной формой. Там, где затрагивались начала действительно национальные, — народ упорно их отстаивал. Крестьянство не приняло ничего из

реформ Петра I. А крестьянство было истинным хранителем народной жизни, основанной (по выражению знаменитого историка Мишле¹⁸⁰) на *коммунизме*, т.е. на постоянном разделе земли по числу работающих и на отсутствии личного владения землей.

Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до *чудовищной* крайности начала монархизма и европейской бюрократии. Последнее слово консервативной Европы произнесено Петербургом; недаром все реакционеры обращают свои взоры к этому Риму самодержавия.

Петербургский деспотизм располагал огромными силами — об этом можно судить по гигантским размерам возникшего государства. Избыток сил был так велик, что даже в смутное время и в период гнусного управления — период между Петром I и Екатериной II, Россия материально разрасталась с невероятной быстротой.

Поглотив, покорив все, что встречалось на ее пути — остзейские провинции и Крым, Бессарабию и Финляндию, Армению и Грузию, разделив Польшу, завладев одной турецкой областью за другой, Российская империя встретила наконец грозного соперника — французскую революцию, низвергнутую, потерпевшую неудачу, выродившуюся в деспотизм, очень похожий на петербургский. Россия померилась силами с Наполеоном и победила его.

В тот час, когда Европа в Париже, в Вене, в Аахене и в Вероне¹⁸¹ признала *volens volens*¹⁸² гегемонию российского императора, — в тот час дело Петра было завершено, и императорская власть оказалась в том же положении, в каком находились московские цари до Петра I.

Император Александр это почувствовал.

Императорская власть несомненно может еще некоторое время продержаться, внушая почтение всеми средствами, вторыми располагает самодержавие; но она не может ничего создать, ничего внести во внутреннюю жизнь страны, ибо тогда ей пришлось бы встретиться с тем духом времени, который она не хочет вызвать. Такой власти ничего не остается, как вести *внешнюю войну*.

Николай однако же постоянно воздерживался от войны.

Как же это случилось, что после двадцати пяти лет тусклого царствования им вдруг овладевает безрассудная отвага и он бросает свою русскую *рукавицу* в лицо Франции и Китая, Англии и Японии, Швеции и Соединенных Штатов... не говоря уже о Турции.

Говорят, что он сошел с ума?

Я же начинаю думать, что он исполнился благоразумия.

Чтобы начать войну, ему надо было быть совершенно уверенным в малодушии всех европейских государств, ему надо было питать к ним беспредельное презрение... И что же — он его питает. Николай до 1848 года дулся на западные державы, но он их не презирал. Николай трепетал, узнав о революциях 1848 года, и успокоился только по получении известия о кровавой диктатуре Каваньяка. Но после поддержки, оказанной им Австрией вмешательством в венгерские дела, которое Англия стерпела, как стерпела вступление французов в Рим¹⁸³, — после этого он лучше понял позицию своих *друзей-противников*. Медленно, постепенно он измерил бездонную глубину их бесчестия, их робости, их *невежества*; и вот — начал *войну*. Хотите биться об заклад, что он выйдет из нее победителем, если не вмешается неожиданно третья сила — их общий враг революция!

«В таком случае — не надо войны! Объявим себя заранее побежденными, пожертвуем Турцией, уступим Константинополь, — только бы не порвать с царем».

Так рассуждают дипломаты, банкиры и прочие люди, думающие, что консерватизм состоит в том, чтобы не выпускать из рук пятифранковую монету и закрывать глаза на опасности, которыми чреват завтрашний день...

Хорошо, уступайте, но воюйте, но знайте, что тогда вместо революции или Николая...

Вы получите и Николая, и революцию¹⁸⁴.

Вот мысль, дорогой Линтон, которую я разовью во втором письме.

Лондон, 2 января 1854

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Любезный Линтон!

Формула европейской жизни гораздо сложнее формулы жизни древнего мира.

Когда греческая культура вышла из тесных границ городов-республик, ее политические формы сразу истощились и иссякли с чрезвычайной быстротой. Греция обратилась в римскую провинцию.

Когда Рим исчерпал запасы своей организующей силы и перерос свои политические учреждения, у него не нашлось больше возможностей для возрождения, и он распался, вступив с разными сочетаниями с варварскими народами.

Дрогшие государства не были долголетними; они существовали не более одного сезона.

В XV столетии Европа пережила такой катаклизм, который для древних государств был бы предвестником неминуемой смерти. Совесть и разум восстали против основ общественного здания. Католицизм и феодализм подверглись нападению Глухая борьба длилась более двух столетий... Она подрывала церковь и замок.

Европа была так близка к смерти, что уже у границ ее стали показываться варвары, эти вороны, чующие издалека агонию народов.

Византией они завладели, казалось, они готовились уже ринуться на Вену; но полумесяцу пришлось остановиться на берегах Адриатического моря.

На севере зашевелился другой варварский народ, он сплывался, готовился, — народ в бараньих шкурах и с «глазами ящерицы». Степи Волги и Урала во все времена служили кочевьем переселяющимся народам; это были залы ожидания и собраний, officina gentium¹⁸⁵, где судьба готовила в тиши дикие орды, чтобы бросить их на народы, обреченные смерти, чтобы прикончить цивилизации, впавшие в маразм.

И все же луна ислама выше не поднялась и удовольствовалась тем, что озаряет развалины Акрополиса и воды Геллеспонта¹⁸⁶. А волжские варвары, вместо попытки вторгнуться в Европу, обратились в конце концов в лице одного из своих царей¹⁸⁷ к соседям за цивилизацией и государственным устройством.

Первая грозная туча пронеслась над головой.

Что же случилось?

Вечное переселение народов на запад, задерживавшееся Атлантическим океаном, продолжалось, человечество нашло проводника — Христофор Колумб¹⁸⁸ показал дорогу.

Америка спасла Европу.

И Европа вступила в новую фазу существования, незнакомую древним государствам, фазу внутреннего разложения по эту сторону и фазу развития по ту сторону океана.

Реформация и революция не перешагнули ни за стены церкви, ни за пределы монархических государств; очевидно, они не могли сокрушить древнее здание. Готический собор осел, трон пошатнулся, но развалины их сохранились. И ни реформация, ни революция не могли больше ничего с ними поделать.

Называется ли человек кальвинистом, евангелистом, лютеранином, протестантом, квакером¹⁸⁹ — церковь все же существует, другими словами — свобода совести не существует, или же это акт индивидуального возмущения. Будет ли правление парламентским,

конституционным, с двумя палатами или с одной, при ограниченном избирательном праве или при всеобщем голосовании... трон шатается, но все же существует, и хотя короли то и дело летят кувыркком, на их место находятся другие. За неимением короля в республике, — если дело происходит во Франции, — его заменяют соломенным королем, которого сажают на трон и для которого сохраняются дворцы и парки, Тюльери и Сен-Клу¹⁹⁰.

Светское и рационалистическое христианство борется с церковью, не понимая того, что оно первое будет раздавлено церковными сводами; монархический республиканизм борется с тронном, чтобы усестся на него по-царски. Дыхание революции веет не здесь; поток переменяет направление, предоставив старым *Монтески* и *Капулетти*¹⁹¹ продолжать на втором плане их наследственную вражду. Знамя борьбы поднимается уже не против священника и не против короля, не против дворянина, а против их единственного наследника — против хозяина, против патентованного владельца орудий труда. Революционер теперь уже не гугенот, не протестант, не либерал; имя ему — *работник*.

И вот Европа, пережившая вторую, даже третью молодость, останавливается у нового порога, не смея его перешагнуть. Она трепещет перед словом «социализм», написанным на двери. Ей сказали, что дверь эту отворит Катилина, и это правда. Дверь может остаться закрытой, но открыть ее дано только Катилине... Катилине, у которого столько друзей, что невозможно их всех передуть в темнице. Цицерон, этот добросовестный и *учтивый* убийца, был счастливее своего соперника Каваньяка¹⁹².

Эту черту перейти труднее, чем другие. Все реформы наполовину сохраняют старый мир, набросив на него новый покров; сердце не совсем разбито, не все потеряно сразу; часть того, что мы любили, что было нам дорого с детства, что мы почитали, что освящено преданием, — остается на утешение слабым... Прощайте, песни кормилицы, прощайте, воспоминания отчего дома, прощай, привычка, власть которой сильнее власти гения, — говорит Бэкон¹⁹³.

...Во время бури ничто не проникает через таможду, а хватит ли терпения дожидаться затишья?

Все интересы, заботы, осложнения, стремления, волновавшие в продолжение целого века европейские умы, мало-помалу бледнеют, становятся безразличными, делом привычки, вопросами партий. Где великие слова, потрясавшие сердца и исторгавшие слезы!.. Где священные знамена, которым со времени Яна Гуса поклонялись в одном стане, с 89 года — в другом? С тех пор как

непроницаемый туман, окутывавший Февральскую революцию, рассеялся, все начинает проясниться, *резкая* простота заменила путаницу; существуют только два подлинно важных вопроса:

вопрос социальный,
вопрос русский.

И, в сущности, эти два вопроса сводятся к одному.

Русский вопрос — случайное явление, отрицательный опыт. Это новое пришествие варваров, чующих агонию, возвещающих старому миру “*memento mori*”¹⁹⁴, предлагающих ему убийцу, если он не желает покончить с собой.

В самом деле, если революционный социализм не в состоянии будет доконать вырождающийся общественный строй, его доконает Россия.

Я не говорю, что это *необходимо*, но это *возможно*.

Нет ничего абсолютно необходимого. Будущее не бывает неотвратно предреждено; неминуемого предназначения нет. Будущее может и вовсе не наступить. Геологический катаклизм вполне может уничтожить не только восточный вопрос, но и все прочие, — за отсутствием задающих вопросы.

Будущее слагается из элементов, имеющихся под рукой, из окружающих условий; оно продолжает прошедшее; общие устремления, смутно выраженные, изменяются в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства решают, *как* это произойдет, и неясная возможность становится совершившимся фактом. Россия точно так же может овладеть Европой до Атлантического океана, как и подвергнуться европейскому нашествию до Урала.

В первом случае Европа должна быть разрозненной.

Во втором — тесно сплоченной.

Сплочена ли она?

Царизм движим чувством самосохранения и тем инстинктом, который служит путеводителем перелетным птицам, устремляющимся к Черному или Средиземному морю. На этом пути царизм не может не встретиться с Европой.

Безумием было бы воображать, что император Николай может противостоять всей Европе, если только Европа сама не станет авангардом армии Николая, с тем чтобы сражаться против самой себя; но так оно и есть, это именно и происходит.

В случае столкновения Европы с Россией консерватизм, бояливый, встревоженный, дряхлый, найдет средства парализовать всякое народное воодушевление.

Ибо есть две Европы, которые относятся друг к другу с отвращением, с ненавистью, гораздо более сильной, нежели взаимная

ненависть турок и русских, и этот общественный *манихеизм*¹⁹⁵ существует во всяком государстве, во всяком городе, во всякой деревне. Какого же единства в действиях можно ожидать до окончательной победы одного из противников? Войска героически сражаются на рубежах страны, только когда дома есть Комитет общественного спасения¹⁹⁶.

Именно он вселил в войска революции ту удивительную энергию, которая после его гибели продержалась еще двадцать лет.

Ничто так не подавляет дух армии, как зловещая мысль, что за спиной готовится измена. А можно ли доверять правительствам, ныне существующим? В своем собственном лагере люди *порядка* подозревают друг друга.

Повсюду, вплоть до высших дипломатических сфер, есть изменники, продающие свою страну Николаю.

Николаю служат не только банкиры и журналисты, но и первые министры, королевские братья, царствующая родня. У него большой запас великих княжон, которых он жалует немецким князьям с условием, чтобы они из своих мужей делали слуг русского царя; когда же эти великие княжны хворают, их посылают пользоваться «лондонскими туманами», целебная сила которых открыта Николаем.

“La Fusion” — сугубо русская газета, “L’Assemblée Nationale”¹⁹⁷ — как будто печатается в Казани или в Пензе. Но если бы император Николай предоставил всех этих Шамбор-Немуров¹⁹⁸ сладостям семейных примирений и охоты во Фрошдорфе, бонапартизм тотчас бы сделался не только русским, но татарским.

Бельгийский король содержит в Брюсселе русское агентство: король Дании — маленькую контору в Копенгагене. Адмиралтейство, гордое адмиралтейство Великобритании, смиренно несет для царя полицейскую службу в Портсмуте, и самоедский офицер безнаказанно топчет ногами акт *Nabeas Corpus* на палубе английского корабля¹⁹⁹. Король неаполитанский рабски подражает Николаю, а австрийский император — его Антиной, его страстный поклонник²⁰⁰.

Много толкуют о русских агентах, подозревая всегда каких-нибудь жалких шпионов, которых русское правительство оплачивает, чтобы быть в курсе всевозможных *сплетен*. Настоящие Шеню и Делагоды²⁰¹ царя — это помазанники божии, их *agnates*²⁰² и *cognates*²⁰³, вся их родня по восходящей и нисходящей линии. Самый полный реестр русских шпионов — это *Готский календарь*²⁰⁴.

Вы видите, что настоящая борьба с Россией совершенно невозможна, покамест не выметут, да не выметут начисто ваш дом.

Роковая солидарность соединяет реакционную Европу с царизмом; и если она погибнет от руки царизма, это будет великолепной иронией судьбы.

Николай объявил войну Турции — это самая замечательная шалость XIX столетия²⁰⁵.

Теперь консерваторы, друзья, клиенты Николая, громче всех вопиют против него. Они принимали царя за полицейского и охотно страшали революционеров 400 000 русских штыков. Они думали, что он удовлетворится пассивной ролью пугала; они позабыли, что даже Луи-Бонапарт — и тот не пожелал довольствоваться должностью «пожарного сапера»...

Счастливые дни воротились; все были так довольны, так покойны; массы, раздавленные войсками, с христианскою кротостью умирали от голода. Ни печати, ни трибуны... ни Франции! Святой отец, опираясь на армию, вышедшую из улицы Jérusalem, раздавал направо и налево свое апостольское благословение. Дела после февральской катастрофы шли опять своим порядком. Социальное людоедство больше чем когда-либо было в ходу. Настала эра любви и симпатии. Бельгия сочеталась браком с Австрией в лице австрийской эрцгерцогини; молодой венский император вздыхал у ног своей невесты; Наполеон III, 45-летний Вертер, соединялся по любовному капризу с своей Шарлоттой Теба²⁰⁶.

Вдруг, среди всеобщего спокойствия, всемирного благоденствия, император Николай бьет тревогу, начиная войну бесполезную, фантастическую, *религиозную*, — войну, которая легко может перенестись с берегов Черного моря на берега Рейна и которая, во всяком случае, повлечет за собой все то, чем так пугали революции: отчуждение собственности, контрибуции, насилие и, сверх того, неприятельское нашествие, военные суды, расстрелы и военные контрибуции.

Донозо Кортес в знаменитой речи, произнесенной в Мадриде в 1849 году²⁰⁷, предсказывал вторжение русских в Европу и видел для *цивилизации* якорь спасения только в *единстве* власти, т.е. в неограниченной монархии, служащей целям католицизма. Первым условием для этого он также считал введение католицизма в Англии.

Может быть, *подобное единство* чрезвычайно усилило бы Европу, но это единство совершенно невозможно, — невозможно, как и все прочие, за исключением *единства революционного*.

Если бы революции не боялись еще более, нежели русских, то чего проще, как идти на Севастополь, захватить Одессу. Магоме-

танское население Крыма не было бы враждебно туркам. Попад туда, можно было бы обратиться с призывом к Польше, дать свободу крестьянам Малороссии, ненавидящим крепостное право... Хотел бы я знать, что бы сделал тогда Николай со своим православным богом?

«Но ведь Польша — это Галиция», — скажет Австрия.

«Но ведь Польша — это Познань», — скажет Пруссия.

А если Польша восстанет, как удержать Венгрию, Ломбардию?

Ну, так не нужно идти на Севастополь; разве что объявить войну для виду, — войну, которая окончится в пользу Николая или Луи Бонапарта, т.е. в обоих случаях в пользу *деспотизма* и против *консерваторов*.

Деспотизм вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. Нет ничего более разъедающего, разлагающего, тлетворного, чем деспотизм. Случается иногда, что юные народы в поисках общественного устройства начинают с деспотизма, проходят через него, пользуются им как суровой школой; но чаще под игом деспотизма изнемогают народы, впавшие в детство.

Если военный деспотизм, алжирский или кавказский, бонапартистский или казачий, овладеет Европой, то он непременно будет вовлечен в жестокую войну со старым обществом; он не сможет допустить существования полусвободных учреждений, полунезависимого правопорядка, цивилизации, привыкшей к вольной речи, науки, привыкшей к исследованию, промышленности, становящейся великой силой.

Деспотизм — это варварство, погребение дряхлой цивилизации, а иногда ясли, в которых рождается *спаситель*.

Европейский мир в той форме, в которой он теперь существует, выполнил свое назначение; но нам кажется, что он мог бы почетнее окончить свое поприще, переменить форму существования, — не без потрясений, но без падения, без унижения. Консерваторы, как все скупцы, больше всего боятся *наследника*. Так вот — старца задушат ночью воры и разбойники.

После бомбардировки Парижа, после того как расстреливали, ссылали, заточали в тюрьмы работников, вообразили, что опасность миновала! Но смерть — Протей²⁰⁸. Ее изгоняют как ангела будущего, она возвращается призраком прошедшего; ее изгоняют как республику демократическую и социальную, она возвращается Николаем, царем всяя Руси, или Наполеоном, царем французским.

Тот или другой или оба вместе окончат борьбу.

Для борьбы нужен противник, еще не поверженный в прах. Где же последняя арена, последнее укрепление, за которым цивилизация может вступить в бой или по крайней мере защищаться против деспотов?

В Париже? — Нет.

Как Карл V, Париж еще при жизни отрекся от своей революционной короны²⁰⁹; немного военной славы и множество полицейских — этого достаточно, чтобы сохранить порядок в Париже.

Арена — в Лондоне.

Пока существует Англия, свободная и гордая своими правами, дело варваров нельзя еще считать окончательно выигранным.

С 10 декабря 1848 года Россия и Австрия перестали ненавидеть Париж²¹⁰. Париж потерял в глазах королей свое значение; они его больше не боятся. Вся их злоба обратилась против Англии. Они ее ненавидят, питают к ней отвращение и хотели бы... ограбить ее!

В Европе есть государства реакционные, но нет консервативных. Одна лишь Англия консервативна, и понятно *почему*; ей есть что хранить — *личную свободу*.

Одно это слово совмещает в себе все то, что преследуют, ненавидят Бонапарты и Николаи.

И вы думаете, что они, победив, оставят в двенадцати часах езды от Парижа *порабощенного* Лондон *свободный*, Лондон — очаг пропаганды, гавань, открытую всем бегущим из опустошенных, испепеленных городов континента? Ведь все, что должно и может быть спасено среди оргии разрушения — наука и искусство, промышленность и образование, — все это неизбежно устремится в Англию.

Этого достаточно для войны.

Наконец-то осуществится мечта Наполеона, первого варвара нового времени.

Не от революционной Европы, не от европейского деспотизма может Англия ожидать величайшие бедствия. У народов слишком много дела дома, чтоб они могли думать о захвате других стран.

Не эгоизм, не жадность мешают англичанам в этом разобраться. Скажем прямо: из-за невежества и проклятой деловой рутины эти люди не способны понять, что следует иногда, избегая проторенных путей, прокладывать новую дорогу.

Что же! Те, которые, имея глаза, не хотят смотреть, посвящены богам ада. Как их спасти?

Глубокая и безмолвная ночь скроет процесс разложения.

А после?.. После ночи наступает день!

Совершившиеся несчастья должно оплакать... Но оставим мертвым погребать своих мертвецов; и, с состраданием, с уважением накрыв гробовым саваном агонизирующее тело, найдем в себе мужество повторить старый возглас:

Король умер — да здравствует король!..²¹¹

Лондон, 17 февраля 1854

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Любезный Линтон!

Славянский мир гораздо моложе Европы.

Он моложе политически, как Австралия моложе ее геологически. Он складывался медленнее; он не развился, он еще мир недавний и едва только вступающий в великий поток истории.

Счет прожитых веков тут ничего не значит. Детство народов может длиться тысячелетия, равно как и их старость. Славянские народы служат примером первому, азиатские — второму.

Но что дает право утверждать, что теперешнее состояние славян — это юность, а не дряхлость; что это начало развития, а не неспособность к нему? Разве мы не знаем, что иные народы исчезают, так и не став историческими, даже народы, показавшие, что они не лишены способностей, как финны, например.

Достаточно присмотреться к судьбам России, чтобы на этот счет не осталось никаких сомнений. Страшное влияние, которое она оказывает на Европу, — не признак маразма или неспособности, напротив — это признак полудикой силы, необузданной, но могучей юности.

Такой именно Россия вступила впервые в цивилизованный мир.

Это было во времена регентства в Париже и кое-чего еще худшего в Германии. Повсюду растление, изнеженность, расслабляющий и постыдный разврат — грубый в Германии, утонченный в Париже.

В этой нездоровой атмосфере, где вредные испарения едва заглушались благовониями, в этом мире наложниц, незаконнорожденных дочерей, куртизанок, правящих государствами, расслабленных нервов, слабоумных принцев — вздыхаешь, наконец, с облегчением при виде гигантской фигуры Петра I, этого варвара в простом мундире из грубого сукна, жителя севера, дюжего, мускулистого, полного энергии и силы. Таков был первый русский, занявший свое место среди европейских властителей. Он пришел учиться и узнал много для себя неожиданного. Он понял слишком

хорошо, что западные государства дряхлы, а их правители рас-
тленны.

Тогда еще не предвидели революцию, которой предстояло спасти мир; предвидели только разложение. Так Петр I понял возможное значение России перед лицом Азии и Европы. Подлинное оно или нет, но завещание Петра содержит его *мысли*, которые он, впрочем, нередко высказывал в своих заметках и записках. Русское правительство до Николая оставалось верным традиции Петра I, и даже Николай следует ей, по крайней мере во внешней политике.

Россию можно осуждать, проклинать, но можно ли утверждать, что она одряхла, остановилась в своем развитии, клонится к упадку?

Говорят, что русский народ держится в стороне, неподвижно, в то время как почти чужестранное правительство делает в Петербурге что хочет. Немецкие писатели заключают из этого, что русский народ, косный, азиатский, ничего общего не имеет с деятельностью своего правительства; что это — полудикое племя, дипломатически завоеванное немцами, которые ведут его куда им вздумается. Немецкие завоевания — надобно им отдать справедливость — величайшие и самые бескровные в мире. Немцы не довольствуются родством с Англией и Америкой (*Stammverwandt!*²¹²), в их руках, сверх того, вся Россия, покоренная *рыцарями* остзейских губерний, голштейн-готторпской фамилией²¹³, тучами генералов, дипломатов, шпионов и прочих сановников немецкого происхождения.

Действительно, петербургское правительство не национально. Целью переворота Петра I была *денационализация* московской Руси. Пассивная оппозиция и своего рода неподвижность народа — тоже факт неоспоримый. Но, с другой стороны, народ невольно составляет гигантскую и живую основу для деятельности правительства. Он образует огромный хор, который придает немецкому (если угодно) деспотизму Петербурга характер *sui generis*²¹⁴. Народ не любит свое правительство, но все же видит в нем представителя своего национального единства и своей силы.

В России ничто не имеет того характера застоя и смерти, который у старых народов Востока неизменно, однообразно передается из поколения в поколение.

Из неспособности народа к той или иной переходной форме неправильно заключать об его полной неспособности к развитию вообще.

Славянские народы не любят ни идею государства, ни идею централизации. Они любят жить в разьединенных общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства. Они ненавидят солдатчину, они ненавидят полицию. *Федерация* для славян была бы, быть может, наиболее национальной формой. Противоположный всякой федеративности петербургский режим — лишь суровое испытание, временная форма; она несомненно принесла и некоторую пользу, насильственно спаяв разрозненные части империи и принудив их к единству.

Русский народ — народ земледельческий. В Европе улучшения в социальном положении владеющего собственностью меньшинства коснулись лишь горожан. А крестьянам революция принесла только отмену крепостного состояния и раздробление земель. Между тем известно, что разделение земельных участков нанесло бы смертельный удар русской общине.

В России ничто не окаменело; все в ней находится еще в текущем состоянии, все к чему-то готовится. Гакстаузен справедливо заметил, что в России всюду видны «незаконченность, рост, начало». Да, всюду дают о себе знать извесь, пила и топор. И при всем том люди остаются смиренными крепостными помещика, верноподданными царя.

Естественно возникает вопрос — должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений. Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершены и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, *майорат* человечества. Я очень хорошо знаю, что результат сам по себе не передается, что по крайней мере он в этом случае бесполезен, — результат действителен, результат усваивается только вместе со всем логическим процессом. Всякий школьник заново открывает теоремы Эвклида, но какая разница между трудом Эвклида и трудом ребенка нашего времени!..

Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе. Дворянство вместе с правительством образуют европейское государство в государстве славянском. Мы прошли через все фазы либерализма, от английского конституционализма до поклонения 93-му году. Все это было похоже — я об этом говорил в другом месте²¹⁵ — на аберрацию звезд²¹⁶, которая в малом виде повторяет пробег земли по ее орбите.

Народу не нужно начинать снова этот скорбный труд. Зачем ему проливать свою кровь ради тех полурешений, к которым мы пришли и значение которых только в том, что они выдвинули *другие* вопросы, возбудили *другие* стремления?

Мы сослужили народу эту службу, мучительную, тягостную; мы поплатились виселицами, каторгой, казематами, ссылкой и жизнью, над которой тяготеет проклятие, — да, жизнью, над которой *тяготеет проклятие*.

В Европе не подозревают о том, сколько перестрадали у нас два последние поколения.

Гнет становился день ото дня сильнее, тягостнее, оскорбительнее; приходилось прятать свою мысль, заглушать биение сердца... И среди этой мертвой тишины, вместо всякого утешения, мы с ужасом увидели скудость революционной идеи и равнодушие к ней народа.

Вот источник той мрачной тоски, того раздирающего скептицизма, той тягостной иронии, которые присущи русской поэзии. Кто молод, у кого горячее сердце, тот пытается себя одурманить, забиться; люди талантливые умирают на полдороге, их ссылают, или они добровольно удаляются в ссылку. Об этих людях, об их ужасном конце говорят, потому что им удалось разбить железный свод, тяготевший над ними, потому что они показали свою силу... Но не меньше страдали сотни других — те, что с отчаяния сложили руки, морально покончили с собой, отправились на Кавказ, засели в своих имениях, в игорных домах, в кабаках, — все эти лентяи, о которых никто не пожалел.

Для дворянства наступил конец этого искусства. Образованная Россия должна теперь раствориться в народе.

Европеизированная Россия по-настоящему открыла русский народ только после революции 1830 года. С удивлением поняли наконец, что русский народ, столь равнодушный, столь не способный к постановке политических вопросов, — своим бытом ближе всех европейским народам к новому социальному устройству. «Пусть так, — возразят на это, — но он близок и к социальному устройству некоторых народов Азии». При этом указывают на сельские общины у индусов, довольно схожие с нашими.

А я и не отрицаю того, что некоторыми своими элементами общественная жизнь азиатских народов стоит выше общественной жизни Запада. Не общинное устройство задерживает развитие азиатских народов, а их неподвижность, их нетерпимость, бессилие их порвать с патриархальностью, с племенным бытом. У нас все это не играет роли.

Славянские народы, напротив того, отличаются гибкостью: замечательна легкость, с которой они усваивают язык, обычаи, искусство и технику других народов. Они равно обживаются у Ледовитого океана и на берегах Черного моря.

У образованных русских (как ни оторваны они от народа, но все же в них отразился его характер) вы не найдете той нетерпимости старых женщин, той ограниченности несвободных людей, которые на каждом шагу встречаются в старом мире.

Неприступная китайская стена, разделяющая Европу, вызывает у нас изумление. Разве Англия и Франция имеют понятие об умственном движении в Германии? В еще меньшей степени эти два европейские Китая способны понять друг друга. Разделенные лишь несколькими часами езды, поддерживающие между собой непрерывную торговлю, необходимые друг другу, Париж и Лондон дальше друг от друга, нежели Лондон и Нью-Йорк. Англичанин из народа смотрит на француза с дикой ненавистью, с видом превосходства — отчего он сам кажется жалким.

Английский буржуа еще несноснее; он вас душит вопросами, обнаруживающими столь глубокое неведение соседнего края, что не знаешь, как ему отвечать. Француз, в свою очередь, способен прожить пять лет в Лейстер-сквере²¹⁷, не понимая, что делается вокруг. Чем же объяснить, что немецкая наука, которая не в состоянии перейти Рейн, очень хорошо пересекает Волгу; что британская поэзия, искажающаяся при переходе через пролив, переплывает невредимая Балтийское море? И все это при правительстве подозрительном и самовластном, принимающем все меры, чтобы отдалить нас от Европы.

Наше воспитание, домашнее и общественное, имеет резко выраженный универсальный характер. Нет воспитания *менее* религиозного, чем наше, и *более* многоязычного, особенно по части новых языков. Этот характер придала ему реформа Петра I, в высшей степени реалистическая, светская и в общем европейская. Кафедры богословия учреждены были в университетах только при императоре Александре, и притом в последние годы его царствования. Николай прилагает величайшие усилия к тому, чтобы испортить общественное образование; он нанес ему удар, сократив число учащихся, но что касается его полицейского православия, то я не думаю, чтобы оно пустило корни; изучение же новых языков стало настолько необходимым и привычным, что оно будет продолжаться по-прежнему. Официальная санкт-петербургская газета печатается по-русски, по-французски и по-немецки.

Наше воспитание не имеет ничего общего с той средой, для которой человек предназначен, и в этом его достоинство. Образование у нас отрывает молодого человека от безнравственной почвы, гуманизирует его, превращает в цивилизованное существо и противопоставляет официальной России. Он от этого много страдает. Это — искупление преступлений наших отцов, и это источник революционных настроений. Самые тяжкие времена миновали; меньшинство, дотоле полностью оторванное от народа, встретилось с народом тогда, когда оно меньше всего этого ожидало.

С каким удивлением слушали наши рассказы о русской общине, о постоянном переделе земли между ее членами, о выборных старостах с их простыми способами управления, о всеобщем голосовании и общинных делах! Иногда нас считали пустыми мечтателями, людьми, свихнувшимися на социализме!.. Но вот является человек, отнюдь не революционно настроенный, и издает три тома о сельской общине в России²¹⁸. Это Гакстаузен — католик, пруссак, агроном и монархист, столь крайний, что для него прусский король слишком либерален, а император Николай слишком человеколюбив!

Факты, нами указанные, изложены им *in extenso*²¹⁹. Не буду повторять то, что я уже говорил об этой зачаточной организации общинного self-government²²⁰, где все должности выборные, где все — собственники, хотя земля не принадлежит никому, где пролетариат — *ненормальное явление*, исключение. Вы об этом достаточно знаете и поймете, что русский народ, несчастный, в значительной своей части подавленный крепостничеством, в целом подавленный правительством, которое его гнетет и презирает, не мог вслед за народами Европы проходить фазы их революционных движений, исключительно городских и которые тотчас пошатнули бы основания его общинного строя. Современная революция, напротив того, разыгрывается на той же почве, — мы увидим, каков будет результат этой встречи.

Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government, на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос русской революции — тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы.

Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) — вот геркулесовы столбы великой борьбы, великой революционной эпопеи.

Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия — другое решение, ущербное и дикое.

Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, откуда жизнь их не осуществит.

Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека.

Закваска, которая должна была привести в движение силы, дремлющие в бездействии общинно-патриархальной жизни, — это принцип индивидуализма, личной воли. Это начало входит в русскую жизнь иным путем, воплощается в лице царя-революционера, отрицавшего традицию и национальность, надвое разделившего русский народ.

Русская империя — творение XVIII века; все, что создавалось в это время, несло в себе семена революции.

Холостой дворец Фридриха II²²¹ и смиренный дом, служивший дворцом его отцу²²², вовсе не были монархичны, подобно Эскуриалу или Тюльери²²³. В новом государстве веял резкий утренний ветер; в нем все просто, сухо, положительно, рационально, — а это именно убивает религию и монархию. То же и в России.

Петр I круто порвал с византийско-московской традицией. Деятель гениальный, он предпочитал власть престолу, воздействовал скорее террором, нежели величием, он ненавидел театральность, столь необходимую для монархии.

Устройство русской империи в высшей степени просто. Это правление доктора Франсиа в Парагвае²²⁴, в приложении к стране с пятьюдесятью миллионами населения. Это осуществление бонапартовского идеала: немой народ, без прав, без защитников, живущий вне закона, ему противостоит меньшинство, которое правительство увлекает за собой, поощряет, возводит в дворянство; меньшинство это образует бюрократию.

Россия в полном смысле слова управляется адъютантами, указами, писарями и эстафетами. Сенат, Государственный совет (учреждение более позднее), министерства — не что иное, как канцелярии, в которых не спорят, а исполняют, не обсуждают, а переписывают. Вся администрация представляет собою крылья телеграфа, с помощью которого человек из Зимнего дворца изъясляет свою волю²²⁵.

Гораздо легче уничтожить верхушку этой автоматически действующей организации, нежели подорвать ее основы.

В монархическом государстве, если король убит, монархия остается. У нас, если император убит, остается дисциплина, оста-

ется бюрократический порядок; лишь бы телеграф действовал, ему будут повиноваться...

Можно завтра прогнать Николая, посадить вместо него Орлова или кого угодно — ничто не сдвинется с места. Дела будут производиться с тою же точностью, машина по-прежнему будет работать — переписывать, извещать, отвечать; машинисты по-прежнему будут красть и показывать рвение.

Императрица Екатерина II испугалась этого страшного и немого всемогущества, беспредельной покорности исполнителей и рабов, которые служат *тому*, кто приказывает, чье повиновение переживает даже самого повелителя. Она хотела дать дворянству большую независимость, чтобы окружить себя людьми, добровольно преданными ей и монархии, — людьми, на которых она могла бы положиться. Молчание писарей и экзекуторов страшило супругу Петра III! Среди такого молчания Алексей Орлов удавил своего заключенного в тюрьму господина²²⁶, а писаря писали: «Его величество изволил скончаться», а экзекуторы подвергали экзекуции всякого, кто этому не верил.

Новые учреждения действительно были странны, необычайны. Никто серьезно не размышлял над их эксцентрическим характером, над экзотическим смешением демократизма и аристократизма, безграничного деспотизма и обширных избирательных прав, Иоанна Грозного и Монтескье²²⁷.

Все эти учреждения отмечены двойной печатью — петровского периода и несложившихся национальных учреждений, развившихся под организующим влиянием западных идей; национальные начала, в свою очередь, видоизменяют западные идеи в направлении им почти противоположном.

Судьи *выбираются*, и выбираются на шесть лет; судьи принадлежат к трем классам: дворянству, мещанству и крестьянству; *судебного сословия* же нет совсем. Каждый имеющий право участвовать в выборах может быть выбран в судьи. Отсутствие судебного сословия — факт замечательный. Одним врагом меньше, да еще каким врагом! Судья — это *другой* черный человек, светский двойник священника и таинственный страж *закона человеческого*, имеющий монополию судить, осуждать, постигать *ratio scripta*²²⁸. Смешон отставной кавалерийский офицер, ничего не понимающий в законах и процедурах и выбранный в судьи. Но, с другой стороны, очень печально, если приходится признать, что никто не способен выносить решения, кроме знатоков в судейских мантиях, воспитанных *ad hoc*²²⁹. Если выбранные судьи плохи, тем хуже для избирателей — они люди совершеннолетние и знают, что делают.

Но, скажут нам, юридические знания не приходят с возрастом, законы так сложны, что нужны долгие годы, углубленные занятия, чтобы разобраться в юридическом лабиринте... Это верно, но из этого не следует, что с самого детства нужно готовить особую касту людей, понимающих законы, а, напротив, следует, что пора бросить все эти законы в огонь. Отношения людей просты; формальности, устаревшие порядки — вся эта судейская поэзия, все *fiorturi*²³⁰ юриспруденции — вот что запутывает вопросы.

В России суд состоит из одного члена, выбранного дворянством, другого, выбранного мещанами, и третьего — вольными крестьянами. Дворянство выбирает двух кандидатов на должность председателя уголовной палаты. Правительство утверждает одного из них и, со своей стороны, назначает прокурора, имеющего право приостанавливать всякое решение и докладывать его сенату.

Если принять во внимание, что *прокурор* также принадлежит к дворянству, то становится ясно, что действия членов суда от мещан и от крестьян парализованы во всех случаях разногласия. Правда, они имеют право протестовать и выносить дела на рассмотрение в сенат. Но это случается очень редко — по самой простой причине: сенат, лишенный начал народных и избирательных, всегда бывает заодно с дворянами и с правительством. Но сейчас мы говорим о *норме*, а не о злоупотреблениях. Обратите внимание на основу, на возможное развитие в будущем, а не на применение ее в современных условиях. Лет десять тому назад старый московский купец, человек неподкупный и строгий, был избран городским головой этого города. Обязанности городского головы состоят в надзоре за денежными средствами города, он распоряжается городскими доходами и расходами. Обыкновенно на эту должность выбирают какого-нибудь миллионера, любящего красоваться на официальных празднествах; он дает роскошные обеды и балы и подписывает все, что угодно правительству и чего желает начальство. Московский городской голова Шестов иначе понял свои обязанности. Он так подрезал крылья официальных воров, что обер-полицмейстер объявил ему ожесточенную войну. Купец принял вызов, и борьба кончилась падением полицмейстера²³¹.

Избираются не только судьи, но и земская *полиция*; исправника и часть становых выбирает дворянство.

Там, где оканчивается уездная полиция, начинается сельская община с своим *a parte*²³² — с выборным старостой, с выборной полицией, с поглощением личности во имя традиционного и национального коммунизма. Там, где, с другой стороны, начинается правительственная централизация, — а к ней относится все стоя-

щее; выше местных губернских учреждений, — там теряются последние следы личного права; личность поглощена, уничтожена петербургской диктатурой во имя самодержавия, самого неограниченного и вовсе не славянского.

Единственная среда, в которой могут развиваться идеи личного права и идеи революционные, — это дворянство и среднее сословие.

В России буржуазия пользуется меньшим влиянием, нежели в Европе, не только оттого, что у нас развитие промышленности было менее значительным, но и оттого, что верхушка русской буржуазии легко получает дворянское звание (чиновники, богатые купцы, артисты, лица, награжденные орденами, и т.д.).

Наша буржуазия еще не представляет собой моральную силу. Она всегда была чрезвычайно отсталой, консервативной, православною, раболепной и патриотической сверх меры. Подавленное, скрывающее свои богатства, наше купечество прячется, молчит, живет взаперти, строит церкви, раздает милостыню бедным и арестантам, дает взятки чиновникам... и копит миллионы. Только новое поколение, получившее вполне европейское образование, воспримет наши революционные идеи.

У нас дворянство — скорее бюрократия, нежели аристократия. Родовитость, графский и княжеский титул, древность имени, обширность поместий не дают никаких привилегий. Их дает чин. Если в дворянском роду два поколения не служили, то правительство может лишить наследников дворянства.

Эта всеобщность службы меняет ее характер. В России служить правительству не значит, как во Франции, быть агентом правительства, продавшим ему душу. Все заговорщики 14/26 декабря состояли на службе. Общественное мнение не смешивает настоящих чиновников, преданных, усердных, чиновников *по призванию*, с чиновниками совсем иного рода. Первых иногда боятся, но никогда не уважают. Из последних же состоит почти все независимое общество в столицах и губерниях. Это достаточно многочисленный класс, если причислить к нему военных — обычно чуждых раболепству и низости гражданских чиновников, — людей, вышедших в отставку в 25 или в 26 лет, помещиков, живущих в своих имениях и *служащих* только по дворянским выборам.

Вот в этой-то среде наше универсальное и многоязычное воспитание образовало самых независимых людей в Европе. Гнетущий деспотизм, отсутствие свободы слова, необходимость быть всегда настороже приучили мысль к сосредоточенности, к внутренней работе, смелой и исполненной ненависти. Новая литература раскрыла затаенные страсти, которыми полна грудь русского

человека. О том же свидетельствуют и взгляды образованного меньшинства. Без страха и сожалений мы дошли в политике до социализма, в философии — до реализма и отрицания всякой религии.

Социализм объединяет европейских революционеров с революционерами славянскими.

Социализм снова привел революционную партию к народу. Это знаменательно. Если в Европе социализм воспринимается как знамя раздора, как угроза, — перед нами социализм предстает как радуга революций, надежда на будущее.

Теперь, ознакомившись несколько с элементами русской жизни, вы поймете, что у нас невозможно сделать шаг вперед, не вступив в фазу революции или в европейскую войну.

Все жизненные вопросы поставлены так, что их решение неизбежно повлечет нас к общественному переустройству — если только оно не будет отсрочено какими-либо внешними событиями.

Освобождение крестьян, дело столь простое в других государствах, невозможно у нас *без уступки крестьянам земли*, а освобождение *с землей* означает частичное отчуждение дворянской собственности.

Условия дворянского быта изменятся, а с ними и отношения дворянства к правительству; не забудьте, что суд и полиция в сельской местности принадлежат дворянству, что и дворянство каждой губернии представляет собой сословную организацию, наделенную совещательными правами, имеющую своих предводителей и постоянные собрания.

Если бы русский престол достался действительно энергическому человеку, он стал бы во главе освободительного движения, он покрыл бы истинной славой конец петербургского периода и ускорил бы неизбежный процесс, который, за отсутствием такого человека, поглотит престол. Но для всего этого нужен Петр I, а не Николай.

Позвольте мне сначала объяснить свою мысль. Не только самодержавие как таковое препятствует всякому прогрессу в России. Петербургский деспотизм сохраняет, как я уже сказал, свою диктаторскую форму, форму революционную, лишенную традиций и принципов; это орудие войны, борьбы, которое может служить разным целям. Но с 26 декабря 1825 года во всех вопросах внутренней жизни определился отвратительный *склад* русского правительства, и оно ни к чему хорошему не способно. Николай бесконечно далеко шагнул назад и сделал это с поразительной

неуклюжестью. Николай с самого начала хотел больше быть царем, нежели императором; но, не поняв, не почувствовав славянский дух, он не достиг цели и ограничился тем, что преследовал всякое стремление к свободе, подавлял всякое желание прогресса, останавливал всякое движение. Он хотел из своей империи создать военную Византию. Отсюда его показное православие, холодное, ледяное, как петербургский климат. Николай постиг только гнет, неподвижность, только китайскую сторону вопроса. В его системе нет ничего деятельного, даже ничего национального, — перестав быть европейским, он не сделался русским.

За время своего долгого царствования он коснулся всех учреждений, всех законов, повсюду внося начало смерти, оцепенения.

Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой из-за легкости, с какою давали дворянское звание. Николай затруднил к нему доступ. Для того чтобы стать потомственным дворянином, нужно было теперь дослужиться до чина майора в военной службе и статского советника — в гражданской.

До Николая каждый дворянин был избирателем; он же установил избирательный *ценз*.

До Николая уездная полиция была выборной. Он приказал назначать станových от правительства, под начальством исправника, выбранного дворянством²³³.

Русское уголовное право раньше не знало смертной казни; Николай ввел ее за преступления политические и за отцеубийство.

Уголовное право не признавало также *нелепого наказания тюремной* — Николай ввел его.

Веротерпимость составляла одну из славных основ империи, созданной Петром I; Николай издал суровый закон *против лиц, переменивших религию*.

Жалованная грамота дворянству предоставляла дворянам право жить где они хотели и состоять на службе в иностранных государствах. Николай ограничил право передвижения и сроки путешествий. Он ввел конфискацию имущества.

При Петре III была уничтожена тайная канцелярия, род светской инквизиции. Николай ее восстановил; он учредил целый корпус вооруженных и невооруженных шпионов, которых он отдал в выучку Бенкендорфу, а впоследствии поручил своему другу Орлову²³⁴.

Всеми этими средствами Николай затормозил движение, он ставил палки во все колеса и теперь сам негодует на то, что дела не идут. Теперь он во что бы то ни стало хочет что-нибудь сделать, он старается изо всех сил... может быть, колеса сломаются и кучер

свернет себе шею. Но *он может еще взять верх* в борьбе со старым миром, разъединенным, усталым, поработанным.

В моем первом письме я сказал, любезный Линтон, что если русскому народу предстоит одна только будущность, то Российской империи предстоят, быть может, две будущности.

Я глубоко убежден, что русское императорство заглохло бы и разложилось очень быстро перед лицом Европы, свободной и объединенной (насколько позволяют национальные особенности отдельных народов). Петербургское самодержавие не принцип и не догмат, а только сила; чтоб оставаться силой, оно должно непрерывно действовать. Полицейский надзор и сопротивление всякому движению — это еще не занятие, а другого содержания для своей деятельности самодержавие найти не может, и все другое его пугает.

Перед лицом свободной Европы у русского императорства были бы только два исхода: превратиться в демократическое и социальное самовластие, что я не считаю совсем невозможным, но что совершенно изменило бы характер царизма, или окаменеть, замереть в Петербурге, с каждым днем теряя влияние, силу, авторитет, пока в один прекрасный день его не прогонит крестьянская революция или солдатский бунт.

Около двадцати миллионов крепостных найдут поддержку у казаков, глубоко оскорбленных потерей своих прав и вольностей, у раскольников, число и моральная сила которых очень значительны и которые относятся к правительству с непримиримой ненавистью, — найдут поддержку также у части дворянства... Есть над чем задуматься обитателям Зимнего дворца.

Разве Пугачев в продолжение нескольких месяцев не был неограниченным властителем четырех губерний? Впрочем, теперь принимают уже не те военные меры, что в 1773 году.

И все же я очень хорошо помню восстание военных поселений Старой Руссы в 1831 году²³⁵, в 150 километрах от Петербурга и 450 от Москвы, в том месте, где всегда расположено много войск! Восставшие прервали сообщение между столицами, успели казнить всех офицеров и учредить своего рода правительство, составленное из полковых писарей...

С тех пор народ развился. Русский солдат не привык убивать русских. Как-то во время крестьянского бунта после учреждения нового министерства государственных имуществ послали полк, чтобы разогнать народ. Народ не расходился, продолжал кричать, чего-то требовать. Генерал, после тщетных увещаний, приказал зарядить ружья и взять на прицел... толпа не двинулась с места;

тогда генерал дал знак открыть огонь... Полковник скомандовал: «Пли!»... Не раздалось ни одного выстрела. Генерал, удивленный, ошеломленный, грозно повторил: «Пли!» Солдаты опустили ружья и стояли неподвижно. Генерал, бледный как смерть, просил полковника и офицеров... сохранить тайну. — Это может повториться... Когда Европа охвачена революцией, воздух становится резким, насыщенным электричеством... Словом, бок о бок с Европой, революционной и свободной, русское императорство выглядело бы плачевным и непрочным. Оно может быть мощным и победоносным только рядом с реакционной Европой.

Монархическая, но не слишком воинственная Европа не хочет и не может всерьез воевать с царем. Царь, с своей стороны, не может воздержаться от войны с Европой, — разве только она ему подарит Константинополь.

Константинополь? — Да, Константинополь! Он ему нужен, чтобы обратить русский народ лицом к Востоку; он ему нужен, чтобы православная церковь поддерживала царскую власть еще усерднее; наконец, он стремится к нему *инстинктивно* — потому что в конечном счете Николай тоже орудие *судьбы*. Сам того не понимая, он осуществляет скрытые цели истории; он трудится над тем, чтобы углубить пропасть, которая поглотит его или его преемников.

Время славянского мира настало. *Таборум*²³⁶, человек общинного быта, расправляет плечи... Социализм ли его пробудил? Где водрузит он свое знамя? К какому центру он тяготеет?

Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город новонемецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город только русский, — не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь — Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским населением.

Германо-романские народности — это продолжение Западной империи; явится ли славянский мир продолжением Восточной империи? — Не знаю, но Константинополь убьет Петербург.

Петербург был бы нелепостью в империи, владеющей Константинополем; а какой-нибудь Голштейн-Готторп, прикинувшийся Порфирогенетом или Палеологом²³⁷, слишком смешон, для того чтобы это могло осуществиться. Этим бравым немецким выходцам следовало бы вернуться к себе на родину, которая их призывает... Впрочем, может быть, она без них обойдется, но ценою потоков крови...

Разве вы не слышите, как за вашей дверью казак перешептывается с двумя приятелями, которые вас предадут и готовы проложить ему путь к самому сердцу Европы?

После событий 1849 года мы предсказывали: Габсбурги и Гогенцоллерны приведут вам русских.

Для царя завоевательная война — единственное средство приобрести популярность и сохранить свою власть. Не находящие применения силы выступят из берегов; царю это даст возможность уклониться от решения внутренних вопросов и в то же время утолить его дикую жажду битв и расширения границ.

Для Европы всякая война — бедствие. Европа уже не в тех летах, когда ведут поэтические войны. Ей предстоит решение иных вопросов, предстоит иная борьба, — но она сама этого хотела!.. Теперь она искупает вину.

Завоевательная война несовместна с цивилизацией, с промышленным развитием Европы, несовместны с ним и абсолютная монархия, солдатский деспотизм; однако весь континент предпочел их свободе.

Монархическое равнозначно военному. Это режим материальной силы, апофеоз штыка. Нет штатских Бонапартов: даже сын Жерома — генерал-лейтенант²³⁸.

Быть может, среди крови, резни, пожаров, опустошений народы проснутся и увидят, протирая глаза, что все эти сновидения, ужасные, отвратительные, были лишь сновидениями... Бонапарт, Николай — мантия в пчелах²³⁹, мантия в польской крови, император виселиц, король расстрелов — всего этого нет; и народы, увидя, как давно взошло солнце, удивятся своему долгому сну...

Быть может.. но...

Во всяком случае эта война — *l'introduzione maestosa e marziale*²⁴⁰ славянства в мировую историю и *una marcia funèbre*²⁴¹ старого мира.

Примите мой братский привет.

ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ²⁴²

(Письмо к...)

Нет, любезный друг, я не сдержу обещания, данного тебе, и не стану писать статьи в объяснение того, что я говорил о Западе и что говорил о России.

После твоего отъезда, под влиянием замечаний, сделанных тобою, и замечаний наших общих друзей, я пересмотрел часть писанного мною и нашел, что мне прибавлять нечего. Что было за душой, что я выразумел и как выразумел, я все сказал. Если я не сумел в целых книгах, в ряде статей, в ряде писем уяснить моего воззрения, как же мне это может удалиться на нескольких страницах? Положим, что мой взгляд и был в самом деле только болезненный, страстный, личный, когда я восемь лет тому назад писал «С того берега», но время так грозно подтвердило его, что он стал еще незыблемее в моем уме и, не изменяясь ни в чем существенном, — только остыл. Повторять холодно сказанное тогда с увлечением я отказываюсь — и пишу теперь больше для того, чтоб показать, как я внимательно слушал тебя и искренно принял к сердцу замечания наших друзей.

Главные упреки сводятся на два: *во-первых*, что мое воззрение на Запад потрясает верования, необходимые еще у нас; *во-вторых*, что мое воззрение на Россию сближает меня с славянофилами.

Упреки эти сами собою свидетельствуют, что усобица ваша с московскими староверами не улеглась; это жаль.

Увлеченные полемикой, вы не замечаете, как скучны ваши споры и как они надоели. Борьба ваша с славянофилами потеряла интерес, особенно после смерти Николая. Пора бы подвести все эти дразги под манифест 26 августа 1856 года²⁴³ и предать их забвению с прочими прегрешениями николаевского времени.

Новая жизнь явным образом закипает у нас; само правительство увлечено ею. Вопросы один другого важные, один другого неотлагаемые возникают со всех сторон; прибитые к земле надежды оживают, — хочется знать, что думают у нас об освобождении крестьян, об уничтожении духовных и телесных побоев (цензуры и палки), об обуздании чиновничьего грабежа, полицейского самоуправства, — и вместо того читаешь схоластические прения о местничестве народов, о национальности истины.

Я никогда не отрицал, что у славян есть верное сознание *живой души* в народе, есть «чаяние будущего века», но, по несчастию, должен повторить, что «чутье их пронизательнее разумения»²⁴⁴, и не только разумения, но и совести. Я с ужасом и отвращением читал некоторые статьи славянских обзоров, от них веет застенком, рваными ноздрями, эпитимьей²⁴⁵, покаяньем, Соловецким монастырем. Попадись этим господам в руки власть, они заткнут за пояс III отделение. И будто я сблизился с этими дикими по сочув-

* «Полярная звезда» на 1855 (2 издание), стр. 166.

ствию, по выбору, по языку? Отчего же не так-то давно один из них пустил в меня, под охраной *самодержавной* полиции, комом отечественной грязи с таким *народным* запахом передней, с такой постной отрыжкой *православной* семинарии и с таким нахальством холопа, защищенного от палки недосыгаемостью запяток, что я на несколько минут живо перенесся на Плющиху, на Козье болото...²⁴⁶

Но ваша полемика против них никуда не годится, — оставьте вы их в покое или бейте их на их собственной почве. Они не знают *настоящей* России; это оборотни и мертвецы, с их поля не отзывается ни один «жив человек», они свихнули свое пониманье лицемерным православием и поддельной народностью.

Мудрено теперь сбить их примером Запада (и тут я отвечаю на другой упрек), когда достаточно одного номера любой газеты, чтобы увидеть страшную болезнь, под которой ломится Европа. Отворачиваться от ее ран и проповедовать поклонение *не только* идеям, которые она выработала и с которыми не может сладить в ее современной жизни, но и ей самой — столько же невозможно, как уверить нас, что фанатически поврежденная умственная деятельность поклонников Будды или карпатских раскольников важнее и глубже всех вопросов, занимающих нас.

Вы любите европейские идеи — люблю и я их, — это идеи всей истории, это надгробный памятник, на котором написано завещание не только вчерашнего дня, но Египта и Индии, Греции и Рима, католицизма и протестантизма, народов римских и народов германских. Без них мы впали бы в азиатский квиетизм²⁴⁷, в африканскую тупость. Россия с *ними и только с ними* может быть введена во владение той большой доли наследства, которая ей достается. В этом мы совершенно согласны. Но вам не хочется знать, что теперичная жизнь в Европе не сообразна ее идеям. Вам становится страшно за них; идеи, не находящие себе осуществления дома, кажутся вам нигде не осуществляемыми. Историческая эмбриология²⁴⁸ вряд оправдает ли такое заключение. Из неприлагаемости новых общественных идей к современной жизни европейских народов (если б это и было окончательно доказано) нельзя судить о их неосуществляемости вообще, о их неприложимости везде. Разве одна сторона европейского идеала, именно англосаксонская, не нашла себе полного выражения по ту сторону Атлантического океана?

Пути развития очень туги и очень непросты в природе, в истории; они потребляют страшное количество сил и форм. Нам этого мало видно, потому что мы всегда находимся лицом к лицу с готовым результатом, с выработавшимся, с успехом. Ряды неудачных

форм были вызваны по дороге, жили не вполне (по сравнению с последующими) и заменялись другими, нам неизвестными. Они не были пожертвованы, потому что они жили для себя, но, отживши, передали наследие не детям, а чужим. Мамонты и ихтиосавры²⁴⁹ — слонам и крокодилам, Египет и Индия — Греции и Риму. Весьма может быть, что вся творческая способность западных народов истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеал, свою науку, стремясь к ним и осуществляя отдельные, односторонние фазы их со всею страстностью и увлечением борьбы, в которой оттого людям так легко умирать, что они на всяком шагу думают достигнуть *полного* идеала своего.

Вырвут ли забитые массы из рук монополистов силы, развитые наукой, всю эту совокупность технических улучшений быта человеческого, и сделают ли из них общее достояние; или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невежество, подавят массы? В обоих случаях *идеи ваши спасены*, а в этом для вас сущность дела. Наука, независимая от государственных устройств, от *народности*, остается великим результатом европейской жизни, готовым изменить тяжелый исторический быт людей — везде, где встретит способную почву, пониманье и вместе с пониманьем волю.

Вопрос о будущности Европы я не считаю окончательно решенным; но добросовестно, с покорностью перед истиной и скорее с предвзвешенными в пользу Запада, чем против него, изучая его десятый год не в теориях и книгах, а в клубах и на площади, в средоточии всей политической и социальной жизни его, я должен сказать, что ни близкого, ни хорошего выхода не вижу. Стоит взглянуть с одной стороны на сорвавшееся с дороги болезненное, одностороннее развитие промышленности, на сосредоточение всех богатств — нравственных и вещественных — в руках среднего состояния, на то, что оно захватило в руки церковь и правительство, машины и школы, что ему повинуются войска, что в его пользу судят судьи; и с другой стороны, глядя на неразвитость масс, на незрелость и шаткость революционной партии, я не предвижу без страшнейшей кровавой борьбы близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя.

Теперь нечего и думать о прошлых обыденных революциях, которые делались полушутя с беранжеровской песнью²⁵⁰ и сигарой во рту; теперь нет ни Карла X, готового бежать перед опасностью²⁵¹, ни Людовика-Филиппа, который не хотел бомбардировать Парижа²⁵²; теперь нет ни дурачка австрийского императора²⁵³, который по первому ружейному выстрелу дает конституцию;

прусский король хоть и тот же, но уж не снимет с своей пьяной головы фуражку перед убитыми революционерами²⁵⁴; сам Пий IX поумнел²⁵⁵. Июньские дни 1848 года и Каваньяк показали миру, что за Варфоломеевская ночь, что за сентябрьские дни²⁵⁶ ожидают будущую борьбу.

Выйдет ли Европа поюненной из этого испытания или погибнет, как Сенека, в своей собственной крови²⁵⁷, не знаю; но мне сдается, что мы с тобой не дождемся решения. У тебя все волосы седые, а мне сорок четыре года от роду.

Не естественно ли в этом положении современному человеку порасширить свой взгляд, осмотреться вокруг, изучить, как другие страны, не вовлеченные в смертный бой Европы, относятся к будущему, чего от них можно ждать, куда они тянут и нет ли там глупой, приготовительной работы.

Но вне Европы есть только два деятельные края — *Америка* и *Россия*, разве еще начинающаяся *Австралия*. Остальное все покоится непробудным сном или бьется в судорогах, которых мы не понимаем или которые чужды нам, как китайское восстание со всеми своими горами трупов и отвратительным мясничеством.

Америка — Европа колонизированная, то же племя и преимущественно англосаксонское, но при других условиях. Волна за волной несет к ее берегам наплыв за наплывом — и они не остаются на месте, но идут далее и далее. Так, как кромвелевская Англия переплыла океан²⁵⁸ и рассеялась по северным долинам и лесам, так и теперь толпы европейских выходцев плывут туда от голода, от духоты, от преследования, «от будущего», предчувствуя дома беды. Это продолжение векового движения на Запад. Три миллиона ирландцев выселились со времени Р. Пиля²⁵⁹; немецкие государи, торговавшие в XVIII столетии стадами своих подданных²⁶⁰ для ведения войны против независимости, для населения Пенсильвании и пр., задумываются, видя, как народонаселение утекает. Движение продолжается в самой Америке, новые пришельцы просачиваются сквозь осевшее народонаселение, иногда увлекают его — и все стремится, толкаясь и торопясь, на юг; сегодня разрабатывают землю, завтра идут дальше, напирая к экватору, где будет новая встреча и новое сочетание англосаксонского элемента — с испанороманским.

Мы видим, что все это еще расчистка места, вежи, поставленные для означения арены, и никакая сила не удержит североамериканцев, с их избытком сил, пластицизма, неутомимости, от присоединения центральной Америки и Кубы. В то время как в Европе разваливается Венеция, нищает Рим, вянут небольшие города

Италии и Испании за недостатком капиталов и рук, за ленью и недостатком деятельности, — где-нибудь в Калифорнии, в Гондурасе и Никарагуа в несколько лет пустыни превращаются в поля, починки²⁶¹ в города, степи исчерчиваются железными дорогами, капиталы избыточествуют и неутомная сила республики хватает все далее и далее.

Что растет, то юно.

Силен был и рост России, и едва ли он совсем окончился, едва ли она дошла до естественных пределов; это видно сверх географической физиологии из непрерывной заносчивости правительства, из постоянного стремления захватить какой-нибудь клочок земли. Но Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на своей собственной земле. Соединенные Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собою все; каждый шаг, приобретенный ими, — шаг, потерянный индейцами. Россия понимает кругом, как вода, обходит племена со всех сторон, потом накрывает их однообразным льдом самодержавия — и под ним делает из калмыков — солдат, из поклонников далай-ламы — защитников православия, из немцев — *отчаянных* русских патриотов.

И тот же юный пластицизм. Чему смеялся Иосиф II на закладке Екатеринославля, говоря, что императрица положила первый камень города, а он последний²⁶²? Не город там построился, а государство. Новороссийский край — лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперичные поселения на берегах Амура, где на днях будет развеяться звездчатый флаг американских республик²⁶³? Да и самые восточные губернии европейской России? Мы чрезвычайно мало обращаем на это внимания. Читая летопись семейства Багровых²⁶⁴, я был поражен сходством старика, переселившегося в уфимскую провинцию, с «сетлерами»²⁶⁵, переселяющимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или в Иллинуа²⁶⁶. Совершенно новая расчистка нежилых мест и обращение их на хлебопашество и гражданскую жизнь. Когда Багров сзывает со всех сторон народ засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона²⁶⁷. А ведь это всего век тому назад; то же было в саратовском краю и в пермском. В Вятке в мое время еще трудно было удержать крестьян, чтоб они

* «Семейная хроника» С. Т. Аксакова.

не переселялись в леса и не начинали там новые селения (починки); земля для них все еще казалась общим достоянием, той *res nullius*²⁶⁸, на которую каждый имеет право.

Америка как переселение не представляет новых элементов, это дальнейшее развитие протестантской Европы, освобожденной от исторического быта и приведенной в иные условия жизни. Величайшая идея, развитая Северными Штатами, — чисто англосаксонская, идея самоуправления, т. е. сильного народа с слабым правительством, самодержавия каждого клочка земли без централизации, без бюрократии, с внутренним, нравственным единством. Как Америка будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость.

Россия, напротив, является совсем особенным миром, с *своим* естественным бытом, с *своим* физиологическим характером — не европейским, не азиатским, а славянским. Она участвует в судьбах Европы, не имея ее исторических преданий, свободная от ее обязательств прошедшему. «Какое счастье, — сказал Бентам Александру I, когда он был в Лондоне после Наполеоновских войн, — что русскому законодателю не приходится бороться на каждом шагу с римским правом»²⁶⁹; а мы прибавим: ни с феодализмом, ни с католицизмом, ни с протестантизмом. Кормчая книга²⁷⁰ и Уложение²⁷¹ не захватывают все проявления жизни, не заправляют всяким действием, остальные учреждения введены насильем и держатся насильем. У нас нигде нет этих наглухо заколоченных предрассудков, которые у западного человека, как параличом, отбивают половину органов. В основе народной жизни лежит сельская община — с разделением полей, с коммунистическим владением землею, с выборным управлением, с правомочностью каждого работника (тягла). Все это находится в состоянии подавленном, искаженном, но все это живо и пережило худшую эпоху.

Если это сколько-нибудь так, то не надобно быть русским для того, чтоб именно в эти черные дни Европы обратить на Россию особенное внимание. Оно, впрочем, так и делается. Россия занимает и тревожит многие сильные умы. Мне самому случалось говорить об России с серьезными людьми, как Прудон и Маццини, как Т. Карлейль²⁷², который у вас так в моде, как Мишле, который прежде совершенно по-французски понимал ее, т. е. вовсе не понимая, бранил сплеча; и я уверяю, что тот жалкий, чисто *немецкий*

взгляд ненависти и страха, совершенно, впрочем, заслуженный тридцатилетним царствованием Николая, заменяется раздумьем и желанием поближе узнать это новое явление, которого *силу и права на будущее* отрицать нельзя, да они и не хотят.

Действительно, на Западе не могли понимать России, пока Запад верил в себя и шел вперед; но он убедился в невозможности идти путем прежних революций, потеряв разом все плоды их, кроме патологического урока. «Равенство рабства» позволило ближе всмотреться друг в друга, и именно потому Англия всего менее понимает Россию; она равно не участвовала ни в континентальных революциях, ни в общем падении. Она, свободная по-своему, с отчуждением смотрит на страну неволи и самовластья. Но другие народы в своих колодках догадываются, что если временная необходимость втеснила вчера в мирный быт земледельческого народа казарменную дисциплину и сделала из всей России военные поселения, то может завтра другая необходимость все это уничтожить, так, как Александр II уничтожил аракчеевские поселения; эпоха военного деспотизма пройдет, оставив по себе неразрывно спаянное государственное единство и силы, закаленные в тяжкой и суровой школе.

Порог, за который Европа зацепилась, для нас почти не существует. В естественной непосредственности нашего сельского быта, в шатких и неустоявшихся экономических и юридических понятиях, в смутном праве собственности, в отсутствии мещанства и в необычайной усвоимости чужого — мы имеем шаг перед народами вполне сложившимися и усталыми.

Утвердилось русское государство страшными средствами; рабством, кнутом, казнями гнали народ русский к образованию огромной империи, сквозь строй шел он на совершение судеб своих. Сердиться на прошедшее — дело праздное; живой взгляд состоит в том, чтоб равно воспользоваться силами, хорошо ли они приобретены или дурно, кровью ли достались или мирным путем. Военные поселения, как я сказал, проходят, но села остаются. На нашей движущейся, несложившейся почве только и есть консервативного — что сельская община, т.е. только то, что следует сохранить.

Читал я ваши споры об общине; они очень любопытны, но меньше, чем кажется, идут к делу. Родовое ли начало сельской общины или государственное, была ли земля общинная, помещичья или великокняжеская, скрепило ли крепостное право общину или нет — все это необходимо привести в ясность; но для нас всего важнее *настоящее* положение дел. Факт, отклонившийся или нет,

верный или неверный, втесняет себя как он есть. Государство и крепостное право по-своему сохранили родовую общину; постоянное, *зимующее* начало, оставшееся в ней из патриархализма²⁷³, вовсе не утратилось — общинное владение землею, мир и выборы составляют почву, на которой легко может возрасти новая общественная жизнь, которой, как нашего чернозема, почти нет в Европе.

Вот почему, любезный друг, я середь мрачного, раздирающего душу реквиема, середь темной ночи, которая падает на усталый, больной Запад, — отворачиваюсь от предсмертного стога великого бойца, которого уважаю, но которому помочь нельзя, и с упованием смотрю на наш родной Восток, внутри радуясь, что я русский.

Эпоха, в которую Россия вступает теперь, необыкновенно важна; вместо небольших политических реформ, для которых мы не опытом, а умом слишком стары, мы стоим лицом к лицу с огромным *экономическим* переворотом, с освобождением крестьян. И это не все, вопросы наши так поставлены, что они могут быть разрешены общими социально-государственными мерами без насильственных потрясений. Мы призваны перебрать права поземельного владения и отношений работника к орудию работы — не есть ли это торжественное вступление в будущий возраст наш? Вся новая программа нашей исторической деятельности так проста, что тут не надобно гения, а просто глаза, чтобы знать, что делать. Одна робость, неловкость, оторопелость правительства мешает ему видеть дорогу, и оно пропускает удивительное время. Господи! чего нельзя сделать этой весенней оттепелью после николаевской зимы; как можно воспользоваться тем, что кровь в жилах снова оттаяла и сжатое сердце стукнуло вольнее!

Мало чувств, больше тягостных, больше придавливающих человека, как сознание, *что можно теперь, сейчас* ринуться вперед, что все под руками и что недостает одного пониманья и отваги со стороны ведущих. Машина топится, готова, жжет даром топливо, даром теряется сила, и все оттого, что нет смелой руки, которая бы повернула ключ, не боясь взрыва.

Пусть же знают наши кондукторы, что народы прощают многое — варварство Петра и разврат Екатерины, прощают насилия и злодейства, если они только чувят силу и бодрость мысли. Но непониманье, но бледную шаткость, но неуменье воспользоваться обстоятельствами, схватить их в свои руки, имея неограниченную власть, ни народ, ни история никогда не прощают, какое там доброе сердце ни имей.

Мое страстное нетерпение в этом случае несколько не противоречит моей самоотверженной покорности трагическим судьбам

Европы. Тут я вижу близкую возможность, я ее осезаю, я дотрогиваюсь до нее; на Западе ее нет, по крайней мере на сию минуту. Если б я не был русский, я давным-давно уехал бы в Америку.

Ты знаешь, что я не фаталист и ни в какие предопределения не верю, ни даже в пресловутое «совершенствование человечества». Природа и история плетутся себе с дня на день и во веки веков, сбиваясь с дороги, прокладывая новые, попадая на старые, удивляя то быстротой, то медленностью, то умом, то глупостью, толкаясь всюду, но входя только туда, где ворота отперты. Говоря о возможном развитии, я не говорю о его неминуемой необходимости; что из возможного осуществится, что нет — я не знаю, потому что в жизни народов очень много зависит от лиц и воли. Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота; если мы бессильны их отворить, а сильные не хотят или не умеют, дальнейшее развитие прошедшего найдет, вероятно, более способные органы в Америке, в Австралии, где гражданственность складывается совсем на иной лад. Может, и сама Европа переработается, встанет, возьмет одр свой и пойдет по своей святой земле, под которой лежат столько мучеников и на которую пало столько поту и столько крови. Может быть!

...Но неужели в самом деле, выступив одной ногой на торную дорогу, мы опять увязнем в болоте, дав миру зрелище огромных сил и совершенной неспособности их употреблять? Что-то перечит сердцу принять это!

Тяжелы эти сомнения, тяжела эта потеря времени, силы!.. Когда же падет завеса с их глаз? И чего они боятся идти по такому громкому зову будущего? «Новая эпоха наступает для России», — говорили мы, услышав о смерти Николая, говорят теперь все русские журналы, говорит иными словами сам государь. Ну, так пусть же она будет *новая*.

Во всем, что делается, видно нашу несчастную страсть к предисловиям и введениям, на которых мы любим с самодовольством останавливаться. Как будто достаточно решиться что-нибудь сделать, чтоб дело и было сделано.

Мало традиций имеет петербургское императорство, но и они — как ядро на ногах Александра II. Как медленно и не прямо идет он по тому пути реформ, о которых сам столько натолковал! Как мелко плавает его самодержавная ладья! Этим шагом мы в двести лет вряд догоним ли современную Пруссию. А все николаевское предание, николаевская политика и — что, может, хуже всего — николаевские люди!

Пора перестать тупо бояться человеческого языка, белого дня — из трусости перед какой-то призрачной революцией, на которую нет готовых элементов. Пора отказаться от нелепого вмешательства во все европейские дразги, поддерживая всякий раз сторону тиранства, грубой силы, вопиющей неправды. Черт с ним совсем с этим дипломатическим влиянием, за которое все народы нас ненавидят. Это не русская политика, а николаевская, голштинская. Николай сделал из сентиментального Священного союза полицейскую стачку²⁷⁴. Зачем же Александр продолжает ту же роль? Зачем он поддерживает коронованного разбойника в Неаполе²⁷⁵? Зачем он посылает дерзкие ноты в Берн, заступаясь за гогенцолернского дяденьку²⁷⁶? Русское императорство совсем не связано с судьбою ветхих европейских тронов, зачем же он хочет делить без нужды все их гнусности — и справедливо обрушивать на себя все ненависти, заслуженные теми? Петр I выходил на сцену не так, не начальником диких орд, готовых броситься на каждый народ, поддерживать всякую реакцию, душить Венгрию, хотя бы то было в пользу Австрии; нет, он являлся представителем какой-то новой силы; таким он втеснял себя сонму пудренных и изнеженных королей, в своем толстом преображенском мундире²⁷⁷. Оттого-то он и мог любить свободную Голландию больше монархической Франции. Правда и то, что совесть его была чиста; с тех пор черное преступление вызвало круговую поруку между европейским абсолютизмом и русским царизмом; оно, как капля крови, падшая на Каина²⁷⁸, мутит и тревожит сон Зимнего дворца и невольно бросает царей в объятия Пруссии и Австрии. С дележа Польши отношение новой империи к старой Европе изменилось. Но память о преступлении должна вести не к новому ряду злодейств, не к одному страху потерять неправо нажитое, а к угрызениям совести, к раскаянию. Что же сделал Александр II для Польши? “Le Nord” своими брабантскими кружевами по русскому рисунку не скрыл от глаз всю скудность амнистии, всю ничтожность перемен при посещении Александра в Варшаве; у вас остался в памяти один только песенный напев, которым он окончил свою речь — Pas de rêveries! Pas de rêveries!²⁷⁹

Pas de rhétorique! Pas de rhétorique!²⁸⁰ — скажем и мы в свою очередь. Уж у нас-то нет мечтаний! Задавленные властью, неправосудием, взятками, безгласностью, неуважением к лицу, мы хотим безбоязненно говорить, чтоб обменяться друг с другом мыслями, обличить злоупотребления, от которых само правительство краснеет и которые оно никогда не остановит без гласности. Мы хотим освобождения крестьян от помещичьей власти и всей податной

России от палок^{*281}, конечно, это не rêveries²⁸², это очень положительно и чрезвычайно немного.

Да, это очень немного, но в том-то и состоит наша юность, наша сила, что нам так мало надобно для того, чтобы бодро и быстро ринуться вперед. Мы не помощи просим от правительства, а чтоб оно не мешало. Запад, напротив, имея так *много*, не может воспользоваться своими богатствами, они ему достались нелегко, он скуп на них, он консерватор, как всякий имущий. Нам нечего беречь. Конечно, нищета сама по себе еще не есть право на иную будущность и долгое рабство — на свободу; но вот тут-то, идучи из противоположных начал к противоположным целям, я встречаюсь не с славянофилами, а с некоторыми из их мыслей.

Я верю в способность русского народа, я вижу по озимовым всходам, какой может быть урожай, я вижу в бедных, подавленных проявлениях его жизни — несознанное им средство к тому общественному идеалу, до которого сознательно достигла европейская мысль.

Вот отчего, любезный друг, вы нашли созвучную струну в моем направлении и в направлении — более нежели ложном, вредном и опасном — московских литературных старообрядцев, этих православных иезуитов, наводящих уныние на всякого живого человека. И вот отчего, горячо принимая новую общественную религию, возникшую на дымящихся кровью полях Реформации и Революции, с биением сердца перечитывая великие сказания тех времен,

* В то время как я писал это письмо, мне попался в руки «Теймс» с корреспонденцией из России. Англичанин описывает свои впечатления в Москве и в Петербурге; между прочим он говорит, что раз в Петербурге он вышел из концерта на улицу, в ряду экипажей сделался какой-то беспорядок. «Явился высокий полицейский солдат, который ударил сначала кулаком в лицо одного кучера, потом, другого, третьего и т.д.». Англичанин с омерзением рассказывает это происшествие, прибавляя, что если бы он не видел своими глазами, то никогда бы не поверил. По несчастью, я, не видевши, *поверил*. Что же тут особенного, это до того в русском порядке вещей, что не только что правительству, но нам это не удивительно. А ведь мороз по коже дерет, когда подумаешь, что всю Россию, от Авачи до Кронштадта, в деревнях и городах, на улицах и в полицейских домах, в передних и конюшнях бьют без суда, бьют без ответственности, бьют кулаками, бьют палками — и нет никаких мер остановить это безобразие. Что за беда, что городской поколотил каких-нибудь извозчиков, когда само правительство сечет по подяру для помещиков, исполняя прежнюю роль их коннохов?

Пока будут такие пятна на нашем лице и синие рубцы на нашей спине, не взойдем мы в настоящее русло возможной будущности; история не барщина, на которую загоняют розгами крепостных крестьян; рабские руки могут только расчищать место, а не строить для веков. Я не думаю, чтоб нынешний государь *хотел этого*; нет, но я думаю, что ни он, ни его приближенные вовсе не думают об этом; что же за польза от того, что он *не хочет этого*?

я отворачиваюсь от современной Европы и мало имею общего с жалкими наследниками сильных отцов.

Не станем спорить о путях, цель у нас одна, будемте же делать все усилия, каждый по своим мышцам, на своем месте, чтоб уничтожить все заборы, мешающие у нас свободному развитию народных сил, поддерживающие негодный порядок вещей, будемте равно будить сознание народа и самого правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо к тебе словами: На работу, на труд, — на труд в пользу русского народа, который довольно в свою очередь поработал на нас!

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ²⁸³

...

III

SI VIEILLESSE POUVAIT, SI JEUNESSE SAVAIT!²⁸⁴

1

Нам кажется, что западный мозг, так, как он выработался своей историей, своей односторонней цивилизацией, своей школьной наукой, не в состоянии уловить *новые явления жизни ни у себя, ни вчужде*.

Наука (исключая естествоведение) изменила прогрессивному характеру своему и перешла в доктринаризм, который расходится с живой средой, так, как некогда разошлась с нею церковь католическая, а потом и протестантская... Академическая кафедра и церковный налож остаются какими-то *venabilia*²⁸⁵, которым из уважения позволяют поучать, мешаться в жизнь, но которым жизнь не позволяет управлять собой.

Западное миросозерцание, с его гражданским идеалом и философией права, с его политической экономией и дуализмом в понятиях, принадлежит к известному порядку исторических явлений и вне их несостоятельно.

Идеал его, как всегда бывает с идеалами, *тот же* существующий исторический быт, но преображенный на горе Фаворе²⁸⁶. К этим идеалам шли, увлекая поколения, великие мыслители XVIII века, радостные люди 1789 и мрачные 1793, мещане 1830 и их сыновья 1848; к ним нейдут народы нашего времени, потому что они отслужили свою службу, они обойдены чутким инстинктом... и на этом растет разрыв.

Пока западный мир в мучениях и труде строил из своей действительности свои теории и стремился потом из теорий вывести свою действительность — *истины его пережили свою истинность*. Он не хочет этого знать... тут предел, и настоящая Европа представляет нам удивительное зрелище политического и научного консерватизма, соединенных не на взаимном доверии, а на страхе чего-то отрицающего их авторитет.

Страх не совместен ни с свободой, ни с прогрессом. Противузаконный союз науки с властью сделал из нее схоластический доктринаризм во всем относящемся к жизни.

Старая цивилизация истощила свои средства, она становится все больше и больше *книжной*; способность прямо, без письменных документов, относиться к предмету — теряется; заучившийся человек меньше наблюдает, чем вспоминает; привычка все узнавать из книг делает его больше способным для чтения и меньше способным для смотрения. Ученый авторитет, седея, теряет терпимость, становится обязательным и принимает отрицание за обиду и крамолу. У него есть прочный запас давно решенных истин, начал, законов, к ним он не возвращается, оно и не было нужно, пока дело шло о приложении, о развитии прежнего, словом — о продолжении. Но тут, как нарочно, мир не может идти по-старому, а догматики не верят, чтобы мир мог шаг сделать вне форм и категорий, вперед ими признанных.

Я с ужасом слышу грозное негодование моих ученых друзей.

«Да он властей не признает!»²⁸⁷ — говорят они. — Что же это, наконец, — кошунство в девичьей спальне Минервы²⁸⁸, этого мы не потерпим. Дело теперь не о русских немцах и не о немецких русских, дело о достоинстве науки, за нее мы заступимся: *Moriamur pro regina nostra*».²⁸⁹

— Равви, если б вы выслушали меня...

— Да что вы можете сказать, вы софист, вы скептик, вы любите парадоксы!

— Во-первых, я бы вас успокоил насчет науки, она *assez grand garçon*²⁹⁰, чтоб не нуждаться в защите дядек от нападок какого-нибудь поврежденного. Наука такой же сущий непреложный факт, как воздух, как луна; можно сказать, что воздух сегодня не чист и луна там-то не светит, но начать бранить воздух или луну может только сумасшедший. Представьте себе человека, который бы стал говорить, что воздух глуп, и другого, который с негодованием стал бы ему возражать, защищая благородный, хоть и несколько ветреный характер его.

— Все, это так, но вред от нападок ваших унижает цивилизацию и науку в глазах невежд и лентяев, а нам надобно учиться, много учиться.

— И будемте. Как же не учиться и где же лучше учиться, как не у старших братьев. Но скажите мне на милость, ваши похвалы наукам и искусствам подняли ли их, например, в глазах первых трех классов в России? Не проймешь их превосходительства²⁹¹ велеречием; они могут только уважать по высочайшему повелению или по воле высшего начальства. Но дело не в том, а в том, что, уважая науку всем сердцем и всем помышлением и отдавая ей все, что ей принадлежит, я не хочу создавать себе из нее кумира, а, совсем напротив, призвав ее логическое благословение, скажу, что безусловной науки нет (как вообще нет ничего безусловного). Наука в действительности всегда обусловлена; отражаемый мир явлений — в *человеческом* сознании, — она делит его судьбы, с ним движется, растет и отступает, постоянно находясь в взаимодействии с историей., Оттого в развитии ее тот же поглощающий, страстный интерес, та же поэзия и драма, те же страдания и увлечения, как в истории. Ее *относительная* истина всегда отклонена от прямой линии мозговым преломлением и подкрашена средой — и тем больше, чем предмет ближе к нам.

Западный мир, и это совершенно естественно, считал и считает свою науку абсолютной, свой путь — единым ведущим к спасению. Но так как магнитная стрелка его сильно отклонилась от прямого направления в продолжение долгого исторического плаванья, то он наконец хватился об утес и, боясь потонуть, бросился на мель. Теперь все усилия, весь труд употребляется, чтоб неподвижному сидению на мели придать вид прогрессивного движения.

Для того чтоб в самом деле плыть дальше, надобно весь, груз бросить в море, а его много и жаль. Жаль ученым не меньше банкиров, и они переходят на консервативную сторону. В самом деле, разве какому-нибудь юристу легко признаться, что все уголовное право — нелепая теория мести; что лучший уголовный суд — очищенная инквизиция; и что в лучшем кодексе — нет ни логики, ни психологии, ни даже здравого смысла?

К тому же теоретические убеждения упорнее всех на свете, упорнее религиозных верований, именно потому, что они имеют свое одностороннее логическое оправдание, свое диалектическое доказательство, основанное не на патологическом состоянии мозга, как в религии, а на относительной истинности. Средств переубедить человека, теоретически убежденного, никаких нет, это совершеннейший предрассудок. Логика не имеет такой силы над привычным складом ума, над застарелыми приемами его. Убедить

вообще можно только того, кто или никакого мнения не имеет или чувствует, что его мнение шатко. А западный ум, совсем напротив, убежден в непогрешительности своей методы и в *истине своих истин*.

Но будто нет исключения?

Есть. Но эти люди такие же иностранцы на Западе, как и мы. Старая Европа, ученая, юридическая, этико-политическая и политико-экономическая, филологическая и либеральная, относится к ним с таким же непониманием, как к нам, и с двойной ненавистью.

К тому же они побеждены!

2

С того дня, когда невозможность величайшей утопии, когда-либо волновавшей дух человеческий, обличилась, когда усталый народ и откипевшие партии поняли, что из монархической Франции нелегко создать даже с помощью гильотины демократическую республику, основанную на разуме, равенстве и братстве, и все стремилось взойти в покойное русло, т.е. найти себе господина, который бы снял на свои плечи бремя самоуправления, — с того самого дня поднялся голос *протеста*²⁹², говоривший, что революция не удалась не потому, что она сбилась с своих начал, а что она сбилась с них потому, что из ее начал не выведешь нового общественного устройства, сообразного с потребностями разума.

Революция отвечала на дерзкий протест ржавым топором, уже выходящим из употребления. Человек был убит, голос остался, и иной раз его слышали издали, даже во времена нравственной прострации всеобщей бойни «периода славы», потом погромче во времена Лазарева воскресения Бурбонов и, наконец, очень громко, когда за прилавок Франции сел смышленный хозяин Людовик-Филипп²⁹³.

В процессе улицы Ménilmontant²⁹⁴ люди увидели в первый раз, после Плиния и Тертуллиана²⁹⁵, небольшую кучку сектаторов²⁹⁶ отвергавших не то или другое учреждение, не ту или другую форму правительства, но все современное общественное устройство, и притом не одно австрийское, не одно папское, а с тем вместе и все либерально-конституционное короля-гражданина и хартии, «следвавшей правдой»²⁹⁷.

Государство должно было их преследовать, это был вопрос на жизнь и смерть, и не одно государство опрокинулось на них, но и общественное мнение, руководимое либеральной буржуазией. Тут не было места для взаимных уступок, не на чем было примириться; между католиком и кальвинистом, между легитимистом

и якобинцем, при всей их противоположности, были общие данные, общие истины, были идолы, которым поклонялись те и другие, святыни, чтимые ими обоими. Между судьями и сен-симонистами ничего не было общего. Они отвергали весь существующий порядок. «Да как же это, — говорили не только судьи, но и либералы, — разве наша цивилизация рядом с своими недостатками ничего не выработала прочного, дельного, кроме ворот, которыми из нее выходят?.. Что же станется со всем этим миром богатства, просвещения, искусств, промышленности, свободных учреждений?» И борьба ассизов²⁹⁸ сделалась общественной борьбой. Либерализм, ополчаясь против социализма, с самого начала громко возвестил миру, что он идет на защиту *цивилизации*, против новых варваров.

Чего же так испугалось государство — этих блудных сынов обречения, осмелившихся слабыми руками покатить столпы векового здания? Того, что все столпы и своды, дворцы и академии были построены на корабельной палубе, отделенные досками от бездонной, дремлющей пропасти, от пропасти пролетариата и голода, изнуряющей работы и недостаточного вознаграждения за нее.

Борьба продолжалась бы, вероятно, долго. Но после пятнадцатилетнего зстоя дела пошли быстро. Прогнали *возможного* Людовика-Филиппа, провозгласили невозможную республику в невозможный *suffrage universel*²⁹⁹. Груша была зрела для гниения³⁰⁰. Спор перешел из книг и журналов на площадь. «Варвары» были побеждены, «цивилизация» была спасена³⁰¹; Сенар³⁰² от ее имени благодарил Каваньяка. Свобода, равенство и братство были обеспечены!

Но вот что странно, — с этой победой что-то убыло, какой-то нерв был перерезан. Республика стала бессмысленна, народ равнодушен к ней, и от падения до падения Франция упала по горло в Наполеона и успокоилась в нем. Что же случилось? Варвары были побеждены, цивилизация торжествовала, а между тем — то будто Франции было стыдно, то будто на совести что-то неловко. Социальные идеи скрылись, взошли внутрь, и рядом с тем, как на смех, нелепость республики обличилась до того, что одной темной ночью президент ее послал квартального взять ее за шиворот и выбросить вон. Он ее и выбросил, при хохоте работников, которые думали, что выбрасывают Шангарнье и квесторов³⁰³.

С тех пор ум, пониманье отступили на столетие во всей Европе. Одиочалые правительства беспрепятственно давили и гнали, заключали конкордаты³⁰⁴, преследовали мысль; что-то кровожадное снова развилось в европейских нравах, начались ненужные войны³⁰⁵. И в третий раз подогретые мнения либерализма, снова гонимые, стали подымать голову в репейниковом венце и делать

дальние намеки о парламентской трибуне, о свободном книгопечатании³⁰⁶.

Зачем было выгонять Людовика-Филиппа? Он отлично уравнивал своим безменом свободу и рабство, революцию и консерватизм. Я не говорю, чтоб формы Июльской монархии были особенно хороши, но они были лучшие формы, до которых Франция доросла. Людовик-Филипп служил фонтанелью³⁰⁷, оттягивающей в себя четверную ненависть легитимистов, бонапартистов, республиканцев и социалистов. Как только мартингал³⁰⁸ королевской власти был снят, партии сцепились друг другу в волосы.

Монархическая власть вообще выражает меру народного несовершеннoлетия, меру народной неспособности к самоуправлению; к какой же подаче всеобщих голосов была готова Франция? Она была готова к деспотизму, он и явился под фирмой Бонапарта.

Но как бы то ни было, одна из главных побед — *победа над социализмом* — была сделана, об нем перестали говорить.

«Не далее!» — сказал западный ум и остановился, так, как некогда он уже останавливался по приказу Лютера и Кальвина. Может, предел был практически необходим, но он необыкновенно кастрировал вольный полет мысли, сузил взгляд и лишил способности понимать все выходящее из пределов старого порядка вещей. Один страх попасть в социальные идеи сам по себе заставляет теперь осматриваться, сжиматься, оговариваться, и это тем труднее, что социальные идеи, как неминуемый силлогизм либеральных посылок, стоят на каждом логическом шагу вперед.

Середь этого застоя, вызванного противудействием естественному развитию, середь конфузии, происходящей от постоянно поднимающихся выше и выше волн неотразимой реакции, вдруг представляется русский вопрос об *освобождении крестьян с землею, об общинном владении*. Страна, которую знали за безобразнейшее самовластье, за кнут и взятки, за ее штыки, направленные против всякого прогресса, за ее секущее дворянство и мужиков, продаваемых чуть не на вес, — эта страна является с каким-то вопросом, сильно пахнущим социализмом. — Что за вздор!

— Явное дело, что все это нелепость, — говорят западные западники*.

* Из европейцев старого толка Гакстаузен понял русскую сельскую общину. Но сам Гакстаузен находится в каком-то исключительном положении, в семейной ссоре с современностью. Иезуит и патриархальный *Freiherr* (барон), он из рыцарских видов ненавидит бюрократию и централизацию, зато из католических — монархист. Он пленился в славянской общине возможностью *self-government* (самоуправления), допускающего николаевский деспотизм.

— Явное! — отвечают им восточные.

...Что касается до старой цивилизации, которая возвела свой быт в науку, обобщила его в закон и все в свете разрешает по аналогии с собой, мы очень хорошо понимаем не только ее непонятливость, но и ее озлобление... два полюса всех ее ненавистен, два пугала, употребляемые то властью, то народами, чтоб страшать друг друга, — *Россия и Социализм* являются в одном вопросе.

Не разделяя этой ограниченности, мы можем себе объяснить ее; но, возвращаясь, как французы говорят, — *nos moutons*³⁰⁹ мы совершенно перестаем понимать непонимание русских немцев.

У нас что засорило ум?.. Какое великое воспоминание отклонило его?.. Этот почтенный вековой мох, эта седая плесень на наших мыслях что-то подозрительна и сильно сбивается на жженую хлопчатую бумагу, которой для новичков обвертывают бутылку молодого вина... мы *прикидываемся* тем, чем европейцы стали на старости лет, и — страстные актеры — окончиваем добросовестно, но карикатурно, сживаясь с маской.

На берегах Средиземного моря есть раковины, в которых живут крабчики³¹⁰; это вещь очень смешная: креветка маленькая, находя пустую раковину, помещается в ней, комнатка, отделанная перламутром, ей нравится, она растет себе в ней, выпуская клещи и ноги, и растет до того, что вылезть не может, и тогда креветка таскает на себе всю раковину, едва передвигая ноги, — наши русские западники ужасно похожи на этих креветок в маскарадном платье; они даже, как раки вообще, пятятся назад, думая идти вперед!

3

Быт европейский, последнее слово тысячелетней исторической жизни, — это ее результат, ее предел, до *этого* она выработалась. Россия, напротив, еще складывается и ищет своего устройства; у нас все, кроме сельского быта, носит характер внешней необходимости, временной меры, чего-то переходного — стропил, лесов, карантина.

Это различие возрастов и положений поражает русского, переезжающего западную границу. Мы видим на каждом шагу следы старой, глубоко вкоренившейся цивилизации — личность независимее, образование шире, потребности развитее, нам становится завидно и стыдно, вспоминая страну помещичьих и полицейских розог, наглого произвола и безответного молчания.

Многие из русских, и, между прочим, Чаадаев в своем знаменитом письме³¹¹ сетуют на отсутствие у нас того элементарного

гражданского катехизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находим с разными изменениями у всех западных народов. Это правда — и если смотреть только на настоящее, то вред от этих неустоявшихся понятий об отношениях, обязанностях и правах делает из России то печальное царство беззакония, которое ставит ее в многих отношениях ниже восточных государств.

В самом деле, идея права у нас вовсе не существует, или очень смутно; она смешивается с признанием силы или совершившегося факта. Закон не имеет для нас другого смысла, кроме запрета, сделанного властью имущим; мы не его уважаем, а кварталного боимся... Нет у нас тех законченных понятий, тех гражданских истин, которыми, как шитом, западный мир защищался от феодальной власти, от королевской, а теперь защищается от социальных идей; или они до того у нас спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерватор от них шарахнется назад. Что, в самом деле, может сказать в пользу неприкосновенной собственности своей русский помещик-людосек, смешивающий в своем понятии собственности огород, бабу, сапоги, старосту?

Все это так. Но тут-то мы сейчас и разойдемся. Петровская метода избаловала нас своей необычайной легостию. Нет гражданского катехизиса — взять немецкий, переложить на наши нравы, как перекладывают французские водевили, переплести в юфть³¹², вот и будет катехизис³¹³. Так думают девять десятых из наших просветителей *in spe*³¹⁴. Так поступали англичане с индейцами: находя у них какие-то неразвившиеся зачатки патриархально-общинного управления, они его заменили английским. Которое из двух законодательств — индейского и английского — выше, кажется, нельзя спрашивать. Посмотрите, что в приложении к индейским земледельцам сделало это повышение в юридическом чине. Оно кретинизировало народ, местами убило его, местами развило ту ненависть к Англии, которую мы видели год тому назад³¹⁵.

Князь Козловский, встретив на пароходе маркиза Кюстина, заметил ему, что в нашем обществе большой пробел от недостатка рыцарских понятий, с которыми связано уважение к себе и признание личного достоинства в других³¹⁶. Князь Козловский совершенно прав... Только подумайте, что было бы *au jour d'aujourd'hui*³¹⁷, если б у нас вместо выслужившихся писарей и вахмистров, вместо царской дворни и разных Собакевичей и Ноздревых³¹⁸ была, например, аристократия вроде польской? Для дворян это было бы лучше, нет сомнения; они были бы свободнее, они шире бы двигались, они бы не позволяли ни царям обращаться с собою, как

с лакеями, ни лакеям на службе обращаться с ними по-царски — против этого спорить нельзя. Но как бы пошел вопрос об освобождении крестьян с землею?.. А потому вряд не лучше ли, что наши тамбовские Роганы и калужские Ноальи³¹⁹ не прошли рыцарским закалом, а оделись только в рыцарские доспехи... вроде диких на Маркизских островах, приходивших к Дюмон-Дюрвилю на корабль в европейских мундирах с эполетами, но без штанов³²⁰.

То же самое придется сказать об отсутствии уважения к законности с обеих сторон — со стороны народа и со стороны правительства.

На первый взгляд совершенно ясно, что уважение к закону и его формам ограничило бы произвол, остановило бы всеобщий грабёж, утерло бы много слез и тысячи вздохнули бы свободнее... но представьте себе *то великое и то тупое* уважение, которое англичане имеют к своей законности, обращенное на наш свод. Представьте, что чиновники не берут больше взяток и исполняют буквально законы, представьте, что народ *верит*, что это *в самом деле* законы, — из России надо было бы бежать без оглядки.

Стало быть, серьезный вопрос не в том, которое состояние лучше и выше — европейское, сложившееся, уравновешенное, правильное, или наше, хаотическое, где только одни рамы кое-как сколочены, а содержание вяло бродит или дремлет в каком-то допотопном растворе, в котором едва сделано различие света и тьмы, добра и зла. Тут не может быть двух решений.

Остановиться на этом хаосе мы не можем — это тоже ясно; но для того чтобы *сознательно* выйти из него, нам предстоит другой вопрос для разрешения: есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил, какие бы антецеденты³²¹ ни имел, должно пройти им, как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и пр.? Или оно само — частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуальными вследствие известных событий, при известных элементах, при известных помехах и отклонениях. И в таком случае нестранно ли нам повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, *зная вперед le secret de la comédie*³²², т.е. что со всем этим развитием, рано или поздно, нас также причалит к той меже, перед которой вся Европа свернула паруса, и, испугавшись, гребет назад ...

Я могу понять русских помещиков тридцатых годов, возвращавшихся из чужих краев корча буржуа и фабрикантов, с умилением смотревших на французский либерализм; я еще больше

понимаю поклонение к Германии русских ученых, которые из Берлина привозили нам в сороковых годах живое слово науки и тайком передавали его нам. Это было время Людовика-Филиппа, конституционной свободы, свободы мысли и преподавания. Это было при Николае, Запад становился нам дорог как запрещенный плод, как средство оппозиции... То ли время теперь?

Мы столетием отделены от него.

И мы, и Европа совсем не те, и мы, и Европа стоим у какого-то предела, и мы, и она коснулись черты, которой оканчивается том истории.

Тогда западные люди не знали еще своей границы, они свой быт высокомерно принимали за идеал всех народов, они соглашались, что в нем надобно кое-что почистить, но в фонде никто не сомневался. Гегель видел в монархии на манер прусской, с ее потсдамской религией, *абсолютную политическую и религиозную форму государства*³²³. А если с ним не были согласны Барбес и Гюдефруа Каваньяк³²⁴, то это потому, что они наверное знали, что абсолютная форма государственная — это Французская республика на манер 1793 года, *avec un pouvoir fort!*³²⁵

Тогда, униженные, забытые Николаем, и мы верили в западный быт, и мы тянулись к нему.

Теперь — Запад пошатнулся; мы вышли из оцепенения; мы рвемся куда-то, он стремится удержаться на месте. Черта, до которой мы дошли, значит, что мы кончили ученическое подражание, что нам следует выходить из петровской школы, становиться на свои ноги и не твердить больше чужих задов. В идее, в меньшинстве мыслящих людей, в литературе, на Исаакиевской площади, в казематах мы прожили западную историю — и будто теперь нам надобно ее повторять оптом?

Европа перешла от скверных проселков к хорошим шоссе, а от них к железным дорогам. У нас и теперь прескверные пути сообщения — что же нам сперва делать шоссе, а потом железные дороги? Эта педагогика напоминает мне Гейне; он находит очень хорошим, что в немецких школах преподают римскую историю так, как ее преподавали до Нибура. Иначе, замечает он, трудно было бы молодому поколению оценить всю заслугу великого историка, доказавшего, что все то, что их заставляли учить, суший вздор³²⁶.

Наши отношения к Западу до сих пор были очень похожи на отношения деревенского мальчика к городской ярмарке. Глаза мальчика разбегаются, он всем удивлен, всему завидует, всего хо-

чет — от сбитня и пряничной лошадки с золотым пятном на гриве до отвратительного немецкого картуза и подлой гармоники, заменившей балалайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота! Качели вертятся, разносчики кричат, паяцы кричат, а выставок-то винных, кабаков... и мальчик почти с ненавистью вспоминает бедные избышки своей деревни, тишину ее лугов и скуку темного, шумящего бора.

Вслушиваясь в толки наших «ученых друзей»³²⁷, мне часто приходило в голову это сравнение. Один тоскует, отчего у нас не развилась такая муниципальная жизнь, как в Европе, отчего у нас нет средневековых городов, с узкими улицами, по которым ездить нельзя, с уродливыми домами, в которых жить скверно, с переулками, копотью и памятниками XIII, XIV столетия... Другой не может утешиться, что у нас нет среднего сословия в западном смысле — той настойчивой, трудолюбивой буржуазии, которая так упорно боролась с рыцарями и королями, так ловко защищала свои права и пр.

Мы не имеем ничего в защиту наших уездных сел, называемых городами, и сами жалеем, что Николай Павлович, который все мог, не велел в них построить древних памятников и узких улиц. Мы также ничего не имеем в защиту наших мещан, отданных в крепость квартальным, и наших купцов, пожалованных губернаторам. Тем не меньше остановимся на этом примере. Неужели «ученые друзья» наши, восхищаясь средневековыми зданиями, не замечают, что односторонне развитая муниципальная жизнь Европы сделала страшный разрыв между сельскими и городскими жителями и что этот антагонизм двух населений составляет теперь, вместе с постоянным войском и настойчивой, трудолюбивой буржуазией, твердейший оплот реакции? Между селом и городом — века; иные понятия, другая религия, другие нравы, часто другой язык. Сельские народонаселения Запада нам кажутся его резервом, народом *будущей* Европы, *по ту сторону* городской цивилизации и городской черни, по ту сторону правительствующей буржуазии и по ту сторону утягивающих все силы страны столиц.

Бедные массы городов, безотраднейшие жертвы разработки лучшей жизни для других, вряд ли имеют будущность; они изнурены, они нервны, в их жилах большая кровь, унаследованная от поколений, выросших и умерших в нужде, духоте, сырости; у них развивается иногда звериная хитрость, но не ум; мир их узок, не идет далее прибыли нескольких копеек; они идут в лаццарони. Люди полей сменяют их. В этом отсталом, но крепком мышцами краже осталась бездна родоначальных сил; оно в своей бедности

и ограниченности не так истощало, не так обносило, не так покрывлось пылью, как городской пролетариат и мелкое мещанство; оно работало на чистом воздухе, на солнце и дожде. Гордая цивилизация пронеслась мимо деревень, не раскрывая тюков своих; но минуя сельского жителя, она спасла его от пошлого полуобразования и оставила при своей самобытной и простой поэзии в жизни и одежде, в речи и пляске, в то время как бедный горожанин утратил все, вытягиваясь для карикатурного подражания аристократам.

Житель полей был всем обойден — не для него строились театры и академии, не для него писались книги, на языке почти незнакомом ему, не для него издавались журналы, — ему была оставлена детская поэзия церкви, и вместо училища, кафедры, литературы он был покинутым на попа невежду, страшавшего своим библейским колдовством. И действительно сельское население словно замерло на тяжелой работе, около убогих очагов своих. Оно не брало страстного участия в политических партиях, раздиравших города; оно платило подать, давало солдат и вовсе не понимало вопросов, которые некогда казались так просты и в которых теперь все перестают что-нибудь понимать.

Той необходимости, которая вызвала города и обусловила их необходимость, больше нет; ту пользу, которую они могли принести, они принесли. Где теперь та трудность сообщений, которая заставляла людей не разъезжаться, найдя выгодное место? Где опасность феодальных набегов, против которых люди лепились как можно теснее, окружали свои дома оградами, строили заставы и крепости? Обстоятельства изменились, последний враг — пространство — побеждено. Города продолжают расти на том основании, на котором все живое растет; но все живое имеет свой предел, за которым смерть или страдание.

Мы живем в *городе городов* — в Лондоне. Неужели вы думаете, что такая нелепость имеет какую-нибудь будущность?

Одна волна населения за другой прибывалась к этим докам вселенной и оседала, как саранча на падающие крупы... и вот скипелась трехмиллионная толпа, заражающая воздух, заражающая воду, теснящаяся, мешающая друг другу и сросшаяся в какие-то плотные колтуны своими самыми большими частями... Взгляните на темные, сырые переулки, на население вросшее на сажень в землю, отнимающее друг у друга свет и землю, кусок хлеба и грязное логовище, посмотрите на эту реку, текущую гноем и заразой, на эту шапку дыма и вони, покрывающую не только город, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимые условия цивилизации? Сначала эта бесконечность улиц,

эта огромность движения, эти пять тысяч omnibusов, снующих взад и вперед, эта давка, этот оглушающий шум поражает нас удивлением, и мы, краснея, признаемся, что в Москве с небольшим триста тысяч жителей... но нельзя же остановиться на точке зрения нашего мальчика на ярмарке. Простой человеческий инстинкт шепчет вам: «Тут быть беде!»

Богатый Лондон, как будто чуя это, расползается, выходит сам из себя по всем подгородным окрестностям, и заметьте, он не продолжает пристраиваться, как делал двадцать лет тому назад, а кладет между собой и этим гнилым морем две нитки железной дороги.

Ну а бедный Лондон что сделает? Что сделает это выгорелое топливо цивилизации, этот слой мокриц, кишаших в Бет-наль-Грине и в Вейт-Чапеле, в ирландских кварталах и в Ламбете³²⁸? Энергию искать другой судьбы они давно потеряли, силы пробовать новое счастье утрачены, они *пошли назад*, запуганные не людьми, а гнетущим роком, безжалостным и нелюбезным; они не верят в себя, не верят в лучшую судьбу, у них явилось если не христианское смирение, то смирение и покорность отчаяния, иногда только нарушаемое таким диким взрывом страстей, таким страшным преступлением, что волос дыбом становится... куда же они денутся?.. разве Темза поможет смести их холерой и тифусом...

Я останавливаюсь на этом; моя цель не исследовать, что будет с Лондоном, мне хотелось только насторожить наших правоверных западников и заставить их остановиться перед вопросом.

— Стало быть, в России все очень хорошо и лучше, чем в Европе?

— Нет, не стало.

Неужели вы в самом деле не видите, в чем дело. Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи *несравненно выше* политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, современному пониманию. Это понимание развилось на Западе; но с той минуты, как оно было признано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих. Запад носит в себе зародыш, но желает продолжать свою прежнюю жизнь и делает все, чтоб произвести абортив³²⁹. Кто из них останется жив — мать ли, ребенок ли, или как они примирятся — этого мы не знаем. Но что мать представляет больше воспоминаний, а зародыш больше надежд — в этом нет сомнения.

Ввиду этой борьбы возникает страна, имеющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ее фасад и народный быт неразвитый, полудикий, но несколько не похожий на народный быт европейских народов. Он в своей маске так же мало может идти, как Европа в своей коже. Что же ему делать?

Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы прийти в поте лица, с подгибающимися коленями через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в *самом деле*, а только для какого-то искусства? Да разве вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играем в маневры и представляем мирную войну, зачем же еще представлять прошлую историю цивилизации?

А потому существенный вопрос в том — как относится наш народный быт не к обмирающим формам Европы, а к тому новому идеалу ее будущности, перед которым она побледнела, как перед головой Медузы³³⁰!

5

В истории бывают чудеса мудренее всех сказочных чудес, в ней иногда спят крепче двенадцати спящих дев³³¹, в ней точно так же есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительного забвения.

Не чудо ли, в самом деле, что в продолжение полутора веков мы не имели никакого понятия о русском народе. Все время, пока нас вытягивали в колоссальную империю, пока нам прививали цивилизацию и мы с успехом учились тому и другому, у нас не было никакого сознания о нашем народе; были люди, знавшие русскую историю, но современного народа не знал ни один человек.

Возле, около, со всех сторон, на необозримом пространстве жило население, считаемое десятками миллионов, единоплеменное с нами, говорящее с нами одним языком, находившееся в непрерывном и самом тесном сношении с нами, уже по тому самому, что оно нам было отдано на кормление, — и мы об нем не больше знали, как в Англии знают об индейцах, т. е. что их легко обирать.

Употребляя его в снесь, тучнея от него, мы так же мало думали о нем, как о гречневой каше или буженине, — питательно и хорошо. Народ с своей стороны не напоминал о себе, а только кланялся в пояс при всяком заеденном поколении помещиками и чиновниками, приговаривая: «Дай бог на здоровье, мы на то ваши дети, вы на то наши отцы, чтоб нас кушать».

Ну в какой же сказке, в каком «Бове королевиче», в каком «Еруслане Лазаревиче» вы найдете что-нибудь удивительнее?

Между тем западное образование прививалось недаром, мы в нем дочитались до того, что ни антропофагия³³², ни раболепие

не составляют высоких качеств человека, что человек, который сечет и насильничает, очень легко получает сам пинки; и мало-помалу началось у нас складываться *либеральное мнение*, сначала в небольшом круге образованных.

Как только у нас явилась мысль об обуздании правительственного произвола, рядом с нею явилась, как дополнение, мысль об освобождении народа. Но долгий разрыв высказался тут всего яснее тем, что развитое меньшинство, имея благородные, общечеловеческие стремления, не знало быта народного и, следовательно, его истинных потребностей.

Надо правду сказать, что либерализм нигде не отличался глубоким знанием народа, особенно сельского. Либерализм вообще явление переходное, развившееся в городской цивилизации, необходимая расчистка места между старой и новой постройкой. Он всегда довольствовался отвлеченным понятием о народе, риторическим образом его, в котором были совмещены простота Геснеровых патриархов, нравы дезульеровских пастушек и свирепые добродетели римского плебея допунических времен³³³.

У нас расстояние между народом и либеральным дворянством казалось тем страшнее, что между ними ничего не было, какая-то бесконечная пустота, в которой едва заметно плетутся купцы, плетутся мещане, фельдъегери скачут взад и вперед, помещики мелькают, чиновники мчатся на следствия — нисколько не сближая двух России, остающихся двумя враждебными станами.

И при всем том разрыв этот вовсе не был следствием всей исторической жизни, как распадение горожан с крестьянами, простолюдинов с феодалами в Европе. Разрыв был сделан у нас по указу, насильственно, с педагогической целью и был до того сначала чужд, ненатурален, что в предупреждение нового сближения правительство выдумало ставить тавро на лица, своего рода обрезание, и стало метить своих бритвой и ножницами, чтоб они не мешались с прочими. Однажды разрезанные части целого, намеренно поставленные в враждебное положение, по свойственной телам упругости, удалились друг от друга с каким-то отвращением. «Мужик!» — говорила с высокомерием обритая и одетая в ливрею Русь об народе. «Немцы!» — бормотал себе в бороду с затаенной злобой народ, глядя на дворян.

Так и устроились мы. С одной стороны, народ в угрюмом а *parte*³³⁴, задавленный работой, полицией, помещиками, живущий никому не известной жизнью расколов и не имеющий ничего общего с просвещающим правительством; с другой стороны, дворянство, нераздельное с правительством и потому само представ-

ляющее правительство. Русское поверие, что дворянин должен служить — иначе он теряет свое звание, самое слово «недоросль» доказывает, что у нас дворянство принято народом за коренную службу.

С развитием просвещения возникает удивительное зрелище. Правительственная Россия делится сама в себе на правительство и оппозицию, так что одни чиновники представляют протест, либеральное начало, другие консерватизм, начало авторитета — и оба остаются на службе, получая чины и отличия. Это одна из причин, отчего не только русский народ ничего не понимает во всем этом, но и все европейские.

«У нас все делается наизнанку, — сказал умирающий Ростопчин³³⁵, услышав весть о 14 декабря. — В 1789 году французская *gouture*³³⁶ хотела стать вровень с дворянством и боролась из-за этого, это я понимаю. А у нас дворяне вышли на площадь, чтоб потерять свои привилегии, — тут смысла нет!»³³⁷

Федор Васильевич был умный человек, умевший не хуже фан Амбурга³³⁸, обходиться с Павлом не обжигаясь и сжечь вовремя Москву но и он с своей философией XVIII столетия не понял этого странного явления. Может, в раздвоении дворянского стана в противность собственной выгоды лежит лучшее доказательство, что порча его не глубока, и единственный путь искупления.

Не имея за собой балласта народного населения, разорвавшееся с ним образованное меньшинство понеслось, как порожняя телега, быстро догоняя западное движение, подпрыгивая на тех кочках, на которых предшественники ломали себе шею.

Но, сравниваясь с Европой, мы оставались в петровском отношении к народу, т.е. смотрели на него как на грубую массу, которую надобно очеловечить. Немецкого презрения Бирона с компанией³³⁹ у меньшинства, разумеется, не было, оно заменилось чувством более мягким сострадательного покровительства к неразумным детям.

На этом нас застают два события: падение Европы перед социальным вопросом, социальный вопрос, поставленный Александром II как призыв России к жизни.

Западные публицисты с тем несокрушимым упрямством, которое им дает ненависть к России и невежество, смеются, когда мы говорим о великом историческом значении нашего освобождения крестьян с землею. А нам кажется вопрос этот до того важным, что одно постановление его ставит нас совсем на другую ногу с Европой и дает Александру II место в числе величайших государственных

ных деятелей нашего времени, какие бы, впрочем, он промахи и шалости ни делал.

Перед *социальным* вопросом начинается наше равенство с Европой, или, лучше, это действительная точка пересечения двух путей; встретившись, каждый пойдет своей дорогой.

Западный мир, дойдя до своего предела, сам указал, что ему мешает, и отрицательно определил свое искомое. Случайное распределение сил, богатств, орудий работы, оставленное ему в наследство, окаменело давностью и, укрепленное всеми новыми средствами, ставит стену, которую до сих пор нельзя взять никаким приступом. Труд, с одной стороны, капитал — с другой, работа, с одной стороны, машина — с другой, голод, с одной стороны, штыки — с другой. Сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья. “Vivre en travaillant ou mourir en combattant!” — кричат работники³⁴⁰. “Qui a du plomb a du pain!” — отвечает им Бланки³⁴¹.

Мирное решение у них было одно, но зато оно не было решение. Социальное меньшинство требовало у Законодательного собрания *признание права на работу*³⁴². Под ним крылось мастерство работ, т.е. разрешение правительством борьбы между капиталом и работой, доходом и трудом, заведование государством всеми производительными силами, иначе — промышленный деспотизм, прибавленный ко всем остальным.

Сверх всего, такое решение могло только водвориться на полном устранении старого порядка вещей, на полном отречении его от всех прав своих. Но он вовсе не похож на качающийся зуб, который стоит тронуть, чтоб он выпал, а скорее на слоновый клык, почернелый, испорченный, но глубоко вросший в челюсть.

Единственная органическая попытка и была сделана рабочими артелями и товариществами³⁴³. При том общественном устройстве, в котором капитал, сверх своей силы, гнетет всю силу правительства, они не могли выдержать ни конкуренции, ни полицейского преследования — стало, и тут не было выхода.

Либералы старого толка, политические экономеры старого исповедания решили, не без внутреннего удовольствия, что задача невозможная, что надобно все предоставить снова знаменитому *laissez faire*³⁴⁴ и, улучшая вообще существующие формы, ждать благодетельных последствий от увеличения школ и уменьшения браков, от свободы торговли и технических усовершенствований. Пока они этого ждут, девять десятых континента сломались под грубым солдатским деспотизмом, народы разорены содержанием армии, тень политических прав исчезла, и последний остаток их

Франция употребила на то, чтобы противудействовать Наполеону в его замыслах свободной торговли³⁴⁵.

Зато в Американских Штатах осуществилось все, о чем либералы мечтали, да, сверх того, такое развитие невольнического груга, его признания, его оправдания, о котором они и не мечтали. С двадцатых годов, когда американцы, еще краснея, говорили об этом наследственном зле, когда они проводили на своей карте резкую черту, чтоб отделить себя от рабовладельцев, до нашего времени понятия так изменились в пользу рабства, что оно теперь возводится в одно из краеугольных оснований союза, в одно из неотъемлемых прав республики — и сын американца Северных Штатов, которого отец убил бы всякого осмелившегося охотиться на его земле по черным, спокойно вяжет их теперь и отдает хозяевам на казнь. Рабство, только терпимое прежде, сделалось органическим законом, на котором покоится американская демократия. В то время как мы это пишем, может быть, палач вешает Джона Броуна³⁴⁶.

Итак, вот к чему пришел весь образованный мир!..

Представьте же себе то удивление, которым было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая с отчаянием взгляд свой середь этого кораблекрушения, в эту темную ночь и не находя нигде ни совета, ни помощи, ни указания, ни маяка, увидело какой-то тусклый свет, и этот свет мерцал от лучины, зажженной в избе русского мужика!

...Этот дикий, этот пьяный в бараньем тулупе, в лаптях, ограбленный, безграмотный, этот пария³⁴⁷, которого лучшие из нас хотели из милосердия оболванить, а худшие продавали на своз и покупали по счету голов, этот немой, который в сто лет не вымолвил ни слова и теперь молчит, — будто он может что-нибудь внести в тот великий спор, в тот нерешенный вопрос, перед которым остановилась Европа, политическая экономия, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты³⁴⁸ и государственные люди?

В самом деле, что может он внести, кроме продымленного запаха черной избы и дегтя?

Вот подите тут и ищите справедливости в истории, мужик наш вносит не только запах дегтя, но еще какое-то допотопное понятие *о праве каждого работника на даровую землю*. Как вам нравится это? Положим, что еще можно допустить *право на работу, но право на землю?*..

А между тем оно у нас гораздо больше чем право, оно факт; оно больше чем признано, оно существует. Крестьянин на нем стоит, он его мерит десятинами, и для него его право на землю — есте-

ственное последствие *рождения и работы*. Оно так же несомненно в народном сознании, так же логически вытекает из его понятия родины и необходимости существования возле отца, как право на *воздух*, приобретаемое дыханием вслед за отделением от матери.

Право каждого на пожизненное обладание землею до того вросло в понятия народа русского, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленного в крепость, оно выразилось по видимому бессмысленной поговоркой: *Мы господские, а земля наша*.

Само собою разумеется, что Русь дворянская, согласно с западным понятием права собственности, смотрела совсем иначе на вопрос о крестьянах и земле. Наиболее образованные, допуская, что рано или поздно крестьяне, когда они окончат их воспитание (барщиной и оброком), выйдут на волю, были уверены, что *земля* останется неприкосновенной собственностью воспитателей. Но Александр Николаевич не того мнения, он не любит слишком дорого платить за воспитание, он и Зиновьева отблагодарил табакеркой во время совершеннолетия наследника³⁴⁹ — а тут дай пол-России!

Счастье, что мужик остался при своей нелепой поговорке. Она перешла в правительственную программу или, лучше сказать, в программу одного человека в правительстве, искренно желающего освобождения крестьян, т. е. государя. Это обстоятельство дало, так сказать, законную скрепу, государственную санкцию народному понятию.

И это не все. Сверх признания права каждого на землю, в народном быте нашем есть другое начало, необходимо пополняющее первое, без которого оно никогда не имело бы своего полного развития. Это начало состоит в том, что земля, на пользование которой каждый имеет право, с тем вместе не принадлежит *никому лично и потомственно*.

Далее *право на землю и общинное владение* ею предполагают сильное *мирское устройство* как родоначальную базу всего государственного здания, долженствующего развиваться на этих началах. Мирское управление уцелело под гнетом иностранного правительства и помещичьей власти, так, как в Морее уцелели коммунальные и городские права под владычеством османлисов³⁵⁰. Этот характер мирского управления русских деревень поразил Гакстаузена, потом разных американских путешественников и в том числе известного экономиста Керрея³⁵¹, который мне сам говорил, возвратясь из России в нынешнем году, что в мирском начале наших коммун лежит великая основа самоуправления.

Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, — элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, — состоят из трех начал, из:

1. *Права каждого на землю,*
2. *Общинного владения ею,*
3. *Мирского управления.*

На этих началах, и *только на них*, может развиваться будущая Русь.

6

Не допетровская Русь должна быть воскрешенной, оставим ее в ее иконописном склепе. Не петербургский период должен продолжаться в своем немецком мундире; он не может идти далее, не изменив себе; его граница обозначена тем же забором, перед которым остановилась Европа. Он нам дал широкое поле, сильное государство, он привил нам внешнюю форму западного образования, как прививают оспу, а с формою перешла сама собою и внутренняя мысль его, и стремление к личной свободе, не выработавшееся ни в общинной жизни нашего народа, ни в служилом дворянстве нашем. Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности *земля осталась под ногами* и чтобы общинник был совершенно *свободное лицо*.

Лучшего времени для внутреннего переворота нельзя найти. В начале нашего века мы были слишком под влиянием западно-либеральных идей, буржуазного гарантизма; ни мы, ни правительство не знали народа. Наверное, тогда были бы сделаны страшные ошибки, которых не поправили бы века, в то время как теперь, настороженные опытом соседей, мы должны иначе смотреть на свое и на чужое; сам Запад повернул угасающий фонарь свой на наш народный быт и бросил луч на клад, лежавший под ногами нашими. Недоставало счастливой случайности. Пришла и она.

С небольшим пять лет тому назад Россия лежала безмолвно у ног тупого деспотизма и Яков Ростовцев³⁵² спрашивал в Петропавловской крепости у Петрашевского и его друзей, не было ли у них *преступных* разговоров об освобождении крестьян. Теперь царь стал во главе освобождения и Иаков Ростовцев председателем в комитете освобождения.

Не воспользоваться этим временем, чтоб тихо, *бескровно* взойти в новый возраст, или сбиться с дороги, когда она так ясна, было бы великое несчастье и великое преступление. Но что же мешает?

Сверх невежества, окружающего государя, и чиновничества, основанного на плутовстве, один враг всего опаснее.

— Кто? Войско?

— Нет. Войско бессмысленно, как нож: в чьи руки он попадает, тот им и режет; войско имеет один постоянный характер — оно всегда делает вред и никогда не рассуждает. Наше войско, я думаю, скорее ближе к народу, чем другие.

— Итак, барство?

— У нас барство не имеет ни нравственных, ни физических сил. Оно по своему положению слишком зависимо от трона, оно все служилое и выслужившееся, богатства его жалованные. У нас нет торизма, который бы сам в себе представлял и охраняющую партию, и реформу, упрямого лорда Дерби и родного сына его лорда Стенли³⁵³. Большая часть наших аристократов люди совершенно неделовые и неполитические; они вносят в общество свое чванство, свои деньги, но никакой идеи. Те же из них, которые развились, те оставили за собой многих западных аристократов, но они не принадлежат больше ни к своей касте и ни к какой другой, они стали просто людьми. Сверх того, *где* почва гражданской деятельности нашего барства — в Английском клубе, в московских гостиных?.. даже домовая церковь князя Сергея Михайловича Голицына³⁵⁴ закрылась. Наши аристократы не умели никогда воспользоваться ни дворянскими собраниями, ни дворянскими выборами. Последнее политическое право, которым они пользовались *сop amoге*³⁵⁵, — *право сечь себе подобных*, и с ним они, бедные, расстаются теперь!

— Но тогда кто же мешает ринуться России вперед?

— Прислушайтесь.

...Entendez-vous dans les campagnes.

Mugir ces féroces *Allemands*,

Ils viennent...³⁵⁶

Вот кого мы боимся, опять-таки *русских немцев* и *немецких русских*; ученых друзей наших — западных доктринеров, донашивающих старое платье с плеч политической экономии, правоуедения и пр., централизаторов по-французски и бюрократов по-прусски. Они дельнее барства, они честнее чиновничества, оттого-то мы и боимся их; они сбывают толку императора, который стоит беспомощно, и шаткое, едва складывающееся общественное мнение. Они могут их сбить, потому что их воззрение выше общего уровня нашего образования и очень доступно среднему пониманию. Их мнения либеральны, они в пользу разумной свободы и умеренно-

го прогресса, они говорят против взяток, против произвола, они хотят улучшить *скверное само по себе* и, пожалуй, заставят нас уважать приказных, полицию, земский суд, сделавши кварталного Косьмой Бессребреником и обер-секретаря неподкупным Робеспьером. Они примирят нас со всем тем, что мы презираем и ненавидим, и, улучшивши, упрочат все, что следовало выбросить за окно, что оставленное в своей гнусности, само собою выгнило бы, окруженное здоровыми силами народа русского.

К тому же, завися, как католическое духовенство, от чужой власти, они должны по стопам своих учителей питать зуб против всего социального, а тут, как нарочно, на самом пороге «право на землю, общинное владение». Вот почему мы думаем, что, если они одолеют, они помешают взойти тем всходам чисто народного устройства, которому стоит не мешать, чтоб урожай был хорош; а улучшения, которые они принесут нам, хотя и будут улучшения, но с ними разве можем надеяться века через полтора дойти до того состояния, из которого Пруссия стремится теперь выйти...

Знаем мы, что попы и монахи никогда не бывают свирепее, как накануне падения церкви. Иезуиты, эти зуавы св. Петра³⁵⁷ и все жарившие, вытягивавшие у гугенотов жилы инквизиторы явились после Лютера и Кальвина³⁵⁸. Но тем не меньше они упрочили и утвердили еще на целые века католический порядок. Трудно своротить русский народ с его родной дороги, он упрется, ляжет на ней, встет в землю и притаится спящим, мертвым. Петровская эпоха — лучшее доказательство; но та же эпоха доказывает, как надолго можно приостановить его жизнь и какие страдания можно заставить его вынести одним материальным гнетом, зачем же подвергать его им — *propos délibéré*³⁵⁹.

Петр I, Конвент 1793³⁶⁰ не несут на себе той ответственности за все ужасы, сделанные ими, которую хотят на них опрокинуть их враги. Они оба были увлечены, хотели великого, хотели добра, ломали что им мешало и, сверх того, верили, что это единственный путь. Но не такая ответственность падет на наше поколение, искушенное мыслию, когда оно примется ломать, искажать народный быт, зная вперед, что за всяким насилием такого рода следует ожесточенное противудействие, страшные взрывы, страшные умирения, казни, разорение, кровь, голод.

Мы не западные люди, мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было.

Если б только наши доктринеры могли *просто* взглянуть на вопрос, отрешаясь от магистерского диплома, без самолюбия, без

той самонадеянной гордости, которая дает сознание, что они хорошо учились³⁶¹; если б они, как Фауст³⁶², который тоже хорошо учился, и много, и назывался не только «магистром, но даже доктором», умели останавливаться в добросовестном раздумье и от книги снова бы обращались к непосредственной жизни, они сейчас поняли бы, в чем дело.

Отчего у естествоиспытателя нет ничего заветного перед природой, к ней он постоянно обращается с сыновним повинением, без лукавства, в ней он ищет проверки, ей он жертвует вековой теорией своих предшественников и собственной системой, как только она требует этого. Неужели смиренное самоотвержение натуралиста основано единственно на том, что у него под руками то камень, то трава, то зверь и потому с ними не может быть личностей? Природа в своей фактической бессознательности и безответственности так явно независима от человека, что он с ней не пикируется, в то время как мир людской ему кажется собственным домом и его самостоятельную волю он принимает за оппозицию и выходит из себя, особенно когда за него наука веков, ученая традиция.

Это помещичье чувство строптивости особенно развилось у нас в петербургский период, в эту классическую эпоху насильственных образователей и беспощадных цивилизаторов. И тут странная смесь жалкого и возмутительного. Цивилизаторы очень часто откровенно и благородно стремились к добру, лелеяли мысль, например, об освобождении крепостных крестьян, готовы были жертвовать частью достояния, говорили об этом в то время, когда это было опасно, изучали западное сельское устройство... и вдруг, когда освобождение очью³⁶³ совершается, у крестьян открывается готовый быт, который они вовсе не хотят менять, им кажется это неблагодарной дерзостью, и натура русского немца берет верх... та натура, в которой так и веет сквозь австрийского писаря и русского капрала — татарским баскаком, которая, щуря безжизненные глаза и бледнея от бешенства, говорит без звука: «Да вы, кажется, рассуждаете, знаете ли вы, с кем вы говорите?» Или кричит раздавленным голосом, как псковский городничий путешественнику, «Молчать!» только за то, что он в *крестьянском* армяке³⁶⁴. Ведь и русский-то немец-цивилизатор за то и сердится на наш крестьянский быт, что он, в своем мужицком кафтане, не слушается его, одетого по-немецки.

Псковский частный пристав обижен тем, что человек, одетый по-русски, т. е. состоящий вне закона, не подавлен его величием, властью, которую он представляет, воротником, который он но-

сит. Доктринер скандализован тем, что его экономическая наука, наука Робертов Пилей и Гускисонов³⁶⁵ не находит беспрекословного повиновения, что ее, разработанную столетними усилиями, *хотят обратить вспять* к общинному владению, к коммунизму в лаптях³⁶⁶. «Помилуйте, — говорит он, — что вы суетесь с вашим общинным устройством, как с последней новостью, оно было у германов времен Тацита, общинное владение *соответствует* младенческому возрасту гражданских обществ и “рассеивается от лица просвещения, как тучи рассеиваются от лица солнца”, уступая *высшим* гражданским формам. Народы дикие любят общинное владение, народы образованные порядок» — и голод, добавим мы, видя, как девять десятых населения не наедаются досыта, для того чтоб собственность развивалась правильно.

«Что же делать, таков закон общественного роста, *народы должны* пройти его фазами, каждая имеет свое неудобство, но зато и свой прогресс. Сначала дикие люди владеют сообща, посемейно, родами, потом развивается сильнее и сильнее право личной и наследственной собственности... Конечно было бы хорошо, если б каждому можно было дать клочок земли, но так как на *право* собственности не все приглашены природой, то..»

Вот тут-то в самом деле нам становятся пути провидения *неисповедимы*; для того, чтоб несколько государств имели правильно развитую собственность, огромное большинство должно остаться без кола и двора! Библейским языком эдакий закон прогресса по крайней мере называется *проклятием* в род и род. Тогда уже знаешь — *quoi s'en tenir*³⁶⁷ и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть божия за какого-нибудь Эноха или Иафета, что-нибудь напакостившего шесть тысяч лет тому назад... А тут признай я разумом, своим собственным разумом, что есть такой нелепый закон!

Откуда экономическая наука вывела этот закон? Она порядком знает только одно экономическое развитие германо-романских народов. Нельзя же по биографии одного человека составлять антропологию, хотя в ней непременно есть общечеловеческие стороны, но рядом и в связи с совершенно частными.

К тому же разве гражданственность, разве собственность в самом деле в Европе развивались нормально или по крайней мере беспрепятственно? Разве общинное владение и весь прежний порядок уступили внутреннему развитию, а не огню и мечу завоевателей? Или, может, феодальная система была крутой экономической мерой, эдаким цезаревым сечением³⁶⁸, хирургически облегчившим нарождение правильной собственности?

Но ведь и цезарево сечение не делается из подражания над зловольной женщиной, а только по необходимости. Зачем же народ, который никогда не был побежден, у которого не враги отняли землю, а свои как-то *отписали ее*, должен непременно пройти теми же фазами? Если же подражать, то давайте строить крепости в городах, на которые никто, кроме полиции, не нападает, будемте на ночь улицы запиравать цепями и рогатками, пусть градской голова не спит, а ходит рундом³⁶⁹, гласному бердыш в руки — это будет по крайней мере забавнее; а коли кто спросит, что мы делаем, мы скажем, что проходим феодальную фазу развития городской жизни...

Лет тридцать тому назад Н. А. Полевой заботился же о раскрытии в русской истории той борьбы двух начал, которая так ясно представлена Август Тъери в письме его о французской истории³⁷⁰.

Пора перестать ребячиться.

Не то важно, что у кельтов, германов, пожалуй, у кафров и готтентотов *было* общинное владение в диком состоянии, а то, что у нас *сохранилось* оно в государственный период.

А потому в настоящем положении дел серьезно можно поставить только два вопроса:

Есть ли личное, наследственное, неограниченное владение землею *единственно возможное* для развития личной свободы — и, в таком случае, как спасти большинство населения, не имеющего собственности, от рабства собственников и капиталистов?

Есть ли, с другой стороны, поглощение лица в общине *необходимое, неминуемое* последствие общинного землевладения, или оно относится к неразвитому состоянию народа вообще, и в таком случае как соединить полное, правомерное развитие лица с общинным устройством?

Об этих вопросах мы просим наших читателей подумать

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!³⁷¹

L'ordre règne — Varsovie

Sebastiani (1831)³⁷²

I

Если Содом и Гоморра гибли так интересно, как гибнут *старые порядки* в Европе, я нисколько не дивлюсь, что Лотова жена не вовремя обернулась, зная, что ей за это солоно придется³⁷³.

Едва мы подходим к концу 1866 года, так и тянет оглянуться.

Ну год!.. *И в гостях и дома* — хорош он был, бедностью событий его попрекнуть нельзя...

О Западе мы почти никогда не говорим. Без нас о нем говорят много и громко, он сам говорит еще больше и еще громче, помощи нашей ему не нужно, перекричать его мы не можем. К тому же было время, — мы высказали наше мнение дотла. Но события становятся до того крупны и резки, несутся так быстро, что по необходимости перед ними останавливаешься, поверяешь и сличаешь думанное с совершающимся.

Старый порядок вещей, упорно державшийся на своих правах давности, стал распадаться с отчаянной быстротой. «Гнилая рыба»^{*374}, о которой говорил Гёте, валится кусками с костей, на первый случай в прусскую каску. Хороша будет уха, сваренная в ней!

Разложение *старого* мира не пустая фраза, теперь в этом трудно сомневаться. Характер органического разложения состоит именно в том, что элементы, входящие в данное взаимное отношение друг к другу, делают вовсе не то, что они назначены делать, что они хотят делать, а это-то мы и видим в Европе.

Охранительная сила, консерватизм гонит взащеи *законных* королей и властителей, рвет свои трактаты, рубит сук, на котором сидит.

Революция рукоплещет замене глупых и слабых правительств сильным военным деспотизмом.

Все делается — в этом единственный смысл реакции — для прочности, покоя, равновесия, и все чувствуют, знают, что Европа, сшитая *прусскими иголками*³⁷⁵, сшита на живую нитку, что все завтра расползется, что все это не в самом деле, что в самом деле будущность мира, этого великого, цивилизованного, исторического мира, висит на нитке и зависит, как в сказке о «Заколдованной розе», от почек, но не розы — а пятидесятивосьмилетнего человека³⁷⁶. Вот куда реакция спасла мир. Мир, стоявший на трех китах, был прочнее.

Давно известно, да и Байрон³⁷⁷ повторял, что нет человека, который не обрадовался бы, услышав, что с его другом случилось несчастье, которое он предвидел и от которого предостерегал. Относительно политического мира и это удовольствие притупилось для нас. Восемнадцать лет тому назад нас прозвали «Иеремиями, плачущими и пророчащими на развалинах июньских баррикад»³⁷⁸, и с тех пор каждый год сбывается что-нибудь из того, что мы пред-

* Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch.

сказывали; сначала это льстило самолюбию, потом стало надоедать.

Был в Европе больной человек, до него-то и добивался Николай Павлович³⁷⁹, сам не очень здоровый; теперь вся Европа — больница, лазарет и, главное, дом умалишенных. Она решительно не может переварить противоречий, до которых дожила, не может сладить с переломленной революцией внутри, с двойной цивилизацией, из которых одна в науке, другая в церкви, одна чуть не двадцатого столетия, а другая едва XV. Да и легко ли спаять в одно органическое развитие — буржуазную свободу и монархический произвол, социализм и католицизм, право мысли и право силы, уголовную статистику, объясняющую дело, и уголовный суд, рубящий голову, чтоб она поняла.

Иной раз кажется, будто Европа успокоилась, но это только кажется. Она в своих задачах нигде, никогда не доходила до точки, а останавливалась на *точке с запятой*. Парижский трактат — точка с запятой, Виллафранкский мир³⁸⁰ — точка с запятой, завоевание Германии Пруссией³⁸¹ — *семиколон*³⁸². От всех этих недоконченных революций и передрыг в крови старой Европы бродит столько волнений, *страхов и беспокойств*, что она не может заснуть, а ей этого хочется. Лишь только она задремлет, кто-нибудь — добро еще Наполеон, а то Бисмарк³⁸³ — поднимет такой треск и шум, что она, испуганная, вскакивает и спрашивает: «Где горит и что?» И где бы ни горело, и что бы ни горело — погорелая она, кровь течет ее, деньги приплачиваются ею... Петр I как-то оттащил за волосы невинного арапчонка, думая, что он его разбудил; в Европе не только некому оттащить виновного, но еще перед ним все становятся на колени. Оно, впрочем, и лучше, что есть будильники, а то и не такую беду наспал бы себе мир.

Люди по натуре беспечны, и не ударь гром, они и не перекрестятся, как говорит пословица. Человек завел сад и жену, развел цветы и детей, обманул всех соседей, продавая им втридорога всякую дрянь, обобрал всю мышечную силу окрестных бедняков за кусок хлеба и, благодаря прочному, законами утвержденному порядку, лег спать вольным франкфуртским купцом, а на другой день проснулся подданным прусского короля³⁸⁴, которого всю жизнь ненавидел и которого должен любить больше жены и цветов, больше детей и денег. В доме его бражничают прусские драгуны, цветы его съели лошади, детей съест рекрутчина... Вот он и подумает теперь, что ему обеспечило *государство и реакция*, в пользу которых он платил деньги, кривил душой, без веры молился и без уважения уважал. Вместе с ним подумает и эта ватага

калек переходящих, слепых и безумных королей Лиров³⁸⁵, пущенных по миру в оборванных порфирах — не народами, а своим братом, Hohenzollern hochverschwistert³⁸⁶.

Другие народы и другие венценосцы тоже подумают теперь о смысле и крепости *присяги, преданности престолу, о святости законных династий*.

Потсдамский лейб-пастор настроил молитву для ганноверских церквей³⁸⁷ и заставил их сегодня молиться за вчерашнего врага в бесконечно смешных выражениях. Этого не делал и Батый³⁸⁸.

Кажется, что может быть смешнее и нелепее всего этого... а есть роль смешнее, именно революционеров.

Правительства, сколачивающие единства и сортирующие людей и области по породам не для составления родственных *групп*, а для образования сильных, *единоплеменных государств*, знают по крайней мере, что делают; но помогающие им, если не руками, то криком и рукоплесканиями, революционеры и эмигранты — понимают ли они, что творят?

В этом-то бессмыслии и заключается одна из тайн той хаотической путаницы в голове современного человека, в которой он живет. *Старым умом*, в их логической лени, легче убивать других и быть ими убитыми, чем дать себе отчет о том, что они делают, легче *верить в знамя*, чем разобрать, что за войско за ними.

Они мечтали о *свободе, равенстве и братстве*, ими взбудоражили умы, но дать их не умели и не могли: «Нельзя же все вдруг да разом, и Рим не в один день был построен», а потому, для постепенности, они помирились с реакцией на том, что, вместо свободы лица, будет свобода государства, национальная независимость, словом, та *свобода*, которой искони бе³⁸⁹ пользуется Россия и Персия. Все шаг вперед. Только жаль, что вместо равенства будет племенное различие и вместо братства — ненависть народов, сведенных на естественные границы.

В 1848 году реакция явилась *реакцией*, она обещала порядок, т.е. полицию, и порядок, т.е. *полицейский*, она восстановила. Но лет в десять смирительный дом без развлечения надоел, бесплодное, отрицательное знамя полицейского отпора и благоустройства износилось. И вот мало-помалу начало показываться новое, как бы это сказать, земноводное, амфибическое знамя; оно водрузилось между реакцией и революцией, так что вместе принадлежало той и другой стороне, как Косидьер — порядку и беспорядку³⁹⁰. Освобождение национальностей от чужеземного ига, *никак не от своего*, сделалось общим бульваром враждебных начал.

Лопнувшие гранаты Орсини³⁹¹ возвестили новую эпоху, и с тех пор пошли всякие чудеса: латинский мир в Мексике, австро-прусский в Дании³⁹², Пруско-Австрия друг в друге, завоевание Венеции поражением Италии на суше и на море³⁹³, Франция, укрепляющая *против себя* рейнскую границу, присоединение пол-Германии к Пруссии — к государству без отечества и которое должно бы было первое распуститься в немецкое *gesamntes Vaterland*³⁹⁴.

И, как всегда бывает, возле крупных событий несутся в какой-то неистовой «пляске смерти»... личности, случайности, подробности, от которых волос становится дыбом.

Возьмите хоть эту женщину, переплывающую океан, чтоб спасти поддельную корону своего мужа, которую она принимает за настоящую *латинскую*. Родной брат не дает ей наследства отца, единственный покровитель пожимает плечами и показывает ей статуи Кановы³⁹⁵; она падает в обморок, и когда раскрывает глаза, перед ней стоит *он* с стаканом воды, и она, уже полуповрежденная, с криком: «Меня хотят отравить!» бежит вон, бежит к папе. В Ватикане встречаются эти два бессилия, эти две лжи. Старик, которому скоро нечего будет благословлять «ни в городе, ни в вселенной», видя у ног своих полуразвенчанную, верующую в него женщину, приходит в бешенство. Она держит его за сутану и просит чуда, — грубый старик отталкивает ее, осыпает бранью, чтоб скрыть, что у него нет чудотворной силы. Совсем *сумасшедшую*, ее везут из Ватикана, а она шепчет: «Меня хотят отравить»³⁹⁶.

Около выжившего из ума старика и безумной летят осколки всевозможных корон, больших и малых, увлекая с собой и другую стародавность, другую *подагру*, которую не могут поддержать ни чахлые эрцгерцоги, ни жирные монсиньоры.

На расчищенном месте ставятся на зиму военные бараки. На этих биваках будет продолжаться история.

Все рассортировано по зоологии и признано по национальностям; одна заштатная Австрия отстала, не зная, какую кокарду прицепить к надтреснутой короне — *славянскую, немецкую или венгерскую*. Догадаться, что она прежде всего федерация и что она только путем федерации может воскреснуть, не трудно, но недостаёт мозгов.

Этот акт финала сыгран превосходно, быстро, отчетливо, с поразительным *ensembl'ем*³⁹⁷.

Остались кой-какие «слабости», до которых не коснулись и которым предоставили роль маленьких зверьков, сажаемых в львиную клетку для обнаружения великодушия «царя зверей»...

О, Ромье! Забытый Ромье³⁹⁸, как он был прав, проповедуя необходимость противопоставить, как плотину, напору социальных волн национальные вопросы!

Но великодушие великодушием, надобно же знать и меру. До сих пор один *наружный* порядок был возможен... его подтачивали тысячи подземных кротов, его подмывали тысячи подземных ручьев. Что сделаешь, пока рядом с вольными типографиями есть железные дороги, пока легкость передвижения и трудность преследования *за границей* помогают друг другу. Год тому назад парижские студенты ездили вместе с немецкими в Льеж³⁹⁹, а в нынешнем французские и немецкие работники сходились на совещание с английскими и швейцарскими в Женеве⁴⁰⁰. Простая логика говорит, что Франция и Пруссия не могут, не должны терпеть на европейском континенте без явной опасности для себя, без вопиющей непоследовательности, — терпеть на ином основании республик или свободных государств, как терпелась безгласная республика Сан-Марино и оперная Валь д'Андоре...⁴⁰¹

...Тут поневоле приходит на ум так сильно грешащая против национальной сортировки молитва:

Gott protege la Svizzera!⁴⁰²

Да, Швейцарии жаль, истинно, глубоко жаль!

Трудно, больно себе представить, что вековая, готическая свобода изгонится из ее ущелий, с ее вершин, что на Альпах будут развеяться прусские флаги и трехцветное знамя французов. А с другой стороны, так ясно, что подобные противоречия, при огромном неравенстве, рядом существовать не могут. Все эти клочки свободных государств, терпимые, как игорные и публичные дома, по разным соображениям, по разным снисхождениям, — то как лайка между двумя камнями, то из боязни, чтоб другая рука не протянулась за своим паем, — утратили свое право на слабость, свою привилегию на край гибели. Никаких соображений, никаких уважений не осталось. Франция и Пруссия до того сильны,

* Когда в Швейцарии вводили одинаковую монету во всех кантонах, в федеральном собрании представился вопрос: на каком языке сделать надпись кругом монеты, чтоб не обидеть ни одну из национальностей. Один из представителей, шутя, предложил вырезать: "Gott protège la Svizzera", и этим кончил вопрос. Собрание велело чеканить монету без всяких фраз, а просто с означением ценности.

Не замечательно ли, что в двух странах, в которых республика вошла в жизнь и кровь, — в Северо-Американских Штатах и в Швейцарии — спаяны вместе несколько народностей: одна состоит из всесветных пришельцев и бродяг, другая из разноплеменных союзников.

что они остановились: Франция не взяла берегов Рейна, Пруссия не добрала всей Саксонии, — все равно, все божье да их — нынче не взято, завтра можно взять.

Один кусок не по челюстям — Англия. Недаром Франция так рвется через канал... привести в порядок ненавистную страну с ее ненавистным богатством...

Англия поблагоденствует еще: в ней будет уже не всемирная выставка⁴⁰³, а всемирный склад всего, до чего доработалась цивилизация; в ней действительно увенчается и пышно развернется последняя фаза средневековой жизни, свободы, собственности. Все это до тех пор, пока туго понимающий, *но понимающий* работник выучит по складам, но твердо такие простые правила, как «Мало Habeas corpus'⁴⁰⁴, надобно еще кусок хлеба», и французскую комментарий к ней в английском переводе⁴⁰⁵: «У кого есть дубина, у того есть хлеб!»⁴⁰⁶

...Да, смертельно жаль Швейцарии; ее недостатки, ее грехи мы знаем, но ведь она не за них будет наказана, а за то, что осталась свободная, федеральная, республиканская между двух деспотических армий.

Смотрим, смотрим, откуда может прийти спасение, — и не видим.

Есть добрые люди, которые думают, что французский солдат остановится перед святым словом «Республика», перед святыми Альпами, дававшими убежище его отцам и братьям. В прошлом столетии он смело переходил горы и реки, *с ним была революция*, но во имя реакции он не пойдет бесславно душить кучку вольных граждан...

...Эти добрые люди не знают, что такое французский солдат нашего времени, воспитанный Алжиром, зуавами, туркосами⁴⁰⁷...

Есть другие хорошие люди, которые думают, что сама Швейцария должна проснуться, забыть ежедневную суету, федеральные и кантональные сплетни, коммерцию горами и иностранцами и сделать теперь *все то, что она сделает, но слишком поздно*, т.е. схватиться за карабин, кликнуть клич народным массам соседних государств и указать им весь ужас, грозящий от этих нововавилонских и ассирийских монархий. Конечно, это было бы недурно, и во всяком случае дало бы Швейцарии хорошую, великую кончину...

Но кто же может откликнуться?

Бельгия, что ли?.. Сила, нечего сказать.

* Мы просим наших читателей вспомнить, что в 1853 и 1854 мы предсказывали, что Европа придет к этому с своей реакцией, в ряде писем под заглавием: "Le vieux Monde et la Russie".

Или уж не Австрия ли пойдет на деревяшке выручать *свободу* мира, с побитыми войсками и победоносными иезуитами?

И, в сущности, какое дело народным массам, что из них составляют вавилонскую или ассирийскую монархию? Разве чересполосица, урезки и прирезки Венского конгресса были лучше? Разве им было когда-нибудь лучше? О немецких мелкопоместных королях, герцогах и говорить нечего. Надобно прочесть речь баденского министра иностранных дел в камере, чтоб подивиться, какими разбойниками управлялись немцы до тех пор, пока не пошли на округление прусских владений*.

Правда, что массы и прежде восставали всегда бессмысленно, но они бежали за какой-нибудь радугой, была какая-нибудь повальная мономания, фанатическая вера, которая для них делалась дороже семейного крова и своей жизни. Где теперь эта радуга, это слово, этот идеал? Швейцарец будет защищаться в своих горах, как лев, как вепрь, до последней капли крови: он будет защищать свое, стародавнее, родное, он знает, *что* отстаивать. Ну, а другим что за дело? Другие просто не поймут; да и, в самом деле, как понять, когда для защиты человеческих прав приходится становиться с *австрийской стороны*...

Хорош сумбур, к которому привела спасительная *реакция* наших западных стариков, зато:

*Революция — побеждена,
Красные — побеждены,
Социализм — побежден,
Порядок — торжествует,
Трон — упрочен,
Полиция — сажает,
Суд — казнит,
Церковь — благословляет...*

Радуйтесь и благословляйте в свою очередь!

...Стало, так-таки просто — голову в перья и ждать, когда беда разразится?

Беда-то разразится, в этом нет сомнения; но головы прятать не нужно. Лучше самоотверженно ее поднять, прямо посмотреть в глаза событиям, да и в свою совесть кстати.

События столько же создаются людьми, сколько люди событиями; тут не фатализм, а взаимодействие элементов продолжаю-

* Выведенный из терпения нападками в камере, он рассказал, как Австрия и Бавария вступали с Баденом в союз и в то же время тайно между собой приготавливались присоединить Баден к Баварии... Слово «разбойник» потому тут не идет, что разбойники между собою-то по крайней мере честны.

щегося процесса, бессознательную сторону которого может изменять сознание. Историческое дело — только дело живого *пониманья* существующего. Если десять человек понимают ясно, чего тысячи темно хотят, тысячи пойдут за ними. Из этого еще не следует, что эти десять поведут к добру. Тут-то и начинается вопрос совести.

На каком основании Наполеон и Бисмарк ведут Европу? Что они поняли?

Наполеон понял, что Франция *изменила* революции, что она остановилась, что она испугалась; он понял ее *скупость* и то, что все остальное подчинено ей. Он понял, что старое, сложившееся общество, в котором сосредоточены деятельные силы страны, все вещественные и невещественные богатства, хочет не свободы, а ее представительной декорации, с полным правом *d'user et d'abuser*⁴⁰⁸. Он понял, что новое общество, идущее прямо к социальному перевороту, ненавидит старое, но бессильно. Он понял, что масса не знает ни того, ни другого и вне Парижа да двух, трех больших центров живет готическими фантазиями и детскими легендами. Он все это понял — посреди шума и возгласов оканчивающейся республики 1848 года, посреди самонадеянных притязаний разных партий и неугомонной оппозиции; оттого-то он и молчал и выжидал, когда «груша поспеет».

С своей стороны и Бисмарк не хуже Наполеона оценил своих филистеров⁴⁰⁹; на лавках франкфуртского парламента ему был досуг их раскусить. Он понял, что немцам политическая свобода столько же нужна, сколько Реформация им дала религиозной, что и эта свобода им нужна только *der Theorie nach*⁴¹⁰, что они власти повиноваться привыкли, а к строгой английской самозаконности вовсе не привыкли. И этого было бы довольно; но он больше понял: он понял то, что в настоящую минуту немцы снедаемы завистью к Франции, ненавистью к России, что они бредят о том, чтоб быть сильным государством, сплотиться... зачем?... если б это можно было объяснить, тогда это не было бы помешательством. Итальянская *Unità* спать не давала немецкому *Einheits-pатосу*⁴¹¹. Что выйдет из итальянской *Unità*, мы не знаем. Но необходимость ее, для того чтоб прогнать австрийцев, Бурбонов и папу, — очевидна. Немцы не для своего освобождения хотели единства, а с агрессивной целью; их столько обижали, что им самим захотелось обидеть других. Бисмарк все это понял... Опозоривши, унизивши народное представительство в Берлине до той степени, до которой в истории нашего века не доходило ни одно правительство, он присмотрелся — народ молчит. А... если так... патриотический вопрос о Шлезвиг-Голштейне вперед и давай бить датчан⁴¹². Вся

Германия рукоплескала неровному бою. Немецкие выходцы в Лондоне, в Нью-Йорке, Париже праздновали победы *Австрии и Пруссии*. После этого опыта нечего было бояться, нечего церемониться, — маска долой, и Бисмарк из Германии пошел сколачивать империю пруссаков, употребляя на пьжи ключья изорванной конституции. «Вы хотели сильного государства — вот вам оно, Франция с нами теперь считается... Вы хотели унижения Австрии — мы вам ее забили почти до возрождения. *Liebchen, was willst du den mehr?*»⁴¹³. — «Свободы, граф, свободы!» — «Ну уж это извините, да вам ее и не нужно. Пользуйтесь вашим величием, молитесь за будущего императора пруссов и не забывайте, что рука, которая раздавила целые королевства, раздавит всякую неблагодарную попытку с вашей стороны с неумолимой строгостью. *Sie sind entlassen, meine Herrn!*»⁴¹⁴

...Если отрешиться от наших симпатий и антипатий, забыть, что нам лично дорого и что ненавистно, то особенно кручиниться о том, что делается в Европе, вряд ли придется. Военные диктатуры и незаконные империи ближе к выходу, чем традиционные королевства и законные монархии. В них Европа не застрянет, а подведется к одному знаменателю... а перегорит и миром или войной дойдет до страшной пустоты. Эта пустота и будет могилой всего отжившего.

Прудон как-то с ужасным бесчеловечием упрекал Польшу, что «она не хочет умирать»⁴¹⁵. Мы гораздо справедливее можем это сказать о *старой* Европе. Она всеми силами удерживается в жизни, а болезнь, а смерть все подвигаются. Сознание, мысль, наука и все ее приложения давно переросли готические и мещанские формы старого государства. Дух в разладе с телом, изнуренное, узкое и полное недугов, оно сковывает его. Французская революция 1789 года тогда еще испугалась этого и оттого вся сбилась в войну и политику; она рада была внешним занятиям — и из «прав человека» развился кодекс *мещанского права*.

Как ни была шатка и бледна революция 1848, но и она сильно рванулась продолжать перерванное политикой перерождение, и тут-то началась последняя борьба умирающего старика, отстаивающего дни свои, вооруженного целым арсеналом вековых оружий, с отроком, сильным одной мыслью, одной верой, одной истиной, который в первой схватке пустил пращу и не попал. Кажется, чего лучше: старый Голиаф победил⁴¹⁶, а умирает-то он, а не отрок; еще два, три таких судорожных припадка кровавого бешенства, как окончившаяся война, еще два, три геройских

лечения доктора Бисмарка — и больному нечего бояться ни испанской чахотки, ни голландской водяной...

Но ведь может же он перед смертью придушить мальчишку, дерзко напоминающего ему, что пора умирать.

Может. Хотя это и далеко не верно.

Что же тогда?..

Идеи сеются не в землю. Наука, мысль — не *glebae ascripti* не *крепки почве*...

...Нет места евангелию в Иудее — его несут в Рим, его проповедуют варварам; нет молодому работнику простора в отеческом доме, на родных полях — он уйдет в Америку... не знаю куда...

Мы это говорим не в первый раз, но считаем необходимым иногда повторять, и особенно необходимым повторить теперь, когда у нас все покрыто такими темными тучами и все так быстро, быстро приуныло.

II

Да, но он обманул, он не сдержал слова, он не дал покоя, он не дал мира, он не дал жизни, а продолжил смерть; он отвел глаза от опасности, замаскировал пропасть декорациями и самой войной не достиг ни до какой прочности. Лишь только умолкли барабаны... поднимается прежнее негодование, и тот же грозный вопрос «Что мы сделали с Авелем?»⁴¹⁷ раздается в ушах старого мира, призывая его к страшному суду.

Приходится сложить *билан*⁴¹⁸, но задача ликвидации *старой фирмы* ужасно сложна, слишком много всякого добра, нажитого потом и кровью, наследственного и купленного на трудовую копейку. Как бы ни была очевидна *справедливость*, но трудно же без боя и сопротивления все пустить с молотка. Проволочками, паллиативами⁴¹⁹ ищет старый дом отдалить банкротство.

Только две страны из всех вступивших в большое русло состоят на особых правах у истории и иначе обращены к будущему.

Их задача проще.

Их положение менее сложно.

Их не тревожит в настоящее время «ненужное воспоминание и неразрешимый спор»⁴²⁰.

* Много раз приводили мы эти превосходные стихи Гёте об Америке:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

О Северо-Американском союзе нечего хлопотать, он выплывет на всех парусах, *au large*⁴²¹.

Россия еще легче могла бы найти свой фарватер, но она сбилась с дороги за какими-то туманами, сама выдумала себе обязательное прошедшее, сама потопила старые корабли, набросала камня в свое море и боится ударить веслом.

Силы и время тратятся по-пустому.

У правительства недостаток *пониманья*, у нас — *веры*.

Весь успех нашей вновь испеченной из затхлой европейской муки реакции основан на этом.

Объяснить что-нибудь правительству — гигантский подвиг, за который мы не возьмемся; оно скорее набредет темным инстинктом, натолкнется ощупью на дело, чем что-нибудь поймет.

Нам хочется другого: очистить снова наш основной вопрос от всего хлама и ила и сказать падающим в веру друзьям нашим то, что сказал своим товарищам Сизэ после знаменитого “*Allez dire*” Мирабо: «Мы сегодня то же, что были вчера, — будем продолжать»⁴²².

...Несколько месяцев тому назад я долго беседовал с одним старцем⁴²³. Он *половину* своего с лишком шестидесятилетнего существования провел в тюремном заключении; его гнали всю жизнь, гонят теперь — не только враги, но свои. Человек этот, забитый в тюрьме, явился в 1848 из могил *Mont-Saint Michel*'я⁴²⁴ каким-то привидением среди ликований Февральской революции, и когда от него ждали радостного привета, крика, восторга, он громко сказал: «Мы тонем», и толпа, выпустившая его из тюрьмы, отступила от него, как от злодея, как от юродивого или зачумленного... «*И топите нас вы, а не враги наши*», — продолжал он. Его посадили опять в клетку и, пользуясь его заключением, оклеветали его, *а республика потонула, и потопили ее они*.

Новые пятнадцать лет смотрел он, из-за тюремных решеток, на гибель всех начинаний, всех упований; седой, как лунь, вышел он на этот раз из тюрьмы; старика встретила прежняя ненависть, прежняя злоба, и, сломленный физически, в страшной бедности, в совершенном одиночестве исчез он в горах, вне своей родины.

Старик этот — *Огюст Бланки*⁴²⁵.

Некогда грозный трибун, потрясавший массы, заставлявший бледнеть своих судей с лавки обвиняемых, стал тих, его речь, полная мысли, стала мягче, сдержаннее, но когда я с недоверием отозвался о роли Франции, глаза его сверкнули. «Европе одно спасенье — Париж... подавленный, молчащий Париж... вы не знаете, что бродит и зреет в парижских массах... парижский работник вы-

ручит Францию, Республику... всю Европу». И какая-то юная улыбка показалась на губах его. Он встал, худой, седой, — одни кости и кожа, — прошелся по комнате и молча остановился, глядя вдаль, потом покачал головой и сказал: «Если я не очень скоро умру, я еще увижу это, а вы и подавно». Вот он — апостол Петр, Кальвин, Сен-Жюст⁴²⁶, наши старцы 14 декабря, «каторжные веры», как выразился Кокрель о югенотах⁴²⁷... мне представился умирающий Ворцель⁴²⁸ и склоненный к его изголовью Маццини.

Да, это та вера, которая двигает горы, которой чудотворную власть едва можно измерить, которая больному говорит: «Возьми одр твой и иди за мной»⁴²⁹ — и больной идет!

Бланки ушел. Я был подавлен им, и что-то темное всплывало на душе. На столе лежала книга⁴³⁰; я ее взял, уверенный, что найду ложь, грязь, клевету*, — и не мог от нее оторваться: другой ряд мучеников, неусыпных деятелей, юных и старых бойцов явился передо мной. *Виленская* официальная литература поставила удивительный памятник *польской эмиграции*. Даже с точки зрения съезжей⁴³¹ и с мирозерцанием квартальных надзирателей она велика верой и любовью, настойчивостью и несокрушаемостью. Обвинительный тон памфлета, грубые выражения и грубые насмешки над преданностью и несчастьем, даже безграмотный язык как будто с большей рельефностью представляют эту геройскую кучку, этот Ессе homo⁴³², заушаемый⁴³³ и в терновом венке. С 1831 до 1866 она работает, работа рушится; она начинает вновь — она рушится опять; она опять начинает. Правительства, давшие ей убежище, так же теснят ее, как те, которые отогнали ее от границ своих; она теряет лучших людей, скитается из страны в страну и нигде не привыкает, и отовсюду только *возвращается* в свою родину, неся в груди неисторгаемую веру в наступающее ее освобождение и готовность лечь за нее костями.

Отчего же у нас так *мало* веры, отчего наша вера так слаба? Отчего так многие у нас повесили голову и опустили руки при первой неудаче, при первых несчастных опытах, не давая себе *отчета даже в том, что не ошибочно ли сделаны они были?*

Неужели для того, чтоб верить *великой верой*, нужно отчаянное положение или мистическое помешательство?

Что в самом деле переменилось в нашем внутреннем вопросе?.. Мы проходим темной четвертью месяца, в ненастной ночи совершаются ужасы, говорятся мерзости — вот и все; но где же характер

* «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа» (из «Вестника Западной России»). Вильно, 1866. Мы когда-нибудь еще возвратимся к этому кому грязи, так замечательно не попавшему в цель.

прочности, необходимости, живучести этого явления? Где наткнулись мы на предел, на родовую ограниченность, на племенную неспособность? Какие элементы *общей надежды* разрушились, оказались ложными? Исследовали ли мы *силу*, нас победившую, и причину, почему она так легко нас победила? Спросонья, без определенной цели, на новом для нас перепутье мы быстро увлекаемся в ту или другую сторону потому что не имеем определенной дороги, и увлекаемся *так* — по английскому выражению, *by and by*⁴³⁴ — и оттого тотчас готовы идти назад, в сторону. Спотыкнувшись, мы впадаем в отчаяние, мы натягиваем неверие, чтоб сорвать сердце, и равнодушие, чтоб отмстить за боль. Это короткое дыханье, эта способность *измены* доказывают, что все бывшее — *одно введение*, что это еще «не служба — службишка, а служба будет впереди»⁴³⁵.

Борьба у нас едва завязывается, едва обозначается.

Самой реакции нету полных *пяти лет*. Пали великие жертвы, целый народ, не хотящий быть с нами, зарезан. Муравьев⁴³⁶ был великим человеком и Катков⁴³⁷ великим писателем — общество заявило себя мерзее Муравьева и Каткова вместе, крепостники подняли голову с наглостью, честное, независимое слово задавлено, люди пошли на каторгу по фальшивым документам, суд над врагами существующего порядка делался в непроницаемой тайне, правительство, запершись на ключ, судило само в своем деле противно началам, им признанным, смертная казнь, беззаконно введенная, сделалась чем-то обыденным, гражданских преступников судят офицеры, утверждают генералы, расстреливают солдаты, как будто всякий человек делается *военным*, как только кого-нибудь зарежет или ограбит.

Все это печально и наполовину не нужно даже с *их* точки зрения. Но разве можно было ждать, что *это* правительство, последний плод, выращенный в оранжереях Зимнего дворца, поступит дельно и бесстрастно, что оно поступит умно и человечески? Разве можно было ждать, что общество, составленное из людей, выросших в разврате помещичьей жизни, привыкшее с детских лет к самоуправству и рабству, к зрелищу страданий и истязаний, что общество, воспитавшееся на взятках и ябедах⁴³⁸, в канцеляриях и шемякиных судах⁴³⁹, что общество, составленное из действующих лиц Островского, из зверинца «темного царства»⁴⁴⁰, поступит умно и человечески? что оно, как Савл, ослепнет негодяем и прозреет апостолом⁴⁴¹?

Нельзя же было ждать, чтоб Александр Николаевич, заснув за чтением «Что делать?» или «Колокола», проснулся бы с рьяным

желанием отдать землю народу и начать в Зимнем дворце женские и мужские мастерские.

Тогда и борьба была бы не нужна, достаточно было бы чуда.

В мрачном здании петербургском действительно повеяло другим воздухом, там-сям явились вехи и заглавия, посулы и намерения, но, с другой стороны, старая николаевская плющильная машина осталась и была в полном ходу.

Пресс, которым сдавливалась каждая человеческая мысль в голове в продолжение тридцати лет, был тут; все осталось цело — армейское управление гражданской частью, барская олигархия, подьяческая бюрократия. И вы мечтали, что со всем этим правительство сдалось бы без боя, так, как думали московские и петербургские либералы-помещики, что стоит потребовать *la charte*⁴⁴², так государь тотчас ее и закажет Буткову или Корфу⁴⁴³.

В правительственной жизни русской один новый элемент развился в последнее время, и его мы ценим очень дорого, — это царский язык, беспрестанно болтающий, это полиция, справляющая свои нужды с трещоткой в руках, это литературная декастерия⁴⁴⁴, ежечасно поддерживающая царское величие и православную святость, это вольнонаемная и временнообязанная журналистика, защищающая престол-отечество...

Этот шаг в грязь — огромный шаг вперед.

Грязь высохнет и отстанет, но замолчать нельзя будет. Жаль грубое, невежественное уничтожение честных органов, но нам было бы вдвое жаль, если б упразднились бесчестные органы.

Не то важно, *что* правительство говорит, а то, почему оно говорит. Оно говорит потому, что у него *веры нет*. Оно чувствует потребность не только других, но и себя убедить, что оно *сильно* по-прежнему, очень *сильно*. Будь у него николаевская самоуверенность, оно стало бы разить, не раскрывая рта. Оно говорит потому, что *боится*. В безответной немоте, окружающей его, — что-то не то, что было прежде: слышна мышья беготня истории...⁴⁴⁵

А мы молчим, снедаемые в свою очередь неверием и страхом.

Из этого нелепого положения надобно выйти. Боясь моря, мы страдаем от качки, удерживаясь на одном месте в каком-то невозможном равновесии. Счастье наше, что корабль не идет ни назад, ни на мель не садится.

«Да что нам делать? Говорите определеннее, формулируйте»...

Требование от нас, чтоб мы формулировали нашу мысль о русском деле, повторяется довольно часто. Оно удивительно и заставляет нас невольно улыбнуться наивному доказательству того невниманья и той небрежности, с которой люди вообще читают.

Вся наша деятельность, вся наша жизнь была только *формулированием одной мысли, одного убеждения*, — именно того, о котором спрашивают. Можно сказать, что мы всю жизнь ошибались, можно сказать, что наша мысль гибельна и убеждение нелепо, но сказать, что мы нашего воззрения *не формулировали*, с общечеловеческой логикой и памятью в голове — *нельзя*.

Может, под «формулами» друзья наши понимают, как французы, рецепты, т. е. вперед данные снадобья и приказы, как поступать в таком случае и в таком. Действительно, у нас таких формул нет. Да их и не нужно. Серьезные рецепты импровизируются на общих основаниях науки и на частном исследовании данного случая.

Усвойте себе общий взгляд, общую формулу, и вы почти никогда не ошибетесь в частном приложении... если не измените ей сознательно или бессознательно.

Итак, прежде чем продолжать наш обзор, протвердим еще раз нашу алгебру.

Для этого нам необходимо, прежде всякого формулирования, напомнить кое-что из *школьных тетрадей*. Все, что мы хотим сказать, очень не ново... даже чрезвычайно старо, но не имея в виду этого старого, можно легко сбиться. Всякая формула ничего не значит без ясного пониманья элементов, из которых она составлена.

Животные, достигая возможного органического совершенства, останавливаются на нем, повторяясь, или продолжают исподволь применяться к среде, оставляя в наследство измененные или улучшенные органы. Человек отличается от животных *историей*: характер ее, в противоположность животному развитию, состоит в преемственности больше или меньше сознательных усилий для устройства своего быта, в наследственной, родовой усовершенности инстинкта, пониманья, разума при помощи памяти.

Ясно, что стадная жизнь составляет такое же необходимое условие исторического развития, как и самые лица.

Начало истории — непокорность лица поглощающей его семье, стремление стать на свои ноги и невозможность на них удержаться. Племенным безразличием замыкается животный мир. Мир человеческий в библии начинается *грехопадением* и *убийством*, разрушающим семейную связь, т. е. постановлением своей воли выше заповеди и выше первого условия сожития.

Своеволие и закон, лицо и общество и их *нескончаемая* борьба с бесчисленными усложнениями и вариациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может *разумно* освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, усмиряет бунтующую личность.

Лицо ставит себя целью.

Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить об них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только *движение*. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными *людьми* или мирно пащущимся стадом...

Руссо, говорящий, что человек родился *быть свободным*, и Гёте, говорящий, что человек не может *быть свободным*, — оба правы и оба неправы.

Личность не могла оторваться от общества, общество не могло закабалить лица, но притязания свои они подняли в высшую сферу — в сферу *права*. Оно разработалось всей новой историей, всем европейским развитием:

до юридической самосохранности — в Англии,

до прав человека — в 1789,

до прав разума — в науке.

С другой стороны, власть противопоставила не только свое право, но и свою *силу*, основанную на отвлеченном понятии государства как цели личностей, на античном *Salus populi*⁴⁴⁶, на христианском порабощении личной совести совестью общественной.

Теоретически освобожденная личность очутилась в какой-то логической, отвлеченной пустоте; слабая практически, она стала лицом к лицу перед правительственной силой, опертой на государстве и церкви.

Волна индивидуализма дошла до перегиба.

Права лица и мысли остаются приобретением мифическим, книжным, великим как догмат, ничтожным как приложение. Между ними и их осуществлением, как непереходимая пропасть, *бедность и невежество*. Личности мало прав, ей надобно *обеспечение и воспитание*, чтобы воспользоваться ими. Человек, не имеющий собственности, безличен. Право на ее приобретение несостоятельно. Одна артель может выручить нищего. Артель основана на круговой поруке, на *пожертвовании* части личности для общего дела.

С собственности готической, аристократической, феодальной, цеховой, городской сняты все тяги, она не несет на себе никаких *обязанностей* относительно бедных масс и вообще никаких, кроме обязанности найма сторожей в свое охранение, судей в свое оправданье. Милостыня, которую дают нищей братии, сострадание к ним — чувство хорошее, но не обязанность относительно

нуждающихся. С тех пор как массы поняли это, они не поддерживают политического, революционного движения и враждебно смотрят на мещанство, главного представителя индивидуализма. Боясь их, мещанство ищет опоры и защиты в правительстве, опертотом на невежество тех же масс. Отсюда неслыханная ни в какие времена сила новых полицейских правительств.

Выход один. Его указала Франция, второй раз принимая миродержавную инициативу. Социальный вопрос, поставленный ею — *открытый вопрос* для всей Европы.

Устранить его невозможно, разрешить его на пути национальном, политическом, на пути реформ, заменяющих меньшим злом большее, невозможно; тут не поможет ни итальянская *Unità*, ни Бисмаркова Пруссия, ни даже *manhood suffrage*⁴⁴⁷ в Англии.

Между Европой и Азией развивается страна на иных основаниях. Она выросла колонизацией, захватывая в свою жизнь всякую всячину, она окрестилась без католицизма, она сложилась в государство без римского права и сохраняя как народную особенность свою оригинальное понятие об *отношении человека к земле*.

Оно состоит в том, что будто бы всякий работающий на этой земле *имеет на нее право, как на орудие работы*. Это сразу ставит Россию на социальную почву, и притом на чрезвычайно новую.

О *земле* не поминала ни одна революция, домогавшаяся *воли*, но крайней мере после крестьянских войн. Ни с горных высот Конвента, ни с высот июньских баррикад мы не слышали слова *земля*. Понятие земельного участка так чуждо европейскому пониманию, что Лассаль⁴⁴⁸ старался вытолкнуть землю из-под ног работника, как гирию, мешающую его свободной личности.

У нас право на землю — не утопия, а реальность, бытовой факт, существующий в своей естественной непосредственности и который следует возвести в факт вполне сознательный. Все сельское население принимало спокон века это *естественное право* свое, не рассуждая о нем. Его только не знали в высших слоях, образованных на западный лад.

Сельская община при тех обстоятельствах, при которых она развивалась, ценой *воли* продала землю общиннику. Личность, имеющая право на землю, сама становилась крепка земле, крепка общине. Вся задача наша теперь состоит в том, чтоб развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины.

Возможно ли это? В этом, в свою очередь, наш вопрос будущего.

Большое счастье, что наше право на землю так поздно приходит к сознанию. Оно прежде не выдержало бы одностороннего напора западных воззрений. Теперь они сами являются в раздумье, с сомнением в груди. Социализм дал нам огромное подспорье.

Середь ночи, следовавшей за 14 декабрем, за польским восстанием 1831 г., середь поразительной легости, с которой николаевский гнет придавил все ростки, первые, закричавшие «земля», были московские славянофилы, хоть и они левой ногой стали на действительную почву, но все же первые.

Они поняли нашу экономически-социальную особенность в наделе землей, в переделе земли, в сельской общине и общинном землевладении; но понявши одну сторону вопроса, они опустили другую — *волю*, к которой рвалась личность, закабаленная селом, царем, церковью. Поклонники старины *назло* петровским порядкам, истые националисты, *преднамеренные* православные, они с неблагодарностью забыли, что им дала единоспасающая цивилизация Запада, при свете которой они нашли свой клад в земле и разглядели его.

Европа, плывшая тогда на всех парусах буржуазного либерализма, не имела понятия о том, как живет в стороне немой мир России; сами образованные русские мешали ей видеть что-нибудь другое, кроме плохих копий с ее собственных картин. Первый пионер, пошедший на открытие России, был Гакстгаузен. Случайно попавши на следы славянского общинного устройства где-то на берегах Ельбы, вестфальский барон поехал в Россию и, по счастью, адресовался к Хомякову, К. Аксакову, Киреевским и др.⁴⁴⁹ Гакстгаузен был действительно одним из первых, повестивших западному миру о русской сельской коммуне и ее глубоко аутономических⁴⁵⁰ и социальных началах — и когда?

Накануне Февральской революции, т.е. накануне первого широкого, но неудачного опыта ввести социальные начала в государственный строй. Европе был недосуг — за своим печальным *fiasco*⁴⁵¹ она не заметила книгу Гакстгаузена. Россия оставалась для них тем же непонятным государством, с самовластным императором во главе, с огромным войском, грозящим всякому свободному движению в Европе.

За Гакстгаузенем почти непосредственно идут наши опыты ознакомить Запад с неофициальной Россией.

Целых семь лет *учили* мы, насколько могли, где могли — России. Пифагорово число мало помогло. Нас слушали рассеянно до Крымской войны, с ненавистью во время ее, без пониманья прежде и после.

* “Vom andern Ufer” — 1850.

“Du dévelop<pement> des idées révolution<naires> en Russie” — 1851.

“Le socialisme et le peuple russe, lettre à J. Michelet” — 1851.

“Le vieux Monde et la Russie” — 1854.

Статьи в жерсейском журнале “L’Homme” и пр.

«Трудно себе представить, в каком безвыходном, запаянном наглухо круге понятий бьется современный европейский человек и как ему трудно достается, как его сбивает с толку, как ему становится ребром всякая мысль, не подходящая под заученные им правила, под заготовленные им рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоят на первом плане. У них для ежедневного обихода есть запас мыслей, знаний, суждений, негодований, восторгов и, главное, прилагательных слов, которые у них идут на все; их по мере надобности сокращают, растягивают, подкрашивают в ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчает труд; ее можно продолжать во всяком расположении, с головною болью, думая о своих делах, так, как старухи вяжут чулок. Но все это идет, пока дело вертится около знакомых предметов. Новое событие, неизвестный факт принимается, напротив, с скрытой злобой — как незванный гость, его стараются сначала не замечать, потом выпроводить за дверь, а если нельзя иначе — оклеветать»⁴⁵².

Строки эти были написаны в 1858 году. Тогда уже дверь в Россию была не совсем закрыта, и мы, оставляя Запад, обратили наше слово к России. Пробуждаясь, она, после смерти Николая, жадно искала свободной речи.

С чем же мы явились перед ней?

III

Со смертью Николая языки развязались. Накопившиеся, подавленные, затаенные и желчные мысли выступали на свет и рассказывали о своих грезах, каждая на свой лад. В тогдашней России было что-то праздничное, утреннее, весеннее и совершенно хаотическое.

Удивительная смесь разных возрастов человечества, разных направлений, воззрений — давно исчерпанных и едва початых — явились на сцене. Это был оперный бал, в котором ярко мелькнули всевозможные костюмы, от либеральных фраков с воротником на затылке времен первой реставрации до демократических бород и причесок. Немецкий доктринаризм рабства и абсолютизма, забытые общие места политической экономии шли рядом с православным социализмом славянофилов и с западными социальными учениями «от мира сего». И все-то это отражалось не только в общественном мнении, не только в полураскованной литературе, но в самом правительстве.

Многие ждали, что оно погнется в легко конституционном смысле; правительство устояло, хотя и само чувствовало, что

остаться по-прежнему *военно-судной империей* было невозможно. В сущности, одно *дело* и было для него возможно, — делом этим оно наносило себе японский удар⁴⁵³, воображая им обновиться.

Вся проснувшаяся Россия искренно жаждала независимого слова — слова, не потертого ценсурным ошейником, и не было ни одного вольного станка в ответ этой потребности, кроме лондонского. Мы оставили Запад в стороне и обратили все силы на то родное дело, к которому стремились с детства, через всю жизнь.

«Полярная звезда» и «Колокол» являются в самый разгар переезда и перестановки мебели, в то возбужденное время неустоявшегося брожения, в которое каждое слово могло сделаться зачатием и точкой отправления. Что же мы, обрушившие на себя ответственность первой свободной русской речи, сказали? С чем явились перед едва протиравшим себе глаза исполином?

Вся положительная, созидающая часть нашей пропаганды сводится на те же два слова, которые вы равно находите на первых страницах наших изданий, в ее последних листах, — на *Землю и Волю*, на развитие того, что нет *Воли без Земли* и что *Земля не прочна без Воли*.

Мы были глубоко убеждены, что аграрные основания нашего сельского быта выдержат напор западного изуверства собственности, как выдержали немецкий деспотизм, что *Земля* остается при деревне и крестьянин при наделе, что, имея землю и, следовательно, избу, что, имея выборное начало и сельское самоуправление, русский человек непременно дойдет *до воли* и превратит насильственную связь с общиной в добровольно соглашенную, в которой личная независимость будет не менее признана круговой поруки. Мы были убеждены и теперь еще не совсем в этом разубедились, что *почин*, что первые шаги нашего переворота совершатся без *кровавых потрясений*.

Главным камнем на дороге лежало чудовищное *крепостное право*, его обойти нельзя было ни конституционной хартией, ни каким-нибудь собранием «нотаблей»⁴⁵⁴. Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия; устранению его мы подчинили все интересы.

Рядом с освобождением крестьян мы неотступно требовали *освобождения слова* как условия, как той атмосферы, без которой нет народного совета в общем деле. Одна гласность, одна печать могла заменить бессловный собор, который до освобождения крестьян был невозможен; одно живое, не связанное никакими формами, никаким цензом *представительство слова* могло уяс-

нить вопросы и указать, что в самом деле и насколько созрело в народном разумении.

Около были частные борьбы и частные случаи, возникали вопросы из событий и совершались события, путавшие все карты, вызывавшие страстные отпоры и увлечения, но, срываясь с пути, мы постоянно возвращались к нему и постоянно держались наших двух основных идей.

И вот почему, когда государь признал в принципе освобождение крестьян с *землей*, мы без малейшей непоследовательности и совершенно искренно сказали наше «Ты побеждаешь, Галилеянин!», за которое нас столько порицали с обеих сторон⁴⁵⁵.

Скажем мимоходом, что наше простое отношение к правительству не хотели понять ни доктринеры верноподданничества, ни пуритане демагогии. Оппозиционный характер нашей пропаганды, так точно как и обличительный, составляли для нас одну из практических необходимостей, а не цель, не основу; твердые в нашей вере, мы не боялись никакого *мищенья*⁴⁵⁶ и, легко меняя оружия, продолжали ту же битву. Сбиться с дороги было для нас невозможно.

Не смешно ли человеку второй половины XIX столетия, вынесшему на своих плечах, стоптавшему своими ногами столько правительственных форм, одних бояться, перед другими идолопоклонствовать? Форма, как ее разумеют на языке военных приказов, — «мундир», и он поневоле прилаживается к живому содержанию... а не прилаживается, так внутри слабо и пусто. Поправляйте живое тело — мундир непременно лопнет, если узок. И будьте уверены, что нет ни очень хороших, ни безусловно скверных мундиров. Для нас мешанская камера народных представителей, не представляющая народа, так же противна, как Правительствующий сенат, ничем не правящий.

Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога; все, что было говорено противоположного об нас, — такое же вранье, как то, что *мы* уверяли поляков, что Россия была готова к восстанию в 1862. В ней, впрочем, не было ничего фантастического; в русской жизни нет тех непримиримых, упорных, взаимно уничтожающих сил, которые вели западную жизнь от одного кровавого конфликта к другому. Если такая непримиримость существовала, то это между крестьянином и помещиком, но она-то первая и разрешилась мирно, и разрешилась бы вовсе без крови, если б трусливое правительство и враждебные крестьянскому делу исполнители его не натянули ее без нужды.

Наше императорство и наше барство — без корней и знают это. Они приготовлялись собороваться маслом⁴⁵⁷ в 1862 году — и жили, только когда им на выручку явились: петербургский пожар⁴⁵⁸, катковское клеветничество и польское восстание. Народ любит царя как представителя защиты, справедливости (факт общий всем неразвитым народам) и не любит императора. Царь для него идеал, император — антихрист. Императорская власть держится войском и бюрократией, т.е. машинами. Войско бьет всякого по приказу, без разбора, бюрократия переписывает и исполняет волю начальства без рассуждения. Такого рода правительства не вырубаются топором, а при первой весенней теплоте распускаются в волнах жизни народа и тонут в них.

Мы твердо были убеждены в последнем. Уничтожалось же помещичество на наших глазах, как исчезающие картины, бледнея и превращаясь в разные тусклые уродства. Русское императорство имеет цели внешней политики, цели своего самосохранения и огромную власть, но принципа не имеет; то же следует сказать о среде, его окружающей, — и это с самого Петра. Со дня смерти Николая до его похорон двор и штаб, министерство и общество успели сделаться либеральными «поверхностно, лицемерно». Но кто же сказал, что прежде все были глубокими и искренними абсолютистами?

Русское правительство было на дороге к какому-то превращению, но, испугавшись, круто своротило с нее. Главная ошибка наша была ошибкой во времени да, сверх того, соображая все стихии, все силы, мы забыли одну из самых могучих сил — *силу глупости*. На ней снова укрепилось старое.

Освобождение крестьян, ропот помещиков, настроение общества, журналистики, некоторых правительственных кругов... и все это вместе неминуемо вело *к первому шагу*, т.е. к созванию думы или собора. Попыты московского и петербургского дворянства доказывают это очевидно, но они, как и следует помещикам, опоздали. Когда они подняли голос, государь был второй раз венчан на царство во всем самодержавии своим европейскими угрозами и народными овациями.

Силы патриотической реакции мы не предвидели. Одушевление 1612 и 1812 года только понятны при действительной опасности отечества; ее не было, но было желание всякого рода демонстраций, — немые пользовались языком.

Мы смотрели на реакцию как на несчастье дня и продолжали на первом плане разбор и обсуживание экономического и адми-

нистративного переворота в одном и том же духе и направлении *русского социализма*.

Отстаивая на первом плане право на землю, мы проповедовали развитие выборного самоуправления от села к волости, от волости к округу, от округа к области, — дальше мы не шли, *не должны были* идти, — дальше мы указывали, с одной стороны, безобразие личного самовольства, военно-канцелярского управления страной, серального⁴⁵⁹ бесчинства и помещичьего зверства; с другой — на виднеющийся вдали собор, выбранный вольным союзничеством областей для обсуждения *земского дела*.

Один из самых труднейших вопросов — не по трудности содержания, а по закоснелости предрассудков, обороняющих противоположный взгляд, — был вопрос об «общинном владении землею». Мы добивались у *наших* экономистов и либералов того вниманья, которое нам дал Стюарт Милль, сказав, что «общинное владение», неизвестное, нигде не развившееся и, следовательно, неисчерпанное, носящее в себе возможности многих форм и результатов, и составляет вопрос⁴⁶⁰. В то время как личная собственность, по римскому праву, дала всё... все приложения и с ними и *оказалась* далеко не состоятельной⁴⁶¹.

Мы предвидим улыбку многих при слове *русский социализм*. Чему люди не смеялись прежде пониманья? Это одна из принадлежностей той миродержавной силы, которая нами не была взята в расчет.

Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука.

Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались, с огромным талантом и пониманием, теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге. Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга.

Первые представители социальных идей в Петербурге были *петрашевцы*⁴⁶². Их даже судили как «фурьеристов»^{**463}. За ними явля-

* Излагать здесь нашу мысль об общинном владении не приходится; желающие ее вспомнить могут пересмотреть целый ряд статей в «Колоколе» да, сверх того, «Письма к инокю» в «Общем весте».

** Нас в 1834 году правительство обвиняло в сен-симонизме.

ется сильная личность *Чернышевского*. Он не принадлежал исключительно ни к одной социальной доктрине, но имел глубокий социальный смысл и глубокую критику современно существующих порядков. Стоя один, выше всех головой, середь петербургского брожения вопросов и сил, середь застарелых пороков и начинающих угрызений совести, середь молодого желания иначе жить, вырваться из обычной грязи и неправды, Чернышевский решился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшим и стремившимся, *что им делать*. Его среда была городская, университетская, — среда развитой скорби, сознательного недовольства и негодованья; она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции, из «способностей». Чернышевский, Михайлов⁴⁶⁴ и их друзья первые в России звали не только труженика, съедаемого капиталом, но и труженицу, съедаемую семьей, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершеннолетия, от жизни на содержании, и в этом — одна из величайших заслуг их.

Пропаганда Чернышевского была ответом на *настоящие* страдания, слово утешения и надежды гибнувшим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в *самом деле* юной Россией и прикидывавшейся такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» и помещиков в оппозиции.

Огромный успех социальных учений между молодым поколением, школа, вызванная ими, нашедшая себе не только литературные отголоски и органы, но начала практического приложения и исполнения, имеют историческое значение. Освобождение крестьян с признанием их права на землю, с сохранением общины и обращение к социализму молодых и деятельных умов, не закупленных жизнью, не сбитых с толку доктринаризмом, служили неопровержимым доказательством в пользу нашей всегдашней веры в характер русского развития.

В то время как мы, следуя шаг за шагом за прениями редакционной комиссии, за введением Постановлений 19 февраля⁴⁶⁵ и разбирая самые Постановления, старались ввести в сельский переворот, в самые учреждения наиболее своего взгляда, в Петербурге, Москве и даже в провинциях готовились фаланги молодых

людей, проповедовавших словом и делом общую теорию социализма, которой *частным случаем* являлся сельский вопрос.

Но в этом-то *частном случае* и была архимедова точка, *почин* русского государственного пересоздания. Однажды — земля, уступленная крестьянам, право на землю, признанное и введенное в законодательство. Однажды — выборное начало сельской общины, утвержденное, и общинное землевладение, оставленное на свои собственные силы, как бы для последнего искуса... остальное должно было идти неминуемо с быстротой развивающейся спирали, у которой вынут с одной стороны сдерживавший шкворень.

Крестьянская реформа, при всей сбивчивой неполноте своей, тотчас повела к экономическим, административным и юридическим последствиям своим — введением земских учреждений, нового суда и пр. Это были силлогизмы, которых не было возможности миновать.

Все реформы, начиная с крестьянской, были не только неполны, но преднамеренно искажены. Ни в одной из них не было той шири и откровенности, того увлечения в разрушении и создании, с которым ломали и создавали великие люди и великие революции; но *во всех* была признана негодность, несостоятельность старого правительства *указов и произвола*; но во всех двигался зародыш, которого развитие было задержано и, может, изуродовано, но который был *жив*.

Мы следили за всеми реформами и каждую прикидывали на общую родоначальную мысль коренного переворота, который тихо и незаметно, *sans phrase*⁴⁶⁶, входил глубже и глубже в землю и подымался над озимью полей. Мы не выходили из настоящего положения ни в голубую даль дорогих для нас идеалов, ни в чистые сферы отвлеченной социологии; мы сколько могли отстраняли все вопросы, не находившиеся на череду, как, например, вопрос семейный, религиозный*.

До конца 1863 года мы все еще усиливались, несмотря на родную распутицу, следить за государственной колымагой и тем громче звонили, чем больше она сбивалась с дороги. Если ямщики не слушались, окружающая их толпа слушала и, осыпая нас ругательством, делала долю того, что мы говорили. Оглохла и она. И с тех пор деятельная речь должна была на время уступить одному крику обличения и негодования, которое вызывало общество, валяющееся в крови и грязи, вместе с *пустым, бездушным и изменившим* правительством.

* Если мы говорили много о старообрядцах, то это вовсе не с религиозной точки зрения, а с точки зрения социальной и политической.

Правительство отступило по всей линии, и при всем этом его отступление не имело ни серьезного оправдания, ни серьезного характера. Если оно в самом деле думало арестами зря и ссылками без разбора остановить *историю*, уже обличившееся народное развитие, оно было бы безмерно жалко, но мы полагаем, что так далеко не шли виды Зимнего дворца. Дворец, поддерживаемый в страхе и тревоге своими евнухами и риторам⁴⁶⁷, боялся не *истории*, а чего-то из-за угла, и это в то время, когда он сам всенародно и громко говорил, что правительство никогда не чувствовало себя сильнее и народнее, как именно тогда. И не мудрено. Из-за патриотизма люди забыли все человеческое в сердце и все *бесчеловечское* в императорстве; газеты были полны верноподданническими акафистами...⁴⁶⁸ крестьяне, освобожденные от помещиков, и помещики, освобожденные от состояния, старообрядцы и евреи, казаки и немцы, — всё на словах бежало поддерживать трон и алтарь... Следовало ждать льгот, расширения прав, но правительство с ужасом указывало на несколько статей, на несколько молодых людей и отвечало на взрыв преданностей взрывом гонений и неистовств. Чего именно оно боялось, оно не говорило.

Во всем этом, бесспорно, было что-то безумное, так оно и кончилось — *выстрелом 4 апреля*⁴⁶⁹.

Те, которые *надеялись*, озлобились на не исполнившего *надежд*. Первая фанатическая, полная мрачной религии натура схватила пистолет.

Мсть не удалась, но предлог был дан и схвачен с дикой радостью, реакция была оправдана, царские *пугатели* были оправданы. И тем не менее если мсть не удалась, то и *террор не удался*. Начавшись ложно, он запутался и увяз в полицейской грязи.

Что сделала муравьевская облава, что вытрубил его лейб-трубач Катков? Где вселенский заговор, в котором участвовали все темные силы мира сего, английские банкиры, эмигранты в Швейцарии, эмиссары и миссионеры Маццини, поляки, мы и не мы, наконец, какой-то, всему миру неизвестный «всемирно-революционный комитет»?

От всего дела остался труп — немым свидетелем скверной царской мести и несчастные, сосланные *без суда и защиты* люди, уличенные в том, что они *не хотели* цареубийства...⁴⁷⁰

Убить несколько человек, кого на скорую руку веревкой, кого хронически тюрьмой, не мудрено; убивать умеет и локомотив, и чума, и бешеная собака. Террор хватает дальше: ему мало людей, он хочет убивать мысли, идеи, верования... и действительно после

ряда пьяных и безумных неистовств явилась высочайшая цидула⁴⁷¹ к князю Гагарину⁴⁷² с ученическими упражнениями о праве собственности, социализме; она пошла на полицейские выкрой-ки женских юбок и имела последствием введение кринолин⁴⁷³ в государственные учреждения.

Эхо на выстрел Каракозова обличило страшную пустоту в Зимнем дворце, печальное отсутствие серьезной мысли, обдуманности... да и на всех «горных вершинах» наших тоже. Что за нетопыри⁴⁷⁴, что за совы, за вороны встрепнулись, поднялись и вылетели на белый свет! Откуда спустили, из каких богаделен, смиренных домов или кладбищ... этих прокаженных, не то светских архиереев, не то духовных генералов, пошедших, во имя царя и церкви, в крестовый поход против разума и образования и начавших нести богословско-полицейскую *чушь*, от которой и Россия уже отвыкла?

Все это так, но вслушайтесь, что говорят эти нетопыри и архиереи, министры и совы... Нам дела нет, понимают ли они или не понимают и как понимают; вопрос у нас в том, чтоб узнать, против чего именно они идут, чего боятся, как католики боялись протестантизма, как французские монархисты — революции. Великий враг их, антихрист, страшный суд, которого они боятся, против которого идут, — социализм.

И это не огромный шаг вперед?

И это значит останавливать историю, идти вспять?

Они боятся... не конституции, не республики, не демократии... они боятся социализма да еще смешанного с каким-то *нигилизмом*⁴⁷⁵.

Думали ли они когда-нибудь, что, собственно, сверх синих очков и коротких волос содержится под этим словом?

Мы об *нигилизме* еще будем говорить, но здесь хотим только обратить внимание тех добросовестных людей, которые повторяют, как попугаи, слово, не зная его смысла. Они могут поверить, что *нигилизм* — женщина, положившая ноги на стол и пьющая шампанское, и притом женщина, родившаяся за «обедом флигель-адъютанта князя Б.» в сороковых годах, у которого смеялись над шагистикой Николая, а потому мы для них скажем, что *нигилизм* в серьезном значении — *наука и сомнение, исследование вместо веры, понимание вместо послушанья*.

Объявляя себя против народного благосостояния и человеческой мысли, против социализма и разума, правительство становится за изуверство, крепостничество, глупость...

Последний террор действительно убил его больше, чем людей. Он убил нравственно значение правительства; оно, покачиваясь и болтая вздор, сходит с блестящего помоста, на котором драпировалось со смерти Николая, под руку с Осип Ивановичем Комиссаровым-Костромским⁴⁷⁶.

Бой будет *вне его, помимо его*.

Ничем по усчитываемая власть может много вредить, но в самом деле остановить движение, которого оно испугалось и которое уносит весь материк к другим судьбам, *не может*. Оно двигается с ним нехотя, бессознательно, как человек, спящий на корабле.

Да двигается ли? И вообще двигаемся ли мы?

Присмотритесь, возьмите точку, две и их прежнее положение к окружающим предметам, возьмите, например, этого генерала-дурака, порющего дичь перед мировым судьей, и женщину, служащую письмоводителем судьи⁴⁷⁷... довольно и этого. Движение целых созвездий наблюдают сквозь тряпки очень редкой ткани.

Дикая реакция, гадкая реакция — да, да и тысяча раз да... жертвы падут направо и налево... но где же великий тормоз, чтоб остановить движение? Разве отнимают у крестьян землю, разве их исключают из выборов? Разве самое следствие по каракозовскому делу не указывает, что в московской молодежи была мысль пропаганды между фабричными работниками-крестьянами, первой попытки органического сочетания тех двух социальных оттенков, о которых мы говорили?

— Да, но эту-то молодежь и схватили, и сослали. Жаль ее, но места сосланных пусты не останутся.

Вспомним, что было при Николае... и не при нем ли началась та вулканическая и кротовая работа под землей, которая вышла на свет, когда он сошел с него?

В прошлое пятилетье мы немного избаловались, пораспустились, забывая, что нам были даны *не права, а поблажки*. Пора опять сосредоточиться.

Досадно, что история идет такими грязными и глухими проселками, но ведь одно *сознание* идет прямым путем. Не меняя нашей программы, и мы пойдем ее дорогой, лавируя с ней, теснясь с ней. Да и как же иначе, когда реакция торжественно признала ее и она действительно сделалась, по выражению брюссельских «Отголосков»⁴⁷⁸, «*знаменем против знамени Зимнего дворца*».

Мы ли будем держать его или другие нас сменят — не в этом дело, — знамя наше, знамя «Земли и Воли», водруженное *нами, признано* враждебным станом.

Комментарии

1 РОССИЯ

Впервые под названием «К Георгу Гервегу» за подписью *Barbar* (Варвар) и с датой: Монтре, 25 августа 1849 г. статья была опубликована на немецком языке в первой книге Герцена, изданной на Западе — «С того берега» (*Vom anderen Ufer. Aus dem Russischen Manuscript. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1850*). Книга фактически вышла в свет в конце 1849 г. Одновременно текст статьи уже под названием “*La Russie*” и за подписью *Un Russe* (Русский) и с датой: Лондон, 25 августа 1849 г. был опубликован на французском языке в трех номерах газеты “*La Voix du Peuple*” 19, 26 ноября и 10 декабря 1849 г. и в том же году на итальянском языке в газете “*Italia del Popolo*” (см.: [Ланской Л.Р.] Комментарии. LA RUSSIE <РОССИЯ> // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VI: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851 / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 514–515).

Текст печатается по: Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VI: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851 / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 187–223. При составлении комментария использованы примечания Л.Р. Ланского, переведшего на русский язык и подготовившего к печати текст статьи “*La Russie*” (см.: [Ланской Л.Р.] Комментарии. LA RUSSIE <РОССИЯ> // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VI: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851 / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 514–519).

² Г. Г-г — Гервег (*Herwegh*) Георг (1817–1875) — немецкий поэт.

³ Герцен цитирует строки из стихотворения немецкого поэта Гёте (*Goethe*) Иоганна Вольфганга (1749–1832) “*Den Vereinigten Staaten*” («К Соединенным штатам», 1827).

⁴ 1848-й год ознаменовался пандемией революций в разных странах Европы. 12 января 1848 г. на Сицилии началось антимонархическое восстание, затем в феврале во Франции был свергнут король Луи Филипп, революция перекинулась в Германию, а в марте 1848 г. вспыхнула в столице Австрийской империи Вене. Революционные выступления произошли также в других областях Италии, Австрии, в Венгрии, в Дании и др. Эти революции, названные современниками «Весной народов», были довольно быстро подавлены.

⁵ Июньское восстание — восстание рабочих в Париже 23–26 июня 1848 г., с чрезвычайной жестокостью подавленное генералом Л.Э. Кавеньяком — военным министром, которому Национальное учредительное собрание Франции вручило диктаторские полномочия.

⁶ Полиньяк (*Polignac*) Огюст Жюль Арман Мари (1780–1847) — граф, затем князь, французский политический деятель, ультрароялист. В 1829–1830 гг. министр иностранных дел и председатель кабинета министров в правительстве короля Карла X, издавшего в июле 1830 ордонансы, нарушавшие конституционную хартию 1814 г. и ставшие толчком к Июльской революции 1830 г.

Гизо (*Guizot*) Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) — французский государственный деятель, историк. В правительстве короля Луи Филиппа, сменившего Карла X, занимал посты министра внутренних дел, народного просвещения, иностранных дел, премьер-министра. С 1840 г. фактически руководил всей политикой Июльской монархии. Его отказ изменить закон о выборах и провести избирательную реформу стимулировал Февральскую революцию 1848 г., которая положила конец политической карьере Гизо.

⁷ Герцен имеет в виду времена религиозных войн между католиками и гугенотами (протестантами-кальвинистами), раздиравших Францию с 1562 по 1598 г. Во главе гугенотов стояли Бурбоны (принц Конде, Генрих Наваррский) и адмирал де Колиньи, во главе католиков — мать французского короля Карла IX Екатерина Медичи и лидеры Католической лиги — представители аристократического рода Гизов. Апогеем противостояния стала так называемая Варфоломеевская ночь — массовая резня гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день Святого Варфоломея) в Париже, организованная Екатериной Медичи и Католической лигой. В Париже, а затем и в других городах Франции в течение двух недель было уничтожено более 30 тыс. человек. Тридцатилетний период гражданских войн католиков и протестантов закончился восшествием Генриха Наваррского на французский престол и изданием Нантского эдикта (1598) — закона, даровавшего гугенотам вероисповедные права.

⁸ Имеется в виду датированная 1 марта 1848 г. статья-диалог “*Consolatio*” (букв. «Слово утешения»), вошедшая в книгу «С того берега». Немецкое издание этой книги было напечатано в Цюрихе осенью 1849 г. По соглашению с издателем Кампе весь тираж весной 1850 г. был перевезен в Гамбург, где были подпечатаны обложка и титульный лист: “*Vom anderen Ufer. Aus dem Russischen Manuscript. Hamburg, Hoffmann und Campe*”, 1850. Это издание, вышедшее в свет анонимно, в отличие от последующих, было разделено на две части. В первую часть, имевшую общее заглавие “*Wer hat Recht?*” («Кто прав?») и вошли статьи-диалоги «Перед грозой», “*Vixerunt!*” и “*Consolatio*”.

⁹ Герцен намекает на вооруженную интервенцию Франции против Римской республики в апреле—июле 1849 г., террористические действия прусской карательной армии против Баденской революции в июне 1849 г. и подавление революции в Венгрии русской армией, отправленной туда в конце мая 1849 г. императором Николаем I.

¹⁰ Имеется в виду Катон Младший (Утический) (95—46 гг. до н. э.) — римский политический деятель, судебный оратор, философ, известный своей честностью и прямоотой. Убежденный республиканец и противник Цезаря, Катон во время гражданской войны выступил на стороне Гнея Помпея, после поражения и смерти которого вместе с остатками армии бежал в Утику (Северная Африка). В 46 г. после победы Цезаря в битве при Тапсе над отверженцами Помпея покончил жизнь самоубийством, бросившись на собственный меч.

¹¹ Имеется в виду Тацит Публий Корнелий (ок. 56 — ок. 117 гг.) — римский историк, автор трактата «Книга о положении, обычаях и народах Германии» (*De Situ Moribus Et Populis Germaniae Libellus*, 98 г.).

¹² Юмористический иллюстрированный журнал “*Berliner Krakehler*” («Берлинский крикун») открыл свой 9-й номер от 22 июня 1848 г. огромным аншлагом: «Русские идут!» (“*Die Russen kommen!*”), повторенным четырнадцать раз на одной странице шрифтами разных размеров.

¹³ Габсбургский дом — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы, представители которой правили Австрией, Австрийской империи, Священной Римской империи, Венгрии, Чехии, Хорватии, Испании, Португалии и др. Дом Гогенцоллернов — немецкая графская, княжеская, королевская и императорская династия, представители которой были правителями Бранденбург-Пруссии, Германии, Румынии и др. Прусские Гогенцоллерны взяли на себя роль главного усмирителя революции 1848—1849 гг. в Германии. Сделав некоторые уступки в отношении политического переустройства королевства по конституционной модели, прусская военно-бюрократическая верхушка затем восстановила «порядок» не только в своей стране, но и в других германских государствах. В это же время Габсбурги, столкнувшись с народными восстаниями во всех частях своей

империи, вынуждены были обратиться за помощью к русскому царю, который охотно откликнулся и двинул войска против восставших венгров.

¹⁴ Имеется в виду разгром наполеоновских войск, вторгшихся в России в 1812 г. и последовавшее за тем триумфальное шествие русской армии по Европе в 1813–1814 гг.

¹⁵ Галлы — римское название кельтов, населявших историческую область Европы, включавшую территории между р. По и Альпами и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном. В 58–51 гг. до н.э. римский полководец Гай Юлий Цезарь завоевал Галлию и превратил ее в провинцию Рима, после чего галлы подверглись романизации. Эти события Цезарь описал в своих «Записках о галльской войне».

¹⁶ Гидальго — идалго (*исп.* hidalgo), рыцарь в средневековой Испании, человек, происходящий из благородной семьи, дворянин. В литературе, как правило, идалго изображается как человек благородного происхождения, который потерял почти все состояние его семьи, но все еще сохраняет привилегии и почести дворянства.

¹⁷ Герцен осуществил эту задачу в 1851 г., выпустив в свет на французском и немецком языках книгу «О развитии революционных идей в России».

¹⁸ Илот — земледелец в древней Спарте, считавшийся собственностью государства. В переносном значении — бесправный, порабощенный человек.

¹⁹ Калибан — персонаж пьесы У. Шекспира «Буря» (1611), «уродливый невольник-дикарь», олицетворение тупого и злобного существа.

²⁰ По-видимому, имеется в виду аугсбургская «Allgemeine Zeitung», которую в одной из своих статей Герцен назвал «добровольным органом венского кабинета».

²¹ Мюллер — Миллер Герард Фридрих (1705–1783), или в русифицированном варианте Федор Иванович Миллер, российский историк и археограф, член Петербургской АН (1731). Немец по происхождению, он с 1725 г. жил и работал в России. В 1733–1743 гг. участвовал в экспедиции по изучению Сибири, обследовал и описал архивы более 20 городов, собрал обширные данные по археологии, этнографии и экономике края, а также огромную коллекцию копий документов по русской истории. Основные его работы, главным образом на немецком языке, посвящены истории и географии России с древнейших времен до середины XVIII в. Наиболее значительный труд — «История Сибири» (первая книга вышла в Санкт-Петербурге в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена»), для написания которого он привлек широкий круг источников и одним из первых в русской историографии подверг их внутренней и внешней критике и проверке.

Шлёцер (Schlözer) Август Людвиг (1735–1809) — немецкий историк. В 1861 г. по приглашению Миллера приехал в Россию, в 1761–1767 гг. работал в Петербургской Академии наук, изучал древнерусские летописи. Написал ряд работ о русской истории, в том числе свой главный труд «Нестор» [Несторь. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen, von SchreibFehlern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der Statswissenschaften in Göttingen, des Kaiser[lichen] Russischen Ordens des heil[igen] Wladimirs 4ter Klasse Ritter (Göttingen: bei Heinrich Dieterich, 1802–1805, Teile 1–4; von Vandenhoek und Ruprecht, 1809, Teil 5; заголовки в разных томах несколько различаются); в русском переводе: Несторь. Руския летописи на Древле-Славенскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлёцером / Перевель съ нѣмецкого Дмитрий Языков (СПб.: в Императорской типографии, 1808)].

Во многих русских изданиях вместо Шлёцера ошибочно указан Шлоссер (см., напр.: *Герцен А.И. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В.К. Кантор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 206, 772*), хотя на эту ошибку, вкравшуюся во французское издание статьи «La Russie» («Россия»), указали еще в 1954 г. составители собрания сочинений А.И. Герцена (см.: *Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 464*).

Эверс Иоганн Филипп Густав (1781–1830) — российский историк немецкого происхождения, член Петербургской АН (1809). С 1810 г. возглавил кафедру географии, истории и статистики России в Дерптском университете, а с 1818 г. стал ректором. В 1816 г. на немецком языке опубликовал исследование «История руссов» и в 1826 — капитальную работу «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (рус. пер. 1835).

Левек (Lévesque) Пьер Шарль (1737–1812) — французский историк. В 1773–1780 гг. работал преподавателем в Санкт-Петербурге. Вернувшись на родину, издал в Париже на французском языке ряд трудов, посвященных истории России IX–XVIII вв. («Российская история», «История различных народов, подчиненных русскому господству» и др.), вызвавших большой интерес как во Франции, так и в России.

²² Паллас (Pallas) Петр Симон (1741–1811) — российский естествоиспытатель немецкого происхождения, академик Петербургской АН (1767). С 1767 в России. Руководил экспедициями Петербургской АН (1768–1774), результаты которых опубликованы в трехтомнике «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (1773–1788). Автор двухтомного исследования «Флора России» (1784–1788).

Гмелин (Gmelin) Иоганн Георг (1709–1755) — немецкий ученый, натуралист, академик Петербургской АН (1727–1748). В 1727–1747 гг. работал в России, в 1733–1743 гг. путешествовал по Западной и Восточной Сибири. Автор четырехтомного труда «Флора Сибири» (1747–1769).

²³ Императрица Екатерина II была поклонницей философии европейского Просвещения и в своем правлении стремилась осуществить принципы утопического учения просветителей об идеальном союзе королей и философов. Она хорошо знала произведения Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, переписывалась с французскими просветителями Вольтером, Д. Дидро, Д'Аламбером, поддерживала их материально, восхищалась смелостью мысли Ч. Беккариа, которого безуспешно пыталась привлечь к работе по кодификации русских законов. Объявив в 1766 г. о намерении систематизировать законы в новом своде, Екатерина созвала Уложенную комиссию, которой в качестве наставления подготовила «Наказ» (1767), задуманный как теоретическое обоснование просвещенного абсолютизма и представлявший, по сути, компиляцию сочинений Шарля Монтескье «О духе законов» (1748) и Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764), а также некоторых статей «Энциклопедии» или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (первые 28 томов вышли в 1751–1766 гг.) Д. Дидро и Д'Аламбера.

²⁴ Имеется в виду ликвидация самостоятельного польско-литовского государства — Речи Посполитой и раздел его территории между Прусским королевством, Российской империей и Австрийской империей в 1772–1795 гг. В историографии принято выделять не два, а три таких раздела — в 1772, 1793 и 1795 гг.

²⁵ Имеются в виду боевые действия русско-австрийской армии под командованием фельдмаршала А.В. Суворова в Северной Италии в апреле–августе 1799 г. и знаменитый переход русских войск из Италии через Альпы в Швейцарию в сентябре 1799 г. во время войны второй коалиции (Великобритания, Австрия, Россия, Турция, Королевство обеих Сицилии и др.) против Франции (1798–1802 гг.).

Проявленные русскими солдатами героизм и самопожертвование не помогли достижению поставленной цели — соединению с корпусом генерала А. М. Римского-Корсакова. Вероломные действия австрийских союзников, предоставивших Суворову неверные топографические данные и отведших большую часть своих войск в Германию, привели оставшиеся без поддержки русско-австрийские войска под командованием Римского-Корсакова и Фридриха фон Готце к поражению от французов в битве 14–15 сентября 1799 г. под Цюрихом, а самого Суворова поставили в сложное положение.

²⁶ Имеется в виду так называемая эпоха наполеоновских войн 1796–1815 гг., которые Наполеон Бонапарт вел с европейскими государствами, эпизодом этой эпохи стал безуспешный поход французских войск 1798–1799 гг. в Египет (закрепиться в стране, завоеванной с большим трудом, не удалось — Египет осталась под французским протекторатом лишь до 1802 г.). Фатальной для Наполеона стала Русская кампания 1812 г., когда вторгшаяся на территорию России 550 тысячная французская армия была полностью уничтожена русскими войсками и партизанами, а боевые действия перенесены в Европу и завершились отречением Наполеона от престола и восстановлением во Франции монархии Бурбонов.

²⁷ Русские войска во главе с императором Александром I вошли в Париж 31 марта 1814 г.

²⁸ Император Александр I возглавил в 1813–1814 гг. антифранцузскую коалицию европейских держав, был одним из руководителей Венского конгресса 1814–1815 гг. и организаторов Священного союза в 1815 г. — в это время Россия в его лице доминировала в европейской политике.

²⁹ Имеются в виду польские инсургенты — участники неудачного восстания 1830–1831 гг. против России.

³⁰ Дунайские княжества Молдавия и Валахия, бывшие в составе Османской империи, благодаря победе России над турками в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. получили автономию. После войны они находились под российским протекторатом, фактически главой княжеств с 1829 по 1834 г. был командующий дислоцированных там русских войск — Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872). После того, как русские войска покинули княжества, они вступили в полосу тяжкого социального, политического и экономического кризиса, приведшего к революционным выступлениям 1848 г. и вводом в Валахию русских и турецких войск, подавивших революцию. Особые права России в отношении Дунайских княжеств сохранялись вплоть до 1856 г.

³¹ Проконсулы в Древнем Риме обычно управляли провинциями.

³² Имеется в виду Фридрих Вильгельм IV (1795–1861) — король Пруссии (с 1840 г.) из династии Гогенцоллернов.

³³ Если в XIX в. польский вопрос занял особое место в ряду национальных проблем, стоявших перед Российской империей, то для Великобритании одной из острых политических проблем стал ирландский вопрос — проблема национальной независимости и единства Ирландии, возникшая в результате завоевания и колониального порабощения этой страны Англией, длившегося более 400 лет. С XII в. ирландцы сопротивлялись англичанам, стремившимся подчинить их. Во время английской Реформации ирландцы остались католиками, что усугубило раскол между ними и англичанами-протестантами. В 1649 г. Во время Ирландского восстания 1641–1652 гг., вождем английских протестантов Оливер Кромвель учинил резню ирландских католиков, земли которых были розданы английским колонистам. Колонизация Ирландии сопровождалась ростом национального сопротивления, и, несмотря на Унию 1801 г., согласно которой Ирландия стала частью Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии

(1801–1927), ирландское сепаратистское движение, ставившее целью освобождение от английского господства, не прекращалось на протяжении всего XIX в.

³⁴ Имеется в виду подавление польского восстания 1830–1831 годов. Герцен намекает на приобретшее позорную известность выражение французского министра иностранных дел гр. Себастиани в его докладе Палате депутатов: «Порядок царит в Варшаве».

³⁵ Намек на положение в Париже после кровавого террора, последовавшего за поражением июньского восстания 1848 г.

³⁶ Осенью 1848 г. в Риме началась революция, в результате которой светская власть папы была низложена и провозглашена Римская республика. Но в июле 1849 г. Рим был взят французскими интервентами под командованием Ш. Удино, который 14 июля объявил о восстановлении в папской власти.

³⁷ Имеется в виду брат короля Пруссии, принц Вильгельм (будущий германский император (кайзер) Вильгельм I), командующий войсками прусских интервентов, подавивших восстание в Бадене и Пфальце в 1849 г.

³⁸ 1 ноября 1848 г. австрийскими правительственными войсками была жестоко подавлена венская революция. Солдаты и офицеры зверски уничтожали население столицы.

³⁹ Имеется в виду сочинение маркиза де Кюстина (Custine) Астольфа (1790–1857) «Россия в 1839 году» (четырёхтомное издание “La Russie en 1839” впервые вышло в свет в двух книгах в Париже в 1843 г., а не в 1842-м, как указывает Герцен). Книга при жизни автора была издана многократно: второе издание на французском языке вышло спустя полгода после первого в том же 1843 г., третье и четвертое — в 1846, пятое — в 1854; шестое — в 1855 г. Одновременно в Бельгии вышло шесть перепечаток без согласия автора: две с указанием года издания (1843 и 1844) и четыре без года. Немецкий перевод вышел в Лейпциге в 1843 г., там же вышло второе издание (без года), а в 1847 г. — третье. Английский перевод книги Кюстина вышел в Лондоне в 1843 г. под названием “The Empire of the Czar” («Империя царей»); второе издание — там же в 1844 г.

⁴⁰ Имеется в виду сочинение барона Гакстаузена (Haxthausen) Август (1792–1866) «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (на немецком языке первые два тома “Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands”, а также практически одновременно их французский перевод “Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen. Edition Française” вышло в Ганновере в 1847 г., третий том — соответственно в 1852 г. и 1853 г. в Берлине).

В примечании Герцена речь идет о двухтомном сочинении немецкого зоолога (видимо, поэтому названном Герценом «Зоологическим путешествием») Блазиуса (Blasius) Иогана-Генриха (1809–1870) «Путешествие по Европейской России в 1840 и 1841 году» (“Reise im europäischen Rußland in den Jahren 1840–1841”, 1844) и книге немецкого исторического писателя Кёнига (Koenig) Генриха Иосифа (1790–1869) «Картины русской литературы» (“Literarische Bilder aus Rußland”, 1837), написанной им в сотрудничестве с А.Н. Мельгуновым, а также книгах эльзасского историка и статистика, некоторое время жившего и работавшего в России — Шницлера (Schnitzler) Иоганна Генриха (1802–1871), опубликовавшего большое количество научных трудов, посвященных российской истории и политике, из которых к 1850 г. вышли “Essai d’une statistique générale de l’empire de Russie” («Очерк общей статистики Российской империи», Париж, 1829); “La Russie, La Pologne Et La Finlande: Tableau Statistique, Géographique Et Historique De Toutes Les Parties De La Monarchie Russe Prises Isolement” («Россия, Польша и Финляндия. Отдельно таблица статистики, географии и истории всех сторон рус-

ской монархии», 1835, “Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas” («Внутренняя история России в царствование императоров Александра и Николая», Париж, 1847) и др.

⁴¹ Легитимист — монархист, сторонник старшей линии династии Бурбонов, свергнутой во Франции в июле 1830 г.; иезуит — неофициальное название члена Общества Иисуса, одного из крупнейших мужских монашеских орденов Римско-католической церкви, основанного в 1539 г. Игнатием Лойолой для распространения католицизма. Прославились своей моралью (пробабиллизм), которая допускает гнуснейшие средства ради благой цели распространения и защиты католицизма. В переносном смысле — хитрец, интриган, лживый, двуличный человек.

⁴² Терцен цитирует слова из второканонической книги Ветхого Завета «Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова» — Каков правитель народа, таковы и служащие при нем; и каков начальствующий над городом, таковы и все живущие в нем (Прем. Сир. 10:2).

⁴³ Пуффендорф (Pufendorf), Самюэль (1632–1694) — немецкий юрист, представитель школы естественного права; Гуго Гроций (Hugo Grotius) (1583–1645) — голландский юрист и политический мыслитель, один из основоположников доктрины естественного права.

⁴⁴ Мальтус — Мальтус (Malthus) Томас Роберт (1766–1834) — английский экономист, священник англиканской церкви. В своем труде «Опыт о законе народонаселения» (1798) сформулировал закон народонаселения, базирующийся, по его мнению, на законах природы, согласно которому население имеет тенденцию расти в геометрической прогрессии, а средства существования могут увеличиваться лишь в прогрессии арифметической и вывел статистический оптимум населения, при котором еще не начинают действовать «разрушительные факторы» (войны, эпидемии, голод и др.), корректирующие рост численности населения. С «абсолютным перенаселением» рекомендовал бороться путем регламентации браков и регулирования рождаемости. Идеи Мальтуса легли в основу концепций мальтузианства, в которых неограничиваемый рост численности населения рассматривается в качестве причины социальных бедствий, политических потрясений и экологических катастроф.

⁴⁵ Имеется в виду дробление земли на мелкие участки (парцеллы, от *фр.* “parcelle” — часть, частица) для ведения семейно-индивидуального крестьянского хозяйства, коренным образом отличающегося от общинного землепользования.

⁴⁶ Военные поселения — система организации войск в России в 1810–1857 гг., сочетавшая военную службу с занятием производительным трудом, прежде всего, сельскохозяйственным. Система военных поселений создавалась, во-первых, чтобы, не увеличивая расходов казны на содержание армии в мирное время, иметь на случай войны войсковой резерв; во-вторых, имелось в виду улучшить материальное положение нижних чинов, дать им возможность во время службы оставаться с семьей и продолжать заниматься земледелием, а на старость обеспечить им пристанище и кусок хлеба; в-третьих, с развитием таких поселений предполагалось совершенно отказаться от рекрутских наборов, заменив их денежным налогом на содержание поселенной армии. В разряд военных поселян переводились казенные крестьяне ряда губерний. Здесь же расселяли солдат, к которым выписывались их семьи. Жены становились поселянками, сыновья с 7 лет зачислялись в кантонисты, а с 18 — в действительную военную службу. По достижении 45 лет поселенцы уходили в отставку, но продолжали нести службу в госпиталях и по хозяйству. Наряду с регулярным военным обучением, несением караульной службы поселенцы занимались сельским хозяйством, а также работали на каменноломях, пороховых и лесопильных заводах. Военные поселяне освобождались

от всех налогов и повинностей, от строевой службы, но обязаны были снабжать продовольствием действующую армию. Для них строились типовые дома с хозяйственными постройками, они получали скот и инвентарь, а также форменную одежду, которую должны были носить постоянно, ружья, амуницию. Вся жизнь крестьян строго регламентировалась, они обязаны были жить и работать по твердому распорядку, за малейшее нарушение которого следовало телесное наказание. Торговля, промыслы, контакты с внешним миром категорически запрещались. Муштра, жестокий режим, строгая регламентация жизни вызвали восстания.

⁴⁷ Одно из крупнейших солдатских выступлений, распространившееся на большинство военных поселений Новгородской губернии, произошло в 1831 г. около г. Старая Русса. Поводом к нему послужила эпидемия холеры, в организации которой заподозрили офицеров и лекарей, якобы отравивших воду. В ходе этого выступления многие «начальствующие лица» получили телесные повреждения, а более ста офицеров (в том числе два генерала), лекарей и даже священников были убиты, многие помещицы имения разорены. После его подавления было арестовано более четырех тысяч человек, три тысячи были осуждены и подверглись экзекуции шпицрутенами (шпицрутен — длинный гибкий прут, вымоченный в соленой воде, или палка которыми были наказываемых, прогоняя их сквозь строй), после которой многие умерли на месте наказания.

⁴⁸ Министерство государственных имуществ было учреждено 26 декабря 1837 г. На него было возложено заведование государственными имуществами, попечительства над государственными крестьянами и колонистами, оценка, описание и межевание казенных земель, лесное дело, сельскохозяйственное образование, соби́рание и распространение сведений по земледелию и сельскому хозяйству, принятие необходимых мер к дальнейшему развитию и усовершенствованию различных отраслей его. В 1838 г. в качестве губернских органов министерства были учреждены особые палаты государственных имуществ.

⁴⁹ Провиденциальное — в смысле предопределенное, судьбоносное.

⁵⁰ Один (или Вотан) — в германо-скандинавской мифологии верховный бог, Тор — его старший сын, бог грома и бурь.

⁵¹ Герцен имеет в виду принцип *Liberum veto* (свободное вето), который позволял любому депутату сейма Речи Посполитой прекратить обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против. Истоком его была традиция единодушного принятия решений как воплощение политического равенства. Впервые был использован в 1652 г., заменен принципом большинства в 1791 г.

⁵² Тамерлан (Тимур) (1336–1405) — среднеазиатский полководец, эмир (с 1370). Создатель государства со столицей в Самарканде. Совершал завоевательные походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию и др. В 1394–1395 гг. разгромил татаро-монгольское государство — Золотую Орду, в вассальной зависимости от которой находились Русские княжества.

⁵³ Речь идет о периоде Смутного времени после свержения в июле 1610 г. царя Василия Ивановича Шуйского (1552–1612) и до избрания на трон царя Михаила Федоровича Романова (1596–1645), когда номинально страной правили Семибоярщина — правительство «седемчисленных бояр», вошедшее в сговор с польскими интервентами, а фактически польские военные. Период междоусобицы, как и сама Смута, был закончен освобождением Москвы от поляков в 1612 г. народным ополчением под руководством К.М. Минина и Д.М. Пожарского и созывом Земского собора в 1613 г. избравшего нового русского царя.

⁵⁴ Вестфальский мир — мирные договоры 1648 г., завершившие Тридцатилетнюю войну 1618–1648 гг. между католическо-габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и протестантско-антигабсбургской коалицией (германские

протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией) — положили начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета (когда каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории), а также идее баланса сил, предотвращающего доминирование в международной системе одного или группы государств, и др.

⁵⁵ Фридрих II Великий (1712–1786) — король Пруссии из династии Гогенцоллернов, правивший в 1740–1786 гг.

⁵⁶ Прусский воинский устав, созданный Фридрихом II Великим для наемной прусской армии, был прежде всего направлен на соблюдение воинской дисциплины, которая достигалась жестокой муштрой и телесными наказаниями солдат.

⁵⁷ Имеется в виду народное восстание в Вене, начавшееся 6 октября 1848 г. во время которого ремесленники, рабочие и студенты преградили путь войскам, отправлявшимся на подавление венгерского восстания, на сторону восставших перешла часть гарнизона, причем военный министр Теодор Лаур, пытавшийся остановить беспорядки был забит до смерти молотками и палками. После упорных боев 31 октября имперские войска вступили в Вену и учинили расправу над восставшими.

⁵⁸ В восставшем против австрийского господства Риме, в феврале 1849 г. была провозглашена Римская республика, во главе которой встал Триумvirат (Карло Армеллини, Джузеппе Мадзини и Аурелло Саффи), под руководством Дж. Мадзини. Триумvirат, как и республика, просуществовал недолго и уже в июле Рим был взят французскими войсками.

⁵⁹ Кальвинисты — сторонники кальвинизма, одного из протестантских вероучений, названного так по имени его по имени его основателя французского богослова Ж. Кальвина (J. Calvin) (1509–1564).

⁶⁰ Раскольники — официальное название сторонников старообрядчества в России, отвергающих предпринятую в 1650–1660-х гг. патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем церковную реформу, целью которой была унификация богослужебного чина Русской Церкви с греческой Церковью.

⁶¹ Имеется в виду русский религиозный деятель, один из основоположников старообрядческого раскола, проповедник и писатель протопоп Аввакум (1620–1682), которого официальные власти ссылали в Сибирь, держали 15 лет в «земляной тюрьме» и, в конце концов, сожгли на костре.

⁶² Вандеец — по названию французской провинции Вандеи, жители которой в 1793 г. восстали под католическими и монархическими лозунгами против нового республиканского правительства. Герцен употребляет это слово в переносном смысле, для обозначения монархиста, контрреволюционера.

⁶³ Карлист — сторонник претендента на испанский престол дона Карлоса (1788–1855) и его потомков. В переносном значении — монархист, консерватор, традиционалист.

⁶⁴ Имеется в виду обстоятельства прихода к власти Лжедмитрия I — самозванца, выдававшего себя за сына Ивана Грозного царевича Дмитрия, убитого в Угличе в 1591 г. При поддержке поляков и антигодуновских сил в России (большое число крестьян, городских жителей и бояр были недовольны политикой Бориса Федоровича Годунова (1552–1605) фактически правившего страной с 1587 г. и ставшего царем в 1598 г.) Московское «старое родовитое боярство», при поддержке городских низов в июне 1605 г. свергнуло Годуновых и открыло ворота Москвы самозванцу, ставшему московским царем и правившему в 1605–1606 гг.

⁶⁵ Преторианцы — гвардейцы.

⁶⁶ Герцен указывает период истории России со смерти императора Петра I и до восшествия на престол Екатерины II, когда на российском престоле сменилось

десять царей и правителей (Екатерина I, Петр II, Верховный тайный совет, Анна Иоанновна, Иван VI, Бирон, Анна Леопольдовна, Петр III, Екатерина II), часть которых получила власть в результате дворцовых переворотов и убийства своих предшественников.

⁶⁷ Камарилья (*исп.* “*samarilla*”, от “*sámara*” — палата, двор монарха) — группа влиятельных придворных.

⁶⁸ Герцен имеет в виду правительницу Анну Леопольдовну, принцессу Брауншвейг-Люнебургскую; императрицу Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую; императора Петра III — герцога Голштинского и императрицу Екатерину II, принцессу Анхальт-Цербстскую.

⁶⁹ Восстание Пугачева — крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством донского казака Емельяна Ивановича Пугачева (1742–1775), выдававшего себя за императора Петра III.

⁷⁰ Имеется в виду Отечественная война 1812 г., когда на волне патриотического подъема всего русского народа армия, ополчение и партизанское движение уничтожили вторгшуюся в страну прежде непобедимую армию Наполеона.

⁷¹ Клеопатра — легендарная царица Египта, чье имя, благодаря любовным связям с Гаем Юлием Цезарем и Марком Антонием, а также писаниям некоторых римских историков (Аврелий Виктор и др.), стало синонимом разврата. В данном случае Герцен намекает на любвеобильность императрицы Екатерины II, неполный список любовников которой насчитывает 23 человека.

⁷² Сбирь (*фр.* “*sbire*”, *ит.* “*sbirgo*”) — низшие служащие инквизиции.

⁷³ Это указание Герцена неточно: манифестом от 18 февраля 1762 г. русским дворянам было предоставлено право не служить, с сохранением всех их привилегий.

⁷⁴ Имеется в виду Манифест от 11 июня 1845 г. «О порядке приобретения дворянства службою» ограничивавший доступ в дворянское сословие. По этому закону для получения потомственного дворянства требовался более высокий чин, чем прежде.

⁷⁵ Слово «отаитский» употребляется Герценом в смысле — «дикарский». Отаити — местное название Таити — одного из островов Французской Полинезии в Тихом океане.

⁷⁶ Герцен имеет в виду французский язык и манеры придворных королей Франции, резиденция которых в 1682–1789 гг. находилась в г. Версаль под Парижем.

⁷⁷ Имеется в виду восстание 14 декабря 1825 г. (Герцен указывает дату по новому стилю).

⁷⁸ *Indulgentia plenaria* — полное отпущение грехов (лат.).

⁷⁹ Риго — Риго-и-Нуньес (*Riego y Núñez*) Рафаэль (1785–1823), генерал, либеральный политик, национальный герой Испании, деятель революции 1820–1823 гг., направленной против абсолютизма.

Гонфалоньеры (*ит.* “*gonfaloniere*”) — знаменосец — главы ополчения popolанов — городских торговцев и ремесленников, которые в XIII в. в ходе борьбы с сеньорами установили свою власть в Болонье, Флоренции, Сиене и других городах Италии.

Карбонарии (*ит.* “*carbonari*”) — угольщики — члены тайного общества в Италии в 1807–1832 гг., боровшиеся за освобождение страны от французского и австрийского владычества.

⁸⁰ Слово «империализм» употребляется Герценом как синоним словосочетания «императорская власть»; петербургский империализм (“*l’impérialisme de Pétersbourg*”) он противопоставляет московскому царизму (“*tzarisme moscovite*”).

⁸¹ Под «тайной полицией» Герцен имеет в виду III Отделение Собственной

Е. И. В. канцелярии, созданное в 1826 г., которому подчинился Отдельный корпус жандармов — политическая полиция Российской империи.

⁸² Герцен перефразирует известное выражение Кюстина, писавшего в своей книге «Россия в 1839 г.», что Россия находится в состоянии непрерывной осады.

⁸³ Если в начале XIX столетия заграничные паспорта в Российской империи выдавались беспрепятственно всем лицам, желающим пересечь границу, то в царствование императора Николая I были предприняты шаги для ужесточения выезда за рубеж. Указ «О воспитании Российского юношества предпочтительно в отечественных учебных заведениях» от 18 февраля 1831 г. запрещал молодым людям от 10 до 18 лет воспитываться и учиться за границей. В апреле 1834 г. был установлен срок пребывания за границей российских подданных: для дворян — пять лет, а для прочих сословий — три года. Пошлина при оформлении заграничных паспортов достигала огромной по тем временам суммы 500 рублей серебром. Именным Указом, данным Сенату «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15 марта 1844 г., было запрещено выдавать заграничные паспорта лицам обоего пола моложе 25 лет, кроме тех, кто выезжал «для излечения болезней, для получения наследства, для усовершенствования себя в художествах и высших ремеслах, равно по делам торговым; при поездке за границу с родителями, воспитателями и жен с мужьями».

⁸⁴ Речь идет о статье Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1856), написанной им в 1829 г. и под оригинальным названием: «Философические письма к г-же ***. Письмо 1-ое», опубликованной в 1836 г. в отделе «Науки и искусства» журнала «Телескоп» (Телескоп: Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. Ч. XXXIV. № 15. М.: в типографии С. Селивановского, 1836. С. 275—310).

⁸⁵ Герцен упоминает о творчестве своих современников, поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841) и писателя Василия Васильевича Гоголя (1809—1852).

⁸⁶ Славянофилы — представители одного из направлений русской общественной мысли XIX в., оформившегося окончательно в 1840-х гг. Представители этого направления выступали против дальнейшего сближения России с западноевропейской цивилизацией. Последняя подвергалась с их стороны критике как тупиковая и ущербная. Славянофилы подчеркивали необходимость возрождения национальной самобытности, утраченной, по их мнению, после реформ Петра I.

⁸⁷ Речь идет о публичных лекциях профессора Московского университета Тимофея Николаевича Грановского (1813—1855), первый цикл которых, посвященный истории Средних веков Западной Европы, он прочел в 1843—1844 гг. Лекции имели шумный успех и получили широкий общественный резонанс.

⁸⁸ Февральская революция — французская революция 24 февраля 1848 г., повлекшая за собой падение короля Луи-Филиппа и учреждение 2-й республики.

⁸⁹ Геод — (*фр.* “géode” — жеода, жеод), пустота, замкнутая полость в горных породах.

⁹⁰ Позднему гостю — одни лишь кости (лат.).

⁹¹ 59-й градус — одна из географических координат столицы Российской империи — г. Санкт-Петербурга, местоположение которого определяется координатами 59 градусов 57 минут северной широты и 30 градусов 19 минут восточной долготы от Гринвича.

⁹² Герцен неточно цитирует свое обращение к московским друзьям, отправленное им под названием “Addio!” и затем, после переработки, включенное в состав русского издания «С того берега».

⁹³ Указание на то, что статья написана в Лондоне, неверно: оно имело целью направить по ложному следу русских правительственных агентов, внимание которых уже было привлечено выступлениями Герцена в печати.

94 РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ

95 Письмо к И. Мишле

Впервые опубликовано в сокращенном виде на французском языке в парижской газете «L'Avènement du Peuple», № 63, от 19 ноября 1851 г., под заглавием «Le peuple russe. Lettre à J. Michelet, professeur-au Collège de France» и за подписью: Alexandre Herzen. Первое отдельное издание вышло в Ницце в конце того же 1851 г. Второе, также французское, издание брошюры было выпущено на Джерси 3. Свентославским в 1855 г. с предисловием Герцена: «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Monsieur J. Michelet, professeur au Collège de France, par A. Herzen. Seconde édition <Jersey>, 1855». В том же году «Русский народ и социализм» был дважды напечатан по-английски в переводе В. Линтона — сначала в его журнале «The English Republic», а затем отдельным изданием, под заглавием «The Russian people and their socialism. A letter to M.J. Michelet». Первое и единственное прижизненное русское издание было выпущено в свет в 1858 г. (уже без предисловия Герцена): «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле Искандера. Пер. с французского. Лондон, Трубнер, 1858».

Текст печатается по: Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VII: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 307–339. При составлении комментария использованы примечания Л.Я. Гинзбург (см.: [Гинзбург Л.Я.] Комментарии. LE PEUPLE RUSSE ET LE SOCIALISME. <РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ> // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VII: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 435–442), а также В.К. Кантора (см.: Герцен А.И. Избранные труды / [сост., авт. вступ. ст., комм. В.К. Кантор]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 736).

⁹⁶ И. Мишле — Мишле (Michelet) Жюль (Jules) (1798–1874) — французский историк и публицист.

⁹⁷ Костюшко (Kosciuszko) Тадеуш (1746–1817) — национальный герой Польши, борец за ее независимость, участник Американской революционной войны 1775–1783 гг., руководитель Польского восстания 1794 г. Был ранен в бою и взят в плен царскими войсками; заключен в Петропавловскую крепость. В 1796 г. вместе с 12 тыс. пленных поляков освобожден императором Павлом I; выехал в США, в 1798 г. переехал в Париж. Отказался принять командование польскими легионами при французской армии; отверг предложения Наполеона I (1806) и Александра I (1814–1815) о сотрудничестве.

В примечании Герцен ссылается на журнал «L'Événement». В марте 1851 г. в обстановке все усиливавшейся во Франции реакции Мишле задумал написать серию биографий героев международной революции. Этот замысел был осуществлен лишь частично; свои биографические очерки Мишле назвал «Легендами демократии». В апреле 1851 г. Мишле приступил к работе над первой из своих «Северных Легенд демократии» — «Польша и Россия. Легенда о Костюшко». Она печаталась в августе — сентябре 1851 г. в отделе фельетонов газеты «L'Avènement du Peuple», идейным руководителем которой был Виктор Гюго. Называя в своем примечании эту газету «L'Événement», Герцен допускает неточность, которая объясняется тем, что эта газета первоначально действительно называлась «L'Événement». Под новым названием «L'Avènement du Peuple» она вышла на другой день после того, как была приостановлена на месяц за помещенную в ней статью сына В. Гюго против смертной казни (Шарля Гюго судили за эту статью, и Герцен присутствовал 11 июня 1851 г. на этом процессе).

⁹⁸ Быть или не быть (*англ.*). Из монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт III, сцена 1).

⁹⁹ Герцен имеет в виду, во-первых, родственные связи Романовых, женившихся на немецких принцессах, во-вторых, то обстоятельство, что после подавления июньского восстания Николай I передал через русского посла свои поздравления Кавеньяку.

¹⁰⁰ Протей — в древнегреческой мифологии морское божество, сын Посейдона и нимфы Наиды, обладавший способностью принимать любой облик. Его образ приобрел гротесковые черты (сонливый, немощный, вечно ворчащий старец) и стал, как в случае с Герценом, объектом аллегорических толкований.

¹⁰¹ Между Австрией и Пруссией в этот период шла упорная борьба за преобладающую роль в Германском союзе. Николай I поддерживал притязания Австрии; он рассчитывал на ее преданность, после того как помог ей задуть национальную венгерскую революцию. В мае 1850 г. в Варшаву, где находился тогда Николай I, прибыли австрийский император Франц-Иосиф и брат прусского короля Фридриха-Вильгельма. Николай во время этой встречи добивался соглашения между противниками за счет уступок со стороны Пруссии.

¹⁰² Сатурналии (лат. "Saturnalia"), в Древнем Риме ежегодные празднества в честь бога посевов Сатурна, сопровождались карнавалом, во время которого рабы «уравнивались» с господами и даже обслуживались ими, бедным гражданам раздавались деньги.

¹⁰³ Шабаш в средневековых поверьях — ночное сборище ведьм, сопровождавшееся диким разгулом.

¹⁰⁴ Цитата из «Ричарда II» Шекспира (акт II, сцена 1).

¹⁰⁵ Евангельское предание гласит, что апостол Петр трижды отрекся от Христа в ночь, когда Христос был схвачен по приказанию первосвященников.

¹⁰⁶ Пиэмонт — Пьемонт (*фр.* "Piémont", ит. "Piemonte", лат. "Pedimontium" — земля, расположенная у подножия горы) — одна из наиболее развитых в экономическом отношении областей на северо-западе Италии, жители которой в XIX в. играли значительную роль в итальянском национально-освободительном движении, являясь ведущей силой Пьемонтской революции 1821 г., активно участвуя в Революции 1848–1849 в Италии. Спустя некоторое время, в 1859–1860 гг. именно вокруг Сардинского королевства (фактически вокруг Пьемонта) произошло объединение Италии.

¹⁰⁷ Речь идет о поражениях, нанесенных Фридриху II русскими войсками во время Семилетней войны (1756–1763).

¹⁰⁸ Пошевни — широкие сани, оббитые внутри лубом или тесом.

¹⁰⁹ Назарей — иудейское название евреев, принявших христианство, евреи — первохристиане, отличавшиеся религиозным фанатизмом и аскетизмом.

¹¹⁰ В 1849 г. войска французской буржуазной республики заняли Рим и силой своих штыков низвергли Римскую республику, провозглашенную в 1848 г., восстановив светскую власть папы.

¹¹¹ Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798–1855) — польский поэт, деятель национального движения.

¹¹² Имеются в виду конституционные проекты декабристов — Пестеля Павла Ивановича (1793–1826) и Муравьева Никиты Михайловича (1796–1843).

¹¹³ Под «революцией» Герцен подразумевает ноябрьское антирусское восстание в Варшаве, под лозунгом восстановления «исторической Речи Посполитой» в границах 1772 г. (т.е. до раздела Польше), положившее начало Русско-польской войне 1830–1831 гг.

¹¹⁴ В январе 1831 г. варшавские повстанцы отслужили панихиду по пяти пошешенным декабристам.

¹¹⁵ Конарский (Konarski) Шимон (1808–1839) — польский революционер, участник восстания 1830–1831 гг. В эмиграции один из основателей (1834) революционной организации «Молодая Польша», бывшей частью тайного международного объединения Дж. Мадзини «Молодая Европа», участник похода итальянских карбонариев в Савойю (1834). Как эмиссар «Молодой Польши» в 1835 г. прибыл в Краков, затем нелегально перешел границу Российской империи, создавал антиправительственные революционные ячейки на Украине, в Белоруссии и Литве. В 1838 г. был арестован и по приговору суда в 1839 г. расстрелян в Вильно.

¹¹⁶ Короваев — Кузьмин-Караваев Аглай, поручик Новоингерманландского полка, будучи начальником тюремного караула в Виленском замке, связался с арестованным польским революционером Шимоном Конарским и его товарищами. Он передал записку Конарского одному из арестованных — дворянину Ожешко, который выдал Караваева властям. Вслед за Караваевым было арестовано еще около тридцати офицеров и унтер-офицеров. Под судом Караваев держался мужественно и хранил упорное молчание. Затем, чтобы положить конец затянувшемуся следствию, он открыто изложил свои антицаристские взгляды. В 1842 г., после четырехлетнего заключения в крепости, Караваев был послан на каторгу в Нерчинск. По просьбе брата, служившего в Варшаве, в штабе Паскевича, Караваев был переведен из сибирского поселения рядовым на Кавказ в Апшеронский пехотный полк. Только после смерти Николая I, при возобновлении просьб о помиловании, к которым присоединены были и положительные отзывы командования, Александр II дал согласие на производство Караваева в прапорщики. Прослужив затем еще около двадцати лет в армии, Караваев вышел в отставку.

¹¹⁷ 29 ноября 1847 г. на празднестве в честь годовщины польского восстания 1830 г. Бакунин произнес речь, в которой призывал русских и поляков объединиться в общей вражде к деспотизму Николая I. За эту речь, по настоянию русского посольства, Бакунин был выслан из Франции.

¹¹⁸ Бернацкий (Bernacki) Алоизий Проспер (1778–1855), граф, польский общественный и политический деятель, участник польского восстания 1830–1831 гг.

¹¹⁹ Понятия причинности, цели, необходимости Аристотель исследует во второй книге своей «Физики». Проблеме необходимости посвящен § 9. Взгляд Аристотеля на эти вопросы Герцен охарактеризовал в третьем из «Писем об изучении природы» (см.: *Герцен А.И.* Письма об изучении природы. Письмо третье. Греческая философия // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. III: Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы, 1842–1846. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 182–183).

¹²⁰ Иллирия — Иллирийское Королевство, в 1816–1849 гг. административная единица Австрийской империи.

Далмация — Королевство Далмация, вассальное королевство на северо-западе Балканского полуострова, на побережье Адриатического моря, существовавшее с 1815 г. под властью австрийской Габсбургской монархии.

Банат — в 1849–1860 гг. особая область в составе Австрийской империи — коронная земля Сербская Воеводина и Темешский Банат.

¹²¹ Османлисы — название турок-оттоманов, по имени султана Османа (Отомана), основавшего в 1304 г. турецкую империю.

¹²² В 1516–1852 гг. Черногория была теократическим государством, которым правили владыки (князья с церковным титулом епископа).

¹²³ Мане-фекел — искаженное «мене, текел, фарес», по библейскому преданию слова, начертанные огненной рукой на стене во время Валтасарова пира и предвещавшие гибель Валтасару и его державе — Вавилону. Эти загадочные слова, означавшие буквально меры веса, смог объяснить пророк Даниил: «Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты

взвешен на весах и найден очень легким; Перес — разделено царство твое и дано Мидьянам и Персам» (Дан. 5:26–28).

¹²⁴ Монтионовские премии — ежегодные премии, учрежденные французским филантропом бароном Антуан-Оже Монтионом (Montyon) (1733–1820), одна из которых присваивалась Французской Академией за достижения в области «добродетели» (*prix de vertu*).

¹²⁵ Непременное (*лат.*).

¹²⁶ In-folio — инфолио, книга большого формата, фолиант.

¹²⁷ В этом подстрочном примечании Герцен цитирует книгу Людвиг Тегоборского — экономиста и царского сановника (с 1848 г. член государственного совета) — L. de Tegoborski. *Études sur les forces productives de la Russie*. V. I. Paris, 1852. На стр. 332 Тегоборский, ссылаясь на Гакстаузена, рассказывает эпизод с крестьянской общиной, откупившейся от князя Козловского. Этот случай Гакстаузен приводит в своей книге: *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*. Bd. I. Hannover, 1847. S. 104–105.

¹²⁸ Герцен имеет в виду деятельность Петра I.

¹²⁹ 14 марта 1848 г. Николай I опубликовал манифест, в котором провозгласил себя защитником монархического «порядка» всей Европы и бросил вызов международному освободительному движению. Николай поддерживал Турцию в ее борьбе с национальным освободительным движением в Дунайских княжествах; он помогал Австрии в подавлении национальных революций угнетенных ею народов и, наконец, в 1849 г. осуществил интервенцию в восставшую Венгрию.

¹³⁰ Бурбоны — королевская династия, правившая во Франции, в Испании, в Королевстве обеих Сицилий и др.

Плантагенеты — королевская династия французского происхождения, правившая Англией в XII–XV вв.

Глостеры — графский и герцогский титул Англии, который присваивался членам королевской фамилии.

Монморанси — старинный дворянский французский род, известный с X в.

¹³¹ В «Польше и России» Мишле упомянул о крестьянском восстании в Польше.

¹³² В статье 1849 г. «Россия».

¹³³ Право первой ночи (*лат.*).

¹³⁴ Пёше (Peuchet) Жак (1758–1830), французский адвокат, префект полиции, хранитель архивов префектуры полиции, на основе которых написал шеститомный труд “*Mémoires tirés des archives de la police de Paris: Pour servir à l’histoire de la morale et de la police, depuis Louis XIV jusqu’à nos jours*” (Paris: A. Levasseur et Cie, 1837–1838).

¹³⁵ Parc aux cerfs — Олений парк (*фр.*), название района Версаля, где находился закрытый пансионат для девушек из дворянских семей, который тайно посещал французский король Людовик XV (1710–1774), известный своей любвеобильностью.

¹³⁶ Беррье (Berrier) Никола Рене (1703–1762), придворный Людовика XV.

¹³⁷ «...Людовик, прогуливаясь однажды по саду Тюильри, обратил внимание на некую мадемуазель Тьерселен, почти ребенка. Агенты Беррье быстро определили адрес Тьерселен и столь же оперативно сломили первоначальное сопротивление родителя. Словом, молодая Тьерселен под новым именем мадам де Бонваль была помещена во внутренних покоях Версальского дворца, а отец ее стал активным участником придворных интриг. Через некоторое время влияния Тьерселена начал опасаться даже министр иностранных дел Шуазель. Новичок в придворных лабиринтах, Тьерселен вскоре стал деятельным агентом прусской партии. Однако Помпадур с ее хорошо поставленной разведкой и на этот раз провести не удалось.

Маркиза разобралась в хитросплетениях замыслов врагов и сумела представить свою соперницу в виде слепого орудия прусского короля, которого Людовик совершенно не выносил. В результате Беррье получил повеление направить Тьерселена в Бастилию, а его дочь — в монастырь (мадам де Бонваль содержали в заключении, пока продолжалось царствование ее галантного поклонника)» (*Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны: Из истории секретной дипломатии и разведки. М.: Международные отношения, 1991. URL: <http://lib.rus.ec/b/81961/read>).

¹³⁸ Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842) — русский народный поэт.

¹³⁹ Ямах ада (*ит.*).

¹⁴⁰ Герцен неточно цитирует первые три строки «Моцарта и Сальери» Пушкина (монолог Сальери).

¹⁴¹ Цитируемая Герценом «Дума» написана в 1838 г., когда Лермонтову было 24 года.

¹⁴² Леопарди (Leopardi) Джакомо (1798–1837) — итальянский поэт.

¹⁴³ Картина Карла Павловича Брюллова (1799–1852) «Последний день Помпеи» (1827–1833).

¹⁴⁴ В последней сцене первой части трагедии И. Гёте «Фауст» — «Тюрьма» раздается голос свыше, возвещающий, что Маргарита спасена.

¹⁴⁵ Сарданапал, герой одноименной трагедии Байрона — изнеженный ассирийский царь, который ввиду опасности, грозившей родине, а также под влиянием любви к рабыне Мирре, превращается неожиданно для всех в храброго воина и совершает ряд героических поступков.

¹⁴⁶ Флуктуация (*лат.* "fluctuatio") — колебание, изменение.

¹⁴⁷ Новый избирательный закон, принятый Законодательным собранием Франции 31 мая 1850 г., устанавливал трехлетний ценз оседлости и другие ограничения, направленные против рабочих. Около 3 млн человек было лишено избирательных прав.

¹⁴⁸ Герцен следует историческому мифу, легенде (авторство этого «анекдота» принадлежит саксонскому дипломату Г.А. Гельбигу) о бутафорских «потемкинских деревнях», которые якобы были выстроены по указанию князя Г.А. Потемкина вдоль маршрута императрицы Екатерины II во время ее поездки в 1787 г. в северное Причерноморье — Новороссию и Тавриду, которые были отвоеваны у Османской Империи.

¹⁴⁹ Сомнения, от "scrupule" (*фр.*).

¹⁵⁰ Золотой серединой (*фр.*).

¹⁵¹ В 1848 г. в России был учрежден секретный комитет по делам печати (бутурлинский комитет), который должен был пресекать любые попытки критиковать существующий порядок. Наряду с этим были приняты меры, парализовавшие деятельность университетов.

¹⁵² Московские друзья Герцена полагали, что книга «О развитии революционных идей в России» способна вызвать лишь новые правительственные преследования против прогрессивного лагеря, принести последнему только вред. В.П. Боткин дошел до того, что назвал эту книгу «доносиком» (см. «Былое», 1922, № 18, с. 14). Таким настроениям поддался даже Т.Н. Грановский, охарактеризовав в 1851 г. в полном несправедливых упреков письме Герцену книгу последнего как «собственное признание обвиняемых» («Звенья», VI, с. 357). Примерно так же оценивал книгу в 1853 г. и М.С. Щепкин (см. очерк Герцена «М.С. Щепкин», 1863). Однако в письме, отправленном Герцену в августе 1853 г., Грановский признал ошибочность первоначальной своей оценки, сложившейся «под влиянием толков и сплетней о книге» (ЛН, Т. 62, с. 100).

П.Я. Чаадаев благодарил Герцена за упоминание его имени в книге «О развитии революционных идей в России» («Полярная звезда» 1859 г., книжка пятая, с. 221).

Гоголь болезненно переживал критику Герценом его идейного отступничества, как о том свидетельствуют воспоминания современников. Внимание Гоголя к книжке Герцена было привлечено М.С. Скуридиным, пославшим автору «Мертвых душ» выписку всех касавшихся его мест в книге «О развитии революционных идей в России» (см.: *Гоголь Н.В.* Материалы и исследования. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 133–138 и 145–148). Специальным постановлением Комитета иностранной цензуры в октябре 1851 г. французское издание книги Герцена подлежало «безусловному» запрещению в России (там же. С. 149).

¹⁵³ Герцен, по-видимому, имеет в виду письмо генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова (1729–1774), которому в 1773 г. было поручено усмирение Пугачевского бунта. Из Казани 24 января 1774 г. Бибиков писал графу 3.Г. Чернышеву: «... Не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение». Письмо это в 1834 г. Пушкин поместил в своей книге «История Пугачева», часть II (приложения). В письме к Фонвизину от 29 января (помещено там же) Бибиков заявляет: «Ведь не Пугачев важен, да важно — всеобщее негодование» (см.: *Измайлов Н.В.* Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т русс. лит. (Пушкин. Дом). Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 444. Прим. 31. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is3/is3-438-.htm?cmd=0>)

¹⁵⁴ После польского восстания 1830–1831 гг. была упразднена конституция, которую дал Польше Александр I.

¹⁵⁵ Речь идет о Михаиле Васильевиче Буташевиче-Петрашевском (1821–1866), на квартире которого в Санкт-Петербурге несколько лет собирался по пятницам круг людей, интересующихся социальными вопросами. В 1848 г. он попал под негласное наблюдение полиции, в апреле 1849 г. по доносу провокатора был арестован. Из 123 человек, привлеченных к следствию по делу участников его кружка — «петрашевцев», 22 были судимы военным судом, 21 из них приговорен к расстрелу. Значительная часть осужденных понесла наказание только за распространение письма Белинского к Гоголю или за недоносительство о собраниях. После обряда приготовления к смертной казни 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу в Петербурге, по конфирмации Николая I они были сосланы на разные сроки на каторжные работы, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска.

¹⁵⁶ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — знаменитый русский революционер, один из основоположников и теоретиков анархизма.

¹⁵⁷ В 1851 г. Бакунин находился не в Шлиссельбурге, а в Петропавловской крепости.

¹⁵⁸ Казнен был поручик Мирович, пытавшийся освободить Ивана Антоновича и сделать его орудием очередного дворцового переворота.

159 СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ

Письма к В. Линтону

Впервые опубликовано в 1854 г. на английском языке в журнале У. Линтона “The English Republic” <«Английская республика»>, т. III. В марте–апреле 1854 г. печаталось на французском языке в газете “L’Homme” (№ 18, 19, 20); позднее в том же году на острове Джерси было вышущено отдельное французское издание. В 1858 г. напечатано было русское издание (Старый мир и Россия: Письма Искандера к ред. “The English republic” В. Линтону (1854 г.). Л.: Trubner & Co, 1858).

Текст печатается по: *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. XII: Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 167–200. При составлении комментария использованы примечания Л.Я. Гинз-

бург и Ю.В. Ковалева (см.: [Гинзбург Л.Я., при участии Ковалева Ю.В.] Комментарии. LA RUSSIE ET LE VIEUX MONDE <СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ> // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII: Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 522–528).

¹⁶⁰ Линтон (Linton) Уильям Джеймс (1812–1897) — английский поэт и публицист, деятель чартистского движения.

¹⁶¹ Имеется в виду Реформация — религиозное движение, направленное на реформирование учения и организации христианской церкви, инициатором которого стал немецкий богослов Лютер (Luther) Мартин (1483–1546).

¹⁶² Имеется в виду Великая французская революция, начавшаяся 14 июля 1789 г. взятием Бастилии — крупнейшая трансформация социальной и политической систем Франции, в результате которой Франция из монархии стала республикой.

¹⁶³ «Бог и народ» — лозунг, провозглашенный Дж. Маццини (“Dio e popolo”), которым он хотел противопоставить Бога папе римскому, а народ князьям.

¹⁶⁴ Метампсихоз — перерождение, перевоплощение.

¹⁶⁵ Тога — древнеримская верхняя одежда, плащ из шерстяной материи, была символом римского гражданства, ее торжественно вручали юношам по достижении ими совершеннолетия (17 лет) в храме Ювенты на Капитолийском холме.

¹⁶⁶ Деисты — сторонники учения, противоположного атеизму (отрицание Бога). Они допускали существование Бога, но отвергали божественное откровение и основывали веру на рассудке.

¹⁶⁷ Июньские дни — Июньское восстание 23–26 июня 1848 г. в Париже.

¹⁶⁸ В стороне (*ит.*). — *Ред.*

¹⁶⁹ Существующее положение (*лат.*). — *Ред.*

¹⁷⁰ Душан Стефан (около 1308–1355), король Сербии (Стефан Урош IV, Душан Сильный) с 1331 г., царь (с конца 1345) созданного им в результате присоединения Македонии (1345), Албании (1345), Эпира и Фессалии (1348) сербо-греческого царства. Главным замыслом его правления стал так и не осуществившийся захват Константинополя. После смерти Душана созданная им держава быстро пришла в упадок и распалась.

¹⁷¹ Архипелаг — Греческий архипелаг, т.е. группа островов Эгейского моря.

¹⁷² Видимо, речь идет о паннонских славянах, образовавших в IX в. Паннонское (Блатенское) княжество в районе озера Балатон (Блатен), которое в 874 г. вошло в состав Великоморавской державы — крупного славянского государства, существовавшего в 822–907 гг. на Среднем Дунае и оказавшего большое влияние на культурное развитие всего славянского региона (здесь была создана первая славянская письменность и возник церковно-славянский язык). Конец существованию этого государства положили кочевники-венгры, вторгшиеся на его территорию в 906 г.

¹⁷³ Табориты — революционное и демократическое крыло чешского национального движения гуситов (по имени религиозного реформатора Яна Гуса (ок. 1369–1415), требовавших ликвидации сословий, феодального и церковного имущества, устранения дворян и рыцарей. Табориты толковали «тысячелетнее царство божье на земле» как царство всеобщего равенства, отрицали церковные таинства, католический культ, а наиболее радикальная часть — все христианские святыни и обряды.

¹⁷⁴ В ходе Тридцатилетней войны (1618–1648), начавшейся как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросшей в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе, в битве при Белой горе (1620) гуситская церковь и независимая Чехия были уничтожены силами, представлявшими Контрреформацию и осуществлявшими имперские притязания

Габсбургов, после чего в составе Австрийской империи оказалось «королевство Богемия» (т.е. Чехия без Моравии), королем которого автоматически становился очередной австрийский император.

¹⁷⁵ Имеются в виду многочисленные войны русского государства за территории в Прибалтике и выход к Балтийскому морю, самой масштабной из которых стала двадцатипятилетняя война царя Ивана IV Грозного с Ливонской конфедерацией государств (Ливонский орден, Рижское архиепископство, Дерптское, Эзель-Викское и Курляндское епископства) 1778–1783 гг.

¹⁷⁶ Новгородская республика (1136–1478) была уничтожена и присоединена к Московскому княжеству в результате трех походов великого Московского князя Ивана III в 1456, 1471 и 1477–1478 гг. Окончательный же разгром «новгородской волюности» был осуществлен царем Иваном IV Грозным зимой 1570 г.

¹⁷⁷ Владислав (1595–1648) Ваза, сын польского короля Сигизмунда III, должен был занять российский престол по договору 4 февраля 1610 г., после принятия православия. Летом 1610 г. московское правительство (Семибоярщина) признало Владислава царем и чеканило от имени «Владислава Жигимонтовича» монету. Однако Владислав православия не принимал, в Москву не прибыл и венчан на царство не был. В октябре 1612 г боярское правительство королевича Владислава в Москве было низложено; в 1613 г. царем был избран Михаил Федорович Романов. Владислав же отказался от претензий на Москву лишь в 1634 г., когда уже был польским королем.

¹⁷⁸ Речь идет о русской княжеской и царской династии Рюриковичей, родоначальником которой принято считать легендарного варяга Рюрика (?–879). Последними представителями Рюриковичей на Московском престоле стали правившие в 1584–1598 гг. Федор I Иоаннович и в 1606–1610 гг. Василий Иоаннович IV (В.И. Шуйский).

¹⁷⁹ Минин Кузьма, полное имя Кузьма Минич Захарьев Сухорукий (?–1616) — нижегородский посадский человек, земский староста, один из организаторов и руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг., в августе 1612 г. разбившего польскую армию под Москвой, а в октябре — освободившего столицу от интервентов.

¹⁸⁰ В своих «Северных легендах демократии» Мишле называет общинную жизнь русского крестьянина живым единством» «бессмертного коммунизма» (Pologne et Russie. Légendes démocratiques du Nord. Paris, 1899. P. 114). См. комментарий к статье: «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле».

¹⁸¹ Речь идет о международных конгрессах и соглашениях, имевших место после разгрома наполеоновской империи. В мае 1814 г. союзные державы подписали в Париже мирный договор с Францией; в 1814–1815 гг. Венский конгресс держав-победительниц перекроил карту Европы, при этом русскому императору было уступлено герцогство Варшавское; в Аахене в 1818 г. и в Вероне в 1822 г. собирались конгрессы Священного союза трех монархов (русского, прусского и австрийского).

¹⁸² Волей-неволей (*лат.*).

¹⁸³ В 1849 г. войска французской республики взяли штурмом восставший Рим и восстановили светскую власть папы.

¹⁸⁴ В предисловии к русскому изданию 1858 г. Герцен был вынужден признать: «Ошибок в этих письмах много. Кто мог предвидеть, что первой жертвой Крымской войны падет Николай? Я всегда думал, что он проживет, как царь Иван Васильевич, до аредовых лет. Но в чем я не ошибся и что составляет сущность этих писем — это в моем предсказании, что Россия должна вступить в новую эру развития, что узкий деспотизм Николая становился тесен для ее роста» (*Герцен А.И.* Старый мир и Россия <Предисловие к русскому изданию 1858 г.> // Герцен А.И.

Собр. соч.: В 30. Т. XII: Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 452–453).

¹⁸⁵ Мастерская народов (*лат.*).

¹⁸⁶ Акрополис (букв. «верхний город») — укрепление, построенное внутри Афин на холме, которое служила защитой во время опасности. На акрополе также возводили храмы богам, покровителям города, хранили казну и вооружение города.

Геллеспонт (букв. «море Геллы») — древнегреческое название пролива Дарданеллы, соединяющего Мраморное (в Азии) и Эгейское (в Европе) моря.

¹⁸⁷ Имеется в виду Петр I.

¹⁸⁸ Колумб (*лат.* “Columbus”, *ит.* “Colombo”, *исп.* “Colon”) Христофор (1451–1506), мореплаватель, по происхождению генуэзец Colombo. В 1492–1493 гг. руководил испанской экспедицией для поиска кратчайшего морского пути в Индию; пересек Атлантический океан, открыл Саргассово море и достиг 12.10.1492 г. о. Самана (официальная дата открытия Америки), позже — Багамских о-вов, Кубы, Гаити. В последующих экспедициях (1493–1496 гг., 1498–1500 гг., 1502–1504 гг.) открыл Карибское море, Большие Антильские, часть Малых Антильских островов и побережья Южной и Центральной Америки. Эти открытия Колумба имели всемирно-историческое значение, поскольку после его плаваний американские земли вошли в сферу географических представлений европейцев.

¹⁸⁹ Кальвинизм, евангелизм, лютеранство, квакерство — течения и секты в протестантизме.

¹⁹⁰ Буржуазное правительство Второй республики во Франции (1848–1852) не решилось объявить конфискацию имущества, принадлежавшего членам низвергнутой Орлеанской династии.

¹⁹¹ Монтекки и Капулетти — два враждующих знатных рода в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», имена которых стали нарицательными.

¹⁹² Герцен сопоставляет события 1848 г. с заговором Катилины (Catilina), Люция Сергия (108–62 до н.э.), который в 66–63 гг. до н.э. пытался захватить власть в Риме. После казни нескольких сторонников Катилины Цицерон, возглавлявший борьбу против этого заговора, произнес знаменитое “Vixituri!” («Отжили!»).

¹⁹³ Бэкон (Bacon) Фрэнсис (1561–1626) — английский философ, утверждавший, что правильному познанию мира препятствуют привычки ума — «призраки рода», коренящиеся в самой природе человеческого рода и связанные со стремлением человека рассматривать природу по аналогии с самим собой; «призраки пещеры», возникающие благодаря индивидуальным особенностям каждого человека; «призраки рынка», порожденные некритичным отношением к распространённым мнениям и неправильным словоупотреблением; «призраки театра», ложное восприятие действительности, основанное на слепой вере в авторитеты и традиционные догматические системы, сходные с обманчивым правдоподобием театральных представлений. Ему же принадлежит известный афоризм: «Привычка всего прочнее, когда берет начало в юные годы; это и называется воспитанием, которое есть, в сущности, не что иное, как рано сложившиеся привычки».

¹⁹⁴ Помни о смерти (*лат.*).

¹⁹⁵ Манихейство — религиозно-философское учение, возникшее на Ближнем Востоке в III веке н.э. В основу этого учения положена идея, что мир представляет собой смешение двух борющихся начал — добра и зла, света и тьмы. Поэтому Герцен употребляет слово «манихизм» в смысле дуализм.

¹⁹⁶ Комитет общественного спасения — во время Великой французской революции 1793–1795 гг. один из комитетов законодательного органа — Национального конвента, которому была поручена организация сил народа на борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией. Комитет общественного спасения,

сосредоточив в своих руках руководство всеми сторонами государственной и политической деятельности в стране и подчинив все органы государственной власти, включая и военные, фактически играл роль правительства Франции в 1793—1794 гг.

¹⁹⁷ “La Fusion” («Соединение») — французская газета, которая субсидировалась русским правительством; “L’Assemblée Nationale” («Национальное собрание») — ежедневная французская газета монархическо-легитимистского направления, выходила в Париже в 1848—1857 гг.

¹⁹⁸ Граф Шамбор и герцог Немурский — два претендента на французский престол; первый из них — представитель Бурбонов, второй — Орлеанской династии. Фрошдорф — имение графа Шамбора. Николай I сочувственно относился к притязаниям Бурбонов, вызывая этим раздражение бонапартистов.

¹⁹⁹ Речь идет о выдаче Англией России шести русских матросов, якобы пытавшихся дезертировать с военного корабля. Герцен писал об этом В. Линтону: «Знаете ли вы об отвратительной истории с русскими матросами (в “Daily News” от 5 декабря)? Мы сделали все возможное, чтобы спасти их, но английский адмирал понимает дело иначе. Полиция арестовала 6 дезертиров и без судебного следствия, без приговора их выдали. Так как русский корабль в ремонте, русский экипаж находится на английском корабле... Л. Дадлей Стюарт обратился к судье, *warrant* немедленно был послан. Но адмирал ответил, что не может принять их без приказа адмиралтейства. Время идет... и их переведут на русское судно; там, вероятно, они будут расстреляны. Итак, в 1853 г. в Англии оказалось возможным без суда выдать людей» (см.: *Герцен А.И.* Письмо к В. Линтону 6 декабря 1853 г. // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. XXV: Письма 1853—1856 годов / Под ред. Л.Д. Опульской и И.Ю. Твердохлебова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 133—134).

Русский фрегат «Аврора» пришел в английский порт Портсмут в ноябре 1853 г. на ремонт. Для экипажа фрегата, пока он чинился, портовые власти отвели старое английское судно «Викториус». В начале декабря агенты английской полиции, объявив шесть пьяных матросов «Авроры» дезертирами, попытались обманом увести их из Портсмута. Однако матросам удалось силой вырваться и через несколько часов вернуться на корабль. Так как в соответствии с русскими законами только по истечении суток дезертирство считалось установленным и подлежало наказанию по всей строгости военного времени, опоздавшие из увольнения матросы были наказаны плетьюми, но остались живыми и на свободе. Когда же 5 декабря английский полицейский инспектор явился с предписанием (*The writ of Habeas Corpus* — предписание о представлении арестованного в суд для рассмотрения законности ареста) препроводить бежавших матросов к председателю верховного суда Англии, капитан фрегата Иван Николаевич Изильметьев (1813—1871) выбросил эту бумагу за борт, и через некоторое время увел корабль из Портсмута. Эта история получила широкую огласку, а лондонские журналисты, политики, парламентские ораторы и общественные деятели организовали травлю экипажа русского корабля и его капитана, ставшей еще одним фактом информационной войны против России, предвещавшей вскоре начавшуюся Крымскую войну.

²⁰⁰ Король неаполитанский — Фердинанд II, император австрийский — юный Франц Иосиф I, ознаменовавший начало своего царствования жестоким подавлением венгерской революции и обязанный победой над Венгрией Николаю I (это не помешало Австрии продать интересы России во время Крымской войны).

Антиной (*лат.* “Antinous”) (около 110—130) — греческий юноша, любовник римского императора Адриана, обожествленный после смерти.

²⁰¹ Шеню и Делагод — участники тайных политических обществ времен Июльской монархии, являвшиеся в то же время агентами полиции. Делагод систематически выдавал полиции республиканцев.

²⁰² Родственники по отцовской линии (*лат.*).

²⁰³ Родственники по материнской линии (*лат.*).

²⁰⁴ С 1763 г. в городе Гота издавался «Готский альманах», ежегодник, содержащий наряду с другими сведениями данные о составе владетельных домов Европы.

²⁰⁵ Формально не император Николай I, а турецкий султан Абдул-Меджид 4 октября 1853 г. объявил России войну. Россия же выступила с аналогичным заявлением спустя две недели.

²⁰⁶ В 1853 г. бельгийский наследный принц, будущий король Леопольд II, женился на австрийской принцессе Марии Генриетте. В 1854 г. австрийский император Франц Иосиф I женился на баварской принцессе Елизавете. В 1853 г. Наполеон III отказался от попыток заключить династический брачный союз и женился на испанке графине Евгении Монтихо, путешествовавшей под именем графини Теба.

²⁰⁷ Донозо Кортес — Донозо Кортес (Donoso Cortés), Хуан Вальдегамас Хуан Франциско (1803–1853), маркиз, испанский дипломат. В тексте Герцена указана дата 1849 г. — это фактическая ошибка Донозо Кортес произнес свою знаменитую речь в Законодательном собрании в Мадриде 30 января 1850 г. Герцен ответил на нее статьей «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский», опубликованной в прудоновской газете «La Voix du Peuple» 18 марта 1850 г., в которой, в частности писал: «Все роялистские и католические газеты в один голос не перестают восторгаться речью Донозо Кортеса, произнесенной в Мадриде в заседании кортесов. Речь эта, действительно, замечательна в многих отношениях. Донозо Кортес необычайно верно оценил страшное положение настоящих европейских государств, он понял, что они находятся на краю пропасти, накануне неминуемого, рокового катаклизма. Картина, начерченная им, страшна своей правдой. Он представляет Европу, сбившуюся с толку, бессильную, быстро увлекаемую в гибель, умирающую от неустройства, и с другой стороны славянский мир, готовый хлынуть на мир германо-романский. Он говорит: «Не думайте, что катастрофа тем и кончится, славянские племена в отношении к Западу не то, что были германцы в отношении римлян... Славяне давно уже в соприкосновении с революцией... Россия, среди покоренной и валяющейся в прахе Европы, всосет всеми порами яд, которым она уже упивалась и который ее убьет; она разложится тем же гниением. Я не знаю, какие врачевания приготовлены у бога против этого всеобщего разложения».

В ожидании этого божественного снадобья, знаете ли, что предлагает наш мрачный пророк, так страшно и метко начертавший образ грядущей смерти? Нам совестно повторять. Он думает, что если б Англия возвратилась к католицизму, то вся Европа могла бы быть спасена папой, монархической властью и войском. Он хочет отвести грозное будущее, отступая в невозможное прошедшее» (*Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851 / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 135*).

²⁰⁸ Протей (*греч.* «Proteos» — Опережающий), в древнегреческой мифологии — морской бог, сын Посейдона и нимфы Найды, обладавший способностью принимать различные облики.

²⁰⁹ Император Священной римской империи Карл V в 1555 г., за три года до своей смерти, добровольно отказался от власти в пользу своего брата и удалился в монастырь.

²¹⁰ 10 декабря 1848 г. Луи Бонапарт был избран президентом французской республики.

²¹¹ Король умер — да здравствует король! — во Франции традиционное обращение к народу, извещавшее о смерти старого короля и вступлении на престол нового.

²¹² Племенное родство (нем.).

²¹³ Мужская линия династии Романовых прервалась на Петре II. Регентша Анна Леопольдовна была женой герцога Брауншвейгского, Петр III — сыном герцога Голштейн-готторпского, Екатерина II — дочерью принца Ангальт-Цербстского.

²¹⁴ Своеобразный (лат.).

²¹⁵ О переходе идеологов декабризма от конституционных тенденций на английский лад к республиканизму Герцен говорит в книге «О развитии революционных идей в России» (см.: Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VII: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851—1852 годов / Под ред. Я.Е. Эльсберга. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 199).

²¹⁶ Аберрация (лат. “aberratio”, от “ab” от и “errare” — блуждать, уклоняться) звезд — возникающее при астрономических наблюдениях изменение положения звезд на небесной сфере вследствие изменения направления скорости движения Земли.

²¹⁷ Лейстер-сквер — площадь в Лондоне.

²¹⁸ Три тома труда барона А. Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» были изданы на немецком и французском языках в 1847—1852 гг.

²¹⁹ Подробно (лат.).

²²⁰ Самоуправления (англ.).

²²¹ По-видимому, Герцен имеет в виду то, что по некоторым сведениям прусский король Фридрих II был холоден со своей женой, не поддерживал с ней супружеских отношений, не любил женщин и был гомосексуалистом.

²²² Прусский король Фридрих Вильгельм I насаждал в своем окружении примитивность и казарменную грубость нравов.

²²³ Эскуриал — монастырь-дворец вблизи Мадрида, резиденция испанских королей; Тюльери — дворец в Париже, резиденция французских королей и императоров.

²²⁴ Родригес де Франсия, известный под именем доктора Франсия, с середины 1810-х годов по 1840 г. являлся верховным правителем Парагвая с диктаторскими полномочиями. Борьба за независимость Парагвая, конфискация имущества монастырей завоевали ему популярность среди народных масс. В то же время Франсия искусственно удерживал Парагвай на ступени патриархально-земледельческого развития и создал режим полицейского шпионажа и жестоких репрессий.

²²⁵ Имеется в виду оптический телеграф — специальное устройство для передачи сигналов напоминающее семафор, которое было установлено в 1830-х гг. на крыше Зимнего дворца.

²²⁶ Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич (1737—1807) — брат фаворита Екатерины II, один из активных участников дворцового переворота 28 июня 1762 г. возведшего на престол императрицу Екатерину II. По общераспространенной и не подтвержденной фактами версии именно он от 17 июля 1762 г. убил отрেকে-гося от престола императора Петра III.

²²⁷ Иоанн Грозный — Иван IV Васильевич (1530—1584), великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын Василия III. Получил в народе прозвище «Грозный», отразившее представление о нем, как о могущественном правителе, но царе-тиране, деспоте.

Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи (1689—1755) — французский политический мыслитель, один из основателей теории разделения властей и родоначальников европейского либерализма.

²²⁸ Смысл написанного (лат.).

²²⁹ Специально для этой цели (лат.).

²³⁰ Украшения (*ит.*).

²³¹ События, о которых здесь упомянуто, очевидно, имели место в первой половине 1840-х гг. («лет десять тому назад», — пишет Герцен). В этот период городским головой Москвы был купец первой гильдии Андрей Петрович Шестов, московским обер-полицмейстером Л.М. Цынский. Цынский состоял в этой должности до 1845 г.

²³² Со своими особенностями (*ит.*).

²³³ Становой — становой пристав, полицейская должность в России, учрежденная Положением о земской полиции 1837 г. в каждом стане — полицейской территориальной единице, на которые с этого времени делились уезды; исправник — капитан-исправник, глава уездной полиции.

²³⁴ Орган политического сыска и суда в России — Тайная канцелярия, печально известная тем, что главным орудием следствия сделала пытки и допросы с «пристрастием», была создана в 1718 г., упразднена в 1726 г., восстановлена в 1731 г. как Канцелярия тайных и розыскных дел; последняя ликвидирована в 1762 г. Петром III, однако вместо нее в том же году Екатериной II учреждена Тайная экспедиция, выполнявшая ту же роль.

Политическая полиция — III отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, орган политического надзора и сыска в России был учрежден в июле 1826 г. Его исполнительным органом стало воинское соединение — корпус жандармов. Руководил III отделением главноуправляющий (он же и шеф жандармов) — в 1826–1844 гг. генерал от кавалерии Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844), в 1844–1856 гг. — близкий друг императора Николая I генерал-адъютант Алексей Федорович Орлов (1786–1861).

²³⁵ Одно из крупнейших солдатских выступлений, распространившееся на большинство военных поселений Новгородской губернии, произошло в 1831 г. около г. Старая Русса. Об этом Герцен писал в статье «Россия».

²³⁶ Таборит (от названия горы Табор), в Чехии радикальное крыло гуситов — последователей Яна Гуса, реформатора католической церкви.

²³⁷ Порфиригенет — порфиородный (от *сл.* порфира), принадлежащий к царскому роду.

Палеологи — династия византийских императоров.

²³⁸ Имеется в виду Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (1822–1891) — младший сын Жерома Бонапарта, брата Наполеона I, принц Французской империи.

²³⁹ Пчелы — эмблема Бонапартов.

²⁴⁰ Величественная и воинственная интродукция, введение (*ит.*).

²⁴¹ Похоронный марш (*ит.*).

²⁴² ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

(Письмо к...)

Статья-письмо А.И. Герцена к Ивану Сергеевичу Тургеневу впервые опубликована в 1857 г. в третьей книге литературного и общественно-политического альманаха «Полярная звезда», издававшимся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в лондонской Вольной русской типографии (*Искандер*. Еще вариация на старую тему // Полярная звезда на 1857 год, издаваемая Искандером. Книжка третья. Лондон: Вольная Русская книгопечатня, 1857. С. 291–305).

Текст печатается по: *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. XII: Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР. 1957. С. 423–436. При составлении комментария использованы примечания Л.Я. Гинз-

бург (см.: [Гинзбург Л.Я.] Комментарии. ЕЩЕ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. XII: Произведения 1852–1857 годов / Под ред. В.А. Путинцева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 562–565).

²⁴³ Манифест «О Всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю Коронования Его Императорского Величества», опубликованный 26 августа 1856 г. в день коронации Александра II.

²⁴⁴ В примечании Герцен цитирует строки из главы XXX «Не наши» IV части «Былого и дум», опубликованной им в первой книжке альманаха «Полярная звезда» на 1855 г.

²⁴⁵ Эпитимья — епитимия (от *греч.* *epitímion* наказание), церковное наказание.

²⁴⁶ Тот «ком отечественной грязи», о котором говорит в статье Герцен, был пущен в него из славянофильского журнала «Русская беседа», который начал выходить в Москве в 1856 г. В первой же, апрельской, книжке журнала была помещена статья одного из его редакторов, Т.И. Филиппова, по поводу пьесы А.Н. Островского «Не так живи, как хочется». Она содержала грубые выпады против женской эмансипации и, в частности, была направлена против Герцена и его романа «Кто виноват?».

Плещиха, Козье болото — улица и местность в Москве.

²⁴⁷ Квиетизм — созерцательное, безучастное, пассивное отношение к жизни.

²⁴⁸ Эмбриология — наука, изучающая развитие организма на самых ранних стадиях, предшествующих метаморфозу, изменению.

²⁴⁹ Ихтиосавры, или ихтиозавры (*лат.* «*Ichthyosauria*» — рыбоящеры) — вымерший отряд крупных морских рептилий.

²⁵⁰ Сатирические песни-куплеты французского песенника Беранже (Béranger) Пьера Жана (1780–1857), представлявшие по сути политические памфлеты, стали одним из идеологических стимулов июльской революции 1830 г.

²⁵¹ Карл X (1757–1836) — французский король (1824–1830), из династии Бурбонов, бежавший из страны во время революции 1830 г.

²⁵² В дни Февральской революции 1848 г. Луи Филипп (Louis-Philippe) (1773–1850), французский король в 1830–1848 не решился прибегнуть к артиллерии.

²⁵³ Герцен имеет в виду Фердинанда I (1793–1875), императора Австрии в 1835–1848 гг. Испуганный революционным движением 1848 г. Фердинанд добровольно отрекся от престола в пользу своего племянника Франца Иосифа.

²⁵⁴ В марте 1848 г. народ заставил прусского короля Фридриха Вильгельма IV обнажить голову перед телами убитых на берлинских баррикадах.

²⁵⁵ Пий IX (1792–1878) — римский папа с 1846. В 1846–1849 провел либеральные реформы в Папской области — теократическом государстве, управляемом папой римским.

²⁵⁶ Если массовая резня во Франции, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 года, в канун дня святого Варфоломея, была направлена против протестантов-гугенотов, то в сентябре 1792 г., в обстановке начавшегося наступления контрреволюционной европейской коалиции на Францию, в парижских тюрьмах, а также в Лионе, Версале и других городах революционная толпа учинила массовые расправы над заключенными, в число которых входили священники и все те, кто служил монархии.

²⁵⁷ Сенека (Seneca) Люций Анней (ок. 4 н.э. — 65) — римский философ и поэт, воспитатель Нерона, был обвинен в участии в заговоре и, по приказанию Нерона, покончил самоубийством, вскрыв себе вены.

²⁵⁸ В числе первых переселенцев в Америку были пуритане — английские протестанты, последователи кальвинизма, которые в начале XVII в. стали покидать Англию ради свободы исповедовать свою веру. В самой Англии вождем пуритан-

ской революции, главным идеологом Английской Реформации стал Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658).

²⁵⁹ Пиль (Peel) Роберт (1788–1850), британский государственный деятель, основатель консервативной партии. В 1812–1818 гг. занимал должность статс-секретаря по делам Ирландии, затем министра внутренних дел и премьер-министра (1834–1835 и 1841–1846). Его репрессивная политика в отношении ирландских противников союза с Англией, а также «Великий голод» 1845–1849 гг., приведший к гибели около 1 млн. человек, стали причиной массовой эмиграции ирландцев-бедняков в США и заморские колонии Великобритании.

²⁶⁰ Немецкие князья в XVIII в. за определенную плату посылали своих солдат воевать за интересы иностранных государств. Так, ландграф Гессенский во время войны американских колоний за независимость «предоставил», т.е. продал, Англии 17 тыс. солдат, за что он получил наличными 2800 тыс. ф. ст. Население ландграфства в результате этого сразу уменьшилось на 8%. Своими «верноподданными» торговали и другие князья — герцог Брауншвейтский, графы Ганау, Аншпах, Вальдек и т.д. Им также были заплачены большие суммы — в общей сложности около 33 млн талеров. Немецкие солдаты из владений западных курфюршеств покупались систематически также французским правительством. Солдат, наемный в Северо-Западной Германии, широко использовало в своих войсках и голландское правительство. В большом количестве немецких солдат покупала английская Ост-Индская компания, используя их для завоевания Индии (Всемирная история. Энциклопедия. Т. 5. Глава XVII. Германские княжества во второй половине XVII и в XVIII в. Возвышение Пруссии. URL: <http://historia.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st017.shtml>).

²⁶¹ Починки, починок — поселение, состоящее из одного или двух дворов, выселки, небольшой новый поселок.

²⁶² В 1787 году российская императрица Екатерина II отправилась в свое знаменитое путешествие на Юг России к черноморскому побережью, в ходе которого 9 мая на правом берегу Днепра неподалеку от слободы Половицы состоялась торжественная церемония закладки Преображенского собора и вместе с ним нового города Екатеринослава. В ней участвовали австрийский император Иосиф II и французский посол граф Л.-Ф. Сегюр, которым приписывают следующие «остроты»: «Все здесь начинается, ничто не оканчивается... В Екатеринославе мы видели начало города, который не будет обитаем, начало церкви, в которой никогда не будет службы; место, избранное для Екатеринослава, безводное» (Сегюр); «Мы с императрицей Екатериной в один день совершили великое дело: она положила первый камень в основание собора, а я второй и последний» (Иосиф).

²⁶³ В конце 1856 г. учреждена была Приморская область, и центр управления всей прилегающей к Тихому океану Сибирью перенесен из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре. В начале 1857 г. утверждено было заселение левого берега Амура, для чего с открытием навигации двинуты были вниз по реке переселенцы Амурского конного полка и под личным распоряжением генерал-губернатора занял левый берег Амура. 16 мая 1858 г. был заключен русско-китайский Айгуньский договор, по которому левый берег Амура от р. Аргуни до устья признавался владением России.

В июне–июле 1857 г. путешествие вниз по реке Амур предпринял Перри Макдона Колинс, став первым американцем проплывшем по этой реке. «Интерес американцев, как и русских, к Амуру был связан со стратегическим местоположением этой реки — между Сибирью и Китаем, а также с приближенностью Приамурья к Японии. Уже в 1855 г. новости о том, что русские завладели Амуром и создали поселение в устье этой реки, достигли Америки. И практически сразу же американцы заинтересованно откликнулись на это событие. Так, 24 марта 1856 г.

калифорнийский предприниматель Перри Макдона Коллинс (Perry McDonough Collins) добился от госсекретаря Мэри своего назначения коммерческим агентом Соединенных Штатов на реке Амур... П.М. Коллинс отправился в этом же году в Петербург за утверждением в должности, где встретился с генерал-губернатором Восточной Сибири Муравьевым-Амурским, пообещавшим ему свое содействие в изучении Амура на предмет пригодности последнего для судоходства. Через европейскую Россию и Сибирь Коллинс отправился на восток, в Николаевск, почти повторив путь своего предшественника и соотечественника Дж. Ледиарда. Когда Коллинс в июле 1857 г. прибыл в порт Николаевск, то на рейде он обнаружил пять американских торговых шхун и барков. Три судна были из Сан-Франциско, два из Бостона. Сам Коллинс вспоминал: «Неожиданным и приятным сюрпризом для меня было обнаружить звезды и полосы, развевающиеся на мачтах американского флота в этих, до недавнего времени неизвестных водах»... В Николаевске Коллинс обнаружил шесть американских фирм, открывших свои магазины... Коллинс нашел Амурский бассейн весьма перспективным для проникновения американского бизнеса в Северо-Восточную Азию и в 1857 г. открыл свою контору возле Николаевска... Развитие региональных коммерческих отношений России и США на Дальнем Востоке, заметное присутствие и деятельность американских граждан в регионе вызвали необходимость регулирования их контактов с русскими властями. Для решения спорных вопросов, защиты интересов американской торговли, а также помощи соотечественникам Соединенные Штаты уже в 50-е гг. приступили к созданию своих коммерческих агентств в Приамурье. Торговые представительства США фактически выполняли не только коммерческие, но и консульские функции» (*Гарусова Л.Н.* Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность: монография. Владивосток, 2001. URL: http://abc.vvsu.ru/Books/m_rosamo/page0004.asp#_ftn26)

²⁶⁴ Имеется в виду автобиографическая повесть Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) «Семейная хроника», вышедшая в свет в Москве 1856 г. (*Аксаков С.* Семейная хроника и воспоминания. М.: В тип. Л. Степановой, 1856).

²⁶⁵ Сетлеры — поселенцы, колонисты (англ. “settler”).

²⁶⁶ Иллинуа — французское звучание названия американского штата Иллинойс.

²⁶⁷ Купер (Cooper) Джеймс Фенимор (1789–1851) и Вашингтон (Washington) Ирвинг (1783–1859) — американские писатели, авторы произведений о жизни американского фронта (зоны освоения), завоевавших признание в Европе.

²⁶⁸ Res nullius — ничейное, никому не принадлежащее имущество (*лат.*).

²⁶⁹ Бентам (Bentham) Иеремия (1748–1832) — выдающийся английский философ, экономист и теоретик права, основатель утилитаризма. В начале XIX в. в России была мода на Бентама, он даже состоял в переписке с императором Александром I (Подробнее об общении Бентама с русскими общественными и государственными деятелями см.: *Пытин А.* Русские отношения Бентама. I // *Вестник Европы.* Кн. II. Февраль. 1869. С. 784–819; *Он же.* Русские отношения Бентама. II // *Вестник Европы.* Кн. IV. Апрель. 1869. С. 730–788).

²⁷⁰ Кормчая книга — сборник церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде.

²⁷¹ Имеется в виду «Соборное Уложение» или, как его еще называют, «Уложение царя Алексея Михайловича» — кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором 1648–1649 гг.

²⁷² Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865) — французский публицист, экономист и социолог, один из основоположников анархизма; Мадзини — Мадзини (Mazzini) Джузеппе (1805–1872), итальянский революционер, политический оратор, публицист и критик, один из главных деятелей итальянского националь-

но-освободительного движения («Рисорджименто»); Карлейль (Carlyle) Томас (1795–1881) — британский (шотландский) историк, философ, писатель и публицист.

²⁷³ Патриархализм — то же самое, что патриархат (от *греч.* “*pater*” отец и “*arche*” начало, власть), в узком смысле — управление, осуществляемое отцом семейства, в расширительном смысле — управление, сосредоточенное в руках мужчин; доминирующее положение мужчин в семье и обществе.

²⁷⁴ Имеется в виду заключенный после победы над Наполеоном I Священный союз трех монархов — русского, прусского и австрийского, для поддержания установленного на Венском конгрессе (1815) международного порядка. К заявлению о взаимопомощи всех христианских государей, подписанному 14 сентября 1815 года в Париже, впоследствии постепенно присоединились все монархи континентальной Европы, кроме Папы Римского и турецкого султана.

²⁷⁵ Речь идет о неаполитанском короле Фердинанде II (1810–1859) — короле Обеих Сицилий в 1830–1859 гг., из династии Бурбонов. Восстание в Палермо, ставшее началом революции 1848 г. в Италии, вынудило Фердинанда провозгласить конституцию. В результате переворота в Неаполе в мае 1848 г. ему удалось восстановить абсолютистскую власть. Чтобы сломить сопротивление либеральной буржуазии, Фердинанд в мае 1848 г. натравил на нее неаполитанских лаццарони (ит. “*lazzaroni*” — нищие, босьяки), которые вместе с королевскими гвардейцами устроили в городе бойню. Репрессии Фердинанда против сторонников объединения Италии и изгнания из Неаполя и Сицилии династии Бурбонов приняли столь кровавый характер, что это вызвало протесты Англии и Франции. Правительство Александра II, напротив, шло на сближение с Фердинандом.

²⁷⁶ Речь идет о прусском короле Фридрихе Вильгельме IV, брате матери Александра II — Александры Федоровны.

²⁷⁷ Преображенский мундир — мундир лейб-гвардии Преображенского полка, ведущего начало от Преображенского потешного полка, созданного в 1683 г. Петром I. Все российские императоры, начиная с Петра I, считались шефами лейб-гвардии Преображенского полка и имели в нем чин полковника.

²⁷⁸ Каин — ветхозаветный убийца своего младшего брата Авеля (Книга бытия, гл. III).

²⁷⁹ В мае 1856 г. Александр II посетил Варшаву. В речи, обращенной к депутатам от жителей Варшавы, он ясно дал понять, что поляки не должны надеяться на сколько-нибудь серьезные перемены. В этой связи Александр и произнес фразу: “*Point de rêveries, messieurs!*” — «Никаких мечтаний, господа!». Эта речь была напечатана в брюссельской газете “*Le Nord*”.

²⁸⁰ Никаких мечтаний! Никаких мечтаний! — Без болтовни! Без болтовни! (*фр.*).

²⁸¹ В примечании Герцен упоминает две точки Российской империи, расположенные на Западе (г. Кронштадт на о. Котлин в Финском заливе Балтийского моря) и на Востоке (впадающая в Тихий океан река Авача на полуострове Камчатка).

²⁸² *Rêveries* — мечтания, фантазии (*фр.*)

283 РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ

Впервые опубликовано в «Колоколе» в октябре–декабре 1859 г. за подписью И–р (статья I — л. 53 от 1 октября 1859 г. С. 431–433, с подзаголовком «(отрывок первый)». Статья II — л. 54 от 15 октября 1859 г. С. 439–441, с подзаголовком «(отрывок второй)». Статья III, первый и второй разделы — л. 56 от 15 ноября 1859 г. С. 459–461, под названием «Отрывок третий (вариации)»; третий и четвертый разделы — л. 57–58 от 1 декабря 1859 г. С. 467–470, под названием «Отрывок чет-

вертый (продолжение)»; пятый и шестой разделы — л. 59 от 15 декабря 1859 г. С. 483—487, под названием «Отрывок пятый (окончание)». Каждой статьей открывался соответствующий номер «Колокола».

Текст статьи III печатается по: Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. XIV: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859—1860 годов / Под ред. Ю.Г. Оксман. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 161—189. При составлении комментария использованы примечания Г.Я. Антоновой, И.М. Белявской, И.А. Винниковой и др. (Комментарии. РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. XIV: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859—1860 годов / Под ред. Ю.Г. Оксман. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 511—520).

«В памфлете “Русские немцы и немецкие русские” Герцен использовал традиционное для политической фразеологии первой половины XIX века понятие “русский немец”, вложив в него тот особый пренебрежительный смысл, о котором свидетельствуют, например, агитационная песня Рыльева и Бестужева “Царь наш — немец русский”, напечатанная в “Полярной звезде” на 1859 г. (кн. V), характеристика Николая в книге “La Russie en 1839. Par le marquis de Custine”. Paris, 1843 (ср.: *Маркиз де Кюстин*. Николаевская Россия. М., 1930, гл. VII, раздел “Русский немец на престоле”)... Помимо этого, именуя русские порядки “немецкими” а русских правителей — “немцами”, Герцен несомненно опирался и на широкое, народное понимание “немецкого” как всякого иностранного (нерусского), враждебного народной жизни» (Комментарии. РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. XIV: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859—1860 годов / Под ред. Ю.Г. Оксман. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 512).

²⁸⁴ Si vieillesse pouvait, si jeunesse savait! — Кабы старость могла, кабы молодость знала! (*фр.*). Данный заголовок появился при перепечатке статьи в сборнике 1860 г. (За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера. Лондон: Вольная русская типография, 1860. С. 259). В «Колоколе» же статья третья имела заголовок «Русские немцы и немецкие русские. Отрывок третий (Вариации)».

²⁸⁵ Venerabilia — почитаемыми (*лат.*).

²⁸⁶ Имеется в виду евангельское предание о «Преображении» — явлении Иисуса Христа «в образе божьем» перед своими учениками на горе Фавор в Палестине, к юго-востоку от Назарета (Мф. 17:1—6. См. также Мк. 9:2—8; Лк. 9:28—36).

²⁸⁷ «Да он властей не признает!» — слова персонажа стихотворной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Павла Афанасьевича Фамусова» (действие II, явл. 2).

²⁸⁸ Минерва — в римской мифологии дочь Юпитера, покровительница городов, ремесленников, художников, поэтов, музыкантов, ученых, врачей, учителей и женских рукоделий. Она, подобно богиням Диане и Весте, была богиней-девушкой.

²⁸⁹ Moriatur pro regina nostra — Умрем, за нашу царицу (*лат.*).

²⁹⁰ Assez grand garçon — достаточно взрослая (*фр.*).

²⁹¹ «Ваше высокопревосходительство» и «ваше превосходительство» — уставное обращение к представителям первых четырех классов чинов (должностей) в армии и государственном аппарате Российской империи согласно закону о порядке государственной службы «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных».

²⁹² Герцен имеет в виду Гракха Бабефа, выступившего с критикой результатов революции 1789—1794 гг., которая, несмотря на изменения в политическом строе, не улучшила экономического положения трудящихся. Бабеф явился организатором движения «равных» (1795), стремившихся к осуществлению коммунизма

путем насильственного свержения существующего общественного порядка. После раскрытия заговора Бабеф был гильотинирован 27 мая 1797 г.

²⁹³ Герцен имеет в виду Сен-Симона, Фурье, Оуэна, которые выступили вслед за Бабефом в период Консульства и Империи с критикой общественных и политических учреждений, установленных французской революцией. Во время реставрации Бурбонов (1815–1830) и Июльской монархии Луи Филиппа (1830–1848) учение Сен-Симона и Фурье получило широкое распространение; пропагандистами утопического социализма во Франции в 30-х гг. явились Базар, Анфантен, Консидеран, Кабе и др.

²⁹⁴ 27 августа 1832 г. правительством Луи Филиппа были привлечены к судебной ответственности сорок сен-симонистов, организовавших во главе с Анфантенем в Менильмонтане (предместье Парижа) трудовую и религиозную общину, так называемое Менильмонтанское семейство. Обвиненные в оскорблении нравственности и проповеди опасных идей, сен-симонисты были присуждены к году тюремного заключения и денежному штрафу.

²⁹⁵ Герцен упоминает римского писателя и государственного деятеля Плиния Младшего (Plinius Junior) (61 или 62 — около 114), бывшего императорским легатом в провинциях Вифиния и Понт в 111–113 гг., и судившего христиан как сектантов; а также раннехристианского латиноязычного писателя, богослова Тертуллиана (Tertullianus) Квинта Септимия Флоренса (ок. 155 — ок. 220), который около 207 г. стал членом секты монтанистов, пытавшейся искусственно возродить обычаи первохристианских общин, а затем основал собственную аскетическую общину.

²⁹⁶ Сектатор (*лат.* “sectator” — спутник, приверженец) — сектант, приверженец секты.

²⁹⁷ «Король-гражданин» — распространенное в период Июльской монархии ласливое прозвище Луи Филиппа, который в первое время после революции 1830 г. любил рядиться под «демократа». Конституция, данная Луи Филиппом при вступлении на престол 9 августа 1830 г. представляла собой слегка измененную хартию 1814 г., укреплявшую политическое и экономическое господство буржуазии. Конституция расширяла права палаты депутатов, отменяла наследственность пэров, понижала имущественный ценз избирателей, восстанавливала национальную гвардию, вводила местное и областное самоуправление, ограничивала права католического духовенства.

²⁹⁸ Ассизы (*позднелат.* “assisae” — заседания) — собрание, заседание суда.

²⁹⁹ Suffrage universel — всеобщее избирательное право (*фр.*).

³⁰⁰ Герцен имеет в виду французскую революцию 1848 г., которая, свергнув короля Луи Филиппа, правившего в течение восемнадцати лет, провозгласила республику (25 февраля 1848 г.). 4 марта 1848 г. был принят декрет о введении всеобщего избирательного права, который Герцен назвал «оптическим обманом». В образовавшемся Временном правительстве руководящая роль принадлежала буржуазии, политика которой открыла путь к монархической реставрации.

³⁰¹ Имеется в виду подавление июньского восстания парижских рабочих в 1848 г., сопровождавшееся разгулом террора, организованного генералом Кавеньяком.

³⁰² Сенар (Senard) Антуан Мари Жюль (1800–1885) — французский политический деятель, в июне 1848 г. председатель Учредительного собрания, в июне–октябре 1848 г. министр внутренних дел в правительстве Кавеньяка.

³⁰³ В ночь на 2 декабря 1851 г. Луи Бонапарт совершил государственный переворот, объявив о роспуске Законодательного собрания и Государственного совета. Руководящие деятели Собрания — легитимисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы, в том числе командующий войсками парижской национальной

гвардии генерал Шангарнье (Changarnier) Никола (1793–1877), Кавеньяк, Тьер, квесторы Ламорисьер, Баз и др. были арестованы и увезены в тюрьму.

Квесторы — уполномоченные Законодательного собрания по его финансам, хозяйству, охране безопасности.

³⁰⁴ Конкордаты — договора, соглашения или сделки.

³⁰⁵ Герцен имеет в виду ряд реакционных мер, предпринятых правительствами Австрии, Пруссии, Венгрии, Франции, Италии, Испании и других стран после подавления революций 1848–1849 гг., ликвидацию демократических конституций, расправу с участниками революций, заключение в 1851 г. конкордата испанской королевой Изабеллой II с папой Пием IX, колониальные войны Англии с Китаем (1856), Персией, Индией (1856, 1857), Франции — с Китаем (1858), Индо-Китаем (1856) и т. д.

³⁰⁶ Герцен имеет в виду выступление протестовавшего против ограничения прав Законодательного корпуса во Франции графа Монталамбера (Montalembert) Шарля (1810–1870) французского политического деятеля, который после многолетнего пребывания в роли депутата и лидера клерикальной партии, потерпел поражение на выборах в 1857 г.; провал посягательства на свободу печати в Англии в 1858 г., неудачу Conspiracy Bill (Билль о заговорах или Билль об иностранцах), который был внесен премьер-министром Г.Дж.Т. Пальмерстоном в палату общин 8 февраля 1858 г. Согласно этому биллю всякий, проживающий в пределах Соединенного королевства, будь то англичанин или иностранец, если он был организатором или участником заговора, задуманного с целью убийства какого-либо лица в Англии или в любой другой стране, — должен был быть судим английским судом и подвергнут суровому наказанию. Под давлением массового движения протеста билль был отклонен палатой общин, и Пальмерстон был вынужден уйти в отставку.

³⁰⁷ Фонтанель (*ново-лат.*, от *ср.-в.-лат.* “fontenelle” — ручеек) — искусственная рана, открываемая с целью оттянуть из организма вредные вещества.

³⁰⁸ Мартингал — ремень, проходящий от подпруги к поводьям; удерживает голову лошади в положении, необходимом для правильного действия поводьев.

³⁰⁹ À nos moutons — к нашим баранам (*фр.*). Французская поговорка: Révenons à nos moutons — вернемся к нашим баранам, т. е. к предмету нашего разговора.

³¹⁰ Крустацеи (*лат.* “Crustacea”) — ракообразные.

³¹¹ Речь идет о первом «Философическом письме» П.Я. Чаадаева, опубликованном в 1836 г. в журнале «Телескоп».

³¹² Юфть — особый сорт мягкой кожи.

³¹³ Герцен имеет в виду многочисленные проекты либеральных западников 1857–1859 гг., рекомендовавших реформировать Россию по образцу того или иного передового западноевропейского государства.

³¹⁴ In spe — в будущем (*лат.*).

³¹⁵ Герцен имеет в виду разрушение сельской общины в Индии как следствие английской колониальной политики, которая привела к полному обнищанию и деградации народа и вызвала в 1857–1858 гг. восстание сипаев — наемных солдат Британской Ост-Индской компании, которое переросло в национально-освободительное восстание против господства англичан.

³¹⁶ Герцен передает эпизод, рассказанный маркизом де Кюстином в книге “La Russie en 1839” (Paris, 1843), о встрече и разговоре с П.Б. Козловским на пароходе «Николай I» по пути из Любека в Россию (см.: Кюстин маркиз де. Николаевская Россия. М., 1930. С. 38–39).

³¹⁷ Au jour d’aujourd’hui — сегодняшний день (*фр.*).

³¹⁸ Собакевич и Ноздрев — персонажи поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

³¹⁹ Роганы (Rohan) и Ноальи или Ноайли (Noailles) — знаменитые аристократические роды Франции.

³²⁰ Дюмон-Дюрвиль (Dumont d'Urville) Жюль Себастьян Сезар (1790—1842) — французский мореплаватель и океанограф. Герцен не совсем точно передает факты, рассказанные Дюмон-Дюрвилем о его пребывании на Маркизовых островах (Всеобщее путешествие вокруг света, содержащее извлечение из путешествий известнейших донные мореплавателей, как-то: Магеллана, Тасмана, Дампиера... и многих других, с присовокуплением карт, планов, портретов и изображений замечательнейших предметов природы и общежития во всех частях света, по рисункам Сенсона, сопровождавшего Дюмон-Дервиля в его путешествии вокруг света / Составленное Дюмон-Дюрвилем, капитаном Французского королевского флота. Ч. 5: Океания: острова Гавайские, или Сандвичевы; острова Нукагивские, или Маркизские. Б.м.: В тип. Августа Семена, при Импер. Медико-Хирург. акад., 1836. С. 288 и далее).

³²¹ Антецедент (*лат.* "antecedens" — предшествующий) — букв. «предшествующее, прежний случай, порядок» и т.п.

³²² Le secret de la comédie — в чем суть дела (*фр.*).

³²³ Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ. Политическим идеалом будущего государства для него была конституционная монархия, а «воплощением абсолютной идеи в действительности», «высшим проявлением разумности» — абсолютистское монархическое прусское государство («Философия права», 1821).

³²⁴ Барбес (Barbes) Арман (1809—1870) — французский революционер и политик, республиканец; Каваньяк — Кавеньяк (Cavaignac) Луи Годефруа (1801—1845) — французский политический деятель и журналист, республиканец.

³²⁵ Avec un pouvoir fort — с сильным правительством (*фр.*).

³²⁶ Во второй части своей книги очерков «Путевые картины» Г. Гейне, иронизируя над методом преподавания истории в немецкой школе, замечает: «... уроки шли так же, как прежде, и вновь, как прежде, началось заучивание наизусть римских царей, исторических дат, пошпа на in, verba irregularia, греческий, еврейский, география, немецкий язык, устный счет, — боже, до сих пор голова идет у меня кругом. Все это надо было выучить наизусть. И кое-что из этого впоследствии мне пригодилось. Ведь если бы я не знал наизусть имен римских царей, то потом мне было бы совершенно безразлично, доказал ли Нибур или не доказал, что они в действительности никогда не существовали» (*Гейне Г. Идеи. Книга Ле Гран (Ideen. Das Buch Le Grand) 1826. Гл. VII. URL: <http://lib.rus.ec/b/221911/read#r34>*).

Нибур (Niebuhr) Бартольд Георг (1776—1831) — немецкий историк античности, известный своим строго критическим отношением к источникам. В частности, Нибур скептически отнесся к свидетельствам Тита Ливия о древнеримских царях.

³²⁷ Под «учеными друзьями» Герцен имеет в виду Е.Ф. и В.Ф. Коршей, Н.Х. Кетчера, Б.Н. Чичерина, И.К. Бабста, связанных с ним личными отношениями. Сочетание бюрократической централизации с муниципальными формами местного управления как идеальную норму гражданского устройства превозносили Чичерин («Очерки Англии и Франции» (М., 1858), статья в «Атенее») и В.Ф. Корш («Парламентские реформы в Англии» — «Атеней», 1858, № 9 и др.). Сравнивая русскую общину XVII в. с европейской феодальной общиной, Чичерин отдавал предпочтение последней, давая восторженную характеристику средневековым городам с их «прочным союзным духом» (См.: *Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 25—36*). Чичерин же придавал исключительное значение западному «среднему сословию» как «организатору общественного мнения» («Промышленность и государство в Англии» — «Атеней», 1858, № 12).

К этой точке зрения присоединился Бабст в своих письмах о заграничном путешествии «От Москвы до Лейпцига», опубликованных в «Атенее» в 1858 г.

³²⁸ Бет-наль-Грин — Бетнал-грин (Bethnal Green); Вейт-Чапел — Уайтчепел (White Chapel), Ламбет (Lambeth) — районы Лондона.

³²⁹ Абортив — искусственное прерывание беременности, выкидыш.

³³⁰ Горгона Медуса — чудовище с женским лицом и змеями вместо волос; согласно древнегреческой мифологии даже в отрубленном состоянии взгляд головы горгоны сохранял способность превращать людей в камень.

³³¹ Герцен имеет в виду фабулу баллады В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810–1817).

³³² Антропофагия (от *греч.* “anthropos” — человек и “phago” — ем) — людоедство, каннибализм.

³³³ Имеются в виду герои сборников «Идиллии» в прозе (1756) и «Стихотворения» (1762) швейцарского поэта Геснера (Gessner) Соломона (1730–1788), изображавшего условный мир пастухов и пастушек в галантной манере, и персонажи сентиментальных пасторалей французской придворной поэтессы Дезульер (Deshoulières) Ангуанетты (1637–1694).

³³⁴ А parte — в отдалении (*ит.*).

³³⁵ Ростопчин Федор Васильевич (1730–1826) — русский государственный деятель, генерал от инфантерии, граф (с 1799) фаворит императора Павла и руководитель его внешней политики, московский градоначальник и генерал-губернатор Москвы во время наполеоновского нашествия, предполагаемый виновник Московского пожара 1812 г.

³³⁶ Roture — чернь (*фр.*).

³³⁷ Впервые шутка Ростопчина, увековеченная в «Русских женщинах» Н.А. Некрасова («Едва огласилось решение суда, / Всем было неловко и жутко, / В салонах Москвы повторялась тогда / Одна ростопчинская шутка: / “В Европе сапожник, чтоб барином стать, / Бунтует, — понятное дело! / У нас революцию сделала знать: / В сапожники, что ль, захотела?..”») Некрасов Н.А. «Русские женщины». 2. Княгиня М. Н. Волконская (бабушкины записки). Глава 4. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/nekrasov-poems5.1.html>, закреплена была в письме московского почт-директора А.Я. Булгакова 1826 г. («Русский архив», 1901, кн. 2. С. 342; Н. Лернер. «Ростопчинская шутка» о декабристах — «Бунт декабристов»: Сборник / Под ред. Ю.Г. Оксмана и П.Е. Щеголева. Л., 1926. С. 398–399).

³³⁸ Фан Амбург — ван Амбург (Amburgh) Исаак (1808–1865), американский укротитель, выступавший со смешанной группой хищников — лев, тигр, леопард и пантера. Гвоздем программы была «психическая атака» на льва: животное жалось к прутьям клетки под «властным взглядом» человека. Он показал вместе льва и ягненка и даже вошел в клетку в сопровождении ребенка, чтобы «явить во всем блеске триумф веры над диким зверем». Утверждают, что он был первым дрессировщиком, сунувшим голову в пасть льву.

³³⁹ Имеется в виду бироновщина — режим в России в 1730-х гг. в царствование императрицы Анны Иоанновны, характеризовавшийся засильем во всех областях государственной и общественной жизни страны иностранцев, главным образом прибалтийских немцев, во главе с Э.И. Бироном — фаворитом императрицы и фактическим правителем.

³⁴⁰ “Vivre en travaillant ou mourir en combattant!” — «Жить работая или умереть сражаясь!» (фр.) — лозунг парижских рабочих во время восстания 1848 г., который был также девизом вооруженного выступления лионских ткачей 21 ноября 1831 г.

³⁴¹ “Qui a du plomb a du pain!” — «У кого меч, у того и хлеб!» (фр.) Герцен передает лозунг, выдвинутый Огюстом Бланки в его обращении к народу, написанном

10 февраля 1851 г. в Бель-Ильской тюрьме по просьбе лондонских политических эмигрантов в связи с третьей годовщиной революции 1848 г.

³⁴² По требованию рабочих Временное правительство приняло 25 февраля 1848 г. декрет о праве на труд. Для разрешения рабочего вопроса была создана под председательством Луи Блана и Альбера правительственная (так называемая Люксембургская) комиссия, которая предложила организовать «Министерство труда», «с специальной миссией подготовить социальную революцию, и осуществить постепенно, мирным образом и без потрясений, уничтожение класса пролетариата» (*Блан Луи. История французской революции 1848 г.* СПб., 1907. С. 183). 10 мая 1848 г. Учредительное собрание отвергло проект создания «Министерства труда и прогресса».

³⁴³ В 1848—1849 гг. было созданы несколько сот производственных товариществ и потребительских обществ, ассоциации портных, седельщиков, прядильщиков в Париже, столяров, каменотесов в Лионе, булочников в Нанте и т.д. Большинство объединений вследствие конкуренции и преследования полицией, подозревавшей в них замаскированные политические общества, просуществовало недолго. Последние из них были закрыты властями после бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г.

³⁴⁴ *Laissez faire* — позволять, предоставить события их естественному ходу, пустить на самотек (*фр.*). Знаменитое выражение “*Laissez faire, laissez passer*”, которое приписывают французскому экономисту конца XVIII в. Гурнэ (Gournaу) Жан Клод Венсан (1712—1759), стало лозунгом свободы торговли и невмешательства государства в экономику и тем самым принципом классической школы в политической экономии, пропагандировавшей экономической либерализм. В России этот принцип невмешательства государственной власти в экономическую деятельность предпринимателей прокламировался в статьях защитников «умеренного прогресса», восстающих против общинного землевладения во имя «более прогрессивного личного землепользования» (См. статьи Д.М. Струкова и И.В. Вернадского в «Экономическом указателе» 1857—1858 гг.). С критикой принципа “*laissez faire, laissez passer*” и его приверженцев выступили Чернышевский («Современник», 1857, № 3, 5; 1859, № 2) и М. Юрьин («Отечественные записки», 1859, № 5).

³⁴⁵ Герцен имеет в виду протест либеральной французской оппозиции 1856—1857 гг. против политики свободной торговли, проводившейся Наполеоном III и закрепленной впоследствии торговым договором с Англией (13 января 1860 г.), который предусматривал значительное снижение таможенных пошлин на французские товары в Англии и английские товары во Франции.

³⁴⁶ Джон Броун — Браун (Brown) Джон (1800—1859) — американский аболиционист, сторонник отмены рабства, участник вооруженной партизанской борьбы, казненный по приговору суда 2 декабря 1859 г.

³⁴⁷ Пария — отверженный, бесправный, изгой.

³⁴⁸ Камералисты — специалисты по административным и экономическим вопросам.

³⁴⁹ Речь идет о воспитателе цесаревича Николая Александровича генерал-майоре Н.В. Зиновьеве.

³⁵⁰ На о. Морея (средневековое славянское название полуострова Пелопоннес на крайней южной оконечности Балканского полуострова) вплоть до XV в. существовала свободная община, некоторые права которой сохранились и после завоевания Византии турками-османами.

³⁵¹ Керрей — Кэри (Carey) Генри Чарлз (1793—1879), американский экономист и социолог.

³⁵² Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), генерал-адъютант, член Государственного совета, примыкал к декабристам, незадолго до восстания донес на них, участник турецкой войны 1828 г. и подавления польского восстания 1831 г., с 1835 г. начальник Главного штаба военно-учебных заведений, в 1849 г. был членом следственной Комиссии по делу Петрашевского, в 1857–1858 г. член Секретного (затем Главного) комитета, организованного для разработки проекта крестьянской реформы, с 1859 г. председатель Редакционных комиссий.

³⁵³ Торизм — программа консервативной английской парламентской партии тори. Лидером тори в 1846–1868 гг. был лорд Дерби — Эдуард Джордж Джефри Смит-Стэнли, 14-й граф Дерби (Derby) (1799–1869), премьер-министр Великобритании в 1852, в 1858–1859, в 1866–1868 гг. Одним из его соратников стал старший сын — Эдуард Генри Стэнли, 15-й граф Дерби (1826–1893) входивший в правительство своего отца как товарищ (заместитель) министра иностранных дел (1852, 1866) и министр по делам Индии (1858).

³⁵⁴ Имеется в виду домовая Влахернская церковь в Кузьминках. Это образцовая усадьба, принадлежавшая «последнему московскому вельможе» князю Сергею Михайловичу Голицыну (1774–1859), много лет была центром притяжения высшего общества. При нем стали очень популярными гуляния в Кузьминках на День Влахернской иконы Божией Матери 2 июля, когда в усадьбу приезжало до 5 тыс. человек. Ее не раз посещали члены императорской фамилии, митрополит Московский Филарет, и др. После смерти бездетного Голицына в феврале 1859 г. усадьба отошла его племяннику, жившему за границей.

³⁵⁵ Con amore — с любовью (*um.*).

³⁵⁶ ...Entendez-vous dans les campagnes. / Mugir ces féroces Allemands, / Ils viennent... — Вам слышны ли среди полей немцев свирепых крики, они сулят... (*фр.*).

³⁵⁷ Слово «зуав» Герцен употребляется как синоним слова «воин», «солдат»; иезуиты — члены католического монашеского ордена “Societas Jesu” («Общество Иисуса») — воины папского престола (собор Святого Петра в Риме — церемониальный центр Римской католической церкви).

³⁵⁸ Лютер (Luther) Мартин (1483–1546) и Кальвин (Calvin) Жан (1509–1564) — христианские богословы, первый — инициатор и вождь немецкой Реформации, именем которого названо протестантское течение лютеранство, второй — французской, основатель кальвинизма, гражданские и религиозные права последователей которого — гугенотов — французских протестантов, были признаны лишь в конце XVIII в.

³⁵⁹ À propos délibéré — предумышленно (*фр.*).

³⁶⁰ Конвент (Национальный конвент) — законодательный орган во время Великой французской революции, установивший в 1793 г. режим террора.

³⁶¹ Герцен иронизирует над Б.Н. Чичериньм, получившим ученое звание магистра в начале 1857 г. и прославившимся своей эрудированностью еще в годы учения в университете (Воспоминания Б.Н. Чичерина. Москва 40-х годов. М., 1929. С. 25, 271).

³⁶² Фауст (Faust) Иоганн Георг (ок. 1480–1540) — доктор, чернокнижник, живший в Германии, легендарная биография которого на протяжении ряда столетий является темой многочисленных произведений европейской литературы, наиболее ярким из которых принято считать трагедию И.В. Гёте «Фауст» (1774–1831).

³⁶³ Очью — на глазах.

³⁶⁴ Герцен намекает на инцидент с литератором П.И. Якушкиным, который осенью 1859 г. был арестован в Пскове, возбудив подозрение полиции своим крестьянским костюмом.

³⁶⁵ Гускисон — Гаскиссон (Хаскиссон, Huskisson) Вильям (Уильям) (1770–1830), английский государственный деятель, член консервативной партии, министр

торговли в 1823—1827 гг., сторонник фритредерской политики.

³⁶⁶ Герцен далее пародирует высказывания противников общинного землевладения, которые, ссылаясь на мальтузианские теории, доказывали несостоятельность общинного принципа с точки зрения «прогресса собственности» и невыгодность его в экономическом и аграрном отношениях.

В соответствии с такой точкой зрения, логически вытекающей из трудов Чичерина, статей Корша и т.п., большинство авторов «Русского вестника», «Атеня», «Экономического указателя», «Земледельческой газеты», «Отечественных записок» стояли за постепенное преобразование России в духе либерального реформаторства Штейна, Гарденберга, Роберта Пиля, Вильяма Гаскиссона и др.

³⁶⁷ *À quoi s'en tenir* — как к этому отнестись (*фр.*).

³⁶⁸ Цезарево сечение — кесарево сечение, проведение родов с помощью полостной операции.

³⁶⁹ Рунд (от *фр.* “*ronde*” — круг) — ночной обход для проверки караульных и часовых.

³⁷⁰ Герцен имеет в виду «Историю русского народа» Николая Алексеевича Полевого (1829—1833), в которой отразилось влияние концепции О. Тьери, рассматривавшего историю Франции в своих “*Lettres sur l’histoire de France*” (1827) как историю борьбы завоевателей и завоеванных, перешедшую затем в классовый антагонизм дворян и третьего сословия.

³⁷¹ ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!

Впервые опубликовано в «Колоколе» в декабре 1866 г. — феврале 1867 г. за подписью И—р (л. 230 от 1 декабря 1866 г. С. 1877—1881; л. 231—232 от 1 января 1867 г. С. 1885—1889; л. 233—234 от 1 февраля 1867 г. С. 1901—1905).

Текст статьи печатается по: *Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. XIX: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866—1867 годов / Под ред. Ю.Г. Оксман, Л.М. Дологовой. М.: Изд-во АН СССР. 1960. С. 166—199.* При составлении комментария использованы примечания В.Г. Березиной, Я.Е. Эльсберга (Комментарии. ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ! // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. XIX: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866—1867 годов / Под ред. Ю.Г. Оксман, Л.М. Дологовой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 427—431.

³⁷² *L’ordre règne à Varsovie* — Порядок царствует в Варшаве! (*фр.*). Слова из речи, произнесенной министром иностранных дел Франции Орасом Себастиани 16 сентября 1831 г. на заседании французского парламента в связи с подавлением польского восстания.

³⁷³ По библейской легенде, бог, прежде чем разрушить Содом за грехи его жителей, вывел из города праведного Лота и его семью и сказал, что они будут спасены, если отойдут от города, не оборачиваясь; жена Лота из любопытства обернулась, за что была превращена в соляной столп. (Быт. 19, 1—26).

³⁷⁴ В примечании Герцен цитирует строку из собрания рифмованных эпиграмм Гёте «Кроткие Ксении» (V) («ксении» букв. «подарки гостям» (*др.-греч.*)), в поэзии короткие юмористические или хвалительные стихотворения, обращенные к каким-либо лицам): *Komm her, wir setzen uns zu Tisch! / Wen sollte solche Narrheit rühren? / Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch / Wir wollen sie nicht balsamieren.* — Иди сюда, сядем за стол! / Кого же встревожит такая глупость? / Мир разлагается, как гнилая рыба, мы не станем его балзамировать (нем.).

³⁷⁵ Победу Пруссии в австро-прусской войне 1866 г. в значительной степени определило применение нового вида оружия — игольчатого ружья с ударником,

принятого на вооружение еще в 1841 г., но не получившего широкого распространения до середины 60-х годов.

³⁷⁶ Император Франции Наполеон III (родился в 1808 г.) страдал заболеванием почек.

³⁷⁷ Байрон (Вугон) Джорж Гордон (1788–1824) — английский поэт.

³⁷⁸ «Австрийский Lloyd, говоря об моей книге “Vom andern Ufer”, называет меня русским Иеремием, плачущим на развалинах ионьских баррикад, и прибавляет, что книга моя замечательна как *патологический* факт, показывающий, какой беспорядок вносит в русскую голову немецкая философия и французская революция. Я принимаю все это» (см.: *Герцен А.И.* Письмо к Ш. Риберолло, издателю журнала “L’Homme” // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. V: Письма из Франции и Италии, 1847–1852 / Под ред. Е.В. Тарле. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 223–224).

Иеремия (*библ.*) — один из четырех великих ветхозаветных пророков, оплакивавший бедствия своего отечества (Книга пророка Иеремии (Иер.; Плач.)).

³⁷⁹ «Большим человеком» назвал Турцию Николай I в беседах с великобританским послом в Петербурге Гамильтоном Сеймуром в 1853 г.

³⁸⁰ Парижский трактат — международный мирный договор, подписанный 18 марта 1856 г. в Париже на конгрессе, подведем итоги Крымской войны 1853–1856 гг. Этот договор полностью изменил международную обстановку в Европе, уничтожив гегемонию России в пользу гегемонии Франции, продолжавшейся до франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Виллафранкский мир — мирное соглашение, заключенное Францией и Австрией 11 июля 1859 г. в Виллафранке в ходе австро-итало-французской войны 1859 г.

³⁸¹ Имеется в виду победа Пруссии в австро-прусской войне 1866 г., завершившей ее многолетнюю борьбу с Австрией за главенство среди германских государств и основание под эгидой Пруссии Северогерманского союза, включавшего все немецкие земли севернее реки Майн.

³⁸² Семиколон (*нем.* “Semikolon”) — точка с запятой.

³⁸³ Бисмарк (Bismark) Отто фон Шёнхаузен (1815–1898) — германский государственный деятель, князь. В 1862–1867 гг. — министр-президент и министр иностранных дел Пруссии, инициатор объединения Германии под эгидой Пруссии.

³⁸⁴ В сентябре 1866 г. Франкфурт-на-Майне был присоединен к территории Пруссии.

³⁸⁵ Лир — главный герой одноименной трагедии (1605–1606) У. Шекспира, старый король, изгнанный из своего дома родными дочерьми.

³⁸⁶ Речь идет о немецких герцогах и князьях, оставшихся без трона после присоединения немецких королевств к Пруссии. Hohenzollern hochverschweistert (*нем.*) — высокородственным Гогенцоллерном.

³⁸⁷ Потсдамский лейб-пастор настроил молитву для ганноверских церквей.

³⁸⁸ Батый (Бату) (1208–1255), монгольский хан, внук Чингисхана. Предводитель завоевательного похода в Восточную и Центральную Европу (1236–1243). Его нашествие положило начало татаро-монгольской игу на Руси.

³⁸⁹ Искони бе — издревле, с незапамятных времен (*церк.-сл.*).

³⁹⁰ Косидьер, участник февральской революции 1848 г. во Франции, после победы революции занял пост префекта полиции.

³⁹¹ Итальянский революционер Феличе Орсини совершил в 1858 г. неудачное покушение на Наполеона III, которого считал главной помехой делу воссоединения Италии.

³⁹² В 1863 г. при поддержке Наполеона III и с благословения римского папы Пия IX императором Мексики был «избран» эрцгерцог австрийский Максимили-

ан. После поражения в войне с Австрией и Пруссией в 1864 г. Дания по Венскому мирному договору (30 октября) лишалась Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга.

³⁹³ В австро-итальянской войне 1866 г. итальянская сухопутная армия была разбита при Кустоце (24 июня); итальянский флот потерпел поражение при о. Лиссе (20 июля).

³⁹⁴ *Gesamntes Vaterland* — единое отечество (нем.).

³⁹⁵ Канова (Canova) Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, живописец.

³⁹⁶ Императрица мексиканская Шарлотта отправилась в 1866 г. в Европу, сначала в Париж к Наполеону III, а потом в Рим к папе Пию IX, чтобы помочь своему мужу — императору Максимилиану, против которого выступил бывший мексиканский президент Хуарес, поддерживаемый США. Наполеон III отказал Шарлотте в помощи. Больная, в припадке помешательства, она была отправлена в Бельгию к брату, королю Леопольду II, наследовавшему престол в 1865 г.

³⁹⁷ *Ensembl'ем* — единством (от *ensemble* — целостность, связность, единство (фр.)).

³⁹⁸ Ромье (Romieu) Отюст (1800—1855) — французский публицист и политик, выступивший накануне президентских выборов 1852 г. с цезаристскими памфлетами, в частности, с привлечшей внимание Герцена брошюрой “*Le Spectre rouge*” (Paris, 1851), в которой запугивая избирателей «красным призраком», то есть социальной революцией, доказывал необходимость установления военной диктатуры Луи Наполеона Бонапарта (О брошюре Ромье см.: *Герцен А.И. Война и мир // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XIV: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859—1860 годов / Под ред. Ю.Г. Оксмана. М.: Изд-во АН СССР. 1958. С. 110—111*).

³⁹⁹ В конце октября 1865 г. в Льеже (Бельгия) состоялся международный конгресс студентов, на котором была представлена учащаяся молодежь многих европейских стран, в том числе делегация французских студентов (П. Лафарг, Ш. Лонге, Ш. В. Жаклар, А. Реньер и др.).

⁴⁰⁰ В сентябре 1866 г. в Женеве состоялся первый конгресс Международного товарищества рабочих (I Интернационала), в котором участвовали 60 делегатов, представлявших 25 секций и 11 рабочих обществ Великобритании, Франции, Швейцарии и Германии.

⁴⁰¹ Республика Сан-Марино — одно из карликовых «государств» в Средней Италии — признала в 1862 г. покровительство Италии и превратилась фактически в ее округ. *Val d'Andorre* — марионеточная республика, расположенная на южном склоне Пиренеев, между Францией и Испанией, находилась под протекторатом Франции. Определение ее как «оперной» связано с комической оперой “*Val d'Andorre*” (слова Сен-Жоржа, музыка Галеви, впервые поставлена в Париже в 1848 г.).

⁴⁰² *Gott protege la Svizzera!* — Да благословит бог Швейцарию. Эта фраза составлена из слов немецкого, французского и итальянского языков.

⁴⁰³ Первая всемирная промышленная выставка открылась в Лондоне в 1851 г. В 1862 г. там же приняла своих первых посетителей третья всемирная промышленная выставка.

⁴⁰⁴ “*Nabeas corpus Act*” — английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности.

⁴⁰⁵ Герцен перефразирует лозунг О. Бланки “*Qui a du plomb a du pain*” («У кого пуля, у того и хлеб») из его обращения к французскому народу от 10 февраля 1851 г.

⁴⁰⁶ В примечании Герцен отсылает читателей к циклу своих писем к редактору “*The English republic*” В. Линтону — «Старый мир и Россия» (см.: *Герцен А.И. Старый мир и Россия: Письма к В. Линтону // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII: Произведения 1852—1857 годов / Под ред. В.А. Путищева. М.: Изд-во АН СССР. 1957. С. 167—200*).

⁴⁰⁷ Алжир Франция завоевала в 1830—1847 гг., зуавы — род легкой пехоты, формировавшейся по преимуществу из жителей северной Африки, а туркос (туркос) — алжирский стрелок во французских колониальных войсках.

⁴⁰⁸ D'user et d'abuser — пользоваться и злоупотреблять (*фр.*).

⁴⁰⁹ Филистер — обыватель, мещанин (*нем.*).

⁴¹⁰ Der Theorie nach — в теории (*нем.*).

⁴¹¹ Unità — единство (*ит.*); Einheits-pathos — пафос объединения (*нем.*).

⁴¹² Соперничество между Пруссией и Данией из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн, находившихся в личной унии с Данией, но большинство населения которых принадлежало к этническим немцам, привело к Датско-прусским войнам 1848—1850 гг. и 1864 г. В результате этих войн Дания была вынуждена отказаться от своих притязаний, а герцогства были объявлены совместными владениями Пруссии и Австрии. Затем началась Австро-пруско-итальянская война 1866 г., закончившаяся поражением Австрии, уступившей все права на Шлезвиг и Гольштейн Пруссии.

⁴¹³ Liebchen, was willst du den mehr? — Что же ты еще хочешь, милая? (*нем.*), не совсем точная цитата из стихотворения Гейне “Du hast Diamanten und Perlen” («У тебя есть бриллианты и жемчуга»).

⁴¹⁴ Sie sind entlassen, meine Herrn! — Можете идти, господа (*нем.*).

⁴¹⁵ Отрицательное отношение Прудона к защите национальной самостоятельности проявилось всего сильнее в его брошюре “Si les traités de 1815 on cessé d'exister? Actes du futur congrès” (Paris, 1863), ch. VI “Question polonaise”, p. 65—100.

⁴¹⁶ Герцен использует образы библейского предания о юноше Давиде, победившем силача Голиафа (I Цар. 17, 12—51).

⁴¹⁷ Сын Адама Авель, по библейскому преданию, был убит своим братом Каином (Быт. 4, 8).

⁴¹⁸ Билан — баланс (*фр.* “bilan”).

⁴¹⁹ Паллиативы — полумеры.

⁴²⁰ Цитата из стихотворения Гёте «К Соединенным Штатам» («Тебе, живущей в настоящем, не тревожат душу ни напрасные воспоминания, ни бесполезные споры»).

⁴²¹ Au large — в открытое море (*фр.*).

⁴²² 23 июня 1789 г., на заседании Генеральных штатов, депутаты третьего сословия, объявившие себя 17 июня 1789 г. Национальным собранием, несмотря на приказ Людовика XVI разойтись, продолжали заседать. В ответ на требование церемониймейстера очистить зал Мирабо сказал: «Скажите вашему господину, что мы находимся здесь по воле народа и уйдем отсюда, только уступая силе штыков». После Мирабо к присутствовавшему обратился аббат Э. Сийес со словами: «Господа, разве вы сегодня не те же, что были вчера? Продолжим заседание» (*Buchez V. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. T. II. Paris, 1834. P. 24—25.*).

⁴²³ Герцен встречался с О. Бланки в октябре 1866 г. во Фрейбурге.

⁴²⁴ Mont-Saint Michel — Мон-Сен-Мишель (гора Архангела Михаила (*фр.*)), небольшой скалистый остров на северо-западном побережье Франции, превращенный в остров-крепость. После Великой Французской революции и до 1863 г. остров использовался как тюрьма, многие узники которой, в том числе и О. Бланки, были политическими противниками правящих режимов Франции от Первой республики и до Второй империи.

⁴²⁵ Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881), французский социалист, профессиональный революционер, сторонник заговорщической деятельности и террора против властей. Провел в тюрьмах более тридцати лет.

⁴²⁶ Сен-Жюст (Saint-Just) Луи Антуан (1767—1794) — деятель Великой Французской революции, соратник Робеспьера. Главный обвинитель короля и идеолог террора.

⁴²⁷ Кокрель (Coquerel) Атанас Лоран Шарль (1795–1868) — французский реформатский богослов.

⁴²⁸ Ворцель (Worczell) Станислав Габриэль, граф (1799–1857), польский революционер, один из руководителей польской эмиграции 1830–1850-х гг.

⁴²⁹ Герцен не совсем точно цитирует слова Христа, обращенные к больному: «встань, возьми постель твою, и иди в дом твой» (Матф. 9, 6).

⁴³⁰ Речь идет о книге В.Ф. Ратча «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. 1831–1863», выпущенной анонимно в Вильно в 1866 г.

⁴³¹ Съезжая (съезжий двор, съезжий дом) — полицейская управа, а также помещение при полиции для арестованных.

⁴³² Ессе homo — «Се человек!» (лат.) — слова Пилата, обращенные к народу, когда перед ним появился, после истязаний, Иисус Христос в терновом венце (Иоан. 19: 5).

⁴³³ Заушать — бить рукой по щеке, по голове. «Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мат. 26: 67).

⁴³⁴ Ву and by — между прочим (англ.).

⁴³⁵ Неточная цитата из сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок»: «Это службишка, не служба. / Служба вся, брат, впереди».

⁴³⁶ Имеется в виду Муравьев-Виленский Михаил Николаевич (1796–1866) русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1863), граф Виленский (1865). По окончании Московского университета в 1811 поступил на военную службу. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов русской армии 1813–1814. Член декабристских организаций «Союза спасения» и «Союза благоденствия», в 1821 отошел от декабристского движения. В 1825 арестован по делу декабристов, но оправдан. В 1826 назначен витебским вице-губернатором, а в 1828 — могилевским губернатором. Принимал участие в подавлении Польского восстания 1830–1831. Во время Польского восстания 1863–1864 генерал-губернатор Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. В 1866 — председатель Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова.

⁴³⁷ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — русский публицист, издатель, литературный критик и политик. Редактор газеты «Московские Ведомости» (с 1863).

⁴³⁸ Ябеда — донос.

⁴³⁹ Шемякин суд — нарицательное выражение, обозначающее несправедливый суд, связанное с одноименным названием русской сатирической повести второй половины XVII в.

⁴⁴⁰ «Темным царством» в одноименной критической статье 1859 г. Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) назвал косную общественную среду, изображенную в пьесе Александра Николаевича Островского (1823–1886) «Гроза» (1859).

⁴⁴¹ В «Деяниях апостолов» рассказывается о том, как гонитель христиан Савл после божественного озарения, ослепившего его, уверовал в бога и Христа и, прозрев, стал апостолом Павлом (Деян. 9: 3–18).

⁴⁴² La charte — хартию (фр.).

⁴⁴³ Бутков Владимир Петрович (1814–1881) — российский государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1863). В 1853–1865 гг. государственный секретарь. Активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 и проведения судебной реформы 1864.

Корф Модест Андреевич (1800–1876) — барон, русский государственный деятель, историк. В 1861–1864 гг. начальник Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, призванного кодифицировать законы Российской империи, в 1864–1872 гг. председатель департамента законов Государственного совета.

⁴⁴⁴ Декастерия — дикастерия (*греч.* «законный суд»), суд присяжных в Древней Греции.

⁴⁴⁵ Перефразировка строки из стихотворения А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные во время бессонницы» (1830): «Жизни мышья беготня...».

⁴⁴⁶ *Salus populi* — Благо народа (*лат.*).

⁴⁴⁷ *Manhood suffrage* — избирательное право для мужчин (*англ.*).

⁴⁴⁸ Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864) — политический деятель, основоположник лассальянства — течения в немецкой социал-демократии.

⁴⁴⁹ В мае–октябре 1843 г. А. Гакстгаузен совершил путешествие по ряду губерний России. В Москве он познакомился со славянофилами Ю.Ф. Самариным, К.С. Аксаковым, И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым. Плодом поездки Гакстгаузена явилось трехтомное исследование: “Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands” («Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России»). Т. I—II. Ганновер; Берлин, 1847; т. III. Берлин, 1852.

⁴⁵⁰ Аутономические начала (от *греч.* “autonomia” — независимость) — самоуправленческие, независимые от государства, принципы организации.

⁴⁵¹ *Fiasco* — полная неудача, крах (*ит.*).

⁴⁵² Герцен цитирует предисловие к русскому изданию книги «Старый мир и Россия» (Старый мир и Россия: Письма Искандера к ред. “The English republic” В. Линтону (1854 г.). Л.: Trubner & Co, 1858).

⁴⁵³ Японский удар — хакари (букв. «распарывание живота», *япон.*), самоубийство вспарыванием живота.

⁴⁵⁴ Нотабли (*фр.* “notables”, от *лат.* “notabilis” — значительный, выдающийся), во Франции XIV–XVIII вв. члены особого рода собрания (собрание нотаблей — *assemblée des notables*), созывавшегося королем для обсуждения государственных, главным образом финансовых и административных, вопросов.

⁴⁵⁵ Герцен обратился к Александру I со словами «Ты победил, Галилеянин!» в статье «Через три года», опубликованной за подписью Искандер в «Колоколе» 15 февраля 1858 г. (лист 9. С. 67–68).

⁴⁵⁶ Миршенье — хранение себя от общения с иноверными.

⁴⁵⁷ Соборование — одно из таинств христианской церкви — помазание тела больных или умирающих елеем (маслом).

⁴⁵⁸ Имеются в виду пожары Апраксина и Шукина дворов, а также многочисленные пожары в других частях Санкт-Петербурга летом 1862 г. (на Большой и Малой Охте, на Ямской, Каретной, Московской улицах, на Песках), которые послужили поводом для распространения слухов о причастии к ним революционной молодежи, студентов. В числе подстрекателей называли и Н.Г. Чернышевского, и А.И. Герцена.

⁴⁵⁹ Серального — дворцового (от сераль — большой дом, дворец (*фр., перс.*)).

⁴⁶⁰ Взгляды Д.С. Милля на личную и общинную собственность изложены в «Основаниях политической экономии», кн. 2 «Распределение», гл. I—II «Собственность».

⁴⁶¹ В примечании Герцен ссылается на статьи Н.П. Огарева, помещенные в приложении к «Колоколу» — газете «Общее вече» 22 августа 1862 г.; 1 и 15 ноября, 1 декабря 1863 г.; 1 января и 15 февраля 1864 г.

⁴⁶² Петрашевцы — осужденные правительством Николая I в 1849 г. участники собраний у М.В. Буташевича-Петрашевского, обсуждавшие социальные вопросы, в том числе социалистическую систему Ш. Фурье.

⁴⁶³ В июле 1834 Герцен и его друзья были арестованы. На допросе ему были заданы вопросы, которые «имели целью раскрыть образ мыслей, “не свойственных духу правительства, мнения революционные и проникнутые пагубным учением

Сен-Симона»» (Герцен А.И. Былое и думы. ГЛАВА XII // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VIII: Былое и думы. 1852—1868 / Под ред. Д.Д. Благого. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 206).

⁴⁶⁴ Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, публицист, переводчик, литературный критик, сотрудник журнала «Современник», один из основоположников «женского вопроса» в России — дискуссии по проблемам общественного положения женщин.

⁴⁶⁵ Имеются в виду «Высочайше утвержденные его Императорским Величеством Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (СПб., 1861).

⁴⁶⁶ Sans phrase — без лишних слов (*фр.*).

⁴⁶⁷ Евнух (*греч.* «eunuchos», букв. «охраняющий ложе») — кастрированный служитель в гареме; ритор — оратор, говорящий пышно и красиво, но малосодержательно, болтун.

⁴⁶⁸ акафист (*греч.* «akathistos» от «а» — «не» и «kathizo» — «сажусь») — гимн, хвалебное церковное христианское песнопение, исполняемое в храме всеми присутствующими стоя.

⁴⁶⁹ 4 апреля 1866 г. террорист Д.В. Каракозов стрелял в императора Александра II.

⁴⁷⁰ По делу Каракозова под следствием находились около двух тысяч человек, 35 из них были осуждены. Большинство осужденных отправилось на каторгу и на поселение, Каракозова и его двоюродного брата Н.А. Ишутина (1840—1879) приговорили к смертной казни через повешение. Приговор Каракозову привели в исполнения в Петропавловской крепости в сентябре 1866 г. Ишутин же был помилован, причем объявили ему об этом тогда, когда на шею осужденного уже была надета петля. Оправиться от случившегося Ишутин не смог: он сошел с ума в тюрьме Шлиссельбургской крепости.

⁴⁷¹ Цидула — письмо, записка, письменное распоряжение.

⁴⁷² Гагарин Павел Павлович (1789—1872). В 1866 г. Гагарин был председателем Верховного уголовного суда по делу Д.В. Каракозова, совершившего покушение на Александра II.

⁴⁷³ Кринолин (*фр.* «crinoline», от *лат.* «crinis» — волос) — жесткая волосяная ткань и юбки, сделанные из нее; позднее широкая юбка на тонких обручах, мода на которые сохранялась в XIX в.

⁴⁷⁴ Нетопырь — крупная летучая мышь.

⁴⁷⁵ нигилизм (от *лат.* «nihil» — ничто) — общественное умонастроение и некоторые стороны идеологии и поведения значительной части русской молодежи конца 50—60-х годов XIX в. характеризовавшиеся позицией жесткого отрицания, проповедью разрушения ради самого разрушения, высмеиванием всего, «что дорого всякому образованному и культурному человеку», издевательствам над всякими проявлениями прогресса в русской жизни, отсутствием положительных взглядов адептов «теорий, создаваемых из ничего».

⁴⁷⁶ Осип Ивановичем Комиссаров-Костромской (1838—1892) — костромской крестьянин Комиссаров, шапочный мастер, 4 апреля 1866 отклонил руку террориста Каракозова, стрелявшего в императора Александра II, за что был возведен в потомственное дворянство с фамилией Комиссаров-Костромской.

⁴⁷⁷ Имеются в виду «Сцены у мировых судей», опубликованные в петербургской ежедневной политической и литературной газете «Голос» 1 сентября 1866 г.

⁴⁷⁸ Скорее всего, Герцен имеет в виду «Le Nord» — бельгийскую ежедневную политическую газету прорусского направления, выходившую на французском языке в Брюсселе.

Огарев Николай Платонович — поэт, публицист, пропагандист
русского социализма

Родился 24 ноября 1813 г. в Санкт-Петербурге в богатой дворянской семье. Рано потерял мать, детство провел в родовом имении — селе Старое Акшино Инсарского уезда Пензенской губернии. С 1820 г. жил в Москве, где было положено начало его многолетней дружбы с А.И. Герценом. В 1829 г. Огарев на правах вольнослушателя поступил в Московский университет, посещал лекции на трех отделениях: физических и математических наук, словесных наук, нравственных и политических наук. Курса не окончил, оставив университет в 1833 г. В 1832 г. начал службу в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в должности «актуариуса». Увлекался идеями французских социалистов-утопистов, особенно сенсимонизмом. С 1831 г. вокруг Герцена и Огарева сложился кружок молодежи, собиравшейся в доме последнего. В 1834 г. члены кружка были арестованы, в 1835 г. Огарева сослали в Пензу «на службу под строгий надзор местного начальства и наблюдение отца», где числился коллежским регистратором в канцелярии пензенского гражданского губернатора, на племяннице которого женился в 1836 г. После смерти отца (1838), став наследником огромного состояния, попытался осуществить социальные эксперименты: за небольшой выкуп отпустил на волю 1820 крестьян, проживавших в его вотчине — с. Верхний Белоумут Рязанской губернии (малоимущих тут же закабалили богатые крестьяне), воплощая «индустриальные» идеи на практике, попытался заменить барщину вольнонаемным трудом, построил в своих селах суконную фабри-

ку, сахарный и винокуренный заводы, купил Тальскую писчебумажную фабрику в Симбирской губернии, начал лесные промышленные разработки, постройку речных судов, открыл в с. Старое Акшино больницу, разработал план организации фермы-школы для обучения крестьянских детей и т.д.

В 1841—1846 гг. был за границей, слушал лекции по философии и естественным наукам в Берлинском университете, посещал медицинскую школу в Париже. С 1846 г. большую часть времени жил в своем имении, занимался хозяйственной деятельностью. В 1848 г. сошелся с Н.А. Тучковой, которая официально стала его женой в 1853 г. (С 1857 г. Тучкова-Огарева — гражданская жена А.И. Герцена.) В 1850 г. Огарев подвергся аресту, несколько месяцев провел в заключении, был отдан под надзор полиции и лишен права выезда за границу. В 1856 г. добился разрешения выехать в Италию «для лечения», оказался у Герцена в Лондоне. Отказался выполнять указ Сената и предписание Пензенского губернского правления с требованием его возвращения в Россию (1859), за что в 1860 г. был лишен «всех прав состояния, подвергнут вечному изгнанию из пределов государства». В Лондоне вместе с Герценом возглавил «Вольную русскую типографию», издавал литературный и общественно-политический альманах «Полярная звезда» (с 1856 г.), газету «Колокол» (1857—1868) с приложениями «Под суд» (1859—1862) и «Общее вече» (1862—1864), сборники «Голоса из России» (1856—1860), «Думы» К.Ф. Рыльева (1860), «Русская потаенная литература XIX столетия...» (1861), и др.

Огарев — автор поэм и множества стихотворений, ряд которых был положен на музыку А.А. Алябьевым, П.И. Чайковским, Р.М. Глиэром и другими композиторами. Первые поэтические опыты Огарева появились в печати в 1840 г. В 1856 г. в Москве вышел сборник его стихов. В эмиграции поэзия стала частью революционной деятельности Огарева — он выпустил поэму «Юмор» (1—2 части, Лондон, 1857; 3-я часть, Женева, 1868) и сборник своих стихотворений (Лондон, 1858), многие его стихотворения были опубликованы в «Колоколе», «Полярной звезде», «Общем вече», выпускались как листовки. Огарев принял участие в подготовке и издании нескольких песенных сборников: «Солдатские песни» (1862), «Свободные русские песни» (1863), «Лютня: Собрание свободных русских песен и стихотворений» (1869), «Вольный песенник» (1870). Помимо поэтических произведений перу Огарева принадлежит большое количество статей, брошюр и прокламаций. В своей политической публицистике он затрагивал огромное количество так называемых вопросов русской жизни, главными из которых стали вопросы освобождения крестьян и определение роли русской сельской общины в дальнейшем развитии страны. Так, в цикле статей «Русские вопросы» (1856—1858), посвященном условиям и методам ликвидации крепостного права в России, Огарев предпринял апологию русской земельной общины, общинного начала, которое отождествлялось им с социализмом, а в цикле статей «Частные письма об общем вопросе» (1866—1867), попытался определить

особенности русского социализма и специфику «русской перестройки». В этом отношении он явился не только истолкователем и пропагандистом герценовских идей, но и внес свой вклад в развитие теории русского социализма.

С 1865 г. Огарев жил в Швейцарии, куда переместилась Вольная русская типография, активно участвовал в делах русской политической эмиграции, контактировал с П.Л. Лавровым, М.А. Бакуниным и С.Г. Нечаевым, участвовал в издании нового нечаевского «Колокола» (1870). В 1873 г. вновь переехал в Англию. Умер после эпилептического припадка 31 мая 1877 г. в Гринвиче, близ Лондона. В 1966 г. его прах был перевезен в Москву, на Новодевичье кладбище.

СОЧИНЕНИЯ

Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1–2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952–1956.

ЛИТЕРАТУРА

Дудко И.Г. Политические и правовые воззрения Н.П. Огарева. Саранск, 1995.

Конкин С.С. Николай Огарев. Жизнь, идейно-творческие искания, борьба. Саранск, 1982.

Путинцев В.А. Н.Огарев: Жизнь, мировоззрение, творчество. М., 1963.

Рудницкая Е.Л. Огарев в русском революционном движении. М., 1969.

РУССКИЕ ВОПРОСЫ¹. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

В последнее время вопрос о русской общине возбудил толки в литературе и внимание в публике. Что такое община? — спрашивали любопытные. Это коренное, исключительно славянское устройство общества, идеал всего сущего, к которому мы должны стремиться, или лучше сказать не должны от него уклоняться, принимая разные нововведения ее русские, следственно никуда не годные, и нам надо восстановить и сохранить общинный быт во всей его первобытной чистоте, т.е. чем ближе к наидревнейшему порядку вещей — тем лучше. Вот что отвечала одна сторона. Другая сторона отвечала, что общинное устройство не есть исключительно русское, а являлось у всех варварских народов, как первоначальная форма общественного устройства в младенческом возрасте государственного развития, что общинное устройство даже не было нормой русской жизни в дальних веках, а водворилось в XVIII сто-

летию вследствие распоряжений правительства, которое для основания государственного порядка должно было кочующий или лучше бродящий народ сделать крепким земле и заставить жить и трудиться на определенных местах. Поднялся спор. Вопрос сделался археологическим, т.е. перестал быть живым. Из среды действительности и ее возможного развития ударился в изыскания о прошедшем, весьма важные без сомнения, но нисколько не подвинувшие решения задачи будущего русского развития. Враждующие стороны остались каждая при своем. Одна, находясь в направлении равно безумном и преступном обратного шествия, видит будущность назад, смотрит вперед затылком; другая просто разрабатывает историю, добросовестно и с пользой для науки, но не дает ничего прилагаемого к дальнейшему развитию современной действительности.

Вот что делает литература. Чего же требует общество? Общество требует средств выйти из состояния тяжелого, везде встречающая косность, останавливающую проявление его живых сил, отсутствие правосудия и присутствие учреждений, мешающих ему жить и двигаться. Общество требует, чтоб ему указали его больные места и средства врачевания. Ему решительно все равно существовала ли община при Рюрике², или установилась при Петре³. Для него крестьянская община в России — факт, и оно спрашивает должен ли этот факт рушиться и уступить место другим общественным формам, или он может иметь свое живое развитие, свою будущность? Во всяком случае, что теперь делать? Бездейственно оставаться в тяжелом состоянии нельзя и опасно. Все может рухнуть от какого-нибудь дикого столкновения. Литература дает археологические прения; общество требует реформы. Оставим литературу в стороне и станем искать с обществом решения животрепещущих вопросов.

Крестьянская община в России — факт, и тут сила обычая так велика, что его изменить невозможно. Община владеет землей и дает своим членам участки в пользование; эти участки для хлебных посевов распределяются вследствие трехпольного севооборота⁴ на три года. Огороды составляют владения подворные так, как и гумны⁵. В общем владении лугами каждый имеет свой пай⁶. Выгоны общие⁷. Избу, скот, полевые орудия каждый имеет на свой

* По смыслу устройства каждый должен бы иметь свой пай в пользовании лесом, что и существует у немногочисленного сословия свободных хлебопашцев; но по смыслу узаконений лес принадлежит помещику или правительству и пользование лесом дозволяется крестьянам помещиком или администрацией при различных условиях.

счет. Земля делится по тяглам⁷; следственно при уменьшении тягол участки больше, при приращении тягол участки меньше. Вот весьма несложное, всякому русскому известное распределение собственности у крестьян. Общинная собственность — исключительно земельная; всякая остальная крестьянская собственность — собственность личная. Земельная собственность — не наследственна, личная собственность — наследственна.

Что же тут худого и почему крестьянин находится в жалком положении? Почему он необразован и беден, и живет грязно? Что он необразован — это факт; об этом никто спорить не станет, разве те, которые сочтут идеалом общественной жизни все невежественное, лишь бы оно было русское. Что крестьянин в жалком положении относительно средств существования и образа жизни, об этом тоже никто спорить не станет, кроме тех, которые своекорыстно захотят утверждать, что комфорт крестьянина должен ограничиться исключительно неумиранием с голода. Это сгнетенное и невежественное положение крестьянина есть ли следствие общинного устройства, или следствие других причин, или следствие общинного устройства и других причин вместе?

Что же худого в общинном устройстве, т.е. в общинном владении землею? Едва ли кто-нибудь, глядя на предмет прямо, без посторонних соображений, скажет, чтоб в этом устройстве лежало непроходимое зло для человека. Но многие, рассуждая по аналогии, скажут, что образованные европейские народы вышли из общинного быта, отбросили его и что следственно общинный быт не годится как младенческое состояние общества, несовместное с развитием образования. Но отбросили ли образованные европейские народы общинный быт добровольно, встретив в нем препятствие своему развитию, или они отбросили его вследствие влияний чуждых внутренней жизни народов, а именно — вследствие завоеваний и дележа земли между завоевателями? Феодализм отнял земельную собственность у народов и сосредоточил ее в руках немногих. В Англии это сосредоточение осталось неприкосновенным. В других государствах, переходя из рук в руки, земельная собственность раздробилась на клочки, составившие отдельные владения частных лиц. Доказывает ли это, что общинное устройство, сложившееся в младенческом состоянии обществ, несовместно с дальнейшим развитием образования? Нисколько. История может доказать только, что общинное устройство, если оно лежало в основе европейских обществ, было вытеснено совершенно внешними причинами. Раз вытесненное — конечно, оно не могло проявиться в развитии европейского образования.

Но если современное положение европейских народов и сложилось не из общинного устройства, то еще вопрос — хорошо ли это положение?

В Англии сосредоточение земельной собственности в немногие руки повергло большинство народонаселения в страшную нищету. Развитие сосредоточения собственности, с одной стороны, и нищеты — с другой, не останавливается и теперь. В 1786 году почва Англии принадлежала 250,000 корпораций и собственников; а уже в 1822 году только 32,000^{*8}. Нищета растет соразмерно; образование низших классов равно нулю, страдания их равны бесконечности. Куда вынесет Англию это ужасное положение — неизвестно, но мы безошибочно можем заключить, что сосредоточение земельной собственности заставляет ее страшно страдать в настоящем и грозит в будущем еще большими бедствиями. Земельная собственность, сосредоточенная в нескольких руках, переходит посредством найма от крупных фермеров к постепенно мелким фермерам и до простого работника, на которого следовательно обрушивается отрицательно вся сумма предшествующих выгод землевладельцев и фермеров, т.е. все выгоды землевладельцев и постепенно понижающиеся выгоды крупных и мелких фермеров соединяются в одну невыгоду для работника. Очевидно, что такое положение народа невыносимо и если не исправится путем реформы, то рано или поздно государство лопнет как кратер.

Дробное землевладение представляет также весьма шаткий вид. Возьмем в пример Францию. Около двух третей народонаселения землевладельцы^{**9}. С 1789 года народонаселение увеличилось на 8 миллионов; но земледельческое население находит средства к прокормлению себя. Земледелие в хорошем положении. Путешественники сравнивают с садом вид возделанной почвы. А между тем Франция бедствует. Кровавые революции повторяются судорожно и бесплодно, принося вместо гражданской свободы позорный деспотизм, и всегда снова готовы вспыхнуть и потухнуть, не имея силы создать общественную форму, удовлетворяющую народным потребностям и это в то время, когда дробное землевладение обеспечивает две трети народонаселения; следовательно, несчастье падает только на одну треть. Действительно, вопрос поставился так, что две трети населения могут в обрез прокормить себя, а треть населения должна гибнуть. Попробуйте сделать эту треть участницею в землевладении, тогда вы подымете две трети мелких

* Emerson, English Traits. Chap. XI. London, 1856 — надо вдобавок заметить, что Эмерсон поклонник Англии.

** Laing. Notes of a traveler. Vol. I, chap. 2. London, 1854.

землевладельцев, которые не захотят уступить своей собственности. А между тем самая эта собственность, подразделяясь по праву наследства между членами семейства, должна с увеличением народонаселения дойти или до нелепой дробности, или вытолкнуть еще часть народонаселения из среды землевладельцев в среду бездомных работников, т.е. ограничить дробность и удариться в маюрат¹⁰ и сосредоточение земельной собственности в немногие руки. Положение безвыходно. В Германии уже начинается доказательство справедливости нашего замечания: в Баварии и Нассау правительство ограничило законом меру дробности земельной собственности; Прусское правительство предлагало то же в Рейнских провинциях^{*11}. Во Франции, Швейцарии, Германии и вообще во всех странах, где дробность земельной собственности выходит из пределов возможности для большей части собственников продолжать свои семейства, земледельческое население ищет выхода в воздержании от произведения детей. Насколько этот принцип естественен и возможен, надолго ли он поможет сводить концы, — предоставляем судить самому читателю. Конечно, такое воздержание лучше, чем случаи, так часто повторяющиеся между бездомными работниками (особенно в Англии), когда отцы и матери убивают детей, чтоб иметь возможность прокормить остающихся в живых; но тем не менее особенной нравственной прелести не лежит и в этом воздержании, которое можно назвать предубийством.

Половники (*métayers*¹²), снимающие из полу¹³ господские земли, хотя по большей части представляют в Европе довольно несчастное народонаселение, но в некоторых местностях Италии находятся в состоянии довольства. Так, Сисмонди^{**} восхваляет состояние крестьян-половников в Val di Nievole в Тоскане¹⁴. Тут землевладение сложилось из двух начал: из аристократической земельной собственности и дробного найма, который по обычаю (не по закону) сделался наследственным в семействах так, что одни и те же семейства из рода в род сидят на тех же землях с незапамятных времен. По обычаю, т.е. по традиционной привязанности к одним местам, половник считает себя столько же землевладельцем, как и самый собственник. Для земледельца сложилось положение более чем сносное из двух форм землевладения — аристократической и дробной — из которых каждая порознь ставит Европу на край гибели. Но и тут удачный результат не столько

* Stuart Mill. Principles of political economy. Vol. I, chap. 7. London, 1852. Third edition.

** Sismondi — Nouveaux principes d'Economie Politique, liv. III, ch. 5.

относится к соединению слишком внешнему двух разнородных начал, сколько к способу уплаты найма, по которому все невыгоды падают на собственника, а не на наемщика. Половник платит наем условленной частью произведений, а не ценою, условленной на наличные деньги. Следственно, все несчастные годы падают на счет собственника, и сверх того обычай ставит на его счет поземельные налоги и расходы по тяжбам. Но при всем том Сисмонди, выставляя довольство и нравственность населения, приходит к следующей, наивно восхваляемой им картине: «Никогда в одном и том же семействе несколько сыновей вдруг не женятся и не составляют новые пары; один из них женится и берет на себя попечение о домашнем быте; ни один из его братьев не женится, разве только когда у женатого нет детей, или когда одному неженатому предлагают половничество в другом месте». — Из этого мы можем заключить, что и тут дробное землевладение потому не приводит население в несчастное положение, что ставит само себе границы и образует род маиората, осуждая члены семейства, кроме одного, на безбрачие. Вот лучший, хотя исключительно местный результат дробного землевладения там, где обычай ставит границу дробности. Там же, где нет границ дробности землевладения, оно доходит до нелепости и более или менее выталкивает часть народонаселения в бездомничество и нищету.

Итак, две формы земельной собственности, которые развило европейское образование, — сосредоточение ее в несколько руки и подразделение в бесконечность — поставили Европу в самое тяжелое, бедственное положение, которое до сих пор безвыходно. Уроdlивость сосредоточенной земельной собственности в общем экономическом положении народа слишком очевидна и не требует доказательства. Дробное землевладение еще может иметь свою привлекательную сторону для мыслителя. Воображению является человек — отец семейства, у которого свой собственный, маленький участок земли; на нем он поставил свой уютный, чистенький домик; вся семья с тщательной любовью трудится над возделыванием своего маленького участка и все цветет и зреет под влиянием их наблюдательного труда; весело смотреть на их заботливо содержащий скот, весело видеть их несложный, но сытный обед. И между тем они свободны, они полные хозяева своего дома и участка. Тут есть даже что-то идиллически прекрасное. И между тем эта форма землевладения увлекает государство к гибели, когда треть людей не участвует в землевладении и не имеет ни дома, ни пристанища, и когда участки, мельчая по праву наследства, становятся недостаточными. Из идиллии мы переброшены к картинам

нужды и страдания. Невольно приходишь к мысли, что если б все люди в государстве могли иметь участок земли и если отнять право наследства, доводящее дробность участков до нелепости, — то дробное землевладение еще могло бы быть лучшей формой земельной собственности. Эти два условия, при которых дробное землевладение не губительно, мы находим в общинном землевладении наших деревень. Что же русский крестьянин как не мелкий землевладелец, который не имеет права раздробить своего участка порядком наследственного раздела? И что же русский крестьянин как не человек, всегда имеющий долю в общинном землевладении и, следовательно, никогда не бывающий бездомником? Он волен отдать свой участок в наймы и уходить на дальние заработки, но все же его право на место для дома и на земельный участок в общине — неотъемлемо. Он никогда — не пролетарий. Но может быть у нас отсутствие пролетариата происходит оттого, что еще слишком много земли и народонаселение не так тесно, чтобы кого-нибудь выбросить вне права на земельный участок и что с увеличением народонаселения при малоземелии общинное устройство дойдет до таких же бедственных результатов, как и дробная собственность в Европе? Если так, то, конечно, общинное землевладение не содержит никакого зачатка развития более прочного, чем дробная собственность, потому что всегда можно вообразить, что наконец земли будет мало для населения, и на этом основании мы можем придти только к заключению, что дело не в форме землевладения, а в количестве земли на душу. Но это не совсем так, и основания отношений между владельцами земли и способ владения ею играют свою роль в счастье и бедствии народов.

Революция 1789 года¹⁵ требовала гражданских прав. Буржуазия требовала права на самостоятельность. Крестьянин требовал, чтобы его не давили дворянские преимущества. Уже Тюрго¹⁶ замечает, что крестьяне бедствуют, потому что весь налог падает на них, а землевладельцы, т. е. дворянство, избавлены от налога*. Революция изменила гражданские отношения; крестьянин сделался собственник; землевладение перешло в дробное. Но вот с тех пор прибавилось 8 миллионов ртов и новая революция, и та революция, которая теперь в народном сознании, — требует изменения устройства земельной собственности. С другой стороны, все утешение, которое представляют экономисты, заключается в том, что будто при воздержании от детопроизводства относительное

* Turgot. — Mémoire sur la Surcharge qu'éprouvait la Généralité du Limoges, adressé au conseil d'état en 1766.

участие в дробном землевладении не должно меняться*, что будто смертность и рождения и распределение браков сыновних и дочерних должны сохранять постоянно одно и то же отношение в числе землевладельцев, т.е. что всегда будет столько-то землевладельцев с тысячею фунтов стерлингов дохода, столько-то состами ф., столько-то с десятию фунтами**, забывая при том, что уже теперь дробные земельные собственности во Франции заложены в двойной стоимости и что собственники платят по 5% кредиторам, получая дохода с земли *maximum* 3%. В этом утешении два ложных основания: 1) в расчет не взяты люди, вовсе не имеющие собственности и 2) взято в расчет условие воздержания, не подлежащее никакому контролю. Таким образом, это утешение ничего не доказывает, и революционное требование изменения земельной собственности остается в своей силе.

Теперь представьте себе общинное землевладение при малоземелии, неудовлетворяющем чрезмерности населения. Во всем этом населении никому, однако, не отказано в земельном участке; несобственника нет, и у всех участки равны. Жаловаться придется наконец только на ограничение государства или земного шара. Изменения способа землевладения требовать нельзя, потому что участки распределены справедливо; к революционному кровопролитию нет повода; людям остается два естественных выхода — выселок¹⁷ и усиление артельной промышленности. Выселок при общинном устройстве имеет естественное стремление к общинной колонизации на новой почве. Выселок при дробном землевладении совершается отдельными лицами, предпринимающими путешествие на авось для приискания заработка. Германско-ирландские переселения в Америку совершаются или слишком мелкими землевладельцами, или совершенными бездомниками, имея в виду перед собою опять бездомничество; вся надежда на скорейшее приискание работы и лучшую заработную плату. Наем работников в Европе основан на конкуренции; но Стюарт Милль справедливо отрицает существование этой конкуренции; какая в сущности может быть конкуренция там, где необходимость пропитания заставляет людей решаться на какую бы то ни было чрезмерно низкую цену труда и какую бы то ни было чрезмерно высокую цену найма

* Странно, что экономисты не хотят знать, что дети рождаются и помимо браков, что воздержание от детопроизводства законного может быть вознаграждено детопроизводством побочным и что побочные дети также приращают народонаселение, но народонаселение бездомников, и, следовательно, все же необходимость реформы земельной собственности растет.

** Stuart Mill, *idem*.

земли? Отдельный мелкий собственник и бездомник равно дома и при переселении пропадают под тяжестью давящей его системы землевладения. Во Франции только теперь, после страшных бедствий и неудач революций, работники начинают соединяться в артели¹⁸; между тем как у нас артель выходит непосредственно из оснований общинного землевладения. В каждой деревне, где крестьяне занимаются каким-нибудь мастерством, вы найдете, что они соединяются в артель; также артелью они идут работать на фабрики. У них развился общинный смысл. Таким образом, мы логическим путем придем к заключению, что общинное землевладение представляет более выгоды для народа и более прочности для государства, чем сосредоточенная и дробная форма землевладения.

С другой стороны, наблюдение показывает нам, что в Европе развилось уважение к неприкосновенности лица, неприкосновенности дома (home), неприкосновенности собственности, понятие чести, гласность суда и мнения, гласность законодательных собраний, развилась наука, наконец, и самое земледелие, и промышленность, словом, все, что мы привыкли соединять в понятии образованности. Между тем в России наглость обращения всякого мало-мальски высшего с низшим и крепостное состояние доказывают совершенное неуважение к лицу. Ни единый человек, выше тебя поставленный, не постыдится оскорбительно и нахально переступить порог твоего дома, особенно если этот дом — изба. Понятие чести замерло перед этим нахальством. Личность не выработалась до самостоятельности, и несмотря на нашу храбрость в бою, гражданская трусость сделалась нашим отличительным свойством. Всякая защита своего права и правды у нас считается бунтом, а подлость, если не доблестью, то, по крайней мере, делом естественного порядка вещей. Крепостное состояние и чиновничество стерли неприкосновенность собственности. Судят и осуждают людей втихомолку, основываясь на подкупе, лицеприятии и притеснении. Мнению высказаться вслух нельзя и на устах русского лежит печать молчания. Какие постановления делает администрация, какие распоряжения, куда девают все суммы, не мытьем, так катаньем собираемые с народа, — никому неизвестно, как будто никто этим не заинтересован, как будто России дела нет до того, что с ней делают. Даже само правительство по большей части не знает, что делает администрация и не имеет никакой путеводной нити для проверки отчетов, потому что действительная проверка и гласность нераздельны. Наша наука отстала, наша промышленность и особенно наше земледелие в совершенном младенчестве. В праве ли мы заключить, что образованность выросла на почве

разъединенного землевладения и не выросла на почве общинного устройства? Едва ли.

Феодализм развил в Европе понятие чести и неприкосновенности лица; революции утвердили неприкосновенность собственности. Нигде феодализм не достиг такого развития, выросши и оставшись на основаниях сосредоточенного землевладения, как в Англии, и нигде понятие неприкосновенности лица не пустило такие глубокие корни в общественном мнении. Полицейский никогда не является в виде какого-то забияки, который так вот сейчас и схватит вас за ворот, чуть ему что не понравится. Английский полисмен уважает в вас личность человека и никогда не арестует вас, если ваш поступок не поименован в законе, как случай подлежащий аресту. Уважение к дому развито так, что полицейский не имеет права арестовать вас на квартире без судебного приговора. Уважение к лицу естественно ведет за собою такое уважение к независимости мнения, что шпионство невозможно. Лондонские полицейские отказались служить министерству политическими шпионами и грозили подать в отставку, если бы им стали делать предложения подобного рода. Но, разившись в эту сторону уважения к лицу, Англия достигла в этом и до уважения полной свободы лица умереть с голоду. Сосредоточенность землевладения сосредоточила и уважение к лицу только для собственника — понятие чести только для собственника. Для собственника и то и другое существует действительно. Но для несобственника это уважение становится делом пустого формализма. Когда Ирландские лорды хотят свои поля обратить в луга для скотопромышленности, они сгоняют население в сотни тысяч душ, нанимавших их земли, и сотни тысяч душ идут частью умирать с голоду, частью как попало на скорую руку переселяться в Америку. Очевидно уважение к лицу и собственности лордов действительно, а уважение к лицу наемщика земли мнимое, формальное. В самой Англии подобного происшествия не может случиться от землевладельца к наемщику, потому что наем земли делается обыкновенно фермером капиталистом в большом размере и по долголетнему контракту; но оно становится возможно при передаче большого участка земли от оптового фермера мелким фермерам и повторяется ежедневно в отношениях фермеров к поленному работнику-хлебопашцу. Воображение не так поражено при виде этих частных отдельных несчастий, как при виде сплошного несчастья ирландского народонаселения, но сумма этих отдельных несчастий немногим уступит сумме их в Ирландии. Такое и общее мнение скажут, что работник, конечно, волен ехать в Америку, если желает,

или приискать себе другую землю, или работу, если на то его воля. Закон и общее мнение в этом случае лицемерные формалисты и, выставя на показ самостоятельность лица, проходят молчанием то, что у этого лица отняты все материальные средства к независимости и свободе. Феодализм развил самостоятельность лица так, что правительство должно действовать в границах невмешательства в частные и судебные дела и двигаться исключительно в сфере администрации, обязанной давать парламенту отчет в своих действиях. Все это составляет высокое гражданское развитие, и все это пришло к бесплодному формализму, потому что рядом с формальной прочностью гражданской свободы создало новый вид рабства, при котором для большинства народонаселения гражданская свобода равна нулю. Среднее сословие¹⁹, развившись в том же направлении сосредоточения движимых капиталов, как феодализм развился в сосредоточение недвижимых имуществ, совершенно усвоило себе формальность гражданской свободы, всегда оставляющую все выгоды на его стороне в ущерб народонаселению, не имеющему собственности. Результаты английского формализма выходят следующие: 1) Всякий волен искать своего права по суду, но он должен внести в обеспечение иска сумму равносильную проторям²⁰ и штрафам в случае проигрыша иска; таким образом, бедный человек не в состоянии даже начать отыскивать свое право. Суд и правосудие существуют только для меньшинства. 2) Даже и для собственников страх судебных издержек дошел до того, что законодательство предоставило на волю тяжущимся быть судимыми присяжными (jury), что стоит дороже, или просто судьей; в уголовных делах королевский юрист решает способ преследования дела по своему усмотрению, и, таким образом, суд присяжных назначается только для самого небольшого числа дел²¹. 3) Наконец, самые присяжные избираются исключительно из числа собственников, и несобственник может ожидать не суда, а только осуждения. 4) Адвокатство по наследству образовалось в касту, которой плата за делопроизводство составляет огромный грабёж, утвержденный узаконениями. 5) Все судебные и административные места, покупные на законном основании, даже военные чины. В других странах приобретение судебных, административных и военных мест за деньги считается подкупом; в Англии это законная покупка. Таким образом, все места заняты в пользу меньшинства. 6) Наука и грамотность составляют удел меньшинства; большинство невежественно до дикости. 7) Свобода печати и мнения

¹⁹ Bücher. — Der Parlamentarismus wie er ist. Berlin, 1855.

устранена дороговизною права на издание журнала или какого-нибудь рода сочинений, содержащих новости (news), и недоступностью клубов и библиотек для небогатых людей*. Свобода печати и мнения существует только для меньшинства; большинству нигде высказаться, потому что это слишком дорого. 8) Сельское хозяйство и промышленность, хотя бы и улучшались, улучшаются только ко вреду большинства, потому что каждое улучшение, совершаясь в пользу сосредоточенной собственности, отнимает какие-нибудь выгоды у народа. Так, дешевизна фабричных изделий всегда сопряжена с понижением заработной платы и увеличивающейся дрянностью изделий. Индустрия вместо успеха становится только надувательством со стороны собственников. Так, огромность земледельческих оборотов, требуя быстроты в работе, даже препятствует улучшению сельского хозяйства и постоянно только стремится к понижению заработной платы и повышению найма. 9) Интересы собственников дошли до того развития, что парламент, их представитель, сделался формальным собранием, никогда не составляющим действительной оппозиции администрации и дозволяющим ей все, лишь бы она работала в смысле собственников.

Таким образом, начало сосредоточенного землевладения развилось в Англии в самостоятельность личности и правосудия для меньшинства, давящего большинство всем формализмом узаконений. Уроdlивость такого экономического и юридического состояния общества перебросила искренних людей в чартизм²², т.е. в стремление к изменению настоящей формы землевладения. Это возникающее направление и упорство английского консерватизма готовят Англии будущность невообразимых ужасов. Натянутость положения едва ли допустит развитие постоянной реформы, которая была путем Англии до ее революции, до образования конституционной монархии. С тех пор Англия окристаллизовалась в каком-то консервативном китаизме и едва ли ей теперь доступна благоразумная мягкость постоянной реформы.

Иначе развились интересы на западном континенте Европы. Раздробив землевладение на частные, мелкие собственности, Франция должна была стремиться к усиленно административной централизации. Отдельная личность самостоятельна, когда сильна; но мелкий собственник ищет защиты своих интересов вне себя. Таким образом, удалив феодализм с старшей линией Бурбонов²³, Франция сменила его на чиновничество.

* Bücher. — Idem.

Администрация, защищая права дробной собственности, поглотила жизнь общественную и самостоятельность лица. Неудавшаяся революция привела прямо к безграничному деспотизму. В 1830 г. в Департаменте Indres-et-Loire²⁴ считалось по одному чиновнику на 76 человек жителей. Токвиль²⁵ считает для всей Франции по одному чиновнику на 230 жителей. Лэйинг в 1854 г. считает одно чиновничье семейство на 46 семейств. 138,000 чиновничьих мест по расчету Токвиля стоят ежегодно Франции 200 миллионов франков. Замечательно, что это кроме таможенных чиновников и полиции! Прибавьте к этому таможи, полицию и ту часть войска, которая содержится исключительно для охранения общественного порядка, — и для всякого станет очевидно, что на основании дробной собственности выросла во Франции администрация, поглощающая все живые силы народа. Неприкосновенность лица, свобода цензуры и общественного мнения, все поникло перед административной централизацией. Защищая интересы собственности, администрация естественно пришла к тому, чтоб взять под свое покровительство мелкого собственника против несобственника и крупного собственника против того и другого. Таким образом, крупный капитал путем индустрии и таможен обременяет существование мелкого собственника и несобственника; мелкий собственник съезживается и останавливает развитие крупной торговли тем, что ничего не покупает!.. Внутренняя враждебность общества усложняется. Администрация и крупная собственность стали в враждебность интересов против мелких собственников и несобственников; мелкие собственники против крупных собственников и несобственников; несобственники против тех и других.

При таком положении разъединения интересов конечно только централизация может дать внешнее единство, которое бы ненадолго поддержало status quo. Наука осталась занятием миноритета²⁶ как дело недоступное не только для несобственника, но и для мелкого собственника; им заниматься ею некогда. Невежество земледельческого класса во Франции признано всеми, кто сколько-нибудь знает Францию. Наука, как занятие миноритета, служит интересам собственников и администрации. Притесненное большинство народонаселения, стоящее вне науки, не могло уяснить себе своего недовольства и вопросов общественной реформы с научной отчетливостью и, удовлетворяясь революционной фразеологией, готовится к взрыву без определенных понятий. Но одна мысль, у всех бродящая почти на степени предчувствия,

это реформа права собственности, изменение дробной собственности в общинную.

То же движение, хотя может и еще смутнее, бродит и в Германии, также склонившей голову перед административной бюрократией.

Но мы ограничимся этим быстрым, далеко неполным очерком Франции и Англии, тем более, что в Германии русский ум не найдет что перенять, перед чем остановиться с тем уважением, как например перед гражданскою самостоятельностью лица в Англии. Германия не развила ни самостоятельности лица, ни громадной индустрии; она развила метафизику и бюрократию. Распространяя в народе грамотность, германская администрация не довела ее до общественного образования, несмотря на все частные попытки популяризировать науку. Выросши на враждебно смешанных основаниях аристократической и дробной собственности, Германия дошла до экономических результатов, подобных результатам тех же начал во Франции и в Англии, и вместе с тем до того же бродящего втайне стремления изменить существующие формы разьединенного землевладения в землевладение общинное.

Но, скажут нам, идеал общинности, к которому стремится Европа, совсем не то, что общинное землевладение у наших крестьян, которое только форма землевладения, бывшая вообще у народов в младенческом возрасте их развития. Положимте, что так. Но гораздо же легче идеал общинности развить из формы общинного землевладения, чем из форм собственности совершенно противоположных. На основании противоположных форм землевладения стремление к общинности может идти только посредством насильственных кризисов, потому что надо ломать существующее, между тем как при общинности землевладения надо только оставить это начало свободно, беспрепятственно и естественно развиваться без всяких общественных потрясений. Мы только можем придти к одному заключению, что весьма счастливо, что в России нельзя стереть форму общинного землевладения. Народ не уступит ее никакой силе; как ни бессознателен обычай, но он укоренился и весьма счастливо, если он совпадает с разумностью.

Но на почве общинного устройства выросло совершенное пренебрежение к лицу, крепостное состояние, отсутствие суда и правосудия для народа, также чиновничество, да еще хуже чем на Западе, потому что не подлежит контролю общественного мнения, основанного на самостоятельности лица. Общественное мнение не существует за отсутствием гласности. Образованность и наука достаются также и еще больше на долю самого маленького меньшинства, как и на Западе. Индустрия развилась плохо, земледелие

в совершенном младенчестве. Стало быть общинное землевладение принесло подобные же и еще более горькие плоды, как принесло на Западе сосредоточенное или дробное владение.

Когда правительство прикрепило крестьян к земле, часть из них была прикреплена за помещиком, часть из них подпала под власть чиновничества. Петр Великий принял государство в хаотическом состоянии и должен был для водворения порядка прибегнуть к какому-нибудь чуждому началу, это начало было — бюрократия. Помещик и чиновник составили два элемента, которые разом поставили границу развитию общинного начала и осудили его на пребывание в *statu quo*. Образование России пошло помимо общинного начала. Развивалась только администрация. Помещичество, по обязанности или обычаю служить, слилось с чиновничеством, а не с народом, даже утратило (а может и не имело) характер наивной патриархальности, заменив его плантаторством. Помещик и чиновник не уничтожили общинности землевладения у крестьян; это было для них равнодушно; но только они не дали общинному началу дальнейшего хода. Таким образом, наше судопроизводство не развилось из общинного начала, наша администрация не развилась из общинного начала; а все перенесено целиком из немецкой бюрократии, со всем ее формализмом и варварскими названиями. Помещик общинное управление заменил своим, чиновник своим. Лучшего из этого ничего не вышло, кроме того, что народ отупел.

Возьмите какую-нибудь русскую крестьянскую общину, случайно избавленную от вмешательства помещика и чиновника, и посмотрите как она существует по своему обычаю. Возьмите, например, оброчное имение какого-нибудь помещика, который для общины не более как миф, получающий ленты через плечо в Петербурге. Для общины действительность составляет только оброк²⁷, ежегодно посылаемый мифу. Положимте, что оброк этот невелик и уплачивается легко; а миф — лишь бы получал его — не вмешивается в управление, и крестьяне управляют сами собой; а между тем чиновник боится мифа и не теснит их. Что происходит в этой общине? Она выбирает старосту и сменяет его, если им недовольна. Разделив землю по тяглам, она не вмешивается в частную жизнь человека, лишь бы он нес общественную тягу наравне со всеми. При спорах между собою крестьяне обыкновенно обращаются к старшим, доверяя им рассудить их, т.е. полагаются на третейский суд; в самых важных случаях их разбирает мир²⁸. Оброк и повинности собирает староста и в употреблении сборных сумм дает отчет на миру. Мир (*suffrage universel*²⁹) выбирает и от-

меняет старосту и другие лица, занимающие какие-нибудь сельские должности. Иногда вы услышите жалобы, что мир слишком вмешивается в частные дела и теснит отдельные личности; но заметьте, что вы застаёте общину на степени младенческого развития. Не мешайте ей — из столкновения личности и мирской власти община естественно дойдет до того, что определит случаи, подлежащие и не подлежащие мирскому суду, и оградит личность, предоставив миру только решение дел общественных. Тут человек естественно идет к тому, чтобы устроить свою независимость, сохраняя чувство общественного долга. Диктаторская власть старосты, ограниченная учетом, мирской поверкой его действий и сменой, никогда не переступит своих границ, когда ей вне общины не на что опереться. И потом власть старосты чисто исполнительная; раскладка повинностей зависит от мира. Я знал одно богатое село в Рязанской губернии, где раскладка оброка и повинностей делалась на миру таким образом, что богатый крестьянин платил более в счет повинностей, бедный менее, каждый платил по состоянию; состояние же человека всегда известно общине, как бы кто ни скрывал его для избежания повинностей, падающих на его долю. В этой общине только половина крестьян жила дома; половина разъехалась на заработки во все концы России. Стало быть общинное устройство нисколько не стесняло их образа жизни, лишь бы каждый уплачивал свою общественную повинность. Попробуйте не мешать такому устройству развивать все лежащие в нем зачатки, и взгляд любого экономиста остановится на нем с удовольствием³⁰.

Но вот миф перестает быть мифом, помещик является управлять именем, или присылает управляющего. Положимте — чтоб не касаться безобразия барщинного положения — что перед нами именье все же оброчное. Развитие общины тотчас останавливается. Староста перестает быть избираемым и отрешаемым по усмотрению общины. Он превышает свою власть, опираясь на власть помещика. Третейский суд между крестьянами заменяется судом помещика. Оброк налагается на всех и каждого по воле помещика. Кто из крестьян жил и работал на стороне, призывается домой по воле помещика. Личность крестьянина стерлась; он чувствует, что он раб, он боится и жлет. Этим ограничивается его нравственное развитие. Община остается действительно при своей точке отправления — общинном землевладении, и дальше не может сделать ни шагу вперед.

То же влияние, которое производит вмешательство помещика на крепостных крестьян, производит вмешательство администра-

ции на государственных крестьян. До киселевского министерства³¹ крестьяне были подвергнуты грабительственным набегам земской полиции³². Набеги земской полиции и ныне продолжаются во всех уголовных делах; эти набеги не ссорят земскую полицию с палатою государственных имуществ³³. Оба управления идут дружно; только крестьянам приходится оплачиваться вдвое. Теперь они, кроме набегов земской полиции, подвергнуты грабительственным набегам чиновников палаты государственных имуществ. Но этого мало — администрация достигла путем узаконений до остановки развития общинного начала. Старшина в общине избирается и отменяется с разрешения начальства. Голова избирается волостью, но утверждается палатою государственных имуществ с разрешения губернатора. Отменяется также с разрешения начальства, потому что хотя он и избирается на три года, но может остаться и долее, если начальство его не сменит³⁴. Вместо добровольных судов явились суды неперемные под заглавием сельских и волостных расправ³⁵. Выборы совершаются под угрозой административной розги. Жалованье всем этим крестьянам-чиновникам назначено неперемное, а не по соглашению общины. Превышать свою власть все эти выборные, но начальством утвержденные крестьяне-чиновники, могут всегда, опираясь на палату государственных имуществ. Перед администрацией стерлась личность человека. Администрация поглотила общину, оставив ее при ее точке отправления, т.е. при общинном землевладении, и не пуская развиваться далее. Даже немногочисленный класс свободных хлебопашцев³⁶ министерство государственных имуществ поглотило в общую бездну администрации³⁷.

После этого можем ли мы сказать, к какому развитию способно начало общинного землевладения и в чем оно останавливает развитие образования в государстве? Мы еще не видали развития общинного начала; мы только видим препятствия, которые ему поставлены. Отнимите препятствия и тогда посмотрите.

С одной стороны, мы видим, что сама западная Европа, перепробовав все формы раздельного землевладения, стремится к созданию общинного начала, чтоб вынырнуть из своего тяжелого и опасного положения. С другой стороны, мы видим, что у вас препятствия к развитию образования встречаются не в общине, а в том что чуждо общинному началу и развивается в ущерб ему, т.е. в помещичей власти и бюрократии.

* Управление государственных имуществ, статья 4314.

** *Idem.* ст. 4718 и 6128.

*** *Idem.* ст. 4739.

Однако помещики — единственно образованное сословие в государстве, только их труд и их власть могут распространить образованность в народе, улучшить земледелие и создать рациональное сельское хозяйство. Однако администрация распространила школы и грамотность и устроила примерные хутора для распространения рационального сельского хозяйства.

Это все только похоже на правду, а в сущности — ложь. Помещики, или лучше сказать некоторые из помещиков, действительно составляют образованную часть государства, и это очень счастливо, это очень важно; это показывает, что образованность вошла элементом в государство и что ее не сотрешь. Но это не доказывает, чтобы этот миноритет имел влияние на распространение образования посредством своей власти над крепостными людьми. Этот миноритет растет воспитанием, которое дает своим детям, растет умножением образованных личностей; но чем более он растет, тем более он приходит к сознанию несовместности крепостного права с образованием, к сознанию, что он и не способен распространить образование в народе именно потому, что существует крепостное право. Вместо того, чтобы посредством своей власти образовать крестьянина, помещик, употребляя власть, сам теряет свое образование. Он приходит в столкновения, где действует вопреки своим понятиям и убеждениям. Крестьянин первоначально не может иметь к нему доверия, как к притеснительной власти, и не принимает его поучений. Помещик не поучает, а только приказывает. Да и чем же в сущности помещик до сих пор распространял просвещение между крестьянами? Кое-где неудавшимися школами и хозяйственными нововведениями, больше похожими на шутку, чем на дело? Еще большую массу понятий вводили в народ те помещики, которые без особенной ревности к просвещению, пускались в промышленные заведения просто из коммерческого расчета, как и всякий иной смертный из купцов. Но и тут за приобретение некоторых мануфактурных понятий крестьяне платили усугубленной барщиной и работали с ненавистью к помещику и его промышленному предприятию. Сохраните доброе влияние образованности высшего класса, но перестанем подозревать существование этого влияния там, где его нет, и безбоязненно уничтожим власть, которая мешает общине свободно развиваться.

С своей стороны администрация, если и устроила школы, то, может быть, околостолничные крестьяне воспользовались случаем выучиться грамоте, потому что для них нужда в ней ощутительнее; но уезжайте немного подальше от столицы и вы увидите, что

существуют учителя и здания для школ, а грамотность не распространена. В этом администрация не успела; но в чем она несомненно успела — это в разорении крестьян и остановке общинного развития. Примерные же хутора никогда не принимались ни крестьянами, ни администрацией за серьезное дело; они существуют как шутка, поддерживаются как административная шалость. Да иначе и не могло быть. Администрация вникала не в потребности народного развития, а только создавала и развивала самое себя в систематичность, сотканную из формализма и насилия. К сожалению, администрация, гордая своей систематичностью и самобытностью, смотрит на народ как на жалкую массу, которую нечего развивать по законам ее внутренней жизни, а следует кроить и шить по мерке, изобретенной самою администрацией. Администрация презирует народ и видит в нем только невежественную нелепость, которую надо заменить просвещением, пропитавшим администрацию и пышущим изо всех ее пор. Ошибка, важная уже и потому, что народ насильно толкают по неестественному пути мнимого образования и преграждают ему путь его естественного развития; но, кроме того, ошибка еще большая потому, что в самой администрации лежит не просвещение, а невежественная нелепость на свой манер. Например, администрация услышала, что в Европе сдят картофель и гонят водку из картофеля; администрация тотчас принялась жесточайшим образом пороть крестьян, заставляя их садить картофель. Крестьяне не хотели; от административных розог отделялись взятками, и картофель не вышел из границ огородного растения. Администрация приписала это упорству и невежественной нелепости крестьян. А между тем дело заключалось в простой причине: рожь была дешевле картофеля, сеять рожь было дешевле, чем садить картофель. Очевидно, что картофель, распространившийся в Европе как *pis aller*³⁷, как более дешевая замена недостающего зернового хлеба, не мог распространиться там, где зернового хлеба было достаточно и где его возделывание обходится дешевле возделывания картофеля. Кто же у нас был в этом случае невежа, просвещенная администрация, не понявшая простых экономических данных, или невежественный мужик, просто нежелавший делать того, что ему приносило не прибыль, а убыток?

Пора нам перестать шалить. Благодетельное влияние помещиков и администрации на земледелие и вред, приносимый земледелию общинным землевланием, т.е. делянками земли — ведь это все неправда. Помещики и администрация не улучшили сельского хозяйства у крестьян, и не делянки земли держат его в младенче-

ском состоянии. Говорят, что помещичьи земли лучше обработаны нежели крестьянские. Должны бы быть лучше обработаны, потому что помещику не мешает работать никакое насилие, но лучше ли они обработаны, это весьма сомнительно. Это больше обычное мнение, нежели факт. Все что мы можем сказать, что иногда встречаются помещичьи земли лучше обработанные, а по большей части они так же плохо обработаны, как и крестьянские. Единственно существенное различие между господским и крестьянским хлебом в пользу господского то, что крестьяне продают хлеб по большей части сыромолотный, а господский хлеб сушится, да еще не в овнах, а в ригах³⁸. Это различие наводит нас на мысль, что оно лежит не в рациональности помещичьего и нерациональности крестьянского хозяйства, а в том, что помещик достаточно богат, чтоб выстроить ригу и дать себе время высушить хлеб, между тем как крестьянин спешит намолотить, что сможет, и продать на базаре, чтоб удовлетворить нуждам, не терпящим отлагательства, например, когда с него требуют подать, или взятку вместо подати, почти приставя нож к горлу, или лучше сказать розгу к спине. Это еще не есть различие в способах обработования земли. А взгляните на самые эти способы, они одинаковые у тех и у других. Крестьянин пашет сохой, и помещик пашет сохой; помещики, которые вводят у себя плуг, составляют незаметное меньшинство в Веллкороссии. В Малороссии все пахут плугом: и помещики, и крестьяне. Везде у тех и у других трехпольное хозяйство; помещиков, которые ввели у себя плодопеременное хозяйство, можно перечест по пальцам. Мы уже имели случай заметить, что плодопеременное хозяйство у нас не может принятться по весьма простой причине, потому что корнеплодных растений не требуется на рынках империи и потребность в них не превосходит размеры огородной промышленности. Эта причина, очевидно, проще и решительнее, чем все причины, отыскиваемые в недостатке образования. Я не спорю, что недостаток образования тоже факт, но в этом случае, не в нем дело. Наши рынки не требуют корнеплодных растений, и ни крестьяне, ни помещики не захотят работать над производением, которого некуда сбить. Мало того, наши рынки не требуют даже того количества зернового хлеба, которое земля могла бы производить, и до сих пор ни крестьяне, ни помещики не поставлены в необходимость действительно заботиться о добывании хлеба более, нежели сколько его родится при небрежном возделывании земли. Вот основная причина, почему земледелие в младенческом состоянии.

Россия легко прокармливается тем хлебом, который родится. В самые голодные года цена на хлеб не возвышается до его обыкновенной цены в западной Европе. Наши плодоносные земли приносят менее, чем неблагодарные почвы в Европе; но народ прокормлен, винокуренные заводы в ходу и есть еще излишек для отправки за границу. Никто и не заботится об улучшении земледелия; а когда кто заботится, то это более из артистического чувства в промышленности, чем из живой, торговой потребности. От этого и забота эта кидается в шалость, т.е. внимание помещика-агронома большей частью растрачивается на небрежные опыты перенять изобретения, неидущие к делу, а самое земледелие не улучшается. Пользуясь крепостным правом, помещик имеет досуг пошалить в агрономии и, расплываясь в этом досуге, теряет всякую инициативу в торговле. К нему купец сам приезжает закупать хлеб для отправки в другие губернии и за границу. Ни одному помещику в голову не приходило, что и он мог бы свезти хлеб подалее, чем пристань ближней судоходной реки, или соседний винокуренный завод, и продать повыгоднее. Почти ни один помещик не продает зернового хлеба мукою. Не пройдет десятилетия, и Россия покроется железными дорогами, и возить хлеб в гавани будет легко; а помещики, если бы осталось крепостное право (не говоря уже о том, что барщинная работа плоха) по собственной косности не улучшили бы сельского хозяйства и не стали бы продавать хлеба более, чем теперь. Но, благодаря Александру II, крепостное право скоро исчезнет, и помещик очнется от своей косности и при пособии железных дорог сделается исправным торговцем и станет в самом деле заботиться о количестве и качестве своих произведений. Тогда он действительно употребит капитал и труд на улучшение сельского хозяйства; да и крестьянин, вышедший из под его убийственной родительской опеки, развернет свои силы и станет работать не хуже его. Напрасно Тенгоборский³⁹ (как ни важен его труд как первый опыт сборника статистических сведений о России) полагает, что в дележе земли по тяглам больше причин дурного земледелия, чем в самом крепостном состоянии. Не только в помещичьем крепостном праве мы отыщем более причин к неулучшению земледелия, чем в общинном владении землею, но и у казенных крестьян мы наткнемся на административное насилие как на главную причину невозможности сельским общинам улучшать свое хозяйство. Тенгоборский, может, не захотел договорить этого, потому что он все же был человек официальный и не смел высказывать открыто своего мнения. Серьезно говоря — деланки земли по клочкам, как бы разбросаны ни были клочки, не

могут заставить крестьянина пренебречь обработкой земли, потому что на следующий севооборот такой-то клочок достанется не ему; во-первых, он может достаться и ему; во-вторых, ему нет выгоды дурно работать назло соседу, потому что, работая дурно, он и в этот севооборот получит меньше, да еще должен бояться, что и сосед назло ему станет дурно работать и в результате было бы, что все члены общины живут назло друг другу, — нелепость, которая *de facto* не существует, и, конечно, выгода общины в том, чтобы все члены ее работали исправно. Но обыкновенно думают, что неуверенность в сохранении известного участка порождает нерадение; даже иные крестьяне так думают. Мы очень сомневаемся, чтобы причина нерадения заключалась именно в неуверенности сохранить известный участок, при уверенности все же иметь участок и со временем тот же участок. Нерадение встречается и у отдельных собственников, большей частью тогда, когда отдельная собственность так мелка, что не в состоянии прокормить семью, когда мелкого землевладельца одолевают долги, и он не видит исхода в жизни, и впадает в отчаяние. Надо предположить страшную силу характера, чтобы при таких данных человек не упал духом и продолжал бы хорошо трудиться, несмотря на безвыходность положения. А русский мужик всегда находится в безвыходном положении; барщина — розга, оброк — розга; сегодня день удобен для работы, но погонят на барщину; сегодня мужик хотел заняться каким-нибудь предприятием, но его гонят в извоз; у него руки падают, он оступел, он не знает, что ему делать, вот от чего он нерадив. Это для помещичьих крестьян; то же у государственных: подать — розга; иди работать на дорогу, когда пришло время работать в поле; нейдешь — давай взятку, не даешь взятки — розга. Вот от чего он нерадив; не в сохранении или не сохранении такого то клочка земли он не уверен, — он не уверен в спокойствии своей жизни; все его достояние не обеспечено от насилия помещичьей и административной власти; у него руки падают, он оступел, — вот от чего он нерадив. И то, что все же большинство наших крестьян не нищие — свидетельствует только о выдержке их характера, которая поддерживает человека, несмотря ни на какие насилия. Нашел же Гакстаузен⁴⁰ успешное хозяйство у Менонистов⁴¹, несмотря на общинное владение и дялянки земли; почему?.. Потому что в России наименее притесняют Немцев. (Конечно, никто не подумает, что мы этим изъявили желание притеснения Немцев; мы только желаем, чтоб перестали давить Русских.)

Но если правда, что иные крестьяне думают, что дялянки земель вредны для их хозяйства, если их мнение основательно, — то

дайте общине спокойно и свободно развиваться, она дойдет до более удобного дележа земли своим рассудком и силою обстоятельств. Повторяем: мы и не принимаем общину, как она теперь существует, за идеал общинного устройства, но за основание, за зародыш, за зерно этого устройства, зерно, которое способно к развитию, если ему не будет мешать внешнее насилие.

Говорят, что общинное устройство подавляет свободу лица. Но у нас при общинном устройстве личность не определила своего нрава независимости, община не определила границы своей власти над лицом, потому что им некогда договориться до этого. Личность подавлена помимо общины помещиком, администрацией, безсудием; она не заявляет своих прав перед общиной, потому что это массивное, общинное устройство насколько-нибудь спасает ее от высших насилий. Дайте общине свободно развиваться, она договорится до определения отношений лица к общине; она даст право лицу (как и теперь уже существует, хотя недовольно определено), свободно избирать место жительства, не отстраняясь от общины, или вовсе удаляться от этой общины и причисляться к другой с ее согласия, или сделаться совершенно отдельным собственником, словом, община даст право независимости лицу; но удержит свое право, когда лицо принадлежит к ней, требовать от него подчинения общинности землевладения, участия в общественных повинностях, подчинения общинному судебному приговору.

Говорят, что общинность землевладения при дележе земли дает в результате таких же дробных собственников, как и на западном континенте Европы. Это несправедливо. Мелкий, отдельный землевладелец в Европе передает свою маленькую землю в наследство детям, и она мельчает до тех пор, пока люди не выброшены в голодающие сословия совершенных бездомников. Конечно, такие землевладельцы не имеют возможности улучшить земледелия; они не в состоянии приобрести новой земельной собственности; они не в состоянии переселиться на новую землю; они уходят в поденщики. В нашем общинном устройстве право наследства на участок земли не существует; земли достаточно, пока ее достаточно у общины. Положим, и тут есть граница, после которой является малоземелие, но эта граница приходит не так быстро и не так удручительно, как в дробном, наследственном землевладении. После этой границы люди не переходят в необходимость бездомной поденщины; они только естественно переходят к потребности выселка, колонизации, новой общины, явление, составляющее географическую необходимость в роде человеческом. Зачем обр-

шивать на общинное устройство вину дурного земледелия тогда, когда оно происходит от других причин? А именно: от достаточности хлеба и недостаточности сбыта, от крепостного права и давшей администрации?

У нас расход на улучшение земледелия не был бы покрыт соразмерно усиленным доходом. До сих пор положение земледелия большей частью такое, что чем больше расхода на обработку полей, тем меньше с них дохода. Это явление, не исключительно принадлежащее России, всегда естественно совпадает с несоразмерностью земли и населения⁴². Мы его встречаем, когда земли слишком мало или слишком много сравнительно с народонаселением; в первом случае является невозможность улучшения, во втором — отсутствие необходимости в улучшении. У нас многоземельность при недостаточности сбыта. Улучшенное земледелие западной Европы при легкости сбыта в странах, не только потребляющих весь свой хлеб, но нуждающихся в привозе иностранного хлеба, — вовсе не может быть применено к нашему положению. Мы естественно можем искать себе сравнения, аналогии и предметов достойных подражания и избежания в Америке. Как и Россия — Соединенные Штаты растянуты на огромном пространстве при соразмерно небольшом народонаселении. Первое, что поражает нас в отношении к земледелию, это заграничная торговля хлебом. Россия, несмотря на свои успехи в этой торговле в последнее время, вывозит из 250 миллионов четвертей ежегодно производимого зернового хлеба — максимум 5,700,000 четвертей за границу, т.е. около $2\frac{1}{4}$ % годового урожая; между тем как Соединенные Штаты вывозят из 19,047,875 четвертей (110 миллионов бушелей⁴³) пшеницы — 4,859,623 четвертей (28,063,879 бушелей), и из 79,654,720 четвертей (460,000,000 бушелей) кукурузы — 3,633,742 четвертей (21,052,971 милл. бушелей), т.е. двух сортов зерна (кроме рису и других хлебных растений) из 98,702,625 четвертей — 7,493,365 четвертей, т.е. $7\frac{1}{2}$ % годового урожая⁴⁴. В Штатах для внутреннего продовольствия остается 91,209,260 четвертей на 23,297,498 жителей, т.е. 3,9 четверти на душу; у нас остается 244,300,000 четвертей на 62,000,000 жителей, т.е. 3.6 четверти на душу. В Штатах пахотной земли 43,869,574 десятины⁴⁴ (118,435,178 acres⁴⁵), т.е. по 1,8 десятины на душу; у нас пахотной земли 89,647,000 десятин, т.е. по 1,4 десятины на душу. Очевидно внутреннее продовольствие и число десятин пахотной земли на душу и тут, и там почти одинаково; но результат американского земледелия превы-

⁴² T.D.B. De Bow. "Encyclopedia of the Trade and Commerce of the United States".

⁴³ Tengoborsky, t. IV, p. 252.

шает наш почти на 5%, не говоря уже о том, что в Америке не хлебные растения занимают большее пространство обработанной земли, чем у нас, и следовательно действительный урожай хлебных растений должен давать гораздо более 5% больше, чем у нас. Причины этой разницы могут быть климатические условия и способы обработки. Уступимте климатическим условиям половину; все же результат американского земледелия превышает наш слишком на $2\frac{1}{2}\%$. К тому же добавим, что в заграничной торговле Штатов пшеница и кукуруза составляют только семидесятую долю ценности всего вывоза, а наш зерновой хлеб составляет пятую долю всего вывоза. Промышленное движение Штатов является нам гигантским в сравнении с нашим. В 1845 году наша заграничная торговля простиралась на 441,943,880 франков*; в том же году заграничная торговля Штатов была на 531,253,800 франков, следовательно, почти на 90 миллионов более нашей. Заключение просто: народонаселение слишком вполуполовину меньше производит в промышленном отношении более чем народонаселение вдвое большее, т.е. производит слишком вдвое более. Уделимте половину лишка в пользу климатических условий, выйдет, что оно при равных климатических условиях производит в полтора раза более. Какие же этому причины? Вот они:

1. Штаты по традиции получили образованность, т.е. применимость науки к промышленности, и капиталы. Мы являемся в среду образованных государств на сто лет позже и должны создавать и промышленность и капиталы.

2. Администрация, воображая что может просвещать нас, в сущности мешает нам развиваться. В Штатах администрация выходит из народа и идет с народом и, следовательно, не может мешать его развитию. «Янки как и русские знают тайну пересоздавать степи», говорит Вагнер**46. «Вместо казаков они высылают колонны людей, желающих занять землю, и перед ними исчезают кочевые народы и буйволы. Новая почва населяется и организуется на американский манер, т.е. вместо исправника и русской полиции является общественное устройство, школа, церковь и совестный суд. Община управляется сама собою и преуспевает сама по себе. Руки движутся, красивые жилища устраиваются; кукуруза, пшеница и картофель зеленеют и зреют, не по приказу картофельных инспекторов, которых имя до сих пор приводит в ужас крымских Татар, а потому что каждый колонист сам чувствует стремление быть сытым и богатым».

* De Bow., p. 329.

** Wagner und Scherzer, "Die Republik Costa Rica", Leipzig, 1856.

3. Правительство и народ в Штатах движимы одинаким интересом и идут по одному прямолинейному пути. У нас правительство и народ отгорожены друг от друга бюрократией, чиновничеством, грабящим народ и обманывающим правительство.

Промышленность и пути сообщения росли разом в Штатах, непрерывно подстрекая друг друга. У нас пути сообщения далеко отстали от промышленности. Тут надо заметить, что промышленность является у нас как результат сил и усилий народных, между тем как пути сообщения являются как результат намерений и забот администрации. Очевидно, здесь просвещенная администрация отстала от деятельности народной. Правительство, конечно, хотело за одно с народом устраивать пути сообщения, но бюрократия мешала правительству, превращая его желания в грабеж и до сих пор только обременяла народ, бесплодно притесняя его везде во всех работах, касающихся путей сообщения, так что в народе часто на эта работы смотрели с ненавистью. Николаевская железная дорога⁴⁷, уединенно пролегающая между Москвой и Петербургом, не могла сделаться действительным товарным путем, потому что ее учреждение ничего не изменило в путях сообщения до Москвы. От этого и от того, что лихоимство вогнало ее построение и содержание в неслыханную цену, николаевская железная дорога приносит казне постоянный убыток.

В Штатах люди, наследовавшие от западной Европы капиталы и применяемость науки к промышленности, люди, нестесненные, свободные в своих начинаниях, сделали чудеса в промышленности. Но и тут, обращаясь опять к земледелию, надо заметить великую разницу между северными штатами и южными. В то время как прилагаемость науки к земледелию достигла высокого развития в северных штатах при свободном труде, совсем иное происходит в южных штатах, работающих с рабами. Вот что мы находим в книге *De Vow*, профессора политической экономии в Луизиане: «Трудно даже и в настоящее время уверить плантаторов, что им можно кое-что делать и помимо заведенной рутины. В целом штате нет никакого уездного (*parish*)⁴⁸ земледельческого общества. Даже нельзя подстрекнуть плантаторов, чтобы они завели хотя одно центральное земледельческое общество, так велика у них всеобладающая апатия, конечно, есть между ними благородные исключения, но от чего же нет общего земледельческого интереса?» Не правда ли как это напоминает русских помещиков? Между тем как *De Vow* является защитником рабства негров в южных Штатах, он невольно поставлен в необходимость жаловаться на косность плантаторов, на недостаточность железных дорог, на неразвитие

промышленности в сравнении с успехами северных Штатов, и никак ему в голову не приходит простого заключения, которое выведет всякий беспристрастный читатель, что причина косности и отсталости южных Штатов — рабство. Подобному же явлению мы найдем одинаковую причину и у нас в крепостном труде, при котором крестьянин не имеет никакого повода к старательной работе, а помещик коснеет в праздности и лени. Еще мы имеем то превосходство над южными штатами, что общинное землевладение в нашем крепостном сословии, причем крестьяне считают себя землевладельцами вопреки праву помещика на земельную собственность, это общинное землевладение спасло нас от ужасов рабства, которые совершаются в южных штатах и которые даже и у нас невообразимы. Хотя наши дворовые и подходят к положению негров, но все же их и действительная и инстинктивная связь с крестьянской общиной вошла таким элементом в ум помещика и крепостного человека, что есть границы насилию, которые переступают только иногда, и это переступление все же считается преступлением, и тиранство не составляет естественного, призванного, законного явления в обществе. Даже и у нас никогда не доходили, например, до того, что хозяева собирают женщин и девок негритянок в одно место и приглашают равно черных и белых мужчин для приплоду, чтобы умножить число своих рабов вновь рождающимися. Это и у нас не бывает, хотя мы у себя и встречаем много гадкого, от чего приходится краснеть.

Самостоятельность лица, даже и там где дело не касается до негров, не приведенная в границы разумности никаким общинным началом, развила в Америке личность и произвол. Земли еще слишком много, чтобы дать место нищенству, как в западной Европе; но отдельный человек, имеющий одну цель — захватить себе отдельную собственность, чем больше тем лучше, и не сознавая себя в чем бы то ни было обязанным перед общиной, дошел до уродства. Не нуждаясь в европейском формализме, гражданин Соединенных Штатов как необузданный собственник, на свободе развернувшийся буржуа, дошел до совершенного самоуправства, которому даже становятся ненужными совестные суды, ибо можно кончать дела дуэлью или убийством. Буржуазное стремление к отдельной собственности, признав и негра за собственность, не останавливается ни перед каким средством распространить власть своего уродливого своеволия, и действительно слэвгольдеры⁴⁹ достигли большинства в штатах и привели их к кризису, грозящему им распадением. Да мимо нас идет чаша сия, это буржуазное развите отдельной собственности, которое несмотря на высокие

основания гражданственности, несмотря на огромный успех промышленности, привело человеческое общество к нечеловеческому образу.

Теперь перечтем результаты всего нами сказанного.

Сосредоточенная земельная собственность, хотя и развила самостоятельность лица, без которой нет ни человеческого достоинства, ни разумной общественности, но не привела общества к счастливым результатам. Дробная собственность не привела к счастливым результатам и даже заставила съезжиться самостоятельность лица. Отдельная крупная земельная собственность, т.е. та же дробная собственность, не дошедшая до мелкости деления (как в Америке), развила *ad absurdum*⁵⁰ личный произвол и не привела к счастливым результатам.

Поневоле нам остается на выбор общинная земельная собственность, которой развития мы еще нигде не могли наблюдать, но за развитие, которой мы должны приняться уже и потому, что находим ее у себя как факт.

Отсутствие самостоятельности лица логически нисколько не истекает из общинного землевладения; оно происходит у нас от помещичьего права и административного насилия, т.е. от всего того, что мешает общинному началу развиваться. Община поглощает лица, пока им некогда договориться о своих взаимных нравах и обязанностях. Вдобавок, у нас, помимо общинного землевладения, остается и частное землевладение (у помещиков, у всех кто лично владеет землею). В дальнейшем ходе истории эти две точки зрения на земельную собственность, сосуществуя рядом, скорее могут уяснить здравые понятия народного благоустройства, чем одна точка зрения, развитая *ad absurdum*, как частное землевладение в Европе.

Отсутствие правосудия не только не истекает из общинного начала, но помещичье право и административное насилие мешают всякому проявлению правосудия, к которому способно общинное начало.

Дурное состояние земледелия и промышленности происходит не от общинного начала, а от помещичьего права и административного насилия, при недостаточности путей для сбыта произведений и присутствии постановлений, стеснительных для торговли.

Замкнутость научного образования в таком маленьком меньшинстве, что оно ничтожно и перед тем меньшинством, которому наука доступна в Европе, происходит не из общинного начала, а от помещичьего права и административной самоуверенности.

У нас в сущности ни для помещика, ни для чиновника не существует побудительной причины учиться; и тот и другой может добиться своих корыстных целей не учась. Учатся у нас только *благородные исключения*, как называет их De Vow. Сохранив крепостное право и чиновничество, мы не распространим образования даже в высших классах и, конечно, не привьем образования к низшим классам обычным путем насилия и обучения мужиков грамоте, в которую не вносим никакого содержания, в их жизни прилагаемого, полезного или, по крайней мере, интересного.

Потом мы не должны забывать, что в Европе и Америке науки и образованность существуют по традиции, а мы дали им к себе доступ недавно, да и то, давши доступ, в виде противоядия поставили помещичье право и административное насилие.

Также мы не должны выпускать из виду, что при свободном развитии, общинное землевладение может достичь больших результатов земледельческой промышленности, потому что в его внутреннем смысле лежат две системы обработки: система сосредоточенной собственности, потому что община есть большой землевладелец, и система дробной собственности, потому что каждый крестьянин есть дробный собственник (заметьте — ненаемщик) — и обе системы сливаются в одну свободную общину. Будущность общинного землевладения может сделаться плодоносной. Не уничтожать следует нам начало общинной собственности, а дать ему развиваться. Лучше устроить так, чтобы не было ни единого человека в России, который бы не имел своего земельного участка в общине, чем искать для России других форм землевладения, в глазах наших осуждаемых историко-экономическим опытом. Если мы видим в Европе, что земледелие в несравненно более цветущем состоянии чем у нас, а низшие классы бедствуют вследствие распределения землевладения, то мы не должны забывать, что земледелие существует для человека, а не человек для земледелия, и что нам нечего прибегать к формам землевладения, истощившим Европу, только для того чтоб улучшить наше земледелие. Нам не приходится поставить как догмат: уничтожимте общинное начало, чтоб улучшить земледелие; нам надо поставить вопрос: каким образом при общинном начале улучшить земледелие? С этим вопросом мы действительно пойдем по пути развития нашей цивилизации.

Не станемте же гнать общинного начала, но примемте его за факт и дадимте ему все способы к своеобразному гармоническому развитию.

Прежде всего снимемте препятствия к этому развитию, т.е. помещичье право и чиновничество, потом станемте пешись о распространении образования не на основаниях насилия.

В этом и состоят наши три животрепещущих вопроса:

Уничтожение помещичьего права началось, благодаря благородным стремлениям Александра II.

Уничтожение чиновничества и преобразование управления и судопроизводства, и распространение в народе образования без насилия, составят предмет наших следующих статей.

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ⁵¹

ПИСЬМО ПЕРВОЕ⁵²

Вы допрашиваете меня, друг мой, о том — что такое наконец социализм? как он произошел, что он произвел в Европе? в каком отношении к нему стоит Россия и русская община и артель? Мой ответ принимает такие размеры, что в одном письме его не выскажешь⁵³. В самом деле, тут стекаются все современные вопросы и все требуют разрешения в одну общую цель — подобным, может быть единым путем достижения. Как ни трудны, не только разрешение, но и самая постановка вопросов — а все же отказаться от этой работы, по мере сил, нет ни права, ни охоты.

Итак, начнемте сначала: каким образом развитие и положение Европы привело к первой мысли о социальном устройстве?

Следы понятий общинного (социального) владения и общинного труда встречаются и в древнем мире*. Мысль о владении и труде сообща и разделе доходов соответственно нуждам каждого — также естественна, как и мысль о владении в раздел (особо, лично), о труде в раздел, об отдельном пользовании с труда и владения. Осуществление той или другой мысли является, смотря по обстоятельствам. В самом патриархальном мире при деспотическом управлении вождя мы найдем попытки общинного устройства владения землей (так в древней Индии сбор жатвы принадлежал селу), стадами (у кочевых племен), долею при раздельном труде, долею даже при совокупном труде. Взгляд на поземельное право является различным: иногда община владеет известным участком земли, принадлежащей государству (народу); иногда лицо владеет участком земли, принадлежащей государству (так

* Я не думаю, чтоб слово: *социальное* — можно было по-русски перевести иначе как общинное. Об этом столкнемся впоследствии.

у Евреев; лицо могло владеть участком только известное число лет, потому что земля божия — сказано в Левите (3-й книге Моисеевой) гл. XXV, § 23⁵⁴).

Но вообще, при географическом неравновесии рода человеческого является *захват*, и владение в пользу захватывающего (частная поземельная собственность), и труд в пользу захватывающего (рабство), и доводы в пользу захватывающего. Однако покоренные не могут быть оставлены ни при чем, и вот подвластные племена, которым по закону уже ничего не принадлежит, в действительности являются опять — то при общинном, то при раздельном устройстве своего относительного владения, из которого платят подать трудом или долею дохода. Коренная точка отправления *захвата* — тянет все общественное настроение только к выделу, к разделу и личной неравномерной собственности. Между тем успокоиться в неравновесии роду человеческому так же нельзя, как и чему бы то ни было в природе. Отсюда, подвластие стремится к освобождению, раздел к равенству, отношение личностей к равноправности.

Древний мир умирает с идеалом *lex agraria*⁵⁵, раздел поземельной собственности на равные участки между всем населением, которое предполагается достигшим безразличия классов и личной равноправности; раздел поземельной собственности на равные участки должен служить основой и обеспечением личной равноправности. В новом европейском мире мы находим коренную точку отправления *нового захвата*. Из этого захвата вырабатывается вся история европейского мира. Подвластие стремится к освобождению, раздел к равенству, отношение личностей к равноправности. Понятие общинного поземельного владения совершенно исчезает, закончившись крестьянскими войнами; поземельная община в Европе оказалась слабее силы захвата и стерлась. Стремление раздела к равенству домогается своей цели — личным вытягиванием у захвата насколько чего возможно, всякими окольными путями. Поземельная собственность — или переходит от захвата во владение капитала посредством найма, или совершенно отходит от захвата в руки капитала посредством дробной продажи. Но большинство, т.е. народ остается без *владения*. Капитал составляется из вытягивания от захвата и от бездомства — в средние руки. Труд и владение, т.е. два элемента ценности, — в разных руках, и потому, несмотря на все развитие промышленности, выросшей из поземельного (сельского) владения в фабричную (городскую) промышленность, ценность является фальшивою, ложною.

Тут я не могу не сделать небольшого отступления, или заметки, которая может стать между нами спорным пунктом, но которую мне высказать необходимо для того, чтоб вам было ясно дальнейшее развитие моего убеждения: ценность равна *труду* и *вещи*.

Приписать ценность тому или другому порознь невозможно. Хотя экономисты и говорят, что *только* труд дает ценности; ибо без приложения труда материал не имеет ценности; взятая совершенно абстрактно мысль эта может и справедлива, но ее надо вытягивать из какого-то начала владения, прибавляя к нему историю труда; между тем как мы не в состоянии ни придать современным вещам ценности всего, родом человеческим в продолжении веков потраченного на них труда, ни приравнять нулю значение самих вещей. Вдобавок труд без материала не только не имеет ценности, но не имеет существования. Материал имеет стоимость сам по себе; это зависит от потребностей, от спроса и вызывает силы труда. Мы можем брать в расчет не историю труда, а материал в его современной стоимости и какой труд может быть к нему вновь приложен; для нас важен *труд* и *материал*. Стоимость труда при раздельности труда и владения может повышаться и понижаться с возвышением или понижением стоимости материала — смотря по обстоятельствам, по временным и местным условиям. Но истинная ценность лежит в соединении труда и материала; истинная ценность может явиться только при соединении труда и материала в одни руки. От этого для социализма основание *материала* чрезвычайно важно. А в материале основа основ — *почва*. От этого для социализма так важно основание общественного, народного владения почвой. Кредит может иметь только настоящая ценность, т.е. ценность, равная труду и материалу. Ремесленная артель, имеющая в виду не пользование почвой, а иным материалом (напр., сукном для портняжной артели), нуждается в кредите собственно для приобретения материала. Если она представит в обеспечение настоящую ценность, уже существующую, а не проблематическую, не ценность *in spe*⁵⁶, т.е. представит в обеспечение ценность, равную труду и материалу, тогда она получит кредит, который употребит для приобретения нового материала, и впоследствии может развить новый кредит на основании новой действительной ценности, равной труду и новому материалу. Иначе труд по ожиданию не представляет действительной ценности и, следовательно, не представляет обеспечения, и кредит только мечта, или случайность, которая не приведет к общему результату. Отсюда заключение, что для создания артельного кредита необходимо предшествующее народное владение почвой, т.е. основное соеди-

нение труда и владения в одни руки, краеугольное основание действительной ценности.

Теперь возвращаюсь к моей исторической нити. Я сказал, что нахождение труда и владения в разных руках приводит к фальшивой ценности. Отсюда равноправность личных отношений достигается только юридического названия, номинального положения; раздел, несмотря на все свое тяготение к равенству, не способен достигнуть его; освобождение подвластных совершиться не может. Таким образом ставила задачу, не разрешая ее — французская революция⁵⁷.

Еще отступление: говоря о развитии европейского мира, нельзя пропустить движения христианской религии, которой приписывается пересоздание древнего мира и с которой начинают историю новой Европы. Христианство явилось как цельное, отвлеченное учение на замену старых религий и не касаясь практического вопроса общественного устройства. Оно было принято новоприведшими народами, которым никакого дорогого религиозного убеждения терять было нечего и у которых с оседлостью нарождалась потребность выйти из начала дикой кровожадности в начало личного благоволения, проповедуемого христианством. Личное благоволение человека к человеку могло смягчить нравы, но для него не требовалось никакого особого, обдуманного, с убеждением осуществляемого, политического, гражданского, экономического, вообще общественного устройства. Христианство и до сих пор осталось в своей отвлеченности и потому прилагамости к каким бы то ни было государственным формам; самая определенная сторона христианства — церковь, будучи не религиозным учением, а политическим учреждением, являлась сама как захват народной собственности и свободы; поэтому движение цивилизации в Европе постепенно противуцерковное. Но самое существенное движение цивилизации касается не только освобождения от насилия церкви как политического учреждения; оно идет из тяготения к освобождению вообще от захвата себе в собственность народами приведшими владения народов просто или прежде поселившихся. Так как это освобождение не кончено и нуждается в новом преобразовании, то начало этого нового преобразования никак не может играть роли христианства, т.е. роли учения, настолько отвлеченного, чтоб оно могло быть прилажено ко всякому общественному устройству. Новое преобразование может быть по преимуществу только практическое, т.е. изменяющее самое общественное устройство, и потому его главное содержание *экономическое* и преследует остальные общественные формы только по мере

важности их отношения к себе, по мере их связи с собой, или их противоречия себе.

Теперь возвращаюсь к прежнему результату: французская революция (а также английская⁵⁸ и другие) решала вопрос освобождения подвластных их захвата посредством раздела и не могла решить его, потому что просто ровный раздел недостижим и немислим. Он был бы мыслим и возможен, если бы жизнь общественная не имела движения и можно было все данные, из которых она складывается, раз навсегда разрезать на части как пирог, без всяких дальнейших или различных потребностей; но так как это невозможно, а владение у народа было отнято, то раздел не мог развиваться дальше номинальной равноправности в личных отношениях и эта равноправность, не имея действительного основания во владении, не могла удовлетворить требованию действительного освобождения.

Невозможность исхода освобождения в раздельную собственность была понята гораздо прежде французской революции. Следы этого мнения мы можем встретить и у средневековых мыслителей; но главное начало противопоставлению исхода освобождения в общинность, не в раздел — принадлежит XVIII-му столетию и в особенности английским мыслителям. Загляните, например, в Томаса Пейна⁵⁹. Мысль эта была так нова, что прошла почти незаметно и не только нигде не нашла практического приложения (которого не нашла и до сих пор), но не имела ни читателей ни последователей. Громко она явилась только после французской революции, когда безуспешность исхода в раздел уже оказалась на практике.

Но к чему же, в Европе, привел вопрос об исходе освобождения в общинность, а не в раздел? В сущности он привел к противопоставлению самостоятельности труда — власти владения, а не к соединению труда и владения в одни руки. Выросло стремление труда — помимо владения — создать новое общественное устройство. Эта мысль опять разветвилась на две, и не разом, а последовательно. Сначала она забыла, отбросила существующий мир и принялась за построение нового мира в книге; это ее теоретический период, где единственная попытка практического приложения была сделана Кабэ⁶⁰, — и, конечно, не удалась потому, что хотела жить вне мира сего и невольно возвратилась к какой-то моисеевской постановке, которая не могла удалиться.

Потом из теоретической — мысль перешла в практическую; стали составляться соединения труда (помимо владения) в виде рабочих ассоциаций, и также не могла удалиться, потому что создать

ценность трудом без владения — так же невозможно, как создать ценность владением без труда (в понятии это все равно, что отделить человека от природы и поставить их самих по себе порознь). История совершилась посредством насилия владения над трудом; труд сделался элементом подвластным владению; его присоединение посредством подвластности ложно. Ценность, несмотря на ее экономическое определение новейших времен, принимает фальшивое значение на практике, а отсюда и вся общественная жизнь в ложном положении, потому что все отношения — ложны. Но труду, как бы он ни соединился между собою, отрешенно от владения, достигнуть своей цели — т. е. соединения с владением и восстановления естественной ценности (труда и вещи) — составляет задачу или вовсе неразрешимую, или до такой степени длинную, что она равняется бесконечности. Отсюда, практическая постановка общинного (социального) начала в Европе — привела скорее к миражу, чем к действительному результату.

Мы имеем только две страны — так сказать — *вне* Европы, которые поставили вопрос не теоретически, а исторически: это северные соединенные штаты Америки — и Россия. Обе страны, в сущности, представляют — не начало *захвата*, а начало *заселения*. Отсюда их огромная разница от европейской цивилизации. Только Северные Штаты вышли из Европы, не отделились от начала раздела и, как бы раздел ни тяготел к равенству, они не могут иначе действительно пересоздаться, как соединением поземельных разделов в общинное дело; зачатки такого всхода уже есть; им может помочь более чем где-нибудь достигнутая личная свобода, равноправность и конфедерация, т. е. централизация общего правительства (конгресса), при весьма приблизительной свободе отдельных областей, нигде лучше недостигнутой. Вдобавок — лучшая оценка труда, чем в Европе (особенно после уничтожения рабства черных) и приблизительно нераздельного владения с трудом (что еще теперь зависит от огромного количества земли относительно населения), все же приближают, ценность к более естественной постановке, чем в Европе; от этого и деятельность людей нигде не убита и везде сильнее, чем в Европе.

Россия сохранила основное поземельное владение общины; этого само, постоянно колеблющееся в своих действиях, правительство не могло изменить ни при освобождении помещичьих, ни при учреждении государственных крестьян. Дальнейшая промышленность — фабричная, ремесленная — в России может расти на почве земледельческого народного владения, как артель, как движущаяся ассоциация, вовсе не нуждаясь ни в привилеги-

рованных городских классах, ни в привилегированных сельских помещиках, ни в привилегированных казенных чиновниках. Если Россия массою еще колеблется в теории раздела, в *lex agraria* (в форме переделов) и не достигла до мысли об общинном труде над общинным владением, то это не только потому, что обстоятельства не привели ее к этой мысли, а потому что обстоятельства правительственно так устроились, что мешают ей, — естественно же она не может не придти к этому результату.

Крепостное право, совершенное сверх различных необходимостей и под европейским влиянием, и под влиянием правительственного рабощреждения, исказило развитие общинного владения, но не разрушило его. Из общинного владения легче дойти до общинного труда, чем наоборот, потому что основа реальнее; владение находится в руках труда и их соединение к созданию естественной ценности — естественно. Тут к общинному преобразованию Россия едва ли не ближе чем соединенные Штаты, несмотря на ее азиатское единодержавие и на их европейскую, номинальную свободу лица. Европейское влияние чрезвычайно губельно для обоих, и их инстинктивная ненависть к Европе весьма понятна, несмотря на все ошибочные подражания и непонимание причины этой ненависти.

Покамест остановимтесь на результате, что помимо приведения ценности к естественному значению, т.е. совокупности труда и владения, их соединения в одни руки — социальный мир, или экономический переворот — невозможен.

Но прежде чем мы будем особенно заниматься разьяснением положения и стремлений Северных Штатов и России, мы должны заняться рассмотрением теоретических социальных построений и практических социальных попыток в Западной Европе, ради того чтоб показать все возбужденные ими общественные вопросы и, наконец, определить понятие и значение социализма.

Итак, до следующего письма.

ПИСЬМО ВТОРОЕ*⁶¹

Не думайте, что в письмах к вам я возьмусь за подробное изложение каждого социального учения; это возможно разве в целой отдельной книге, которую издать было бы очень полезно, но требует участия многих рук и сообразного распределения труда.

* Письмо первое см. 211 л. «Колокола», 1 Января 1866.

Моя цель только показать вам — как в наше столетие в Европе мысль социализма вступила в движение, какими главными теориями заявила себя, к чему пришла в действительной жизни, да потом и перейти к практическим данным, к исторически возможным выводам (результатам).

И тут опять я не обойдусь без маленького отступления... Мне надо остановить ваше внимание на этом понятии: «вывод» или «результат» — ради его противоположности с понятиями «пророчества» и «отвлеченного настроения».

Вывод — это заключение, следующее за рядом исследований, наблюдений, определенных данных; если дело является как вопрос, как задача, то вывод есть уяснение искомого на основании уже найденных, уясненных фактов, разрешение неизвестного по его отношению к ряду известных. Пророчество, напротив того, только фантастическое предположение, что вот то-то непременно совершится таким-то образом — и тут берется или отношение к несуществующему факту, или несуществующее отношение к какому-нибудь факту*, или просто не берется никакого основания и вообще предположение дается на веру. Также и отвлеченное построение есть принятие какой-нибудь мысли на веру — и потом из этой мысли ведется ряд заключений, которые из нее может быть и следуют, но самая мысль и эти заключения вовсе не обращают внимания на действительность вещей и их значение и могут с ними совершенно не совпадать. К пророчеству и отвлеченному построению человек чрезвычайно склонен; они ему кажутся ясны, хотя бы в небыли ясны; на них основаны успехи вообще всех религий в метафизике, и все трудности, становящиеся на пути положительного знания, которое есть только «вывод» из известных определенных данных, — и на пути положительного дела, которое есть практический «вывод» из существующих обстоятельств, постановка в жизнь, — искомого, выведенного положительным знанием. Уже из этих вскользь сказанных определений — вы видите, как глубоко расходятся направления положительного «вывода» и «мистического или метафизического построения».

Вы, вероятно, знаете книгу Конта⁶² (*Traité de Philosophie positive*⁶³) и, следовательно, знаете его деление Истории на эпохи религиозные, эпохи метафизические и эпохи реального (положительного) изучения. Как ни трудно провести в Истории резкие разграничения,

* Так, например, в гадании будущее берется по отношению к какой-нибудь семерке; или сновидение, вместо исследования физиолого-патологической деятельности мозга во время сна и участия в ней памяти и впечатлений прошедшего, — принимается за предсказание будущего, и пр. и пр. т.п.

вставить в рамки классификации — жизнь, которая складывается из многообразных элементов и переливается из одного склада в другой непрерывным током, как ни трудна такая задача, как ни опасно ей самой попасть в круг метафизического построения* — тем не менее *это* деление Конта выведено из совершенно верного наблюдения. Его можно подметить не только в Истории, но в каждой человеческой жизни, хотя бы самые переходы из одного склада в другой и оставались неуловимы. Потребность достоверности в понимании и жизни заставляет детство при неразвитости средств и сведений прибегать к фантастическим образам и верить в их существование, в случайностях искать предзнаменований, пророчествовать; заставляет юность также при неразвитости средств или сведений из отвлеченной мысли, хотя бы ничем не доказанной, развивать и принимать за действительность целый отвлеченный (метафизический) мир, нимало не заботясь, насколько по дороге встречается вещей его опровергающих. Наконец, только зрелый возраст ищет достоверности в наблюдении и опыте, т.е. в положительном изучении действительных данных, и на нем основывает свои «выводы». Я не спорю, что пути обычно являются смешанными: подчас ребенок прибегает к наблюдению и опыту; подчас зрелый человек, ошибаясь в наблюдении, сворачивает на метафизические построения и фантастические верования; но все же означенные три способа искания достоверности в понимании и жизни (религиозный, метафизический и положительный) друг от друга различны и тот, или другой является главным, существенным, преобладающим деятелем разных возрастов человека (даже в его обыденных отношениях) и разных эпох Истории, — так каждый способ присущ тому или другому физиологическому складу, или строю общественных обстоятельств.

Боюсь закончить это отступление, не объяснившись с вами сколько возможно дотла; боюсь, чтоб вы не придали «названиям» какого-нибудь иного значения и не приписали мне мыслей, которых я не имею. Таким образом, не подумайте, чтобы я слову «метафизика» и слову «философия» придавал одинаковое значение и разом изгонял из положительного понимания — метафизические и философские вопросы. Под словом «философия» обычно разумеются общие мировые основания, или общие основания целой группы явлений, и потому философские вопросы составляют естественную потребность человеческого разума; только «метафизика» решает их на свой лад, т.е. принимает за философское

* К сожалению, Конт впоследствии не избежал этой ошибки!

основание предполагаемые ею мысли, идеи, предшествующие фактам, и группирует факты сообразно им, — между тем как положительное понимание, из существующих фактов, *выводит* общий закон их существования, который и есть уяснение, решение философского вопроса. Поэтому Конт был совершенно прав, назвавши свою научную методу — «положительною философией».

Заметьте также разницу между «математической» методой и методой «отвлеченного построения (метафизической)». Математическая метода есть *вывод* из существующих количественных отношений, постоянное разрешение уравнений; между тем как «отвлеченное построение» есть произвольное развитие системы на основании предположения. Поэтому я не могу разделять мнения, чтобы математическая метода была дело чуждое в понимании какого-либо вопроса, не исключая вопроса общественного, и не могу себе представить, чтобы она, сознательно приложенная, не входила в разрешения этого вопроса как важное пособие. Если я стану избегать ее в наших письмах, то это, конечно, вина не математической методы — а наших личных затруднений^{*64}.

Кажется, мы теперь уже не собьемся в смысле главных выражений, попавших нам по дороге, и можем свободно переходить собственно к нашему предмету. Я надеюсь, что мое маленькое отступление нам впоследствии во многом поможет.

Во-первых, оно нас наводит на вопрос: что же такое в общественном деле его *положительная* сторона, его *положительные данные*, на которых может быть основан *положительный вывод*? Общественная жизнь не есть какой-нибудь завершенный факт, в котором, зная его элементы и их связующую силу, мы имеем как вывод его постоянную форму — и наша задача решена. Общественная жизнь слагается из элементов прошедшего (традиции) и новых потребностей, следственно идет путем постоянной реформы. Новые потребности необходимо возникают из элементов

* До сих пор у нас математика — дело совершенного специализма, да еще преимущественно технического; не зная ее не составляет необразования, которое относится только к незнанию этико-литературных и консервативно-политических затвержений. Эта точка зрения введена у нас филологией и прет в так называемое классическое образование, не замечая, что она домогается обобщения специализма, ни к чему кроме себя не приложимого, — и враждует против науки, которая есть действительно общая, потому что дает основание, прием, методу для постановки и разрешения всякого отношения, всякой мысли (“La pensée n’est que la conception d’un rapport”, — говорит Курно). ...Как бы то ни было, откуда власть на стороне филологии, математика — несмотря на то, что единственная наука, в которой самые выводы а priori совпадают с ходом действительности, — большей частью остается недоступною, едва касаясь начальной арифметикой до юношей, не готовимых специально к какой-нибудь военной или штатской технике.

прошедшего — или просто как их видоизменение, перестановка, новое сочетание; или как совершенное противоречие (*antinomia*), вызываемое в человеческом понимании отживанием и несостоятельностью сложившихся элементов и приводящее к новому устройству, но которое, заметьте, не может так оторваться от своей почвы, чтоб начать общественную жизнь будто совсем сызнава, отбросив элементы прошедшего как несуществующее. Напротив того, новому устройству приходится перерабатывать именно данный исторический материал, а не иной: чем больше в этом материале элементов, подходящих к новому пониманию, тем легче прививается к жизни новое устройство; чем больше сила традиции преобладает над силой новых потребностей — тем невозможнее новому устройству привиться к жизни. Как пример последнего опять приведу вам римское *lex agraria*, возникшее из *противоположности* римскому началу собственности⁶⁵, отжившему и несостоятельному перед насущными потребностями римского населения; но сила традиции преобладала и *lex agraria* не привилась к жизни — и все что оказалось возможным — это переход к неудовлетворяющему, безвыходному колебанию интересов и за тем постепенное разрушение старого мира, со всеми его проектами переустройства, к которому он стал неспособен⁶⁶. Новый общественный вопрос мог только разрешиться осуществлением потребности поземельного равенства, совпадавшей в мнении народном с достижением насущного хлеба и всего житейского благосостояния; но осуществление поземельного равенства зависело от состава силы народной и от удобств преобразовать в это равенство старые элементы собственности. Между тем удобств к этому преобразованию в элементах старой собственности не было никаких; сила сословий, имевших ее в руках по праву древнего и позднейшего исторического захвата, сила сословий традиции и капитала была, по *крайней мере*, настолько же сильна, как сословие новой потребности, или, по крайней мере, настолько сильна, чтоб мешать ей составиться (организоваться). Таким образом, в этом раздвоении сил и стремлений лежал постоянный спор и недостижимое разрешение. Покончить спор предстояло только третьей силой, силе посторонней, и решение должно было придти только на основании посторонних целей, и, следственно, несообразно ни с старыми

* «Роковым образом переплетается в тогдашнем Риме двойное неудобство выродившейся олигархии и еще не развившейся, но уже червоточиною подъеденной демократии»... (*Römische Geschichte von Theodor Mommsen, 2 Band, 4 Buch, Kapitel II. Berlin, 1861. — 3 Auflage*). — Советую вам перечитать 2-ой и 3-й томы этой книги; ничто вам так живо не напомнит все вопросы современной Европы.

элементами, ни с новыми потребностями. Так, вместо идеала равенства началась новая всемирная монархия, чтобы рушиться под наплывом мира дикого.

Впрочем, эта оценка прошедшего по механическому расчету действовавших сил не может же вам показаться сомнительной, потому что равно согласна и с фактами, и с количественным (математическим) отношением сил, принимавших в них участие, т.е. согласно с рассудком. Скорее она приведет нас к наблюдению, что положительных, хотя и гибнувших сил общественной жизни, во время оно, все же было две, что новая потребность точно также играла роль действующей силы — как и старый элемент, что мы ее должны принять точно также за положительную общественную силу, как и старый элемент, и, наконец, что весь вопрос, равно для оценки прошедшего и для *вероятностей* исхода в будущем, заключается в способности новой потребности составиться (организоваться) в силу и в способности старого элемента по ней преобразоваться. Конечно, я не стану теперь входить в подробный разбор неудавшейся новой потребности древнего мира в поземельном равенстве; но, я думаю, что могу, не приводя вас в сомнение, сделать еще тот вывод, что когда старый элемент в своем общественном быте не содержит ничего для основы новой потребности, то этой новой потребности или новой силе не только трудно удержаться, но даже трудно уясниться и придти в положительный состав.

Под впечатлением этого вывода я перейду к современному европейскому миру. Его экономические отношения развивались из феодального захвата собственности; следственно, из простого обирания захватывающими у покоренных — почвы, ее произведений и труда человеческого — это развитие переходило при усложнении обстоятельств из наивной системы исключительной войны и грабежа в многосложную систему посредствующей торговли и выросло в самостоятельное среднее сословие, в аристократию капитала. Очевидно, впоследствии обоим захватывающим сословиям — падающему феодализму и составляющейся в силу денежной аристократии — из древнего римского мира сподручно было почерпнуть его законодательство, потому что в общественных отношениях оказывалось много сходного, и нить предания была скорее запутана и потеря, чем порвана. Кой где, особенно на итальянской почве, не прерывалось даже предание республиканских начал и переходило у городских населений в понятие народной воли. Но собственно понятию народного владения вещью и обшчинного труда — положительных оснований в феодально-купе-

ческом мире никогда не было, и они могли возникнуть только путем отрицания, как новая потребность общественной жизни в противоположность феодально-купеческому строю, опирающемуся на римско-юридических основаниях. Поэтому новая потребность — как дело чистой антиномии — не росла прямо из действительной жизни, а возникала медленно и смутно, и мы в течение средних веков с трудом можем найти ее выражение у отдельных мыслителей, мечтающих неясно об особом мире, или встречаем ее выражение в минуты страстной борьбы по другим (религиозным) вопросам. (Например, в XIV столетии, под религиозным влиянием Виклифа⁶⁷, у народных проповедников как John Ball⁶⁸ и пр.) Но насколько-нибудь ясное выражение новой потребности, мы еще едва находим (как я вам говорил в прошлом письме) у некоторых незаметно прошедших английских мыслителей XVIII столетия, и, наконец, в первый раз встречаем новую потребность сколько-нибудь определеннее, хотя еще совершенно идеалистическую и не способную составить в действительную силу слова или дела, — встречаем во время французской революции у Бабёфа⁶⁹. Она не прививается к жизни общественной, но служит зачатком всего последующего движения французского социализма, и потому она для нас чрезвычайно важна, и я прямо с нее начну речь о нашем предмете.

Система Бабёфа для нас тем интереснее, что по ней можно наглядно проследить — как теоретические создания общественного быта, не имеющие корня в общественной жизни, составляются легко — ни на чем не запинаясь, увлекают своих творцов кажущейся легкостью приложения, но не прилагаются, и если содержат плодоносную мысль — то она вырастет не на их почве и не в их время, а там где пойдет от своего природного корня, и тогда когда этот корень достаточно зажил для своего роста.

[...] ⁷⁰

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ⁷¹

В письмах позволяется быть искреннее, личнее чем просто в статье, и я сознаюсь, что пишу к вам о Бабёфе не без волнения — так люди и идеалы французской революции, на которой *мы все* выросли и воспитались, еще памятливы, близки, родственны. Я говорю *мы все*, потому что сколько в себе встречаю нестертых следов того времени, столько же и в ваших молодых стремлениях нахожу из него усвоенных, отчасти переобразованных, но все тех же убеждений. Язык у нас другой, прибыло несколько научного опыта

и понимания, а основа мало изменилась, так что в том, что теперь кажется новым, я узнаю старое и еще не совсем переработанное. Французская революция набросала столько идей, или лучше сказать — идеалов, что им еще и теперь не пришлось дойти до настоящей проверки и развития. Сама Франция, может, всего менее способна достигнуть этой задачи и вынесла из нее только огромное самолюбие или самоудовлетворение за постановку идеалов, самоудовлетворение, которое отнимает способность на их реальное развитие и осуществление.

[...] ⁷²

При этом не могу не заметить: я глубоко уважаю подражание, которое было для нас воспитанием — усвоением сделанного на Западе, уяснением им нашего былого (так социализм объяснил общину и право на землю); но несмотря на все это, мне становится больно и страшно за нашу подражательность европейскому обычаю, особенно французскому, подражательность, хранящаяся равно в правительственной сфере, в олигархическом конституционализме и в людях, ближе подходящих к социальному направлению. Я боюсь встретить в наших социалистах выставление вперед исключительно городского образованного пролетариата и приведение его в *центр* всех социальных стремлений, в особого рода сословие, причем можно только достигнуть до ассоциации, не имеющей вещественной опоры и до невозможной борьбы со всеми направлениями других сильно поставленных городских сословий. И это в то время, когда в России существует историческое основание сельского строя, стоящего на общинном владении почвы, — строя, к которому должен примыкать образованный городской пролетариат, образованное меньшинство. Оно должно примыкать к этому строю, если ему дорог не только свой кусок хлеба (который городская борьба едва ли иначе доставит как выходом в буржуазию), а дорого собственно русское социальное дело; оно должно примыкать к нему всеми способами, какие имеет для проповедания более совершенной общинной организации села и введения ее в повседневную жизнь большинства действительного, народного. Я не думаю, чтоб к подобному результату привело подражание худым сторонам теории Бабёфа, его невольной нераздельности от городского преобладания, которое во Франции развилось целой исторической жизнью, а в России зиждется на чиновничестве, чуждом народному строю, и падет с его преобразованием. Но об этом я еще поговорю в другой раз...

Теперь же пора мне заключить это письмо и еще раз повторить вам, что, хотя Бабёф в приложении своей теории и пришел, ради

первого шага, к перетасовке жилищ богатых и бедных, а не к действительному осуществлению существенного содержания самой теории, тем не меньше мы не должны забыть его заслугу в постановке социальной задачи и с уважением помянуть его благородную деятельность и гибель.

Да и то сказать — социализм того времени имел детски религиозный взгляд на свои идеалы, и совершенно метафизическое, фантастическое развитие их в теорию; тогда трудно было стать на более положительную почву. Будем надеяться, что теперь уже наступила пора выхода из всякого рода доктринерства — гизотовского⁷³ или революционного — в действительное развитие положительных, фактических оснований.

ОКОНЧАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ПИСЬМА⁷⁴

В прошлый раз⁷⁵ я остановился на том, что наука не может не совершенствоваться, потому что сущность ее в накоплении суммы опытов и познаний. Я сказал, что религия не может совершенствоваться, потому что сущность ее в сохранении законченной суммы верований.

Но я также думаю, что лишь бы религия не была казенною, не была политическим учреждением, церковно-полицейскою властью, а просто свободным убеждением, то социальный вопрос вовсе не обязан трогать религии и может вести, помимо ее, пропаганду своего экономического содержания.

Не подумайте, что я становлюсь мистиком, или впадаю в дипломатию, т.е. в лицемерие, которое никогда еще не подвигало действительной пропаганды, а только лишало ее прямой силы, решительного употребления всех в ней лежащих средств и следственно полного влияния. Вы даже можете мне сказать, что социальный вопрос, без философского реализма, далеко не будет иметь своего значения и, вместо того, чтоб проповедовать на сколько возможно лучшее устройство этой жизни, предоставить большинству народа добиваться вознаграждения в будущем мире, посредством принятия на себя, в здешней юдоле плача, всех страданий — в пользу маленького меньшинства, т.е. вы можете мне сказать, что социальный вопрос, лишенный оснований реализма, не только не пойдет в ход — а убьет сам себя. Вы даже приведете мне пример — как религия вообще враждебно относится к социализму: это судьбы Оуэна в Соединенных Штатах, где, несмотря на всю гражданскую свободу, влияние протестантских церквей не допустило его учредить такую общину, как в Ланарке.

Позвольте же рассмотреть это возражение и доказать вам, что я не впадаю ни в мистицизм, ни в лицемерие, а просто хочу того пути, который естественно возможен.

Без всякого сомнения, социализм связан с наукой действительного опыта и расчета, а не с наукой исторического повторения одних и тех же затверженных начал — как является мысль поддержания сословных различий, батрачного труда и частного захвата в пользу меньшинства.

Эту связь социализма с наукой показал Сен-Симон, и в этом его великая заслуга. А наука опыта и расчета, без сомнения, связана с философским реализмом; она не может взять себе другого основания, не изменяя самой себе; от этого Сен-Симон уклонился — и в этом его ошибка.

Но я вам и не говорю, чтоб социализм мог отречься от науки и ее реализма. Я только говорю, что, проповедуя свое экономическое содержание, он не обязан вступать в спор о научном начале реализма — прежде постановки другого спора, которого решение необходимо в жизни, спора о свободе проповеди вообще, равно для религии и для науки. И та и другая равно — должны сделаться достоянием свободного убеждения, а не государственного принуждения. Только тогда, и та и другая могут иметь значение нравственной силы, а не полицейской власти. Если государство предписывает такую-то религию, или такую-то науку — то эта религия и эта наука принимаются по необходимости, а не по убеждению, и потому лишены всякой внутренней человеческой чистоты и нравственного значения. Православие ли обращает раскол, раскол ли обращает православие, наука ли обращает то или другое — пусть обращение совершается силою слова и убеждения. Чтобы человек считал что-нибудь за истину, он должен быть в том убежден. Не только чистота науки, но чистота религии для верующих требует невмешательства государственной власти в религиозные дела. Наступающая пора свободного убеждения необходима — не только потому, что она может служить расчисткой путей для реализма, а и потому, что нельзя предположить скачка к реформе понимания — прежде чем общество не пришло к сознанию необходимости свободы, т.е. чистоты, искренности и нескрываемости каждого убеждения. Если общественность, хотя бы и у нас, настолько жива; что не замрет ни от внезапного землетрясения, ни от собственного ничтожества, — то ей нельзя совершить перехода из принужденного верования к положительному пониманию — иначе как через время сознания и признания свободы убеждения, равно религи-

озного и научного. Поэтому каждый из нас обязан помогать осуществлению этого времени по мере средств и сил.

Но это нисколько не мешает проповеданию экономического содержания социализма — тем больше, что усиление производительности, посредством соединения труда и владения, вы объясните всякому, да еще всякому из тех, кто трудится и владеет, отнюдь не мешая свободе его верований, между тем как научные основания мироздания вы объясните только немногим, — да еще объясните ли?...

Если б я руководствовался какими-нибудь дипломатическими соображениями, я постарался бы скрыть эту мысль, чтоб не навлечь на нее многосторонних преследователей. Но с подобными страхами можно дойти до отречения от пропаганды самого социализма. Напротив того для меня так очевидно, что соединение труда на нашей общинной почве и переходное положение к положительному пониманию через свободу религиозного и научного убеждения неминуемы, что я вовсе не избегаю этого высказывать.

[...]

Теперь несколько слов о религиозных отношениях в России.

Правительство — из подражания ли Западной Европе, из исторического ли развития нашего народного населения — приблизилось к понятию веротерпимости. Таким образом, закон до некоторой степени не стесняет вероисповедания идолопоклонников, магометан, евреев, но по существу нашего правительства — оно не могло, при удобном случае, не вмешать и тут стеснительного влияния административных властей. Для примера возьмем хотя евреев, которым дозволено богослужение и дети которых могут воспитываться в христианских школах и вступать в университеты, не меняя своего вероисповедания, — но которые при том не могут носить своей особой одежды, или разве только после шестидесятилетнего возраста донашивать старое платье с генерал-губернаторского позволения (Свод Законов, изд. 1857 г., т. IX, ст. 1369⁷⁶), а женщинам еврейкам запрещается брить головы (ст. 1371⁷⁷). Вообще, если вы заглянете в т. IX Св. Законов, книгу I, раздел V (о состоянии инородцев) — вы найдете большое поползновение на веротерпимость при разных вмешательствах мелких и ненужных стеснений. Но стеснения становятся гораздо сильнее — по закону — относительно всякого рода староверцев, или вообще так называемых ересей и расколов. Том XV Св. Законов, кн. I, раздел II, отделение второе — наполнены уголовными наказаниями, направленными против старообрядства, — так что уже одна ст. 216 определяет, что «виновные как в распространении существующих уже между от-

падшими от церкви православной ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых повреждающих веру сект, подвергаются за сии преступления: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение — из европейской России — в закавказский край, из Ставропольской губернии и Закавказского края в Сибирь, а по Сибири — в отдаленнейшие оной места»⁷⁸. Таким образом, правительство всегда может в силу своего закона преследовать всякое не Никонианское объяснение христианства, и если оно не беспрепятственно преследует — это потому, что вообще в нашем общественном настроении, так же мало вражды против сектаторства⁷⁹, как и против иноверчества, и когда неособенно возбуждены, корысти ради, к преследованию — духовенство и грабящие власти, то общества — какого бы противоположного убеждения ни были противу преследуемых — всегда готовы скорее прикрыть их, чем помочь власти имущим. От этого — у нашего народа более внешнего отношения к религиозному вопросу, чем в других странах — у нас раскол, несмотря на все правительственные преследования, сохранился почти на половину населения; и притом надо заметить, что мы относительно религиозной постановки найдем следующее:

1) Наше православное крестьянское население, когда не по особому приказанию правительства, остается в самых дружных отношениях с иноверцами (татарами, идолопоклонцами и пр.) и тем более с старoverцами, в разницы истолкований которых оно мало вдается.

2) Большинство нашего православного населения покланяется в религии гораздо более некоторым привычным суевериям, чем каким-либо особым истолкованиям. Духовенство, которое очень мало образовано, покланяется своим обрядам как службе, но собственно объяснением религии занимаются разве немногие личности; поэтому духовенство нравственного влияния на народ почти вовсе не имеет (совершенно противоположно европейскому западу и Сев. Америке).

3) В так называемом образованном сословии, кроме славянофилов, немногих мистиков и барынь, религиозны чиновники службы ради. Большая часть учащегося меньшинства не относится к религиозному вопросу.

Отсюда вы можете легко заключить, что пропаганда *свободы убеждения* не встретит в России препятствия в общественном смысле и что всякое преобразование неминуемо приведет к нему; между тем как всякое новое, хотя бы Сен-Симонистское объяснение религии, могло бы только встретить общественное противодействие.

Далее, заметьте, что русскому крестьянству, наделенному землей, не нужно капиталов для приобретения оной к заселению (как в самой Америке) и что имеющаяся у крестьянства земля может послужить для него основанием кредита для прикупки земель. Отсюда вы легко можете заключить, что пропаганда социально-экономического содержания, соединения труда и владения, организации села и промышленной артели, обмена и торговли не может встретить препятствия в общественном смысле крестьянства, и что это социально-экономическое содержание должно стать основанием всего развития русского переобразования.

Дайте совершенно досказать:

Когда нам приходится говорить о теории социализма, когда наша речь — книга или лекция, и следственно прежде всего относится к учащемуся меньшинству, мы не можем не ставить общности всех вопросов, как она логически развивается в нашем понимании, — без всяких ограничений;

Но это только одна сторона дела и, я думаю, что несмотря на всю ее научную обширность, остановиться на ней в России особенно, было бы свести развитие социализма на весьма медленное движение, которое, затрагивая немногие вершины цивилизации, едва касалось бы дола, т.е. того народа, которого практическое движение при имеющихся возможностях именно и составляет созидание социализма в действительности общественной жизни;

Поэтому, проповедуя, помимо всяких религиозных, и философских начал земледельческой общине, где владение уже общинное по обычаю и закону, — соединение труда, мы достигнем иного громадного результата — осуществления действительно-социальной экономической общины; а возводя ее в дальнейшие степени движения, мы достигнем ее осуществления в ремесленно-фабричном и торговом отношении.

[...]

ПИСЬМО МЕЖДУ ЧЕТВЕРТЫМ И ПЯТЫМ⁸⁰

Вовсе я не оставляю моего намерения в ряде писем изложить вам главные теории социализма; но мне кажется, что в прошлых письмах я не кончил моего предварительного разговора с вами; я думаю, что еще раз вставка необходима — я желал бы в ней проверить наши наблюдения над современной общественностью и ее отношениями к социальной задаче. Эта вставка не отвлечет нас от нашего общего вопроса; напротив того, она забежит вперед, придвинет нас к искомым выводам и, несмотря на опасность повторений, необходима именно потому, что, не уяснив заранее отно-

шений современной общественности к социальной задаче — едва ли мы можем выработать себе верный взгляд и на самые социальные теории.

Самое слово теории несколько пугает своею отвлеченностью; а устранить его нельзя даже из практической жизни, где теория является как приложение известных понятий к общественной деятельности. Существенную разницу вы встретите только в направлении теорий, из которых одно может быть чисто догматическое, где предписывается предположенное построение, по которому общественная жизнь *должна бы* развиваться; а другое, соединяя в определенную группу всесуществующие общественные элементы и стремления, заключает о их цели и о практических возможностях ее достижения. Если теория первого разряда может бросить миру яркую мысль, которая только впоследствии, перерабатываясь, войдет новым элементом в общественную жизнь — то мы должны простить ей неприложимость к ее современности и даже ее неприложимость вообще; польза ее влияния все же не пропадет. Теория второго разряда, выводя общественные отношения к социальной задаче из существующих данных, имеет в виду постановку возможностей дальнейшей общественной перестройки (реформы).

Впрочем, я верю, что не вы испугаетесь слова теория и не вы захотите упрекнуть нас, что мы кроме теорий ничего не высказывали и никогда не объясняли, какого дела мы ждем и хотим в настоящее время — *особенно для России*^{*}. Это побуждает меня еще раз протвердить с вами теорию, которая определила бы отношение современной общественности к социальной задаче и яснее поставила вопрос возможностей русской перестройки.

Если вы припомните мое первое письмо к вам, где я взял за основание, что ценность равна *труду и вещи*, то мы легко заключим, что человек должен пользоваться вещью, к которой прилагает свой труд, владеть вещью в силу, т.е. по мере своего труда. Для того, чтоб *каждый* человек мог пользоваться вещью по мере своего труда, частная собственность должна перейти, *ликвидироваться* в собственность общественную, которая одна способна дать пользование каждому. Этого понятия не может избежать никакая социальная теория, в какие бы отклонения она ни впадала, потому что это понятие составляет основное отношение к социальной задаче всякой общественности, исторически развившейся до необ-

^{*} Вспомните, что в начале издания «Колокола» — мы работали, почти исключительно, для практической цели освобождения крестьян с землею; а это освобождение начато, но еще далеко не кончено, теория и практика этого дела — далеко не исчерпаны.

ходимости перестройки. Этому понятия практически не может избежать и никакая существующая общественность, как бы она ни скрывала его, даже от собственного сознания, под старыми формами и затверженными словами.

Пойдемте далее. Ликвидация частных собственности в собственность общественную и пользование каждого не может совершиться *помимо* ликвидации поземельной собственности; напротив того, только с поземельной собственности может начинаться эта ликвидация. Иначе — с чего бы она началась?

Если бы она началась с ликвидации частных движимых имуществ (капиталов) в общественную собственность и пользование каждого, оставляя недвижимую вещь — землю — в частной собственности, ликвидация не могла бы совершиться: самое основное начало всегда оставалось бы не ликвидированным; следовательно, все остальное менялось бы только *относительно* этого *начального конца*, как его координата, и оставляло бы ликвидацию частной собственности в собственность общественную и пользование каждого — недостижимым идеалом. Впоследствии мы встретимся с социальными теориями, которые ставили задачу в освобождении, в отрешении работника от земли и в ассоциации независимой от поземельного владения. Но мы не должны забывать, что земля есть также вещь, к которой труд необходимо приложим, и что мы не можем относительно земледельческого вопроса избежать социального разрешения соединения в одни руки труда и пользования вещью; что земледельческая артель (община) такое же живое дело, как и всякая неземледельческая (ремесленная, движимая) артель; и еще более, что точкой отправления может быть только земледельческая артель, потому что без ликвидации частной поземельной собственности, остальная ликвидация невозможна. Ассоциационные попытки движимых артелей могут принести свою огромную пользу, но не привлекут частной собственности к ликвидации и без перехода частной поземельной собственности в собственность общественную не могут служить основанием стройной общественной перестройки. Очевидно — пересоздание «старого Адама»⁸¹ не может совершиться иначе, как ставя в своем начале ликвидацию частной поземельной собственности.

Так перестройка и *началась* в России. Как бы неопределенно она ни была поставлена, сколько бы сущность дела ни скрывалась под старыми формами и затверженными словами — но все же она *началась* и остановиться не может. Я тем более скажу, что она остановиться не может, что бывшее отношение ценностей подорвано и дальнейшее экономическое движение — или приведет к совер-

шенному упадку и разорению, или должно пересоздать общественные отношения. Я думаю, что Россия имеет еще довольно силы, чтобы — вместо разорения — перейти к перестройке.

Может быть, вы меня спросите — что я понимаю под тем, что бывшее отношение ценностей подорвано? Да, то, что доля частной поземельной собственности перешла в руки труда, в его общественную собственность и пользование каждого и будет совершенно ликвидирована в данное число лет. Доля же осталась частной собственностью, нуждается в труде, лишена действительной производительности и ведет своих владельцев к разорению. Обе противоположные постановки поземельной собственности станут необходимо мешать друг другу; освобождение крестьян не может считаться совершенным, и перестройка необходимо поставит себе целью окончательную ликвидацию частной поземельной собственности в собственность общественную.

Заметьте, что казна (правительство) недавно отпустила на волю с землю (наделами) своих так называемых государственных крестьян* и так же не довершила дела, как и при освобождении крепостных помещичьих, т.е. доля казенной поземельной собственности ликвидируется в собственность общественную, доля остается *частной* казенною собственностью. Таким образом, казна ставит себя на правах частного землевладельца, но тем не менее фактически *признает* ликвидацию своей собственности в собственность общественную — необходимую задачу русской перестройки.

Сверх того, это доказывает огромную разницу между общественной поземельной собственностью (которая в своей полной законченности может быть только суммой общинных владений) и собственностью казенной, в которую частные собственности никогда не могут ликвидироваться. Назовите казну как хотите: казной, правительством, царем, императором, etc. — все же она непосредственно пользоваться всей землей не может; у нее на это рук нет. Для своего пользования она должна поставить посредствующих агентов, т.е. чиновников, которые долю продавали бы в народное пользование, долю обрабатывали, хотя бы наймом, в пользу казны, долей пользовались бы сами. Это значило бы под особыми условиями переменить владение частных собственников на владение казенных чиновников, т.е. в сущности значило бы — ничего не переменить**, оставить ценность фальшивую и

* Мы говорили об этом узаконении в 233 & 234 л. «Колокола».

** Заметьте в России постоянный, нисколько не изменяющий дела, переход помещичества в чиновничество и наоборот — чиновничества в помещичество и их неразделимое тождество.

соединение вещи и труда в одни руки и пользование каждого материалом по мере труда — делом невозможным. Очевидно, что ликвидация частных собственности в собственность казенную (даже при странном предположении, что казна может служить посредствующим звеном для перехода в общественную собственность) не представляет никакой необходимости и что, напротив того, перестройка требует равно ликвидации и местной, и казенной собственности в собственность общественную.

От этого-то народ, в сущности, не может примириться ни с помещичьей, ни с казенной (императорской) собственностью и властью. Но он совершенно рационально начинает бороться с первой, ибо она первая на пути, подлежащая сдвигению. Он даже инстинктивно берет себе императорскую власть в помощь в своих начинаниях перестройки, в своих попытках ликвидации частной собственности, равно путем революционным и путем экономическим. Последний путь является только теперь; но народные стремления к перестройке — дело не новое и всегда начиналось с попыток сдвинуть частную поземельную собственность. Вспомните, что сама Пугачевщина⁸² действовала под знаменем царской власти (законной или незаконной — все равно) и вам не покажется удивительным, что при экономическом пути ликвидации народ движется тем же способом, т.е. употребляет в пользу ликвидации частной поземельной собственности в собственность общественную знамя императорской власти. Но это отнюдь не доказывает возможности народного примирения с казенной поземельной собственностью и отношением к чиновничьей, вообще к казенной (императорской) власти. Тем более это примирение невозможно, что теперь само правительство указывает народу, и еще вдобавок искажая свое указание новым притеснением, что он имеет право на ликвидацию казенной собственности в собственность общественную.

Ближайший вывод из всего сказанного — тот, что отныне первый вопрос, являющийся на пути русского развития — это вопрос права малоземельных и безземельных на заселение огромной доли частной и казенной поземельной собственности, еще не поступившей в ликвидацию для перехода в собственность общественную.

Теперь, мне кажется, мы довольно ясно определили основное экономическое отношение русской перестройки к социальной задаче и приходим к другому вопросу: каким образом народное право на заселение земель, не поступивших в ликвидацию, придет к своему практическому осуществлению? Тут невольно является необходимость разбора современной русской действительности — сопоставки сословных отношений и положения правительства,

и значения новых учреждений, и дела молодого поколения, и все вопросы, естественно примыкающие к социальной задаче.

Как это ни трудно — попытайтесь.

Повторимте еще раз наш вопрос: «каким образом народное право на заселение земель, не поступивших в ликвидацию, придет к своему практическому осуществлению?»

Народ еще не имеет средств наличного денежного капитала, или кредита. Первый ответ, который является на наш вопрос, — это создание народного (общественного) поземельного кредита.

[...] ⁸³

Здесь опять, по моей неотразимой привычке, я наткнулся на отступление и не могу не высказать вам всей мысли окончательно.

Есть вопросы, стоящие на ряду *теперь*; их разрешение можно искать в современно-существующих данных. Есть вопросы, пожалуй — имеющие высшую степень общественного значения, но разрешения которых в современных данных не отыщется и постановка которых еще не может идти до надлежащей ясности. Тем не менее нельзя их не провозглашать, нельзя не помогать их разрождению, нельзя не расчищать их пути от препятствий.

Например, вопрос свободы женщины, или лучше сказать равноправности мужчины и женщины — требует, чтобы люди нового мира помогли его развитию, устранили препятствия всеми способами, которые на сию минуту сводятся на очень небольшое число, как-то — возможность достижения женщиною научного образования и научной деятельности, возможность организации женского труда и посредством его женской независимости; но тут еще далеко до гражданской равноправности и участия женщины в гражданской деятельности. А между тем сущность вопроса заключается ни в чем другом, как в гражданской равноправности; но дело еще держится в тисках всяких предрассудков — религиозных, семейных, наконец, даже в уклонении большинства женщин от понимания и признания вопроса, и, конечно, его ясная постановка *теперь* еще невозможна.

Мы даже находим более начала гражданской равноправности женщины и мужчины в тех местностях России, где мужчины уходят на заработки артелями; а женщины, оставаясь дома, составляют мирские сходки, решают поземельные разделы и раскладку повинностей и выбирают из своей среды все должностные лица, кроме старосты*. Зато, в этом есть *только начало* гражданской равноправности мужчины и женщины, а по недостатку образования,

* Материалы для Географии и Статистики России, собранные офицерами. Рязанская губерния. Составил М. Баранович. С.-Петербург, 1860. Стр. 395.

нет ее развития. Но все же дело благонамеренных людей — помогать разрождению этого начала возможной пропагандой, не менее деятельной, как и пропаганда женской научной деятельности, женского труда и женской независимости в других сословиях, хотя бы ясная постановка вопроса в настоящее время и не была еще возможна.

Таким образом, научная организация воспитания составляет один из существеннейших вопросов, которого совершенно разработанная постановка — еще неприложима. Научная организация воспитания должна охватить все возрасты всех сословий — от первоначальной школы до академического учения, ставя предметом человеку, вместо затверженностей, наблюдение и понимание. Но этот вопрос опять держится в тисках всем, что большинство привыкло принимать на веру. Вопрос действительно заключается в положительной науке (пожалуй — хотя бы так называемой положительной философии, ныне запрещенной невиско-императорской цензурой). А если вы хорошенько вникните в его сущность, то увидите, что без него социальное построение общества едва ли придет к своей постановке, будучи раздираемо на клочки всякого рода государственными верованиями. Вы опять увидите здесь, что в обычаях владения русского народа — гораздо больше социального начала, чем в какой бы то ни было организации; но *только начала*, а для его развития необходима организация положительного научного воспитания. Но каким же образом мы придем к постановке этой организации? Опять-таки, расчищая для положительной науки путь равноправности относительно всех убеждений, принятых на веру, всех религий, равно теологических и государственных; а в этой равноправности науки и веры заключается единственное основание действительной свободы печати. [...]

Комментарии

1 РУССКИЕ ВОПРОСЫ. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Цикл статей Н.П. Огарева «Русские вопросы», посвященный условиям и методам ликвидации крепостного права в России, был впервые опубликован в журнале «Полярная звезда» в 1856 г. и в газете «Колокол» в 1856–1858 гг.

Статья «Крестьянская община» вышла двумя частями 1 и 15 февраля 1858 г. за подписью Р.Ч. («русский человек» — псевдоним Н.П. Огарева) и В. Огарев (Р.Ч. [Огарев Н.П.]). Русские вопросы. Крестьянская община // Колокол, прибавочные листы к Полярной Звезде. Лист 8. 1 Февраля. 1858. С. 59–65; Огарев В. [Огарев Н.П.]. Русские вопросы. Крестьянская община (продолжение) // Колокол, прибавочные листы к Полярной Звезде. Лист 9. 15 Февраля. 1858. С. 68–73).

Текст статьи «Крестьянская община» печатается по первому изданию.

² Рюрик (?–879) — легендарный основатель государственности Руси, варяг, новгородский князь и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей.

³ Петр I Великий (1672–1725) — последний царь всея Руси из династии Романовых (с 1682) и первый Император Всероссийский (с 1721).

⁴ Трехпольный севооборот — система полеводства, состоящая в том, что пашня делилась на три поля, каждое из которых засевалось сообразно чередованию созревания культур.

⁵ Гумны — расчищенный, огороженный участок земли, на котором в индивидуальных крестьянских хозяйствах складывали хлеб, проводили его обмолот, а также обработку зерна.

⁶ Пай — доля.

⁷ Тягло — единица налогообложения в крепостном хозяйстве (семья и т.п.).

⁸ В примечании Огарев ссылается на главу XI сборника американского писателя и философа Эмерсона (Emerson) Ральфа Уолдо (1803–1882) «Черты английской жизни» (Лондон, 1856).

⁹ В примечании и далее в тексте статьи Огарев ссылается на лондонское издание книги Лэйинга (Laing) Сэмюэля (1780–1868) «Заметки путешественника о социальном и политическом положении Франции, Пруссии, Швейцарии, Италии и других частей Европы» (*Laing S. Notes of a traveller, on the social and political state of France, Prussia, Switzerland, Italy, and other parts of Europe, during the present century.* London; Longman; Brown; Green and Longmans, 1854. Vol. I. Chap. 2. P. 22–43).

¹⁰ Маиорат — майорат, система наследования, при которой имущество переходит нераздельно к одному лицу по принципу старшинства в роде или семье.

¹¹ В примечании Огарев ссылается на главу VII части первой труда английского мыслителя и экономиста Милля (Mill) Джона Стюарта (1806–1873) «Принципы политической экономии» (3-е изд. Лондон, 1852).

¹² Половники — крестьяне-издольщики, платящие за аренду земли долей урожая.

Métayers — испольщики, арендаторы ферм (*фр.*).

¹³ Из полу — т.е. на условии передачи половины урожая помещику.

¹⁴ Сисмонди (Sismondi) Жан Шарль Леонард Сисмонд де (1773–1842) — швейцарский экономист и историк, один из основоположников политической экономии. В примечании Огарев ссылается на работу Сисмонди “*Nouveaux principes d’économie politique, ou de la Richesse dans ses rapports avec la population*” (1819) — «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению».

Val di Nievole — Валь ди Ниеволе, регион юго-западной части провинции Пистойя, недалеко от Флоренции (Италия).

¹⁵ Революция 1789 г. — Великая французская революция 1789–1794 гг.

¹⁶ Турго (Turgot) Анн Робер Жак (1727–1781) — французский экономист и государственный деятель. В примечании Огарев ссылается на его «Записку об увеличении налогообложения...» (1766).

¹⁷ Выселок — небольшое, вновь возникшее селение, жители которого выселились из соседних селений.

¹⁸ Артель — добровольное объединение людей для совместной работы или иной коллективной деятельности, часто с участием в общих доходах и общей ответственностью на основе круговой поруки.

¹⁹ Среднее сословие — не вполне определенный термин; к нему причисляются, главным образом, торговый класс, ремесленники, большинство чиновничества. Другие названия — третье сословие, буржуазия.

²⁰ Протори — издержки в связи с ведением судебного дела, тяжбы.

²¹ В примечании Огарев ссылается на работу немецкого политика и публициста Бюхера (Bücher) Лотара (1817–1892) «Парламентаризм, как он есть» (Берлин, 1855).

²² Чартизм — движение рабочих Великобритании в 1830–1850-х гг., главные требования которого были изложены в 6 пунктах хартии (избирательное право для всех мужчин старше 21 года, тайное голосование, отмена имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов, годичный срок парламентских полномочий).

²³ Бурбоны (Bourbons) — королевская династия, занимавшая с перерывами престол во Франции с 1589 по 1830 г., когда в ходе Июльской революции был свергнут Карл X (1757–1836).

²⁴ Indres-et-Loire — Эндр и Луара, департамент на западе центральной части Франции.

²⁵ Токвиль (Tocqueville) Алексис (1805–1859) — французский политический мыслитель, историк и политический деятель.

²⁶ Миноритет — меньшинство.

²⁷ Оброк — одна из повинностей зависимых крестьян, заключающаяся в выплате дани помещику продуктами или деньгами.

²⁸ Мир — мирская сходка, собрание домохозяев — членов сельской общины для обсуждения общинных нужд и порядков, выносящее общие решения — мирские приговоры.

²⁹ Suffrage universel — всеобщее избирательное право (*фр.*).

³⁰ Конец первой части, далее — продолжение статьи, опубликованное Огаревым 15 февраля в 9 листе (номере) «Колокола».

³¹ Киселевское министерство — Министерство государственных имуществ, российское министерство, заведовавшее государственными землями и иным государственным имуществом в Российской империи, учрежденное 26 декабря 1837 г. Инициатором его создания и первым министром (с 1837 по 1856 г.) был Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872).

³² Земская полиция — или «земский суд», «уездная полиция» — низшее административно-полицейское учреждение уезда в Российской империи, во главе которого стоял уездный исправник, при котором находилось полицейское управление, называемое «земским судом». Исправники на должность определялись по выбору дворянства. Сотские были выборными от крестьян в селах, насчитывавших от 100 до 200 дворов, десятские — от 10 до 30 дворов. В помощь земской полиции предназначались иррегулярные (инвалидные) команды. Чины земской полиции (исправники, сотские, десятские) призваны были наблюдать за сохранением общественного спокойствия и предупреждать «нарушение порядка».

³³ Палата государственных имуществ — губернское учреждение в России в 1838–1866 гг., орган Министерства государственных имуществ, ведавшее, во-первых, управлением государственными имуществами, т.е. казенными населенными и пустопорожными землями, лесами и всякими оброчными статьями; во-вторых, попечительством над государственными крестьянами и их управлением.

³⁴ Старшина и голова — представители администрации волости, являвшейся административно-территориальной единицей в составе уезда. Волостной голова, возглавлявший волостное правление, первую инстанцию которой составлял сельский старшина, избирался на трехлетие волостным сходом, но утверждался в должности и увольнялся, по представлению окружного начальника, палатой государственных имуществ, с разрешения начальника губернии. Кроме того, волостные головы могли быть назначаемы, по распоряжению министра государственных имуществ, из благонадежных унтер-офицеров, фельдфебелей и вахмистров.

³⁵ Для управления волостью были учреждены: 1) волостной или участковый сход (для волостных выборов, разного рода дел общественных и дел рекрутской повинности), составлявшийся в присутствии волостного головы из выборных сельских обществ; 2) волостное правление, состоявшее из волостного головы и заседателей, с волостным писарем и его помощниками, которых назначал окруж-

ной начальник; 3) волостная расправа из двух выборных добросовестных (т.е. судей) под председательством волостного головы. Волостная расправа представляла собой вторую степень домашнего суда по делам государственных крестьян; первую же степень суда составляла сельская расправа.

³⁶ Свободные хлебопашцы — категория крестьянства в России в XIX в. (в официальных документах ими именовались бывшие частновладельческие крестьяне).

³⁷ *Pis aller* — наихудший (фр.).

³⁸ Овин или рига — строение для сушки снопов перед молотьюбой.

³⁹ Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793—1857) российский экономист, статистик и государственный деятель, автор капитального труда «О производительных силах России» (Париж, 1852—1855, на фр.), который упоминает и на который ниже ссылается Огарев.

⁴⁰ Такстгаузен (Naxthausen) Август (1792—1866) — германский экономист, автор трехтомного труда «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847, 1851).

⁴¹ Менонисты (менониты) — секта протестантского толка. Колонию немцев-менонитов, переселившихся в Россию на основании правительственного Манифеста 1763 г., Такстгаузен посетил в 1843 г. во время путешествия по России.

⁴² В примечании Огарев ссылается на труд «Энциклопедия торговли и коммерции США» (1853) американского публициста, статистика, профессора политической экономии Де Боу (De Bow) Джеймса Данвуди Браунсона (1820—1867).

⁴³ Бушель — мера емкости сыпучих тел, равная 36,348 литрам.

⁴⁴ Десятина — основная дOMETрическая мера площади в России, равная 1,0925 гектара.

⁴⁵ Acres — акр (англ. “acre” — от лат. “ager” поле, участок земли), земельная мера, равная 4047 кв. м.

⁴⁶ Вагнер (Wagner) Мориц Фридрих (1813—1887) — немецкий путешественник, биолог, географ и естествоиспытатель.

В примечании Огарев ссылается на совместную работу Вагнера и австрийского путешественника и дипломата Шерцера (Scherzer) Карла Риттера (1821—1903) — «Республика Коста-Рика» (Лейпциг, 1856).

⁴⁷ Николаевская железная дорога (до 1855 года — Петербурго-Московская, железнодорожная магистраль Петербург-Москва), официальное открытие которой состоялось 1 ноября 1851 г. Согласно проекту стоимость трассы должна была составить 43 млн рублей, строительство же обошлось в 67 млн рублей.

⁴⁸ Parish — гражданский округ, единица административного деления (амер.).

⁴⁹ Слэвгольдеры — владельцы рабов (от англ. “slaveholder” — рабовладелец).

⁵⁰ Ad absurdum — до абсурда (англ.).

⁵¹ ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ

Цикл статей «Частные письма об общем вопросе» впервые был опубликован в «Колоколе» в 1866—1867 гг.

⁵² Письмо первое

Текст статьи печатается по: *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо первое // Колокол. Лист 211. 1 Января. 1866. С. 1725—1727.

⁵³ «Две статьи, помещенные “К концу года” в двух последних листах “Колокола”, так органически, естественно втекают в письма Огарева о русском социализме, так служат им введением, что я не счел нужным продолжать их. — *И-рь*». — *Прим. А.И. Герцена.*

Речь идет о статье А.И. Герцена «К концу года», две части которой за подписью *И-рв.* появились в «Колоколе» 1 и 15 декабря 1865 г. (Колокол. Лист 209. С. 1709–1712; Колокол. Лист 210. С. 1717–1720), где наряду с подведением итогов 1865 г. и полемикой с оппонентами Герцен развивает мысль о разных судьбах исторического развития Запада и России, о самостоятельном пути прихода России к социализму через крестьянскую общину.

⁵⁴ «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит, 25:23).

⁵⁵ *Lex agraria* — римский аграрный закон, ограничивавший размеры земельных владений римских граждан и предусматривавший распределение общественных земель среди населения (*лат.*).

⁵⁶ “*In spe*” — в будущем (*лат.*).

⁵⁷ Французская революция — Великая французская революция (1789–1799).

⁵⁸ Имеется в виду Английская революция 1640–1660 гг.

⁵⁹ Пейн (Paine) Томас (1737–1809) — американский мыслитель, публицист, общественный деятель английского происхождения, один из главных представителей американского Просвещения.

⁶⁰ Кабэ (Cabet) Этьен (1788–1856) — французский публицист, идеолог утопического коммунизма, автор социально-философского романа «Путешествие в Икарию» (1840), изображающего устройство утопического коммунистического общества. В 1848 г. предпринял попытку создать колонию икарийцев в США, просуществовавшую, несмотря на внутренние расколы и конфликты, до 1888 г.

⁶¹ Письмо второе

Печатается с сокращениями по: Огарев Н. Частные письма об общем вопросе. Письмо второе // Колокол. Лист 216. 15 Марта. 1866. С. 1765–1767.

⁶² Конт (Comte) Огюст (1798–1857) — французский философ и социолог, родоначальник позитивизма, автор трудов «Курс позитивной философии» (*Comte A. Cours de philosophie positive. Vol. 1–6. P. 1830–1842*); «Система позитивной политики, или Социологический трактат, учреждающий Религию Человечества» (*Comte A. Systeme de politique positive, ou traite de sociologie, instituant la religion de l'humanite. Vol. 1–4. P. 1851–1854*) и др.

⁶³ “*Traité de Philosophie positive*” — трактат о позитивной философии (*фр.*). Имеется в виду «Курс позитивной философии» О. Конта.

⁶⁴ В примечании Огарев цитирует слова Курно (Cournot) Антуана Огюстена (1801–1877), французского математика, экономиста и философа: “*La pensée n'est que la conception d'un rapport*” — «Мысль — только концепция сообщения» (*фр.*).

⁶⁵ Римское начало собственности — неограниченное право распоряжаться и пользоваться (*лат.* “*juris utendi et abutendi*”) принадлежащей собственнику вещию.

⁶⁶ В примечании Огарев цитирует труд немецкого историка античности Моммзена (Mommsen) Теодора (1817–1903) «Римская история», первые три тома охватывавшие период от основания Рима до падения Республики, вышли в 1854–1857 гг.

⁶⁷ Викильф, или Уиклиф (Wickliffe) Джон (1320 или 1324–1384) — английский богослов, реформатор, проповедник социального равенства и критик церковного права владения и собственности.

⁶⁸ Болл (Ball) Джон (ок. 1330–1381) — английский священник, проповедник социального равенства.

⁶⁹ Бабёф (Babeuf) Гракх (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760–1797) — французский революционер, коммунист-утопист. В период французской революции под именем Гай Гракх выступил за имущественное равенство, организовал тайное общество, готовившее восстание, но был предан и казнен.

⁷⁰ Далее на с. 1768–1769 Огарев описывает исторический контекст формирования учения Г. Бабёфа.

⁷¹ Письмо третье

Печатается с сокращениями по: *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо третье // Колокол. Лист 220. 15 Мая. 1866. С. 1798, 1801.

⁷² Далее Огарев излагает учение Г. Бабёфа.

⁷³ Гизотовского, т.е. консервативного, от имени Ф. Гизо — премьер-министра Франции накануне революции 1848 г.

⁷⁴ Окончание четвертого письма

Печатается с сокращениями по: *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Окончание четвертого письма // Колокол. Лист 225. 1 Августа. 1866. С. 1837–1840.

⁷⁵ В первой части четвертого письма (*Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо четвертое // Колокол. Лист 223. 1 Июля. 1866. С. 1822–1826) Огарев изложил учение А. Сен-Симона.

⁷⁶ Огарев ссылается на статьи законодательства Российской империи «О разных родах состояний, и различии прав им присвоенных», касающиеся евреев: «1369. Употребление особой одежды евреям воспрещается повсеместно.

Примечание. Генерал-Губернаторам предоставлено право, в тех случаях когда они признают нужным, дозволить, за определенную плату, донашивать еврейское платье престарелым евреям, кои, имея не менее шестидесяти лет от роду, продолжали носить его до 1850 года» (Свод Законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. Т. 9: Законы о состояниях. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 266.

⁷⁷ «1371. Запрещается женщинам еврейкам брить головы; за нарушение сего запрещения они подвергаются наказанию по пяти рублей серебром» (Свод Законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. Т. 9: Законы о состояниях. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 267).

⁷⁸ Огарев цитирует статью 216 «О ересьях и расколах» «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (Свод Законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. Том пятнадцатый. Законы уголовные. СПб.: тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 53–54).

⁷⁹ Сектаторство — сектанство.

⁸⁰ Письмо между четвертым и пятым

Печатается с сокращениями по: *Огарев Н.* Частные письма об общем вопросе. Письмо между четвертым и пятым // Колокол. Лист 237. 15 Марта. 1867. С. 1937–1938; Лист 239. 15 Апреля. 1867. С. 1951–1953.

⁸¹ Огарев обыгрывает библейское выражение «совлечь с себя ветхого Адама» (Послания апостола Павла), ставшее иносказательным, т.е. обновиться, усвоить новое, освободившись от старого.

⁸² Пугачевщина — крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, выдававшего себя за императора Петра III, который в 1782 г. был свергнут в результате дворцового переворота и убит.

⁸³ Далее Огарев рассуждает о народном кредите.

Чернышевский Николай Гаврилович — писатель, публицист, родоначальник русского социализма

Родился 2 июля 1828 г. в Саратове в семье православного священника, протоиерея саратовской Сергиевской церкви, служившего также инспектором приходского и уездного духовных училищ, благочинным городских церквей и членом духовной консистории Саратовской епархии. Стараниями отца Чернышевский получил прекрасное домашнее образование, в 1842 г. был зачислен сразу в старший класс Саратовской духовной семинарии. Не кончив курса, в 1846 г. он поступил в Санкт-Петербургский университет, историко-филологическое отделение (факультет) которого с отличием окончил в 1850 г. В университете увлекся фурьеризмом и... славянскими древностями; под руководством профессора И.И. Срезневского, возглавлявшего кафедру истории и литературы славянских наречий, работал над этимолого-синтаксическим словарем к Ипатьевской летописи (опубл. в 1853 г.). В мае 1853 г. подал прошение о допущении к испытаниям на степень магистра, подготовил носившую явные следы воздействия философии Л. Фейербаха диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», которая была опубликована и успешно защищена в ходе публичного диспута в мае 1855 г. Степень магистра Чернышевскому была присвоена лишь в октябре 1858 г.

В 1850 г. Чернышевский некоторое время работал репетитором в санкт-петербургском 2-м кадетском корпусе, в 1851–1853 гг. служил учителем

словесности в Саратовской гимназии, после переезда в Санкт-Петербург в 1853 г. учителем русского языка и словесности во 2-м кадетском корпусе, откуда в мае 1855 г. вышел в отставку. В Саратове сблизился с находившимся там в ссылке историком Н.И. Костомаровым. В 1853 г. женился на О.С. Васильевой. В том же 1853 г. начал литературную деятельность, опубликовав первые рецензии и переводы в столичных изданиях. Сотрудничал с журналом «Отечественные записки», в 1854 г. стал сотрудником журнала «Современник», на страницах которого опубликовал многие свои значительные работы («Очерки гоголевского периода русской литературы», «Антропологический принцип в философии», «Капитал и труд», «Лессинг» и др.). В 1857–1859 гг. поместил в нем ряд работ, посвященных крестьянскому вопросу, в которых проводил идею освобождения крестьян с землей без выкупа или с минимальным выкупом, вел полемику с противниками крестьянской общины, сформулировал «закон вечной смены форм», доказывающий возможность перехода России к социализму, минуя капитализм и «пролетариатство», используя институт крестьянской общины («О поземельной собственности», «О новых условиях сельского быта», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Суеверие и правила логики» и др.). В 1859–1862 гг. вел в журнале рубрику «Политика. Ежемесячные обзоры заграничной политической жизни». В 1858 г., не прерывая своей работы в «Современнике», был редактором ежемесячного журнала «Военный сборник». В 1859 г. Чернышевский предпринял краткосрочное путешествие за границу, встречался в Лондоне с Герценом. В 1861 г. осуществил собственную попытку пропагандистской деятельности — написал прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В 1862 г. подготовил к публикации в «Современнике» «Письма без адреса» с критикой бюрократической формы проведения реформы, ее неудовлетворительных результатов и предостережением о неизбежности близкого народного возмущения (статья задержана цензурой, опубликована за границей в 1874 г.). Идея некапиталистического развития России, защита общины и ожидание крестьянской революции позволяют отнести Чернышевского к родоначальникам русского социализма.

7 июля 1862 г. Чернышевский был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Поводом для ареста послужило перехваченное полицией письмо Герцена, в котором упоминалось имя Чернышевского. Следствие длилось около полутора лет. Чернышевский продолжал работать в тюрьме: написал роман «Что делать?» (1863), имевший большой успех в среде революционно настроенной молодежи, повесть «Алферьев» (не закончена), ряд мелких рассказов (1864), сделал переводы нескольких исторических и литературных трудов. По сфальсифицированным следствием доказательствам он был признан виновным, и за «злоумышление к ниспровержению существующих порядков, принятие мер к возмущению, сочинение возмутительного воззвания к бар-

ским крестьянам и передачи оною для напечатания в видах распространения» лишен всех прав состояния, осужден на семь лет каторги и вечное поселение в Сибири. После обряда гражданской казни на Мытнинской площади (19 мая 1864 г.) Чернышевский попал в Нерчинскую каторгу (Кадайский рудник; в 1866 г. переведен в Александровский завод). В 1871 г. по отбытии срока каторжных работ он был поселен в Вилюйском остроге. В 1883 г. Чернышевского отправили под надзор полиции в Астрахань. В июне 1889 г. он получил разрешение жить в Саратове, где 17 октября 1889 г. скончался и был похоронен на саратовском Воскресенском кладбище.

СОЧИНЕНИЯ

Чернышевский Н.Г. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. В.В. Блохин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, В.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского и др. М.: Государственное издательство художественной литературы., 1939–1953. Т. 16 (дополн.). М., 1953.

Чернышевский Н.Г. Сочинения: В 2 т. / Ред. изд. и авт. вступ. ст. И.К. Пантин; т. 1 / Сост. и авт. прим. В.И. Приленский. М.: Мысль, 1986; т. 2 / Сост. и авт. прим. Л.В. Поляков. М.: Мысль, 1987.

ЛИТЕРАТУРА

Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Ч. 1–4. Саратов, 1978–1994.

Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993.

Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб., 2008.

КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩИННОГО ВЛАДЕНИЯ¹

(К вопросам по опостылому делу,
статья первая)

Wie weh', wie weh', wie wehe.

Goethe "Faust"²

Предисловие. — *Первобытность общинного поземельного владения свидетельствует ли против предпочтения его личной поземельной собственности? — Необходимо ли у каждого народа каждому учреждению проходить все логические моменты развития? — Регламентация и законодательство.*

Долго молчал я в споре, который был поднят мною. Равнодушные, с которым были встречены остальными журналами первые статьи мои и г. Вернадского³, служившие на них ответом, — это равнодушие мало-помалу сменилось чрезвычайно живым участием⁴. Вот уж много времени, как не проходит ни одного месяца без того, чтоб не явилось в разных журналах по нескольку статей об общинном владении. Все говорили об этом вопросе, — я молчал. Большая часть говоривших о нем нападали и на мое мнение, и на мою личность очень сильным образом, — я молчал, хотя в других случаях не отличался способностью оставлять без ответа нападение на то, что считаю справедливым и полезным, и хотя даже друзья мои всегда замечали во мне чрезвычайную, по их мнению, даже излишнюю, любовь к разъяснению спорных вопросов горячею полемикою. Я молчал, несмотря ни на интерес, приобретенный для публики вопросом, который так дорог для меня лично, несмотря на бесчисленные вызовы противников, несмотря на частые побуждения от друзей, упрекавших меня и в лености, и в позорной апатии к общему делу, и в трусости. И теперь, когда берусь я за перо, чтобы снова защищать общинное владение, я выдерживаю сильную борьбу с самим собою и не знаю сам, не лучше ли было бы продолжать мне упорное молчание.

Дело в том, что я стыжусь самого себя. Мне совестно вспоминать о безвременной самоуверенности, с которою поднял я вопрос об общинном владении. Этим делом я стал безрассуден, — скажу прямо, стал глуп в своих собственных глазах.

Возобновляя мою речь об общинном владении, я должен начать признанием совершенной справедливости тех слов моего первого противника, г. Вернадского, которыми он объявлял в самом возникновении спора, что напрасно взялся я за этот предмет, что не доставил я тем чести своему здравому смыслу. Я раскаиваюсь в своем прошлом неблагоразумии, и если бы ценою униженной просьбы об извинении могло покупаться забвение совершившихся фактов, я, не колеблясь, стал бы просить прощение у противников, лишь бы этим моим унижением был прекращен спор, начатый мной столь неудачно.

«Как? Неужели человек, так громко провозглашавший непобедимость доводов в пользу общинного владения, поколебался в своем убеждении возражениями противников, бессилие которых так высокомерно осмеивал в начале битвы? — подумает читатель. — Неужели он чувствует себя побежденным теми фактами и силлогизмами, которые противопоставлены ему?» О, если бы мой стыд перед самим собою происходил из этого источника! Быть по-

беждену учеными доводами, конечно, неприятно было бы для самолюбия, особенно когда при этом наносятся еще оскорбления личности побеждаемого; но в таком случае скорбь состояла бы в чувстве мелочном, пошлость которого отняла бы силу открыто признаваться перед публикою в своем стыде. Мой стыд другого рода, и как ни тяжел он, он не боится огласки.

Не возражениями противников позорится моя безрассудная надежда на победу. Пусть противники многочисленны; пусть возражения громадны по объему и количеству; пусть даже некоторые из противников принадлежат к тем людям, одобрением которых я дорожил в других случаях, порицание которых было бы горько для меня в других делах: не ими смущен я. С самого начала я говорил, что по вопросу об общинном владении против меня будет огромное большинство русских ученых и мыслителей и те литературные партии, которые уважаются мною выше всех остальных после той, к которой принадлежу я сам. Факт, предвиденный и предсказанный мною самим, не мог смутить меня. Напротив, я удивлялся, не встретив враждебности к защищаемому мною делу в некоторых из наших публицистов, имеющих наиболее авторитета во мнении публики и моем собственном⁵. Отрадной для меня неожиданностью было, что эти люди или не напали на защищаемое мною мнение, или даже выражали свое сочувствие к нему⁷.

Не многочисленностью противников был удивлен я, а тем, что их не оказалось еще гораздо больше; удивлен, что в их рядах нет ни одного из тех ученых, противоречие которых было бы для меня действительно тяжело. Если не произвела на меня впечатления огромность числа писателей, восставших против общинного владения, то еще меньше могли поколебать мое убеждение доводы, ими выставленные. В начале спора я указывал обыкновенные источники возражений против общинного владения и книги, руководящие мыслями людей, от которых ожидал я противоречия. Мои предположения, что против меня будут повторять чужие слова, давно известные не мне одному и давно опровергнутые не мною, а европейскими писателями, — эти предположения сбылись даже выше всех моих ожиданий. Ни одного нового или самостоятельного соображения не было представлено русскими противниками общинного владения; все их понятия были целиком взяты из устарелых книг и даже не применены к частному вопросу, к которому большею частию вовсе не шли. Из немногих фактов,

⁵ Я говорю не о славянофилах, которых я могу уважать за многое, но симпатии которых не заслуживаю, как они сами объявляют и как я сам чувствую.

на которые опирались эти соображения, также не было почти ни одного, который бы прямо шел к делу; а если некоторые и шли к делу, то были подбираемы так неосмотрительно, что свидетельствовали в сущности не против общинного владения, а в пользу его. Словом сказать, возражения были до того избиты, что, признаюсь, я не имел интереса прочесть до конца почти ни одной из статей против общинного владения, которые появлялись после того, как я поместил свою последнюю статью⁶ против г. Вернадского в ноябрьской книжке «Современника» прошлого года; с первых же страниц каждого возражения я видел, что бесполезно читать эти бледные повторения того, что уже давно наскучило мыслящему человеку в сотнях плохих французских книжек о политической экономии; даже приятность читать гневную брань против себя, приятность, выше которой нет ничего для писателя, любящего колебать старые и надменные предрассудки, не могла пересилить скуку, приносимую вялыми повторениями общих мест старинной экономической школы⁷. Только теперь, решившись возобновить свои статьи об общинном владении, я стал читать эти возражения и убедился, что не сделал ошибки, предположив их вовсе не заслужившими прочтения.

Итак, не сила противников заставляет меня признать, что я заблуждался, начав говорить в защиту общинного владения. Напротив, со стороны успеха именно этой защиты я могу признать за своим делом чрезвычайную удачу: слабость аргументов, приводимых противниками общинного владения, так велика, что без всяких опровержений с моей стороны начинают журналы, сначала решительно отвергавшие общинное владение, один за другим делать все больше и больше уступок общинному поземельному принципу. Теперь нет уже сомнения в том, что большинство литературного мира считает нужным сохранить от вторжения личной частной собственности, по крайней мере на ближайшее время, те части земли, которые до сих пор оставались собственностью или владением общества. Такая уступка после первоначального совершенного и резкого отвержения общественной поземельной собственности во всех ее видах могла бы внушать мне некоторую гордость⁸. Но я стыжусь себя.

Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сделать это, как могу.

Как ни важен представляется мне вопрос о сохранении общинного владения, но он все-таки составляет только одну сторону дела, к которому принадлежит. Как высшая гарантия благосостояния людей, до которых относится, этот принцип получает смысл

только тогда, когда уже даны другие, низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора. Такими гарантиями должны считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого еще мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения. Примеры малой выгоды ее при противном условии часто встречаются у нас по дворянским имениям, обремененным долгами. Бывают случаи, когда наследник отказывается от получения огромного количества десятин, достаемых ему после какого-нибудь родственника, потому что долговые обязательства, лежащие на земле, почти равняются не одной только ренте, но и вообще всей сумме доходов, доставляемых помещьем. Он рассчитывает, что излишек, остающийся за уплатою долговых обязательств, не стоит хлопот и других неприятностей, приносимых владением и управлением. Потому, когда человек уже не так счастлив, чтобы получить ренту, чистую от всяких обязательств, то по крайней мере предполагается, что уплата по этим обязательствам не очень велика по сравнению с рентою, если он находит выгодным для себя ввод во владение. Только при соблюдении этого второго условия люди, интересующиеся его благосостоянием, могут желать ему получение ренты.

На предположении этих двух условий была основана та горячность, с какою я выставлял общинное владение необходимым довершением гарантий благосостояния.

Меня упрекают за любовь к употреблению парабол⁹. Я не спорю, прямая речь действительно лучше всяких приточных сказаний; но против собственной природы и, что еще важнее, против природы обстоятельств идти нельзя, и потому я останусь верен своему любимому способу объяснений. Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал из расположения собственно к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовляемый из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед, но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных отряхиваниях? «Человек самолюбив», и первая мысль, рождающаяся

во мне, относится ко мне самому. «Как был я глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто, кроме глупца, может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись прежде, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?» Вторая моя мысль — о вас, предмете моих забот, и о том деле, одним из обстоятельств которого я так интересовался: «Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, приносящее вам только разорение!» Досада за вас, стыд за свою глупость — вот мои чувства.

Но довольно мне говорить о своих чувствах и о собственной личности. Как бы то ни было, но пошло в ход глупым образом начатое мною дело об общинном владении¹⁰. Не все смотрят на него с тем чувством отвращения и негодования, какое внушает оно мне теперь, по разрушении надежд, в которых было начато мною. Теперь, я уже сказал, я желал бы, быть может, чтобы все оно пропало. Другие, напротив, хлопочут о том, чтобы привести его к концу, все больше и больше склоняясь к тем мнениям, какие были выражены мною при начале спора об общинном владении. Дело это уже не может быть брошено. А если дело, которому лучше было бы быть брошено, уже не может быть брошено, то нечего делать, надобно участвовать в его ведении.

Резким полемическим тоном был начат мною спор об общинном владении. Крик этот имел одну цель: заставить обратить внимание на предмет его. Теперь общее внимание обращено на предмет речи и нет надобности ей переступать границы спокойного изложения, чтобы быть выслушанной.

Но — последняя дань полемическому тону, от которого я отказываюсь по вопросу об общинном владении: мало того, что возможно мне обойтись без полемики, — было бы недобросовестно с моей стороны пользоваться этим оружием тогда, когда нужно не столько обличение ошибок, сколько пополнение пробелов, производимых незнанием или забывчивостью. Дозволительно ли полемизировать против человека, который не соглашается с вами только потому, что не знает первых четырех действий арифметики или не подумал о результате, получаемом из сложения двух с двумя? Говорить с ним горячим тоном — это и бесполезно для него, и совестно для вас. Он нуждается в уроке из «начатков учения» — в уроке, изложенном с такою популярностью, которая была бы доступна его силам и пробуждала бы деятельность его мысли.

Степень знакомства с современною наукою и привычки к самостоятельному мышлению, обнаруженная противниками об-

щинного владения, предписывает мне стараться о всевозможной популярности при следующем изложении первоначальных понятий, касающихся вопроса о различных видах собственности на землю, владения и пользования землею. Итак, читатель простит мне, если найдет, что большая часть наших страниц посвящена изложению фактов и соображений слишком элементарных: при составлении настоящих статей я имел в виду не тот уровень знаний и сообразительности, какой предполагается в большинстве публики, а только тот, какой обнаружен противниками общинного владения.

Прежде нежели вопрос об общине приобрел практическую важность с начатием дела об изменении сельских отношений, русская община составляла предмет мистической гордости для исключительных поклонников русской национальности, воображавших, что ничего подобного нашему общинному устройству не бывало у других народов и что оно таким образом должно считаться прирожденною особенностью русского или славянского племени, совершенно в том роде, как, например, скулы более широкие, нежели у других европейцев, или язык, называющий мужа — муж, а не *mensch*, *homo* или *l'homme*, и имеющий семь падежей, а не шесть, как в латинском, и не пять, как в греческом. Наконец, люди ученые и беспристрастные¹¹ показали, что общинное поземельное устройство в том виде, как существует теперь у нас, существует у многих других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному быту, и существовало у всех других, когда они были близки к этому быту. Оказалось, что общинное владение землею было и у немцев, и у французов, и у предков англичан, и у предков итальянцев, словом сказать, у всех европейских народов; но потом при дальнейшем историческом движении оно мало-помалу выходило из обычая, уступая место частной поземельной собственности. Вывод из этого ясен. Нечего нам считать общинное владение особенною прирожденною чертою нашей национальности, а надобно смотреть на него как на общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа. Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития. Сохранение общины в поземельном отношении, исчезнувшей в этом смысле у других народов, доказывает только, что мы жили гораздо меньше, чем эти народы. Таким образом оно со стороны хвастовства перед другими народами никуда не годится.

Такой взгляд совершенно правилен; но вот наши и заграничные экономисты устарелой школы вздумали вывести из него следующее заключение: «Частная поземельная собственность есть позднейшая форма, вытеснившая собою общинное владение, оказывавшееся несостоятельным перед нею при историческом развитии общественных отношений; итак, мы подобно другим народам должны покинуть его, если хотим идти вперед по пути развития».

Это умозаключение служит одним из самых коренных и общих оснований при отвержении общинного владения. Едва ли найдется хотя один противник общинного владения, который не повторил бы вместе со всеми другими: «Общинное владение есть первобытная форма поземельных отношений, а частная поземельная собственность — вторичная форма; как же можно не предпочитать высшую форму низшей?» Нам тут странно только одно; из противников общинного владения многие принадлежат к последователям новой немецкой философии; одни хвалятся тем, что они шеллингисты¹², другие твердо держатся гегелевской школы; и вот о них-то мы недоумеваем, как не заметили они, что, налегая на первобытность общинного владения, они выставляют именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно сильно предрасполагать в пользу общинного владения всех, знакомых с открытиями немецкой философии относительно преемственности форм в процессе всемирного развития; как не заметили они, что аргумент, ими выставляемый против общинного владения, должен, напротив, свидетельствовать о справедливости мнения, отдающего общинному владению предпочтение перед частною поземельною собственностью, ими защищаемую?

Мы остановимся довольно долго над следствиями, к каким должна приводить первобытность, признаваемая за известною формою, потому что по странной недогадливости именно эта первобытность служила, как мы сказали, одним из самых любимых и коренных аргументов наших противников.

Мы — не последователи Гегеля, а тем менее последователи Шеллинга. Но не можем не признать, что обе эти системы оказали большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития. Основной результат этих открытий выражается следующей аксиомою: «По форме высшая ступень развития сходна с началом, от которого оно отправляется». Эта мысль заключает в себе коренную сущность шеллинговой системы; еще точнее и подробнее раскрыта она Гегелем, у которого вся система состоит в проведении этого основного принципа чрез все явления мировой жизни от ее самых общих состояний до мель-

чайших подробностей каждой отдельной сферы бытия. Для читателей, знакомых с немецкою философиею, последующее наше раскрывание этого закона не представит ничего нового; оно должно служить только к тому, чтобы выставить в полном свете непоследовательность людей, не замечавших, что дают оружие сами против себя, когда налегают с такою силою на первобытность формы общинного владения.

Высшая степень развития по форме сходна с его началом, — это мы видим во всех сферах жизни. Начнем, с самой общей формы процесса бытия на нашей планете. Газообразное и жидкое состояние тел — вот исходная точка, от которой пошло вперед образование нашей планеты и жизни в ней. Великим шагом вперед было сгущение газов и отвердение жидкостей в минеральные породы. В благородных металлах и драгоценных камнях планетный процесс дошел до совершенства в этом направлении. Сравните вековую неразрушимость и чрезвычайную плотность золота и платины, еще большую неразрушимость и страшную крепость рубина и алмаза с шаткостью формы, с быстрым процессом химических изменений в газе и жидкости, вы увидите две противоположные крайности. Но что же затем? Истошилась ли жизнь природы достижением крайней прочности, плотности и неподвижности в минеральном царстве? Нет, мало-помалу на минеральном царстве возникает растительное. С одного шага природа от страшной плотности минералов возвращается к меньшей плотности жидкостей: удельный вес дерева занимает средину между удельным весом разных жидкостей. Мало этого сходства в удельном весе: минеральное основание дерева (обнаруживающееся пепельным остатком по его разложению) принимает в соединение с собой очень значительную массу материи в жидком состоянии: все дерево проникнуто жидким соком, который и составляет двигатель его жизни. Но от неподвижности минерального царства осталась в дереве неподвижность на месте, которое раз занято целым организмом, и неизменность в расположении частей, какое раз приняли они одни относительно других. Внешняя форма дерева также тверда; она только нечувствительно расширяется временем в объеме, но за этим исключением постоянно сохраняет одно и то же очертание. Природа вступает в новый фазис развития, за растительным царством производит животное, и этим шагом она еще приближается к формам бытия, предшествовавшим минеральному царству. В организме животного жидкие элементы занимают еще гораздо больше места, нежели в растении. Они даже достигают самостоятельного отделения от твердых частей, огром-

ными массами собираясь в жилах, в сердце, в желудке и других резервуарах животного организма. Твердая основа, которая в растении представлялась на первом плане, в животном отступает вовнутрь, облекаясь мягкими покровами мяса и жира; теряя наружное значение, она теряет и ту центральную важность, какую имела в дереве, где все до самой сердцевины было твердо: в животном центральные части, важнейшие по своему значению для организма, так же не тверды, как и наружные покровы остова; твердый остов удерживается единственно как опора для мягких частей. Мало того, что жидкость изгнала минеральную твердость из центральных органов: в эти органы проникли газы: животный организм наполнен воздухом, значительными массами, сосредоточивающимися в двух основных органах центральной жизни, в легких и в желудке. От минерального царства в растении сохранялось постоянство внешней формы; в животном наружные очертания постоянно изменяются от непрерывной смены разных положений тела. Не осталось и неподвижности целого организма на одном месте: как частицы воды по закону тяготения и под ударами волн атмосферы вечно движутся с места на место, так и животный организм вечно движется с места на место. Животная жизнь становится все интенсивнее и интенсивнее; проходя от ленивого моллюска, почти прикованного к месту, через высшие формы организма до млекопитающих, она достигает своего зенита в человеке. В чем же состоят материальные отличия этого высшего животного организма от низших? В человеке гораздо более развита нервная система и особенно головной мозг. Что же это за масса, развитие которой составляет венец стремлений природы? Масса мозга — нечто такое неопределенное по своему виду, что как будто бы уже составляет переход от мускулов, имеющих столь определительные качества по своей форме и внутреннему составу, к какому-то полужидкому киселю вроде тех, которыми начинается превращение неорганической материи в органическую. Этот бесформенный кисель сохраняет известное очертание только потому, что удерживается внешними костяными оградами; освободившись от них, он расплывается, будто кусок жидкой грязи. В его химическом составе самый характеристичный элемент — это фосфор, имеющий неудержимое стремление переходить в газообразное состояние; венец животной жизни, высшая ступень, достигаемая процессом природы вообще, нервный процесс состоит в переходе мозговой материи в газообразное состояние, в возвращении жизни к преобладанию газообразной формы, с которой началось планетное развитие.

Иной читатель посмеется над этими геологическо-физиологическими рассуждениями в статье о юридическом и социальном вопросе. Мы сами готовы были бы смеяться над обзорами теллурической жизни¹³, служащими подкреплением политико-экономических истин, если б не замечали, как много зависит тот или другой взгляд на какой-нибудь, по-видимому, чисто практический и очень специальный вопрос от общего философского воззрения. В настоящем случае чтение статей против общинного владения убедило нас, что нерасположение к этой форме поземельных отношений основано не столько на фактах или понятиях, специально относящихся к данному предмету, сколько на общих философских и моральных воззрениях о жизни. Мы думаем, что истребить предубеждения по частному вопросу, нас занимающему, можно только изложением здравых понятий, противоположных отсталым философам¹⁴ или философским и моральным недосмотрам, которыми держатся эти предубеждения. Потому продолжаем философско-физиологические очерки отношений между разными формами жизни, как бы ни казались забавны такие эпизоды в статьях, которые собственно должны бы ограничиваться сферою специальности. Если такие эпизоды и действительно забавны, то мы утешаемся мыслию, что они будут не бесполезны. Кто не хотел подумать об общих истинах, изложенных в Гумбольдтовом «Космосе»¹⁵, тот, конечно, принуждает говорить о них и тогда, когда дело идет о каком-нибудь специальном вопросе.

От общего теллурического процесса перейдем к соотношению форм в более тесных сферах и прежде всего взглянем, например, на характер животной жизни в разных ступенях ее развития. Мы уже видели, что высшее произведение этой жизни, мозговая масса, характером своим напоминает какой-то кисель, почти лишенный тех форм и качеств, какими отличается вообще мясо, составляющее преобладающий элемент животного царства. Низшая ступень животной жизни, проявляющаяся в моллюсках и слизняках, имеет совершенно тот же характер: тело устрицы своим студенистым качеством скорее сходно с мозгом, нежели с мясом. Итак, мы видим опять три формы, из которых высшая (мозг) представляется как будто бы возвращением от второй (мяса) к первобытной форме (студенистое вещество).

Возьмем еще теснейшую сферу жизни, именно два высшие разряда из трех обширных классов, принимаемых Ламарком¹⁶, *animalia articulata* и *animalia intelligentia*¹⁷. С того момента, как проявляется первый признак интенсивности в животной жизни возникновением членораздельности (*animalia articulata*), мы видим,

что каждая из отдельных частей, на которые подразделился организм, имеет как будто бы свою самобытную жизнь, кроме общей жизни целого организма. Из этих низших животных есть такие, которые можно делить на несколько частей, и каждая часть спокойно будет жить по отделении от других. Чем выше мы будем подниматься по лестнице форм, тем сильнее и сильнее общая жизнь целого организма будет брать перевес над жизнью отдельных членов, и, наконец, в разряде рыб преобладание общей жизни целого организма становится до того громадно, что даже исчезают все отдельные члены, и целый организм сливается в один плотный кусок без всяких перехватов и отростков. Но поднимемся еще выше, и в разрядах птиц и млекопитающих мы уже видим возобновление прежних форм организма, у которого к основному стержню примыкают отростки с различными перехватами по внешней форме. Однако, если по наружности птица и млекопитающее составляют как будто возвращение от одного плотного куска рыбы к членораздельным формам насекомых, то внутренняя жизнь, жизнь ощущений и стремлений, остается в птице и млекопитающем, как в рыбе, вся сосредоточена в одном общем органическом чувстве с подавлением самобытного значения стремлений, свойственных отдельным органам. Зрение, слух, обоняние для млекопитающего имеют только то значение, что служат средствами для приискания пищи, различения предметов и местностей, удобных и здоровых для целого организма, от нездоровых или неудобных и для избежания опасностей. Даже вкус служит почти только для рассортировки различных питательных материалов по степени их здоровости для целого организма. Конечно, кошка должна чувствовать разницу вкуса между грубою говядиною или пулярдкою¹⁸; но дайте ей вдруг два куска того и другого мяса, она не станет делать выбор между ними и начнет есть тот, который больше или который скорее попался ей под морду. Даже осязание очень мало служит для животных источником удовольствий, независимых от общих потребностей жизни целого организма. Даже половой инстинкт не занимает их собою как самобытный источник ощущений: его отправления служат только средством для освобождения организма от частиц, излишнее накопление которых расстраивает общий порядок в жизни целого организма. Можно сказать, что все ощущения животных и все их стремления являются только видоизменениями общих потребностей и чувств целого организма, именно отправления желудка и чувства здоровья или болезни. Совершенно не такова жизнь человека. Каждое из его чувств достигает самобытного интереса для него; глаз, ухо и каждый из других

органов чувств становится в человеке как будто каким-то самобытным организмом с собственной жизнью, с своими особенными потребностями и удовольствиями. Человек не только по внешней форме, как млекопитающее, но и по самой сущности своей жизни представляется как будто бы собранием нескольких сросшихся самобытных организмов, и общая жизнь всего организма удерживает за собою значение как будто только потому, что служит общему поддержкою развития этих отдельных жизней. Чем выше поднимается человек в своем развитии, чем цивилизованнее становится он, то есть чем человечнее становится его жизнь, тем больший и больший перевес берут эти частные стремления каждого органа к самостоятельному развитию своих сил и наслаждению своею деятельностью. Ощущения, доставляемые зрением, слухом и другими физическими чувствами, различные нравственные ощущения, игра фантазии, деятельность мышления все решительнее заслоняют собою интересность общего органического процесса для самого индивидуума, и, наконец, этот процесс (питание) сохраняет только тот интерес, какой придается ему наслаждениями отдельного органа вкуса, и вместо самобытного значения он представляется только средством к удовлетворению частного гастрономического интереса или теряет всякую занимательность для индивидуума. Цивилизованный человек, если развит нормально, говорит подобно Сократу: «Я ем только для того, чтобы жить сердцем и головою»¹⁹; если развит дурным образом, говорит: «Я ем для того, чтобы наслаждались мой язык и небо». Но никогда цивилизованный человек не чувствует, чтобы сама по себе, без частных гастрономических удовольствий, еда представлялась ему очень занимательным процессом.

Таким образом, в конце развития собственно животной жизни, в жизни цивилизованного человека мы видим как будто возвращение той самой формы, какую имела животная жизнь при первом начале своей интенсивности: в цивилизованной жизни человека, как в существовании артикулированных животных²⁰, общая жизнь организма решительно отступает на второй план сравнительно с самобытными отправлениями отдельных органов.

Мы обозрели все сферы материальной жизни, начиная общими теллурическими явлениями ее и переходя к сферам все теснейшим и теснейшим, до царства интенсивной животной жизни, и повсюду видели неизменную верность развития одному и тому же закону; высшая степень развития представляется по форме возвращением к первобытному началу развития. Само собою разуме-

ется, что при сходстве формы содержание в конце безмерно богаче и выше, нежели вначале, но об этом мы будем говорить после.

Быть может, наш очерк материального развития от теллурических состояний до мозговой деятельности был слишком длинен; но мы хотели многочисленными подробностями показать неизменную верность природы тому закону; на речь о котором не к выгоде себе навели полемику наши противники, с необдуманном торжеством налегая на первобытность осуждаемой ими формы одного из общественных учреждений. Мы хотим показать всеобщее господство излагаемого закона во всех проявлениях жизни, и, окончив обзор материальных явлений с этой точки зрения, обратимся к такому же очерку нравственно-общественной жизни, составляющей другую великую часть планетарного развития.

Наш очерк растянулся бы на целые тома, если бы мы захотели упоминать о каждой сфере нравственно-общественного развития, в процессе которой повторяется общий закон, о котором мы говорим. Какую бы сторону жизни ни взяли мы, везде увидим господство общей нормы, открытой новою немецкою философиею, и, приведя наудачу несколько примеров, мы просили бы людей, которые захотели бы сомневаться в общем владычестве этой нормы, указать хотя один факт, на развитии которого не отпечатлевалась бы она.

Начнем хотя с общего органа умственной и общественной жизни, с языка. Филология показывает, что все языки начинают с того самого состояния, представителем которого служит обыкновенно китайский: в нем нет ни склонений, ни спряжений, вообще никаких грамматических видоизменений слова (флексий²¹); каждое слово является во всех случаях речи в одной и той же форме: «я итти дом» говорит китаец вместо нашего «я иду домой». Но язык начинает развиваться, и являются флексии; число их все возрастает и достигает той гибкости всего внутреннего состава слова, какую видим мы в семитических языках, достигает того страшного изобилия грамматических наращений, какое видим в татарском языке, где глагол имеет семь или восемь наклонений, несколько десятков времен, целые десятки деепричастий и т. д. В нашей семье на высшей точке этого периода стоит санскритский язык. Но развитие идет далее, и в латинском или в старославянском уже гораздо менее флексий, нежели в санскритском. Чем дальше живет язык, чем выше развивается народ, им говорящий, тем более и более обнажается он от прежнего богатства флексий. Нынешние славянские наречия беднее ими, нежели старославянский; в итальянском, французском, испанском и других романских языках флексий

меньше, нежели в латинском; немецком, датском, шведском, голландском меньше, нежели в старонемецком, и, наконец, английский язык, служащий указанием цели, к которой идут по отношению к своим флексиям все другие европейские языки, почти совершенно уже отбросил все флексии. Подобно китайцу англичанин буквально говорит уже «я иди дом». В начале нет падежей, в конце развития также нет падежей; в начале нет различия по окончаниям между существительным, прилагательным и глаголом, — в конце развития тоже нет различия между ними (like — 1. похожий, 2. сравнивать; love — 1. любить, 2. любовь).

В грамматическом устройстве языка конец сходен с началом. То же самое во всех формах общежительной и умственной жизни, общим условием для существования которой служит язык. Берем прежде всего внешние черты общежития и, во-первых, ту, для которой язык служит не только условием, но и материалом: способ выражения в обращении между людьми.

Вне цивилизации человек безразлично говорит одинаковым местоимением со всеми другими людьми. Наш мужик называет одинаково «ты» и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы делаем различие между людьми на «ты» и на «вы». При грубых формах цивилизации «вы» кажется для нас драгоценным подарком человеку, с которым мы говорим, и мы очень скупы на такой почет. Но чем образованнее становимся мы, тем шире делается круг «вы», и, наконец, француз, если он только скинул сабо²², почти никому уже не говорит «ты». Но у него осталась еще возможность, если захочет, кольнуть глаза наглецу или врагу словом «ты». Англичанин потерял и эту возможность: из живого языка разговорной речи у него совершенно исчезло слово «ты». Оно может являться у него только в тех случаях, когда по-русски употребляются слова «понеже», «очеса»²³ и т.п.; слово «ты» в английском языке так же забыто, как у нас несторовское «он-сиця» вместо «этот». Не только слугу, но и собаку или кошку англичанин не может назвать иначе, как «вы». Началось дело, как видим, безразличием отношений по разговору ко всем людям, продолжалось разделение их на разряды по степени почета (немцы, достигнувшие апогея в этом среднем фазисе развития, ухитрились до того, что устроили целых четыре градации почета: 1) Du — это черному народу; 2) Eg — это по выражению г. Н. де Безобразова²⁴ для среднего, рода людей; 3) Ihr — это для [человеков], занимающих средину между людьми среднего рода и благородными; 4) Sie — для благородных потомков великороссийских, суздальских и ост-

прейссенских домов, приходит в результате снова к безразличному обращению со всеми людьми.

То же самое и в costume. В патриархальном народе шейх носит точно такой же бурнус, как и последний из бедуинов его племени, и предок великороссийского потомка [г. Н. де Безобразова] носил такую же рубашку с косым воротом, какую носили тогда люди не только среднего, но и подлого рода. Мы вступили в область цивилизации и [г. Н. де Безобразов] надел сюртук, которого не носят люди подлого рода; но люди среднего рода уже начинают носить такой же сюртук и, к нашему ужасу, все без исключения уже надели пальто, которым прежде отличался от них потомок великороссийского рода; даже люди подлого рода многие надели пальто, и мы с горестью предвидим скоро день, когда потомки великороссийских родов у себя дома будут носить точно такие же блузы, какие уже приняты у петербургских мастеровых, и когда все без исключения люди даже самого подлого рода будут ходить по улицам в пальто такого же покроя, как великороссийские потомки.

Вместе с личным местоимением второго лица и costumeм проходит три фазиса развития и вся манера держать себя. Человек, нецивилизованный и неученый, прост в разговоре, натурален во всех движениях, не знает заученных поз и искусственных фраз. Но едва помазался он лоском образованности школьной и светской, он начинает держать себя и говорить так, как не умеет простой человек. Развиваясь мало-помалу, это искусство достигает блистательного цвета в разных педантах и педантках науки и светской жизни, в *précieuses*²⁵, изображенных Мольером²⁶, в гоголевских дамах «приятных во всех отношениях»²⁷ и уездных франтах. Но человек истинно ученый и человек, получивший истинно светское образование, говорит и ходит, кланяется, садится и встает с такою же простотою и непринужденностью, как совершенно простой человек в своем кругу.

Надобно ли говорить, что подобно этим чертам обращения всё общественное устройство стремится к возвращению от рангов и разных других подразделений по привилегиям всякого рода к тому однообразному составу, из которого выделились все бесчисленные рубрики? Распространяться об этом мы не имеем нужды: люди, непоследовательность которых принудила нас делать этот очерк, все утверждают о себе, что они знакомы с политической экономией; в какой угодно экономической книге, даже в Ж.-Б. Сэ и Мишеле Шевалье²⁸, найдут они подробнейшее и прекраснейшее объяснение той цели, к которой идет ныне общество по отношению к выделившимся из общего права элементам.

От общего характера общественной жизни и общественного состава перейдем ли к анализу специальных отправлений общественного организма, повсюду увидим тот же путь развития. Возьмем в пример хотя администрацию. Вначале мы видим маленькие племена, из которых каждое управляется совершенно самостоятельно и соединяется в общий союз с другими однородными племенами только в немногих случаях, требующих общего действия, например на случай войны и других отношений к иным народам, также для предприятий, превышающих средства отдельного племени, каковы, например, громадные постройки вроде вавилонской башни и циклопических стен. Каждый член племени связан с другими не только законодательными обязательствами, но живым личным интересом по знакомству, родству и соседским общим выгодам. Каждый член принимает личное и активное участие во всех делах, касающихся того общественного круга, к которому принадлежит. Ученым образом подобное состояние называется самоуправлением и федерацией. Мало-помалу мелкие племена сливаются и сливаются, так, что, наконец, исчезают в административном смысле в громадных государствах, каковы, например, Франция, Австрия, Пруссия и т.д. Административный характер обществ на этой ступени развития — бюрократия, составляющая полнейший контраст первобытному племенному быту. Административные округа распределяются все с меньшим и меньшим отношением к независимым от центрального источника интересам, лежащим в самих жителях. Ни в Пруссии, ни в Австрии округ, соответствующий нашему уезду, не имеет живой связи между своими частями; сохранились живые связи составных частей только в более широком разграничении провинций. Но это является уклонением от общего правила, и при первой возможности производится реформа, какую успела уже совершить Франция разделением на департаменты, лишенные органического единства, взамен прежних провинций. Члены административного округа, не имея между собою живой связи ни по своей истории, ни по своим материальным интересам, с тем вместе лишены прежнего полномочия в управлении делами округа. Всем заведуют особенные люди, называемые чиновниками и полицейскими, по своему происхождению и личным отношениям не имеющие связи с населением округа, передвигающиеся из одного округа в другой чисто только по соображению центральной власти, действующие по ее распоряжению, обязанные отчетом только ей. Житель округа по отношению своему к администрации есть лицо чисто пассивное, *materia gubernanda*²⁹. Надобно ли говорить о том, что на этой сте-

пени общество не может остановиться? Швейцария и Северо-Американские Штаты по административной форме представляются совершенным возвращением от бюрократического порядка к первоначальному быту, какой имели люди до возникновения обширных государств.

Не касаясь политического устройства, история которого также могла бы служить ярким подтверждением доказываемого нами общего господства нормы развития*³⁰, мы приведем в пример только еще два общественных учреждения.

Сначала общество не знает отдельного сословия судей: суд и расправа в первобытном племени творится всеми самостоятельными членами племени на общем собрании (мирской сходке). Мало-помалу судебная власть отделяется от граждан, делается монополией особенного сословия; гласность судопроизводства исчезает, и водворяется тот порядок процесса, который нам очень хорошо известен; он был и во Франции, и в Германии. Но вот общество развивается далее, вместо судей произнесение приговора вручается присяжным, то есть простым членам общества, не имеющим никакого ученого приготовления к юридической технике, и возвращается первобытная форма суда (1. судит общество; 2. судят юристы, назначаемые правительственной властью; 3. судят присяжные, то есть чисто представители общества).

Как суд, так и военное дело в первобытном обществе составляет принадлежность всех членов племени, без всякого специализма. Форма военной силы везде сначала одна и та же: ополчения, берущиеся за оружие с возникновением войны, возвращающиеся к мирным промыслам в мирное время. Особенного военного сословия нет. Мало-помалу оно образуется и достигает крайней самобытности при долгих сроках службы или вербовке по найму. На нашей памяти еще было то время, когда у нас солдат становится солдатом на всю свою жизнь, и, кроме этих солдат, никто не знал военного ремесла и не участвовал в войнах. Но вот сроки службы начинают сокращаться, система бессрочных отпусков все расширяется. Наконец (в Пруссии) дело доходит до того, что решительно каждый гражданин на известное время (два, три года) становится солдатом, и солдатство не есть уже особенное сословие, а только известный период жизни каждого человека во всяком сословии. Тут особенность его сохранилась только в условии сроч-

* Модерантисты могут найти очень недурной очерк одной из сторон политического устройства с этой точки зрения у Лизо, которого они уважают. В "Histoire de la civilisation en France" он объясняет постепенные фазисы возрастания и ослабления правительственной власти.

ности. В Северной Америке и Швейцарии нет уже и того: совершенно как в первобытном племени, в мирное время войско не существует, на время войны все граждане берутся за оружие. Итак, опять три фазиса, из которых высший представляется по форме совершенным возвращением первобытного: 1) отсутствие регулярных войск; милиция на время войны; 2) регулярные войска; никто, кроме специально носящих мундир, не призывается и не способен участвовать в войне; 3) снова возвращается всенародная милиция, и регулярного войска в мирное время нет.

От устройства военной силы перейдем ли к ее действию, увидим ту же норму развития. В первобытных битвах сражается отдельный человек против отдельного человека, сражение есть громадное число поединков (битвы у Гомера³¹; все битвы дикарей). Но вот состав бьющейся армии получает все больше и больше плотности, и действие отдельных людей сменяется действием массы; в XVII, XVIII столетиях этот фазис достигает своего зенита. Огромные массы стоят друг против друга и стреляют батальным огнем или идут в штыки, — тут нет отдельных людей, есть только батальоны, бригады, колонны. Русский солдат времен Кутузова³² стрелял ли в отдельного врага? Нет, целый полк стрелял только в целый неприятельский полк. Неужели на этом остановилось развитие? Нет, появились штуцера³³, и прежний плотный строй рассыпался цепью стрелков, из которых каждый действует также против одиночного врага, и битва снова принимает гомерическую форму³⁴ бесчисленного множества поединков. Мы хотели закончить этим примером. Но зачем же останавливаться на мрачных мыслях о битвах? Дадим для десерта что-нибудь более приятное. Мы пишем не для обыкновенных читателей, а для экономистов отсталой школы; для них самая интересная вещь — внешняя торговля, и для их удовольствия мы займемся этим драгоценным предметом.

У дикарей нет таможенных пошлин, нет ничего подобного протекционизму; каждый торгует с иностранцем на тех же самых правах, как с одноплеменником, сбывает товары за границу и покупает иноземные товары точно с тою же степенью свободы, с какою идет торговля в пределах самого племени туземными произведениями. Но вот люди цивилизуются, начинают заводить фабрики; через несколько времени у них является протекционная система. Иноземные товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются запрещениям для покровительства отечественной промышленности. Неужели на этом остановится прогресс? О нет, вот являются Кобдены, Роберты Пили³⁵ и за этими действительно

замечательными людьми маленькие и миленькие существа вроде Бастиа³⁶; они доказывают, что протекционизм и несправедлив и вреден, под их влиянием тарифы начинают понижаться, понижаться, и общества стремятся к тому самому блаженству свободной заграничной торговли, которым пользовались в первобытные времена своей неразвитости.

Раз начавши говорить о предметах, приятных для экономистов отсталой школы, мы не можем удержаться от желания еще порадовать их беседою, им любезною. Еще больше, нежели о заграничной торговле, любят они говорить о биржевых оборотах, — каково же будет их удивление, если мы скажем, что и биржа, этот предмет их любви и гордости, возникает именно по закону возвращения каждого явления при высшем его развитии к его первобытному началу в формальном отношении. «Как? Вы говорите, что основные формальные черты биржевой торговли — повторение тех качеств, которыми отличается торговля дикарей?» — спросят наши противники. «Точно так, и вы этому не дивились бы, если бы умели понимать смысл того, что излагается в ваших же собственных книгах», — отвечаем мы. Чем торговля, являющаяся по возникновению биржи, отличается по форме от торговли периода, предшествующего бирже? Она ведется в известном, одном, исключительном месте, в известное, одно, исключительное время — неужели вы не замечали до сих пор» что это — черты, принадлежащие базарам и ярмаркам? Теперь вы сами можете построить тройственную формулу, вас удивившую.

У племен и народов, где торговое движение чрезвычайно слабо, оно недостаточно для того, чтобы поддерживаться постоянно и повсеместно, и потому для него удобнее сосредоточиваться в известные сроки в известных местах. Таким образом оно производится на ярмарках и базарах. Но вот торговля развивается. В каждом городе купец имеет ежедневно покупателей (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытые в течение круглого года ежедневно. С другой стороны, купцов так много и запрос их к производителям так постоянен, что производитель может продать им свой продукт, когда и где ему самому удобнее, — зачем же он станет дожидаться ярмарки или базарного дня? Таким образом ярмарки и базары, существовавшие в Париже, когда этот город в торговом отношении уподоблялся Козьмодемьянску и Царевококшайску³⁷, исчезли. Но что же далее? Как возникает биржа? Покупщиков и продавцов становится так много, у каждого из них так много торговых дел и справок, что он не успел бы управиться с ними, если бы должен был искать поодиночке каж-

дого из нужных ему людей. Потому необходимо назначить место и время, где и когда сходились бы все эти занятые торговыми оборотами люди. Таким образом возвращается первобытное ограничение торговых сделок известным местом и временем.

Мы нарочно изложили ход этого факта с некоторою подробностью, чтобы видна была совершенная противоположность причин, восстанавливающих первобытную форму в конце развития, с причинами от которых зависело ее существование при начале развития. Доходя до высокой интенсивности, те самые обстоятельства, которые в менее сильной степени были враждебны первобытной форме, обращаются в неизбежный вызов к ее восстановлению. Первобытная ограниченность торговли известным местом и временем (ярмарки и базары) была следствием малочисленности торговых сделок. Когда они становятся довольно многочисленными, эта многочисленность действует отрицательно, разрушительно на первобытную форму; но вот торговые сделки, вместо того чтобы быть просто «довольно многочисленными», становятся «чрезвычайно многочисленными», — первобытная форма возвращается. Избыток качества действует на форму способом, противоположным тому способу, каким действовала более слабая степень того же качества.

Чтобы эта формула была яснее, мы дадим грамматическое выражение ее терминам. Превосходная степень действует на форму способом, противоположным тому, каким действует простая положительная степень. Если, например, человек, имеющий *некоторую* справедливость («справедливый», просто, в положительной степени), смотрит на человека, совершившего преступление, как на преступника, на человека, преданного низкому пороку, как на человека низкого, гнушается ими обоими, считает достойным казни одного, претерпеваемых несчастий другого (степень справедливости, выражаемая поговоркою «поделом вору и мўка», выражаемая также уголовными законами и тем «древним» законом, который говорил: «люби своего друга, ненавидь своего врага»), то человек *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый относится и к преступнику или порочному обратным образом: он видит в нем несчастного, заслуживающего не презрения или отвращения и ненависти, а сострадания и помощи:

«Слышаете, яко речено бысть древнимъ: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азь же глаголю вам: любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ вас»*.

* Матф., глава V, стих 43-44.

И неужели это и есть разрушение, отвержение древнего закона? Нет, это есть его, исполнение, его завершение:

«Не мните, яко приидох разорити закон и пророки: не приидох разорити, но исполнити»*.

Да, это не только заповедь любви и кротости, это — заповедь совершенной справедливости; высшая справедливость не находит преступников, она находит в дурном человеке только несчастного заблудшего, не подлежащего взысканию: *Summum jus — summa injuria, pariter ac nullum jus*³⁸. При отсутствии справедливости преступник избегает закона возмездия; при водворении законного порядка он подвергается возмездию, око за око и зуб за зуб; но когда водворяется полная справедливость, преступник изымается от возмездия, *nemini fit injuria*, никто не подвергается страданию ни даже во имя справедливости**.

Собираясь закончить этот очерк, мы хотели представить в заключение его два примера, — и представили четыре или пять, потому только, что не остереглись от множества фактов, представляющихся в подтверждение общей нашей мысли повсюду, к какой бы сфере бытия мысль ни обратилась. Но довольно, довольно. Наш очерк никогда не кончился бы, если мы не сделаем над собою усилия и не остановимся от продолжения этих подтверждений, являющихся нашему анализу в бесчисленном множестве. Общий ход планетарного развития, прогрессивная лестница классов животного царства вообще, высшие классы животных в особенности; физическая жизнь человека, его язык, обращение с другими людьми, его одежда, манера держать себя, все его общественные учреждения — администрация, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движение вообще, понятие о справедливости — каждый из этих фактов подлежит той норме, о которой мы говорим: повсюду высшая степень развития представляется по форме возвращением к первобытной форме, которая заменялась противоположною на средней степени развития;

* Матф., глава V, стих 17.

** В латинском языке, который довел до крайнего совершенства определение юридических понятий, слово *injuria* (несправедливость, *injuria est, ubi jus deest*) прекрасно выражает развиваемую нами мысль, что какое бы то ни было страдание, по какой бы то ни было причине претерпеваемое человеком, составляет уже несправедливость: *Injuriam passus sum* — это выражение имеет два смысла: 1) я подвергся незаконному лишению, 2) я подвергся какому бы то ни было лишению того, чем пользовался; во, втором смысле говорится, например, *injuriae terapestatum, morborum, temporum* — убытки, приносимые моей ниве непогодами; лишения, которым подвергается мое здоровье от болезней; потери и страдания, наносимые мне неблагоприятными обстоятельствами.

повсюду очень сильное развитие содержания ведет к восстановлению той самой формы, которая была отвергаема развитием содержания не очень сильным*.

Все изложенное нами должно было быть знакомо тем противникам общинного владения, которые называют себя последователями Шеллинга и Гегеля. Каким же образом не догадались они, что, налегая на первобытность этой формы отношений человека к земле, они тем самым указывают в общинном владении черту, сильнейшим образом предрасполагающую к возвышению общинного владения над частною поземельною собственностью? Как могли они переносить вопрос на почву столь невыгодную для них? Тут один ответ возможен: *Quern Jupiter perdere vult*³⁹ и т.д., то есть в русской более мягкой форме: кому по натуре вещей нельзя не проиграть дела, тот в довершение своей беды сам делает гибельные для себя недосмотры.

Неужели в самом деле правдоподобно, чтобы один только факт поземельных отношений был противоречием общему закону, которому подчинено развитие всего материального и нравственного мира? Неужели вероятно, чтобы для этого одного факта существовало исключение из закона, действующего столь же неизменно и неизбежно, как закон тяготения или причинной связи? Неужели при одной фразе «общинное владение есть первобытная форма поземельных отношений, а частная собственность вторая, последующая форма», — неужели при одной этой фразе не пробуждается в каждом, кто знаком с открытиями великих немецких мыслителей, сильнейшее, непреодолимое предрасположение к мнению, что общинное владение должно быть и высшею формою этих отношений?

Действительно, норма, изложенная нами и несомненная для каждого, хотя несколько знакомого с современным положением

* Повторяем, что если кто-нибудь не захочет согласиться на признание всеобщего и неизменного господства этой нормы во всех без исключения явлениях материального и нравственного, индивидуального и общественного бытия, тот делает нам большое одолжение, указав хотя один факт, который не был бы подчинен этому решительно всеобщему закону.

** Если кому-нибудь мало покажется приведенных нами подтверждений всеобщности этого закона: «конец развития по форме является возвращением к его началу», для такого скептика мы готовы по первому его желанию показать ту же норму в развитии всех половых и семейных отношений, политического устройства, законодательства вообще, гражданских и уголовных законов, налогов и податей, науки, искусства, материального труда; для всего этого не нужно будет нам ни особенной учености, ни долгих соображений, — нужно только заглянуть, например, хотя в Гегеля: у него все это давным-давно уже доказано и объяснено.

понятий об общих законах мира, неизбежно ведет к такому построению поземельных отношений:

Первобытное состояние (начало развития). Общинное владение землею. Оно существует потому, что человеческий труд не имеет прочных и дорогих связей с известным участком земли. Номады⁴⁰ не имеют земледелия, не производят над землею никакой работы. Земледелие сначала также не соединено с затратою почти никаких капиталов собственно на землю.

Вторичное состояние (усиление развития). Земледелие требует затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множеством разных способов и работ, из которых самую общею и повсеместною необходимою представляется удобрение. Человек, затративший капитал на землю, должен неотъемлемо владеть ею; следствие того — поступление земли в частную собственность. Эта форма достигает своей цели, потому что землевладение не есть предмет спекуляции, а источник правильного дохода.

Вот две степени, о которых толкуют противники общинного владения; но ведь только две, где же третья? Неужели ход развития исчерпывается ими? Промышленно-торговая деятельность усиливается и производит громадное развитие спекуляции; спекуляция, охватив все другие отрасли народного хозяйства, обращается на основную и самую обширную ветвь его — на земледелие. Оттого поземельная личная собственность теряет свой прежний характер. Прежде землею владел тот, кто обрабатывал ее, затрачивал свой капитал на ее улучшение (система малых собственников, возделывающих своими руками свой участок, также система эмфитеозов⁴¹ и половничества⁴² по наследству, с крепостною зависимою или без нее); но вот является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вследствие улучшений, производимых фермером, идет в руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только в самой незначительной степени участвовало своим капиталом в улучшении земли, а между тем пользуется всею прибылью, какую доставляют улучшения. Таким образом личная поземельная собственность перестает быть способом к вознаграждению за затрату капитала на улучшение земли. С тем вместе обработка земли начинает требовать таких капиталов, которые превышают средства огромного большинства земледельцев, а земледельческое хозяйство требует таких размеров, которые далеко превышают силы отдельного семейства и по обширности хозяйственных участков также исключают (при частной собственности) огромное большинство земледельцев от участия в выгодах, доставляемых ведением хозяйства, и обращают это

большинство в наемных работников. Этими переменами уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежнее время. Общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом. Таким образом общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия; оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и методы производства с добросовестным исполнением работы.

А без этого соединения невозможно вполне успешное производство. Таково сильнейшее, непреодолимое расположение мысли, к которому приводит каждого знакомого с основными воззрениями современного мирозерцания именно та самая черта первобытности, которую выставляют к решительной невыгоде для себя в общинном владении его противники. Именно эта черта заставляет считать его тою формою, которую должны иметь поземельные отношения при достижении высокого развития; именно эта черта указывает в общинном владении высшую форму отношений человека к земле.

Действительно ли достигнута в настоящее время нашу цивилизацию та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владение, этот вопрос, разрешаемый уже не с помощью логических наведений и выводов из общих мировых законов, а анализом фактов, был отчасти рассматриваем нами в прежних статьях об общинном владении и с большею полнотою будет переисследован вами в следующих статьях, которые обратятся к изложению специальных данных о земледелии в Западной Европе и у нас. Настоящая статья, имеющая чисто отвлеченный характер, должна довольствоваться только логическим развитием понятий, знание которых представляется одним из условий для правильного взгляда на дело, а искажение или незнание которых послужило основною причиною заблуждения для лучших между противниками общинного владения.

Из числа этих общих понятий за изложенным нами положением современной науки о преемственности форм непосредственно следует понятие о том, каждое ли отдельное проявление общего процесса должно проходить в действительности все логические моменты с полной их силою, или обстоятельства, благоприятные ходу процесса в данное время и в данном месте, могут в действи-

тельности приводить его к высокой степени развития, совершенно минуя средние моменты или по крайней мере чрезвычайно сокращая их продолжительность и лишая их всякой ощутительной интенсивности.

По методу современной науки разрешение вопроса относительно многосложных явлений облегчается рассмотрением его в простейших проявлениях того же процесса. По этой методе всегда стараются начинать анализ с физических фактов, чтобы перейти к нравственным фактам индивидуальной жизни, которая гораздо сложнее, и, наконец, к общественной жизни, которая еще сложнее, а общественную жизнь стараются рассмотреть по возможности в первоначальных ее явлениях, наименее сложных, чтобы облегчить тем анализ чрезвычайно запутанных явлений цивилизации наших стран.

Итак, начнем с процессов физической природы, например, с окисления, которое, достигнув очень высокой интенсивности, становится горением. Посмотрим, каким образом этот процесс достигает степени горения сам по себе, без всяких особенных обстоятельств, например, в дереве.

Ветер наломал огромную кучу высохших деревьев. Под влиянием сырости дерево начинает гнить (разлагаться с поглощением, кислорода). От этого процесса внутри кучи температура все повышается и повышается, гниение все усиливается, с повышением, температуры и мало-помалу достигает той степени окисления, которая называется брожением. Брожение усиливается, температура все возвышается; наконец из середины кучи начинает идти гнилой пар, — это значит температура возвысилась до того, что центр кучи начал сохнуть от собственного жара. Вот через несколько времени вместе с паром из одних частей идет из других уже дым — центр кучи начал обугливаться. Мало-помалу из черного угля образуется раскаленный, красный уголь; масса раскаленного угля увеличивается и, наконец, в прилежащих к ней частях вспыхивает пламя.

Какая длинная постепенность, как много степеней! 1) проникновение сыростью; 2) гниение; 3) брожение; 4) просыхание; 5) образование черного угля; 6) превращение черного в раскаленный; 7) появление пламени. (Этот путь так длинен и труден, что мы не знаем, удавалось ли разным массам дерева достичь горения по такому пути хоть пять или шесть раз от самого начала лесов на земле до нашего времени.)

Каждая из этих степеней — логический момент в процессе горения дерева. Сколько времени требует такой ход процесса, мы не

беремся решить, но, конечно, требует он не одну и не две недели. Каково же было бы нам, людям, если бы каждый раз, когда нужно нам пламя, мы должны были бы ждать, пока успеем пропитать сыростью огромную массу дерева, потом она станет гнить, начнет бродить и т.д. Не только пришлось бы тогда роду человеческому вымереть всему, не отведав ни шей, ни супа, вымереть с отмерзлыми ушами и пальцами от первой суровой ночи, но и теперь при одном чтении нашего рассказа об этом процессе читателю приходится скучно и чуть ли не тошно от таких длинейших рассуждений, ведущих — к чему? — к тривиальнейшему замечанию, что гораздо скорее поленья, положенные в печь, зажигаются прикосновением горящей спички или свечи к положенной под них бумаге, бересте или лучине. «Неужели я нуждаюсь в доказательствах к подобным выводам?» — с гневом спрашивает читатель. Нет, вы не нуждаетесь, — спокойно отвечаю я, — но нуждаются в них ученые противники общинного владения, показывающие такую сообразительность в своих выводах, такую наклонность не признавать тривиальнейших истин и науки, и обыденной жизни, такую требовательность на доказательства этим трюизмам⁴³ (как говорят англичане), такую способность понимать смысл самых яснейших фактов, что вот теперь мы принуждены объяснять им, какой смысл имеет тот очень мудреный факт, что спичка при помощи растопки очень быстро зажигает дрова, положенные в печь, а в следующих статьях будем объяснять, что иной человек умирает бездетным, после другого остается один сын, после третьего человек пять сыновей или больше, также объяснять и доказывать, что солнечные лучи согревают землю и т. д., и т. д. Вы скажете: «Глупо и говорить об этом». Совершенная правда. Но что же делать? Не изложи и не докажи мы всего этого подробно, ученые противники общинного владения сейчас закричат: «Мы не видим, на чем основаны ваши выводы!» и «Ваши выводы неосновательны!» Мы не лишены надежды, что по поводу общинного владения принуждены будем написать целую статью в доказательство существования желудка у человека, — сообразите, каково придется вам, читатель, — тогда; утешьтесь же мыслью, что теперь, сравнительно говоря, ваше положение еще довольно сносно. Успокоив вас, продолжаем интересное рассуждение о месте, занимаемом фосфорною спичкою в области философского мирозерцания.

Эта фосфорная спичка даст нам следующие выводы:

1) Когда в одном теле известный процесс достиг высокой степени развития (спичка уже зажглась), то при помощи этого тела он может быть доведен до той же степени развития в другом теле

гораздо скорее, нежели как достиг бы без помощи этого опередившего пособника (дрова в печи от нашей спички зажигаются скорее, нежели загорелись бы тогда, когда бы процесс окисления их остался без этого пособия).

2) Это ускорение совершается посредством соприкосновения (зажженная спичка прикладывается к лучине, а лучина положена подле поленьев).

3) Это ускорение состоит в том, что процесс прямо с первой степени пробегает к последней, не останавливаясь на средних (в одну секунду по приложению спички лучина уж производит из себя пламя, через одну минуту производят его и поленья).

4) Средние степени, через которые быстро пробегает процесс, вообще могут быть замечены только теоретическим наблюдением, а не практическим чувством (полено, загораясь от лучины, загоревшейся от спички, действительно несколько подвергается гниению, брожению и т. д., но спросите об этом у вашей кухарки — она никогда не замечала, чтобы сухие поленья, будучи подоженные, подвергались гниению и т. д. Она, напротив, видит, что они «как только подложишь огонь, в тою же секунду» (простите неграмматичность ее языка), так и вспыхнут». На философском языке это отношение выражается так: «не достигая реального осуществления (то есть имеющего практическую осязаемость), эти логические моменты развития не переходят за границы идеального или логического бытия».

5) Если же из быстро пробегаемых моментов некоторые и замечаются практическим ощущением (например, глаз кухарки замечает, что каждая наружная часть полена, прежде нежели даст пламя, несколько чернеет, то есть проходит степень черного обугления, предшествующего вспыхиванию), то они в общем итоге процесса составляют лишь самую ничтожнейшую часть (черные части дерева в каждую данную секунду по массе своей едва ли составляют и одну тысячную часть массы, находящейся в пламени, а по практическому значению своему в отношении к ощущениям и действиям, производимым топкою печи, играют еще менее важную роль, — они разве гомеопатическою дозою участвуют в чувстве теплоты, осязаемой кухаркою, стоящею у печи, и в кипячении горшка щей, приставленного кухаркою к огню).

Эти выводы, столь новые в мире науки, мы изложили с возможною полнотою и с приведением элементов факта, из которых они извлечены нами. Мы опасаемся, что противники общинного владения закричат: «бездоказательно, неосновательно!» Мы желали бы предупредить их [справедливые] сомнения и вместо одного

факта (зажигание печки спичкою) анализировать столь же ученым образом двадцать, тридцать столь же многотрудных для понимания фактов, например закваску теста посредством куска кислого теста или дрожжей, отбирание загнивших яблок от свежих, чтобы не испортились свежие, и т.д. Но нельзя же быть слишком предупредительными, наша статья и без того уже чересчур длинна. Читателю, вероятно, слишком довольно и одного анализа растапливания печки. Перейдем же от внешнего физического мира к человеческой индивидуальной жизни и посмотрим, как достигает человек сам собою, без посторонней помощи до употребления той же самой фосфорной спички.

Сначала человек не умеет не только зажигать огня, но, и поддерживать зажженного: путешественники говорят о дикарях, которые, подобно обезьянам, любят греться у дерева, зажженного молнией, и горюют, когда оно начинает погасать, но не догадываются подбрасывать в огонь хворосту. Потом человек научается зажигать дерево трением двух кусков дерева — какое торжество для жизни! Но вот придумывают средство ускорять их вспыхивание, вставляя между ними кусок трута. Далее придумывают огниво и кладут на кремень трут. Но трут принимает искру недовольно верно и быстро — в нем усиливают эту восприимчивость, пропитывая его селитрою. Теперь трут превосходен; но все еще сколько хлопот, чтобы из его тлеющего состояния извлечь пламя: надобно «придуть» его к угольку, потом «придуть» два уголька к лучинке, вложенной между ними. Но вот изобретена серная спичка, прямо сама вспыхивающая от прикосновения к труту: вновь какое великое торжество! Но огниво и кремень кажутся уже слишком хлопотливыми. Вот найдено средство облекать серный конец спички фосфором и упрочивать фосфор в атмосферной среде другими оболочками и примесями.

Какой длинный путь! Человеку нужно было не менее 7345 лет, чтобы пройти его. Каковы же теперь для каждого отдельного человека результаты того, что некоторые люди дошли столь длинным и трудным процессом до употребления фосфорных спичек? Доставка возможности всем другим людям достичь того же самого, не мучась прохождением этого страшно длинного пути; и выводы для явлений индивидуальной человеческой жизни получают те же самые, какие были прежде получены нами для явлений физического мира:

1) Когда известный процесс (например, способ добывания огня) достиг в известном человеке известной степени развития (например, употребления фосфорных спичек), достижение этой

степени может быть чрезвычайно ускорено в других людях (именно теперь каким-нибудь дикарям, не умеющим зажигать огня, уже нет нужды тратить 7345 лет, чтобы достичь до фосфорных спичек — употреблению их каждый может выучиться в две секунды, а приговору в два часа).

2) Это ускорение совершается через сближение человека, которому нужно достичь высшей степени процесса, с человеком, уже достигшем ее (именно из Парижа человек с фосфорными спичками приезжает в Центральную Африку или дикарь из Центральной Африки в одно из селений, где уже есть фосфорные спички).

3) Это ускорение состоит в том, что процесс развития с чрезвычайной быстротой пробегает с низшей степени все средние до высшей. (Дикарям нет нужды учиться сначала употреблению огня, потом употреблению серной спички, — они прямо берутся за фосфорную спичку.)

4) При этом ускорении процесса средние степени открываются только теорией, достигают только теоретического существования как логические моменты, почти не достигая или вовсе не достигая реального существования. (Дикари, умеющие теперь добывать огонь только трением двух кусков дерева, выучившись прямо употреблению фосфорных спичек, вообще будут знать только по рассказам, что прежде фосфорных спичек существовали серные, с кремнем и огнивом.)

5) Если же и достигают реального существования эти средние степени, опускаемые ускоренным ходом развития, то лишь в самом ничтожном размере по своей массе и еще в меньшем по практическому значению своей роли. (Очень может быть, что найдутся между дикарями чудаки, которые вздумают возиться с огнивом и серными спичками и тогда, когда выучатся употреблению фосфорных; но эта причуда будет разве у одного человека из десяти тысяч, да и тот будет возиться с огнивом и серными спичками лишь от безделья и при безделье, а чуть встретится ему нужда работать или потребность быстро добыть огонь, он бросит свою причуду и черкнет по стене фосфорною спичкою.)

Читатель, не оскорбляйтесь этими длинными рассуждениями, имеющими целью доказывать истины столь же сомнительные, как и то, что человек видит предметы глазами, а не ушами, держит карты (когда играет в ералаш⁴⁴) руками, а не носом, и т.п.; из-за вопроса, доказываемого этими трюизмами, велись и ведутся ожесточенные споры, и, поверьте, мы действительно боимся, что о нас закричат: «Это неосновательно! Это бездоказательно!», когда мы в последних строках статьи выскажем смысл этих анализов

философского значения фосфорных спичек и способа растапливать печь. Противники, если только предвидят этот смысл (они высказывают такую сообразительность, что мы не поручимся, предвидят ли они его), без сомнения, уже возмущаются духом и вопиют: «Мы этого не знаем, мы этому не верим! Вы говорите неосновательно, бездоказательно!»

Итак, в индивидуальной жизни средние моменты развития могут быть пропускаемы в реальном процессе известного явления, когда человек, в котором этот процесс стоит еще на низкой степени, сблизается с человеком, в котором он достиг уже гораздо высшей степени.

Мы доказали это анализом процесса, принадлежащего к механической жизни. То же самое мы увидели бы в каждом другом явлении всякой другой сферы индивидуальной жизни.

Например, письмо, одна из первых основ умственного развития, идет следующим порядком: 1) изображаются самые предметы (на этом остановились мексиканцы); 2) их изображения сокращаются в иероглифы⁴⁵ (на этом застает история египтян); 3) иероглифы сокращаются в идеографы⁴⁶ (на этом остановились китайцы); 4) из идеографических знаков возникает алфавит, записывающий одну грубейшую часть звуков, согласные, с пропуском гласных (семитическая алфавитная система); 5) из семитического алфавита возникают наши европейские (греческая система, происшедшая из финикийской), в которых гласные звуки записываются наравне с согласными.

Скажите на милость, кому придет в голову, что когда европейцы примутся образовывать дикарей, вовсе не умеющих писать, то эти дикари сначала выучатся писать иероглифами, потом китайскими знаками, потом еврейскими и, только уже прошедши все эти градации, могут начать писать по европейской системе?

Или в школах этих дикарей надобно будет преподавать географию сначала по гомеровской системе (Океан есть река, и Балтийское море одно и то же с Черным морем, а вся земля имеет вид тарелки), а потом доказывать, что земля совершенно правильный шар, и только потом уже открыть им, что это шарообразное тело — не совершенный шар, а несколько раздуто под экватором и сплюснуто в полюсах?

Мы выбирали такие примеры, которые относились преимущественно к индивидуальной жизни; но по чрезвычайно тесной связи между развитием индивидуума и развитием общества они в значительной степени касались и общественной жизни, например ее материальной обстановки (фосфорная спичка) и умствен-

ных успехов (письмо, преподавание наук). Теперь обратимся к таким явлениям, которые принадлежат уже преимущественно к общественной жизни, то есть могут осуществляться не иначе как по инстинктивному расположению или сознательному соглашению общества. Сюда относятся нравы, обычаи, законы и все так называемые общественные учреждения в обширном смысле слова.

Мы сказали, что явления, за анализ которых беремся, принадлежат собственно общественной жизни. Но общественная жизнь есть сумма индивидуальных жизней, и если в индивидуальной жизни процесс явлений может перебегать с низшего логического момента на высший, пропуская средние, то из этого уже очевидно, что мы должны ожидать встретить ту же возможность и в общественной жизни. Это простой математический вывод. В самом деле, пусть не сокращенный благоприятными обстоятельствами ход развития индивидуальной жизни будет выражаться прогрессиею:

1. 2. 4. 8. 16. 32. 64...

Пусть в этой прогрессии каждым членом обозначается известный момент не ускоренного благоприятными обстоятельствами развития.

Пусть общество состоит из A членов.

Тогда, очевидно, развитие общества выражается следующей прогрессией:

1A. 2A. 4A. 8A. 16A. 32A. 64A...

Но мы видели, что ход индивидуальной жизни может перебегать с первой ступени прямо, на третью, или на четвертую, или седьмую, и положим, что относительно известного понятия или факта он пошел по следующему ускоренному пути:

1. 4. 64...

Тогда, очевидно, и ход общественной жизни относительно этого явления будет:

1A. 4A. 64A...

Кажется, это ясно. Но противники общинного владения или пригораются незнающими, или действительно страдают незнанием самых первоначальных логических приемов; потому разясним популярнейшим примером эту и без того ясную теорему.

Одно из общественных учреждений есть военная сила; один из элементов ее — вооружение. Не ускоренное обстоятельствами развитие вооружения таково:

1) обыкновенная дубина; 2) дубина получает каменное или металлическое острие, то есть переходит в копье, которым или тыкают, держа его в руках, или бросают в неприятеля; 3) уменьшенное копье последнего рода начинают бросать с помощью тетивы — получаются лук и стрела; 4) совершенствуясь, лук получает линейку с вырезкою для вкладывания стрелы, и образуется самострел; совершенствуясь, линейка с вырезкою превращается в трубочку с продольным разрезом для тетивы; 5) удар тетивы заменяется ударом пороха, лук отпадает, остается трубка, в которой разрез уничтожается, заменяясь затравкою, а стрела сокращается в пулю, — вот уже и ружье, но первоначально это ружье не имеет замка, а зажигается фитилем; 6) изобретается кремневый замок; 7) он заменяется пистонным замком; 8) в стволе ружья делаются нарезки — мы получаем охотничью винтовку; 9) охотничья винтовка не годится для войск, откуда не изобретены для нее особенные пули, — они изобретаются, и вот войско вооружается штуцером.

Вообразим себе, что в Новой Голландии⁴⁷ живут еще племена дикарей, не знающих никакого оружия, кроме дубины. Вот открыты золотые россыпи; европейские авантюристы (со штуцерами) проникают в места, еще не посещавшиеся европейцами, и находят этих дикарей: спрашивается, понадобится ли этим дикарям переходить от дубины к копью, от копья к луку, от лука к самострелу, от самострела к фитильному ружью и т.д., если они прямо будут выменивать у европейцев штуцера? Этим не кончилось дело.

С каждым родом вооружения соединены известные построения войска. Копье, которое держится в руках, создает фалангу; кремневому ружью соответствует сомкнутый строй; штуцеру — рассыпной строй. Погодите, и этим еще не кончилось дело. Различные построения требуют различных качеств от воина. Например, в сомкнутом строю солдат, прослуживший всего только один год, никуда не годится. В рассыпном строю он ничуть не хуже солдата, прожившего хотя бы полтора года лет в казармах.

Что же из этого следует? То, что у дикарей, о которых мы говорим, в существовании военной силы будет недоставать многих периодов, через которые прошла она в Европе.

Из нестройной дубино-махающей толпы их военная сила прямо обратится в милицию, подобную северо-американской. Они не будут знать ни казарм, ни регулярных войск, ни всего того, что соединено с этими учреждениями. А с этими учреждениями соединен весь тот порядок вещей, который произвел историю континентальной Европы от Карла VII французского и Карла V испанско-немецкого⁴⁸ до вчерашнего дня. Из блаженного общественного

быта лукиановых скифов и тацитовых германцев⁴⁹ эти дикари перейдут прямо к блаженному быту, о котором мы с вами, читатель, можем только мечтать.

История, как бабушка, страшно любит младших внучат. *Tarde venientibus* дает она не *ossa*, а *medullam ossium*⁵⁰, разбивая которые Западная Европа [так больно отбила] себе пальцы.

Но мы увлеклись в дифирамб⁵¹, заговорили с читателем, — мы забыли, что должны беседовать с противниками общинного владения, то есть заниматься азбукою. Возвратимся же к азбучным понятиям.

Нас занимал вопрос: должно ли данное общественное явление проходить в действительной жизни каждого общества все логические моменты, или может при благоприятных обстоятельствах переходить с первой или второй степени развития прямо на пятую или шестую, пропуская средние, как это бывает в явлениях индивидуальной жизни и в процессах физической природы?

Единство законов во всех сферах бытия, зависимость общественной жизни от индивидуальной, математические формулы — все заставляет решать эту задачу утвердительным образом каждого, имеющего хотя какое-нибудь понятие об истории или современной философии, или хотя о Гегеле*, или даже хотя о Шеллинге, или даже хотя о здравом смысле; совершенная достаточность даже одного последнего качества для разрешения задачи, вероятно, с достаточною ясностью окажется из следующих вопросов:

Низшая форма религии, фетишизм⁵², не знает вражды к иноверцам. Но другие языческие формы религии более или менее наклонны к преследованиям за веру. Грубые народы новой Европы также имели инквизицию⁵³. Только в последнее время европейская цивилизация достигла того высокого понятия, что преследование иноверцев противно учению Христа. Спрашивается теперь: когда какой-нибудь народ, погрязавший в грубом фетишизме, просвещается христианством, введет ли он у себя инквизицию или может обойтись без нее? Надобно ли желать и можно ли надеяться, что у этого народа прямо водворится терпимость или он начнет воздвигать костры, и эта средняя степень так необходима в его развитии, что напрасно и удерживать его от гонений на иноверцев?

* Гегель положительно говорит, что средние логические моменты чаще всего не достигают объективного бытия, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что известный средний момент достиг бытия где-нибудь и когда-нибудь, этим избавляется процесс развития во всех других временах и местах от необходимости доводить его до действительного осуществления, прямо говорит Гегель.

Какой-нибудь народ, живущий в племенном быте, основные черты которого самоуправление (self-govemetment) и федерация, принимает европейскую цивилизацию; спрашивается, примутся ли у него прямо высшие черты этой цивилизации, столь сродные его прежнему быту, или он неизбежно введет у себя бюрократию и другие прелести XVII века?

Этот народ, не имея ни фабрик, ни заводов, не имел и понятия о протекционной системе; спрашивается, необходимо ли ему вводить у себя протекционизм, через который прошла и от которого отказалась европейская цивилизация?

Число таких вопросов можно было бы увеличить до бесконечности; но кажется, что и сделанных нами уже достаточно для получения полного убеждения в необходимости применять к явлениям общественной жизни все те выгоды, какие нашли мы прилагодимся к явлениям индивидуальной жизни и материальной природы. Не доверяя ни сообразительности, ни памяти противников общинного владения, мы повторим в третий раз эти выводы, чтобы хотя сколько-нибудь впечатлились они в мысли этих ученых людей, и по правилу первоначального преподавания опять-таки к каждому выводу присоединим ссылку на ту черту факта, представителем которой служит вывод. Черты эти мы будем брать из последнего вопроса, для большей определенности применив его хоть к новозеландцам, с которыми нячнутся англичане*.

1. Когда известное общественное явление в известном народе достигло высокой степени развития, ход его до этой степени в другом, отставшем народе может совершиться гораздо быстрее, нежели как совершался у передового народа. (Англичанам нужно было более нежели 1 500 лет цивилизованной жизни, чтобы достичь до системы свободной торговли. Новозеландцы, конечно, не потратят на это столько времени.)

2. Это ускорение совершается через сближение отставшего народа с передовым. (Англичане приезжают в Новую Зеландию.)

3. Это ускорение состоит в том, что у отставшего народа развитие известного общественного явления благодаря влиянию передового народа прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени. (Под влиянием англичан новозеландцы

* На север от Франции лежат два большие острова, которые вместе составляют Соединенное королевство Великобритании и Ирландии. Юго-восточная часть восточного острова называется Англиею, а жители ее — англичанами. Новую Зеландию называется группа из двух больших островов, лежащих не очень далеко от Новой Голландии, иначе называемой Австралией. Противники общинного владения выказывали такую сообразительность, что мы считаем не лишним пояснить употребленные нами собственные имена.

прямо от той свободной торговли, которая существует у дикарей, переходят к принятию политико-экономических понятий о том, что свободная торговля — наилучшее средство к оживлению их промышленной деятельности, минуя протекционную систему, которая некогда казалась англичанам необходимостью для поддержки промышленной деятельности.)

4. При таком ускоренном ходе развития средние степени, пропускаемые жизнью народа, бывшего отсталым и пользующегося опытностью и наукою передового народа, достигают только теоретического бытия как логические моменты, не осуществляясь фактами действительности. (Новозеландцы только из книг будут знать о существовании протекционной системы, а к делу она у них не будет применена.)

5. Если же эти средние степени достигают и реального осуществления, то разве только самого ничтожного по размеру и еще более ничтожного по отношению к важности для практической жизни. (Люди с эксцентрическими⁵⁴ наклонностями существуют и в Новой Зеландии, как повсюду; из них некоторым, вероятно, вздумается быть приверженцами протекционной системы; но таких людей будет один на тысячу или на десять тысяч человек в новозеландском обществе, и остальные будут называть их чудачками, а их мнение не будет иметь никакого веса при решении вопросов о заграничной торговле.)

Сколько нам кажется, эти выводы довольно просты и ясны, так что, может быть, не превысят разумения тех людей, для которых писана наша статья.

Итак, два печатные листа привели нас к двум заключениям, которые для читателя, сколько-нибудь знакомого с понятиями современной науки, достаточно было бы выразить в шести строках:

1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом.

2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты.

Какой скудный результат рассуждений, занявших целые два печатные листа! Читатель, который не лишен хотя некоторой образованности и хотя некоторой сообразительности, скажет, что довольно было просто высказать эти основания, столь же несомненные до тривиальности⁵⁵, как, например, впадение Дуная в Черное море, Волги — в Каспийское, холодный климат Шпицбергена

и жаркий климат острова Суматры и т.д. Доказывать подобные вещи в книге, назначенной для грамотных людей, неприлично.

Совершенно так. Доказывать и объяснять подобные истины неприлично. Но что же вы станете делать, когда отвергаются заключения, выводимые из этих истин, или когда вам сотни раз с самодовольством повторяют будто непобедимое возражение какую-нибудь дикую мысль, которая может держаться в голове только по забвению или незнанию какой-нибудь азбучной истины?

Например, вы говорите: «Общинное владение землею должно быть удержано в России». Вам с победоносною отвагою возражают: «Но общинное владение есть первобытная форма, а частная поземельная собственность явилась после, следовательно, она есть более высокая форма поземельных отношений». Помилосердитесь о себе, господа возражатели, помилосердитесь о своей ученой репутации: ведь именно потому, *именно потому*, именно потому, что общинное владение есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему периоду развития поземельных отношений нельзя обойтись без этой формы.

О том, как сильно налегали противники общинного владения на первобытность его, мы уже говорили в начале статьи. Можно предполагать, что теперь они увидели, как странно поступали, и поймут, что та самая черта, которую они воображали свидетельствующею против общинного владения, чрезвычайно сильно свидетельствует за него. Но арсенал их философских возражений еще не истощен. Они с такою же силою налегают и на следующую мысль: «Какова бы ни была будущность общинного владения, хотя бы и справедливо было, что оно составляет форму поземельных отношений, свойственную периоду высшего развития, нежели тот, формою которого является частная собственность, все-таки не подлежит сомнению, что частная собственность составляет средний момент развития между этими двумя периодами общинного владения; от первого перейти к третьему нельзя, не прошедши через второе. Итак, напрасно думают русские приверженцы общинного владения, что оно может быть удержано в России. Россия должна пройти через период частной поземельной собственности, которая представляется неизбежным средним звеном».

Этот силлогизм постоянно следовал за их фразами о первобытности как черте, свидетельствующей против общинного владения. Он также выставлялся непобедимым аргументом против нас. Теперь люди, прибежавшие к нему, могут судить сами о том, до какой степени он сообразен с фактами и здравым смыслом.

Кончив дело с предубеждениями против общинного владения, вытекавшими из непонимания, забвения или незнания общих философских принципов, мы в следующий раз займемся теми предубеждениями, которые вытекают из непонимания, забвения или незнания общих истин, относящихся к материальной деятельности человека, к производству, труду и общим его законам. Теперь мы говорили о сообразительности философствующих мудрецов. В следующий раз будем говорить о той же способности экономизирующих мудрецов⁵⁶.

Если вы, читатель, так счастливы, что не занимались обучением малолетних детей грамоте, вы теперь, пробежав нашу статью, писанную не для вас, человека с обыкновенным запасом сведений, а для мудрецов, изучавших досконально кто Шеллинга, кто Гегеля, кто Адама Смита, — если вы не были учителем приходского училища, то, пробежав эту статью, можете чувствовать, как утомительна, тяжела обязанность этого бедного труженика. Согласитесь, редко приходилось вам испытывать такую страшную скуку, какая производится чтением нашей статьи, весь характер которой выражается такую формулою:

бе — а ба, бе — а ба, баба.

Повторим еще. Это что? — б. А это? — а. Что же выходит? — ба. А это? — тоже б. А это? — тоже а. Что же выходит? — тоже ба. Ну, что же выходит, если сложить вместе? — баба.

Повторим еще:

бе а ба, бе — а ба, баба

Повторим еще... и т.д.

Вам было скучно, а ведь вы пробежали статью в полчаса; судите же, каково было нам, писавшим ее, — ведь мы просидели за нею целых три дня.

Но как бедный труженик, приходский учитель, подкрепляет свои силы мыслью о высоком и великом значении своего утомительного дела, так подкреплялись и мы, припоминая, какое важное значение для прояснения всего взгляда на мир имеют трюизмы, изложением которых мы занимались. Они да еще с десятков других подобных трюизмов —

Вот Гегель, вот книжная мудрость.

Вот смысл философии всей⁵⁷.

Первый наш трюизм — не судите о нем легко: вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением вследствие усиления того же стрем-

ления, высшего развития того же содержания, — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие! Повторяя за поэтом:

Ich hab', mein Sach' auf Nichts gestellt,
Und mir gehört die ganze Welt,⁵⁸ —

он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: «пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!»

А второй принцип — о, второй принцип чуть ли не интереснее даже первого. Как забавны для человека, постигшего этот принцип, все толки о неизбежности того или другого зла, о необходимости нам тысячу лет пить горькую чашу, которую пили другие: да ведь она выпита другими, чего же нам-то пить? Их опыт научил нас, их содействие помогает нам приготовить новое питье, повкуснее и поздоровее. Все, чего добились другие, — готовое наследие нам. Не мы трудились над изобретением железных дорог — мы пользуемся ими.

[Не мы боролись с средневековым устройством, но когда падает оно у других, не продержится оно и у нас: ведь мы же в Европе живем, этого довольно, — все хорошее, что сделано каким бы то ни было передовым народом для себя, на три четверти подготовлено уже тем самым и для нас: надобно только узнать, что и как сделано, надо понять пользу, и тогда все будет легко.]

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд.
Всесилен случай, жизнь хрупка, —
Но то, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.⁵⁹

СУЕВЕРИЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ⁶⁰

Позволительна ли по правилам логики гипотеза о вредном влиянии общинного владения на земледелие? — Что такое называется азиатством и в чем заключаются действительные препятствия успехам нашего земледелия?

Нам, людям просвещенным, чрезвычайно смешны кажутся деревенские простяки⁶¹, верящие в знахарство и заговоры. Пропадет у бабы холст, который разостлала она белить за огородом, — баба отправляется к знахарю, главе всех окрестных мошенников,

и знахарь объявляет ей, что холст найдется в таком-то овине или хлеве. Долго бьет мужика неотвязная лихорадка: призывают знахарку, — она поит его вином, к которому примешан мышьяк⁶², сопровождая лечение причитыванием разных заговоров, и лихорадка проходит, если больной не умрет от мышьяка. И баба, нашедшая свой холст, и мужик, выздоровевший от лихорадки, остаются в твердом убеждении, что действие произведено причитываниями и таинственными жестами, с которыми знахарь гадал о потерянной вещи и знахарка давала лекарство. Какое нелепое, тупоумное суеверие! Но если, вместо того, чтобы смеяться над ним, мы захотим разобраться, отчего произошло дикое заблуждение, мы найдем, что сущность его состоит в предположении, будто бы результат произведен фактом, только случайно совпадающим с другими фактами, обратить внимание на которые не хотят суеверные простаки и которые сами по себе уже очень достаточны для объяснения дела. Знахарь имеет сношения с ворами — это известно всем в селе; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, как может он указать место украденной вещи, поделившись оброком от простодушной крестьянки с своими агентами — ворами? Мышьяк — лекарство слишком вредное, но радикальное лекарство от лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излечение мужика? Но деревенские невежды, пренебрегая причинами положительными, непременно хотят строить гипотезы о мнимом влиянии таких фактов, которые ровно ничем не участвовали в совершении дела.

Если мы не захотим забывать найденной нами существенной черты суеверия, то без всякого затруднения мы найдем слово, которым надобно характеризовать мнение отсталых экономистов о том, будто бы плохое состояние нашего земледелия имеет какую-нибудь связь с общинным владением. Это мнение точно так же, как вера в силу таинственных жестов знахарства, основывается исключительно на том, что отсталые экономисты непременно хотят придумать гипотезу для объяснения факта, слишком достаточно объясняемого действием причин очевидных и несомненных. В одной статье мы говорили о возражениях против общинного владения, проистекающих от незнакомства с философией, в другой — о возражениях, проистекающих из незнакомства с характером дельного законодательства, из неумения отличить его от бестолковой регламентации; теперь мы будем говорить о предрассудке, возникающем из незнакомства с основными правилами логики⁶³.

Когда мы хотим исследовать, может ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиной известного факта, логика предписывает нам, во-первых, рассмотреть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причине, или тот факт, происхождение которого мы хотим узнать, совершенно достаточно объясняется действием причин уже известных. Если окажется, что этих несомненных причин уже совершенно достаточно и что нет надобности придумывать новую причину, логика велит нам испытать, нет ли положительных указаний, что факт, происхождение которого мы объясняем, возникает исключительно от этих причин, совершенно независимо от обстоятельства, которому наше суеверие приписывало влияние на него. Для этого логика велит внимательнее обозреть природу и историю, чтобы видеть, не повторяется ли этот факт в полной своей силе и там, где не существует обстоятельства, которое суеверным образом ставится в связь с ним. Для человека рассудительного бывает обыкновенно довольно первой половины исследования; но тот, кто ослеплен суеверием, принужден бывает сознаться в своем заблуждении только по приложении к спорному вопросу и второго способа — способа отрицательной проверки. Положим, например, что я вздумал бы утверждать, будто поднятие ртути в барометрической трубке зависит от свойств стеклянной массы, составляющей стенки этой трубки. Как узнать, основательно ли мое мнение? Каждому известно, что ртуть поднимается в трубке давлением атмосферы, и логика велит прежде всего исследовать, достаточно ли влияние одной этой причины для поднятия ртути на ту высоту, какой она достигает на барометре. Если окажется, что достаточно одного давления атмосферы для произведения этого факта, рассудительные люди уже увидят неосновательность моего мнения о связи этого явления с качествами стекла; но я в упорстве своего ослепления все еще могу твердить: «так, ртуть поднимается давлением атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и каким-нибудь свойством стекла?» Чтобы отнять у меня возможность такого пустословия, надобно сделать барометр из железа, кости или какого-нибудь другого материала: когда в роговой или глиняной трубке ртуть будет подниматься точно так же, как в стеклянной, нелепость моей гипотезы обнаружится таким осязательным способом, что, не отказавшись от нее, я представлюсь уже просто или человеком недобросовестным, или тупоумным суевером. Упрямоство отсталых экономистов таково, что необходимо довести исследование о предполагаемой связи между низким состоянием земле-

деля и общинным владением до этого последнего результата. Для них мало будет простого указания на то, что предположение об этой связи — гипотеза совершенно лишняя, потому что и без нее факт слишком достаточно объясняется такими причинами, влияние которых на состояние земледелия несомненно.

Развитие сельского хозяйства в России слабо. Но могло ли оно достичь высокой степени, какова бы ни была у нас система владения землей? Существовало ли у нас до сих пор хотя одно из тех обстоятельств, от которых зависит усиленное развитие земледелия? Не очевидно ли, напротив, что все данные, которыми обуславливается положение сельского хозяйства, находились у нас до сих пор на ступени, чрезвычайно неблагоприятной его успехам? Пересмотрим поочередно главнейшие из этих данных, чтобы видеть, какого развития могло достигать у нас сельское хозяйство при каком бы то ни было способе владения землей.

Статистика говорит, что степень успехов сельского хозяйства везде соответствует густоте населения. Лучше всего в Европе земля обрабатывается в Англии, в Рейнской Германии и в Ломбардии: эти страны имеют от 5 до 6 000 населения на квадратную милю. Во Франции, где население простирается до 4 000 человек на квадратную милю, земля обрабатывается далеко не с такой заботливостью. В восточных частях Австрийской империи, где население еще реже, обработка земли еще хуже. В собственной Венгрии, где на квадратную милю считается 2 500 населения, сельское хозяйство до сих пор остается под господством методов обработки совершенно первобытных. Еще меньше усовершенствований имеет сельское хозяйство в Трансильвании⁶⁴, где приходится на квадратную милю по 2 000 человек. Венгрия и Трансильвания до такой степени отстали в методах сельского хозяйства от прочих земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледелии в Западной Европе, никак не думает и вспоминать о восточных областях Австрии, как о странах сколько-нибудь похожих в этом отношении на земли более населенные, которые служат исключительным местом усовершенствований в земледелии. У нас нет ни одной губернии, которая густотой своего населения равнялась бы хотя Венгрии, и, за исключением одной Московской, нет ни одной губернии, которая превосходила бы в этом отношении Трансильванию. Если мы возьмем даже только одни так называемые земледельческие наши губернии, то есть западную часть центральной России, Малороссию и землю черноземной полосы, все-таки в общей сложности мы не получим более 1 200 человек на квадратную милю в этом пространстве, где главным образом сосредото-

чено наше земледелие*. Скажите же, каких усовершенствованных методов, при каком бы то ни было способе землевладения, можно ожидать в сельском хозяйстве такой страны, которая имеет население в два раза меньше, чем Венгрия и Трансильвания, где по многоземелию нет надобности в усовершенствованных методах? Если Франция, имеющая около 4000 жителей на квадратную милю, до сих пор держится трехпольного хозяйства⁶⁵, если она до сих пор остается почти совершенно чужда усовершенствованным способам производства, то не безумно ли приписывать мистическому влиянию общинного владения то обстоятельство, что мы, подобно французам, держимся трехпольной системы и, подобно французам, плохо удобряем свою землю? Кто, сравнивши густоту населения в Европейской России и в Западной Европе, будет нуждаться еще в гипотезе о вредном влиянии общинного владения, тот, по нашему мнению, должен в случае болезни лечиться не у докторов, а у знахарей: действие медицинских средств ему должно казаться тоже недостаточным, и он должен искать помощи себе в каком-нибудь заговоре колдуна.

Зависимость усовершенствованных способов обработки земли от густоты населения яснее всего выказывают Соединенные Штаты. Они в высокой степени обладают всеми другими условиями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громадным развитием городов, и превосходными путями сообщения, и страшным богатством капиталов — всеми этими условиями, которых лишена Россия; они отличаются от Англии только тем, что густота населения в них невелика, и от разницы в этом одном обстоятельстве происходит то, что североамериканец пренебрегает усовершенствованными методами сельского хозяйства. Спросите его, почему он не употребляет на улучшение акра земли в каком-нибудь Огайо по 100 долларов, между тем как англичанин тратит на улучшение своей земли гораздо больше, — он или захохочет, считая вас помещанным, или рассердится, думая, что вы принимаете его за дурачка, над которым можно потешаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьезно, и докажете, что вы человек не глупый, а только чересчур начитавшийся отсталых

* Мы отбрасываем губернии Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другие, в которых население несравненно меньше. Читатель знает, что если считать эти громадные пустыни, то средняя густота населения в Европейской России едва достигает 650 человек на квадратную милю. Но мы берем только ту половину Европейской России, в которой население по нашей русской норме считается уже довольно густым и которая преимущественно имеется в виду, когда речь идет о земледелии.

экономистов, то он растолкует вам, в чем дело. Он скажет: если я буду обрабатывать свою землю по английской усовершенствованной методе, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь под посевом. Земля у нас так дешева, что тратить много денег на ее улучшение еще невыгодно.

Отсталые экономисты вообще так сообразительны, что, пожалуй, тотчас же придумают новую гипотезу, все во вред тому же непостижимому для них общинному владению. Надобно поскорее сделать оговорку, чтобы предупредить их остроумную догадку. Хорошо, скажут они, затрачивать много денег на улучшение земли у нас нельзя потому, что земля слишком дешева и население не имеет такой густоты, как в Англии. Но причиной малой населенности и дешевизны наших земель не должно ли считаться общинное владение? Мы не сами выдумали это остроумное соображение, после которого остается только предположить, что нерасчищенность фарватера наших рек происходит также от общинного владения. Отсталые экономисты действительно говорили, что развитие населения у нас задерживается общинным владением; но это показывает только, что они не читали даже извлечения из русской истории Карамзина, которое приложено к немецкой грамматике г. Таппе⁶⁶, для упражнения в переводах. Иначе они знали бы, что до половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хотя те малочисленные жители, которых имела она при Петре⁶⁷. Татарские набеги, нашествия поляков, многочисленные шайки разбойников, походившие своей громадностью на целые армии, — все это постоянно дотла разоряло русские области. Они опустошались также страшной неурядицей управления. Мы знаем, что вольные люди записывались за помещиков, лишь бы найти себе какую-нибудь защиту, потому что закон был совершенно бессилен оградить их, — это факт, говорящий о таком положении вещей, соответствие которому в истории Западной Европы представляют лишь те мрачные времена средних веков, когда аллодиальные владельцы принимали на себя феодальную зависимость. Удивительно ли, что, при таком положении дел, народонаселение оставалось чрезвычайно малочисленным? Только с XVIII века внешние разорители были обузданы и внутренняя администрация стала несколько улучшаться; с тех пор, в течение 160 лет, она постоянно улучшалась, но, по нынешнему ее состоянию, можно судить о том, какова была она лет 70 тому назад. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которых не мог описать Щедрин⁶⁸, то рассказы наших отцов и дедов свидетельствуют, что в их времена

господствовал произвол, невероятный даже для нас. Не будет ли явным безрассудством отыскивать каких-нибудь других причин к объяснению того факта, что Россия заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше население еще слишком мало; напротив, скорее требовало бы объяснения то обстоятельство, каким образом могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при известной нам судьбе русского народа в этот период. Сравнивая цифру населения собственно русских областей в наше время с населением их за полтора столетия⁶⁹, мы должны приписать натуре русского человека чрезвычайную переносимость — черта, которая обнаруживается также всей нашей историей и всеми особенностями нашего быта.

Мы сказали только об одной причине неразвитости нашего сельского хозяйства, и эта одна причина — малая населенность даже самых населенных наших земель — уже могла бы служить очень удовлетворительным объяснением тому, что наше земледелие еще не вышло из-под господства первобытных методов обработки; но сколько есть еще других несомненных причин, действующих в том же направлении. Замечено, например, что развитие сельского хозяйства идет в уровень с развитием городов. Дело очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиление производства возможно только тогда, когда есть сбыт для продуктов. В большой стране города собственного государства должны служить важнейшим местом сбыта сельских продуктов. Потому, чем значительнее пропорция городского населения в общем числе жителей страны, тем высшего развития достигает в ней земледелие. Противники общинного владения восхищаются английским сельским хозяйством; но ведь в Англии более двух третей населения живет в городах. Один Лондон с принадлежащими к нему местечками представляет массу покупателей хлеба, едва ли не большую, чем все города Русской империи от Петербурга до Якутска*.

В Англии более двух третей населения сосредоточено в городах. В Пруссии городские жители все еще составляют около третьей части всего населения; даже в Австрии в городах живет восьмая часть населения. У нас оно составляет едва двенадцатую часть.

* В Лондоне с окрестными местечками считается до 3 миллионов жителей, а во всех городах Русской империи до 5 с половиной миллионов. Но почти во всех наших уездных и даже во многих губернских городах большинство населения занимается хлебопашеством. Эти люди горожане только по имени, а в самом деле они такие же поселяне, как и деревенские мужики, несмотря на свой титул мещан. Нет надобности говорить, что в Лондоне, напротив того, каждый житель не производит, а только потребляет хлеб.

Итак, не сравнивая России с Англией, ни даже с Францией и Пруссией, довольно будет заметить, что по пропорции между городским и сельским населением русское земледелие находится в положении в полтора раза неблагоприятнейшем, чем земледелие Австрии, самой отсталой западной державы по методам сельского хозяйства.

Отсталые экономисты могут в чем угодно обвинять общинное владение. Может быть, оно причиной того, что климат наш суров, что часты у нас засухи, но едва ли даже они дойдут до мысли приписывать ему неразвитость наших городов. А, между тем, странно сказать, как ни малы наши города, они почти не увеличиваются, как будто бы нет у нас и потребности в них. Одесса, Харьков, еще два, три города — и кончен список всех центров, развивающихся заметным образом. Даже столицы наши увеличиваются далеко не так быстро, как большие города Западной Европы. В Москве, например, с незапамятных времен, чуть ли еще не при Иване III Васильевиче, а наверно при Елизавете Петровне считали 300 000 жителей⁷⁰. По прошлогоднему календарю считалось в ней 354 927 жителей. Надобно будет справиться в календаре за нынешний год, не вознаградился ли в последние десять месяцев застой целого столетия. Шутки в сторону. Каких успехов можно ожидать при каком бы то ни было способе землевладения от сельского хозяйства такой страны, где после двух столичных губерний и Херсонской губернии с ее полуиностранной Одессой первое место, по пропорции между городским и сельским населением, занимают провинции, недавно завоеванные от Турции, как будто бы самые передовые в экономическом развитии^{*71}.

Наши города оставались до сих пор какими-то пародиями на города. Но если они представляли для сбыта сельских произведений рынок столь ничтожный, что не могли поднять земледелия, зато есть у нас другой источник сбыта — заграничная торговля.

* Для курьеза — именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны, — выписываем верхнюю часть таблицы городского населения из Тенгоборского.

На 1000 человек населения считается городских жителей:

Губернии

1. С.-Петербургская	517
2. Московская	258
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизация)	172
5. Бессарабия (турецкая цивилизация)	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизация)	140
7. Курляндия (немцы)	121
8. Харьковская (слава богу, вот и мы, наконец)	114

Мы кричим очень много об отправляемом нами за границу хлебе. Но в целые десять лет, с 1844 до 1853 включительно, мы вывезли из всех наших гаваней, всех сортов хлеба вместе, всего 57 миллионов четвертей, по 5 700 000 четвертей в год, то есть, считая по полторы четверти на продовольствие одного потребителя, весь наш заграничный отпуск равнялся присутствию четырех миллионов потребителей. Из этого следует, что если мы соединим размер внутреннего рынка (городские потребители) с продажей на заграничные рынки, мы получим, что все поощрение нашего земледелия к усиленному производству равнялось потребности 8 миллионов потребителей*. Итак, оба рынка, внешний и внутренний, едва могут производить у нас на земледелие столько возбуждающего влияния, сколько производится в Австрии одним внутренним рынком.

Отсталые экономисты могут приписать все это общинному владению; но дело известное, что слабое развитие наших городов имеет своей причиной неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпуск хлеба за границу стесняется отсутствием сносных путей сообщения. Надобно ли говорить, что обе причины, кроме косвенного вреда, приносимого ими земледелию через ограничение заграничного сбыта и городского потребления, страшно вредят сельскому хозяйству и прямым образом? Надобно ли говорить, что каково бы ни было число жителей в городах, земледелие не может делать успехов в стране, где слаба промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а в особенности земледельческое производство нуждается для своего развития в удобных путях сообщения? Кому неизвестно, что Псковская губерния может умереть с голоду прежде, чем получит хотя четверть хлеба из Малороссии, которая в то же время будет страдать от невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлеб? Или надобно говорить о том, что наша торговля находится в самом [жалком] положении, а пути сообщения до последнего времени находились еще в худшем?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, специальным образом тяготеющее над нашим земледелием. Из всех отраслей производства в сельском хозяйстве всего ошутительнее важность оборотного капитала. Фабрика или завод обыкновенно или создается, или покупается тем самым человеком, который бывает хозяином производства. При покупке или устройстве своего

* Мы полагаем, из 5 с половиной миллионов городского населения, до 4 000 000 человек, покупающих хлеб, — цифра слишком высокая, — и к ним прибавляем 4 000 000 потребителей, которых мы продовольствуем за границей.

заведения, он обыкновенно рассчитывает, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то в сельском хозяйстве. Земля чаще всего достается по наследству, и владелец, не получив вместе с ней оборотного капитала, обыкновенно и не понимает нужды в нем. Земля у него есть, работа даром и справляется крепостными людьми: о чем же еще думать владельцу? Если у него есть деньги, он пускает их в другие предприятия, или, чаще всего, проживает, а земледельческое производство совершается у него решительно без всяких затрат оборотного капитала. Между тем известно, что успехи земледелия находятся в прямой зависимости от величины затрат на оборотный капитал. Каких успехов можно ожидать там, где нет понятия о надобности в оборотном капитале?

Это [дикое]⁷² положение приводит нас к одному из основных источников нашей [дикости и] отсталости во всех отношениях — к крепостному праву. Коренным образом крепостное право принадлежит сфере сельского хозяйства и, само собой разумеется, что если оно обессиливало всю нашу жизнь, то с особенной силой должны были отражаться его результаты на земледелии, которое полнее всего подчинялось его силе. Неуместно было бы здесь распространяться об этом предмете — о нем довольно наговорено в последнее время бесчисленными писателями, которые вдруг обнаружили благороднейшее негодование против бедствия, имевшего привилегию столь долго не вызывать никаких порицаний. Мы сами грешили этими внезапными вспышками благородства.

В те дни, когда нам было ново
Значенье правды и добра⁷³,

и теперь не можем, не краснея, вспоминать о тогдашних наших подвигах. Итак, довольно будет сказать, что цена хлеба зависит от той части его, которая производилась крепостным трудом, то есть не имела ровно никакой цены в глазах владельца, и что крепостное право, переделавши в своем духе все наши обычаи, конечно, не могло содействовать ни развитию духа предприимчивости, ни поддержанию трудолюбия в нашем племени. Если бы не было никаких других неблагоприятных обстоятельств, одного крепостного права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положение нашего земледелия.

Крепостное право было одним из учреждений, ослаблявших народную энергию. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадок ее. Крепостное право было только одним из множества элементов, имеющих такое же влияние на силу нации. Мы не хотим теперь перечислять всех этих вредных учреждений:

для нашей цели довольно будет обратить внимание только на результат их. Русский народ [живет или, лучше сказать, прозябает или дремлет] в тяжелой летаргии, немногим отличающейся от расположения духа, владычествующего над азиатцами.

[Апатия у нас изумительная; она так поразительна, что многие называют нас народом ленивым. Мы не знаем, существуют ли на свете ленивые народы. Психология говорит, что страсть к деятельности врождена человеку, а физиология объясняет и доказывает это, говоря, что наши мускулы имеют физическую потребность работать, подобно тому, как желудок имеет потребность переваривать пищу, нервы — потребность испытывать впечатления, глаза — потребность смотреть и т.п. Оставляя в стороне этот общий принцип органической жизни, по которому каждая часть нашего организма требует соответствующей своему характеру деятельности, мы заметим только, что в нашем климате леность никак не может находить себе место, если бы и могла принадлежать каким-нибудь другим племенам, живущим под полюсом или под тропиками. Смешно говорить о наклонностях к лени в человеке, который в пять или шесть месяцев должен запастись средствами к жизни на целый год; но между тем не подлежит сомнению, что мы работаем хуже, нежели, например, англичане и немцы. Это оттого, что] энергия труда подавлена в нас вместе со всякой другой энергией. Исторические обстоятельства развили в нас добродетели чисто пассивные, как, например, долготерпение, переносливость к лишениям [, обидам] и всяким невзгодам. В сентиментальном отношении эти качества могут быть очень хороши, и нет сомнения, что они очень удобны для людей, пользующихся ими к своей выгоде; но для развития экономической деятельности пассивные добродетели никуда не годятся. [Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичским на ниве и безответным в приказной избе тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаться с ноги на ногу. Он будет таким же вахлаком⁷⁴ за сохою. Впрочем, об этом предмете можно было бы наговорить слишком много, если бы в самом деле нуждалась в доказательствах мысль, что энергия в русском человеке подавлена обстоятельствами, сделавшими из него какого-то аскета. Возвратимся лучше к той, более отрадной стороне его жизни, которая показывает, что по природе своей он вовсе не предназначен быть апатич-

ным. Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайную неутомимость и живость к работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми вообще он бывает подавлен.]

Мы сказали, что не хотим перечислять причин, подавляющих энергию труда в русском народе. Это перечисление было бы слишком огорчительно для нашего с вами патриотизма, читатель (Мы надеемся, что вы такой же яростный патриот, как и мы; что вы, подобно нам, восхищаетесь нашим общественным устройством во всех его подробностях, начиная с петербургских и кончая сельской администрацией). Но мы должны обратить внимание на одну сторону народной жизни, которая, сама обуславливаясь благосостоянием и свободой народа, служит коренным источником всех успехов его экономической деятельности. Каждое человеческое дело успешно идет только тогда, когда руководится умом и знанием, а ум развивается образованием, и знания даются тоже образованием; потому только просвещенный народ может работать успешно. В каком же положении наше образование? В целой Западной Европе, имеющей около 200 миллионов жителей, не найдется столько безграмотных людей, как в одной нашей родине; в какой-нибудь Бельгии, или хотя бы даже Баварии, при всей отсталости Баварии от других земель Западной Европы, на 5 миллионов населения считается столько же учащихся в школах, сколько в целой России, и число всех грамотных людей в России таково, что едва ли бы достало его на одну провинцию в Прусском королевстве*. О том, насколько распространено у нас высшее образование, нечего и говорить: об этом слишком красноречиво свидетельствуют цифры изданий Гоголя, Пушкина, Тургенева и число экземпляров, в каком издаются наши газеты и журналы**.

* По самым щедрым расчетам предполагается, что из 65 или 70 миллионов жителей Русской империи, людей, умеющих читать, набирается до 5 миллионов. Но эта цифра, по всей вероятности, слишком высока. Большинство грамотных людей сосредоточено в городах; в селах едва ли наберется половина того, сколько находится в городах. Но и в городах гораздо больше половины жителей еще не знает грамоты. Судя по этому, едва ли мы ошибемся, положив число грамотных людей в России не превышающим 4 миллионов.

** Все наши ежедневные газеты, вместе взятые, расходятся в числе 30 или много 35 тысяч экземпляров; все большие журналы, вместе взятые, далеко не достигают этой цифры. Предположим для каждого экземпляра даже по 10 человек читателей, мы увидим, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумиллиона человек. Во Франции, где чтение распространено меньше, нежели в Германии и Англии, одни только парижские ежедневные газеты печатаются в числе более 200 000 экземпляров (провинциальных газет мы не считаем). Итак,

Как из [апатичности] русского человека в материальной работе пронырательные люди вывели, что он от природы расположен к лени, так из слабого развития нашей образованности они заключают, что русское племя мало имеет охоты к просвещению. Обе эти клеветы одинаково тупоумны и нелепы. [Об этих обоих делах надобно сказать одно и то же: «охота смертная, да участь горькая».] Стремление в народе чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишком не благоприятствуют его осуществлению.

Мы перечислили много причин, имеющих гибельное влияние на наше земледелие: отсутствие умственного развития в народе, упадок его энергии, крепостное состояние, недостаток оборотного капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояние путей сообщения, слабое развитие городов, незначительная степень населенности, — все это такие причины, из которых каждая сама по себе и без содействия других бывает в состоянии задержать сельское хозяйство на низкой степени развития. Из европейских народов нет ни одного, у которого хотя один из этих фактов, враждебных успехам земледелия, имел бы такой обширный размер, как у нас, и нет в Европе ни одного народа, у которого бы соединялись все эти факты, соединенные у нас. Что ж удивительного, если земледелие у нас находится в худшем положении, чем у западных народов? Когда есть так много и столь сильных несомненных причин, производящих данное положение, позволяют ли правила логики придумывать еще гипотетические и мистические причины? При виде фактов, нами перечисленных, говорить, что наше земледелие задерживается общинным владением, значит подражать той даме, которая зимой поехала на бал, накинув на голые плечи только легкую мантилью, а потом, выдержав горячку, приписывала свою болезнь тому обстоятельству, что забыла взять с собой веер. Мы не знаем, имеет ли веер свойство предохранять от простуды; но можно думать, что если б он и был у нее в руках, он не заменил бы для нее шубы и теплых ботинок. Можно полагать, что, каков бы ни был способ землевладения в стране, где население мало, города не развиты, путей сообщения нет, торговли и промышленности почти нет, оборотного капитала в земледелии нет, где [обстоятельствами и учреждениями подавлена] в народе энергия и нет простора умственной деятельности, — можно думать, что, каков бы ни был способ владения землею

во Франции приходится один экземпляр газеты на 180 человек, а в России один экземпляр на 2200 человек. Но всего прелестнее цифры изданий наших классических писателей. Кто из людей сколько-нибудь образованных не читал Гоголя? Число всех экземпляров всех изданий Гоголя не простирается и до 10 тысяч.

в такой стране, земледелие не могло бы достичь в ней никаких успехов.

Говорить о вредном влиянии общинного владения на земледелие в России — значит приписывать цвету волос или величине усов неподвижность человека, у которого поражены параличом руки и ноги. Нас так восхищает гипотеза о вредном влиянии общинного владения, что мы предложим ряд вопросов, которые все могут быть разрешены посредством вредного влияния общинного владения с таким же успехом, как и вопрос о слабом развитии нашего земледелия.

Почему наши города так плохо развивались до сих пор? Общинное владение мешало их развитию, препятствуя купцам развивать свои дела покупкой земель у крестьян. Почему неизмеримые леса наших северных губерний гниют на корню, между тем как средняя и южная Россия нуждается в лесе? Общинное землевладение останавливает поток колонизации, который без него устремился бы в благодатную Олонецкую губернию и пустил бы в торговлю ее леса. Почему ярославские мужики имеют рыжие бороды? Причиной тому должно считаться общинное владение, препятствующее ярославцам походить на французов, имеющих бороды темного цвета. Почему русские экономисты отсталой школы не в состоянии понимать самых простых и ясных фактов? Причиной тому должно считаться общинное владение, задерживающее успехи русских людей как в отношении материальном, так и в отношении умственном.

Задерживая умственное развитие русских экономистов отсталой школы, общинное землевладение препятствует им удовлетворяться предыдущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновенного здравого смысла. Потому мы считаем недостаточным для них предшествующее положительное указание на факты, которые свидетельствуют, что нет надобности в гипотезе о вредном влиянии общинного владения для объяснения неразвитости нашего земледелия: надобно прибегнуть также к отрицательному методу проверки гипотез, чтобы показать еще очевиднейшим образом неуместность их предположения.

На земном шаре находится очень много стран, в которых состояние земледелия не лучше, или немногим лучше, или даже гораздо хуже, чем в России, но которые имеют способ землевладения, могущий, по мнению отсталых экономистов, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общинным землевладением. Мы сделаем обзор этих стран, чтобы видеть, в состоянии ли господство частной поземельной собственности помочь у нас

тому делу, плохое положение которого занимает нас. В Испании положение сельского хозяйства едва ли лучше, чем у нас; многие из условий, не благоприятствующих нашему земледелию, существуют и там, хотя далеко не в такой степени. Население в полтора раза гуще наших земледельческих губерний, пропорция городского населения гораздо значительнее. Средиземное море и Атлантический океан представляют удобный путь сбыта для продуктов целой половины страны, но все-таки сходство с нашим положением довольно велико: население, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитие городов все-таки неудовлетворительно, пути сообщения плохи, оборотных капиталов в земледелии нет, торговля и промышленность очень слабы и общественные учреждения подавили прежнее просвещение и прежнюю энергию испанского племени. Сходства по этим основным условиям достаточно для того, чтобы земледелие производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имеют и понятия об общинном владении. Дайте им общинное владение или уничтожьте его у нас, положение сельского хозяйства ни у нас, ни у них не изменится, если перечисленные нами условия останутся в прежнем виде. Точно так же положение вещей в Неаполе и в Папской области, хотя и они не знают общинного владения.

Но если мы хотим видеть в Европе страну, где обстановка земледельческого производства представляет наибольшее сходство с нашей, мы должны взглянуть на Турцию. Не надобно и говорить, что и в ней успехи земледелия задерживаются общинным владением.

Слово Турция пробуждает в нас новую мысль, которая, к сожалению, до сих пор не приходила нам в голову: иначе были бы излишни все наши прежние рассуждения. Европейская Турция до сих пор остается в сущности азиатским государством, хотя и лежит в Европе, не правда ли? Итак, найден нами ключ к объяснению всего, о чем толковали мы с подробностями, которые теперь оказываются совершенно не нужны. Азиатская обстановка жизни, азиатское устройство общества, азиатский порядок дел, — этими словами сказано все, и нечего прибавлять к ним. Может ли земледелие получить европейский характер при азиатском порядке дел? В самом деле, Азия* представляет обширнейший прототип

* Под «Азией» мы разумеем здесь не всю ту часть света, которая известна под этим именем в географии, а только те земли в этой части света, которые издавна знакомы нашему народу и по которым составил он себе понятие об азиатстве. Это — страны, лежащие на запад от Китая и на север от Индии, собственно только мусульманская часть Азии. Столь ученое примечание мы сочли необходимым

того земледельческого положения, о котором мы говорим, со всеми причинами, производящими его, т.е. мешающими ему замечаться чем-нибудь лучшим; а между тем Азия точно так же не знает общинного владения землей, как и Западная Европа. Анатолия, Сирия, Месопотамия, Персия, Кабул, Бухара, Хива, Кокан[д] — все эти страны точно так же имеют личную поземельную собственность, как и Англия, Бельгия, Рейнская Германия. Из этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служит ручательством за высокое развитие земледелия, что порядок землевладения, будучи необыкновенно важен по своему влиянию на распределение имущества между разными сословиями, не имеет ровно никакого влияния на развитие технической стороны сельского хозяйства. В чьи руки идет сбор хлеба, доставляемый десятиной земли, — вот это решается способом землевладения. Но как обрабатывается эта десятина и как велик сбор хлеба, ею даваемый, это зависит от совершенно других условий, важнейшие из которых мы перечислили. Теперь мы знаем также, как надобно называть совокупность тех условий, при которых обработка земли бывает плоха и сбор хлеба мал: совокупность этих условий, враждебных развитию сельского хозяйства, называется просто — азиатством.

[Если бы мы писали статью об общинном владении для обыкновенных читателей, нам не было бы нужды останавливаться на разъяснении, что такое должно разуметь под словом азиатство; но мы пишем для отсталых людей, называющих себя учеными, то есть для людей с понятиями самыми сбивчивыми, потому, нечего делать, объясним, что обыкновенные, неученые люди называют азиатством. Если бы отсталые ученые могли снисходить до чтения статей, по заглавию своему относящихся к предметам неученым, мы просто указали бы на разбор сочинений г. Островского, помещенный в последних книжках «Современника»⁷⁵: понятие азиатства изложено в них с большою подробностью и обстоятельностью. Но могут ли люди, воображающие себя учеными, учиться у какого-нибудь неизвестного западным их авторитетам г. — бова⁷⁶?

сделать, имея в виду обыкновенную сообразительность отсталых экономистов, иначе они тотчас возразили бы: «не явное ли невежество говорить о том, что земля в Азии возделывается дурно, когда известно, что в Китае она обрабатывается самым тщательным образом?» Сделав такое возражение, они остались бы очень довольны собой. К сожалению, наша статья имеет в виду не Китай, где, по крайней мере, прочность обычая служит некоторым вознаграждением за слабость закона, а только страны, имеющие порядок дел, подобный турецкому, персидскому, хивинскому и кокан[д]скому.

Повторим же здесь кратко его основные мысли, чтобы ознакомить с ними наших отсталых экономистов.

Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует никакой законности, не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилен. Опирается на него — значит подвергать себя погибели. Там господствует исключительно насилие. Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшими все, что только ему угодно, а так как у него нет человеческих понятий, то руководится он в своих действиях только прихотями добрыми или дурными, — это как случится, но во всяком случае совершенно бестолковыми; эта черта азиатства в разборе сочинений г. Островского очень удачно названа самодурством. Для человека постороннего она составляет самую поразительную особенность азиатского порядка дел. При безграничном владычестве самодурства каждый азиатец в сношениях своих с более сильным человеком руководится исключительно мыслью угождать ему. Угодливость, уступчивость, раболепство — это единственный способ не быть раздавленным от руки сильнейшего. Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство; но что же им делать, когда закон у них, как мы сказали, бессилен? Водворите у них законность, и вы увидите, что они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы!]

Мы чувствуем, что [этот эпизод] об азиатстве решительно не достоин той серьезной идеи, которая служит основанием нашей статьи. Но что же делать! Наш язык не выработался настолько, чтобы можно было удовлетворительно выражать им серьезные понятия. Недаром все ученые жалуются на бедность нашей терминологии. Если бы мы писали по-французски или по-немецки, мы, вероятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись от судьбы получить такое счастье, мы должны писать на языке, который по какому-то загадочному случаю устроен так, что никак не сумеешь излагать на нем своих мыслей связно и ясно. Наш язык, орудие слишком непокорное мысли и истине, беспрестанно увлекает писателя в такие отклонения от его идеи, которые могут быть неприятны не только читателю, но и самому автору, но которые должен извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дороге развития идеи нет возможности, когда пишешь по-русски, и писателю остается только, когда он заметит, что уклонился от своей идеи слишком далеко, делать крутые повороты, чтобы взяться опять за дело, ускользнувшее из-под его пера по сбивчивости нашего языка. Мы так и сделаем. Забывая наш неудовлетворитель-

ный эпизод об азиатстве, мы беремся опять за логику и смотрим, что велит она делать при рассуждении о неосновательных гипотезах, каково разбираемое нами предположение отсталых экономистов о вредном влиянии, будто бы оказываемом на земледелие нашу систему общинного владения.

Логика говорит, что не довольно опровергнуть ошибочное мнение, а надобно также показать, каким образом могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы делом произвольным, не имеющим достаточных причин, то есть загадочным. Чтобы исполнить это последнее требование логики, нам нужно только рассмотреть посылку, из которой отсталые экономисты выводят свое ошибочное мнение. «Наше земледелие, говорят они, задерживается в своем развитии тем, что поземельная собственность не имеет у нас достаточной безопасности». Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только в том, что причиной небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владение. В статье «Законодательство и регламентация»⁷⁷ мы подробно доказывали, что общинное владение землей из всех форм поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная от всяких придинок и юридических столкновений. Но мы оканчивали нашу статью согласием в том, что общинное владение при всем своем юридическом превосходстве далеко не оказывает у нас всех полезных действий, каких следует ожидать от его существенного характера. Мы обещались в нынешней статье разобрать причины такого несоответствия между сущностью принципа и его результатами. К тому же самому делу приводит нас и надобность показать причину, вовлекающую отсталых экономистов в их фальшивую гипотезу.

Отыскать причину их ошибки очень легко. Они сравнивают поземельное владение у нас и в Западной Европе; они замечают, что в Западной Европе поземельная собственность безопасна, у нас не имеет безопасности; они видят с тем вместе, что на Западе существует одна форма поземельного владения, у нас — другая. И вот они делают из этих фактов следующее заключение: «в Западной Европе поземельная собственность безопасна, а форму ее там составляет присвоение собственности частному лицу; итак, присвоение поземельной собственности частному лицу дает ей безопасность. У нас, напротив того, поземельная собственность лишена безопасности и с тем вместе имеет форму общинного владения. Итак, форма общинного владения служит причиной небезопасности поземельной собственности».

Эта форма умозаключения очень обыкновенная у людей, не привыкших к логическим приемам: видя два факта известного рода, соединенными в одном месте, и два факта другого рода, соединенными в другом месте, неопытные в логике умы тотчас же заключают без дальнейшего исследования, что в каждой паре фактов существует между двумя явлениями причинная связь. Если бы этот род умозаключений был пригоден для ученых изысканий, наука уже давно постигла бы все тайны природы и общественной истории. Но, к сожалению, логика заклеяла такой легкий способ отыскания истины знаменитой фразой *cum hoc, ergo propter hoc*⁷⁸ и объявила, что подобные умозаключения решительно никуда не годятся. Если бы отсталые экономисты были знакомы с логикой, они знали бы, что все нелепости суеверия были основаны на этой самой форме умозаключения, и знали бы, какое множество примеров приводится этому в логике.

Например, на чем были основаны ауспиции⁷⁹ древних римлян? Однажды перед битвой они слышали ворону, каркающую с правой стороны, и проиграли битву; в другой раз слышали ворону, каркающую с левой стороны, и выиграли битву. Дело ясное: *cum hoc, ergo propter hoc* — совпадает, следовательно, имеет причинную связь. Итак, карканье вороны с правой стороны приносит войску гибель, карканье с левой — дает ему победу.

Все суеверия основаны на этой форме умозаключения. Доказывать его нелепость было бы скучно; довольно будет сказать, что суеверную привычку делать заключения по форме, нами указанной, логика велит заменять строгим исследованием положительных причин, прибавляя, что очень часто могут совпадать между собой факты, тенденции которых противоположны, и что в таком случае результаты слабейшего факта подавляются противоположными ему результатами сильнейшего факта.

Положительно известно, например, что просвещение облагораживает человека, а благородство противоположно, например, хоть взяточничеству. Между тем сколько мы видим у нас взяточников, кончивших курс в высших учебных заведениях. По способу умозаключения, которого держатся отсталые экономисты, вывод из этого совпадения фактов таков: человек, кончивший курс в одном из высших заведений, берет взятки — итак, ученье делает человека взяточником. Логика велит судить об этом иначе. Она говорит: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противоречие между образованностью и взяточничеством, то надобно полагать, что в обстановке, среди которой живут эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекущие

к взяточничеству, что противоположное направление, внушаемое образованностью, может изнемогать под силой этих обстоятельств.

Другой пример. Светское воспитание, хорошо оно или дурно в других отношениях, но имеет ту несомненную хорошую тенденцию, что делает человека деликатным в обращении, отучает его от низких, грязных манер. Но сколько у нас есть людей, получивших светское воспитание, которые чрезвычайно грубы в обращении с своими подчиненными, которые невежливо обращаются с мелкими чиновниками, если бывают в гражданской службе, которые ругают солдат, если бывают офицерами. По умозаключению отсталых экономистов, опять выходил бы такой силлогизм: люди, получившие светское воспитание, унижаются до пошлых грубостей — итак, светское воспитание отнимает у человека вежливость. Логика опять говорит напротив: если даже люди, получившие светское воспитание, бывают невежливы, грубы, пошлы в обращении с другими, то надобно думать, что в обстановке, среди которой живут эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающие к нахальному попиранию всякой слабой личности, что даже вежливость, даваемая светским воспитанием, подавляется этими обстоятельствами.

В подобных случаях логика велит вместо того, чтобы останавливаться на тупоумном предположении «совпадает, следовательно, имеет причинную связь», пристальнее всматриваться в обстоятельства, среди которых происходит явление, чтобы отыскать истинные причины его. Так поступим и мы. Отыскать истинные причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что они известны каждому, кроме отсталых экономистов.

Собственность принадлежит к числу общественных учреждений. Чем же ограждается безопасность общественных учреждений? Законами. Прекрасно. Какими способами проявляется в обществе действие законов? Опять каждому известно, что, для приведения законов в действие, общество имеет два органа: администрацию и судебную власть. Итак, если мы рассуждаем о безопасности какого-нибудь общественного учреждения в известном обществе, то не должен ли нам прежде всего приходиться в голову вопрос о том, какое состояние администрации и судебной власти в этом обществе?

Мы не имеем намерения подробно отвечать здесь на такой вопрос, [говорить о взяточничестве, потворстве сильным, нахальстве над слабым, о медлительности, неуменье ничего хорошего исполнить надлежащим образом, о безграничном произволе, соединен-

ном с бессилием, столь же безграничным]. Сколько бы ни наговорили мы об [этих] качествах нашей администрации и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что не было бы не хуже нас известно каждому из наших читателей. Доказывать [эту] истину было бы тут не для кого и спорить не с кем. Мы полагаем, что даже отсталые экономисты, так мало понимающие нашу жизнь, понимают, каково положение администрации и судебной власти у нас. [Мы полагаем, что даже и они, подобно нам, скажут: наша администрация до сих пор не была способна удовлетворительным образом ограждать личность и собственность наших сограждан; от судебной власти до сих пор нельзя было у нас обиженному ожидать быстрого восстановления своих нарушенных прав.

Этого довольно для нашей цели.]

Мы нашли коренную причину не только явления, объяснением которого специально занимаемся в этой статье, но и всех тех фактов, которые представлялись нам ближайшими причинами его. Не только слабость успехов нашего земледелия, но и медленность в развитии нашего населения вообще, нашего городского населения в частности, неудовлетворительное состояние наших путей сообщения, торговли, промышленности, недостаток оборотного капитала в земледелии — все это, и не только это, но также и крепостное право, и упадок народной энергии, и умственная наша неразвитость, — все эти факты, подобно всем другим плохим фактам нашего быта, коренную, сильнейшую причину свою имеют в состоянии нашей администрации и судебной власти. [Весь наш быт во всем, что есть в нем печального, обуславливается этою основною причиною всех зол.

В самом деле, пересмотрим все недостатки его, для всех найдем одну и ту же главную причину. Начнем с экономической стороны. Все неудовлетворительные явления нашего материального быта подводятся под одно общее выражение: «наш народ беден». Если мы сознались в этом общем факте, кажется, не подлежащем спору, мы не станем удивляться ни одному из частных явлений, входящих в состав его или представляющихся его последствиями. Например, может ли быстро увеличиваться население, у которого бедностью отнята возможность вести жизнь в здоровой обстановке и потреблять хорошую пищу? Могут ли быстро развиваться города у бедного народа? Может ли у него процветать торговля, когда у него нет обильного запаса продуктов для обширной торговли, или промышленность, когда ему не на что покупать произведений промышленности? Могут ли у него быть достаточные оборотные капиталы в земледелии, когда он вообще терпит чрезвычайный

недостаток в капиталах? Словом сказать, в чем бы ни увидели мы недостаток, мы уже вперед сказали о нем, когда произнесли общую фразу: «народ беден».

Но может ли выйти из бедности народ, у которого администрация дурна и судебная власть не исполняет своего предназначения? Разве не каждому известно, что народное благосостояние развивается только трудолюбием и бережливостью? А эти качества могут ли существовать при дурной администрации, при плохом суде? Человек может работать с усердием только тогда, когда никто не помешает его труду и не отнимет у него плодов труда. Этой уверенности нет у человека, живущего в стране, где администрация дурна и суд бессилён или несправедлив. Бережливым можешь быть только при уверенности, что бережешь для себя и своей семьи, а не для какого-нибудь хищника. Если этой уверенности нет, человек спешит поскорее растратить — хотя бы на водку — те скудные деньги, которые успеет приобрести. Распространяться об этом вновь едва ли нужно, потому что много раз уже говорил об этом «Современник». Приведем только небольшой отрывок из статьи, которая, по нашему мнению, довольно верно указывает причину зла.

«Кто говорит: “бедность народа”, тот говорит: “дурное управление”. Это — единственный источник народной бедности. Но что такое дурное управление? Зависит ли оно от лиц? Нет, каждый видел на опыте, что при самых благонамеренных начальниках порядок дел оставался точно таков, каков он был при самых дурных. Мы жили в провинции, губернатором которой был человек честнейший, редкого ума и чрезвычайно хорошо знавший дело^{*80}. Каждый житель того края скажет вам, что при нем делалось то же самое, что и до него. Должности продавались с формального торга. Суда и управы не было, грабительство было повсеместное; оно владычествовало в канцелярии губернатора, в губернском правлении, по всем ведомствам и инстанциям. Теперь мы нашли там начальником одного из частных управлений, человека тоже безукоризненной честности и большого ума^{**81}. Но когда, проезжая по провинции, мы спрашивали поселян его управления, меньше ли берут с них взятки, чем прежде при отъявленных взяточниках или глупцах, они отвечали, что берут с них столько же, как и прежде. Мы поручимся, что и в соседней, также поволжской, губернии, где губернатором теперь человек известной честности, дельности и ума⁸², делается то же самое, что делалось прежде; поручимся, что не исправилась администрация и в Р. губернии, где вице-губер-

* Мы говорим о г. К., бывшем саратовском губернаторе.

** Мы говорим о г. М., управляющем удельною конторою.

натором — один из наших благороднейших писателей, характер которого достоин его прекрасных произведений⁸³. Итак, не личные качества людей причина дурного управления. Или виновны в нем понятия народа, будто не сознающего всей гнусности гнусных дел? О, нет. Послушайте, как говорят о чиновниках люди всех других сословий: помещики, купцы, духовенство, мещане, крестьяне. Все, кроме берущих взятки, рассуждают о дурном управлении с теми чувствами, которых оно заслуживает. Или дурное управление зависит от привычек? Но нет, мы видим, что самые отъявленные взяточники на казенной службе бывают честными людьми, как помещики и хозяева промышленных заведений. И притом, что значила бы привычка какой-нибудь горсти людей, действия которых осуждаются всем остальным обществом? Эти люди быстро исправились бы или бы уступили место людям другого образа действий, если бы на их местах возможно было действовать другим образом. И послушайте самых дурных чиновников: редкий из них доволен своим служебным поведением. Напротив, почти все скажут вам, что хотели бы действовать иначе, отправлять свои обязанности честно, и если не делают этого, то лишь потому, что это невозможно. Да, они правы: действительно они не могут отправлять своих должностей иначе. Мы не говорим о недостаточности жалованья, потому что действуют незаконно и те чиновники, которые получают достаточное жалованье; недостаточность жалованья служит причиною только мелкого, можно сказать, невинного и безвредного взяточничества маленьких чиновников. Какой-нибудь бедняга писец или помощник столоначальника гражданской палаты берет с вас полтинник за то, что сделает для вас справку, — тут еще нет большой беды. Дело не в этом взяточничестве. Нет, вопрос в том, почему дела у нас вообще ведутся незаконно, с получением или без получения взяток все равно. Если, например, я имею чин коллежского советника (это уже важный чин в провинции), я могу безнаказанно прибить мещанина, и меня оправдают, не взяв с меня никакой взятки. Зато, если обидит меня генерал (каждый генерал в провинции важнее, чем в столице генерал-адъютант или действительный тайный советник), его тоже оправдают, не взяв с него никакой взятки, и от меня не захотят взять даже огромной взятки, чтобы обвинить его. Только в тех случаях дело решается взяткою, когда обе стороны почти равны по общественному положению. Это случаи довольно редкие. Итак, вовсе не о взятках должна быть речь: речь должна быть о том, что вообще у нас дела ведутся незаконно; то, что беззаконие доставляет доход чиновнику, есть уже только следствие системы,

а не причины ее. Истинные причины беззаконности — безответственность и беззащитность чиновников. Чиновник наш подлежит одному только контролю — контролю начальства; ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут ничего сделать с ним, если только начальство довольно им; зато ни общество, ни товарищи, ни подчиненные не могут спасти его, если начальство им недовольно. Он безответственен перед всем и всеми на свете, кроме начальства; зато перед начальством беззащитен. Лишенный всякой независимости относительно начальства, он может держаться на службе только тем, чтобы угодить ему. Теперь представим себе такой случай. У начальника есть брат, который имеет тяжбу с человеком маленьким. Начальнику нет времени и охоты вникать в запутанные подробности дела, да если он станет вникать, все дело поневоле представляется ему в свете более благоприятном для его брата, нежели как может представляться постороннему человеку. Дело производится, положим, в уездном суде. Если маленькие чиновники чисты и секретарь уездного суда [не] произведет его, как считает справедливым пристрастный по родству глаз начальника, они навлекут на себя его неудовольствие. То же, что о брате начальника, надобно сказать о других его родных, и о его друзьях, и о его знакомых, и о знакомых его друзей и родственников. Что же будет, если во второй, в третий, в десятый раз члены уездного начальства навлекут на себя неудовольствие начальника? Они беззащитны, они вполне зависят от него. Каким же образом могут они занимать свои места, если часто не нарушают закона для того, чтобы их решения совпадали с предубежденным в пользу известной стороны мнением начальника? И как устоят они против искушения нарушить закон? Ведь это совершенно безопасно: лишь бы был доволен начальник, и никакая ответственность не упадет на них. Таким образом, они должны нарушать закон не для того, чтобы брать взятки, а для того, чтобы не подвергнуться несчастию самим. Вот истинный источник беззаконного ведения дел. А если уже совестью надо кривить, все равно, будет ли надобно брать взятки или нет, то почему и не брать взятки? Когда надобно делать одно и то же — кривить душою — с выгодой и без выгоды, то, конечно, будет даже лучше кривить душою с выгодой. И без того не избежишь греха. Таким образом, взяточничество является только уже результатом предшествующей ему необходимости нарушать закон, по беззащитности исполнителей закона перед сильнейшими и безответственности перед обществом. Чтобы восстановить законность, надобно обратить внимание не собственно на взяточничество, а на эту коренную

причину невозможности чиновникам обходиться без нарушения закона. Надобно изменить положение чиновников, дать им возможность не погибать от отказа нарушать закон в угоду сильным людям и, с другой стороны, сделать так, чтобы одно благорасположение начальства не служило для них залогом полной безопасности при нарушении закона. Читатель видит, что для этого должны быть изменены отношения должностной деятельности к общественному мнению. Оно должно получить возможность к тому, чтобы защитить чиновника, исполняющего свой долг, от гибели и подвергнуть ответственности чиновника, нарушающего закон. Для этого одно средство: надобно сделать, чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярскою тайною, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло бы высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица»⁸⁴.

Мы не знаем, возможно ли при нынешнем устройстве наших общественных отношений осуществление условия, которое предлагается выписанным нами отрывком для прекращения беззаконности; быть может, подобная реформа предполагает уничтожение отношений слишком сильных, не поддающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обыкновенного порядка, которыми производятся реформы. Мы не хотим решать этого, мы не хотим рассматривать, какие обстоятельства нужны для исполнения мысли, изложенной автором приведенного нами отрывка. Но можно сказать, что пока не осуществится изменение, необходимость которого он доказывает, все попытки к водворению законности в нашей администрации и судебном деле останутся безуспешны.

Впрочем, рассмотрение средств, которыми могла устраниться коренная причина бедности нашего народа, дурное управление, не составляет главного предмета нашей статьи. Мы должны показать только, что дурное управление есть общая коренная причина всех тех недостатков, которые задерживают развитие нашего земледелия. Начав с экономической стороны быта, мы сказали, что дурное управление — основная [причина] бедности нашего народа, которая в свою очередь не дает развиваться ни одному из материальных условий, нужных для успехов земледелия»⁸⁵.

Другая сильнейшая причина нашей бедности [вообще и жалкого положения нашего земледелия в особенности] — крепостное право — произошло некогда от дурного управления и поддерживалось им. О происхождении крепостного права мы заметим только, что это учреждение развилось от бессилия нашей старинной ад-

министрации охранить прежние свободные отношения поселян, живших в известной даче⁸⁶, к владельцу дачи и удержать постепенное расширение произвольной власти, захватываемой владельцем над населявшими его землю людьми; заметим еще, что [превращение огромной массы вольных людей в крепостных крестьян никак не могло бы совершиться, если бы управление было способно защищать мелких вольных людей от произвола сильных соседей]. Возможность учредить крепостное состояние происходила только оттого, что вольные люди, слишком плохо защищаемые управлением, терпели слишком много притеснений, так что переставали дорожить своей свободой и не видели слишком большой потери для себя от записки в принадлежность сильному человеку. Излагать подробнее этот предмет, относящийся к старине, было бы неуместно в статье, говорящей о нынешнем положении дел. Мы хотели сказать, что если крепостное право держалось до сих пор, то оно было обязано такою продолжительностью своего существования только дурному управлению. Действительно, каковы бы ни были законы, определявшие права помещиков над крепостными людьми, но если б даже эти законы соблюдались, то, во-первых, все помещики давно бы перестали находить выгоду в крепостном праве, во-вторых, почти во всех поместьях крепостное право было бы прекращено частными судебными решениями по процессам о злоупотреблении власти. [Мы уже сказали, что не намерены писать филиппик⁸⁷ против крепостного права; но мы укажем факт, всем известный, если скажем, что трудно было найти поместье, в котором пользование крепостным правом или не превышало бы границ, определенных ему законом, или не употреблялись бы для управления крестьянами средства, запрещенные законом, и не оставлялись бы в пренебрежении обязанности относительно крестьян, возлагаемые законом на помещика. В одних поместьях требовалась барщина выше трех дней, в других — крестьяне подвергались иным притеснениям, в третьих — оставлялись без надлежащего пособия во время неурожаев и т.д. Надобно сказать, что эти нарушения законов далеко не всегда проистекали оттого, что помещик был дурным человеком: нет, источник их лежал не в личных качествах отдельных людей, а в самой натуре крепостного отношения. По своей сущности крепостное право ведет к произволу, и какими бы законами ни определялось оно, оно неминуемо влечет и к нарушению, потому что произвол не может ужиться ни с каким законом. Если бы управление действительно хотело и могло преследовать все бесчисленные нарушения законов, неминуемо вытекавшие из крепостных отношений, в каждом поместье

беспреданно возникали бы процессы против помещика, и, измученный справедливыми преследованиями, он давным-давно сам постарался бы вывести свое поместье из крепостных отношений, которые, прибавим, очень мало доставляли бы ему материальной и денежной выгоды, если бы управление не позволяло далеко превышать законных размеров и средств пользования крепостным правом. Много говорить об этом нет надобности: спросите какого угодно дельного чиновника, он скажет вам, что удовлетворительные формы ведения процессов гражданских и уголовных были невозможны при крепостном праве; а это значит, иными словами, что существование крепостного права было бы невозможно при хорошем управлении.

Если мы посвятили несколько страниц изложению последствий дурного управления в экономической стороне народного быта, то едва ли понадобится нам больше нескольких строк для обнаружения того, что дурное управление было также главной причиною неудовлетворительного развития нравственных и умственных сил народа. Говоря о бедности, производимой дурным управлением, мы уже видели, что оно производит ее через подавление нравственной энергии в народе. Действительно, может ли быть энергичен человек, привыкший к невозможности отстаивать свои законные права, человек, в котором убито чувство независимости, убита благородная самоуверенность? Соединим теперь упадок нравственных сил с бедностью, и мы поймем, почему дремлют также умственные силы нашего народа. Какая энергия в умственном труде возможна для человека, у которого подавлены и сознание своего гражданского достоинства, и даже энергия в материальном труде, который служит школою, подготовляющей человека к энергичности в умственном труде?]⁸⁸

Метода лечения знахарей и знахарок представляет драгоценную параллель с той системой, по которой отсталые экономисты думают поправить неприятное для них явление экономического быта, например, помочь жалкому положению нашего земледелия. Появился какой-нибудь веред⁸⁹ на ноге: знахарь, не задумываясь, прикладывает к нему какую-нибудь лепешку и ожидает, что болезнь уступит этому местному медикаменту. О том, отчего произошел веред, он не думает. Он не думает видеть в нем только симптом общего худосочия, только ничтожное обнаружение болезни, недрающейся в целом организме, проистекающей от испорченности основного процесса организма, от испорченности крови, от расстройства питания. Наука, напротив, говорит, что какое-нибудь, по-видимому, местное поражение очень часто не может быть ис-

целено никакими припарками и прижиганиями собственно больного места, что для исцеления болезни, обнаруживающейся этим местным симптомом, больной должен изменить весь образ жизни, чтобы исправился расстроившийся основной процесс организма.

Потому-то и отвратительно нам слышать рассуждения отсталых экономистов о том, как дурное состояние нашего земледелия может быть исправлено приложением местной припарки — уничтожением общинного землевладения и введением на его место частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать нам эти тупоумные, суеверные рассуждения, что мы приверженцы общинного землевладения: нет, все равно, мы негодовали бы на них и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общинного владения. Каково бы ни было полезное или вредное влияние известной системы землевладения на успехи сельского хозяйства, все-таки это влияние совершенно ничтожно по сравнению с неизмеримым могуществом тех условий нашей общественной жизни, в которых нашли мы истинные причины жалкого положения нашего земледелия. Больной чувствует лихорадочный озноб оттого, что гнилой климат и изнурительный образ жизни развивают в нем чахотку; а вы, милостивые государи, советуете ему лечиться порошком из раковых жерновок⁹⁰. Я не знаю, действительно ли помогают раковые жерновки от лихорадки. Медицина говорит, будто бы это средство совершенно вздорное. Но все равно. Пусть оно будет и превосходным средством от лихорадки, оно все-таки никуда не годится в нашем случае. Болезнь не та, как вы думаете, милостивые государи. Она произошла не от легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какие лекарства ни употребляйте против озноба, который один заметен вам из всех симптомов страшной болезни, вы не уничтожите не только общей болезни организма, но даже и этого частного ее проявления. Вы только губите больного, заставляя его терять время на пустыки, когда каждый день увеличивает опасность его положения. Всмотритесь лучше в состояние организма, и вы найдете, что лихорадочный озноб производится причинами, против которых необходимо употребить средства, совершенно различные от рекомендуемых вами суеверных пустыков. Вся обстановка жизни больного должна измениться для того, чтобы прекратилось гниение основного органа его тела. А когда его легкие будут здоровы, сам собой, без всяких раковых жерновок, исчезнет и мнимый лихорадочный озноб. Позаботьтесь о том, чтобы мы получили хорошую администрацию и справедливый суд, тогда вы увидите, что не нужно будет нашему

земледелию прибегать к вашим раковым жерновкам — к разделению общинных земель на потомственные участки, тогда вы увидите, что общинное владение не будет мешать успехам сельского хозяйства, потому что тогда будет исчезать наша бедность и явятся те условия, которых теперь нет и без которых ни при какой системе землевладения сельское хозяйство не может придти в удовлетворительное состояние.

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА⁹¹

ПИСЬМО ПЕРВОЕ⁹²

С.-Петербург, 5 февраля

Милостивый государь!

Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас и не от вас должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для них судья вне вашего круга, очень малочисленного, и даже нашего круга, который хоть и гораздо многочисленнее вашего, но все-таки составляет лишь ничтожную частичку в десятках миллионов людей, благу которых мы и вы хотели бы содействовать. Если бы этот судья мог произносить с сознанием дела оценку вашим и нашим работам, всякие объяснения между вами и нами были бы излишни. К сожалению, этого нет. Вас он знает по имени, но, будучи совершенно чужд вашего круга понятий и вашей обстановки, решительно не знает ни ваших мыслей, ни причин, руководящих вашими действиями; а нас он не знает даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положение дел фальшиво. Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них, — это очень неудобно для работающих и невыгодно для успеха работы. Думаешь, что какое-нибудь дело принесет пользу, — и видишь, что оно остается неисполненным по недостатку сочувствия в людях, для которых предпринято. Вы испытывали это при каждом хорошем вашем деле. То же очень часто испытывали и мы. Это печалит и под конец сердит. Становишься мнителен и раздражителен. Не имеешь духа объяснить свою неудачу настоящею ее причиною — недостатком общности в понятиях между собою и людьми, для которых работаешь; признать эту причину было бы слишком тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успех

всего того образа действий, которому следуешь; не хочешь признать эту настоящую причину и стараешься найти для неуспеха мелочные объяснения в маловажных, случайных обстоятельствах, изменить которые легче, чем переменить свой образ действий. Таким образом, вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если бы эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач! Тогда задача разрешилась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела. Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному. Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о [его] пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?

Вы говорите народу: ты должен идти вот как; мы говорим ему: ты должен идти вот так. Но в народе почти все дремлют, а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уж раздаются призывы к народу, чтобы он шел так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывов, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков⁹³, — народ пошел, выручил и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло бы быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше⁹⁴. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, — он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Такую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как и от прежних.

Виноваты ли в этом недоверии народа вы или мы, нынешние люди? Нынешнее расположение народных мыслей устроилось долгим ходом событий, бывших раньше вас и нас. Постараемся понять это.

Истина одинаково горька для вас и [для] нас. Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь действительно полезное для него. Мы все, отделяющие себя от народа какими-нибудь именами, — именем ли власти, именем ли того или другого привилегированного сословия, — мы все, предпола-

гающие у себя какие-нибудь особенные интересы, различные от предметов народного желания, — интересы ли дипломатического и военного могущества, или интересы распоряжения внутренними делами, или интересы личного нашего богатства, или интересы просвещения, — мы все смутно чувствуем, какая развязка вытекает из этого расположения народных мыслей. Когда люди дойдут до мысли: «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки⁹⁵. Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, — интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию.

Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для отвращения ужасающей нас развязки забыть все: и нашу любовь к свободе, и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и [для] нас.

Делая это, я понимаю, что делаю.

Я изменяю народу.

Изменяю потому, что руководясь личными опасениями за вещь более драгоценную для меня, нежели для народа, — за просвещение, я уже не думаю о том, полезна ли для народа забота о разрешении запутанностей положения русской нации вашими и нашими усилиями, а, напротив, не выиграл ли бы народ чрез независимое от нас занятие национальными делами больше, чем от продолжения наших хлопот о нем. В этом случае, для своей выгоды, я подавляю в себе убеждение, что ничьи посторонние заботы не приносят людям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам. Да, я изменяю своему убеждению и своему народу;

это низко. Но мы принуждены были делать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для нас не значит.

А я предчувствую, что она будет совершенно лишнею, что останется недостигнутою та жалкая цель, для которой изменяю я народу. Никто не в силах изменить хода событий. Одни хотели бы, но не имеют средств; у других есть средства, но не может быть желания.

Из-за чего же я становлюсь изменником народу, когда сам знаю, что не помогу ни вам, ни себе? Не лучше ли продолжать молчание? Да, было бы лучше; но презренная писательская привычка надеяться на силу слова отуманивает меня. Я не в состоянии держаться на точке зрения житейского благоразумия, с которой очень ясно вижу, что всякие объяснения напрасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбивает с толку обыкновенная наша писательская мысль: «Ах, если бы можно было объяснить дело! оно уладилось бы». Поэтому я и молчал более двух лет⁹⁶ только оттого, что не имел возможности бить воздух словами, и, как видите, возобновляю этот пустой труд с первой же минуты, как мне показалось, что можно мне возобновить его.

Почему мне так показалось? В какой журнал, в какую газету я ни загляну, везде я нахожу признаки того, что как будто бы почувствовалась надобность в наших объяснениях. Очень вероятно, что признаки эти обманчивы. Но пристрастие добиваться хороших результатов посредством объяснений так сильно в писателях, что я увлекаюсь им.

Это увлечение неизвинительно после стольких опытов. Но я усиливаюсь прикрыть в собственных глазах жалкую забавность его, твердя себе о фактах, которые действительно таковы, что вы, милостивый государь, действительно могли бы желать объяснения. Вот некоторые из них. Бывшие помещицы крестьяне, называемые ныне срочнообязанными⁹⁷, не принимают уставных грамот; предписанное продолжение обязательного труда оказалось невозможным; предписанные добровольные соглашения между землевладельцами и живущими на их землях срочнообязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены в безысходное положение этою неисполнимостью предположенного решения, помещики ропщут и предъявляют требования, о которых не отваживались говорить не больше как год тому назад; в государстве появилось и усиливается общее безденежье; курс падает, что равнозначительно возвышению ценности звонкой монеты сравнительно с бумажными деньгами, или, что то же, падению ценности бумажного рубля; одних этих фактов внутренней жизни русского народа уже достаточно, и я не имею надобности касаться

ни многих других значительных фактов ее, ни других не менее важных явлений, принадлежащих отношениям русского народа к жизни других народов, входящих ныне в состав одного с ним целого⁹⁸.

Примите, милостивый государь, уверение в искренности чувств, склонивших вступить в эти объяснения вашего покорнейшего слугу, каким имею честь, и проч.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

6 февраля

Источником тех затруднений во внутренней жизни русского народа, о которых я упомянул в конце первого письма, считается многими, не только в вашем, милостивый государь, но и в нашем кругу, так называемый крестьянский вопрос. Я не имею нужды доказывать вам, м. г., что вы не ошиблись, обратив на него первое ваше внимание⁹⁹. Но смею заключать из некоторых ваших слов, что не излишним будет разьяснить вам, почему он приобрел такую важность в ваших глазах. Часто человек не замечает отношения внешних побуждений к его собственным действиям, а при этой неизвестности он может ошибаться и относительно характера своих действий: может казаться ему возникшим из его воли такой факт его жизни, который произведен не зависевшими от него внешними обстоятельствами.

Необходимость заняться крестьянским вопросом наложена была на Россию ходом последней нашей войны. В народе ходил слух, что император французов требовал уничтожения крепостного права и согласился подписать мир лишь тогда, когда внесена была в договор тайная статья, постановлявшая, что крепостным крестьянам дается воля. Не знаю, мил. гос., известна ли вам эта молва, принимавшаяся за истину всем нашим народом; но если она достигала вас, вы, конечно, еще лучше моего знали совершенную несправедливость столь странного мнения. Напрасно было бы, однако же, приписывать его только невежеству и легковерию простолудинов; от этих качеств произошло только то, что инстинктивное предчувствие неизбежной связи событий вылилось у народа в грубую форму, нелепость которой очевидна не только для вас, мил. гос., но и для каждого, имеющего понятие о международных отношениях. А предчувствие, выразившееся в столь смешном для нас виде, было верно; оно говорило народу, что Крымская война сделала необходимостью освобождение крестьян. Связь этих двух фактов такова: военные неудачи обнаружили для всех

слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны. Я не имею надобности перечислять вам, мил. гос., те силы, которые могуществом своим должны были, по-видимому, обеспечить торжество русского оружия; вам лучше, нежели мне, известна громадность средств, которыми располагала тогда Россия. Многочисленность наших войск была безмерна; храбрость их несомненна. При тогдашнем непоколебимом и, смею сказать, беспечном до слепоты доверии к нашей денежной системе и к нашим кредитным учреждениям и при нашем порядке установления налогов не могло, по-видимому, быть недостатка в денежных средствах. Потому русское общество нимало не превосходило меру возможного, когда ожидало в начале войны, что мы возьмем Константинополь и разрушим Турецкую империю. Когда война получила совершенно иной ход, этого разочарования нельзя было приписать ничему, кроме непригодности механизма, располагавшего нашими силами. Открылась надобность изменить неудовлетворительное устройство. Самою заметною чертою его считалось тогда крепостное право. Конечно, оно было только одним частным приложением принципов, на которых был устроен весь прежний порядок; но внутренней связи этого частного факта с общими принципами большинство нашего общества тогда еще не понимало. Потому общие принципы прежнего порядка были оставлены в покое и вся реформационная сила общества обратилась против самого осязательного из его внешних применений.

Надобно заметить вам, м. г., что это настроение общественного мнения страдало самою неудачною непоследовательностью. Крепостное право, конечно, заключало в себе возможность многих злоупотреблений, и вам очень хорошо известны случаи жестокости или алчности, или цинического насилия, проистекавшие из крепостного права. Но при всей их многочисленности надобно согласиться с словами бывших адвокатов крепостного права, что все эти вопиющие нарушения закона были исключением из общего правила и что огромное большинство помещиков составляли люди вовсе не злые и не преступавшие прав, какие давались им над крестьянами законом или утвердившимся под влиянием закона обычаем. Тяжела была для крепостных крестьян и вредна для государства законная сущность крепостного права. Но она сообразна была всему порядку нашего устройства; потому сам в себе он не мог иметь силы, чтобы отменить ее. А между тем общество предполагало отменить крепостное право силою старого порядка.

Эта ошибка, столь заметная ныне для всех, показывает, что причина, заставившая общество приняться за опыт отменения

крепостного права, была недостаточно сильна для возбуждения в обществе совершенно отчетливых понятий об основаниях прежней его жизни. Да и действительно, вы лучше меня знаете, м. г., что Крымская война, при всех своих неудачах и при всей своей обременительности, не нанесла России удара слишком тяжелого. Неприятель едва коснулся наших границ на двух окраинах, далеких от коренных русских обитателей; можно сказать, что чувствительно было его прикосновение даже только к одной окраине, Черноморской, потому что стоянка союзного флота под Петербургом, бомбардирование Свеаборга и мелкие высадки на финляндском берегу не могли считаться серьезными нападениями и доставляли нам больше поводов к насмешкам, нежели к основательным беспокойствам. Но что же такое Крым, Таганрог и Керчь для жителей Великой России? Это — отдаленные колонии, о которых коренной русский никогда много не думал. Притом же, благодаря характеру местности и своему незнанию, отчасти, быть может, и по расчету императора французов, неприятель и в этой окраине не проникал далее нескольких верст от берега. Самые его победы над нами не были окончательными разгромами военных сил, организованных старым порядком. Армии наши отступали, но не бежали; ослабевали, но не уничтожались и все еще сохраняли твердость и могущество, внушавшие уважение неприятелю. Не могло исчезнуть и в нас уважение к старому порядку: оно также только поколебалось, но не пало.

Такова была степень глубины впечатления, обратившего нас к заботам о реформах. Оно было мелко, поверхностно. Англо-французы (как мы тогда называли союзников) прорвали небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрагиваться; и вот вы видите теперь, милостивый государь, что все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: штопать оно не хочет. Говоря проще, наше общество, занявшись отменением крепостного права, принялось за дело очень серьезно. Принялось оно за него с легкомысленною и беспечною недалководидностью, думая, что отделаться от этой задачи можно столь же незначительными переделками прежних внутренних наших трактатов, сколь ничтожны были переделки прежних дипломатических трактатов, оказавшиеся достаточными для заключения Парижского мира¹⁰⁰. Но внутреннее дело вышло не таково, как внешнее. Над ним поневоле стало учиться наше общество серьезности. Пришлось обществу много думать, и вы

видите теперь, м. г., как широко развивается труд пересоздания, которому первоначально поставлялись такие узкие границы.

И, странное дело, м. г., как бывает иногда верен инстинктивный, почти бессмысленный шепот людей, которые громко и сознательно говорят совершенно иное. Вы можете припомнить теперь, что при самом же начале крестьянского дела поднялась темная молва, предсказывавшая то самое движение дворянства, которое обнаруживается теперь¹⁰¹.

Молва об этом движении, возникшая при самом же начале крестьянского дела, казалась пустою и смешною людям, судившим о будущих событиях не на основании самого характера затронутых этим делом общественных отношений, а только по прежним действиям дворянства при прежних отношениях, теперь изменившихся. Они видели, что дворянство всегда являлось робким в делах с существующею властью, искало себе выгод только от угождения ей, и потому ожидали, что оно не выкажет энергии и по вопросам, возникавшим из уничтожения крепостного права. Они видели, что дворянство очень пристрастно к своим привилегиям, и потому не ожидали, чтобы оно могло предъявить гражданские требования. Почти все просвещенные люди считали его бессильным для гражданской деятельности. Но они забывали принимать в расчет логическую силу событий, которая дает смелость боязливым, политический ум людям, не думавшим прежде ни о чем, кроме мелких личных расчетов. Осмеливаюсь думать, судя по некоторым вашим словам, что и вы, м. г., разделяли это заблуждение¹⁰². Этого нельзя ставить в порицание вам, потому что ошибались вместе с вами почти все наши передовые люди. Но тем не менее ошибка раскрывается теперь фактами, и, научаемые опытом, все теперь могут видеть, что с самого начала надобно было ожидать исполнения той молвы, которая показалась им пустою болтовнею раздраженных крепостников.

В самом деле, каково было положение фактов при начатии крестьянского дела? Существовали четыре главные элемента в этом деле: власть, дотоле имевшая бюрократический характер; просвещенные люди всех сословий, находившие нужным уничтожение крепостного права; помещики, желавшие отсрочить это дело из опасения за свои денежные интересы, и, наконец, крепостные крестьяне, тяготившиеся этим правом. В стороне от этих четырех элементов находилась вся остальная половина населения — государственные крестьяне, мещане, купцы, духовенство, то большинство беспоместных чиновников, которое не получало больших выгод от бюрократического порядка. Из всех этих сословий, как

и из самих помещиков, некоторые люди — наиболее просвещенные — составляли одну партию, которую выше назвали мы «партией просвещенных людей» и которая стала в последние годы называться у нас либеральной партией. Но здесь мы говорим не об этих отдельных лицах, более или менее возвысившихся над своими сословными понятиями, более или менее думавших об общественных делах; мы говорим здесь о той массе всех сословий, кроме крепостного и дворянского, которая знала только свои сословные или личные расчеты. О ней мы говорим, что она стояла в стороне от крепостного вопроса, когда он начинал разыгрываться. Не имея расчета поддерживать крепостное право, она готова была по естественному человеческому чувству симпатизировать его уничтожению; но по своей неопытности в общественных делах еще не замечала, что собственными своими интересами она будет принуждена принять участие в нем. Это едва начинает обнаруживаться для нее только теперь, и, с вашего дозволения, м. г., я коснусь впоследствии как неизбежности участия этой массы остальных сословий в крестьянском деле, так и влияния, какое окажет она на ход событий своим неизбежным вмешательством. А теперь, сделав эту оговорку о первоначальном безучастии других общественных элементов, мы займемся рассмотрением первоначальных отношений между четырьмя элементами, принимавшими в нем участие с самого начала.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

13 февраля

На шесть дней был я оторван мелкими хлопотами своего журнального ремесла от беседы с вами, м. г., о деле, которое, однако же, для меня гораздо важнее всех личных моих дел, не только мелких, но и важных. Вот как идет наша жизнь: некогда бывает по целым неделям, месяцам удосужиться ни на четверть часа для мыслей о предмете, который сам ставишь выше всего. Упоминаю об этих недосугах не для того только, чтобы выставить их своим извинением перед вами, м. г., в недостатках моего изложения: те же самые недосуги ставлю я оправданием и для вас, м. г., в том, что вы, как заметно по многим вашим выражениям, не углублялись достаточно в предмет, нас занимающий. В самом деле, м. г., несмотря на всю разницу вашего положения от моего, в отношении к недосугам разницы между нами мало, да и у всех людей жизнь с этой стороны идет почти так же. Вы имеете очень большие доходы, я — довольно умеренные, другой — очень малые; вы живете

очень богато, я — так себе, другой и вовсе бедно; вас повсюду встречают с большим почетом, меня — так себе, другого и вовсе с пренебрежением. А недосугов почти у всех людей одинаковое количество. И у вас, и у меня, и у всякого другого пропасть времени уходит на пустые разговоры, которых ни избежать нельзя, ни вести не стоит; на семейные дела, не имеющие никакой связи с общественными; на развлечения, от которых нельзя отказаться, хотя и ни к чему они не нужны: один из нас таскается по театрам, другой сидит за вистом, третий читает легкие книги, четвертый трется в светском обществе, — словом, каждый по-своему, а все-таки каждый как-нибудь убивает время попусту. И за всеми этими мелочами, неважными, но необходимыми, мало остается времени на серьезные занятия. А в серьезных занятиях опять-таки у каждого дня своя забота, мимолетная, ни к чему прочному не ведущая, а все-таки безотлагательная. Так и летит время, и когда увидишь надобность взяться за дело действительно важное, не имеешь досуга ни приготовить к нему, ни сообразить его и начинаешь почти что на авось, и ведешь его на авось, и сам не заметишь, как оно от этого веденья на авось выходит вовсе не тем, чем ждал его видеть. С полной готовностью применять к вам все извинения, вытекающие из этого обыкновенного хода нашей жизни, прошу и вас, м. г., столь же снисходительно, по той же причине, смотреть на недостатки моей корреспонденции.

Поверьте, я ценю всю важность принятой мною на себя обязанности разъяснить вам положение наших дел, и сам первый жалею о том, что могу беседовать с вами лишь урывками, спеша, кое-как; но что же делать, когда и у меня, и у вас слишком мало времени для основательных занятий.

Прежнее письмо к вам я кончил тем, что из характера и взаимных отношений четырех общественных элементов, с самого начала участвовавших в крепостном вопросе, надобно было предвидеть, к чему пойдет это дело. Мы видели, что тут было четыре элемента: власть, просвещенные люди, или либеральная партия, дворянство и крепостные крестьяне. Подумаем о роли каждого из них при первоначальном постановлении крепостного вопроса.

Крепостное право было создано и распространено властью; всегдашним правилом власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у нас не само собою и не в борьбе с властью, как во многих других странах, а покровительством со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегии. Почему же власть принималась за отмену той из установленных ею самой привилегий, которую наиболее дорожило дворянство? Ответ уже дан

во втором моем письме. Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войне, доставила силу так называемой либеральной партии, требовавшей уничтожения крепостного права. Таким образом, власть принимала на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, несогласных с характером самой власти.

Из этого разноречия сущности предпринимаемого дела с качествами элемента, бравшегося за его исполнение, должно было произойти то, что дело будет исполнено неудовлетворительно. Источником неизбежной неудовлетворительности был привычный, произвольный способ ведения дела. Власть не замечала того, что берется за дело, не ею придуманное, и хотела остаться полною хозяйкою его ведения. А при таком способе ведения дела оно должно было совершаться под влиянием двух основных привычек власти. Первая привычка состояла в бюрократическом характере действий, вторая — в пристрастии к дворянству.

Дело было начато с желанием требовать как можно менее жертвований от дворянства. А бюрократия по самой сущности своей всего более занимается формалистикою. Потому и результат оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений. Этим думают удовлетворить помещиков.

Но тотчас же оказалось, что решение сделано было неудобноисполнимое. Предполагалось сохранить сущность крепостного права, отменив его формы. Но без форм нельзя сохранить и сущности. И что же вышло? Помещики увидели себя не в состоянии пользоваться выгодами, которые были оставляемы за ними; выгоды эти исчезали без всякого вознаграждения для них, потому что власть и не предполагала, чтобы выгоды эти на самом деле исчезали.

А между тем дворянство видело, что власть старалась сделать для него все, что могла. Из этого естественно следовал вывод: итак, власть не в состоянии ничего сделать для сохранения собственности помещиков или для их вознаграждения. А из этого вывода еще легче следовал другой: итак, помещики должны сами позаботиться о сохранении той части собственности, какая может остаться за ними, и о получении вознаграждения за ту часть, которую теряют. А из этого вывода неизбежно следовал третий: но до сих пор помещики держались не собственной силою, а постороннею опорю; теперь, когда прежняя опора оказывается слишком слаба, надобно им отыскать для себя новые опоры. Выбор тут был незатруднителен.

Мы видели, что при начале крепостного вопроса масса других сословий, до которых не касался он прямо, оставалась равнодушна к нему. Но нельзя ей было сохранить равнодушие, когда она увидела развязку, приготовленную бюрократическим решением дела. Крепостные крестьяне не поверили, чтобы обещанная им воля была ограничена теми формальными переменами, какими ограничило ее бюрократическое решение. Из этого повсюду произошли столкновения между крепостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое решение. Произошли сцены¹⁰³, которых нельзя было видеть хладнокровно. Массою других сословий овладело сострадание к крепостным крестьянам. А между тем крепостные крестьяне, несмотря на все внушения и меры усмирения, остались в уверенности, что надобно ждать им другой, настоящей воли. От этого их расположения должны будут произойти новые столкновения, если надежда их не исполнится. Таким образом, страна подверглась смутам и опасается новых смут. А смутное время бывает тяжело для всех. Из этого стала развиваться в массе других сословий мысль, что нужно изменить решение крестьянского вопроса для отклонения смут. Раз, будучи принуждены обстоятельствами думать об общественных делах, все сословия, естественно, перешли от частного вопроса, давшего их мыслям такое направление, к общему положению вещей и, разумеется, не затруднились сообразить, согласно ли оно с их собственными выгодами. Тотчас же заметили они, что находятся в настоящем порядке черты, одинаково невыгодные для всех сословий, и соединились в желании изменить эти черты.

Вам известно, м. г., каких общих перемен стали желать все сословия, которых прямо не касался частный вопрос о крепостном праве. Все они чувствовали обременение от произвольной администрации, от неудовлетворительности судебного устройства и от многосложной формалистичности законов. Дворянство точно так же страдало от этих недостатков, как и другие сословия. Таким образом, само собою открывался ему способ найти нужную для него опору. Оно сделалось представителем стремления к реформам, нужным для всех сословий.

Вот в каком положении находятся ныне дела. После сделанных мною объяснений могу ли я надеяться, м. г., что вы избежите двух заблуждений, последствия которых были бы прискорбны.

Во-первых, м. г., вы не припишете каким-либо частным [или] сословным побуждениям дворянства тех желаний общей реформы, представителем которых оно теперь выступает. Эти желания не имеют ничего общего с раздражением некоторой части дворян-

ства на власть за уничтожение крепостного права. С его уничтожением огромное большинство дворянства уже совершенно примирилось, как с фактом безвозвратным. Если остаются в дворянстве особенные сословные желания по этому делу, не принадлежащие вполне и всем другим сословиям, то эти желания относятся только к размеру выкупа. Тут возможен спор, и еще неизвестно, какой размер выкупа будет одобрен или допущен другими сословиями. Но совершенно иной характер имеют желания дворянства относительно предметов, выходящих за пределы этого частного вопроса. В мыслях о реформе общего законодательства, об основании администрации и суда на новых началах, о свободе слова дворянство только является представителем всех других сословий, и представителем их выступило оно даже не потому, чтобы в нем сильнее были эти желания, чем в других сословиях, а единственно потому, что оно одно имеет при нынешнем порядке организацию, дающую возможность выражать желания. Если бы другие сословия имели законные органы для выражения своих мыслей, они высказались бы по этим предметам в том же самом смысле, как и дворянство, только с большею решимостью, потому что всякое другое сословие еще более дворянства чувствует обременительность тех общих недостатков нынешнего устройства, об устранении которых говорит дворянство. Если вы, м. г., спросите купечество или духовенство, мещан или крестьян, или даже массу чиновников (за исключением немногих чиновников, которым нынешний порядок выгоден), вы услышите от каждого из этих сословий те же самые мысли о законодательстве, администрации и суде.

Если бы вы пожелали убедиться в этом, вы отстранили бы от себя всякую возможность другого важного заблуждения. Вы совершенно освободились бы от мысли, что можно принимать какие-нибудь меры против общего стремления, начинающего обнаруживаться. Его проявления кажутся еще слабыми, но ведь это потому только, что они еще первые. Присмотревшись к делу, вы заметите, что сила их очень быстро растет; очень жаль, что при отдаленности вашей от маленьких людей, вы лишены удобств лично делать эти наблюдения. А мы, наблюдающие вблизи жизнь всех слоев общества, кроме вашего круга, — мы видим очень быстрое распространение мыслей, о которых я имею честь беседовать с вами, и замечаем, что общество уже недалеко от решительного или единодушного заявления их.

Этим кончаю я, м. г., общий очерк настоящего положения дел. Для многих он был бы уже совершенно достаточен. Но я никак не

смел надеяться, что он покажется достаточно полон для вас, мало занимавшегося рассмотрением дел с той точки зрения, которая одна только разъясняет их. Для вас этот краткий очерк может иметь только значение предисловия, перечисляющего предметы, о которых далее будет говориться подробнее, показывающего надобность заняться ими и обещающего, что автор постарается разъяснить их вам.

Мы видели, что главным пунктом, около которого стало группироваться все остальное, было дело об уничтожении крепостного права. Я займусь им в следующем письме.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

13 февраля

Каким неровным током идет наша жизнь, м. г.! Шесть дней не мог я улучшить минуту для беседы с вами, а ныне вот в один день отправляю уже второе письмо. Так и во всем важном, как в этом мелочном случае. Иной раз тянутся долгие годы, и незаметно никаких перемен в существующих отношениях. А то приходит такое время, что беспрестанно совершаются новости и вся обстановка жизни быстро переделывается. Возьмите, например, прошлый год. Смуты в Варшаве, смуты внутри России, загадочное появление программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой к сведению всеми¹⁰⁴, небывалое движение молодежи в самом Петербурге, странная развязка этого движения¹⁰⁵, слухи о предполагаемых требованиях дворянства, приготовления его к занятию общественными вопросами¹⁰⁶, — вот сколько в один год новостей, из которых каждая передвигала общество все дальше и дальше по одному направлению. Едва ли кому был приятен какой-нибудь из этих сюрпризов; но они все-таки случались, производимые натянутостью отношений. Не следует ли позаботиться о том, чтобы избавиться от их повторения, а избавиться от них можно только прекращением натянутости отношений. А чтобы прекратить ее, надобно разобрать, отчего отношения сделались натянуты. Мы начнем разбор самого главного и самого натянутого отношения, т.е. вопроса об освобождении крепостных крестьян.

Я не знаю, м. г., имеете ли вы точное понятие о свойствах вещи, называемой бюрократическим порядком. Но если вы позволите, я объясню вам натуру этой вещи одним примером.

Целый угол моей комнаты завален многотомным изданием «Материалов Редакционных комиссий для составления положе-

ний о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости»¹⁰⁷. Конечно, только очень немногие люди прочитали весь этот сборник журналов и протоколов, постановлений и докладов, справок и соображений; к огромному же числу людей, принимавшихся за это чтение и покинувших его, принадлежу и я. Не знаю, по каким причинам покидали чтение этих материалов другие, но про себя могу сказать, что я был остановлен не многотомностью издания и не сухостью бесчисленных подробностей, — по такому важному делу можно бы жадно прочесть не десятки, а сотни томов, — меня остановило совершенно другое обстоятельство, отпечатанное на первых же страницах 1-го тома, так что я не дочитал бы «Материалов», если б они составляли всего одну тоненькую брошюрку, страничек во сто. Вот это обстоятельство, сделавшее для меня ненужным тратить время на чтение «Материалов»: Редакционные комиссии открыты были 4 марта 1859 г.; это первое заседание было только подготовительным, и журнал его занимает с небольшим одну страницу; для действительного начала своих занятий Редакционные комиссии собрались на другой день, 5 марта, и вот что мы читаем в самом же начале журнала этого второго заседания:

«Председатель¹⁰⁸ предложил на обсуждение Комиссий извлеченные из печатных и литографированных его мнений некоторые основные мысли, которые, по его убеждению, не бесполезно было бы принять к соображению, а именно...».

Предложения председателя состояли из 9 пунктов: переписывать здесь все их было бы излишне, потому что некоторые имели только формальную важность, другие относились к предметам, которые уже были поставлены вне круга вопросов, предоставленных рассмотрению Комиссий. Обращаю внимание только на следующие пункты, относившиеся к вопросам, в которых мнение Комиссий не было, по-видимому, связано ничем. Вот они:

«2) Одновременно с личным освобождением крестьян необходимо дать им возможность *приобретать в собственность от помещиков, по добровольному с ними соглашению, достаточное количество земли для упрочения своей оседлости и обеспечения своего быта*».

«4) Обязательные барщинные повинности, и при срочно-обязанном положении, будут составлять все-таки вид крепостного права, но лишь подчиненного законным правилам. Посему они все-таки не могут не быть для крестьян тягостны, а для помещиков и правительства могут сделаться источником важных затруднений, что не соответствовало бы благим намерениям государя о действительном прекращении крепостного состояния. В этих видах обязательные повинности должны быть рассмат-

риваемы лишь как мера переходная, и если Комиссиям удастся сократить срок или умерить действие одной, то улучшение быта может быть упрочено даже и на время срочного-обязанного периода».

«6) Помещики должны получить справедливое, вполне достаточное вознаграждение за те земли и угодья, которые крестьяне у них выкупят».

Смотрите же, м. г., что следует в журнале прямо за изложением предложений председателя:

«По выслушании сего, члены Комиссии единогласно изъявили полное сочувствие выраженным председателем основным соображениям, как вполне согласным с их убеждениями, а потому и просили о внесении сих соображений в журнал Комиссий для неперменного руководства. Председатель не встретил препятствий ко внесению всего этого в журнал, предоставляя, однако же, каждому из членов высказывать искренно свои убеждения, если бы они были, в чем бы то ни было, и не согласны с его мыслями».

Вы можете видеть из этого, м. г., что такое значит бюрократический порядок. Старший говорит: «Я полагаю, что надобно решить дело вот так и вот так; согласны ли вы, господа? Я нимало не навязываю [вам] своих мнений. Возражайте против них, если не согласны; можете совершенно отвергнуть их, если они неправильны». На это все младшие сотоварищи единогласно отвечают: «Ваши мнения совершенно согласны с нашим убеждением, и мы вполне принимаем их».

Теперь, м. г., попробуем же рассудить, правдоподобная ли вещь была, чтобы ни один из десяти тогдашних членов Комиссий не имел ни по одному из 9 предложенных председателем пунктов никакого взгляда, различного от решений, предложенных председателем, даже никакого сомнения в невозможности улучшить или дополнить хотя в чем-нибудь, хотя одно из этих 9 решений? Вы бываете в обществе, м. г., вы знаете, что если разговор ничем не связан, то никак не обходится дело без расспросов, объяснений, споров; конечно, могут согласиться, наконец, все единодушно, но ведь не с первого же слова. В заседании Редакционных комиссий, судя по журналу, было не так. Это показывает, что свободы мнений в Редакционных комиссиях не было.

«Но ведь председатель нимало не стеснял ее, — он приглашал членов возражать и отвергать». Конечно, так, м. г.; но опять-таки прошу вас вспомнить, что вы сами, конечно, замечали в обществе. Есть случаи, в которых на всякие приглашения выражать свое мнение свободно каждый человек, в ком есть хоть капля рассудка и чувства приличий, ответит не иначе, как условной фразой, кото-

рая вперед известна. Например, во время кадрили¹⁰⁹ дама спрашивает кавалера: не скучает ли он? Даю голову на отсечение, он непременно будет отвечать, что он нимало не скучает, что ему очень приятно танцевать с ней. А ведь она вызвала его высказаться, и ведь он, по всей вероятности, очень скучал с ней, иначе не было бы и повода к ее вопросу. Но как же вы хотите иначе, м. г.? На все есть свои законы приличия. Или другой пример: хозяин любит сам делать салат; сделал и спрашивает гостей: вкусен ли салат; все в один голос отвечают всегда: «Очень, очень хорошо!» Я хотел сказать, м. г., что во всяком разряде житейских вещей есть свои правила благоразумия, свои обязанности благоприличия, которых никто не нарушает, кроме людей неблаговоспитанных или сумасбродных. В том разряде дел, который называется бюрократическим порядком, принято за правило соглашаться во всем с старшим членом, который председательствует в собрании. Быть может, вам покажется это правило странным, но покажется разве только по незнакомству с основаниями, из которых оно вытекло. Дело в том, что тут всегда предлагается, что председатель, — или как бы там ни назывался старший член собрания, — всегда имеет более точные сведения о целях высшего правительства, сообразуется с ними, служит истолкователем планов, уже принятых высшим правительством. Вы знаете, м. г., что не всегда так бывает: иногда высшее правительство еще не приняло определенного решения по вопросу, переданному для разработки в бюрократическую комиссию, иногда оно готово изменить свое мнение о вопросе, хотя бы оно и было уже составлено у него. Но такие случаи бывают только исключением, а правила для образа действий возникают не из исключительных случаев, и при бюрократическом порядке всегда уже все приглашаемые на совещание убеждены, что они приглашены только работать по инструкции, изменить которой уже нельзя и хранителем которой избран старший член их собрания. Напрасно стал бы сам он уверять в противном, — ему никто не поверит, что каждое его слово не должно приниматься за основание вырабатываемого постановления. Это настроение мыслей, — настроение совершенно неизбежное при бюрократическом порядке, — действует с такою обязательною силою на председателя, что как бы ни готов он был вначале различать свои личные мнения от неизменных решений правительства, он скоро спутывает эти понятия, и ему начинает уже представляться, что каждое его слово — действительно закон; «я орган правительства, я знаю его виды, я хочу того, чего оно хочет, значит, — чего я хочу, того оно хочет». Угодно ли вам, м. г., чтобы я подтвердил примером это

неизбежное увлечение? Вы видели, что в заседании 5 марта председатель еще представлял свои мнения только как свои личные мнения, которые только «не бесполезно было бы принять к соображению»; через два с половиной месяца, в заседании 20 мая, он уже выражался следующим образом:

«Выкуп крестьянами земли, как уже было мною изъяснено, должен быть на основании *высочайшей* воли не *обязательный*, а полюбовный, то есть выкуп не может происходить без формального согласия помещика продать, а крестьян купить поземельные угодья, за исключением усадеб, продажа коих обязательна для тех помещиков, которые не изъявят согласия на продажу угодий полевых».

За этим выступлением следовал ряд соображений, изложив которые председатель говорил совершенно в духе заключения, какое мы видели в журнале 5 марта; он и теперь, 20 мая, тоже приглашал членов Комиссий не стесняться его мнением, давал им свободу отвергать это мнение.

«В заключение повторяю, что все эти мои соображения я не предлагаю в основу суждений Финансовой комиссии; комиссия имеет полное право не только изменить их, но и совершенно их отвергнуть, и что цель моя при предъявлении этих моих соображений состоит единственно в том, чтобы объяснить Комиссии: в какие данные может быть ныне вставлен вопрос о выкупе крестьянами полевых угодий, и что выкуп этот я признаю весьма исполнимым».

Все это очень либерально; но извольте припомнить, м. г., какие [выражения] встречаются в начале речи, имеющей такое заключение: председатель упоминает о «*высочайшей воле*», а потом, излагая свои соображения, он выражается так: «правительство должно, крестьяне должны, оценка должна быть; правительство покрывает своими средствами, правительство найдет возможность» и т.д. и т.д., — эти обороты речи выставляют каждую мысль председателя как дело, уже решенное правительством. Какое же существенное влияние могли бы иметь заключительные слова, что члены Комиссии могут изменять и отвергать мнение председателя, когда по тону всей предшествующей речи следовало принимать эти мнения за неизменную инструкцию, [так как] представлены они в связи с высочайшею волею. О чем же тут рассуждать? — Надобно принимать к исполнению.

Редакционные комиссии так и сделали.

Посмотрите же, м. г., что из этого выходило. Вы очень хорошо знаете, с какою целью были назначены эти Комиссии. Высшее правительство, определив некоторые, самые общие принципы

дела, нашло нужным, чтобы им занялись специалисты. Их основательному исследованию оно желало предоставить определение всего устройства дела. Что же мы видим? — Едва собрались эти специалисты, ни за что еще не успели приняться, а уже определилось, как будет устроено дело. Но ведь дело еще не исследовано, ведь они еще не знают, какие основания были бы найдены ими для него, — нужды нет, эти основания уже готовы. Как же они приготовлены? Очень просто. У каждого есть о каждом предмете какое-нибудь мнение или предположение. Разумеется, было и о крестьянском деле какое-нибудь мнение или предположение у лица, назначенного председательствовать в этих Комиссиях, как были у него мнения и предположения о всяком другом предмете, — и о том, что Виардо¹¹⁰ хорошая певица, и о том, что Вольтер был остроумный писатель, и о том, что Пулковская обсерватория хорошо устроена. Предположите же теперь, что начали бюрократическим порядком рассуждать об итальянской опере, об английской литературе, об астрономии. Собирают специалистов, председатель высказывает свои мнения об этих предметах, с которыми очень мало знаком, но о которых все-таки имеет же какое-нибудь мнение, — что из этого следует по бюрократическому порядку? — то, что специалисты тотчас восклицают: совершенно согласны и вполне принимаем основания, предлагаемые вами, г. председатель.

Скажите, м. г., хорош ли вышел бы обед, если бы повар стал безусловно принимать все ваши или мои мнения о том, как варить суп и жарить ростбиф? А ведь вы или я, мы имеем об этом деле некоторые понятия. Но вы и я даже и не высказываем своего мнения об этом повару, которому поручили готовить нам обед. И мы очень хорошо делаем, что не высказываем тут своего мнения. А по бюрократическому порядку это дело пошло бы вот так. Повар руководился бы не своим знанием и опытностью, а старался бы разведать, как мы думаем об устройстве кухонной плиты, о форме кастрюль и жаровень, о времени, сколько нужно держать кушанье на плите, и т.д. и т.д. Разумеется, если бы стали к нам приставать с этими разведываниями, забегать и справа, и слева, вовлекать нас во всякие разговоры и ловить каждое наше слово для исполнения, — разумеется, выведали бы от нас что-нибудь об этих предметах, — и о кастрюлях, и о жаровнях, и о том, как топить печь, и т.д. и т.д.; и каждое наше слово об этом, дошедшее до повара бог знает чрез сколько уст и бог знает как перетолковывавшееся в каждом устах, становилось бы инструкцией для повара. Как вы полагаете, хорош был бы у нас порядок на кухне и вкусен выходил бы наш обед, как бы хорош ни был наш повар?

А ведь мы в самом деле не думали связывать его, ничего не хотели предписывать ему; мы хотели только, чтобы обед был хорош, и думали, что он будет готовить его, как сам знает. Нет, если повар будет к нам в бюрократических отношениях, это наше желание неисполнимо: повар непременно будет только подмастерьем нашим, поварская часть будет управляться нами.

Вот точно так вышло и в Редакционных комиссиях.

Будем говорить серьезно. При бюрократическом порядке совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело. Люди эти действуют, как машины, у которых нет своего мнения, они ведут дело по случайным намекам и догадкам о том, как думает про это дело то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этим делом. Что из этого выходит, мы увидим все на том же примере Редакционных комиссий.

Первою чертою дела для примера пусть послужит так называемая гласность, — это, м. г., бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения «свобода слова», и придуманное по догадке, что выражение «свобода слова» может показаться неприятным или резким кому-нибудь, — итак, м. г., первую чертою для моего примера я беру так называемую гласность по крестьянскому делу.

По фактам, которые приведены мною выше, могло казаться, будто председатель Комиссии действовал по своему убеждению. Остальные члены были работники, не могшие действовать по своим убеждениям, а трудившиеся по инструкциям председателя. Но, по крайней мере, председатель поступал сообразно своему убеждению. Оно могло быть составлено без основательного знакомства с делом; но каково бы оно ни было, все-таки оно было его убеждением, и если оно определяло характер комиссионных работ, все-таки в этих работах могла быть какая-нибудь определенная мысль и внутренняя связность. Нет, м. г., и это наше предположение оказывается ошибочным. Мы видели председателя в его отношениях к членам. Перед ними действительно он был человек самостоятельный. Но ведь он был в сношениях не с ними одними, а со множеством лиц, в числе которых было несколько человек, занимавших относительно его точно такое же положение, какое занимал он относительно членов Редакционных комиссий. По бюрократическому порядку, он тоже, в свою очередь, выведывал мнения лиц, более заслуженных, чем он; тоже строил догадки о их мнениях и тоже принимал всякое их слово и всякую свою догадку о их мнениях за инструкцию, которую должен исполнять. Можно было бы найти множество подтверждений тому в воспоминаниях,

еще свежих у каждого из нас. Но я хочу опираться только на факты, формально засвидетельствованные в протоколах Комиссий, и укажу вам один из них.

Через месяц по открытии Комиссий, в заседании 6 апреля, председатель, наученный опытом, высказал убеждение, что ни он сам, ни Редакционные комиссии никак не могут удовлетворительно исполнить порученного им дела, если не привлекут к помощи их труду всю публику; он видел, что ему и Комиссиям необходимо опереться на общественное мнение, он видел, что, не будучи поддерживаемы общественным мнением, они и Редакционные комиссии не найдут в себе сил действовать как нужно для успеха дела. Вот, м. г., подлинные слова председателя Редакционных комиссий, написанные в журнале заседания 6 апреля.

«Возбужден был вопрос: какую степень гласности должны иметь занятия Комиссий?

По мнению, выраженному председателем, занятия эти составляют дело всей России, — дело, с которым тесно связано и спокойствие, и благосостояние целого государства как в настоящем, так и в будущем. Опыт показал, что хотя поднятый вопрос живо затронул интересы всего народа, но Россия в полном доверии к своему государю осталась спокойною; что спокойствие это можно частью приписать и некоторой гласности, с которой с самого начала, по высочайшему повелению, было ведено дело. Притом же Комиссии, совершая труд, столь близкий интересам всех сословий, обязаны честным отчетом в своих действиях перед всею Россиею. Дать этот отчет, успокоить всех и каждого можно только посредством полной откровенности, потому что, где дело ведется открыто, там нет места ни превратным слухам, ни ложным опасениям, ни нелепым толкованиям. Наконец на Комиссиях лежит святая обязанность уяснить вопрос и самим себе *со всех сторон*. Как бы ни был добросовестен труд Комиссий, как бы ни было велико стремление их быть беспристрастными и неодносторонними, они, при всей опытности своих членов, вряд ли избегнут таких ошибок, которые, при применении к действительной местной жизни, могут оказать неблагоприятное влияние на успех дела. А потому и здесь необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участие, которое прольет свет на каждую оставшуюся в тени сторону вопроса, дополнит недостающие факты и исправит вовремя каждую ошибку Комиссии».

Вникните в эти слова, м. г., взвесьте их, они заслуживают того. Какой сильный и твердый тон, какое честное и широкое понятие о деле. Хорошо; но слушайте же, какой вывод делается из такого основания, какое применение получает такой принцип, какая практика извлекается из этой теории:

«Вследствие всех их соображений, председатель полагал бы полезным:

1) Все журналы и труды Комиссий печатать в значительном количестве экземпляров.

2) Напечатанные экземпляры рассылать гг. членам Главного комитета, министрам и главноуправляющим отдельными частями, генерал-губернаторам, начальникам губерний и губернским предводителям дворянства (сим последним в нескольких экземплярах).

3) Предварить всех означенных лиц, что подлежащие обсуждению Комиссий вопросы будут разрешаемы не ранее прибытия членов-экспертов, а затем труды Комиссий будут предьявляемы депутатам губернских комитетов, для сообщения замечаний и с их стороны.

4) Просить всех лиц, которым будут рассылаемы такие “Труды”, сообщать свои замечания к определенному сроку на особом по каждой главе листе и по возможности кратко, чтобы Комиссии могли принять их в соображение своевременно, тотчас же разделять по отделениям и иметь физическую возможность прочесть и обсудить их».

М. г., вы твердо убеждены, что председатель Редакционных комиссий был человек очень умный. Я совершенно согласен с вами; посмотрите же, м. г., может ли умный человек, если руководится своим умом, делать такой вывод из такого основания. «Дело Редакционных комиссий — дело всей России»; «Комиссии обязаны честным отчетом в своих действиях пред всею Россиею». Самим Комиссиям, для успеха в своих занятиях, «необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участие». Что же надобно сделать? как исполнить эту обязанность? как получить эту помощь? «Экземпляры трудов Редакционных комиссий рассылать начальникам губерний и губернским предводителям дворянства, прося их сообщать Редакционным комиссиям свои замечания». М. г., скажите сами: разве начальники губерний и губернские предводители дворянства — «целая Россия»? Разве суд их — «общий суд целой России»? Разве отчет перед ними — отчет перед всею Россиею? Думаете ли вы, м. г., что он, человек умный, не был внутренне сконфужен перед самим собою несообразностью своего заключения с своим началом? Думаете ли вы, что он мог прямо смотреть в глаза членам Редакционных комиссий, когда переходил от своего начала к своему заключению? Я этого не думаю; потому что думать так — значило бы оскорблять его память с той стороны, с которой уже никак нельзя отзывать о нем дурно, — со стороны ума.

Чем же можно объяснить такую странную несвязность мыслей, такое явное несоответствие принимаемого решения с собственными желаниями? Конечно, только тем, что председатель Редакци-

онных комиссий и сам был совершенно связан в своих решениях. И кем же был он связан в этом случае? Я говорю с вами, м. г., прямо и открыто, потому выскажу сам свое убеждение, вперед свидетельствуя, что вы ошибетесь, если сочтете его неверным. Председатель Редакционных комиссий не был связан тут твердою и обдуманною волею того лица или тех лиц, волю которых он обязан был исполнять по закону; он был связан мнениями, опасениями, привычками множества других лиц, которые даже не имели законного права обнаруживать влияния на Редакционные комиссии. Он был связан мнениями целого круга, от которого по формальному своему полномочию был совершенно независим. Вот для вас, м. г., случай убедиться, что при бюрократическом порядке нет ни у кого независимости. В мелочах, особенно в поступках с подведомственными лицами, каждый имеет при бюрократическом порядке много произвола. Но следовать своим убеждениям в делах серьезных никто не властен; все связано безгласною и незаконною взаимною зависимостью, потому что все тут основано на слухах, догадках, то есть на умысле угождать всякому, кто мог бы распустить невыгодный слух, если бы человек не угодил ему.

Если вы сравните практическое заключение председателя Редакционных комиссий о сообщении «Трудов» Комиссий губернаторам и губернским предводителям с теоретическим стремлением председателя призвать все общество к участию в этих «Трудах» и давать отчет о них целой России, то вы увидите, милостивый государь, каков бывает ход дел при бюрократическом порядке: начинают тем, что видят надобность чего-нибудь существенного и великого, стремятся к нему и успевают сделать лишь нечто очень маловажное и вовсе не существенное, а только формальное. Вы согласитесь, м. г., что мнения губернаторов и губернских предводителей никак не могли придавать новой силы правительственному делу, потому что сами губернаторы имеют только силу, заимствованную от правительства, и губернские предводители находились тогда в таком же положении: они не имели значения, независимо от правительства; не могло иметь самобытного веса и их мнение. Таким образом, Редакционные комиссии никак не могли найти в них подкрепления, в котором чувствовал необходимую нужду председатель Комиссий. Что же касается до содействия этих лиц разъяснению дела замечаниями на труды Комиссий, [то] в этих замечаниях Комиссии не могли найти ничего нового для себя: губернаторы смотрели на дело с правительственной точки

зрения, подобно самой Комиссии, следовательно, не могли указать Комиссиям важных сторон в деле, которых не замечали бы и сами Комиссии; а губернские предводители могли делать замечания только с помещицъей точки зрения, которая уже и без того была очень знакома Комиссиям. Итак, необходимо нуждаясь в опоре и критике для своих «Трудов», редакционные комиссии искали их у людей, которые были для них совершенно бесполезны в этих отношениях, и принуждены были работать, не имея ни поддержки, ни критики в своих трудах.

В следующем письме я постараюсь объяснить вам, м. г., к чему это привело. А теперь покончу несколькими замечаниями речь о предмете, наполнившем собою все нынешнее мое письмо, — о характере бюрократического порядка. Припомните, м. г., какие странные факты видели мы засвидетельствованными в журналах Редакционных комиссий. Созываются люди, чтобы рассмотреть дело, но с первого же раза им предлагают заключения, которыми уже решается все дело; а ведь оно еще не рассмотрено ни ими, ни лицом, предлагающим эти решения. И эти лица принимают предлагаемые им решения. Что же после того они будут делать? Они будут не рассматривать дело, а только будут заниматься подборанием и прилаживанием мелких подробностей, то есть их работа будет работа каменщиков, смазывающих кирпичи один к другому, хотя и предполагали те, которые созывали их, что созывают их обсудить план здания. Как произошла такая перемена в их назначении? — Этого никто не знает. По чьей воле произошла она? — Ни по чьей, потому что никто этого не хотел. Она произведена силою бюрократического порядка, против которой ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе всего управления. Вы хотите только спросить — ваш вопрос принимают за решение; вы хотите посоветоваться — ваши слова принимают за приказание; вы ищите опоры — все, до чего вы касаетесь, гнется перед вами. Так уже заведено в бюрократическом порядке, и ничего иного не добьетесь вы от него.

И посмотрите же, м. г., какая удивительная вещь произведена натурою бюрократического порядка. Думал ли кто-нибудь в высшем правительстве, что крепостное право должно быть сохранено при провозглашении его отмены? Конечно, никто этого не хотел в высшем правительстве. Хотел ли того председатель Редакционных комиссий? — Конечно, нет, вам известно это. Хотели ли того

члены Редакционных комиссий? Нет, это всем известно. Что же вы видели, м. г., в самой же первой выписке, приведенной мною из журналов Редакционных комиссий? Вы видели, что Редакционные комиссии начали свои работы принятием принципа: при провозглашении освобождения крестьян крепостное право должно быть сохранено. Припомните подлинные слова журнала «Заседания» 5 марта: «обязательные барщинные повинности и при срочнообязанном положении будут составлять все-таки вид крепостного права». Это говорит председатель Комиссий. «По выслушании сего члены Комиссий единогласно изъявили полное сочувствие» к этим словам председателя и внесли их в журнал «для неперменного руководства» себе. Снова спрашиваю, как могло это случиться, что в основание дела кладется решение, не согласное ни с убеждением членов Комиссий, ни с желанием их председателя, ни с намерением высшего правительства? Случилось это по неизбежному характеру бюрократического порядка: председателю Комиссий показалось по какой-то догадке, что хотят этого какие-то лица, которым необходимо угождать; членам Комиссий показалось, что слова председателя должны служить выражением неизменной решимости высшего правительства, а высшее правительство, увидев такое решение Комиссий, убедилось, что нельзя [уничтожить] крепостного права, если уже специалисты, и притом известные противники крепостного права, решают, что надобно сохранить его.

Точно так же определились и все другие черты дела: выкуп земель не обязательный, а по добровольному соглашению, размер надела, величина повинностей и платежей крестьянских и т.д. Никто не может принять на себя ответственности за устройство дела в таком виде — ни высшее правительство, ни Редакционные комиссии, решительно никто, потому что никто не желал устроить дело так; его так устроил собственно бюрократический порядок, независимо от воли и убеждения лиц, чем бы то ни было — работами ли своими, желаниями ли своими, подписями ли своими, — участвовавших в ведении этого дела.

Но посмотрите же, м. г., что из этого вышло? Я открою вам тайну, которая до сих пор оставалась неизвестною не только вам, — от которого укрывается столь многое, — неизвестною даже лицам, составлявшим Положение об освобождении крестьян, — открою тайну, которая удивит как неожиданная новость всякого, кроме освобожденных крестьян, с первой же минуты почувствовавших на своих карманах действие этого секрета.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

16 февраля

Открытием секрета, который хочу сообщить вам, обязан я, м. г., случайному обстоятельству. Несмотря на гласность, которую непременно хотел придать «Трудам» Редакционных комиссий их председатель, я целые два года даже не видывал этих изданий, так мало было их в обращении между публикою. Нужно было заводить знакомства и прибегать к просьбам, чтобы достать эти книги. Так у нас все делается, м. г.: без знакомств и просьб — ничего; с ними — все. Но писать о крестьянском вопросе нельзя было, потому я и не хлопотал, чтобы достать материалы, которыми не мог бы воспользоваться. Наконец, когда приблизился срок обнародования манифеста об освобождении крестьян, разнесся слух (неосновательный, как обнаружилось впоследствии), будто бы по его обнародовании разрешено будет разбирать Положения¹¹¹. Тогда я захотел иметь «Труды» Редакционных комиссий. Это издание состоит, как вам известно, из двух отделов: один, напечатанный в 8 д. л., содержит в себе материалы, более или менее переработанные самими Комиссиями; другой отдел, напечатанный в 4 д. л., под названием «Приложений к Трудам Комиссий», заключает в себе статистические данные о поместьях, имеющих более 100 душ. Тут обозначены: имя владельца и поместья, количество душ и тягол в каждом поместье, общее количество земли при поместье, количество каждого рода угодий, входящих в эту общую цифру, величина существовавшего надела и размер повинностей, отбываемых или платимых за него. Этот отдел я успел получить раньше, чем достал первый отдел, в котором переработаны Комиссиями данные второго отдела. Не имея под руками этих сделанных Комиссиями выводов и даже не зная, до какой степени выработаны они, я должен был заняться сам разработкою цифр, представлявшихся мне описаниями поместий. Мне хотелось получить приблизительное понятие о том, какая перемена производится Положениями в существовавшем наделе земли и в повинностях, отбываемых или платимых крестьянами помещику. Работу свою я хотел ограничить великорусскими губерниями, о которых об одних я и хотел писать, потому что сам лично знаком только с их бытом и обычаями. Но и тут я не мог переработать всех цифр по всем великорусским уездам, — цифр, наполняющих целые четыре тома: у меня недостало бы на то времени. Я должен был взять только некоторые уезды, чтобы судить по ним о всем целом. Но я хотел, чтобы разработанная мною часть действительно могла служить точною представительницею всего

целого и чтобы никому нельзя было заподозрить какого-нибудь произвола во мне при выборе тех или других уездов для пробы целого. Поэтому я перед началом работы принял два следующие правила:

1) Составив список уездов в том самом порядке, в каком они следуют один за другим в «Приложениях к Трудам Редакционных комиссий», я стал отбрасывать те уезды, в которых общее число описанных поместий включает менее 10 тысяч душ крепостных крестьян, оставляя в своем списке только уезды, имеющие более этого числа. Цель этого приема понятна: я хотел работать только над уездами, представляющими достаточную широту основания для выводов о действии производимой Положениями перемены. Таким образом, осталось у меня 175 уездов, из которых в каждом описано состояние более чем 10 тысяч душ.

2) Из них я решился взять те, которыми будет начинаться каждый десяток, то есть первый уезд, одиннадцатый уезд, двадцать первый уезд и т.д.* Таким образом, досталось мне взять для разработки цифр следующие уезды:

Александровский	— Владимирской губернии
Бирюченский	— Воронежской
Спасский	— Казанской
Дмитровский	— Курской
Клинский	— Московской
Горбатовский	— Нижегородской
Орловский	— Орловской
Пензенский	— Пензенской
Новоржевский	— Псковской
Михайловский	— Рязанской
Саратовский	— Саратовской
Алатырский	— Симбирской
Козловский	— Тамбовской
Нерехтский	— Костромской
Рославльский	— Смоленской
Корчевский	— Тверской
Епифанский	— Тульской
Мышкинский	— Ярославской

* Прилагаю сделанный мною список на тот случай, если бы вы, м. г., пожелали удостовериться в правильности его составления.

Надеюсь, м. г., что правилами, принятыми мною при этом выборе, отстранена всякая возможность подозревать какую-либо произвольность в нем. Посмотрите же, м. г., что открылось из разбора цифр по этим 18 уездам.

Прежде всего я занялся счетом того, каков будет назначаемый Положениями новый оброк при назначаемом ими новом наделе, сравнительно с прежними оброком и наделом, в тех поместьях, которые прежде были на оброке и останутся на оброке по Положению.

Общее число душ в оброчных имениях, внесенных в «Приложения к Трудам Редакционных комиссий», по всем 18 уездам: 125 324 души. Прежний надел их показан в 419 406 $\frac{1}{2}$ десятин. Всего оброка за этот надел при крепостном праве платили они помещикам 842 728 руб. 50 коп. Таким образом, при прежнем крепостном праве, средним числом, бралось с крестьян за одну десятину надела: 2 руб. 9 коп. По правилам, данным новыми Положениями, из прежнего надела должно отойти к помещику 101 767 $\frac{3}{4}$ десятины. Останется за крестьянами 317 638 $\frac{3}{4}$ десятины. За них установлен оброк 731 346 руб. 80 коп. То есть за одну десятину земли своего надела крестьяне должны по новым правилам платить 2 руб. 30 $\frac{1}{2}$ коп. Иначе сказать, по новым Положениям освобождаемые крестьяне должны платить помещику: 1 руб. 10 коп. вместо каждого рубля, который платили ему при прежнем крепостном праве.

Ожидали ли вы, м. г., такого результата?

Не смею долее утруждать вашего внимания. Но если бы я смел предполагать, что сведения, мною доставляемые вам, будут приниматься вами с тою же единственною мыслью о драгоценности правды, с какою я старался приобрести эти сведения, то я поставил бы себе за удовольствие изложить вам во всей подробности вопрос о судьбе оброчных имений по новому Положению; потом перешел бы к вопросу о поместьях, состоящих на барщине; наконец, представил бы вам сведения о действительном значении тех сторон нового устройства, которые одинаково касаются тех и других поместий. Но я уже довольно много времени потратил на непрошенную беседу с вами, м. г., и не могу тратить его больше, не зная, не будет ли оно совершенно потерянным. Во всяком случае, вы теперь можете судить о том, каков был бы характер дальнейших моих бесед с вами; следовательно, вы сами можете судить, нужны ли они для вас.

Я понимаю, м. г., что нарушил правила приличия, напрашиваясь с своими объяснениями к человеку, нимало не вызывавшему

меня на них; поэтому не будет для вас странным, если я не соблюду этих правил и в заключении своей корреспонденции, и не подпишусь, по обычаю, «готовый к услугам» или «ваш покорнейший слуга», а подпишусь просто —

Н. Чернышевский

[...] ¹¹²

Комментарии

¹ КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩИННОГО ВЛАДЕНИЯ

(К вопросам по опостылому делу, статья первая)

Впервые статья опубликована в 1858 г. в литературном ежемесячном журнале «Современник» (Современник: Литературный журнал, издаваемый с 1849 года И. Панаевым и Н. Некрасовым / Под ред. А. Никитенко. СПб., 1858. № XII. С. 575–614) за подписью автора.

Текст печатается по: *Чернышевский Н.Г.* Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. V: Статьи 1858–1859 / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина и др. Подготовка тома и текстологические комментарии Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 357–392.

При составлении комментария к статье были использованы примечания К.Н. Журавлева. *Журавлев К.Н.* Примечания. Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. V: Статьи 1858–1859 / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина и др. Подготовка тома и текстологические комментарии Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 933–937; В.В. Блохина — [*Блохин В.В.*] Комментарии. Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н.Г. Избранные труды / Н.Г. Чернышевский; [сост., автор вступ. ст. и коммент. В.В. Блохин]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 586–587; а также В.И. Приленского — [*Приленский В.И.*] Примечания. Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н.Г. Соч.: В 2 т. Т. I / АН СССР. Ин-т философии; редкол.: М.Б. Митин (пред.) и др., ред. изд. и авт. вступ. ст. И.К. Пантин; сост. и прим. В.И. Приленского. М.: Мысль, 1986. С. 776–778.

² «Мне больно, больно, больно» — слова молитвы Гретхен, обращенной к Богородице (Гёте. «Фауст». Сцена 18. Пер. Н. Холодковский).

³ Вернадский Иван Васильевич (1821–1884) — российский экономист, профессор Киевского и Московского университетов (1846–1856). Был последователем манчестерской школы политической экономии.

⁴ Полемика об общинном землевладении между «Современником» и «Экономическим указателем» началась по инициативе Чернышевского в 1857 г. В своих статьях «Заметки о журналах. Февраль, 1857» и «Заметки о журналах. Апрель, 1857» Чернышевский обвинил либеральную журналистику в том, что последняя занимается схоластикой, а не насущными вопросами общественной жизни. Он под-

верг жесткой критике «Экономический указатель» за помещенную в нем статью Д. Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства» (1857, № 5, 7, 9, 10), в которой развивались либеральные взгляды по аграрному вопросу в России.

«Экономический указатель» в № 22, 25, 27, 29 за 1857 г. опубликовал статью И.В. Вернадского «О поземельной собственности», которая в июне 1857 г. была подвергнута Чернышевским критическому разбору в статьях «Studien Гакстгаузена», а в августе—октябре — в его работе «О поземельной собственности». В полемику втянулись «Русский вестник», «Русская беседа», «Атеней», «Отечественные записки» и многие другие журналы.

⁵ Чернышевский, видимо, имел в виду либеральных деятелей К.Д. Кавелина, И.К. Бабста, Н.Ф. Павлова, С.М. Соловьева.

⁶ Имеется в виду работа Чернышевского «О поземельной собственности».

⁷ Чернышевский имеет в виду школу вульгарной политической экономии (Ж.Б. Сей, Н.У. Сениор, Ф. Бастиа, В. Рошер, Б. Гильдебранд, Г.Ч. Кэри и др.), занимавшей господствующие позиции в науке того времени, русские последователи которой печатали свои работы в журналах «Экономический указатель», «Русский вестник» и др.

⁸ «Журнал землевладельцев», «Русская беседа» и ряд других органов печати высказались в 1857—1858 гг. за сохранение общинного землевладения как средства, предохраняющего от революции. Эту их «уступку» Чернышевский дипломатично относит на свой счет.

⁹ Парабола — аллегорический рассказ, иносказание.

¹⁰ Неоднократно встречающаяся в работе скептическая оценка Чернышевского собственной теории связана, во-первых, с прямолинейным истолкованием ее сторонниками Чернышевского в данном вопросе, а во-вторых, его беспокойством относительно того, что существование общинного землевладения в России не обеспечено рядом необходимых экономических условий.

¹¹ Возможно, имеются в виду лекции Т.Н. Грановского по всеобщей истории, читанные в 1840-х гг. в Московском университете.

¹² Шеллингисты — шеллингианцы, последователи философа Ф.В. Шеллинга.

¹³ Теллурическая — земная, относящаяся к планете Земля (от *лат.* “tellus” — земля).

¹⁴ Философема — философское утверждение, имеющее идеологическую нагрузку.

¹⁵ «Космос» — «Космос: план описания физического мира» (*Humboldt A. von. Kosmos — Entwurf einer physischen Welbeschreibung. Stuttgart; Tübingen: G. Gottaschen. Bd. 1—5. 1845—1862*), один из основных трудов немецкого естествоиспытателя, географа и путешественника Гумбольдта (Humboldt) Александра (1769—1859).

¹⁶ Ламарк (Lamarck) Жан Батист (1744—1829) — французский натуралист, автор первой последовательной теории исторического развития живой природы. Занимаясь систематикой животных, впервые подразделил их на две основные группы — позвоночных и беспозвоночных. Среди беспозвоночных выделил 10 классов, расположив их по мере усложнения («совершенствования») организации.

¹⁷ *Animalia articulata* и *animalia intelligentia* — животные членистые и животные разумные (*лат.*).

¹⁸ Пулярка (пулярка) — оскопленная молодая курица, откормленная для стола.

¹⁹ Чернышевский перефразирует афоризм древнегреческого философа Сократа (около 469 г. до н.э. — 399 г. до н.э.) — «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить».

²⁰ Артикулированные животные — животные, имеющие артикуляционный аппарат — анатомо-физиологическую систему органов, включающую гортань, язык, ротовотку, зубы, губы, носоглотку и др., участвующие в порождении звуков речи и голоса.

²¹ Флексия (*лат.* “Flexio”, букв. «изгиб, сгибание») — способ образования форм слов путем изменения окончаний, а также само изменяющееся при склонении или спряжении окончание слова.

²² Сабо (*фр.* “sabot”) — здесь, крестьянские деревянные башмаки.

²³ Понеже — поскольку, так как, потому что; очеса — очи, глаза.

²⁴ Н. де Безобразов — Безобразов Николай Александрович (1816–1867) — публицист, идеолог так называемой дворянской оппозиции реформам Александра II. Присоединяя к фамилии Безобразова частицу «де», Чернышевский иронизирует. Н. А. Безобразов, предводитель петербургского дворянства, весьма кичился принадлежностью к древнему роду.

²⁵ Précieuses — жеманницы (*фр.*).

²⁶ Мольер (Moliere) (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен, Poquelin) (1622–1673), французский драматург-комедиограф, начало известности которого положила комедия в одном действии «Смешные жеманницы» (*фр.* “Les Précieuses ridicules”), впервые сыгранная в 18 ноября 1659 г. в парижском театре Пти-Бурбон.

²⁷ Выражение из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842): «Какое ни придумаю имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, — благо велико, — кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится... А потому будем называть даму, к которой приехала гостя, так, как она называлась почти единогласно в городе N, именно дамою приятною во всех отношениях. Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезной в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась, ух, какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка...» («Мертвые души», ч. 1, гл. 9).

²⁸ Ж.-Б. Сэ — Сэй (Say) Жан Батист (1767–1832); Шевалье (Chevalier) Мишель (1806–1879) — французские экономисты.

²⁹ Materia gubernanda — управляемая вещь (*лат.*).

³⁰ В примечании Чернышевский говорит о модерантистах (от *фр.* “moderantiste”, *лат.* “moderatus” — умеренный) — сторонниках умеренности в политике — и упоминает труд Франсуа Гизо «История цивилизации во Франции» (Histoire de la civilisation en France, 1830).

³¹ Гомер (Homeros) — легендарный поэт Древней Греции, которому приписывается авторство эпической поэмы «Иллиада», описывающей события и битвы мифологической Троянской войны.

³² Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813) — светлейший князь Смоленский (1812), русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812), главнокомандующий русскими войсками во время Отечественной войны 1812 г.

³³ Штупер — ружье с нарезками в канале ствола, предшественник винтовки, заряжалось с дула.

³⁴ Гомерическая форма — баснословно огромная.

³⁵ Английских политических деятелей Кобдена (Cobden) Ричарда (1804–1865) и Пиля (Peel) Роберта (1788–1850), проводивших, как известно, в 1840-х гг. реформы против протекционизма, Чернышевский называет «действительно замечательными людьми» по сравнению с французскими и русскими либеральными экономистами. Но, признавая прогрессивность реформ Р. Кобдена и Р. Пиля, он в своей работе «Г. Чичерин как публицист» отмечал, что «все важнейшие реформы состоят

в робком, неполном, иногда нелепом удовлетворении некоторых из экономических потребностей английских простолудинов».

³⁶ Бастиа (Bastiat) Фредерик (1801–1850) — французский либеральный экономист, сторонник свободной торговли.

³⁷ Козьмодемьянск и Царевokokшайск — уездные города Казанской губернии Российской империи.

³⁸ Summum jus — summa injuria, pariter ac nullum jus — полное право есть высшая справедливость, равно как и отсутствие права (лат.).

³⁹ Quem Jupiter perdere vult — «Кого Юпитер хочет погубить... [того он лишает разума]» (лат.).

⁴⁰ Номады (от греч. “nomados” — кочующий) — кочевые, бродячие племена, скотоводы.

⁴¹ Чернышевский имеет в виду эмфитевзис (греч. “emphyteusis”, от “emphyteuo” — прививаю, насаждаю) — долгосрочную (наследственную) аренду.

⁴² Половничество — вид аренды земли в дореволюционной России.

⁴³ Трюизм — избитая, стереотипная фраза, банальность (англ. “truism”).

⁴⁴ Ералаш — карточная игра, близкая к висту и преферансу.

⁴⁵ Иероглифы или иероглифы (греч. “hieroglyphos”, от “hieros” — священный, и “glypho” — вырезываю) — условные знаки и фигуры, изображающие разные предметы, характерные для древнеегипетского священного письма, состоявшего из рисунков.

⁴⁶ Идеографы (лат. “idiographus” — собственноручный (о написанном), рукописный) или идеограммы — знаки идеографического письма, в котором вместо букв, соответствующих звукам, используются знаки (символы), выражающие предметы и понятия, т.е. единицей графического обозначения является слово или его часть — морфема.

⁴⁷ Новая Голландия — историческое название Австралии, которое широко использовалось с середины XVII в. в течение многих лет и было официально сменено лишь в XIX в.

⁴⁸ Карл VII (Charles) (1403–1461) — французский король с 1422 г., из династии Валуа; Карл V (Karl, Carlos) (1500–1558) — император Священной Римской империи (1519–1555), испанский король (Карлос I) (1516–1556), из династии Габсбургов.

⁴⁹ Представления греков о скифах отразил в своих произведениях «Скиф, или Друг на чужбине» и «Токсарид, или Дружба» Лукиан Самосатский (около 120–190 гг. н.э.), а римлян о германцах — Тацит (Tacitus) Публий Корнелий (ок. 58–117 гг. н.э.), описавший общественное устройство, религию и быт германских племен в труде «Германия» (98).

⁵⁰ Tarde venientibus dat она не ossa, a medullam ossium — Поздно приходящим дает она не кости, а мозг из костей (лат.).

⁵¹ Дифирамб (греч. “dithyrambos”) — славословие.

⁵² Фетишизм (фр. “fétichisme”, от “fétiche” талисман, идол) — распространенный у всех первобытных народов культ неодушевленных предметов — фетишей, наделенных, по представлениям верующих, сверхъестественными свойствами.

⁵³ Инквизиция — институт Римско-католической церкви для розыска и наказания еретиков и других ее врагов.

⁵⁴ Эксцентрический — крайне своеобразный, с причудами.

⁵⁵ Тривиальность — давно известный, банальный.

⁵⁶ Имеется в виду работа «Экономическая деятельность и законодательство», опубликованная Чернышевским в журнале «Современник» в 1859 г. (№ II. С. 313–368).

⁵⁷ Строки из стихотворения Г. Гейне «Доктрина» (1842).

⁵⁸ “Ich hab’, mein Sach’ auf Nichts gestellt, / Und mir gehört die ganze Welt” — «Я поставил все, что имею, на ничто, И мне принадлежит теперь весь мир» (нем.), строки из стихотворения Гёте “Vanitas! Vanitatum vanitas!” (1806).

⁵⁹ Отрывок из стихотворения Н.А. Некрасова «Новый год» (1851). Чернышевским опущена из него строка: «Живем мы для минут...».

⁶⁰ СУЕВЕРИЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ

Впервые статья опубликована в 1859 г. в литературном и общественно-политическом журнале «Современник» (Современник: журнал литературный и (с 1859 г.) политический, издаваемый с 1849 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. СПб., 1859. № X. С. 549–564) за подписью: Н. Чернышевский.

Текст печатается по: *Чернышевский Н.Г.* Суеверие и правила логики // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. V: Статьи 1858–1859 / Под общ. ред. В.Я. Кирпотины и др. Подготовка тома и текстологические комментарии Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 686–710.

При составлении комментария к статье были использованы примечания К.Н. Журавлева. *Журавлев К.Н.* Примечания. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. V: Статьи 1858–1859 / Под общ. ред. В.Я. Кирпотины и др. Подготовка тома и текстологические комментарии Н.М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 947, а также текстологические примечания Н.М. Чернышевской (там же. С. 986–987).

⁶¹ Простяки — простяки.

⁶² Мышьяк (лат. “Arsenicum”) — ядовитый полуметаллический элемент пятой группы периодической таблицы. Соединения, содержащие мышьяк, используют как отраву для грызунов, насекомых и как средство против сорняков, а также применяют в медицине как общеукрепляющие, тонизирующие и противомикробные средства.

⁶³ Чернышевский ссылается на свои статьи «Критика философских предубеждений против общинного владения» и «Экономическая деятельность и законодательство» (Современник. 1859. № II. С. 313–368).

⁶⁴ Трансильвания — историческая румынская область, в 1849–1867 гг. коронная земля Австрии.

⁶⁵ Трехпольное хозяйство — древнейшая система земледелия, предполагающая севооборот с чередованием, например пара, озимых и яровых культур.

⁶⁶ Таппе (Тарре) Дитрих Август Вильгельм (Август Вильгельмович) (1778–1830) — немецкий пастор, доктор философии и геологии, в 1805–1819 гг. преподавал философию и протестантское исповедание в Выборгской мужской гимназии, а также нравственность, историю и антропологию в немецком училище св. Петра (Петершule) в Санкт-Петербурге. Его труды на немецком языке, адресованные желающим овладеть русским языком, включали практически весь спектр методических руководств: хрестоматии, сборники практических упражнений, пособия по теоретической грамматике, словари, лексиконы, книги для чтения. Кроме того, он создал популярное изложение «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, которое одновременно служило учебной книгой и знакомило иностранцев с российской историей (См.: *Карамзин Н.М.* Сокращение «Российской истории» Н.М. Карамзина. В пользу юношества и учащихся российскому языку, со знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речений, на немецком и французском языках и ссылками на грамматические правила, изданное

Августом Вильгельмом Таппе, доктором богословия и философии. СПб., 1819. Ч. 1—2; *Таппе А. В. Geschichte Rußlands nach Karamsin*. Dresden; Leipzig, 1828. Т. 1; *Idem. Geschichte Rußlands nach Karamsin*. Dresden; Leipzig, 1831. Т. 2).

⁶⁷ К концу царствования Петра I (1672—1725) население Российской империи составляло до 18 миллионов человек и уступало в Европе по численности только Франции (ок. 20 млн).

⁶⁸ Щедрин — имеется в виду русский писатель-сатирик Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889).

⁶⁹ В 1858 г. население Российской империи составляло 74 556 400 человек.

⁷⁰ Чернышевский использует неверные сведения. В XV — начале XVI века при великом князе московском Иване III Васильевиче (1440—1505) в Москве насчитывалось около 100 тыс. жителей. В середине XVIII века при российской императрице Елизавете Петровне (1709—1761) количество постоянно проживавшего в Москве населения составляло около 130 000 человек.

⁷¹ В примечании Чернышевский ссылается на книгу Л. В. Тенгоборского «О производительных силах России». М.; СПб., 1854—1858.

⁷² В квадратных скобках — вставки републикаторов 1950 г., после сверки текста статьи, опубликованного в «Современнике» с ее корректурами (см.: *Чернышевская Н. М. Текстологические комментарии. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. V: Статьи 1858—1859 / Под общ. ред. В. Я. Кирпотина и др. Подготовка тома и текстологические комментарии Н. М. Чернышевской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 986—987).*

⁷³ Строки стихотворения Николая Александровича Добролюбова (1836—1861) «Наш демон. Будущее стихотворение», опубликованного в 1859 г. во втором номере сатирического приложения к журналу «Современник» «Свисток — собрание литературных, журнальных и других заметок» под псевдонимом Конрад Лилиеншвагер.

⁷⁴ Вахлак — невоспитанный, грубый, неотесанный человек.

⁷⁵ Чернышевский говорит о статье Н. А. Добролюбова «Темное царство», написанной, как и многие статьи Добролюбова, псевдонимом Н.-бов (Современник. 1859. № 7 и 9).

⁷⁶ Имеется в виду Н. А. Добролюбов.

⁷⁷ Статья на самом деле называется «Экономическая деятельность и законодательство». Чернышевский сознательно искажает название своей статьи, чтобы заострить ее смысл и обнажить основную идею. К подобным приемам Чернышевский обращался и в других своих публицистических статьях.

⁷⁸ *Cum hoc, ergo propter hoc* — вместе с этим, значит вследствие этого (*лат.*), логическая ошибка, состоящая в предположении, что совпадение (и вообще корреляция) означает причинно-следственную связь.

⁷⁹ Ауспиция (*лат.* «auspex» — птицегадатель) — предсказания будущего по полету птиц.

⁸⁰ Речь идет о Кожевникове Матвее Львовиче, который в 1846—1854 гг. был гражданским губернатором Саратовской губернии.

⁸¹ Речь идет о Н. А. Мордвинове, управляющем саратовской удельной конторой.

⁸² Вероятно, имеется в виду Грот Константин Карлович (1814—1897) — самарский губернатор в 1853—1860 гг.

⁸³ Имеется в виду М. Е. Салтыков (Щедрин), бывший тогда вице-губернатором Рязанской губернии.

⁸⁴ «Вся выписка, которую Чернышевский приводит здесь (от слов: “Кто говорит: «бедность народа…»”), перечеркнута цензором со следующей надписью: “На основании последнего распоряжения Министерства на помещение этого места

нужны фактические доказательства. Цензор Мацкевич”. И далее: “Сделать ссылку на это место и потом возразить мне. Мацкевич”. На это Чернышевский ответил на корректуре: “Эта выписка сделана мной из рукописной статьи под заглавием «О взяточничестве и причинах его», присланной в редакцию “Современника” каким-то господином, подписавшим под нее буквы А. За-в. *Чернышевский*”. Вероятнее всего, отрывок внутри текста был написан самим Чернышевским с целью провести его незаметно через препоны цензуры, особенно вывод о необходимости *изменений для водворения законности*» (Кондаков И.В. Примечания. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. М.: Советская Россия, 1986. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0570.shtml).

⁸⁵ Значительный отрезок текста статьи начиная со слов: «Весь наш быт во всем, что есть в нем печального...» — изъят цензурой.

⁸⁶ Чернышевский употребляет слово «дача» в его первоначальном значении — небольшая земельная собственность, дарованная царем или данная по дележу (от др.-рус. глагола дати).

⁸⁷ Филиппики — гневные обличительные речи.

⁸⁸ Два абзаца со слов: «Мы уже сказали, что не намерены писать Филиппик...» — цензорская купюра.

⁸⁹ Веред — болячка, рана, нарыв.

⁹⁰ Жерновка — отложения известковых солей (фосфорно- и углекислых) в боковых стенках желудка речных раков.

⁹¹ ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

Чернышевский предполагал опубликовать статью в журнале «Современник» (1862, № 3) в марте, к годовщине обнародования законодательного акта, оформившего отмену крепостного права в России — «Положений» 19 февраля 1861 г., однако рукопись была запрещена к печатанию. Впервые статью опубликовал в 1874 г. П.Л. Лавров за границей, в журнале «Вперед» (Письма без адреса — неизданная статья Н.Г. Чернышевского. Издание «Вперед». Цюрих, 1874).

Текст печатается по: *Чернышевский Н.Г.* Соч.: В 2 т. Т. 2 / АН СССР. Ин-т философии; редкол.: М.Б. Митин (пред.); ред. изд. И.К. Пантин; сост. и авт. прим. Л.В. Поляков. М.: Мысль, 1987. С. 336–368.

При составлении комментария к статье были использованы примечания И.В. Кондакова (Кондаков И.В. Примечания. Письма без адреса // Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. М.: Советская Россия, 1986. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0570.shtml)

⁹² Датировка писем приурочена к годовщине «Положений» 19 февраля 1861 г. (первое письмо датируется 5 февраля; пятое — 16 февраля).

⁹³ Имеются в виду события Смутного времени 1612–1613 гг.

⁹⁴ Речь идет о борьбе украинского народа против польского порабощения, которая завершилась в 1654 г. воссоединением Украины с Россией; с конца XVII века начался процесс закрепощения ранее свободных крестьянства, окончательно завершившийся в царствование Екатерины II.

⁹⁵ «Ожидаемая развязка» — народная крестьянская революция, приурочиваемая Чернышевским и его единомышленниками не ранее, чем к весне 1863 г. Чернышевский считал, что в начале 1862 г., когда и писались «Письма без адреса», народ еще не готов к революции — ни сознанием, ни практически. Отсюда упреки в апатичности, невежественности, грубых предрассудках и слепой ненависти народа, не организованного и не просвещенного профессиональными революцио-

нерами для сознательной, целеустремленной борьбы, для созидания, а не разрушения цивилизации.

⁹⁶ Речь о том, что Чернышевский в силу цензурных запретов в 1860–1861 гг. не выступал со статьями, специально посвященными крестьянскому вопросу. В 1862 г. было официально разрешено обсуждение в печати пореформенных поземельных отношений, а также политических и гражданских реформ.

⁹⁷ Термин «срочнообязанные», принятый в официальных документах 1858–1860 гг. и в печати, был заменен на новый термин «временнообязанные» в «Положении...» 19 февраля 1861 г., где так назывались «крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам».

⁹⁹ Речь идет о польском национально-освободительном движении в качестве одной из наиболее острых проблем межнациональных отношений в России.

⁹⁹ Имеется в виду высказывание Александра II во время приема им предводителей московского дворянства 30 марта 1856 г.: «... Рано или поздно надобно приступить к изменению крепостного права, и надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу».

¹⁰⁰ Парижский мир, подведший итоги Крымской войны (1853–1856), был заключен 18 февраля 1856 г.

¹⁰¹ Чернышевский говорит о недовольстве дворянства реформой уездного управления (май 1858 г.), которая понималась большинством как подчинение местного самоуправления дворянства бюрократическому аппарату государственной администрации на местах. В феврале 1859 г. тверской губернский дворянский комитет принял обращение к правительству о необходимости либеральных земских преобразований в стране.

¹⁰² Чернышевский имеет в виду неоднократные заявления Александра II (в частности, на протяжении его путешествия по России с 10 августа по 20 октября 1858 г., во время встреч с представителями дворянства разных губерний) о необходимости единства действий самодержавия и дворянства в решении крестьянского вопроса.

¹⁰³ Чернышевский имеет в виду подавление войсками крестьянских выступлений в селах Черногай и Кандеевка Пензенской губернии, в селе Бездна Казанской губернии (апрель 1861 г.) и в других местах.

¹⁰⁴ Речь, по-видимому, идет о первой нелегальной печатной прокламации «Великорус», появившейся в 1861 г. (№ 1 — июнь; № 2 — начало сентября; № 3 — конец октября) при участии и под непосредственным руководством Чернышевского. Среди требований «Великоруса»: передача крестьянам всех земель, которыми они пользовались до реформы, с выкупом «на счет всей нации», конституция, выработанная народным представительством, суд присяжных, свобода печати и исповеданий, самоуправление, устранение сословных привилегий, признание прав национальностей, немедленное освобождение Польши. В случае, если бы «образованные классы» не заставили власть устранить причины к восстанию, «Великорус» предсказывал неизбежность его летом 1863 г.

¹⁰⁵ Речь идет о студенческих волнениях осенью 1861 г., поводом к которым послужили изданные правительством в июле 1861 г. «Временные правила», усилившие надзор за студентами и ограничивавшие доступ в университеты разночинцам. В сентябре 1861 г. массовая уличная демонстрация студентов Петербургского университета была разогнана полицией, сотни студентов препровождены в Петропавловскую крепость, а университет временно закрыт.

¹⁰⁶ Речь идет о требованиях реформ в области администрации, суда и гражданских законов со стороны либерального дворянства, которые должны были обсуждаться на губернских дворянских собраниях в 1862 г.

¹⁰⁷ Для решения вопроса об отмене крепостного права по указанию Александра II был создан «Главный комитет по крестьянскому делу» (8 января 1858 — 14 января 1861 г.). Затем были сформированы редакционные комиссии, которые работали с 17 февраля 1859 г. по 10 октября 1860 г. под председательством генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева (1803—1860). Результатом работы комиссий явилось «Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» (СПб., 1859—1860), а также «Приложения к трудам редакционных комиссий... Сведения о помещичьих имениях» (СПб., 1860). Итогом деятельности «Главного комитета» и «Редакционных комиссий» явились «Высочайше утвержденные его императорским величеством 19 февраля 1861 г. Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» (СПб., 1861).

¹⁰⁸ Первым председателем Редакционной комиссии (фактически единственной) был ставленник императора Александра II генерал-адъютант Яков Иванович Ростовцев (1803—1860).

¹⁰⁹ Кадриль — танец в четыре пары (от *фр.* “quadrille”).

¹¹⁰ Виардо-Гарсия (Viardot Garcia) Мишель Полина (1821—1910) — французская певица (меццо сопрано), композитор и педагог. В 1843—1846 гг. и в 1853 г. гастролировала в России.

¹¹¹ Имеется в виду главный официальный документ реформы — «Высочайше утвержденные его императорским величеством 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

¹¹² Далее Чернышевский приводит список уездов великороссийских губерний, в которых Приложениями к Трудам Редакционных Комиссий описано состояние более чем 10 000 душ крепостных крестьян.

Писарев Дмитрий Иванович — публицист, идеолог русского
нигилизма

Родился 2 октября 1840 г. в родовом селе Знаменском Елецкого уезда Орловской губернии. До 11 лет рос в семье, под руководством матери получил хорошее домашнее образование. В 1852—1856 гг. учился в 3-й Петербургской гимназии, окончил ее с серебряной медалью.

В 1856 г. Писарев поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1860 г. четыре месяца провел в психиатрической лечебнице, после выздоровления вернулся к учебе, весной 1861 г. успешно окончил университет, получив серебряную медаль за рассуждение «Аполлоний Тианский» (опубл. с изменениями и с подзаголовком «Агония древнего римского общества в его политическом, нравственном и религиозном состоянии» в журнале «Русское слово», 1861).

Еще студентом, в 1859 г. Писарев стал сотрудничать в журнале «наук, искусств и литературы для девиц» «Рассвет», вел в нем отдел библиографии. В 1861 г. он становится сотрудником, а вскоре и ведущим публицистом «литературно-ученого» (чуть позже ставшего «литературно-политическим») журнала «Русское слово».

Выбрав объектом критики «дряхлые» деспотизм, религию и «официальную» нравственность, Писарев выступил в роли «коновода» российских нигилистов, сформулировав «ultimatum нашего лагеря: что можно

разбить, то и нужно разбивать» («Схоластика XIX века», 1861). За призыв «свалить в могилу династию Романовых и петербургскую бюрократию» и «забросать грязью их смердящие трупы» («Глупая книжонка Шедо-Ферроти...», 1862) был посажен в одиночную камеру Петропавловской крепости, где провел более четырех лет.

В тюрьме Писарев написал лучшие свои работы, в том числе о прогрессе человеческого общества («Очерки из истории труда», 1863; «Исторические эскизы», 1864; «Историческое развитие европейской мысли», 1864; «Перелом в умственной жизни средневековой Европы», 1865; «Исторические идеи Огюста Конта», 1866 и др.), об исключительной роли в историческом развитии естествознания («Наша университетская наука», 1863; «Прогресс в мире животных и растений», 1864; и др.). Деятельно участвовал в полемике между «Современником» и «Русским словом», приведшей к так называемому расколу в нигилистах. Предпринял «разрушение эстетики» и низвержение кумиров публики («Пушкин и Белинский», 1865; «Разрушение эстетики», 1865; и др.). Сформулировал просветительскую программу «мыслящего реализма», предназначенную тем, кто желал стать «деятелем прогресса» в России («Реалисты», 1864; «Мыслящий пролетариат», 1865, опубл. под названием «Новый тип»; «Посмотрим!», 1865; и др.).

В то время, когда Писарев еще находился в заключении, его ровесник и почитатель Ф.Ф. Павленков начал издание полного собрания сочинений (10 частей, СПб., 1866–1869), в которое вошли некоторые, ранее неизданные статьи публициста («Пчелы», 1862; «Наши усыпители», 1864–1867; «Генрих Гейне», 1867).

В 1866 г. Писарев досрочно вышел из крепости на свободу под поручительство матери и без права отлучаться из Санкт-Петербурга. Пережив рецидив психического нездоровья, в начале 1868 г. он начал сотрудничать в журнале «Отечественные записки», опубликовал (без подписи) в нем ряд статей и рецензий («Французский крестьянин в 1789 году»; «Старое барство»; и др.). Не получив разрешения на лечение за границей, поехал на Рижское взморье, где 4 июля 1868 г. утонул во время купания. Похоронен на Волковом кладбище Санкт-Петербурга.

СОЧИНЕНИЯ

Писарев Д.И. Исторические эскизы: Избранные статьи / Сост., подг. текста и вступ. ст. А.И. Володин; коммент. А.И. Володин. М.: Правда, 1989.

Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Редколл.: Ф.Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 2000–2007.

Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. / Подг. текста, вступ. статья и прим. Ю.С. Сорокина. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

ЛИТЕРАТУРА

- Елизаветина Г.Г.* Писарев-критик. Начало пути. М., 1992.
Елизаветина Г.Г. Писарев-критик. Испытание эстетикой. М., 1999.
Елизаветина Г.Г. Писарев-критик. После «Русского слова». М., 2003.
Кузнецов Ф.Ф. Нигилисты? Д.И. Писарев и журнал «Русское слово». М., 1983.
Лебедев А.А. Мыслящий пролетариат Писарева. М., 1977.
Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. М., 1972.
Шириняни А.А. О нигилизме и интеллигенции // Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

СХОЛАСТИКА XIX ВЕКА¹

I

Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают свое существование, и число их подписчиков несколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственною умственною пищею для нескольких десятков тысяч людей. Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города. Один экземпляр «Современника» или «Русского вестника» читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком, истрепанном виде, так что ему приходится только сказать: «Рассчитали вдребезги». При этом некоторые отделы остаются совершенно не тронутыми и даже не разрезанными; отметить подобные отделы было бы, конечно, любопытно для физиологии общества, но я не с этою целью повел речь о распространении журналов в массе читающей публики. Кроме журналов, этой публике действительно читать нечего. Отдельные книги издаются теперь чаще прежнего, но их все-таки мало; кроме того, они имеют или ученый, или учебный характер; это или исследования, или популярные руководства, а учиться большинство нашей публики не желает, вероятно, потому, что воспитание, данное ей в школе, было дурно и оставило после себя на всю жизнь полнейшее отвращение к тому, что отзывается

школою или книжною ученостью. Сочинения Пушкина, Лермонтова и Гоголя знают почти наизусть люди, одаренные эстетическим чувством и сколько-нибудь развитые в литературном отношении; что же касается до большинства, то оно или вовсе не читает их, или прочитывает их один раз, для соблюдения обряда, и потом откладывает в сторону и почти забывает. Прочитать во второй раз художественное произведение потому только, что оно художественно или проникнуто глубокою мыслью, — это такой подвиг, которого возможность понимают далеко не все и на который решаются очень немногие. Между тем журналы неотразимою силою привлекают к себе этих господ: во-первых, они дают свежие новости; во-вторых, разнообразие, часто даже пестрота оглавления дает каждому все средства выбрать себе чтение по вкусу и по плечу; в-третьих, одна книжка не успевает еще приглядеться, как она сменяется новою, и провинциальный читатель следит за идеями и интересами века, не успевая соскучиться и не утомляя свой мозг усиленною работою. Все это было бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли бы друг друга, но дело в том, что на практике выходит совсем не то, что выходило в теории.

Пишущие люди забывают, что они пишут не для себя, а для общества, литераторы составляют замкнутый кружок; этот кружок внутри себя вырабатывает идеи и убеждения и передает публике результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаем, как они вырабатывались и формировались; один кружок сталкивается в мнениях с другим, начинается спор, которого предмет остается тем же для публики; между тем публика читает полемику, видит, как горячатся оба противника, и с любопытством следит за скандальною стороною дела. Не вините в этом публику; поставьте себя на ее место; представьте себе, что при вас происходит спор на непонятном для вас языке. Если вы не выйдете из комнаты, то вы, вероятно, почти невольно будете следить за выражением лица и за мимикою спорящих личностей. То же самое делает публика. О предмете ученого или литературного спора она судить не может, потому что спорящие литераторы большею частью забывают о ее существовании и не делают ни шагу для того, чтобы пояснить ей, в чем дело. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственные сочинения или статьи, разбросанные по разным журналам или напечатанные лет десять тому назад, наконец на голос внутреннего чувства, как сделал Погодин на диспуте с Костомаровым² или покойный Хомяков, восставая в «Русской беседе» против материализма³. Справляться по всем этим ссылкам мудрено; у публики недостало бы на это ни досуга,

ни терпения. Следовательно, останется ей две дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку посмеиваться над тем, как горячатся спорящие стороны. Публика так и делает.

II

Вопрос о народности, сближение с народом, изучение народности — эти слова слышатся на каждом шагу и встречаются на каждой странице наших больших журналов. Идее этих слов мудро не сочувствовать, трудно в этих святых словах не видеть великой задачи времени, самого животрепещущего интереса нашей будущей истории. Но, с другой стороны, нужно быть в высшей степени доверчивым и добродушным оптимистом, чтобы от наших журналов ожидать действительного сближения с народом. «Русская беседа» в течение нескольких лет печатала дельные и основательные исследования Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Беляева⁴; «Отечественные записки» в прошлом году приложили к своему журналу целый сборник песен г. Якушкина⁵; в «Светоче» во всех подробностях описана русская свадьба⁶; «Современник» принужден выслушивать замечания со стороны «Отечественных записок» за то, что мало занимается народным элементом⁷; новый журнал «Время» на интересах народности строит всю свою программу⁸, и что же из этого выходит, какие практические следствия ведут за собою все эти благородные стремления? Ровно никаких. Они дадут только будущему библиографу материалы, по которым он будет в состоянии сделать ошибочный вывод такого рода: «В половине XIX столетия вопрос о народности возбуждал к себе сильное сочувствие в читающей части русского общества». Этот вывод будущего библиографа я смело решаюсь назвать ошибочным, на том основании, что «Современник» и «Русский вестник» пользуются наибольшею популярностью, несмотря на то, что первый отличается космополитическим направлением, а второй занимается гражданскою жизнью Западной Европы гораздо пристальнее, нежели интересами нашей народности. Если, сверх того, принять в соображение тот факт, что «Русская беседа» существует почти без подписчиков⁹, то нетрудно будет убедиться в том, что наша журналистика не успела приохотить к ознакомлению с народностью даже ту часть публики, на которую она может иметь непосредственное влияние. О влиянии на простой народ, о фактическом сближении с ним путем журнальной литературы смешно и говорить. Наш народ, конечно, не знает того, что о нем пишут и рассуждают, и, вероятно, еще лет тридцать не узнает об этом. Жи-

тейских, осязательных результатов он, вероятно, долго не увидит, потому что стремления не переходят в дело и остаются на страницах журналов, к обоюдной выгоде редакции и сотрудников. Что вопрос об эмансипации разрешился независимо от журнальных толков, в этом, конечно, нельзя винить журналистику; эмансипация была делом правительства и совершается административным путем. Но воскресные и бесплатные школы? Это было делом общества, а между тем этот вопрос прошел мимо журналистики, и журналы ограничились тем, что отметили совершившийся факт на страницах своей современной летописи или хроники. Не журналы возбудили этот вопрос, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ее существование было создано всеми, когда уже были приняты меры для удовлетворения этой потребности. Любопытно было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дело, хоть на один живой вопрос народной жизни, который был бы возбужден и решен нашими журналами и который не остался бы на бумаге, а хоть на одну йоту увеличил бы материальное и нравственное благосостояние нашего народа. Я почти уверен, что ответ на этот вопрос получится отрицательный. Причины этого явления я постараюсь разобрать в самых общих чертах.

III

Внешняя физиономия нашего общества складывается, конечно, помимо литературы. Наша журналистика не может иметь никакого влияния на решение административных вопросов, следовательно, эту сторону дела я могу совершенно выпустить из моего рассуждения. Само собою понятно, что статьи «Русского вестника» об английском jury¹⁰ или об английском парламенте имеют для нас интерес чисто научный и несколько не могут содействовать нашему гражданскому воспитанию, потому что граждан воспитывает жизнь, а не книга. Точно так же понятно, что сблизиться с народом мы путем журналистики не можем; сблизается с народом тот, кто живет среди его, кто видит его каждый день в разных видах и положениях, у кого есть с ним общие интересы и общие стремления. Нет сомнения, что помещики лучше петербургских и московских литераторов знают быт и характер простого народа; они знают народ в самом будничном и непривлекательном виде; у них происходят с ним ежедневные столкновения, которыми ожесточаются обе стороны; под влиянием этих столкновений у впечатлительного человека портится характер и формируется

мрачный и негуманный взгляд на личность русского простолюдина; все это справедливо, но зато в основу этого взгляда ложится не теория, а непосредственный опыт, и вследствие этого понятие, которое сложилось в голове практического хозяина о типических особенностях русского крестьянина, будет всегда ярче и определеннее в частностях, чем понятие теоретика-литератора, воодушевленного самыми бескорыстными и гуманными стремлениями. Практическое сближение с народом — дело до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочим, толкуя о Бокле и Стюарте Милле¹¹; какая-нибудь поездка по России может оставить в воображении несколько типических фигур, которые годятся для альбомного рисунка или для легкого литературного очерка; но внутренний смысл этих фигур дается не сразу и постепенно изменяется по мере того, как вы подходите к ним ближе и вглядываетесь внимательнее в их выражение и обстановку. Словом, журналистика, проводящая общечеловеческие идеи в русское общество, нуждается в посредниках, которые проводили бы эти идеи к народу. В настоящее время народ еще не в состоянии сознавать эти идеи, обращать их в свое умственное достояние, органически перерабатывать их силою собственного мышления; пусть он, по крайней мере, чувствует на себе их благотворное, согревающее влияние. Русский крестьянин, быть может, еще не в состоянии возвыситься до понятия собственной личности, возвыситься до разумного эгоизма¹² и до уважения к своему я: пускай же он почувствует, по крайней мере, какую-то перемену в окружающей атмосфере, пускай почувствует, что с ним обращаются господа как-то не по-прежнему, а как-то серьезнее и мягче, любовнее и ровнее. Такого рода перемена в обращении не укрылась бы от его внимания и изменила бы его нечувствительно для него самого. «Чем более вы будете обращаться с мальчиком как с джентльменом, тем скорее он действительно превратится в джентльмена» — это основное положение американской педагогики, и это положение может быть применено к делу везде, где эмансипация идет не снизу вверх, а сверху вниз. Чтобы русский мужик почувствовал эту благодетельную перемену, нужно, чтобы наше провинциальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тем, что оно теперь. Гуманизировать это сословие — дело литературы и преимущественно журналистики. Это дело, конечно, исполнимее сближения с народностью или гражданской реформы путем журнальных статей. Это дело требует дружных усилий и долговременного труда, но какое же действительное усовершенствование в сфере гражданской жизни не требует времени, труда, траты сил

и единогодушия? По крайней мере, можно сказать одно: это — цель достижимая, и это, может быть, единственная задача, которую может выполнить литература и которую притом только одна литература и в состоянии выполнить. Это среднее сословие, гуманизированное общечеловеческими идеями, может сделаться посредником между передовыми деятелями русской мысли и нашими младшими братьями-мужиками, в избу которых, конечно, никогда не заходят книжки журналов, стоящих 15 р[ублей] сер[ебром] в год. Ни грошовые издания, о которых было говорено в мартовской книге «Русского слова»¹³, ни «Народное чтение»¹⁴, о котором нужно будет поговорить со временем, не принесут народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми, имеющими какое-то отвлеченное, книжное понятие о народе, старающимися приноровиться к его потребностям и обнаруживающими в своих попытках полнейшую непрактичность, полнейшее незнание той почвы, которую они хотят возделывать. Но не забывайте, что в нашем обществе есть тысячи людей, понимающих наш книжный язык, носящих наш костюм, словом — *господ*, которые в состоянии прочесть и понять ученую статью в журнале и которые в то же время живут среди народа, в деревнях и уездных городах нашего обширного отечества. Эти люди поневоле выучиваются говорить с народом и присматриваются к его потребностям; эти люди по самому своему положению стоят на рубеже двух элементов, общества и народа, и как будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаний сверху вниз. Отчего же мы ими не пользуемся? Оттого, мне кажется, что до сих пор мало обращали на них внимания. Наша журнальная критика и журнальная наука могла особенно благотельно действовать на это сословие, но, к сожалению, ни критика, ни наука не имели в виду этого класса читателей и не заботились даже о том, чтобы сделаться доступными им по форме. В настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была бы вполне понятна человеку, не имеющему специальных сведений по тому кругу предметов, к которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывным рядом намеков, в которых он будет смутно чувствовать какую-то общую связь, но в чем состоит эта связь и что говорят эти намеки, это останется ему совершенно непонятным. Опять-таки доказательство того, что если целые отделы наших журналов остаются неразрезанными, то виновата в этом не публика. Наши журналисты мечтают о гражданской жизни и о сближении с народом, и эти бесплодные мечты отвлекают их от настоящего дела, от действительной обязанности,

от живого общения с тою сферою читателей, которая ждет от них притока знаний и идей. Кроме того, кроме этого мира благородных, но неосуществимых мечтаний, у наших журналистов есть целый мир закулисных тайн, и намеками на интересы этого мира пересыпаны их критические обозрения и полемические статьи. Этот мир мелких личных неприятностей, мир литературного кумовства и нелитературных перебранок дает себя чувствовать по временам в каком-нибудь журнальном скандале, которого причина и истинная физиономия остаются непонятными для массы читающей публики. А между тем публику потчуют этими скандалами, и она *volens-nolens*¹⁵ узнает факты, непонятные для нее и вовсе неинтересные.

IV

Но что же может и что должна сделать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтением журналов? Она должна разбить ее предрассудки и помочь ей выработать себе разумное мирозерцание. При этом она должна иметь в виду ту часть публики, которая способна подвинуться вперед, людей молодых и свежих, людей, способных принять истину и отрешиться от отцовских заблуждений. Для таких людей талантливый критик с живым чувством и с энергическим умом, критик, подобный Белинскому, мог бы быть в полном смысле слова учителем нравственности, да не той условной нравственности, которая осуждает г-жу Толмачеву¹⁶, а той широкой нравственности, которая желает только, чтобы человек был самим собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, без постороннего контроля и придуманных стеснений. Литература во всех своих видоизменениях должна бить в одну точку; она должна всеми своими силами эмансипировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагают на нее робость собственной мысли, предрассудки касты, авторитет предания, стремление к общему идеалу и весь тот отживший хлам, который мешает живому человеку свободно дышать и развиваться во все стороны. А то ли делает наша литература? К большей части вопросов жизни, науки или искусства она относится как-то нерешительно, как-то вполовину, оглядываясь по сторонам, боясь колыхнуть авторитет, боясь оскорбить историю; эти оглядки, эти опасения часто имеют место в таком деле, в котором можно смело положиться на голос здравого смысла, в котором можно даже отдаться внушению непосредственного чувства. Возьмем пример: пермская дама прочла на публичном

чтении стихотворение Пушкина; корреспондент одной газеты описал это чтение, стараясь для удовольствия публики блеснуть яркостью красок и не жалея риторических украшений; сотрудник другой газеты, также для удовольствия публики, начинает глумиться над описанием первого и, давши волю своему неопрятному юмору, с размаху задевает имя и личность читавшей дамы. Дело, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о нем, может быть, и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье некоторых наших журналов показало им, что это — вопрос, для нас еще не решенный и требующий оговорки. Юморист газеты «Век» получил от лица нашей журналистики серьезный выговор за свои цинические выходки против личности женщины и за ретроградное направление своей статьи¹⁷. Этот выговор можно было бы назвать дон-кихотством, если бы общественное мнение в России определилось настолько, чтобы все образованные люди решали в один голос важнейшие вопросы жизни. Но у нас решительно нет общественных убеждений; в каждом семействе происходит борьба между старыми понятиями и молодыми стремлениями; эта борьба и эти колебания порождают в жизни общества много противоречащих друг другу явлений; напр[имер], молодая девушка приходит в университет учиться, а профессор старается выжить ее из аудитории циническим тоном своей лекции¹⁸. Очевидно, эта девушка и этот профессор расходятся между собою во взгляде на такой простой и понятный предмет, как образование женщины; они представляют борьбу двух диаметрально-противоположных начал, Домостроя и XIX века. Обе стороны открыто несут свое знамя и понимают свою несовместимость. Но не все члены общества становятся решительно на ту или на другую сторону; большая часть так называемых серьезных людей держат нейтралитет и становятся в самые разнообразные положения в отношении к предмету спора; они обсуживают его, вводя в свои суждения такое множество оговорок и ограничений, что сущность дела становится мало-помалу неясною для самых жарких защитников того или другого мнения; качая мудрыми головами, эти рассудительные люди обвиняют обыкновенно обе спорящие стороны в крайности и в увлечении и сами стараются выбрать золотую середину. А возможна ли эта середина? Попробуйте стать посередине между негром и плантатором, между самодуром-отцом и дочерью, которую насильно выдают замуж, между мистицизмом и рационализмом. Примирения нет, и держать нейтралитет — значит стоять совершенно в стороне и не принимать никакого участия в обсуждаемом вопросе. Нейтралитет, который стараются держать люди рассуци-

тельные, есть в сущности оптический обман, и, как оптический обман, он может быть опасен для неопытных глаз.

В нашем обществе есть много людей молодых, которые душою рады были бы пойти за светлыми и привлекательными идеями века, но которых останавливает, во-первых, то, что результаты этих идей совершенно расходятся с существующими формами жизни, и, во-вторых, голос рассудительных людей, выбравших мнимую золотую середину. Робость их неокрепшей мысли останавливается на существующем порядке и на авторитете. Чтобы помочь этим людям, надо пользоваться случаем, брать примеры прямо из жизни и на этих примерах показывать приложение общих правил и руководящих идей.

Протест наших журналов против Камня Виногорова¹⁹ был положительно полезен; он показал обществу, как наше литературное большинство понимает права женщины, и показал не в теоретическом рассуждении, а на живом примере. Но нерешительность отношений к простому и ясному делу нашла себе представителей в двух значительных органах нашей журналистики. («Отечественные записки» приняли шуточный тон, говоря об этом событии в отделе русской литературы (1861, апрель, стр. 143); осмеяли как школьническую проделку всю историю протеста и посетовали о том, что толки о женщине не уяснили значения семейного начала в России²⁰. «Русский вестник» отнесся к делу гораздо строже; у него все оказались виноваты: и г-жа Толмачева, и фельетонист «Петербургских ведомостей», и юморист «Века», и в особенности г. Михайлов и *спущенная им стая*²¹. На 17 страницах разбирается это дело, и разбор приводит к самым неожиданным результатам; сплеча высказываются смелые, по-видимому, мнения, которые на следующей же странице встречают себе такое же смелое опровержение. На стр. 24 говорится о том, что женщина в нашем обществе пользуется всеми разумными правами, а на стр. 36 прорывается признание, что «у нас девушка не легко отважится пройти одна по улице». Концы с концами сведены так, что вы при чтении не заметите противоречий, но если вы захотите отдать себе отчет в прочитанном, то общее впечатление выйдет самое смутное. Дело в том, что в подобном вопросе надобно отвечать ясно и категорически: да или нет. Меттерниховские полумеры²², ответы и *да* и *нет* или *ни да, ни нет* неприложимы и бессмысленны. Молодые женщины и девушки нашего общества чувствуют потребность учиться; у них пробуждается деятельность мысли; вопрос в том, дать ли им книги в руки или нет, пустить ли их в университет или нет. Давая им книги и пуская их в университет, мы, мужчины, собственно говоря, ни-

чего не делаем, а только устраняем свое влияние и решительно не принимаем на себя никакой ответственности. Не давая книг и запирая двери университета, мы самым грубым образом посягаем на чужую свободу. Скажите же, в каком образованном обществе возможен такой вопрос? Ведь это все равно, что спросить печатно: нужно ли бить женщину кулаком или нет? Неужели для разрешения такого вопроса нужно обращаться к истории, уяснять значение семейного начала или ссылаться на права женщины перед Сводом законов, как то делает «Русский вестник»? Научный вопрос, историческое значение женщины в древней и новой России, можно обсуживать сколько угодно, и чем больше фактов вы наберете в летописях, тем полнее и серьезнее будет ваше исследование; но если вы в житейский вопрос вмешаете результаты ваших кабинетных трудов, то это будет напрасная трата времени.

А время вещь какая?²³

Действительно, диалектические тонкости, в которые пускаются наши журналы по поводу самых простых и понятных вещей, как нельзя больше напоминают читающей публике знаменитого метафизика, свалившегося в яму и не решающегося без предварительного размышления схватить веревку, которую спускает к нему здравомыслящий человек. «Фразы заели нас», — говорит «Русский вестник» в своей статье о г-же Толмачевой (1861, март, стр. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить к делу здравый смысл, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся в фразы и выдвигаем вперед вычитанную теорию; живой факт превращается в отвлеченное, безжизненное и бесцветное понятие; это понятие мы поворачиваем во все стороны; на целых страницах мы переливаем из пустого в порожнее и в заключение подводим такие результаты, которые на завтрашний же день, как мыльные пузыри, лопнут от движения жизни. Жизнь идет мимо литературы, и журнальные теории одна за другою сдаются в архив и умирают.

V

Жизнь наша бедна внутренним содержанием, а между тем и эта бедная жизнь с ее потребностями и стремлениями отражается довольно ясно только в изящной словесности. Наша изящная словесность во всех отношениях стоит выше нашей критики, так что во многих случаях критика не была в состоянии дать отчета о художественном произведении, возбуждившем всеобщее сочувствие в читающей публике. О «Воспитаннице» Островского не было

сказано ни слова²⁴, а между тем как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя! Если молчание критики о «Воспитаннице» произошло от невнимания, то это непростительная оплошность; впрочем, трудно сделать подобное предположение; вернее то, что у нашей критики не достало сил разобрать аналитически те явления, которые в стройных образах явились перед творческим сознанием художника; сознание этого бессилия и нежелание отделяться фразами от замечательного произведения делает честь добросовестности наших критиков; но самый факт бессилия — явление действительно существующее и в то же время очень печальное. На изящную словесность нам решительно невозможно пожаловаться; она делает свое дело добросовестно и своими хорошими и дурными свойствами отражает с дагерротипическою²⁵ верностью положение нашего общества. Во-первых, все внимание ее сосредоточено на среднем сословии, т. е. на том классе, который действительно живет и движется, для которого сменяются идеалы, взгляды на жизнь и веяния эпохи. Романы из жизни высшей аристократии и из простонародного быта сравнительно довольно редки, а явление писателя, подобного Марку Вовчку²⁶, писателя, сливающего свою личность с народом, составляет совершенное исключение. Это предпочтение наших художников к среднему сословию объясняется тем, что к этому сословию принадлежит почти все то, что пишет, читает, мыслит и развивается. Высшая аристократия и простой народ в сущности мало изменились со времен, например, Александра I; народ остался тем, чем был, и не переменял даже покроя платья; аристократия переменяла костюм, приняла какие-нибудь новые привычки, но образ мыслей, взгляд на жизнь остались те же и по-прежнему напоминают век Людовика XIV. Что же касается до среднего сословия, то каждое десятилетие производит в нем заметную перемену; поколение резко отличается от поколения; идеи европейского Запада действуют почти исключительно на высшие слои этого среднего класса; этот класс наполняет собою университеты, держит в руках литературу и журналистику, ездит за границу с ученою целью — словом, он выражает собою национальное самосознание. Художник, который ищет человеческих черт, а не бытовых подробностей, психологического, а не этнографического интереса, естественно обращается к этому классу и из него черпает материалы. Борьба идей, а не личностей, столкновение понятий и воззрений возможны только в этом классе. Предмет борьбы и столкновения характеризуют собою эпоху, и притом так верно, что хороший критик

по одному внутреннему содержанию художественного произведения, которого герои взяты из среднего сословия, может определить безошибочно то десятилетие, в котором оно возникло. Сравните «Героя нашего времени», «Кто виноват?» и «Дворянское гнездо»²⁷, и вы увидите, до какой степени изменяются характерные физиономии и понятия из десятилетия в десятилетие.

Занимаясь преимущественно средним сословием, наша изящная словесность обращает свое внимание не столько на общество, сколько на человеческую личность. Психологический интерес в большей части наших романов и повестей преобладает над бытовым и социальным. Действие происходит обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится в связь с каким-нибудь общественным вопросом. В этом обстоятельстве также отражается явление русской жизни; дело в том, что у нас, собственно говоря, нет общества, и до сих пор не бывало таких движений, которые бы заинтересовали всех и дали почувствовать каждому, что он не только Петров или Иванов, но в то же время гражданин России; у нас есть множество отдельных кружков, которые друг друга не знают и знать не хотят; внутренняя связь этих кружков иногда имеет очень определенный смысл, а иногда вовсе не имеет смысла; в некоторых случаях кружок составляется из людей, связанных между собою симпатиею, единством убеждений, сходством характеров; большею частью кружки основаны на связи чисто случайной, на родстве или на свойстве, на соседстве по деревне, на товариществе по службе, на встрече за бутылкою вина. Физиономию кружка часто очень удачно схватывает художник; в этой физиономии есть обыкновенно несколько типических черт, которые каждому русскому понятны и знакомы; другие черты, составляющие индивидуальную особенность того или другого кружка, тоже могут войти в роман, потому что идея художника должна выразиться в самом определенном обособлении, так, чтобы выведенные личности были живыми людьми и в то же время представителями известного типа. Но для критики отсутствие связи между отдельными кружками составляет решительно камень преткновения; как судить об обществе, как наблюдать за проявлениями его жизни, когда общества нет и когда жизнь общества ни в чем не проявляется! Задача действительно мудреная, и за решение этой задачи критика наша берется, сколько мне кажется, не так, как следовало бы. За неимением общества она старается его выдумать; она пытается привить к нам общественные интересы и истощается в благородных, но бесполезных усилиях; она хочет сделать слишком много и потому ровно ничего не делает; она забывает, что

критика может только обсуживать существующие явления, выражать потребности, носящиеся в обществе, а не порождать новые явления и не будить в обществе такие потребности, для которых еще нет почвы в действительности. Забегать вперед не дело критики; это значит разрушать живую связь между собою и читающим обществом; если критика 1861 года осталась не прочитанною или по прочтении не произвела на читателя никакого впечатления, то она навсегда пропала; ведь будущее поколение не станет же разрывать старые журналы, чтобы искать в них идеи, приходящиеся по душе. Журналистика — дело нынешнего дня; что не прочитано сегодня, то уже устарело назавтра. Белинского издают и читают теперь преимущественно потому, что его с жадностью читали его современники, потому что он был учителем целого поколения²⁸, а не потому, что в его критике заключаются вечные истины. Белинский дорог нам не как мыслитель, а как выражение известной эпохи. Самые недостатки Белинского, его увлечения, порывы страстности, вредящие порою ясности критического взгляда, могли только содействовать успеху его критики. Эти недостатки принадлежали времени; их разделяли с Белинским лучшие люди той эпохи, и потому эти самые недостатки скрепляли связь между критиком и читателем.

Ничего подобного не встретишь в теперешней критике, потому что усвоить себе все сочувствия известной эпохи, все ее сильные и слабые стороны, словом, воплотить в себе эпоху может только сильный талант, а нашим критикам именно недостает силы и таланта. У них есть кой-какие знания, есть честные убеждения, благородные стремления, но нет той жизни, той энергии и огня, которые неотразимым обаянием действуют на общество и увлекают за собою умы читателей. Этим недостатком таланта объясняются ошибки нашей критики, ее бестактность и, главное, ее паразитическая мертвенность. Человек талантливый творит по внутренней потребности; он увлекается процессом творчества за пределы всякой теории и увлекает за собою слушателей или читателей; он иногда ошибается, противоречит себе, потому что впечатлительность и подвижность мысли часто мешают ему измерять каждый шаг и взвешивать каждое слово. Трудолюбивая посредственность часто найдет случай уличить его в поверхностности, в поспешности выводов, в недостаточном знакомстве с фактами, но во всех этих ошибках, в самых противоречиях видна самородная сила мысли, от них веет жизнью, и во имя этого обаятельного дыхания жизни вы охотно извините талантливому человеку отдельные пробы и недосмотры; задаться какою-нибудь теориею и не отсту-

пать от нее в течение всей своей деятельности — это невозможно для талантливого человека; оторваться от интересов действительной жизни он решительно не в состоянии; его природа слишком восприимчива и впечатлительна, чтобы не отозваться на то, «что просит у сердца ответа». Он может расходиться с своими современниками в понимании житейских вопросов и важнейших интересов эпохи, он может вступить с ними в открытую борьбу на жизнь и на смерть, но предметом этой борьбы будет действительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теория, созданная одностороннею работою мозга.

Современная критика грешит именно тем, что она задается теориями и изобретает жизнь, вместо того чтобы приглядываться и прислушиваться к звукам окружающей действительности. Бедны, однообразны эти звуки, не слагаются они в стройную гармонию — все это правда, но ведь все-таки это действительность, и самая ее бедность и однообразие представляют нам факт, способный вызвать слово сочувствия у действительного поэта или навести истинного критика на плодотворные размышления. Эту бедность не замаскируешь самыми пестрыми декорациями фантазии, да и кого обманут эти декорации? Детей, не выучившихся отличать мишуру²⁹ от золота, да тех жалких людей, у которых воображение преобладает над чувством и которые способны жить одною головою и удовлетворяться тем, что в их мозгу господствует строгая систематичность и существует гармоническое согласие между поселенными в нем идеями. Витать мыслью в радужных сферах фантазии или уноситься куда-нибудь за море к лучшему порядку вещей в то время, когда окружающие нас люди терпят горькую судьбу или несут тяжелый труд, — это такая способность сибаритства³⁰, которою обладают многие, но которая, к сожалению, недоступна человеку, одаренному живым чувством. Возле меня человек работает и страдает, терпит голод, холод и оскорбления, а я, сидя на мягком диване, после сытного обеда, боюсь даже пошевелить своею мыслью и подумать о его положении; вздохнув *ex officio*³¹ о несовершенствах жизни, я отворачиваюсь от некрасивого зрелища, отгоняю прочь серенькие впечатления и начинаю строить воздушные замки или рассуждать о парламентской реформе в Англии. Нет сомнения, что подобные спокойные и светлые размышления полезны для головы и для желудка; пульс бьется ровно, и пищеварение идет нормальным порядком, но что эти размышления — сон наяву, это, мне кажется, тоже не требует доказательств.

VI

Наша изящная словесность представляет интерес преимущественно психологический; она рассматривает человека, а не гражданина, не представителя известной эпохи, не члена известного общества. Черты народности, эпохи и общества встречаются в изобилии в создаваемых ею образах, потому что эти образы действительно художественны и, следовательно, вполне определены; но эти черты составляют только необходимые аксессуары; что же касается до главных пружин романического интереса, то они обыкновенно скрываются во внутреннем развитии отдельных характеров, в колорите личных и семейных отношений главных действующих лиц. У нас не было исторического романа, за исключением «Капитанской дочки» Пушкина³²; у нас нет до сих пор социального или нравоописательного романа. В этом отношении литература служит верным отражением жизни; у нас каждый занят собою и своим семейным бытом; гражданские доблести и патриотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всем угрожает опасность, как то было, например, в 1812 году; вызванное общею опасностью, это патриотическое чувство равносильно чувству самосохранения, возбужденному одновременно в нескольких миллионах людей. Эти миллионы поднимаются не для того, мне кажется, чтобы отстоять какую-нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются все вместе потому, что каждому отдельно грозит опасность. Эта разрозненность не подлежит сомнению. Хороша ли она или нет, это вопрос, и, мне кажется, вопрос далеко не решенный. Она мешает единству гражданского действия, но зато развивает личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также решить а priori³³, составляет ли эта разрозненность черту русского характера или простое, временное следствие внешней организации нашего общества; как бы то ни было, факт существует, и, если можно, из него нужно извлечь пользу.

Вместо того чтобы проповедовать голосом вопиющего в пустыне о вопросах народности и гражданской жизни, о которых молчит изящная словесность, обладающая большим тактом, наша критика сделала бы очень хорошо, если бы обратила побольше внимания на общечеловеческие вопросы, на вопросы частной нравственности и житейских отношений. В уяснении этих вопросов нуждается всякий; эти вопросы затемнены и запутаны разным старым хламом, который не мешало бы отодвинуть в сторону, чтобы всем и каждому можно было непредубежденными глазами

взглянуть на свет Божий и на добрых людей. С важным видом взойти на кафедру и ни с того ни с сего начать проповедь о человеческих обязанностях и добродетелях было бы, конечно, смешно; я этого и не требую от нашей критики; но вы не забудьте того, что в каждой книжке каждого толстого журнала появляются повести и романы; хорошие произведения представляют нам характеры и образы, посредственные — выражают стремления и воззрения авторов; и те и другие могут дать повод к обсуждению разных сторон нашей вседневной жизни; а эти стороны нуждаются в пересмотре и в расчищении; это выразил еще в «Петербургском сборнике» талантливый и рыцарски-честный человек, автор статьи «Капризы и раздумье»³⁴, и эта мысль нашла себе полное сочувствие в теплой душе Белинского. Отношения между мужем и женою, между отцом и сыном, матерью и дочерью, между воспитателем и воспитанником — все это должно быть обсуживаемо и рассматриваемо с самых разнообразных точек зрения. Это обсуждение не должно привести к составлению законов семейной нравственности. Боже упаси! Догматизм вреден в таких отношениях, в которых не должно быть ничего условного, в которых понятие обязанности должно совершенно уступить место свободному влечению и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убеждения об условиях домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смелому пересмотру существующие формы, освященные веками и потому подернувшиеся вековою плесенью. Говорить мельком об условной или мещанской нравственности принято в современной литературе. Слово «условная нравственность» сделалось даже общим местом; повторяясь ежеминутно, это слово потеряло свой живой смысл и обратилось в побрякушку, не пробуждающую в нас никакого определенного представления; почему это так случилось? Нас заели фразы, мы пустились в диалектику, воскресили схоластику и вращаемся в заколдованном кругу слов и отвлеченностей, которые мешают нам видеть настоящее дело. Вот, например, г. Григорьев пишет целую статью об отношении искусства к нравственности³⁵, статья по своему направлению соответствует духу времени, а между тем автор не выходит из сферы отвлеченностей и ни одного литературного типа не разбирает по отношению к затронутому вопросу; имен встречается довольно много, но по поводу этих имен высказываются замечания, относящиеся к истории литературы, но не бросающие никакого света на понятие условной и истинной нравственности. Прочитав статью в 23 стра-

ницы, читатель убеждается в том, что г. Григорьев протестует против «условной нравственности», но самое понятие «условная нравственность» остается для него так же мало определенным, как, напр[имер], выражения того же критика: «литые формы» Карамзина («Время», 1861, март) или «казовые концы»³⁶ нашего общества («Светоч», 1861, апрель)³⁷. Заявить в себе присутствие того или другого убеждения не трудно; тот факт, что вы прогрессист или обскурант, касается только вас самих и ваших ближайших знакомых; публика не нуждается в вашем голословном исповедании веры; оно ни для кого не поучительно и, может быть, даже не интересно; но если вы дадите себе труд развить отдельные мысли вашего мирозерцания, если вы покажете их приложение к делу в различных столкновениях с жизнью, тогда публика увидит степень самостоятельности и искренности ваших убеждений, степень их жизненности и практической применимости; она увидит, что можно задуматься над выраженными вами идеями, и, может быть, скажет вам спасибо за то, что вы дали ей повод к тем или другим размышлениям. Есть множество истин простых и понятных, которые, однако, не совсем легко применить даже в теоретическом рассуждении к отдельным случаям жизни. «Уважайте в себе и в других человеческую личность», — что может быть проще этого правила; вероятно, не найдется ни одного человека в мире, который решился бы спорить против этой мысли, выраженной в догматической форме; вероятно, никто не найдет этого изречения безнравственным; а между тем посмотрите вокруг себя — вы встретите на каждом шагу противоречия этому простому правилу практической нравственности; загляните в историю человечества, и вы убедитесь в том, что оно даже теоретически не уяснило себе этой идеи; религиозные войны, утопические теории, реформы с высоты административного величия или отвлеченной мысли доказывают ясно, что необходимость уважать человеческую личность не была признана во всем своем объеме ни мыслителями, от Платона до Гегеля, ни практическими деятелями, от Кира Персидского до Наполеона III. Можно сказать решительно, что приложение принципа к делу гораздо важнее самого принципа; под одним знаменем могут стоять люди самых несходных характеров и даже до некоторой степени разноречивых убеждений. Вероятно, «Русский вестник» не решится выставить на своем знамени цитату из Домостроя³⁸; вероятно, он скажет смело, что ратует за прогресс и за свободу человеческой мысли и личности, а между тем он с ожесточением восстает против тех людей, которые выразили свое неудовольствие по поводу статьи Камня Виногорова, называет их

стаею, спущенною г. Михайловым, а всю историю протеста клеймит именем возмутительного гама на площадях русской литературы. Споры возникают в наше время не столько за принцип, сколько за отдельные частности в его приложении к делу; в основном принципе все порядочные люди более или менее согласны между собою; кто не сходится с нами в основании, с тем мы считаем всякий спор совершенно бесполезным; вероятно, ни один порядочный журнал не вступит в полемику с «Домашнею беседою»³⁹ и не откликнется ни одним словом на кривляния г. Аскоченского. Из всего этого следует, что критика будет тем живее и плодотворнее для общества, чем меньше будет в ней отвлеченности и общих взглядов, чем неуклоннее она будет следить за движением жизни и чем внимательнее будет обсуживать отдельные явления науки и искусства, даже отдельные случаи вседневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, — скажут с ужасом те литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направления и за величию и строгостью идеи. — Господа, — отвечу я, — не будем обманывать самих себя: ведь мы должны писать для общества, следовательно, должны заниматься тем, что всем доступно и всем может принести пользу. Какой-нибудь общественный скандал в данную минуту интересует публику гораздо больше, нежели решение вопроса о том, существуют ли у нас западники и славянофилы; по поводу этого общественного скандала вы можете развить несколько светлых идей и заронить в ваших читателей кое-какие задатки развития и движения вперед. Спрашивается, по какому же побуждению вы не воспользуетесь этим случаем? Потому, скажете вы, что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмешаться в толпу крикунов и свистунов⁴⁰, etc., etc. Что за щепетильность, что за брезгливость, что за фешенебельное⁴¹ и в то же время педантическое презрение к тем интересам, которые волнуют окружающих вас людей! Как критик, вы должны помогать общественному самосознанию и не оставаться сложа руки, когда общество рискует ошибиться или когда является возможность высказать ему несколько истин. Олимпийское спокойствие может быть очень уместно в ученом собрании, но оно никуда не годится на страницах журнала, служащего молодому, еще не перебродившему обществу. Если ваш утонченный слух не терпит резких звуков, откажитесь от критической деятельности, приводящей вас в соприкосновение с живым и безалаберным миром людей; плохой тот медик, который бледнеет при виде крови и падает в обморок, когда нужно перевязывать рану больного; плохой тот критик, который не в состоянии вы-

нести шума житейских толков и потому может познакомиться с жизнью только по книгам, написанным высоким слогом и проникнутым олимпийским спокойствием. Но, извините, между медиком и критиком большая разница. Медик не виноват в том, что у него слабы нервы; он борется с собою и не может победить себя; что же касается до щепетильного критика, то он, очевидно, напускает на себя дурь и даже любителю тем величавым презрением, с которым он относится к суеязящейся мелюзге. «Время» говорило о литературных генералах⁴²; помилуйте, да у нас есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушат⁴³ нас, как мальчишек, за отсутствие серьезности и за то, что мы смеем беспокоить их барские уши и нарушать их величавую полудремоту. Попробуйте написать резкую критическую статью: «Отечественные записки» сейчас обвинят вас в гарцевании, в срамословии и скверномыслии (sic!)⁴⁴, а «Русский вестник» крикнет из Москвы: «Молчать, мальчишки»⁴⁵, не смейте рассуждать, когда я говорю!»

Все это было бы почти грустно, если бы не было в высшей степени смешно.

[...] ⁴⁶

VIII

Наше время решительно не благоприятствует развитию теорий. Народ хитрее стал, как выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится. Ум наш требует фактов, доказательств; фраза нас не отуманит, и в самом блестящем и стройном создании фантазии мы подметим слабость основания и произвольность выводов. Фанатическое увлечение идеею и принципом вообще, сколько мне кажется, не в характере русского народа. Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта. На этом основании, мне кажется, что ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный, здоровый и свежий материализм. Диалектика, фразерство, споры на словах и из-за слов совершенно чужды этому простому учению. До фраз мы, конечно, большие охотники, но нас в этом случае занимает процесс фразерства, а не сущность той мысли, которая составляет предмет рассуждения или спора. Русские люди способны спорить о какой-нибудь высокой материи битых шесть часов и потом, когда пересохнет горло

и охрипнет голос, отнестись к предмету спора с самою добродушною улыбкою, которая покажет ясно, что в сущности горячившемуся господину было очень мало дела до того, о чем он кричал. Эта черта нашего характера привела бы в отчаяние добросовестного немца, а в сущности это пресимпатичная черта. Фанатизм подчас бывает хорош как исторический двигатель, но в повседневной жизни он может повести к значительным неудобствам. Хорошая доза скептицизма всегда вернее пронесет вас между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистические убеждения, положенные на подкладку мягкой и добродушной натуры, сделают вас счастливым человеком, не тяжелым для других и приятным для самого себя. Жизненные переделки достанутся легко; разочарование будет невозможно, потому что не будет очарования; падения будут легкие, потому что вы не будете взбираться на недостижимую высоту идеала; жизнь будет не трудом, а наслаждением, занимательною книгою, в которой каждая страница отличается от предыдущей и представляет свой оригинальный интерес. Не стесняя других непрошенными заботами, вы сами не будете требовать от них ни подвигов, ни жертв; вы будете давать им то, к чему влечет живое чувство, и с благодарностью, или, вернее, с добрым чувством, будете принимать то, что они добровольно будут вам приносить. Если бы все в строгом смысле были эгоистами по убеждениям, т. е. заботились только о себе и повиновались бы одному влечению чувства, не создавая себе искусственных понятий идеала и долга и не вмешиваясь в чужие дела, то, право, тогда привольнее было бы жить на белом свете, нежели теперь, когда о вас заботятся чуть не с колыбели сотни людей, которых вы почти не знаете и которые вас знают не как личность, а как единицу, как члена известного общества, как неделимое, носящее то или другое фамильное прозвище. Возможность такого порядка вещей представляет, конечно, неосуществимую мечту, но почему же не отнестись добродушно к мечте, которая не ведет за собою вредных последствий и не переходит в мономанию⁴⁷. Мир мечты может тоже сделаться обильным источником наслаждения, но этим источником надо воспользоваться с крайнею осторожностью. Самый крайний материалист не отвергнет возможности наслаждаться игрою своей фантазии или следить за игрою фантазии другого человека. В первом случае на первом процессе основан процесс поэтического творчества; на втором — процесс чтения поэтических произведений. Но, с другой стороны, самый необузданный идеализм происходил именно от того, что элемент фантазии получал слишком много простора и разыгрывался в чужой области, в области мыс-

ли, в сфере научного исследования. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежат только моему воображению, до тех пор я тешусь ими, я властвую над ними и волен избавиться от них, когда захочу. Но как только яркость вызванных образов ослепила меня, как только я забыл свою власть над ними, так эта власть и пропала; образы переходят в призраки и живут помимо моей воли, живут своею жизнью, давят меня как кошмар, оказывают на меня влияние, господствуют надо мною, внушают мне страх, приводят меня в напряженное состояние. Так, напр[имер], пелазг⁴⁸ создавал свою первобытную религию и падал во прах перед созданием собственной мысли. Галлюцинация его была ослепительно ярка; критика была слишком слаба, чтобы разрушить мечту; борьба между призраком и человеком была неровная, и человек склонял голову и чувствовал себя подавленным, пригнутым к земле...

Шутить с мечтой опасно; разбитая мечта может составить несчастье жизни; гоняясь за мечтою, можно прозевать жизнь или в порыве безумного воодушевления принести ее в жертву. У так называемых положительных людей мечта принимает формы более солидные и превращается в условный идеал, наследованный от предков и носящийся перед целым сословием или классом людей. Идеал человека *comme il faut*⁴⁹, человека дельного, хорошего семьянина, хорошего чиновника, — все это мечты, которым многое приносится в жертву. Эти мечты более или менее отравляют жизнь и мешают беззаветному наслаждению. Да как же жить, спросите вы, неужели без цели? Цель жизни! Какое громкое слово и как часто оно оглушает и вводит в заблуждение, отуманивая слишком доверчивого слушателя. Посмотрим на него поближе. Если вы поставите себе целью такую деятельность, к которой стремится ваша природа, то вы дадите себе только лишний труд: вы бы сами пошли по тому пути, на который навело вас размышление; непосредственный инстинкт натолкнул бы вас на прямую дорогу, и натолкнул бы, может быть, скорее и вернее, нежели навел тщательный анализ; если же, Боже упаси, вы поставите себе цель, несовместную с вашими наклонностями, тогда вы себе испортите жизнь; вы потратите всю энергию на борьбу с собой; если не победите себя, то останетесь недовольны; если победите себя, то вы сделаетесь автоматом, чисто рассудочным, сухим и вялым человеком. Старайтесь жить полною жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности в угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и, живя таким образом, не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите.

Вас затрудняет, может быть, один вопрос: как согласить эти эгоистические начала с любовью к человечеству? Об этом нечего заботиться. Человек от природы существо очень доброе, и если не окислять его противоречиями и дрессировкой, если не требовать от него неестественных нравственных фокусов, то в нем естественно разовьются самые любовные чувства к окружающим людям, и он будет помогать им в беде ради собственного удовольствия, а не из сознания долга, т.е. по доброй воле, а не по нравственному принуждению. Вы подумаете, может быть, что я указываю вам на *état de la nature*⁵⁰, и обратите мое внимание на то, что дикари, живущие в первобытной простоте нравов, далеко не отличаются добродушием и доводят эгоизм до полнейшей животности. На это я отвечаю, что дикари живут при таких условиях, которые мешают свободному развитию характера: во-первых, они подчинены влиянию внешней природы, между тем как мы успели уже от него избавиться; во-вторых, они верят в те призраки, о которых я говорил выше; в-третьих, они более или менее стремятся к условному идеалу, и идеал у них один, потому что вся деятельность ограничивается охотой и войною; присутствие этого идеала оказывает самое стеснительное влияние на живые силы личности. Из всего этого следует заключение, что развитие неделимого можно сделать независимым от внешних стеснений только на высокой степени общественного развития; эмансипация личности и уважение к ее самостоятельности является последним продуктом позднейшей цивилизации. Дальше этой цели мы еще ничего не видим в процессе исторического развития, и эта цель еще так далека, что говорить о ней — значит почти мечтать. Набросанные мною мысли, вылившиеся из глубины души, составляют основу целого мирозерцания; вывести все последствия этих идей нетрудно, и я надеюсь, что читатель, если захочет, будет в состоянии по начертанному плану воссоздать в воображении все здание. К сожалению, наша критика не высказала до сих пор этих идей и относилась к эгоизму как к пороку, а в фокусах и подвигах самопожертвования видела высокую добродетель. До сих пор, касаясь философии жизни, она считает идеал совершенною необходимостью и в стремлении к идеалу, в сознании долга видит самые живые стороны человеческой личности и деятельности. Стремление к наслаждению она называет свойством чисто животным, но допускает, однако, что из этого же источника может развиваться благородное и высокое стремление к самосовершенствованию. Система глубоко вкоренилась в нашу нравственную философию и хозяйничает в области человеческих мыслей и чувств, не обращая никакого внимания

на самого хозяина. Теоретикам нет дела до того, что есть в наличности; они говорят: так должно быть, поворачивают все вверх дном и утешаются тем, что внесли симметрию и систему в живой мир явлений. Кто хоть понаслышке знаком с философией истории Гегеля, тот знает, до каких поразительных крайностей может довести даже очень умного человека мания всюду соваться с законами и всюду вносить симметрию. Если вы читали в «Отечественных записках» прошлого года прекрасную статью г. Вагнера «Природа и Мильн-Эдвардс»⁵¹, то вы могли убедиться в том, что в сфере естественных наук рьяное систематизирование ведет к поразительным и осязательным нелепостям. Внесенная в область человеческой нравственности, система не ведет к таким явным нелепостям только потому, что мы привыкли смотреть на вещи ее глазами; мы живем и развиваемся под влиянием искусственной системы нравственности; эта система давит нас с колыбели, и потому мы совершенно привыкаем к этому давлению; мы разделяем этот гнет системы со всем образованным миром и потому, не видя пределов своей клетки, считаем себя нравственно свободными.

Но, оставаясь для нас незаметным, это умственное и нравственное рабство медленным ядом отравляет нашу жизнь; мы умышленно раздваиваем свое существо, наблюдаем за собою, как за опасным врагом, хитрим перед собою и ловим себя в хитрости, боремся с собою, побеждаем себя, находим в себе животные инстинкты и ополчаемся на них силою мысли; вся эта глупая комедия кончается тем, что перед смертью мы, подобно римскому императору Августу, можем спросить у окружающих людей: «Хорошо ли я сыграл свою роль?»⁵² Нечего сказать! Приятное и достойное препровождение времени! Поневоле вспомнишь слова Нестора: «Никто же их не биша, сами ся мучиху»⁵³.

[...] ⁵⁴

XI

Не так давно я высказал несколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложил те идеи, которыми я руководствуюсь при разборе этих чахлых и бесцветных явлений. С тех пор, в течение трех месяцев, в которых журнальная полемика разгорелась особенно ярко, критический отдел большей части периодических изданий украсился многими любопытными статьями; эти статьи подают повод к размышлению; они подтверждают высказанные мною замечания, которые могли показаться голословными читателям моей первой статьи; поэтому я намерен воспользоваться

ими как материалом и, обсуживая их, договорить то, что было недосказано, яснее и обстоятельнее изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не восстаю против полемики, не зажимаю ушей от свиста, не проклиная свистунов; и Ульрих фон Гуттен⁵⁵ был свистун, и Вольтер⁵⁶ был свистун, и даже Гете вместе с Шиллером свистнули на всю Германию, издавши совокупными силами свой альманах “Die Xenien” («Ксении»)⁵⁷; у нас на Руси свистал часто и резко, стихами и прозой, Пушкин; свистал Брамбеус⁵⁸, которому, вопреки громовой статье г. Дудышкина «Сенковский — дилетант русской словесности»⁵⁹, я не могу отказать ни в уме, ни в огромном таланте. А разве во многих статьях Белинского не прорываются резкие, свистящие звуки? Припомните, господа, ближайших литературных друзей Белинского, людей, которым он в дружеских письмах выражал самое теплее сочувствие и уважение: вы увидите, что многие из них свистали, да и до сих пор свищут тем богатырским посвистом⁶⁰, от которого у многих звонит в ушах и который без промаха бьет в цель, несмотря на расстояние.

Оправдывать свистунов — напрасный труд: их оправдало чутье общества; на их стороне большинство голосов, и каждое нападение из противоположного лагеря обрушивается на голову самих же нападающих, так называемых людей серьезных, деятелей мысли, кабинетных тружеников, русских Гегелей и Шопенгауэров⁶¹, профессоров, сунувшихся в журналистику, или литературных промышленников, прикрывающих свою умственную нищету притворным сочувствием к вечным интересам науки. «Русский вестник» и «Отечественные записки» убиваются над развратом русской мысли и заживо оплакивают русскую литературу; их книжки — бюллетени сердобольного врача, писанные у постели больного, умирающего от последствий беспорядочной жизни. Главные благонамеренные органы нашей журналистики составляют консилиум, ищут лекарства, щупают пульс и с ужасом сообщают друг другу о быстрых успехах болезни; за ними выдвигается группа постных журналов и газет, советующих больному познать тщету и суетную гордыню дольного мира сего, воспарить духом к высотам Сионским и, отложив надежду и попечение о выздоровлении, приготовиться к мирной, христианской кончине живота. А в это время больной мечется в бреду, лепечет в лихорадочном полусне бессвязные слова, «извергает хулы», называет громкие имена всех веков и народов: Кавур, Россель, Платон, Страхов, Пальмерстон, Аскоченский... Что за сумбур! И все-то он ругает, над всем-то он смеется, все-то ему нипочем. «Белая горячка», говорят врачи. — “Delirium tremens!”⁶², важно повторяет г. Леонтьев⁶³. — «Дьяволь-

ское наваждение», шепчет, отплеываясь, Аскоченский. — «Как ему не умереть! Он отрицает общие авторитеты, все, чем красна и тепла наша жизнь», говорит печально г. Н. Ко⁶⁴.

Кто же, наконец, играет роль больного? Кто же, как не «Современник» вместе с «Русским словом»? Кто же, кроме этих двух отверженных, осмеливался относиться скептически к деятельности Росселя и Кавура⁶⁵? Кто находил сухими и бесполезными ученые труды г. Буслаева и Срезневского⁶⁶? Кто советовал сдать в архив стройные, красивые, величественные системы идеализма, внутри которых темно, сыро и холодно, как в старом готическом соборе? Кто дерзнул обвинить Гизо в историческом мистицизме⁶⁷, г. Лаврова — в неясности формы и неопределенности направления⁶⁸, г. Буслаева — в наивности и староверстве⁶⁹, г. Юркевича — в отсталости и в любомудрии⁷⁰, Н.И. Пирогова — в патриархальности педагогических приемов⁷¹, «Отечественные записки» — в вялости тона и в отсутствии направления, «Русский вестник» — в мешанском пристрастии к золотой середине⁷²?.. Можно было бы исписать десять страниц и все-таки не перечислить всех преступлений, в которых были уличены в течение 1861 года «Русское слово» и «Современник». Каждая статья составляла *crimp des autorités*⁷³, сшибая с пьедестала какой-нибудь кумир, которому кричали другие журналы: «Выдыбай, Боже!»⁷⁴ Человек в нормальном положении, в здравом уме не мог бы найти в себе столько продерзости. Статья Чернышевского о Гизо, «Полемические красоты», политические статьи Благодетель⁷⁵, «Схоластика» Писарева и его статья о Мошотте⁷⁶, рецензия стихотворений Сковороды и ответ Крестовского г. Костомарову⁷⁷, «Дневник Темного человека»⁷⁸ и «Свисток» — все это бред больного, последнее напряжение сил, за которым будет и должна следовать реакция, агония. — Аминь! — речет «Домашняя беседа», и, к своему крайнему удивлению, благонамеренные врачи русской журналистики в первый раз в жизни вторят г. Аскоченскому. Но позвольте, господа врачи, *doctores augustissimi*⁷⁹, я не понимаю вашего огорчения. Отчего же вы так взволнованы? Здоровый человек, владеющий полным рассудком, не станет беспокоиться попусту, скликать пожарную команду, когда у соседа топится овин и когда не предвидится ни малейшей опасности. Надо предположить одно из двух: или действительно свистуны сильны в области литературы, или благонамеренные люди сами больны и по расстройству нервов вздрагивают от малейшего шума. Каждая выходка «Современника» или «Русского слова» осуждается синедрионом⁸⁰ так называемых солидных журналов; осуждение обыкновенно занимает больше места, чем самая вы-

ходка; стало быть, эти выходки действительно опасны, или же, извините, вам больше не о чем говорить, и вы ловите случай, раздуваете скандал для того, чтобы наполнить книжку, и, следовательно, поступаете сами как неудавшиеся фельетонисты.

Разберем оба предположения. Кому и чему могут быть опасны выходки свистунов? Вероятно, только идеям или же таким личностям, которые перед лицом всего образованного мира служат представителями той или другой тенденции. Ведь вы, господа врачи, вступаетесь не за Козляинова, не за Вергейма⁸¹, а за Кавура, за Росселя, за историю, за философию, за серьезную науку. Всем этим лицам и идеям вы своим заступничеством оказываете очень плохую услугу. Прикосновения критики боится только то, что гнило, что, как египетская мумия, распадается в прах от движения воздуха. Живая идея, как свежий цветок от дождя, крепнет и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Пред заклинанием трезвого анализа исчезают только призраки; а существующие предметы, подвергнутые этому испытанию, доказывают им действительность своего существования. Если у вас есть такие предметы, до которых никогда не касалась критика, то вы бы хорошо сделали, если бы порядком встряхнули их, чтобы убедиться в том, что вы храните действительное сокровище, а не истлевший хлам. Если же вы для себя уже сделали этот опыт, то позвольте же и другим сделать то же для себя. Вы, положим, убеждены в том, что умозрительная философия есть мать всех добродетелей и источник всякого благосостояния. А вот для меня, напр[имер], это положение составляет еще недоказанную теорему. Что же, мне вам на слово прикажете верить? Или прикажете до тех пор не писать ничего, пока не выработаю себе абсолютно верного, незыблемого убеждения, пока не превращу в аксиомы все теоремы? На второй мой вопрос вы ответите утвердительно, а я вам докажу сейчас, что этот утвердительный ответ — нелепость. Каждое поколение разрушает мирозерцание предыдущего поколения; что казалось неопровержимым вчера, то валится сегодня; абсолютные, вечные истины существуют только для народов неисторических, для эскимосов, папуасов и китайцев. Вы мне скажете, что $2 \times 2 = 4$ — абсолютная истина для всех веков и народов, а я вам отвечу, что $2 \times 2 = 4$ не есть идея; тут подлежащее повторяется в сказуемом; в первой и второй части уравнения предмет один и тот же, и изменяются только формы выражения. «Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками» — это тоже не идея; вы тут связываете между собою не два предмета, а два названия, из которых одно сжато, другое пространно. Эти так называемые математические истины

могут быть сведены на общую формулу определения: «Остров есть кусок земли, окруженный со всех сторон водою». Тут объясняется слово, а не предмет. Кроме того, математические *определения* вообще имеют дело с рамками, с самыми общими, совершенно бесцветными отвлеченностями, к которым человек не может иметь никаких личных отношений. *Два, прямая линия* — все это не предметы, не явления жизни, а рамки, в которые можно вставить что угодно. Математические истины незыблемы, потому что они безжизненны; вне математики, посмотрите куда угодно, все понятия наши о природе и человеке, о государстве и обществе, о мысли и деятельности, о нравственности и красоте меняются так быстро, что последующее поколение не оставляет камня на камне в мирозерцании предыдущего. Кто устал идти, тот может сесть в стороне от дороги и помириться с тем, что его обгонят. Так сделал «Русский вестник», так поступил г. Тургенев. Мнения «Русского вестника» соответствовали требованиям нашего общества года три тому назад; теперь они многим покажутся ретроградными. Образ Елены в «Накануне»⁸² мог казаться безукоризненно прекрасным года три тому назад; в 1860 году в нем уже могли заметить несмелые отношения автора к идее равноправности мужчины и женщины.

Вы видите таким образом, что не писать до тех пор, пока не установятся убеждения, — значит без толку пожертвовать лучшими годами деятельности. Убеждения ваши *остановятся* на каком-нибудь результате только тогда, когда вместе с костями и хрящами начнет твердеть и сохнуть мозг; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работою жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали в молодости; остановившись, вы начинаете жить прошедшим, и если вы писатель, то этим же прошедшим вы делитесь с публикой. А прошедшее движущемуся обществу может дать материалы для размышления, а не норму для деятельности. Стало быть, ваши слова будут живее и плодотворнее, если вы выскажете их тогда, когда ваша личность и деятельность еще принадлежат будущему. Страстный бред или пылкая диалектика юноши всегда западают в душу слушателя глубже и шевелят ее живее, чем мудрый совет старика, высказанный осторожно, бесстрастно и торжественно. Юноша способен ошибаться, — согласен, но зато он и не учит общества, не читает лекции; он сам ищет, сам стремится, а стремление к истине, поступательное движение всегда лучше обладания ею уже потому, что последнее есть самообольщение, а первое — действительный факт. Итак, позвольте людям, не

достигшим крайних пределов своего развития, т. е. еще не остановившимся, — говорить, писать и печатать; позвольте им встряхивать своим самородным скептицизмом те залежавшиеся вещи, ту обветшалую рухлядь, которые вы называете общими авторитетами и которые, по вашему признанию, греют и красят вашу жизнь. Согласитесь с тем, что «спрос — не беда» и что общему авторитету не больно оттого, что его подвергнут сомнению. Если авторитет ложный, тогда сомнение разобьет его, и прекрасно сделает; если же он необходим или полезен, тогда сомнение повертит его в руках, осмотрит со всех сторон и поставит на место. Словом, вот *ultimatum* нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть⁸³. Клеветать, конечно, не следует; лгать в фактах — нехорошо, но в подобной лжи еще никто не уличил свистунов; их уличали в ложных воззрениях, а воззрения не могут быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше воззрение, третье, четвертое и т.д. Которое истинно? Для каждого свое, и потому я совершенно согласен со словами г. Н. Ко., которые он хотел сказать мне *в пику*: «Давайте все мыслить самостоятельно, и чур! — один другому не мешать»⁸⁴. Нашел в чем упрекнуть! в самостоятельности мысли. Давай Бог побольше таких обличителей, которые, желая обругать, говорят комплименты.

Я заметил выше, что серьезные журналы делают из мухи слона, потому что им больше нечего делать; это положение я поддерживаю; только полнейшая умственная праздность может возводить в событие каждую статью «Свистка», каждую выходку Темного человека⁸⁵.

Люди толкуют о серьезных интересах науки и общества и в то же время сотни страниц посвящают г. Чернышевскому, которого сами называют свистуном и верхоглядом. И что это за страницы! Сколько глубокомыслия, сколько пронизательной критики, сколько высоконравственного негодования тратится на опровержение «Полемиических красот»! Судя по тому значению, которое придают г. Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедический словарь дойдет до буквы Ч⁸⁶, то ему будет посвящена обширная статья. Подлинно, г. Чернышевский имеет полное право произнести известное стихотворение Пушкина: «*Ex ungue leonem*», кончающееся так:

Я по ушам узнал его как раз⁸⁷.

[...] ⁸⁸

XV

Статья г. Бестужева-Рюмина⁸⁹ направлена против статьи г. Чернышевского «О причинах падения Рима». Бестактность редакции «Отечественных записок» обнаруживается вполне в помещении этой статьи в августовской книжке. Статья г. Чернышевского напечатана в мае. Спрашивается, отчего г. Бестужев-Рюмин ждал два месяца и пустил свою статью именно после июльских «Полемических красот»? Вот единственный возможный ответ: «Отечественные записки» верны тому принципу, который с детскою откровенностью высказал г. Альбертини. Г. Чернышевский вдвойне враг их: как член редакции «Современника» и как автор «Полемических красот»; его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Г. Бестужеву-Рюмину попадается в руки подлая книга Дюбуа-Гюшана о Римской империи⁹⁰. Чернышевский тоже писал о Римской империи. Прекрасный случай! Как отказать себе в удовольствии поставить рядом имена Дюбуа и Чернышевского; как не провести между ними параллели. Общего нет ничего — ни во внешности, ни в содержании, ни в направлении их трудов нет ни малейшего сходства, но зато впечатление на читателя будет произведено; иной доверчивый добряк (а на такую публику, кажется, сильно рассчитывают «Отечественные записки») в самом деле поверит, что Чернышевский и Дюбуа-Гюшан — одного поля ягоды; вот и цель сопоставления будет достигнута.

Позднее появление статьи г. Бестужева-Рюмина и ее заголовок предрасполагают против нее; трудно себе представить, чтобы человек мог написать что-нибудь хорошее, когда он берется за перо с твердым намерением очернить своего противника. Искреннее воодушевление, кипучая диалектика, разительные доводы возможны при полемике только в том случае, если вы спорите как представитель известной идеи. Если же существуют личные отношения между полемизирующими сторонами и если эти личные отношения всплывают в споре, тогда полемика превращается в перебранки, надоедает публике и возбуждает в ней законное презрение. Чтение статьи г. Бестужева-Рюмина оправдало мое неприязненное предрасположение. Говоря о Дюбуа-Гюшане, он ни с того, ни с сего вставляет язвительные (по его мнению) намеки насчет поверхностности убогих фельетонистов, которые, черпая «свои идеи из юмористических стишков, а познания из кой-каких полубеллетристических книг», ненавидят «самое имя науки», потому что «некогда профессор срезал его на экзамене на каких-нибудь грамматических формах», и так далее, в том же ядовитом роде.

Не правда ли, намеки так тонки, что читатель, не приготовленный специально, т.е. не знающий скрытых страданий серьезного журнала, не поймет, в чей огород г. Бестужев-Рюмин мечет камни. Он говорит, что, встречаясь с произведением такого убогого фельетониста, «можно только улыбнуться и пойти прочь; избиение невинных — дело очень легкое и потому мало привлекательное». Какой шутник г. Бестужев-Рюмин! Он в продолжение двух месяцев собирался *улыбнуться*, а *пойти прочь* решается, только написавши 15 страниц; и все это ради убогого фельетониста, ради невинного малютки, г. Чернышевского, которого наш ученый критик может так легко убить статью, взмахом могучего пера. Только серьезные люди способны шутить так естественно, мило и, главное, правдоподобно, как шутит г. Бестужев-Рюмин. Серьезная часть статьи представляет в патологическом отношении такое же замечательное явление, как и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана, нравственное состояние современной французской литературы, римский мир, цезаризм и наполеонизм — все это только декорации; живет и действует среди этой грандиозной обстановки все то же лицо, убогий фельетонист, которого не стоит даже оспаривать. Образ г. Чернышевского, как неотвязчивый призрак, как мысль о любимой женщине, преследует г. Бестужева-Рюмина, и наконец, наскоро развязавшись с Дюбуа, пустив стороною несколько тяжеловесных сарказмов в школьников, вооружающихся «детской пращою против голиафов умственного мира», наш ученый критик всецело посвящает себя статье г. Чернышевского. Статьи этой он, однако, не понимает. Как и следует ожидать, он, как сотрудник «Отечественных записок», останавливается на букве и не возвышается до идеи. «Г. Чернышевскому, — говорит он, — захотелось доказать, что новым обществам не грозит той катастрофы, которая разрушила древний мир». Помилуйте, г. Бестужев-Рюмин. Чтобы доказывать такую штуку, надо быть Кифою Мокиевичем⁹¹, а не г. Чернышевским. Кто же боится подобной катастрофы? Даже заклятые русофилы⁹² перестали называть Запад гнилым и предрекать ему неминуемое разложение. Как же это вошла в голову Чернышевского мысль доказывать то, против чего никто не спорит, о чем даже никто (кроме Дюбуа-Гюшана разве) не говорит? Статья Чернышевского вызвана книгою Гизо, появившеюся в русском переводе⁹³; в этой статье г. Чернышевский восстает против исторического мистицизма и исторического фразерства, которые можно заметить даже у такого строгого мыслителя, как Гизо. Большинство историков, в том числе и доктринер Гизо, говорят, что древний мир должен был пасть; что его опрокинула не стихийная

сила, не германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими-то *chargés d'affaires*⁹⁴ исторического промысла, являются потому, что понадобились живые соки в историческом организме. Словом, эти историки видят в цепи событий общую разумную идею. Г. Чернышевский смотрит на вещи проще и хладнокровнее. Он говорит, что за классическою цивилизациею наступило варварство не потому, что так было необходимо, а потому, что так случилось. Классический мир погиб оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваров, он бы жил до сих пор и, наверно, выработал бы себе и новые идеи, и новые стремления, и новые бытовые формы. Против этого возражать мудрено. Как же бы в самом деле погибла классическая цивилизация, если бы никто не разорял городов, не жег книг и не бил людей? Положим, пролетариат бы с каждым годом увеличивался, — что ж из этого? Если вы слишком натянете струну — она лопнет. Если голодный народ дойдет до крайней степени страдания — он взбунтуется. Так или иначе произойдет переворот; оппозиция сделается правительством, и пойдут новые порядки. Как бы ни было тяжело жить, а не могли же все жители Рима разбежаться в леса, уничтожить свои жилища и превратиться в полудиких. Все эти события, обозначающие собою падение цивилизации, возможны только при напоре грубой материальной силы, т.е. опять-таки при нашествии варваров или, что почти то же самое, при геологическом перевороте. Стало быть, основная мысль г. Чернышевского остается верною: не будь варваров, не было бы и падения древней цивилизации. Внутренней необходимости падения не было. Но, доказывая верную мысль, г. Чернышевский, как с ним часто бывает, заходит слишком далеко и впадает в парадокс. Он начинает утверждать, что общество не бывает ни молодым, ни зрелым, ни старым, что изменяются и старятся только отдельные люди и что на место 20-летнего Петра выдвигается 20-летний Иван, потом 20-летний Андрей, обладающий тою же свежестью сил и теми же юношескими стремлениями, какими в свое время обладали состарившиеся Иван и Петр. Парадоксальное положение это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: г. Чернышевский, неужели вы думаете воспитать вашего сына в тех идеях, в каких вас самих воспитали ваши родители? Г. Чернышевский, неужели вы теперь пишете то же самое, что в 1841 году писал барон Брамбеус? Г. Чернышевский, неужели вы разделяете верования и предрассудки вашего дедушки? или неужели ваш дедушка с удовольствием прочел бы вашу статью об антропологическом принципе? Ответив себе на эти вопросы, г. Чернышевский немедленно убедится в том, что

он теперь не то, чем был лет 20 тому назад его отец, и что сын его (г. Чернышевского) будет лет через 20 не то, что теперь г. Чернышевский. Убедившись в этом, он допустит для общества возможность крепнуть и дряхлеть, но все-таки никогда не согласится с тем, чтобы общество могло одичать, а цивилизация погибнуть без внешнего напора материальной силы.

Философскую часть статьи г. Чернышевского г. Бестужев-Рюмин совершенно оставляет без внимания. Он приступает к разбору журнальной критической статьи как к оценке специального исторического исследования. Он сражается не с идеею, а с отдельными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. «Точно ли, — спрашивает он, — Риму нужно было ждать варваров, чтобы погибнуть? Что же, Марий с своими когортами, Сулла с проскрипциями, триумвиры с своими знаменитыми жертвоприношениями были лучше варваров?.. Не изменилось ли под влиянием всех этих событий римское общество, не переменялся ли самый состав его, не перемешались ли его элементы?» Ну, что же из этого следует? — Общество изменяется, элементы перемешиваются, а классическая цивилизация все-таки живет, и люди все-таки не превращаются в дикарей, несмотря ни на когорты Мария, ни на проскрипции Суллы, ни на жертвоприношения триумвиров. Но приходят варвары, режут целые населения, сжигают города, — и цивилизация тонет в крови, задыхается под пеплом и мусором. Вы сами, г. Бестужев-Рюмин, возражая г. Чернышевскому, говорите то, что сказал он в своей статье. После Мария, Суллы и триумвиров классический мир дышал целые пять столетий, сопротивляясь даже внешнему напору германцев. А если бы не было этого внешнего напора, мы не знаем, как бы повернулись дела. Протест против военного деспотизма, против угнетения рабов, против господствовавшего разврата слышался с разных сторон; протестовали философы, поэты, историки; протестовали жизнью и смертью христианские мученики, египетские терапевты и чисто эллинские новоплатоники. В законодательстве и в судебной практике замечаются около времени Антонинов некоторые смягчения, участь рабов облегчается, увольнение раба становится легче и прочнее. Очень правдоподобно, что древний мир извернулся бы своими средствами, если бы его не скрутили внешние обстоятельства. Мало того, иначе даже и не могло бы случиться. Мыслимо ли, чтобы какой-нибудь народ умер естественною смертью, если его не теснят снаружи? А ведь древний мир представлял собою, как выражается сам г. Бестужев-Рюмин, «конгломерат народов». Каково бы ни было истощение его духовных сил, а умереть он не мог. Пе-

реворот был неизбежен, но самый этот переворот и предупредил бы гибель; как только зло или, проще, неудобство общественного устройства становится невыносимым для большинства граждан, так это устройство и сваливается, как засохший струп, как бесполезная чешуя. Так, без сомнения, случилось бы и с Римом. Но г. Бестужев-Рюмин, как идеалист, не может помириться с трезвым воззрением г. Чернышевского. «Жаль, — говорит он, — что вы не взглянули на Римскую империю еще с другой, весьма поучительной точки зрения. В Риме материальная цивилизация была доведена до последних пределов; житейский комфорт, роскошь — все это развивалось до размеров громадных. Кажется, чего бы лучше; человечество должно бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и с ними, как непобедимо доказывает г. Дюбуа, обходились человеколюбиво... Чего же недоставало Риму? Тех учреждений, которыми он некогда был силен, и тех деятелей, тех воззрений, которые немислимы в душной атмосфере цезарского Рима. Вот чего ему недоставало; недоставало сознания, что «не о хлебе едином жив будет человек», недоставало даже возможности и силы всецело принять в себя это сознание».

Это место характерично как по своей фразистости, так и по полному незнанию предмета, которое обнаруживает в нем г. Бестужев-Рюмин. Разврат, чувственность, преобладание материи над духом — вот те свойства, которые сплеча приписывают древнему миру люди, знающие его кое-как, из вторых и третьих рук. «Древний Рим утопал в роскоши и в разврате; древние доблести его померкли», — скажет вам любой гимназист по Кайданову или Смагдаву; то же самое говорит нам и серьезный критик. «Риму недоставало сознания, что не о хлебе едином будет жив человек», т.е. недоставало аскетизма. Странно! Справьтесь с любой историей древней философии (возьмите, напр[имер], 4-й том Генриха Риттера) — и вы увидите, что во времена императоров философы всех школ (кроме эпикурейцев) сошлись между собою в аскетических и мистических стремлениях. Но что же мог сделать аскетизм? Высосать те живые силы, которые могли составить энергическую оппозицию. Так он и сделал. Чистые аскеты, новоплатоники и новопифагорейцы удалились в мир призраков и галлюцинаций, изморили себя постною пищею и пустыми обрядами и, стремясь стать выше земного, сделались не способны ни к чему земному. У них были живые идеи, но эти идеи были завалены хламом самоистязания и фантазерства, — тем сознанием, над которым умиляется г. Бестужев-Рюмин. Чего другого, а аскетизма и суеверия

было в Риме довольно. Изумительно также то проворство, с которым г. Бестужев-Рюмин отделяется от рабства, составляющего самую больную сторону древней цивилизации. Шутка ли это над г. Чернышевским или действительное мнение г. Бестужева-Рюмина — все равно. В нашем молодом обществе шутить вещами, подобными рабству, — неуместно; обходить такие вопросы в серьезной статье серьезного журнала или относиться к ним слегка — просто непозволительно. Это значит играть словами, маскируя от читателя их истинный смысл. «Нет, г. Чернышевский, мало одной материальной цивилизации, мало накормить народ, — продолжает наш критик, — надо еще способствовать его развитию; а этого Рим не мог сделать». Я узнаю в этих словах дух того журнала, в котором был помещен проект г. Щербины о «читальнике»⁹⁵. Учить народ, пускать в продажу правительственным путем книги для чтения — все это дело известное. А не лучше ли бы было «накормить народ», не заваливая его непосильною работою. Досуг и материальное довольство порождают цивилизацию; упрочьте экономический быт, обеспечьте материальную сторону, и народ скорее чем вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудок как-то плохо действует книжное учение. «Отечественные записки» говорят: «Помогайте народу развиваться», а мы говорим: «Не мешайте народу, удалите препятствия, он сам разовьется». Кто из нас прав?

Далее г. Бестужев-Рюмин винит статью г. Чернышевского в том, что ее последнее слово — «преобладание материальных интересов над всеми другими условиями существования общества, т.е. именно то, что так долго старались втолковать нам, и, кажется, не без успеха, но от чего пора нам излечиваться: общества чисто материальные создают “движимый кредит”, книгу г. Дюбуа и цезаризм». Что значат слова: «что так долго старались втолковать нам»? Кто же это втолковал нам доктрину материализма? Да и возможна ли пропаганда материализма в таком обществе, где до наших времен, до нынешнего года существовало крепостное право? Ведь только идеалистическое воззрение, говорящее, что высокая степень духовного развития дает право одному человеку брать опеку над другим, только такое воззрение, говорю я, может оправдывать порабощение личности. Да и кроме того, пора взять в толк, что неудовлетворение какой бы то ни было материальной потребности кладет непреодолимое препятствие дальнейшему развитию, физическому, духовному, нравственному, интеллектуальному — какому угодно, назовите, как хотите. Когда человек голоден — прежде всего накормите его; когда у человека спина болит от побоев — позаботьтесь прежде всего о том, чтобы вылечить его и обеспечить его

от подобных пассажей на будущее время; когда человек изнурен непосильною работою — дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страдание личности, а потом учить ее и развивать, или, даже лучше всего, предоставить это дело на благоусмотрение каждого отдельного лица, давая средства желающим и снимая путы с связанных. Аргумент, приводимый г. критиком: «общества чисто материальные создают движимый кредит» и т.д., — звонкая фраза. Вообразите себе, что даровитый молодой человек в течение 20 лет жизни испытывает разные неудачи, утраты и разочарования; в 40 лет он старик по взгляду на жизнь; он полнейший материалист, скептик в отношении к людям, эгоист в общепринятом, узком смысле этого слова, человек сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно ли вы поступите, если свалите на счет его материалистических убеждений причину всех его недостатков? Эти недостатки пришли к нему вместе с материалистическими убеждениями, но не вследствие этих убеждений; этого человека окислила жизнь; эта же жизнь дала ему трезвость взгляда, в которой надо видеть искупающую сторону, возмездие за понесенные страдания и испытанные нравственные повреждения. Путей, ведущих к материалистическим убеждениям, очень много; одни легче, другие тяжелее, один дойдет до них простым, теоретическим размышлением, не состарившись душою, или, точнее, чувствами, другой доберется до них жизнью и купит их дорогою ценою молодости и свежести; винить в этом он все-таки должен не воспринятые убеждения, а обстоятельства своей собственной жизни.

Что применяется к отдельному человеку, то можно применить и к обществу. Современное французское общество испорчено политическими событиями последнего пятидесятилетия; лучшие французские писатели сознаются в том, что ряд неудачных революций породил поколение людей, смотрящих на государственные перевороты как на азартную игру и ставящих на карту последнюю копейку, в надежде пробить себе дорогу к почестям, удовлетворяющим требованиям мелкого самолюбия. Играя таким образом великими словами и интересами, эти господа дошли до политического скептицизма, до меркантильности и вместе с тем добрались, путем чистого опыта, до материалистических убеждений. Материалист может быть брюнетом и блондином, честным и бесчестным человеком, страстным и холодным — неужели же все эти свойства выработались из его умственных убеждений? Повторяю, аргумент г. Бестужева-Рюмина — просто звонкая фраза. Вся критическая статья его не современна ни по своему направлению, ни

по своей фактической стороне. Изложение ее неясно, доказательств неубедительны и разбросаны. Полемическая тенденция бросается в глаза читателю и не гармонирует с тоном серьезного беспристрастия, который автор напрасно усиливается принять и выдержать до конца.

[...]⁹⁶

«ГЛУПАЯ КНИЖОНКА ШЕДО-ФЕРРОТИ...»⁹⁷

Глупая книжонка Шедо-Ферроти⁹⁸ сама по себе вовсе не заслуживает внимания, но из-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживает в нем и патриотический жар, и литературный талант. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, как маневр нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнее самого Шедо-Ферроти, но что делать, мы покуда от них зависим, мы с ними боремся, — стало быть, надо же взглянуть в глаза нашим естественным притеснителям и врагам.

Обскурантов⁹⁹ теперь, как известно, не существует. Нет того квартального надзирателя, нет того цензора, нет того академика, нет даже того великого князя, который не считал бы себя умеренным либералом и сторонником мирного прогресса. Считая себя либералом, как-то неловко сажать людей под арест или высылать их в дальние губернии за печатно выраженное мнение или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоит из либералов, начинает это чувствовать. Александру Николаевичу¹⁰⁰ совестно сослать Михайлова и Павлова¹⁰¹; сослать-то он их сослал, но, боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! — Студенту Лебеву¹⁰² проломили голову, но правительству тут же сделалось так прискорбно, что оно напечатало в газетах объяснения: так и так, дескать, это случилось по нечаянности, ножами жандармской сабли. Словом, наше либеральное правительство уважает общественное мнение и для своих мирно прогрессивных целей пускает в ход благородные средства, как то: печатную гласность. Валуев и Никитенко сооружают газету с либеральным направлением¹⁰³, и при этом продолжают все-таки преследовать честную журналистику доносами и цензурными тисками. Публицист III-го Отделения барон Фиркс, Шедо-Ферроти тоже¹⁰⁴, по поручению русского правительства, пишет и печатает в Берлине брошюры без цензуры; великодушное правительство смотрит сквозь пальцы на ввоз этого заказанного, но официально запрещенного товара; его продают открыто в книжных лавках; не давая своего

официального разрешения, правительство упрочивает за книжкою заманчивость запретного плода; допуская и поощряя из-под руки продажу книжки, правительство обнаруживает свое великодушие. О, как все это тонко, остроумно и политично! А между тем журналам не позволяют разбирать книжонку¹⁰⁵; Шедо-Ферроти, как прошлую осень Борис Чичерин, объявляются личностями священными и неприкосновенными¹⁰⁶. — Горбатого одна могила исправит; наши умеренные либералы ни при каких условиях не сумеют быть честными людьми, наше правительство никогда не отучится от николаевских замашек. У него есть особенный талант оподлять всякую идею, как бы ни была эта идея сама по себе благородна и чиста. Например, все порядочные люди имеют привычку на печатное обвинение отвечать также печатно и защищаться, таким образом, тем же оружием, каким вооружен противник. Наше правительство захотело доказать, что оно тоже порядочный человек. Находя, что Герцен несправедливо обвинил его, наше правительство высылает своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведение Шедо-Ферроти впущено в Россию, а сочинения Герцена остаются запрещенными. Публика видит, что Герцена отделяют, а того она не видит, за что его отделяют¹⁰⁷. Конечно, и «Полярная звезда», и «Колокол», и «Голоса из России»¹⁰⁸, и грозное «Под суд!»¹⁰⁹ известны нашей публике, но ведь все эти вещи провозятся и читаются вопреки воле правительства; стало быть, если оценивать только намерения правительства, то надо будет убедиться в том, что оно хочет чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять в свою очередь. Чернить человека, которого сочинения строжайше запрещены! Подло, глупо и бесполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герцене, правительство, очевидно, хочет продиктовать обществу мнения на будущее время. Это видно по тому, что мнения, противоположные мыслям Шедо-Ферроти, не допускаются в печати. Правительство сражается двумя оружиями: печатною пропагандою и грубым насилием, а у общества отнимается и то единственное средство, которым оно могло и хотело бы воспользоваться. Обществу остается или либеральничать с разрешения цензуры, или идти путем тайной пропаганды, тем путем, который повел на каторгу Михайлова и Обручева¹¹⁰. Хорошо, мы и на это согласны; это все отзовется в день суда, того суда, который, вероятно, случится гораздо пораньше второго пришествия Христова.

Из чтения брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатление. Нас порадовало то, что при всей своей щедрости

правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Приятно видеть, что правительство не умеет выбирать себе умных палачей, сыщиков, доносчиков и клеветников; еще приятнее думать, что правительству не из чего выбирать, потому что в рядах его приверженцев остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что не способно по-человечески мыслить и чувствовать.

Брошюра Шедо-Ферроти имеет две цели: 1) доказать, что петербургское правительство не имеет ни надобности, ни желания убить Герцена, 2) осмеять и обругать при сем удобном случае Герцена, как пустого самохвала и как загордившегося выскочку.

Чтобы доказать первое положение, Шедо-Ферроти утверждает, что Герцен вовсе не опасен для русского правительства и что, следовательно, даже III Отделение не решится убить его. Процесс доказательств идет так: убивают только таких людей, от смерти которых может перемениться весь существующий порядок вещей в одном или в нескольких государствах; если Герцен, получая подметные письма о намерениях русского правительства, верит этим письмам, тогда он считает себя особою европейской важности и, следовательно, обнаруживает глупое тщеславие; если же он, не веря этим письмам, поднимает гвалт, тогда он пустой и вздорный крикун.

Весь этот процесс доказательств рассыпается, как карточный домик. Во-первых, правительства ежегодно убивают несколько таких людей, которые могли бы оставаться в живых, вовсе не нарушая существующего порядка. Дезертир, которого запарывают шпицрутенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунин¹¹¹, которого захватили обманом, Михайлов, Обручев, поручик Александров¹¹² вовсе не особы европейской важности, а между тем правительство заживо хоронит их в рудниках и в крепостях. Правительство вовсе не так дорожит жизнью отдельного человека, чтобы казнить и миловать с строгим разбором. Ведь турецкий султан и персидский шах вешают зря, как вздумается, а, кажется, в наше время только учебники географии проводят различие между деспотическим правлением и правлением монархическим, неограниченным. На основании какого закона повешено пять декабристов¹¹³? А если правительство казнит по своему произволу, то отчего же оно не может, по тому же произволу, подослать убийцу? Где разница между казнью без суда и убийством из-за угла? В наше время каждый неограниченный монарх поставлен в такое положение, что он может держаться только непрерывным рядом преступлений. Чтобы подданные его не знали о своих естественных

человеческих правах, надо держать их в невежестве — вот вам преступление против человеческой мысли; чтобы случайно просветившиеся подданные не нарушали субординации, надо действовать насилием — вот еще преступление; чтоб иметь в руках орудие власти — войско, надо систематически уродовать и забивать несколько тысяч молодых, сильных, способных людей — опять преступление. Идя по этой дороге преступлений, нельзя отступать от убийства. Посмотрите на Александра II: в его личном характере нет ни подлости, ни злости, а сколько подлостей и злодеяний лежит уже на его совести! Кровь поляков, кровь мученика Антона Петрова¹¹⁴, загубленная жизнь Михайлова, Обручева и др[угих], нелепое решение крестьянского вопроса¹¹⁵, история со студентами¹¹⁶ — на что ни погляди, везде или грубое преступление или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко делаются злодеями. Преступление, на которое никогда не решился бы Александр II как частный человек, будет непременно совершено им как самодержцем всея России. Тут место портит человека, а не человек место.

Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тот свет, то, вероятно, в этом не нашли бы ничего удивительного те люди, которые знают, что делалось в Варшаве и Казанской губернии. Но допустим даже, что наше правительство не намеревалось убить Герцена; из этого еще вовсе не следует, чтобы III Отделение не могло написать к нему несколько писем, наполненных глупыми угрозами и площадной бранью; судя по себе, Бруты и Кассии¹¹⁷ нашей тайной полиции могли надеяться, что Герцена можно запугать; чтобы разом покончить все эти нелепые проделки, Герцен написал и напечатал письмо к представителю русского правительства. Этим письмом он заявил публично, что если бы за угрозами последовали действия, то вся тяжесть подозрения упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшие к Герцену письма, должны были увидеть, что Герцен их угроз не боится. Следовательно, им осталось или действовать, или замолчать. Действовать они не решились — духу не хватило; замолчать тоже не хотелось; ведь они думают, что прав тот, кто сказал последнее слово; вот они и выдумали пустить против Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметных писем не подлежит сомнению; недаром же Шедо-Ферроти на двух языках отстаивает перед Россией и перед Европою нравственную чистоту III-го Отделения. Свой своему поневоле друг.

Шедо-Ферроти плохо защитил правительство: он ничем не доказал, что оно не могло иметь намерения извести Герцена, или, по

крайней мере, запугать его угрозами. Усилия его оклеветать и оплевать Герцена еще более неудачны. Шедо-Ферроти, этот умственный пигмей, этот продажный памфлетист, силится доказать, что Герцен сам деспот, что он равняет себя с коронованными особами, что он только из личного властолюбия враждует с теперешним русским правительством. Доказательства очень забавны. Герцен деспот потому, что не согласился напечатать в «Колоколе» ответ Шедо-Ферроти на письмо Герцена к русскому послу в Лондоне. Да какой же порядочный редактор журнала пустит к себе Шедо-Ферроти с его остроумием, с его казенным либерализмом и его пристрастием к III-му Отделению? Герцен не думает запрещать писать кому бы то ни было, но и не думает также открывать в «Колоколе» богадельню для нравственных уродов и умственных паралитиков, подобных Шедо-Ферроти. Панегирист¹¹⁸ III-его Отделения требует, чтобы его статьям было отведено место в «Колоколе»; в случае отказа он грозит Герцену, что будет издавать свои произведения отдельно с надписью: «запрещено цензурою «Колокола»». Вот испугал-то! Да все статьи Булгарина, Аскоченского, Рафаила Зотова, Скарятин, Модеста Корфа¹¹⁹ и многих других достойных представителей русской вицмундирной мысли запрещены цензурою здравого смысла. Приступая к изданию своего журнала, Герцен вовсе не хотел сделать из него клоаку¹²⁰ всяких нечистот и нелепостей. Эпиграфом к «Полярной звезде» он взял стих Пушкина: «Да здравствует разум!»¹²¹ Этот эпиграф прямо и решительно отвергает всякое ханжество, всякое раболепство мысли, всякое преклонение перед грубым насилием и перед нелепым фактом. «Да здравствует разум», и да падут во имя разума дряхлый деспотизм, дряхлая религия, дряхлые стропила современной официальной нравственности! Всякие попытки мирить разум с нелепостью, всякое требование уступок со стороны разума (нравственности) противоречит основной идее деятельности Герцена. Если бы даже Шедо-Ферроти был просто честный простачок, верующий в возможность помирить стремления к лучшему с существованием нашего средневекового правительства, то и тогда Герцен, как человек, искренно и честно служащий своей идее, не мог бы поместить в «Колоколе» его старушечью болтовню. Но теперь, когда все знают, что он наемный агент III-его Отделения, теперь его претензии печатать свои литературные доносы в «Колоколе» кажутся нам в то же время смешными и возмутительными по своей беспримерной наглости.

Шедо-Ферроти упрекает Герцена в том, что тот будто бы сравнивает себя с коронованными особами. В этом упреке выражается

как нравственная низость, так и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простым человеком и помазанником Божиим? И какая же охота честному деятелю мысли сравнивать себя с царственными лежебоками, которые, пользуясь доверчивостью простого народа, поедают вместе со своими придворными деньги, благосостояние и рабочие силы этого народа? Если бы кто-нибудь вздумал провести параллель между Александром Ивановичем Герценом и Александром Николаевичем Романовым, то, вероятно, первый серьезно обиделся бы такому сравнению. Но посмотрим, на чем же Шедо-Ферроти основывает свое обвинение? «Вы убеждены, — пишет он Герцену, — что Вы не только либерал, но и социалист-республиканец, враг монархическому началу, а поминутно у вас выскакивают выражения, обнаруживающие несчастное расположение сравнивать себя с царствующими особами. В письме к барону Бруннову¹²², сказав, что Вы не допускаете мысли, чтобы император Александр II вооружил против Вас спадассинов¹²³, Вы присовокупляете: “я бы не сделал этого ни в каком случае”. В том же письме, говоря об убийцах, разосланных за моря и горы *den Dolch im Gewande*¹²⁴, и цитируя стихи Шиллера, Вы опять сравниваете себя с царствующим лицом, с Дионисием Сиракузским. Наконец, само оглавление (заглавие) статей “Колокола”, извещающих всю Европу о грозящей Вам опасности: “Бруты и Кассии III-го Отделения”, содержит сравнение с одним из колоссальнейших исторических лиц, Брут и Кассий были убийцами Юлия Кесаря¹²⁵».

Шедо-Ферроти, как умственный пигмей и как сыщик III-го Отделения, вполне выражается в этой тираде. Он не может, не умеет опровергать Герцена в его идеях; поэтому он придирается к случайным выражениям и выводит из них невероятные по своей нелепости заключения; эта придиричность к словам составляет постоянное свойство мелких умов; кроме того, она замечается особенно часто в полицейских чиновниках, допрашивающих подозрительные личности и желающих из усердия к начальству сбить допрашиваемую особу с толку и запутать ее в мелких недоговорках и противоречиях. Вступая в полемику с Герценом, Шедо-Ферроти не мог и не умел отстать от своих полицейских замашек. Адвокат III Отделения остался верен как интересам, так и преданиям своего клиента.

Вся остальная часть брошюры состоит из голословных сравнений между Шедо-Ферроти и Герценом. Шедо-Ферроти считает себя истинным либералом, разумным прогрессистом, а Герцена

признает вредным демагогом, сбивающим с толку русское юношество и желающим возбудить в России восстание для того, чтобы возвратиться самому в Россию и сделаться диктатором. Шедо-Ферроти, как адвокат III-го Отделения, старается уверить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намерениями и что от него должны исходить для великой, малой и белой России всевозможные блага, материальные и духовные, вещественные и невещественные. Шедо-Ферроти, конечно, не предвидит возможности переворота или, по крайней мере, старается уверить всех, что, во-первых, такой переворот невозможен и что, во-вторых, он во всяком случае повергнет Россию в бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всем порядочным людям отвращение и презрение к его личности и деятельности. Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла.

Посмотрите, русские люди, что делается вокруг нас, и подумайте, можем ли мы дольше терпеть насилие, прикрывающееся устарелой формою божественного права. Посмотрите, где наша литература, где народное образование, где все добрые начинания общества и молодежи. Придравшись к двум-трем случайным пожарам, правительство все поглотило¹²⁶; оно будет глотать все: деньги, идеи, людей, будет глотать до тех пор, пока масса проглоченного не разорвет это безобразное чудовище. Воскресные школы закрыты, народные читальни закрыты¹²⁷, два журнала закрыты¹²⁸, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею, Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами, как с непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примирения нет. На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать.

Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы.

РЕАЛИСТЫ¹²⁹

(Посвящается моему лучшему другу —
моей матери В.Д. Писаревой¹³⁰)

I

Мне кажется, что в русском обществе начинает выработываться в настоящее время совершенно самостоятельное направление мысли. Я не думаю, чтобы это направление было совершенно ново и вполне оригинально; оно непременно обуславливается тем, что было до него, и тем, что его окружает; оно непременно заимствует с различных сторон то, что соответствует его потребностям; в этом отношении оно, разумеется, подходит вполне под тот общий естественный закон, что в природе ничто не возникает из ничего. Но самостоятельность этого возникающего направления заключается в том, что оно находится в самой неразрывной связи с действительными потребностями нашего общества. Это направление создано этими потребностями и только благодаря им существует и понемногу развивается. Когда наши дедушки забавлялись мартинизмом, масонством или волтерьянством¹³¹, когда наши папеньки утешались романтизмом, байронизмом или гегелизмом¹³², тогда они были похожи на очень юных гимназистов, которые во что бы то ни стало стараются себя уверить, что чувствуют неодолимую потребность затянуться после обеда крепкою папироскою. У юных гимназистов существует на самом деле потребность казаться взрослыми людьми, и эта потребность вполне естественна и законна, но все-таки самый процесс курения не имеет ни малейшей связи с действительными требованиями их организма. Так было и с нашими ближайшими предками. Им было очень скучно, и у них существовала действительная потребность занять мозги какими-нибудь размышлениями, но почему выписывался из-за границы мартинизм, или байронизм, или гегелизм — на этот вопрос не ищите ответа в органических потребностях русских людей. Все эти *измы* выписывались единственно потому, что они были в ходу у европейцев, и все они не имели ни малейшего отношения к тому, что происходило в нашем обществе. Теперь, по-видимому, дело пошло иначе. Мы теперь выписываем больше, чем когда бы то ни было; мы переводим столько книг, сколько не переводили никогда; но мы теперь знаем, что делаем, и можем дать себе отчет, почему мы берем именно это, а не другое.

После окончания Крымской войны¹³³ родилась и быстро выросла наша обличительная литература. Она была очень слаба и ничтожна, и даже очень близорука, но ее рождение было явлением совершенно естественным и вполне органическим. Удар вызвал ощущение боли, и вслед за тем явилось желание отделаться от этой боли. Обличение направилось, конечно, на те стороны нашей жизни, которые всем мозолили глаза, и между прочим наше негодование обрушилось на мелкое чиновничество; но такие обличительные подвиги, конечно, не могли нас удовлетворить, и мы скоро поняли, что они, во-первых, бесплодны, а во-вторых, несправедливы и даже бессмысленны. Прежде всего явилось в отпор обличительному бешенству то простое соображение, что мелкому чиновнику хочется есть и что за это естественное желание не совсем основательно считать его извергом рода человеческого. — Это точно. Пускай едят мелкие чиновники. Значит, надо увеличить оклады жалованья, заговорили те мыслители, которые любят находить в одну минуту универсальное лекарство для всяких неудобств частной и общественной жизни. — Это само собою, отвечали другие; но этого мало. Когда чиновник будет обеспечен, тогда он потянется за роскошью. Надо сделать так, чтобы он не тянулся. — Ну да, конечно, заговорили опять любители универсальных лекарств. Дать чиновнику твердые нравственные убеждения. Дать ему солидное образование. Пускай кандидаты университета идут в квартальные и в становые¹³⁴. — И это хорошо, заметили другие. Образование дело превосходное, но у каждого чиновника есть семейство или кружок близких знакомых. Каждый чиновник, получивший солидное образование, прямо с университетской скамейки входит в один из таких кружков и проводит всю свою жизнь в одном кружке или в нескольких кружках, которые, впрочем, все похожи друг на друга. Предания университетской скамейки говорят ему одно, а влияние жены, сестер, матери, отца и тот бесконечный гул и говор, который все-таки, как ни вертись, составляет общественное мнение, — говорят совершенно другое. Предания и воспоминания всегда бывают слабее живых впечатлений, повторяющихся каждый день, и выходит из этого тот результат, что чиновник начинает тянуться за роскошью, хотя и знают, что тянуться за нею дозволенными средствами невозможно, а недозволенными не годится. Значит, как же? — Ах, черт побери, думают любители универсальных лекарств, подобные гг. Каткову, Павлову, Громеке¹³⁵ и К°. В самом деле: как же? Шутка сказать. Ведь это надо реформировать среду. — Впрочем, раздумье этих мыслителей продолжается недолго, и они непре-

менно что-нибудь придумывают или по крайней мере о чем-нибудь начинают говорить: ну да, реформировать! ну да, обновить! Ну да, распространить грамотность, устроить сельские школы, завести женские гимназии, проложить железные дороги, открыть земские банки и т.д. — Но мы видели и до сих пор видим перед собою два громадные факта, из которых вытекают все наши отдельные неприятности и огорчения. Во-первых, мы бедны, а во-вторых, глупы. Эти слова нуждаются, конечно, в дальнейших пояснениях. *Мы бедны* — это значит, что у нас, сравнительно с общим числом жителей, мало хлеба, мало мяса, мало сукна, мало полотна, мало платья, обуви, белья, человеческих жилищ, удобной мебели, хороших земледельческих и ремесленных орудий, словом, всех продуктов труда, необходимых для поддержания жизни и для продолжения производительной деятельности. *Мы глупы* — это значит, что огромное большинство наших мозгов находится почти в полном бездействии и что, может быть, одна десятипятая часть наличных мозгов работает кое-как и вырабатывает в двадцать раз меньше дельных мыслей, чем сколько она могла бы выработать при нормальной и нисколько не изнурительной деятельности. Обижаться тут, конечно, нечем; когда человек спит, он не может работать умом; когда Иван Сидорович ремизит¹³⁶ Степана Парамоновича за зеленым сукном, он не может работать умом. Словом, только те и не работают, кто, по своему теперешнему положению, не в состоянии работать. Кто может, тот работает, но кое-как, потому что потребность на эту работу слаба, и потому самый страстный актер будет холоден и вял, когда ему придется играть перед пустым партером. Само собою разумеется, что наша умственная бедность не составляет неизлечимой болезни. Мы — не идиоты и не обезьяны по телосложению, но мы — люди кавказской расы¹³⁷, сидевшие сиднем, подобно нашему милому Илье Муромцу¹³⁸, и, наконец, ослабившие свой мозг этим продолжительным и вредным бездействием. Надо его зашевелить, и он очень быстро войдет в свою настоящую силу. Оно, конечно, надо, но ведь вот в чем беда: мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны. Змея кусает свой хвост и изображает собою эмблему вечности, из которой нет выхода. Шарль Фурье¹³⁹ говорит совершенно справедливо, что главная сила всех бедствий современной цивилизации заключается в этом проклятом *cercele vicieux*¹⁴⁰. Чтобы разбогатеть, надо хоть немного улучшить допотопные способы нашего земледельческого, фабричного и ремесленного производства, то есть надо поумнеть; а поумнеть некогда, потому что окружающая бедность не дает вздохнуть. Вот тут и вертись, как

знаешь. Есть, однако, возможность пробить этот заколдованный круг в двух местах. *Во-первых*, известно, что значительная часть продуктов труда переходит из рук рабочего населения в руки непроизводящих потребителей. Увеличить количество продуктов, остающихся в руках производителя, — значит уменьшить его нищету и дать ему средства к дальнейшему развитию. К этой цели были направлены законодательные распоряжения правительства по крестьянскому вопросу. В этом месте заколдованный круг может быть пробит только действием законодательной власти, и поэтому мы об этой стороне дела распространяться не будем. — *Во-вторых*, можно действовать на непроизводящих потребителей, но, конечно, надо действовать на них не моральною болтовней, а живыми идеями, и поэтому надо обращаться только к тем потребителям, которые желают взяться за полезный и увлекательный труд, но не знают, как приступить к делу и к чему приспособить свои силы. Те люди, которые, по своему положению, могут и, по своему личному характеру, желают работать умом, должны расходовать свои силы с крайнею осмотрительностию и расчетливостию; то есть они должны братья только за те работы, которые могут принести обществу действительную пользу. — Такая экономия умственных сил необходима везде и всегда, потому что человечество еще нигде и никогда не было настолько богато деятельными умственными силами, чтобы позволять себе в расходовании этих сил малейшую расточительность. Между тем расточительность всегда и везде была страшная, и оттого результаты до сих пор получались самые жалкие. У нас расточительность также очень велика, хотя и расточать-то нам нечего. У нас до сих пор всего какой-нибудь двугривенный умственного капитала, но мы, по нашему известному молодечеству, и этот несчастный двугривенный ставим ребром и расходует безобразно. Нам строгая экономия еще необходимее, чем другим, действительно образованным народам, потому что мы, в сравнении с ними, нищие. Но чтобы соблюдать такую экономию, надо прежде всего уяснить себе до последней степени ясности, что полезно обществу и что бесполезно. Вот тут-то, над этим уяснением и должна работать литература. Мне кажется, что мы начинаем чувствовать необходимость умственной экономии и стремимся уяснить себе понятие настоящей выгоды или пользы. В этом и заключается то самостоятельное направление мысли, которое, по моему мнению, вырабатывается в современном русском обществе. Если это направление разовьется, то заколдованный круг будет пробит. Экономия умственных сил увеличит наш умственный капитал, а этот увеличенный

капитал, приложенный к полезному производству, увеличит количество хлеба, мяса, одежды, обуви, орудий и всех остальных вещественных продуктов труда. Обязанность развивать это направление и пробивать с этой стороны заколдованный круг лежит целиком на нашей литературе, потому что в этой сфере литература может действовать самостоятельно.

II

Экономия умственных сил есть не что иное, как строгий и последовательный реализм. «Природа — не храм, а мастерская, — говорит Базаров¹⁴¹, — и человек в ней работник». Рахметов¹⁴² видится только с теми людьми, с которыми ему «нужно» видаться, он читает только те книги, которые ему «нужно» прочесть, он даже ест только ту пищу, которую ему «нужно» есть, для того чтобы поддерживать в себе физическую силу; а поддерживает он эту силу также потому, что это кажется ему «нужным», то есть потому, что это находится в связи с общою целью его жизни. Особенность Рахметова состоит исключительно в том, что он менее других честных и умных людей нуждается в отдыхе; можно сказать, что он отдыхает только тогда, когда спит. Вся остальная часть его жизни проходит за работой, и вся эта работа клонится только к одной цели: уменьшить массу человеческих страданий и увеличить массу человеческих наслаждений. К этой цели клонились всегда, сознательно и бессознательно, прямо или косвенно, все усилия всех умных и честных людей, всех мыслителей и изобретателей. Чем сознательнее и прямее деятельность человека направлялась к этой цели, тем значительнее была масса принесенной им пользы; но, к сожалению, нервная система человека так устроена, что она не может долго сосредоточивать свои силы на одной точке. Если мы захотим долго держать руку или ногу в одном и том же положении, то мы почувствуем в этой ноге или руке утомление и, наконец, настоящую боль. Если мы будем долго смотреть на один предмет, то у нас зарябит в глазах. Если мы будем долго вдумываться в одну и ту же мысль, то ум наш на несколько времени откажется работать. Если мы будем проводить эту мысль во все наши поступки, то, наконец, эта мысль начнет нас тяготить, и мы почувствуем непреодолимую потребность отложить ее на время в сторону и пожить хоть несколько часов бесцельною жизнью. У Рахметова эта потребность возникает очень редко, и поэтому он стоит выше обыкновенных людей, то есть может в течение своей жизни сделать больше работы; а всякий согласится, что мы можем мерить ум-

ственные силы людей только количеством сделанной ими полезной работы. Рахметов может обходиться без того, что называется личным счастьем; ему нет надобности освежать свои силы любовью женщины, или хорошею музыкою, или смотрением шекспировской драмы, или просто веселым обедом с добрыми друзьями, у него есть только одна слабость: хорошая сигара, без которой он не может вполне успешно размышлять. Но и это наслаждение служит ему только средством: он курит не потому, что это доставляет ему удовольствие, а потому, что курение возбуждает его мозговую деятельность. Если бы он не замечал в этом курении осязательной пользы, он бы от него отказался, не ради идеального совершенства, а ради того, что не следует ничем отвлекаться от настоящей цели. Ставить такого титана¹⁴³ в пример читателю совершенно бесполезно. Это все равно, что советовать читателю связать железную кочергу в узел или открыть какой-нибудь мировой закон, вроде ньютонического тяготения или дарвиновской теории естественного отбора. Мы люди обыкновенные, и если бы мы захотели выбросить из нашей жизни отдых и чисто личное наслаждение, то мы сделали бы себя мучениками и, кроме того, повредили бы даже общему делу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соответствует размерам наших сил; поэтому нам не следует надуться, потому что до вола мы все-таки не дорастем¹⁴⁴, а если лопнем, то вместо экономии окажется чистый убыток. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имеет права посылать вас на работу; общее дело человечества подвигается вперед не барщинною работою, и сгонять на этот труд ленивых и утомленных людей — значит изображать суетливую муху, помогавшую лошадям вытаскивать в гору тяжелый рыдван¹⁴⁵. Но когда вы, отдохнувши и насладившись вдоволь, сами, по собственной охоте принимаетесь за работу, тогда общество, в лице каждого из своих членов, тотчас получает над вами право контроля и критики; оно произносит свой приговор над вашею деятельностью, и оно имеет полное право выражать свое желание, чтобы те силы, которые, добровольно отдаются на общепользное дело, действительно тратились там, где они необходимы. Когда вы отдыхаете, вы принадлежите самому себе; когда вы работаете, вы принадлежите обществу. Если же вы никогда не хотите принадлежать обществу, если или ваша работа не имеет никакого значения для него, тогда вы можете быть, вполне уверены, что вы совсем никогда не работаете и что вы проводите всю вашу жизнь подобно мотыльку, порхающему с цветка на цветок. Мартышкин труд¹⁴⁶ не есть работа. Если такой

мартышкин труд производится вполне сознательно, то есть если трудящаяся личность сама понимает свою бесполезность и сама говорит себе и другим: я трутень¹⁴⁷ и хочу быть трутнем, потому что это мне приятно, тогда, разумеется, не о чем и толковать, потому что неизлечимые больные не нуждаются ни в дружеских советах, ни в медицинской помощи. Но можно сказать наверное, что большая часть мартышкина труда производится в каждом человеческом обществе по чистому недоразумению. Трудящаяся личность, в большей части случаев, добросовестно и искренно убеждена в том, что она трудится для человечества и для общества; это обаятельное убеждение придает ей бодрость и вдохновляет ее во время труда; если вы поколеблете в ней это убеждение, у нее опустятся руки, и для нее настанет тяжелая минута разочарования и уныния; но за этой минутой явится сильное стремление к настоящей пользе и крутой поворот к какой-нибудь другой деятельности, достойной мыслящего человека и добросовестного гражданина. В результате получится, таким образом, экономия умственных сил, и эта экономия будет гораздо более значительна, чем это может показаться читателю с первого взгляда. Каждая личность действует более или менее на все, что ее окружает; поворот к реализму, происшедший в одной личности, дает себя чувствовать многим другим, и та же самая особа, которая до своего обращения могла своим примером и своими советами сбить с толку двух или трех молодых людей, будет, после своего обращения, действовать на этих же молодых людей самым благотворным образом, как покаявшийся грешник может действовать на человека, порывающегося грешить, и, главное, убежденного в похвальности греха. Поэтому я думаю, что наша литература могла бы принести очень много пользы, если бы она тщательно подметила и основательно разоблачила различные проявления мартышкина труда, свирепствующего в нашем обществе и отравляющего нашу умственную жизнь. Кое-что в этом направлении уже сделано; но вся задача, во всей своей целостности, чрезвычайно обширна, многие ее стороны совсем не затронуты, и, вероятно, пройдет еще много лет и потратится много усиленного труда, прежде чем общество начнет ясно сознавать свою собственную пользу. Пока не наступит это блаженное время русского благоразумия, литература должна постоянно держать ухо востро и выводить на свежую воду мартышкин труд, надевающий на себя самые разнообразные личины и ежедневно сбивающий с толку самых добросовестных людей, очень неглупых и вполне способных горячо полюбить полезную работу.

[...] ¹⁴⁸.

IV

Наши умственные силы расходуются нерасчетливо — это не подлежит сомнению, и в признании этого факта сходятся между собою все наши литературные органы самых разнообразных оттенков. Где причина нерасчетливости? Когда приходится отвечать на этот вопрос, тогда все органы бросаются врассыпную и друг друга побивают величиим своей ерунды. Все это очевидно доказывает, что ясных и неопровержимых аргументов не представляет никто, что в корень дела не заглядывает ни один писатель и что настоящая причина нашей умственной суеты остается неизвестною всем ее искателям и обличителям. Если бы кто-нибудь растолковал публике, как дважды два — четыре, в чем состоят важные интересы ее умственной жизни, то противники этого «кто-нибудь» были бы радикально побеждены, потому что публика себе не враг и, стало быть, не будет оболящаться тем, что она раз навсегда признала для себя вредным и невыгодным. Поэтому указать на эти интересы и доказать, что они действительно существенные, — это, разумеется, самая важная задача современной литературы. Пока эта задача не будет решена вполне, до тех пор и писателям придется работать ощупью и публике выбирать себе кусочки из груды их произведений — также ощупью. Ни один писатель не решится сказать, что он работает для нанесения вреда читающему обществу; ни один не решится также сказать, что он своею работою не приносит обществу ни малейшей пользы; стало быть, все стремятся принести своим читателям пользу; между тем одни из них действуют прямо наперекор другим. Если бы читатели «одних» были моллюсками, а читатели «других» тараканами, то, разумеется, можно было бы думать, что и «одни» и «другие» говорят дело, потому что организация таракана не похожа на организацию моллюска, и, следовательно, умственные интересы этих двух пород могут быть диаметрально противоположными. Но, к сожалению, и одних и других читают все-таки несчастные люди, стало быть, очевидно, или одни, или другие врут и вредят, а легко может быть и то, что врут и вредят как одни, так и другие, потому что способы вранья неисчислимы, между тем как истина двоиться не может. Стало быть, есть писатели, приносящие чистый вред или по медвежьей услужливости, или по узкой корыстности*; первые ошибаются, вторые лицемерят. Первых надо урезонить, вторых надо разоблачить для того, чтобы они сделались безвредными и безопасными. Чтобы произвести эти две операции, то есть чтобы ра-

* В конце концов и то и другое сводится к тупоумию.

дикально вычислить литературу, надо именно указать существенную пользу. Вполне последовательное стремление к пользе называется реализмом и непременно обуславливает собою строгую экономию умственных сил, то есть постоянное отрицание всех умственных занятий, не приносящих никому пользы. Реалист постоянно стремится к пользе и постоянно отрицает в себе и других такую деятельность, которая не дает полезных результатов. Стало быть, строгий реалист соблюдает в самом себе и уважает в других людях строгую экономию умственных сил. Стало быть, разяснить вполне значение реализма в литературе — значит решить самую важную задачу современной идеи и радикально очистить эту идею от ненужного сора и от бесплодных полемических волнений. — Но различные недоразумения могут укрыться в самом слове «польза», и поэтому прежде всего необходимо разяснить эти недоразумения. — Человек одарен чувством самосохранения. Он невольно и бессознательно любит свою жизнь и старается сохранить ее в себе как можно дольше. Такие крайности, как мотовство и скряжничество¹⁴⁹, одинаково нерасчетливы, потому что при обоих способах действия жизнь дает меньше наслаждений, чем сколько она могла бы дать при рациональном пользовании. Дети так радикально предпочитают приятное полезному, то есть непосредственное наслаждение отсроченному, что если посыпать сахаром их молочную кашу и не размешать ее начальственной рукою, они непременно истребят сначала элемент *приятного*, то есть чистый сахар, а потом уже, по необходимости и с тяжелым вздохом, примутся за голую *пользу*, то есть за кашу, которая, однако, была бы гораздо вкуснее в соединении с *приятностью*. Взрослые называют этих юных эпикурейцев¹⁵⁰ глупыми ребятами, а сами делают глупости гораздо более крупные. Например, далеко не всякий чиновник умеет так распорядиться своим третним жалованьем¹⁵¹, чтобы в начале трети не задавать неестественного форсу и в конце трети не созерцать свои зубы, положенные на полку. Это значит — сначала облизал весь сахар, а потом лишил себя даже молочной каши. У кого хватает предусмотрительности на четыре месяца, у того может не хватить ее на два года. Сколько бывало примеров, что на литературное поприще выступает вдруг блестящее молодое дарование; два—три успеха быстро следуют один за другим; опытные люди смотрят на него и радуются, но в то же время советуют ему потихоньку «почитайте книжечку; поучитесь, голубчик. Ей-богу, лучше будет». — «Еще успею, говорит он, еще успею». — Успею да успею, как вдруг неожиданное фиаско¹⁵² постигает юное дарование, которое, как падающая звезда, мгновенно скатывается

с неба и скрывается на заднем дворе какого-нибудь «Сына отечества» или «Развлечения»¹⁵³, куда, впрочем, настоящие падающие звезды, сколько мне известно, не заглядывают...

[...] ¹⁵⁴

XVI

Для реалиста идея общечеловеческой солидарности есть просто один из основных законов человеческой природы, один из тех законов, которые ежеминутно нарушаются нашим неведением и которые своим нарушением порождают почти все хронические страдания нашей породы. Человеческий организм, рассуждает реалист, устроен так, что он может развиваться по-человечески и удовлетворять всем своим потребностям только в том случае, если он находится в постоянных и разнообразных сношениях с другими подобными себе организмами. Выражаясь короче и проще, человеку для его собственного благосостояния необходимо общество других людей. На земном шаре существует множество отдельных человеческих обществ; между этими обществами могут существовать или дружеские, или враждебные отношения. Первые несравненно выгоднее последних. Чем больше дружеских отношений и чем меньше вражды, тем лучше для каждого из отдельных обществ; а чем успешнее развивается общество, тем приятнее живет каждому из его членов, то есть каждому отдельному человеческому организму. Таким образом и выходит, что участь одного зависит от участи всех. И наоборот, когда отдельная личность вполне расчетливо пользуется своими естественными способностями, тогда она неизбежно, сама того не сознавая, увеличивает сумму общечеловеческого благосостояния. Если бы эта личность сознавала значение своей деятельности для общего блага, то ей все-таки не было бы надобности изменять в своей деятельности какую бы то ни было мелочную подробность. Вполне расчетливый эгоизм совершенно совпадает с результатами самого сознательного человеколюбия. Но, сознавая важное и высокое значение своего личного труда, видя в этом труде свою неразрывную связь с миллионами других мыслящих существ, трудящаяся личность еще сильнее привязывается к своей деятельности, еще смелее развертывает свои способности и, ясно понимая законность своих стремлений, становится более счастливою, то есть более независимою от тех тяжелых ощущений, которые порождаются мелкими неудачами. Я не ошибаюсь в общем направлении моей жизни, думает такая личность; я повинуюсь основному закону природы.

Если мне приходится пережить кое-какие неприятности, то я все-таки знаю, что я из многих зол выбираю меньшее. Если я пойду вразрез с естественным законом, если я уклонюсь от него в сторону, то, в общем результате, жизнь моя пойдет еще хуже.

Эстетики вообще восторгаются, умиляются и человеколюбствуют гораздо чаще и шумнее, чем реалисты, которые обыкновенно обнаруживают упорную антипатию ко всякому порывистому энтузиазму. Но эстетики считают совершенно невозможным делом провести идею деятельной любви во все мельчайшие поступки собственной жизни. Для них эта идея — блестящий мундир, который можно и даже следует надевать по табельным дням¹⁵⁵, но который, при всей своей красоте, превратится в орудие пытки, если вы станете таскать его каждый день, с раннего утра до поздней ночи. Когда им говорят, что это даже не мундир, а очень просторное домашнее пальто, то они этому решительно не верят и людей, высказывающих подобные мысли, называют или фантазерами, или лицемерами. Помилуйте, вопиют эстетики, эти сухие, черствые люди, эти угловатые фигуры, толкующие постоянно о выгоде и убытке, хотят уверить нас, что им удалось решить такую задачу общечеловеческой любви, которая оказалась не по силам даже нам, людям мягким, нежным и высоко развитым в деле понимания самых изящных сторон природы и человеческой души. Не есть ли это с их стороны дерзкая и возмутительная ложь?

Конечно, если бы реалисты к каждому своему шагу приплетали высокие рассуждения о человеколюбии и глубокие вздохи о человеческих страданиях, то это было бы и глупо, и скучно, и, наконец, сделалось бы невыносимым как для самого реалиста, так и для всех его знакомых. Но идея любви проводится в жизнь гораздо проще и гораздо действительнее. К этой высшей идее реалист обращается чрезвычайно редко. Обыкновенно он имеет дело только с ее практическими выводами и частными приложениями. Доживши до тех лет, когда приходится выбирать себе определенный род занятий, молодой человек, не испорченный богатством и барственою ленью, начинает всматриваться в свои способности и делает попытки по разным направлениям до тех пор, пока не отыщет себе такой труд, который ему приятен и который притом может его прокормить. Рассматривая различные сферы занятий, молодой человек, сколько-нибудь способный размышлять, непременно ставит себе некоторые вопросы, на которые ему необходимо получить от себя ответы. Не бесчестно ли это занятие, то есть не вредит ли оно естественным интересам большинства? Не подействует ли оно подавляющим образом на мои умственные

способности? Обеспечит ли оно мою нравственную самостоятельность, то есть буду ли я моим трудом удовлетворять действительным потребностям общества? Чтобы поставить и решить в ту или в другую сторону несколько подобных вопросов, не надо быть ни гениальным мыслителем, ни героем или фанатиком человеколюбия. Надо просто быть неглупым человеком и получить в каком-нибудь университете довольно ясное понятие о том, что такое общество и что такое умственный труд.

Конечно, выбирая то или другое поприще, надо взглянуть на дело широко и серьезно, надо обратиться к высшей руководящей идее и ей надо безусловно подчинить разные второстепенные соображения, которые обыкновенно называются практическими, а на самом деле всегда оказываются ложными и близорукими. Если, например, лет пять тому назад, молодому человеку, вышедшему из университета, предложили бы *выгодное* место по откупам¹⁵⁶, то, разумеется, он, во имя идеи, обязан был безусловно отказаться от этого места, несмотря ни на какие выгоды. Идея требует от него этой жертвы; но нам стоит только взглянуть внимательно на дело, чтобы немедленно убедиться в том, что тут жертва чисто внешняя и что требования высшей идеи здесь, как и везде, совпадают вполне с внушениями эгоистического расчета. Молодой человек стоит на распутье: направо — дорога в откуп, налево — грошовые уроки и неизвестное будущее. Если бы какой-нибудь волшебник мог показать ему его самого, каким он будет лет через пятнадцать, пошедши направо, и потом опять-таки его самого, пошедшего налево и пережившего такой же промежуток времени, то, конечно, молодому человеку захотелось бы выбрать тот путь, который приводит к наиболее благообразному результату. Я не думаю, чтобы молодому человеку понравилась та личность, которую он увидел бы в первом случае. Жизнь в брюхо, грязные друзья и сослуживцы, равнодушные ко всяким высшим интересам, извращение умственных способностей, тупая и боязливая ненависть ко всему, что может нарушить выгодное спокойствие мутного болота, резкий разрыв с честными университетскими товарищами, словом, все признаки безнадежного падения — результат непривлекательный! — К этому результату *приходят* тем или другим путем многие пламенные юноши, но *идут* они не к этому результату, и если бы они могли видеть его заранее, то из этих многих почти все повернули бы куда-нибудь в другую сторону. Значит, тут происходит ошибка в расчете, и от таких ошибок, неизбежных при нашей юношеской неопытности и самонадеянности, нас всего лучше может предохра-

нить та кажущаяся жертва, которую мы приносим требованиям высшей идеи.

Очень многие отрасли труда находятся в полном согласии с самыми строгими требованиями идеи. Которую же из этих отраслей должен выбрать себе молодой человек? И здесь интересы общества сходятся с интересами личности. Пусть молодой человек выбирает себе то, что ему всего приятнее. Тогда, и именно только тогда, он, наслаждаясь процессом своего труда, принесет обществу такое количество пользы, которое вполне соответствует размерам его личных способностей.

Положим теперь, что требования идеи соблюдены, деятельность молодого человека вошла в свою ровную колею и, удовлетворяя его умственным потребностям, с каждым годом становится более драгоценною и необходимою частью его существования. Каждый неглупый человек может найти себе такую деятельность; а как только жизнь наполнена осмысленным трудом, так задача может считаться решенною: идея общечеловеческой любви проведена во все поступки жизни. Ваш труд полезен, вы его любите, вы посвящаете ему все ваши силы, вы ни за что не согласитесь делать его кое-как, вы готовы бороться с затруднениями и переносить неприятности, чтобы довести его до возможной степени совершенства, вы понимаете и стараетесь расширить практическое значение вашей работы — кажется, этого довольно, и, кажется, вы, поступая таким образом, ни на одну минуту не забываете вашей солидарности с остальными людьми и ни одним вашим движением не уклоняетесь в сторону от самых неумолимых требований высшей идеи.

Итоги всех этих рассуждений можно подвести так: эстетик — великодушный барин, способный в минуту героического порыва бросить бедному человечеству даже трехрублевую бумажку, которая, немного позднее, вместе со всеми остальными деньгами и симпатиями этого барина, непременно полетела бы в руки поющей цыганки; а реалист — расчетливый акционер, пустивший в оборот все свое состояние и всеми силами служащий делу компании, для увеличения собственного дивиденда¹⁵⁷. Иной акционер, ради собственной поживы, вздумает, пожалуй, обокрасть компанию, но ведь это расчет не столько верный, сколько отважный. На таких изобретательных акционеров есть уголовный суд, а на мошенников в общем деле человечества — презрение честных людей, над которым не во всякое время можно смеяться безнаказанно. Поверхностному наблюдателю эстетик может показаться симпатичнее реалиста, потому что реалист понятен только тому,

кто разглядит общее направление его поступков и разгадает высшее значение идеи, составляющей внутренний смысл его существования. А эстетик весь как на ладони, и внутреннего смысла в его жизни вы не найдете.

XVII

Реалист — мыслящий работник, с любовью занимающийся трудом. Из этого определения читатель видит ясно, что реалистами могут быть в настоящее время только представители умственного труда. Конечно, труд тех людей, которые кормят и одевают нас, в высшей степени полезен, но эти люди совсем не реалисты. При теперешнем устройстве материального труда, при теперешнем положении чернорабочего класса во всем образованном мире, эти люди не что иное, как машины, отличающиеся от деревянных и железных машин невыгодными способностями чувствовать утомление, голод и боль. В настоящее время эти люди совершенно справедливо ненавидят свой труд и совсем не занимаются размышлениями. Они составляют пассивный материал, над которым друзьям человечества приходится много работать, но который сам помогает им очень мало и не принимает до сих пор никакой определенной формы. Это — туманное пятно, из которого выработаются новые миры, но о котором до сих пор решительно нечего говорить. Заниматься с любовью материальным трудом — это в настоящее время почти невысказано, а в России, при наших допотопных приемах и орудиях работы, еще более невысказано, чем во всяком другом цивилизованном обществе. Таким образом, самый реальный труд, приносящий самую осязательную и неоспоримую пользу, остается вне области реализма, вне области практического разума, в тех подвалах общественного здания, куда не проникает ни один луч общечеловеческой мысли. Что ж нам делать с этими подвалами? Покуда приходится оставить их в покое и обратиться к явлениям умственного труда, который только в том случае может считаться позволительным и полезным, когда, прямо или косвенно, клонится к созиданию новых миров из первобытного тумана, наполняющего грязные подвалы.

Из всех реалистов только одни естествоиспытатели, раздвигающие пределы науки новыми открытиями, работают для человечества *вообще*, без отношения к отдельным национальностям и к различным условиям места и времени. Остальные реалисты работают также для человечества, но задачи и приемы их деятельности должны изменяться сообразно с обстоятельствами и приспособ-

ляться к потребностям отдельных человеческих обществ. Местные и временные условия нашей русской жизни заявляют свои определенные требования, и русский реалист не может оставлять их без внимания. Этим требованиям он непременно должен подчинить свою деятельность, если только он не посвятил себя исключительно изучению природы.

Мне кажется, влияние наших местных обстоятельств выражается преимущественно в том, что отдельные направления реалистического труда до сих пор не выяснились и не определились. Наша мысль только что пробуждается в немногих головах; в деле умственного труда одному и тому же человеку приходится сплошь и рядом и землю пахать, и сапоги шить, и пироги печь, и дрова колоть. Рациональное разделение труда до сих пор еще невозможно; взяться основательно за специальную задачу — значит уйти далеко вперед от понимания общества, сузить, без малейшей пользы, сферу своего влияния и не встретить в соотечественниках ничего, кроме равнодушия и недоумения. За какое бы общепольное предприятие вы ни взялись, вам во всяком случае придется вить веревку из песку, то есть собирать и склеивать искусственными средствами такие рассыпающиеся частицы, которые не имеют, не хотят и не могут иметь ни малейшей связи ни между собою, ни с вашей идеею. Каждого соотечественника придется уговаривать поодиночке и каждого придется, при этом удобном случае, обучать тем элементарным истинам, которые человек непременно должен знать для того, чтобы иметь какое-нибудь мнение о вашем предприятии. Это значит, вам нужен строевой лес, а под руками у вас мера желудей; конечно, если положить эти желуди в землю, то лес вырастет, но, рассчитывая на этот лес, подряжать плотников — это было бы с вашей стороны опрометчиво. А кстати подряжать-то некого, потому что плотники, подобно строевому лесу, также находятся в зачаточном состоянии. Как же тут прикажете поступить мыслящему реалисту? Если он придет в уныние и опустит руки, то он очень скоро сделается жирным филистером, и его уныние перейдет в хроническую улыбку тупого самодовольства. Если он будет суетиться и метаться из угла в угол, не требуя от своих усилий осязательного результата и не задавая себе даже вопроса о том, возможен ли такой результат, то он окажется Репетиловым¹⁵⁸ или трудящеюся мартышкой. В том и в другом случае он перестанет быть реалистом; горизонт его мысли быстро сузится, и вся личность его завянет и сморщится, потому что и бездействие и бессмысленная суетня действуют на человека самым опошляющим образом.

Чтобы подкреплять и возвышать человеческую личность, умственный труд непременно должен быть полезным, то есть он не только должен быть направлен к известной разумной цели, но он, кроме того, должен достигать этой цели. Реалист не может успокоить себя тою отговоркою, что я, мол, исполнил свой долг, старался, говорил, убеждал, а если не послушали, так, стало быть, и нечего делать. Такие отговорки полезны только для эстетика, для дилетанта умственной работы, для человека, которому надо во что бы то ни стало получить от самого себя квитанцию в исправном платеже какого-то невещественного долга. А в глазах реалиста такая квитанция не имеет никакого смысла; для него труд есть необходимое орудие самосохранения, необходимое лекарство против заразительной пошлости; он ищет себе полезного труда с тем неутомимым упорством, с каким голодное животное ищет себе добычи; он ищет и находит, потому что нет таких условий жизни, при которых полезный умственный труд был бы решительно невозможным. Реалист убеждается в том, что нам прежде всего необходимы знания. Это — великая истина, превратившаяся даже в избитую фразу благодаря тем мудрецам, которые, произнося всевозможные слова, не поняли во всю свою жизнь ни одной мысли. Но реалист не останавливается на голой фразе и немедленно выводит из основной идеи все ее практические последствия. Общество нуждается в знаниях, но оно само почти совсем не сознает и не чувствует, до какой степени оно бедно в умственном отношении и до какой степени эта умственная бедность мучительно отзывается во всех подробностях его вседневной жизни. Завалите такое общество превосходнейшими учебниками, переведите для него все лучшие научные сочинения величайших европейских мыслителей — и все это принесет ему очень мало пользы. Оставьте больного всевозможными микстурами и декоктами¹⁵⁹ — и он все-таки не выздоровеет, если не будет принимать ваших лекарств и не захочет исполнять ваши гигиенические предписания. Когда больной считает себя здоровым, тогда ему прежде всего необходимо доказать, что он жестоко ошибается. Именно таким образом следует поступить и с нашим обществом. Оно не только мало размышляет, но оно даже не имеет никакого понятия о том, что такое деятельность мысли. Лексикон мудреных слов, целые сборники готовых изречений, целые библиотеки игрушечных произведений праздной фантазии — вот весь умственный капитал, обращающийся в нашем обществе, и обладание такими сокровищами во всех отношениях должно считаться более тягостным бедствием, чем самая голая умственная нищета. Мы из каждой дельной мысли

выхватываем только ее формальное выражение и к обширному сборнику наших затверженных изречений прибавляем, таким образом, еще новую фразу, из которой улетучивается весь ее жизненный смысл.

Имеем ли мы какое-нибудь понятие о животных и растениях, о физических и химических законах, о свойствах воды, воздуха, металлов и различных составных частей почвы? — Ровно ничего. — Знаем ли мы что-нибудь о жизни европейских обществ? — Совсем ничего. — Понимаем ли мы их историю? — Нисколько. — Известно ли нам положение России? — Решительно неизвестно. — И в то же время, при этом круглом невежестве, мы всё знаем, мы знаем ужасно много, мы всё читаем и обо всем пишем. — Мы знаем, что есть телескоп, микроскоп, химический анализ, жирафа, Александр Гумбольдт¹⁶⁰, хлебное дерево, анатомия, кокосовые орехи, эмбриология, коралловые рифы и многие другие естественные произведения, интересные с той или с другой стороны для исследователей природы. Познания наши по части европейской политики еще более обширны и разнообразны. Мы знаем, что в английском парламенте сидит мистер Геннеси¹⁶¹, что Гарибальди сначала подстрелили при Аспромонте, а потом вылечили и простили¹⁶²; что Виктор Гюго живет в Брюсселе и написал новый роман “*Les Misérables*”¹⁶³; что черногорцы — наши братья и дерутся с турками¹⁶⁴; что фабриканты, машинисты и работники совокупными силами создали чудеса новейшей промышленности, но что, к сожалению, тут поднялся антагонизм сословий, породился пауперизм¹⁶⁵, а потом явились коммунисты и социалисты, которые еще более перепутали дело; всего же основательнее мы знаем, по рассказам наших путешествовавших соотечественников, что поезда и дебаркадеры¹⁶⁶ железных дорог устроены удобно, что лотрки¹⁶⁷ — женщины пикантные и рулетка — препровождение времени очаровательное, но во многих отношениях изнурительное.

Мы, как видите, знаем чрезвычайно много; всякие собственные имена, всякие специальные слова и технические выражения, все это нам доподлинно известно. Не знаем мы только безделицы — не знаем тех живых явлений, которые обозначаются этими словами, и не знаем, кроме того, каким образом эти неизвестные нам явления связываются одно с другим. Мы скажем вам, например, что пауперизм — значит бедность, но каковы размеры этого явления, в каких формах оно выражается, откуда оно произошло, почему оно в одной стороне развилось сильнее, чем в другой, — этого мы не знаем, и мы бы даже очень удивились, если бы кто-нибудь заподозрил нас в способности когда-нибудь задать себе такие

вопросы и узнать такие запутанные истории. — Что такое Литва? — спрашивает один из обывателей города Калинова в драме «Гроза». — А эта Литва к нам с неба свалилась, — отвечает другой¹⁶⁸, и любопытность первого гражданина немедленно удовлетворяется этим ответом. — Литва — это народ такой, — ответит себе образованный человек, и также удовлетворится. А ведь в сущности, узнать, что неизвестный мне народ называется Литвою, а не Капустою и не Самоваром, это значит только прибавить к своему лексикону новое двусложное слово.

И точно такое же значение имеет каждый голый факт, вырванный из общей картины жизни и поднесенный невзыскательному читателю затейливым составителем журнального или газетного обозрения. А так как наша публика, кроме таких голых реляций¹⁶⁹, не получает от своих обыкновенных просветителей решительно ничего и так как она даже не знает, чего бы она могла от них потребовать, так как она читает от нечего делать и даже не обращает внимания на свою полную умственную пассивность, то реалист, пристально взглядевшись в эти специально-русские отношения между писателями и читателями, говорит решительно и просто, что общество не знает ровно ничего и не умеет даже отличить живую деятельность мысли от бессознательной игры слов и оборотов. Но реалист должен не только высказать такое суждение, а еще, кроме того, доказать его строгую верность и сделать так, чтобы общество увидело и почувствовало справедливость его слов.

На чем же спят наши соотечественники, или, выражаясь яснее, что их утешает и успокаивает, что маскирует пустоту их жизни и избавляет их от необходимости умирать со скуки или заниматься полезною работою? Водка, табак, карты, рысаки, донжуанство, гончие собаки — все это предметы, играющие самые почетные роли в жизни нашего общества, и против них, конечно, современный реализм бессилен. Эти тюфяки будут отодвинуты в сторону только тогда, когда реализм войдет в действительную жизнь, то есть когда реалистов будет уже очень много и когда общество вследствие их влияния начнет в самом деле проникаться тем сознанием, что трудиться гораздо полезнее и приятнее, чем искать сильных ощущений в игре, в пьянстве или в псовой охоте. Эти времена лежат еще далеко впереди, и поэтому реалист не должен в настоящее время тратить свою энергию на бесплодные проповеди. Реалист должен думать только о тех людях, которые могут проснуться и превратиться в реалистов. Такие люди в нашем обществе существуют. Чтение составляет для них действительную потребность, и они читают много, и, несмотря на то, все-таки

спят. Эти любители умеют читать даже серьезные статьи и понимают в них каждое слово (например, пауперизм — бедность, ботаника — наука о растениях, Либих — немецкий химик). Но так как настоящие задушевные симпатии этих людей влекут к беллетристике и к поэзии, то они и серьезные статьи и книги читают как повести и как поэмы. Они говорят для собственного назидания, что серьезные вещи читать полезно, и они даже всякий раз, одолевши что-нибудь серьезное, утешают себя тем приятным размышлением, что они исполнили священный долг и что теперь, успокоив свою требовательную совесть, можно побаловать свою грешную душу романчиком или стишками. Но при всем том, даже исполняя священный долг, они ищут во всяком серьезном чтении все той же, любезной им, беллетристической занимательности. Когда же они этого сладкого ингредиента не находят, тогда они стараются только как можно скорее прожевать и проглотить сухую материю, для того чтобы умиротворить свою совесть. Надо отдать им справедливость, что совесть их очень требовательна; она все шепчет им самым озлобленным шепотом: «Следи же за веком! Читай же дельные книги! Будь же мыслящим существом!»

И, повинувшись этому повелительному голосу, спящие читатели совершают действительно чудеса храбрости. Читать серьезные сочинения без общего плана, узнавать отдельные подробности, не видя в них общего смысла, проводить через свою голову чужие мысли, не имея понятия о живых явлениях, породивших эти идеи, напрягать свое внимание, не отыскивая никакого ответа на вопросы и сомнения своей собственной жизни и мысли, — это занятие умственно-скучное. Это все равно, что читать лексикон¹⁷⁰ или приходо-расходную книгу совершенно неизвестного вам человека. И что выходит из этого чтения? Запоминаются слова и факты, но в тех мыслях, которые управляют жизнью самого читателя, не происходит ни малейшего передвижения. Наши русские читатели даже твердо убеждены в том, что между книгою и жизнью не может быть никакого взаимного действия. И все это оттого, что они выучились читать и полюбили чтение исключительно по романам и поэмам. У них установился взгляд на чтение как на препровождение времени, то есть как на средство *убить время*, потому что время, это драгоценнейшее достояние мыслящего человека, есть смертный враг наших соотечественников, враг, которого следует гнать и истреблять всеми возможными орудиями, начиная от желудочной водки и кончая статьями «Русского вестника».

Чтение наших соотечественников не имеет цели; русский человек ничего не ищет в книге, ни о чем не спрашивает, ни к чему

не желает прийти. Он просто хочет, чтобы писатель повеселил его душу. Если писатель веселит его утонченными ощущениями и если увеселяемый читатель понимает все утонченности, то он считает себя развитым человеком и, любуясь на свою развитость, называет тонкого увеселителя великим гением, и, вменяя себе в заслугу то, что он их понимает, русский читатель вносит и во всякое дельное чтение те приемы мышления, которые он приобрел в обществе тонких увеселителей. Хоть русский читатель и уверяет себя, что он читает серьезную книгу *для пользы*, но ведь это только так говорится. О настоящей пользе он и понятия не имеет. Слово *польза* не вызывает в его уме никакого определенного представления, и в общем результате всякое чтение все-таки приводит за собою только истребление времени; а запоминается из прочитанной книги и нравится в ней исключительно то, что повеселило душу.

Если бы безобразия и пошлость такого занятия выступили перед пониманием читателя во всей своей отвратительной наготы, то ему сделалось бы очень совестно. Он встревожился бы и стал бы искать чего-нибудь менее нелепого. Он именно попал бы с постели на пол и открыл бы свои отяжелевшие очи. К этой цели и направляются усилия наших реалистов; сделать так, чтобы русский человек, собирающийся вздремнуть или помечтать, постоянно слышал в ушах своих звуки резкого смеха, сделать так, чтобы русский человек сам принужден был смеяться над своими возвеличенными пигмеями, — это одна из самых важных задач современного реализма. — Вам нравится Пушкин? — Извольте, полюбуйтеся на вашего Пушкина. — Вы восхищаетесь «Демоном» Лермонтова¹⁷¹? — Посмотрите, что это за бессмыслица. — Вы благоговеее перед Гегелем? — Попробуйте сначала понять его изречения. — Вам хочется уснуть под сенью «общих авторитетов поэзии и философии»? — Докажите сначала, что эти авторитеты существуют и на что-нибудь годятся. — Вот как надо поступать с русским человеком. Не давайте ему уснуть, как бы он ни закутывал себе голову теплыми иллюзиями и темными фразами.

Реалисты наши так и делают: они смеются, и их звонкий смех прорезывает такие туманы, которые не поддаются серьезной аргументации. Русские писатели смеются уже давно, но смех сатириков наших, от Капниста до г. Щедрина¹⁷², тратился постоянно на такие явления, которые на сатиру не обращают никакого внимания. Искоренять сатирую взяточничество — что может быть невиннее и бесплоднее этого занятия? Реалисты, конечно, неспособны тратить свой смех на такие упражнения. Они очень хорошо понимают, что взятка никогда не будет казаться смешною тому

человеку, которого она кормит и одевает. Если идеи и чувства лириков, эстетиков, романтиков, педантов, фразеров сделаются смешными для общества, то общество перестанет ими увлекаться и направит свои симпатии в другую сторону. Результат получится осязательный, и я смею думать, что таким образом решится очень серьезная задача, потому что в настоящее время всего необходимее превращать чувствительных тунеядцев в мыслящих работников.

XVIII

Начал я с общечеловеческой солидарности, а кончил тем практическим заключением, что нам, русским реалистам, можно только осмеивать потихоньку наши мелкие глупости и медленно учиться, вместе с нашею ленивою публикою, самым элементарным истинам строгой науки. Какое торжественное начало и какой мизерный конец! Гора мышь родила, подумает читатель, и я никак не осмелюсь ему противоречить. Я уже говорил в первой части этой статьи, что мы бедны и глупы; теперь нам пришлось убедиться в том, что наша бедность и наша глупость доходят действительно до самых почтенных размеров, — до таких размеров, что глупость мешает нам понимать пользу необходимого лекарства, а бедность мешает нам приобрести себе зараз достаточную дозу этого лекарства. Вследствие этого и приходится употреблять это лекарство самым поверхностным образом и в самых микроскопических приемах. Великая и плодотворная идея должна приспособиться к самому мелкому практическому применению, и только при этом условии она может, с грехом пополам, проникнуть в сознание лучшего меньшинства нашей читающей публики.

В этом печальном обстоятельстве не виноваты, разумеется, ни основные особенности реалистической идеи, ни личные свойства наших реалистов. Представьте себе, что вы превосходно изучили рациональную агрономию и что вам приходится прикладывать ваши знания к обыкновенному мужицкому хозяйству, и всего оборотного капитала у вас рублей сорок или пятьдесят. Если вы не пустой фантазер, то вы, разумеется, оставите покуда в стороне всякие помыслы о паровых плугах, о молотилках, об искусственном травосеянии и о химическом анализе почвы. Вы ограничитесь тем, что на первый год купите, например, железную борону и для удобрения — корову. Значит, и здесь гора мышь родила, но ведь это обстоятельство несколько не доказывает, что приложение химии к земледелию — чепуха или что вы сами ничему не выучились. Ничуть не бывало. Если вы одарены ясным практическим

умом и твердым характером, если вы способны ровным шагом идти к далекой цели, не спуская с нее глаз ни на одну минуту и постоянно соразмеряя ваши собственные силы с тем расстоянием, которое вы должны пройти, то вы непременно докажете на деле вашим деревенским соседям, что рациональная агрономия — не пустяки и что вы сами не даром потратили время на ее изучение. За бороною и коровою будут следовать ежегодно новые улучшения, которые, постоянно увеличивая ваш доход, постоянно будут расширять круг вашей преобразовательной деятельности. Каждое новое улучшение будет вытекать из прошлогоднего, и, таким образом, корова и борона сделаются фундаментом всего вашего последующего благосостояния. Если бы корова и борона и остались без дальнейших последствий, тогда, конечно, можно было бы сказать, что гора родила мышь; но ведь тут дело идет, как говорят французы, *de fil en aiguille*¹⁷³; стало быть, гора родит целую цепь явлений, которые могут вылезти из горы не иначе, как одно за другим.

Я хотел говорить о русском реализме, и свел разговор на отрицательное направление в русской литературе. Читатель может подумать, что я делал это по цеховому самолюбию, по пристрастию к моему муравейнику и к моим собственным муравьиным занятиям. В этом случае читатель решительно ошибется. Я с самым напряженным вниманием отыскивал в общественных явлениях нашей вседневной жизни каких-нибудь признаков здорового реализма, и не нашел в них ничего похожего не только на реализм, но даже на какое-нибудь сознательное движение мысли. Ведь в самом деле, только в одной литературе и проявлялось до сих пор хоть что-нибудь самостоятельное и деятельное. Гоголь, Белинский, Добролюбов — вот вам в трех именах полный отчет о всей нашей умственной жизни за целое тридцатилетие; к этим именам можно было бы прибавить еще два-три имени, но и эти последние также принадлежат к литературе и, по направлению своей деятельности, примыкают или к Белинскому, или к Добролюбову.

А где же наши исследователи, где наши практические работники? Были, есть и будут и те и другие. Г. Соловьев, г. Срезневский, г. Бодянский, г. Буслаев — вот какие громкие имена мы можем выдвинуть в параллель немецким именам: Либих, Дюбуа-Реймон, Фохт, Гельмгольц, или французским: Клод Бернар, Декандоль, Эли де Бомон, Мильн-Эдвардс, или английским: Дарвин, Ляйель, Форбес, Бокль¹⁷⁴. Что же касается до практических работников, то их незачем и пересчитывать.

Некоторые *настоящие* исследователи, приносящие *действительную* пользу общечеловеческой науке, живут, правда, в русских

городах и даже иногда носят русские фамилии, но их труды остаются для нашего общества мертвым и даже неизвестным капиталом. Наш академик Карл Эрнст фон Бэр¹⁷⁵ считается во всей Европе одним из величайших эмбриологов нашего времени. Дарвин, Карл Фохт, Гексли всегда цитируют его мнения с особенным уважением. Льюис в своей «Физиологии обыденной жизни»¹⁷⁶ ссылается на исследование Овсянникова о спинном мозге и Якубовича¹⁷⁷ — о нервных клеточках. Французский ученый Беклар¹⁷⁸ упоминает в своей физиологии о некоторых экспериментальных работах Боткина и Сеченова¹⁷⁹. Ну, а мы? Мы, я чай, и понятия не имеем о том, что у нас могут существовать такие люди, которые в самом деле не шутя занимаются эмбриологиею, нервными клеточками и физиологическими опытами. Мы узнаем об этих людях из иностранных книг и чувствуем себя польщенными, точно будто мы сами не спим, а занимаемся делом. И вдруг, узнавши таким случайным образом о подвигах русских людей, какой-нибудь мыслитель из «Сына отечества» или из «Северной пчелы» вламывается в амбицию и заявляет жалобным голосом свою патристическую претензию: «На что же, мол, это похоже? В России есть умные люди, а я, русский мыслитель и образованный человек, об этом ничего не знаю. Как же вам не грех так поступать, родимые специалисты? Зачем же вы пишете по-латыни или по-немецки? Вы должны писать по-русски, тогда бы я вас знал и мне было бы приятно, а русское общество получило бы от вас назидание и пользу. Смотрите же, родимые специалисты, непременно пишите по-русски».

Такие жалобы и такие увещания слышатся очень часто, и читатель им обыкновенно сочувствует тем дряблым и ни на что не годным сочувствием, которым мы вообще чрезвычайно богаты и которое никогда не может повести нас дальше каких-нибудь обедов по подписке или спектаклей с благотворительными предложениями. Но эти жалобы и увещания так же пусты и праздны, как и большая часть тех мыслей, с которыми сочувственно соглашаются русские читатели. Какая бы в самом деле вышла польза, если бы Овсянников написал свое исследование по-русски? Пользы никакой, а вред очевидный; ведь Льюис не стал бы учиться русскому языку ради одной диссертации о спинном мозге; ну, стало быть, у Льюиса одним полезным пособием было бы меньше, а мыслитель «Сына отечества» или «Северной пчелы» все-таки не прочел бы диссертации родимого специалиста; а если бы и прочел, то ничего бы из нее не понял и не извлек, потому что выучиться немецкому или латинскому языку гораздо легче, чем понять специально уче-

ный труд, написанный даже по-русски. Если бы мыслитель был способен заниматься серьезным делом, то немецкий или латинский язык не составил бы для него непреодолимого препятствия. А если он, от лица публики, жалуется на трудность иностранного языка, то он еще пуще того будет жаловаться на непонятность научного изложения. Ему что надо? Ему надо, чтобы Бэр явился перед русскою публикою и сказал ей с подобающею любезностью: «Честь имею рекомендоваться: я — Карл Эрнст фон Бэр. Я занимаюсь эмбриологиею. Эмбриология есть наука о развитии живых существ. Эта наука составляет часть естествознания, а естествознание — вещь очень полезная, вот почему и вот почему. Я сделал несколько новых открытий и объясню вам значение этих открытий, применяясь к вашему убогому пониманию и стараясь растолковать вам самые элементарные истины, известные каждому немецкому школьнику, но совершенно новые для мыслителей наших газет и журналов».

Ах, как бы это было хорошо и благоразумно! На это галантейное расшаркивание Бэра перед русскою публикою ушло бы очень много времени, а время Бэра очень дорого, потому что великий натуралист мог бы употребить его на новые исследования. Бэр — превосходный специалист, раздвигающий пределы науки, а мы, по нашей глупости, хотим, кроме того, чтобы он сделался для нас школьным учителем, и если бы наше глупое желание исполнилось, то одним великим исследователем сделалось бы меньше и одним плохим писателем больше.

И такие же требования вместе с такими же нелепыми упреками сыпятся на наших остальных дельных специалистов. Эти требования и упреки очень поучительны, потому что в них выражается, самым наивным образом, изумительная пассивность наших умственных привычек. Чуть только появится у нас какой-нибудь дельный человек, мы сейчас норовим пристроиться к нему под крылышко. Мы уже ждем от него какой-то манны небесной, и нам даже в голову не приходит та мысль, что нам следует быть деятельными помощниками, а не убогими приживалками этого полезного человека. Мы говорим дельному человеку: благодетель, отец родной! Просвети нас, научи нас, наставь на путь истины. Мы тебя будем слушать и век за тебя будем бога молить.

Написано, например, дельное научное сочинение, открывающее какие-нибудь новые истины. Значит, нашелся в обществе мыслящий человек, который сделал свое дело как следует. Если общество живет полною и здоровою жизнью, то этот утешительный факт никак не останется одиноким и случайным явлением; не-

медленно найдется другой дельный человек, который объяснит открытие первого; потом какой-нибудь третий человек придумает для этих открытий практическое применение, — словом, дело исследователя будет проведено в сознание и в жизнь общества разными популяризаторами и техниками. А у нас, напротив того, десятки людей будут жаловаться на то, что исследователь пишет неясно, и ни один из этих ноющих десятков не потрудится разъяснить и переработать собственными силами то, что он находит неудовлетворительным. Да он и не находит ничего неудовлетворительным; он просто хочет сидеть на одном месте, сибаритствовать, заниматься приятным чтением и, отдавшись безусловно в руки специалиста, приобретать от него знания без малейшего напряжения мысли.

При такой полной пассивности нашего общества русские специалисты поставлены в необходимость писать свои исследования на иностранных языках. Это даже выгодно для нашего общества, не говоря уже об интересах общечеловеческой науки. Положим, например, что доктор Боткин произвел какие-нибудь новые исследования над лечением нервных болезней. Напечатай он эти исследования на русском языке, они точно в воду канут. Но как только они попадутся в руки европейских ученых, так тотчас сотни деятельных умов дополнят и переработают их своими собственными наблюдениями, и открытие нашего доктора вернется к нам в Россию в усовершенствованном виде, и больные наши испытают на собственном теле благодетельные последствия того факта, что русский ученый написал свое исследование на немецком языке. Если бы умственная жизнь нашего общества отличалась силою и энергиею, тогда специалисты наши писали бы по-русски, тогда у нас было бы много специалистов, и тогда европейские ученые находили бы для себя полезным учиться русскому языку, подобно тому как они в настоящее время учатся английскому, французскому и немецкому. Специалиста с непобедимою силою притягивает та сфера, в которой его специальный труд будет всего лучше понят и оценен и в которой он, следовательно, произведет самое плодотворное и живительное впечатление. И специалист поступает совершенно благоразумно и добросовестно, подчиняясь безусловно действию этой притягательной силы. Мы даже не имеем никакого права говорить, что русские ученые не думают о потребностях русского общества. Какие русские ученые? Русские ученые не существуют. Разве же те ученые, которых мы называем русскими, порождены умственным движением и умственными потребностями нашего общества? Ничуть не бывало.

Мы даже до сих пор не имеем понятия о том, что такое умственное движение или умственная потребность. Все это я говорю не для того, чтобы обидеть таких специалистов, как Бэр, Овсянников, Якубович и другие, а только для того, чтобы доказать, что специалисты, перевезенные из Европы в Россию или, точнее, порожденные общеевропейским движением мысли, всегда будут и должны тянуться к своей умственной родине. Они в нашем обществе так же одиноки, как если бы они находились в аравийской пустыне. Они не могут создать в обществе умственное движение. Не специалисты создают то или другое общественное настроение, а, наоборот, общество, настроившись так или иначе действием общих причин, испытывает те или другие потребности и выдвигает, для удовлетворения этим потребностям, теоретических исследователей или практических деятелей. Общество должно само работать над своим образованием, и только оно одно, совокупными усилиями всех своих членов, может выполнить над собою это дело умственного перерождения. А пока оно будет сидеть сложа руки и ждать себе манны небесной от отдельных личностей, до тех пор манна к нему не сойдет, хотя бы эти личности и были европейскими знаменитостями, подобными Бэру.

Что европейская наука насаждена и поддерживается у нас искусственными средствами, это очень хорошо, потому что без искусственных средств она бы не поддержалась; но если общество думает, что оно имеет какое-нибудь право контроля над такою наукою, которая возникла и держится помимо его содействия, то общество сильно ошибается. Пусть оно сначала поработает, пусть выделит из себя научных деятелей, и тогда ему не на что будет жаловаться: эти новые деятели, обязанные ему своим происхождением, будут безусловно преданы его умственным интересам. До сих пор наше общество создало своими собственными силами только одну журналистику, которая действительно возникла, развивалась и держится независимо от всяких посторонних влияний. И в самом деле, журналистика, в лице своих даровитейших представителей, всегда служила самым добросовестным образом умственным потребностям общества. Такая предварительная деятельность совершенно необходима. Базаров замечает совершенно справедливо, что все наши акционерные компании лопаются от недостатка честных и дельных людей¹⁸⁰. Стало быть, надо сначала сформировать честных и дельных людей, а потом уже приниматься за составление акционерных компаний или за какие-нибудь другие столь же общественные предприятия. К этой цели и направляются наши реалисты, отчасти осмеивая мешающие глупо-

сти, отчасти распространяя научные сведения. — Деятельность очень скромная, но мы за блеском и не гонимся. Нам нужна польза для себя и для всех.

[...] ¹⁸¹

XXIII

Люди издавна стремились создать вокруг себя искусственную атмосферу тепла, аромата и роскоши. Они удовлетворяли всем естественным потребностям своего организма, но этого было мало; они придумывали себе новые потребности, создавали себе новые, чисто искусственные страсти, не жили, лелеяли, воспитывали и доводили их до высокой степени чуткости, впечатлительности и утонченности. Человек развивал в своей личности чувства и страсти для того, чтобы извлекать себе из жизни как можно больше разнообразного и безмятежного наслаждения. Но расчет оказался не совсем верен. Те самые страсти и чувства, которые должны были служить приправою утонченного обеда или очаровательного любовного свидания, сделались, напротив того, злейшими врагами этой тепличной жизни. Постоянно есть, постоянно пить, постоянно любезничать, проводить жизнь между столом и постелью — это показалось невыносимым наказанием именно для тех тонко развитых и страстных эпикурейцев, которые лучше всех других людей умели разнообразить свои наслаждения. Никакие соусы из соловьиных язычков, никакие неестественные проявления сластолюбия не могли заглушить в них неукротимого стремления действовать, мыслить, пожалуй даже страдать, но только, во что бы то ни стало, вырваться из одуряющего воздуха теплицы в суровую, холодную, но естественную среду действительной жизни. Действовать? — Каким образом? — Мыслить? — О чем и зачем? — Страдать и бороться? — С чем и за что? — Каким образом действовать? Ну, конечно, прежде всего воевать. Эта отрасль деятельности первая бросается в глаза страстному эпикурейцу, воспитанному в тепличной атмосфере и утомленному бесконечными оргиями. Так и решается вопрос в действительности. Алкивиад ¹⁸² бросается с войском в Сицилию, Цезарь ¹⁸³ — в Галлию, Александр ¹⁸⁴ — в Персию. А потом? Потом и война надоедает. Сильный ум ищет себе новой пищи. Начинаются серьезные размышления о сделанных завоеваниях. Отставной завоеватель становится рачительным хозяином.

Не все, далеко не все блестящие деятели всемирной истории прошли через указанные мною фазы развития. Очень многие

споткнулись и погибли в начале или на половине пути, но, несмотря на то, можно сказать наверное, что каждый действительно замечательный ум утомляется рано или поздно теми наслаждениями, которые достаются ему на долю без труда и без борьбы; утомившись и пресытившись, он тревожно начинает искать выхода своим силам и, наконец, или погибает во время безуспешных поисков, или успокаивается на такой деятельности, которая самым тесным образом связана с интересами страждущего большинства. А между тем ведь и у частных людей бывают и сильные страсти, и тонкие чувства, и светлые умы. Им-то чем же забавляться? Каким образом они-то могут вырваться из теплицы?

Одни из этих страстных и даровитых тунеядцев начинают искать вокруг себя сильных ощущений; другие задумываются над различными явлениями из жизни природы, ставят себе на каждом шагу мудреные вопросы и ломают себе голову над сотнями и тысячами вечных загадок. Первые делаются поэтами и художниками; вторые — учеными или мыслителями. Но где же поэт или художник, человек действительно восприимчивый, умный и страстный до гениальности, где же, спрашиваю я, он найдет себе те сильные ощущения, которые удовлетворят вполне его ищущую, жаждущую и томящуюся природу? — Каким образом он ухитрится во время своих поисков миновать тот громадный мир неподдельного человеческого страдания, который со всех сторон окружает нас сплошною, темною стеною? — Разве есть возможность не заметить того, что на каждом шагу режет глаз самому невнимательному наблюдателю? Можно, конечно, приглядеться к этим будничным картинам, можно притупить в себе ум и чувство, можно довести себя совершенно незаметным образом до самого невозмутимого равнодушия к чужому голоду и холоду. С этим я согласен, и мы встречаемся в жизни ежеминутно с великолепнейшими экземплярами такой философской невозмутимости. Но вы не забывайте, что ведь мы ведем здесь речь о поэте, о художнике, о человеке, в высшей степени впечатлительном, страстном и отзывчивом. Какой же истинный поэт может довести себя до чурбанного равнодушия? Если человеческие страдания не производят на него впечатления, то где же его впечатлительность? Если он, отворачиваясь с самодовольным презрением от картин грязной нищеты и невольного порока, отзывается певучими нотами на трепетание влюбленного соловья, и на благоухание расцветающей розы, и на каждый грошовый вздох смазливой барышни, то ведь эта отзывчивость так же приторна и отвратительна, как нежная привязанность старой девки к кошкам, попугаям и москьям. В таком человеке

нет ни ума, ни впечатлительности, ни страсти, ни отзывчивости. Что это за художник? Это просто мышинный жеребчик¹⁸⁵, одержимый самым мельчайшим тщеславием, самым копеечным желанием порисоваться перед почтеннейшею публикою и заработать себе от разных глупых тунаядцев несколько лестных комплиментов и несколько еще более лестных рублей.

Мне возразят, быть может, что художник может увлечься поклонением чистой красоте и что в таком случае он посвятит все свои силы на воплощение своего идеала в художественном создании, в статуе, в картине, в романе или в какой-нибудь другой форме творчества. Скульптура целиком основана на этом поклонении физической красоте. Знаю. Но это возражение устраняется само собою. Я предположил выше, что самым умным и даровитым людям становится непременно душно в искусственной атмосфере эпикурейской теплицы. Мне кажется, что предположение верно в психологическом отношении и может быть доказано сотнями примеров из всех эпох всемирной истории. Кому сделалось душно в теплице, тот, разумеется, выходит на открытый воздух, то есть, так или иначе, вмешивается в жизнь большинства. Кому приелись разные сладости, вино и поцелуи, тот ищет себе труда и борьбы, тот лечится от пресыщения суровыми столкновениями с неподкрашенной действительностью. Гейне превосходно выразил это настроение в своей песне о Тангейзере¹⁸⁶. Венера угощает Тангейзера сладким вином, хочет надеть ему на голову венок из свежих роз, наконец зовет его к себе в спальню; но Тангейзер даже смотреть на нее не хочет; его уже просто тошнит от всех этих миндальностей; ему хочется труда, горечи, тернового венка; он говорит ласковой любовнице своей крупные дерзости и уходит от нее черт знает куда и черт знает зачем. Понятно, что человек, находящийся в настроении свирепого Тангейзера, решительно не способен заниматься поклонением чистой или идеальной красоте. Не за тем же, в самом деле, он так сурово отвернулся от живой красавицы, чтобы писать к ней пламенные сонеты или падать на колени перед ее изображением, вырезанным из белого мрамора или написанным масляными красками на холсте. Пигмалион¹⁸⁷ молил богов, чтобы они превратили его мраморную Галатею в живую женщину, и это понятно; но променять живую, любящую женщину на кусок полотна или мрамора — это такая нелепость, на которую не покушался до сих пор ни один из самых необузданных идеалистов. Очень многие пламенные любовники пробавляются чистым платонизмом¹⁸⁸, но они всегда делают это только вследствие печальной необходимости; когда же они имеют возможность сделать

выбор, тогда они с нарочитым удовольствием променивают свои отвлеченные восторги на более существенные и менее невинные наслаждения.

Что же из всего этого следует? Да, очевидно, то, что поклонники чистой красоты никогда не испытывали мучений Тангейзера; напротив того, они чрезвычайно довольны тепличною жизнью и, в наивности души, принимают свой крошечный теплый уголок за великий, богатый и разнообразный мир, в котором все высшие человеческие потребности находят и должны находить себе полное и всестороннее удовлетворение. Эти пигмеи, занимающиеся скульптурою, живописью, эротическим стиходеланием или томными руладами, эти пигмеи, говорю я, или не знают великих вопросов широкой, действительной мировой жизни, или же не хотят их знать, прикидываются глухими и слепыми, чтобы оправдывать в своем собственном мнении свою канареечную жизнь и деятельность. В первом случае — если не знают — мы имеем несомненное право заподозрить их в тупоумии или в полной неразвитости. Во втором случае — если напускают на себя поддельную глухоту и слепоту — мы имеем право назвать их бесчестными и трусливыми людьми, которые стараются обмануть даже собственную совесть. — В том и в другом случае было бы странно и нелепо требовать от нас, чтобы мы признали в этих мелких сибаритах передовых представителей человечества; деятельность таких людей не дает нам ровно ничего, и, следовательно, встречаясь с их произведениями, нам остается только посмеяться над доверчивостью того общества, которое видит в них лучшее свое украшение.

[...] ¹⁸⁹

XXX

Припомните вместе со мною, мой читатель, каким образом вас воспитывали и учили. Предположим на первый случай, что вы — сын богатого помещика и живете вместе с вашими родителями в какой-нибудь тамбовской или рязанской деревне. Вам лет десять, вы безжалостно рвете и пачкаете ваши рубашечки, курточки и панталоны; вы лазаете по горам и по деревьям и сокрушаете каждый день вашу мамашу новыми синяками и царапинами, которые она постоянно усматривает на вашем лице и на ваших руках. Наконец мамаша говорит папаше, что мальчик шибко балуется и что давно пора выписать для него строгого гувернера, который серьезно присадил бы его за умные книжки. Папаша отвечает: хорошо! Вот продадим обоз пшеницы, съезжу недели на три в Москву

и отыщу там подходящего немца или француза. Как сказано, так и сделано. Получаются деньги за пшеницу, и часть этих денег употребляется на приобретение того неизвестного господина, которым уже давно страдала вас ваша мамаша. Неизвестный господин объявляет папаше, что надо выписать такую-то арифметику, такую-то грамматику, такую-то географию и так далее. Папаша отпирает ту шкатулку, в которой у него ссыпана пшеница, превращенная в кредитные билеты, и выдает рублей 20 или 30 на покупку учебных книг. Каждый год продаются обозы пшеницы, и каждый год часть вырученных денег вручается вашему ментору, а другая часть превращается в книги, глобусы, ландкарты¹⁹⁰, аспидные доски¹⁹¹, писчую бумагу, стальные перья. Все это вы, как ненасытная пучина, поглощаете с тою же быстротою, с какою вы в былое время истребляли штаны и куртки. Положим, что все это идет вам впрок. Ваша любознательность пробуждается; ваш ум растет и укрепляется; вы всею душою привязываетесь к вашему воспитателю; он рассказывает вам о своем студенчестве; и вас самих начинает тянуть в университет, в обетованную землю труда и знания. Родители ваши с удовольствием уступают вашему желанию; несмотря на вашу юношескую робость, вы превосходно выдерживаете вступительный экзамен и с замиранием сердца входите в обетованную землю. С этой минуты часть пшеницы, превращенная в деньги, поступает в ваше собственное распоряжение; вы сами заботитесь о своем костюме, сами покупаете себе книги, сами позволяете себе удовольствия. Допустим, что все это вы делаете вполне благоразумно; в одежде нет роскоши, в чтении вашем господствует строгая последовательность, удовольствия выбираются такие, которые действительно освежают ваши силы для нового труда; все это превосходно; но ведь все это до сих пор было только поглощением пшеницы, превращенной в сукно, в голландское полотно, в дельные книги, в театральные и концертные билеты, в профессорские лекции, в умные мысли и в высокие стремления. Всякий человек, собирающийся работать, должен непременно поглотить сначала известное количество продукта, уже выработанного другими людьми; он может поглотить его глупо, то есть расстроить себе желудок этим поглощением; может поглотить умно, то есть действительно подкрепить свои силы; но за то, что человек подкрепил свои силы, мы еще ничуть не обязаны говорить ему спасибо; надо посмотреть, что будет дальше. Дальше вы оказываетесь кандидатом, и перед вами раскрывается жизнь. У вас есть все, что нужно человеку для счастья: здоровая молодость, развитой ум, приличная наружность, обеспеченное состояние;

вам хочется жить, любить, мыслить и действовать. Чем захочу, думаете вы, тем и займусь; куда захочу, туда и поеду; что захочу, то и сделаю. Я сам себе барин и никому не намерен отдавать отчет в своем образе жизни. Мое образование изошрило во мне способность наслаждаться всем, что затрагивает мысль и ласкает чувство; поэтому я намерен извлекать себе наслаждения из любви, из науки, из искусства, из живой природы; все мое, а сам я не принадлежу решительно никому.

Такой взрыв юношеской самостоятельности составляет очень обыкновенное, быть может даже неизбежное явление в жизни каждой мыслящей и развивающейся личности. Но первый трезвый взгляд на экономическую прозу жизни кладет конец этому взрыву. Вы начинаете соображать, что вы поглотили целые сотни четвертей видоизмененной пшеницы и что каждая четверть соответствует известному количеству рабочих дней, конных и пеших, мужских и женских. А я-то, думаете вы, так радовался обилию моих знаний; а я-то так гордился силою моего ума и тонкостью моего эстетического вкуса! Ведь смешно даже подумать, к чему приводится эта радость и эта гордость! Какой я в самом деле молодец! Какую гору пшеницы я съел и переварил! А что же я теперь собираюсь делать? Наслаждаться прелестями молодой жизни, то есть опять есть и опять переваривать? Ведь надо же и честь знать. А если не честь, то надо же знать по крайней мере простые правила арифметики. Если постоянно вычитать из общественного капитала, то, наконец, весь капитал уничтожится и общество придет к банкротству. Я взял займы чужой труд; теперь надо же уплачивать этот долг. А чем его уплачивать? Деньгами, что ли? Очевидная нелепость. Это значит занимать у Ивана, чтобы отдавать Петру. За труд можно платить только трудом. Сначала другие люди работали на меня, а теперь я должен работать для других людей. Я весь принадлежу тому обществу, которое меня сформировало; все силы моего ума составляют результат чужого труда, и если я буду разбрасывать эти силы на разные приятные глупости, то я окажусь несостоятельным должником и злостным банкротом, хотя может быть, никто не назовет меня этим позорным именем и даже не заметит, что я поступаю бесчестно, то есть становлюсь врагом того самого общества, которому я обязан решительно всем.

Когда вы придете к таким серьезным заключениям, тогда бесцельное наслаждение жизнью, наукою, искусством окажется для вас невозможным. Останется только одно наслаждение, то, которое выходит из ясного сознания, что вы приносите людям действительную пользу, что вы уплачиваете понемногу накопившуюся

массу ваших долгов и что вы твердыми шагами, не сворачивая ни вправо, ни влево, идете вперед, к общей цели всей вашей жизни. Да, жизнь есть постоянный труд, и только тот понимает ее вполне по-человечески, кто смотрит на нее с этой точки зрения. И любовь к женщине, и искусство, и наука — все это или вспомогательные средства в общем механизме жизненного труда, или минуты отдыха в антрактах между оконченною работою и началом нового дела. О любви к женщине и об искусстве я уже говорил выше. Теперь будем говорить о науке. Но сначала надо сделать еще несколько общих замечаний.

Для большей простоты анализа я предположил в первых строках этой главы, что вы, мой читатель, — сын богатого помещика и что вы воспитывались на деньги ваших родителей. При этом условии отношения вашего воспитания к пшенице и к рабочим дням обрисовываются так ясно, что о них больше незачем и распространяться. Но если бы я предположил, что вы — плебей и пролетарий и что вы сами тяжелым трудом завоевали себе каждую отдельную частицу вашего широкого образования, то, даже и в этом случае, настоящая сущность дела осталась бы неизменною. Все-таки окажется при внимательном рассмотрении, что вы всем обязаны обществу и что все силы вашего развитого и укрепленного ума должны быть употреблены на постоянное служение действительным интересам этого общества. Природа дала вам живой ум и сильную любознательность. Но самые превосходные дары природы остаются мертвым капиталом, если вы живете в таком обществе, в котором еще не зародилась умственная деятельность. Те вопросы, которые на каждом шагу задает себе ваш пытливый ум, остаются без ответа; энергия ваша истрачивается на множество мелких и бесплодных попыток проникнуть в затворенную область знания; вы понемногу слабеете, тупеете, мельчаете и, наконец, миритесь с вашим невежеством, как с неизбежным злом, которое, наконец, перестает даже тяготить вас. В нашем обширном отечестве было очень много гениальных самородков, проживших жизнь без труда и без знания по той простой причине, что негде, не у кого и некогда было выучиться уму-разуму. Вероятно, такие печальные случаи повторяются довольно часто и в наше время, потому что Россия велика, а светильников в ней немного. Стало быть, если вы — пролетарий и если вам посчастливилось наткнуться или удалось отыскать такой светильник, который уяснил вам смысл и цель человеческого существования, то вы должны задать себе вопрос: какими средствами зажжен этот спасительный светильник? и какими материалами поддерживается его горение?

Каков бы ни был этот светильник — университет, академия, образованный человек, хороший журнал, умная книга, — все равно; во всяком случае он стоит денег, а мы уже знаем, что деньги — не что иное, как пшеница, рожь, овес, лен, пенька, или, еще проще, рабочие дни, конные и пешие, мужские и женские. Все богатство общества без исключения заключается в его труде. Часть этого труда, теми или другими средствами, отделяется на то, чтобы создавать в обществе умственный капитал. Ясное дело, что этот умственный капитал должен приносить обществу хорошие проценты, иначе общество будет постоянно терпеть убытки и постоянно приближаться к окончательному разорению. Примеры таких разорений уже бывали в истории. Такое разорение называется падением цивилизации, и каждый ученик уездного училища должен знать, что уже несколько цивилизаций, по-видимому, сильных и цветущих, упало и уничтожилось без остатка.

XXXI

Человеческий труд весь целиком основан на науке. Мужик *знает*, когда надо сеять хлеб, когда жать или косить, на какой земле может родиться хлеб и какого снадобья надо подбавить в землю, чтобы урожай был обильнее. Все это он знает очень смутно и в самых общих чертах, но тем не менее это — зародыши науки, первые попытки человека уловить тайны живой природы. В свое время эти простые наблюдения человека над особенностями земли, воздуха и растений были великими и чрезвычайно важными открытиями; именно по своей важности они сделались общим достоянием трудящейся массы; они навсегда слились с жизнью, и в этом отношении они оставили далеко за собою все последующие открытия, более замысловатые и до сих пор еще не успевшие пробить себе дорогу в трудовую жизнь простого и бедного человека. В настоящее время физический труд и наука на всем пространстве земного шара находятся между собою в полном разрыве. Физический труд пробавляется до сих пор теми жалкими начатками науки, которые выработаны человеческим умом в доисторические времена; а наука в это время накапливает груды великих истин, которые остаются почти бесплодными, потому что масса не умеет ни понимать их, ни пользоваться ими.

Читатель мой, вероятно, привык читать и слышать, что девятнадцатый век есть век промышленных чудес; вследствие этого читателю покажутся странными мои слова о разрыве между физическим трудом и наукою. Да, точно. Люди понемногу начинают

браться за ум, но они берутся за него так вяло и так плохо, что мои слова о разрыве никак не могут считаться анахронизмом. Промышленными чудесами решительно не следует обольщаться. Паровоз, пароход, телеграф — все это штуки очень хорошие и очень полезные, но существование этих штук доказывает только, что есть на свете правительства и акционерные компании, которые понимают пользу и важное значение подобных открытий. Русский мужик едет по железной дороге; купец телеграфирует другому купцу о какой-нибудь перемене цен. Мужик размышляет, что славная эта штука чугунок; купец тоже философствует, что очень хитро устроена это проволока. Но скажите на милость: пробуждают ли эти промышленные чудеса самостоятельность мысли в головах мужика и купца? Проехал мужик по чугунке, воротился в свою курную избу¹⁹² и по-прежнему ведет дружбу с тараканами, по-прежнему лечится нашептываниями знахарки и по-прежнему обрабатывает допотопными орудиями свою землю, которая по-прежнему остается разделенною на три клена — озимый, яровой и пар. А купец, отправив телеграфическую депешу, по-прежнему отбирает силою у своих детей всякие книги и по-прежнему твердо убежден в том, что торговать без обмана — значит быть сумасшедшим человеком и стремиться к неизбежному разорению. Паровоз и телеграф пришиты снаружи к жизни мужика и купца, но они несколько не срослись с их полудикою жизнью.

Когда простой человек, оставаясь простым и темным человеком, входит в близкие и ежедневные сношения с промышленными чудесами, тогда его положение становится уже из рук вон плохо. Посмотрите, в каких отношениях находятся между собою фабричная машина и фабричный работник. Чем сложнее и великолепнее машина, тем тупее и беднее работник. На фабрике являются два совершенно различные вида человеческой породы: один вид господствует над природою и силою своего ума подчиняет себе стихии; другой вид находится в услужении у машины, не умеет понять ее сложное устройство и даже не задает себе никаких вопросов о ее пользе, о ее цели, о ее влиянии на экономическую жизнь общества. До вопросов ли тут, когда надо подкладывать уголь под котел или ежеминутно открывать и закрывать какой-нибудь клапан? И таким образом машина, изобретенная знающим человеком, подавляет незнающего человека, подавляет потому, что между наукою, с одной стороны, и трудящеюся массою, с другой стороны, лежит широкая бездна, которую долго еще не ухитряются завалить самые великие и самые человеколюбивые мыслители. Если работник так мало развит, что у него нет сознательного чувства

самосохранения, то машина закабалит этого работника в самое безвыходное рабство, в то рабство, которое основано на умственной и вещественной бедности порабощаемой личности. Машины должны составлять для человечества источник довольства и счастья, а на поверку выходит совсем другая история: машины ролят пауперизм, то есть хроническую и неизлечимую бедность. А почему это происходит? Потому что машины, как снег на голову, сваливаются из высших сфер умственного труда в такую темную и жалкую среду, которая решительно ничем не приготовлена к их принятию. Простой работник слишком необразован, чтобы сделаться сознательным повелителем машины; поэтому он немедленно становится ее рабом. Видите таким образом, что промышленные чудеса превосходно уживаются с тем печальным и страшным разрывом, который существует между наукою и физическим трудом.

Век машин требует непременно добровольных ассоциаций между работниками, а такие разумные ассоциации возможны только тогда, когда работники находятся уже на довольно высокой степени умственного развития. Если же работники, сталкиваясь с машинами, продолжают действовать врассыпную, то в рабочем населении развиваются немедленно, с изумительною силою и быстротою, бедность, тупость и деморализация. Представьте себе, что в каком-нибудь округе пятьсот семейств добывают себе насущный хлеб производством полотен. Зарботки их не очень богаты, но все они по крайней мере сыты, одеты и даже откладывают кое-какие гроши про черный день. Вдруг какой-нибудь механик придумывает превосходный ткацкий станок, который приводится в движение силою пара и производит в один день столько полотна, сколько простой работник сделает в месяц. Дай бог здоровья механику за его превосходное изобретение, но для наших пятисот семейств новый ткацкий станок равняется страшному неурожаю, громадному пожару, наводнению или вообще какому-нибудь жестокому естественному бедствию. Новая машина так дорога, что ни одно семейство не в силах купить ее на свои собственные сбереженные деньги, а работать по-старому уже невозможно, потому что изобретение механика произвело очень сильное понижение цен на полотно, и ручной труд уже не окупается. Если бы двадцать или тридцать семейств сложили вместе свои крошечные капиталы, то они могли бы купить машину, устроить небольшую фабрику и потом делить между собою барыши соразмерно с внесенными суммами. Но можно сказать наверное, что они этого не сделают; во-первых, никому из них эта простая мысль не придет в голову, во-вторых, если бы даже она пришла в голову одному из этих ра-

ботников, то она не нашла бы себе сочувствия в других работах; сейчас явилось бы на сцену то тупое и беспричинное недоверие, которым обыкновенно страдают люди, не привыкшие думать, и которое так превосходно воплощено Гоголем в личности помещицы Коробочки¹⁹³; в-третьих, если бы даже компания действительно составила, то она через два-три месяца расползлась бы врозь, потому что акционеры, непривычные к коллективной деятельности, перессорились бы между собою, завели бы клеюзы¹⁹⁴ и процессы или погубили бы свое общее дело небрежностью. На основании всех этих и многих других причин компания не составляется, и ткачи, задавленные превосходством новой машины, прекращают свое производство, отправляются на соседнюю фабрику и поступают туда в поденщики. Таким образом кладется краеугольный камень того прочного здания, которое называется пауперизмом. Как вам это нравится? Практическое приложение научного открытия увеличивает массу человеческих страданий!

И такие трагические недоразумения между наукою и жизнью будут повторяться до тех пор, пока не прекратится губительный разрыв между трудом мозга и трудом мускулов. Пока наука не перестанет быть барскою роскошью, пока она не сделается насущным хлебом каждого здорового человека, пока она не проникнет в голову ремесленника, фабричного работника и простого мужика, до тех пор бедность и безнравственность трудящейся массы будут постоянно усиливаться, несмотря ни на проповеди моралистов, ни на подаяния филантропов, ни на выкладки экономистов, ни на теории социалистов. Есть в человечестве только одно зло — невежество; против этого зла есть только одно лекарство — наука; но это лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми бочками. Слабый прием этого лекарства увеличивает страдания больного организма. Сильный прием ведет за собою радикальное исцеление. Но трусость человеческая так велика, что спасительное лекарство считается ядовитым.

XXXII

Надо распространять знания — это ясно и несомненно. Но *как* распространять? — вот вопрос, который, заключая в себе всю сущность дела, никак не может считаться окончательно решенным. Взять в руку азбуку и пойти учить грамоте мещан и мужиков — это, конечно, дело доброе; но не думаю я, чтобы эта филантропическая деятельность могла привести за собою то слияние науки с жизнью, которое может и должно спасти людей от бедности,

от предрассудков и от пороков. Во-первых, все труды частных лиц по делу народного образования до сих пор носят на себе или чисто филантропический, или нагло-спекулятивный характер. Во-вторых, всякая школа, а народная тем более, имеет замечательную способность превращать самую живую науку в самый мертвый учебник или в самую приторную хрестоматию. Чистая филантропия проявлялась у нас в тех школах, в которых преподаватели занимались своим делом бесплатно. Наглая спекуляция свирепствует до сих пор в тех книжках для народа, которые продаются по пятачку и по три копейки. Об этом последнем явлении распространяться не стоит, потому что каждая из подобных книжек собственной наружностью кричит достаточно громко о своей непростительной гнусности. Но о филантропии поговорить не мешает, потому что филантропическая деятельность притягивает к себе силы очень хороших людей, которые могли бы принести общему делу гораздо больше пользы, если бы принимались за работу иначе.

Нет того доброго дела, за которое, в разных местах и в разные времена, не хватывалась бы филантропия; и нет того предприятия, в котором филантропия не потерпела бы самого полного поражения. Характеристический признак филантропии заключается в том, что, встречаясь с каким-нибудь видом страдания, она старается поскорей укротить боль, вместо того чтобы действовать против причины болезни. Мать слышит, например, плач своего ребенка, у которого болит живот. — На, батюшка, на, говорит она ему, пососи конфетку. — Приятное ощущение во рту действительно перевешивает на минуту боль в желудке, которая еще не успела развиться до слишком больших размеров. Ребенок затихает, но болезнь, не остановленная вовремя, усиливается, и тогда уже не помогает никакое сосание конфеток. Такая любящая, но недалёковидная мать представляет собою чистейший тип искреннего филантропа. Что филантропия русского купечества плодит нищих, которых содержание лежит тяжелым бременем на трудящейся массе, это всем известно. А что бросить грош нищему гораздо легче, чем задумываться над причинами нищенства, это тоже не подлежит сомнению.

Люди, посвящавшие свои силы и свое время преподаванию в народных школах, по чистоте стремлений и по высоте умственного развития стояли, конечно, неизмеримо выше нищелюбивых купцов. Но, надо сказать правду, они были так же недалёковидны, как и все остальные филантропы. Они видели зло — невежество. Не вглядываясь в глубокие причины этого зла, они сейчас, при первой возможности, схватились за лекарство. Народ ничего не

знает; ну, значит надо учить народ. Рассуждение, по-видимому, так верно и так просто, что оно должно прийти в голову всякому ребенку и что с ним должен согласиться всякий мыслитель. А между тем рассуждение это поверхностно и ошибочно. Почему народ ничего не знает? Во-первых, потому, что ему неудобно было учиться, мешало крепостное право. Допустим, что в настоящее время обстоятельства изменились; явилась *возможность* учиться. Но одной возможности еще недостаточно. Учение есть все-таки труд, а человек никогда не принимается за труд без внешней или внутренней побудительной причины. Если нет побудительной причины, то и филантропическое преподавание останется бесплодным; а если есть побудительная причина, то народ сам выучится всему, что ему действительно необходимо знать, то есть всему, что может доставить ему в жизни какие-нибудь осязательные выгоды. Он выучится урывками, самоучкою, помимо школ, и такое знание, взлелеянное каждым отдельным учеником с страстною и сознательною любовью, будет, разумеется, неизмеримо прочнее, живучее и способнее к дальнейшему развитию, чем то знание, которое методически и систематически вливается учителем в пассивные головы равнодушных школьников. Как вы думаете: кто богаче, тот ли человек, который сам выработал тысячу рублей, или тот, которому вы подарили две тысячи? Что касается до меня, то я, в обиду всем правилам арифметики, скажу смело, что первый гораздо богаче второго. — Стало быть, чтобы дать простым людям те выгоды, которые доставляются образованием, надо создать ту побудительную причину, о которой я говорил выше. То есть надо сделать так, чтобы во всей русской жизни усилился запрос на умственную деятельность. Другими словами, надо увеличить число мыслящих людей в тех классах общества, которые называются образованными. В этом вся задача. В этом альфа и омега общественного прогресса. Если вы хотите образовать народ, возвышайте уровень образования в цивилизованном обществе.

Итак, повторяю вопрос, поставленный в начале этой главы: каким же образом надо распространять знания? А вот ответ на этот вопрос: пусть каждый человек, способный мыслить и желающий служить обществу, действует собственным примером и своим непосредственным влиянием в том самом кружке, в котором он живет постоянно, и на тех самых людей, с которыми он находится в ежедневных сношениях. Учитесь сами и вовлекайте в сферу ваших умственных занятий ваших братьев, сестер, родственников, товарищей, всех тех людей, которых вы знаете лично и которые питают к вашей особе доверие, сочувствие и уважение. Если умеете

писать — пишите о предмете ваших занятий; если не чувствуете расположения к литературной деятельности, говорите о нем с теми людьми, у которых уже пробудилась любознательность и на которых вы можете иметь прочное влияние. Эта деятельность внутри собственного кружка многим нетерпеливым людям покажется чрезвычайно скромною и даже мизерною; я согласен с тем, что в такой деятельности нет ничего эффектного и блестящего. Но именно поэтому-то она и хороша. Всякий рассудительный читатель, вдумавшись в настоящую сущность дела, придет к тому заключению, что только деятельность, лишенная всякого блеска и эффекта, может повести за собою прочные результаты. Такая деятельность, по своей наружной мизерности, не возбуждает против себя филистерских стенаний, а под конец и окажется, что младшие братья и дети самых заклятых филистеров сделались реалистами и прогрессистами.

Весь ход исторических событий всегда и везде определялся до сих пор количеством и качеством умственных сил, заключающихся в тех классах общества, которые не задавлены нищетою и физическим трудом. Когда общественное мнение пробудилось, тогда уже очень крупные эксцентричности в исторической жизни становятся крайне неудобными и даже невозможными, хотя бы общественное мнение и не имело еще никакого определенного органа для заявления своих требований. Общественное мнение, если оно действительно сильно и разумно, просачивается даже в те закрытые лаборатории, в которых приготавливаются исторические события. Искусные химики, работающие в этих лабораториях, сами живут все-таки в обществе и, незаметно для самих себя, пропитываются теми идеями, которые носятся в воздухе. Нет той личности и той замкнутой корпорации, которые могли бы считать себя вполне застрахованными против незаметного и нечувствительного влияния общественного мнения. Иногда общественное мнение действует на историю открыто, механическим путем. Но, кроме того, оно действует еще химическим образом, давая незаметно то или другое направление мыслям самих руководителей. Таким образом, даже исторические события подчиняются до некоторой степени общественному мнению. А внутренняя сторона истории, то есть экономическая деятельность, почти вся целиком находится в руках общества. Оживить народный труд, дать ему здоровое и разумное направление, внести в него необходимое разнообразие, увеличить его производительность применением дознанных научных истин — все это дело образованных и достаточных классов общества, и никто, кроме этих классов, не может ни взяться за это

дело, ни привести его в исполнение. К какой бы экономической или социальной доктрине ни примыкал тот или другой писатель, во всяком случае осязательные исторические и бытовые факты для всех писателей остаются неизменными. И что же говорят нам эти факты? То, что до сих пор, всегда и везде, в той или другой форме, физический труд был управляем капиталом. А накопление капитала всегда основано на физическом или умственном превосходстве того лица, которое накапливает. Кто сильнее или умнее других, тот и богаче. Впоследствии, разумеется, капитал сам получает притягательную силу: деньга деньги родит, как говорит русская поговорка. Но первое начало этой «денеги» заключается в физическом или умственном неравенстве между людьми. А это неравенство, как явление живой природы, не подлежит, конечно, реформирующему влиянию человека.

Переворотов в истории было очень много; падали и политические и религиозные формы; но господство капитала над трудом вышло из всех переворотов в полнейшей неприкосновенности. Исторический опыт и простая логика говорят нам с одинаково убедительностью, что умные и сильные люди всегда будут одерживать перевес над слабыми и тупыми или притупленными. Поэтому возмущаться против того факта, что образованные и достаточные классы преобладают над трудящеюся массой, значило бы стучаться головою в несокрушимую и непоколебимую стену естественного закона. Один класс может сменяться другим классом, как, например, во Франции родовая аристократия сменилась богатой буржуазией, но закон остается ненарушимым. Значит, при встрече с таким неотразимым проявлением естественного закона надо не возмущаться против него, а, напротив того, действовать так, чтобы этот неизбежный факт обратился на пользу самого народа. У капиталиста есть ум и богатство. Эти два преимущества упрочивают за ним господство над трудом. Но господство это, смотря по обстоятельствам, может быть вредно или полезно для народа. Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полубразование, — он сделается пиявкой. А дайте ему полное, прочное, чисто человеческое образование — и тот же самый капиталист сделается — не благодетельным филантропом, а мыслящим и расчетливым руководителем народного труда, то есть таким человеком, который во сто раз полезнее всякого филантропа. Откройте умному человеку доступ к тем сильнейшим наслаждениям, которые мы находим в умственном труде и в полезной деятельности, и этот человек, кто бы он ни был, миллионер или пролетарий, непременно пристрастится к этим наслаждениям и непременно

поймет, что быть превосходным общественным деятелем приятнее, чем извлекать из своего капитала какие бы то ни было жидовские проценты. Разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда — значит открыть трудящемуся большинству дорогу к широкому и плодотворному умственному развитию. А чтобы выполнить эти две задачи, от разрешения которых зависит вся будущность народа, надо действовать исключительно на образованные классы общества. Судьба народа решается не в народных школах, а в университетах. Распространение грамотности, конечно, ничему не мешает, но жаль, если на этот труд употребляются такие силы, которые могли бы действовать в высших сферах мысли и в более обширном кругу. — У нас таких сил еще очень немного, и люди, одаренные ими, должны, из любви к делу своей жизни, расхоронить их с величайшею осмотрительностью. Филантропическими вспышками увлекаться не следует. Надо делать то, что целесообразно, а не то, что красиво, трогательно и похвально, с точки зрения сердечной мягкости.

Вот меня опять обвинят в пристрастии к парадоксам за мое откровенное мнение о распространении грамотности. Но я долго и упорно размышлял об этом предмете и старался высказать свою мысль как можно проще, серьезнее и скромнее. Поэтому я бы желал, чтобы мне возражали на эту мысль основательными доводами, а не восклицаниями о моем неисправимом чудачестве. Мне кажется, оно и для дела было бы полезнее.

XXXIII

В науке, и только в ней одной, заключается та сила, которая, независимо от исторических событий, может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда. Если наука, в лице своих лучших представителей, примется за решение этих двух задач и сосредоточит на них все свои силы, то губительный разрыв между наукою и физическим трудом прекратится очень скоро, и наука в течение каких-нибудь десяти или пятнадцати лет подчинит все отрасли физического труда своему прочному, разумному и благодетельному влиянию. Но я уже заметил в предыдущей главе, что всякая школа обыкновенно превращает живую науку в мертвый учебник. Ученик является в школе пассивным лицом. Научные истины лежат в его голове без движения, в том самом виде, в котором они положены туда преподавателем или руководством. Если в голове ученика состоялось до начала учения какое-нибудь ошибочное понятие, то

это понятие очень часто продолжает жить самым дружелюбным образом рядом с такою научною истиною, которая находится с ним в очевидном и непримиримом противоречии. Урок сам по себе, а жизнь сама по себе. Может быть, это происходит от молодости лет, а может быть, и от общепринятой манеры преподавания. Последнее предположение кажется мне более правдоподобным. У детей нет недостатка в живости и логичности мышления, но у них нет той умственной настойчивости, которая необходима для того, чтобы процесс мышления дошел до какого-нибудь окончательного результата. Дети по поводу своих уроков часто предлагают учителю очень меткие и остроумные вопросы; иногда эти вопросы приводят учителя в немалое смущение своим неожиданным и непозволительным радикализмом; но учитель — человек ловкий и политичный; он быстро производит искусную диверсию, принимает на себя внушительную осанку или произносит с важным видом глубокомысленную чепуху, и умственная самодеятельность, только что зашевелившаяся в живой голове ученика, опять усыпляется надолго, а может быть и навсегда.

Был у меня в университете один товарищ, человек неглупый, студент работающий и дельный. Он ухитрился дойти до третьего курса безо всякого серьезного мирозерцания. Даже вопросов и сомнений никаких не являлось¹⁹⁵. Но однажды ему пришлось переводить по заказу какую-то астрономическую статью Бабине¹⁹⁶, или Араго, или какого-то другого французского ученого. Эта статья поставила в его голове все вверх дном, и началась та умственная перестройка, которую непременно приходится переживать каждому человеку, прикоснувшемуся к живому знанию. В этом простом случае любопытно следующее обстоятельство: статья французского астронома не заключала в себе никаких полемических тенденций; она излагала ясным и живым языком те самые старые научные истины, которые мой товарищ уже два раза усвоивал себе в гимназии, во-первых, по введению в географию Ободовского¹⁹⁷, а во-вторых — по математической географии Талызина¹⁹⁸. Но таковы уже специальные достоинства учебников и школьного преподавания: книга, не тронутая школьным педантизмом, вызывает живую деятельность мысли и прохватывает насквозь все убеждения читателя теми самыми истинами, которые, красуясь на страницах учебника, не возбуждают в мальчике или в юноше ничего, кроме истерической зевоты и ленивого отвращения.

Кто дорожит жизнью мысли, тот знает очень хорошо, что настоящее образование есть только самообразование и что оно начинается только с той минуты, когда человек, распростившись

навсегда со всеми школами, делается полным хозяином своего времени и своих занятий. Университет только в том отношении и лучше других школ, что он предоставляет учащемуся гораздо больше самостоятельности. Но если вы, окончивши курс в университете, отложите всякое попечение о вашем дальнейшем образовании, то вы по гроб жизни останетесь очень необразованным человеком. Кто раз полюбил науку, тот любит ее на всю жизнь и никогда не расстается с нею добровольно. А кто знает науку так мало, что еще не успел привязаться к ней всеми силами своего существа, тот не имеет ни малейшей причины считать себя образованным человеком. Надо учиться в школе, но еще гораздо больше надо учиться по выходе из школы, и это второе учение, по своим последствиям, по своему влиянию на человека и на общество, неизмеримо важнее первого. Стало быть, кто хочет содействовать успехам образования, тот должен прежде всего обращать внимание на то учение, которое производится после школы, вне школы и помимо школы. Что читает общество и как оно относится к своему чтению, то есть видит ли оно в нем препровождение времени или живое и серьезное дело, — вот вопросы, которые прежде всего должен себе поставить человек, желающий внести науку в жизнь. Господствующий вкус общества и его взгляд на чтение зависят отчасти от общих исторических причин; но отчасти, и притом в очень значительной степени, они зависят также от личных свойств тех людей, которые пишут для общества. Слабые, дряхлые, бесцветные и бездарные писатели подчиняют свою деятельность прихотям общественного вкуса и капризам умственной моды. Но писатели, сильные талантом, знанием и любовью к идее, идут своею дорогою, не обращая никакого внимания на мимолетные фантазии общества. Умственная энергия таких писателей сама по себе делается иногда таким событием, которое обращает на себя внимание общества и даже создает новую моду. Яркость таланта и сила убеждения могут сделать то, что в обществе, всегда смотревшем на книгу как на некоторую игру облагороженного вкуса, зародится серьезный взгляд на чтение и возникнет законная потребность прикидывать мерку чистой и светлой идеи к сделкам и проделкам действительной жизни. Общество начнет понемногу понимать, что умные мысли кладутся на бумагу не для того, чтобы оставаться в хороших книжках. — Умиляешься, друг любезный, над хорошею книжкою, так не слишком пакости же и в жизни!

Благодаря Гоголю, Белинскому, Некрасову, Тургеневу, Достоевскому, Добролюбову и немногим другим, очень замечательным и добросовестным писателям, наше общество уже додумалось до

этого умозаключения. Стена между книжной мыслью и действительной жизнью пробита навсегда. Мысль писателя смотрит на действительную жизнь, а жизнь понемногу всасывает в себя питательные элементы теоретической мысли. То, что сделано на этом пути нашими предшественниками, значительно облегчает собою задачу современных писателей. Дайте обществу, что хотите, — научный трактат, газетный очерк каких-нибудь новейших событий, критическую статью по литературе, роман, стихотворение, — все равно: вам уж не будет надобности пробивать ледяную кору равнодушия, невнимания и непонимания; если есть в вашем труде что-нибудь полезное, общество посмотрит, и поймет, и подумает; и мысль ваша западет в ту глубину, в которой вырабатываются и созревают общественные убеждения. При таких условиях и жить стоит, и работать можно. Есть уже точка опоры, с которой можно начать дело сближения между теоретическим знанием и вседневной жизнью. Общество уже не прочь от того, чтобы видеть в чтении путь к самообразованию, а в самообразовании — путь к практическому благоразумию и совершеннолетию. Давайте обществу материалы — оно их возьмет, и воспользуется ими, и скажет вам спасибо; но *давайте* непременно. Само собою, без содействия литературных посредников, общество не в силах пойти за материалами, разрыть их громаду, выбрать и усвоить себе именно то, что ему необходимо. Общество уже любит и уважает науку; но эту науку все-таки надобно *популяризировать*, и популяризировать с очень большим умением. Можно сказать без малейшего преувеличения, что популяризирование науки составляет самую важную, всемирную задачу нашего века. Хороший популяризатор, особенно у нас в России, может принести обществу гораздо больше пользы, чем даровитый исследователь. Исследований и открытий в европейской науке набралось уже очень много. В высших сферах умственной аристократии лежит огромная масса идей; надо теперь все эти идеи сдвинуть с места, надо разменять их на мелкую монету и пустить их в общее обращение. Тогда только и можно будет оценить в полном объеме, с одной стороны, глубину, красоту и практическую силу научных идей, а с другой стороны, гибкость и плодovitость человеческого ума, который тогда впервые отдаст себе отчет в своих собственных подвигах. Это сближение мыслителей с обществом непременно поведет за собою сближение общества с народом, то сближение, которое при всяком другом образе действия, конечно, останется навсегда маниловскою фантазиею «Эпохи» и «Дня»¹⁹⁹.

Необходимость популяризировать науку до такой степени очевидна, что, кажется, и распространяться об этом не следует. Не значит ли это унижать великую истину риторическими декламациями? Нет, совсем не значит. У нас и великие истины еще требуют доказательств. — У нас один писатель, и притом из молодых и притом бывший студент естественного факультета, доказывал недавно очень горячо и даже с некоторым озлоблением, что науку незачем популяризировать и что таким делом могут заниматься только шарлатаны и верхогляды. Этого писателя зовут г. Аверкиев, а горячится он в «Эпохе», во второй части своей статьи «Университетские отцы и дети»²⁰⁰. Этот г. Аверкиев, пламенный поклонник и неудавшийся подражатель покойного Аполлона Григорьева²⁰¹, очень сердится за что-то на Карла Фохта, по-видимому за то, что Фохт не похож на Григорьева. Рассердившись на Фохта, собственно, с этой специальной стороны, г. Аверкиев утверждает, что популярные сочинения этого ученого по естественным наукам никуда не годятся; а вслед за тем, разгуливаясь все шире да шире, г. Аверкиев возвещает нам, что популяризировать науку даже очень глупо. А доказательства предлагаются вот какие: во-первых, всякая научная истина сама по себе совершенно ясна, потому что она истина; во-вторых, философские сочинения Канта²⁰² гораздо удобопонятнее, чем популярные статьи о философии г. Лаврова²⁰³. В-третьих, Льюис написал свою «Физиологию вседневной жизни» безо всяких претензий на популярность, и книга эта оказалась гораздо лучше популярных «Физиологических писем» Карла Фохта. — Ах, какие бесподобные доказательства! Во-первых, всякая научная истина ясна только тогда, когда она изложена ясно. Что ясно для ученого, то может быть совершенно неясно для образованного человека в общепринятом разговорном значении этого слова. И всякую научную истину можно изложить так, что у вас от этой истины затрещит голова и потемнеет в глазах. Сотруднику эстетического журнала не мешало бы, кажется, понимать, что внутреннее достоинство идеи и внешняя форма изложения — две вещи совершенно различные. Во-вторых, пример о Канте и о г. Лаврове замечателен по своей неудачности. Что Кант писал ясно, это — личное открытие или, вернее, изобретение г. Аверкиева. Впрочем, по его мнению, чего доброго, и г. Григорьев, которому он старается подражать, пишет ясно. Немцы, народ совершенно привычный к варварской туманности изложения, все-таки жалуются на Канта, что он писал самое капитальное из своих сочинений «Критику чистого разума» самым тяжелым, деревянным, непонятным и даже схоластическим языком. Лучшее доказательство кантовской

неясности заключается в том, что немцы раскусили «Критику чистого разума» через восемь лет после ее выхода в свет²⁰⁴. А своим обширным господством над умами всех образованных людей тогдашней Германии философия Канта обязана преимущественно философским статьям Шиллера, сочинениям Рейнгольда²⁰⁵ и усердным трудам многих других, более мелких популяризаторов. Если бы ясно было, так и незачем было бы так много разъяснять. Что Кант яснее г. Лаврова, об этом я не спорю. Но это доказывает только, что г. Лавров — прекрасный математик и очень ученый человек, но очень плохой популяризатор. Плохих популяризаторов на свете очень много, но выводить из этого простого факта заключение против популяризования вообще способен только сотрудник «Эпохи». В-третьих, что Льюис писал свою «Физиологию» без стремления к популярности, это опять произвольная выдумка г. Аверкиева. А что «Физиология» Льюиса написана гораздо понятнее и занимательнее, чем «Физиологические письма» Фохта, это чистая правда. Но опять-таки что же из этого следует? То, что Льюис популяризирует лучше Фохта. Это несомненно. И Бюхнер²⁰⁶ также, как популяризатор, стоит выше Фохта. Я подразумеваю здесь «Физиологические картины», которые по ясности и увлекательности изложения далеко оставляют за собою «Физиологические письма». Я видел собственными глазами, что двадцатилетняя девушка, не имевшая никакого понятия о физиологии, с величайшим увлечением, почти не отрываясь от книги, прочитала три большие статьи из «Физиологических картин» Бюхнера. Эти три статьи были: «Сердце и кровь», «Воздух и легкие» и «Жизнь и теплота». Кто читал эту книгу Бюхнера, тот знает очень хорошо, что в ней нет и намека на те скандальные пряности, которыми занимают своих читателей французские негодяи, подобные Дебе и Жуванселю²⁰⁷. Стало быть, девушка, незнакомя с физиологиею, была завлечена исключительно интересом предмета и мастерством изложения. Мне кажется, этот опыт говорит громче всяких умозрений, и писатель, достигающий таких блестящих результатов, имеет полное право считаться образцовым популяризатором. Таким популяризатором может сделаться далеко не всякий желающий. При всем своем уме, при своем блестящем литературном таланте, при своих обширных занятиях Карл Фохт в этом отношении все-таки стоит ниже Бюхнера, которого он превосходит во всех других отношениях. Оно и понятно. По своему образованию Фохт — дельный натуралист. Но, по всему складу ума и характера, он — политический деятель. Его настоящее место не на профессорской кафедре, а на парламентской трибуне. Но когда надо просто

рассказывать, излагать факты, тогда Фохт ясен, спокоен, точен и часто сух. Нет у него той ровной пластичности изложения, которая составляет одно из главных достоинств первоклассного популяризатора.

Популяризатор непременно должен быть художником слова, и высшая, прекраснейшая, самая человеческая задача искусства состоит именно в том, чтобы слиться с наукою и, посредством этого слияния, дать науке такое практическое могущество, которого она не могла бы приобрести исключительно своими собственными средствами. Наука дает материал художественному произведению, в котором все — правда и все — красота; самая смелая фантазия не может ничего придумать. Такие художественные произведения человек создаст еще впоследствии, когда он много поумнеет и еще очень многому выучится; но робкие попытки, превосходные для нашего времени, существуют в этом роде и теперь. Я могу указать на огромную книгу Брема «Иллюстрированная жизнь животных»²⁰⁸, о которой мы, впрочем, будем говорить с читателями нашего журнала довольно подробно в течение будущего года. Эта книга задумана в громадных размерах, написана самым простым и увлекательным языком, с удивительным знанием дела, с удивительным пониманием характера и ума различных животных и с самою здоровою, неподкрашенною любовью к природе и к жизни во всех ее проявлениях. Весь рассказ проникнут ровным, спокойно-веселым и постоянно-естественным юмором. Читаешь, и оторваться не хочется. Так читал я только в детстве романы Купера и «Трех мушкетеров»²⁰⁹. И к этому-то изложению, представьте себе, почти на каждой странице картины, рисованные с натуры превосходными художниками, сделавшими кругосветное путешествие, посетившими несколько зоологических садов в Европе и пользовавшимися советами первоклассных натуралистов. Читаешь характеристику какого-нибудь четвероногого чудака, посмотришь на его портрет и действительно видишь, и по роже, и по глазам, и по всей его фигуре, что он способен на все те штуки, которые приписывает ему Брем. Когда я приобрел себе эту книгу, которая, впрочем, далеко еще не доведена до конца, то я в течение нескольких дней ни о чем не мог думать, кроме Брема. Просто ошалел от радости. И эту великую, именно великую книгу переводят на русский язык. И картины в ней будут совершенно такие же, как в немецком издании. Но — горе переводчикам, если они хоть сколько-нибудь обесцветят рассказ Брема. Это будет одно из тех литературных преступлений, которых не должно прощать общество. Если издатели догадаются после богатого издания

с картинами выпустить другое, дешевое, на серой бумаге, без картин, то Брем проникнет в каждое грамотное семейство. Такая книга есть историческое событие в полном и буквальном смысле этого слова. Если Брем успеет описать все классы животного царства так, как он теперь описывает млекопитающих, то его книга останется на вечные времена не только в истории науки и литературы (это уже само собою разумеется), но и в истории общеевропейской народной жизни. Невозможно представить себе, какое море живой мысли и свежего чувства хлынет вместе с этою книгою в умы всего читающего человечества.

Если неразвитость общества требует, чтобы наука являлась перед ним в арлекинском костюме, с погремушками и с бубенчиками, — это не беда. Такой маскарад нисколько не унижает науку. Дельная и верная мысль все-таки остается дельною и верною. А если этой мысли, чтобы проникнуть в сознание общества, надо украситьс я прибаутками и подернуться щедринскою игривостью, пускай украшается и подергивается. Главное дело — проникнуть, а через какую дверь и какую походкою — это решительно все равно. Арлекинствовать можно и должно, если только арлекинство ведет к цели.

Иные читатели скажут, что все это вздор, что русская публика может читать серьезные книги и статьи без малейшей приправы арлекинства. Но я отвечу на это: господа, говорите за себя! Есть люди, стоящие ниже вас по развитию, и эти люди читают только то, что их забавляет, и они составляют в читающей массе большинство. Это видно, например, по тому, что публика выписывает журналы чисто ошупью. Лучший журнал, когда-либо существовавший в России, добролюбовский «Современник», имел блестящий успех; прекрасно! Но вслед за тем один из самых плоских русских журналов, «Время», имел также блестящий успех²¹⁰. Что за притча! Да и притчи никакой нет. Увидало дитя малое червонец: давай его сюда! цаца! — Увидало золоченый орех: и к ореху потянулось. Тоже цаца! — Ну, вот и надо, чтобы научные идеи были размалеваны, как цацы. Пускай дитя малое играет этими цацами. Они помогут ему расти; а вырастет, так и увидит, что эта цаца — штука самая отменная. Но само собою разумеется, что арлекинствовать надо с большим, с очень большим умением. Играй и кувыркайся, как хочешь, в своем изложении, но держи ухо остро, ни на одну секунду не теряя равновесия и ни под каким видом не допускай ни малейшего посягательства на то, что составляет жизнь и смысл твоей идеи. Шути, но так, чтобы каждая твоя шутка была строго рассчитана и чтобы совокупность твоих шуток выражала

всю научную идею, которую ты хочешь провести в сознание твоих читателей, всю, как есть, без искажений и утаек. Если ты соблюдаешь постоянно это условие, — ты честный и полезный популяризатор. В противном случае ты поступаешь в категорию тех господ, которые, пуская в свет «Физиологию брака», «Тайные явления природы» и разные другие гнусности, прикрывают себя тем благовидным предлогом, что мы, дескать, просвещаем общество.

При недостатке осмотрительности, умения и серьезности во взгляде на великую цель своей деятельности популяризатор очень легко может превратиться в литературного промышленника и унижить науку до проституции. Но эта проституция заключается не в смехе, не в игривости, не в юморе, а в бесцельности, в бестактности и в неразборчивости этого смеха, этой игривости и этого юмора. Когда смех, игривость и юмор служат средством, тогда все обстоит благополучно. Когда они делаются целью — тогда начинается умственное распутство. Для художника, для ученого, для публициста, для фельетониста, для кого угодно, для всех существует одно великое и общее правило: *идея прежде всего!* Кто забывает это правило, тот немедленно теряет способность приносить людям пользу и превращается в презренного паразита. Стоит только сравнить «Свисток» Добролюбова с полемическими статьями теперешнего «Современника», чтобы тотчас понять на живом примере, что значит *«идея прежде всего»* и что значит *«все прежде идеи»*. Конечно, шуточный тон в популярно-научных сочинениях составляет только временное явление. Когда все читающее общество сделается серьезнее в своем взгляде на чтение, тогда и тон изменится; но не следует изменять его слишком рано. Если две—три шутки на странице могут дать вашей статье двух—трех лишних читателей, то было бы очень негуманно и неблагоприятно с вашей стороны отталкивать от себя этих читателей серьезностью изложения, ради того, чтобы соблюсти в неприкосновенности какое-то отвлеченное и совершенно фантастическое понятие о величии и достоинстве науки. Величие и достоинство науки состоит исключительно в той пользе, которую она приносит людям, увеличивая производительность их труда и укрепляя природные силы их умов. Значение науки может только возвыситься, если о ней получат некоторое понятие даже те неразвитые два—три читателя, которые будут привлечены к вашей статье содержащимися в ней шутками. Но, кроме художественности, кроме шуточного тона, популярное изложение должно отличаться еще и другими свойствами, которые останутся необходимыми даже и тогда, когда

смех, игривость и юмор потеряют для общества свою теперешнюю обаятельность.

Я укажу здесь на две главные особенности, которыми популярное изложение всегда должно отличаться от строго научного.

Во-первых, популярное изложение не допускает в течении мыслей той быстроты, которая совершенно уместна в чисто научном труде. Записные ученые, привыкшие ко всем приемам строгого мышления, ко всевозможным упражнениям умственных сил, могут следить без малейшего напряжения за мыслью исследователя, когда она, как белка, прыгает с одного предмета на другой, бросая читателям только легкие намеки на то, зачем и почему производятся эти быстрые переходы. Следя за этими эволюциями, ученый видит и понимает, что все это одна длинная цепь доказательств, связанная единством общей идеи и общей цели; он видит, что одна мысль логично развивается из другой; но простой читатель этого не увидит и станет в тупик. Писатель высказал одно положение, вывел из него другое, на этих двух построил третье и пошел шагать, а простой читатель только недоумевает: каким же образом второе вытекает из первого и почему возможен переход к третьему? Второе действительно не вытекает *непосредственно* из первого; эти два положения связываются между собою двумя или тремя промежуточными умозаключениями; но ученый писатель, уверенный в сообразительности своих товарищей по науке, выкидывает вон эти мостики мысли, которые действительно не прибавляют к ученому труду ничего нового и существенного. Но для читателя, не выучившегося прыгать, такое отсутствие мостиков составляет непреодолимое препятствие. На первой же странице он спотыкается, а уж на какой-нибудь пятой или шестой он решительно не знает, о чем это тут идет речь и зачем это все написано. При таких условиях серьезное чтение ведет за собою только головную боль и одурение. Популяризатор, разумеется, обязан избавить мысль своего читателя от всяких подобных прыжков. В популярном сочинении каждая отдельная мысль должна быть развита подробно, так, чтобы ум читателя успел прочно утвердиться на ней, прежде чем он пустится в дальнейший путь, к логическим следствиям, вытекающим из этой мысли. Если вы будете утомлять ум вашего читателя слишком быстрыми переходами, то получится тот же результат, который произвело бы отсутствие мостиков: читатель ошалел и совершенно потеряет из виду общую связь ваших мыслей.

Во-вторых, популярное изложение должно тщательно избегать всякой отвлеченности. Каждое общее положение должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено частными при-

мерами. Вот и я, повинуюсь этому правилу, покажу на отдельном примере, каким образом популярное изложение должно смягчать быстроту и отвлеченность строго-научного языка. Представьте себе, что в научном сочинении находится следующая фраза: «Так как все математические суждения отличаются совершенно аналитическим характером, то, *разумеется*, чистая математика меньше всех остальных наук опирается на свидетельство опыта». И затем автор начинает уже выводить дальнейшие заключения из той мысли, что «математика меньше всех остальных наук опирается на свидетельство опыта». Но простой читатель стал в тупик. Черта с два тут *«разумеется»!* Почему же *аналитический характер* позволяет чистой математике *опираться на свидетельство опыта меньше всех остальных наук?* Ясное дело, что в нашей фразе заключаются два положения, связанные между собою союзами *так как* и *то*. Между этими двумя положениями должен существовать мостик, но мостик этот, для большей быстроты движения, выброшен вон, а вместо него вставлено проклятое слово *«разумеется»*, означающее собою смелый и ловкий прыжок возмужалой мысли. Популяризатор должен здесь прежде всего напомнить читателю, что такое *анализ* и в чем состоит его существенное отличие от *синтеза*. Потом он должен взять два или три математических суждения — чем проще, тем лучше — и показать на этих примерах, в чем состоит типическая особенность всякого математического суждения и чем эти суждения отличаются, например, от истин химии или физиологии. Таким образом выяснится *аналитический характер* математических суждений. Вместе с тем выяснится и отношение математики к опыту. Читатель поймет, что при *анализе* только исходная точка берется из опыта, а при *синтезе*, напротив того, весь процесс мысли постоянно опирается на опыт. Ясно, стало быть, что чем исключительнее преобладает в какой-нибудь науке элемент анализа, тем незначительнее становится в ней участие опыта.

Популяризатор должен постоянно предвидеть все вопросы, сомнения и возражения своего читателя; он сам должен ставить и разрешать их; такая тактика имеет двоякую выгоду: во-первых, предмет освещается со всех сторон; во-вторых, вопросы и возражения прерывают собою монотонное течение речи, поддерживают и напрягают постоянное внимание читателя, который, в противном случае, легко может вдаться в полумашинальное чтение, то есть пропускать через свою голову отдельные мысли, не вдумываясь в их отношение к целому. Не только группировка мыслей и общий тон изложения, но даже самый язык, выбор слов и оборотов имеют очень значительное влияние на успех или неуспех

популярно-научного сочинения. Удачное выражение, меткий эпитет, картинное сравнение чрезвычайно много прибавляют к тому удовольствию, которое доставляется читателю самим содержанием книги или статьи. А так как просвещать читателя помимо его собственной воли нет ни малейшей возможности, то и не следует ни под каким видом пренебрегать теми техническими средствами языка, которые могут увеличить удовольствие читателя, не вредя основной идее вашего труда. Бентам доказывает очень подробно и чрезвычайно убедительно, что законы должны быть написаны не только совершенно ясным и простым, но еще, кроме того, изящным языком²¹¹. С этим мнением трудно не согласиться. В самом деле, в настоящее время нет на свете ни одной страны, в которой большинство грамотных людей имело бы совершенно ясное понятие о законах своего отечества. От этих законов зависит жизнь, честь, собственность, гражданское положение и семейное спокойствие, словом, все земное благополучие каждой отдельной личности; а между тем их все-таки почти никто не знает, кроме судей и адвокатов. Можно себе представить, сколько невольных преступлений, сколько бестолковых процессов, какая трата времени, сил, денег — происходят от этого незнания. А чем же объясняется самый факт этого удивительного незнания? Да просто тем, что свод законов совершенно справедливо считается у всех народов земного шара, имеющих какой-нибудь свод, самую скучную книгую, какую только можно выдумать и написать. А происходит ли эта невыносимая скучность свода законов от самого содержания этой книги? Составляет ли она необходимую принадлежность самого предмета? Ничуть не бывало. Закон определяет отношения между людьми, устанавливает их права и обязанности. Трудно даже придумать что-нибудь интереснее этого предмета. Но этот предмет превращен в сухой скелет педантизмом средневековых юристов и остался в своем засушенном положении по милости современных законовевдов, робеющих до сих пор перед призраками старых авторитетов. Бентам доказал теоретически и, что еще гораздо важнее, показал на практике, своим собственным примером, что можно писать живо и увлекательно не только исследования по философии права, но даже текст кодекса, статьи свода законов. По мнению Бентама, самый текст закона должен быть написан коротко и ясно; закон приказывает или запрещает, но не рассуждает. Но, вслед за этою каноническою частью каждой отдельной статьи, должен следовать комментарий, в котором объясняется значение, необходимость, целесообразность и причина данного закона. Совокупность этих комментариев составит,

по мнению Бентама, полный и чрезвычайно интересный кодекс нравственной философии. И книга, вмещающая в себя такой кодекс, делается настольного книгою в каждом грамотном семействе; по этой книге отец сам будет объяснять своим детям законы той страны, в которой им суждено жить и действовать; благодаря таким комментариям закон ляжет в основание самого обыкновенного воспитания. Вследствие этого большая часть непроизводительных юристов принуждена будет заняться полезным трудом. Но все это возможно только в том случае, если законы будут изложены легким, простым и изящным языком. Иначе никакая философская глубина комментариев не принудит общество читать и изучать свод законов. В общей массе люди чрезвычайно легкомысленны; они всегда делают то, что им приятно, и очень редко делают то, что им полезно. Все понимают как нельзя лучше, что знание законов необходимо; все знают, что незнанием законов никто отговариваться не может; и, однако, почти никому в голову не приходит почитать в часы досуга и отдохновения свод законов. После этого есть ли хоть малейшая возможность ожидать, что люди примутся читать популярно-научные сочинения, если эти сочинения не будут доставлять им приятного препровождения времени? Ведь как ни велика польза научных знаний, а все-таки эта польза далеко не так очевидна, как польза законовещения. Против науки вы услышите много голосов, даже в печати, а уж против изучения законов не возразят ни слова ни купчиха Кабанова, ни Виктор Ипатьевич, ни даже г. Катков²¹². — Ясно, стало быть, что внешняя форма популярного изложения имеет громадную важность.

XXXIV

После всего, что я говорил о популяризировании науки, у читателя, по всей вероятности, зародился в уме естественный вопрос: какие же именно науки необходимо популяризировать? В общих чертах читатель, разумеется, уже знает мой образ мыслей; он знает, что я не укажу ни на санскритскую грамматику, ни на египетскую археологию, ни на теорию музыки, ни на историю живописи. Но если читатель полагает, что я буду рекомендовать ему преимущественно технологию, практическую механику, геогнозию или медицину, то он ошибается. Наука, слившаяся уже с ремеслом, наука прикладная, конечно, приносит обществу громадную и неоспоримую пользу, но популяризировать ее нет ни надобности, ни возможности. Технологи, геогносты²¹³, механики необходимы для

общества, но люди, имеющие общее понятие о технологии, геогнозии и механике, никому и ни на что не нужны. Словом, прикладные науки должен изучать совершенно основательно каждый человек, желающий обратить их в свое хлебное ремесло. Кто изучает науку основательно, тот, конечно, обращается к самим источникам науки, а не к популярным сочинениям. Стало быть, нуждаются в популярной обработке только те отрасли знаний, которые, не слившись с специальным ремеслом, дают каждому человеку вообще, без отношения к его частным занятиям, верный, разумный и широкий взгляд на природу, на человека и на общество. Разумеется, здесь, как и везде, на первом плане стоят те науки, которые занимаются изучением всех видимых явлений: астрономия, физика, химия, физиология, ботаника, зоология, география и геология.

Превосходство естественных наук над всеми остальными накоплениями знаний, присвоивающими себе также титул науки, до такой степени очевидно, и мы уже так часто и с таким горячим убеждением говорили о значении этих наук, что теперь мне незачем о них распространяться. Замечу только, что под именем *географии* я понимаю, разумеется, не перечисление государств, а общую картину земного шара и определение той связи, которая существует между землею и ее обитателями. — Но естественные науки, при всем своем великом значении, не исчерпывают собою всего круга предметов, о которых человеку необходимо составить себе понятие. Человек должен знать человека и общество. Физиология показывает нам различные отправления человеческого организма; сравнительная анатомия показывает нам различия между человеческими расами; но обе эти науки не дают нам никакого понятия о том, как человек устраивает свою жизнь и как он постепенно подчиняет себе силы природы силою своего ума. Оба эти вопроса имеют для нас капитальную важность; но те отрасли знания, от которых мы должны ожидать себе на них ответа, — история и статистика, — до сих пор еще не достигли научной твердости и определенности. История до сих пор не что иное, как огромный арсенал, из которого каждая литературная партия выбирает себе годные аргументы для поражения своих противников. Превратится ли история когда-нибудь в настоящую науку, — это неизвестно и даже сомнительно. Научная история была бы возможна только в том случае, если бы сохранились все материалы для составления подробных статистических таблиц за все прошедшие столетия. Но о таком богатстве материалов нечего и думать. Поэтому для изучения человека в обществе остается только внимательно вглядываться в современную жизнь и обмениваться

с другими людьми запасом собранных опытов и наблюдений. Статистика уже дала нам множество драгоценных фактов; она подбивает веру в пригодность пенитенциарной системы; она цифрами доказывает связь между бедностью и преступлением; но статистика только что начинает развиваться, и мы имеем полное основание ожидать от нее, в ближайшем будущем, в тысячу раз больше самых важных практических услуг, чем сколько она оказала их нам до сих пор.

Статья моя кончена. Читатель видит из нее, что все стремления наших реалистов, все их радости и надежды, весь смысл и все содержание их жизни пока исчерпываются тремя словами: *«любовь, знание и труд»*. После всего, что я говорил выше, эти слова не нуждаются в комментариях.

Комментарии

¹ СХОЛАСТИКА XIX ВЕКА

Впервые опубликовано в 1861 г. в журнале «Русское Слово» (№ 5, 9) за подписью *Д. Писарев* (гл. I–X — № 5. Отд. II. С. 43–82; гл. XI–XVII — № 9. Отд. II. С. 1–34).

Печатается по: *Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2: Статьи и рецензии. 1860–1861 (январь–май) / Отв. ред. А.И. Володин. М.: Наука, 2000. С. 250–265, 269–272, 281–285, 295–301.

При составлении комментария были использованы примечания И.В. Кондакова (*И.В. Кондаков*). Примечания. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2: Статьи и рецензии. 1860–1861 (январь–май) / Отв. ред. А.И. Володин. М.: Наука, 2000. С. 423–462).

² Диспут историков М.П. Погодина и Н.И. Костомарова состоялся 19 марта 1860 г. в Петербургском университете и был посвящен вопросу о происхождении русского государства. Погодин отстаивал в этом споре так называемую норманскую теорию происхождения Руси, согласно которой у истоков русской государственности стояли норманны (варяги), Костомаров придерживался гипотезы о литовско-жмудском происхождении варягов. Аргументация Погодина с его апелляцией к научным авторитетам, к личному опыту, к внутреннему убеждению не была принята публикой, в большинстве своем настроенной к историку враждебно.

³ Писарев имеет в виду письма Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) Самарину Юрию Федоровичу (1819–1876) «О современных явлениях в области философии» (1859) и неоконченное «Второе философское письмо к Ю.Ф. Самарину», опубликованные в славянофильском журнале «Русская беседа» в 1859 и 1860 гг.

⁴ В «Русской беседе» в 1856–1860-е гг. регулярно печатались материалы, посвященные вопросам «народознания», например, такие, как [«Примечания к песням, помещенным в статье г-жи Кохановской» А.С. Хомякова (1860. № 1); «О русском воззрении» и «Еще несколько слов о русском воззрении» К.С. Аксакова (1856. № 1, 2); «Крестьяне на Руси» И.Д. Беляева (1859. № 1, 2) и др.

⁵ Сборник русского этнографа Павла Ивановича Якушкина (1822–1872) «Русские народные песни» вышел как годичное приложение к журналу «Отечественные записки» за 1860 г.

⁶ «Светоч» — ежемесячный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1860–1862 гг. под редакцией Д.И. Калиновского. Русской свадьбе была посвящена статья М. Кривошеина «Русская свадьба с ее обрядами и песнями» (1861. № 2).

⁷ Упрекал «Современник» за его «взгляд гордого цивилизатора, обзирающего грубый и никуда не годный народ», что «так и виднеется всюду», С.С. Дудышкин («Отечественные записки» 1861. № 4. Отд. III. С. 131).

⁸ В «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год» в частности говорилось о необходимости «создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» (*Достоевский Ф.М.* Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1993. С. 7).

⁹ Даже в лучшие годы своего существования (1858–1859) число подписчиков «Русской беседы» не превышало 1800, в то время как, например тираж «Современника» в эти же годы составлял 4000–5000 и более экземпляров.

¹⁰ *Jury* — суд присяжных (*фр.*)

¹¹ Имеются в виду английские позитивисты, сторонники философского учения, определяющего единственным источником действительного знания эмпирические исследования — Бокль (Buckle) Генри Томас (1821–1862) и Милль (Mill) Джон Стюарт (1806–1873).

¹² Разумный эгоизм — концепция, объясняющая природу нравственного поступка индивида сознательным подчинением личной выгоды общему делу, от успеха которого в конечном счете выигрывает и сам индивид. Согласно, например Н.Г. Чернышевскому, принадлежность к миру природы достаточно жестко детерминирует «сущность» человека. Общественная же форма является условием реализации изначального стремления человеческой «натуры» к удовольствию. Эгоизм, по Чернышевскому, лежит в основе всей деятельности человека: он всегда «поступает так, как приятней ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия». Действуя согласно своей «выгоде», человек должен поступать «разумно»: только так он достигнет пользы. Естественное стремление человека к благу реализуется лишь в случае борьбы против всего, что «неблагоприятно человеческому счастью». Развитого человека — «разумного эгоиста» — его собственный личный интерес толкает на акт благородного самопожертвования: он свободно, без всякой мысли о долге, жертвенности и воздаянии действует так, чтобы приблизить торжество избранного им идеала. Теория «разумного эгоизма» была усвоена Писаревым под воздействием статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (*Современник.* 1860. № 4, 5).

¹³ Имеется в виду рецензия Писарева «Народные книжки» (*Русское слово.* 1861. № 3. Отд. II. С. 89–111).

¹⁴ «Народное чтение» — журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1858–1862 гг. под редакцией А.А. Оболонского и Г.Д. Щербачева с периодичностью три раза в год.

¹⁵ *Volens-nolens* — волей-неволей (*лат.*).

¹⁶ Имеется в виду эпизод, широко обсуждавшийся в российской печати начала 1860-х гг. В центре внимания журналистов и публики оказалась Евгения Эдуардовна Толмачева (до замужества Эверисман), жена председателя пермской казенной палаты. Толмачева приняла участие в благотворительном вечере в пользу недавно организованной воскресной школы и сиротских приютов, на котором выступила с чтением пушкинских «Египетских ночей» (импровизация итальян-

ца), чем вызвала восторг части присутствующих и возмущение остальных, увидевших в ее выборе доказательство безнравственности и распущенности. Не ограничившись чтением, Толмачева произнесла речь об эмансипации женщины, чем еще более накалила атмосферу вечера. О черных глазах Толмачевой, загоравшихся во время чтения, написал в напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» заметке «Из путевых заметок от С.-Петербурга до Иркутска» пермский корреспондент Е. Тиммерман (1861. № 36. 14 февраля. С. 185–186). Начало скандала положил фельетон П.И. Вейнберга «Русские диковинки», опубликованный им в еженедельном журнале «Век» (1861. № 8. 22 февраля) под псевдонимом Камень Виногоров, в котором он, называя Толмачеву новой Клеопатрой, глумливо издевался над ее выступлением. Фельетон вызвал бурную полемику в печати, а стремящаяся к эмансипации Толмачева, оставив мужа, уехала с Тиммерманом из Перми в Казань, где оказалась под строгим надзором полиции.

¹⁷ Поэт Михаил Ларионович Михайлов (1826–1865) напечатал в «Санкт-Петербургских ведомостях» письмо-протест под заголовком «Безобразный поступок “Века”» (1861. № 51. 3 марта) в котором упрекал Вейнберга в том, что он, зная об и без того тяжком общественном положении женщины, решил предать публичному осмеянию одну из них. «Век» и лично Вейнберг принесли извинения (Век. 1861. № 9. 1 марта; № 10. 8 марта), которые, однако, не прекратили полемики. В защиту Толмачевой выступили Ф.М. Достоевский и Н.Н. Страхов («Время»), В.С. Курочкин («Искра»), Н.В. Шелгунов («Санкт-Петербургские ведомости») и др.

¹⁸ В 1859–1860 гг. женщины стали посещать лекции в качестве вольнослушательниц в Петербургском университете. Консервативная профессура встретила враждебно эти первые попытки женщин получить образование.

¹⁹ Камень Виногоров — псевдоним поэта и переводчика Петра Исаевича Вейнберга (1830–1908).

²⁰ На указанной странице был отклик на дискусию вокруг «женского вопроса» и статьи Вейнберга о чтении «Египетских ночей» Е.Э. Толмачевой. В частности говорилось: «... г-жа Толмачева ... уж и читать устала скромные петербургские статьи — скажите, ради Бога, разве это не вопрос о женщине? ... И однако же, в итоге, насколько все эти статьи уяснили вопрос о состоянии женщин в России, — хоть бы того семейного начала, на которое... ссылаются как на народную черту?».

²¹ В статье «Наш язык и что такое свистуны?» (Русский вестник. 1861. № 3) М.Н. Катков уделил внимание полемике вокруг «истории с Толмачевой», осуждая саму идею женской эмансипации, которая снимает «с мужчины его обязанности относительно женщины». Никто не заметил бы публикации Камня Виногорова, считает Катков, «если бы не гаркнула вся эта стая, спущенная г-м Михайловым» (С. 27).

²² Меттерних (Меттерних-Виннебург) (Mettemich-Winneburg) Клеменс (1773–1859) — князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809–1821 гг., канцлер в 1821–1848 гг. Крайний сторонник абсолютизма и ожесточенный противник французской революции и всех вызванных ею революционных течений в Европе, он в течение тридцати с лишним лет играл роль злого гения Европы, подавляя всякие попытки освобождения как политического, так и национального. Писарев считал «полумеры» излюбленной формой поведения таких людей, как Меттерних.

²³ «А время вещь какая?» — несколько измененная цитата из басни И.И. Хемницера «Метафизик» (1799). Образ хемницеровского метафизика, свалившегося в яму и не желающего воспользоваться спущенной ему оптом в яму веревкой до тех пор, пока тот не ответит на вопросы о том: «веревка вещь какая?», «да время что?», стал ходячим типом поверхностного мыслителя-книжника, отрешенного от действительной жизни.

²⁴ Пьеса Александра Николаевича Островского (1823–1886) «Воспитанница» была опубликована в журнале «Библиотека для чтения» (1859. № 1) и сразу же вызвала широкую волну откликов, с которыми выступили в печати Н.А. Добролюбов, А.В. Дружинин, А.А. Григорьев, С.С. Дудышкин, М.М. Достоевский и др.

²⁵ Дагерротипическая — то же, что и фотографическая (дагерротип — способ фотографирования на металлической пластинке, покрытой слоем йодистого серебра, применявшийся до 50-х годов XIX в.).

²⁶ Марко Вовчок — псевдоним писательницы Марии Александровны Вилинской (по первому мужу — Маркович, по второму — Лобач-Жученко) (1833–1907), троюродной сестры Д.И. Писарева.

²⁷ Перечислены романы: М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840), А.И. Герцена «Кто виноват?» (1846), И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1856–1858).

²⁸ С 1859 по 1862 г. шло издание собрания сочинений В.Г. Белинского под редакцией Н.Х. Кетчера.

²⁹ Мишура — имитация золотых и серебряных нитей, изготовленная обычно из посеребренной или позолоченной медной проволоки.

³⁰ Сибаритство — стиль жизни праздного и изнеженного человека.

³¹ *Ex officio* — по обязанности (*лат.*).

³² Эта мысль заимствована Писаревым из статьи А.А. Григорьева «Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы. 1836–1851» (Время. 1861. № 3), в которой последний доказывал, что в русской литературе только А.С. Пушкин — особенно в повести «Капитанская дочка» (1836), посвященной событиям Пугачевского бунта 1773–1775 гг., — достигает подлинного историзма.

³³ *Априори* (*лат.* “*a priori*”) — букв. «от предшествующего») — знание, полученное до опыта и независимо от него.

³⁴ Автор статьи «Капризы и раздумье» — А.И. Герцен, имя которого запрещено было употреблять в подцензурной русской печати 1860-х гг. Писарев имеет здесь в виду произведение Герцена «Капризы и раздумье. II. По разным поводам», впервые опубликованное в «Петербургском сборнике» 1846 г.

³⁵ Имеется в виду статья А.А. Григорьева «Искусство и нравственность, новые Grübelein (раздумья — ред.) по поводу старого вопроса», опубликованная в журнале «Светоч» (1861, кн. 1).

³⁶ Казовые концы — лучшая часть, выигрышная сторона чего-либо, предназначенная для показа, рекламы.

³⁷ Приводимые Писаревым выражения взяты из статей А.А. Григорьева «Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы. 1836–1851» (Время. 1861. № 3) и «Реализм и идеализм в нашей литературе (по поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева)» (Светоч. 1861. № 4).

³⁸ Домострой (полное название — «Книга, называемая “Домострой”») — памятник русской литературы XVI в., своеобразная энциклопедия русского патриархального домашнего быта, включающая правила, советы и наставления по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы. Из-за одиозных описаний наказания жены «Домострой» негативно оценивался сторонниками эмансипации женщин.

³⁹ Имеется в виду «Домашняя беседа для народного чтения» — еженедельник, издававшийся в 1858–1877 гг. Виктором Ипатьевичем Аскоческим (1813–1879), в котором отстаивались идеи православия, самодержавия, народности.

⁴⁰ Свистуны (от названия сатирического отдела «Свисток», основанного в «Современнике» Добролюбовым) — кличка, данная М.Н. Катковым представителям демократического лагеря в статье «Несколько слов вместо «Современной летописи»: «...открылись балаганы с песнями и без песен, со свистом и даже

с визгом, как выразился недавно один из этих свистунов» (Русский вестник. 1861. № 1. Литературное обозрение и заметки. С. 479).

⁴¹ Фешенебельное — отвечающее требованиям светского тона.

⁴² Редакция «Времени» писала в программе журнала, опубликованной перед началом его издания, что она будет вести борьбу с литературными авторитетами. Писарев же указывает здесь как на «литературных генералов» и «литературных богдыханов» на публицистов «Русского вестника» и «Отечественных записок».

⁴³ Пушаты — упрекать, бранить, делать выговор кому-либо.

⁴⁴ Имеется в виду слова публициста «Отечественных записок» Николая Викентьевича Альбертини (1826—1890) о необходимости усилить ряды тех, кому «ненавистны эти гарцевания, это гаерство и срамословие» плеяды сотрудников «Современника» (Политическое обозрение // Отечественные записки. 1861. № 4. Отд. II. С. 96).

⁴⁵ М.Н. Катков в «Русском вестнике» употребил в адрес своих оппонентов выражение «мальчишеское забиячество» (Русский вестник. 1861. № 1. Литературное обозрение и заметки. С. 480).

⁴⁶ Здесь опущена глава VII статьи Писарева.

⁴⁷ Моноomania — навязчивая или чрезмерная увлеченность одной идеей или субъектом. В психиатрии — разновидность паранойи.

⁴⁸ Пелазги, или пелазги — согласно античной традиции — древнейшие (догреческие) народы, населявшие территорию древней Греции, запад Малой Азии и другие смежные области.

⁴⁹ Comme il faut — как следует, приличного (по понятиям светского общества) (*фр.*).

⁵⁰ Etat de la nature — естественное состояние (*фр.*).

⁵¹ Статья «Природа и Мильн-Эдвардс» русского ученого-зоолога и писателя Николая Петровича Вагнера (1829—1907) была напечатана в журнале «Отечественные записки» (1860. № 10, 11). Она посвящена разбору взглядов французского зоолога Анри Мильн-Эдвардса, крупного систематика, вместе с тем бывшего противником эволюционных идей в биологии.

⁵² В «Жизни двенадцати цезарей» Светоний последний день Августа описан так: «Вошедших друзей он спросил, как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием.
Затем он всех отпустил»

(Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1991. С. 101).

⁵³ «Никто их не бил, но сами себя мучили» — несколько измененное выражение из вступления к древнерусскому летописному своду «Повести временных лет» (XII век). Фраза приписывается апостолу Андрею Первозванному и взята из его рассказа о посещении славянских бань: моющиеся хлестали себя вениками, обливались ледяной водой — словом, «сами себя мучили».

⁵⁴ Здесь опущены главы IX и X, посвященные критике умозрительной философии.

⁵⁵ Гуттен (Hutten) Ульрих фон (1488—1523) — немецкий рыцарь-гуманист, один из главных авторов знаменитого памфлета начала XVI в. «Письма темных людей», высмеивавшего католичество.

⁵⁶ Вольтер (Voltaire) (наст. имя Мари Франсуа Аруз) (1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель, автор сатирических антиклерикальных памфлетов.

⁵⁷ «Ксении» — альманах (1796), выпущенный немецкими поэтами Гёте (Goethe) Иоганном Вольфгангом (1749—1832) и Шиллером (Schiller) Иоганном

Кристофом Фридрихом (1759–1805, в котором содержались эпиграммы и пародии, направленные против мещанско-филистерской литературы в Германии).

⁵⁸ Барон Брамбеус — псевдоним Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858), выступавшего с довольно резкой критикой современной ему литературы.

⁵⁹ Статья С.С. Дудышкина «Сенковский — дилетант русской словесности» была помещена в № 2 журнала «Отечественные записки» за 1859 г.

⁶⁰ Ближайшими литературными друзьями Белинского здесь Писарев иносказательно называет А.И. Герцена и Н.П. Огарева, чьи имена нельзя было прямо привести по цензурным условиям.

⁶¹ Под русскими Гегелями и Шопенгауэрами Писарев имеет в виду Н.Н. Стрехова и П.Л. Лаврова, которых сравнил с этими немецкими философами Максим Алексеевич Антонович (1835–1918) в статье «Два типа русских философов» (Современник. 1861. № 4. Отд. II. С. 414, 418).

⁶² *Delirium tremens* — белая горячка (лат.).

⁶³ Леонтьев Павел Михайлович (1822–1874) — профессор греческой словесности Московского университета, член корреспондент Петербургской АН (1856), с 1856 г. соредактор «Русского вестника».

⁶⁴ Н. Ко — Николай Косица — псевдоним Стрехова Николая Николаевича (1828–1896) — философа, литературного критика и публициста. Писарев волюно цитирует статью Стрехова «Еще о петербургской литературе» (Время. 1861. № 6. Отд. II. С. 142).

⁶⁵ Оценка двух представителей тогдашнего западноевропейского, буржуазно-либерализма — главы партии вигов в Англии лорда Расселя (Russell) Джона (1792–1878) и итальянского государственного деятеля, главы кабинета министров королевства Пьемонт графа ди Кавура (di Cavour) Камилло Бензо (1810–1861) — была в 1861 г. предметом резкой полемики между русскими журналами разных направлений.

⁶⁶ Критике работ профессора Московского университета Федора Ивановича Буслаева (1818–1897) по истории искусства и филологии были посвящены статьи А.Н. Пышина «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» (Современник. 1861. № 1) и Д.Л. Мордочева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства Буслаева» (Русское слово. 1861. № 1–4). Критике взглядов профессора Санкт-Петербургского университета, академика Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) была посвящена рецензия Р.Р. (Г.Е. Благоветлова) «Воспоминания о В.В. Ганке» И.И. Срезневского» (Русское слово. 1861. № 8).

⁶⁷ Писарев имеет в виду критику со стороны Н.Г. Чернышевского фаталистического «оптимизма» Гизо, согласно которому все исторические события полезны, данную в рецензии на перевод книги Гизо «История цивилизации в Европе» (Современник. 1860. № 9) и в статье «О причинах падения Рима» (там же. 1861. № 5).

⁶⁸ Имеется в виду статья М.А. Антоновича «Два типа современных философов» (Современник. 1861. № 4), а также первая часть данной статьи Писарева.

⁶⁹ В наивности и староверстве обвинял Буслаева А.Н. Пышин в «Современнике».

⁷⁰ Писарев имеет в виду статью Чернышевского «Полемические красоты. Коллекция первая» (Современник. 1861. № 6), где Чернышевский, между прочим, замечал, что написанная в опровержение его «Антропологического принципа в философии» статья Юркевича «Из науки о человеческом духе» излагает такие взгляды, которые ему, Чернышевскому, известны еще со времени его обучения в духовной семинарии.

⁷¹ В «Правилах о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа», составленных при участии Н.И. Пирогова, бывшего тогда попечителем Киевского учебного округа, рекомендовалось применение розог в гимназии. Пирогова за эту уступку реакции осудил Добролюбов в статье «Все-российские иллюзии, разрушаемые розгами» (Современник. 1860. № 1).

⁷² В вялости тона и отсутствии направления обвинял «Отечественные записки» Н.Г. Чернышевский в статье «Полемические красоты. Коллекция вторая». В первой статье из той же серии Чернышевский подверг уничтожающей критике и осмеянию направление «Русского вестника».

⁷³ *Simp des autorités* — преступление против начальства (*фр.*).

⁷⁴ Выдыбай — выпльвай, выходи из воды (*ст. слав.*)

⁷⁵ Благосветлов в «Русском слове» за 1860—1861 гг. вел отдел «Политика. Обзор современных событий».

⁷⁶ Статья Писарева «“Физиологические эскизы” Молешотта» (Русское слово. 1861. № 7).

⁷⁷ Имеется в виду восторженная рецензия на издание сочинений украинского философа и поэта Гр. Сковороды, опубликованная историком Н.И. Костомаровым в журнале «Основа» (1861. № 7). В № 8 «Русского слова» за тот же год был опубликован иронический отзыв на эту рецензию, написанный Вс. Крестовским («Ходатайство г. Костомарова по делам Сковороды и г. Срезневского»).

⁷⁸ «Дневник Темного человека» — сатирические фельетоны поэта Дмитрия Дмитриевича Минаева (1835—1889), систематически печатавшиеся в постоянной рубрике «Русского слова» с февраля 1861 г. по август 1864 г., название которой повторяло название памфлета начала XVI в. «Письма темных людей».

⁷⁹ *Doctores augustis-simi* — высокопочтимые ученые мужи (*лат.*).

⁸⁰ Синедрион — собрание.

⁸¹ «Герои» скандальных историй — помещик Козлянинов (а не Козляинов) избил в вагоне поезда Николаевской железной дороги пассажирку-немку, а немец — архитектор Вергейм избил извозчика на Итальянской улице в Петербурге. В 1861 г. эти два эпизода явились предметом острого обсуждения в журналах и газетах.

⁸² Елена Николаевна Стахова — героиня романа И.С. Тургенева «Накануне» (1860).

⁸³ И.В. Кондаков считает, что источником этого заявления послужил герценовский призыв к «расчистке человеческого сознания от всего наследственного хлама» (*Герцен А.И. Капризы и раздумье // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. II: Статьи и фельетоны. 1841—1846. Дневник. 1842—1845 / Ред. тома Я.Е. Эльсберг. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 74). См.: [И.В. Кондаков]. Примечания. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2: Статьи и рецензии. 1860—1861 (январь—май) / Отв. ред. А.И. Володин. М.: Наука, 2000. С. 443).*

⁸⁴ Писарев цитирует, вырывая из контекста, фразу Н.Н. Страхова из статьи «Еще о петербургской литературе. Письмо к редактору “Времени” по поводу двух современных статей» (Время. 1861. № 6. Отд. «Критическое обозрение». С. 152), где Страхов выступал против первой части данной статьи Писарева.

⁸⁵ Имеется в виду Д.Д. Минаев — автор рубрики «Дневник Темного человека» в журнале «Русское слово».

⁸⁶ Имеется в виду «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами», который начал издаваться под редакцией А.А. Краевского в 1861 г. в Санкт-Петербурге.

⁸⁷ Писарев цитирует стихотворение А.С. Пушкина 1825 г. “*Ex ungue leonem*” — «По когтям узнаем льва» (*лат.*).

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось приккрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

⁸⁸ Опущены главки XII—XV, в которых Писарев полемизирует с критиками статей Н.Г. Чернышевского «Полемические красоты», «Граф Кавур», «Непочтительность к авторитетам».

⁸⁹ Имеется в виду статья близкого к славянофилам историка Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829—1897) «Французские софизмы в параллель с русскими» (Отечественные записки. 1861. № 8).

⁹⁰ Имеется в виду книга французского писателя Дюбуа Гошана Этьена Проспера (1802—?) «Тацит и его век, или общество императорского Рима от Августа до Антонинов по отношению к современному нам обществу» (1861).

⁹¹ Кифа Мокиевич — тип провинциального «мудреца», выведен в главе XI первого тома «Мертвых душ» Гоголя.

⁹² Русофилы — здесь в смысле: славянофилы.

⁹³ Имеется в виду книга Гизо «История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи», перевод первой части которой вышел в Петербурге в 1861 г.

⁹⁴ Charges d'affaires — поверенные в делах (*фр.*).

⁹⁵ Речь идет о статье поэта Н.Ф. Щербина «Опыт о книге для народа» (Отечественные записки. 1861. № 2), где был изложен план книги для народного чтения — «читальника».

⁹⁶ Опущены заключительные XVI и XVII главки статьи, в которых Писарев критикует публициста журнала «Отечественные записки» Дудышкина Степана Семеновича (1820—1866), выступившего против Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева.

⁹⁷ «ГЛУПАЯ КНИЖОНКА ШЕДО-ФЕРРОТИ...»

Статья написана в июне 1862 г. и предназначалась для тайной типографии.

Впервые опубликована в 1906 г. без названия и со значительными цензурными купюрами М.К. Лемке в журнале «Былое» (№ 2. С. 33—41).

Печатается по: Писарев Д.И. «Глупая книжонка Шедо-Ферроти...» // Д.И. Писарев. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 4: Статьи и рецензии. 1862 (январь—июнь) / Отв. ред. Л.Д. Громова. М.: Наука, 2001. С. 270—275.

При составлении комментария были использованы примечания В.И. Щербакова ([В.И. Щербаков]). Примечания. «Глупая книжонка Шедо-Ферроти...» // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 4: Статьи и рецензии. 1862 (январь—июнь) / Отв. ред. Л.Д. Громова. М.: Наука, 2001. С. 362—377).

⁹⁸ Поводом для написания статьи о Шедо-Ферроти стала брошюра последнего «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К. Шедо-Ферроти», изданная на русском и — параллельно — на французском языках в Берлине и допущенная к ввозу в Россию в марте 1862 г. после четырнадцати лет запрета упоминать имя Герцена в печати. В ней Шедо-Ферроти (псевдоним публициста барона Федора Ивановича Фиркса (1812—1872)) высмеивал высказанное Герценом в письме опасение, что русское правительство намерено «похитить» или «убить его» (см.: Бруты и Кассии III Отделения (Письмо к русскому послу в Лондоне) // Колокол. 1861. Л. 109. С. 900). Брошюра имела «чрезвычайный успех» в России — в течение года были раскуплены пять изданий.

⁹⁹ Обскурант (от *лат.* «obscurans» — затемняющий) — реакционер, мракобес.

¹⁰⁰ Имеется в виду Александр Николаевич Романов (1818—1881) — российский император Александр II (с 1855 г.).

¹⁰¹ Поэт М.Л. Михайлов был арестован 14 сентября 1861 г. за распространение опечатанной в Лондоне прокламации «К молодому поколению» и 14 декабря

1961 г. состоялась его «гражданская казнь»; он был осужден на шесть лет каторги. Профессор русской истории Санкт-Петербургского университета Павлон Платон Васильевич (1823—1895) был выслан 6 марта 1862 г. за прочитанную им 2 марта на литературном вечере речь «Тысячелетие России», в которой экзальтированным тоном недвусмысленно намекал на угрозу революции в России.

¹⁰² Лебедев Владимир Александрович — участник студенческих волнений 1861 г., был ранен во время разгона студенческой демонстрации 12 октября 1861 г. и арестован «за сопротивление полиции». Герцен в «Колоколе» разместил заметку «Еще мученик полицейских неистовств» с ложным извещением о смерти Лебедева (1861. 1 дек. Л. 114). «Убитый» студент был освобожден из тюрьмы властями и отпущен домой 6 декабря 1861 г.

¹⁰³ Имеется в виду газета «Северная почта», официальный орган министерства внутренних дел, выходивший с 1 января 1862 г. Инициатором создания газеты «умеренно-либерального направления» выступил министр этого ведомства Петр Александрович Валуев (1815—1890), а первым редактором стал цензор Никитенко Александр Васильевич (1804—1877).

¹⁰⁴ Версия о сотрудничестве Ф.И. Фиркса с III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии — органом политического сыска и следствия в России, не подтверждается документами. Нет достаточных оснований говорить и о прямом его сотрудничестве с Министерством народного просвещения, министру которого принадлежала идея гласной дискредитации Герцена.

¹⁰⁵ Отклики на брошюру Шедо-Ферроти появились в «Современной летописи» (1862. № 16. С. 29) и «Книжном вестнике» (1862. 15 апр. С. 167—168).

¹⁰⁶ Министр народного просвещения А.В. Головин в своем предписании Петербургскому цензурному комитету от 1 января 1862 г. рекомендовал не допускать «ничего оскорбительного для личности г. Чичерина». Причиной такого распоряжения явилась широкая полемика, развернувшаяся в печати по поводу вступительной лекции Б.Н. Чичерина в Московском университете 28 октября 1861 г., открывшая дискуссию о путях реформы университетов и серию программных статей Чичерина, в которых разрабатывалась идеологическая концепция государственного патриотизма.

¹⁰⁷ Утверждение Писарева неточно: в брошюре Шедо-Ферроти был помещен полный текст двух статей Герцена.

¹⁰⁸ «Голоса из России» — сборники статей и материалов, изданные А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в Лондоне в 1856—1860 гг.

¹⁰⁹ «Под суд!» — приложение к «Колоколу» А. И. Герцена и Н.П. Огарева. Издавалось в Лондоне с октября 1859 по апрель 1862.

¹¹⁰ Обручев Владимир Александрович (1836—1912) был арестован 4 октября 1861 г. за распространение прокламации тайного революционного общества «Великорусс» и приговорен к трем годам каторги с последующим отбыванием в Сибири. Публичное объявление приговора, приуроченное ко времени петербургских пожаров, состоялось 31 мая 1862 г. и было встречено с одобрением собравшимся простым народом, видевшим в Обручеве сообщника поджигателей.

¹¹¹ Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества. Говоря об «обмане», Писарев опирался на статью Герцена «М.А. Бакунин», напечатанную в «Колоколе» (1862. Л. 119—120), в которой говорилось, что Бакунин был «предательски схвачен» в Хемнице. В своей «Исповеди» Бакунин рассказывал, что был схвачен во время сна «реакционными гражданами» Саксонии после поражения Дрезденского восстания 1849 г., одним из руководителей которого он являлся (см.: *Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем: В 4 т. Т. 4. М., 1935. С. 205*). Бакунин был выдан саксонскими властями сначала австрийскому, а затем русскому правительству. В 1861 г. Бакунин бежал из сибирской ссылки.

¹¹² Александров — капитан Варшавской телеграфной станции в 1861 г., приговоренный к каторге за то, что изменил текст правительственной депеши наместнику Царства Польского графу Н.А. Лидерсу, предписывавшей разогнать силой готовящуюся демонстрацию в Варшаве, на требование действовать увещеванием.

¹¹³ Пять участников декабрьского вооруженного восстания 1825 г. (П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, П.Г. Каховский) были приговорены Верховным уголовным судом к казни и повешены 13 июля 1826 г.

¹¹⁴ Антон Петров (Антон Петрович Сидоров) был расстрелян по приговору военно-полевого суда в апреле 1861 г. за организацию крестьянского бунта в селе Бездна Казанской губернии.

¹¹⁵ Согласно «Положениям» 19 февраля 1861 г. помещики сохраняли право собственности на всю землю, а крестьяне получали наделы на правах пожизненной аренды при условии сохранения прежних обязанностей по отношению к помещику (барщины или оброка) и, кроме того, получали право выкупа земли с согласия помещика. По условиям освобождения, «Положения» вступали в силу через два года после их опубликования, т.е. 5 марта 1863 г. Условия освобождения не оправдали надежд большинства крестьян, а громоздкий текст «Положений», осложненных многочисленными «Правилами» и «Примечаниями» большинству крестьян был непонятен.

¹¹⁶ Имеются в виду студенческие волнения и демонстрации в сентябре—октябре 1861 г., в Петербурге и Москве, в связи с введением нового университетского устава, существенно ограничивавшего права студентов. Правительство ответило на это движение жестокими мерами — были арестованы 243 человека в Петербурге и 39 человек в Москве, а Санкт-Петербургский университет закрыт по «высочайшему повелению» на два года.

¹¹⁷ Брут (Brutus) Марк Юний и Кассий (Cassius) Лонгин Гай — заговорщики, убийцы римского императора Юлия Цезаря (44 г. до н.э.). Их имена стали синонимами подлости.

¹¹⁸ Панегирист — неумеренный хвалитель, восторженный, безусловный поклонник.

¹¹⁹ Перечислены издатели-редакторы консервативных газет и журналов — Булгарин Фаддей Венедиктович («Северная пчела» и др.), Аскоченский Виктор Ипатьевич («Домашняя Беседа»), Скарятин Владимир Дмитриевич («Русский листок» и др.); драматург Зофов Рафаил Михайлович; историк Корф Модест Андреевич.

¹²⁰ Клоака — место для стока нечистот.

¹²¹ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Вакхическая песня» (1825).

¹²² Бруннов Филипп Иванович (1797—1875) — граф, русский дипломат, посол России в Великобритании.

¹²³ Спадасин (*фр.* “spadassin”, от *ит.* “spada” — меч) — разбойник.

¹²⁴ Den Dolch im Gewande — «с кинжалом под плащом» (*нем.*). Цитата из баллады Ф. Шиллера «Порука» (1798), в которой речь идет о покушении на Дионисия, тирана Сиракузского.

¹²⁵ Юлий Кесарь — Юлий Цезарь.

¹²⁶ Речь идет о больших пожарах, случившихся в Петербурге с 16 мая по 6 июня 1862 г., в организации которых общественное мнение обвинило «нигилистов-революционеров». Основанием послужило распространение в городе в эти дни прокламации, призывавшей народ к гражданской войне. В столице был введен особый режим и военно-полевой суд для поджигателей. Следственная комиссия успешно выявила распространителей и авторов «возмутительных воззваний», в числе которых оказался и сам Писарев, но поджигателей не нашла.

¹²⁷ «Высочайшим повелением» от 12 июня 1862 г. были закрыты все воскресные школы и народные читальни.

¹²⁸ Журналы «Современник» и «Русское слово» были приостановлены на восемь месяцев 12 июня 1862 г.

¹²⁹ РЕАЛИСТЫ

Впервые статья опубликована тремя частями в журнале «Русское слово» в 1864 г. под заглавием «Нерешенный вопрос. Статья первая» — гл. I–IX (№ 9. Отд. II. С. 1–44); «Статья вторая» — гл. X–XXI (№ 10. Отд. II. С. 1–58); «Статья третья и последняя», с особой нумерацией глав: I–XIII (№ 11. Отд. II. С. 1–64). Первоначальное название «Реалисты», данное Писаревым, было изменено цензурой. Под названием «Реалисты», без деления на три статьи, с общей нумерацией глав и с посвящением В.Д. Писаревой статья вошла во второй том Сочинений Д.И. Писарева (СПб., 1866. С. 92–235).

Печатается с сокращениями по: *Писарев Д.И.* Реалисты // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 6: Статьи. 1864 (апрель–декабрь) / Отв. ред. Л.Д. Громова. М.: Наука, 2003. С. 222–228, 234–236, 279–294, 304–307, 330–353.

При составлении комментария использованы примечания В.И. Щербакова (*Щербаков В.И.*) Примечания. Реалисты // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 6: Статьи. 1864 (апрель–декабрь) / Отв. ред. Л.Д. Громова. М.: Наука, 2003. С. 521–570), а также Ю.С. Сорокина (*Сорокин Ю.С.*) Примечания. Реалисты // Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. Т. 3: Статьи. 1864–1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 515–526).

¹³⁰ Писарева Варвара Дмитриевна, урожденная Данилова (? –1880).

¹³¹ Мартинизм — одно из ответвлений масонства (по имени французского мистика Л.К. Сен-Мартена); в России общество мартинистов впервые возникло около 1780 г. Масонство — (франкмасонство) (от фр. “franc maçon” — вольный каменщик), религиозно-этическое движение, возникло в начале XVIII в. в Великобритании, распространилось во многих странах, в том числе в России. Волтерьянство — волтерьянство, политическое и религиозное вольнодумство, развившееся под влиянием учения французского философа Вольтера (в России XVIII и начала XIX в.).

¹³² Романтизм — направление в европейской литературе, возникшее в начале XIX в.; явилось на смену искусству, заимствовавшему свои образцы из античного мира и подражавшему классическим писателям; романтизм характеризуется свободой формы, стремлением к миру воображаемому, фантазией, мечтательностью, вообще избытком чувств (в противовес рассудочности XVIII столетия). Байронизм — романтическое течение в литературе начала XIX в., возникшее под влиянием английского поэта Байрона и характеризующееся разочарованностью, пессимистическим отношением к жизни. Гегелизм — система философии Гегеля, а также идеалистических философских течений 1830–1840-х гг., исходивших из его учения и развивавших его идеи.

¹³³ Крымская война (1853–1856), война России с коалицией Османской империи, Великобритании, Франции и Сардинии.

¹³⁴ Квартальный (квартальный надзиратель) и становой — полицейские должности.

¹³⁵ Павлов Николай Филиппович (1803–1864), редактор-издатель газеты «Наше время» (1860–1863), субсидировавшей правительством; Громека Степан Степанович (1823–1877), сотрудник журналов «Русский вестник» (1857–1858) и «Отечественные записки» (с 1861).

¹³⁶ Ремизить — в карточной игре заставить партнера проиграть вследствие ремиза — недобора установленного числа взяток.

¹³⁷ Немецкий философ и естествоиспытатель Фохт (Фогт, Vogt) Карл (1817—1895) утверждал, что микроцефал-идиот есть переходная форма между человеком и обезьяной. Немецкий антрополог Блуменбах (Blumenbach) Иоганн Фридрих (1752—1840) в 1775 г. разработал теорию, по которой население земли делилось на пять рас; среди них была раса кавказская, или белая.

¹³⁸ Илья Муромец — один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса. Согласно былинам, богатырь Илья Муромец до 33-х лет (возраста, в котором погиб и воскрес Христос) «не владел» руками и ногами, а затем получил чудесное исцеление от старцев (или калик переходоших).

¹³⁹ Фурье (Fourier) Шарль Франсуа Мари (1772—1837) — французский утопический социалист. В работе «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Изобретение способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного по сериям страстей» (1829) Фурье называл «порочным кругом» буржуазной цивилизации тот факт, что бедность рождается из самого изобилия. В качестве выхода из «порочного круга» Фурье предлагал создание крупного производства, развитие науки и искусства, что должно было покончить с невежеством и «заблуждениями разума».

¹⁴⁰ Cercle vicieux — заколдованный круг (*фр.*)

¹⁴¹ Базаров — герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», разночинец-демократ, отрицающий уклад современной жизни во имя исправления общества; символическая фигура «нигилиста», естествоиспытателя, предпочитающего позитивное знание и реальное действие рефлексии, «чувству», — и в то же время способного к самоотвержению, нравственному подвигу. Писарев приводит базаровскую фразу из IX главы романа.

¹⁴² Рахметов — герой романа Чернышевского Н.Г. «Что делать?» (1863). По мнению Писарева, именно Рахметов представляет тип «особенного человека» (т.е. «новый тип»).

¹⁴³ Титан — выдающийся человек, отличающийся исполинской мощью ума и деятельности.

¹⁴⁴ Писарев использует сюжет басни Ивана Андреевича Крылова (1769—1844) «Лягушка и вол» (1808).

¹⁴⁵ Рывдан — большая дорожная карета. Писарев использует сюжет басни И.А. Крылова «Муха и дорожные» (1808).

¹⁴⁶ В данном случае Писарев впервые употребляет выражение «марьяшкин труд», ставшее затем фразеологизмом, как характеристику бесполезных усилий, напрасных стараний, ненужной или неэффективной и утомительной работы. В основе — сюжет басни И.А. Крылова «Обезьяна» (1811). Позавидовав возделывавшему землю крестьянину, за то что проходящие мимо благодарили его, она также возжелала похвал и принялась за дело, но вместо целеустремленной и плодотворной работы у нее вышла сплошная суета и пот.

¹⁴⁷ Трутень — лентяй, дармоед.

¹⁴⁸ Опущена глава III.

¹⁴⁹ Мотовство — расточительность; скряжничество — чрезмерная скупость.

¹⁵⁰ Эпикурейцы — склонные к чувственным удовольствиям; от учения древнегреческого философа Эпикура о том, что цель жизни есть наслаждение.

¹⁵¹ Третное жалование — вознаграждение, выдаваемое по третям (года), за каждые четыре месяца.

¹⁵² Фиаско — провал, полная неудача, неуспех.

¹⁵³ Писарев приводит в пример издания, рассчитанные на массового читателя при отсутствии ярко выраженной идеологической окраски. «Сын отечества» —

издававшиеся в Петербурге А.В. Старчевским еженедельный политический, научный и литературный журнал (с 1856 г.) и одноименная ежедневная газета (с 1862); «Развлечения» — издававшийся в Москве Ф.Б. Миллером еженедельный литературно-юмористический журнал с карикатурами (с 1859).

¹⁵⁴ Опущены главы V—XV.

¹⁵⁵ Табельные дни — праздничные дни, отмеченные в официальном перечне как неприсутственные, выходные дни.

¹⁵⁶ Откупы — система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определенную плату передает право их сбора частным лицам (откупщикам).

¹⁵⁷ Дивиденд — часть общей прибыли, причитающаяся на долю каждого участника какого либо коммерческого предприятия.

¹⁵⁸ Репетиллов — болтун; от ставшего нарицательным имени персонажа комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

¹⁵⁹ Декокт (от *лат.* “*decostum*” — отвар), лекарственная форма; то же, что отвар.

¹⁶⁰ Гумбольдт (Humboldt) Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник.

¹⁶¹ Речь идет о Дж. Геннеси, члене палаты общин, консерваторе. В феврале 1863 г. он выступил с требованием вмешательства в польские дела (Изложение этих парламентских прений было дано в «Современнике» — «Политика. Польский вопрос и европейская дипломатия» (1863. № 4).

¹⁶² Дж. Гарибальди был ранен 29 августа 1862 г. при Аспромонте в Калабрии во время похода корпуса добровольцев под его предводительством для освобождения Рима из-под власти папы. Взятый в плен войсками сардинского короля Гарибальди был посажен в крепость, но после митингов протеста, прошедших в ряде стран, был «помилван» и выслан на остров Капреру, где у него был участок земли.

¹⁶³ Роман В. Гюго “*Les Miserables*” («Отверженные») был завершен в 1861 г. и вышел год спустя в Брюсселе, где одно время жил писатель, вынужденный эмигрировать из Франции.

¹⁶⁴ В 1862 г. началась одна из многочисленных войн Черногории с турками.

¹⁶⁵ Пауперизм — нищета групп населения, отдельных людей, обусловленная кризисным состоянием общества, социальными бедствиями и др.

¹⁶⁶ Дебаркадер — станционная платформа.

¹⁶⁷ Лоретка — женщина легкого поведения (от названия квартала *Notre Dame de Lorette* в Париже).

¹⁶⁸ Писарев вольно передает разговор калиновских обывателей из драмы А.Н. Островского «Гроза» (д. 4, явл. I).

¹⁶⁹ Реляция — сообщение.

¹⁷⁰ Лексикон — словарь.

¹⁷¹ Парафраз суждений В.А. Зайцева в рецензии на издание сочинений М.Ю. Лермонтова (Русское слово. 1863. № 6), в которой соратник Писарева ернически разбирал поэму М.Ю. Лермонтова «Демон» (1838), находя «явную бессмыслицу» многих ее мест.

¹⁷² Писарев упоминает писателей-сатириков Василия Васильевича Капниста (1758—1823) и Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826—1889).

¹⁷³ *De fil en aiguille* — мало-помалу; по порядку (*фр.*).

¹⁷⁴ Писарев противопоставляет представителей гуманитарного знания, которое считает бесполезным, представителям «полезного» естествознания.

¹⁷⁵ Бэр (Ваер) Карл Эрнст фон (или, как его называли в России, Карл Максимович Бэр) (1792—1876) — один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, академик Петербургской АН, президент Русского энтомологического общества.

¹⁷⁶ Речь идет о книге английского ученого Льюиса (Lewis) Джорджа Генри (1817–1878) «Физиология обыденной жизни (Physiology of Common Life, 1859–1860).

¹⁷⁷ Писарев упоминает русских физиологов Овсяникова Филиппа Васильевича (1827–1906) и Якубовича Николая Мартыновича (1816–1879).

¹⁷⁸ Беклар (Beclard) Пьер (1785–1825) — французский анатом и хирург.

¹⁷⁹ Писарев упоминает русских физиологов Боткина Сергея Петровича (1832–1889) и Сеченова Ивана Михайловича (1829–1905).

¹⁸⁰ См. высказывание Базарова о «наших язвах» (гл. X романа «Отцы и дети»): «...все наши акционерные общества лопаются единственно оттого, что оказывается недостаток в честных людях».

¹⁸¹ Опущены главы XIX–XXII.

¹⁸² Алкивиад (Alkibiades) (ок. 450 — ок. 404 до н.э.) — афинский политический деятель и полководец. В ходе Пелопонесской войны добился организации военной экспедиции на Сицилию в 415–413 гг. до н.э. Отозванный из Сицилии на суд по обвинению в святотатстве, перешел на сторону Спарты, предав Афины.

¹⁸³ Гай Юлий Цезарь предпринял завоевание Галлии в 59 г. до н.э. — 51 г. до н.э.

¹⁸⁴ Александр Македонский, Александр Великий (356 г. до н.э. — 323 г. до н.э.) — царь Македонии. В 334 г. до н.э. вторгся в пределы государства Ахеменидов, в 331 г. до н.э. произошла решающая битва при Гавгамелах, после которой Персидская держава прекратила свое существование. После смерти Дария III в 330 г. до н.э. его титул царя Персидской империи легально (в глазах подданных империи) перешел к Александру. Началась новая эллинистическая эпоха в истории восточных государств.

¹⁸⁵ Мышинный жеребчик — молодой человек или старик, любящий волокаться за молодыми женщинами; старый волокита. Ср. у Н.В. Гоголя в «Мертвых душах»: «маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забегующие весьма проворно около дам» (Т. I, гл. 8).

¹⁸⁶ Имеется в виду баллада Г. Гейне «Тангейзер» (1837).

¹⁸⁷ Пигмалион — мифологический скульптор с о. Кипр, влюбившийся в изваянную им статую девушки Галатеи, которую, вняв его мольбам, оживила Афродита.

¹⁸⁸ Платонизм — здесь, платоническая любовь, отношения, основанные на духовном влечении, без всякой примеси чувственности (см. диалог «Пир» Платона).

¹⁸⁹ Опущены главы XXIV–XXIX.

¹⁹⁰ Ландкарта — географическая карта.

¹⁹¹ Аспидная доска — грифельная доска.

¹⁹² Курная изба — изба, топившаяся печью без дымохода.

¹⁹³ Коробочка — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», фольклорным источником которой стал образ бабы Яги.

¹⁹⁴ Кляуза — мелкое судебное дело.

¹⁹⁵ Данная характеристика соответствует фактам биографии самого Писарева, который стал с начала третьего курса (октябрь 1858) деятельным сотрудником журнала «Рассвет» и вел в нем библиографический отдел. В ряду естественнонаучных сочинений, которые Писарев пропагандировал в своем отделе, была работа французского физика и астронома Араго (Arago) Доминика Франсуа (1786–1853) «Гром и молния» (1853). С работы в журнале началась «умственная перестройка» Писарева.

¹⁹⁶ Бабине (Babinet) Жак (1794–1872) — французский физик и астроном.

¹⁹⁷ Ободовский Александр Григорьевич (1796–1852) — педагог, автор ряда учебников по географии для средней школы, из которых наиболее известны: «Учебная книга всеобщей географии» (СПб., 1844) и «Краткая всеобщая география» (СПб., 1849).

¹⁹⁸ Талызин Матвей Иванович (1784–1855) — профессор Педагогического института, автор «Руководства к математической и физической географии» (СПб., 1848).

¹⁹⁹ «Эпоха» — ежемесячный литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1864–1865 гг. М. М. и Ф. М. Достоевскими. Журнал проводил идеи почвенничества, близкие программе славянофилов. «День» — газета, издававшаяся Иваном Сергеевичем Аксаковым (1861–1865).

²⁰⁰ Статья Аверкиева Дмитрия Васильевича (1836–1905) «Университетские отцы и дети» (Эпоха. 1864. № 1–3) — полемический отклик на статью Писарева «Наша университетская наука».

²⁰¹ Писарев намекает на статью Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе» (Эпоха. 1864. № 7), опубликованную одновременно с извещением о смерти почитателя таланта А. Н. Островского — А. А. Григорьева (1822–1864).

²⁰² Кант (Kant) Иммануил (1724–1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии.

²⁰³ Имеется в виду работа П. Л. Лаврова «Три беседы о современном значении философии» (Отечественные записки. 1861. № 1; отд. изд. 1861).

²⁰⁴ Первое издание «Критики чистого разума» появилось в 1781 г.; труд Канта не сразу получил признание. В связи с этим Кант издал в 1783 г. «Пролегомены ко всякой будущей метафизике», где разъяснил основы своего учения, а в 1787 г. выпустил второе, дополненное издание своего главного труда. Вслед за тем появились две другие важнейшие работы Канта — «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

²⁰⁵ Популяризаторскую роль в усвоении обществом кантовских идей сыграли эстетические трактаты 1792–1796 гг. Ф. Шиллера, а также работа немецкого философа Рейнгольда (Rheingold) Карла Леонарда (1758–1823) «Письма о философии Канта» (1786–1787).

²⁰⁶ Бюхнер (Büchner) Людвиг (1824–1899) — немецкий врач, естествоиспытатель и философ, автор книги «Физиологические картины» (1861).

²⁰⁷ Подразумеваются брошюры Дебе (Debay) Огюста (1802–1890), вышедшие в 1840–1860-х гг. — «Гигиена и физиология брака: естественная и медицинская история мужчины и женщины в ее любопытнейших подробностях: новая теория человеческого произрождения: бесплодность, бессилие, несовершенство физические, средства к их устранению: специальная гигиена беременной женщины и новорожденного младенца» (рус. пер. в 3 ч. СПб., 1862–1863); «Гигиенические советы для предохранения организма от истощения» (рус. пер. СПб., 1863); «Популярная гигиена и физиология беременной женщины и новорожденного младенца...» (рус. пер. СПб., 1863), «Книга чудес или Физиология незримого мира, объясняющая таинственные и непостижимые для внешних чувств явления мира духов и внутренней жизни человеческой» (рус. пер. М., 1864) и др. — в которых весьма откровенно, в занимательной форме, имитирующей научно-популяризаторский подход, освещались вопросы половой жизни человека; а также книги де Жуванселя (Jouvencel) Поля (1817–1897) «Начала мира» (рус. перевод, СПб., 1862), «Жизнь» (рус. пер., СПб., 1864) и др., представляющие собой свод начальных сведений по естественным наукам, в которых был явно обозначен интерес автора к аномальным явлениям.

²⁰⁸ Первый том фундаментального труда немецкого зоолога, путешественника и просветителя Брема (Brehm) Альфреда Эдмунда (1829–1884) «Иллюстрированная жизнь животных» вышел в 1863 г. Замысел Писарева написать рецензию на эту книгу не был осуществлен.

²⁰⁹ Купер (Cooper) Джеймс Фенимор (1789–1851) — американский писатель; «Три мушкетера» (1844) — роман Дюма (Dumas) Александра (1802–1870).

²¹⁰ В 1862 г. у журнала «Время» братьев Достоевских было 4302 подписчика — немногим меньше, чем у катковского «Русского вестника» и некрасовского «Современника», но больше, чем у «Русского слова» и «Отечественных записок». 24 мая 1863 г. журнал «Время» был запрещен за статью Н.Н. Стрхова по поводу польских событий. Под названием «Эпоха» издание было возобновлено в марте 1864 г. Отрицательного отношения Писарева к журналу это не изменило.

²¹¹ Бентам (Bentham) Иеремия (1748–1832) — английский социолог, юрист, родоначальник одного из направлений в английской философии — утилитаризма. Писарев излагает смысл рассуждения Бентама, составляющего гл. XIX части четвертой его труда «Основные начала уголовного кодекса» (1811).

²¹² Писарев объединяет вымышленный персонаж из драмы «Гроза» А.Н. Островского — купчиху Кабанову с лицами реальными — Виктором Ипатьевичем Аскоченским и М.Н. Катковым.

²¹³ Геогност — ученый, исследующий образование земного шара.

Учебное издание

**Русская социально-политическая мысль
1850—1860-е годы
Хрестоматия**

Под общей редакцией *А.А. Ширинянца*

Редактор *И.В. Краснослободцева*
Оформление обложки *Ю.Н. Симоненко*
Технический редактор *Н.И. Матюшина*
Корректор *И.В. Луканина*
Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 13.09.2011. Формат 60×90 1/16.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56,0. Уч.-изд. л. 56,76. Тираж экз.
Изд. № 0000. Заказ №

Ордена «Знак Почета»

Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71
(495) 939-33-23 (*отдел реализации*)
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPub12005

Интернет-магазин: www.msupublishing.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В хрестоматию, составленную в соответствии с программой учебного курса «История социально-политических учений России», читаемого на факультете политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, вошли произведения К. С. Аксакова, А. И. Герцена, К. Д. Кавелина, Н. П. Огарева, Д. И. Писарева, Ю. Ф. Самарина, Н. Г. Чернышевского. Издание снабжено комментариями.

ISBN 978-5-211-06410-2

9 785211 064102